

99 $\frac{16}{132_{17}}$

ИРЛИ

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Т Р У Д Ы
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1 9 6 1   ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

Н. А. Казакова

Ответственный секретарь редакции

М. А. Салмина

242353

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Литературный этикет древней Руси

(к проблеме изучения)

Сообщение¹ мое посвящено одному весьма важному для развития русской литературы и русского литературного языка явлению, до сих пор не обращавшему на себя должного внимания литературоведов и языковедов. Явление это я условно предлагаю назвать литературным этикетом.

Феодализм времени своего возникновения и расцвета с его крайне сложной лестницей отношений вассалитета-сюзеренитета создал чрезвычайно развитую обрядность: церковную и светскую. Взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемонии, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека.

Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство. Изображения святых в живописи в какой-то степени подчиняются этикету: иконописные подлинники предписывают изображение каждого святого в строго определенных положениях со всеми присущими ему атрибутами; то же касалось и изображения событий из их жизни или событий священной истории.

Как известно, этикет феодального двора в широкой степени повлиял на иконографические сюжеты. «В своем исследовании „L'Empereur dans l'art byzantin“ (Paris, 1936) проф. А. Н. Грабар, — пишет В. Н. Лазарев, — убедительно показал, насколько тесно византийская иконография была связана с позднеантичным культом императора. Римский придворный ритуал, впитавший в себя множество восточных элементов, несомненно повлиял на процесс сложения основных иконографических типов. Так, образ восседающего на троне императора оказался претворенным в христианской иконографии в образ восседающего на троне Христа; изображение императорского трона легло в основу Этимассии; сцена посвящения императором чиновника в сан сделалась исходной точкой для таких сюжетов, как коронование Христом святого, либо передача Христом закона апостолу Петру; сцена поклонения императору была переработана в сцену поклонения апостолов Христу, а позднее в „Деисус“ и в „Страшный суд“; сцена принесения варварами даров императору — в сцену поклонения волхвов; сцена триумфального шествия императора — в сцену входа в Иерусалим; сцена освобождения императором народа, города либо провинции — в сцену освобождения Христом из ада Адама

---

¹ В сокращении доклад был прочитан на Международной конференции по поэтике в Варшаве в августе 1960 г.

и т. д. Прославление Христа как властителя мира и победителя смерти способствовало широкому усвоению христианским искусством „императорской“ иконографии и символики, особенно ее „триумфальных“ вариантов. На ранних этапах развития „императорская“ иконография и христианская иконография вели раздельное существование. Позднее они сливаются. По мере укрепления византийского придворного церемониала и его распространения на периферии его воздействие на религиозное искусство должно было становиться все более сильным. На этой почве и сложились те образы Марии и Христа, в которых они приравняются к царице и царю».²

Помимо живописи этикет может быть вскрыт в строительном искусстве средневековья и в прикладном, в одежде и в теологии, в отношении к природе и в политической жизни. Это была одна из основных форм идеологического принуждения в средние века.

Если мы обратимся к литературе и литературному языку эпохи раннего и развитого феодализма, то и тут обнаружим ту же склонность к этикету. Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой.

Поясню. В. О. Ключевский подобрал довольно много формул, якобы специально присущих житийному жанру.³ А. С. Орлов сделал то же самое для жанра воинской повести.⁴ Нет нужды перечислять эти формулы; они хорошо известны каждому специалисту: «за руки ся емлюще сечаху», «по удолиям кровь течаше яко река», «стук и шум страшен бысть, аки гром», «бьяшеса крепко и нещадно, яко и земли постонати», «и поидоше полци, аки борове» и т. д. Однако ни А. С. Орлов, ни В. О. Ключевский не обратили внимания на то обстоятельство, что и «житийные формулы», и «воинские формулы» постоянно встречаются вне житий и вне воинских повестей, например в летописи, в хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и в посланиях. Это весьма важно, ибо не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор «формул», а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул. Раз речь заходит о святом — житийные формулы обязательны, будет ли о нем говориться в житии, в летописи или в хронографе. Эти формулы подбираются в зависимости от того, что говорится о святом, о каком роде событий повествует автор. Точно так же обязательны воинские формулы, когда рассказывается о военных событиях — в воинской повести или в летописи, в проповеди или в житии. Есть формулы, применяемые к выступлению в поход своего князя, другие — в отношении врага, формулы, определяющие различные моменты битвы, победу, поражение, возвращение в свой город и т. д. Воинские формулы могут встречаться в житии, житийные формулы — в воинской повести, те и другие — в летописи или в поучении. Легко убедиться в этом, пересмотрев любую летопись: Ипатьевскую, Лаврентьевскую, одну из новгородских и др. Один и тот же летописец не только применяет

² В. Н. Лазарев. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века. — Ежегодник Института истории искусства М., 1957, стр. 255, ср. стр. 256.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁴ А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР, 1902, кн. IV, стр. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVIII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 4, и др.

различные «формулы» — житийные, воинские, некрологические и т. д., но по несколько раз меняет всю манеру, стиль своего изложения в зависимости от того, пишет ли он о сражении князя или о его смерти, передает ли содержание его договора или рассказывает о его женитьбе.

Меняется и самый язык, которым автор пишет. Легко заметить различия в языке одного и того же писателя: философствуя и размышляя о бренности человеческого существования, он прибегает к церковнославянизмам, рассказывая о бытовых делах — к народноруссизмам. Литературный язык отнюдь не один. В этом нетрудно убедиться, перечитав «Почтение» Мономаха: язык этого произведения «трехслоен» — в нем есть и церковнославянская стихия, и деловая, и народно-поэтическая (последняя, впрочем, в меньших размерах, чем первые две). Если бы мы судили об авторстве этого произведения только по стилю, то могло бы случиться, что мы приписали бы его трем авторам. Но дело в том, что каждая манера, каждый из стилей литературного языка и даже каждый из языков (ибо Мономах пишет и по-церковнославянски, и по-русски) употреблен им, со средневековой точки зрения, вполне уместно, в зависимости от того, касается ли Мономах церковных сюжетов (в широком смысле), своих походов или душевного состояния своей молодой снохи. Для вопроса об этикете чрезвычайно важно положение Л. П. Якубинского, что «церковнославянский язык Киевской Руси X—XI вв. был ограничен, отличался от древнерусского народного языка не только в действительности... но и в сознании людей».⁵ Действительно, наряду с бессознательным стремлением к ассимиляции церковнославянского и древнерусского языка следует отметить и противоположную тенденцию — к диссимилиации. Именно этим объясняется то обстоятельство, что церковнославянский язык, несмотря на все ассимиляционные процессы, дожил до XX в. Церковнославянский язык постоянно воспринимался как язык высокий, книжный и церковный. Выбор писателем церковнославянского языка или церковнославянских слов и форм для одних случаев, древнерусского — для других, а народно-поэтической речи — для третьих был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному литературному этикету. Церковнославянский язык неотделим от церковного содержания, народно-поэтическая речь — от народно-поэтических сюжетов, деловая речь — от деловых. Церковнославянский язык постоянно отделялся в сознании писателей и читателей от народного и от делового. Именно благодаря сознанию, что церковнославянский язык — язык «особый», могло сохраняться и самое различие между церковнославянским языком и народным. Любопытно, однако, что при всей устойчивости сознания «особности» церковнославянского языка содержание этого сознания менялось. До XVII в. церковнославянский язык был прежде всего языком церковным, но в XVIII и XIX вв. отдельные церковнославянизмы «секуляризировались», они стали признаком высокого, поэтического языка вообще. До XVIII в. всякий торжественный стиль был до известной степени окрашен церковностью. Поэтому даже светские торжественные сюжеты, изложенные церковнославянским языком, приобретали этот церковный характер. В XVIII в. церковнославянский язык мог уже употребляться для чисто светских сюжетов, не окрашивая их церковностью. Точно так же менялось представление об «особности» делового языка. Было бы чрезвычайно важно изучить в будущем историческую изменяемость содержания этого сознания «особности» того или иного языка.

⁵ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 102—103.

Для нас важно, однако, следующее: употребление церковнославянского языка явно подчинялось в средние века этикету, церковные сюжеты требовали церковного языка.

Этот средневековой этикет в употреблении соответствующего языка или стиля языка наблюдался не только на Руси. Он еще значительнее в средневековых литературах многих других стран. Вот почему нам, вслед за Л. П. Якубинским, представляется совершенно неправильным следующее положение А. А. Шахматова, занимающее центральное место в его концепции происхождения и развития русского литературного языка, что церковнославянский язык «с первых же лет своего существования на русской почве стал не удержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка».⁶ Нет нужды приводить примеры сознательного стремления к разграничению церковнославянского и русского языка, церковнославянских и русских форм. В основе этих разграничений лежат требования литературной обрядности, подчиняющие себе соображения стилистического порядка.

*

Итак, требования литературного этикета порождают стремление к разграничению употребления церковнославянского языка и русского во всех его разновидностях; эти же требования вызывают появление различных формул — воинских, житийных и пр.

Однако литературный этикет не может быть ограничен явлениями словесного выражения. В самом деле, не все из того, что было отмечено А. С. Орловым в качестве словесных формул, является действительно явлением только словесным. Так, например, среди различных «воинских формул» А. С. Орлов упоминает «помощь небесной силы» русскому войску, эта помощь может осуществляться по-разному: враги то «гонимы гневом божим», то «гневом божим и святой богородицы»; иногда бог влагает страх в сердца врагов; иногда враги бывают гонимы «невидимо силою», а иногда ангелами и т. д.⁷ Это трафарет ситуации, а не словесного ее выражения. Словесное выражение этого трафарета может быть различным, точно так же как и различных других трафаретов ситуации в описании собирания, выступления войска и нападения, в описании жизни святого — его рождения от благочестивых родителей, удаления в пустыню, подвигов, основания монастыря, благочестивой смерти и посмертных чудес.

Дело, следовательно, не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателями именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям: князь молится перед выступлением в поход, его дружина обычно малочисленна, тогда как войско противника громадно и враг выступает «в силе тяжце», «пыхая духом ратным» и т. д.

Литературные каноны ситуаций могут быть продемонстрированы хотя бы на «Чтении о жигии и о погублении Бориса и Глеба». Как и большинство литературных произведений средневековья, «Чтение» от на-

⁶ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 61. (Разрядка моя, — Д. Л.).

⁷ А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 37—49.

чала и до конца пронизано обостренным чувством этикета. Описывая жизнь Бориса и Глеба, автор стремится заставить их вести себя так, как надлежит вести себя святым. Он вкладывает в их уста пространные выражения кротости и благочестия, описывает их покорность старшему брату — Святополку, их отказ от сопротивления убийцам, объясняет те из их поступков, которые несколько расходятся с общепризнанным представлением о святости (например, женитьбу Бориса). Распределяя роли своим действующим лицам, автор озабочен подысканием шаблона: Владимир — второй Константин, Борис — Иосиф Прекрасный, Глеб — Давид, Святополк — Каин, и т. д. Киевляне при крещении ведут себя совершенно «прилично». Все идет креститься и «ни поне единому супротивлящуся; но аки издавна научены, тако течаху, радующеся, к крещению».⁸ Эти слова знаменательны: люди ведут себя как «издавна» наученные — благовоспитанность ведь дается именно научением и воспитанием. Они «радуются» — этого также требует благовоспитанность. Борис, как только становится «в разуме», ищет образцов для подражания. Он обращается к богу с молитвой: «Владыко мой, Иусе Христе, сподоби мя, яко единого от тех святых, и даруй ми по стопам их ходити».⁹ Это молитва об этикете, и она вложена в уста Бориса также по этикету — житийному. Этикетна, следовательно, даже сама просьба о соблюдении этикета.

Откуда берется этот этикет ситуаций? Здесь предстоит произвести многие разыскания: часть этикетных правил взята из жизненного обихода, из реальной обрядности, часть создана в литературе. Примеры жизненно-реального этикета многочисленны. Здесь в основном этикет церковный и княжеский (верхов феодального общества). Так, например, в цитированном уже нами «Чтении о житии и о погублении Бориса и Глеба», когда Владимир посылает Бориса против печенегов, Борис прощается с отцом по этикету своего времени: «Блаженный же пад поклонися отцю своему и облобыза честней ноге его, и паки въстав, обуим выю его, целоваше с слезами».¹⁰ Агиограф конца XI в. не был свидетелем этого прощания и не мог найти описания его в предшествующих устных и письменных материалах: он сочинил эту сцену, исходя из представлений о том, как она должна была бы совершиться, принимая во внимание благовоспитанность и идеальность обоих действующих лиц.

Большинство «распространений» предшествующих редакций именно этого рода. Характерный пример: появление описания похорон Евпатия Коловрата в одной из редакций XVI в. Повести о Николе Заразском. Этого описания не было в первых редакциях, оно создано на основе обряда и обычая в XVI в., когда в силу ряда причин явилась потребность почтить главного героя Повести пышными похоронами.¹¹

Характерно, что взятым из жизни, из реальных обычаев этикетным нормам подчинялось только поведение идеальных героев. Поведение же злодеев, отрицательных действующих лиц этому этикету не подчинялось. Оно подчинялось только этикету ситуации — чисто литературному по своему происхождению. Поэтому поведение злодеев не поддавалось этикетной конкретизации в той же мере, как и поведение идеальных героев. Поведение злодеев более отвлеченно, в их уста реже вкладываются вымышленные речи. Злодеи идут рыкающе, «аки зверие дивии, поглотити

⁸ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 333.

хотяще праведнаго».¹² Они сравниваются со зверями и, как звери, не подчиняются реальному этикету, но само сравнение их со зверями — литературный канон, это повторяющаяся литературная формула. Здесь литературный этикет целиком рождается в литературе и не заимствуется из реального быта.

Стремлением подчинять изложение этикету, создавать литературные каноны можно объяснить и обычный в средневековой литературе перенос отдельных описаний, речей, формул из одного произведения в другое. В этих переносах нет сознательного стремления обмануть читателя, выдать за исторический факт то, что на самом деле взято из другого литературного произведения. Дело просто в том, что из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые должны были бы произвестись в данной ситуации, поступки, которые должны были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах, авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю, и т. д. Писатель считает, что этикетом целиком определялось поведение идеального героя, и он воссоздает это поведение по аналогии.

Так оправдываются, например, заимствования в Житии Довмонта из Жития Александра Невского. Заимствования эти идут в первую очередь по линии соблюдения этикета. Сборы на врагов — этикетный момент, и Довмонт выступает в поход так же, как и Александр Невский. Довмонт падает на колено перед алтарем, как Александр; молится, как Александр; получает благословение от игумена, подобно тому как Александр получает его от архиепископа; идет на врагов «с малою дружиною», как и Александр.

Есть разные формы идеализации в литературе. Определяя художественный метод древнерусской литературы, недостаточно сказать, что он клонился к идеализации. Идеализация средневековая в значительной степени подчинена этикету. Этикет в ней становится формой и существом идеализации. Этикет же объясняет заимствования из одного произведения в другое, устойчивость формул и ситуаций, способы образования «распространенных» редакций произведений, отчасти интерпретацию тех фактов, которые легли в основу произведений, и мн. др.

Древнерусский писатель с непоколебимой уверенностью влагал все исторически происшедшее в соответствующие церемониальные формы, создавал разнообразные литературные каноны. Житийные, воинские и прочие формулы, этикетные саморекомендации авторов, этикетные формулы интродукции героев, приличествующие случаю молитвы, речи, размышления, формулы некрологических характеристик и многочисленные требуемые этикетом поступки и ситуации повторяются из произведения в произведение. Авторы стремятся все ввести в известные нормы, все классифицировать, сопоставить с известными случаями из священной истории, снабдить соответствующими цитатами из священного писания и т. д. Средневековый писатель ищет прецедентов в прошлом, озабочен образцами, формулами, аналогиями, подбирает цитаты, подчиняет события, поступки, думы, чувства и речи действующих лиц и свой собственный язык заранее установленному «чину». Если писатель описывает поступки князя — он подчиняет их княжеским идеалам поведения; если перо его живописует святого — он следует этикету церкви; если он описывает поход врага Руси — он и его подчиняет представлениям своего времени о враге Руси. Воинские эпизоды он подчиняет воинским пред-

¹² Д. И. Абрамов и ч. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им, стр. 10.

ставлениям, житийные — житийным, эпизоды мирной жизни князя — этикету его двора и т. д. Писатель жаждет ввести свое творчество в рамки литературных канонов, стремится писать обо всем «как подобает», стремится подчинить литературным канонам все то, о чем он пишет, но заимствует эти этикетные нормы из разных областей: из церковных представлений, из представлений дружинника-воина, из представлений придворного, из представлений теолога и т. д. Единства этикета в древней русской литературе нет, как нет и требований единства стиля. Все подчиняется своей точке зрения. Воинские эпизоды описываются писателем согласно представлениям воина об идеальном воине, житийные — согласно представлениям агиографа. Он может переходить от одних представлений к другим, всюду стремясь писать согласно «приличествующим случаю» представлениям, в «приличествующих случаю» словах.

Из чего складывается этот литературный этикет средневекового писателя? Он складывается: 1) из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий, 2) из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению, и 3) из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный. Все вместе сливается в единую нормативную систему, как бы предустановленную, стоящую над автором и не отличающуюся внутренней целостностью, поскольку она определяется извне — предметами изображения, а не внутренними требованиями литературного произведения.

Было бы неправильным усматривать в литературном этикете русского средневековья только совокупность механически повторяющихся шаблонов и трафаретов. Все дело в том, что все эти словесные формулы, стилистические особенности, определенные, повторяющиеся ситуации и т. д. применяются средневековыми писателями вовсе не механически, а именно там, где они требуются. Писатель выбирает, размышляет, озабочен общей «благообразностью» изложения. Самые литературные каноны варьируются им, меняются в зависимости от его представлений о «литературном приличии». Именно эти представления и являются главными в его творчестве. Вот почему мы предпочитаем говорить о «литературном этикете», а не просто о литературных трафаретах и шаблонах, которые, кстати сказать, могут не только творчески меняться, но и вовсе отсутствовать в повествовании о том или ином сложном событии. Шаблон и трафарет, воинская формула или шаблонная ситуация — это только часть литературного этикета, при этом иногда не самая даже главная.

Перед нами творчество, а не механический подбор трафаретов, — творчество, в котором писатель стремится выразить свои представления о должном и приличествующем.

Литературный этикет русского средневековья нуждается в своем изучении прежде всего как явления идеологии, мировоззрения, идеализирующих представлений о мире и обществе. Если мы станем изучать литературные каноны — все эти воинские формулы, формулы житийные, этикетные положения и т. д. — вне охватывающего их литературного этикета и мировоззрения, мы не уйдем дальше элементарного состава карточки литературных канонов и не поймем претерпеваемых этими литературными канонами изменений, не поймем мы и эстетической ценности литературы, с ними связанной.

Итак, изучение литературных канонов русского средневековья, начатое трудами В. О. Ключевского и А. С. Орлова, должно быть, во-первых, значительно расширено (помимо словесных формул следует изучать

нормы выбора языка и стиля, литературные каноны в построении сюжета, отдельных ситуаций, характера действующих лиц и т. д.), а, во-вторых, самые литературные каноны необходимо рассматривать как следствие этикетности средневекового мировоззрения и объяснять их в связи со средневековыми представлениями о должном.

*

Система литературного этикета и связанных с нею литературных канонов продержалась в древней русской литературе несколько веков. В конце концов эта система тормозила развитие литературы, вела к некоторой косности литературного творчества, хотя никогда не подчиняла его окончательно. В частности, так называемые элементы реалистичности в древней русской литературе, наличие которых усматривается в ряде древнерусских повестей о феодальных преступлениях (в рассказах об ослеплении Василька Тербовальского, убийстве Игоря Ольговича, преступлении Владимирки Галицкого, убийстве Андрея Боголюбского, смерти Владимира Васильевича Волынского, ослеплении Василия II Дмитриевича, смерти Дмитрия Красного и т. д.),¹³ являются нарушением литературных канонов. Эти нарушения постепенно нарастают. В литературе исподволь развиваются силы, которые боролись с литературным этикетом, с литературными канонами, вели к их разрушению.

Как произошло падение системы литературных канонов? Процесс этот очень интересен. С образованием Русского централизованного государства литературный этикет, казалось бы, не только не ослабевает, но, напротив, становится необыкновенно пышным. Возьмем, например, воинские формулы «Казанской истории», «Летописца начала царствования», «Степенной книги» или «Повести о взятии Пскова Стефаном Баторием». Они значительно пространнее и вычурнее, чем в Ипатьевской летописи. Авторы не довольствуются их краткой устойчивой формой. Они вводят различного рода «распространения», стремятся к соединению пышности с наглядностью и т. д. Но в результате такого рода разрастания литературных канонов теряется их устойчивость.

Разрушение литературных канонов совершилось одновременно с пышным развитием этикета в реальной жизни. Изучение зависимости разрушения литературных канонов от подъема этикета в государственной практике представляет очень большой интерес для литературоведения.

В самом деле, обрядовая сторона жизни Русского государства достигла очень большой степени развития в XVI в. Литература вынуждена была воспроизводить содержание разрядных книг, чина венчания на царство, описывать сложные церемонии. Литературе как искусству угрожала серьезная опасность. Одновременно писатели стремятся поэтому оживить церемониальную сторону своих описаний реально наблюдаемыми подробностями. Усложнение этикета встречается с ростом реалистических элементов в литературе, о причинах которого не место говорить в данном сообщении.

Это парадоксальное сочетание усложнения литературного этикета с усилением элементов реалистичности отчетливо заметно, например, в «Казанской истории». Вот как описывается в ней открытие заседания боярской думы. Бояре садятся на свои места (согласно местническим тра-

¹³ Об элементах реалистичности и их происхождения я говорю в статье «Об одной особенности реализма» (Вопросы литературы, 1960, № 3).

дициям) и произносят подобающие случаю речи. Перед выступлением русских войск устраивается их смотр, воины являются «изодевшиеся в пресветлая своя одеяния и со всеми отроки своими, тако же и дробрыя своя коня во утварех красных ведуще» и особо подчеркивается, что все было именно так, «яко до стоит быти на ратех воеводам»,¹⁴ т. е. что все совершилось согласно этикету. Но вот то обстоятельство, что собранного в Москву войска было так много, что в городе не было места ни по улицам, ни «по домам людским» и приходилось размещаться около посадов «по полю и по лугом в шатрах своих», а царь наблюдал за прохождением войска, стоя «на полатных своих лествицах»,¹⁵ — это уже детали, жизненно наблюдаемые и никаким этикетом не предусмотренные.

Точно так же происходит столкновение развития этикета с развитием склонности конкретизировать изложение в прямой речи.

Речь Грозного к своим воеводам в «Казанской истории» в точности воспроизводит отдельные формулы из обращения русских князей к дружинникам перед битвами, но, в отличие от кратких княжеских ободрений XII—XIII вв., речь Грозного пышна и пространна, отдельные формулы конкретизированы, сравнения развиты, им придана наглядность, смысл их разъяснен.¹⁶

Этим же путем идет и подновление этикетных формул. Так, например, формула «яко по удолиям крови тещи» приобретает зрительно представимые черты: «яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по низким местом и очерленеваше землю».¹⁷

Обобщая, можно сказать, что явления литературного этикета стремятся в XVI—XVII вв. к увеличению, к возрастанию и тем самым от состояния организации и дифференциации переходят в состояние смешения и слияния с окружающими формами. Устойчивый и компактный вначале, этикет становится затем все более пышным и одновременно расплывчатым и постепенно растворяется в новых литературных явлениях XVI и XVII вв. И это отнюдь не вследствие «внутренних законов» развития литературы и литературного языка. Происходит крушение этикетности вообще, связанное с изменениями существа порождающего ее феодализма.

Дело в том, что с образованием централизованного государства пышность этикета возрастает, однако этикет перестает быть жизненно необходимой для феодализма формой идеологического принуждения: в централизованном государстве формы принуждения достаточно разнообразны и надежны. Нужна пышность этикета, но не очень необходима его принудительность. Из явления принуждения этикет стал явлением оформления государственного быта. Процесс падения литературного этикета совершается поэтому и другим путем: этикетный обряд существует, но он отрывается от ситуации, его требующей; этикетные правила, этикетные формулы остаются и даже разрастаются, но соблюдаются они крайне неумело, употребляются «не к месту», не в тех случаях, когда это нужно. Этикетные формулы применяются без того строгого разбора, который был характерен для предшествовавших веков. Формулы, описывающие действия врагов, применяются к русским, а формулы, предназначенные для русских, — к врагам. Расшатывается и этикет ситуации. Русские и враги ведут себя одинаково, произносят одинаковые речи, одинаково описываются действия тех и других, их душевные переживания.

¹⁴ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 117.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 137—138.

¹⁷ Там же, стр. 156.

Яркие примеры этих смешений литературного этикета дает одно из лучших литературных произведений XVI в. — «Казанская история». Разительное нарушение литературного этикета представляет собой в «Казанской истории» описание выступления русского войска из Коломны. Автор «Казанской истории» говорит о русском войске в образах, которые раньше можно было применить только к войску врага: русских воинов было так много, как у вавилонского царя, когда он наступал на Иерусалим; и пророчествова Иеремея: от яждения бо, рече, громов колесниц его, и от ступания коней и слонов его потрясая земля, сице бысть zde. И поиде царь князь великий чистым полем великим х Казани со многими языцы реченными, служащими ему, с Русью, и с татары, и с черкасы, и с мордвою, и со фряги, и с немцы, и ляхи, в силе велице и тяжце зело, треми пути, на колесницах и на конех, четвертым же путем реками, в лодиях, вода с собою воя шире Казанския земли».¹⁸ Перед нами описание выступления врага Русской земли с «двунадесятьми языками», но отнюдь не великого князя русского с русским войском. Элементы этого описания взяты из описания нахождения Батые на Киев в Ипатьевской летописи.¹⁹

Царь Иван Грозный подступает к Казани «не худеше Антиоха явленнаго егда прииде Иерусалим пленовати».²⁰ Правда, автор «Казанской истории» делает оговорку: «но он (Антиох, — Д. Л.) неверен и поган, и хотяше закон жидовский потребити, и церков божию осквернити и разорити, се же (Иван Грозный, — Д. Л.) верный и на неверных и за беззаконие к нему и за злодеяние их прииде погубити их»,²¹ но оговорка эта не спасает неловкости, и дальнейшее описание прихода русских войск под Казань прямо напоминает обычные подступы вражеского войска на Русь: «И наполни (Грозный, — Д. Л.) всю Казанскую землю воями своими, конники и пещды; и покрышася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще и на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиение человеческая велика, и кровми поляся варварьская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми. Земля бо бе Казанская реками, и езерами, и блаты велми наводнена. За согрешение же к богу казанских людей лета того ни едина капля дожда с небеси на землю не паде: от солнечнаго бо жара непроходныя тыя места, дебри, и блата, и речица вся преизхоша; и полцы рустии по всей земле непроходными пути, безнужно яздыху, кои любо камо хотяше, и стадо скотия предугоняху».²² Этот своеобразный плач по Казанской земле представляет собой неслыханное нарушение этикета, и нарушение это не единственное; подобные нарушения встречаются на каждом шагу: воинские формулы сохранены, но применяются они и к своим, и к врагу без особого разбора. Литературная «воспитанность» автора «Казанской истории» ограничивается немногими оговорками, подчеркивающими его сочувствие русским, — и только.

Сходство Ивана Грозного с врагом увеличивается от того, что, подступив к Казани, Иван дивится ее красоте, так же как Меньгу-хан дивился

¹⁸ Там же, стр. 124.

¹⁹ Ср. в Ипатьевской летописи под 1240 г. (ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стлб. 784): «и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревення вельблуд его, и рыжания от гласа стад конь его. И бе исполнена земля руская ратных»

²⁰ Казанская история, стр. 127.

²¹ Там же.

²² Там же.

красоте Киева: «и смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев, и удивися необычной красоте стен и крепости града».²³

Как в «Повести о разорении Рязани Батыем», казанцы бьются на вылазках против русских «един бо казанец бияшеса со сто русинов, и два же со двема сты».²⁴

Описание приступа русских войск к Казани напоминает описание осады Рязани Батыем: русские приступают к Казани день и ночь 40 суток «не даючи от труда поспати казанцем, и многи козни стенобитныя замышляючи, и много трудяшеса, аво тако, ово инако, инии же что успеха и чем же град вредиша; но яко великая гора каменная, твёрда стояху град и недвижимо никуда же, от силнаго биения пушечного ни шатався, ни позыбаяся. И недомышляхуса стенобитнии бойцы, что сотворити граду».²⁵

Речи казанцев необычны для врагов. Они исполнены воинской доблести и мужества, верности родине, ее обычаям и религии. Казанцы говорят друг другу, укрепляя себя на брань: «Не убоимся, о храбрый казанцы, страха и прещения московскаго угауби (так!) и многия его силы руския, аки моря биющагося о камень волнами и аки великаго леса шумяща напрасно, селик имуще град наш тверд и велик, ему же стены высокоя и врата железная и люди в нем удалы велми, и запас мног и доволен стати на десять лет в прекормление нам. Да не будем отметницы добрыя веры нашия срацынска и не пощадим пролити крови своея, да ведоми не поидем в плен работати иноверным за чюжей земли, христианом, по роду меньшим нас и украдшим благословение».²⁶

В уста казанцев вкладываются формулы плача Ингваря Ингоревича²⁷ из «Повести о разорении Рязани Батыем».

Отчаяние казанцев описывается так, как раньше описывалось бы только отчаяние русских. Казанцы говорят: «где есть ныне сокроемся от злыя Руси. Придоша бо к нам гости немилыя и наливают нам пити горькую чашу смертную». Правда, неловкость такого лирического отношения к душевным переживаниям врагов смягчается последующими словами о «горькой чаше», которую в свою очередь казанцы заставляли когда-то пить «злую Русь»: «ею же (т. е. чашей этою) мы иногда часто чёрпахом им, от них же ныне сами тая же горькия пития смертныя неволею испиваем».²⁸

Нарушения этикета простираются до такой степени, что враги Руси молятся православному богу²⁹ и видят божественные видения,³⁰ а русские совершают злодеяния, как враги и отступники.³¹

²³ Там же. Ср. в Ипатьевской летописи под 1237 г. (ПСРЛ, т. II, стлб. 782): «видив град (Киев, — Д. Л.) удивися красоте его и величеству его».

²⁴ Там же, стр. 131. Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Един (язанец, — Д. Л.) бьяшеса с тысящей, а два со тмою» (ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 290).

²⁵ Там же, стр. 136—137. Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И обступша (Батый, — Д. Л.) град (Рязань, — Д. Л.) и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а граждане непременно бьяшеса. И многих граждан побиша, а инех узвиша, а инии от великих трудов изнемогша» (ТОДРЛ, т. VII, стр. 292).

²⁶ Там же, стр. 146. «Угауби» — по-видимому переданные тайнописью бранное выражение.

²⁷ Там же, стр. 152—153. Ср. отдельные выражения с плачем Ингваря Ингоревича (ТОДРЛ, т. VII, стр. 297—299).

²⁸ Там же, стр. 153.

²⁹ Там же, стр. 51.

³⁰ Там же, стр. 130—131, 154.

³¹ Там же, стр. 155—157.

Эти странные нарушения этикета можно было бы попытаться объяснить тем, что автор «Казанской истории» был пленником в Казани и, может быть, даже тайным сторонником казанцев, но уместно напомнить, что автор «Повести о взятии Царьграда» XV в. — Нестор Искандер был также пленником у турок, но ни одного случая нарушения литературного этикета у последнего наоблюсти невозможно. Сочувствие же автора «Казанской истории» русским и Грозному не вызывает сомнений.³² Да и самое количество списков «Казанской истории», обращавшихся среди русских читателей, свидетельствует о том, что перед нами произведение, отнюдь не враждебное русским.

Нарушения литературного этикета в «Казанской истории» имеют сходство с нарушениями единства точки зрения на действующих лиц в Хронографе 1617 г. Автор «Казанской истории» смешивает этикет в отношении русских и их врагов, подобно тому как автор Хронографа 1617 г. совмещает дурные и хорошие качества в характеризруемых им лицах.³³ И тут и там разрушается примитивно морализующее отношение к объекту повествования, с тем только различием, что в Хронографе 1617 г. это разрушение проведено глубже и последовательнее.

Итак, разрушение системы литературного этикета началось еще в XVI в., но целиком эта система не была разрушена ни в XVI, ни в XVII в., а в XVIII в. частично заменена другой. Особо отметим, что разрушение этикета совершалось прежде всего в светской части литературы. В сфере церковной литературный этикет был нужнее, и здесь он сохранялся дольше, хотя Аввакум и устраивает против него настоящий бунт, впрочем больше похожий на самосожжение, ибо литературный эффект этого бунта против этикета мог существовать только до той поры, пока продолжал еще существовать и сам литературный этикет, питавший в этом отношении его творчество.

*

Литературный этикет древней Руси и связанные с ним литературные каноны нуждаются во внимательном изучении. Многие вопросы литературной формы смогут быть объяснены в результате исследования этого специфического для средневековья явления. В данном сообщении мы ограничились самой предварительной постановкой вопроса, отнюдь не исчерпав всех тех проблем, которые возникают в связи с данной темой. Предстоит еще произвести много частных и общих исследований, прежде чем вопрос этот станет более или менее ясным как предмет изучения.

В частности, чрезвычайно важно внимательно изучить и противоборствующие литературному этикету явления, разрушающие литературные каноны, ибо художественные методы средневековья чрезвычайно разнообразны и не могут быть сведены только к идеализации, только к нормативным требованиям, а тем более к литературному этикету и литературным канонам. Всякого рода категорические и ограничивающие суждения были бы здесь только вредны. Следует стремиться видеть явления литературного этикета и литературных канонов во всей широте, разнообразии, но и не преувеличивать их значения в средневековой литературе.

³² Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 266—288.

³³ Д. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 15—22

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы¹

Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе гораздо сложнее, чем в литературе нового времени. Здесь много неясного в самой своей основе: что называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т. д.

Прежде всего — что называть произведением в древней русской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов?

В решении этой проблемы есть специфические трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших одновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников.

Известно, что летописи представляют собой своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями под каждым годом отдельно.

Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по раслаиванию летописи и по ее хронологизации.

Точно такое же соединение многих мелких авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. д.

Житие святого также представляет собой по большей части соединение работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житиях святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принадлежали различным авторам. Но и основной текст жития часто «украшен», составлен на основе первоначального, «неукрашенного», и частично сохраняет этот первоначальный текст.

Очень трудно, например, отделить работу Епифания Премудрого от работы Пахомия Серба в Житии Сергия Радонежского.² Даже в тех слу-

¹ В данной статье рассматриваются вопросы атрибуции только тех произведений, авторы которых были неизвестны. Вопросы установления авторства подделок в данной статье не рассматриваются, они должны составить предмет особой работы.

² В. П. Зубов. Елифанчй Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») — ТОДРЛ, т. IX М.—Л., 1953, стр. 145—158.

чаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную, творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников и обработки фольклорного или письменного материала.

Здесь мы подходим еще к одному сложному вопросу: как отделить работу автора от работы редактора. Дело в том, что один и тот же автор часто выступает при создании своего произведения и как автор — для тех частей произведения, которые он пишет самостоятельно, — и как редактор — для тех частей, где он только обрабатывает предшествующие источники и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских книжниках вообще или о компиляторах, сводчиках, летописцах и т. д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие автора оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений. Понятие «автор» даже в большей степени неопределенно, чем понятие «авторский текст».

Древняя русская литература в отношении к авторству своих произведений занимает промежуточное положение между коллективным народным творчеством и индивидуальным творчеством нового времени. Коллективное начало в ней очень сильно, текст произведений неустойчив, подвижен, а понятие авторской собственности весьма своеобразно.

Исследователь древней русской литературы, решая вопрос об авторстве, вынужден не отделять его от вопросов строения произведения, истории его создания, определения времени его возникновения в целом и в отдельных частях, от судьбы текста в последующее время, от вопроса о сохранности авторского текста и т. д. Определяя автора того или иного произведения, исследователь обязан точно оговаривать, в чем выразилось это авторство, где и в каких частях оно проявилось полностью, а где частично и т. д. Простая атрибуция произведения далеко не достаточна, — надо каждый раз конкретно определять не только автора, но и его авторскую работу.

Следовательно, применительно к древней русской литературе мы должны сказать, что вопрос об атрибуции произведения есть частный вопрос истории текста этого произведения. В дальнейшем мы продемонстрируем это положение на конкретных примерах.

*

История древней русской литературы знает очень много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Нередко болезненное стремление к значительным выводам и «открытиям» без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффектным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников. Кого только не предлагали, например, в авторы «Слова о полку Игореве»: Мигусу, Беловолода Просовича, Кочкаря-милостника, Святослава Киевского,³ сына тысяцкого, самого князя Игоря и т. д.

³ С. Тарасов. Возможный автор «Слова о полку Игореве». — Новый журнал, XXXIX. Нью-Йорк, 1954.

Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так, например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось «Сказание о князьях Владимирских»,⁴ старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории «Москва — третий Рим», — Хронограф 1512 г.,⁵ Ивану Грозному — сочинения Ивана Пересветова⁶ и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем более «общее» и неопределенное соображения, по которым эта атрибуция производится.

Говоря о такого рода атрибуциях произведений какому-либо известному историческому лицу, Б. В. Томашевский остроумно замечает: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в „Записках сумасшедшего“ (запись 4 октября): „Дóма большею частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал, год уже не видал; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение“».

Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и косвенные соображения.⁸

Объединение авторов, которое, к сожалению, делается у нас очень часто, есть ни что иное, как обеднение литературы. Оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому.⁹

Но есть и другие причины, вызывающие обилие слабо обоснованных атрибуций. Одна из этих причин: отсутствие точного учета особых трудностей атрибуции в древнерусской литературе. Нередко приемы атрибуции, выработанные на материале новой русской литературы, механически применяются к древней.

*

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений легче всего установить, сравнив методы и приемы атрибуции произведений новой русской литературы и древней. При этом оказывается, что многое из того, что в новой русской литературе имеет силу

⁴ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 1—151. Возражения И. Н. Жданову см. в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955).

⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. Возражения А. А. Шахматову см. в книге Н. Н. Масленниковой «Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству» (Л., 1955, стр. 162—164).

⁶ И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XXXV. М., 1946, стр. 25—55. Ср. также: С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. — ЖМНП, 1908, сентябрь, стр. 185—192.

⁷ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2. М., 1959, стр. 190—191.

⁸ Ср., например, приписывание Жития Александра Невского и «Слова о погибели Русской земли» Даниила Заточнику в статье Н. В. Водозова «Повесть XIII века об Александре Невском» (Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII, Кафедра русской литературы, вып. 6. М., 1957).

⁹ Д. С. Лихачев. Реплики. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 500.

доказательства, к атрибуции древнерусских литературных произведений вообще неприменимо или применимо с большими ограничениями.

В статье Л. Д. Опульской «Документальные источники атрибуции литературных произведений»¹⁰ перечисляются данные, имеющие силу документального свидетельства о принадлежности произведения новой литературы тому или иному автору. Полезно привести эти данные и определить их применимость к произведениям древнерусской литературы.

Первое документальное свидетельство — это «полная подпись, а также подпись общеизвестным псевдонимом».¹¹ Подписи в древней Руси до XVII в. вообще не употреблялись. Надписывание же произведения в заглавии или в конечной приписке именем какого-либо книжника доказательной силы иметь не может, так как при этом, с одной стороны, не было, как мы уже отмечали выше, точного разграничения авторов, компиляторов, редакторов и переписчиков, а с другой стороны, произведение могло быть приписано известному писателю (русскому или нерусскому) для придания ему большей авторитетности.

Другим документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает составленные авторами списки собственных произведений.¹² Такого рода списки авторы древней Руси обычно не составляли.

Документальным свидетельством в новой литературе Л. Д. Опульская считает также «включение напечатанного некогда без подписи произведения в авторизованное издание избранных произведений или собрание сочинений»,¹³ а также в издания, которые осуществлялись лицами, близко знавшими автора и бывшими свидетелями его творчества. Это свидетельство также неприменимо к древней русской литературе. Не говоря уже о том, что в древней Руси не было ничего похожего на издания сочинений одного автора, не могло быть и авторизации произведений. Правда, в древней Руси известны подборки произведений одного автора, переписывавшихся из рукописи в рукопись как единое целое, и включение в эту подборку того или иного произведения составляет довольно сильное свидетельство в пользу принадлежности его тому же автору, что и соседние, но полной доказательности это включение все же не имеет. До нас дошли подборки сочинений Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Пахомия Сербя, Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Ермолая Еразма, различных авторов (особенно часто проповедников), однако при отсутствии других данных (хотя бы косвенных) одно только включение в собрание сочинений не может быть убедительным, так как известны подборки, которые делались не только по признаку принадлежности произведений одному автору, но и по признаку их тематической близости. В подборку по признаку принадлежности сочинений одному автору какой-нибудь из переписчиков мог легко вставить то или иное заинтересовавшее его произведение, близкое по теме к остальным, которое затем последующими переписчиками закрепилось в этом своеобразном «собрании сочинений».

Следующие документальные свидетельства относительно авторской принадлежности произведений новой литературы, приводимые Л. Д. Опульской, вовсе неприменимы к литературе древнерусской: это сведения, почерпнутые в архивах редакций, конторских книгах, гонорар-

¹⁰ Вопросы текстологии. Сборник статей. Вып. 2. М., 1960.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 29.

ных ведомостях и счетах; сведения о круге сотрудников того или иного периодического издания, о времени их участия в нем.

Важным документальным свидетельством для новой литературы Л. Д. Опульская считает «автопризнания и автоотрицания»,¹⁴ содержащиеся в автобиографиях, дневниках, письмах, мемуарах; носящие характер автопризнаний пометы печатных изданий и рукописных сборников и т. д. Нечто похожее мы можем встретить и в древней русской литературе, но в весьма ограниченных сравнительно с новой литературой масштабах. Иногда в своем точно установленном произведении автор ссылается на другое произведение как на принадлежащее ему же или наоборот: в произведении неатрибутированном дается ссылка на произведение атрибутированное как на принадлежащее ему же. Менее достоверны отсылки и признания в заголовочной части произведения: «Того же инока слово второе» или «Иное сказание того же писателя» и т. д. Меньшая достоверность такого рода ссылок объясняется тем, что заголовочные части произведений очень часто меняются переписчиками и компиляторами. Перед нами, следовательно, не «автопризнание», а мнение переписчика или компилятора — мнение, вызванное при этом иногда чисто случайными обстоятельствами, случайными его соображениями.

Одним из наиболее важных документальных свидетельств принадлежности тому или иному автору являются для новой литературы автографы.

«В ряду документальных источников, которые могут свидетельствовать об авторской принадлежности, — пишет Л. Д. Опульская, — первостепенная роль принадлежит рукописи. Рукопись, если она отражает результаты творческой работы, служит бесспорным свидетельством авторской принадлежности».¹⁵

Автографов от писателей древней Руси (до XVII в.) почти не сохранилось — их не берегли. Не сохранилось автографов даже Ивана Грозного или Нила Сорского. Случайно дошли незначительные автографы Пахомия Серба, Максима Грека и др. Следовательно, и это документальное свидетельство малоприменимо к древней русской литературе.

Гораздо применимее к древней русской литературе последняя группа «документальных свидетельств», приводимая Л. Д. Опульской: разнообразные фактические данные, содержащиеся в самих текстах анонимных произведений. «Автор сообщает, например, факты своей биографии или биографии близких ему лиц, называет другие свои произведения, приводит из них цитаты. В самом произведении удается иногда почерпнуть сведения о том, к какой эпохе и социальному кругу принадлежал автор, где или когда он родился, где бывал, с кем встречался, какие читал книги и пр.»¹⁶ Можно прямо сказать, что наиболее ответственная, первоочередная задача всякого исследователя древней русской литературы, занимающегося поисками автора произведения, заключается во внимательном чтении изучаемого произведения для выявления всей фактической стороны, которая могла бы свидетельствовать об авторе, его социальной принадлежности, времени его жизни, круге лиц, с ним связанных, его литературной эрудиции, стиле и языке его произведений и т. д. При этом надо учитывать не только те данные, которые свидетельствуют о том или ином возможном авторе, но и те, которые прямо или косвенно отводят авторство некоторых известных в истории литературы лиц. Последнее редко делается исследователем, между тем обязанность каждого исследователя, закончив документальства любого выдвигаемого им положения, еще раз внимательным

¹⁴ Там же, стр. 19.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 44.

образом проверить весь касающийся изучаемого им вопроса материал с той точки зрения, нет ли в этом материале чего-либо, что могло бы противоречить его выводу. Такого рода заключительной, контрольной проверки требует научная добросовестность исследователя. В большинстве случаев отсутствие такой контрольной проверки легко устанавливается.

Заканчивая вопрос о сравнении «документальных свидетельств» для атрибуции в древней русской литературе и в новой русской литературе, необходимо отметить, что свидетельств этих для древнерусской литературы значительно меньше. Каждое из свидетельств не может быть принято само по себе. Необходимо соотнести его со всеми другими данными. Это, собственно, касается и новой литературы, но особенно следует учитывать это правило специалисту по древней русской литературе. Вот почему, забегая несколько вперед, скажем: установить принадлежность того или иного произведения древнерусскому автору мы можем только в результате работы над историей текста изучаемого произведения. Только убедительные свидетельства по истории текста могут быть и убедительными же свидетельствами в пользу той или иной атрибуции. Еще раз повторим: атрибутировать произведение, не зная истории его текста, в древнерусской литературе невозможно. В этом, как мы уже говорили, специфическая сторона проблемы атрибуции в исследованиях по древнерусской литературе.

*

Атрибуция древнерусских литературных произведений имеет свои специфические трудности.

Остановимся прежде всего на одном из самых важных для древней русской литературы вопросов атрибуции: как отличить переписчика от автора. Дело не только в том, что работа переписчика и работа автора часто переходят одна в другую, а и в том, что в приписках и записях не всегда понятно, идет ли речь о переписчике или об авторе произведения. Вот, например, известная запись игумена Сильвестра в Лаврентьевской летописи под 1110 г.: «Игумен Сильвестр святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжашю ему Кыеве, а мне в то время игуменяшю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже четъ книги сия, то буди ми в молитвах».

На основании этой записи летописец начала XV в., составивший повесть о Едигее 1409 г.,¹⁷ считал Сильвестра автором Начальной русской летописи — «начальным летословцем Киевским» и называл его «великим». Впоследствии, в XIX в., Сильвестра считали то летописцем, то переписчиком «Повести временных лет» и только А. А. Шахматовым было установлено, что Сильвестр в основном был редактором «Повести временных лет» и автором некоторых ее заключительных частей. К этому выводу А. А. Шахматов пришел в результате полного изучения всей истории текста «Повести временных лет».

Любопытны расхождения, возникшие по вопросу о роли монаха Лаврентия, оставившего о себе заключительную приписку в рукописи Лаврентьевской летописи: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако ж радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентей мних. Начал есм писати книги

¹⁷ Повесть эта читается под 1409 г. в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и Никоновской летописи.

сия, глаголемый Летописецъ месяца генваря в 14 на память святых отецъ наших авва в Синаи и в Раифе избъеных князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья. И кончал есм месяца марта в 20 на память святых отецъ наших, иже в монастыри святаго Савы избъеных от срацин, в лето 6885 (1337, — Д. Л.), при благоверном и христоролюбивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископе нашем христоролюбивем священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городьском. И ныне господа отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или не дописал, чтите исправливая бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел. Слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш сын бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклонянье со Отцом и с Святым духом. И ныне и присно в веки, аминь».¹⁸

М. Д. Приселков на основании изучения состава Лаврентьевской летописи, привлекая к этому изучению несколько десятков родственных летописных списков, приходит к выводу, что Лаврентий механически переписывал «ветшанный» тверской летописец 1305 г. — и только. В противоположность М. Д. Приселкову В. Л. Комарович на основании не менее тщательного изучения Лаврентьевского списка и родственных летописей приходит к выводу, что Лаврентий был самостоятельным летописцем, менявшим текст предшествующей летописи и внесшим в нее свою историческую концепцию. Лаврентий пропустил в своей летописи обличение в небратолюбии рязанских князей — обличение, которое острием своим было направлено против Юрия Всеволодовича Владимирского, вставил под 1239 г. похвалу Юрию, убрал все то, что представляло его в невыгодном свете; вместе с тем Лаврентий упомянул в своей похвале Юрию нижегородский Благовещенский монастырь, постриженником которого Лаврентий был.

Это особое отношение нижегородца Лаврентия, монаха нижегородского Благовещенского монастыря, к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу В. Л. Комарович объясняет тем, что Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и Благовещенского монастыря. Лаврентий составлял свою летопись по инициативе нижегородского архиепископа Дионисия в связи с учреждением им второго на Руси архиепископства в Нижнем Новгороде.¹⁹ Следовательно, для В. Л. Комаровича Лаврентий не переписчик, а летописец, внесший в свою летопись довольно определенные взгляды на историю Нижнего Новгорода и Владимирского княжества.

Таким образом, для установления авторства в ряде случаев необходимо восстанавливать историю текста произведения и точно определять характер и объем работы предполагаемого автора.

Даже, казалось бы, совершенно точные указания автора произведения в его заголовке должны быть принимаемы с большой осторожностью. В самом деле, бывают случаи, когда одно и то же произведение приписывается в разных списках различным авторам. Так, распространенное проложное Сказание о князе Михаиле Черниговском из пергаменного пролога XIV—XV вв. Публичной библиотеки в Ленинграде (Соф. 1365/578) имеет следующий заголовок: «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго, и Феодора воеводы первого в княжении его. Сложено въкратце на похвалу святома отцемъ

¹⁸ ПСРА, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1927, стлб. 487—488.

¹⁹ См. раздел «Лаврентьевская летопись» в книге «История русской литературы» (т. II, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 90—96).

А н д р е е м». ²⁰ Почти тот же текст в рукописи А. С. Уварова конца XIV в. (№ 613, ГИМ) и некоторых других имеет другое указание в заглавии: «Сотворено Иоанном епископом». ²¹ Если бы не было этого случайного разноречия списков, распространенная редакция проложного Сказания о Михаиле Черниговском, а может быть, и все Житие Михаила Черниговского могло бы быть приписано исследователями либо попу Андрею, либо черниговскому епископу Иоанну.

*

В подавляющем большинстве случаев, как мы уже отметили, русские литературные произведения вплоть до самого XVII в. не подписывались именем автора. Исключение по большей части составляли церковно-учительные произведения: здесь имя автора увеличивало авторитет поучения, слова, послания. В этого рода произведениях мы наблюдали обратное стремление: выставлять имя какого-либо церковно-авторитетного лица в качестве автора анонимного произведения. Так, очень многие русские поучения были приписаны Иоанну Златоусту.

Приписывание произведений какому-либо известному и авторитетному автору могло происходить и сознательно и «бессознательно». В первом случае писец допускал сознательную фальсификацию, а в последнем случае писец был внутренне убежден в правильности своей атрибуции. Приведем примеры последнего. Древняя русская письменность знает немало авторов Кириллов: ²² Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Кирилл-Константин Философ, Кирилл Туровский, Кирилл епископ Ростовский (XIII в.), два Кирилла митрополита Киевских, Кирилл Белозерский и др. В тех случаях, когда в заголовке произведения оно присваивалось просто «Кириллу» без дальнейшей детализации, переписчик рукописи мог произвольно добавить к имени автора уточняющее определение или прозвище, приписав переписываемое произведение наиболее знакомому ему или наиболее авторитетному из известных ему Кириллов. Так, к имени Кирилла очень часто добавлялось уточнение — «Философа» или «Туровского». Поучения с именем Феодосия приписываются обычно Феодосию Печерскому XI в. Послание Иакова Мниха князю Дмитрию приписывалось Иакову Мниху XI в., хотя вероятнее всего этот Иаков Мних был писателем XIII в. Произведение Дмитрия Грека приписывалось более известному Дмитрию Герасимову. Игумену Даниилу Паломнику приписывались многие паломничества. И так далее. Возможность такого рода «уточнений», а вернее, смешений одноименных авторов должна постоянно учитываться исследователями.

Иногда имя автора появлялось в заглавии произведения в результате ошибки писца или неправильного осмысления непонятого. В сборнике Уварова № 1244(863) XVII в. в заглавии Жития Варлаама Хутынского читаем: «сотворено Пахомием Сербиным тара ермонахом Святыя горы». К этому непонятому «тара», получившемуся из греческого «таха» (*τάχα*), ²³ другой писец добавил «сием» и тем создал нового автора — Тарасия». ²⁴

²⁰ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). СПб., 1915, Приложения, стр. 55.

²¹ Там же, стр. 59.

²² См.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, стр. 1—33.

²³ *τάχα ποταμός* — недостойный монах. Объяснение этого выражения и краткую историю вопроса см. у Гр. Дьяченко: Полный церковнославянский словарь. М., 1899.

²⁴ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, стр. 487. Пример взят мною из рукописных материалов В. Н. Перетца.

Тарасий был знакомым лицом для древнерусского писца. В русской письменности было широко распространено связывавшееся с тем же Хутыньским монастырем «Видение хутыньского пономаря Тарасия».

В. Н. Перетц указывает такой случай приписывания анонимного произведения известному и авторитетному автору. В сборнике Библиотеки Академии наук СССР № 21. 9.33 конца XVIII в. имеется статья (лл. 289—306 об.) «От послания ко Ангиоху князю вопрос 41». Речь в этом сочинении идет о восьмиконечном кресте и об отступлениях от православия «великороссийской церкви», о чем, конечно, не мог писать Афанасий Александрийский (IV в. н. э.), которому это сочинение приписывается. Вопрос действительно заимствован у этого писателя, но ответ распространен так, что подлинный ответ Афанасия Александрийского в нем только цитируется.²⁵ Следовательно, в данном случае не произведение приписывается известному автору, а основная мысль этого произведения. Перед нами не фальсификация, а своеобразное средневековое представление об авторстве.

Очевидно, неясным представлением о писателе и о переписчике и неточным разграничением их труда объясняется и то обстоятельство, что общеизвестные сочинения в некоторых рукописях приписываются неизвестным авторам. Так, Житие Марии Египетской, сочиненное константинопольским патриархом Софронием, в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде XVI в. (Ф. I. 915) приписано некоему «Ефросину старцу» («списано бысть Ефросином старцем», л. 232 об.).²⁶

Приведенные примеры показывают, с какой осторожностью следует относиться ко всякого рода указаниям авторов, находимым в некоторых рукописях. Вот почему мы не должны торопиться приписывать «Степенную книгу царского родословия» митрополиту Афанасию, Повести о Николе Заразском попу Евстафию второму и т. д. на том преимущественно основании, что эти лица в некоторых списках названы в заголовках произведений.

*

Чрезвычайно большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор хотя и не называют себя по имени, но все же говорят о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются и в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительную литературу. По этим записям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому, иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но мы получаем в руки нить, по которой можем иногда разыскать автора. Это исходные данные. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить, какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес свои заметки о себе и т. д.

Так, например, в своде Повестей о Николае Заразском есть прямое авторское указание: «Сие написа Еустафей второй Еустафьев сын Корсунскова на память последнему роду своему» или «Сия бо написа пра-

²⁵ В. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 352. Пример этот взят мною из рукописных заметок В. Н. Перетца.

²⁶ Указание в рукописных материалах В. Н. Перетца.

внук Еустафиев на память роду своему. Аминь».²⁷ Даже если мы вполне доверимся правдивости этой записи, то что́ следует понимать под этим «сие» или «сия»: только ли статью о роде служителей Николы Заразского, или и Повесть о перенесении образа Николы Заразского из Корсуня, или еще «Повесть о разорении Рязани Батыем», а может быть, еще и рассказы о чудесах от иконы Николы Заразского? На этот вопрос может ответить только обстоятельное изучение всего цикла Повестей о Николе Заразском.

Другой пример. В Новгородской IV летописи в различных списках есть несколько записей о себе некоего Матвея Михайлова. Под 1375 г. летописец поместил заметку о своем рождении,²⁸ под 1382 г. — о смерти своего отца,²⁹ под 1405 г. — о смерти своей матери,³⁰ под 1406 г. — о своем браке,³¹ под 1411 г. — о рождении у него сына.³² Не представляет сомнения, что перед нами семейные записи, сделанные самим Матвеем Михайловым. Однако трудно решить, какую работу проделал Матвей Михайлов: составил ли он только данные приписки к летописи, которые потом были внесены в текст переписчиком, или он был летописцем, а если это так, то какая часть летописи ему принадлежит, и т. д. Исследуя этот вопрос, А. А. Шахматов обратил внимание на то обстоятельство, что вторая из этих приписок повторена под 1382 г. два раза: сперва — в начале года, перед Повестью о пленении и приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии, а затем — в конце года, за этой Повестью. Как устанавливает А. А. Шахматов, вставка Повести была сделана не составителем Новгородской IV летописи, а раньше — в ее главном источнике. Ясно, что запись о смерти отца Матвея Михайлова была уже в источнике Новгородской IV, так как дублировки этого рода получают именно в результате вставок нового материала. Переписывая свой источник, летописец произвел вставку, а затем продолжил копирование, но случайно частично повторил уже переписанный текст. Это соображение А. А. Шахматова убедительно, но вот дальнейшее его предположение, что Матвей Михайлов был составителем свода 1448 г.³³ (впоследствии эту гипотетически восстанавливаемую им летопись А. А. Шахматов называл сводом 30-х годов XV в.)³⁴ малоубедительно. Еще менее убедительно произвольное отождествление им Матвея Михайлова с Матвеем Кусовым — уставщиком новгородского владычного двора, имя которого дошло до нас в нескольких записях на рукописях, восходящих к первой четверти XV в.

Найти автора того или иного произведения помогает совпадение в точности излагаемых фактов с данными биографии того или иного лица. Так, например, в тексте «Повести временных лет» начиная с 1061 г. появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но, кроме того, месяц и день. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061—1063 гг.), затем

²⁷ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 302.

²⁸ «Родися Матфей Михайлов» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись, вып. 1. Пгр., 1915, стр. 300).

²⁹ «Преставися Михаило, отецъ Матфеев» (там же, вып. 2. Л., 1925, стр. 326).

³⁰ «Преставися Федосиа Матфеева месяца мая 18» (там же, стр. 397).

³¹ «Бракъ бысть Матфею Михаилову мая в 23» (там же, стр. 399).

³² «Родися Матфею сын Кюприян» (там же, стр. 411).

³³ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 155—156.

³⁴ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года — Сб «А. А. Шахматов». М.—Л., 1947, стр. 135 и сл.

подробно же сообщают о событиях в далекой Тмуторокани (1064—1066 гг.), отсюда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве. Такого рода переход точных летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в важнейшем летописном центре XI в. — Киево-Печерском монастыре. Из Жития Феодосия, составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозванию «Великий» (прозвище это тоже в своем роде замечательно), в начале февраля того самого 1061 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий и начинаются точные датировки событий в Тмуторокани, бежал из Киева в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на черноморском побережье до февраля 1066 г. — Никон, следовательно, пробыл в Тмуторокани как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем, по поручению жителей Тмуторокани, Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него его сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого (ср. точную датировку полоцких событий под 1067 г.), а затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

Конечно, это только одно соображение, заставившее виднейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова приписать участие в летописании этих лет Никону Великому. Других соображений А. А. Шахматова (идейных, стилистических и пр.) мы сейчас не касаемся.

Гипотеза А. А. Шахматова об участии Никона в киевском летописании была расширена еще одной гипотезой относительно того, кто такой этот Никон. Это гипотеза М. Д. Приселкова. Она не столь убедительна, как гипотеза А. А. Шахматова, но общность некоторых приемов заставляет нас вспомнить и о ней. Гипотеза М. Д. Приселкова предполагает в Никоне первого киевского митрополита из русских — Илариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати». Помимо идейной близости двух этих деятелей русского просвещения, М. Д. Приселков обратил внимание на то обстоятельство, что сведения об Иларионе, с именем которого была связана одна из пещер Киево-Печерского монастыря, где он жил, обрываются как раз на том годе, на котором появляются сведения о жизни в этой пещере Илариона-Никона. М. Д. Приселков предполагает, что смещенный с митрополичьей кафедры Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем по обычаям того времени он и назвался (в Киевской Руси при принятии монашества или, в дальнейшем, схимы существовал обычай принимать новое имя не на ту же начальную букву, как это практиковалось впоследствии, а имя того святого, чья память праздновать в день монашеского пострига или в день принятия схимы). Вот почему впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека и князя.³⁵ Но здесь мы уже от вопросов текстологии уклоняемся в область чистой истории и биографии Илариона-Никона. Такое уклонение, кстати, характерно: оно лишь раз напоминает нам о том, что область текстологии связана со многими науками и многими сторонами жизни.

³⁵ Подробнее аргументацию по этому вопросу см. в книге М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913, стр. 181—184) и в его же книге «Нестор-летописец» (Пгр., 1923, стр. 22).

Иногда указания на принадлежность тому же автору других сочинений имеются в самих сочинениях. Так, например, ростовский агиограф XIV в., написавший *Повесть о Петре царевиче Ордынском*, оставил в *Повести* указание на то, что ему же принадлежит и *Житие епископа Игнатия*. В других случаях авторы заявляют о своем намерении в другом месте написать о том или ином событии или лице. Такое указание имеется, например, в *Житии Сергия Радонежского* (автор обещает рассказать об одном из учеников Сергия особо). Автор Волоколамского патерика Досифей Топорков ссылается на свое Надгробное слово Иосифу Володкому. Важно отметить, что эти неспритязательные указания на авторство бывают в целом более достоверны, чем официальные приписывания произведения в заголовках. Чем менее официально свидетельство об авторе, тем оно достовернее.

*

Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору, редактору или переписчику извлекается из тайнописных записей. Мне неизвестно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописных записей об авторе не делали переписчики или их редакторы. Тайнописью запечатлевали свои имена только сами авторы или те, кто считали себя причастными к авторству (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов и редакторов, но нет указаний на переводных авторов). Делалось это из скромности. Очевидно, две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание запечатлеть свое имя как автора или редактора и переписчика и сознание нескромности этого желания. Именно эгон борьбой и вызывалось, очевидно, это типично средневековое явление — тайнописные записи о себе древнерусских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба эта могла быть только у лиц, прямо причастных к созданию произведения или рукописи, и поэтому мы можем доверять этим записям.³⁶

Своеобразный вид тайнописи представляют собой акростики. Акростики были известны еще греческим авторам служб и канонов. В этих акростихах они оставляли признаки своего авторства. Но особенно распространились на Руси акростики в XVII и XVIII вв., с развитием стихотворства, с одной стороны, и барочной модой на всякого рода замысловатые и фигурные стихи — с другой. Особенно интересен случай, обнаруженный известным исследователем рукописных песенников XVII и XVIII вв. — А. В. Позднеевым, со стихотворцем Германом. Здесь в акростихи оказалась записанным не только имя стихотворца, но и некоторые данные его биографии.³⁷ А. В. Позднеев пишет: «Акростих образуется из начальных букв каждого столбца, читаемых или сверху вниз, или слева направо. Число акростихов в песне может быть: а) один, б) два (в этом случае первый читается в верхних строках столбцов сверху вниз, а второй — в нижних — слева направо) и в) даже, изредка, — три».³⁸

³⁶ Обзор различных систем тайнописи и способов их расшифровки не входит в нашу задачу. О тайнописи см.: П. А. Лавровский. Старорусское тайнописание. — «Древности». Труды Московского археологического общества, т. 3. М., 1873; М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4/3. Л., 1929.

³⁷ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной syllабической поэзии). — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 15—18.

³⁸ Там же, стр. 3.

В своих акростихах Герман называет себя чернецом, монахом, иеромонахом, уставщиком и типикарем (т. е. регентом хора), строителем (т. е. заведующим хозяйством монастыря) — соответственно постепенному повышению своего положения. В стихе же «Память предложить смерти» Герман во втором акростихе сообщает о себе и такое сведение: «Маия месяца болезнен».

Как бы ни была убедительна атрибуция произведения по тайнописи, она не снимает необходимости опереться на историю текста, ибо характер работы автора, редактора или переписчика, объем произведения, вид его и прочее все равно требуют своего установления, без чего невозможна атрибуция. Только тогда, когда мы переходим к произведениям нового времени с их стабильным текстом и четкими представлениями об авторстве, возможна «чистая атрибуция». К таким произведениям со стабильным текстом относятся стихотворения. Вот почему атрибуция по акростихам нетипична для древней русской литературы.

*

Определению авторства помогает установление соответствий — идеологических, стилистических, языковых — между уже известными произведениями автора и исследуемым.

В данных случаях, как и во многих других, надо переходить от известного к неизвестному. Изучив идеологию автора, его взгляды по частным и общим вопросам, его стиль и прочее в подлинных сочинениях, филолог переходит затем к произведениям, в отношении которых имеются сомнения, и изучает соответствия последних первым.

Правда, не следует очень увлекаться этими соответствиями. Известны случаи, когда именно соответствия являются противопоказаниями для приписывания того или иного сочинения определенному автору. Известно, например, что диалоги «Минос» и «Гиппарх», приписываемые Платону, имеют многочисленные совпадения с достоверными сочинениями Платона. Иногда эти диалоги производят впечатление компиляций из других сочинений Платона. Но именно это говорит против принадлежности их Платону. Характер творчества Платона, никогда не повторявшего самого себя, не позволяет приписать их ему. Еще меньше следует увлекаться механическим приведением соответствий в изучении древнерусской литературы. Древнерусские авторы как раз любили повторять самих себя, но они же не стеснялись безо всяких ограничений пользоваться материалами других авторов. Следовательно, поиски соответствий в целях атрибуции должны быть ограничены. Они не должны вестись механически. И в этом вопросе, как и во всех других вопросах текстологии, нужно следовать не правилам, а жизни, видеть за явлениями текста действительность, живое, конкретное творчество.

Атрибуция по основаниям идеологических соответствий никогда не бывает особенно прочной. Не говоря уже о том, что может быть довольно много авторов, разделяющих одинаковые убеждения (особенно убеждения классовые), самое единство идеологии нескольких сходных или различных по темам произведений доказать бывает довольно трудно. Для этого необходимо глубокое изучение идеологий данной эпохи и во всех их тонких различиях. Тождество идеологий может быть установлено только при наличии глубоко разработанной истории идеологий.

Так, например, А. А. Шахматов приписал Хронограф 1512 г. авторству псковского старца Филофея. Н. Н. Масленникова на основании подробного анализа идеологической борьбы в псковской литературе конца

XV—начала XVI в. обоснованно отвергает эту атрибуцию. Н. Н. Масленникова указывает на существенные различия в воззрениях между автором Хронографа 1512 г. и старцем Филофеем. Так, автор Хронографа 1512 г. считает, что Константинополь пал от завоевания турок, но что он остается центром православия. «Филофей же, — пишет Н. Н. Масленникова, — считает причиной падения Константинополя как центра православия более страшное событие, чем завоевание турками, — соединение „с латынкою на осмом соборе“». ³⁹ Филофей не мог говорить о сохранении «неврежени» патриаршего престола и о том, что престол остается главою православной веры.

Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то «православнии же от сего надежу имеют, яко по доволенем наказании нашего согрешения паки всеилный господь погребеную, яко в пепле, искру благочестия в тме злочестивых властей вождет зело и попатит измаилт злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныя». ⁴⁰ У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно, «греческое царство разорися и не созиждется». ⁴¹ На смену ему приходит новый, третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию: «наша же Русская земля божией милостию и молитвами пречистыя богородица и всех святых чудотворецъ растет и младеетъ и возвышается». ⁴² Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это нужно не было. Восстановление православия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора нет еще представления о Москве как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в великое будущее Русской земли: «ей же, Христе милостивый, дажь растъ и млаети и расширятся и до скончания века ⁴³». ⁴⁴

Итак, между автором Хронографа 1512 г. и Филофеем наблюдаются значительные идейные расхождения. Ясно, что говорить о принадлежности Хронографа 1512 г. Филофею только на основании идеологического сходства не приходится. Это тем более сомнительно, что, как показывает Н. Н. Масленникова, во Пскове были и другие близкие к Филофею, но тем не менее не тождественные с ним в идеологическом отношении писатели. В частности, Н. Н. Масленникова указывает на Хронографическую Толковую Палею с ее яркой общерусской идеологической окраской. ⁴⁵

Ошибка А. А. Шахматова в атрибуции Хронографа 1512 г. по идеологическим признакам заключалась в том, что взгляды Филофея и автора Хронографа 1512 г. он проанализировал недостаточно глубоко, не установил различий наряду с сходством и не принял во внимание всей идеологи-

³⁹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 63.

⁴⁰ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 439.

⁴¹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей. . ., Приложения, стр. 41.

⁴² ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 439—440.

⁴³ Там же, стр. 440.

⁴⁴ Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства.— ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 200—202.

⁴⁵ Там же, стр. 202.

ческой борьбы во Пскове, всех развивавшихся во Пскове этого времени идеологических течений.

В отношении атрибуции произведений древнерусской литературы на основе анализа идейного содержания можно сказать то же, что и в отношении произведений новой русской литературы: «Задачу атрибуции на основе идейного анализа нельзя ограничивать только установлением факта совпадения каких-либо идей и мыслей. Любой жанр-литературных произведений представляет собой комплекс взаимообусловленных мыслей, положений, оценок, выражающих в совокупности какую-либо основную идею. Взаимообусловленность тем и идей литературно-критической статьи не позволяет рассматривать каждую ее мысль оторванно, без учета ее связи с другими мыслями и ее места во всем идейном комплексе. Одна или даже несколько мыслей, выхваченных из общей системы мировоззрения неизвестного автора, несмотря на сходство с мыслями какого-либо известного писателя, далеко не всегда могут дать основания для положительных решений. Наличие одинаковых мыслей, одних и тех же идей, не говоря уже о сходстве частных суждений и оценок у разных авторов, — явление вполне закономерное и часто встречающееся. Поэтому сопоставлению идей анонимного и известных произведений предполагаемого автора должен предшествовать глубокий объективный анализ их ведущих, определяющих тенденций, который будет служить основой для дальнейших сравнений. Порой даже весьма близкое, а иногда и текстуальное сходство отдельных мыслей не может свидетельствовать о принадлежности их одному и тому же автору, так как при более внимательном рассмотрении этих мыслей и идей в сопоставлении с ведущей тенденцией содержащих их произведений может выявиться глубокая принципиальная разница в их конкретном понимании и использовании».⁴⁶

Для древнерусской литературы, где индивидуальность автора выражена слабее, чем в литературе нового времени, особенно важным представляется изучение идеологии автора в тесной связи с историей общественной мысли в целом. Идеология автора непременно требует, чтобы она была проанализирована на фоне всей идеологической жизни своего времени, чтобы были выяснены все существовавшие близкие течения со всеми их оттенками. Тожество устанавливается только на основе исключения всех прочих возможных близких авторов с принятием во внимание всех оттенков идеологии. Оттенки идеологии в вопросе атрибуции иногда даже важнее, чем основные признаки идеологии. На это, казалось бы, парадоксальное явление следует обратить особое внимание.

*

В какой мере при определении автора произведения могут быть приняты во внимание индивидуальные особенности стиля? И в этой области вопрос гораздо более сложен, чем в литературе нового времени.

По поводу атрибуции текстов нового времени по стилистическим основаниям В. В. Виноградов пишет: «Самое основное, сложное и трудное в этом методе атрибуции — исторически оправданное, стилистически направленное и филологически целесообразное применение принципа избирательности характеристических речевых примет индивидуального стиля».⁴⁷ И далее: «Метод узнавания автора текста по характеристическим

⁴⁶ Э. Л. Ефременко. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания произведения. — Вопросы текстологии, вып. 2. М., 1960, стр. 64.

⁴⁷ В. В. Виноградов. Лингвистические основы научной критики текста. — Вопросы языковедения, 1958, № 2, стр. 21.

приметам его стиля требует точного отграничения индивидуально-типических примет от того, что имеет более широко употребление в литературном обиходе того времени».⁴⁸

Между тем в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой. Здесь сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и в особенности требования литературного этикета. Так, например, произведения одного и того же автора, но написанные в разных жанрах, могут отстоять друг от друга по особенностям стиля гораздо больше, чем произведения разных авторов, но написанные в одном жанре.

Влияние литературного этикета сказывается в том, о чем пишет автор. Летописец меняет манеру своего изложения в зависимости от того, говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года. В некоторых случаях он пишет на церковнославянском языке, в других прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. В меньшей мере, но те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести.⁴⁹

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Так, например, М. Д. Приселков, как мне представляется, весьма удачно определил характер стилистической обработки предшествующего летописного материала у сводчика 1212 г. «Сводчик 1212 г. несомненно принадлежал к числу реформаторов языка летописания, — пишет М. Д. Приселков. — Он ставил своей целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своей лексикой и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своею ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово „корста“ (гроб) он заменил в одном случае словом „рака“ (под 1015 г.), так как для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом „крест“, так как рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово „товар“ в значении „обоз“, „лагерь“, так что в рассказе о том, что князь послал глашатаев „по товаром“, он заменил слово „по товаром“ словом „по товарыщи“, что для данного места в общем не исказило смысла повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще значение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так, слово „ложница“ (в 1175 г.) он заменяет словом „постельница“; „прабошни черевы“ — „боты“ (1074 г.); „протопганный“ — „утлый“ (1074 г.); „набдя“ — „кормя“ (1093 г.); „доспел“ — „готов“ (992 г.); „уста“ — „преста“ (1026 г.); „детеск“ — „мал“; „детищъ“ — „отроча“; „исполнить“ — „исправить“; „крьнетъ“ — „купить“; „клю-

⁴⁸ Там же, стр. 24.

⁴⁹ См. нашу статью в настоящем томе (стр. 6 и сл.).

чится“ — „прилучится“; „полк“ — „вой“; „комони“ — „кони“; „ратиться“ — „сразиться“, „развращен“ — „розно“; „ядь“ — „снеть“; „уверни“ — „възворотн“; „похорнить“ — „погрести“; „двое чади“ — „двое детей“ и др.⁵⁰

Однако тот же М. Д. Приселков принял за индивидуальную манеру составителя семейной хроники Ростиславичей — игумена Моисея то, что по существу являлось только трафаретом литературного этикета в применении к умершему князю. М. Д. Приселков пишет: «Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки эгегического тона, как напр.: „и приложися к отцам, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1172 г.) или „и приложися к отцемь своим и дедом своим, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому“ (1179 г.). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. — Мстислава; под 1180 г. — Романа; под 1198 г. — Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея».⁵¹

Все построение М. Д. Приселкова рушится как только мы убедимся в том, что те же выражения применены в Ипатьевской летописи и после 1200 г., например под 1289 г. в некрологической статье о Владимире Васильковиче Волынском. Литературный трафарет был принят М. Д. Приселковым за черту индивидуального стиля!

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений по их стилю и вместе с тем вся важность стилистического анализа для их атрибуции могут быть продемонстрированы на примере с сочинениями Ивана Грозного. С именем Ивана Грозного дошло до нас довольно много различных произведений — литературных и деловых (речи, молитвы, послания, грамоты и т. д.). Но какие из них написаны самим царем, а какие написаны его подчиненными от его имени? Какие из них дошли до нас полностью, а какие только в изложении? Вот перед нами богомольная грамота в Троицкий монастырь, написанная в 1562 г. по случаю войны с Крымом и Польшею. Царь просит в ней молитвы о его «великих беззакониях» ввиду наступления врагов. Или вот другое его письмо — к шведскому королю Эрику 1563 г. Принадлежат ли они действительно Грозному или Грозный только «велел их отписать»?

Решающим в этом вопросе может явиться только анализ стиля. Послания Ивана Грозного, написанные лично им, резко нарушают условные правила дипломатической переписки, они содержат вызывающие намешки, иронические и колкие замечания и т. д. Эти специфические особенности стиля произведений Грозного отмечал уже Карамзин: «В слоге его есть живость, в диалектике — сила».⁵²

Вот что пишет Я. С. Лурье о стилистических признаках авторства Грозного: «Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно

⁵⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 86.

⁵¹ Там же, стр. 48.

⁵² Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, т. X, стр. 149.

своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу приемы острой публицистической полемики; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента („кто же убо желает такова ефиопьска лица видети?“ — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку („ты бы сам по себе порассудил“) — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих пор издавались лишь как дипломатические документы.⁵³ Устные основы писательской манеры царя сказываются в большом количестве простонародных, „грубых“ выражений („ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти“ — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках („и ты там сам спрося уведай!“), „и нам того как утати!“).⁵⁴ И что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не могли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего этого срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу „неписьменные“, деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы „выдать за образованность самого Ивана IV“». ⁵⁵

Замечательно, однако, и что в этом, казалось бы, ясном случае стилистических соображений недостаточно: нужны еще доказательства, что этими стилистическими особенностями не владел никто, кроме самого Грозного.

В самом деле, если мы захотим точнее определить особенности стиля Грозного, мы встретимся с затруднениями: индивидуальные особенности стиля Грозного пробиваются сквозь условности литературных произведений древней Руси, меняющейся от темы к теме. Эту же неуточность стиля Грозного отмечал и один из наиболее тонких ценителей — А. С. Орлов. Говоря о первом послании Грозного Курбскому, А. С. Орлов замечает: «Письмо Ивана Васильевича разнохарактерно по стилю: то оно важно и скорбно, то иронично и раздражительно до мелочей; сообразно с этим менялся и язык, проходя всю гамму — от парадной славянщины до московского просторечия».⁵⁶ В сноске к этому месту своего курса А. С. Орлов обращает внимание на то, что «Курбский отметил эту смену тонов в ответе на второе послание царя: „ово преизлишне уничижаешися, ово прсизобильне и паче меры возношишися“».⁵⁷

⁵³ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59. СПб., 1887, стр. 539; т. 71, СПб., 1892, стр. 55—63, 170—173, 354—362, 442—446, 673; т. 129, СПб., 1910, стр. 216—218, 259—264 и др.

⁵⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 152, 160, 193, ср. стр. 276.

⁵⁵ Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1959, стр. 506.

⁵⁶ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв., изд. 2. М.—Л., 1939, стр. 284—285.

⁵⁷ Там же, стр. 285.

Отсюда ясно, что исследование индивидуального стиля древнерусских авторов трудно не только вследствие неустойчивости текста, его постоянных переделок и изменений переписчиками-редакторами, но и в силу переменчивости этого стиля в зависимости от смены тематики.

Надо, впрочем, сказать, что индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение по большей части является следствием его сознательных стремлений сделать свое произведение лучше, красивее, «ученее». Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля, которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. А вот привычка к отдельным словам, оборотам, не имеющим особой художественной или идейной силы, гораздо показательнее. И это чрезвычайно важно. По подсчету слов, по исчислению коэффициента употребляемости того или иного оборота речи в будущем можно будет математически обосновывать принадлежность того или иного произведения определенному автору. Но вопрос этот сложный и потребует в каждом отдельном случае отделения намеренных элементов языка и стиля произведения от ненамеренных.

То, что было сказано о преимуществах подсознательных особенностей стиля перед сознательными, приводит нас к выводу об исключительной роли исследования именно языка произведения. По наличию диалектизмов можно определять происхождение автора из той или иной местности. Ошибки в языке могут привести к определению национальности автора и т. д. Изучение данных языка помогло установить ряд переводов, принадлежавших болгарским первоучителям.⁵⁸ Исключительный интерес представляют собой соображения А. А. Шахматова, касающиеся определения автора Русского Хронографа.⁵⁹

А. А. Шахматов доказывает, что Русский Хронограф был составлен сербом в России. Помимо соображений, касающихся содержания Русского Хронографа, в котором органически слиты статьи русского и сербского происхождения, А. А. Шахматов приводит и доказательства лингвистического характера. В Хронографе имеется ряд сербизмов, при этом не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению. Так, Корсунь названа в Хронографе по-сербски — Херсонь или Херсунь (редакция 1512 г.), русские князья Святослав и Святосполк названы, согласно сербскому произношению этих имен, Цветослав, Цветополк, «бык» заменен сербским словом «юнец», вместо «были» («а москвичи были под Вязмою») сказано «били», вместо «плоть» — «путь» и т. д. Но самое интересное, что наряду с сербизмами Русский Хронограф заключает в себе и антисербизмы, т. е. неправильные попытки избавиться от сербизмов — попытки, которые могли принадлежать только сербу, плохо знавшему русский язык, но стремившемуся писать по-русски. А. А. Шахматов пишет: «Кроме сербизмов, в обилии встречающихся на всем протяжении Хронографа по спискам редакции 1512 года, внимание наше останавливают некоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогией замену

⁵⁸ См. об этом: А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Паримийный текст. Варшава, 1912, стр. 16.

⁵⁹ А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, т. LXVI, 1899, № 8; 2) Пахомий Логофет и Хронограф. — ЖМНП, 1899, январь, стр. 200—207

того или другого сербского звука русским. Так, напр., русскому *ол* соответствует в живом сербском произношении *у* (волк — вук, полн — пун); этим объясняется появление в Хронографе *ол* вм. *у* и там, где сербскому *у* соответствует в русском языке *у*. Так, форма *молчаше*, читаемая в списке Погод. № 1404а (список без всякого сомнения русский) вм. *мучаше*, восходит, думаю, к первоначальной редакции Хронографа.⁶⁰ Далее А. А. Шахматов приводит и другой антисербизм: «благооболчен» вместо «благообучен». А. А. Шахматов пишет: «Появление антисербизма, как *молчаше* вм. *мучаше*, может быть обязано только сербу и притом сербу, или списывавшему русский подлинник, или писавшему в России: читая *ол* русских книг как *у*, он, не справляясь с действительным русским произношением, мог писать *ол* и там, где русские произносили *у*».⁶¹

Установив принадлежность Русского Хронографа сербу, писавшему в России, А. А. Шахматов далее, на основании анализа принадлежащей Пахомию Сербу и находящейся в Хронографе «Повести об убиении Батия» и ее связей с остальным текстом Хронографа, приходит к выводу, что Русский Хронограф был составлен именно Пахომием Сербом. Окончательно убеждает А. А. Шахматова в том, что составителем Русского Хронографа был Пахомий Серб, то обстоятельство, что в некоторых других рукописях, принадлежащих перу Пахомия, мы встречаемся с точно такими же сербизмами и антисербизмами, как и в Русском Хронографе.⁶²

Мы можем сказать прямо, что данные языка древнерусских произведений (если только их строго отделять от данных стиля) представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, как в языке авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, окание и акание, отдельные областные слова проникали в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определять областное происхождение автора. Дело затрудняется только тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение с такой же легкостью, с какой в ней сказывается и язык автора.

Поэтому чрезвычайно важно выявить все признаки, по которым мы можем отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора в отличие от языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора смогут только исследование языка в всех списках и установление истории текста произведения. Следовательно, и в этом вопросе история текста играет решающую роль.

Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, здесь не годятся, как они не годятся и в других случаях.

Особое значение для определения писца, которым может иногда оказываться и сам автор, или для определения переписчика, который может быть и редактором произведения (с этими возможностями надо всегда

⁶⁰ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 77—78.

⁶¹ Там же, стр. 78.

⁶² Там же, стр. 80.

считаться), имеют ошибки и описки. Для каждого писца характерны свои типы ошибок, пропусков, неграмотностей. Один писец делает по преимуществу слуховые ошибки, другой — зрительные (это зависит от типа памяти; при переписывании или писании писец запоминает определенные куски текста). *Отдельные ошибки свойственны старикам, другие — молодым. Есть типы ошибок, вызванные психическими травмами, другие являются следствием недостаточности общего развития, неосведомленности писца и т. д.*

Изучая типы ошибок, можно установить общего переписчика для ряда рукописей или для их протографов. К сожалению, изучение психологии ошибок у нас не ведется, а это было бы чрезвычайно важно для установления авторов, писцов и переписчиков.

*

Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера. Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков, например основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на анализе почерка, то доказательность атрибуции значительно повышается. Мы могли бы сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по нескольким координатам.

Блестящий пример отождествления трех авторов на основании нескольких разнородных признаков представляет собой фундаментальная работа И. Денисова о Максиме Греке.⁶³

До 1943 г. о жизни Максима Грека в Италии и на Афоне было известно лишь из случайных упоминаний о ней самого Максима Грека в его сочинениях. Имя Максима Грека, которое он носил в Италии и у себя на родине, было неизвестно. И. Денисов обстоятельно доказал, что Максим Грек — это итальянский гуманист Михаил Триволис и афонский монах Максим Триволис. Тем самым сочинения Максима Грека оказались пополненными рядом его произведений, относящихся к итальянскому и афонскому периодам его жизни: четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы, два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции, эпитафия Иоакиму I, патриарху Константинопольскому, эпиграмма, посвященная Великому Ритору Мануилу, три эпитафии Нифонту II, патриарху Константинопольскому, и канон Иоанну Крестителю.

Светское имя Максима Грека — Михаил Триволис и афонское — Максим Триволис установлено И. Денисовым следующими путями. Прежде всего он сопоставляет данные о Максиме Греке, известные из русских источников, с данными о Михаиле Триволисе, открытыми им в архивах и источниках Италии и Афона.

Из русских источников известно, что Максим родился в городе Арта в Эпире и что имя его отца было Мануил. О Михаиле Триволисе на основании архивных источников И. Денисов установил, что отец его был Эммануил, родом из города Арта.

Из русских сочинений Максима Грека известно его описание монастыря св. Марка и монашеской жизни доминиканцев. О Михаиле Триволисе известно, что он был пострижен в монахи, а затем отказался от монашеской жизни.

⁶³ Elie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.

А. Курбский упоминает о том, что Максим Грек был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В Национальной библиотеке в Париже имеется составленный Михаилом Триволисом список греческого сочинения «Геопоники» с надписью Михаила Триволиса, что список этот изготовлен им для Ласкариса.

Из сочинений Максима Грека известно, что он пробыл на Афоне приблизительно с 1505—1506 до 1516 г. Именно к этому времени относятся и афонские стихи Максима Триволиса.

Знаменательно, что сведения о Михаиле Триволисе в Италии исчезают как раз с того времени, когда на Афоне появляются документы о Максиме Триволисе, а этот последний исчезает на Афоне как раз тогда, когда в Москве появляется Максим Грек.

Мы привели лишь главнейшие совпадения. Все данные о Максиме Греке, Максиме Триволисе и Михаиле Триволисе сведены И. Денисовым в таблицу. Слева он помещает сведения из русских источников о греко-итальяно-афонском периоде жизни Максима Грека, а справа помещает сведения о Михаиле Триволисе и Максиме Триволисе. В большинстве сведений обе колонки согласуются, и нет ни одного факта противоречия в источниках.

Окончательно устанавливается тождество Михаила Триволиса, Максима Триволиса и Максима Грека путем сопоставления почерков автографов всех трех. Одно сличение почерков или одно сопоставление биографических данных не могло бы дать таких достоверных доказательств, как совпадение показаний разнородного материала.

В качестве примера удачной атрибуции по встречающимся в произведении разнородным данным об авторе может служить работа Н. С. Сарафановой «Неизданное сочинение протопопа Аввакума». ⁶⁴ Речь идет о сочинении, названном П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным». ⁶⁵

Н. С. Сарафанова приписывает это «Послание» Аввакуму по следующим основаниям: «Как явствует из первых же строк „Послания“, автор, ревностный защитник старообрядчества, пишет его, находясь „в Пустозерье“, а в свое время он был и „во странах сибирских от врага патриарха“, только „лет 15“ минуло, как его „из Даур привезоша“. Раньше церковные власти „многия“ были автору „друзья духовные“, он был близок с Ртищевыми, и царь его „зело милосердовал“, особенно „добра была царица Марья“. Но автор „звратил бранью их“, и „его сюды послали“. Боярыню Морозову он называет своей „духовной дочерью“». «Во всех этих фактах, сообщаемых автором,— добавляет Н. С. Сарафанова,— нельзя не узнать судьбы протопопа Аввакума». ⁶⁶ Анализ идейного содержания и стиля «Послания» полностью подтверждает вывод об авторстве Аввакума.

Другим образцом точной атрибуции по разнородным данным может служить определение А. А. Шахматовым автора «Сказания о градех» с описанием города Египта, т. е. Каира. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу, ⁶⁷ А. А. Шахматов обращает внимание на следующие обстоятельства. Во встретившемся ему списке (БАН 399) в заголовке произведения имеется дата: «Лета 7001 сказание о градех». Затем,

⁶⁴ ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 257—269.

⁶⁵ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1). — РИБ, т. 39. Л., 1927, стр. LXXX—LXXXII.

⁶⁶ ТОДРА, т. XVI, стр. 258.

⁶⁷ А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 200—222.

«Сказание» несомненно составлено русским: дворец египетского султана сравнивается по размерам с московским кремлем («с Москву с кремль»). В конце «Сказания» назван человек, рассказы которого послужили материалом для «Сказания»: это казначей великого князя Михаил Григорьев, ездивший послом в Египет. На этом основании А. А. Шахматов предположил, что автором данного произведения и двух других связанных с ним по содержанию и стилю — «Описание Царьграда» и «Царства Цареградского устав чином» — является дьяк Михаил Григорьев Мисюрь Мунехин. Прозвище Мисюрь могло быть дано Мунехину по его поездке в Египет (древнее название Египта было Мисюрь). Однако дальнейшее изучение списков показало, что в других списках «Сказания о градех» вместо «Григорьев» читается «Гиреев» и даже «Георгиев», а датировка произведения другая — 1522 г. Окончательное решение вопроса об авторстве этого «Сказания» смогло быть сделано только после того, как А. А. Шахматов разбил списки на редакции, выяснил старшинство и взаимоотношение редакций, палеографически объяснил дату 7030 как ошибочную из 7001 («а» было принято за «л» — обычная ошибка в древнерусских цифрах), выяснил происхождение прозвища дьяка Мунехина, установил основные факты его служебной карьеры, сопоставил данные «Сказания» с историческими данными (в частности, было установлено, что «Сказание» повествует о Египте еще до подчинения египетского султана туркам, т. е. до 1517 г.). Только подробное исследование всей истории текста «Сказания» с привлечением данных истории текста связанных с ним произведений, данных биографических и исторических позволило А. А. Шахматову окончательно решить вопрос об авторстве «Сказания». Правда, некоторые данные по истории текста «Сказания» подверглись впоследствии обоснованному сомнению (принадлежность Хронографа редакции 1512 г. старцу Елеазарова монастыря Филофею),⁶⁸ однако в целом атрибуция А. А. Шахматова оказалась прочно аргументированной.

Итак, и на этом примере видно, что окончательную атрибуцию произведения может дать только полная история текста произведения. Как бы убедительны ни были отдельные соображения и отдельные данные, если не выяснены тексты всех редакций, не учтены различия в местах, служащих для обоснования атрибуции, не прояснен вопрос о границах произведения, не установлена дата произведения и т. д., — никакая атрибуция не может считаться убедительной.

*

При определении авторства в древнерусской литературе в тех случаях, когда нельзя точно найти автора, большое значение имеет ограничение того круга, из которого мог выйти автор: ограничения хронологические, территориальные, социальные и т. д. По существу, здесь атрибуция произведения переходит в его непосредственное историко-литературное изучение, и нет смысла поэтому этот вопрос о частичной атрибуции в данной работе рассматривать во всей его полноте. Мне хочется, однако, остановиться на одном способе частичной атрибуции, который очень часто применяется исследователями древнерусской литературы, но включает в себе существенные опасности. Способ этот основывается на использовании того типа доказательства, который принято называть *argumentum ex silentio*.

В самом деле, в поисках автора исследователи очень часто прибегают к выявлению того круга явлений, о которых произведение умалчивает.

⁶⁸ См. об этом выше, стр. 30.

Эти умолчания иногда и в самом деле помогают сузить круг возможных авторов, точнее определить автора во времени, в социальной сфере и географических пределах, но пользоваться ими нужно с очень большой осторожностью. Так, например, В. Мансикка в своем исследовании *Жития Александра Невского* отмечает, что автор его не был ни новгородцем, ни псковичем: «Легко доказать, что автор не был новгородский или псковский житель, — пишет В. Мансикка. — В его рассказе нет таких подробностей, которые известны местным новгородским и псковским летописям и которые предполагают знакомство с местной традицией или обнаруживают пристрастие к местным интересам. Нет, например, упоминания о свадьбе князя, нет известий о его ссоре с новгородцами, о его походе на Емскую землю, о татарских численниках и т. д. Рассказ о взятии немцами Пскова и о построении города „во отечестве Александрове“, т. е. Копорьи, отличается крайней голословностью, между тем как местные летописи могли бы сообщить автору *Жития* кое-какие подробности. Местные летописи перечисляют народы, которые принимали участие в первом походе против Александра и упоминают о шведском князе, его епископах и воеводе Спиридоне; автор же *Жития* говорит довольно глухо о „римлянах“ и о „короле“ их. Летописец выводит Александра против неприятеля вместе с новгородцами и ладожанами, называет число и месяц, когда была знаменитая „сеча свеем“, 15 июля, и перечисляет по имени убитых новгородцев, которых вместе с ладожанами не оказалось больше двадцати; биограф же Александра заставляет своего героя выступать без новгородцев, с немногочисленной княжеской дружиной, определяет время воскресеньем, днем памяти таких-то святых, и об убитых не говорит ни слова. Подробности, касающиеся битвы на Чудском озере и приведенные в летописи: обозначение числа, 5 апреля, местностей и количества немецких потерь, не говоря о подробностях самого боя, в *Житии* совершенно опущены».⁶⁹

Я привел это место из исследования В. Мансикки, так как аргументация его в пользу того, что составитель *Жития Александра Невского* не был ни новгородцем, ни псковичем, считается исследователями в общем приемлемой. Однако она же отчетливо выявляет всю слабость такого рода рассуждений. В. Мансикка сравнивает летописи и *Житие* и отмечает то, что отсутствует в *Житии* сравнительно с летописью, но совершенно не учитывает различия в жанрах и в задачах произведений. Все то, что отсутствует в *Житии*, могло отсутствовать в нем и в том случае, если бы автор его был новгородцем и псковичем, — единственно вследствие жанровых особенностей *Жития*, не допускающих излишней детализации и конкретизации изображения.

На этом примере видно, что пользоваться умолчанием автора о каких-то современных ему событиях надо с большой осторожностью. Нельзя во всяком случае не учитывать возможности других объяснений авторского умолчания.

*

Итак, определяя автора того или иного произведения, нужно проделывать почти всю работу, связанную с историко-литературным изучением. Необходимо знать историю текста произведения, его литературные традиции, его эпоху и т. д. На всех стадиях этого историко-литературного изучения произведения могут явиться счастливые находки, которые дадут

⁶⁹ В. Мансикка. *Житие Александра Невского*. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, стр. 15—16.

возможность установить его автора. Нет, следовательно, такой стадии изучения памятника, на которой мы могли бы сложить оружие и заявить: автор его найден быть не может.

Но если брать вопрос в целом, то можно сказать, что есть отдельные стороны в изучаемом памятнике, которые чаще всего способствуют открытию автора. Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом. Надо обращать внимание на хронологию произведения и на место его возникновения, на идеологию (по преимуществу на оттенки), на стиль, на язык, ловить писателя на таких высказываниях, которые могли бы быть сделаны в специфических условиях, которые могли принадлежать не всякому. Обнаружить такие данные об авторе — дело внимания, таланта исследователя и, несомненно, счастливого случая. Но ни в коем случае нельзя ограничивать установление авторства только одним каким-нибудь рядом аргументов: палеографических, языковых, биографических, идеологических и т. п. Взаимодействие различных методов атрибуции — необходимое условие ее достоверности.

Если данные об авторе нашлись, необходимо точно определить, в чем состояла его работа, не смешать автора с переписчиком или редактором, определить границы того произведения, которое он создал.

В этих последних задачах состоят специфические трудности атрибуции в изучении древней русской литературы. Атрибуция тесно связана со всеми видами историко-литературного исследования памятника.

Как в искусствоведении при определении художника наиболее показательные детали извлекаются из второстепенных деталей живописи (например из приемов, которыми написано ухо), так и в определении автора произведения очень часто важны специфические частности. Так например, при атрибуции по идеологическим соображениям решающее значение имеет иногда не основная мысль (общая ряду авторов в силу отражения в ней идеологии класса или какой-то группы людей), а оттенки мысли, детали — все то, что индивидуально для данного автора.

«Официальные» данные об авторе (в названии произведения) менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, «случайные»; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля и т. д. Одним словом, очень часто второстепенное оказывается для атрибуции первостепенным, а первостепенное второстепенным. Атрибуция имеет свой выбор фактов.

Такого рода преимущество деталей в атрибуции перед общим заставляет быть исследователя весьма осторожным и с особым вниманием следить за согласованностью различных показаний.

В древней русской литературе почти во всех случаях дело обстоит таким образом, что полную уверенность в точной атрибуции памятника мы можем получить только в результате полного его историко-литературного изучения. При этом атрибуция памятника есть только один из моментов исследования истории его текста. В обосновании этой мысли состояла главная задача данной работы.

Н. Н. РОЗОВ

Рукописная традиция «Слова о законе и благодати»

Прошло уже более полутора столетия, как был обнаружен и введен в научный оборот замечательный памятник литературы Киевской Руси — «Слово о законе и благодати», который сразу же привлек к себе внимание исследователей, не ослабевающее до настоящего времени. Без характеристики или упоминания этого произведения не обходится ни одно современное исследование по истории Киевской Руси, ни один курс истории нашей страны, не говоря уже об исследованиях и учебниках по истории русской литературы.

Однако специальных исследований «Слова о законе и благодати» не появлялось уже более 50 лет, хотя до сих пор остаются нерешенными важнейшие вопросы, связанные с происхождением этого произведения, не выяснены его источники и методы их использования в целях раскрытия идейно-политического содержания «Слова». Достаточно сказать, что до сих пор еще не доказано, был ли известный киевский митрополит Иларион, живший в первой половине XI в., автором этого произведения, хотя уже более ста лет оно связывается только с одним этим именем.

Первое упоминание о «Похвале великому князю Владимиру», содержащейся в «харатейной» рукописи 1414 г. из собрания А. И. Мусина-Пушкина, появилось в 1806 г. в первом труде по русской палеографии — известном «Письме о камне Тмутараканском» А. Н. Оленина, где было дано описание рукописи и воспроизведено факсимиле трех строк из заглавия этого произведения, снятое известным палеографом А. И. Ермолаевым. На ту же рукопись ссылается и Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского».¹ В 1839 г. профессор Кафедры римской словесности Московского университета А. М. Кубарев нашел новый список «Слова о законе и благодати» в пергаменной рукописи XV в. из собрания И. Н. Царского.² Наконец, в 1844 г. это произведение было впервые опубликовано известным ученым-археологом протоиереем А. В. Горским по новому, более позднему, но и наиболее полному списку Синодального собрания с разночтениями по трем спискам.³ А. В. Горский первый связал «Слово о законе и благодати» с именем митрополита Илариона, основываясь на анализе содержания этого произведения, а также на том, что в рукописи Синодального собрания вслед за «Словом о законе и благо-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, прим. 110.

² По этой рукописи «Слово» было впоследствии издано О. М. Бодянским с «разнословиями» по четырем спискам (ЧОИДР, 1848, № 7). Публикация Бодянского была перепечатана Ф. Г. Калугиным (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894).

³ Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I (Прибавление к творениям св. отцов в русском переводе, ч. 2. М., 1844).

дати» идет «Исповедание веры», подписанное «мнихом и пресвитером Иларионом». Горскому принадлежит и датировка этого произведения на основании двух известных по летописям дат: освящения церкви Благовещения в Киеве, о которой говорится в «Слове» (1037 г.), и смерти жены Ярослава Мудрого Ирины (1050 г.), упоминаемой в этом произведении.

Если датировка «Слова о законе и благодати», отнесение его ко времени Ярослава Мудрого, не вызывает сомнений, так как подтверждается всем содержанием произведения, то приписывание его Илариону не имеет еще неопровержимого доказательства: Иларион мог быть автором «Слова о законе и благодати», но еще не доказано, что он им является.⁴

Большие разногласия и споры вызвал в свое время вопрос об идейно-политическом содержании «Слова», о его тенденциозности. В нем находили антииудейские, антигреческие и антиболгарские тенденции; каждая из таких «находок» вызывала больше возражений, чем согласия исследователей, что способствовало умножению литературы по изучению «Слова о законе и благодати». Итогом дореволюционных исследований идейно-политического содержания «Слова» можно считать определение его как «первого опыта философии русской истории, имеющего целью определить место России во всемирной истории ... указать главную идею русского государства».⁵ Важнейшее политическое значение этого произведения подчеркивается и современными исследователями. «„Слово о законе и благодати“ — речь политическая, отражающая запросы и нужды русской действительности, написанная с искренним патриотизмом, пронизанная острой историкофилософской мыслью»; значение «Слова» «приближалось к значению настоящей государственной декларации».⁶

Спорным и до сих пор нерешенным является вопрос об источниках «Слова о законе и благодати». О. М. Бодянский считал, например, что «Слово» указывает на существование на Руси уже в то время всей Библии в переводе.⁷ Это утверждение, расширяющее представления о репертуаре русской книги XI в., вызывает, однако, серьезные возражения.

Решение вопросов, связанных с происхождением «Слова о законе и благодати», определение его идейно-политического содержания, источников, наконец — его места и значения в истории русской политической мысли и литературы затрудняются отсутствием критического научного издания. Кроме упомянутых выше изданий, отдельные списки этого произведения издавались А. И. Соболевским,⁸ В. И. Срезневским,⁹ А. В. Багрием¹⁰ и, наконец, Ф. И. Покровским, издавшим фрагмент «Слова» по самой ранней его рукописи XII—XIII вв.¹¹ Необходимо полное издание всех редакций и вариантов «Слова», основанное на изучении его рукописной традиции.

Обзор рукописей «Слова о законе и благодати» впервые был сделан академиком Н. К. Никольским, кратко описавшим 32 списка этого произведения, разделенные им на четыре редакции.¹² Произведенные автором настоящей статьи розыски списков «Слова» дают возможность допол-

⁴ И Н Жданов, Собр. соч., т. I, СПб., 1904, стр. 40.

⁵ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 93.

⁶ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1958, стр. 45.

⁷ ЧОИДР, 1848, № 7, стр. XIII.

⁸ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2. Киев, 1888.

⁹ Записки Академии наук, т. 72, прилож. 5, 1893.

¹⁰ Киевские университетские известия. Киев, 1911, № 10.

¹¹ ИОРЯС, т. XI, 1906.

¹² Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 82—86.

нить перечень Н. К. Никольского еще 12 списками; текстологический анализ всех списков «Слова» подтверждает правильность выделения Никольским только трех его редакций. Что же касается произведения, названного Никольским «толковой» редакцией, или «изводом» «Слова»,¹³ то его следует отнести не к редакциям, а к одной из позднейших переработок, к примерам использования этого произведения в чисто богословских целях, для толкования священного писания. К позднейшим переработкам «Слова о законе и благодати» следует отнести еще два произведения, в которых «Слово» использовано не в богословском, а в историческом аспекте: «О крещении русския земли и от жития вкратце и похвала ... князя Владимира» (в рукописях XV—XVI вв.: ГБЛ, Троицк. 678/413; ГБЛ, МДА 9/95 и ГПБ, Погод. 1563; в первых двух оно предшествует «Слову о законе и благодати») и «Почтение на память ... князя Владимира» (в рукописи XVI в.: ГБЛ, МДА, Волок. 233/659).¹⁴

Помимо «Слова о законе и благодати» были обследованы списки так называемой «Молитвы св. Илариона», причем, кроме находки новых списков и уточнения перечня их, сделанного Никольским, было установлено существование двух ее редакций — краткой и пространной, что не было отмечено Никольским.

Изучение переработок «Слова» и приписываемой Илариону «Молитвы» очень важно для определения места и значения произведений, связываемых в истории русской литературы с именем первого русского митрополита.

Итак, «Слово о законе и благодати» известно в настоящее время в трех редакциях.

Первая, полная редакция представлена единственным списком, обнаруженным и опубликованным в свое время А. В. Горским, содержащимся ныне в рукописи ГИМ, Синод. 591. Это сборник начала XVI в., написанный полууставом на 213 листах в четверку. Содержание сборника составляют: «Палея историческая» (лл. 1—142), известный апокриф «Откровение Мефодия Патарского» (лл. 142—167), «Слово о законе и благодати» с примыкающей к нему и названной в заглавии «Слова» в качестве его составной части «Молитвой», за которой, с красной строки, следует «Исповедание веры», заканчивающееся припиской «мниха и пресвитера Илариона» (все эти произведения занимают лл. 168—203). Заканчивается сборник сочинением о литургии Григория Богослова.

Что касается публикации произведений, приписываемых А. В. Горским митрополиту Илариону, то она сделана достаточно точно, но с заменой некоторых архаических грамматических форм и слов преимущественно употреблявшимися в то время богословскими терминами. Это в первую очередь относится к важнейшему для определения содержания главного произведения Иларионовского цикла слову «благодать», которое в рукописи, везде, где оно написано без титла, обозначено другим словом — «благодеть».¹⁵ Публикация сопровождается вводной статьей, в которой

¹³ Опубликовано им в СОРЯС (т. LXXXII, 1907, № 4).

¹⁴ Первое из этих произведений (по последнему из перечисленных списков) было опубликовано А. И. Соболевским (Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2); второе включено Н. К. Никольским в перечень списков «Слова о законе и благодати» с оговоркой «Не переделка ли это Иларионова Слова?» (Н. К. Никольский. Материалы..., стр. 85).

¹⁵ Оба эти слова приведены в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. I, столб. 96 и 98). Первое из них соотнесено с греческим словом *χαρις*, словом полисемантическим, обозначающим самые различные понятия, начиная с житейских «радость», «красота», «привлекательность», «благосклонность», «уважение» и др., кончая религиозно-мистическим значением этого слова — «благодать», тем самым,

обосновываются авторство митрополита Илариона и датировка «Слова о законе и благодати», а также ставится вопрос об авторе других произведений древнерусской письменности, обозначенных именем Илариона. Издание снабжено переводом «Слова» (вместе с «Молитвой») и «Исповедания веры» на современный русский язык, в котором курсивом выделены библейские цитаты с указанием их источников.

Вторая, «усеченная» редакция «Слова о законе и благодати», в конце которой отсутствует пространная «Похвала Ярославу Мудрому», имеющаяся в первой редакции, — самая распространенная в рукописной книжности: она известна в 30 списках. К этой редакции относится старейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв., обнаруженный Ф. И. Покровским среди отрывков пергаменных рукописей, присланных в 1869 г. из Финляндии, где этот лист был использован в качестве архивной обложки. Отрывок этот драгоценен не только по своей древности, но и потому, что вносит ясность в соотношение редакций «Слова»: он содержит одну из тех частей «Слова», где в третьей его редакции была сделана большая вставка, отсутствующая в данном списке; некоторые же различия с Синодальным списком не позволяют отнести этот фрагмент к первой редакции.¹⁶ Оба эти обстоятельства дают основание отнести этот отрывок ко второй редакции, к которой принадлежит большинство других древних рукописей «Слова о законе и благодати», рукописей XV в. и в числе их найденный Кубаревым и опубликованный Бодянским пергаменный список Уваровского собрания (бывшего собрания Царского № 1772/509) в ГИМе.

Текстологический анализ списков второй редакции приводит к выводу о том, что наиболее близким к архетипу является список первой половины XV в. — ГИМ, Чуд. 262. Это Сборник житий и поучений, написанный полууставом в лист, на 556 листах. На л. 404 об., непосредственно перед началом «Слова о законе и благодати», имеется приписка писца, датированная 6952 (1444) г.

Различия остальных списков этой редакции с Чудовским, не имеющие существенного значения, умножаются по мере их хронологического удаления от архетипного текста, главным образом за счет модернизации лексики. Так, например, титул князя Владимира, обозначенный в Чудовском и другом древнейших списках «Слова о законе и благодати» старинным словом «каган», в списках XVI в. заменяется словом «князь» и «государь», к которым в XVII в. прибавляется церковная титулатура: «благоверный и равноапостольный», «святой». Архаическая форма «съл», сохраненная в Чудовском списке, постепенно превращается в «посол»; не менее архаическая форма того же списка «гръздится» переходит в «гроз-

в котором это слово употребляется богословами и в числе их первым издателем «Слова о законе и благодати». Второе слово соотносится Срезневским с тем же греческим *χάρις* и с латинским «*gratia*», но в материалах, приводимых им, дается и в качестве перевода *eudergesia*, что значит «доброе дело», «благодееяние», «услуга», т. е. понятия исключительно реальные, житейские. Поэтому не следовало бы при издании «Слова о законе и благодати» заменять последнее слово, а нужно передавать его так, как оно обозначено в Синодальном и многих других списках этого произведения.

¹⁶ Фотография этого фрагмента воспроизведена в книге «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР (вып. 2, М.—Л., 1958, стр. 88). Любопытно отметить, что И. И. Срезневский, опубликовавший впервые сведения об этой рукописи и отрывки из нее, не узнал в них «Слово о законе и благодати» и назвал второй отрывок «срединой слова о богочеловеке» (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 2, СПб., 1876, стр. 14). И. И. Срезневский, между прочим, пишет, что «по начертанию некоторых букв» этот отрывок может быть отнесен к XII в. и что его «письмо... любопытно особенно тем, что, как кажется, сделано не пером, а тростью» (там же, стр. 6).

дится» и в позднейших списках искажается, заменяясь словами «гордится» и даже «грозится». Библейские цитаты, которыми насыщено все это произведение, изменяются лексически соответственно изменению языка богослужебных книг, в которых они употребляются.

Наконец, в более поздних списках некоторые краткие характеристики и религиозно-нравоучительные сентенции развертываются в пространные за счет усиления витиеватости стиля и увеличения панегирического элемента. Например, в ранних списках про русских князей — Владимира и его предков — говорится просто, но ярко: «не в худе бо и в неведоме земле владычствоваша, но в Руской, яже ведома и слышима есть всеми конци земля»; в одном из поздних списков Русская земля дополнительно характеризуется как «преславная и великая», а «каган наш Владимир» величается далее как «великий от великих государь наша земля». ¹⁷

Отмеченные особенности свойственны и единственному списку первой редакции, поскольку он относится к XVI в. Поэтому архетип первой редакции можно восстановить лишь с помощью Чудовского списка, а также списка ГИМ, Муз. 207/1772 XV в., имеющего целый ряд разночтений, сходных с первой редакцией. Для восстановления архетипа Синодального списка следует отбросить некоторые наслоившиеся на него религиозно-нравоучительные сентенции и заменить неологизмы.

Так, например, в конце «Слова», в похвале князю Владимиру, во второй редакции приводится цитата из Евангелия: «иже исповесть мя пред человеки, исповем и аз пред отцем моим, иже есть на небесех», — отнесенная к деятельности Владимира (далее говорится: «колико ты похвален имаши быти, не токмо исповедав . . . но и веру уставь по всей земле сей»). В списке первой редакции и близком к нему Музейском списке между приведенными фразами вставлена еще одна, не изменяющая смысл этой похвалы, но лишь ее распространяющая: «да еще исповедания приемлет о себе от Христа к богу отцу, исповедавый его токмо пред человеки. . .». Из примеров замены архаизмов, встречающихся в списке первой редакции, укажем один наиболее характерный. В Чудовском, как и в большинстве других древнейших списков, сохранилась очень редкая форма причастия страдательного залога от глагола «мънити» — «мъномый»: «Христос славим бывает, а иудеи мъноми». В близком к первой редакции Музейском списке второй редакции, который уже назывался выше, это слово искажено и превратилось в «мнози», а некоторые позднейшие списки дают форму «многими». Эти искажения, не имеющие в данном контексте никакого смысла, указывают, что в оригинале музейского списка была форма «мъноми». В списке же первой редакции эта архаическая форма заменена той же грамматической формой от глагола «клясть»: «Христос славим бывает, а иудеи кленоми».

Наконец, следует отметить одну явную модернизацию текста «Слова о законе и благодати» в сохранившемся списке первой его редакции, модернизацию несколько иного, чем в приведенных примерах, свойства. В той же заключительной части «Слова», в «Похвале князю Владимиру», отмечается (в сравнении его с Константином Великим), что он «принес крест от нового Иерусалима». В Синодальном списке здесь упомянута княгиня Ольга, о которой ни в одном списке «Слова» нигде не говорится, хотя вначале и перечисляются знаменитые предки Владимира. Вставка эта могла быть сделана только после канонизации Ольги, последовавшей не ранее XIII в. ¹⁸

¹⁷ Рукопись середины XVI в. (ГПБ, Погод. 645).

¹⁸ В. Васильев. История канонизации русских святых. — ЧОИДР, 1893, № 3, стр. 75.

Все приведенные примеры говорят о том, что дошедший до нас единственный список первой редакции «Слова о законе и благодати» дает его несколько измененный, лексически модернизированный текст. Поэтому для восстановления архетипного текста первоначальной редакции этого произведения необходимо использовать древнейшие списки его последующих редакций, особенно второй, отличающейся от первой лишь отсутствием концовки, содержащей похвалу Ярославу Мудрому. «Отсечение» этой концовки было сделано, конечно, неспроста, а с явной целью приуменьшить и свести почти на нет восхваление в «Слове» сына и наследника князя Владимира, что дает основание для разделения этих двух редакций; однако в остальном содержание «Слова о законе и благодати» в его второй редакции не подверглось переработке.

Третья редакция «Слова» представлена довольно компактной (в смысле незначительности разночтений) группой из 10 списков. Два из них фрагментарны: один (рукопись конца XV в.: ГПБ, Кир.-Бел. 134/1211) состоит из двух отрывков первой части «Слова», второй (рукопись XV в.: ГПБ, Сол. 940/830) представляет его заключительную часть — «Похвалу князю Владимиру». Старейшим в этой редакции является список Мусин-Пушкинского собрания 1414 г., упомянутый в начале настоящей статьи и погибший вместе со всем собранием в 1812 г. С этого сборника, кроме факсимиле трех строк заглавия «Слова о законе и благодати», А. И. Ермолаевым была снята копия, хранящаяся в настоящее время в ГПБ (шифр Ф. I. 295).¹⁹ К концу XV в., кроме названного выше фрагмента, относится еще один, полный и исправный список в сборнике 1494 г. из Соловецкого монастыря (ныне в ГПБ — Сол. 518/537).

Основным отличием третьей редакции «Слова о законе и благодати» от двух остальных является вставка в его текст двух довольно больших кусков. Первый из них, вставленный в самом начале «Слова» и озаглавленный «Слово о Христе и Адаме», представляет собой образец довольно распространенного в богословской литературе толкования образов и событий Нового завета с помощью соотнесения их с персонажами и эпизодами Ветхого завета. Второй отрывок представляет собой также выписки из Библии — из книг пророков. Он весь целиком заимствован из «Повести временных лет», что давно уже было отмечено исследователями.

Тенденция к большему, чем в первых двух редакциях, использованию Библии как в цитатах, так и в толкованиях, заметный налет начетничества чувствуется на протяжении всего текста третьей редакции, что, наряду со вставками, не разъясняет, а усложняет и перегружает содержание «Слова». Чувствуется, что эта редакция вышла из-под пера богослов-книжника, которого интересовал больше не исторический и патристический элемент идейно-политического содержания этого произведения, а его религиозно-казуистическая часть. Он увеличил, например, объем многих цитат священного писания, добавляя и распространяя их либо из тех же источников, либо от себя, явно пытаясь переделать «Слово» из произведения ораторского, злободневного, публицистического в сочинение религиозно-нравоучительное. Эти попытки, быть может, послужили причиной для включения именно третьей редакции «Слова» в состав Великих Четьих миней, хотя здесь могло сыграть роль еще одно обстоятельство: все списки третьей редакции «Слова о законе и благодати» XV и XVI вв. новгородского происхождения.

¹⁹ По копии, снятой с Ермолаевского списка (БАН, 24.4.41), Мусин-Пушкинский сборник был издан И. И. Срезневским.

В старейшем списке третьей редакции — в Мусин-Пушкинском сборнике в записи писца упомянуты новгородские архиепископ и посадник, а в тексте его имеются особенности новгородского говора. Следующий по старшинству список — Соловецкий 1494 г. сходен по составу с предыдущим: все входящие в Мусин-Пушкинский сборник произведения в нем имеются, переписаны в том же порядке и составляют отдельную главу. Кроме того, Соловецкий список имеет указание на его написание в Вологде, и есть основание считать его принадлежавшим основателю библиотеки Соловецкого монастыря игумену Досифею, который, как известно, собирал и списывал книги в Новгороде и его области.²⁰ Следующие три списка XVI в. входят в состав Четьих миней (Успенский и Царский списки в ГИМе, Софийский список в ГПБ), зародившихся, как известно, в Новгороде; еще четыре принадлежат библиотекам новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, входивших в новгородскую епархию. Новгородское происхождение древнейших списков третьей редакции «Слова о законе и благодати» проливает свет на ее возникновение: эта редакция несомненно связана с культом князя Владимира, установленным, как предполагают исследователи, в Новгороде в 1240 г., после побед Александра Невского.²¹

Если без особого труда удастся локализовать третью, новгородскую редакцию «Слова о законе и благодати», то не так легко это сделать со второй (первую редакцию, без всякого сомнения, следует связать с Киевом, что подтверждается всем ее содержанием).

Из 30 списков второй редакции только один список начала XVI в. имеет запись о написании его в Киеве, что не должно удивлять, так как хорошо известно, что в Киеве, столько раз подвергавшемся разорению от междоусобных войн и татарского нашествия, почти не осталось книг. Рукописное наследие литературы Киевской Руси сохранила ее преемница — Владимиро-Суздальская Русь и от нее приняло Московское государство. На Владимиро-Суздальской Руси и сохранилась, одновременно с Новгородом, рукописная традиция «Слова о законе и благодати», донесшая до нас текст этого произведения без переработок, лишь с «усеченным» концом, без «Похвалы князю Владимиру», которая вне времени и места своего появления не была уже актуальной и нужной. На Владимиро-Суздальской Руси, стольный город которой был основан внуком Ярослава Мудрого — киевским князем Владимиром Мономахом, память Владимира Святославича имела скорее историческое, точнее династическое, чем культовое, как в Новгороде, значение.

Итак, картина распространения рукописной традиции «Слова о законе и благодати» может быть представлена в таком виде. Созданное в Киеве при Ярославе Мудром, это произведение затем переписывалось, распространялось и эволюционировало в двух обособленных друг от друга в период феодальной раздробленности областях Русской земли — во Владимиро-Суздальском княжестве и в Новгороде, что обусловило появление двух последующих редакций «Слова». Одну из них можно условно назвать владимиро-суздальской, другую, более очевидно связанную с некоторыми местными условиями, с установлением церковного почитания князя Владимира в частности, можно более определенно назвать новгородской. Последняя редакция и дошла до нас в немногочисленных, почти исключительно новгородских рукописях, в то время как вторая,

²⁰ Об этом см. в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 2. Казань, 1885, стр. 358.

²¹ В. Васильев. История канонизации русских святых, стр. 81.

самая распространенная переписывалась и сохранялась во многих городах Владимиро-Суздальской земли, а позднее и Московского государства.

Анализ состава рукописей, в которых имеются списки «Слова о законе и благодати», произведенный при обследовании его рукописного наследства, также подтверждает сказанное выше.

Начнем с тех немногочисленных, но драгоценнейших сведений, которые нам дает древнейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв. Это развернутый пергаменный лист, являвшийся некогда нижним листом тетради какой-то книги (о том, что это именно нижний лист, говорит характер его поверхности и сгиба, а также и то, что он содержит отрывок «Слова», начинающийся, судя по другим уставным рукописям, примерно через 3 или 4 листа от его начала). Отрывок «Слова» написан на лицевой и оборотной сторонах правой (от сгиба) части листа; левая часть содержит конец какого-то «Слова о воскресении» и начало слова «О твари и дне, рекомом неделя».²² Все это свидетельствует о том, что перед нами фрагмент сборника «слов» и поучений, произведений ораторского искусства, в который «Слово о законе и благодати» попало совершенно естественно, соответственно своему жанру и назначению.

Следующий по старшинству список второй редакции «Слова» — Чудовский, как указывалось выше, список архаичный, сохранивший многие черты своего протографа, входит в состав сборника житий и поучений, где «Слово» помещено опять-таки среди однородных ему по жанру произведений — между «словами» на Пятидесятницу и на Успение. В остальных шести списках XV в. второй редакции «Слово о законе и благодати» содержится в таком же окружении; это все сборники «слов» и поучений, в которых «Слово» встречается в самых различных местах: иногда, как в Чудовском списке, между циклом «слов» Цветной триоди и служебных миней, иногда просто среди поучений Златоуста, Василия Великого и других отцов церкви. В одном же списке этой редакции, относящемся ко второй половине XV в., «Слово о законе и благодати» помечено уже определенным днем — 15 июля, датой, когда было установлено церковное празднование князю Владимиру, что не является случайным: это Четья миней из библиотеки новгородского Софийского собора. Большинство следующих по старшинству списков второй редакции «Слова», списков конца XV и XVI вв., имеют эту же дату, что является очевидным следствием влияния Четых миней.

Интересно и важно отметить, что список второй редакции «Слова», написанный в Киеве (рукопись начала XVI в.: ГБЛ, Егоровск. 875), не имеет даты 15 июля. Это «Златоструй», в котором «Слово» помещено опять-таки после поучения на Пятидесятницу, перед минейным чтением на 27 января.

Что касается списков третьей редакции «Слова о законе и благодати», то все они, начиная с древнейшего, Мусин-Пушкинского, приурочены к 15 июля и находятся среди других произведений, возникших с установлением церковного почитания князя Владимира, рядом с «Памятью» и «Похвалой» Иакова мниха, Житием и, наконец, службой «равноапостольному» князю. Под этой датой третья редакция вошла и в макарьевские Четьи миней.

Знакомство с окружением «Слова о законе и благодати» в рукописях наглядно показывает, как из публицистического, если не сказать политического, ораторского произведения оно постепенно превратилось в житийное, приуроченное к религиозному культу князя Владимира, восхвалению

²² Опубликовано И. И. Срезневским (Сведения и заметки... , вып. 2, стр. 31—32).

государственных, а не религиозных заслуг которого оно было посвящено в своей первоначальной редакции. Однако светское, патриотическое содержание «Слова» при всех переделках явно противоречило церковно-ритуальному использованию, чем и следует, очевидно, объяснить, что его широкое распространение ограничилось XVI в., — в рукописях XVII в. оно известно лишь в нескольких случаях.

Чисто ритуальное употребление имела так называемая «Молитва святого Илариона», переписанная писцом Синодального сборника, сохранившего первоначальную редакцию этого произведения, в конце «Слова» как его составная и заключительная часть. Отдельно эта «Молитва» встречается во многих и притом более ранних списках в двух редакциях — краткой (известно 6 списков) и пространной (7 списков).

К краткой редакции «Молитвы» относятся древнейший ее список, содержащийся в рукописи XIV в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне в ГБЛ — Троицк. 254/190), и 5 списков XV—XVII вв., в числе которых два списка из библиотеки Соловецкого монастыря и один — из новгородского Софийского собора. Принадлежность трех, т. е. половины, известных списков этой редакции к Новгородской земле дает основание для предположения о новгородском происхождении этой редакции; последнее подкрепляется и тем, что в конце «Молитвы» в ее древнейшем списке упоминаются князь и архиепископ (более поздние списки московского происхождения вместо князя называют царя, даже царицу, царевича и царевну, а вместо архиепископа — патриарха).

Пространная редакция представлена списками исключительно московского происхождения, в том числе и Синодальным, содержащим текст первой редакции «Слова о законе и благодати»; самый ранний список относится к 1474 г. В конце, где возносится молитва за властей, в этой редакции упоминаются князь или князья и бояре, но духовные лица не упоминаются, равно как и ни в одном, даже позднем, списке нет титула «царь», не говоря уже о царицах, царевичах и царевнах. Все это может быть принято за доказательство большей древности пространной редакции, чем краткой. Следует также отметить, что только в пространной редакции в двух списках в заглавии «Молитва» приписывается «Илариону, митрополиту Руссейскому».

Что касается состава рукописей, содержащих «Молитву», то естественно, что это богослужебные книги — служебники, требники, каноники и часослов (в одном случае); в двух случаях «Молитва» встречается в кормчих книгах. Читалась она в XV—XVII вв. в чине «Новому лету», иногда в чине епитимьи и в некоторых других случаях,²³ но каждый раз при торжественном, праздничном богослужении. Какое назначение имела «Молитва» первоначально, сказать трудно, но, вероятно, все-таки не то, которое ей было придано позднее: в Синодальном списке, где она переписана в конце «Слова о законе и благодати», на полях отмечено: «и на летопровождение сия молитва тожь подобна»; следовательно, писцу этого списка было известно другое употребление этой молитвы, может быть первоначальное. Что же касается слов «сия молитва тожь и подобна», то их можно понимать как свидетельство того, что писцу Синодального списка были известны и две редакции этой «Молитвы», что вполне подтверждается дошедшими до нас ее списками XVI в. Следует отметить, что в XVII в. «Молитва» Илариона начинает выходить из упо-

²³ Эти случаи отмечены в некоторых списках XVI—XVII вв.: «Молитва о гневѣ божи за бездожие и за безвѣдріе ... и за князя и за вся христіанъ» (ГБЛ, Троицк 284); Молитва . . . в нашествіе иноплемѣнных и в смертоносіе» (ГИМ, Синод. 274) и т. п.

требления; на одном ее списке того времени (рукопись ГПБ, Соф. 1147) на полях отмечено: «аще ли волит и сию да глаголет», т. е. читать эту «Молитву» тогда уже не было обязательным.

Так сложилась в рукописном наследии судьба произведения, которое рукописная традиция связывала с именем митрополита Илариона крепче, чем «Слово о законе и благодати». Вероятно, поэтому писец Синодального списка и включил ее в Иларионовский цикл, приписав ее к «Слову о законе и благодати», хотя скорее всего «Молитва» не входила в состав «Слова». Писец Синодального списка, очевидно, принял риторический прием — обращение к князю Владимиру, примененный в конце «Слова», за молитву к нему, так как тогда, в XVI в., Владимир давно уже считался святым, и решил продолжить обращение к Владимиру обращением к богу. Окончательно решить вопрос о том, входила ли «Молитва» Илариона в состав «Слова о законе и благодати», можно лишь в результате специального и глубокого исследования обоих этих произведений, что в свою очередь можно будет сделать, лишь имея в руках их научное издание.

Остается еще сказать о трех произведениях XV и XVI вв., в которых было использовано «Слово о законе и благодати».

Первое из них, отнесенное Н. К. Никольским к четвертой, «толковой», по его выражению, редакции «Слова», не представляет интереса: «Слово о законе и благодати» использовано в нем лишь в церковно-полемических целях. Приводятся только те места первой части «Слова», в которых говорится об иудеях, используемые в полемике с «жидовином»; обращением к последнему, следующим за первым отрывком «Слова», начинается толкование в «Слове» библейских образов и пророчеств. Текст «Слова о законе и благодати» приводится при этом по второй его редакции, но со значительными сокращениями и изменениями, главным образом за счет свободного, но тенденциозного пересказа (последнее, может быть, и послужило для Никольского основанием считать это произведение особой редакцией «Слова»). В изложении «Слова» неожиданно и без всякого к тому повода появляется большой кусок из известного «Списка книг пророческих» с толкованием Упыря Лихого и также с некоторыми изменениями. После этой вставки продолжается изложение «Слова о законе и благодати» по частям с толкованиями, в которых приводятся преимущественно цитаты из Ветхого, а иногда и Нового заветов, из сочинений отцов церкви, аскетических писателей и т. п. Все это внушается некоему «жидовину» с целью убедить его в преимуществе «благодати» перед «законом». Изложение «Слова» кончается первыми строками его заключительной части — «Похвалы князю Владимиру» («Хвалит бо Римская страна...»).

Что могло послужить поводом к такому одностороннему использованию содержания «Слова о законе и благодати», сказать трудно: можно лишь предположить, что неизвестного церковника-полемиста привлекло обильное использование в «Слове» библейских тем, сюжетов и цитат. Если это обстоятельство дало основание составителю третьей редакции лишь расширить «Слово» толкованием или дополнительным набором цитат из Ветхого завета, то автору так называемой «толковой» редакции оно дало повод использовать часть «Слова о законе и благодати» в церковно-полемических целях.

Гораздо более интересный и результативный пример использования «Слова о законе и благодати» имеется в двух других произведениях. Одно из них, известное в трех списках (старейший — конца XV в.), озаглавлено: «О крещении Русския земля и от жития вкратце и похвала иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, на-

реченного в святом крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю»; второе, известное в одном списке конца XV в., названо: «Поучение на память иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю русскую землю. Житие и похвала вкратце».

Оба эти произведения близки друг к другу, как уже видно из их заглавий. В рукописях они оба приурочены к 15 июля и оба являются компиляцией из второй редакции «Слова о законе и благодати», различных редакций Жития Владимира и главным образом из летописи, откуда заимствованы рассказы о предках Владимира, о его походах и крещении (так называемая «Корсунская легенда»). Отличаются же они друг от друга, так же как и их заглавия, лишь перестановкой и различной полнотой изложения отдельных источников. Текст «Слова о законе и благодати» приводится в них по второй редакции, по чтениям большинства ее списков.

По жанру оба эти произведения относятся к торжественному красноречию, переходящему в конце в акафистные и молитвенные формы; оба, особенно первое, становятся при этом вычурными и многословными, являются образцом «плетения словес» (автор первого произведения, более пространного, более панегирического, прямо признается: «утрудихся плетый Владимиру венец, но от свершенного далече отстоя»). Все это дает основание признать оба произведения типичными и довольно интересными образцами торжественного красноречия своего времени, дает основания для публикации и изучения их.²⁴

Что же касается содержания этих произведений, то самое интересное в них то, что Владимир Святой смешан с Владимиром Мономахом: «По сих же прииде блаженный Владимир в Суздальскую землю и изволи в свое имя съездати град светел же и красен и нарече и Володимерь на реще Клязме». Далее говорится о построении Успенского собора, о крещении «людей» и о том, что этот город Владимир «возлюбил и почте паче всех град русийских, якоже повсюду того обносится имене». Эта вставка может служить указанием на место появления обоих произведений, на Владимиро-Суздальское княжество, что является доказательством существования в нем широко распространенной рукописной традиции «Слова о законе и благодати» в его второй редакции.

*

Обследование рукописного наследства «Слова о законе и благодати» свидетельствует о распространении его в рукописной книжности в течение шести столетий. Это одно из тех произведений литературы Киевской Руси, которые, выдержав испытание временем, пронесли через века и донесли до нас мысли и чаяния русского народа, вступившего в семью европейских народов с гордым сознанием своего равноправия, своей исторической значимости. Пусть все это выражено в религиозно-нравоучительной форме, с широким использованием библейских образов, сюжетов и цитат, но иначе и не могло быть во времена безраздельного господства богословия в области идеологии. «„Слово о законе и благодати“, построенное по схеме византийских проповедей, пользующееся общехристианской, неоригинальной символикой, посвящено большой и очень важной для

²⁴ А. И. Соболевский, опубликовавший первое из этих сочинений, явно недооценил его, так как в его руки попал самый поздний список, список XVII в., когда подобное «плетение словес» было уже архаизмом, пережитком древней традиции.

реченного в святом крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю»; второе, известное в одном списке конца XV в., названо: «Поучение на память иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю русскую землю. Житие и похвала вкратце».

Оба эти произведения близки друг к другу, как уже видно из их заглавий. В рукописях они оба приурочены к 15 июля и оба являются компиляцией из второй редакции «Слова о законе и благодати», различных редакций Жития Владимира и главным образом из летописи, откуда заимствованы рассказы о предках Владимира, о его походах и крещении (так называемая «Корсунская легенда»). Отличаются же они друг от друга, так же как и их заглавия, лишь перестановкой и различной полнотой изложения отдельных источников. Текст «Слова о законе и благодати» приводится в них по второй редакции, по чтениям большинства ее списков.

По жанру оба эти произведения относятся к торжественному красноречию, переходящему в конце в акафистные и молитвенные формы; оба, особенно первое, становятся при этом вычурными и многословными, являются образцом «плетения словес» (автор первого произведения, более пространного, более панегирического, прямо признается: «утрудихся плетый Владимиру венец, но от свершенного далече отстоя»). Все это дает основание признать оба произведения типичными и довольно интересными образцами торжественного красноречия своего времени, дает основания для публикации и изучения их.²⁴

Что же касается содержания этих произведений, то самое интересное в них то, что Владимир Святой смешан с Владимиром Мономахом: «По сих же прииде блаженный Владимир в Суздальскую землю и изволи в свое имя съездати град светел же и красен и нарече и Воладимерь на реце Клязме». Далее говорится о построении Успенского собора, о крещении «людей» и о том, что этот город Владимир «возлюби и почте паче всех град русийских, якоже повсюду того обносится имене». Эта вставка может служить указанием на место появления обоих произведений, на Владимиро-Суздальское княжество, что является доказательством существования в нем широко распространенной рукописной традиции «Слова о законе и благодати» в его второй редакции.

*

Обследование рукописного наследства «Слова о законе и благодати» свидетельствует о распространении его в рукописной книжности в течение шести столетий. Это одно из тех произведений литературы Киевской Руси, которые, выдержав испытание временем, пронесли через века и донесли до нас мысли и чаяния русского народа, вступившего в семью европейских народов с гордым сознанием своего равноправия, своей исторической значимости. Пусть все это выражено в религиозно-нравоучительной форме, с широким использованием библейских образов, сюжетов и цитат, но иначе и не могло быть во времена безраздельного господства богословия в области идеологии. «„Слово о законе и благодати“, построенное по схеме византийских проповедей, пользующееся общехристианской, неоригинальной символикой, посвящено большой и очень важной для

²⁴ А. И. Соболевский, опубликовавший первое из этих сочинений, явно недооценил его, так как в его руки попал самый поздний список, список XVII в., когда подобное «плетение словес» было уже архаизмом, пережитком древней традиции.

своего времени теме». Его автор «создал своеобразное учение о равноправности всех народов».²⁵ «История Руси и ее крещения изображены ... как следствие развития мировых событий», автор «с большим воодушевлением говорит о Руси, о ее месте среди стран всего мира ... „Слово“ от начала до конца представляет собой стройное развитие единой патриотической мысли».²⁶

Подобных примеров высокой оценки «Слова о законе и благодати» современными исследователями можно было бы привести множество. Однако это произведение требует не только похвал, которых за последние сто лет накопилось достаточно, но и более пристального изучения, основанного на тщательнейшем анализе его рукописной традиции, с привлечением данных истории других литературных памятников, обязанных своим происхождением «Слову».

Все это ставит в порядок дня вопрос о новом, критическом издании всех редакций и переработок «Слова о законе и благодати» по всем сохранившимся их спискам.²⁷

²⁵ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. Л., 1952, стр. 154.

²⁶ История русской литературы, т. I, стр. 45.

²⁷ Когда настоящая статья уже печаталась, было обнаружено еще одно произведение, в котором использовано «Слово о законе и благодати» — «Похвальное слово великому князю Василию III Ивановичу», находящееся в сборнике ГПБ XVII в. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (№ 131/1208). Это весьма пространное и велеречивое произведение, в рукописи не озаглавленное и не имеющее конца. В него вставлены целые куски из заключительной части «Слова о законе и благодати» — похвалы князю Владимиру, передресованные Василию III Ивановичу.

И. П. ЕРЕМИН

К характеристике Нестора как писателя

Наряду с княжескими житиями в литературе Киевской Руси стали появляться и жития, посвященные выдающимся деятелям церкви — основателям тех или иных монастырских общежитий.

Старейший памятник древнерусской агиографии этого последнего типа — Житие основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия Печерского, принадлежащее Нестору, автору «Чтения» о Борисе и Глебе.

Память Феодосия Печерского в стенах монастыря стала праздноваться вскоре же после его смерти, еще до его в 1108 г. официальной канонизации. В 1091 г. в новую каменную церковь монастыря из пещеры, где до сих пор покоилось тело Феодосия, были торжественно перенесены его мощи и установлены в притворе на правой стороне. Незадолго до этого события Нестор и написал Житие, видимо по поручению игумена Никона. Точно неизвестно, когда его составил Нестор; во всяком случае еще при жизни Никона (умер в 1088 г.), после «Чтения» о Борисе и Глебе (во вступлении к Житию Нестор сам говорит, что, написав сперва «Чтение», он теперь «понудился и на другое исповедание приити» — о Феодосии¹).

Феодосий Печерский скончался 3 мая 1074 г. Нестор поступил в Печерский монастырь, когда Феодосия не было в живых, при игумене Стефане, когда вокруг Феодосия в монастыре уже стала складываться благочестивая легенда. Эта легенда — устные рассказы и предания — и послужили Нестору основным источником его литературного труда.

На устные источники своего «исповедания» Нестор ссылается не раз. По его словам, он специально расспрашивал о Феодосии иноков, лично знавших Феодосия, и все, что, «испытывая», слышал от них («от древних мне отец»), то и записал. Он даже называет имена людей, сообщивших ему сведения: «много» рассказывал ему о Феодосии инок Феодор, занимавший в свое время в монастыре должность келаря (на него Нестор ссылается дважды); кое-что поведал чернец Иларион.

Самый тип жития святого — основателя монастырского общежития не является изобретением Нестора; приступая к жизнеописанию Феодосия, он опирался на давно и прочно сложившуюся литературную традицию. Установлено, что ближайшим литературным образцом для Нестора в данном случае явился труд Кирилла Скифопольского, одного из классиков византийской дометафрастовской агиографии, — Житие Саввы Освящен-

---

¹ А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899, стр. 40—41. Здесь и ниже Житие цитируется по этому изданию.

ного.² Житие это, во времена Нестора уже известное на Руси в славянском переводе, подсказало ему и композиционную структуру Жития Феодосия, и отдельные сюжетные ситуации, и даже некоторые стилистические формулы.

Житие Феодосия Печерского — сложное и громоздкое литературное сооружение, несомненно потребовавшее от Нестора долгого и напряженного труда.

В соответствии с неписанным литературным уставом, обязательным для каждого агиографа, Нестор предпослал Житию довольно большое вступление. Здесь есть все, чего устав этот требовал: и благодарность богу за то, что он удостоил его, Нестора грешного, поведать миру о жизни и деяниях угодника божьего, и просьба извинить его неискusstво («груб сын и неразумичен», «не бех учен никоеиждо хитрости»), и упование на помощь свыше в этом предстоящем ему многотрудном деле, которое превыше его силы, и ссылка на то, что жизнь и подвиги Феодосия еще никем не описаны, и просьба «с всяцем прилежанием» прослушать его повествование, и цитата о ленивом рабе (Матф., XXV, 26—27), и, наконец, молитва к богу, чтобы просветил сердце и отверз уста.

Вступление составлено из традиционных формул и клише, некоторыми из них Нестор уже воспользовался и в предшествующем своем труде — в «Чтении» о Борисе и Глебе. Отсюда, однако, не следует, что его вступление к Житию Феодосия — всего лишь холодная дань литературному обычаю. Формулы и клише не помешали Нестору сообщить этой требуемой жанром вступительной церемониальной беседе автора с читателем и характер своеобразной авторской исповеди, не лишенной искренности и лирической теплоты: подавленный сознанием высокой ответственности, Нестор делится с читателем своими сомнениями и колебаниями, своими страхами и надеждами ввиду предстоящего ему литературного подвига. Свидетельствуют об этом проявляющиеся и здесь, в начале Жития, некоторые черты его, Нестора, индивидуального стиля: отсутствие каких-либо нарочитых риторических украшений, умоляющие обращения к «возлюбленной» братии, автобиографические признания, бесхитростная простота интонаций.

Из вступления следует, что Нестор, готовясь «вся по ряду» рассказать о покойном печерском игумене, ставил себе прежде всего задачу обрисовать высокий идеал человека, доблестного «воина» божьего, целиком посвятившего себя добру, — в поучение и подражание потомству или, как выражается Нестор, «на успех и на устроение беседующим». Эта дидактическая задача тесно связана у Нестора и с другой, горделиво-патриотической, — на примере Феодосия Печерского показать, что и у нас на Руси («в стране сей») были святые угодники божьи, прославленные своей жизнью и подвигами («таков мужь явися»).

Так уже во вступлении определяется аспект, в котором Нестор покажет Феодосия. С первого же появления своего у Нестора Феодосий Печерский предстает перед читателем в «серафическом» образе идеально-положительного христианского героя — святого. И таким в основном он пройдет сквозь все Житие, сопровождаемый молитвенно-благоговейными эпитетами — «блаженный», «преподобный», «великий», «богодуховенный».

Сын благочестивых родителей (имена их не названы), Феодосий уже в раннем детстве — «избранник божий», «земной ангел и небесный чело-

² С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 148—149; здесь же указана и вся остальная литература по данному вопросу.

век»; что он «измлада» посвятит себя богу, на восьмой день его рождения «сердечныма очима» прозревает священник, к которому родители принесли ребенка.

Рассказ Нестора о детстве и юности Феодосия — рассказ о том, как Феодосий упорно и настойчиво стремится выполнить «от чрева матерня» свыше ему предназначенное. «Влеком на любовь Божию», он уже в детстве обнаруживает добродетели, в таком собранном виде рядовому человеку не свойственные, совершает поступки, нарушающие все нормы повседневного человеческого поведения: у одних поступки эти — его духовные подвиги вызывают благочестивое изумление, у других, «несмысленных», — укоризны и даже насмешки.

Поставленные в необходимость жить в «миру» — в окружении простых, рядовых людей, святые иногда вынуждены вступать с ними в нелегкую борьбу, когда они, несвятые, пытаются им, «избранникам Божиим», навязать свой образ жизни, свою волю, свои мирские побуждения. Нестор утверждает, что не избежал этой участи и Феодосий. Еще в юности на его долю выпало тяжкое испытание, тем более тяжкое, что ему самоутвердиться в боге всячески старалась помешать родная мать.

В изображении Нестора мать Феодосия — воплощение земного, материального начала, с которым сын ее, иконописный отрок, уже осененный нимбом святости, впервые сталкивается на своем жизненном пути. Это земное, материальное начало в образе матери Феодосия Нестор выразительно подчеркнул, дав описание ее внешнего облика: была она «телом крепка и сильна, яко и муж»; тому, кто слышал, как она с кем-либо говорит, казалось, что говорит мужчина. В тех же целях отметил Нестор и господствующую в ней страсть; эта сильная мужеподобная женщина буквально одержима любовью к сыну — любовью яростной и неутолимой. И любовь эта (Нестор осуждает ее как чрезмерно «земную») — источник постоянных столкновений между нею и Феодосием. Столкновения эти и составляют содержание Жития Феодосия в его начальной части; под пером Нестора они принимают характер своеобразного единоборства между сыном и матерью.

История этого единоборства в изложении Нестора полна драматизма. Одна схватка сына с матерью следует за другой, от эпизода к эпизоду повышая напряженность повествования. Ощущения этой все возрастающей напряженности Нестор добивался простым и в то же время очень действенным способом: настойчивым повторением через некоторые промежутки, каждый раз с новыми вариациями, одних и тех же положений.

Начинается единоборство с того, что Феодосий, верный своей привычке ходить в худой и заплатанной одежде, решительно отказывается надеть светлую. Его неоднократно, много раз, просят об этом не только мать, но и сам «властелин» города, но всегда напрасно. «Светлая» одежда у Нестора (и здесь, и ниже в рассказе о Варлааме, сыне боярина Иоанна) упоминается и в прямом смысле, и в переносном — как символ радостей и утех мира. Потому-то Феодосий так и торопится поскорее ее сбросить: ему, уже внутренне покончившему все счеты с миром, она давно стала в «тяжесть».

Борьба обострится, когда Феодосий начинает работать как простой «раб», сперва на поле в принадлежащем его матери селе вместе с другими смердами, а потом в пекарне, где он по собственному почину мелет жито и печет просфоры, необходимые для церковного служения.

Когда же Феодосий принимает решение тайно бежать из родительского дома, борьба достигает своей кульминации. Он пытается уйти вначале с паломниками на поклонение святым местам, «идеже господь наш

плотию походи». затем — в соседний город к некоему пресвитеру и, наконец, в третий раз, следуя за проезжими купцами, — в Киев.

Каждый духовный «подвиг» сына вызывает у матери вспышку необузданного гнева, сопровождающуюся слезами, бранью, угрозами и даже лобоями. Видя, что «гроза» и «ласка» ни к чему не приводят, она принимает и более крутые меры: запирает сына под замок, лишает пищи, связывает ноги цепью. Но тщетно: сын проявляет невозмутимое упорство, и мать скрепя сердце, до новой вспышки, примиряется с положением вещей.

В Киеве, куда ему удалось беспрепятственно добраться, Феодосий стал ходить по монастырям, — рассказывает Нестор — но нигде, ни в одном из киевских монастырей, «видевше отрока простотью», его не приняли: везде, надо полагать, требовали вступительного вклада, у него же ничего не было, кроме ветхого рубища, в которое он был одет. Только за городом, в пещере, где «спасался» некто Антоний, он нашел пристанище. И здесь ему наконец довелось осуществить свое давнишнее чаяние: Антоний по просьбе Феодосия повелел совершить над ним обряд пострижения и облечь в иноческую одежду.

Мать Феодосия между тем принимала все меры, чтобы отыскать сына; она пообещала немалое вознаграждение тому, кто наведет ее на след; бдя себя в грудь, «люте» причитала о сыне, «яко и по мертвем». Так прошло четыре года, пока случайно кто-то не сообщил ей, что видел Феодосия в Киеве. Она немедленно собралась в путь, узнала, что сын ее — у Антония Печерского, разыскала пещеру, и поединок сына с матерью после некоторого перерыва возобновился с новой силой.

Дважды побывала она в пещере, умоляла и требовала показать ей сына. Но Феодосий (он дал обет ни с кем из мирян не общаться) наотрез отказался повидаться с матерью. И только когда она стала угрожать, что «зле» погубит себя здесь, «пред дверьми пещеры сея», он вышел к ней — по настоянию смутившегося духом Антония, не желая его послушаться. На угрозу он ответил угрозой, не менее жесткой: мать не увидит его больше никогда, если не выполнит его обязательного условия — не оставит все и не пострижется в инокини.

Долго колебалась мать, не зная, на что ей решиться. Но в конце концов, после многих лет изнурительной борьбы, сдалась она: победу одержал сын. По совету Феодосия она осталась в Киеве, приняла иноческий образ в монастыре св. Николая, где некоторое время спустя и скончалась.

Из рассказа Нестора следует, что мать Феодосия приняла условие сына отнюдь не по внутреннему убеждению. Покинуть «свет сей мало-временный» и постричься в инокини побуждают ее не любовь к Христу и даже не любовь к сыну, а чудо (Феодосий молился об «обращении» сердца ее, и бог «услыша молитву угодника своего»). Нестор отказался развязать им же и завязанный психологический узел; как и его литературные предшественники в аналогичном случае, он ограничился простой ссылкой на божественное вмешательство в дела человеческие.

Борьба «небесного» начала с «земным», составляющая основное содержание Жития Феодосия в этой его части, нашла свое отражение и в самом строе рассказа Нестора — в распределении светотени и даже частично в языке.

Отрок Феодосий в изображении автора агиографически стилизован. Образ его схематичен и прямолинеен. Он построен по канону, освященному культом святых и вековой литературной традицией. Поступки его однотипны и заранее предписаны церковным идеалом христианского святого-подвижника. Речь его немногословна и всегда особо значительна:

насыщенная «высокими» церковнославянизмами, она обычно состоит из назидательных сентенций и пересыпана цитатами из писания. Духовный мир его наглухо закрыт для читателя, и Нестор святотатственно никогда в него не заглядывает. Земной небожитель, он гость на земле и рвется скорее порвать все путы, еще как-то связывающие его с мирской суетой.

Прямая антитеза Феодосию — его мать. Образ ее дан в подчеркнuto бытовом плане. В отличие от сына она крепко привязана к земле и всему земному — к своему обширному хозяйству, своим «села́м» и «раба́м». Она искренне огорчена поведением сына: ей непонятен мир, в который он так сосредоточенно погружен, ее раздражает и даже пугает его угрюмое благочестие. В многолетней борьбе с сыном, принимающей подчас столь несдержанный характер, первая всегда страдает она. Ее безответная любовь жалка в своей полной беспомощности: она готова пойти на любые уступки — только бы удержать при себе сына. Нестор с большим чутьем к жизненной правде изобразил всю мятущуюся непоследовательность ее безмерной материнской любви. Замечательна сцена, когда у пещеры Антония после долгой разлуки мать впервые видит сына. Возбужденная отказом Феодосия встретиться с нею, уже готовая к очередной схватке, она нетерпеливо его ждет. Она не узнает Феодосия, когда он выходит к ней: до такой степени изменился он «от многого труда и воздержания». И гнев ее мгновенно проходит, она бросается сыну на грудь и горько плачет. Мать Феодосия — человек, как все. Поступки ее, даже взрывы некротимой ярости, так картинно описанные Нестором, всегда вызываются ходом событий и не таят в себе ничего противоречащего человеческой природе. Речь ее проста и часто у Нестора окрашена отчетливыми «бытовыми» интонациями. При первой встрече с Антонием она спрашивает его: «Молю ти ся, отче, повеж ми, аще зде ест сын мой, — много же си жалю его ради, не ведуши, аще убо жив ест». Здесь сквозь книжный налет проступает строй живой разговорной древнерусской речи. Звучит он и несколько ниже в ее гневной реплике Антонию: «Изведи ми, старче, сына моего, да си его вижду, не терплю бо жива быти, аще не вижду его, яви ми сына моего».

Сообщением о пострижении матери Феодосия в монастыре св. Николая и ее смерти заканчивается часть Жития, посвященная детству и юности Феодосия. Сведения об этом периоде его жизни («от юны версты, дондеже прииде в пещеру») Нестор получил от келаря Феодора, который в свою очередь почерпнул их со слов матери Феодосия; так во всяком случае утверждает Нестор.

В дальнейшем Житие круто меняет русло; в повествование вступает новая тема — история Печерского монастыря. Начинает ее Нестор с момента поселения Феодосия в пещере Антония и доводит до 80-х годов XI в. Едва ли не все события истории Печерского монастыря находят здесь свое то краткое, то более подробное описание: приход к Антонию Варлаама, сына боярина Иоанна, и княжеского ключника Ефрема, гнев князя Изяслава на печерских старцев за то, что они постригли Варлаама и Ефрема без его соизволения; уход сперва Никона, сподвижника Антония, в Тмуторокань, а затем и Ефрема — в Константинополь; удаление Антония «на ин холм» — подальше «от всякого мятежа и молвы» и назначение игуменом Варлаама; вывод Варлаама княжим повелением на игуменство в монастырь св. Димитрия и избрание игуменом Феодосия; переселение иноков из пещер на поверхность земли, строительство «недалече» от пещер келий и деревянной церкви в честь богородицы; введение Студийского монастырского устава; возвращение Никона в монастырь; конфликт Феодосия с князем Святославом и вторичный уход Ни-

кона в Тмуторокань; основание каменной печерской церкви. Даже после рассказа о смерти и погребении Феодосия Нестор продолжает излагать историю своей обители: повествует об игуменстве Стефана, о завершении строительства каменной церкви, о «смятении» среди братии, в результате которого Стефан вынужден был покинуть монастырь, об игуменстве Никона.

Новая тема частично видоизменяет самый строй житийного повествования. Рассказ Нестора теряет свою непрерывность и приобретает черты летописного способа изложения — по событиям. Несмотря на отсутствие дат (в древнейших списках Жития налицо только две даты: 6570 — год переселения иноков из пещер на поверхность земли и 6582 — год смерти Феодосия), изложение событий тем не менее ведется во временной последовательности; рассказ о смерти Варлаама, например, читается много ниже рассказа о его пострижении, после перерыва, в «свое» время; нарушение принципа временной последовательности ощущается автором как неправомерное «пресечение» повествования и обычно тщательно оговаривается. Каждый новый рассказ вводится в Житие одной из традиционных летописных формул: «В то же время», «Бысть же в то время», «Тогда же», «Тогда бо», «По сих же», «По сем же» и пр. Некоторые события излагаются в жанре летописного погодного известия (уход Никона и Ефрема, смерть Варлаама и назначение печерского инока Исая игуменом монастыря св. Димитрия, возвращение Никона в Киев). Рассказ об этих событиях фактографичен и краток; преследует информационные цели; наряду с основными спешит сообщить и некоторые дополнительные сведения (если речь идет, допустим, о церкви или монастыре, здесь появляются характерные летописные указания: «се же и донныне есть», «иже и донныне есть»; если о том или ином лице — аналогичные указания: «идеже и донныне честное его тело лежит», «иже последи же поставлен бысть епископом...»); приводит факты, прямого отношения не имеющие ни к данному известию, ни тем более к житию Феодосия (в рассказе, например, об уходе Никона в Тмуторокань попутно излагается история инока Минны, который вместе с Никоном ушел из Киева, но потом расстался с ним и поселился в Константинополе на одном из местных прибрежных островов).

Житие Феодосия теперь рассматривается Нестором уже как часть истории Печерского монастыря, в неразрывной связи с нею. Обстоятельство это во многом существенно изменило задачу Нестора-агиографа. Так как фактическая канва жизнеописания Феодосия оказалась поглощенной историей монастыря, на долю собственно житийного повествования осталось только одно: «портретная» характеристика Феодосия как человека и игумена. На этот путь Нестор и вступил — путь по тому времени не легкий: с такой задачей литература древней Руси еще не сталкивалась.

Свой образ Феодосия Нестор построил крайне просто, если судить с точки зрения литературной «портретной» живописи нового времени. Он начал с того, что стал перечислять, подчас в довольно произвольном порядке и не без повторений, все известные ему добродетели Феодосия, его духовные совершенства («кроток нравом», «тих же смыслом» и пр.), сопровождая это перечисление многочисленными примерами-иллюстрациями.

В результате Житие у Нестора, в этой своей части, распалось на ряд рассказов, каждый из которых должен был показать Феодосия в том или ином повороте, — переключилось в сборник сказаний, связанных между собой единством центрального героя.

В сказаниях этих Нестор еще раз продемонстрировал свое мастерство рассказчика. По структуре они предвосхищают рассказы Печерского па-

терика. Все они по объему невелики и содержат законченное повествование о каком-либо эпизоде из жизни Феодосия, рассчитанном на благочестивое удивление читателя; удивление это Нестор умел поддерживать и чисто литературными средствами: подчеркнуть нужную деталь, расцветить изложение диалогом, где надо нарочито затормозить действие.

Некоторые сказания дублируют друг друга — с теми или иными вариациями воспроизводят один и тот же сюжет. И тогда они у Нестора часто строятся по однотипной схеме, с привлечением одних и тех же стилистических оборотов речи. Таковы рассказы о даре Феодосия укрощать бесов, о пытавшихся ограбить монастырь разбойниках, о необыкновенном смирении Феодосия, о вере его, что господь бог не оставит монастырь в беде и в нужное время снабдит его всем необходимым.

Сказания на последнюю тему составляют у Нестора даже целый цикл, разбросанный, правда, в разных местах Жития. Схема сказаний здесь постоянна и напоминает схему аналогичных рассказов Жития Саввы Освященного. К Феодосию является чаще всего келарь монастыря и сообщает, что на утро нет в кладовых муки, масла деревянного, меда; Феодосий просит еще раз проверить, так ли действительно обстоит дело; келарь уходит и снова возвращается с сообщением, что ничего нет и что он не только все тщательно осмотрел, но даже перевернул вверх дном сосуд, где хранилось масло, в «сухее» обнаружил в одном углу лишь небольшое количество отрубей; Феодосий предлагает келарю укрепиться в надежде на бога, а сам идет молиться; некоторое время спустя к воротам монастыря подъезжает несколько возов — обычно три со всем тем, в чем монастырь испытывает острую нужду — от неизвестного, от боярина, от богатой вдовы; Феодосий по случаю «посещения» божьего велит келарю учредить «праздник велик»: накормить братию свежим хлебом, напоить медом и пр.

Многие сказания Нестора — литературного происхождения. Впрочем, он и сам отнюдь не скрывал того факта, что в работе над Житием Феодосия пользовался литературными источниками: Житием Саввы Освященного, Житием Антония Великого. В источниках этих он прежде всего искал аналогий деяниям собственного героя. И аналогии такие очень ценил, так как они давали ему возможность лишний раз сопоставить Феодосия Печерского с величайшими святыми христианского мира. Именно поэтому он всегда, как правило, не ограничивался простым перенесением в Житие литературного по своему происхождению сюжета, а его перерабатывал с целью придать ему большую достоверность: усваивал Житие, насыщал бытовыми подробностями древней Руси XI в.

Показательным примером того, как радикально иногда под пером Нестора видоизменялся его литературный источник, может служить рассказ Жития о том, как Феодосий и его спутник во время совместного путешествия обменялись местами: Феодосий уступил ему лучшее. В научной литературе было отмечено, что рассказ этот напоминает сказание Синайского патерика («Луга духовного» Иоанна Мосха) об архиепископе Феодоте.³ В патерике аналогичный эпизод излагается вне времени и пространства, как абстрактный пример смирения. У Нестора указываются конкретные обстоятельства, при которых случай имел место: Феодосий по делам отправился в Киев, задержался там до позднего вечера и назад в монастырь поехал на повозке, которую «нощнаго ради поспания» повелел предоставить ему князь Изяслав. В патерике сопровождает архиепископа Феодота

³ Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 53; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. 164.

клирик, хорошо знавший, с кем он путешествует; у Нестора сопровождает печерского игумена простой возчик, принявший Феодосия по одежде судя за «единого от убогих». В патерике помянуться местами предлагает архиепископ; у Нестора — возчик: «Черноризче, се бо ты по вся дни порозден еси, аз же труден сый, се не могу на кони ехати, но сице сотвориве: да аз ти лягу на возе, ты же могый на кони ехати», — говорит он Феодосию. Сказание патерика здесь обрывается; у Нестора рассказ имеет продолжение. На заре, при виде подъезжающих «вельмож», направляющихся к князю, Феодосий предлагает возчику снова сесть на коня; вельможи слезают с коней в знак особого уважения к Феодосию и низко ему кланяются; возчик в недоумении — оно сменяется настоящим испугом, когда у ворот монастыря Феодосия встречают иноки и приветствуют его земным поклоном; смущенного возчика Феодосий ведет за собою, велит накормить и награждает «кунами».

Стремление Нестора тесно связать жизнеописание Феодосия с историей Печерского монастыря сказалось и на образе Феодосия. В сравнении с предшествующим повествованием образ его заметно «приземляется»: приобретает черты живого человека из плоти и крови, становится историчнее, ближе к действительности. Феодосия-подвижника, полностью погруженного в молитвенное созерцание, сменяет Феодосий — требовательный и неутомимый хозяин и начальник недавно основанного монастыря. Нестор обстоятельно рассказывает о его деятельности как игумена. Он ездит, когда надо, в Киев «орудия» ради всякого, поддерживает добрые отношения с княжеской властью, навещает время от времени села, где пасется монастырский скот и где на поле работают монастырские «слуги». Он строго следит за выполнением устава: по ночам обходит кельи иноков, «хотя уведети кождо их житие», — заметив нарушение устава, на утро провинившегося обличает «притчами» и в случае надобности налагает взыскание; отбирает у монахов все, уставом не положенное, — «или брашно снадно или одежду», «или от имениа что». Всегда «собою образ всем даю», не чурается никакой работы, даже самой черной: колет дрова, носит воду из колодца; в пекарне, «веселяся духом», вместе с другими месит тесто и печет хлебы; принимает участие в сооружении новых келий. Много внимания и труда уделяя благоустройству монастыря, не забывает и о своих учительных обязанностях: поучает, обычно «стоя в дверех церковных», братию путям спасения, и Нестор не раз знакомит читателя с содержанием этих его наставлений. Заботится он не только о собственном «стаде»: невдалеке от монастыря для нищих, калек и больных строит особый «двор» и при нем церковь в честь св. Стефана; по субботам в темницы посылает щедрое подавание. Вмешивается в политическую борьбу своего времени: в дни «смятения» Ярославичей 1073 г. выступает в защиту изгнанного братьями князя Изяслава, своего давнего доброхота, пишет севшему на киевском столе князю Святославу грозные обличительные «епистолии» и даже решается на политическую демонстрацию — велит в монастыре за богослужением поминать только Изяслава, рискуя навлечь на себя гнев нового киевского князя и подвергнуться опале.

Именно в этой части Жития впервые начинают проступать у Нестора контуры и внешнего облика Феодосия: мы узнаем, что телом он был «крепок» и «силен», что одевался крайне скромно — носил «свиту власену остру», а поверх нее другую свиту — «вельми худу»; узнаем и некоторые мелкие подробности его личного обихода: был он очень нетребователен в пище — ел преимущественно «хлеб сух и зелие варено без масла», спал мало и обычно сидя. Видим здесь Феодосия даже в минуты досуга, свободные от игуменских забот и духовных подвигов: сидит он в келье один или

с кем-либо из братии, прядет «волну» (изготавливает нити для переплета книг) или творит «ино кое дело», про себя вполголоса напевая псалмы.

Характерное для Жития в этой его части «приземление» образа Феодосия в особенности ярко сказывается в эпизоде (он подробно изложен у Нестора), где Феодосий сам делает то, в чем обычно упрекает других. Как-то накануне праздника Успения богородицы «строитель церковный» обнаружил, что для лампад нет масла деревянного. Он решил взбить масло из льняных семян, о чем и сообщил Феодосию. Тот дал согласие. Когда же «строитель» приступил к заправке лампад, то заметил, что в сосуде поверх масла плавает дохлая мышь. Он поспешил рассказать об этом Феодосию: «со всяким утверждением» накрыл он сосуд и никак не может понять, «откуда влезе гад той и утопе». Феодосий усмотрел в этом наказание за свое «неверствие», осудил себя за то, что не понадеялся на помощь божью, а оскверненное масло повелел вылить на землю. Эпизод примечателен тем, что «святой», «блаженный», «богодуховенный» Феодосий здесь выступает как рядовой человек, во всем подобный «строителю церковному» — не святому.

Заслуживает внимания в этой же связи и тот факт, что Феодосий у Нестора почти не творит чудес. Те же чудеса, которые творит, носят всегда, как правило, чисто практический, хозяйственный характер и преследуют одну цель: материальное благосостояние монастыря. В одном монастырском селе он изгоняет бесов, которые поселились в хлеве и портили скот; монастырский пустой заком по молитве его наполняется мукой в таком изобилии, что она даже пересыпается через стену; пустая бочка по его слову наполняется медом.

Рассказ о смерти и погребении Феодосия частично возвращает Житие в старое агиографическое русло; он не выходит за рамки традиционной схемы: Феодосий предсказывает день и час своей смерти, прощается с братией, просит избрать ему преемника, молится. Несколько оживляет этот трафарет только одна подробность: когда Феодосий, предчувствуя смертный час, попросил оставить его одного в келье, некий брат, «иже всегда служаше ему», не смог сдержать любопытства — проделал небольшую «скважню» и стал подсматривать. Сквозь эту «скважню» Нестор и показывает то, что Феодосий пожелал скрыть от братии — последние минуты своей земной жизни, исход души.

Завершают Житие три небольших рассказа о посмертных чудесах Феодосия, некоторые сведения о дальнейшей истории Печерского монастыря и повторяющее тему вступления коротенькое заключение.

Повествовательный строй Жития в целом — еще одно свидетельство незаурядного мастерства Нестора-рассказчика. Повествование носит характер ровного, неторопливого, истового сказа от первого лица — от автора. Только в одном случае Нестор, следуя примеру Кирилла Скифопольского, у которого аналогичные случаи нередки, передает слово другому рассказчику — иноку Иларionу: последний сообщает эпизод из своей жизни, и эпизод этот в изложении Иларiona, с сохранением диалога, которым он обменивается с Феодосием, входит в состав Жития как «рассказ в рассказе».

Сказовой характер повествования поддерживается у Нестора всеми особенностями этой формы речи: обращениями к читателю («братии»), размышлениями автора по поводу излагаемого, частыми оговорками — знаками авторского самоконтроля, если повествование по тем или иным причинам уклоняется в сторону («Но сиде на первое исповедание возвратимся», «Но се пакы лепо есть нам, братие, сие споведавше, и на прочее ... сказание пойти» и т. п.).

В центральной части Жития, как было указано, читаются многочисленные рассказы-эпизоды, каждый из которых образует более или менее самостоятельную единицу повествования. Перед Нестором стояла задача: так включить их в Житие, чтобы они не нарушали единства повествования и не производили впечатления механических вставок. С задачей этой Нестор справился успешно. Каждый рассказ он вводил формулами, которые сами по себе уже в какой-то мере мотивировали его включение в Житие, а повествованию в целом придавали сказовую непосредственность: «И в един день», «И се же паки», «Паки же некогда в един от дний», «Бе же ту един брат», «И се ми исповеда един от братия» и пр. Отдельные рассказы объединял по сходству содержания или по имени героя (сказания о боярине Клименте); нередко уже в предшествующем рассказе строил мостки для перехода к последующему: так, например, рассказ о неожиданном приезде в монастырь князя Изяслава в послеобеденный час предваряется сообщением о приказе Феодосия в час этот запираеть монастырские ворота; рассказ о попытке разбойников ограбить монастырь — сообщением о строительстве нового «двора» и о том, что монастырь в это время не везде был защищен оградой.

Повествовательный стиль Нестора прост, почти лишен риторического словесного орнамента. Это не значит, однако, что Нестор совсем не ценил «высоких», книжных речений. Изредка, в особо патетические моменты повествования, они у него встречаются («о крылатев же умом», «разбогате в благодатию», «оградив ся верою»).

Одна «украшающая» изложение особенность повествовательного стиля Нестора, впрочем, должна быть отмечена; она не лишена своеобразной изысканности и может быть охарактеризована как реализация метафоры.

В изображении Нестора центральный герой Жития — Феодосий не раз выступает в окружении более или менее торжественно книжных эпитетов и иносказаний; не последнее место среди них занимает сравнение Феодосия со «свотильником» — он ярко светит во тьме, распространяя лучи и озаряя собою все окружающее. Метафора эта у Нестора подчас «овеществляется» — в разного рода видениях, свидетелями которых являются посторонние монастырю люди, обычно миряне. Темной ночью они видят над Печерским монастырем свет «пречюден»; источник света им не ясен, и это исполняет их «страхом» и «ужасом». Нестор, следуя монастырской легенде, подробно описывает такие видения. Одно из них (в рассказе «о богопоказаннем свете», как называется он в поздних списках Жития) в изображении Нестора по своей живописной технике напоминает фрески или миниатюры: на темном фоне сноп света — в свете том, «посреди монастыря пред церковью», во весь рост фигура молящегося Феодосия с воздетыми к небу руками.

Аналогичный случай — в рассказе о Варлааме, сыне боярина Иоанна. К пещере Антония с целью постричься в монахи он приходит «во славе велице» — в сопровождении многих слуг и коней в богатой «утвари», одетый в одежду «светлу». В контексте рассказа вся эта «слава велика» — развернутая метафора «мира сего» и его соблазнов. И она тоже наглядно «овеществляется», притом дважды: и здесь, когда Варлаам в знак отречения от мира сбрасывает с себя светлую одежду, расстается со слугами и конями, и несколько ниже — когда боярин Иоанн пытается насильно вернуть сына в мир и приказывает надеть на него светлую одежду, а Варлаам бросает ее в грязь и топчет ногами.

Написанное Нестором Житие Феодосия Печерского — наглядный показатель высокого уровня, какого художественная повествовательная проза древней Руси достигла уже во второй половине XI в. Не удивительно, что

Житие получило широкое распространение; популярность его еще более возросла, когда оно вошло в Печерский патерик, в составе которого и стало переписываться. В середине XIII в. Житие Феодосия послужило литературным образцом для инок Ефрема — автора Жития Авраамия Смоленского. Литературное воздействие Жития можно проследить и в более поздних памятниках житийной прозы.⁴

---

⁴ См.: С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии — Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 332—336.

С. И. КОТКОВ

Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»

Наблюдения над лексикой коренных южновеликорусских говоров вскрывают некоторые интересные факты, в которых можно видеть более или менее ясные параллели к лексическим элементам «Слова о полку Игореве». Речь идет о древнерусском лексическом наследии в южновеликорусских говорах, а не о прямых, непосредственных связях фактов южновеликорусской стихии с теми или иными элементами «Слова». Первые результаты изысканий, проведенных в этом направлении в пределах курско-орловских говоров, изложены нами в специальной статье.¹ С значительными дополнениями, извлеченными из памятников XVII в. южновеликорусского происхождения и произведений А. И. Левитова, статья опубликована в брошюре, изданной к IV международному съезду славистов.² Придавая особое значение свидетельствам древних текстов, приуроченных к той области, с которой особенно тесно связаны события героической поэмы, мы обратились к памятникам XVI—XVII вв., относящимся к Рыльску и Путивлю. Изучение писцовых книг Рыльска и Путивля показало, что и в них заключаются параллели, имеющие несомненный научный интерес. В настоящей работе мы представляем материалы, заимствованные из рукописных источников, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов и в Курском областном архиве. Нам кажется, что эти материалы могут быть приняты во внимание при освещении некоторых темных мест в «Слове о полку Игореве», а также характеристике его лексического состава.

1. У Плъсьньска на болони

В «Объяснении некоторых топографических терминов», предпосланном списку населенных мест Черниговской губернии, сообщалось: «Оболоньем — называются вообще луга при реке. В северных же уездах — часть луга при речке, находящаяся в селении или около него, служащая собственно для выгона домашнего скота».³ Определение оболонья как места, отведенного для выгона скота, надо думать, вторичное; значение более раннее — «луга при реке». О том, что это значение далеко уходит

---

¹ С. И. Котков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского государственного педагогического института, т. IX, Кафедра русского языка, вып. IV. Орел, 1954.

² С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958.

³ Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния. СПб., 1866, стр. LIX.

в прошлое, судим по данным памятников XVI—XVII вв., имеющих отношение к Новгород-Северской земле.

Перед нами — поздний список жалованной грамоты Ивана Грозного, данной в 1551 г. Новгород-Северскому монастырю на вотчины в Путивльском и Новгород-Северском уездах. Обращаем внимание на следующие места: «... да на Вети речке на малои оболонье по обе стороны ... сенные покосы по оболоньям ... по речке по Ивоте вверх рыбные ловли и перевесья да два еза по оболонья по речку по Селичку и по оболонью Ивоцкому».⁴

Интересный материал содержит выпись из Рыльской писцовой книги 1628 г. Выпись была дана в 1695 г.

«... владеть города Рылска градским жителем ... Семским лесом и лугом и полянки и оболоньи с лозами под городом Рыльском вверх по реке по Семи по обе стороны от устья реки Рылы да по другую сторону белгородской дороги от городского бору по дачю села Березников и по речку Избицу ... города Рылска градским жителем владеть за рекою Семью против города Рылска градским бором и дубровою и Семьским лугом и лесом и оболоньем по писцовым книгам Петра Мусорского 136-г[о] и 137-г[о] году а Семским же лесом и лугом и полянки и оболони и лозами по обе стороны реки Семи ... животинным выпуском около города Рылска подле земляного вала и оболоньем что подле Чортова кургана и леском Колодежным и прогонною землею по обе стороны речак Дублянак ... межа градскому лесу и бору и дубровкам и оболонем от озера Уюнища от нижнего конца до ильма маладого».⁵

В мировой записи, составленной в Карачеве в 1650 г.: «... подал государеву судимую грамоту во владенье монастырьские вотчины реки Ресеты да селища Арханильскаго и лугов и оболонев».⁶

Заключенные в старых актах сведения в известной мере разъясняют значение слова «оболонье», или, с утратой начального гласного, «болонье». Варианты его перевода многочисленны: равнина, плоскость, низменное место, болото, луг, поемный луг, лес, лесное место, десья, подгорье, выгон, всполье, околица, предградье, окраина города, ближайшая окрестность города, пространство между валами, свободное пространство перед городскими стенами и др.⁷ Считаюсь с различием его значений по древнерусским областям, что вполне вероятно, мы все же имеем основания, уясняя его значение в «Слове», привлекать прежде всего данные из области Новгород-Северской. В актах «оболонью» противопоставлены названия других элементов ландшафта, и поэтому можно судить, что «оболонье» — это не просто луг, не выгон и не лес, а также не болото, поскольку далее в Рыльской книге (место не приводим) упоминаются и болота.

Помимо того, что содержание актов не позволяет усматривать в «оболонье» болото или выгон, луг вообще или лес, они дают указания на его территориальную близость к реке. В этой связи укажем, что в более позднем источнике, имеющем отношение к той же области, говорится о селении

⁴ ЦГАДА, ф. 124, № 1, лл. 1—3.

⁵ Курский областной архив, Коллекция документов Курского краеведческого музея, № 15. Выпись неудовлетворительно воспроизведена в статье С. Н. Ефременко «Топография Рыльского уезда 17 века» [Известия Курского губернского общества краеведения, № 6. Кюск, 1928 (1927), стр. 63—67].

⁶ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономики, № 3/5941, л. 1.

⁷ См., например: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1890, стр. 33—35; А. С. Орлов Слово о полку Игореве, изд. 2. М.—Л., 1946, стр. 117; Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 427.

Оболонье, при котором протекает река Десна.⁸ Опубликовавший рыльскую выпись С. Н. Ефременко пишет между прочим: «Чертов курган, который был при впадении реки Рылы в Сейм... давно уже разрушен (смыт) водою — весенними разливами, когда он почти весь покрывался водою. В настоящее время северо-восточная окраина города называется в народе просто „курган“».⁹ Имеем основание полагать, что «оболонье» в наших источниках служит скорее всего названием заливного, поемного луга или подгорья.

Н. В. Шарлемань, сообщая о «болонье» под Киевом, говорит, что позже это место называлось «оболоньем».¹⁰ Напротив, первоначальный вид слова — «оболонье» и затем, с отпадением *о*, — «болонье»: утрата начального гласного *о* в древнерусском была нередкой, а прибавление *о* в данном случае едва ли вероятно. И если в «Слове» находим вариант без *о* начального, то это легко объясняется ассимилятивным «поглощением» начального гласного *о* гласным *а* предлога: на оболони → на болони. Преимущественное употребление в древнерусском языке рассматриваемого слова как раз с предлогом «на» видно из коллекции примеров у И. И. Срезневского.¹¹ Вариант без *о* начального заключает, например, жалованная грамота 1621 г.: «по озерку ... рыбная ловля болонья по обе стороны с урочищи»;¹² «озерко Хотиш с ровцами с верхним и с нижним и с болоньем».¹³ В писцовой книге 1653 г., приуроченной к Путивлю, говорится о сенных покосах возле озера Сапрыкина на Колчьем болонье.¹⁴

Н. В. Шарлемань предполагает, что Плесенск (в «Слове» Пльсьньска, — С. К.) был в окрестностях Киева, «там, где в середине XIX в. была „Плоская часть“». Народ называл эти урочища Плоское или Плеске, очевидно потому, что здесь холмы носили характер плоскогогорья: на вершинах их были большие ровные пространства. Кроме того, к холмам примыкала обширная плоская пойма Днепра.¹⁵ Хотя в «Слове о полку Игореве» и отмечена мена *е* и *ѣ*, в нем все же, как справедливо указывает С. П. Обнорский, нет материала для предположения о звуковом совпадении *е* и *ѣ*, мена их объясняется особыми причинами; в то же время, устанавливает С. П. Обнорский, памятник содержит данные о звуковой близости *ѣ* и *и*.¹⁶ В свете этих фактов соответствие *ѣ* в составе «Пльсьньска» гласному *о* в «Плоском», если бы даже *о* и восходило к гласному *е*, не поддается объяснению. Да и «Пльсьнеск» от «Плеске» и «Плеске» как результат фонетической эволюции слова «Пльсьнеск» не имеют оправдания в звуковых законах, действовавших в истории русского языка. Вместе с тем полагаем излишним указать на один из гидронимов в Путивльской писцовой книге 1594 г., который был отмечен в краю распространения названий «болонье», «оболонье»: «Михаилко Иванов сын Барсуков поместья за ним

⁸ См.: Архим. Мельхиседек. Краткое историческое описание Рыльховской пустыни. М., 1844, стр. 12. Ср.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 90.

⁹ С. Н. Ефременко. Топография Рыльского уезда 17 века, стр. 67.

¹⁰ Н. В. Шарлемань. «Дебрь кисаню» — «дебрь князь». — Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 211.

¹¹ И. И. Срезневский, Материалы, т. I, стр. 145—146.

¹² См.: И. Левитский. Город Путивль. — Труды XII археологического съезда, т. III. М., 1905, стр. 136.

¹³ Там же, стр. 139.

¹⁴ См.: Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний, городов и станиц Донской области. М., 1913, стр. 42.

¹⁵ Н. В. Шарлемань. «Дебрь кисаню» — «дебрь князь», стр. 211.

¹⁶ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 144.

старого по государеве по ввозной грамоте ухожеи бортной в Городецкой волости на речке на Плесне».¹⁷ Между прочим, подобный гидроним обнаруживаем и в белевских книгах 1614 г.: «два жеребья сельца Олтухова, на р. на Плесне . . . сена по р. по Плесне от Афонасьева рубежа Бунина большой луг, и от большого лугу вниз по Плесне по Семенов рубеж . . . да лесу пашенного по обе стороны р. Плесны по кое место плесненские отвершки».¹⁸ Названия старых городов, образованные от названий рек посредством суффикса *-ск*, как известно, довольно обычны. На южной территории известны: Курск (река Кур), Мценск (река Мецна), Рыльск (река Рыла), Севск (река Севь). Образование «Плесньск» от «Плесны» было бы естественно.

2. бѣша дѣбрь Кисаню

К словам «У Пльсьнска на болони» примыкает выражение «бѣша дѣбрь Кисаню». «Есть основание думать, — замечает Н. В. Шарлемань, — что „дѣбрь Кисаня“ — это „дѣбрь Киянь“, лес в овраге, прорытом речкой, а впоследствии ручьем Киянью (потом Киянкой)».¹⁹ Развивая предположение о существовании близ Киева речки или ручья Кияни, Н. В. Шарлемань далее пишет: «Что так, а не иначе называлась эта речка, меня убеждают созвучия иных названий наших мест: Болонь, Ирпень, Иордань, Карань. — Корень „киян“ вошел во многие местные фамилии».²⁰ Если принять, как верное, чтение «дѣбрь киянь», то следует заметить, что не только у Киева, но и в Новгород-Северской земле обнаружим соответственные лексические ассоциации. Так, в Черниговском уезде отмечалось селение *Киенка* (Киенки, Кианка).²¹ Созвучные образования встречаются в предложениях: «а тем знаменем ходит по Ивановскому ухожю *Киева* . . . а ходит тем знаменем по всеи Косоожской волости по Василеву ухожю Кудинцова, а за полем по Ивановскому ухожю *Киева*».²² Приводимые здесь факты, возможно, и не доказывают нахождения дѣбри в Новгород-Северской земле, но в то же время они колеблют обязательность отнесения этой дѣбри непременно к зоне Киева.

3. Рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы ростре на кусту

В этом порицании Игоря Стугне наряду с другими элементами высказывания неодинаково толкуют и слово «стругы». В связи с уяснением его значения мы указывали подобное название в поступной записи Тимофея и Андрея Титовых, данной Молченскому монастырю в 1678 г., и тогда же отмечали единичные упоминания о «стругах» с аналогичной семантикой в текстах XVI в. иной территориальной принадлежности; выдвигаемое некоторыми комментаторами «Слова» значение «струи» решительно отвергалось, принималось значение «потоки».²³

¹⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, л. 43 об.

¹⁸ Белевская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиним, т. II. М., 1858, Приложение, стр. 3.

¹⁹ Н. В. Шарлемань. «Дѣбрь кисаню» — «дѣбрь киянь», стр. 209.

²⁰ Там же, стр. 210.

²¹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 11.

²² ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 405 об.

²³ См.: С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту), стр. 34—36.

Дальнейшее исследование путивльских памятников в отношении употребления слова «струга» показывает следующее: в интересующей нас географической области его употребление настолько обычно, что невольно привлекает особое внимание. Уже само по себе указанное обстоятельство, в противоположность единичным упоминаниям о «стругах» в иных древнерусских текстах, говорит о многом. Обратимся, например, к Путивльской писцовой книге 1625/26 г.²⁴ В ней есть такие записи: «от реки от Семи . . . по Пятницкую стругу» (л. 240 об.); «от Козих хрептов по Кобылкину стругу» (л. 249 об.); «около сухой ветки в Барановой струге» (л. 255 об.); «выша озера Колчева по стругу» (л. 261); «да в том же ужою рыбная ловля озера Вскуносов, озера Шеица струги и с протоки и с вешними полои, да струга Вяски, да струга Децкое, озерко Пездрин, озерко Выдрыики, озерко Коровичи, озерко Хващен, озерко Плюски, озерко Озерды, озерко Колчая струги и с протоки и с вешним полоем» (л. 261 об.—262). В путивльской выписи 1629 г. указаны «струга Меженская, да струшка Золотарева, да струшка Уломля, да исток Киселева болонии».²⁵ Примеры можно умножить.

В грамоте конца XVI в., касающейся угодий Молченского монастыря, встречается строки, раскрывающие значение слова «струга»: «да Молченского ж монастыря у города два озера: озеро Линчье, озеро Кобылка, да струга Пружинка, течет из озера Хотыша в реку Семь».²⁶ Проток, соединяющий озера, предполагаем в слове «струга» в следующем случае: «да в Печерской волости ужожеи бортной, а знамя в нем куцер с нижним рубежом, да в том же знамени рыбная ловля речка Плюсква, да струга Орля, а в ней три озера».²⁷ Запись относится к Путивльскому уезду, датирована 1621 г. О забвении старой семантики слова узнаем из путивльской записи 1734 г.: «за разливом вод речек Каменки и речки Струги за потребами священником ходить бывает невозможно»²⁸ (ср. упоминание о ручье Окопная струга в Черниговском уезде).²⁹

Случаи употребления слова «струга» в XVI—XVIII вв. содержат новгородские и псковские источники.³⁰

В порицании Игоря Стугне говорится о ручьях и стругах. В древних путивльских текстах, в соответствии с этим различием, кроме названия «струга», употребляется и «ручей». Примеры: «от рыльские дороги да по Близводинской ручей» (л. 151); «а межа той пашни от ручья» (л. 246); «ручьи» отмечаются и на лл. 74 об., 144, 234, 236, 275.³¹ Заметим, что названия «ручей» и «струга» мелькают не только в разных текстах, но и в одном и том же. В Путивльской писцовой книге 1625—1626 гг.: «от Затинной слооды по ручей по мостьки и по копоной ров» (л. 249); «по Кобылкину стругу» (л. 249 об.).³²

²⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148.

²⁵ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 7/9587, л. 18.

²⁶ Игумен Паладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородицкой печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни. М., 1895, стр. 15.

²⁷ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 3/9583, л. 4.

²⁸ Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний, городов и станций Донской области, стр. 82.

²⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XLVIII. Черниговская губерния, стр. 15.

³⁰ См.: Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. — Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. V. М., 1913, стр. 97, 263; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951, стр. 228.

³¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367.

³² Там же, кн. 148.

4. Трубы трубят городеньскии

«Изяслав, сын Васильков, — замечал Е. В. Барсов, — уделом своим в Полоцком княжестве имел Городно или Городень, а поэтому при смерти его трубили городенские трубы».³³ «Городно» искали в Пинском уезде, указывались селения и в других местах с названиями «Городинки», «Городзилов», «Городечно», «Городково» и т. п.³⁴ Д. С. Лихачев комментирует: «Летопись упоминает полоцких князей Брячислава Васильковича и их отца Василька Рогволодовича. Всеволод и Изяслав летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо».³⁵ Выражение «трубы трубят городеньскии» Д. С. Лихачев с основанием сопровождает осторожным примечанием: «Изяслав Василькович ... был, по-видимому, князем городенским (от Городно или Гродно — не ясно)».³⁶

В связи с комментированием слова «городенский», может быть, небезполезно привести соответствующие параллели из Рыльской писцовой книги 1625/26 гг.: «в Г о р а д е н с к о и волости ухожеи бортной, а знамя в том ухожи вески» (л. 393); «в Г о р а д е н с к о и волости в дву гнездах в верхнем да в среднем знамя ребрища з двумя тны» (л. 405 об.); «дано к Николе ж чудотворцу Задублянсково попу Тимофею ухожеи бортной новое черленое знамячко в Рыльском уезде в Городенской волости» (л. 407 об.); «бортной ухожеи в Г о р а д е н с к о и волости за речкою за Рылою» (л. 407 об.).³⁷ Название «городенский» образовано от «Городенск». Об этом узнаем из документа, датированного 1646 г.: «бой был в Курском уезде на реке на Реуте, а другой, государь, бой был в Рыльском уезде в селе в Городенку (sic!) ... а из Городенска, государь, мы, холопи твои, шли за теми воинскими татараы степью до Карпова сторожовья».³⁸ Добавим, что в росписи сторож, составленной в XVI столетии, на Сейме отмечается «городище» Городенское, в общем расположенное также в Рыльской округе.³⁹ Самое название «городище» из XVI столетия уводит в более глубокую древность.

5. Уже бо бѣды его пасеть птицъ подобию

Многие комментаторы «Слова» предлагают вместо «подобию» читать «по дубию», исходя из вероятного пропуска *y* в сочетании букв *ou*, которым в древнерусской письменности передавали гласный *y*. При этом, естественно, усматривают в «дубие», «дубье» образование собирательное. Пример употребления слова «дубье» включает одна пугивльская запись 1682 г., однако «дубье» в ней можно толковать и в плане собирательном и несобирательном — в качестве синонима названия «дуб». Вот эта запись: «а от леска Хартукова вверх речкою Ведьбою до большого бортного дуба Ивана Меньшого Трифанова, что подле речки Ведьбы, на том дубу грань, да от речки Ведьбы, а от того большого бортного дубу прямо полем, межою, чрез болото, по дуб с громобоиною, на нем две

³³ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 163.

³⁴ Там же.

³⁵ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический, стр. 449.

³⁶ Там же, стр. 450.

³⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148.

³⁸ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. I. М., 1954, стр. 436—437.

³⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи, XX. Курская губерния. СПб., 1868, стр. XIII.

границы, на правой стороне земля и сennie покосы пустынного Печерского Молчинского монастыря строителя Софрония с братьею, а по левую сторону Максима Трифанова с детьми и с племянники, а от того дубу межкою прямо по дубовой чаще, что с бортым дубьем Ивана Меньшова Трифанова по конец средняго лесу».⁴⁰

б. иже и стягну умъ крѣпостию своею

Понимание выражения зависит в основном от выяснения смысла глагола «истягну». Не предлагая определенного чтения этого места, мы, однако, обращаем внимание исследователей на отмеченные в Рыльской писцовой книге 1625/26 гг. и курско-орловских говорах некоторые редкие образования, структурно и семантически не чуждые «истягну». При этом, в согласии с А. С. Орловым, исходим из положения, что после «иже» «не показуется» отделять «и» от «стягну».⁴¹

На рубеже XX в. в одном из орловских говоров было зарегистрировано образование и ст ѣ ж н ы й со значением „длинный“ (от глагола «тянуться», «истянуться»)⁴² С конечным ударением это прилагательное встречаем в рассказе И. А. Бунина «Древний человек»: «Заложив одну руку за широкий пояс, которым подпоясана его длинная чесучовая рубаха, а другой пощипывая кончики редких белесых усов, учитель горбит свой и ст ѣ ж н о й стан».

В середине прошлого века среди населения Суджанского и Рыльского уездов бытовала загадка:

Разяглася,
Простяглася;
А как встанет,
То неба достанет. (Дорога).⁴³

Наконец, в писцовой книге из Новгород-Северской области находим такие строки: «а тот Костин клин на усть осинова леску и речки Шельги по Шельжские лески и верх по лужку что из асинова лесу устегнул ся и болшоу Корыжско и Проходцкою дорогу да на том же Костине клине усадище».⁴⁴ Вероятно, последнее глагольное образование, но с в взамен начального у и пропуском г фрикативного, представлено и в другом месте цитируемого источника: «межа той церковной земли другои Шельжской лес и логом от верха Шельжскова леска через Пневецкою болшоу дарогу что в ст я н у л с я из болшова логу».⁴⁵

7. а) Дивь. . . велить послушати земли не зна ем ъ; б) в полѣ не зна ем ъ; в) на полѣ не зна ем ъ; г) зегзицею не зна ем ъ рано кычеть

П. Я. Черных считает, что эпитет «незнаемый» встречается теперь лишь в северновеликорусском фольклоре.⁴⁶ Однако следы его бытования

⁴⁰ Игумен П а л л а д и й. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородицкой печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 137—138.

⁴¹ См.: А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, изд. 2, стр. 91.

⁴² См.: А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. — СОРЯС, т. LXVIII, 1900, № 5, стр. 18.

⁴³ См.: Материалы для описания Курской губернии, статья XII. Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов. — Курские губернские ведомости, 1853, № 11.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 418.

⁴⁵ Там же, л. 386.

⁴⁶ См.: П. Я. Черных. О выражении «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве». — Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, вып. 1, Гуманитарные науки, Ярославль, 1944, стр. 59.

ясны и в Курско-Орловской области. В селении Рудка Поньковского района мы слышали исходное образование «знаёмый» в значении «знакомый», «известный» и, значит, «незнаёмый» — «незнакомый», «неизвестный». Говор селения Рудки — типичный южновеликорусский (ср. соответственно в украинском языке «знайо́мий» и «незнайо́мий»).

Прилагательное «незнаемый» в смысле «неизвестный» находим также в летописях, в церковной литературе и древнерусских актах, притом не только в северновеликорусских, но и в южновеликорусских. Так, в 1622 г. строитель Свинского монастыря (Брянск) извещал, что в монастырской вотчине села Супонино по ночам стали появляться «незнаемые люди», крадущие из крестьянских погребов печеный хлеб.⁴⁷ Брянск — окраина древней Новгород-Северской земли. В южновеликорусских памятниках встречаются обороты с наречием «незнаемо»: «та жонька Акалинка у них незнаемо игде делас» (Старый Оскол, 1697 г.);⁴⁸ «незнаема для какова вымыслу» (Землянск, 1700 г.);⁴⁹ «приезжала незнаемо какая разбойническая партия» (Елец, 1751 г.).⁵⁰ Возможно, не одним «Словом» навеян эпитет «незнаемый» в стихотворении И. А. Бунина «На распутье»:

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротиться домой.
Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир и наг, —
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...».

**8. а) г а л и ц и стады бѣжать къ Дону великому; б) г а л и ц и свою рѣчь
говоряхуть; в) г а л и ц и помѣлкоша**

Топонимы — названия зверей и птиц в русском языке обычны. С упоминаемыми в «Слове» «галицами», допустим, перекликается путивльский топоним в Писцовой книге 1594 г.: «оброчная пашня у озера у Белые г а л и ц ы . . . а межа той пашни длина от дубровы от четвертныи и от оброчные пашни Ивана Шекина да по озеро по Белую г а л и ц у». ⁵¹ В Писцовой книге 1625/26 гг.: «а от Светова озера по Белою г а л и ц у а от Белой г а л и ц ы по объездную дорогу . . . от Мокшевицкова перевозу по Хвоцинское озера да от Белой г а л и ц ы по большую Мокшевицкою дорогу». ⁵² Недоумение вызывает определение «Белая», так как «галице» — галке оно не соответствует. Но если принять во внимание употребление слова «галица» и в общем значении «птица», как будет указано далее, сомнение в сближении «галиц» «Слова» и топонима устраняется (ср.: «за Г а л и ч и м лугом по Мокровское поле судерев с Вихторовым да с Некрасовым а от Г а л и ч я луга по колодез»; ⁵³ из топонимии Курского уезда в 1644 г.: «меж Г а л и ч е и дубровы и Медвеной»). ⁵⁴

*

⁴⁷ См.: А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 204.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказный стол, столб. 1950, л. 4.

⁴⁹ Там же, столб. 2346, л. 1.

⁵⁰ Акты Елецкой провинциальной и Чернавской воеводской канцелярий. . . — Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1893, вып. 2, стр. 13.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, лл. 260 об.—261.

⁵² Там же, кн. 148, л. 261.

⁵³ Там же, кн. 367, л. 51 об.

⁵⁴ Там же, № 15685, л. 154.

В дополнение к сказанному о лексических элементах, специфических для «Слова о полку Игореве», приведем параллели к тем словам, которые в большей или меньшей мере известны древнерусским памятникам, но расширяют лексический комплекс произведения, связанный с речевой стихией Новгород-Северской области.

К выражению «притопта хльми и яругы» путивльская выпись 1629 г. дает такие параллели: «едучи к высокому холму по правую сторону ручья монастырская земля, а высокои холм на монастырской стороне, да вверх едучи тем же логом выше высоково холму по левой стороне ручья Животока».⁵⁵ Интересен случай употребления слова «холм» как прозвища: «Степанка Софронов сын Холм ходит бортной ухожей».⁵⁶ Этот случай подчеркивает обычность данного слова в местном употреблении (ср. характерное для современных говоров Курско-Орловской области синонимичное название «бугор» и довольно редкое в тех местах в XVII столетии употребление слова «холм»; во всяком случае второй синоним удалось отметить только лишь в курской отказной книге: «усадище к реке Семи под высоким холмом»⁵⁷). Вместе с типичными для Новгород-Северщины болоньями и стругами примечательны для этого края и многочисленные яруги. Ограничимся немногими примерами: «две еруги Изьбная да Валы» (л. 241 об.); «по яруге Почаеве, по яруге Плоской, по яруге Задней ... по Кучковым яружком и по иным яругом» (л. 255 об.);⁵⁸ «в тех урочищах леса большие и ярушки поселския на низ, в правую сторону реки Псла, по Алексину и Комареву колодезям».⁵⁹ Название «яруга» в XVII в. имело известное распространение и в Курско-Орловской области, но компактной зоны его употребления вроде Новгород-Северской в этой области не находим. Создается впечатление, что в курско-орловские места оно занесено из Новгород-Северской земли.

В соответствии с различием значений прилагательных «красный» и «червленый» в тексте «Слова» и древнерусском языке вообще тексты XVI—XVII вв., написанные в Рыльске и Путивле, дают аналогичное различие этих слов: «красный» — красивый, а «червленый» — красного цвета. Например: «отделено ... в его оклад в тритцат чети из оброчные пашни у красного дуба ... оброчная пашня под красным дубом»;⁶⁰ «и в того де ухожа места дано в Рыльской и в Косожской волости знамя черлено е»;⁶¹ «а новья государь черленыя знамена вели пожаловать отдать нам старым бортником и мы государь с тех и новочерленых знамен учнем ... оброкъ платить».⁶² Слово «лука» — «изгиб», откуда — «лукоморье» («а поганаго Кобяка изъ луку моря ... яко вихрь выторже») также находим в древних рыльских и путивльских рукописях: «усадище за речкою за Рылою от новгородской дороги на низ по речке по Рыле в луке пониже мосту»;⁶³ «в пустой луке на речке на Сверже озеро Сверж ... от путивльского перевозу по реке по Десне по пустой луке».⁶⁴ Глагол «кликати», который в «Слове» имеет значения «кричать» и «звать», ото-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии, № 7/9587, л. 10.

⁵⁶ Игумен Палладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородичной пещерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 18.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, № 15684, л. 276 об.

⁵⁸ Там же, кн. 148.

⁵⁹ Игумен Палладий. Историко-статистическое описание Молчанской рождество-богородичной пещерской мужской общежительной Софрониевой пустыни, стр. 105.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 367, лл. 110 об., 269 об.

⁶¹ Там же, кн. 148, л. 407 об.

⁶² ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 79, л. 270.

⁶³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, кн. 148, л. 409.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 124, № 1, лл. 1—2.

звался в путивльской челобитной 1626 г.: «и по твоей государеве земли серед бортовых ухожев литовския люди во многих местех столпы ставляют и на лютныя лета своих людей накликают и бортовая деревья на се-литбу секут».⁶⁵

Приведем, наконец, перечень слов, бытующих в курско-орловских говорах, в области, примыкающей к интересующей территории, которые нами отмечены ранее также в качестве параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»: «галица» (галка, птица вообще), «каять» (укорять, порицать), «комонь» (конь), «лелеять» (везти, нести), «ашалманить» (шеломить) от «шеломень», «смага» (копоть, жар), «щекотать» (щебетать).⁶⁶ Употребительное в «Слове» название «лада» присутствует в производном образовании «ладушка», которое встречаем в старинной песне, записанной в начале XX в. в бывшей Новгород-Северской земле:

Батюшка, батюшка! Бьеть мне ладушка,
Он ни плеткаю, а все тятивкаю,
А сями хвастов, аб дивяти узлов (л. 3).⁶⁷

О муже-ладе поется и в одной из курских песен.

[Вдова] Пра первая ладу спаминая:
Ой ты свает, мая ладушка пярвая!
За табою я живала, ни гарывала.⁶⁸

«Если бы мы были уверены, — заявляет П. Я. Черных, — что „Слово о полку Игореве“ было сложено и записано на северской территории (Новгород-Северский, Путивль, Курск), мы могли бы считать „северизмами“ XII в. некоторые слова, неизвестные в других памятниках, характерные только для этого памятника. Напр.: болонь (не: болонье) — изменное поречье: „у Пльсьнска на болони“; лада — супруг, возлюбленный: „възлелый ... свою ладу къ мнѣ“ и т. д.; яруга — овраг, ущелье: „волци грозу въсрожать по яругамъ“ (в настоящее время — только в южнорусских говорах, по Далю: тул., юж.)».⁶⁹ Противопоставление слов «болонь» и «болонье» едва ли является состоятельным, поскольку образование «(на) болони» — при условии вынесения «н» из строки в положении перед йотом, что было довольно характерно для письменности XV—XVI вв. — легко возводится к начальной форме «болонье», а не «болонь». По поводу всего приведенного заявления можно сказать следующее: документально установленные «северизмы» XVI—XVII вв. в краю, не испытавшем в более раннее время смены неродственных этнических групп, правомерно считать и «северизмами» XII—XIII вв.

Подведем некоторые итоги.

В старых текстах, приуроченных к иным русским областям, насколько известно, встречаются отдельные, одинокие параллели к лексике «Слова о полку Игореве», но такого комплекса параллелей, как связанный с Северской землей, они не заключают. Истоки лексического своеобразия поэмы, за вычетом книжных элементов, восходят к языковой стихии именно этой области. Мнение о данной области как родине «Слова о полку Игореве» получает, с нашей точки зрения, известное обоснование.

⁶⁵ ЦГАДА. ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 79, л. 24.

⁶⁶ См.: С. И. Котков Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту).

⁶⁷ В. Шафранов. Материалы для изучения местного говора в с. Расторге Дмитровского уезда Курской губернии, 1908 г. — Рукопись под этим названием, за № 119, хранится в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде.

⁶⁸ См.: М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, стр. 84.

⁶⁹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 107.

Б. В. САПУНОВ

Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве»

В системе художественных образов «Слова о полку Игореве» образ полоцкого князя Всеслава Брячиславича занимает исключительное место.

Значение этого образа определяется не только тем, что автор уделяет ему много внимания. Сложный и противоречивый, таинственный и трагический образ полоцкого князя помогает понять особенности творчества автора «Слова», уточнить историческое и художественное значение всего произведения в целом.¹

В последнее время работами Д. С. Лихачева в области древнерусской литературы, В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова в области древнерусской живописи,² а также ряда других исследователей были выявлены основные приемы и методы, используемые искусством того времени при создании образов людей, и в частности лиц, занимавших высшие ступени на иерархической лестнице феодальных общественных отношений. Писатели и художники XI—XIII вв. создавали не портреты реальных, живых людей, а идеальные образы князей, отвечающие всем требованиям феодальной морали. Искусство тех лет оставило нам не живописные изображения в современном смысле этого слова, а иконы, величавые и строгие, красивые и торжественные, выставленные для поклонения.³

Нетрудно установить, что подходить к образу Всеслава с точки зрения этих принципов совершенно невозможно.

Стиль монументального историзма XI—XIII вв. требовал изображать не один какой-то момент в жизни человека, а человека вообще со всеми присущими ему признаками и знаками достоинства. Изображался скорее не живой человек, а его эмблема. Величавым спокойствием веет от ликов князей и воинов с икон и фресок древней Руси, их черты так же монументальны, как каменная резьба владимирских соборов.

Совсем не такой Всеслав в изображении автора «Слова». Он весь в движении, в бурном водовороте событий, часть из которых вызвана им самим.

То, опершись на коней, Всеслав скакнул к городу Киеву, то, объятый синей мглой ночи, лютым зверем скакнул из Белгорода, чтоб наутро секирами отворить ворота Новгорода. Волком скакнул до Немиги с Дудуток. Днем полоцкий князь людям суд правил, князьем города рядил, а ночью рыскал волком, из Киева дорыскивал до петухов Тмуторокани.

¹ Год рождения Всеслава неизвестен, на полоцкий престол он сел в 1044 г., умер в 1101 г. Биографию Всеслава см. в работе В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (Киев, 1896, стр. 63—70).

² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 27—70; В. Н. Лазарев. История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. 1. М., 1953, стр. 174—177; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусства, т. III. М., 1955, стр. 118—119.

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33—34, 39 и др.

В стремительном темпе головокружительные успехи Всеслава сменяются катастрофами, которые затем снова превращаются в блестящие победы.

Хитростями ворвавшись в Киев, Всеслав коснулся копьем златого великокняжеского престола. Под покровом ночи исчез он из Белгорода, а наутро секирами отворил ворота Великого Новгорода. Разбив славу Ярослава, Всеслав сам был разгромлен на Немиге. И так далее. Днем в образе человека, а ночью лютым зверем рыскал полоцкий князь по Русской земле.

Стремительность превращений, смена успехов и неудач мечущегося по всей стране Всеслава Брячиславича никак не укладывается в рамки мону-ментального историзма — основного направления христианско-феодалного искусства XI—XIII вв.

Одной из главных добродетелей князя, с точки зрения искусства того времени, было искусство военачальника, соединенное с личной храбростью и честностью.⁴ В сражении, на охоте князь первым бросается в бой, увлекая за собой дружину. Летописец восхищается благородством и мужеством великого князя Святослава Игоревича, который, будучи еще ребенком, первым бросал копье во время боя, по-рыцарски объявлял врагам о своем намерении начать против них боевые действия.⁵

Симпатии русских были на стороне прямого и храброго Ильи Муромца, а не Алеши Поповича, действовавшего больше хитростью, чем богатырской силой.

Не таков Всеслав в представлении автора «Слова». Рассматривая Всеслава как исключительную для своего времени личность, причину его успехов автор видит в хитрости полоцкого князя. Хитростями достиг Всеслав киевского престола, таинственно под покровом ночи бежал он из-под Белгорода, покинув по неясным для нас причинам киевское ополчение перед боем с войсками Изяслава и его союзника польского короля Болеслава. Хитрым называет Всеслава вещий Боян. От себя автор добавляет, что в «дръзѣ тѣлѣ» Всеслава обитала «вещая» душа, которая обеспечивала ему успехи и победы.

Князья в летописях не знают душевной борьбы, внутренних переживаний. В летописях нельзя проследить «душевного развития» героя, раздвоения личности. Психология вообще не интересует художников и писателей. Князь есть лицо официальное и в качестве такового он не может иметь внутренней личной жизни. Даже тогда, когда летописец говорит о внутренних колебаниях князя, оказывается, что он просто взвешивает все обстоятельства, все «за» и «против», а не испытывает нерешительности.⁶

Образ Всеслава много сложнее. Он весь в смятении, во внутренней борьбе. Заключительным аккордом звучат слова автора, что хотя и вещая душа обитала в дерзком теле Всеслава, но он часто страдал от бед. Такое утверждение тем более странно, что биография Всеслава — это биография одной из самых ярких личностей XI в., крупного политического деятеля, при котором Полоцкая земля достигла своего расцвета. Образ Всеслава произвел огромное впечатление на современников и надолго остался в памяти потомков. И, оказывается, такой человек глубоко страдал от бед.

Далеко не строго следует Всеслав требованиям феодальной чести, нормы которой были детально разработаны на страницах русских летописей, воинских повестей и других памятников литературы того времени.⁷

⁴ Там же, стр. 39, 65.

⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 58, 64—65.

⁶ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33.

⁷ Там же, стр. 39.

15 сентября 1068 г., во время восстания киевлян против своего законного князя Изяслава, Всеслав, встав во главе восставших горожан и опираясь на них, захватил великокняжеский престол. Автор «Слова» не раскрывает подробностей этого момента в биографии своего героя, со свойственной ему лаконичностью он дает только намек, который, однако, был совершенно ясен современникам. В обстановке ожесточенной классовой борьбы, когда феодальное государство сурово карало восставших смердов и горожан, поступок князя Всеслава должен был рассматриваться как измена классовым интересам феодалов, защищать которых был обязан полоцкий князь. Через год Всеслав не задумываясь предал своих союзников-горожан и ночью бежал из Белгорода перед решительной битвой с войсками наступавшего на Киев Изяслава и польского короля Болеслава.

Если измена горожанам могла быть оправдана с точки зрения феодальной морали, то измена феодальным интересам в глазах представителей официального искусства должна была вызвать решительный протест.

Христианство, как писал Ф. Энгельс, «было . . . наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией существующего феодального строя».⁸ Князь, как представитель светской власти, вооруженной рукой защищал церковь, которая своими очень действенными средствами укрепляла феодальное государство. Забота о церквях, христоролие было первым и основным качеством, присущим князю.⁹

Хорошо известно, какие суровые меры применяли представители власти против волхвов, возглавивших движения смердов и низов городского населения в XI—XII вв. Вообще все, что было связано с язычеством и волхованием, вызывало самое резкое осуждение церкви, которая всеми доступными средствами боролась с остатками старой веры. Большая роль в этой борьбе отводилась литературе и изобразительному искусству, которые, возвеличивая представителей власти, утверждали основы феодального строя. В такой обстановке образ Всеслава, созданный автором «Слова», звучал резким диссонансом. Полоцкий князь обладает сверхъестественной силой, он по желанию может превратиться в лютого зверя — серого волка, может пересечь путь великому богу солнца — Хорсу, он в Киеве слышит перезвон колоколов, звонивших к заутрене у Святой Софии в Полоцке, из Киева за первую половину ночи «до курь» Всеслав переносился в далекую Тмуторокань. Для автора «Слова» Всеслав — колдун, оборотень с вещей душой.

Автор идет дальше. Он не только создает образ князя-волхва, он относит к нему с определенной долей симпатии. В какой-то степени он даже восхищается своим героем. Устами Бояна автор называет Всеслава «хитрым» и «гораздым». Автор сочувствует полоцкому князю, много страдавшему от бед. Глубоким философским смыслом звучат слова Бояна, выражающие, конечно, точку зрения автора, что даже такие выдающиеся личности, как Всеслав, бранны и смерть уравнивает всех.

Такая концепция плохо согласовывалась с ортодоксальными взглядами феодального общества на волхва, была прямым вызовом не только художественным, но и политическим взглядам, господствовавшим в XII в.

Искусство Древней Руси не носило развлекательный характер. Как всякое классовое искусство, оно целеустремленно и настойчиво проводило и защищало классовые интересы феодалов. Оно создавало идеальные образы христианских князей — верховных представителей феодального порядка и выставляло эти литературные или живописные портреты на по-

⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 34.

⁹ Д. С. Лихачев. Повести о Николe Заразском (тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 300—301.

клонение. С точки зрения этого искусства, образ Всеслава, созданный автором «Слова», должен был вызвать самую резкую оценку. Так как в «Слове» ее нет, становится не совсем понятна концепция самого автора «Слова».

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить источники, использованные автором «Слова» при создании образа Всеслава, и круг тех представлений, которыми он жил.

*

Откуда автор «Слова» черпал сведения о Всеславе, жившем почти за сто лет до него? Легко установить, что «Повесть временных лет» не могла явиться таким источником. В описании Всеслава, сделанном летописцем и автором «Слова», несмотря на некоторые совпадения, имеются большие различия, которые говорят скорее о параллельности этих текстов, чем об их взаимной зависимости.

Для выяснения этого вопроса Р. Якобсон совместно с М. Шефтелем и Р. Ружичичем¹⁰ проделал большую работу, выводы которой оказались чрезвычайно убедительными и весьма интересными. Помимо «Повести временных лет» и «Слова» для характеристики образа Всеслава авторы широко привлекали былинку о Волхве Всеславиче, прототипом героя которой, как они убедительно доказали, явился полоцкий князь Всеслав.

Сравнивая описания Всеслава в «Повести временных лет», в былинке и в «Слове», авторы приходят к выводу, что между этими описаниями имеются многочисленные совпадения. Существуют такие соответствия между былинкой и «Словом», которых нет в «Повести временных лет», существуют соответствия между былинкой и «Повестью временных лет», которых не удалось обнаружить в «Слове», и, наконец, имеются некоторые мотивы, встречающиеся в «Слове» и «Повести временных лет», но отсутствующие в былинке. Рассматривая генетические соотношения, которые связывают все эти источники, Р. Якобсон и М. Шефтель пришли к выводу, «что все три повествования восходят к общему источнику, очевидно к устному эпосу о Всеславе, который был создан фантазией его современников».¹¹ Возможно, утверждают далее оба автора, находящиеся в «Слове» фрагменты о Всеславе просто интерполируют отдельные эпические песни о Всеславе, возникшие еще в XI в.¹²

Р. Якобсоном и Р. Ружичичем была сделана попытка на обширном материале фольклора ряда югославянских народов выявить истоки эпических песен о Всеславе. Авторы убедительно доказали существование в глубокой древности общеславянского мифа об оборотне. В общих чертах этот миф, как устанавливают Р. Якобсон, Р. Ружичич и М. Шефтель, сводится к следующему.

У княгини или принцессы от змея-дракона родился необыкновенный сын. Он появился на свет в рубашке (последе), кусочек которой, по настоянию колдунов, всегда носит с собой. Ему предсказана необычайная сила и кровожадность, пугающие даже родную мать и заставляющие дрожать сыру землю. Ребенок быстро растет. Он обладает даром ясновидения,

¹⁰ R. Jakobson and M. Szeftel. The Vseslav epos. Russian Epic Studies. Philadelphia, American Folklore Society, 1949 (далее: R. Jakobson and M. Szeftel), стр. 13—80; R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj ognjeni vuk and the Russian Vseslav Epos. — Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. X. Bruxelles, 1950 (далее: R. Jakobson and G. Ružičić), стр. 343—355.

¹¹ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 53.

¹² Там же, стр. 54.

он вездесущ и могуч, по желанию он может превращаться в ясного сокола, в лютого зверя-волка и других животных. Его жертвы не могут ускользнуть от него. Счастье сопровождает героя. Он связан с силами ночи, угрожает самому солнцу, следы его запятнаны кровью, вампиры теснятся у его жилища. Но слава и страдания все время чередуются в его жизни. Из охотника он превращается в животное, из преследователя в жертву и наоборот.¹³ Позднее эта традиционная тема общеславянского устного народного творчества была прикреплена к конкретным историческим лицам. В Сербии этот миф был связан с именем одного из последних представителей династии Бранковичей — Вуком Гругровичем, деспотом, и князем Рачинским, который был наиболее выдающимся борцом с турками в период от падения Сербии в 1459 г. до своей смерти, последовавшей в 1485 г. В России древний миф об оборотне сросся с полоцким князем Всеславом Брючиславичем, храбрые и романтические приключения которого зажигали фанатизм современников.¹⁴

Р. Якобсон и М. Шефтель высказали предположение, что в дохристианское время у славян, возможно, существовал культ волка.¹⁵ Как известно, Геродот сообщал о том, что у невров, которые были одними из возможных предков славян, существовало предание о волках, в которых превращались невры.¹⁶ Вероятно, здесь имели место обычные тотемические представления, характерные для всех народов на ранних этапах развития.

Каждый из трех источников берет не всю легенду целиком, а ее отдельные части. «Повесть временных лет» сокращает «волковый» элемент, «Слово» опускает детство своего героя, а былина отбрасывает трагизм Всеслава, хорошо показанный в «Слове».

Р. Якобсон и М. Шефтель предполагают, что в древности существовал целый эпический цикл о полоцких князьях.¹⁷ Отголосками этого цикла является летописный рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде.¹⁸ Эти эпические песни были, видимо, известны автору «Слова». Так, князя-изгоя Олега автор называет «Гориславичем», по имени его прабабки Рогнеды Гориславны.

*

Таким образом, можно думать, что Р. Якобсону, М. Шефтелю и Р. Ружичичу удалось выявить источники, которые были использованы автором «Слова» для создания чрезвычайно яркого и сложного образа полоцкого князя.

Необходимо выяснить еще один весьма важный вопрос: почему автор, живший в XII в., использовал образ, многие черты которого тянули к представлениям дохристианской эпохи? Если широкое распространение легенды о князе-оборотне, князе-волхе было вполне естественно для дохристианского времени, когда князь действительно мог исполнять функции жреца,¹⁹ то для конца XII в. такой образ находился в решительном противоречии с представлениями православной церкви и христианско-феодалного искусства.

¹³ Там же, стр. 68—69.

¹⁴ R. Jakobson and C. Ružičić, стр. 343—344.

¹⁵ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 68.

¹⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1890 (далее: Геродот), стр. 40—41.

¹⁷ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 77.

¹⁸ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 54; ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 299—300.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, т. 1. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 11. М.—Л., 1949, стр. 43—50.

Изучая стилистическую систему изображения людей в литературе древней Руси в сопоставлении ее со стилистической системой изображения людей в древнерусской живописи, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что и литература, и живопись XI—XIII вв. руководствовались едиными по существу принципами творчества.²⁰

Эти принципы, которые несколько условно можно назвать системой художественно-эстетических взглядов искусства древней Руси, естественно, должны были базироваться на определенной философской концепции. В условиях господства церковной идеологии такой концепцией являлось христианское вероучение, являющееся, по существу, законченной системой объективного идеализма метафизического толка.²¹

За стилистическими приемами, использованными автором «Слова» при создании литературного образа Всеслава, должна лежать какая-то определенная совокупность художественно-эстетических, религиозно-философских и иных взглядов, резко отличных от тех, которые были приняты в искусстве Руси XI—XIII вв.²²

Для того чтобы восстановить хотя бы в общих чертах совокупность этих взглядов, необходимо вспомнить некоторые особенности общественной мысли Руси XII в. Сразу следует оговориться, что никакой четкой системы взглядов установить, конечно, не удастся и что в небольшом очерке невозможно подробно разработать столь сложную и большую тему.

*

В домонгольское время русское православие пережило два достаточно отчетливо прослеживаемых этапа. Первый этап охватывает конец X—начало XI в. Это был период распространения христианства, период его ожесточенной борьбы с язычеством. Руководствуясь известным указанием из Второзакония Моисея, деятели церкви и государства огнем и мечом прокладывали дорогу новой вере.

Разгромив языческий пантеон русских богов, разрушив капища и сокрушив идолов, вырубив священные рощи, христианство все же не смогло выкорчевать у своей новокрещенной паствы языческие верования.²³ Связанные тысячами нитей с повседневной хозяйственной деятельностью широких народных масс, эти верования оказались чрезвычайно живучими, и борьба с ними затянулась на длительное время. В ходе борьбы церковь по некоторым пунктам сама была вынуждена уступить язычеству. Результатом сложного взаимодействия православия с остатками язычества было

²⁰ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 67.

²¹ Хотя история эстетических взглядов искусства древней Руси в настоящее время еще не создана, трудами целого поколения русских ученых в этой области проделана большая работа. Следует указать на исследования В. Соколова, А. Кирпичникова, Л. П. Карсавина, А. М. Миронова, Е. В. Аничкова, Ф. Буслаева, Н. М. Бидляли, О. Н. Добиаш-Рождественской, В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова, Ю. Н. Дмитриева, А. В. Арциховского, Д. С. Лихачева и др.

²² Необходимо отметить, что литературные приемы, использованные при обрисовке князя Игоря — главного действующего лица «Слова», его жены Ярославны, особенности описания природы, которой уделено большое внимание, также во многом не совпадают с приемами, принятыми в XII в.

²³ Библиография работ, посвященных изучению русского язычества, в настоящее время насчитывает более 50 названий. Из советских исследователей этой темой занимались А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин, Б. Д. Греков, Ф. Д. Гуревич, В. И. Довженок, Д. А. Казачкова, Н. Ф. Лавров, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Н. В. Малицкий, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов и др.

появление совершенно оригинального синкретического мироощущения, которое современники удачно называли «двоеверием».²⁴

Есть основания утверждать, что в XII—XIII вв. двоеверие получило широкое распространение. Тысячи русских курганов, раскопанные как в дореволюционные, так и в советские годы, дают ценный вещественный материал о характере полухристианских, полуязыческих верований широких масс сельского населения древней Руси.

Обычай насыпать курганы, восходящий к язычеству, находился в решительном противоречии с практикой христианских захоронений.

На севере пережитки язычества сохранились дольше, чем на юге. На протяжении XI—XII вв. из ярославских и рязанских лесов непрерывной волной на юг шли языческие амулеты с коньком, украшенные солнечным знаком, медвежьи клыки, когти и т. д.²⁵

Интересными памятниками двоеверия являются змеевики, соединившие христианское и языческое начала.²⁶ Все исследователи, занимавшиеся змеевиками, единодушно отмечали, что православная церковь не признавала и запрещала их. Но, не имея, видимо, достаточно сил, чтобы полностью изъять змеевики из употребления, церковь пыталась как-то легализовать змеевики путем переосмысления изображения. Хотя происхождение изображений змей не совсем понятно, можно с уверенностью сказать, что восходят они к языческому времени. Возможно, их изображения были навеяны древними преданиями неуров о змеях, заставивших их покинуть свою родину.²⁷

По-видимому, двоеверие распространялось среди различных слоев древнерусского общества. Автор «Слова некоего христороубца и ревнителя по правой вере», составление которого Е. Голубинский относил к домонгольскому периоду, указывал, что не только «невежи», но и «вежи», даже попы и книжники творят подобные богомерзкие дела.²⁸ Это «Слово», по мнению Е. В. Аничкова, было произнесено с кафедры Софийского собора в Киеве для собравшихся на богослужение представителей знати, духовенства и других обеспеченных кругов, живших в центральной части древнерусской столицы.²⁹

В решительной борьбе с двоеверием феодальное государство и православная церковь использовали все средства идеологического и физического воздействия на полухристианскую, полуязыческую паству. От XII—

²⁴ РИБ, т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Памятники XI—XV вв. Изд. 2. СПб., 1908, №№ 1, 2, 6, 7, 8 и др.; Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. — Записки Московского археологического института, т. XVIII. М., 1913 (Сборник поучень); т. I, Харьков, 1916; Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. — Записки Историко-филологического факультета СПб. университета, ч. CXII. СПб., 1913; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868 и др.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 1, стр. 100—106; А. А. Диндес. Древние черты в русском народном творчестве — В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 465—491.

²⁶ И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. — Записки Русского археологического общества, т. III, новая серия. СПб., 1888, стр. 363—413; А. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. — Отчеты Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, прилож. V; В. Лясичевский. Некоторые змеевики в собрании Художественного отдела Государственного Русского музея. — В кн.: Материалы по русскому искусству, т. 1. Художественный отдел ГРМ Л., 1928, стр. 10—21; А. А. Диндес. Изображение змеборца в русском народном шитье. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 4, стр. 36—53, и др.

²⁷ Геродот, стр. 41—42.

²⁸ Н. М. Гальковский. Борьба христианства..., т. II, стр. 40—41.

²⁹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 135.

XIII вв. дошел ряд документов, как например Устав Владимира Святославича, Устав Ярослава Владимировича, Устав новгородского князя Всеволода Мстиславовича, Уставная грамота Ростислава Мстиславовича Смоленской епископии 1150 г., Определения Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II, а также другие памятники, в которых имеются соответствующие статьи, сурово карающие за двоеверие. Помимо канонических постановлений, имеющих силу закона, церковь широко использовала метод убеждения. Сохранилось большое количество полемических сочинений, гневно обличающих языческие пережитки и призывающих прихожан укрепиться в вере. В этом отношении интересны поучения и проповеди Кирилла Туровского, владимирского епископа Серапиона, митрополитов Даниила и Иоанна, а также целый ряд других «слов», поучений, богословских сочинений, написанных с большим подъемом и посвященных этой чрезвычайно важной для церкви теме.³⁰

Изучение философско-религиозных взглядов двоеверцев является чрезвычайно сложной проблемой, так как письменных источников, отражающих их взгляды, не сохранилось, а созданные в пылу религиозной борьбы полемические сочинения деятелей церкви едва ли отличались объективностью.

В XI—XIII вв. двоеверие создало свой идеал красоты, во многом определивший специфические особенности русской культуры домонгольского времени. Это навеянное природой мировоззрение прекрасно отразилось в причудливых белокаменных садах, покрывающих стены древних соборов Владимирской Руси, в памятниках прикладного искусства, в рисунках заглавных букв древнерусских книг и других произведениях.

Искусство, порожденное двоеверием, обращалось к таким темам и образам, которые были начисто изъяты из сферы религиозного искусства. Церковь настойчиво запретила музыку и народные увеселения, а на серебряных браслетах мастера изображали гусяров и пляшущих женщин; церковь выступала против борьбы, а на стене Дмитриевского собора скульпторы высекали фигуры борющихся мужчин. Церковь боролась с почитанием птиц и «рощений», видя в этом остатки язычества, а на золотых колтах златокузнецы виртуозно исполняли птиц и древо жизни. Церковь не допускала языческое почитание луны, а медные и серебряные лунницы широко встречаются вкладах древней Руси. Количество таких примеров можно значительно увеличить.

Искусство, порожденное двоеверием, могло развиваться до тех пор, пока существовало само двоеверие. В XIV в., по мере распространения и укрепления феодализма и христианства, двоеверие было разбито церковниками и постепенно исчезло. Правда, пережитки язычества существовали еще и в XV, и в XVI, и даже в XVII вв., но к этому времени оно уже совершенно выродилось и никаких художественных ценностей создать не могло. На памятниках прикладного искусства этот процесс прослеживается достаточно отчетливо.

Другой характерной особенностью указанного периода были взрывы ожесточенной классовой борьбы смердов и горожан против феодалов и церковников.³¹

³⁰ РИБ, т. VI; Н. М. Гальковский. Борьба христианства..., тт. I и II; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, стр. 207—208, 250—252; т. III М. 1869, стр. 600—605; Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, гл. II и III; А. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III. СПб., 1897, и др.

³¹ Восстания были в 1024, 1066—1069, 1071, 1088, 1113, 1136, 1156, 1157, 1175 и других годах.

В XI в., в период становления феодального способа производства, по всей стране прокатилась широкая волна восстаний смердов. В XII в. вспыхнули городские восстания, активное участие в которых приняли жители сел и деревень.

Подобно всем большим социальным движениям средневековья, восстания смердов и горожан принимали характер религиозной борьбы и были направлены против христианской церкви и ее представителей. В сознании народа успехи христианства всегда связывались с ростом феодальной эксплуатации, и совершенно естественно, что во главе восставших оказались адепты старой языческой веры — волхвы. Реакционные по форме восстания смердов-волхвов были объективно прогрессивны, так как способствовали развитию общества.³²

Если в борьбе с двоеверием церковь использовала метод кнута и пряника, больше действовала принуждением и убеждением, то в борьбе с восставшими смердами и горожанами главными орудиями были меч и огонь. Волхв в глазах церковников стал настолько одиозной фигурой, что казнь его была возможна без суда и следствия. Церковники сделали все возможное, чтобы развенчать волхвов, представить их в самых темных красках. Даже общение с волхвами рассматривалось как преступление, за которое полагалась соответствующая кара.

Учитывая конкретную обстановку второй половины XII в., можно понять некоторые особенности образа Всеслава, созданного автором «Слова». Нет оснований сомневаться в том, что ортодоксальный христианин не мог создать такой образ. Однако и язычник также не мог вылепить его. Можно предположить, что автором этого сложного образа, а вместе с ним и всего «Слова о полку Игореве» мог быть один из «двоемерно живущих книжников», на которых так нападал составитель «Слова некоего христоробца». Такое предположение позволяет удовлетворительно объяснить не только многие специфические особенности образа Всеслава, но и всего «Слова» в целом.

Так, например, неслучайным оказывается весьма своеобразный словарный запас автора, значительное место в котором занимают слова и художественные образы, взятые из представлений дохристианской эпохи. Русских, которых киевский митрополит Иларион с гордостью называл «новыми людьми», просветленными светом христианского учения, автор «Слова» упорно называет внуками языческого бога Дажбога. Русскую землю, крещение которой состоялось около двухсот лет назад, автор определяет как землю языческого бога Трояна.³³ Ветры называются внуками Стрибога, вещей Боян — внуком Велеса и т. д.

Такое смешение христианских и языческих мотивов было чрезвычайно характерно для двоеверия XII в.

Образ князя-оборотня, совершенно невысказанный в христианской литературе, был вполне закономерен в произведении, проникнутом духом двоеверия. В прозрачных для современников намеках на киевские события

³² Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — Исторический журнал. М., 1940, № 2. 54—61; А. В. Арциховский, С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. — Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933, № 7—8, стр. 53—54; В. В. Мавродин. К вопросу о восстаниях смердов. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 6, стр. 76—83; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 11—12, стр. 35—60.

³³ А. Болдур Троян «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 34.

15 сентября 1068 г. слышен отзвук городских восстаний XII в., во главе которых действительно стояли волхвы.

Подведем краткие итоги.

Во-первых, изучение образа Всеслава в связи с многочисленными памятниками прикладного искусства XI—XIII вв. позволяет предположить, что система эстетических взглядов, о которой пишет Д. С. Лихачев, хотя и была господствующей, но не была единственной в искусстве древней Руси.

Во-вторых, образ Всеслава мог появиться в русском искусстве только в домонгольское время. Искусство XIV—XV и XVI вв., питавшееся другими идеями, не могло создать такой образ. Образ Всеслава является еще одним доказательством подлинности «Слова о полку Игореве».

И, в-третьих, анализ образа Всеслава помогает решить загадку, уже долгое время занимающую исследователей: каким образом книжный человек конца XII в., после двухсот лет христианства, мог так щедро использовать языческие образы?³⁴ Автор «Слова» был человек своего времени, в религиозных и художественных взглядах которого отразилась сложная идеологическая борьба конца XII в.

---

³⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I, изд. 2. СПб., 1902, стр. 178.

А. В. СОЛОВЬЕВ

**Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и
преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича,
царя русьскаго»**

«Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» является одним из интереснейших памятников ранней московской литературы. Как и «Задонщина», оно написано «в похвалу» Дмитрию Донскому, прославляет победу на Куликовом поле и всю деятельность великаго князя; оно отличается той же высокой патриотической настроенностью, также проникнуто идеей единства Русской земли под главенством Москвы. Кроме того, оно отличается большими литературными достоинствами.¹ Как справедливо говорит Н. К. Гудзий, «оно риторично, но его риторика высокого качества: она свидетельствует о большом литературном опыте автора, об его умении пользоваться подходящими словесными средствами для создания торжественно-воодушевленного похвального жития, совмещающего в себе и высокую публицистическую дидактику, и элементы стиля воинской повести, и прекрасный по силе своего лирического пафоса плач-причитание княгини над умершим князем, представляющий собой удачное сочетание народно-поэтических и книжных образных выражений».² Автор этого «Слова» чрезвычайно начитан в древнерусской и византийской литературе; по таланту и образованности его можно поставить рядом с Епифанием Премудрым. Однако вопрос об этом авторе, как и вопрос о времени написания «Слова», остается неразрешенным. Попробуем его рассмотреть.

Время составления «Слова»

Долгое время «Слово о житии и преставлении» не обращало на себя особого внимания исследователей. Лишь в 1947 г. В. П. Адрианова-Перетц посвятила ему большую статью, в которой внимательно исследовала стиль, источники и позднейшие отзвуки этого «Слова» и попыталась определить приблизительную дату его написания.³

В. П. Адрианова-Перетц упоминает о том, что А. А. Шахматов считал автора «Слова» не только современником Дмитрия Донского, но и лицом, присутствовавшим при погребении (следовательно, «Слово» могло быть

---

¹ «Надобно заметить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение, какое только дшло до нас от описываемого времени», — говорит С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, т. IV. М., 1854, стр. 371).

² Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 235.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 73—96.

написано в 1389 г. или несколько позже).⁴ Против этой датировки В. П. Адрианова-Перетц приводит целый ряд возражений, говоря, что «в описании погребения нет ничего столь яркого, что бы не могло быть написано и много лет спустя после 1389 года. А литературные приемы автора говорят именно не о 1390-х, а уже о XV веке».⁵

Оснований для такой поздней датировки в статье автора три: 1) отмеченное ею сходство целой группы приемов автора «Слова о житии» с панегирическим стилем Епифания Премудрого. В. П. Адрианова-Перетц ставит даже вопрос: «не сам ли Епифаний сложил „Слово о житии“, повторив в нем некоторые из своих приемов?». Но этому «противоречит прежде всего то, что Епифаний обычно надписывал своим именем все написанное им». Следовательно, «Слово» написано подражателем Епифания, и его «придется датировать уже не 1390-ми годами, а временем не раньше 1417—1418 г., когда было написано Житие Сергия Радонежского. Если же учесть, что в „Слове о житии“ есть отголоски и слова похвального Сергию, притом не только несомненно принадлежащего Епифанию, но и так называемого „Слова неизвестного сочинителя“, то придется отодвинуть „Слово о житии“ еще несколько дальше»; 2) «с такой датировкой согласуется и тот факт, что автор „Слова о житии“ был знаком с переводом Дионисия Ареопажита, переданным на Русь, видимо, уже в XV веке»; 3) «с другой стороны, не безразличной может быть для датировки „Слова о житии“ политическая тенденция прощальной речи Дмитрия Донского к сыновьям и боярам. Он говорит боярам, восхваляя их: «Вы же не нарекоетесь у меня бояре, но князи земли моеия», а сыновьям завещает: «бояре своя любите, без воли их ничто же творите». В. П. Адрианова-Перетц пишет по этому поводу: «Это подчеркивание уважительного отношения к боярам-князьям является, может быть, отголоском обострившейся борьбы объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати. Такая борьба усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г., причем шла она с переменным успехом: то брал верх московский великий князь, то одолевали его противники». В. П. Адрианова-Перетц считает, что в эти слова Дмитрия «вложена защита старых феодальных прав», авторитетом Дмитрия «прикрывается здесь защита старого порядка. Такую тенденцию проводить, хотя и осторожно, в литературе можно было только до 1453 г., т. е. до окончательной победы великого князя московского. Не эта ли скрытая политическая тенденция и заставила автора тщательно скрыть свое имя?»⁶

С этой датировкой согласился и Н. К. Гудзий. В шестом издании своего курса он пишет о «Слове о житии»: «Оно создано было, по-видимому, через несколько десятилетий после смерти Дмитрия Донского (ум. в 1389 г.). Для него характерен тот повышенно-витиеватый стиль, который стал у нас входить в моду с конца XIV в. и особенно обнаружился в житийных произведениях Епифания Премудрого, возможно оказавших влияние на „Слово о житии“».⁷ Все же по осторожным оговоркам «по-видимому» и «возможно» видно, что Н. К. Гудзий не вполне уверен в этой датировке, а в своей хрестоматии он говорит иначе: «Повесть создалась, видимо, вскоре же после смерти Дмитрия Донского

⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, стр. 119. — С. К. Шамбинаго в статье о повестях о Мамаевом побоище (История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208) датирует «Слово о житии» 1390-ми годами.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии..., стр. 91.

⁶ Там же, стр. 91—92.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 231—232.

(ум. в 1389 г.). Во всяком случае она уже вошла в Новгородский свод 1448 г.»⁸

Мы полагаем, что датировка, отодвигающая время составления «Слова» чуть ли не к половине XV в., весьма сомнительна и требует проверки. Начнем с третьего довода.

Можно ли считать, что любезные слова Дмитрия Донского, обращенные к его боярам, являются отголоском притязаний старой феодальной знати в междоусобной борьбе 1432—1453 гг.? По своей форме эта междоусобица была последней борьбой в пределах княжеского рода, в данном случае московской великокняжеской семьи, борьбой между дядей и племянником (затем между двоюродными братьями) за великокняжеский престол. По старым нормам княжого права Киевской Руси престол должен был переходить к старшему в роде, в частности к дяде предпочтительно перед племянником; поэтому Юрий Дмитриевич оспаривал престол у своего племянника Василия II Васильевича. Но уже в Киевской Руси можно видеть, как римско-византийское начало первородства проникает в сознание великих князей и они стараются передать престол первородному сыну, а не брату или иному старейшему родичу. Так, уже Изяслав I хочет с благословения папы назначить в 1075 г. наследником «Русского королевства (*regnum Ruscorum*)» своего сына Петра-Ярополка. Владимиру Мономаху наследует его старший сын Мстислав I, а по смерти Андрея Боголюбского ростовцы и суздальцы призывают на великокняжеский престол первородных внуков Юрия Долгорукого, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, в ущерб младшим сыновьям Юрия и т. п. Борьба между началами сениората и примогенитуры продолжалась и позже, пока в Москве не победило второе при содействии митрополитов и широких масс населения. Попытка Юрия Дмитриевича отнять престол у своего племянника была основана на отжившем свой век праве сениората, а долгая борьба его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки за тот же престол была просто проявлением своеволия удельных князей, не основанным ни на каком формальном праве.

Что касается социально-политического содержания этой борьбы, то она представляла собой столкновение удельного князя, стремившегося сохранить порядки феодальной раздробленности, с великокняжеской властью, олицетворявшей новый политический порядок складывающегося Русского централизованного государства. Позиция московского боярства в этой борьбе не была однородной: верхушка его примкнула к удельно-княжескому блоку, но часть служилого боярства вместе с посадом и дворянством поддерживала великого князя Василия II. При такой расстановке социальных сил идеология «Слова о житии» Дмитрия Донского не может рассматриваться как выражение феодальных притязаний боярства в усобице 1432—1453 гг.

Между тем она вполне соответствует реальной обстановке всего княжения Дмитрия Донского. Вспомним, что он вступил на престол девятилетним мальчиком, нуждавшимся в поддержке и совете. Конечно, внешней и внутренней политикой ведала боярская дума, при деятельной поддержке митрополита Алексея. Именно эти силы добились в 1361 г. того, что ярлык на великое княжение был отнят от Дмитрия Константиновича Суздальского и возвращен одиннадцатилетнему Дмитрию; затем в январе 1366 г. они сумели женить шестьюнадцатилетнего Дмитрия на дочери его суздальского соперника, Евдокии Дмитриевне, и закрепить подчинение суздаль-

⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, изд. 6. М., 1955, стр. 179. — Отметим, что Н. К. Гудзий поместил «Слово о житии» после «Задонщины» и перед «Словом о житии Стефана Пермского».

ского князя своему юному зятю. Постройка каменного кремля в Москве в 1367 г., дважды выдержавшего натиск грозного Ольгерда, была, наверно, столь же заслугой боярской думы, как и великого князя.

Московское боярство являлось той силой, которая поддерживала Дмитрия Донского; поэтому неудивительно, что перед смертью он обращается к своим малолетним сыновьям⁹ со следующим наставлением: «Бояры своя любите, честь им достойну воздавайте противу служению их, без воли их ничто же творите; приветливы будите ко всем слугам своим, но все творите с повелением родителей своих». Боярам он также говорит длинную речь: «Сберитесь ко мне, да скажу вам еже створих в житии своем: ведаете каков обычай мой есть и нрав, родихся пред вами и при вас возрастох, и с вами царствовах; землю Рускую держал лет 29, а от рожения ми 40 лет. И мужествовах с вами на многи страны, и противным страшен бых в бранех, и поганяя низложих божиею помощию, и врагы покорих; великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину земли Русьской сътворих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои, и вам честь и любовь даровах, под вами города держал и великия власти, и чада ваша любих, никому же зла створих, ни силою что отъях ни досадих ни укорих, ни разграбих ни избежьествовах, но всех любих и в чести держал, и веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы же не нарекошесь у мене бояре, но князи земли моей. Ныне же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мне во время свое: Должны есмы, тебе служа и детям твоим, главы положити своя, и укрепите ся истинно послужити княгини моей и чадом моим от всего сердца своего; во время радости повеселитесь с ними, и во время скорби не оставите их, да скорбь ваша на радость преложится, бог же мира да будет с вами».

В этой речи каждая фраза напоминает истинные события из жизни Дмитрия, он действительно мог сказать такую речь. Конечно, автор жития не присутствовал во дворце при кончине великого князя и не стенографировал речей, он слышал их от третьих лиц и кое-что приукрасил.¹⁰ Дмитрий мог сказать «без совета», а не «без воли», мог не сказать «князи земли моей». Но общий смысл речи не в «феодалных притязаниях», а в том, что Дмитрий, сказав несколько комплиментов боярам, требует от них верной службы детям: прежде всего совета, а затем готовности положить свои головы за них. Такая речь могла быть сказана в 1389 г., но не выдумана в 1432—1453 гг.

В качестве второго довода, который должен был бы указать на позднюю дату составления «Слова о житии», В. П. Адрианова-Перетц приводит отражение в нем перевода творений псевдо-Дионисия Ареопагита, «переданного на Русь, видимо, уже в XV веке». Самое слово «видимо» показывает, что уверенности у нее нет. Однако А. И. Соболевский указывает в русских книгохранилищах пять древнейших рукописей творений Дионисия, из них три XV в., а две отнесены им к XIV в., из них одна руки митрополита Киприана.¹¹ Правда, две из них привезены с Афона

⁹ Дмитрий Донской умер 38 лет и оставил девять детей, из которых старшему, Василию, было семнадцать лет, а младшему, Константину, — всего четыре дня.

¹⁰ «Пусть эта речь выдумана, изукрашена сочинителем: для нас важны не собственные слова великого князя, но то, как представлялись современникам отношения его к боярам», — заметил С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, т. III, М., 1857, стр. 389—390).

¹¹ «Дионисия Ареопагита сочинения с толкованиями Максима Исповедника. Старейшие русские списки: 1) Увар., № 162, XV в.; 2) Антониева-Сийского мон. XV в. ... Старшие южнославянские списки: 1) болгарский, Моск. Дух. Ак., № 122, XIV в. руки митр. Киприана; 2) сербский, Нов. Исрус., № 78, XIV в.; 3) болгарский, Румянц.

Арсением Сухановым в 1655 г.,¹² но все же остается фактом, что уже в конце XIV в. митрополит Киприан имел в Москве собственноручный список этого сборника. Напомним, что перевод творений Ареопита с греческого на славянский язык был сделан в 1371 г. иеромонахом Исаией,¹³ бывшим игуменом Русского монастыря на Афоне, и отдельные русские монахи могли ознакомиться с этим переводом на Афоне и даже привезти в Москву рукопись этой новинки, впоследствии пропавшую (например, в пожаре 1382 г.). Следовательно, современник кончины Дмитрия Донского мог свободно цитировать Ареопита.

Уже А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго указывали на то, что автор «Слова о житии» был современником кончины Дмитрия Донского; они приводили его слова: «Но токмо слышах мног народ глаголющъ: о горе нам, братъе, князь княземъ успе». Очевидно, автор присутствовал при погребении великого князя.¹⁴

К этому наблюдению можно прибавить еще ряд доводов. Автор пишет: «И аз убо худородный на похваление предоброго господина ми (вариант ни) словес изнести восхотех». Назвать умершего «предобрый господин» мог только современник, считавший его своим господином.

Очень точные даты кончины и погребения: «месяца мая в 19, на память свягата мученика Патрекея, на 5-й недели по Велице дне, в среду долога вечера в 2 час нощи» и «месяца мая в 20, на память мученика Фалалея» (без указания года) — могли быть записаны только современником, в том же году, а не пятьдесят лет спустя.

Заметим еще, что житие Дмитрия Донского не встречается ни в каких сборниках житий или иных статей, так как это не житие святого. Оно сохранилось только как летописная статья 1389 г. в следующих летописях: Новгородской IV, Софийской I, Воскресенской, Никоновской, Львовской и затем в «Степенной книге». Можно полагать, что оно и было задумано как летописная статья, как подробное описание кончины великого князя и как похвала ему. Так, в Ипатьевской летописи мы находим подробное описание болезни, смерти и заслуг вольнского великого князя Владимира Васильевича (под 1288 г.), соединенное с похвалой ему, во многом заимствованной из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Это повествование и похвала занимают девять страниц Ипатьевской летописи, и за ними следует продолжение: «Князь же Мстислав не притяже на погребенье тела брата своего Володимера, но приеха после с бояры своими ... и плака ся над гробом его плачем великим зело, аки по отце своем по короле (Даниле); и утоливше ся от плача, и нача розсылати засаду по городам». Далее следуют события 1289 г. Видно, что вся повесть о кончине и похвала Владимиру была написана наспех, как летописная статья, в ближайшие дни (или месяцы) после события. Можно полагать, что и «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича» было задумано как летописная статья и что то «преподобие», по

М., № 93, XV в.» [А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. (Речь, читанная на годичном акте Археологического института 8 мая 1894). СПб., 1894, стр. 21].

¹² С. А. Белокуров. Арсений Суханов. — ЧОИДР, 1891, № 1—2, стр. 407.

¹³ Серб Исаия, высокообразованный писатель и политик, был назначен в 1348 г. игуменом Русского монастыря на Афоне, затем стал просто старцем и жил в 1363 и 1366 гг. опять в том же монастыре (В. А. Мошин. Житие старца Исая, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 125—167).

¹⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году, стр. 119; С. К. Шамбинаго. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

просьбе которого автор начал писать свое «Слово», было духовным лицом, руководившим московским летописанием. Для такого выдающегося государя, как Дмитрий Донской, надо было заказать особо развернутую биографию и похвалу.¹⁵

«Слово» написано под непосредственным впечатлением кончины Дмитрия Донского, лицом, присутствовавшим при погребении и слышавшим много подробностей того, что происходило во дворце в те дни. Отметим еще, что «Слово» почти точно цитирует подлинное завещание Дмитрия Донского, перечисляя уделы, оставленные его сыновьям. Это могло быть записано именно в мае 1389 г., когда завещание было оглашено во дворце и могло быть интересно, пока эти сыновья были живы. Но трудно себе представить, чтобы через сорок или пятьдесят лет, после 1432 г., автор стал бы разыскивать в великокняжеском архиве это завещание: вероятнее всего его бы не допустили в ризницу.

Одно указание мешает нам отнести завершение «Слова» к 1389 г. Именно при перечислении сыновей Дмитрия Донского сказано: «Пятый же сын его, князь Иван, после отца преставился, а шестой сын его, князь Константин, еже есть меньший всех детей его, той четверодневному ему сыну по отце оставшуся». Большой князь Иван (родился в 1380 г.) умер в 1393 г.¹⁶ Следовательно, «Слово» было закончено после этого года. Но надо вспомнить, что некоторые писатели того времени очень долго отделяли свои сочинения. Сам Епифаний собирал записи о житии Сергия Радонежского годами и закончил житие лишь через двадцать лет; автор «Слова» мог начать его в 1389 г., а закончить, скажем, в 1394 г.; но, повторяем, он писал его по свежим впечатлениям.

Автор «Слова»

Если мы согласимся с тем, что «Слово о житии» было написано современником Дмитрия Донского, присутствовавшим при его кончине, и закончено около 1393—1394 гг., то встает вопрос о его авторе. Сходство этого похвального слова с произведениями Епифания Премудрого столь велико, что его автора считали подражателем Епифания. Но если «Слово о житии» было написано раньше известных нам произведений Епифания, то настойчиво встает вопрос, поднятый В. П. Адриановой-Перетц, но, к сожалению, ею слишком быстро оставленный: «не сам ли Епифаний сложил Слово о житии?».

Против этой гипотезы В. П. Адрианова-Перетц выставила, в сущности, лишь одно возражение: «Епифаний обычно надписывал своим именем все написанное им. И даже в позднейших обработках его житий, сделанных Пахомием Сербом, сохранилось имя его как основного автора».¹⁷

Рассмотрим основательность этого возражения. Действительно ли Епифаний надписывал своим именем все написанное им? Сочинений его не так много.

1) Житие Стефана Пермского имеет заглавие: «Месяца апреля в 26 день. Преподобнаго в священноиноках отца нашего Епифания съчинено бысть Слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана бывшаго в Перми епископа. Благослови отче». Ясно, что это заглавие не

¹⁵ Биографии выдающихся деятелей писались обычно вскоре после их смерти: так, в 1326 г. после кончины митрополита Петра, великий князь Иван Калита поручил ростовскому епископу Прохору написать житие митрополита (см.: Н. К. Гудзьян. История древней русской литературы, стр. 236).

¹⁶ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 123; т. VIII, СПб., 1859, стр. 63.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 91.

первоначально: Епифаний не мог написать про себя: «Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания». Несомненно, что Епифаний написал лишь заглавие «Слово о житии и учении святого отца нашего» и т. д.,¹⁸ а слова «преподобного» и т. д. были прибавлены позже почитателем Епифания, его учеником или переписчиком, чтобы спасти от забвения имя автора анонимного «Слова». Жития святых и князей обычно анонимны: из монашеской скромности Епифаний не поставил бы в заглавии Жития Стефана Пермского свое имя: в тексте он считает себя «после же всех худшим» и говорит о себе: «Аз бо есмь мни бех в братии моей и худший в людех и меншей в чловецех, последний во христианех, неключимый в иноцех (не «в священноиноцех») и невежа слову». Так же и в «Слове о житии» Дмитрия — автор говорит о себе: «аз бо художный», «аз же недостойный ... за грубость моего неразумия».

2) Житие Сергия Радонежского надписано: «Житие и жизнь преподобного отца нашего игумена Сергия, списано учеником его священноинком Епифанием, в нем же имать и от божественных чудес его». Такое растянутое и довольно нескладное заглавие («Житие и жизнь ... списано ... в нем же») не может в целом принадлежать такому стилисту, как Епифаний. Весьма вероятно, что он озаглавил: «Житие и жизнь преподобного отца нашего игумена Сергия», а прибавка принадлежит переписчику. Епифаний мог бы назвать себя учеником Сергия, но не стал бы себя называть «священноинком».¹⁹

3) Похвала первая Сергию Радонежскому надписана сходным образом: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию, сътворено бысть учеником его священноинком Епифанием, благослови отче».²⁰ Опять-таки мы полагаем, что добавление «сътворено» и т. д. принадлежит переписчику, а Епифаний озаглавил лишь: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию». Повторяем, он не стал бы называть себя «священноинком», когда в самом тексте он со смирением говорит о своем «недостойнстве», о своем «оскудном разуме», о «худом своем разуме и растленном уме», называет себя «груб же и умовреден», «окаянный и лишенный разума». Он не называет себя даже просто «иноком»; если бы он захотел назвать себя в заглавии, он сказал бы: «сочинено недостойным и грешным учеником его» или как-нибудь в этом роде.

4) Епифанию Премудрому справедливо приписывается и Похвала вторая Сергию, озаглавленная: «Слово похвално преподобному игумену Сергию новому чудотворцу, иже в последних родех в Руси возсиявшему и много исцеления дарованием от бога приемшаго». Опять-таки трудно сказать, принадлежит ли все это (не совсем складное) заглавие автору, но имени Епифания здесь нет. Нет его и в довольно кратком тексте, где автор говорит не от своего имени, а от всей братии: «вопием ти, убогая твоя чада». Между тем стиль этой похвалы совпадает в некоторых местах

¹⁸ Сама В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «Слово о житии и преставлении» Дмитрия Донского своим необычным заглавием напоминает столь же необычное для жития заглавие биографии Стефана Пермского: «Слово о житии и учении» (В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии..., стр. 84).

¹⁹ Имя Епифания упомянуто и в заглавии первой Пахомиевской редакции: «Житие и жизнь преподобного и богоносного отца нашего Сергия, месяца сентября 25, в нем имать и от божественных чудес его. Списан от священноинка Пахомия Святыя горы, Епифания священноинка и духовника ученик бывы и послушник святого Сергия. Благослови отче» (Н. Тихонов. Древняя жития преп. Сергия Радонежского. М., 1892, вторая часть, стр. 3). Плохо согласованная вторая часть заглавия («от ... Пахомия ... ученик бывы»), наверное, принадлежит писцу — почитателю Пахомия и Епифания, во всяком случае не самому Епифанию.

²⁰ Н. Тихонов. Древняя жития преп. Сергия Радонежского, стр. 131—152.

со стилем «Слова о житии» Дмитрия Донского, как это отметила В. П. Адрианова-Перетц.²¹

5—6) Наконец, Елифанию приписывается по стилю предисловие к рассказу о смерти великого князя тверского Михаила Александровича, помещенное в Новгородской IV летописи, а также послание к Кириллу Белозерскому.²² В предисловии имени Елифания нет. В послании в качестве автора назван иеромонах Епифаний,²³ но фраза, в которой он упоминается: «Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу», — явно не входила в состав первоначального текста и не была написана самим Епифанием.

Итак, мы видим, что из шести произведений, приписываемых Елифанию Премудрому, два не носят его имени, а в остальных имя его, вероятно, приписано позже. Ни об одном из них мы не можем утверждать, что Епифаний сам внес свое имя в заглавие. Это противоречило бы монашескому смирению той эпохи. Искусство должно было служить высшему началу, и недостойная личность автора не должна упоминаться.²⁴ Современник Епифания, гениальный Андрей Рублев, не подписал ни одного своего творения, и лишь монастырская традиция сохранила связь его имени с его иконами и фресками.

Мы полагаем, что Епифаний не надписал ни одного из своих произведений. Но в Троицкой лавре сохранилась память о его авторе, и монастырские писцы прибавляли его имя к заглавиям. Попавшее же в летопись «Слово о житии» осталось анонимным.

Стилистические приемы Елифания

Сравним еще раз «Слово» о Дмитрии Донском со «Словом» о Стефане Пермском. Мы уже указали на сходство заглавий. Самое начало обоих житий схоже: нет никаких предварительных фраз, как например в Житии Александра Невского («О госпде нашем Иисусе . . . яз худый и грешный и недостойный начинаю писати. . .»). Оба жития начинаются просто: «Сии убо в. кн. Дмитрей родися от благоверну и от пречестну родителю. . .»; «Сии преп. отец наш Стефан бе убо родом Русин . . . от родителю нарочиту. . .». Сочетание «Сии убо» принадлежит одному и тому же автору, как и правильное употребление двойственного числа: «от пречестну родителю . . . от родителю нарочиту».

Несмотря на все различие между сыном великого князя и сыном устюжского клирика, юность обоих описана в довольно схожих выражениях:

²¹ Там же, стр. 153—156; В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии. стр. 83.

²² В «Истории русской литературы» под редакцией А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (т. II, ч. 1, М.—Л., 1945) на стр. 238 сказано: «Судя по стилю, Елифанию, кроме житий, принадлежат письмо Кириллу Белозерскому и введение к Тверской летописи», а на стр. 245—246 указывается, что предисловие к рассказу о смерти тверского князя Михаила Александровича (умер в 1399 г.) в IV Новгородской летописи «принадлежит другому автору, возможно Елифанию Премудрому».

²³ Послание Елифания к преподобному Кириллу 1413 г. — Православный собеседник. Казань, 1863, ч. 3, стр. 324.

²⁴ Напомним, что и «Повесть временных лет» не носит имени Нестора ни в Лаврентьевском, ни в Ипатьевском списках; сказано лишь: «Се повести временных лет черноризца Федосьева монастыря» и т. д., однако в позднейшем, Хлебниковском, списке (и в том, которым пользовался Татищев) вставлено имя «Нестера-черноризца», очевидно переписчиком.

«Еще же млад сый възрастом, и о духовных прилежа дѣлсѣхъ» (Дмитрий); «И еще дѣтищем сый, из млада, вдан бысть грамотѣ учити ... и грамоте прилежаше» (Стефан).

Заметим в развернутом описании добродетелей отрока сходное построение:

«Слово о житии» Дмитрия
Донского

Еще же млад сый възрастом, и о духовных прилежа дѣлсѣхъ, и пустошных бесѣд не творяше, и срамных глагол не любляше, злонаравных человек отвращашеся, а с благими всегда бесѣдоваше, божественных писаний со умилением послушаше, о церквах божиих велми печашеся, а стражу земли Русьскыя ... держаше, злобою отрока обреташеся, а умом свершен всегда бываше, ратным же ... страшен бываше, и многы врагы ... победи, и славный град свой Москву стѣнами чудными огради.

«Слово о житии» Стефана
Пермского

И еще дѣтищем сый, из млада ... успѣваше же разумом душевным ... к дѣтем играющим не приставаше ... тщетнаа гонящим не внимаше, чи водворяшешся с ними; но от всѣх дѣтских ... игр отвращашешся, но точию на славословие упражняешся, и грамотѣ прилежаше, и книгам всяким вычению издавешся ... Научи же ся в градѣ Устьюжь всеи грамотичней хитрости и книжнѣй силѣ.

Это тот же стилистический прием: сперва ряд предложений со сказуемым в переходящем времени (одиннадцать в Житии Дмитрия, шесть в Житии Стефана) и затем, в концовке — аорист: «победи», «огради», «научи же ся». Здесь нельзя предполагать оригинал и подражание, слишком различие всего изложения. Это особый прием автора: он оставляет общую схему, но наполняет ее различным содержанием.

Затем идет рассказ о браке Дмитрия, наполненном добродетелями, — инок Стефан не женат, но говорится о его добродетелях и пострижении.

Центральным местом деятельности Дмитрия являются его победы над татарами. Они изложены довольно кратко, с сильным церковным оттенком, с прямым обращением Дмитрия к богу и богородице: «заступнице и помощнице миру ... испроси ми силу и помощь ... постави мя столп крепости». Также и Стефан Пермский среди своей деятельности обращается к богу: «нищим заступнице, утверди и вразуми сердце мое и дай ми слово».

В. П. Адрианова-Перетц привела еще целый ряд примеров стилистического сходства между «Словом о житии» Дмитрия Донского и «Словом о житии» Стефана Пермского,²⁵ которые убеждают нас в том, что нельзя предполагать талантливое подражание, а что просто оба «Слова» написаны одним автором, применявшим те же литературные приемы, но старавшимся разнообразить изложение, пользуясь богатством своего языка.

Остановимся на одном примере, кратко упомянутом в статье В. П. Адриановой-Перетц. В конце «Слова», в похвале, автор ставит целый ряд риторических вопросов, спрашивая, кому уподобить восхваляемое лицо:

«Слово о житии» Дмитрия
Донского

Кому уподоблю великаго сего князя Дмитрея Ивановича, царя Русьскыя земли и настояльника великому княжению и собрата христанскаго³ Приидите, любимици,

«Слово о житии» Стефана
Пермского

Но что ты нареку, о епископе, или что ты именую, или чим ты прозову, и како ты провещаю, или чим ты меню, или что ти приглашу, како похваляю, како почту,

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... стр. 82—86.

церковни друзи, к похвалению словеси по достоинству похвалити держателя земли Русьской. Ангела ли ты нареку? но ... Человека ли? но ... Первозданного ли ты нареку? но той... ты же ... Сифа ли ты нареку? но того ... ты же ... Еноху ли ты подоблю? но той ... ты же ... Ноя ли ты именую? но той ... ты же ... Евера ли ты нареку? ... ты же ... Авраама ли ты нареку? но ты ... Исаака ли ты восхваляю? ... но ты ... Израиля ли ты възглаголю? но той ... ты же ... Иосифа ли ты явлю? ... ты же ... Моисея ли ты именую? но той ... ты же ...

како ублажу, како разложу, и како хвалу ти съплету? Тем же что ты нареку, пророка ли, яко ... Апостола ли ты именую, яко ... Законодавца ли ты прозову или законоположника, им же ... Крестителя ли ты провещаю, яко ... Проповедника ли ты прозову, понеже ... ^V Евангелиста ли ты нареку или благовестника, им же ... Святителя ли ты именую, елма же ... Учителя ли ты прозову, яко ... Да что ты прочее назову, страстотерпца ли или мученика, яко ... Да что ты приглашу, пастуха ли нареку, понеже... Что ты нареку ... посетителя ли ты толкую, яко же ... Врача ли ты намену, яко ... Отца ли ты нареку или казателя ... Да что ты еще нареку, исповедника ли ты исповедаю, понеже...

Мы видим, что построение одинаковое в обеих похвалах: сперва общий вопрос, затем ряд вопросительных сравнений с ответами. Число их почти то же: в первом «Слове» двенадцать сравнений, во втором четырнадцать, причем четыре обогащены вариантами, вводимыми союзом «или». Глаголы эчень разнообразны: чаще всего встречается «нареку» (пять раз в первом и шесть раз во втором «Слове») и «именую» (два раза в первом и три раза во втором «Слове»). Наряду с ними мы находим в первом «Слове»: уподоблю, похвалити, подоблю, въсхваляю, възглаголю, явлю», а во втором: прозову, приглашу, провещаю, проглашу, назову, толкую, намену, исповедаю; из этих глаголов шесть повторяются в вводном вопросе, где мы найдем еще пять: похвалю, почту, ублажу, разложу, хвалу сплету. Итак, в первом «Слове» Елифаний подобрал восемь глаголов для своих вопросов, а во втором — пятнадцать. Заметим, что построение ответных предложений неодинаково: в первом «Слове» — противительные, во втором — объяснительные предложения.

Конечно, мы имеем дело не с подражателем, а с талантливым автором, у которого есть понравившаяся ему схема; он повторяет ее, но разнообразит ее всеми доступными ему средствами. Заметим, что в Житии Стефана Пермского эти средства еще богаче, что подтверждает наше предположение о том, что «Слово» о Дмитрие Донском было написано раньше.

Мы можем указать вероятный образец этой схемы. Это Житие Симеона Немани, написанное его сыном королем Стефаном Первовенчанным, одно из лучших произведений сербской средневековой литературы. В отличие от другого Жития Симеона, написанного другим его сыном, архиепископом Саввой, в чисто церковном духе, это Житие гораздо больше рассказывает о государственной деятельности Немани, чем о его чудесах; оно есть образец «светски-церковного» жития, как и Житие Александра Невского.

В предпоследней, 19-й, главе король Стефан восхваляет своего отца целым рядом риторических вопросов:

Кто бо изъчътеть сего чудеса?
 который ли языкъ изъглаголетъ тайны твое? ...
 которые ли устынѣ отвързета се на твою похвалу, прѣподобне?

которыи ли разумъ исповѣсть твоя величия, поты и труды?...
 Что же нареку те, о прѣподобне, азъ непотрѣбныи твои рабѣ?
 Апостола ли нареку те? яко бола и апостола бысть...
 Мученика ли? нѣ кто изъчтеть страсти твое бесчисльниие...
 Учителя ли те нареку отъчъствию своему? нѣ ты прѣвзыде тѣхъ...
 Воина ли те нареку, свете, крѣпка? ты ибо огради вселеную...
 Пророка ли нареку те, прѣчюдне? нѣ глаголетъ господь...
 Пустыннаго ли жителя нареку? нѣ ты и въ пустыни большии
 процвѣте...²⁶

Это тот же план: сперва недоуменные вопросы, а затем ряд сравнений в форме вопросов с ответами или объяснениями.²⁷ Заметим, что у Епифания выполнение этого плана богаче, чем в сербском образце. Там только шесть уподоблений, у Епифания в первом Житии двенадцать, во втором четырнадцать. Король Стефан пользуется только глаголом «нареку тя», Епифаний сохраняет этот глагол (по пяти раз), но рядом с ним поставил еще много вариантов (семь в первом «Слове», четырнадцать во втором). Ответные предложения в сербском Житии построены противительно (четыре раза «но», один раз «ты ибо»), но в первом же вопросе объяснительно: «яко ты». Епифаний строго провел схему противительных ответов в первом «Слове» («но ты», «но той»), а во втором дал только объяснительные («яко», «понеже», «елма»).

Итак, сравнение стиля «Слова о житии» Дмитрия Донского и «Слова о житии» Стефана Пермского убеждает нас в том, что мы имеем дело не с оригиналом и подражанием, а со стилем одного и того же автора, с «автореминисценциями», при которых автор чрезвычайно разнообразит свой язык, чтобы не повторяться. Так подражатели не поступают.²⁸

Схема трех плачей

В. О. Ключевский говорит по поводу Жития Стефана Пермского, отмечая риторическое искусство Епифания: «Наконец, житие завершается похвалой святому в форме, обнаруживающей стремление к художественности: в трех статьях («плачах») являются с длинными монологами пермские люди, пермская церковь и биограф, сетующие о кончине епископа, сам Стефан, обращающийся к господу с молитвой о церкви, и господь, прославляющий пермского епископа. Такая оригинальная форма похвального слова нераздельно принадлежит одному Епифанию; ни в одном греческом переводном житии не мог он найти ее, и ни одно русское позднейшее, заимствуя отдельные места из похвалы Епифания, не отважилось воспроизвести ее

²⁶ P. J. Šafarik. Památky jihoslovanského písemnictví. V. Praze, 1872, стр. 25—26. — Побывав на Афоне, Епифаний Премудрый мог там ознакомиться с этим и другими сербскими житиями.

²⁷ Сходную форму сравнений в виде вопросов и ответов можно найти уже в летописной повести о Борисе и Глебе и в зависящем от нее «Сказании», но в гораздо более кратком виде: «Тем же вас како по достоанию въсхвалим? Ангела вас нареку... Но плотьни еста... Мучникам? Но... Царя ли или князя? Но смирение паче человек иместа». Здесь лишь по три вопроса, тогда как схема Епифания восходит к вопросам в Житии Стефана Немани. Ср.: Д. Абрамович. Сказания о Борисе и Глебе. СПб, 1913, стр. 48, 89.

²⁸ В. П. Зубов в статье «Епифаний Премудрый и Пахомий Серб» (ТОДРА, т. IX М.—Л., 1953, стр. 148) прекрасно сказал, что сложные периоды Епифания «можно уподобить орнаменту с переплетением нескольких разноцветных нитей». Мы добавим, что когда в стиле двух произведений Епифания наблюдается сходство, то основной узор тот же, но нити почти все других цветов.

литературную форму».²⁹ То же говорит и Е. Е. Голубинский: «А в отношении к красноречию составляют его оригинальный измысл, которому не отваживался подражать никто из позднейших, три плача по святом Стефане, которыми он оканчивает житие, именно: плач пермских людей, плач церкви пермския, „егда овдове и плакася по епископе си (своем)“, и плач и похвала инока списателя».³⁰

Ни В. О. Ключевский, ни Е. Е. Голубинский не заметили сходства этой схемы трех плачей с рассматриваемым нами «Словом о житии» Дмитрия Донского, вероятно потому, что они изучали оба лишь «жития святых», а Дмитрий Донской канонизован не был. Впрочем, В. О. Ключевский вкратце касается и этого светского жития, справедливо говоря: «Этим цветом церковного похвального слова окрашивались не одни церковные явления: он сильно замечен уже в житии в. князя Дмитрия Донского, написанном, по-видимому, вскоре после его смерти. Автор биографии — начитанный книжник, сколько можно судить по его цитатам и многоречивым рассуждениям, и писал ее для какого-нибудь духовного лица. Иногда у него заметно подражание житию Александра Невского; встречаем литературные черты, которые были не во вкусе агиобиографии: картину Донского побоища, плач княгини с причитаниями над умершим мужем. Но тем резче выделяются в биографии черты другого свойства: в характеристике князя допущены почти исключительно иноческие добродетели; несоразмерно длинное и до темноты витиеватое похвальное слово в конце жития рассматривает Донского героя только как святого, и, перебирая исторические имена, которыми можно было бы характеризовать князя, оно называет только праведников обоих заветов».³¹ Итак, В. О. Ключевский отметил «плач княгини с причитаниями» как особенность «Слова о житии», но от него ускользнуло сходство этого плача с плачем пермских людей по епископе Стефане.

Между тем схема одинакова в обоих «Словах о житии», и восходит она к древнерусской традиции, к летописям, очень часто отмечающим плач народа и его семьи (вдовы, сыновей) по умершем князе. Епифаний вдохновился летописями и жизнью и создал схему трех плачей, которая «нераздельно принадлежит одному» ему, по справедливому замечанию В. О. Ключевского. Летописи постоянно отмечают плач по князю, но делают это гораздо короче. Возьмем Ипатьевскую летопись, которая, по-видимому, была известна Епифанию Премудрому (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871). Уже о смерти Олега в 912 г. сказано: «И плакашася по нем вси людие плачем великом, и несоша и, и погребоша и на горе». О смерти Ольги в 969 г. сказано несколько больше: «И плакася по ней сын ея и внуци ея, и людье вси плачем великим, и несъше погребоша ю на месте».

Это не был просто плач и вопль; нет, это были определенные причитания, имевшие давно установленный облик, но разнообразившиеся в зависимости от данного лица. Так, о кончине Владимира Великого сказано: «Се же увидевше людье и снидошася бе щисла и плакашася по немь бояре акы заступника земли и х убозии акы заступника и кормителя». О смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. сказано кратко, что пла-

²⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 94.

³⁰ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина. М., 1910, стр. 175—176.

³¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 169—170.

кались «все людье», но особо отмечен плач его любимого сына Всеволода.³² О смерти Изяслава I в 1078 г. сказано больше: «и понесоша в град, и не бе лзе слышати пенья в плаче велице и воле: плакася по немь весь город Киев. Ярополк же идяше по немь, плачася с дружиною своею: „Отче, отче мой! что еси бес печали пожил на свете семь, многи напасти приемь от людей и от братья своея? Се же погипе не от брата, но за брата своего положи главу свою“». Здесь впервые приведен индивидуальный плач, говорящий именно о погибшем в бою князе.

Краткие упоминания о плаче найдем при смерти Ярополка Изяславича в 1087 г., великого князя Всеволода в 1093 г. (отмечено, что плакали его сыновья Владимир Мономах и Ростислав), великого князя Святополка II в 1113 г.

Несколько больше сказано о смерти Владимира Мономаха в 1125 г. — сперва похвала умершему, а затем описание плача: «Святителе же жалящеси плакахуся по святом и добром князи, весь народ и все людие по немь плакахуся, яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем все людие и сынове его... и внуци его; и тако разидошася все людие с жалостью великою, тако же и сынове его разидошася, кождо в свою волость, с плачем великом». Здесь мы видим, что причитания были не только до погребения, но и после него. Заметим, что в приведенных примерах не упоминается вдова покойного князя.

Не будем приводить всех последующих упоминаний. Отметим лишь, что в 1154 г. о смерти великого князя Изяслава II сказано: «плакася по нем вся Руская земля и все Чернии Клобуци, и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци». Здесь впервые мы видим, что в погребальном плаче умершего князя можно называть «царем».

Подробнее изложены плачи в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. Во-первых, о нем плачет его верный Кузьмище Киянин: «Господине мой, како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе, или како ся еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых Болгар? И тако плакася и». Затем тот же Кузьмище причитает: «Уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знают» и т. д. Горожане боголюбские не плачут, а занялись грабежом княжьего дома и домов посадников и тивунов. Но когда тело вели-

³² В XI в. первые развернутые плачи находятся в «Сказании о страсти и похвале» князьям Борису и Глебу, приписываемом Иакову-мниху. Узнав на реке Альте о смерти своего отца, Борис причитает: «Увы мне, свете очю моею, сияние и заре лица моего, бьздо уности моее наказание недоразумения моего. Увы мне, отче и господине мой! К кому прибегну, к кому взърю?... Увы мне, улы мне! Како заиде, свете мой, не сущу ми ту?... Сердце ми горит, душа ми съмысл съмушаеть и не вемь к кому обратитися» (Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 29). Так же плачет и Глеб на Смядине, узнав из послания Ярослава о смерти отца и убийении брата Бориса: «О улы мне, господине мой! От двюю плачу плачюся и стению, дьвою сетованию сетую и тужю. Увы мне, улы мне! Плачу зело по отци, паче же плачюся и отчаях ся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободен еси... Увы мне! Уне бы с тобою умрети ми, неже уединену и усирену от тебе в семь житии пожити» и т. д. (там же, стр. 39—40). Эти плачи, конечно, сочинены автором-монахом, который не мог никак их слышать и ему даже не могли их передать. Поэтому оба плача чрезмерно окрашены церковными элементами. Но важно следующее: автор был убежден, что при смерти отца сыновья (даже находящиеся далеко от гроба) обязаны изливать свое горе в причитаниях, в которых традиционные формулы сочетаются с указаниями на особые черты личности умершего и на обстановку его смерти. Заметим, что некоторые выражения обоих плачей могут восходить к реальным формулам княжьих плачей, например: «увы мне», «свете очей моих», «свете мой», «како заиде»; наконец, обращение к умершему отцу или старшему брату как к «господину».

кого князя Андрея привезли во Владимир, здесь начался общий плач и вопль. «И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на велицем дворе на Ярославле, а река: «хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отъчству моему»“. И тако плакася по немь весь град». Вот часть развернутого прочтения, начатого характерным наречием «уже» и описывающего события из жизни покойного. За этим следует характеристика князя и обращение к нему: «Радуети ся, Андрею княже великий . . . моли ся помиловати братью свою» и т. д.

Еще интереснее описание кончины князя Мстислава Ростиславича (Храброго) в Новгороде в 1178 г. Здесь плачется «по нем вся земля Новгородская, наипаче же плакахуся по немь лепшии мужи Новгородстей . . . и тако молваху плачущесе: „Уже не можем, господине, поехати с собою на иную землю, поганых поработити во область Новгородскую: ты бо много молвяшеть, господине наш, хотя на все стороне поганья. Добро бы ныны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу Новгородцем от поганых, яко же и дед твой Всеволод свободил ны бяше от всех обид. Ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего. Ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом“. И тако плакавшесе над ним все множество Новгородское, и силнии и худии, и нищии и убозии, и черноризьсьце, бе бо милостив на вся нищая, и тако разидошася во своя дома». В этом плаче обращает на себя внимание его индивидуальная форма — в нем говорится о личных заслугах храброго князя, всегда готового «умрети за Русьскую землю и за хрестьяны», как сказано о нем ниже. Вместе с тем в этом плаче видим ряд традиционных оборотов народного типа: «уже», «уже бо», «солнце наше зайде ны», «во обиде всим остахом». Опять нет плача вдовы, но следует похвальная характеристика князя, оканчивающаяся словами: «И плакашесе по немь вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Чернии Клобуци вси не могуть забыти приглубления его».

Через два года, в 1180 г., умирает в Смоленске его брат Роман Ростиславич, и опять описание его кончины говорит об общем плаче, правда, в общих чертах: «И плакашася по немь вси Смолняне, поминающе добросердье его до себе, паче же и сынове его плакахуся, слезами обливающе лице свое». Но очень важно, что здесь впервые дан плач вдовы-княгини, в кратком виде. «Княгини же его безпрестани плакаше, предъстоящи у гроба, сиде вопиюще: „Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему,³³ многия досады прия от Смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу некотораго зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаше“». Это опять индивидуальный плач, созданный именно для Ростислава.

Наконец, под 1288 г. находим в Ипатьевской летописи описание смерти князя Владимира Волынского, самое подробное из всех, в котором мы найдем и плач княгини, и плач народа. Их следует привести и указать на их несамостоятельность.

Плачи княгини и «лепших мужей» просто заимствованы из более ранних плачей, находящихся в той же Ипатьевской летописи, как это показывает нижеследующее сравнение:

³³ Роман и Давид — христианские имена князей-мучеников Бориса и Глеба.

Ипатьевская летопись под
1288 г.³⁴

Княгини же его беспрестани плакашеса, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи аки воду, сице вопиюще, глаголюще:

«Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещении Иван, всею добродетелью подобен есть ему: многыа досады прием от своих сродник, не видех тя, господине мой, николи же противу их злу никоторого же зла воздающе, но на Бозе вся покладывая провожаше»

Ипатьевская летопись под
1180 г. (смерть князя Романа
Ростиславича)

Княгини же его безпрестани плакаше предстоящи у гроба, сице вопиюще:

«Царю мой благый, кроткий, смиренный правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелию сый подобен ему, многыа досады прия от Смолнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никотораго зла въздающе, но на Бозе вся покладывая провожаше».

Ипатьевская летопись под
1178 г. (смерть князя Мстислава
Храброго)

Наипаче же плакахуся по немъ лепшии мужи Володимерьстни, рекуче

«Добро бы ны, господине, с тобою умерети, створшему толикую свободу, яко же и дед твой Роман свободил бяшетъ от всих обид; ты же бяше, господине, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можемъ тебе зрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всех³⁵ остахом».

И тако плакавшеса над нимъ все множество Володимерцев, мужи и жены и дети [и] Немци и Сурожьце и Новгородци и Жидове плакахуся аки и во взятъе Иерусалиму, егда ведяхуть я во полон Вавилонский, и нищии и убозии и черноризци и черници: бе бо милостив на вся нищяя

После описания внешности князя, тоже во многом заимствованной из статьи 1180 г. о Романа Смоленском, и его добродетелей следует похвала ему, рабски заимствованная из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Сравним оба текста:

Ипатьевская летопись под
1288 г.

Добр послух благверью твоему обителнице, святая церкви святая Богородица Мария, юже созда прадед твой на право-

«Слово о законе и благодати»

Добр послух благоверню твоему, о блаженнице, святая церкви святые Богородица Мариа, иже създа на правоверней

³⁴ Дата 1288 г. неверная (как многие в Ипатьевской летописи): в самом тексте этой летописной статьи сказано, что князь Владимир Василькович скончался «в лето 6797 [1289] месяца декабря в 10 день» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 604).

³⁵ Во всех списках Ипатьевской летописи стоит слово «всех», которое издатели исправили на «всем» (Летопись по Ипатскому списку, стр. 605), вероятно по соответствию с текстом 1178 г. Действительно, «обида» сочетается с дательным падежом, как в «Слове о полку Игореве»: «Не было оно обидѣ порождено ни соколу ни кречету ни тебе». Однако писец 1288 г. мог сочетать «всех» с глаголом «остахом» в значении «лишились всего, всех», как это встречается и в плаче по Дмитрии Донском.

верней основе, идеже и мужественное твое тело лежить, жда трубы архангеловы.

Добр зело послух брат твой Мьстиславь его же сотвори господь наместника по тебе твоему владычеству... (всего 18 строк).
Востани от гроба твоего, о честная главо, востани! Отряси сон: неси бо умерл, но спишь до общаго востания. Востани...
Востани, видь брата твоего, красящаго стол земля твоея...

К сему же виждь и благоверную свою княгиню, како благоверье держить по преданию твоему, како поклоняются имени твоему.

основе, идеже и мужьственное твое тело ныне лежит, ождая трубы архангеловы.

Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, егожь створи господь наместника по тебе твоему владычеству...

Встани, о честная главо, от гроба твоего, встани, отряси сон. Неси бо умерл, но спиши до общаго всем встания. Встани...
Встани, виждь чадо свое Георгия, виждь ... красящего стол земли твоей...

К сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину, виждь внуки ... како благоверье держат по преданию твоему, како славят Христа, како поклоняются имени его.

Мы видим, как поступает подражатель-компилятор. Он не стесняется выписывать целые ряды предложений из своего образца, лишь изменяя собственные имена, чтобы приспособить древний текст к своим целям. Волынский князь сам не построил соборной церкви во Владимире, пришлось вставить: «уже созда прадед твой». Наследником великого Владимира был его сын Ярослав-Георгий; у волынского князя не было сыновей, пришлось изменить: «брат твой Мстислав». Вдовы Владимира Святославича уже не было в живых при митрополите Иларионе, он назвал его сноху Ирину-Ингигерду, внуков и правнуков; волынский летописец вместо них внес княгиню-вдову. Эта замена не всегда удачна: митрополит Иларион говорил о том, как потомство Владимира поклоняется имени Христа. Волынский начетчик, сокращая свой образец, заставил княгиню «поклоняться имени твоему», т. е. покойного мужа.

Мы остановились на этой летописной статье, ибо она показывает, что в летопись вносились иногда подробные (и, конечно, анонимные) рассказы о погребении князя, соединенные с плачами и похвалой. Здесь мы находим почти все те же элементы, что и в «Слове о житии» Дмитрия Донского: описание погребения, плач княгини, плач людей, похвалу усопшему и заимствование из «Слова» митрополита Илариона, но нет третьего плача — самого автора.

Схема трех плачей в обоих «Словах о житии» принадлежит только Епифанию.

Заимствования из древних образцов

Можно полагать, что Епифаний знал Ипатьевскую летопись. Но надо признать, что он подражал ей очень самостоятельно: вдохновившись общей схемой, он ничего не копировал, а обратившись тоже к «Слову» митрополита Илариона, взял из него другую формулу, значительно ее изменив.

Остановимся на этом заимствовании из «Слова о законе и благодати» в обоих «Словах о житии» Епифания Премудрого.

«Слово о законе и
благодати»

Хвалит же похвальными гласы Римская страна Петра и Павла, ими же вероваша в Иисуса Христа сына божия Асия и Ефес

«Слово о житии»
Дмитрия Донского

Похваляет бо земля Римская Петра и Павла, а Асийская — Иоанна Богослова, Индийская — апостола Фому, а Иеруса-

«Слово о житии»
Стефана Пермского

Хвалит бо Римская земля обою апостолу Петра и Павла, чтить же и блажить Асийская земля Иоанна Богослова, Еги-

и Патм—Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Вся страны и грады и людие чтуть и славят кожде их учителя, иже научивша православной вере. Похвалим же и мы... нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земли Володимера.. Не в хуе бо и не в неведоме земле владычествоваше, но в Русьскойой...

лимская брата господня Иякова, и Андрея Первозванного все Поморие царя Константина Греческая земля, Володимера — Киевская со окрестными грады, тебе же, великий князь Дмитрий Ивановичь, вся Русьская земля.

петъская — Марка евангелиста, Греческая Андрей апостола, Русская земля великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и чтит Петра митрополита яко новаго чудотворца, Ростовская же земля Леонтия, тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника.

Мы видим, как свободно обращается Епифаний со своим образцом. Он все время старается выражать те же мысли иными словами. Вместо «хвалит же» он пишет «похваляет бо», вместо «Римская страна» — «Римская земля», вместо «чтут и славят» — то «чтит и блажит», то «хвалит и чтит». Почти весь подбор слов у него новый; если и остались отдельные слова, как «грады» и «учителя и наставника», «Русьская земля», то они появляются в совсем ином окружении. Он изменяет даже ряд стран и апостолов: в Житии Дмитрия Донского он оставил Рим, Азию и Индию с их патронами, но выпустил Египет, зато вставил Иерусалим, Греческую землю и все Поморье (Черноморское) с Андреем Первозванным, считавшимся и патроном Русской земли. Вставил и двух канонизованных государей — царя Константина и Владимира Киевского, что дает удачный переход от апостолов к русскому государю Дмитрию.

В Житии Стефана Пермского он старается разнообразить заимствование: изменяет первые фразы о Римской и Азийской земле, вставляет Египет и Антиохию, но выпускает Индию и Иерусалим, выпускает царя Константина, но дает Греческой земле в патроны Андрея Первозванного, расширяет фразу о Владимире и прибавляет еще похвалу Москвы — митрополиту Петру и Ростова — епископу Леонтию. Вся эта филигранная перечеканка сделана с большим умением.

Мы не можем согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, когда она утверждает, что «в похвале есть несомненный отголосок Летописной повести, правда, не ее исторических эпизодов. Гиперболическое описание горя автора в начале похвалы представляет сокращение плача побежденного Мамай в Летописной повести, где этот эпизод не самостоятелен: это одно из заимствований, сделанных автором Летописной повести из довольно неожиданного источника — из апокрифического „Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов“». ³⁶ В. П. Адрианова-Перетц приводит вполне убедительное сопоставление текстов Летописной повести и «Слова на Рождество», но не приводит сравнения со «Словом о житии» Дмитрия Донского. Между тем, если мы сопоставим все три текста, мы увидим, что последний несколько ближе к тексту «Слова на Рождество», чем к Летописной повести.

«Слово о житии»
Дмитрия Донского

«Слово на Рождество»

Летописная повесть

Како воспишу или како возглаголю о преставлении сего великаго князя? От

Каждо бо их к себе глаголаше: «О горе ми, горе ми, власы ми растерзаются,

И рече к себе Мамай: «Власи наши растерзаются, очи наши не могут огнен-

³⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии... , стр. 87.

горести души язык
связается, гортань
премокает, смысл изме-
няется, зрак опусневает,
крепость и знемогает.
Аще ли премолчно, нудит
ми язык яснее рещи

очи ми не мोगоста огнен-
ных слез расточати, язык
ми связается, гортань
ми пресыхает, сердце
ми раставается, чресла ми
потрясаются, колени ми
и знемогают, руде ми
одепенеста. Чо бо имам
рещи или что глаголати
от горькия болезни, ви-
девши вашу злострастную
смерть?»

ных слов источати, язык
наши связаются, и
гортань ми присыхает
и сердце ми раставается,
чресла ми растерзаются,
колени ми и знемогают,
а руде очипенивают. Чо
нам рещи или глаголати,
видяще пагубную смерть?»

Мы видим, что Летописная повесть наивно применяет плач вифлеемских жен к татарам Мамай, просто копируя свой источник. Другое дело — Епифаний: он, конечно, не стал применять к себе татарского плача, а просто обратился к источнику, к «Слову на Рождество», которое он, как начитанный церковный писатель, должен был знать. Что он вдохновился именно им, а не летописью, видно по тому, что слово «язык» у него в единственном, а не множественном числе, и по словам «от горести», которые являются отзвуком восклицания «О горе ми». Опять мы наблюдаем словесное мастерство Епифания: его подражание сохранило только ритм оригинала и пять отдельных слов — язык, связается, гортань, изнемогает, рещи. Все остальное словесное убранство иное, и в этой перемене есть глубокий смысл: вместо реалистического перечисления частей тела: волосы, очи, язык, гортань, сердце, чресла, колени, руки, — Епифаний, оставляя слова «язык» и «гортань» в значении «органы речи», заменяет остальные части тела отвлеченными понятиями: смысл, зрак, крепость. Его текст возвышеннее, чем текст апокрифа, который он читал.³⁷

Политические воззрения Епифания Премудрого

Единственным возражением против того, чтобы приписать Епифанию Премудрому «Слово о житии» Дмитрия Донского, могло бы быть следующее. «Слово о житии» прославляет великого князя московского, именуя его царем русским, прославляет «славный град Москву». Между тем, по справедливому замечанию В. О. Ключевского, «Епифаний не был москвич и не смотрел на события московскими глазами: как в житии Стефана Пермского он упрекнул москвичей за недостаточное признание подвигов пермского просветителя, так и в рассказе о переселении Сергиева отца из Ростова не задумался выставить главной причиной события московские нашествия».³⁸

Однако существенно ли это возражение? Заметим, что в «Слове о житии» Москва упоминается лишь раз как «славный град свой» Дмитрия, оградившего его крепкими стенами. Все же «Слово» посвящено прославлению Дмитрия как «осподаря всей земли Русьской», как «великого князя всея Руси», как «царя Русьского». Это общерусский патриотизм, надежда на объединение разрозненной Руси под водительством самого храброго, самого достойного и легитимного великого князя, победителя татар на Куликовом поле. Для того чтобы высказать эту идею, не надо было быть москвичом: ее же высказывает в своей «Задонщине» рязанский иерей Софоний, родом брянский боярин. Историческое развитие Руси в XIV—

³⁷ Заметим, что вместо «гортань ми пресыхает» Епифаний пишет «гортань премокает»; его интересует не физиологическое явление, а душевное.

³⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 131

XV вв., рост объединительных тенденций порождали идеи общерусского патриотизма, носителями которых являлись прогрессивные элементы населения различных русских областей.

Появлению у Епифания чувства общерусского патриотизма могли способствовать и наблюдения, вынесенные им во время странствований по Востоку. Он сам называет Царьград, Святую гору (Афон) и Иерусалим как места своих странствий.³⁹ Что он мог видеть в это время на Балканах? Полное падение христианских царств, умножившихся и измельчавших. В это время не было единого царя в Царьграде, а было два греческих царя — в Византии и в Трапезонте, рядом с ними болгарский царь и с 1345 г. — самозванный сербский царь. Сербское царство исчезло в 1371 г., со смертью царя Уроша, а после несчастной битвы на Марице византийский царь стал вассалом турецкого султана, обязавшись платить ему дань и давать войско по его требованию. Таким же вассалом стал и болгарский царь Стефан Душан. В 1389 г. сербы потерпели новое поражение от турок на Косовом поле, сербский князь тоже стал вассалом султана, а в 1393 г. Болгарское царство было уничтожено турками.⁴⁰ Царьград был уже накануне падения, и лишь полное поражение, нанесенное султану Баязету Тамерланом при Ангоре в 1402 г., отсрочило это падение на пятьдесят лет. Естественно, что вернувшийся в эпоху Куликовской победы на Русь Епифаний мог с гордостью взирать на победителя Дмитрия Донского и применить к нему титул «царя» русского, которого Дмитрий был не менее достоин, чем указанные слабые восточные цари. И можно полагать, что это не была личная идея Епифания, а что она носилась и перед самим Дмитрием. Приписанные в «Слове о житии» каким-то «царям земским, живущим окрест его», слова: «Великий князь Дмитрией Московский именует себе Руской земли царя» — могут заключать в себе долю истины. И сам Дмитрий, и его отец Иван, и дядя Симеон Гордый (с 1347 г.) уже носили в греческих своих письмах титул «великого короля всей России» (*μεγας ρηξ πασης Ρωσίας*), и этим титулом величали их византийский царь и патриарх в своих ответных посланиях.⁴¹ Шаг от этого титула до царского не так велик.

1390-е годы, начало княжения Василия Дмитриевича, были удобным временем для таких притязаний. Вспомним, что в это время (в 1390 г.?) Василий I отменил в русских церквях поминание византийского царя, очевидно считая себя ему равным, и патриарху пришлось написать ему в 1393 г. длинное послание, проповедовавшее совсем уже не соответствующее реальной обстановке учение о том, что православные христиане имеют лишь одного царя — в Царьграде.⁴² Мы не знаем, каков был ответ великого князя, но запись на Евангелии 1408 г. именует его «самодержцем всея Руси»;⁴³ так же величает его и летописная повесть о нашествии Еди-

³⁹ «Не взыска (он) царствующаго града ни Святой Горы или Иерусалима, яко же аз окаянный и лишенный разума — у люте мне, ползая семо и овамо и преплавая суду и оводу» (Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад, 1892, стр. 76). Епифаний знал новогреческий язык и, вероятно, написал рукопись Троицкой лавры 1380 г. с записью: «Господине святой Епифаний Кипрский, съименниче мой, елсеон ми» (там же, стр. 76—77).

⁴⁰ В эти последние годы в Болгарии было даже два царя — тырновский Иван Шишман (до 1393 г.) и видинский Срацимир (до 1396 г.).

⁴¹ Fr. Miklosich et Jos. Müller. Acta Graeca, t. I. Vindobonae, 1860, стр. 263, 267 (ann. 1347), стр. 516, 523 (ann. 1370); t. II, Vindobonae, 1862, стр. 12, 15 (ann. 1380).

⁴² Там же, t. II, стр. 188—192.

⁴³ Н. И. Привалова. Древнерусские рукописи и старопечатные книги ... в г. Горьком. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 503.

гея в 1408 г.⁴⁴ Наконец, в договоре псковитян 1417 г. с Ливонским орде- ном послан великого князя удалось одержать крупную дипломатическую победу: Василий I назван здесь не только «великим королем Московским» (*der grote Konung von Moskowe*), но и «Русским царем» (*de Rusche Kayser*).⁴⁵ Мы видим, что начало княжения Василия I было благоприят- ным временем для развития идеи Русского царства. После разгрома Тохтамыша Тамерланом Золотая Орда на долгое время потеряла свой авторитет: с 1390 по 1408 г. Василий Дмитриевич не ездил в Орду и не платил дани, считая себя независимым. Только после нашествия Едигея пришлось опять заплатить дань и поехать в Орду в 1412 г.⁴⁶ Зависимость от Орды усилилась в княжение Василия II, что лишней раз подтверждает нам, что «Слово о житии» не могло быть написано в эту эпоху.

Патриотизм автора «Слова о житии» общерусский. Дмитрий Донской восхваляется как «царь Русьский», «всяя Руси царь», «царь Русьския земли». Подчеркивается его происхождение от Ивана Даниловича — «собрателя Русьской земли» и от «царя Владимира — нового Костянтина, крестившаго Русьскую землю».⁴⁷ Слава имени Дмитрия так же велика, как и «святаго и великаго князя Владимира», и разнесится от востока и до запада, от моря и до моря и до конца вселенной. Дмитрий выступил против Мамаю, «акы древний великий князь Ярослав Володимирович». Это подчеркивание родословной связи, восходящей к «царю» Владимиру и Ярославу Мудрому, отвечает тому широкому пониманию «Русской земли», включающей и Киев, которое мы отметили в те же годы в «Задон- щине» рязанского иерея Софония.⁴⁸

Перед битвой Дмитрий призывает «вся князи Русьския земли» и го- ворит им: «Лепо нам, братие, положить главы свои за правоверную веру христианскую», а князья и вельможи отвечают ему: «Господине рус- ский царю! Рекли есмя тебе живот положить, служа тебе, а ныне ради тебе кровь свою прольем и своею кровью второе крещение примем». Этот эпи- зод напоминает слова великого князя Мстислава II Изяславича, сказан- ные в Киеве в 1168 г.: «Братие, пожалуйтеся о Руской земли ... а лепо ны было, братье ... поискати отец своих и дед пути и чести» и от- вет братья-князей: «Бог ти, брате, помози ... а нам дай бог за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и к мучеником причтенным быти».⁴⁹ Епифаний, вероятно, читал Ипатьевскую летопись и перенес киевскую традицию в события XIV в. Однако Епифаний даже несколько сужает значение древнего «царя» Владимира, говоря: «Похваляет ...

⁴⁴ «Боголюбивому и православному самодержцу великому князю Василью Дми- триевичу стол Руския хоругви держащу». А. А. Шахматов считает, что эта повесть вышла из канцелярии митрополита Фотия, около 1409 г. (А. А. Шахматов. Обще- русские летописные своды.— ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 168—172).

⁴⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1892, прим. 202.

⁴⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV, стр. 23—24.

⁴⁷ В «Слове о житии» Дмитрий восемь раз назван царем, и, кроме того, еще шесть раз к нему применяются варианты: «царский», «царство», «царствовах»; выражение «Русская земля» повторяется двадцать два раза.

⁴⁸ А. В. Соловьев. Автор Задонщины и его политические идеи.— ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 196.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 368 (под неточным 1170 г.). Можно было бы предположить влияние на Епифания известного зачала «Слова о полку Игореве»: «Не лепо ли ны башеть, братье» — и слов Игоря: «хощу главу свою приложити». Но это предположение излишне: в «Слове о житии» нигде больше не видно следов знакомства со «Словом о полку Игореве», и вообще все построение этого отрывка — воззвание Дмитрия и ответ князей — очень близко к указанному эпизоду Ипатьевской летописи; но, как всегда у Епифания, подбор слов почти целиком новый.

Вслодимера Киевская (земля) с окрестными грады; тебе же, великий князь Дмитрей Ивановичь, вся Русьская земля». В этом преувеличении власти «предоброго господина» чувствуется искренне пережитый восторг перед его личностью и перед величием еще раздробленной, но уже идущей к объединению Русской земли.

Такой общерусский патриотизм Епифания Премудрого не может мешать тому, что, ознакомившись ближе с московскими порядками, он мог быть иногда ими недоволен и высказал это в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского: но это есть недовольство отдельными представителями власти, а не родиной. И заметим, что в том же Житии Стефана Пермского подчеркивается, что Стефан, родившийся в Устюге, был «родом Русин, от языка Словеньска», а в Житии Сергия рассказывается о победе над Мамаем, нашедшим «на Русскую землю». В обоих похвальных «словах» Сергию Епифаний пишет: в первом — «Сего бог прославил в Русской земли», а во втором называет его «похвала отчеству своему и Руси православные удобрение».⁵⁰

Заключение

Итак, мы полагаем, что ничто не мешает нам признать Епифания Премудрого автором «Слова о житии» Дмитрия Донского и считать, что оно было начато вскоре после смерти великого князя по живым, непосредственным впечатлениям, а закончено в 1393 или 1394 г., еще до написания «Слова о житии» Стефана Пермского. Епифаний за тридцать лет своей литературной деятельности написал всего шесть или семь произведений: он их, вероятно, вынашивал годами, откладывал и опять возвращался к ним, стараясь отделать их до совершенства. Он обращался за это время к самым разнообразным источникам или припоминал прочитанное. В «Слове о житии» Дмитрия Донского автор показал свое знакомство не только с церковной литературой, но и с лучшими произведениями киевской эпохи — со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, с паримийным чтением о Борисе и Глебе, с Ипатьевской летописью, а кроме того, и с Житием Александра Невского и с московской летописью. За время пребывания на Афоне он ознакомился с сербскими житиями, особенно с Житием Стефана Немани, и с последней литературной новинкой — переводом творений псевдо-Дионисия Ареопагита, сделанным в 1371 г.⁵¹

В. П. Адрианова-Перетц прекрасно показала, что стилистические сходства со «Словом о житии» Дмитрия Донского находятся не только в «Слове о житии» Стефана Пермского, но и в других произведениях Епифания — в Житии Сергия Радонежского и в обоих похвальных «словах» Сергию. Мы постарались доказать, что «Слово о житии» было написано до этих произведений и что нельзя говорить о последователе Епифания, который подражал бы сразу четырем его произведениям, причем иногда лишь в немногих оборотах речи. Еще меньше можно предположить наличие анонимного предшественника, вернее современника или двойника Епифания, отличавшегося таким же талантом и стилем и той же начитанностью,

⁵⁰ Н. Тихонов. Древния жития преп. Сергия Радонежскаго, стр. 131, 155.

⁵¹ Е. Е. Голубинский правильно отметил влияние сербских житий на стиль Епифания (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина, стр. 175), но к чести Епифания мы должны заметить, что он подражал не столько весьма риторичным житиям, написанным в XIV в. архиепископом Даниилом, сколько гораздо лучшему образцу — творению Стефана Первовенчанного.

которому Епифаний подражал бы затем в четырех своих произведениях в течение четверти века.

Остается сделать единственный вывод: этот таинственный двойник — сам Епифаний Премудрый и с этой точки зрения надо рассматривать и анализировать «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» — самое блестящее произведение русской литературы конца XIV в.⁵²

---

⁵² После того как настоящая статья была написана в Женеве и уже послана в редакцию ТОДРА, в октябре 1959 г. в Кембридже нам удалось ознакомиться с курсом Н. В. Водовозова «История древней русской литературы. Учебное пособие для пединститутов» (М., 1958). Нам приятно видеть, что наши мысли встретились: на стр. 153—154 Н. В. Водовозов говорит, что «автором Слова о житии вполне мог быть наиболее выдающийся русский писатель конца XIV—начала XV века Епифаний Премудрый», и считает, что «Слово» было написано под непосредственным впечатлением смерти Дмитрия Дзэнского, по поручению Сергия Радонежского. Впрочем, автор осторожно говорит, что «только литературоведческий анализ может решить вопрос об авторстве Епифания в отношении Слова о житии». Надеемся, что наш анализ поможет решить этот вопрос.

Б. Н. ПУТИЛОВ

Куликовская битва в фольклоре¹

Мы не знаем ни одного фольклорно-песенного текста, содержание которого прямо соотносилось бы с Куликовской битвой 1380 г. Неизвестны нам и народно-поэтические произведения о других крупных столкновениях с татарами — о нашествии Тохтамыша 1382 г., о стоянии на Угре 1480 г. и др. Отсутствие текстов, разумеется, еще не дает оснований заключать об отсутствии таких произведений в прошлом. Естественнее предположить, что в силу различных обстоятельств фольклор, посвященный событиям конца XIV—XV в., не сохранился. Однако сохранились следы этого фольклора, и они должны быть собраны и рассмотрены.

1

В былинах и исторических песнях (а иногда и в произведениях других жанров) неоднократно упоминается поле Куликово. Учесть все такие упоминания почти невозможно, но и тот запас материалов, который имеется в нашем распоряжении, достаточно показателен.

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Бессонов — Калеки переходящие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 1. М., 1863.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, тт. I—III, изд. 4. М.—Л., 1949—1951.
- Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.
- Гуляев — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Догадин — А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков, вып. I, Астрахань, 1911.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I. М., 1860; вып. II, М., 1861; вып. VI, М., 1864.
- Марков — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- Ончуков — Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Романов — Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. V. Витебск, 1891.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. В трех томах. Т. I. М., 1909.
- Соколов—Чичеров — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Тихонравов—Миллер — Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884.

Куликово поле в былинах и исторических песнях стоит рядом с такими образами, как река Смородина, Леванидов крест, леса Брынские и т. п. Другими словами, Куликово поле — образ эпический. Куликово поле упоминается иногда в песнях по шаблону; иногда чувствуется результат каких-то поздних осмыслений. Однако преобладают случаи вполне обоснованного, покоящегося на осмысленной традиции употребления этого образа. Поле Куликово в былинах — это нередко поле битвы, единоборства богатыря с татарами. О том, что в эпосе Куликово поле связывалось как-то с именем Мамаю и с Мамаевым побоищем, говорит такой пример: в былине о Хотене герой вызывает на бой Чусову вдову и ее девять сыновей.

Щобы ехала ты с девятью сынами, как с ясыма соколми,
Да со мной, с Хотенушкой, побрататься,
Да ведь на полё Куликово,
Да на то на займищо Трепетово,
Да на то побоищо Мамаево.

(Григорьев, № 211).

В одном варианте былины «Васька-пьяница и Кудреванко-царь» татарский царь наступает на Русь.

Он мосты мостил тут калиновы,
Перекладыны кладет все дубовые,
Переносится, собака, перевозится
Через ту-де матушку Елесею-реку.
Становилса на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобархатны.

(Ончуков, № 26).

Сходный случай — в варианте былины «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь»:

Собирался собака ровно три года,
Во четвертый год собака во поход пошел,
И будет на том поле на Куликове,
И расставил ён силу по чисту полю.

(Рыбников, № 39).

Затем здесь происходит сражение русских богатырей с татарами. В варианте былины о Михаиле Даниловиче юный богатырь Михайлушка

Поезжал во то в полё Куликово,
Ой на ту ли силу раць великую,
На того собаку вора Каина,
На того цярца Кудреянища.

(Миалар, № 44).

В варианте былины «Алеша и Тугарин» поле Куликово названо местом поединка:

Надо со змеем переведаться
На поле на Куликовом.

(Тихонравов—Миалар, № 28).

Очевидно, уже по инерции в двух вариантах дружина Васьки Буслаева бьется «на болоте на Куликовом» с мужиками новгородскими (Соколов — Чичеров, №№ 171, 174).

В одном случае поле Куликово выступает как окраинная земля, которую охраняют богатыри (Ончуков, № 1).

Иной характер носит упоминание поля Куликова в другой группе текстов. Здесь Куликово поле — некая эпическая земля, где богатыри проводят многие годы жизни, куда они попадают в своих странствиях.

По полюшку было, да было жа полю Куликовскому,
Там ходил жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял жа он не год, гулял он не год, не два,
Прогулял жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял он ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.

(Миллер, № 34)

В другом тексте Добрыня хочет погулять по полю Куликову (Тихонравов—Миллер, № 22). Илья Муромец едет по Куликову полю и называет на камень с предупредительными надписями (Тихонравов—Миллер, № 4; там же, стр. 273).

Князь Владимир, узнав об опасности, угрожающей Киеву, просит Илью Муромца собрать богатырей; Илья Муромец едет за ними на поле Куликово (Киреевский, I, стр. 59).

Рассказывая своей «турице матушке» о том, где они гуляли, туры перечисляют различные эпические места, и в том числе

Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле с угла на угол.

(Ончуков, № 18).

Как обычная традиционная формула воспринимается упоминание о поле Куликовом в вариантах былины о Козарине (Миллер, № 69) и песни о Марье Юрьевне (Миллер, № 78): здесь Козарин расстается с сестрой у Куликова поля; в Куликово поле бежит Марья Юрьевна, спасаясь от татар.

Пожалуй, наиболее часто Куликово поле упоминается в былинах и исторических песнях как место казни: сюда приводят иногда на казнь Соломана («Соломан и Василий Окулович»), особенно часто сына Ивана Грозного («Гнев Ивана Грозного на сына»), Дуная («Дунай и Настасья»), молодца из песни-баллады «Молодец и Королевична», сестру Петровичей Сбродовичей (Гильфердинг, III, № 278; Миллер, № 63; Тихонравов—Миллер, стр. 275; Ончуков, № 92; Марков, №№ 3, 37, 54, 93; Киреевский, II, стр. 69 и др.).

Приведенные примеры показывают, что Куликово поле сравнительно прочно вошло в ряд других эпических мест, упоминаемых в былинах, балладах и исторических песнях.² Однако эти упоминания не отличаются особой устойчивостью, они не связаны с какими-либо определенными сюжетами. Перед нами, по-видимому, тот типичный в эпосе случай, когда образ не является исконым для песен, а вошел в них из более или менее поздних живых народных впечатлений.

Обратимся к другому имени, прочно связанному с Куликовской битвой. Довольно редко, но все же встречается в былинах имя Мамаю. Знают певцы и о «Мамаевом побоище». В сборниках Рыбникова, Гильфердинга, Ончукова и некоторых других имя «Мамай» и производные от него отсутствуют. Зато в текстах собраний Киреевского и особенно Григорьева

² «Куликово поле в былинном обороте стало уже эпическим названием поля, на котором происходят битвы и совершаются казни. „Московский отпечаток“ виден в том, что оно перенесено в Москву, где всего чаще совершались казни в XVI в.» (В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, III. М.—Л., 1924, стр. 79)

с этим словом связаны интересные подробности. Характерно, например, что мезенские певцы давали некоторым вариантам былины об отбитом татарском нашествии название «Мамаева побоища», хотя в самих текстах ни Мамай, ни Куликовская битва, ни другие реалии, связанные с 1380 г., не упоминались (см.: Григорьев, III, № 348, а также примечание к былине «Камское побоище» на стр. 592; см. также: там же, II, стр. 449). Сюжет былины, названной певцом «Мамаево побоище», вполне традиционен; некоторые сюжетные подробности варианта не совсем обычны, но они никак не связаны с названием. Здесь речь идет о том, как Добрыня, Алеша и Окольник освобождают Киев от Скурлава.

Возникает вопрос — откуда пришло это название былины к певцам: сохранилось ли оно по традиции от XIV—XV вв. или певцы XIX в., знавшие о Куликовской битве из других источников, сами осмыслили былинку в связи с этим событием. К сожалению, А. Д. Григорьев не приводит фактов, которые помогли бы ответить на поставленный вопрос. Очевидно, нужно обратиться за ответом к другим материалам. Их очень немного, но они довольно определены. В тех редких случаях, когда в былинах упоминается Мамай, имеется в виду всегда татарский царь, возглавлявший нашествие на Русь:

Наступал на Киев царь Мамай
Со своею неверною силою.

(Киреевский, I, стр. 58).

Сокольник, требуя от Добрыни, чтобы тот вызвал к нему Илью Муромца, говорит ему:

Пошли-тось ты ко мне старого:
Прошла про его славушка немалая,
От востока прошла слава до запада;
От той Орды великия, от того же от Мамая сильного,
Сторожит-де стар казак три дорожечки широких.

(Тихонравов—Миассер, № 31).

В алтайской версии былины о Сухмане Днепр-река борется с татарскими полчищами, которые ведет Мамай:

Надо мной стоит сила неверная
Того Мамаю безбожного,
Идет он на дом пресвятая богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.

Суханьша, узнав о нашествии, бежит «в силу Мамаеву» и бьется с ней (Гуляев, № 18).

В варианте былины о Хотене упоминание о Мамаевом побоище — в соединении с Куликовым полем — производит впечатление традиционной формулы, которая, быть может, существовала в былинах, но с течением времени забылась, сохранившись в единственном тексте: Хотен зовет своих противников

Да ведь на поле Куликово,
Да на то на займище Трепетово,
Да на то побоище Мамаево.

(Григорьев, I, № 211).

Если в приведенных выше текстах упоминание имени Мамаю носит довольно случайный характер, то в одной мезенской былинке оно проведено

очень последовательно, от начала и до конца, и производит впечатление вполне органичного явления.

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася, —
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев-град
И хочет крашен Киев в полон взять.

Ниже говорится о том, что Мамай узнал, будто в Киеве не стало Ильи Муромца и других богатырей. Мамай посылает посла в Киев с грозным ультиматумом. Князю удается добиться небольшой отсрочки. Между тем Илья собирает богатырей и, сговорившись с ними, едет «до бела шатра до Мамаева» «посмотреть войско изрядное». Здесь между татарским царем и русским богатырем происходит разговор, аналогичный тому, какой обычно происходит в былине «Илья и Идолище». Богатырь вступает в борьбу с татарами, закалывает «старого Мамаю» и отрубает ему голову. Происходит полное уничтожение татарской силы. После этого два брата Суздальца хватают, вызывая на бой «силу небесную». Тогда «востала сила Мамаева и стало силы больше пятеро». Начинается новое побоище, и русские богатыри одолевают татар лишь после того, как каются перед «Спасом пречистым». Одержав победу и похоронив убитых, богатыри едут в Киев «во честны монастыри» (Тихонравов—Миллер, № 8).

Перед нами — не что иное, как одна из версий былины «Камское побоище». Ясно, что сюжетные особенности этой версии и данного варианта не могут быть объяснены тем, что здесь действует Мамай; особенности разработки сюжета не соотносятся с Куликовской битвой.

Выше мы видели имя Мамаю в былинах «Илья и Калин-царь» и «Илья, Ермак и Калин-царь». Во всех случаях сюжеты развивались в общем вполне традиционно; действие в них приурочивалось к Киеву; обязательно фигурировал князь Владимир; никаких подробностей, которые могли бы рассматриваться как следы народных впечатлений от Куликовской битвы, здесь нет. Никогда не упоминаются Москва, Дон и т. д.

Былины об отбитом татарском нашествии сложились как эпические произведения не об одном конкретном факте, а о целой эпохе в народной жизни. Притом они сложились задолго до реальной победы Руси над захватчиками. В этих былинах народ выразил желаемое, выразил свою уверенность в победе и мечту о ней. Для былин этого круга характерно соединение конкретно-исторического изображения татарского нашествия с эпическими мотивами и с фантастическими картинами уничтожения татар. Несомненно, что известные нам сюжеты сложились задолго до Куликовской битвы, в условиях татарского ига. Этим объясняется, в частности, принадлежность их к Киевскому циклу.

Хранители эпоса (и слушатели былин) могли соотносить содержание былин об отбитом нашествии с Куликовской битвой. Если учесть особенности жизни былин в народной среде, можно смело утверждать, что осмысления такого рода имели место. Но они не влекли за собой переработку сюжетов. Очевидно, уже и в XIV—XV вв. сила традиции в эпосе определяла возможные границы сюжетных и иных изменений. Можно предполагать, что имя Мамаю, названия «Мамаево побоище», «Куликово поле» вошли в эпос как непосредственные впечатления от Куликовской битвы. Но в сюжетном отношении Киевский цикл былин об отбитом нашествии не претерпел в связи с битвой 1380 г. каких-либо изменений.

*

В ряду произведений, так или иначе связанных с впечатлениями о Куликовской битве, особое место занимает стих о Дмитрие Солунском. В его содержании есть ясные следы переработки под воздействием событий 1380 г. и их последствий. Героико-патриотические идеи, характерные для фольклора, посвященного борьбе с татарским игом, получили здесь, как и раньше в стихе о Егории, своеобразную окраску — вполне в духе жанра. Имеющиеся варианты иногда довольно существенно различаются в разработке отдельных эпизодов, но во всех них очень сильно религиозное начало, пронизывающее весь сюжет и определяющее мотивацию сюжетных поворотов.

В двух вариантах (Бессонов, № 133; Якушкин, стр. 503—504) стих начинается с того, что Дмитрия посещает видение: ангелы предупреждают его о грозящем нашествии. В варианте Бессонова Дмитрий, убежденный услышанным им «гласом Божиим», что город не будет взят, успокаивает бояр и князей. В варианте Якушкина Дмитрий отвечает ангелам, что он отстоит свой город.

В большинстве вариантов стих начинается картиной нашествия Мамай на город. Город этот никогда не называется русским именем. Обычно это Русалим, Салим, Солым. В редких вариантах указано, что город этот находится в Русской земле.

Сы первого свету, сы началу
 Быў царь Мамай и неверный,
 Неверный, безбожный.
 Ён стояў на свьей рубежине,
 На свьей рубежине, на границе.
 Ён поближе кы граду приступаеть,
 Хочет град Солым разорити.

(Бессонов, № 134).

А сы перваго веку, сы началу,
 Як було ж наслания господня
 А на ўсю нашу на Руськую землю,
 А на ўсю нашу светлыю Росюю —
 Наезджав князь Мамай ён няверный.

(Романов, стр. 323—326).

Мамай ведет себя так же, как любой татарский царь в былинах: он грозит разорить землю и разбить город; но основная направленность духовного стиха проявляется и здесь — Мамай намеревается уничтожить Салимскую церковь и взять в плен святого Дмитрия. Дальнейшее развитие сюжета в вариантах несколько расходится — с тем, чтобы в определенном пункте вновь сойтись. В одних вариантах происходит поединок Дмитрия Солунского с татарами. Подобно богатырю Дмитрий выступает против Мамай в одиночку. Но хотя он и действует с помощью оружия, видно, что сила его — это сила святого, которого поддерживает небо. Дмитрий надевает ризу, выезжает из города верхом на белом осле.

Един неверную силу побеждает,
 Сечет он, и рубит, и за рубеж гонит.
 Победил он три тмы
 И три тысячи.

(Бессонов, № 133).

В другом варианте Дмитрия сопровождают два ангела.

Через каменну стену пролетает,
 Неверную силу побивает.

Побиў-порубиў тья силы
 Не много й не мало —
 Две войски и тьму и три тысячи.

(Бессонов, № 134).

С разгромом Мамай стих не заканчивается. Более того, весь эпизод уничтожения татар иногда предстает как подступ к основной части сюжета — истории с сестрами-полонянками. Иногда в вариантах эпизода поединка вообще нет, а стих, пропуская его, прямо переходит к истории с полонянками. В этих случаях Мамай похищает двух русских девушек, учиняет им допрос: что за герой живет в городе и успешно борется с татарами? Девушки сначала не признаются, а затем, под угрозой смерти, называют Дмитрия. В полных вариантах Мамай, убегая от разгрома, уводит с собой «двух русских сестер-полоняночек». Мотив этот хорошо знаком нам по песням о татарском иге, по балладам, по былине о Козарине. В этих произведениях главной темой является борьба девушек с похитителями: они отстаивают свою честь, они вырываются на свободу, иногда гибнут и т. д. Стих о Дмитрии Солунском также развивает эту тему, но вся история о девушках-полонянках здесь органически связана с темой Дмитрия Солунского. Самое спасение девушек трактуется в соответствии с идеологией духовного стиха.

Как и в песнях и балладах о полонянках, героини стиха подвергаются суровым испытаниям; только пройдя эти испытания, они могут вернуться домой. Мамай узнает, что победителем его был Дмитрий Солунский, и велит девушкам вышить изображение святого. Девушки отказываются это сделать, но царь угрожает им расправой, и они принимают за работу. При этом они плачут, просят Дмитрия простить их, ибо они делают это «из-под неволюшки». Смысл работы, заданной Мамаем, выясняется при сопоставлении вариантов. Мамай хочет подвергнуть лик Дмитрия поруганию: ковер с его изображением предназначается «коню моему на прикрасу, мне, царю, на потеху».

Вы нашйцѣ мне на ковре яго, —
 Буду зь яго соругатца:
 Буду на ѣм поежжаѣ
 И ногами ўсѣ топтаѣ.

(Романов, стр. 321—322).

Ночью девушки засыпают на ковре, и сильные ветры уносят их в церковь Дмитрия Солунского. При появлении девушек в церкви совершаются чудеса.

Таким образом, спасение приходит к полонянкам свыше, как награда за их преданность святому. Одновременно демонстрируется могущество Дмитрия.

Исследователи, занимавшиеся стихом о Дмитрии, сопоставляли его с соответствующими греческими и древнерусскими житиями. Героические эпизоды стиха возникли в результате некоторого переосмысления книжных мотивов: таково начало (видение), явление врагам Дмитрия в белой одежде, картина военного столкновения. «Безыменные начальники сарацинских полчищ все слились в стихе в один очень знакомый народу образ Мамаева-неверного».³ Эпизод с двумя девушками в греческих житиях исследовате-

³ А. Г а л а х о в. История русской словесности, древней и новой, т. I, изд. 2. СПб., 1880, стр. 231—232 (автор А. И. Кирпичников). Ср. также: Ю. М. С о к о л о в. Русский фольклор. Учебник для вузов. М., 1938, стр. 287; А. Кирпичников Источ-

лями не обнаружен. Считается, что он принадлежит русской традиции. Однако вопрос о том, где первоначально возник этот эпизод, решается по-разному. По мнению А. И. Кирпичникова, сказание о Дмитриии, освободившем двух девиц от Мамай, возникло вначале как книжное. Затем оно получило две версии: одну проложную, другую песенную.⁴ Исследователь приводит эпизод с девушками по прологу XVI в. Воевода говорит полонянкам: «Вы хитры еста рукама. Сшита ми на плащанице образ бога вашего Дмитрея под ногама моима и коня моего и мене напишите на кони с копьем и аз ударил святого Дмитрея копьем в горло а он валяется под ногама коня моего». Девушки притворно соглашаются, но между собой договариваются изобразить Дмитрия, поражающего копьем воеводу, и т. д.⁵ А. И. Кирпичников считает, что в сказание о Дмитриии чудо о девицах перешло из сказаний о святом Николае.⁶

Мотивы чуда с девицами в свою очередь проникают в фольклор. И. Н. Жданов приводит легендарную версию сказки о Федоре Борме. Согласно этой версии, весь Вавилон разорен змеем, только одна церковь сохранилась, «а в ней у Егорья Победоносца да Митрия Салынского хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царские, да жива есть еще там девица, которая вышивает ковер Егорью Победоносцу да Митрию Салынскому». Федор Борма проникает в церковь и просит девушку помочь ему. Она отдает ему ковер, «который... вышила золотом и серебром с ликами Егорья Победоносца и Митрия Салынского», и велит ему раскинуть ковер на воду и везти сокровища к царю православному.⁷ Б. М. Соколов описывает икону с надписью «Святой Димитрий победи царя Мамай и всю силу его вражью». Здесь Святой Димитрий изображен на белом коне. В руках у него копы, которым он поражает царя. Царь Мамай изображен в виде старика, в богатой одежде, в зеленой шапке с меховой опушкой. Он лежит на павшем коне и загораживается щитом; другая рука, с мечом, уже опустилась.

Исследователь предполагает влияние иконы на стих.⁸ Однако икона не объясняет сюжета, она объясняет лишь появление Мамай на месте сарацин. Создание стиха на основе восприятия иконы во всяком случае очень сомнительно.

Необходимо объяснить исторические обстоятельства, которые могли подсказать применение греческого жития о Дмитриии Солунском, хорошо известном на Руси с очень раннего времени, к русской действительности. Известно, что почитание Дмитрия Донского и официальные воспоминания о Куликовской битве были связаны с образом Дмитрия Солунского. Поминание по убитым на Куликовом поле совершалось в дмитровскую субботу, между 18 и 26 октября; Дмитрий Донской был на Дмитрия Солунского именинником.⁹ Это сближение могло дополняться еще и традиционным восприятием греческого святого как героя, воина, спасителя родного го-

ники некоторых духовных стихов. — ЖМНП, 1877, октябрь, стр. 146—147; Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. — Этнографическое обозрение. М., 1909, № 2—3, стр. 183.

⁴ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе. — ЖМНП, 1890, апрель, стр. 310—313.

⁵ Там же, стр. 311, см. также стр. 310.

⁶ Там же, стр. 312.

⁷ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 11.

⁸ Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе, стр. 184—185.

⁹ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе, стр. 312.

рода, защитника христиан от неверных. Тот факт, что Дмитрий Солунский в стихе выступает героем, уничтожающим полчища Мамаю и выручающим из плена русских полонянок, т. е. совершающим два народных подвига, чрезвычайно характерен для древнерусской литературы и меньше характерен для народно-поэтической традиции. Но надо учесть, что духовные стихи создавались и культивировались в специфической среде, где наряду с художественной атмосферой фольклора жила и книжность и устная церковная легенда. М. О. Скрипиль предполагает, что духовный стих с татарской темой свидетельствует о вытеснении образа греческого святого образом национального русского героя.¹⁰ Однако такая трактовка не находит фактических подтверждений. Во всех известных текстах русские мотивы введены очень скупо. Никаких деталей, которые позволили бы предполагать, что образ Дмитрия Солунского покрывался постепенно чертами Дмитрия Донского, в вариантах нет. Очевидно, переделка книжной легенды шла не столько по линии привлечения конкретно-исторических реалий, сколько по линии сближения с мотивами и образами русских народных песен определенного круга. Лишь на почве поэтических традиций этих песен духовный стих мог приобрести народно-героический и народно-патриотический характер. Но мы видели, что идеология духовного стиха ставит, с другой стороны, вполне определенные границы проявлению героико-патриотических настроений.

2

Особый интерес представляют фольклорные реминисценции в памятниках литературы, посвященных битве 1380 г., в первую очередь — в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине». Необходимо внимательно рассмотреть соответствующие факты.

Это в первую очередь относится к известному эпизоду с Захарией Тютшевым в «Сказании о Мамаевом побоище». Современные исследователи этого памятника согласны с тем, что данный эпизод скорее всего фольклорного происхождения. Художественно-вымышленный характер его вряд ли может подвергаться сомнению. Очевидно, весь вопрос в том, какова природа этого вымысла. Напомним, как разработан эпизод с Захарией в той редакции, которую С. К. Шамбинаго определял как четвертую, распространенную.

Дмитрий посылает Захарию к Мамаю с дорогими подарками. Цель поездки не вполне ясна: то ли Захария должен умиловить Мамаю, добиться выигрыша во времени, то ли он обязан под видом посла выведать планы татар и установить их силы. Весьма сомнительное с точки зрения фактической данное начало легко получает объяснение, если сопоставить его с соответствующими былинными мотивами. В былинах об отбитом татарском нашествии обычен мотив посылки дорогих подарков Владимиром к татарскому царю. Чаще всего совет повезти подарки дает князю Илья Муромец. Он хочет добиться от царя отсрочки и тем временем подготавливать силы для отпора.

Надо послать к Мамаю скоро гонца,
 Попросить сроку на три месяца,
 Чтобы силой нам поисправиться,
 А могучим богатырям посьехатися.

(Киреевский, I, стр. 58)

¹⁰ М. О. Скрипиль. Народное поэтическое творчество XIII—XV вв. — Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 300.

Обычно просьбу об отсрочке мотивируют перед татарским царем необходимостью подготовить Киев для сдачи (Гильфердинг, I, № 69; II, №№ 75, 105, 138; III, № 304; Григорьев, III, № 415; Миллер, № 5; Соколов — Чичеров, № 131). Описание пышной встречи, которую обещает князь татарам, звучит в свете дальнейшего развития повествования с явной иронией:

А ты дай нам строку на три годичка —
 Намостить мосточки каленые,
 Усыпать песочками желтыма,
 Утянуть всё сукна багречевые,
 Убивать гвоздем шеломчатыйим,
 Да куда встречать собаку царю Калину.

(Гильфердинг, III, № 304)

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть эпизод, окрашенный той же эпической иронией: Захария ведет татар в русский лагерь; их ожидает расправа, но они об этом не подозревают. Захария предупреждает их: «Ужже вам честно встретят от великого князя». «Они же высокоумием гордяшеся». Увидя посланных Дмитрием воинов, «татаровя же ждуд почести».¹¹

Обычно Калин-царь (или Батыга) соглашается дать отсрочку. Есть варианты, в которых татарский царь, принимая подарки, старается унижить русского посла и в его лице — князя. Так, Мамай со смехом отвечает Илье Муромцу:

Хошь просилн бы вы сроку на три годы,
 Да и тут вам будет не исправиться:
 А силы у меня припасены —
 Сколько в лесе лесу, на лесу листу;
 Окроме того, у меня есть тридевять богатырей.

(Киреевский, I, стр. 59).

В тексте Кириши Данилова Калин принимает у Ильи Муромца «золоту казну» «нечестно», «сам прибранивает». Когда возмущенный богатырь угрожает царю, тот велит связать Илью и плюет ему в лицо. В этом варианте, как и в некоторых других, Илья здесь же вступает в борьбу с татарами и побивает их. Но обычно посол уезжает, и столкновение происходит позднее.

В «Сказании» мотивы унижения разработаны особенно подробно: Мамай велит Захарии «ногу свою обლობызати»; он отдает привезенное золото своим слугам, чтобы те купили «платен на кони своя». Как и герой в былинах, Захария не может сдержать своего возмущения; но оно выливается у Захарии в форму, характерную для основного строя повести: «Что сие глаголеши тавому великому государю самодержцу, аще бог что восхошет, то и сотворит. А ныне ты, царю, хощеши без божия повеления сотворити» (Шамбинаго, стр. 86). Как и в былинах, смелый и независимый ответ Захарии едва не стоит ему жизни: татары хотят зарезать Захарию, но Мамай их останавливает.

Дальнейшее развитие событий в «Сказании» также находит аналогию в былинах, хотя она и не является полной. Мамай обращается к Захарии с просьбой рассказать ему о князе Дмитрие: «Возвести ми, многолетен ли есть ратаи мои Димитрей, ащели млад, то яз помилую его младости ради и возму ево во двор свои, да накажется обычая моего царьскаго, а тамо князя

¹¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (далее: Шамбинаго), стр. 88 (тексты сказания).

иною посажу» (Шамбинаго, стр. 86). В былине обычно Идолище спрашивает об Илье Муромце — о его возрасте, силе и т. п. В повести вопрос Мамай никак не мотивирован и должен рассматриваться как чисто литературный прием. Вполне возможно, что прием этот был подсазан книжнику былиной. Но характер вопроса изменился. Затем Мамай предлагает Захарии перейти к нему на службу, объясняя свое предложение тем, что посол привлек его своей красотой и «премудростью». «Любим есть ты мне, Захария, подобен еси царьству моему предстояти. Служи ми, Захария, сотворю тя властелина велика в Руси, будеши подобен Дмитрею, ему же ныне служиши». С предложением перейти на службу обычно обращается татарский царь к богатырю в былинах. Чаще всего это происходит, когда богатырь попадает в плен:

Ай же ты, старой казак Илья Муромец!

Послужи ты мне нынче, царю Калину,

Я дам тебе место подли меня

Или дам место супротив себя,

А третье место куды сам захошь.

(Тихонравов—Миллер, № 11).

Послужи нам верой, правдою,

Как служил князю Владимиру.

(Тихонравов—Миллер, № 12; ср.: Гильфердинг, II, № 75; III, №№ 304, 320); Соколов—Чичеров, № 77).

В былинах это предложение вызывает немедленную и прямую реакцию — богатырь с гневом отвергает возможность перейти на службу к татарам и грозит царю:

Ай же ты, собака ты Калин-царь,

А за твои ты слова неразумный,

А ведь и ныне не своя воля, —

А отсеку я тебе буйную голову

(Соколов—Чичеров, № 77).

Обычно в этом случае татары хотят казнить богатыря, но ему удается освободиться, и он уничтожает врагов. В «Сказании» события развертываются по-иному. Захария делает вид, что он готов перейти на службу к Мамаю, но не может этого сделать немедленно: он должен сначала исполнить свои посольские обязанности, вернуться к князю, сложить с себя крестное целование и затем уже может приехать к Мамаю. Царь принимает на веру слова Захарии и отпускает его в сопровождении четырех своих любимых князей и отряда татар, дав ему письмо для передачи Дмитрию; в этом письме он требует полного повиновения. «Аще сего не сотвориши, и все грады твоя имам разорити и огню предати, а самого тебя великой казни предам». Простодушная доверчивость, с какой воспринимает Мамай предложение Захарии, легкость, с которой русскому послу удастся провести царя, — все это выдает эпическую природу данного эпизода. Татары попадают в плен. Захария разрывает в клочья грамоту Мамай и велит одному из татар отвезти ее царю, передав ему следующие слова: «Возвратися ты един и рцы безбожному царю своему, яко не обретох в человецех безумнее тебя, а грамоту твою пред светлые очи государя моего не принесох и прочтох ее сам и видех безумие твое, посмеялся и передрах ю, а служити яз тебе, царю, рад своим мечем над твоею головою» (Шамбинаго, стр. 88; разрядка моя, — Б. П.). Выделенные мною заклю-

чительные слова ясно указывают на происхождение всего этого эпизода. Так обычно отвечает богатырь татарскому царю. В одном из поздних списков «Сказания» стилистическая близость этого места к былинам еще более очевидна: «А служити тебе, царю, аз рад со своею саблею острою над твоею шиєю толстою».

Сходство с былинами не ограничивается лишь одним местом из ответа Захарии. Как мы видим, ответ аналогичен тому, какой знают былины, но он перебит рассказом о возвращении посла. Параллель к этому рассказу есть в былине «Василий Игнатьевич и Батыга». Василий-богатырь проникает в татарский стан под видом перебежчика. Он сам предлагает Батыю помощь: он готов провести татар в Киев.

Дай мне-ка силы сорок тысящей,
Пособлю я тебе взяти наш Киев-град.
Уж я знаю, где ворота худо заперты,
Худо заперты ворота, не заложены.

(Гильфердинг, II, № 181).

Обычно и здесь Батый проявляет чисто эпическую доверчивость: «А на ты лясы Батыга приукинулся»; «А на ты слова Батый обнадеедасо»; «А на ты на лясы приочарилсе». Он дает русскому богатырю силу в сорок тысячей. Василий выводит ее в поле, уничтожает и возвращается снова в татарский лагерь, объясняя Батыге, что он «попал на заставушки российские», и прося у него новой силы. Эпизод повторяется трижды, и наконец Василий возвращается и уничтожает оставшихся татар во главе с Батыгой (см., например: Гильфердинг, I, №№ 41, 60, 66; Тихонравов—Миллер, № 38; Соколов—Чичеров, № 14).

Таким образом, в «Сказании» как бы соединились в одном цельном рассказе эпические мотивы, которые в известных нам былинных записях имеют совершенно самостоятельный характер.

Эпизод с Захарией кончается тем, что Дмитрий, встретив посла, «сотвори пир честен на Захарию и почтив Захарию многими дары» (Шамбинаго, стр. 88). Такой финал тоже вполне в духе былин, оканчивающихся обычно пиром в честь богатырей-победителей и их награждением.

Следует указать и основные отличия эпизода повести от соответствующих былинных мотивов. В «Сказании» некоторые ситуации носят эпически-условный характер, но здесь нет ничего эпически-фантастического. Захария — не богатырь, и он не совершает богатырских подвигов. Весь эпизод доведен до максимального правдоподобия. Стилистически он, за исключением одного-двух случаев, далек от эпоса. Религиозно-благочестивая концепция автора, преданность его идее княжеской власти, ориентация на литературный стиль с элементами некоторой украшенности и витиеватости — все это значительно приглушает народно-поэтическое звучание данного эпизода.

Вопрос о том, существовал ли в фольклоре сюжет о подвиге Захарии (в виде былины, песни или предания), остается открытым. Самый характер разработки эпизода в повести таков, что он не позволяет прямо решить этот вопрос. Вполне возможно, что в основе эпизода лежит какой-то реальный жизненный факт. Первоначальные фактические сведения о посольстве Захарии исчерпывались теми несколькими фразами, которые имеются в других редакциях повести. Составитель распространенной редакции мог сам, опираясь на традиционные эпические аналогии, разработать эпизод, придав ему характер самостоятельной интересной и героической истории. Скорее данный рассказ можно рассматривать не как изложение уже суще-

ствовавшего в фольклоре произведения, а как вполне литературный сюжет, созданный на основе былинных образцов.

Другой эпизод в «Сказании о Мамаевом побоище», который обычно ставят в связь с народно-поэтическими традициями, — это рассказ о поединке инока-богатыря Пересвета с татарским исполином, предшествующем битве.¹² Вот одна из типичных разработок этого рассказа: «Выеде злыйй печенег из великого плъку татарьскаго, пред всеми мужеством являся, подобен бо бысть древнему Голиаду, пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видев же его Александр Пересвет старец, иже бе в плъку Владимира Вселодовича и двигнувся исполку и рече: „Сеи человек ищет подобна себе; аз хошу с ним видетися“. Бе же на главе его шелом архангельского образа въоружен скимоу повелением игумена Сергия, и рече: „Отци и братиа, простите мя грешнаго, брате Андрей Ослебя, моли бога за мя, чаду моему Иакову мир и благословение“. Напусти на печенег и рече: „Игумен Сергий, помогай ми молитвою“. Печенег уже устремися противу ему. Христане ж вси въскликнуша: „боже, помози рабу своему“. И ударишася крепко копии, едва место не проломися под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся» (Шамбинаго, стр. 65).

Сквозь довольно густой слой религиозно-благочестивого повествования отчетливо может быть выявлено героическое зерно рассказа: татарский исполин перед боем вызывает из русского войска поединщика; на вызов откликается богатырь Пересвет. Противники вступают в бой, и оба гибнут в единоборстве.

Эпизодами поединков русского богатыря с врагами изобилует русский эпос. Бьются Добрыня со Змеем, Илья Муромец с Сокольником, Илья Муромец с Мамаем (Калином), Алеша с Тугарином и т. д. В некоторых случаях поединок начинается по инициативе врага (ряд вариантов быliny «Илья Муромец и сын»). Довольно обычен в былинах мотив, когда татарский посол, являясь в Киев, передает требование Калина (Батыги, Мамая и т. д.) к князю Владимиру выставить поединщика (Гильфердинг, I, № 66; II, №№ 170, 181; Григорьев, III, №№ 369, 415; Миллер, № 47). Однако ни один из случаев, известных в былинах, не является аналогией к эпизоду в «Сказании»: в былинах о татарском нашествии фактически происходит не поединок, а уничтожение богатырем (или богатырями) вражеской силы; в русском эпосе совершенно невозможен мотив одновременной гибели русского богатыря и его противника. Думаем, что данный сюжет пришел в «Сказание» не из эпоса. Скорее всего он пришел из устных рассказов (которые могли и не получить законченной формы), окружавших Куликовскую битву. Этот рассказ приобрел законченную художественную форму, по-видимому, на страницах «Сказания». Вполне оправданным является то, что автор (или один из поздних редакторов) осмыслил эпизод в эпическом плане и внес в него отдельные детали, характерные для быliny. В процессе жизни памятника доля эпического менялась в ту или другую сторону. Так, в одном из списков татарскому исполину приданы черты былинного Идолища:

¹² Шамбинаго, стр. 176; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, II. М., 1910, стр. 371—374; Л. А. Дмитриев. 1) Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953 (рукопись); 2) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. В кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 435; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 130.

Трех сажень высота его,
 А дву сажень ширина его,
 Между плеч у него сажень мужа доброго,
 А глава его, аки пивной котел,
 А между ушей у него стрела мерная,
 А между очи у него, аки питии чары,
 А конь под ним, аки гора велия.¹³

Нет оснований видеть в этом описании отрывок древних песен. В данном случае «Сказание» идет не за определенной песенной фабулой, воспроизводящей то же событие, о котором говорится в книжной повести, но как бы следует этическим принципам изображения. Автор (или редактор) «Сказания» в данном случае как бы встал на место народного певца и его глазами взглянул на изображаемое событие. Права В. П. Адрианова-Перетца, которая видит в данном случае не прямое сюжетное заимствование из фольклора, но специфическую форму усвоения фольклорной стилистики при полном сохранении «оцерковленного изложения».¹⁴

Исследователи не раз указывали на различные следы преданий, устных рассказов в произведениях, посвященных Куликовской битве. Нет необходимости обращаться к соответствующим материалам, поскольку настоящая работа посвящена фольклору песенному. Остановимся на данных, которые имеют прямое отношение к теме нашего исследования.

В свое время С. К. Шамбинаго предпринял попытку реконструкции двух песен, связанных с Куликовской битвой и сохранившихся, по его мнению, в составе «Сказания». Первая из них — это песня «О походе новгородцев на помощь Москве». Следы ее имеются также в «Задонщине». В обоих случаях можно говорить о песенных вставках.¹⁵ Приводим текст предполагаемой песни в том виде, как это предложено С. К. Шамбинаго (здесь и далее в квадратные скобки исследователь заключает «распространения писцов»).

В великом Новгороде
 Стоят мужи новгородские,
 У святых Софеи на площади,
 Бьют вече великое,
 Говорят мужи таково слово:
 Уже нам не поспеть на пособь
 К великому князю Димитрию.
 [Кажут] он Оку-реку перевозится,
 Тако нам к нему не ехати,
 А ему будет непособь,
 Ино [нам] будет Новым градом не отсадиться,
 [И] борзо мужики [новгородцы] наряжались,
 Отпущали [с города] тринадцать посадников [больших новгородских],
 С ними [же] силы [немного, только] тринадцать тысячней,
 А все люди нарядные,
 Пансыри, доспехи давали с города:
 [И рекоша] пойдите [братия] с одного на безбожного.
 И пришла сила новгородская
 К великому князю Димитрию,
 [Оному же Оку-реку перевезшуся],

¹³ Цит. по: С. К. Шамбинаго. Литература Московского княжества XIV и XV вв. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х годов, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 219.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 130.

¹⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 218; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 133.

[И] рад был князь Дмитрий Иванович:
 [И рече им] исполать вам, мужи новгородские,
 Что меня есте не оставили.¹⁶

В более раннем опыте реконструкции, предложенном С. К. Шамбинаго, текст песни оканчивался фразой «Пансыри, доспехи давали с города» (Шамбинаго, стр. 301). Обе реконструкции различаются также разбивкой текста на стихотворные строки и выделением слов, принадлежащих писцу. Вторая реконструкция в целом представляется более удачной, хотя отдельные детали ее могут быть подвергнуты критике. Стремясь воссоздать точный ритмический строй песни, С. К. Шамбинаго относит на счет писца такие слова и выражения, которые вполне в духе народной поэзии: «мужики-[новгородцы]», «посадников [больших новгородских]», «силы [немного, только] тринадцать тысячей», «пойдите [братия]» и др.

Свою реконструкцию С. К. Шамбинаго заключает следующим утверждением: «Немного изменено здесь в тоне народного стиха: строй песни поэтически безупречен. Отрывок дает, таким образом, замечательный образец не вошедшей в репертуар позднейших сказителей древней песни».¹⁷ Разумеется, высказанное в таком общем плане, данное утверждение остается недоказанным, основанным лишь на внешнем восприятии. Необходим анализ реконструируемого текста, перевод общих рассуждений в план конкретных сопоставлений. При этом, как и в предыдущих случаях, мы считаем возможным сопоставлять литературный текст не с народной поэзией «вообще» (результаты таких сопоставлений столь же приемлемы, сколь и необязательны), а с вполне определенными в жанровом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношениях явлениями. Наиболее близкий материал в данном случае лежит не столь уж далеко — в исторической поэзии XVI в.

Предполагаемая песня о помощи новгородцев имеет четкую композицию, и композиция эта, несомненно, песенная. Начало сразу вводит в обстановку происходящих событий и в круг действующих лиц:

В великом Новгороде
 Стоят мужи новгородские,
 У святых Софеи на площади,
 Бьют вече великое.

Аналогичным образом начинаются многие песни XVI—XVII вв., причем как раз те, в которых действует масса людей, объединенная в данный момент общим делом. Так, многие песни о Ермаке начинаются сходной картиной:

Как во славном было городе во Астрахани,
 На широкой ли на ровной было площади,
 Собиралися казаки во единый круг.

(Догадина, № 11).

Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 На крутом на красном бережечке,
 Собирались тут казаки, люди вольные,
 Становилися казаки во единый круг.

(Гуляев, № 36).

¹⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 218.

¹⁷ Там же, стр. 219. — С мнением С. К. Шамбинаго о песенном характере вставки согласна В. П. Адрианова-Перетц: 1) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 209; 2) Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 132—133. Л. А. Дмитриев считает, что существовала эпическая песня о новгородцах, «осколки или переработки эпизодов» которой дошли до нас в различных редакциях (Л. А. Дмитриев, Сказание о Мамаевом побоище, стр. 143).

Перед нами — не внешнее совпадение. Сходство в начальных эпизодах важно еще и потому, что и дальше сопоставляемые песни развиваются по общей композиционной схеме. В самом внутреннем построении песен есть одна общая черта: это песни о сборах в поход; в некоторых сюжетах цикла о Ермаке речь прямо идет о походе, цель которого — помочь Ивану Грозному в осаде Казани. Вторую часть песни о помощи новгородцев составляют размышления собравшихся о том, как им поступить. Новгородцы опасаются, что они могут опоздать: Дмитрий уже переходит Оку; но не идти на помощь они не могут — Дмитрию «будет непособь», а новгородцам «будет... не отсадиться». Вся эта часть дана в виде прямой речи, которая принадлежит, по-видимому, не одному, а всей массе. В песнях о Ермаке мы находим также аналогичную композицию. После того как казаки собрались в круг, они начинают обсуждать свои дела. Иногда говорит один Ермак, но такой случай вовсе необязателен: часто речь принадлежит всем собравшимся.

Как под городом под Казанью стоит белый царь,
 Стоит белый царь, царь Иван Васильевич;
 Он не год стоял, не два года,
 Он стоял ровно семь годов;
 Не взявши Казань, горюет, хочет прочь идти.
 Пойдемте-ка, ребяташки, на подмогушку...

(Киреевский, VI, стр. 23—24).

Можно заметить при этом, что, как и новгородцы, казаки очень спешат добраться до цели.

В третьей части песни говорится о сборе новгородцев и об их приходе к Дмитрию. Песня заканчивается словами благодарности, с которыми обращается князь к новгородцам. Такое завершение знают и песни о Ермаке, хотя оно для них не очень характерно.

О чем говорят сделанные сопоставления? По-видимому, в песенном фольклоре конца XIV—начала XV в. уже складывается форма лиро-эпической исторической песни — без развернутого сюжетного повествования, без сложной фабулы. В песнях этого типа отсутствуют яркие эпические эпизоды, для них более характерна тенденция к художественной достоверности (хотя они и не лишены большей или меньшей доли вымысла). В фольклоре конца XVI и XVII в. такая форма станет едва ли не господствующей, а песни, в которых центральными в сюжетно-композиционном плане будут эпизоды сборов в поход и речи, раскрывающие смысл и характер происходящих событий, станут создаваться десятками. В песне о помощи новгородцев еще нет той чеканной, отшлифованной формы описаний, обращений, характеристик, какая придет в песни XVI—XVII вв. Но тенденция к созданию такого рода формы, новых песенных *loci communes* уже налицо. Такие выражения, как «в великом Новгороде... у святыя Софеи на площади», «стоят мужи новгородские», «говорят мужи таково слово», «силы немного, только тринадцать тысячей» и некоторые другие, могут рассматриваться как складывающиеся песенные формулы.

Реконструируемая песня интересна и в том отношении, что она, несомненно, новгородского происхождения. Она важна для понимания настроений новгородского простого люда; в песне отчетливо выражены патристические чувства новгородцев, их желание принять участие в общей борьбе против татар, даже тревога за то, что они могут оказаться в стороне от общего дела. Песня, очевидно, сложилась где-то в самом ходе событий, она выразила непосредственные и горячие настроения дня. Перед нами одна из ранних политических песен. Возможно, что она явилась как отклик на

внутриполитическую борьбу различных сил в Новгороде, по-разному определявших свое отношение к событиям, которые происходили в Москве. О политической направленности песни наглядно свидетельствует самый факт включения ее в «Сказание о Мамаевом побоище» — произведение, проникнутое объединительными идеями.¹⁸

С. К. Шамбинаго предполагает, что в «Сказании» отразились и другие «древние песни». «Частью специальной какой-либо песни» он считает поэтическое описание боя (Шамбинаго, стр. 301).¹⁹ Это описание он также пытается представить в стихотворно-песенной форме.

И ступишися [велици] полци, [и] крепко бьющися,
 [Напрасно] щепляются щиты богатырские, [от
 вострых копеев]
 Ломаются рогатины булатные [о
 злаченые доспехи],
 Льется кровь богатырская
 По седельцам по кованым,
 Сверкают сабли булатные
 Около голов богатырских,
 Катятся шелома злаченые [с
 личинами]
 Добрым коням под копыта,
 Валяются головы многих богатырей
 С добрых коней о сыру землю.²⁰

Действительно, этой картине нельзя отказать в поэтичности. Весь вопрос лишь в том, какова природа этой поэтичности. Заметим прежде всего, что настойчивые попытки С. К. Шамбинаго обнаружить в рассматриваемых им отрывках песенно-ритмическое начало малоубедительны. Ритмичность присуща древнерусской прозе и составляет ее характерное художественное качество. Давно замечено, что наличие определенного ритма (как правило, неоднородного рисунка, непрерывно меняющегося в ходе повествования) — результат синтаксической организации повествования. В данном случае перед нами, по-видимому, прекрасный пример именно такой прозы, в которой период синтаксически организован: сказуемые всюду в одной форме и в начале предложений («щепляются», «ломаются», «льется», «сверкают», «катятся», «валяются»); подлежащие везде на втором месте и имеют при себе определения — эпитеты («щиты богатырские», «рогатины булатные», «кровь богатырская», «сабли булатные», «шелома злаченые»), фразы замыкаются группой слов — дополнений или обстоятельств («по седельцам по кованым», «около голов богатырских», «добрым коням под копыта», «с добрых коней о сыру землю»). Думаем, что наличие определенной ритмической организованности еще не дает права считать данный отрывок песенным.

Обратимся к анализу стилистической стороны отрывка. На первый взгляд может показаться, что стилистически он связан с народной поэзией. Об этом как будто говорят эпитеты, довольно обильно уснащающие текст (в частности, повторяющиеся эпитеты «богатырские», «булатные», «добрые» и др.), и самая манера поэтически изображать ситуации боя (кровь льется по седлам, сверкают сабли около голов, катятся шлемы под копыта,

¹⁸ Ср.: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 357.

¹⁹ Точку зрения С. К. Шамбинаго поддерживает и Л. А. Дмитриев. «Описание битвы, как и рассказ о новгородцах по списку Уваров. № 802, говорит о том, что, возможно, существовали какие-то эпические песни об отдельных событиях Мамаева побоища, дошедшие до нас в случайных отрывках, вставленных переписчиками, знавшими эти песни» (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 287—288).

²⁰ Приводим эту реконструкцию по статье С. К. Шамбинаго в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, стр. 219).

валятся головы о сыру землю). Однако общее впечатление должно быть проверено конкретным анализом.

Прежде всего очень существенно то обстоятельство, что в стоящей рядом со «Сказанием» «Задонщине» сходная стилистическая манера не только ощущается довольно ясно, но и возведена в один из основных принципов повествования. Здесь неоднократно встречаются эпитеты «золоченые доспехи» и «шелом золотой», «мечи булатные», «борзые комони», «погании татарове» и т. д., т. е. эпитеты, о которых можно говорить как о фольклорных. Между тем лишь отчасти есть основание обращаться в поисках прямых источников этих эпитетов к народной поэзии, поскольку ряд таких «постоянных» эпитетов заимствован в данном случае из «Слова о полку Игореве».

«Сказание», очевидно, может быть в этом смысле сопоставлено с «Задонщиной». Другими словами, когда мы обнаруживаем поэтические эпитеты, мы не можем так уже определенно выводить их непосредственно из песни. Вполне возможно, что какие-то из них пришли в «Сказание» из «Задонщины».

Но если даже согласиться с тем, что автор (или редактор) брал их прямо из фольклора, то встает вопрос о методике заимствования и о его пределах. Иными словами, мы еще не знаем, попал ли данный комплекс эпитетов в «Сказание» в составе цельного народно-песенного произведения или же эти эпитеты пришли сюда в форме художественных элементов, отделившихся от конкретных фольклорных текстов. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к отрывку как к художественному целому.

Былинный эпос такого рода описаний не знает. В былинах не изображается битва, в которой участвовала бы масса войска и в которой обе стороны несли бы одинаково потери. Военские описания в эпосе могут быть сведены к трем типам: поединок русского богатыря с вражеским; уничтожение богатырем вражеского войска; уничтожение того же войска группой богатырей, и ни один из этих типов не соотносится ни сюжетно, ни стилистически с рассматриваемым отрывком из «Сказания». В эпосе выражения вроде «лется кровь богатырская по седельцам по кованым» или «валятся головы многих богатырей с добрых коней о сыру землю» просто невозможны, так как в былинных битвах ничего подобного не происходит. Картинность, внешняя эффектность, яркость в изображении битвы вообще не в духе русского эпоса, точно так же как не соответствует эпосу и некоторая приподнятая эмоциональность военных описаний.

Напротив, военные описания в былинах предельно сжаты, даже несколько суховаты и отнюдь не занимают в повествовании решающего места. Следовательно, не в былинах следует искать непосредственный источник (если таковой вообще имеется) разбираемого эпизода «Сказания».

Но и в исторических песнях (во всяком случае старшего периода) трудно найти прямые соответствия. Правда, военные описания здесь иногда даются, как и в эпизоде «Сказания», в отвлечении от конкретного сюжетного движения, приобретают самостоятельный характер, эмоционально окрашиваются. Появляются картины, содержащие обобщенные метафоры боя. Но, во-первых, такие описания чрезвычайно редки, а во-вторых, они не составляют сколько-нибудь прямых параллелей к имеющемуся описанию в «Сказании».

Можно считать, что данный отрывок не есть часть песни и что в фольклоре XIV—XV вв. не было песни (о Куликовской битве или о другом каком-то событии) с такого рода эпизодом. Автор (или один из поздних редакторов) «Сказания о Мамаевом побоище» сам создал поэтическую картину сражения, с одной стороны, опираясь на книжную традицию

(в частности, на стилистику «Задонщины»), а с другой — перерабатывая знакомые ему народно-поэтические образы.

Сама же «Задонщина» представляет собой пример аналогичного подхода к фольклорной стилистике. Если бы мы не знали о прямой зависимости этого памятника от «Слова о полку Игореве», мы бы, очевидно, делали предположения о большом количестве фольклорных источников, лежащих в его основе. Между тем народно-поэтическая стилистика «Задонщины» во многом, так сказать, вторичного происхождения. Правда, внимательный анализ показывает сознательный характер использования богатой образности «Слова о полку Игореве» автором «Задонщины». По словам новейшего исследователя, автор, обращаясь к «Слову», «очевидно, с особым вниманием останавливался именно на устно-поэтических его элементах, придавая им, однако, форму, более привычную для XIV в.»²¹

Тем не менее связи «Задонщины» с фольклором ограничиваются преимущественно стилистикой и, по-видимому, совсем не касаются сюжетной и композиционной сторон. Характерно в этом плане, что предполагаемая песня о помощи новгородцев, полностью воспроизведенная в «Сказании о Мамаевом побоище», потеряла характер целого в «Задонщине» и отразилась здесь в виде небольшого эпизода:

Звонят колоколы вечныя
в великом Новегороде,
стоят мужи новгородцы
у святой Софии арькучи:
Уже нам, братие, на пособе
великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть.²²

Тот же, мне кажется, случай можно усмотреть в одном из заключительных эпизодов «Задонщины». Здесь рассказывается о том, как Мамай после разгрома на Куликовом поле бежал в Кафу. Приведу это место полностью в том виде, как оно реконструировано В. П. Адриановой-Перетц:

«И отскочи [поганый] Мамай серым волком от своая дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, [посягаешь] на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первыи. А не быти тебе в Батыя царя. [У Батыя царя было] 400000 вою, воевал всю Рускую землю и пленил от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за съгрешение. И ты пришел [царь] Мамай на Рускую землю с многими силами, с девяту ордами, с 70 князьми. А ныне бежишь сам девят в лукоморье, [не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тебя князи руские горазно подчивали, ни] князеи с тобою нет ни воевод? Нешто гораздо упилися на поле Куликове на траве квыли? Побежи, поганый Мамай, и от нас по Задлешью».²³

В. П. Адрианова-Перетц видит здесь народное предание. Исторические обстоятельства в рассказе смещены (Мамай бежал в Кафу не сразу после Куликовской битвы, а позже, после поражения, нанесенного ему Тохтамышем; фряги убивают Мамай, о чем «Задонщина» не упоминает). «Самый строй рассказа, образ битвы-пира, на котором держится насмешливая речь фрягов, — все это говорит за то, что Софоний ввел какое-то устное

²¹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия, стр. 134, там же соответствующие примеры.

²² Там же, стр. 132.

²³ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 232.

предание о Мамае. В этом предании трагическая картина предательского убийства Мамаея заменена насмешкой над разбитым врагом».²⁴

Соглашаясь с тем, что восстановить первоначальный вид рассказа невозможно, В. П. Адрианова-Перетц считает, что «фольклорное зерно этого легендарного предания о встрече Мамаея с фрягами все же очевидно, даже и в искаженной переписчиками форме».²⁵

Попытаемся рассмотреть более внимательно, в чем же заключается это фольклорное зерно.

Обращает на себя внимание в этом рассказе разительное несоответствие между несомненно песенными стилистическими элементами и отнюдь не песенным сюжетом. В самом деле, былины, например, нередко кончаются бегством разбитого врага, который клянется, что никогда больше не придет на Русь; но былины никогда не следят дальше за судьбой Батыги, Мамаея или какого-нибудь другого татарского царя. Такого рода мотивы нехарактерны и для исторических песен. По-видимому, с точки зрения народной поэзии (эпической или исторической — все равно) участь врага, после того как он разбит и изгнан из пределов Русской земли, не представляет интереса. Другое дело — исторические предания, которым присуще внимание к отдельным личностям, к их дальнейшей судьбе, вообще к биографическим подробностям. Такой интерес может в равной степени находить выход в сюжетах как сказочно-эпического, так и историко-бытового плана. Но есть одно качество, почти обязательное для преданий, — это наличие сюжета, который интересен сам по себе, отличается занимательностью, содержит какое-то зерно художественного обобщения. С этой точки зрения рассказ о бегстве Мамаея в «Задонщине» трудно представить как народное предание. Рассказ, по существу, лишен фабулы. Мы узнаем, что Мамаея убежал от своего войска и прибежал в Кафу. Здесь фряги встретили его укоризненными и насмешливыми речами. И все. Этого, разумеется, мало для предания. Известие о бегстве Мамаея в город, где его встретили безо всякого сочувствия, — это, конечно, не предание, а вероятно просто одна из многочисленных версий о судьбе татарского царя, разбитого на Куликовом поле. Автор «Задонщины» по каким-то причинам остановился на этой версии, предпочтя ее той исторической версии, какая содержится в других произведениях о битве 1380 г. То обстоятельство, что данная версия не соответствует действительности, не может служить доводом в пользу ее фольклорной природы. В «Задонщине» многие события представлены без достаточной точности, последовательности; в постоянном отступлении от норм прагматического изложения событий состоит одна из художественных особенностей этого памятника. Для Софония как раз вполне естественным было взять (а может быть, и создать самому) именно такую версию бегства Мамаея, позволившую ему завершить повествование двумя важными для него мотивами: сопоставлением участи двух завоевателей — Батыи и Мамаея и иронической трактовкой конца Мамаея. И тот и другой мотив вполне в духе не только «Задонщины», но и «Слова о полку Игореве».

И хотя текстологических и стилистических совпадений со «Словом» в данном эпизоде «Задонщины» не так много, но вполне отчетливо здесь ощущается общая художественная связь двух памятников. Эпизод из «Задонщины» может быть сопоставлен с эпизодом из «Слова», посвященным Всеславу Полоцкому. Всеслав «в ночь вълком рыскаше», «скочи от

²⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в и народная поэзия, стр. 133.

²⁵ Там же, стр. 134

них лютым зверем»; из соединения этих двух образов возникает в «Задонщине» свой: «И отскочи (поганый) Мамай серым волком от своєю дружины». В характеристику Всеслава также вплетается элемент иронии — и тоже заключенный в форму народно-поэтической образности: «Аще и вещь душа в дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боян и пръвое припевку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“». Однако, как и в некоторых других местах своего произведения, Софоний в данном случае лишь отталкивался от «Слова», разрабатывая весь эпизод по-своему. Это сказалось в стилистической обработке эпизода, которая не отличается цельностью. Налицо сочетание манеры книжной с манерой фольклорной. Особенно интересно применение Софонием к Мамаю песенного образа-символа «битва—встреча и проводы гостей».²⁶ Обычно, как это известно по песне о Евпатии Коловрате и особенно по более поздним историческим песням, русские воины (полководцы, царь), готовясь к встрече врага, намерены встретить его как «гостя», «угостить» и «проводить» достойным образом. В образах такой встречи, угощения и проводов дается иногда картина сражения. Характерной особенностью этих образов является их ироническая заостренность. В эпизоде с Мамаем из «Задонщины» мы видим тот же образ, но в ином контексте. Фряги с насмешкой спрашивают у Мамаю: «Нешто тобя князи руские горазно подчивали?»; «Нешто гораздо упилися на поле Куликове на траве ковыли?». «Слово о полку Игореве» знает образ-символ «битва — свадебный пир», развернутый там в скорбное описание разгрома войска Игоря. В «Задонщине» слова «гораздо упилися», да еще в общем ироническом контексте, звучат с явной издевкой.

Характерно, что в различных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» также есть отголоски этого фольклорного образа — в речи князя по адресу приближающихся татар: «Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша» (Шамбинаго, стр. 65, 29—30, 114). Однако и здесь это выражение находится не в составе фольклорного сюжета.

И в «Сказании о Мамаевом побоище», и в «Задонщине» есть целый ряд реминисценций, не связанных какими-либо сюжетными фольклорными рамками. Авторы-книжники, очевидно, хорошо знают песенную стилистику и очень умело ее используют. Следует говорить даже не о цитации; а о попытках найти для фольклорных образов, ставших уже, по-видимому, традиционными, новый контекст и придать им такие детали, которые в них отсутствовали. Поэтическое мышление книжного автора конца XIV—XV в. было уже достаточно далеко от мышления эпического, но именно это обстоятельство — при условии знания фольклора — позволяло ему свободно переосмыслить и развивать некоторые песенные образы, не сохраняя того сюжетного целого, в составе которого эти образы жили. Это обстоятельство необходимо строго учитывать, когда мы пытаемся обнаружить в таких памятниках, как «Сказание о Мамаевом побоище» или «Задонщина», следы прямых фольклорных влияний. Было бы неверным всякое внешнее сходство относить на долю такого рода влияний, отказывая тем самым писателям XIV—XV вв. в художественной фантазии, в умении создавать вымышленные ситуации. Характерную ошибку в этом смысле допустил И. П. Хрущов, пытаясь на основании самого поверхностного анализа выделить из состава двух литературных памятников о Куликов-

²⁶ См. об этом: Б. Н. Путилов. Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 128—131.

ской битве их фольклорные источники.²⁷ Хрущов утверждает, что существовала былина следующего содержания, реконструируемая из некоторых начальных эпизодов «Сказания о Мамаевом побоище»: Дмитрий узнает о том, что Мамай-князь движется на Москву. На пиру у тысяцкого Миклулы он стал вызывать охотников идти к татарам добывать языка. Вызвались крепкие юноши, крепки оруженники: Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Туник. Князь послал их на Быструю Сосну, они замедлили в поле, и тогда были посланы трое других, встретившие Туника, который возвращался с недобрыми вестями; в частности, он должен был передать хвастливые угрозы Мамаю. Выслушав сообщение, Дмитрий обращается с речью к князю, те ему отвечают и т. д.²⁸

Права В. П. Адрианова-Перетц, когда замечает по поводу утверждений Хрущова, что «следов такой старины не сохранилось, что же касается самой картины пира, то она далека от обычной былинной ситуации».²⁹ Вполне возможно, конечно, что, создавая первые эпизоды «Сказания», автор прибег к условному повествовательному приему, опираясь при этом на традицию как былин, так и книжных повестей. Но нетрудно заметить, что вся ситуация в целом и в ряде подробностей не соответствует былинной. Былинный князь не посещает чужих пиров, а устраивает их сам. О появлении татар он всегда узнает через татарского посла, являющегося в город. Можно было бы и дальше проследить, что сходство в повествовании оказывается, в сущности, мнимым. Разумеется, никаких оснований нет для предположений о существовании былины с таким сюжетом.

«Эпическую основу» Хрущов склонен видеть также в плаче княгини в «Сказании», «несмотря на его книжный характер». В словах княгини о сыновьях «еда поразить их солнце сияючи или ветер их подвевает противу запада — обое не могут терпети» — Хрущов усматривает «распространенную переделку обычного в былинах выражения: их солнышко не опекает и буйные ветры не обвеют».³⁰ Такого рода наблюдения интересны лишь в том случае, если они не ведут к крайним и односторонним выводам.

Столь же необоснованной является мысль И. Хрущова о том, что «Задонщина» представляет собой письменную обработку песен славы или гусельных словес.³¹

Выше уже приходилось говорить, что специфический тон произведения, его поэтический пафос, яркая образность объясняются отнюдь не прямым влиянием фольклора. Что же касается «песен славы», то упоминание их в «Задонщине» — это чистая условность, не связанная ни с какими реальными современными представлениями автора.

Сравнительно скудные данные, которые могут быть извлечены из литературных памятников конца XIV—XV в., не позволяют составить ясного представления о том, как отразилась Куликовская битва в фольклоре. Но некоторые выводы в итоге анализа всего материала можно сделать. Очевидно, что своеобразным откликом на события 1380 г. явился целый ряд народно-поэтических произведений, созданных ранее этого события и по другим поводам. То, что произведения русского героического фольклора

²⁷ И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. — Труды третьего археологического съезда в России, том второй, Киев, 1878.

²⁸ Там же, стр. 282.

²⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 207.

³⁰ И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву, стр. 282.

³¹ Там же, стр. 283.

разной жанровой принадлежности и различного конкретного содержания осмыслились в связи с победой на Куликовом поле и приобретали поэтому новое современное звучание, — в этом не может быть никаких сомнений: факты литературного порядка говорят об этом совершенно определенно.

Очевидно также, что шел процесс создания новых песен, новых сюжетов и — что самое главное — новых песенных форм (песня о помощи новгородцев). Очень характерно, что все известные нам следы такого творчества связаны не только с эпическими, но и с новыми, песенными, традициями.

лицами. Так, в начальной части сборника КБ-6 все заголовки и пояснения к молитвам, написанным другой рукой, внесены почерком Ефросина: им же проставлен на полях счет молитв и сделаны многочисленные поправки и дополнения;¹⁰ далее, им же непосредственно продолжен текст, начатый другой рукой.¹¹ С аналогичной редакторской работой Ефросина мы встречаемся в КБ-6 и далее.¹² То же явление наблюдается в КБ-9: текст на лл. 237—252 об. здесь также исправлен и прокомментирован Ефросином; в тексте хронографической редакции «Александрии», содержащемся в этом сборнике, Ефросином сделано очень характерное для него пояснение на полях,¹³ кто такие «рахманы», встретившиеся Александру Македонскому (мы еще вернемся к этому комментарию); в другом месте Ефросин дал заглавие помещенному в этом сборнике посланию Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу «из Заримья из латыны»; текст послания написан не Ефросином, но ему принадлежит сделанный на полях счет погибших в «Заримьи» городов.¹⁴

Перед нами, таким образом, не сборные рукописи и не сборники, просто написанные разными лицами, а именно произведения единой мастерской, своеобразного «скриптория», сделанные под руководством одного лица. Ефросин переписал основную часть всех этих сборников и полностью отредактировал их. Он же, очевидно, и подобрал тексты сборников, весьма своеобразных по составу, как мы убедимся ниже.

Рукописи КБ-9, КБ-11 и КБ-6 уже известны в литературе как «ефросиновские сборники» и имеют научные описания (описания эти, правда, далеко не полны, и нам пришлось аннотировать многие памятники, содержащиеся в кирилловских сборниках). Но существует еще одна кирилло-белозерская рукопись Ефросина, нигде не описанная. Это сборник ГПБ, Кир.-Бел. 22/1099 (далее: КБ-22).

По своим палеографическим особенностям сборник КБ-22 очень близок к другим кирилло-белозерским ефросиновским сборникам. Это также рукопись формата в 8° с водяными знаками 60—70-х годов XV в. (бык, петух, голова быка с крестом над рогами и др.),¹⁵ встречающимися на бумаге других кирилло-белозерских сборников (например, КБ-9).¹⁶ Но главная особенность сборника КБ-22, дающая основание для его атрибуции, это, конечно, почерк. На почерк этого списка уже обратил внимание Н. К. Никольский. В примечании к тому месту изданной им описи кирилло-белозерских книг XV в., где говорится о «сборниках Ефросина», он указал: «почерк Ефросина, жившего в конце XV века, можно видеть в рукописи

¹⁰ КБ-6, лл. 19—58.

¹¹ КБ-6, л. 59.

¹² КБ-6, лл. 178, 300. На л. 308 об. чужой текст продолжен Ефросином. Текст на л. 397 написан другим почерком; текст на л. 397 об. написан Ефросином.

¹³ КБ-9, л. 480.

¹⁴ КБ-9, лл. 517 об.—518. Совершенно неправ П. Симони, полагающий, что текст послания написан позднейшим почерком (П. Симони. Законщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13): и почерк, и водяной знак этих листов (тиара) современны Ефросину.

¹⁵ Бык на лл. 6—8, 13, 37, 42, 127, 130, 133, 150, 151, 154, 167, 197, 200, 204, 207, 245, 248, 250, 261, 266, 267, 268, 272, 281, 285, 287/2 (ср.: Брике, № 2792); петух на л. 108 (ср.: Брике, № 4479; Лихачев, Вод. зн., № 2646); голова быка с крестом над рогами на лл. 30, 36, 217, 304, 305; голова быка с розеткой на лл. 463, 464; гроздь винограда на лл. 170, 171, 484, 489, 490. Наиболее важно для датировки изображение петуха, так как оно вообще редко, а на русских бумагах особенно. Изображение петуха этого типа датируется 70-ми годами XV в. (ср.: Лихачев, Вод. зн., т. II, стр. 329—330). Приводим всюду верхнюю пагинацию листов

¹⁶ Ср.: КБ-9, лл. 18 (бык), 104, 106, 107, 110, 120, 121, 132, 143 (петух), 204, 210, 211, 216 (голова быка).

Вводя имя Ефросина в литературоведческую науку, ни Н. В. Рузский, ни Н. К. Никольский не пытались как-либо охарактеризовать этого книгописца. Не сделал этого и М. Н. Сперанский, обратившийся к сборникам Ефросина при издании «Псалтыри» Федора еврея по рукописям КБ-9 и КБ-6.⁵ Хотя М. Н. Сперанский придавал издаваемому им памятнику вполне определенный смысл, связывая его с так называемой ересью «жидовствующих» (новгородско-московской ересью конца XV в.), но он не сделал никаких выводов из того любопытного факта, что оба дошедших до нас списка находились в составе сборников, основная часть которых (хотя и не самый текст «Псалтыри») была написана Ефросином. Ничего не сказал о Ефросине и П. К. Симони в своем исследовании «Задонщины» по списку КБ-9; он указал только, что «кто был означенный Ефросин писец — и владелец рукописи — трудно установить».⁶ Несколько более подробно охарактеризовал Ефросина А. Д. Седельников при описании рукописи КБ-11 (в связи с «Повестью о Дракуле», входящей в эту рукопись): он назвал Ефросина «замечательным в своем роде переписчиком», составителем «трех интереснейших „ефросиновских“ сборников».⁷

Интерес исследователей к ефросиновским сборникам вполне оправдан: сборники эти чрезвычайно богаты по своему содержанию и включают десятки памятников первостепенного литературного и исторического значения. И уже это богатство ефросиновских сборников делает желательным специальное исследование литературной деятельности их составителя.

Главным источником для такого исследования должны служить, естественно, самые сборники. Три «ефросиновских сборника» мы уже упомянули: КБ-9, КБ-11 и КБ-6. Кирилло-белозерские сборники по своему формату (8°) и виду сходны между собой. Из этих сборников почти полностью написан Ефросином КБ-11. Только начальные листы сборника — лл. 7—18 (лл. 1—6 чистые) и л. 389 написаны другой рукой; вся остальная рукопись написана «грешным Ефросином», трижды назвавшим здесь свое имя. Сборники КБ-9 и КБ-6 написаны разными лицами, но основным почерком и здесь является почерк Ефросина, и целый ряд признаков позволяет заключить, что Ефросин был не только одним из переписчиков сборников, но и их составителем. Ефросину принадлежит общая нумерация листов (по тетрадам и по количеству листов в каждой статье) в сборниках; эта нумерация относится и к листам, которые писал сам Ефросин, и к листам, написанным другими писцами.⁸ Ефросин сосчитал, например, количество листов в «Псалтыри» Федора в КБ-9 и КБ-6.⁹ Ему принадлежал ряд очень характерных записей и комментариев к памятникам, переписанным в сборниках другими

⁵ М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея. — ЧОИДР, 1907, кн. II, стр. 20 и сл.

⁶ П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий — СОРЯС, т. С, 1922, № 2 (далее; П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий), стр. 5.

⁷ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. — ИпоРЯС, т. II, л., 1929, стр. 626.

⁸ Счет тетрадам (от 1-й до 56-й) проходит через всю рукопись КБ-9: л. 9 об., 20 об., 32 об., 42 об. и так далее через каждые 10 листов (после л. 132 об. интервал в 10 листов опять несколько раз нарушается; последняя помета «56» на л. 564 об.); на лл. 244 об., 298 об., 481 об., 489 об., 497 об., 505 об., 513 об., 538 об., 548 об., 556 об., 564 об. счет этот приходит по листам, писанным не Ефросином. Ср.: КБ-6, лл. 14 об., 28 об., 38 об., 48 об. и т. д. (на л. 146 об. помечено «12»; на л. 209 об. — «13»; далее счет листов обрывается); значительная часть этих листов — не Ефросина. Ср. ссылку Ефросина на этот счет на л. 271 (на поле).

⁹ КБ-9, л. 532: «35 лист[ов]»; КБ-6, л. 250: «26 лист[ов]». Указания на количество листов в статье ср. также: КБ-9, л. 122 («Задонщина»); КБ-6, лл. 21, 309, 318.

Я. С. ЛУРЬЕ

Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.

I

Книгописец конца XV в. Ефросин, с именем которого связано несколько рукописных сборников Кирилло-Белозерского собрания (ныне в ГПБ), — фигура, почти не отмеченная в литературоведении и историографии. Имя Ефросина упоминалось в научной литературе всего несколько раз — в библиографических описаниях его сборников. Сборникам этим посчастливилось несравненно больше, чем их создателю. Особенно широко отмечен в научной литературе один из них — сборник Кир.-Бел. 9/1086 (далее: КБ-9), содержащий «Хожение» игумена Даниила, «Задонщину» и много других важных литературных и исторических памятников. Уже в 1858 г. известный археограф архимандрит Варлаам подробно описал этот сборник;¹ упоминали о нем и другие авторы, занимавшиеся «Хожением» Даниила,² но ни один из них не знал имени Ефросина, — в сборнике КБ-9 имя переписчика не было названо. Впервые имя Ефросина как книгописца появляется в работе Н. В. Рузского, который также исследовал «Хожение», но на этот раз не только по списку КБ-9, но и по списку Кир.-Бел. 11/1088 (далее: КБ-11). Почерк КБ-11 совпадает с почерком основной части КБ-9, а в КБ-11 имя писца, «грешного Ефросина», названо. Н. В. Рузский сделал отсюда естественный вывод, что и в КБ-9 «почерк открывает руку писавшего, именно Ефросина».³ Вновь имя Ефросина было упомянуто Н. К. Никольским, издавшим древнее (конца XV в.) описание сборников Кирилло-Белозерского монастыря, где упоминались три «сборника» и «потребник» Ефросина. Н. К. Никольский отождествил упомянутого в описании Ефросина с Ефросином, переписавшим дошедшие до нас кирилло-белозерские сборники, и предположил, что «потребник» Ефросина — это третий сохранившийся кирилловский сборник, написанный (в основной части) рукой Ефросина и имеющий прямое указание на его имя, — Кир.-Бел. 6/1083 (далее: КБ-6).⁴

¹ Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Ученые записки II отделения Академии наук, кн. V. СПб., 1858.

² А. С. Норов. Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864, стр. XI; М. А. Веневитинов. Хождение игумена Даниила в Святую землю в половине XII в. — ЛЗАК, 1884, вып. VII, стр. 10, 75, 142.

³ Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. III, отд. II, стр. 9—26.

⁴ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. Изд. ОЛДП, вып. СХІІІ. СПб., 1897, стр. 8, ср. стр. XLIV.

Кирилло-белозерской библиотеки № 22-1099».¹⁷ Действительно, основная часть сборника КБ-22 написана почерком Ефросина со всеми характерными особенностями — острым угловатым написанием ряда букв (ѡ, ѣ, ѧ с длинной правой чертой, спускающейся под строку, вилообразное Ѥ, специфическое Ѫ с длинным хвостом и т. д.).¹⁸ Ефросину принадлежит текст на лл 1—46 об., 89—198 об., 200 об.—273 об., 282—375 об., 385—448 об., 480—481 об., 506—519 (всего 402 листа из 519 листов рукописи). Большая часть этого текста написана очень мелко и убористо (его надо сопоставлять поэтому с аналогичными мелко написанными текстами Ефросина в других его рукописях),¹⁹ хотя формат почерка иногда меняется в пределах одного памятника²⁰ и в нескольких местах почерк становится довольно крупным.²¹ Как и в других кирилло-белозерских рукописях Ефросин делал в сборнике КБ-22 исправления и пометки на текстах, написанных другим почерком (например, на поле «Сказания об антихристе»);²² он пронумеровал листы по тетрадам и отдельным памятникам²³ и в нескольких местах непосредственно продолжил чужой текст.²⁴

О принадлежности Ефросину свидетельствует и состав сборника КБ-22. Состав этот весьма интересен: литературные памятники, в особенности памятники «отреченной литературы», находящиеся здесь, несколько раз обращали на себя внимание исследователей и публиковались по данной рукописи («Пророка Ездры творение»,²⁵ «О часах добрых и злых»,²⁶ «Сны Шахаиши»,²⁷ притча из «Варлаама и Иоасафа»²⁸), но сборник в целом никогда не был предметом специального рассмотрения. Мы не имеем возможности привести его описание и здесь; дальнейшее изложение даст некоторое представление о наиболее интересных статьях сборника.

Сравнивая сборник КБ-22 с описанными ранее ефросиновскими сборниками, мы не можем не отметить большой тематической близости между ними. Верность определенным темам — вообще характерная черта Ефросина как книгописца; в своих сборниках он постоянно возвращался к одним и тем же сюжетам, иногда подбирая различные произведения на одну тему (напр. о «злых женах»),²⁹ иногда помещая в разных сборниках отдельные части одного памятника (например, Толковой Палеи), а иногда даже повто-

¹⁷ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 8, примечание к № 107.

¹⁸ Особенности этого почерка (не зная о его принадлежности Ефросину) охарактеризовал Варлаам при описании рукописи КБ-9 (Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 2—3).

¹⁹ Ср., например: КБ-9, лл. 254—258, 270—273; КБ-6, лл. 212—228 об., 347—349; КБ-11, л. 195—195 об. Ср. рис. 1 и 2.

²⁰ Ср. КБ-22, лл. 206—214, 324 об.—330, 372 об.—375 об.

²¹ КБ-22, лл. 350—359 об. Ср. рис. 3 и 4.

²² КБ-22, л. 468, ср. лл. 274 об.—276 об., 279 об.—280, 449, 451, 462, 464 об., 482, 501 об.

²³ Счет по тетрадам (с пропусками) см. на лл. 11 об., 92 об., 121 об., 133 об., 145 об. и др. На лл. 279 об., 456 об., 464 об., 472 об., 489 об., 497 об. и 505 об. этот счет проходит по листам, написанным другим почерком. Счет листов в отдельных памятниках (в том числе переписанных не Ефросином) см. на лл. 75, 78 об., 243, 449.

²⁴ КБ-22, лл. 200 об., 281 об.—282, 480. На л. 273 об. другой писец продолжил текст, писанный Ефросином.

²⁵ Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, М., 1863, стр. 377.

²⁶ Там же, стр. 382.

²⁷ А. Н. Веселовский. Слово о 12 снах Шахаиши по рукописи XV века. — СОРЯС, т. XX, 1879, № 2, стр. 4—10.

²⁸ А. Н. Веселовский. О славянской редакции одного аполога Варлаама и Иоасафа. — СОРЯС, т. XX, 1879, № 3, стр. 3—4.

²⁹ КБ-9, лл. 115—122; КБ-6, лл. 117—120 об.; КБ-11, л. 500—500 об.; КБ-22, л. 511—511 об.

нѣже послушаніе, съприлежаніе. 510
и шенемли свѣта сеніемъ. бѣсѣдѣ прѣ
лежи тѣи столенѣ на полу бы рѣшѣны
а. и сѣунато оумиленіа. ѡ александра маіси
гаше црѣ александра великыи пауче
бѣсѣдѣ си. снѣ филиппа црѣ. бѣсѣдѣ црѣ
стѣи а вѣсприятѣ. и в сий мѣзвѣцѣ
клони шѣ емоу. едниннато маірѣци
не пріащѣ его. ниже ньское црѣтѣво.
нато моу арѣци бо зрачь еже тлѣтѣ
смо прѣ гаганѣ бѣсѣдѣ сѣдѣ на прѣтѣ.
тато га не прѣдѣ шѣ александра роу
чрѣ. и ма шѣ же александра рѣ еднѣноу
а црѣ. и много ѡнѣи болаше. егда
пріятѣ зѣ браисоторыа. и рѣзѣи
ва роу вѣа ѡзискы. и пріше а вѣтѣ
блива а а рѣ, при во а вѣ а еже сисхо
жа роу рѣ цѣи по рѣ а шѣ а вѣ а
и еднѣнѣ пе а опѣулѣ, пріятѣ рѣ вѣу
соушеноу. и и а вѣ во а вѣ тѣи. а а юи
зѣ мѣе. и ѡ вѣ рѣ тѣи зѣ во рѣ малѣ. и
вѣ мѣтѣноу рѣ боу ѡноу. ѡнѣ а же ѡ
жиша и оу а а рѣ вѣ во а оу. и тѣ зѣ бо а
ше по ро а имѣ а сѣ а а рѣ. и прі а е
іа ноша стѣ вѣ шно. и вѣ зѣ вѣ стѣи а

сеже сотвори по хоща шбразъ впреда
ти емоу и млтвѣ оу сѣ творити пощѣ
ю. и сѣ творѣ млтвѣ оу шпрезвѣи терѣ
и оумилса в себѣ глаше. шиса дннм
аше за и ере млтвѣ оу. а се бе а фла
немолиши лиса. сѣ творѣи же и за са
млтвѣ оу. шкоже створи по всѣи не
лю шѣ ора по всѣи ноци а въ млтвѣ.
Единоу за са а а рѣ оу гоу ю за по пѣ.
и въ а рѣ оу гоу не лю и рѣи по пѣ в
чрѣ вѣ. ш а фла мѣи а рѣ хлы
стои шѣ в мѣи келі а братна рѣ
заумѣ вѣ по пѣи ко млтвѣ оу бра
тнею а рѣ хлы бы шѣ бѣ си. и рѣ а
бы вѣ в гладемоу. брате сѣ творѣи
любовѣ. приложим млтвѣ оу а рѣ
гоу ш мѣи. и шше а въ келію на
оуи не лѣи ни ти са нѣ оу а ста мо
ли ти са. а фла мѣи же ви а фла вше
пре бы вѣ оу шѣ млтвѣ а рѣ. и про
жѣ оу шѣ са кѣ вѣ оу. ш бѣ шѣ шѣ шѣ
не то вѣи же ю влѣ шѣю. слово ш пра
вѣи ш не правѣи. а прѣ ла. ш
Первое сѣ творѣи а бѣи правѣ а бѣи
мѣи вѣ у лѣи чѣ рѣ. по то мѣи же и не
приидѣи мѣи а оу ма вѣ вѣ ста мѣи рѣ
шѣ а. и нѣ оу а бѣ оу ти са вѣ вѣ у лѣи чѣ.

Рис. 2 — ГПБ, Кир.-Бел. 6/1083, л. 347 об. (увеличено).

силѣ. и подвѣю днѣю дружино
а с соуды принесоу. и подвѣю
днѣю поучи шѣ дѣвѣмъ и по и
и кономъ. гоу единого на оупо
ѣ днѣи въ семъ шѣи ето: слово
стѣго ефрема шроусали ^{рекше} д. шѣи со мр
Нм фон тѣи въ стѣи шѣи шѣи ^{се}
въ мнѣи шѣи ныи версты. а бры
хъ е прилежнѣ дѣлѣ. и уаповѣди
бѣи дѣупнѣо хранѣ. многѣи проу
дѣи въ оудержаніемъ. по стѣи же
и дѣи нѣемъ и мѣтѣи ами. семѣ
и спѣоути дѣи шѣи ооумѣ. и по
дѣи дѣи тѣи нѣи шѣи шѣи стѣи шѣи
дѣи дѣи стѣи бѣи са шѣи бѣи дѣи нѣи
дѣи дѣи шѣи дѣи шѣи тѣи дѣи нѣи
шѣи шѣи ескѣи. и свѣи тѣи шѣи шѣи
бѣи шѣи дѣи шѣи. бѣи бѣи шѣи шѣи
шѣи шѣи шѣи дѣи шѣи. созѣи шѣи шѣи

Рис. 3 — ГПБ, Кир.-Бел. 22/1099, л. 356 об. (увеличено).

444
НИМА СОІАДЕНІА. НИСОЛИ. НИЦРА.
НИСОУПЛИ. НИПРОДАЖКИ. СВЯРОУ.
НИБОА. НИЗДВИСТИ. НИВЕЛМОЖЬ
НИПАТБЫ. НИРАДЗБОА. НИИТРА.
НИНАД СЫЩЕНІЕТЕКОУТЬ. ПОМО
КРАТОИ СЛАКАТА ДОЯСА ДОБРАГО
НАСЫЩАЮТСА. И ВСА КІА БОЛЪ
ЗНИИПЛБНІА КРОМЪ СВОУ. ИМДО
ИВОЩА И СЛАКІА ВОДЫ ПРІИМАЮ.
И ВЪ РОУЮТЬ ИСКРЕНОКЪ БОУ. И БЕ
СПРЕСТАНИМОЛАТКА. ИМОУЖІЕ
ОУБОМА ЕДИНО И СТРАНЪ ОІКІА НА
ЯКИШ ОУТЬ. ЖЕНЫ ЖЕ ИХЪ ШОБОНЪ
ПОЛЪ РЪКЪ ЯКИШ ОУТЬ ГЛЕМЫА
ГАЛЫ, И ЖЕ ПЕУЕТЬ ВО ОІКІАМЪ КО
СТРАНЪ ИМА ДІИСТЪИ. ПРЕХОДА
ПАСЕ ОУБОМА ОУЖІЕ КЪ ЖЕНАМЪ
СВОИМЪ МІА ІЮЛА. А ДА БТОУ
И НИХЪ ЖЕ СОУЩИСЛНЦ ОУКЕНАМЪ
И КОШТАКОУХО ДАЩ ОУ. И БОМО

ря по несколько раз целые произведения и отрывки из них. Сборник КБ-22, как и сборники КБ-9 и КБ-11, содержит отрывки из Палей, в том числе и помещенные в КБ-11 тексты о Давиде, Соломоне³⁰ и о чаше Соломона,³¹ близкий к Палее рассказ о Навуходносоре,³² отрывки «О широте и долготе земли»,³³ «О величестве солнца и луны»,³⁴ «О часах семи тысяч»;³⁵ читается здесь «Слово Симеона епископа Тферьскаго» князю Константину Полоцкому, помещенное и в КБ-9;³⁶ в обоих сборниках приведены отрывки из «Зерцала» — «Диоптры» Филиппа.³⁷ Сближает сборник КБ-22 со сборником КБ-9 и интерес к истории татарских нашествий. В КБ-9 помещен, вслед за «Задонщиной», хронологический перечень татарских нашествий;³⁸ аналогичный (хотя и не совпадающий полностью) перечень помещен и в КБ-22.³⁹ При этом особенно знаменательно одно совпадение. Исследователи уже обратили внимание на характерное словоупотребление, свойственное тексту КБ-9: говоря о татарских нашествиях, сборник КБ-9 употребляет термины «Мамаевщина», «Задонщина», «Тактамышевщина» — названия, особенно интересные в связи с тем, что именно и только в этой рукописи «Писание Софония старца рязанца» имеет второе название — «Задонщина».⁴⁰ Обратившись к сборнику КБ-22, мы находим на поле запись (сделанную тем же ефросиновским почерком): «за Доном Моматяковщина» — уже знакомое нам выражение и тоже относительно татарского нашествия.⁴¹

Существует, наконец, и еще одно доказательство принадлежности сборника КБ-22 Ефросину. Ефросин не только любил возвращаться к одним и тем же темам и памятникам, но охотно сам отмечал эти возвращения, давая ссылки (в тексте и на полях) на другие страницы данного сборника⁴² или на другие сборники. Такие ссылки мы встречаем, например, в наиболее позднем из сборников Ефросина — КБ-11; одна из них особенно любопытна. Она содержится в статье «Како подобает креститися рукою», основанной на сочинениях византийских богословов Феодорита и Мелентия; закончив эту статью, составитель указывает: «ины два слова писаны во книзе, иде же сначала летописец».⁴³ В сборниках КБ-6 и КБ-9 нет летописца в начале и нет соответствующих статей. Зато в начале сборника КБ-22 читается летописец (л. 4 об.—15); а внутри сборника мы обнаруживаем как раз две статьи о крестном знамении: «От Феодорита. Сице благословити рукою и крестити...» и «Слово о крестящихся».⁴⁴

Итак, мы имеем основания говорить о четырех кирилло-белозерских сборниках, написанных рукой Ефросина, по его инициативе и под непосредственным руководством. Рука Ефросина может быть обнаружена и в других

³⁰ КБ-22, лл. 17—17 об., 18 об., 35; КБ-11, лл. 230 об.—231, 232, 230—230 об., 231 об.—232.

³¹ КБ-22, л. 513; КБ-11, лл. 228 об.—230.

³² КБ-22, лл. 428 об.—430; ср.: КБ-11, лл. 329—336 об.

³³ КБ-22, лл. 208 об.—209, 481 об.; КБ-11, л. 228—228 об.

³⁴ КБ-22, л. 513 об.; КБ-11, лл. 227 об.—228.

³⁵ КБ-22, л. 375; КБ-11, лл. 232 об.—233.

³⁶ КБ-22, лл. 107 об.—108 об.; КБ-9, лл. 526 об.—527 об.

³⁷ КБ-22, л. 205—205 об.; ср.: КБ-9, лл. 265 об.—268 об.

³⁸ КБ-9, л. 129—129 об.

³⁹ КБ-22, л. 440—440 об.

⁴⁰ КБ-9, л. 129—129 об.; ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 196.

⁴¹ КБ-22, л. 164 об.

⁴² КБ-6, л. 78 об.; КБ-9, л. 318; КБ-22, лл. 32 об., 196 об.; КБ-11, л. 242, ср. л. 228—228 об.

⁴³ КБ-11, л. 265 об.

⁴⁴ КБ-22, лл. 321—322.

рукописях. Ефросином, судя по почерку, переписана часть текста в сборнике игумена Игнатия — ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130 (Апокалипсис и ряд «Синаксарей»).⁴⁷ Рукой «грешного попа Ефросина» (как сказано в приписках к тексту) полностью написан сборник «Синаксарей», сохранившийся в ГИМ, Увар. 894;⁴⁶ сопоставление с известными нам рукописями не оставляет сомнений в том, что это тот же Ефросин, который писал известные нам кирилло-белозерские рукописи.⁴⁷

Какие факты биографии Ефросина могут быть извлечены из его рукописей? Многочисленные пометы Ефросина на его сборниках прежде всего дают возможность датировать эти сборники.⁴⁸ Наиболее раннюю дату — июль 6971 (1463) г. — мы читаем в записи Ефросина на поле переписанного им текста сборника игумена Игнатия;⁴⁹ но так как сам этот игумен занимал свой пост с 1471 по 1475 г., то очевидно, что сборник в целом составлен уже в начале 70-х годов. Сборник Увар. 894 имеет целый ряд пометок с датами окончания отдельных частей — с января 6981 (1473) по апрель 6985 (1477) г. включительно.⁵⁰ Близок по времени к нему и сборник КБ-22. В сборнике нет записей с датой, но датировка сборника может быть уточнена на основании его текста: здесь содержится перечень игуменов Троице-Сергиева монастыря, доведенный до игумена Авраамия (1475—1478).⁵¹ Рукопись КБ-6 имеет две пометы — апреля 6984 (1476) г. и апреля 6990 (1482) г.; сборник, следовательно, писался не менее шести лет и был окончен во всяком случае после 1482 г.⁵² Еще длительнее была работа над КБ-9: во второй половине рукописи мы читаем пометы февраля и марта 6978 (1471) г. и мая 6979 (1471) г.,⁵³ а в начальной части рукописи — сентябрь 6984 (1475) и 8 сентября 6988 (1479) г. (столетие «боя за Доном» — Куликовской битвы).⁵⁴ Материал для сборника подготавливался, таким образом, в течение почти десяти лет и не ранее 1479 г. переплетен в единый сборник, но не в порядке первоначального написания статей (первоначальный счет

⁴⁵ Этот сборник под названием «четвертого сборника» игумена Игнатия был полностью расписан в древнем описании конца XV в.; научное описание его дано Н. К. Никольским (Н. К. Н и к о л ь с к и й. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 137—142, 174—176, 279—287). Рукой Ефросина написан текст Кир.-Бел. 53/1130, лл. 130—155 об., 195 об.—318.

⁴⁶ Архим. Лео н и д. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 1. М., 1893, стр. 474, № 338 (894) (365). — Предположение о принадлежности этой рукописи кирилло-белозерскому писцу Ефросину высказывал М. Н. Сперанский (М. Н. С п е р а н с к и й. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 34, прим. 2), но он неточно указал шифр рукописи (Царского № 361 вместо № 365). В Увар. 894, как и в других рукописях Ефросина, им проставлен счет листов по тетрадам, а в конце сделана запись «тетради 64 без листа, а листов 600 и 40 без листа, а в тетради по 10-ти листов» (л. 638 об.).

⁴⁷ Т. Н. Копреева (которая также, на основании почерка, считает сборник КБ-22 принадлежащим Ефросину) любезно указала нам еще один текст Ефросина — листки со стихирами, вpletенные в сборник ГПБ, Кир.-Бел. 306/563, лл. 310—311 об., и листок в 8^о (весь сборник в 4^о), вpletенный между лл. 306 и 307.

⁴⁸ В сборниках Ефросина, помимо приведенных выше, содержится еще множество дат без года (число и месяц), бесполезных для нас при датировке рукописей (ср. примеры из КБ-9. Н. В. Ру з с к и й. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в., стр. 20).

⁴⁹ ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, л. 155 об.

⁵⁰ ГИМ, Увар 894, лл. 161, 219, 411, 487 об. («в лето 6985 дек. 21»; в описании не отмечено), 507, 515 (в описании не отмечено), 520, 535, 543, 637.

⁵¹ КБ-22, л. 163 об. (на поле); ср.: А. Н. Веселовский. Слово о 12 снах царя Шахаши по рукописи XV века, стр. 2—3.

⁵² КБ-6, лл. 78 об., 218.

⁵³ КБ-9, лл. 320, 357 и 454; к 1470 г., вероятно, относится запись на л. 380 об. (16 марта) и на л. 448 об. (20 апреля).

⁵⁴ КБ-9, лл. 137, 262 об.

листов, начинавшийся с л. 320, был переделан Ефросином на новый).⁵⁵ И, наконец, наиболее поздним из известных нам ефросиновских сборников является КБ-11. Датируется этот сборник на основании двух записей: на обороте миниатюры, изображающей Александра Македонского — «в лето 7000-е ок[тября] 20 [1491] сей Александр написан бысть Ефремом Ефросину»; по окончании «Повести о Дракуле» — «... в лето 6998 генваря 28 [1490] в другое переписах аз грешны Ефросин». ⁵⁶ Написанный не ранее начала 90-х годов XV в. сборник КБ-11 содержал прямые ссылки на более ранние сборники. Мы уже отмечали ссылку на книгу «идеже с начала летописець» (КБ-22). Сходные отсылки встречаются и в тексте Палеи: один из судов Соломона переписчик предлагает читателю прочитать до конца «в книзе, иде же от Палеи же писано», чтобы узнать, в чем заключалось испытание Соломоном «смысла женского», читатель также должен прочитать его «в книзе, в Страннике». ⁵⁷ Первая из названных здесь книг — это также, очевидно, КБ-22, где действительно приведены тексты из Палеи, и в том числе соответствующий рассказ; ⁵⁸ «книга Странник» — сборник КБ-9, содержащий «Странник» («Хожение») Даниила и «Слово о добрых женах и злых», в котором приводится рассказ об испытании Соломоном женской верности. ⁵⁹ Но в сборнике КБ-11 имеются ссылки не только на известные нам ефросиновские рукописи. В приписке к «Повести о Дракуле» Ефросин указывал еще, что эту повесть он «в лето 6994 февраля 13 [1486] прежде писал»; сходная приписка — «впервые писал в лето 6986 [1477] ок[тября]» ⁶⁰ — сделана и к «Сказанию о 12 пятницах». Ясно, что обе эти даты относятся не к данному сборнику, а к другому, более раннему (или более ранним); поскольку в известных нам остальных рукописях Ефросина этих памятников нет, приходится предполагать существование не дошедших до нас сборников. О каких-то ефросиновских сборниках, помимо известных нам пяти, свидетельствует и опубликованное Н. К. Никольским древнее описание сборника Кирилло-Белозерского монастыря. Там подробно расписаны по статьям три «сборника» Ефросина — ни один из них не совпадает с известными нам рукописями (со сборником КБ-6 может быть отождествлен только «потребник» Ефросина, не расписанный в описании); можно полагать поэтому, что и это были не дошедшие до нас рукописи нашего книгописца. ⁶¹

Сборники Ефросина позволяют определить не только время, но и место его деятельности. Ближе всего эти сборники связаны с Кирилло-Белозерским монастырем, где все они, кроме одного, и сохранились. В КБ-9 и в КБ-22 мы несколько раз читаем указания, что приведенные там тексты вписаны из «устава Кириллова». ⁶² В Увар. 894 по окончании текста Федора

⁵⁵ Ср. полуустертый счет тетрадей 1 и 2 на лл. 331 об., 341 об. На это обстоятельство уже обратил внимание Н. В. Рузский (Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хожение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в., стр. 19—20, прим. 2).

⁵⁶ КБ-11, лл. 19, 217.

⁵⁷ КБ-11, лл. 268 об., 271.

⁵⁸ КБ-22, л. 18 об.; такой же рассказ есть, однако, и в КБ-11, л. 230—230 об.

⁵⁹ КБ-9, лл. 118—119 об.; текст этот издан П. Симони (Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 8—9).

⁶⁰ КБ-11, лл. 217, 235.

⁶¹ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 8, 154, 157. — Заметим, кстати, что помимо Ефросина — составителя трех подробно расписанных «сборников», в «описи» упоминается еще Ефросин Ляпун — составитель двух «книг» (там же, стр. 10).

⁶² КБ-9, лл. 226, 411 об.; КБ-22, л. 329 об. — Варлаам (Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 2) видел в таких замечаниях указание на то, что сборник КБ-9 был писан, «кажется, не в Кирилловом мо-

Студита указывается, что он был написан в Кирилловом монастыре.⁶³ В КБ-6 упоминается рукопись «Семен Богослов горелой», переведенная «в лето 6934 [1425] кир Иаковом доброписцем... от греческого языка на русскы... убогому Евсевию, непотребному Ефрему русину».⁶⁴ Речь идет о рукописи Симеона Нового Богослова, которая упоминалась (с тем же эпитетом «горелая») уже в древнем описании сборников Кириллова монастыря.⁶⁵ Опять, таким образом, мы можем говорить о связи Ефросина с Кирилловым монастырем и его библиотекой. К северной, Ростовской земле ведет нас и помещенный в КБ-6 рассказ об установлении христианства в Ростовской земле.⁶⁶ В тех же местах был, очевидно, написан и сборник КБ-22, ибо «Странник», помещенный там, описывает путь до Царьграда и Иерусаима, заканчивается Белоозером и Угличем.⁶⁷ В 1471—1475 гг. Ефросин участвовал в сборнике, составленном игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Игнатием. С Кирилловым монастырем был связан и сподвижник Ефросина⁶⁸ — художник Ефрем, которому, как отметил сам Ефросин, принадлежало изображение Александра Македонского, а, вероятно, также изображение кентавра и вензель («экслибрис») Ефросина в сборнике КБ-11.⁶⁹ Запись «Ефремишки зуграфа (художника)» сохранилась на рукописной книге, переписанной им в Кирилловом монастыре по приказу игумена Венедикта (1486—1489).⁷⁰

Но наряду с Кирилловым монастырем Ефросим был связан и с другими монастырями. Его сборники обнаруживают не только знакомство с книгохранилищем Ферапонтова монастыря, находившегося недалеко от Кириллова монастыря,⁷¹ но и тесную связь с Троице-Сергиевым монастырем. Именно игуменов Троицкого монастыря перечислил, как мы уже знаем, Ефросин в сборнике КБ-22. В КБ-6 Ефросин отметил количество книг и молитвенников в Троицком монастыре.⁷² Связь с Кирилловым и одновременно с Троицким монастырем обнаруживает и рукопись Увар. 894: в послесловии

настыре»; однако Ефросин мог сослаться на Кириллов устав (как и на свои собственные другие сборники) и находясь в том же монастыре.

⁶³ ГИМ, Увар. 894, л. 515.

⁶⁴ КБ-6, л. 350 об.

⁶⁵ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 165, 194. — В собрании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря находится рукопись Симеона Нового Богослова (ГПБ, Кир.-Бел. 100/225), сохранявшая процитированную Ефросином запись о переводе ее в 1425 г. «кир Иаковом убогому Евсевию, непотребному Ефрему русину» (л. 335); но это, по-видимому, не рукопись начала XV в., а копия с нее.

⁶⁶ КБ-6, лл. 300—301; опубликовано М. Н. Сперанским (М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 34).

⁶⁷ КБ-22, л. 223 об.

⁶⁸ В рукописи КБ-6 имеется помета, сделанная полурусскою, полугреческою скорописью и, возможно, раскрывающая имя другого сотрудника Ефросина: «Грешный иеромонах Иона начерта» (л. 175 об., внизу листа).

⁶⁹ КБ-11, л. 19, 127 об.

⁷⁰ ГПБ, Кир.-Бел. 56/1295, л. 1 об. — С именем Ефрема было бы весьма соблазнительно связать и еще один памятник, вышедший из Кириллова монастыря, — описание «сборников» конца XV в., опубликованное Н. К. Никольским. Сборник этот (Кир.-Бел. 101/1178) имеет помету на обороте верхней доски переплета: «сборник Ефремовский». Н. К. Никольский полагал, что «Ефремовским» сборник мог быть назван по имени его последнего владельца, а более ранним его владельцем был Герман (Подольный), чье имя названо на л. 1 об. (Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. XII—XIV, примечания, XXXIX—XLIV). Однако возможно и обратное соотношение — Ефрему могло принадлежать описание рукописей, входящее в сборник (о чем по традиции знали кирилловские библиотекари, сделавшие надпись на доске переплета), а Герман ввел это описание в сборник и приписал летописные заметки.

⁷¹ КБ-6, л. 117.

⁷² КБ-6, л. 80.

к этой рукописи Ефросин выражал надежду на молитвы «преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца и преподобного отца нашего и господина старца Кирила».⁷³

О том, что деятельность Ефросина была связана не с одним только Кирилловым монастырем, может свидетельствовать и запись в одном из его сборников. Указав, что «впервые» он писал «Сказание о 12 пятницах» в 1477 г., Ефросин прибавил: «тое зимы и на игуменство поехал...». Конец этой фразы не сохранился (он срезан при переплете),⁷⁴ но, по-видимому, она относится к самому Ефросину. О нем, возможно, говорит и запись об «отшествии» из монастыря какого-то Ефросина (по-видимому, в 1470 г.), читающаяся в дополнительной части той рукописи, где находится изданное Н. К. Никольским древнее описание кирилло-белозерских сборников.⁷⁵

Таковы скудные биографические данные о Ефросине, находящиеся в нашем распоряжении. Подвизавшийся в 70—90-х годах в нескольких монастырях, этот монах не был рядовым иноком — он имел сан священника («поп Ефросим»), т. е. был иеромонахом (а впоследствии, возможно, и игуменом); как книгописец Ефросин тоже выступал не в качестве рядового переписчика, а в роли организатора литературных предприятий. Можно предполагать, что Ефросин был одним лицом со «старцем Ефросимом крылошанином»⁷⁶ и «попом Ефросином»,⁷⁷ выступавшим в 60—80-х годах от имени Кириллова монастыря в роли «послуха». Но глубоких корней в Кирилловом или каком-либо другом монастыре Ефросин не пустил; важной роли в церковно-административной жизни конца XV в. он не сыграл и именно поэтому, очевидно, остался почти незамеченным летописными и иными источниками того времени.⁷⁸

Главным занятием этого человека была не церковная, а литературная деятельность, получившая вполне определенное отражение в его сборниках.

⁷³ ГИМ, Увар. 894, л. 637 об.

⁷⁴ КБ-11, л. 235 (в тексте, конец на правом поле). — После слова «поехал» видны следы еще двух букв. Если речь идет не о Ефросине, а каком-то другом лице, чье имя сохранилось на срезанном тексте («поехал такой-то»), то речь, может быть, идет о Паисии Ярославове, как раз в 1477 г. поехавшем из Заволжья на игуменство в Троице-Сергиев монастырь.

⁷⁵ Запись эта, сделанная полукриптографическим способом (особой системой быстрого письма, при которой вместо ряда букв пишутся их фрагменты), гласит: «Круг солнцу 35 отшол Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луне 5 круг, лет в руке 4, месяца мая 10 по Николене дни» (ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, л. 257). Если точно вычислить дату по всем этим данным (круг солнца, «вруцелето», круг луны), то получается 7035 (1527) г., — в таком случае надпись вряд ли относилась бы к нашему Ефросину, переписывавшему рукописи в 1470 или даже в 1463 г. Однако дата эта вообще сомнительна, так как изданное Н. К. Никольским описание было составлено до конца XV в., а приписки к нему — все не позже 1510 г. (ср.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. XLIV—XLV); в этих приписках данные «вруцелет» как раз крайне неточны (там же, стр. XL—XLI). Можно думать поэтому, что автор заметки имел в виду 6978/79 г., к которому приблизительно (6978 г. — круг луны 5; 6979 г. — круг солнцу 35, «вруцелето» «а») подходят приведенные им календарные данные.

⁷⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ), т. II. М., 1958, № 173.

⁷⁷ Там же, № 226.

⁷⁸ Книгописец Ефросин, несомненно, не был идентичен Ефросину, известному церковному деятелю, основателю и игумену псковского Спасо-Елеазарова монастыря: книгописец Ефросин трудился в конце XV в. и не ранее 1491 г. переписывал одну из своих рукописей; игумен Ефросин родился, очевидно, еще в конце XIV в., в 1425—1438 гг. ходил в Царьград, основал монастырь в 1450 г.; умер в 1481 г. (ср.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 240—255).

II

Исследование содержания ефросиновских сборников в значительной степени облегчается одной особенностью этих сборников, уже отмеченной нами: пристрастием Ефросина к определенным, повторяющимся сюжетам и тематическим комплексам. Конечно, рукописи Ефросина были достаточно разнообразны по своему составу; немалое место в этих рукописях занимали памятники ритуального и канонического характера, но памятники эти явно не имели для Ефросина такого важного значения, как для большинства переписчиков того времени. Церковно-служебный материал преобладает только в двух наиболее ранних из известных нам рукописей, связанных с Ефросином — Кир.-Бел. 53/1130 и Увар. 894. Однако в Кир.-Бел. 53/1130 рукой Ефросина написана относительно небольшая часть сборника; рукопись Увар. 894 написана полностью Ефросином, но, судя по многочисленным записям Ефросина в этой рукописи, он выступал здесь не в роли редактора-составителя, а скорее в скромной роли писца, стремящегося поскорее закончить порученную ему работу. «Бог мя избавил . . . Силно есмь рад, коли кончал строку последнюю. Богу слава, осподарю здравие», — записал Ефросин в послесловии к рукописи.⁷⁹ Архимандрит Леонид, описывавший эту рукопись, высказал в связи с этим предположение: «Не за эпитемию ли написана эта огромная книга? Нетерпеливое многословие писца высказывает что-то подобное».⁸⁰

Среди памятников, помещенных в ефросиновских сборниках, важное место, как мы уже знаем, занимают памятники апокрифического характера. Роль апокрифики в истории древней русской литературы была довольно сложной. Не всякая апокрифическая книга была «отреченной», т. е. занесенной в кодекс запрещенных церковью книг;⁸¹ апокрифы могли иметь и богословский, и познавательный, и чисто литературный характер. Для понимания характера апокрифической литературы, использованной Ефросином, следует поэтому разобрать отдельные памятники этой литературы.

Важнейшим источником апокрифики в сборниках Ефросина была Толковая Палея. «Книга нарицаема Палея, богословия единство трисвятое» помещена Ефросином в сборнике КБ-11;⁸² отдельные отрывки из этой книги содержатся в других местах того же сборника,⁸³ в сборниках КБ-22,⁸⁴ КБ-9⁸⁵ и КБ-6.⁸⁶

Толковая Палея — памятник со сложной литературной историей. Он дошел до нас в нескольких редакциях. Первая редакция Палеи (созданная, по-видимому, на Руси в XIII в.) носит по преимуществу богословско-полемический характер; текст библейских книг Ветхого завета и некоторых апокрифов, доведенный до начала царствования Соломона, излагается здесь с целью доказательства «провозвещения» пришествия Христа еще в ветхозаветные времена; текст ветхозаветной истории постоянно прерывается

⁷⁹ ГИМ, Увар. 894, л. 638.

⁸⁰ Архим. Леонид. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 1, стр. 480.

⁸¹ Ср.: Н. С. Тихонравов. Рецензия на издание А. Н. Пыпина. — Сочинения, т. I, М., 1898, Примечания, стр. 15—17; В. М. Истрин. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, стр. 113.

⁸² КБ-11, лл. 267—326 об. — Начиная с л. 281 пагинация КБ-11, сделанная чернилами, неверна; ссылаемся всюду на карандашную пагинацию.

⁸³ КБ-11, лл. 227—227 об., 230—231, 238—242, 346—355, 382 об.—386, 492 об.—493 об.

⁸⁴ КБ-22, лл. 15 об—32, 513 об.

⁸⁵ КБ-9, лл. 194—200, 269 об—271.

⁸⁶ КБ-6, л. 179 (но у Ефросина ссылка: «яко же Евсевий Памфилов списа», отсутствующая в Палее).

полемическими обращениями к «жидовину». Во второй редакции Палеи историко-повествовательные части расширены, добавлен значительный апокрифический материал, в том числе легенды о Соломоне талмудического происхождения; библейский материал переходит в хронографический, и текст доведен до Владимира Киевского. Н. С. Тихонравов связывал появление этой редакции с ересью «жидовствующих»; В. Истрин считал, что вторая (как он назвал ее позднее — хронографическая) редакция была составлена в XV в. во Пскове, но вопрос о связи ее с ересью (или с противоречивой пропагандой) оставлял открытым. Наконец, существует еще третья, краткая, редакция Толковой Палеи (в которой нет, в частности, легенд о Соломоне)⁸⁷

Обратившись к Палее, переписанной Ефросином, мы убедимся в том, что перед нами иная редакция, чем все упомянутые выше.⁸⁸ Редакция эта включает легенды о Соломоне, помещенные здесь в начальной части Палеи; в основе ее лежит, очевидно, либо вторая редакция Толковой Палеи,⁸⁹ либо такой вид первой редакции, где были добавлены легенды о Соломоне.⁹⁰ Но в Палее, использованной Ефросином, не только больше повествовательного и апокрифического материала, чем в первой редакции, — здесь несравненно меньше, чем в обеих редакциях Палеи, церковно-полемического материала.

Эта особенность Палеи в сборнике Ефросина бросается в глаза уже с первых страниц повествования. Палея, помещенная Ефросином, начинается, как и другие редакции Толковой Палеи, с описания могущества бога, но описание это заканчивается словами: «сътвори бог, рече, небо и землю и прочая».⁹¹ В других же редакциях мы читаем: «сътвори бог, рече, небо и землю. Выпрошаю же аз тебе, о жидовине, почто Моиси и от ангел не нача писати...» и далее следует длинная полемика с «жидо-

⁸⁷ Первоначальная редакция Толковой Палеи опубликована в издании: Палея Толковая, по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892 (далее: Палея Коломенская); вторая редакция воспроизведена фототипическим способом (не до конца) в издании: Толковая Палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. 1. Изд. ОЛДП, СПб., 1892 (далее: Толковая Палея). Ср.: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, Дополнения, стр. 111—116; В. М. Истрин: 1) Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907 (оттиск из: ИОРЯС, т. V, 1905, кн. 4; т. XI, 1906, кн. 1—3); 2) Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.), стр. 213—283; В. П. Адрианова. К литературной истории Толковой Палеи. Киев, 1910.

⁸⁸ С Палеей, помещенной в КБ-11, был в какой-то степени знаком Н. С. Тихонравов, охарактеризовавший ее как «выписки из Толковой Палеи» (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, Примечания, стр. 40, прим. 6). Но Тихонравов, по-видимому, весьма невнимательно отнесся к этому списку; он не заметил, например, что заглавие Палеи здесь точно совпадает с ее заглавием в списке XVII в. (Синод. 548), которое Тихонравов считал принадлежащим патриарху Адриану (там же, прим. 5).

⁸⁹ Отличают от второй редакции (и сближают с первой редакцией) ефросиновскую Палею заключение рассказа о переходе Моисея через море (КБ-11, л. 305; Палея Коломенская, стлб. 499—500; во второй редакции этого места нет) и отсутствие «заветов 12 патриархов» (один из них, «завет Заулонь», помещен Ефросином в другом сборнике — КБ-9, лл. 269 об.—271). Но, учитывая сокращенный характер редакции, использованной Ефросином, это последнее обстоятельство нельзя считать веским аргументом против сближения ефросиновской Палеи со второй редакцией. С третьей редакцией Палеи Палея, помещенная Ефросином, несмотря на свою краткость, ничего общего не имеет (третья редакция Палеи не издана; пользуемся списком ГПБ, Погод. 1434).

⁹⁰ Такой вид первой редакции Толковой Палеи существует — он представлен, например, списком ГПБ, Кир.-Бел. 68/1145 (этот список в основной части идентичен с Коломенским списком 1406 г. и использован в издании в вариантах к этому списку; с л. 362 об в Кир.-Бел. 68/1145 помещены легенды о Соломоне).

⁹¹ КБ-11, л. 267 об.

вином».⁹² То же явление мы наблюдаем и далее: рассказ о сотворении мира в ефросиновской Палее читается, следующие за ним в других редакциях богословско-полемические рассуждения отсутствуют.⁹³ Еще характернее отличие в дальнейшем тексте (помещенном в ефросиновской Палее после легенд о Соломоне). Рассказ о птице «згуле» и рыбе «мюрومه» у Ефросина лишен какой бы то ни было морали: «згула... себе кормить, ленива сущи»; «мюррома» сходится с ядовитыми змеями — «того ради нечиста есть рыба та от всех рыб».⁹⁴ В других редакциях Палеи рассказы эти носят аллегорический характер — «згуля» или «жегъзуля» здесь сопоставляется с иудеями, а «мюррома» — с мусульманами.⁹⁵ Такие же аллегорические рассказы посвящены в Палее и другим животным — птице «алконосту», рыбе «многоножице» и птице «финиксу».⁹⁶ В КБ-11 этих рассказов нет, но в другом ефросиновском сборнике — КБ-22 они помещены (в тексте под заголовком «От Палеи»); однако краткая мораль приводится только в рассказе о «многоножице»; пространных рассуждений и полемики с иудеями и мусульманами, читающихся в рассказах об «алконосте» и «финиксе» других редакций, здесь нет.⁹⁷ Лишен всякой аллегоричности в ефросиновской Палее и рассказ о птице «харадре»; как и в других редакциях Палеи, рассказ этот приводится здесь в связи с заветом Иакова, но в других редакциях «харадр» знаменует будущее рождение Христа и духовную гибель иудеев; у Ефросина ничего этого нет.⁹⁸

Сходные особенности можно наблюдать на протяжении всего текста Палеи в ефросиновском сборнике: библейский, апокрифический и «физиологический» материал здесь постоянно приводится без пространных богословско-полемических выводов, характерных для других редакций.⁹⁹ Естественно встает вопрос о происхождении и о смысле этих особенностей Палеи у Ефросина. Едва ли можно сомневаться, что отсутствие большинства богословских толкований в ефросиновской Палее — явление вторичное, результат обработки первоначального текста, где такие толкования были.¹⁰⁰ О том, что перед нами именно обработка, свидетельствует

⁹² Палея Коломенская, стлб. 2—7; Толковая Палея, лл. 1—2 об.

⁹³ КБ-11, л. 267 об.; Палея Коломенская, стлб. 7—8; Толковая Палея, л. 2 об.; КБ-11, л. 268 об.; Палея Коломенская, стлб. 10 и сл.; Толковая Палея, л. 3 и сл.

⁹⁴ КБ-11, л. 277.

⁹⁵ Палея Коломенская, стлб. 83 и 84; Толковая Палея, л. 22—22 об.

⁹⁶ Палея Коломенская, стлб. 81—83, 85—87; Толковая Палея, лл. 21 об.—22, 22 об.—23. — Полностью сохранены аллегорические толкования в рассказах о животных и в третьей (краткой) редакции Палеи (Погод. 1434, лл. 28—30 об.).

⁹⁷ КБ-22, лл. 31 об.—32.

⁹⁸ КБ-11, лл. 295 об.—296; Палея Коломенская, стлб. 370—371; Толковая Палея, л. 139 об. — В третьей редакции Палеи (Погод. 1434) нет ни завета Иакова, ни рассказа о харадре, ни аллегорического толкования сго.

⁹⁹ Ср., например: рассказ о Ное — КБ-11, л. 282; Палея Коломенская, стлб. 201—206; Толковая Палея, л. 58—58 об.; об Аврааме — КБ-11, лл. 289 об.—290; Палея Коломенская, стлб. 246—290; Толковая Палея, лл. 70—85 об.; о потере Исавом первородства — КБ-11, л. 293 об.; Палея Коломенская, стлб. 297—302; Толковая Палея, лл. 97—99; о купине — КБ-11, л. 301; Палея Коломенская, стлб. 479—480; Толковая Палея, л. 196 об.

¹⁰⁰ Статьи о животных (алконосте, многоножице, мюрومه, финиксе, харадре) без богословско-полемических заключений читаются и в памятнике конца XV в., уже обратившем на себя внимание исследователей, — так называемой «Златой Матице» (ГПБ, Погод. 1024, лл. 193 об.—194 об.; опубликованы с цензурными пропусками в книге: Ф. Буслаев Историческая хрестоматия церковно-славянско и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 688—690). В. Истрин, считая невероятной обработку текста Толковой Палеи автором «Златой Матицы», пришел к выводу о первоначальности текста «Златой Матицы» (В. Истрин. Замечания о составе Толковой Палеи. СПб., 1898, стр. 99—100; отд. оттиск: ИОРЯС, т. II, 1897, т. III, 18'8, стр. 99—100); А. Карнеев, справедливо отметив, что «для мало-мальски искусившегося компилятора» такое

обычная в таких случаях непоследовательность текста. Аллегорические толкования опущены здесь, но не все и не полностью: рассказ об орле кончается у Ефросина, как и в других редакциях Палеи, аллегорией (орел — Иисус Христос);¹⁰¹ таким же аллегорическим толкованием сопровождается и рассказ о уране и голубе, посланных Ноем из ковчега,¹⁰² и другие рассказы. В чем же смысл такой обработки? Вопрос этот важен независимо от того, была ли эта обработка произведена самим Ефросином или он воспользовался уже сложившейся редакцией такого характера (для восстановления литературной истории Палеи Ефросина необходимо специальное исследование с привлечением всей совокупности списков). Не следует ли видеть в таком систематическом удалении богословской, и в частности противоиудейской, полемики проявление определенной идеологической тенденции? Для Н. С. Тихонравова, как мы знаем, было достаточно одного факта включения талмудических легенд во вторую редакцию Палеи, чтобы связать эти редакцию с ересью «жидовствующих». В ефросиновскую редакцию Палеи не только полностью включены, да еще в ее начальную часть, те же самые талмудические легенды о Соломоне, — там исключены одновременно почти все обличения «жидовина», которые составляют, в сущности, сюжетную и идеологическую основу этого памятника. Если учесть, что редакция читается в сборниках того же самого Ефросина, где дважды помещены «псалмы Феодора», казавшиеся исследователям несомненным произведением «жидовствующих», то предположение о еретичестве Ефросина покажется чрезвычайно заманчивым.

Едва ли, однако, это предположение будет правильным. Связь еретического движения конца XV в. с «псалмами Феодора», как и вообще с переводной еврейской литературой того времени (за исключением «Шестокрыла» и, возможно, «Логики» Маймонида), весьма сомнительна; нам представляется, что «Псалтырь» Феодора, как и сообщается в предисловии к этому памятнику, помещенном в одном из ефросиновских сборников,¹⁰³ действительно была переведена Феодором «здоровьем государя своего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением и приказанием святого Филипа митрополита всея Руси».¹⁰⁴

Побуждения Ефросина, поместившего этот памятник в двух своих сборниках, были так же просты, как и побуждения великого князя и митрополита, приказавшего его перевести: их интересовало сочинение, столь схожее по форме с привычной им Псалтырью, но вместе с тем новое и прежде неизвестное. Никаких черт «жидовства» не обнаруживаем мы и в других текстах ефросиновских сборников. В составе Палеи здесь сохранились, хотя и в значительно сокращенном виде, обличения «жидовина».¹⁰⁵ Противоиудейские сочинения («Стязание ... о вере христианстей

сокращения «ничего мудреного» не составляло, признал первоначальным рассказ Толковой Палеи (А. Карнеев. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы. — ЖМНП, 1900, февраль, стр. 337—346). Тексты о животных у Ефросина отличаются от рассказов «Матицы» (ср. окончания рассказов о «згуде» и о «мюроме»: КБ-11, л. 277; Погод. 1024, л. 194); они генетически не связаны между собой, и оба восходят к Толковой Палее (у Ефросина они и композиционно являются частью Палеи).

¹⁰¹ КБ-11, л. 296 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 371—373; Толковая Палея, лл. 139—141.

¹⁰² КБ-11, лл. 284 об.—286 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 209—215; Толковая Палея, л. 60—61 об.

¹⁰³ КБ-6, л. 276 об.; М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 72.

¹⁰⁴ Ср.: Н. А. Казакья и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 84—86

¹⁰⁵ Ср., например: КБ-11, лл. 285—285 об., 293—293 об., 301 об., 305

законом еврейском»¹⁰⁶ и «Сказание о 12 пятницах»¹⁰⁷), как, впрочем, и прстиволатинские¹⁰⁸ и противомусульманские,¹⁰⁹ читаются у Ефросина и вне Палеи. Редакция Палеи, выбранная или обработанная Ефросином, свидетельствует не о том, что для него была идеологически неприемлема богословская полемика, читавшаяся в остальных редакциях, а о том, что повествовательно-фактический материал Палеи представлял для него наибольший интерес. Реальная «згула» (кукушка) интересовала Ефросина больше, чем богословские аллегории.

Интерес к описанию природы и животного мира — вот та характерная для всех ефросиновских сборников черта, которая лучше всего объясняет своеобразные черты помещенной в этих сборниках Палеи. Интерес этот был свойственен, конечно, многим читателям Палеи и других энциклопедических памятников русского средневековья, но у Ефросина он выражен, пожалуй, сильнее, чем у всех известных нам переписчиков древней Руси. «Естественно-научные» интересы Ефросина объясняют помещение в его сборниках целой, весьма многочисленной серии памятников (переписанных иногда по несколько раз) космографического, «физиологического» и географического характера. Ефросина интересовали не только рассказы о животных. В ефросиновской Палее выделены особыми заголовками и дополнены сведениями из иных источников, отсутствующими в других редакциях Палеи, рассказы о величине тела Адама,¹¹⁰ «о скотьи души»,¹¹¹ «о теле»¹¹² и т. д. Особое внимание Ефросина привлекла статья «От Палеи о величестве солнца и луны и земля», содержащая важнейшие астрономические данные (лунный и солнечный круг, планеты). Статья эта, помещенная им вне текста «Книги нарицаемой Палея», была повторена несколько раз в разных сборниках.¹¹³ В разных местах сборников Ефросина получила отражение и другая астрономическая статья Палеи — «О времени, и о солнце, и о человецех, и о луне, и о звездах».¹¹⁴

¹⁰⁶ КБ-11, л. 357 и сл. — Этот памятник читается и в других древнерусских сборниках (ГПБ, Соф. 1464, л. 305); ср.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, стр. 270.

¹⁰⁷ КБ-11, л. 234 об.

¹⁰⁸ КБ-22, лл. 182 об.—185 об. (ср.: А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против унии. М., 1875, стр. 137—145), 185 об.—191 об. (ср.: там же, стр. 289—296; текст не совпадает); КБ-11, лл. 369 об.—372 (ср.: там же, стр. 120—121), 372—376 (ср.: там же, стр. 151—152). — Любопытно, что у Ефросина читаются противолатинские сочинения, известные на Руси с древнейших времен, но нет современных ему сочинений XV в. против Флорентийской унии. Видимо, интерес к этому, как и к другим церковно-полемическим сюжетам, был у нашего книгописца не очень острым.

¹⁰⁹ КБ-11, лл. 368 об.—369 об.: «Се служба изманьтска, рекше срацинска — ...сиде рече льстець Маамедь; конецъ прельсти его, злодея» (весь текст зачеркнут, а начало первой строки вытерто).

¹¹⁰ КБ-11, л. 277 об.; Палея Коломенская, стлб. 114; Толковая Палея, л. 32 об. — Содержащееся у Ефросина дополнение к Палее взято из рассказа «Святого Епифания об Адам», читающегося в «Еллинском летописце» (ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 6). Этот же рассказ использован у Ефросина и ниже: КБ-11, л. 453 об.

¹¹¹ КБ-11, лл. 277 об.—278; Палея Коломенская, стлб. 115—116; Толковая Палея, л. 33

¹¹² КБ-11, лл. 279 об.—280; Палея Коломенская, стлб. 183; Толковая Палея, л. 52 — Далее у Ефросина опять ссылка на другой источник: «И инде пишет, яко Адам от 8 части сътворен бысть...».

¹¹³ КБ-11, лл. 277 об.—228, 492 об.—493; КБ-22, л. 513 об. (текст обрывается с окончанием листа); Палея Коломенская, стлб. 63—64; Толковая Палея, л. 15—15 об. — Этот же текст есть и в «Златой Матице» (Погод. 1024, л. 191 об.).

¹¹⁴ КБ-22, лл. 38—39 об.; Палея Коломенская, стлб. 8—10, 31—45; Толковая Палея, лл. 2 об.—3, 8 об.—12 об. — Текст «Молвят бо нецни баснословци, яко под землею течет солнце...», пропущенный в КБ-22, читается в КБ-11, л. 493 об.

Активный интерес Ефросина к вопросам естествознания выразился не только в том, что он сохранил и неоднократно воспроизвел космографические и «физиологические» статьи Палея. Ефросину были известны источники этих статей Палея — «Шестоднев» и «Физиолог», памятники, весьма популярные в древнерусской рукописной традиции.¹¹⁵ Наряду со статьями «Шестоднева» и «Физиолога», заимствованными из Палея, мы читаем в ефросиновских сборниках статьи: «От Шестодневника выбираю строки»,¹¹⁶ «От Шестоднеца (!) избрано о животех»,¹¹⁷ заметку о «ноговиче» (грифе) и драгоценных камнях из «Шестоднеца» Георгия Писиды,¹¹⁸ а также статьи о неасыти (пеликане) и дятле из «Физиолога».¹¹⁹

В сборниках Ефросина получили отражение наиболее популярные «научные энциклопедии» древней Руси. Но материал этих энциклопедий раннего средневековья, очевидно, уже не удовлетворял книжника конца XV в. В его сборниках мы находим и такие естественно-научные статьи, которых не было ни в Палее, ни в одном из «Шестодневов», ни в «Физиологе». Это воспроизведенные несколько раз в сборниках статьи «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О расстоянии между небом и землей»,¹²⁰ «О часах седми тысяч».¹²¹ Статьи эти едва ли появились в русской письменности ранее XV в.¹²² Характеризуя этот тип «естественно-научной письменности» XV в., Т. Райнов отмечает, что «статьи о широте земли, о земном устройении и пр. отличаются совершенно трезвым натуралистическим характером. В них нет никаких богословско-символических, мистических элементов. Совершенно деловым образом они сообщают ряд фактических сведений цифрового содержания о величине некоторых астрономических объектов и расстояний».¹²³

¹¹⁵ В древнерусской письменности существовало несколько памятников с именем «Шестоднев» (описание шести дней творения); наиболее был распространен и оказал непосредственное влияние на Палея «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского (изд. А. Н. Поповым в ЧОИДР, 1879, № 3). «Физиолог» — см.: А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Изд. ОЛДП, вып. ХСП. СПб., 1890. О влиянии обоих памятников на Палея ср.: А. Карнеев. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палея и Златой Матицы, стр. 346—357; Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 74—76.

¹¹⁶ КБ-9, лл. 200—215.

¹¹⁷ КБ-11, лл. 495 об.—499. — Текст этого памятника издан в работе: Н. Н. Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — «Древности». Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, стр. 47—55 (в КБ-11 текст короче, имеет лакуну внутри и кончается описанием ехидны). Ср.: Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 179.

¹¹⁸ КБ-11, л. 499 об.; ср.: Шестоднев Георгия Писиды в славяно-русском переводе 1385 г., изд. И. Шляпкиным. — ПДП, XXXII. СПб., 1882, стр. 28, 44.

¹¹⁹ КБ-22, л. 441; ср.: А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога, стр. 185—192, 385.

¹²⁰ КБ-22, лл. 208 об.—209, 481 об. (краткое изложение); КБ-11, л. 228—228 об. — Весь текст имеет единый заголовок «О широте и долготе земли» и рассматривается, очевидно, как единая статья.

¹²¹ КБ-22, л. 375 об.; КБ-11, лл. 232 об.—233.

¹²² Статьи «О широте и долготе земли» и другие опубликованы Ф. Буслаевым по сборнику Рум. 358 (ныне ГБЛ) конца XV—начала XVI в. (Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия..., стлб. 695—697; она читается также в сборнике ГИМ, Сии. 951 (XV—XVI вв.). Статьи эти читаются также в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 222—235), написанном, по мнению Варлаама, самим Кириллом Белозерским [Варлаам. Обзорение рукописей собственной библиотеки Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, кн. II, отд. III, стр. 30; ср. об этих сборниках: Н. Н. Розов. Рукописи из Кирилловского краеведческого музея. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 286—287]. Статьи «О широте и долготе земли» и другие читались и в сборнике «Правила в четь Игнатъявы», описанном неизвестным кирилло-белозерским библиографом конца XV в (Кир.-Бел., 101/1178, лл. 261 об.—262) в той части его сборника, которая не воспроизведена Н. К. Никольским.

¹²³ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 228.

Рядом со статьями «О широте и долготе земли» и другими следует упомянуть две другие статьи, также помещенные в сборниках Ефросина, — «Галиново на Ипократа» и «Александрово».¹²⁴ Перед нами — чрезвычайно редкие в древнерусской письменности фрагменты античной научной литературы. Путь их проникновения в русскую письменность неясен; в «Пчеле», сохранившей большинство дошедших до Руси античных текстов, обеих этих статей нет. Знаменитая теория Гиппократа о четырех стихиях получила отражение в Палее (рассказ о сотворении Адама) и через нее была известна Ефросину;¹²⁵ в статье «Галиново на Ипократа» Ефросин нашел гораздо более точное изложение этой теории, основанное на сочинении греческого ученого II в. н. э. Галена.¹²⁶ Как отметил Т. Райнов, биологические и терапевтические сведения этой статьи были лишены богословско-мистических добавлений и имели «совершенно натуралистический характер».¹²⁷ Такой же характер носил и другой фрагмент античного естествознания, воспроизведенный Ефросином и до сих пор неизвестный в научной литературе, — рассуждение «Александрово» (имеется в виду, очевидно, Александр из Афродиссии, греческий ученый начала III в. н. э. и комментатор Аристотеля) о постепенном развитии человеческого зародыша.¹²⁸

Тексты Галена—Гиппократа и Александра уводили Ефросина от отвлеченно-богословской «натурфилософии» к изучению живой природы и к медицине. Интерес нашего книгописца к подобным земным вопросам получил свое выражение во множестве мелких статей, записей и заметок,¹²⁹ которые подбирались Ефросином из разных источников и помещались им в разных сборниках. В его сборниках мы находим не только редкие и у других книжников того времени записи о затмении солнца,¹³⁰ но и специальные толкования метеорологических терминов¹³¹ и ряд статей чисто практического характера. Это апокрифическое «Пророка Ездры творение», или «колядник», — пособие для предсказаний по-

¹²⁴ КБ-22, лл. 209 об.—211, 211 об.—213.

¹²⁵ КБ-11, лл. 279 об.—280 («тело же убо человеце от четырех състав, рече, создано...»); ср.: КБ-22, л. 517 об.

¹²⁶ Статья «Галиново на Ипократа» читается также в сборниках ГИМ, Синод. 951 (А. Горский и К. Невосгруев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, вып. 3, М., 1862, № 316), л. 260; ГБЛ, Троицк. 177, л. 253; Троицк. 762, л. 270 об.; ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 215—219 об. Читалась она и в сборнике «Правила Игнатъевы» (ср.: Кир.-Бел. 101/1178, л. 261 об.). По рукописи Троицк. 177 текст издан в книгах: Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, стр. 405—410; Л. Ф. Змеев. Русские учебники. — ПДП, СХII, СПб., 1896, стр. 242—245 (здесь текст полнее, чем в КБ-22, где пропущено все рассуждение о различных влияниях «стихий» в связи с возрастом).

¹²⁷ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 265.

¹²⁸ Текст Александра читается, кроме КБ-22, также в сборнике ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 219 об.—224. Первая половина рассуждения, помещенного у Ефросина (КБ-22, лл. 211 об.—212 об.), совпадает с греческим трактатом «О рождении и семени человека» (*Physici et medici graeci minores*. Ed. J. L. Ideler, vol. I. Berlin, 1841, стр. 294—296, §§ 9, 11—19, 22), не имеющим имени автора. Вопрос о происхождении всего текста, переписанного Ефросином, и о его авторстве требует специального исследования: перед нами может быть и компиляция, ложно приписанная Александру, и подлинное сочинение Александра из Афродиссии, полностью не сохранившееся в греческой традиции. У Александра из Афродиссии имеются высказывания об одушевленности семени (*Supplementa Aristotelis*, II. Berlin, 1887, § 32, 1).

¹²⁹ Интерес Ефросина к живой природе получил своеобразное отражение даже в рукописи «Синаксаря» — ГИМ, Увар. 894. Нарисовав инициал к одному из переписанных им памятников (букву «Б») в виде птицы, Ефросин сделал на поле пояснение: «пава» (л. 543 об.).

¹³⁰ КБ-22, л. 320 об.

¹³¹ КБ-11, лл. 490 об.—492 об. — Здесь толкуются термины «погония», «комит» (со ссылкой на Дамаскина) и др.

годы,¹³² особые «знамения грому»,¹³³ статья «о часах добрых и злых»¹³⁴ и др. Стремление осмыслить природу и воздействовать на нее, выраженное в этих статьях, часто было примитивно и по-средневековому наивно — тут мы читаем молитвы-заговоры «егда гром гремит», «егда прется вода»;¹³⁵ но даже такое выражение активности в этом вопросе рассматривалось церковью как греховное: недаром почти все молитвы такого рода считались «живыми» и заносились в индексы запрещенных книг. Интерес Ефросина к медицине получил выражение в целом ряде практических советов на случай различных болезней¹³⁶ и в ряде «отреченных» молитв-заговоров: «коли жена детятем болит», «аще кто костью подавитьсяя», от зубной боли и «от всех уд» и т. д.¹³⁷

Из «научных энциклопедий» русского средневековья, богословской и «отреченной» литературы Ефросин извлекал не только всевозможные сведения по естественным наукам. Его внимание, правда в меньшей степени, привлекали и те науки, которые мы бы назвали гуманитарными. Большой исторический, в основном, конечно, библейско-исторический, материал содержала уже Толковая Палея. При создании Палеи были использованы греческие хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола; использованы были и библейско-исторические сведения, содержащиеся в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. Возникшая на русской почве, Палея включала и некоторые сведения о русских землях и населяющих их племенах.¹³⁸

Интересовавшие его исторические сведения Ефросин мог черпать из Палеи. Из второй редакции Палеи был, по-видимому, заимствован им очерк истории Римской империи от Ромула и Рема до Константина Великого (восходящий к хронике Иоанна Малалы).¹³⁹ Но характерные для этого книгописца приемы сказались и в данном случае: если естественно-научные сведения Палеи Ефросин дополнял «Шестодневом» и «Физиологом», то для исторических сведений он обращается к соответствующим источникам Палеи и к параллельным памятникам. У Ефросина читается текст «От Книги царства Георгия мниха грешна», воспроизводящий начало Хроники Амартола;¹⁴⁰ приведены у него и два других отрывка из Амартола.¹⁴¹ Читаются здесь и хронологические выкладки, заимствован-

¹³² КБ-22, л. 109—109 об.

¹³³ КБ-9, лл 193 об—194

¹³⁴ КБ-22, лл 516 об—517; ср: Памятники отреченной русской литературы, изд. Н Тихонравовым, т II, стр 377, 382

¹³⁵ КБ-9, л 90 об; КБ-6, л 83.

¹³⁶ КБ-22, лл 226 об—227 («болячка на срамных удех»), 360 (на нижнем поле, не окончено); КБ-11, л 195 об (наряду со средствами против болезней здесь приводится также рецепт окраски волос)

¹³⁷ КБ-6, лл 86 об, 112 об, 114—114 об; КБ-22, л. 312 (на правом поле); ср Памятники отреченной русской литературы, изд Н Тихонравовым, т. II, стр 355—357

¹³⁸ Ср например Палея Коломенская, столб 240, 243

¹³⁹ КБ-11, лл 346—353; ср Толковая Палея ГПБ, Погод 1435, лл 410 об—423 (ср: В Истрин Редакции Толковой Палеи, стр. 38—39) — Рассказ КБ-11 во многом расходится с рассказом Толковой Палеи; здесь, например, говорится, что император Гай (Калигула) «иступив человеческого смысла» (л 349), чего нет в Палее [это известие читается в Хронике Георгия Амартола — см В. М Истрин Книги временных и образных Георгия мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (далее Хроника Георгия Амартола), т 1 Пгр, 1920, стр 224]

¹⁴⁰ КБ-11, лл 326 об.—346. — Только в начальной части (лл 326 об—329, до рассказа о Кроне) рассказ этот буквально совпадает с известным нам русским переводом Хроники Амартола (Хроника Георгия Амартола, т 1, стр 31—34), далее (л. 336 об) следуют рассказ о Навухудоносоре, перечисление персидских царей (ср Хроника Георгия Амартола, стр 42) и рассказ об Александре Македонском

¹⁴¹ КБ-11, лл. 380—382; Хроника Георгия Амартола, т 1, стр. 61—64; КБ-22, л. 428 об; Хроника Георгия Амартола, т. 1, стр. 205.

ные «От Козмы Индикоплова от история».¹⁴² Использовал Ефросин и хроннику Иоанна Малалы, хотя, по всей видимости, не непосредственно, а по ее обширным извлечениям, помещенным в так называемом «Еллинском и Римском летописце». Уже в тексте Палеи, говоря о величине тела Адама, Ефросин добавлял: «Еллинскы же гронограф пишет: създан, рекше, и сътворен бысть от бога землю Адам...». Тот же текст, с такой же ссылкой на «Еллинский гронограф» (хроннику Малалы), читается и в «Еллинском летописце».¹⁴³ Другой, довольно обширный текст из «Еллинского летописца» (восходящего и здесь в основном к Малале), с упоминанием «мудрого Омира» (Гомера), «нарочитого астронома перского» Зороастра и других «философов», помещен Ефросином отдельно.¹⁴⁴

У Ефросина представлен еще один важный переводный историографический памятник — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. В одном из ефросиновских сборников мы читаем большую подборку отрывков «От пленения Иерусалимского», охватывающую важнейшие для древнерусского читателя тексты из этого памятника: описание иерусалимского храма, осады и падения города, а также рассказ об Иоанне Крестителе и Христе (христианские интерполяции «Иудейской войны»).145

Важное место занимают в сборниках Ефросина и памятники летописного характера. Мы уже отмечали наличие в сборниках КБ-9 и КБ-22 кратких летописцев, охватывающих события русской истории (татарские нашествия), и в сборнике КБ-6 исторического рассказа об установлении христианства в Ростовской земле.

Помещены в сборниках Ефросина и летописцы более широкого типа, включающие события библейской и всемирной истории.¹⁴⁶ В своей начальной части эти летописцы близки к «Летописцу вскоре патриарха Никифора», памятнику византийской хронографии IX в., рано проникшему на Русь и оказавшему влияние на «Повесть временных лет»; в одном из них читается даже прямая ссылка на «Никифора патриарха Цариграда летописец».¹⁴⁷ Однако летописцы, помещенные у Ефросина, сходятся с летописцем Никифора не буквально; во многом они отличны от него. Летописец Никифора дополнен здесь пространным перечислением славянских племен, заимствованным из Толковой Палеи.¹⁴⁸

Наш перечень исторических памятников, использованных Ефросином, был бы неполным, если бы мы не назвали еще одного исторического ав-

¹⁴² КБ-11, лл. 221 об. (текст обрывается), 223 об., 227—227 об.

¹⁴³ КБ-11, л. 277 об.; ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 6.

¹⁴⁴ КБ-11, лл. 453 об—461. — У А. Н. Попова дальнейший текст «Еллинского летописца» приводится не полностью (ср.: Еллинский летописец по рукописи ГПБ, Погод. 1437, лл. 1 об—2 об., 9 об., 11—16 об.). Следует отметить, что статьи, близкие по содержанию к «Еллинскому летописцу» (и к его источнику—Малале), читаются и в дополнительной части Толковой Палеи второй редакции (см. Толковую Палею ГПБ, Погод. 1435, лл. 448—450 об.; ср. об этом: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 10—11, 17—19). Однако в дополнительной части Палеи нет начального текста о величине тела Адама, читающегося и в «Еллинском летописце», и у Ефросина (на л. 277 об. даже с такой же ссылкой на «Еллинский гронограф»).

¹⁴⁵ КБ-22, лл. 412—415 об. (ср.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 370—372, 383); лл. 416—422 об (ср.: там же, стр. 391—392, 395, 394, 418, 420—422, 430—431, 433); лл. 423—424 об. (ср.: там же, стр. 259—260, 264—265); лл. 425—428 об. (ср.: там же, стр. 250—259). «История Иудейской войны» (также неполная) читается и в сборнике игумена Игнатия (ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, лл. 429—496 об.), в создании которого принимал участие Ефросин («История Иудейской войны» написана там не его рукой).

¹⁴⁶ КБ-22, лл. 4 об.—14 (на лл. 14 об.—15 — краткий русский летописец, доведенный до Василия Темного), 308—309.

¹⁴⁷ КБ-22, л. 5.

¹⁴⁸ КБ-22, л. 6; Палея Коломенская, стлб. 243.

тора, достаточно редкого и необычного для древней Руси, — Плутарха. Рассказ Плутарха, включенный Ефросином в свой сборник, посвящен греко-персидской войне и именно ее важнейшему событию — победе афинян при «Мафоне» (Марафоне). Источником Ефросина в этом случае была «Пчела»,¹⁴⁹ однако весьма характерно, что из этого памятника, обильного моральными изречениями древних мудрецов, наш писец выбрал не какую-нибудь благочестивую сентенцию, а исторический рассказ о победе «бесмертных супостатов» над «перским царем», едва ли не ассоциировавшийся у переписчика «Задонщины» с воспоминанием о победе над «царем» татарским.

«Гуманитарные» интересы Ефросина весьма ярко характеризуются краткими отрывками и отдельными записями на полях в его сборниках. Как и записи на «естественно-научные» темы, эти отрывки и заметки наиболее индивидуальны — подбор их всецело зависел от переписчика — и лучше всего говорят о его интересах. Эти интересы сказались уже при выборе небольших отрывков из тех авторов, о которых мы говорили. Можно было бы, конечно, считать случайностью (обусловленной, например, каким-то дефектом источника) то обстоятельство, что Ефросин, переписывая «Еллинский летописец» (Малалу) и сообщив, что «Каин поя сестру другую Азару себе жене», опустил затем весь следующий далее библейский рассказ и перешел прямо к языческой мифологии: «Нин же сын Кронов другы, иже поя свою мать Семирамь жене себе».¹⁵⁰ Но, обратившись к другим текстам Ефросина, мы увидим, что интерес к языческой мифологии, как-то ассоциирующейся с мифологией библейской, проходит через все его сборники. Из Амартола Ефросин извлек именно рассказ о языческих богах (помещенный вслед за рассказом «о бозех жидовских»)¹⁵¹ В своем «потребнике» КБ-6 Ефросин поместил покаяние византийского мученика Киприана (III в.), состоящее почти сплошь из воспоминаний о том, как автор был «от младых ногот вдан Аполону на учение» и как он служил «Мифре» (Митре), Палладе, Артемиде и другим языческим богам.¹⁵² Поместив несколько рассказов об античных богах и героях, родившихся от «любодеяния», Ефросин наряду с этим написал (а затем почему-то зачеркнул) целый перечень библейских героев, «рожденных не от людей».¹⁵³ И даже в наиболее церковном из своих сборников, в «Синаксаре», на поле противоречивого «Многосложного свитка» Ефросин записал: «Боги их идоли Крон и Дионис, Нира и Афродити...».¹⁵⁴

Ефросина интересовала не только античная мифология. Древние и отдаленные народы, их «неудобьпознаваемые» речи, их соотношение во времени с христианскими народами — весь этот материал Ефросин тщательно отмечает в тексте и на полях. Он чрезвычайно любит хронологические таблицы и хронологические отсчеты — будь то таблица царей, патриархов, соборов и еретиков, хронология от потопа до VII собора, хронология библейских пророков или христианских мучеников¹⁵⁵ и т. д. Такие записи, как «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии

¹⁴⁹ КБ-22, л. 324; текст так и озаглавлен: «От Пчелы. Плутарх». См.: В. Семенов. Древнерусская пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (оттиск из: СОРЯС, т. LIV, 1893, № 4), стр. 45—47.

¹⁵⁰ КБ-11, л. 454.

¹⁵¹ КБ-11, лл. 379 об., 380—382.

¹⁵² КБ-6, лл. 155 об.—162. — Покаяние это читалось и в сборнике игумена Игнатия (Кир-Бел. 53/1130, лл. 341 об.—356 об.; рука не Ефросина).

¹⁵³ КБ-11, л. 226 об.

¹⁵⁴ ГИМ, Увар. 894, л. 351.

¹⁵⁵ КБ-22, лл. 113, 227—227 об., 286/2 об.—287/2, 370 об.

лет 30-ю»,¹⁵⁶ постоянно читаются в тексте и на полях его сборников, в том числе и на полях церковно-служебного «Синаксаря».¹⁵⁷ Так же тщательно отмечается значение всевозможных необычных мер, денежных единиц и т. д.¹⁵⁸ Привлекали Ефросина и языки других народов. В ефросиновских сборниках мы читаем не только «толкование» «неудобьпознаваемым речам», встречающимся в книгах, написанных по «словенским и на сербским и другая болгарским и греческим»,¹⁵⁹ но и названия чисел по-татарски¹⁶⁰ и особую таблицу: «о месяцах кожде противу языку своему» (названия месяцев по-«римски», «египетски», «еврейски» и «еллиньски»).¹⁶¹ На поле одного из сборников Ефросин записал: «бамбак рекше бумага по грецки».¹⁶² Обобщая этот «филологический» материал, Ефросин не преминул сообщить, что на свете «язык человеческихъ 72, четвероногих же род 54, а рыбыя род 102, а змиина рода 103».¹⁶³

Ефросина, естественно, интересовала и география. Он, как мы уже знаем, дважды поместил в своих сборниках «Странник», или «Хожение», игумена Даниила в Палестину, причем в обоих сборниках сократил этот памятник, а в одном случае полностью выпустил все библейские сюжеты и описания чудес (даже чудес у гроба господня), оставив только описание маршрута и расстояний.¹⁶⁴ Помимо «Странника» Ефросин переписал также текст из какого-то иного «Странника», отметив в нем путь к Иерусалиму и из Иерусалима в Северную Русь (Белоозеро, Углич).¹⁶⁵ Географические сведения постарался извлечь Ефросин и из Иосифа Флавия, поместив в двух своих сборниках описание Генисаретского озера и Иордана, заимствованное из «Иудейской войны».¹⁶⁶ Географические сюжеты получили отражение и в записях Ефросина на полях. К упомянутому уже тексту «Странника», описывающему маршрут из Иерусалима в Русь, на поле сделана приписка, исправляющая указанные в тексте расстояния от Москвы и Белгорода до Киева; в другой приписке сообщается путь до «Святой горы» (Афон), в третьей даются любопытные сведения о «веси лопляни» (области северной Карелии, населенной карелами и лопарями — саами).¹⁶⁷

Разнообразные и многочисленные материалы, отразившиеся в четырех небольших сборниках Ефросина, свидетельствуют о его эрудиции в еще одной области человеческих знаний — библиографии. Использование Еф-

¹⁵⁶ КБ-22, л. 481, ср. лл. 164 об., 166, 307 об., 362, 402, 448; КБ-6, л. 187.

¹⁵⁷ ГИМ, Увар. 894, л. 12 об.

¹⁵⁸ КБ-22, лл. 208 об. (стоимость драхмы), 271 об. (о денежных единицах), 285 об. («100 мь златником наполни кораб пшеницы. . .» — может быть, арифметическое упражнение); КБ-11, лл. 195 (римские военные единицы), 227—227 об.; КБ-9, л. 9 (стоимость драхмы). — Специальный интерес Ефросина к различным денежным единицам выразился и в том, что на поле листа с рассказом из Палестины о продаже Иосифа он сделал приписку: «А цена его писана в тетради 44, впреди» (КБ-9, л. 271) — и действительно поместил в соответствующем месте (КБ-9, л. 474) рассказ о продаже Иосифа (близкий к Палае) с указанием его цены в златниках и динариях.

¹⁵⁹ КБ-22, лл. 263—264.

¹⁶⁰ КБ-22, л. 168.

¹⁶¹ КБ-22, л. 112 об.

¹⁶² КБ-9, л. 83.

¹⁶³ КБ-22, л. 168.

¹⁶⁴ КБ-9, лл. 129 об.—191; КБ-11, лл. 218—221 об.; текст этот соответствует тексту в книге А. С. Норова «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.», стр. 104—154, но с большими пропусками.

¹⁶⁵ КБ-22, лл. 222 об.—223 об.

¹⁶⁶ КБ-11, л. 387—387 об.; КБ-9, лл. 260—261 об.; ср.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, стр. 316—317.

¹⁶⁷ КБ-22, лл. 223 об., 244 об., 370 об. [«в веси лопляни нарицаема Ротели (?»]; далее текст срезан при переплете: «. . . дотиа православнии в пределех аварских и асийских»].

росином обширных и очень сложных по составу памятников, его умение сопоставлять эти памятники и дополнять одни памятники другими — все это говорит о том, что Ефросин был не только редактором-книгописцем, но и большим знатоком современной ему книжности. Мы уже знаем, что в своих записях Ефросин отмечал количество книг в Троицком монастыре, упоминал наличие редкой переводной книги в Кирилловом монастыре и ссылался на использованные им монастырские книги. Постоянно упоминая в своих сборниках древнейшего писца и собирателя книг — царя Соломона, Ефросин сопоставлял его с библиофилами более позднего времени — с «Исидором книголюбом» и даже «Оригеоном еретиком»; в другом месте он замечал на поле: «некто Дмитрией книгохранитель, яко суть книг собрано пол шести тмы и еще посла в Иерусалим о книгах».¹⁶⁸ Естественно, что Ефросин вспомнил и древнейшего переводчика греческих книг «на словенскы язык» Кирилла.¹⁶⁹

Но источником разнообразных познаний Ефросина были не одни только книжные богатства монастырских книгохранилищ. Переходя из одного монастыря в другой, любознательный книгописец не чуждался и тех познаний и известий, которые он мог почерпнуть вне монастырских стен; на полях своих сборников он отмечал даже такие новости, как, например: «на Москве некто тать именем Куладар до 300 церквей покрал».¹⁷⁰ Ефросин следил, конечно, и за книжными новинками, появившимися в «миру». Такой новинкой была, очевидно, «Псалтырь» Федора, переведенная в эти годы, такими же новинками были «Свиток Иерусалимский» («Епистолия о неделе») и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники, о которых мы будем говорить ниже. Здесь мы остановимся только на одном из таких памятников, весьма интересном. Это послание Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу Темному «из Заримья из латыны», где рассказывается, как некий «князь Микалай» «латинскаго языка и веры» в конце 1456 г., незадолго до своей смерти, «порочествовал на свою веру на латиньскую» и как через три дня после его смерти в «Римской стране» и соседних землях произошло страшное землетрясение, в результате которого погибло 45 городов (перечисленных в послании).¹⁷¹ П. Симони, издавший этот памятник в предисловии к «Задонщине», отметил его историко-литературную ценность, но отказался от его исследования; в надписании этого памятника он видел скорее «ложный адрес», так как предположительно отождествлял автора послания Феофила и «князя Миколая» с врачами Феофилом и Николаем Булевым, присутствовавшими при кончине Василия III в 1533 г., т. е. почти спустя 80 лет после даты, поставленной на послании.¹⁷² А между тем сопоставление с иностранными источниками XV в. показало бы П. Симони, что перед нами не сказка, написанная задним числом, а рассказ об огромном землетрясении, действительно происшедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4-го на

¹⁶⁸ КБ-9, лл. 223 (ср. такое же сравнение в сборнике БАН, 4. 3. 15, л. 44 об.), 464.

¹⁶⁹ КБ-22, л. 439 об. — Интерес Ефросина к истории наук получил отражение в его заметке о первом астрономе Мунде (Мунте), внуке Ноя (КБ-22, л. 341 об.), отличающейся от другого рассказа о том же Мунте, помещенного им в составе Палеи (КБ-11, л. 287—287 об., см. ниже, стр. 160).

¹⁷⁰ КБ-9, л. 2. — Этого Куладара, может быть, следует сопоставить с Кулодаром Ирешским выдавшим Дмитрию Шемяке замыслы Василия II и за это наказанным кнутом (ПСРА, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 150—151).

¹⁷¹ КБ-9, лл. 517 об—519 об.

¹⁷² П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13—16. — П. Симони призывал профессоров Н. Ф. Сумцова и В. Н. Перетца исследовать этот памятник, но, насколько нам известно, они им не занимались.

5-е декабря 1456 г.,¹⁷³ подробно записанный по горячим следам события. История проникновения послания на Русь (и установление его иностранного источника) требует еще дополнительного исследования, но ясно, что перед нами еще одно свидетельство научных интересов Ефросина и его знакомства со свежей литературой его времени.

Каково было идеологическое значение книгописной деятельности Ефросина — ощущал ли Ефросин какое-либо противоречие между своей деятельностью и традициями обычного церковного книгописания? Ефросиновские сборники, как мы уже отмечали, не дают оснований считать Ефросина еретиком и вообще приписывать ему какие-либо определенные идеологические воззрения. Такого рода выводы невозможны по самому характеру этого источника, подобранного, составленного и переписанного, но не сочиненного (по крайней мере, насколько нам это известно) Ефросином. На основании ефросиновских сборников мы можем говорить не о его мировоззрении, а о его интересах.

Но интересы его были весьма необычны и далеко не соответствовали тем нормам, которые церковь предписывала благочестивым книголюбцам. Ефросин не мог не знать, что многие из переписанных им сочинений входили в индексы «отреченных книг». И он знал это. В одном из его сборников мы читаем как раз такой индекс: «От посланья преподобнаго отца нашего Никона о скровных книгах, яко еретическая суть списанья; в числе «ложных» книг здесь названы «Ездры откровение», «Епистолия о недели», «Лоб Адамль», «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе», «О господе нашем, рекше како в попы поставлен», «Сставленные (неканонические) псалмы», а в числе «злых» — «громник» и «ксядник».¹⁷⁴ Все перечисленные здесь сочинения помещены в его сборниках; «басни» о Соломоне и Китоврасе подобраны, как мы увидим, с особой тщательностью и полнотой, а сказание о иерействе Христа¹⁷⁵ и «пророка Ездры творение» читаются в том же сборнике, одно на 40 листов выше, другое на 60 листов ниже приведенного индекса. Не менее интересен другой факт. Поместив в своем сборнике апокрифическое «Сказание о 12 пятниц», Ефросин приписал: «Сего во зборе не чти, ни многим являй»; следовательно, он знал и помнил во время написания этого памятника его запретность, но не мог удержаться от того, чтобы переписать его и притом вторично: «впервые» он писал это послание, по его собственному признанию, несколько лет назад.¹⁷⁶

Сами по себе и каждый в отдельности памятники, переписанные Ефросином (за исключением некоторых из них, встречающихся только в его сборниках), не были полностью необычны для древнерусской книжности. Апокрифы встречались во многих рукописях XV—XVI вв.; переписыва-

¹⁷³ С. Baronius. *Annali ecclesiastici*, t. XXIX, 1454—1480. Barri-Ducis, 1876, стр. 100; *Veterum scriptorum et monumentorum historicum ... collectio* (ed. E. Marten et U. Durant). Paris, 1729, стр. 494; *Pii II ... commentarii* (ed. J. Gobelinus). Roma, 1584, стр. 51. Дата, сообщаемая у Ефросина — 4/5 декабря 1456 г., является, по-видимому, наиболее точной датой землетрясения (ср.: M. Baratta. *I terremoti d'Italia*. Torino, 1901, стр. 67—68).

¹⁷⁴ КБ-22, лл. 39 об.—42. — Это послание читалось и в сборнике игумена Игнатия, в котором участвовал Ефросин (ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, лл. 551—552 об., рука не Ефросина)

¹⁷⁵ КБ-22, л. 1—1 об. — Рассказ близок, но не совпадает буквально с рассказом «Написание Иисусова на иерейство», изданным Н. Тихонравовым (Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 164—173). Об «Адамовой главе» см.: КБ-22, л. 216 об.; КБ-11, лл. 196—197 об. (оба текста не совпадают с рассказом, помещенным у Н. Тихонравова: там же, т. I, стр. 307, 310).

¹⁷⁶ КБ-11, лл. 234 об.—235. — В рукописи весь текст «12 пятниц», кроме первой и последней страницы, вырезан, а начало его (л. 234 об.) зачеркнуто.

лись, хотя и в небольшом количестве, и памятники, восходящие (через посредство Византии) к античности. Но важен самый характер подбора этих памятников, важно, что именно искали и находили в них переписчики. Большинство апокрифических памятников имело вполне церковный характер — их апокрифичность заключалась только в том, что они не были включены в официальный корпус «писаний»; из античных авторов византийские компиляторы и их русские последователи выбирали высказывания, сходные с духом христианского учения (или приписывали им такие высказывания).

Иное дело — Ефросин. Библейская, апокрифическая, античная и современная литература были для него прежде всего источником знаний. Вот почему он извлекал из доступных ему ничтожных обрывков античной литературы то же самое, что извлекали из них его западные современники-гуманисты, — естественно-научные и исторические сведения. Повторяем еще раз: мы не знаем, к каким выводам приводило Ефросина изучение этого материала и вообще ничего не знаем о его мировоззрении, мы знаем только, какие книги собирал и переписывал этот писец. Но уже интерес к таким книгам, независимо от воли Ефросина, приводил его в противоречие с господствующей церковной традицией.

III

Научные интересы не были для Ефросина единственным критерием при подборе памятников, включенных в его сборники. Не менее важным критерием были для него интересы эстетические, побуждавшие Ефросина переписывать памятники занимательные и ценные в художественном отношении. Об эстетических склонностях Ефросина свидетельствуют нотные тексты, в большом количестве помещенные в его сборниках;¹⁷⁷ об этом же свидетельствуют и многие литературные памятники его сборников.

Господствующая церковная идеология средневековой Руси не знала эстетического подхода к памятникам литературы — любые «басни и кощюны» и «неполезные повести» эта идеология решительно отвергала. Эстетические интересы Ефросина заставляли его обращаться к памятникам устного народного творчества (где художественная струя всегда была сильнее и свободнее, чем в письменной литературе) и к «отреченным» апокрифическим «басням и кощюнам». И в этом случае Ефросин вольно или невольно нарушал хорошо известные ему идеологические нормы: «иде же есть скомрашии речи и пустошная беседа, ту гнев божий и пагуба души, а бесом радость»,¹⁷⁸ — записывал он в своих сборниках, а спустя некоторое время вписывал в эти же сборники явные «скомрашии речи».

Многие памятники в ефросиновских сборниках тесно связаны с устным народным творчеством. В первую очередь среди них следует назвать «Слово о хмеле», помещенное от имени «Кирилла философа словеньскаго» — памятник, оказавший значительное влияние на литературу XVII в.¹⁷⁹

¹⁷⁷ КБ-9, лл. 237—237 об., 276—282, 289—296 об., 299—300 об., 302 («а се имена знамянием...»), 303—307 об., 462 об.; КБ-11, л. 389. — Большинство этих нотных текстов (за исключением КБ-9, л. 462 об.) написано не самим Ефросином, но, как и другие тексты, они отредактированы и пронумерованы его рукой. Рукой Ефросина написаны стихиры в сборнике Кир.-Бел. 306/563.

¹⁷⁸ КБ-22, л. 441; ср. там же «Слово» св. Ефрема «о русалиях рекше о скомрасех» (лл. 356 об—359 об.).

¹⁷⁹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 543—544. Издание «Слова о хмеле» по спискам XVII—XVIII вв. см.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, стр. 22—27; несколько иной вариант (вместо «хмеля» монолог произносит «пьян-

Здесь нам особенно важно отметить народно-поэтический характер этого памятника, написанного ритмической прозой, переходящей в стихи:

Лежа не мощно бога умолити,
 Чти и славы не получиши...
 Пианьство князь и боляром землю пуну створяет,
 А людей добрых и равных и мастеров в работе счиняет...
 О ком молва в людех? — О пианицы.
 Кому сини очи? — Пианицы.
 Кому охание велико? — Пианицы.
 Кому горе на горе? — Пианицы.¹⁸⁰

Другое поэтическое произведение, помещенное у Ефросина, — «Стих старина запивом» («плач Адама» о рае).¹⁸¹ Уже П. Симони обратил внимание на то, что слово «старина», употребленное здесь Ефросином, совпадает с обычным северным наименованием былин — старина;¹⁸² очевидно, этот «духовный стих» исполнялся напевом («запивом») былин.¹⁸³ Свою тесную связь с устной поэзией «плач Адама» сохранил и в последующие времена, неизменно фигурируя в репертуаре народных сказителей.¹⁸⁴

Художественные интересы Ефросина определили включение в его сборники целого ряда апокрифических памятников, близких к фольклору по своему происхождению и дальнейшему бытованию. К числу таких памятников принадлежат, например, своеобразные притчи-загадки, в большом числе помещенные Ефросином. Уже Варлаам, описывая сборник КБ-9, отметил, что здесь «вместе с различными притчами есть и странные»,¹⁸⁵ и приводил далее следующий диалог внука с бабкой из этого сборника: «Рече внук бабе: Баба, положи мя у себе. И рече ему баба: Како ми тебе положити? А ты мя родил».¹⁸⁶ Этот диалог (с разгадкой: Христос и земля) читается в одной из редакций известного апокрифического памятника — «Беседа трех святителей»; по своему содержанию эта редакция имеет черты близости с западноевропейским памятником, называвшимся «Josa monachorum» («Монашеские игры») и носившим скорее занимательный, нежели религиозно-назидательный характер.¹⁸⁷ Трудно сказать, какой смысл имело для Ефросина включение в его сборники приведенной «странной притчи» (вспомним его интерес к темам кровосмесительства в языческой и библейской мифологии), но «притча» эта была не единст-

ство) — Ф. И. Булгаков. Сборник повестей скорописи XVII в. — ПДП, I—V. СПб., 1879, стр. 91—92.

¹⁸⁰ КБ-9, лл. 520—523. — Текст полностью опубликован Варлаамом: Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 64—65.

¹⁸¹ КБ-9, л. 318; опубликовано в кн.: П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13.

¹⁸² П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13.

¹⁸³ Такое понимание заголовка памятника предложено в неопубликованном исследовании В. П. Адриановой-Перетц «Из истории духовного стиха», любезно предоставленном нам автором. П. Симони читал заголовок: «старина за пивом», считая, что произведение исполнялось во время трапезы.

¹⁸⁴ П. Безсонов. Калики переходные, вып. VI. М., 1864, стр. 236—303.

¹⁸⁵ Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 23.

¹⁸⁶ КБ-9, л. 192 об.

¹⁸⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. III. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, стр. 170; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 387—388; ср.: И. Н. Жданов. Беседа трех святителей и Josa monachorum. — Сочинения, т. I, СПб., 1910, стр. 764—765. 766—773, 775—788 (в приведенном И. Н. Ждановым латинском тексте нет загадки «Христос — земля»; есть только сходная загадка «Авель — земля»); В. Н. Перетц. Студії над загадками. — Етнографічний вiстник, кн. X. Київ, 1933, стр. 157.

венной в его сборниках — мы встречаем здесь ряд подобных загадок на библейские темы¹⁸⁸ и рядом с ними две загадки обратного характера: дважды родившимся «пророком» здесь оказывается «кур» (петух),¹⁸⁹ а героем, испытавшим судьбу Адама, Евы, Ильи и трех отроков, — глиняный горшок.¹⁹⁰ И, что для нас особенно интересно, почти все приведенные Ефросином «странные притчи» сохранились в русском фольклоре и далее — в качестве шуточных загадок.¹⁹¹

Апокриф-притча¹⁹² и апокриф-сказка занимает в ефросиновских сборниках важное место наряду с «научно-познавательной» апокрификой; книгописца XV в. явно привлекали в апокрифической литературе те же черты, какие заинтересовали и исследователей XIX в., издававших «памятники отреченной литературы» (Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин и др.): художественность апокрифических легенд, их ценность как памятников литературы.

Богатство сказочно-апокрифического материала — характерная особенность Толковой Палеи, читающейся в сборниках Ефросина. Особенно широко представлены здесь легенды о Соломоне, и в частности легенда о чудесном помощнике Соломона, полузвере, получеловеке, кентавре Китоврасе, — легенда, широко распространенная и в восточной, и в западноевропейской письменности и оказавшая влияние на литературное творчество многих народов.¹⁹³ Как мы уже отметили, легенды о Соломоне и Китоврасе помещены у Ефросина в начальной части «Книги, нарицаемой Палея» (после рассказа о миротворении); помещены они у него и вне Палеи.¹⁹⁴ Особенно интересен у Ефросина отдельный рассказ о Китоврасе

¹⁸⁸ КБ-9, лл. 192 об.—193 (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 193), КБ-11, лл. 222, 235—235 об. (ср.: там же, стр. 195—196).

¹⁸⁹ КБ-9, л. 262 об. (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 136).

¹⁹⁰ КБ-22, л. 440 об. (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 187—188).

¹⁹¹ Д. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1901, №№ 2184, 2185 (загадка «дочь Лота и ее сын»), № 943, вариант «г» (петух-пророк), № 334 (горшок); М. А. Рыбникова. Загадки. М.—Л., [1932], стр. 261 (петух), 354—355. — За помощь в подборе параллельного фольклорного материала я весьма признателен В. В. Митрофановой.

¹⁹² К числу притч апокрифического характера (с оттенком богомилства), помещенных у Ефросина, относится и проложное «Слово о правде и неправде», где говорится, что «первое створена бысть правда богомъ в человецех, потом же от неприязнена ума вьста неправда, и нача бороться в человецех» (КБ-6, лл. 347 об.—349). «Слово» это иногда читается отдельно (ВМЧ, апр. 1—8. СПб., 1910, стлб. 169—171; ср.: ГБЛ, Унд. 541, л. 164 и Унд. 575, л. 108), иногда как часть «Слова Петра некоего о супротивлении всяцем» (ВМЧ, дек. 18—23. М., 1907, стлб. 1673—1675). Уже Н. Петров (О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, стр. 242) указывал на то, что «Слово» это по содержанию напоминает народный стих о правде и кривде.

¹⁹³ Ср.: А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. — Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1, Пгр., 1921.

¹⁹⁴ В сборниках Ефросина легенды о Соломоне расположены следующим образом внутри Палеи (КБ-11) — начало судов Соломона (л. 268 об.; ср. в дополнительной части Палеи первой редакции: ГПБ, Кир.-Бел. 68/1145, л. 362 об.; в основной части Палеи второй редакции: ГПБ, Погод. 1435, л. 343 об.), второй суд (л. 268 об.—271; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 362 об.—364; Погод. 1435, лл. 343 об.—344), о двуглавом муже, оставленном Китоврасом (лл. 271—272; Погод. 1435, л. 341; в Кир.-Бел. 68/1145 нет, может быть из-за лакуны в рукописи), о Китоврасе (л. 272 об.—276; Кир.-Бел. 68/1145, л. 367—367 об.—только конец, начало вырезано; Погод. 1435, лл. 334 об.—335, лист посредине вырван), о престоле Соломона (л. 276—276 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 369; Погод. 1435, лл. 342 об.—343, с большими отличиями), о мудрости Соломона (лл. 276 об.—277; Кир.-Бел. 68/1145, л. 369—369 об.; в Погод. 1435, л. 343 иначе), о родословной Соломона (л. 277; в Палее сходного текста нет); вне Палеи — иной рассказ о Китоврасе (КБ-11, лл. 262—263; см. о нем ниже), о потире (чаше) Соломона (КБ-11, лл. 228 об.—230; КБ-22, л. 513; Кир.-Бел.

(дублирующий помещенный у него же рассказ на эту тему внутри Палеи). Рассказ этот имеет заголовок «О Китоврасе от Палеи», но ни в одной из известных нам редакций Палеи ни в основном тексте, ни в добавлениях его нет. Не отмечается этот вариант и в научной литературе.¹⁹⁵ В наиболее известном рассказе Толковой Палеи о Китоврасе (в дополнительном тексте ряда списков первой редакции Палеи и в основном тексте второй редакции) рассказывается о поимке Китовраса (с помощью колодцев с вином), о его мудрости и силе — когда Соломон снял с него «ужи», Китоврас забросил его на край земли.¹⁹⁶ В рукописной традиции XVII в. сохранился и другой рассказ о Китоврасе, где тот оказывается не просто зверем, а царем-оборотнем, братом Соломона; вместе с коварной женой Соломона он пытается его погубить.¹⁹⁷ Уже А. Н. Веселовский указывал, что некоторые элементы этой легенды XVII в. древнего происхождения: на вратах Софийского собора Китоврас изображен в короне с фигуркой Соломона в руке; надпись к изображению называет Соломона братом Китовраса.¹⁹⁸ Рассказ о Китоврасе, помещенный у Ефросина, подтверждает древность легенды о Китоврасе — брате Соломона. Здесь также говорится о Китоврасе (в конце рассказа): «глаголють его, яко царев сын Давидов». Но жертвой женского коварства оказывается в рассказе Ефросина не Соломон, а Китоврас: «Стан человекъ, а ноги коровии, рекше баснят (?) жену во ухе носил. Тою хитростию яли его: жена его сказала юноши, любовнику своему, так: обходить днем да ношию много земель, да приходит к некоему месту, на нем же два кладязя». Далее следует уже известный нам рассказ о поимке Китовраса с помощью колодцев с вином. Но рассказ о свидании Китовраса с Соломоном краток и отличен от других известных рассказов: «И привели ко царю Соломону. Царь въпросил его: Что есть узорчнее во свете семь? Он же рече: всего есть лучши своя воля. Абие крянулся и все переломал и поскочил на свою волю».¹⁹⁹

Сравнение Палеи, помещенной у Ефросина, с другими редакциями Толковой Палеи обнаруживает и другие дополнения фольклорно-апокрифического характера. Таким дополнением является, например, помещенная у Ефросина легенда о том, как дьявол решил напакостить Ною во время строительства ковчега. Сперва дьявол подговорил жену Ноя дать мужу

68/1145, лл. 375 об.—376; во второй редакции этот рассказ не в тексте, а в дополнении — Погод. 1435, лл. 450 об.—451), первый суд Соломона (КБ-11, л. 230—230 об.; КБ-22, л. 18 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 362 об.; Погод. 1435, л. 343 об.), о царице Моалкотошке (КБ-9, лл. 194—195; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 367 об.—368; Погод. 1435, л. 341 об.), загадки Моалкотошки (КБ-9, лл. 195—196; Кир.-Бел. 68/1145, л. 368—368 об.; Погод. 1435, лл. 341—342), суд на блудницах (КБ-9, лл. 196—197 об.; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 369 об.—370; Погод. 1435, л. 333—333 об.), Соломон и дочь фараона (КБ-9, лл. 197 об.—198; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 364 об.—365; Погод. 1435, л. 334 об.), о богатом муже и его наследнике (КБ-9, лл. 198—200; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 365—366; Погод. 1435, лл. 344 об.—345 об.), рассказ о «смысле женском» помещен у Ефросина внутри рассуждения о злых и добрых женах (КБ-9, лл. 118—119 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 364—364 об.; Погод. 1435, л. 344 об.). В целом легенды о Соломоне у Ефросина ближе (по тексту и порядку изложения) к дополнительным статьям первой редакции (Кир.-Бел. 68/1145), чем ко второй редакции Палеи. Помимо перечисленных у Ефросина помещен еще ряд статей о строительстве храма Соломона, не находящихся прямых соответствий в Палее.

¹⁹⁵ Помимо указанной монографии А. Н. Веселовского ср.: А. М а з о н. *Le Centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras.* — *Revue des études slaves*, t. VII. Paris, 1927.

¹⁹⁶ См. этот рассказ: *Памятники отреченной русской литературы*, изд. Н. Тихоновым, т. I, стр. 254—257; *Памятники старинной русской литературы*, вып. III, стр. 51—52.

¹⁹⁷ *Памятники старинной русской литературы*, вып. III, стр. 59—61.

¹⁹⁸ А. Н. Веселовский, *Собрание сочинений*, т. VIII, вып. 1, стр. 256—257.

¹⁹⁹ КБ-11, л. 262—263.

траву хмель и разузнать у него, где находится ковчег, чтобы уничтожить его. Когда же ковчег, несмотря на все его пакости, был сооружен, дьявол убедил жену Ноя не идти туда; разъяренный Ной крикнул ей: «Поиди, дьяволе» — и таким образом сам пригласил к себе дьявола. Дьявол обернулся мышью и стал грызть ковчег, но бог наслал на него kota и кошку — «и оттоле почаша быти коты».²⁰⁰

Ни в одной из редакций Толковой Палеи нет этого рассказа; мы можем зато обнаружить его в составе одного из памятников, также традиционно называющихся в научной литературе Палеями, но имеющими очень мало общего с известной уже нам Толковой Палеей (одной из редакций которой, при всем своем своеобразии, является и Палея Ефросина). Речь идет о «Книге бытия небеси и земли», именуемой в литературе Исторической Палеей, и о безымянном памятнике, названном А. Н. Поповым Сокращенной Палеей русской редакции, — двух компиляциях, построенных на библейском материале (без полемических истолкований), но ином, чем в Толковой Палее. Рассказ о Ное у Ефросина совпадает с соответствующим рассказом Сокращенной Палеи русской редакции;²⁰¹ сходный рассказ помещен и в составе позднего апокрифического «Сказания Мефодия Патарского».²⁰² С Сокращенной Палеей русской редакции совпадает и другой апокрифический рассказ в Палее Ефросина — о сыне Ноя Мунте, которого бог «вдал грамату».²⁰³

Был ли этот рассказ Сокращенной Палеи включен в состав Толковой Палеи Ефросином²⁰⁴ или он читался уже в той (до сих пор неизвестной в литературе) редакции Толковой Палеи, которую этот книгописец использовал,²⁰⁵ мы не знаем, но вполне ясно, что именно привлекало Ефросина в апокрифическом рассказе о Ное: по своему фольклорному характеру сказание о Ное и дьяволе (как и остальные упомянутые нами сказания) вполне гармонирует с общим духом ефросиновских сборников. «Се есть хмель равнець, умному на веселие, на сватбу, на кумовство, на братство и на все доброе, а безумному на бои, на работу, и на все злое»,²⁰⁶ — говорит Ной, познакомившись с хмелем. Исследователи уже обратили внимание на то, что легенды о Ное, сохранившиеся и в живом русском фольклоре XIX в.,²⁰⁷

²⁰⁰ КБ-11, л. 282—284.

²⁰¹ Сокращенная Палея русской редакции: А. Н. Попов. Книга бытия небеси и земли (Палея Историческая) с приложением Сокращенной Палеи русской редакции. — ЧОИДР, 1881, кн. I, стр. 10—12.

²⁰² Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 17—18.

²⁰³ КБ-11, л. 287—287 об.; Сокращенная Палея русской редакции, стр. 15. Ср.: Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 19.

²⁰⁴ О знакомстве Ефросина с основным источником Сокращенной Палеи — «Книгой бытия небеси и земли» (Исторической Палеей) — свидетельствует апокрифический рассказ о походе Моисея на Индию и уничтожении им змей с помощью «стерков» — аястов (КБ-22, лл. 113 об.—114; Палея Историческая. — ЧОИДР, 1881, кн. I, стр. 63—64; ср. тот же рассказ, но без упоминания о «стерках» в Сокращенной Палее русской редакции: там же, стр. 40—41). Название «Книга бытия небеси и земли» встречается у Ефросина (КБ-22, л. 232), но не в применении к Исторической Палее.

²⁰⁵ В литературе уже высказывалась мысль о возможности влияния Исторической Палеи и Сокращенной Палеи русской редакции на Толковую Палею (ср.: В. П. Афанасьев в а. К литературной истории Толковой Палеи, стр. 35—36). Сборники Ефросина дают прямые доказательства связи между этими памятниками. Но сборники Ефросина древнее единственного известного нам списка Сокращенной Палеи русской редакции (как и «Сказания Мефодия», где есть тот же рассказ о Ное); можно предположить поэтому, что именно Толковая Палея в редакции, сохраненной Ефросином, повлияла на Сокращенную Палею.

²⁰⁶ КБ-11, л. 282 об.

²⁰⁷ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. М., 1914, № 14, стр. 129—131.

примыкают к целому кругу сказаний о хмеле (богомильских по своему происхождению), одним из которых является уже известное нам «Слово Кирилла-философа».²⁰⁸ Зная библиографические наклонности Ефросина, его любовь к такого рода тематическим комплексам, мы не удивимся, обнаружив в его сборниках и «Слово Кирилла», и легенду о Ное и хмеле.

Влияние устного народного творчества можно видеть еще в одном палеинном рассказе из сборников Ефросина — рассказе о Самсоне. Рассказ этот, помещенный у Ефросина дважды, внутри Палеи и вне ее, в общем сходен с текстом Библии и Толковой Палеи, но имеет одно характерное отличие от них — «иноплеменници», пленившие Самсона, именуются не филистимлянами, а татарами: Самсон «изби . . . 1000 муж татар», «понял себе жену от татар», и жена эта (которая в ефросиновском тексте выразительно именуется «злая львица Далида») предала его «татаром».²⁰⁹ Интерполяция эта явно не случайна, так как встречается у Ефросина в обоих текстах (но в разных местах); для того чтобы ее понять, следует вспомнить, что и в дошедшем до нас былинном эпосе Самсон выступает как богатырь, совместно с Ильей Муромцем и другими богатырями воюющий против татар.²¹⁰

Значение ефросиновских сборников в истории древнерусской литературы отнюдь не исчерпывается тем обстоятельством, что Ефросин внес в них поэтические и сказочно-апокрифические тексты. В рукописях Ефросина до нас дошли наиболее древние тексты ряда важнейших памятников литературы. Рукой Ефросина написаны древнейшие списки «Задонщины», «Повести о Дракуле», «Хождения» игумена Даниила, сербской «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Снов царя Шахайши», «Епистолии о неделе («Свитка Иерусалимского»).

Среди этих памятников особенно важное место в глазах Ефросина несомненно занимала «Александрия». Памятник этот представлен в сборниках Ефросина с такой полнотой, которая может показаться исключительной даже для этого книгописца. Материал об Александре Македонском Ефросин мог извлечь из Толковой Палеи, составитель которой пользовался рассказом об Александре из Амартола и одной из редакций «Александрии». Ефросин, как он это часто делал, обратился здесь не к наиболее короткому изложению Палеи, а к Амартолу, поместив два отрывка об Александре из его Хроники.²¹¹ Но это его не удовлетворило. В сборнике КБ-11 он полностью поместил так называемую сербскую «Александрию».²¹² Список Ефросина не только древнее всех известных русских списков этой редакции, но значительно старше и тех югославянских списков, по которым «Александрия» была издана сербским исследователем С. Новаковичем;²¹³ текст «Александрии» у Ефросина в ряде случаев, несомненно, дает более древние чтения, чем в опубликованных югосла-

²⁰⁸ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. 1, отд. 1. М., 1894, стр. 465—472.

²⁰⁹ КБ-11, лл. 320 об., 383 об., 384 об.—385 (ср.: Книга Судей, гл. 16); Толковая Палея, лл. 299 об.—302 (ср.: ГПБ, Погод. 1435, л. 258—258 об.).

²¹⁰ Ср., например, сборник: Илья Муромец. Под ред. А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, № 12 (стр. 89—90), № 13 (стр. 103—105, 109—110), № 16 (стр. 139), № 57 (стр. 329).

²¹¹ КБ-11, лл. 337—341 об., 483— об.; ср.: Хроника Георгия Амартола, стр. 42—45.

²¹² КБ-11, лл. 20—194 об.

²¹³ Ст. Новаковић. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. II одељење гласника српског ученог друштва, кн. IX. Београд, 1878 (далее: Новакович).

вянских списках.²¹⁴ Заканчивается текст сербской «Александрии» у Ефросина обычной для него и отсутствующей в югославянских списках хронологической сводкой царей от Александра Македонского до пришествия Христа.²¹⁵ В другом ефросиновском сборнике также полностью (начало отсутствует из-за какого-то механического дефекта) помещена иная, не менее пространная редакция «Александрии» — так называемая первая хронографическая редакция (по классификации В. Истрина).²¹⁶ Дополнение к этой редакции, статья Палладия «О рахманех», читается отдельно в том же сборнике, где помещена сербская «Александрия».²¹⁷ Помимо этого в том же сборнике имеется еще краткая заметка о «воздухохождении» Александра (полет по воздуху на грифах).²¹⁸ И, наконец, у Ефросина содержится еще чрезвычайно редкий и интересный рассказ «От Александра Макид[оньскаго]», неизвестный в русской рукописной традиции и обнаруженный в свое время А. Н. Веселовским в болгарской рукописи XV—XVI вв. В этом рассказе, восходящем к какому-то греческому народному преданию, повествуется о том, как Александр во время своих странствий нашел живую «породимскую» воду, которую велел охранять некоему юноше; но дочь Александра, соблазнив и убив юношу, похитила воду, стала «невидима и бессмертна» и была за это проклята отцом; заканчивается рассказ рассуждением о женщине как об «общем враге».²¹⁹

Настойчивое возвращение Ефросина к темам «Александрии» свидетельствует о том, что круг идей, лежащих в основе этого произведения, чем-то особенно волновал книгописца. Говоря о популярности «Александрии» на Руси, Н. К. Гудзий справедливо отмечал: «Судьба идеального героя, одаренного необычайными качествами, превосходящими челове-

²¹⁴ Уже А. Н. Веселовский обратил внимание на то, что притча, заимствованная в «Александрии» из «Повести о Варлааме и Иоасафе», изложена в КБ-11 логичнее и, очевидно, ближе к первоначальному тексту, чем в славяно-сербских списках (А. Н. Веселовский. О славянской редакции одного аполога Варлаама и Иоасафа, стр. 7); он не заметил, однако, что отдельный текст этой притчи (КБ-22, л. 107—107 об.), с которым он сравнивал вставку в «Александрии», также содержится в сборнике, писанном Ефросином. Речь персов Дарию (сравнение с кораблем) также читается в КБ-11 (л. 88 об.—89) явно лучше, чем в югославянских списках (Новакович, стр. 59—60). Список КБ-11 расходится с югославянскими списками в тех случаях, когда речь идет о полководцах Александра; и в этом случае изложение КБ-11 представляется более последовательным: здесь говорится, что Александр «Филона в Персиде остави» (л. 109 об.); далее рядом с Александром действует Птолемей (л. 115 об.), а затем Филон от «Персиды прииде . . . ко Александоу» (л. 140); в югославянских списках Александр «Селева в Персиде остави» (Новакович, стр. 76); Филон продолжает действовать с Александром (стр. 81), а затем он неожиданно все-таки оказывается в Персии (стр. 99) и приходит оттуда (стр. 102). Но в КБ-11, несомненно, имеются и следы подновления текста: Гомер, которого читает Александр, превращается в книгу «о разорении Ерусалиму» (КБ-11, л. 67; ср.: Новакович, стр. 40). Вместо указания, что языческие боги будут сидеть в пещере «до скончания века», а после 7000 г. — «скончавшимсье седмиь веком» — будут ввержены в ад (Новакович, стр. 117), говорится: «до втораго пришествия господня, а по втором пришествии господни ввержени будут. . .» (л. 158); поправка, видимо связанная с тем, что список писался как раз в 1491—1492 гг., когда «конец мира» перестал связываться с 7000 г.

²¹⁵ КБ-11, л. 194.

²¹⁶ КБ-9, лл. 477—516; ср.: В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложения, стр. 75—105.

²¹⁷ КБ-11, лл. 462—483; ср.: В. Истрин. Александрия русских хронографов, Приложения, стр. 110—128.

²¹⁸ КБ-11, л. 502; ср.: Х. Лопарев. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. — ПДП, XC. СПб., 1892, стр. 30.

²¹⁹ КБ-22, лл. 510—511 об.; ср.: A. Wesselofsky. Zur bulgarischen Alexander-sage. — Archiv für Slavische Philologie, 1-ter Band. Berlin, 1876, стр. 608—611. — В болгарской рукописи рассказ имеет заголовок: «Слово, како зачалася Самовила»; рассуждения о женщинах здесь нет.

ские возможности, и в то же время подчиняющегося обычным нормам человеческого бытия, действовала на воображение и на нравственное сознание старинного читателя».²²⁰ Особенно сильно привлекал Ефросина один сюжет «Александрии» — хождение Александра в страну рахманов, живущих близ Индии блаженных «нагомудрецов». В одном из своих сборников Ефросин поместил, как мы уже отметили, особую статью «О рахманех»; о рахманах упоминалось и в сербской редакции «Александрии», а к первой хронографической редакции (написанной в ефросиновском сборнике рукой иного писца) Ефросин сделал специальную приписку на полях: «рахмане — Сифово племя, не согрешили богу, близ рая живут...».²²¹ О рахманах рассказывается и в обоих отрывках из Амартола, помещенных Ефросином, а один из них так и озаглавлен: «Слово о рахманах и предивном их житии». Описание блаженной жизни рахманов, содержащееся в этом отрывке, очень любопытно и существенно отличается от текста Амартола: говоря о блаженной жизни рахманов, автор замечает, что у них нет «ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя, ни игр».²²² Образ рахманов, живущих близ рая и не боящихся смерти, в представлениях Ефросина, как и в самой «Александрии», противопоставлялся образу могущественного, но смертного Александра. О «нагомудрецах», которые «смотрят бога на небесах» и потому не предались Александру, повествовала и легенда о неудачной попытке Александра получить живую воду и с ней бессмертие. Неизбежная смерть и страна блаженных в Индии — такое противопоставление станет нам понятным, если мы вспомним, что Ефросин жил в период напряженных эсхатологических чаяний накануне и в момент 7000 (1492) г. и, вероятно, в той или иной степени разделял эти чаяния. Памятником, переписанным Ефросином для сборника игумена Игнатия, был Апокалипсис;²²³ поместив в одном из своих сборников «Сказание об антихристе» Ипполита папы римского, Ефросин выписал на поле: «печать антихриста — 666»;²²⁴ у Ефросина читается специальное сочинение «О часах седми тысяч»²²⁵ и отрывки из «Диоптры» Филиппа, греческого сочинения XI в., часто цитировавшегося в XV в. в связи со спорами о «конце мира».²²⁶ Эсхатологический характер имели и помещенные у Ефросина «Епистолия о неделе»²²⁷ и «Сны царя Шахаиши».²²⁸ С другой стороны, у Ефросина мы читаем «Сказание об Индийском царстве», легендарное послание благочестивого индийского «царя и попа» Иоанна о блаженной Индийской стране, где

²²⁰ Н. К. Гудзий, История древней русской литературы, изд. 6 М., 1956, стр. 155.

²²¹ КБ-9, л. 480.

²²² КБ-11, лл. 483—484; ср.: Хроника Георгия Амартола, стр. 48.)

²²³ Кир.-Бел. 53/1130, лл. 130—155 об. (конец: «Ей, приди, госпде Иусе Христе!»).

²²⁴ КБ-22, л. 468. Ср. КБ-9, л. 262 об.

²²⁵ КБ-22, л. 375 об.; КБ-11, л. 232 об.

²²⁶ КБ-22, л. 205—205 об.; КБ-9, лл. 265 об.—268 об. О «Диоптре» см.: М. В. Безобразова, Заметка о «Диоптре». — ЖМНП, 1893, ноябрь.

²²⁷ КБ-11, лл. 254—261. Опубликовано по этому списку в издании: С. Г. Вилинский, Кирилло-Белозерский список Епистолии о неделе. Одесса, 1903. Об этом памятнике, появившемся уже в VI в. и тесно связанном с еретическими движениями на Западе, см. исследование А. Н. Веселовского «Опыты по истории развития христианской легенды» (ЖМНП, 1876, март, стр. 50—116). Текст Ефросина имеет «точную дату» и указание, что он переведен в 6960 (1458) г., «того году, коли пошел князь велики Иван Василиевич со всем своим воинством на князя Дмитрия Юрьевича на Шемяку» (КБ-11, л. 261).

²²⁸ КБ-22, лл. 338—341 об.; ср.: А. Н. Веселовский, Слово о 12 снах Шахаиши по рукописи XV века.

нет «ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека», — произведение, во многом перекликающееся с рассказом «Александрии» о рахманах.²²⁹ Ефросин же поместил, взяв его «от летописца», известное послание новгородского архиепископа Василия Калики епископу тверскому Феодору, где говорится о поныне существующем «на востоце» рае — «а место непроходимо есть человеком, а вокруг его рахмане живут».²³⁰

Но широкое использование и популяризация Ефросином «Александрии» важны не только в связи с теми конкретными ассоциациями, которые мог вызывать у него сюжет этой повести. «Александрия» — памятник, чрезвычайно важный и в чисто литературном отношении. Говоря о специфических особенностях древнерусской литературы, исследователи часто отмечают недостаточное развитие на Руси чисто беллетристических жанров. Положение это верно, но оно нуждается в определенных ограничениях. Феодально-религиозная идеология, осуждавшая «неполезные повести», тормозила развитие светской литературы, однако уже в XV в. на Руси появился ряд оригинальных повестей беллетристического или полубеллетристического характера. Влияние переводной «Александрии» на появление этих повестей несомненно: «Александрия», и именно сербская «Александрия», была ведь типичным средневековым романом, близким к западным рыцарским романам того времени.²³¹

В сборниках Ефросина помещены и два крупных памятника оригинальной русской светской литературы того времени — «Задонщина» и «Повесть о Дракуле». Нам нет необходимости характеризовать здесь эти два хорошо известных произведения; ограничимся только указанием на близость их к интересам Ефросина. В «Задонщине» Ефросина, несомненно, привлекал ее народно-поэтический характер, идущий еще от ее великого прототипа — «Слова о полку Игореве». Уже И. И. Срезневский, познакомившийся с текстом «Задонщины» в КБ-9 сразу же после открытия его Варлаамом, отметил, что искажения текста в этом списке (как и в другом, ранее известном списке XVII в.) таковы, что заставляют предполагать переписывание не с книги или тетради, а по памяти; он пришел к выводу, что «Задонщина» распространялась как былина или сказка — устным путем.²³² Вывод И. И. Срезневского принял и В. Ф. Ржига, исследовавший «Задонщину» по трем новым спискам, неизвестным И. И. Срезневскому.²³³ Предположение об использовании Ефросином при написании «Задонщины» устных источников вполне согласуется с тем, что мы знаем об этом книгописце, сохранившем в своих сборниках такие явно устные памятники, как загадки-притчи, «Слово о хмеле» и др. Тема борьбы с татарским игом была особенно близка Ефросину — мы уже знаем его хронологические записи на эту тему, знаем, что даже библейского Самсона он заставил драться с татарами. Библиографические наклонности Ефросина побудили его сблизить «Задонщину» с близкими ей по характеру

²²⁹ КБ-11, лл. 198—204. Этот список издан в книге: А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1884, стр. 251—254. Ср.: М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском дарстве. — ИпоРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 369

²³⁰ КБ-22, лл. 238—243; ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 87—89.

²³¹ Именно на сербской «Александрии» строил первую часть своего исследования по истории европейского романа А. Н. Веселовский (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886, стр. 129—511).

²³² И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Андреевича. — Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности, т. VI, СПб., 1858, стлб. 339—341.

²³³ Повести о Куликовской битве. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 398—400. Ср. рецензию В. П. Адриановой-Перетц: ИОЛЯ, т. XIX, вып. 2. М., 1960, стр. 156—158.

литературными произведениями, каким было «Слово о погибели Руския земли», отрывок из которого вставлен, как известно, в состав «Задонщины» Ефросина.²³⁴

Типично светским литературным памятником была и «Повесть о Дракуле», дважды переписанная Ефросином. Литературное значение этого памятника заключается прежде всего в том, что автор его, может быть впервые в русской литературе, порвал с традиционной трактовкой центрального персонажа либо как благочестивого героя, либо как черного злодея и тем самым предвосхитил «открытие человеческого характера» в русской литературе XVII в. И в этом отношении весьма мало привлекательный Дракула чем-то напоминает центрального героя «Александрии». Александр в «Александрии» — не христианский праведник, которому обеспечено царствие небесное; без всяких душевных мучений он убивает своего учителя и отца — Нектанаву; в образе Александра явно важнее его авантюрно-приключенческие черты, нежели его добродетели. Одно место из «Александрии» даже прямо отразилось в «Повести о Дракуле». Когда Дарий прислал Александру послов, назвав его в грамоте «разбойником и гусаром», Александр решил было убить его послов и сказал им: «Не зазирайте мне о том, но царю своему ругайтесь. Аз бо царя его имам, а он мене разбойником нарече, то и сам главы вам посекал есть».²³⁵ В «Повести о Дракуле» рассказывается, что Дракула сажал недостаточно почтительных послов на кол, говоря им: «Не аз повинен твоей смерти — или государ твой, или ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и ненаучена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть».²³⁶ Переключаясь с близкой Ефросину «Александрией», «Повесть о Дракуле» привлекала Ефросина и с чисто познавательной стороны, как интересный памятник о зарубежных (Валахия, Венгрия, Турция) событиях недавнего времени (середина XV в.).

«Задонщина» и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники совершенно различного типа. Но в одном отношении их судьба была схожей. «Повесть о Дракуле» дошла до нас в списке Ефросина; наряду с ним сохранился еще один список этого памятника конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Рум. 358); все остальные списки относятся уже к XVII в.²³⁷ Древнейший список «Задонщины» также принадлежит Ефросину; сохранился один список конца XV — начала XVI в. (ГИМ, № 3045); далее традиция прерывается, и новый список относится уже к концу XVI — началу XVII в.²³⁸ Та же судьба постигла, наконец, и третий памятник, переписанный Ефросином, — «Сказание об Индийском царстве»: и здесь сохранился список Ефросина и его младший современник конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Волок. 309); все последующие дошедшие до нас списки — не ранее XVII в.²³⁹

²³⁴ Ср., например: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Руския земли». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 108 (А. В. Соловьев считает, что Ефросин записал «Задонщину» от гусдаря, соединившего оба текста).

²³⁵ КБ-11, л. 70 об.; Новакович, стр. 44.

²³⁶ КБ-11, лл. 212—213; А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 657.

²³⁷ Ср.: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 640—641.

²³⁸ Ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 195—197.

²³⁹ На это обстоятельство обратил внимание уже М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 369—370).

Это совпадение в судьбе литературных памятников, переписанных Ефросином, весьма знаменательно. Сборники Ефросина сложились в последней четверти XV в. и носят на себе характерные черты этого времени. Они не вполне одиноки среди рукописной традиции конца XV в. Известное сходство со сборниками Ефросина обнаруживают, например, сборники БАН, 4.3.15 и ГБЛ, Муз. 3271. Оба эти сборника весьма пестры по своему составу; они содержат много церковно-полюемических статей, но наряду с ними и ряд статей, свидетельствующих о любознательности и светских интересах книгописцев. Так, в сборнике БАН читаются «странные притчи», подобные тем, которые помещал Ефросин («твой отец — мой отец, тебе дед, а мне муж...» и т. д.), рассуждение «первую чашу испити — здравию...», «библиографическая» запись об Оригене, Птоломее и других «книголюбцах», апокрифы, заметки географического и исторического характера и т. д.;²⁴⁰ в сборнике Муз. 3271, во многом совпадающем с БАН, 4.3.15, наряду с историческими, географическими, пасхально-астрономическими заметками помещены также отрывки из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.²⁴¹ Еще ближе к ефросиновским сборникам сборник ГБЛ, Рум. 358. Здесь читаются и «естественно-научные» статьи, знакомые нам по сборникам Ефросина, — «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах» и т. д., «От колих частей Адам создан...», и исторические отрывки и апокрифы («О исповедании Евгине»), и, наконец, «Повесть о Дракуле».²⁴² При этом, судя по тексту «Повести о Дракуле», отличному от текста КБ-11, мы можем говорить здесь не о непосредственном влиянии Ефросина, а именно о принадлежности сборника Рум. 358 к тому же типу рукописей, что и сборник Ефросина. Отражая определенное направление в книгописании XV в., сборники Ефросина отличаются от остальных сборников более последовательно выраженным светским («научным» и литературным) характером, а также тем, что в ефросиновских сборниках (из которых только КБ-11 относится к началу 90-х годов, а все остальные — более ранние по времени) не получила отражения религиозно-общественная борьба конца XV в. (между тем как в БАН, 4.3.15 приведены фрагменты из локаяния еретика Дениса и сочинения еретика Федора Курицына; в ГБЛ, Муз. 3271 — ряд противоеретических сочинений, включая рассказ об испанской инквизиции).

Не позволяя причислить их создателя к какой-либо определенной группе конца XV в., ефросиновские сборники дают основание видеть в нем представителя того широкого направления в русской общественной мысли и литературе этого периода, которое мы можем назвать светским направлением. Характерным представителем этого же направления был, например, Афанасий Никитин. Как и Ефросин, Афанасий Никитин едва ли был еретиком и едва ли даже знал о существовании ереси на Руси (только зарождавшейся в период его отправления в путешествие); как и Ефросин, он отличался прежде всего разнообразными интересами

²⁴⁰ Описание сборника БАН, 4.3.15 см. в книге: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 386—388.

²⁴¹ Описание сборника ГБЛ, Муз. 3271 см.: А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, I. Л., 1932, стр. 36—46. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 388—389.

²⁴² Ср.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 508—513; Ф. Буслаяев. Историческая хрестоматия..., стлб. 695—710; А. В. Марков. Памятники старой русской литературы, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 3—6 (замечания составителя сборника о «мятеже» от «неосмысленных мужей А. В. Марков без достаточных оснований толкует как доказательство противоеретического характера сборника).

и жадным вниманием к окружающему миру — к географии, мифологии, обычаям других стран и народов и т. д. Но в отличие от Ефросина Афанасий Никитин мог познакомиться со сказочной Индией не по легендам «Александрии» и «Сказания об Индийском царстве», а на своем собственном опыте. Опыт этот был по временам очень горек, но знакомство с различными вероисповедными обычаями, приобретенное Никитиным в путешествиях, оказало определенное влияние на его мировоззрение: у Никитина появилась, например, мысль о равноценности различных монотеистических религий, которая, несомненно, противоречила религиозным воззрениям, господствовавшим на его родине.²⁴³

Какое место занимало светское направление в русской общественной мысли второй половины XV в., в идеологической борьбе этого периода? Несомненно, что еретическое движение конца XV в. было тесно связано со светским направлением и выросло из него: как и Ефросин, еретики интересовались науками (историей, языкознанием, астрономией), использовали фрагменты античной (Менандр) и нехристианской литературы («Шестокрыл», «Логика» Маймонида — Аль-Газали). Но ересь была лишь крайней, наиболее радикальной формой светского направления. В какой-то мере научными и литературными интересами того времени были затронуты и враги ереси — деятели новгородского Геннадиевского кружка или Волоколамского монастыря, где было переписано, например, «Сказание об Индийском царстве». Как и Ефросин, сподвижники Иосифа Волоцкого интересовались пасхально-астрономическими статьями и эсхатологической литературой. С другой стороны, и сам Ефросин, как мы уже отмечали, был не чужд некоторого интереса к церковно-полюемическим вопросам²⁴⁴ и переписывал, например, противоиудейские сочинения. Использование Ефросином некоторых мистических сочинений исихастов²⁴⁵ сближало его и с другим направлением конца XV в., остававшимся в рамках церковной ортодоксии, — направлением Нила Сорского.

Но сходясь с Ефросином в интересе к отдельным литературным памятникам, последователи Иосифа Волоцкого и Нила Сорского расходились с ним в главном. Все они отрицали в принципе занятие «неполезными повестями» и светскими науками, не связанными с богословием. В этом отношении чрезвычайно характерно известное замечание Нила Сорского в послании его сподвижнику Гурию Тушину: «Писания бо многа, но не вся божественна суть». В другом месте нам уже приходилось доказывать, что слова эти, традиционно понимаемые в историографии как протест против некритического использования иосифлянами «святоотеческой» и апокрифической литературы, никакого отношения к Иосифу Волоцкому и иосифлянам не имеют: послание написано в конце 70—начале 80-х годов XV в., когда не только не было никакого особого иосифлянского направления, но даже сам монастырь Иосифа только начал создаваться.²⁴⁶ Предостерегая против чтения не-«божественных» писаний, Нил стремился уберечь Гурия от опасности «заблудити от истиннаго пути». Какую литературу имел в виду Нил? Крайняя опасность «заблуждения» — это, конечно, ересь, но путь к ней вел через чтение не-«божественной» литера-

²⁴³ Ср. подробнее нашу статью «Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в.» в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина, изд. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 136—138.

²⁴⁴ Ср. также статью о различных ересьях (древних): КБ-11, лл. 355 об—357.

²⁴⁵ «Что есть образ иноческого жительства» Григория Синаита (КБ-22, лл. 266 об.—267); «Святаго Нила о безстрастии души и тела» (КБ-22, л. 288/2).

²⁴⁶ Ср. нашу статью «К вопросу об идеологии Нила Сорского» (ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 204—205).

туры. Трудно не вспомнить здесь человека, который в то же самое время в том же самом Кирилловом монастыре переписывал сборники, обильно содержавшие «ложные» и «злые» сочинения, «басни и кощюны» и такие произведения, которых нельзя было читать «в зборе» и «являть» многим.

Связь между чтением не-«божественной» литературы и опасностью «заблуждения от истинного пути», очевидно, понималась многими идеологами господствующей церкви. Именно поэтому разгром ереси в начале XV в. оказался роковым событием и для всего светского направления в русской литературе. Изучая многочисленные рукописные сборники XVI в. (и именно «четьи» сборники, предназначенные для чтения, а не для богослужебных нужд), мы ощущаем всю глубину различия между ними и ефросиновскими сборниками. Принцип «писания многа, но не вся божественна суть» восторжествовал. В сборниках Гурия Тушина, Нила Полева, Вассиана Кошки, Феодосия, Нифонта Кормилицына, будущего митрополита Макария и других книгописцев XVI в. мы не найдем ни светских повестей, ни «басней и кощюнов», ни научных статей ефросиновских сборников. Наряду с уже перечисленными памятниками русской литературы из рукописной традиции XVI в. выпало и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Идеологические сдвиги начала XVI в. означали не только поражение ереси как одного из религиозно-общественных движений, но и победу господствующей феодально-христианской идеологии над всеми противостоящими ей силами. Укрепившаяся в XVI в. религиозная идеология была идеологией крайне нетерпимой и не допускавшей никаких шатаний и «сумнений». Светская научно-познавательная и художественная литература, отразившаяся в сборниках Ефросина, должна была исчезнуть со страниц рукописных сборников. Она исчезла более чем на столетие, пока новые общественные сдвиги XVII в. не привели к возрождению научных и литературных интересов на Руси.

162

НАПИСАНА БЫ СІА БЖ П О Е Н Д А
 КНИГА СЪБОРНИКЪ. ВДОМОУ
 ПРУТЫА БЦИ, И ПР П О Н А Г Ш
 ШЦА НАШЕ КЪ РИЛА, РЪКОЮ,
 ИМОГО БРЪШМАГОЙ ПОСЛАДА,
 НАГО ВЪ ИМОЦЪ ЧЕРЦА ГЪ
 РІА, ПОРЕКА СЪ
 П О У Ш І

: : НА : :
 . КНИГА .

Д С І О КНИГЪ ПИСА, О. ЛѢ.
 НА ШМОДЕСАТКУ,
 ПЕРВОГО ЛѢТА
 И ДЩЕ ЧЕШ ПИСА С ИЛИ НЕ
 И СТРАДОИ ШЕ РЪЗЪ МІНЪ
 ИЗЪ НЕМОЩЬ. ГАРРА ПРОЧИ
 ТРА И СТРАДОЛИЩА ИТЕ : -

Рис. 1. Подпись Гурия Тушина в конце сборника ГПБ, Софийское собрание, № 1468 (1423—1426 гг., 4°, л. 182).

Не касаясь сейчас вопроса о правильности классификации Н. К. Никольского, отметим целесообразность предложенного им пути дифференцированного изучения идей и взглядов широкого круга нестяжателей.

Настоящая статья представляет собой попытку изучения литературной деятельности и общественно-политических взглядов одного из представителей нестяжательства конца XV—начала XVI в. — кирилло-белозерского старца Гурия Тушина.

*

Гурия Тушина как адресата известного послания Нила Сорского упоминает А. С. Архангельский, ограничившись замечанием о том, что Гурий, инок Кирилло-Белозерского монастыря, одно время был в нем игуменом, пользовался большим уважением и имел своих учеников.²

Сводку биографических данных и краткую характеристику литературной деятельности и религиозно-общественных воззрений Гурия Тушина дает Н. К. Никольский в уже указанной статье. Он отмечает, что Гурий был известен как деятельный переписчик и составитель сборников, и называет шесть написанных рукою Тушина рукописей.³ Касаясь вопроса о мировоззрении Гурия Тушина, Н. К. Никольский относит его ко второй группе кирилловских нестяжателей, которые созерцательный взгляд на иночество Нила Сорского соединяли с признанием в принципе монастырского землевладения и выступали только против его дальнейшего расширения.⁴

Некоторое внимание уделяет Гурию Тушину в своих работах Я. С. Лурье. Я. С. Лурье интересуют преимущественно политические позиции Тушина, который, по мнению автора, принадлежал к аристократической группе кирилловских иноков, связанных с удельными князьями. Это мнение Я. С. Лурье обосновывает ссылкой на то обстоятельство, что Гурий стал игуменом Кирилло-Белозерского монастыря после Серапиона, отрешенного от должности благодаря вмешательству удельного князя верейского.⁵

Привлечение новых, неизвестных ранее рукописей Гурия Тушина и анализ их содержания дают основания для углубления, а в некоторых вопросах и для пересмотра существующих представлений о месте Тушина в развитии русской книжности и общественной мысли конца XV—начала XVI в.

Гурий Тушин, в миру Григорий, происходил из боярского рода Квашниных; фамилию Тушин он получил по прозвищу своего прадеда «Туша».⁶ В 1478 или 1479 г., приблизительно в возрасте 23—26 лет, он принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре от игумена Нифонта.⁷ В Кирилло-Белозерском монастыре Гурий Тушин сблизился с Нилом Сорским,

² А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в древней Руси. СПб., 1882, стр. 54—55 и примечания.

³ Кирилло-Белозерское собрание, №№ 23/1262, 141/1208 (шифр указан неправильно, надо 141/1218), 24/149, 30/1269 (шифр указан неправильно, надо 27/1266); Софийское собрание, №№ 1451, 1468. См.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174—177 и примечания.

⁴ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174—177.

⁵ Я. С. Лурье: 1) К вопросу об идеологии Нила Сорского — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 191, 210—211; 2) Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 222.

⁶ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174 и прим. 1.

⁷ О своем пострижении в «лето 6987» сообщает Гурий Тушин в составленном им летописце (см. ниже, стр. 200).

чей скит находился недалеко от монастыря, и стал его учеником и последователем⁸ (установить время сближения Гурия с Нилом Сорским за отсутствием каких-либо даже косвенных указаний источников нельзя). В 1484 г., через пять лет после своего пострижения, Гурий становится игуменом.⁹

Поставлению Гурия в игумены предшествовали какие-то не вполне ясные смуты в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1483 г., в конце июля, пятнадцать «больших старцев» ушли из монастыря и вернулись в него только через полгода по грамоте верейского князя Михаила Андреевича;¹⁰ по словам Иосифа Волоцкого, касающегося этого эпизода в «Отвещании любозаборным», включенном в его «Духовную грамоту», старцы уходили из монастыря в знак протеста против действий игумена (Серапиона — Н. К.), не хранившего предания Кирилла Белозерского. Серапион был отогнан князем¹¹ (как полагают исследователи — верейским), после чего стал игуменом Гурий Тушин.

Эти события исследователи трактуют по-разному. Н. К. Никольский уход старцев объясняет их недовольством стяжательской деятельностью Серапиона, принявшего от Ивана III до 30 деревень и починков в Вологодской области, и в приходе к руководству Гурия усматривает победу противников расширения монастырской вотчины: не случайно Гурий возвратил Ивану III пожалованные им монастырю в Вологодском уезде вотчины, испросив вместо них у великого князя «оброку житнаго». Я. С. Лурье, отрицая земельную подоплеку борьбы, рассматривает ее как столкновение элементов, связанных с великим князем (игумен Серапион), с элементами, тяготевшими к удельному князю («большие старцы» и Гурий).¹²

С нашей точки зрения, известия источников, повествующих о событиях в Кирилло-Белозерском монастыре в 1483—1484 гг., настолько скудны и отрывочны, что не дают возможности составить о них какое-либо определенное суждение. Тот факт, что предшественник Гурия на посту игумена, Серапион, был отстранен благодаря вмешательству верейского князя, не означает еще, что Гурий был поставлен по воле последнего: между изгнанием Серапиона и поставлением Гурия мог пройти какой-то промежуток времени (дата поставления Гурия неизвестна), в течение которого в монастыре могли взять верх сторонники великого князя. Во всяком случае никаких указаний на связь Гурия в какой-либо период его жизни с удельнокняжеской оппозицией не имеется; что касается отношения к Гурию великокняжеской власти, то оно было вполне благожелательным. Об этом свидетельствует дар Василия III Гурию Тушину — Евангелие, на последнем листе которого рукою Гурия записано: «Сие Еуангелие дал князь великий Василей Гурию Кирилловскому Тушину».¹³

Евангелие, подаренное Василием III Гурию Тушину, отличается высокой художественностью оформления: оно украшено изящным плетеным

⁸ О взаимоотношениях Гурия Тушина с Нилом Сорским см. ниже, стр. 179—180.

⁹ Списки кирилловских игуменов: ГПБ, Погодинское собрание, № 1571, л. 122; Софийское собрание, № 1166, л. 154 об.; № 1167, л. 151; № 1462, л. 2 об.

¹⁰ Летописец Гурия Тушина см. ниже, стр. 200.

¹¹ ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стр. 551.

¹² Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь... стр. 173—175; Я. С. Лурье. 1) К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 190—191; 2) Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в., стр. 222.

¹³ Кирилло-Белозерское собрание, № 28/33, л. 402. Дар великого князя Гурию Тушину у Н. К. Никольского отмечен (Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь... стр. 179, прим. 1), но без указания шифра Евангелия. За сообщение шифра автор приносит благодарность В. Г. Гейману.

орнаментом и миниатюрами, на которых легкие, исполненные благородного изящества фигуры евангелистов вставлены в великолепное арочное обрамление, а обычный для миниатюр золотой фон заменен тонким орнаментом, образующим ковровый узор. А. Н. Свирин в своем исследовании древнерусской миниатюры, отмечая художественную ценность интересующего нас Евангелия, ставит его миниатюры в один ряд с миниатюрами таких известных евангелий, как Евангелие Феодосия (сына Дионисия) 1507 г. и Бирева 1531 г. Миниатюры этих трех евангелий он рассматривает как отражение дионисиевской традиции в области русской книжной миниатюры первой половины XVI в.¹⁴ (рис. 2). Несомненно, что факт дарения Василием III такого ценного Евангелия старцу, не являвшемуся руководителем монастыря, свидетельствует о большом уважении к нему со стороны великого князя, уважении, возникшем не вдруг и не случайно.

Возвращаясь к событиям 1483—1484 гг. в монастыре, отметим, что связывать их с борьбой вокруг вопроса о судьбе монастырской вотчины, как это делает Н. К. Никольский, у нас также нет особых оснований: возврат Гурием Тушиным Ивану III пожалованных им монастырю деревень в Вологодском уезде мог быть вызван как отрицательным отношением Гурия к расширению монастырской вотчины, так и простым хозяйственным расчетом — вместо отдаленных деревень монастырю было выгоднее получать хлебный оброк.

Нам кажется, что в объяснении причин смут в монастыре ближе всего к истине Иосиф Волоцкий, рассматривающий их как результат столкновения иноков — ревнителей «преданий» Кирилла Белозерского с игуменами, отступавшими от этих «преданий», причем отступления заключались, как это явствует из рассказа Иосифа, главным образом в нарушении внутреннего распорядка: игумены, вызвавшие недовольство старцев, «в церкви на сборном пении и на трапезе, егда ядыху, любляше беседы творити и ненужная глаголати».¹⁵ Неполадки в монастыре попытался использовать удельный князь верейский для усиления в нем своего влияния. Насколько это ему удалось, мы не знаем. Но рассматривать Гурия Тушина как креатуру удельного князя у нас, повторяем, нет никаких оснований.

Игуменство Гурия Тушина продолжалось недолго — всего девять месяцев,¹⁶ но до конца своей жизни он не оставлял Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер 8 июля 1526 г., на восьмом десятке лет,¹⁷ окруженный всеобщим уважением. Об уважении и влиянии, которыми пользовался Гурий Тушин в монастыре, свидетельствуют записи в одном кирилло-белозерском сборнике о смерти не только самого Гурия и его сестры, но и его учеников — старцев Симеона, Герасима, Филофея.¹⁸

В истории Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин должен быть отмечен прежде всего как неутомимый труженик пера, как один из

¹⁴ А. Н. Свирин, Древнерусская миниатюра, М., 1950, стр. 78—91.

¹⁵ ВМЧ, сент. 1—13, стр. 551.

¹⁶ Списки кирилловских игуменов см. в прим. 9.

¹⁷ Гурию Тушину шел 71-й год, когда он закончил свою 37-ю книгу, датируемую 1523—1526 гг. (см. прим. 42). Дата смерти Тушина указана в сборнике № 1451 Софийского собрания (см. следующее примечание).

¹⁸ В настоящее время этот сборник находится в составе Софийского собрания под № 1451. На обороте л. 190 следующие записи: «В лето 7040, апреля 2, в Кирилове монастыре преставися старец Симеон Спашьской, ученик Гурья Тушина... В лето 7034, июля в 8, на память святого великомученика Прокопия преставися старец Гурей Тушин, с субботы на неделю в 3 часа нощи, и погребен быть того же дни в 3 часа дни... В лето 7034, июля 20, преставися Герасим, Гурьев ученик...». На л. 262 запись: «Лето 7045-го, месяца октября 31, преставися старец Филофей, Гурьев ученик Тушина, во вторник вечер».

Н. А. КАЗАКОВА

Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина

Одним из основных направлений русской общественной мысли конца XV—первой половины XVI в. являлось нестяжательство. Нестяжательство оставило настолько яркий след в жизни русского общества, что без анализа его не могут быть поняты многие явления в истории литературы и общественно-политической жизни этого периода.

Однако для характеристики нестяжательства исследователи привлекают обычно лишь литературное наследие его крупнейших представителей: Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Артемия Троицкого и неизвестного автора «Валаамской беседы». Несомненно, что эти писатели были наиболее крупными представителями нестяжательства, содержание которого в значительной степени определялось их идейными позициями. Но для глубокого и полного исследования любого идеологического течения необходимо изучение мировоззрения не только его крупнейших идеологов, но и всех тех участников, которые оставили после себя какой-то письменный след — только тогда данное течение может быть понято во всей его сложности и многообразии оттенков.

Попытку именно так подойти к изучению нестяжательства конца XV—начала XVI в. сделал Н. К. Никольский в своей статье «Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII». Анализируя взгляды целого ряда нестяжателей — не только Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, но и менее значительных деятелей, — Н. К. Никольский приходит к выводу о существовании в этот период в нестяжательстве трех групп: одна группа — последователи Нила Сорского, воодушевляемые идеалами духовного монашества, — отрицала общежитие и вотчинный быт монастырей; вторая группа, поддерживавшая сношения с Нилом и стремившаяся к духовной жизни, не отказывалась, однако, от общежития и, по-видимому, не была врагом вотчинного быта в принципе, ибо участники ее, ратуя против расширения монастырской вотчины, в то же время не выступали против старинных владений монастыря; третья группа — боярская — во главе с Вассианом Патрикеевым, отрешившись от созерцательного духовного взгляда на иночество Нила Сорского, отвергала вотчинный быт монастырей по соображениям практического характера (монастыри поглощали боярские земли); эта группа составляла наиболее крайнюю фракцию кирилловских нестяжателей, отдельные члены ее поддерживали связи с еретиками.¹

---

¹ Н. К. Никольский, Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII. — Христианское чтение, СПб, 1907, август, стр. 153—189.

наиболее деятельных книгописцев, внесший немалый вклад в создание знаменитой Кирилло-Белозерской библиотеки. За 47 лет, проведенных Гурием Тушиным в стенах монастыря, им написаны 37 книг, вошедших в состав монастырской библиотеки.

Гурий Тушин был не просто рядовым переписчиком, а одним из руководителей монастырского книгописания, под руководством которого работали другие монахи-переписчики. На эту мысль наводит просмотр сохранившихся рукописей Тушина. Одни из них от начала до конца написаны характерным, несколько вычурным, но в то же время очень четким полууставным письмом Тушина, другие — почерками Тушина и еще нескольких переписчиков. На первых рукописях обычно имеется запись, что эта книга написана «рукою многогрешнаго и последняго в иноцех Гурия»;¹⁹ на вторых — запись формулируется несколько иначе: книга написана «строением» и «потружением» Гурия Тушина, указание же на написание его рукою отсутствует.²⁰

Заниматься книгописанием Гурий Тушин стал еще в конце XV в., вскоре после своего пострижения. На эту мысль наводит ознакомление со сборником № 295/552 Кирилло-Белозерского собрания. Сборник представляет собой стихирарь руки неизвестного писца, написанный, как это явствует из записи на л. 254, в Кирилло-Белозерском монастыре в 1463 г. («в лето 6971»). Позже к сборнику были добавлены другими писцами стихирь Феодосию и Антонию Печерским и отрывки из служб несколькими святым (лл. 255—284 об.). Стихирь Антонию Печерскому (лл. 274—284 об.) написаны рукою Тушина. Очевидно, переписка одной из дополнительных к стихирарю статей была поручена Гурию Тушину, тогда еще молодому иноку, так как трудно предположить, что позже, будучи одним из руководителей монастырского книгописания, Тушин выполнял бы эту второстепенную работу сам, а не передал ее какому-нибудь находившемуся у него под началом переписчику.

Вероятно, очень скоро Гурий Тушин становится самостоятельным книгописцем. Об этом свидетельствует перечень части написанных им книг, сохранившийся в одном из его сборников: «По благословению игумена Макария написал непотребный и многогрешный Гурие монастырю Кириловы ограды Исака Сириянина, да Апостол тетр, да Симеон Новый Богослов, да Петр Дамаскыйн, да Часловець и с каноны и с многыми нужными вещми».²¹ Макарий был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря в 1489—1506 г.,²² следовательно названные книги были написаны Гурием в эти годы. Но особенно интенсивно деятельность Гурия по книгописанию развернулась в последние два десятилетия его жизни: к этому времени относится большинство из известных нам его рукописей.

Из 37 книг Гурия Тушина нам известны 19²³: 17 находятся в составе

¹⁹ См., например: Кирилло-Белозерское собрание, № 96/101, л. 439.

²⁰ См., например: Кирилло-Белозерское собрание, № 117/374, л. 133; № 281/538, л. 333.

²¹ Кирилло-Белозерское собрание, № 255/512, л. 1.

²² П. Стр о е в. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 55. — В 1520 г. в течение одного-двух месяцев (в марте-апреле) игуменом Кирилло-Белозерского монастыря был другой Макарий (см.: там же, стр. 35), но запись Гурия относится не к его игуменству, так как все названные книги не могли быть написаны за такой короткий промежуток времени.

²³ При разыскании рукописей Гурия Тушина использован рукописный каталог Кирилло-Белозерского собрания, составленный В. Г. Гейманом. О четырех рукописях Тушина — Кирилло-Белозерское собрание, №№ 790/1047, 36/113, 568/825, 142/1219 — сообщила Т. Н. Копреева и о трех других рукописях того же собрания — №№ 31/36,

Кирилло-Белозерского собрания (ГПБ)²⁴ и 2 — в составе Софийского собрания (ГПБ). Эти рукописи располагаются в следующем хронологическом порядке:

1) «Постнические слова» Исаака Сирина с добавлением статей Василия Великого «О любви к богу» и Ефрема «От похвального слова святых отцов», 1489—1506 гг.;²⁵

2) «Слова» Симеона Нового Богослова, 1489—1506 гг.;²⁶

3) богослужебный сборник, включающий Часослов, Каноник и, кроме того, несколько религиозно-нравственных статей, в том числе Иоанна Златоуста и Нила Сорского, 1489—1506 гг.;²⁷

4) сборник житий святых — Симеона Столпника, преподобного Харитона, преподобного Кириака и других восточных и греческих святых (список со сборника, написанного Нилом Сорским), 1509 г.;²⁸

5) сборник житий святых, содержащий «Повесть Амения о убиении святых отец в Синаи и Раифу», жития преподобного Мартиниана, Федора Сикеота, Великого Пахомия и др. (список со сборника, написанного Нилом Сорским), 1509 г.;²⁹

6) Богородичник, 1511 г.;³⁰

7) Евангелие, 1511 г.;³¹

8) Ирмологий нотный с добавлением нескольких святоотеческих статей, в том числе св. Нила «О осьми помыслах» и Исаака Сирина, 1506—1514 гг.;³²

9) Апостол тетр, 1515 г.;³³

96/101, 281/538 — Я. С. Лурье. В. Г. Гейману, Т. Н. Копреевой и Я. С. Лурье автор приносит свою искреннюю благодарность.

²⁴ В Кирилло-Белозерском собрании имеется Евангелие № 53/58, на первом, чистом листе которого скорописью сделана надпись: «Гурьево писмо Тушина»; почерк рукописи действительно напоминает своеобразное полууставное письмо Тушина, но произвести атрибуцию ему не позволяет водяной знак — сфера (знак, характерный для 60-х годов XVI в.).

²⁵ Кирилло-Белозерское собрание, № 64/189, на л. 462 запись о том, что книга написана рукою Гурия Тушина по благословению игумена Макария. Очевидно, это та самая книга Исаака Сирина, которая упомянута первой в перечне книг, написанных Гурием Тушиным при игумене Макарии (см. прим. 21 и 22).

²⁶ Кирилло-Белозерское собрание, № 36/1113, на л. 320 запись Гурия: написана его рукою по благословению игумена Макария. Во второй части сборника, с л. 322, находятся Житие Федора Ефесского и «Слова добродетельные» Федора; эта часть сборника писана, кажется, не рукою Гурия. Симеон Новый Богослов указан Гурием в перечне книг, написанных им при игумене Макарии.

²⁷ Кирилло-Белозерское собрание, № 255/512, на л. 251 запись о том, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Макария; на л. 1 — перечень книг, написанных Гурием при игумене Макарии (см. выше, стр. 174). В этом перечне настоящий сборник назван последним.

²⁸ Кирилло-Белозерское собрание, № 23/1262, два почерка — Гурия и похожий на его почерк, но, по-видимому, принадлежащий другому лицу; имеются две записи Гурия: на л. 1 — «Сия жития и мучениа преписана бысть с книги старца Нила...» и на л. 596 — «В лето 7017 ... написана бысть книга сия ... потружением многогрешнаго и последнаго в иноцех Гурия».

²⁹ Кирилло-Белозерское собрание, № 141/1218, почерки аналогичны почеркам предыдущего сборника, записи на лл. 1 и 564 также аналогичны записям, указанным в предыдущем примечании.

³⁰ Кирилло-Белозерское собрание, № 790/1047, на лл. 291—291 об. запись о том, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Ивана в лето 7019 г.

³¹ Кирилло-Белозерское собрание, № 31/36, на л. 404 запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его рукою в лето 7019 г.

³² Кирилло-Белозерское собрание, № 568/825, на л. 5 об. запись, указывающая, что книга написана рукою Гурия по благословению игумена Ивана (Иван был игуменом в 1506—1514 гг.; см.: П. Строев. Списки..., стр. 55).

³³ Кирилло-Белозерское собрание, № 96/101, на л. 439 запись Гурия об окончании им книги «в лето 7023 месяца мая 17».

10) религиозно-нравственный сборник, содержащий «Постнические слова» Василия Великого, поучения Феодосия Великого, Антония Великого, Иллариона Великого, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и других святых отцов, послания Нила Сорского, проложное житие Кирилла Белозерского и некоторые другие статьи, 1506—1524 гг.;³⁴

11) Часослов с добавлением нескольких статей — «О соединении церквей при Константине и Романе», «О книгах истинных и ложных», из Патерика и некоторых других, 1506—1524 гг.;³⁵

12) Каноник с добавлением нескольких религиозно-нравственных статей — Петра Дамаскина, Григория, папы римского, и др., 1506—1524 гг.;³⁶

13) Житие Саввы Сербского Доментиановской редакции, 1517—1524 гг.;³⁷

14) религиозно-нравственный сборник, включающий различные патристические статьи, каноны, службы, а также произведения Вассиана Патрикеева, 1518—1524 гг.;³⁸

15) Апостол толковый (список с перевода Максима Грека), 1520—1524 гг.;³⁹

16) Поучения Феодора Студита, 1520—1524 гг.;⁴⁰

17) сборник житий святых — Спиридона, Евстратия и др. — 35-я книга Гурия Тушина, 1520—24 гг.;⁴¹

³⁴ Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, конволют, почерки Гурия Тушина и неизвестных писцов. Основания датировки: после смерти игумена Макария (1506 г.), так как он не упоминается в перечне написанных при нем книг (см. стр. 174), и до написания Тушиным его 35-й книги (35-я книга датируется не позже 1524 г.; см. прим. 41 и 42).

³⁵ Кирилло-Белозерское собрание, № 281/538, почерки Гурия Тушина и неизвестных писцов; на л. 333 запись Гурия о том, что эта книга написана его «строением» и «тружением». Основания датировки те же, что и в предыдущем примечании.

³⁶ Кирилло-Белозерское собрание, № 117/374, почерки Гурия и неизвестных писцов; на л. 133 запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его «строением» и «потружением». Основания датировки те же, что в прим. 34.

³⁷ Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1266, на л. 1 запись Гурия о том, что Житие написано его рукою. Основания датировки: Житие Саввы Сербского Доментиановской редакции привезено на Русь в 1517 г. (см. ниже, стр. 181), Тушинский список Жития написан до 35-й книги Гурия Тушина, датируемой не позднее 1524 г. (см. прим. 41 и 42).

³⁸ Софийское собрание, № 1451 (подробное описание сборника см.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, стр. 211—215), конволют, почерком Тушина написаны лл. 88 об.—136, 139—147, 233—236. Основания датировки части, принадлежащей Тушину: Тушинская редакция «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева, находящаяся в сборнике, составлена после 1518 г. (см. ниже, стр. 185—186), сборник Тушин писал раньше своей 35-й книги (см. ниже, прим. 41—42).

³⁹ Кирилло-Белозерское собрание, № 24/149, рукою Тушина написаны лл. 1—10, 181 об.—192; на л. 181 об. запись о переводе Апостола Максимом Греком (см. прим. 58); на листе, приклеенном к верхней доске переплета, скорописью надпись: «Гурьева письма Тушина». Основания датировки: перевод Апостола Максимом Греком был сделан в 1520 г., 35-я книга Тушина датируется не позже 1524 г. (см. прим. 41 и 42).

⁴⁰ Кирилло-Белозерское собрание, № 85/210, на л. 110—110 об. запись Гурия, свидетельствующая о том, что книга написана его рукою по благословению игумена Алексея. Основания датировки: Алексей стал игуменом в апреле 1520 г. (П. Строев. Списки..., стр. 55), 35-я книга Гурия Тушина написана не позже 1524 г. (см. прим. 41 и 42).

⁴¹ Кирилло-Белозерское собрание, № 33/1272, на л. 1 запись: «А сия книга 35 Гурьева потружения...», на л. 207: «А писано бысть рукою многогрешнаго Гурия, по реклом Тушина». Основание датировки: написана непосредственно перед 36-й книгой Гурия Тушина

18) Каноник — 36 книга «строения и потружения» Гурия Тушина, 1520—1525 гг.;⁴²

19) религиозно-нравственный сборник, включающий выписки из Кормчей и различные статьи, в том числе святого Василия, Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, а также «Пророчества еллинских мудрецов», «Лунное течение» и «Летописец русский» — 37-я книга Гурия Тушина, 1523—1526 гг.⁴³

Ознакомление с сохранившимися рукописями Гурия Тушина дает материал не только для биографии Тушина, но и для характеристики его мировоззрения. Последнее определяется двумя обстоятельствами: во-первых, хотя выбор книги для переписки в ряде случаев направлялся волей игумена (в записях Гурия, преимущественно на богослужебных книгах, встречаются указания, что книга написана «по благословению» игумена), но в то же время в известной степени он зависел и от интересов самого Гурия (это касается в первую очередь религиозно-нравственных сборников); во-вторых, переписывая и составляя свои сборники (Гурий делал и первое, и второе), он не просто переписывал интересующие его произведения, но порою создавал, как это будет показано ниже, новые их редакции, отмеченные печатью его индивидуальных вкусов и взглядов.

Литературное наследие Гурия Тушина не выходит за рамки церковной литературы. В книгах Тушина нет светских произведений.⁴⁴ По своему содержанию книги Тушина могут быть разбиты на три группы: 1) книги священного писания и богослужебные, 2) житийные сборники, 3) религиозно-нравственные сборники.

Наименьшее значение для характеристики мировоззрения Тушина и его личных склонностей имеют, естественно, книги священного писания и богослужебные, которые Тушин писал, как это видно из его записей, для монастыря, по поручению игуменов. Но одна из этих книг интересна. Это нотный ирмологий прекрасного письма, правдивый свидетель музыкальной образованности книгописца.

Состав житийных и религиозно-нравственных сборников Тушина показывает, что его интересы тяготели к литературе, связанной своим происхождением с греко-восточным православным миром. Житийные сборники Гурия Тушина посвящены житиям греческих и восточных святых. Среди житий, переписанных Тушиным, имеется только одно русское — краткое проложное житие Кирилла Белозерского,⁴⁵ которое привлекло внимание книгописца, очевидно, потому, что Кирилл был основателем Кирилло-Белозерского монастыря.

Из религиозно-нравственных статей подавляющее большинство составляют сочинения святых отцов: они представлены книгами, целиком посвященными творчеству отдельных представителей патристической литера-

⁴² Кирилло-Белозерское собрание, № 215/472, на л. 105 запись Тушина, в которой указывается, что эту книгу — 36-ю — он начал писать 20 декабря, а кончил 19 января, в игуменство Алексея. Алексей занимал пост с апреля 1520 г. по апрель 1525 г. (П. Строев. Списки..., стр. 55), следовательно, 36-я книга Тушина написана не ранее декабря 1520—января 1521 г. и не позже декабря 1524—января 1525 г.

⁴³ Софийское собрание, № 1468 (подробное описание сборника см.: Д. И. Абрамович. Описание..., вып. III, стр. 289—295), на л. 182 запись Гурия о том, что эту книгу — 37-ю — он написал на 71-м году жизни (см. рисунок 1) Основания датировки: летописец Тушина, являющийся предпоследней статьей сборника, заканчивается известием о походе великого князя Василия Ивановича на казанских татар «в лето 7031» (поход имел место в августе 1523 г.; см.: ПСРЛ т. XIII, первая половина. СПб., 1904, стр. 43—44), Гурий Тушин умер 8 июля 1526 г.

⁴⁴ Исключение составляют краткий летописец, составленный Тушиным, и статья «О лунном течении» (см. ниже, стр. 190—194).

⁴⁵ Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, лл. 12—115 об.

туры; они включены в состав сборников в виде отдельных произведений, извлечений из них, а также извлечений из русских учительных сборников, возникших на основе патристической литературы, в частности из Измарагда.⁴⁶

При беглом просмотре книг Тушина может сложиться впечатление, что состав их не имеет ничего специфического, отразившего индивидуальные интересы переписчика и особенности его мировоззрения. Русские переводы и русские редакции сочинений святых отцов составляли львиную долю церковной литературы русского средневековья, и перепиской их занимался любой книгописец-монах. Но более внимательное ознакомление с содержанием книг Тушина показывает, что его интерес к патристической литературе имел совершенно определенную направленность: Тушина привлекали в первую очередь церковные писатели аскетически-созерцательного направления.

Крупнейшими представителями этого направления, развивавшими идеи внутреннего самоусовершенствования, «чистой молитвы» и «умного делания», были три писателя византийского средневековья — Исаак Сирия (VII в.), Симеон Новый Богослов (XI в.) и Григорий Синаит (XIV в.). Рукою Гурия Тушина переписаны основные сочинения первых двух: «Постнические слова» Исаака Сирина (91 «слово») и «Слова» Симеона Нового Богослова (24 «слова»), составившие две отдельные книги Тушина. Встречаются в его сборниках и произведения Григория Синаита.⁴⁷ Целую книгу Гурий Тушин посвятил также сочинениям Федора Студита, автора монастырского устава, известного своей строгостью, считавшегося в православной церкви идеальным образцом. Однако Тушина заинтересовали не сочинения Федора Студита, трактующие вопросы монастырского порядка, а его поучения, посвященные проблеме внутренней духовной жизни: «о смиренномудрии», «о еже очищати себе от всякия скверны благодаря покаяния», «еже о духовнемъ семени и о бдении божественаго поучения» и т. д. Преимущественно этой же проблемы касаются и произведения других церковных писателей, включенные в сборники Тушина в качестве отдельных статей: Василия Великого, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника и др.

Итак, ознакомление с книгами Тушина показывает, что Гурию Тушину был свойствен интерес к проблеме внутренней духовной жизни, во-первых, и к решению этой проблемы с позиций созерцательного аскетизма, во-вторых. Но интерес этот не был одинаковым в различные периоды жизни Тушина. В конце XV—первые годы XVI в. в книгах Тушина были представлены главным образом писатели созерцательно-мистического направления: в это время им были переписаны сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, а также Петра Дамаскина (книга с сочинениями последнего не сохранилась, но она упомянута в перечне книг, написанных Гурием Тушиным при игумене Макарии). Со второго десятилетия XVI в. сочинения писателей созерцательно-мистического направления в книгах Тушина встречаются реже и состав его сборников, как мы увидим ниже, меняется.

Чем же определялась склонность Тушина к аскетически-созерцательной литературе, прослеживаемая по его книгам конца XV—начала XVI в.? Ответ на этот вопрос дают известные нам факты биографии Тушина.

⁴⁶ Книга, нарицаемая Измарагд, истолкована святыми отци. — Софийское собрание. № 1451, лл. 119—125.

⁴⁷ См., например: Кирилло-Белозерское собрание. № 142/1219, лл. 84 об.—85 об.; № 255/512, л. 253 об.

Гурий Тушин был учеником Нила Сорского. Они не только встречались и беседовали, но и обменивались письмами. В одном из писем Гурий Тушин просил у Нила Сорского наставлений на избранном им жизненном пути. Письмо Тушина не сохранилось, но о содержании его мы знаем из ответного письма Нила Сорского: «Еже усты к устом беседова твоя святыни ко мне, честнейший мой господине-отче, тоже и писанийца о том же присылал ми еси, требуешь от мсей худости написано послати к тебе слово полезно, еже к угожению божию и к ползе души». Из письма Нила Сорского следует, далее, что Гурий Тушин обратился к нему с четырьмя вопросами: «о помыслех блудных, како съпротивигися им», «о хулном помысле», «како отступить от мира», «како не заблудити от истиннаго пути». На последний вопрос Нил Сорский ответил, в частности, следующим наставлением: «Свяжи себе законы божественных писаний и последуй тем, писанием же истинным, божественным ... И аще волнения кая подвижут сердце твое житейских вещей, не ужасайся, утверждаем на недвижимем камени заповедей господних и огражаем предании святых отец».⁴⁸

Может быть, под влиянием наставлений Нила Сорского Гурий Тушин всю свою жизнь посвятил посильному для него служению «божественным писаниям» — переписке книг, их содержащих. Вспомним, что сам Нил Сорский также занимался книгописанием. Весьма вероятно также, что влиянием Нила Сорского определилась и склонность Гурия Тушина к аскетически-созерцательной литературе, характерная для его ранних книг. При жизни Нила Сорского Гурием Тушиным были переписаны уже упоминавшиеся сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, к творчеству которых Нил Сорский постоянно обращался, черпая оттуда религиозно-философские идеи своего учения.

Влияние Нила Сорского наложило печать и на состав житийных сборников Гурия Тушина; два из них — объемистые книги, без малого в 600 листов, являются списками сборников Нила Сорского: «Сия жития и мучения преписана бысть с книги старца Нила, с его списания и исправления. Занеже многи труды старець Нил показал о сих писаниих», — записал Гурий Тушин вслед за оглавлением сборников.⁴⁹ Эта запись, так же как и сам факт переписки житийных сборников Нила в 1509 г., вскоре после его смерти, свидетельствуют о глубокой любви и уважении Гурия Тушина к своему учителю.

Гурию Тушину принадлежит немалая заслуга в сохранении и распространении литературного наследия Нила Сорского: он был одним из первых собирателей и переписчиков его сочинений. Произведения Нила Сорского встречаются в грех сборниках Тушина. В 37-й книге Тушина (датируется 1523—1526 гг.) находится самый ранний из известных списков «Молитвы» Нила Сорского.⁵⁰ В другом сборнике, составленном еще при жизни Нила Сорского (до 1506 г.), имеется и самый ранний список его «Устава» (к сожалению, неполный).⁵¹ В сборнике Гурия Тушина, датированном 1506—1524 гг., находился полный текст «Устава» Нила Сорского. Об этом мы узнаем из оглавления сборника, где подробно перечислены

⁴⁸ Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, лл. 196—199 об.

⁴⁹ Кирилло-Белозерское собрание, № 23/1262, л. 1; № 141/1218, л. 1.

⁵⁰ Софийское собрание, № 1468, лл. 61—72 об.; издана по этому списку Н. К. Никольским (Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности СПб., 1897, стр. 14—25).

⁵¹ Кирилло-Белозерское собрание, 255/512, лл. 238—242. — Этот список включает «Предисловие», «Сказание главам» и первую главу «О различии, еже на нас мысленныя борьбы, победы и побежения, и о еже тщливо противитися страстем».

все главы «Устава». Но самого «Устава» нет: листы с текстом «Устава» были удалены и заменены другими с текстом посланий и духовной Кирилла Белозерского, написанных другим почерком (водяные знаки этих листов также другие). К счастью, в этом сборнике сохранился список (вероятно, один из самых ранних) трех посланий Нила Сорского: Вассиану Патрикееву, Гурию Тушину и Герману Подольному.⁵² Можно полагать, что Тушинский список посланий Нила Сорского восходит непосредственно к автографам: естественно, что Гурий Тушин, являясь адресатом одного из посланий Нила Сорского, автограф своего учителя — «великого старца», как он его именуется, бережно хранил; автографы же посланий к Вассиану Патрикееву и Герману Подольному он мог получить непосредственно от адресатов, проживавших в Кирилло-Белозерском монастыре.

В литературе давно отмечено, что указанные три послания обычно встречаются в рукописях вместе в следующей последовательности: сначала послание Вассиану Патрикееву, затем Гурию Тушину и, наконец, Герману Подольному. В списке Тушина послания встречаются именно в этой последовательности. Не Тушин ли первый, задумав собрать послания своего учителя, объединил вместе те послания, о существовании которых он знал от их адресатов? При таком предположении становится понятным, почему четвертое послание Нила Сорского — Кассиану, князю мавнукийскому, в этот цикл не вошло и в рукописях встречается только отдельно.⁵³ Кассиан умер в 1504 г., и Гурий Тушин, объединяя в один цикл послания Нила Сорского, мог не знать о послании к нему Нила или же знать, но не найти за смертью адресата.

С конца второго десятилетия XVI в. состав сборников Гурия Тушина, как мы уже отметили, меняется. Сочинения писателей созерцательно-мистического направления встречаются в них гораздо реже, и вместе с тем появляются статьи, трактующие более широкие проблемы религиозно-общественной жизни. Отметим еще одну характерную особенность поздних сборников Тушина: вместо полных текстов произведений в них довольно часто встречаются краткие изложения их в виде выдержек или пересказов, снабженные в ряде случаев пометками Гурия: «Писал выбором, а не по ряду».⁵⁴ Подобные краткие изложения, приводившие порою к возникновению новых редакций произведений, давали простор проявлению индивидуальных вкусов и интересов Тушина. Поэтому для характеристики мировоззрения Тушина его поздние сборники имеют особое значение.

Целый ряд статей поздних сборников Тушина может рассматриваться как своеобразный отклик на острые вопросы современной ему общественно-политической и идеологической борьбы.

Прежде чем перейти к анализу этих статей, попытаемся выяснить, почему, под влиянием каких причин в мировоззрении Тушина произошел сдвиг, обусловивший его поворот от созерцательности к живой, скружающей его общественной жизни. В самой общей форме этот поворот может быть объяснен эволюцией нестяжательства — от сосредоточения на вопросах внутренней духовной жизни с уклоном в сторону созерцательности и мистицизма, свойственных учению Нила Сорского, к участию в общественно-политической борьбе, оружием которой являлось учение Вассиана Патрикеева. Но влияние общих закономерностей идеологического развития осуществляется часто через отдельных лиц, и эволюция мировоззрения Гу-

⁵² Кирилло-Белозерское собрание, № 142/1219, оглавление «Устава» — л. 3—3 об.; послания и духовная Кирилла Белозерского — лл. 231—244; послания Нила Сорского — лл. 191—203 об.

⁵³ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 55—56 и примечание.

⁵⁴ См. сборники Софийского собрания, №№ 1451, 1468.

рия Тушина была обусловлена в значительной степени его связями с Максимом Греком и особенно с Вассианом Патрикеевым.

Мы не знаем, был ли Гурий Тушин лично знаком с Максимом Греком, но несомненно, что кирилло-белозерский книгописец внимательно следил за литературной деятельностью ученого грека.

Возможно, что вначале Максим Грек привлек внимание Гурия Тушина как выходец с Афона. Интерес к Афону, к афонской литературе был привит Гурию Тушину еще Нилом Сорским, и Тушин сохранял его и после смерти последнего. Памятники афонской литературы, привозившиеся на Русь, сразу же попадали в орбиту внимания Гурия Тушина. Так, едва старец Исая, приехавший в 1517 г. с Афона, привез в Москву Житие Саввы Сербского, как в Кирилло-Белозерском монастыре появляется список Жития руки Гурия Тушина.⁵⁵ Вероятно, протографом для списка Гурия послужил экземпляр Жития, подаренный Кирилло-Белозерскому монастырю монахом Чудова монастыря Михаилом Медоварцевым, будущим помощником Максима Грека по переводу богослужебных книг. Из дарственной записи следует, что Михаил Медоварцев списал свой экземпляр непосредственно с Жития, привезенного Исаией.⁵⁶

Естественно, что живейший интерес должна была вызвать у Тушина переводческая деятельность Максима Грека, имевшая целью исправление богослужебных книг. К переводам Максима Грека Гурий Тушин относился положительно. Доказательство этому — та быстрота, с какой появлялись списки Тушина с переводов богослужебных книг Максима Грека: в 1520 г. Максим Грек при помощи приставленного к нему переводчика Власа заканчивает свой перевод Толкового Апостола, а в 1520—1524 гг. в Кирилло-Белозерской библиотеке имелся уже список этого перевода, сделанный Гурием Тушиным.⁵⁷

Можно полагать, что у Гурия Тушина встречали сочувствие не только переводы Максима Грека, но и некоторые аспекты его публицистической деятельности. На эту мысль наводит очень любопытная подборка статей, помещенная в последнем сборнике Тушина — 37-й его книге. Подборка включает четыре «слова»: 1) «Слово о вдовицах и о сиротах, да не обидят их цари и князи и властели», 2) «Слово на немилостивыя цари и князи, иже неправдою судять», 3) «Слово о судиях и властелех, емлющих мзду и не в правду судящих», 4) «Слово святого Василия о судиях и властелех».⁵⁸ В основу этих статей Гурий Тушин положил, вероятно, «слова» на аналогичную тему, встречающиеся в списках «Мерила праведного». Филарет в своем «Обзоре русской духовной литературы» отмечает, в частности, следующие «слова», читающиеся в «Мериле праведном»:

⁵⁵ Кирилло-Белозерское собрание, № 27/1266.

⁵⁶ Кирилло-Белозерское собрание, № 30/1269, на лл. 1, 1 об. 2, 2 об., 3 внизу под текстом запись: «В лето 7025 привезл к великому князю Василию старец Исая из Святыя горы из Ватопеда монастыря книгу житие святого Савы, прьваго архиепископа сръпскаго, и с тое книги написаны сия тетради в дому святого Николы Старого на Москве в келии Михаила Медоварцова. И дал сии тетради в дом святыя богородица в Кириллов монастырь на Белазеро, чтобы помянули в святых своих молитвах мое окаанство грешнаго Михаила».

⁵⁷ Кирилло-Белозерское собрание, № 24/149, на л. 181 об. запись рукою Тушина: «Помощию божиею и повелением святейшаго Варлаама, митрополита всея Руси, написано толкование деянием святых апостол от 31 зачала до конца и предложено с греческаго языка на рускый монахом Максимом Святыя горы великыя обители Ватопеда монастыря, да Власом, толмачем латынским и немецкым, на Москве в царство благовернаго и христоролюбиваго Василия, божиею милостию государя и самодержца всея Руси и великаго князя, в лето 7028 марта в четвертое на дете (так в ркл.) лето государства его». О датировке рукописи см. прим. 39.

⁵⁸ Софийское собрание, № 1468, лл. 30 об.—35.

1) «Слово на немилостивые князи», 2) «Слово о гордости властителей», 3) «Слово о судиях и властелех, емлющих мзду», 4) «Слово о судиях и клеветях».⁵⁹

Тема «слов» сборника Гурия Тушина — осуждение неправого суда и призыв к царям и князьям следить за тем, чтобы судьи творили праведный суд и не занимались мздоимством. Обращенные к абстрактным царям, князьям, властителям и судьям, описывающие в общей форме мздоимство неправедных судей, ведущих себя подобно алчным волкам, эти «слова» лишены национальной и исторической специфики. Но в условиях Русского государства XVI в., где процветал неправый суд приказной и наместничьей администрации, «слова» должны были звучать злободневно и восприниматься современниками как непосредственно касающиеся больных для них сторон общественной жизни. Тема неправого суда занимала большое место в творчестве Максима Грека. Правда, публицистические произведения Максима Грека, специально посвященные этой теме, относятся к более позднему времени — к 30-м годам XVI в.,⁶⁰ но вполне возможно, что уже в 20-е годы в окружении Максима Грека дебатировались вопросы, связанные с этой темой. Не под влиянием ли идей кружка Максима Грека в книгах Тушина появились «слова», направленные против неправедных судей?

Очень важен для понимания мировоззрения Тушина последнего десятилетия его жизни вопрос о взаимоотношениях его с Вассианом Патрикеевым. Этот вопрос был поставлен в литературе Н. К. Никольским. Вассиан Патрикеев, по мнению Н. К. Никольского, в свою бытность в Кирилло-Белозерском монастыре мог принадлежать к кружку Гурия Тушина. Но впоследствии они разошлись, и Гурий Тушин безо всякого пиетета относился к сочинениям Вассиана. «В рукописях Гурия, — указывает Н. К. Никольский, — не раз встречаются заметки, что он пользовался книгами Вассиана, но переписчик везде оговаривается, что он писал „памяти ради, за немощь скорости ради“, писал „отчасти выбором, а не сряду“, а в других случаях прямо говорил, что, переписывая памяти ради, он „исправлял“ отрывки из Васьянских книг».⁶¹

Ссылка Н. К. Никольского на заметки Гурия, свидетельствующие об отсутствии у него уважения к Вассиану, является недоразумением. Две заметки Гурия Тушина (на которые ссылается Н. К. Никольский) о том, что он писал «отчасти выбором, а не сряду», относятся не к сочинениям Вассиана Патрикеева.⁶² Третья заметка, в которой Н. К. Никольский видит указание на то, что Гурий «исправлял» Вассиана, неправильно прочтена. Эта заметка гласит: «Сиа убо писал есми памяти ради, отчасти выбором, не по ряду, ис правил писал есми из Васьяновых из новых, что в пустыне».⁶³ Н. К. Никольский при чтении соединил предлог «ис» и существительное «правил», получив, таким образом, глагол «исправил». На самом деле Гурий отметил лишь, что выписки он делал из «правил Вассиановых новых», т. е. из Кормчей Вассиана.⁶⁴ Ничего дискриминацион-

⁵⁹ Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884, стр. 61.

⁶⁰ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРА, т. I. Л., 1934, стр. 37—59.

⁶¹ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 176, прим. 2.

⁶² Первая заметка на л. 88 об. сборника Софийского собрания, № 1451 относится к статье «О памяти смертной» (см.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей..., вып. III, стр. 213), вторая на л. 125 того же сборника — к выпискам из Иоанна Лествичника.

⁶³ Софийское собрание, № 1468, л. 36 об.

⁶⁴ «Новыми правилами» Вассиана современники называли его Кормчую. См. судное дело Вассиана Патрикеева в кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 287.

ного в отношении Вассиана эта заметка не содержит, так как краткие извлечения из различных произведений, снабженные пометками «писал выбором, а не сряду», составляют, как мы уже указывали, характерную особенность поздних сборников Тушина. Единственный вывод, который можно извлечь об отношении Гурия Тушина к Вассиану из приведенной заметки, это то, что Гурий внимательно следил за литературной деятельностью Вассиана и использовал его сочинения при составлении своих сборников.

Гораздо больший материал для понимания мировоззрения Тушина и его отношения к учению Вассиана Патриксева дают особые редакции произведений Вассиана — «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках», находящиеся в составе сборника № 1451 Софийского собрания.

«Собрание некоего старца» занимало центральное место в творчестве Вассиана. В этом произведении Вассиан с предельной четкостью выразил основную идею своего учения — о том, что монастыри не должны владеть селами. Написанное в первом десятилетии XVI в. в виде поучения к инокам, «Собрание некоего старца» было затем переработано в канонический трактат, где каждое положение автора подкреплялось ссылками на священное писание и постановления церковных соборов. Канонический трактат предназначался Вассианом для включения в его Кормчую. И канонический трактат, и Кормчую Вассиан несколько раз перерабатывал. Последний этап работы Вассиана над каноническим трактатом — это пространный вид его второй редакции, находящийся в окончательном варианте Кормчей Вассиана, составленном после приезда Максима Грека на Русь в 1518 г.⁶⁵

Канонический трактат Вассиана представляет собой трехчастное произведение. В первой части — позитивной, посвященной изложению взглядов автора на иноческую жизнь, проводятся два положения: 1) иноки должны следовать своим обетам, 2) они должны питаться трудами рук своих и не иметь сел; тех же, кто нарушает обеты, ожидают муки вечные и проклятие. Каждое из этих положений подкреплено длинным рядом ссылок на священное писание. Во второй части — полемической автор вступает в полемику с докладом собора 1503 г., защищавшим вотчинные права монастырей, и обосновывает их нестяжательность указанием на примеры древних святых, не владевших селами. В третьей части, указав на нарушения иноками своих обетов, автор приводит затем длинную подборку ссылок и цитат из постановлений церковных соборов, утверждающих нестяжательность монастырей.⁶⁶ В стилистическом оформлении канонического трактата чувствуется стремление автора придать своим рассуждениям значение церковных канонов. Это достигается исключением личного момента — прямых высказываний автора, непосредственно раскрывающих его отношение к рассматриваемым вопросам, и насыщением текста цитатами и ссылками на священное писание и соборные постановления.

«Собрание некоего старца» Софийского списка отличается от канонического трактата Вассиана объемом (текст Софийского списка значительно меньше текста канонического трактата), в известной мере идейной направленностью и, очень существенно, стилистическим оформлением. Все эти отличия касаются главным образом третьей части произведения. Первые две части и в Софийском списке, и в тексте канонического трактата близки; единственное значительное различие между ними — это исключение в Софийском списке второго ряда цитат и ссылок на священное пи-

⁶⁵ О литературной истории «Собрания некоего старца» см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 190—219.

⁶⁶ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 231—238. О соборе 1503 г. см. стр. 26—35.

сание, помещенных в каноническом трактате за рассуждением о том, что иноки должны следовать своим обетам, а нарушающих их ожидают кары.⁶⁷

Чтобы было яснее, в каком направлении шла переработка третьей части «Собрания», приведем начало ее по текстам канонического трактата и Софийского списка.

Канонический трактат

Но о горе, увы, преступив заповеди божиа и отецъ своих учениа, села к монастырем емлют и покупают и владеют ими, и вся злая съдевается от них иноком, съпротивна к бѣжним заповедем. Ох, что будет в день судный! Едину заповедь преступить человек, мний наречется в царствии небесном. Толк: А мний, ино ничто — мука вечная и геона огненная. А во Апостоле и в святых отецъ писании многаа таковаа запрещенна нсхранящим заповеди божиа.⁶⁸

Софийский список

А ныне положим ум наш в глаголемая: уже и заповедь божию преступихом и учение святых отецъ не послушаом, и свои обет забыхом. И ныне молю вы, господа ради, поразсудите сами себе, который от них принимаем, от сед покой душевной или телесной? — Безпрестанная волна и по вся дни от них попечение, да не токмо телесне, но и духовне игумену дати от них ответ богу... Аще ли кто преступит заповедь божию и святых отецъ поучение, и станут имати села к монастырю или покупати, — ино что убо нам о сих глаголати? Но токмо по божественному писанию о таковых подобает рыдати и плакати, понеже вся нам злая от мира приходит.⁶⁹

В каноническом трактате за приведенным отрывком следует уже упомянутая подборка ссылок на монастырские уставы и соборные постановления, заканчивающаяся переводом правил Федора Вальсамона, в Софийском списке — снова авторское рассуждение о вреде владения селами и напоминание о том, что святые отцы заведцали инокам «никако же вступатися в мирская строенна или села держати». Заканчивается Софийский список следующими словами: «И аще ли кто не послушает святых правил и святых отецъ поучения, тот чернець сам свое бремя носит. Мы таковаго обычая не имама, ни цркви божиа».⁷⁰

Основная идейная направленность канонического трактата Вассиана и «Собрания некоего старца» Софийского списка одинакова — обоснование нестяжательности монастырей. Но автор канонического трактата своим рассуждениям о нестяжательности монастырей стремился, как это уже отмечено, придать значение црковных канонов, для чего он совершенно исключил личный момент (высказывания и обращения от своего имени); нарушителей обета нестяжания автор словами священного писания называл отступниками («мний») и грозил им геенной огненной. В Софийском списке полностью устранены изложение постановлений црковных соборов и ссылки на священное писание (рудимент этих ссылок остался только в первой части «Собрания»); автор неоднократно высказывает свое личное отношение к рассматриваемым вопросам — он пишет от своего имени «мы», «нам»; вместо того чтобы называть иноков, нарушителей обетов, отступниками и грозить им геенной огненной, он указывает, что нарушители сами должны нести «свое бремя» и о них «подобает рыдати и плакати»; обращаясь непосредственно к инокам, автор стремится воздействовать на них своими рассуждениями (но, как мы видели, без угроз) и побудить их

⁶⁷ Ср. тексты канонического трактата (Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 231—238) и Софийского списка (см. ниже, стр. 194—196).

⁶⁸ Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 233—234.

⁶⁹ См. ниже, стр. 195—196.

⁷⁰ Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 234—238; см. ниже, стр. 196.

к соблюдению обетов и в первую очередь обета нестяжания. Софийский список «Собрания некоего старца» представляет собой поучение, обращенное к инокам. Написан Софийский список простым, бесхитростным языком, без всякой риторики и цветистости. Все это дает основание рассматривать «Собрание некоего старца» Софийского списка как особую редакцию произведения Вассиана.

Особенности редакции «Собрания некоего старца» Софийского списка дают возможность установить некоторые черты мировоззрения ее составителя. Составитель редакции Софийского списка, так же как и Вассиан Патрикеев, был противником монастырского землевладения и рассматривал современное ему монастырское вотчинное владение как нарушение иноками своих обетов. Но если Вассиан своему учению о нестяжательности монастырей придал активный, боевой характер, если свою Кормчую, включающую канонический трактат, он думал использовать для того, чтобы склонить великого князя к проведению секуляризации, то составитель редакции Софийского списка ставил перед собой иные задачи. Путь к осуществлению нестяжательности монастырей он усматривал не в политических мероприятиях, а в поучении, наставлении иноков, стремясь путем кротких увещаний отвлечь их от стяжательской деятельности. Иные задачи обусловили особенности редакции Софийского списка: снижение идейной направленности произведения Вассиана⁷¹ и стилистическую переработку его.

Для переработки составитель редакции Софийского списка использовал окончательный вариант канонического трактата Вассиана. Это доказывается наличием в первой части Софийского списка рудимента ссылок на священное писание, имеющих в пространном виде второй редакции канонического трактата,⁷² а также использованием текста одной из статей Кормчей Вассиана. Статья называется «От обоих правил»; вдоль текста статьи на полях листов по вертикали имеется надпись: «О иереях и о иноцех от обещания и о мирских человецех от крещения, како им подобает по святым правилом жити и каятися».⁷³

Сравним отрывок текста статьи и Софийского списка.

«От обоих правил»

Софийский список

...иноческая же исправления нестяжание имению есть и безславию, молчание, смирение, любовь, терпение, кротость, въздержание, худы власяны ризы и прочих житейских мирских попечений чюжу быти.⁷⁴

Понеже иноческая исправления — нестяжание и безславию, молчание, смирение, тръпение, любовь, кротость, въздержание и ризы худы, власяны, и всех мирских попечениих чюжу быти всяческими делы.⁷⁵

Сравнение показывает, что составитель редакции Софийского списка использовал отрывок статьи «От обоих правил». В Кормчей Вассиана статья находится сразу же за каноническим трактатом (пространным видом второй редакции). Следовательно, редактор Софийского списка, создавая редакцию «Собрания некоего старца», пользовался Кормчей Вассиана, включающей пространный вид второй редакции канонического трактата и статью «От обоих правил».

Установление этого факта помогает датировать редакцию «Собрания некоего старца», представленную Софийским списком. Пространный вид

⁷¹ На это обстоятельство любезно обратила наше внимание Г. Н. Моисеева.

⁷² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 232; см. ниже. Приложения, «Собрание некоего старца», л. 98—98 об.

⁷³ ЦГАДА, ф. 181, № 1597, лл. 323 об.—325 об.

⁷⁴ Там же, л. 324—324 об.

⁷⁵ См. ниже, стр. 196.

второй редакции канонического трактата Вассиана, так же как и окончательный вариант его Кормчей, были составлены не ранее 1518 г. Этот год и является нижней гранью датировки редакции Софийского списка; верхнюю грань составляет 1524 г., после которого не мог быть составлен сборник Софийского собрания № 1451, включающий рассматриваемую нами редакцию «Собрания некоего старца».⁷⁶

В составе сборника № 1451 Софийского собрания находится, как мы уже указывали, и особая редакция еще одного произведения Вассиана Патрикеева — «Слова о еретиках».

Тема судьбы еретиков являлась одной из важнейших в публицической деятельности Вассиана. Этой теме целиком посвящено раннее произведение Вассиана — «Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого великому князю о наказании еретиков»; касается ее Вассиан и в своих более поздних произведениях — «Слове ответном» и «Прении с Иосифом Волоцким», и, наконец, в расцвете своей публицистической деятельности он вновь посвящает ей специальное произведение — «Слово о еретиках», написанное для Кормчей. Во всех этих произведениях инквизиторской доктрине иосифлян, требовавших смертных казней для еретиков независимо от их покаяния, Вассиан противопоставляет иное, более гуманное отношение к еретикам: 1) еретиков покаявшихся следует принимать в лоно церкви, 2) непокаявшихся — заточать, отправлять в ссылку, но не предавать смертным казням.

Анализ «Слова о еретиках» Вассиана показывает, что оно было направлено непосредственно против 13-го «слова» «Просветителя» Иосифа Волоцкого, содержавшего развернутое изложение доктрины иосифлян по вопросу о судьбе еретиков. В «Слове о еретиках» Вассиан развивает мысль о том, что еретиков непокаявшихся «казнить царем и князем их подобает», а еретиков, «обращающихся и приходящих на покаяние, волею или неволею, принимати подобает»; это положение подкрепляется примерами из ветхозаветной истории и патристической литературы. Далее, автор указывает, что духовные лица — «пастыри церковные» — должны обращать еретиков, духовных же лиц, не делающих этого, «правила святых отцов» «изврщи повелевает». Возражая дальше своим неназванным противникам, требовавшим казни еретиков, основываясь на Ветхом завете, автор «Слова» пишет, что из Ветхого завета следует принимать только то, что соответствует Евангелию, апостольским посланиям и правилам вселенских соборов и поместных. В заключение автор подвергает критике утверждение своих противников о том, что «едино есть, еже молитвою и оружием убивати» еретиков.⁷⁷

«Слово о еретиках» Вассиана по самой своей сути являлось глубоко полемическим произведением. В основе его лежит скрытый диалог автора с не названными прямо его противниками. Но, предназначив свое произведение для Кормчей, Вассиан придал ему форму канонического трактата, в котором каждое положение подкреплялось соответствующими правилами — апостольскими, церковными и т. д., почерпнутыми главным образом из Кормчей книги и снабженными (большой частью) точными ссылками на источники. Благодаря этому полемичность произведения, его связь с современной автору действительностью в какой-то мере скрадывалась, затушевывалась, но зато мысли автора приобретали значение церковных канонов (чего, по-видимому, Вассиан и добивался).

⁷⁶ См. прим. 38.

⁷⁷ Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 272—274.

Редакция «Слова о еретиках» Софийского сборника, полностью совпадая по содержанию с редакцией Вассиана, имеет иное название: «Слово 12 на ересь новгородских еретиков, глаголющих, яко не подобает еретиков осужати, ни проклинати, ни заточати», — и несколько иное стилистическое оформление. Составитель этой редакции, в противоположность Вассиану, придавшему своему произведению форму канонического трактата, стремился подчеркнуть полемичность «Слова», его связь с современной действительностью. Это достигалось, во-первых, удалением характерных для статей Кормчей точных ссылок на Евангелие и правила Кормчей книги (рудимент этих ссылок остался, однако, в начале произведения) и, во-вторых, изменением названия. Заголовок Софийского списка представляет собой начало заголовка 13-го «слова» «Просветителя», против которого, как мы уже отмечали, было направлено «Слово о еретиках».⁷⁸ Изменив заголовки, составитель редакции Софийского сборника подчеркнул связь (полемическую) «Слова» с «Просветителем» и вместе с тем с идеологической борьбой, происходившей в Русском государстве в этот период. Устраняя из «Слова о еретиках» ссылки на источники, составитель новой редакции преследовал, очевидно, еще одну цель — облегчить текст, сделать его более доступным для восприятия читателя.

Сравнивая редакции «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках», находящиеся в составе Софийского сборника № 1451, можно установить между ними общие черты: вместо канонических трактатов, теоретические положения которых должны были иметь силу церковных законов, перед нами обращенные автором непосредственно к читателю произведения (в одном случае поучение, в другом — полемическое слово); в обоих случаях торжественность произведений снижается, но зато они становятся более близкими читателю. Этому способствовала простота и безыскусственность языка составителя новых редакций (особенно сказывающаяся в редакции «Собрания некоего старца»).

Сходство редакций «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках» Софийского сборника позволяет высказать предположение, что они были составлены одним и тем же лицом. Вряд ли мы ошибемся, если в качестве редактора назовем Гурия Тушина. За атрибуцию Гурию Тушину рассматриваемых редакций произведений Вассиана говорит целый ряд данных: 1) редакции обоих памятников находятся в составе сборника Тушина и написаны его рукою; 2) для редакторской манеры Тушина характерны как раз краткие переработки и извлечения из интересовавших его произведений; 3) оба сочинения Вассиана находились в его Кормчей, а сам Гурий указывает, что использовал Кормчую Вассиана и делал из нее извлечения для своих сборников;⁷⁹ 4) между написанием Вассианом канонических трактатов и новыми редакциями их, находящимися в составе Софийского сборника № 1451, прошел такой малый срок, что вряд ли возможны были промежуточные звенья (Софийский сборник датируется, как мы уже указывали, 1518—1524 гг., «Слово о еретиках» было написано Вассианом около 1515 г., пространный вид второй редакции канонического трактата «Собрания некоего старца» — не ранее 1518 г.).

⁷⁸ Я. С. Лурье удачно объяснил, почему в заголовке, повторяющем название 13-го «слова» «Просветителя» — «Слово 12 на ересь новгородских еретиков», оно названо 12-м, а не 13-м. Очевидно, составитель текста Софийского списка имел перед собой один из той группы списков «Просветителя», в которой ввиду исключения первоначального 12-го «слова» порядковый номер 12 получило «слово» 13-е (см.: Я. С. Лурье. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого — памятник раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 132—134).

⁷⁹ См. выше, стр. 182.

По-видимому, из Кормчей Вассиана в состав одного из сборников Тушина (того же сборника № 1451 Софийского собрания) попала и статья «Святаго Василия правил 26», первые правила которой направлены против «поставленья по мзде». Осуждению «поставленья по мзде» в сборнике № 1451 Софийского собрания посвящена еще одна статья — «Послание святаго Тарасия к Андрияну пане, еже не поставляти по мзде», протограф которой установить нам не удалось.

Вопрос о «поставленьи по мзде» давно волновал различные круги русского общества. Осуждение «поставленья по мзде» составляло один из основных пунктов учения еретиков-стригольников. Против продажи церковных должностей выступали и представители церковных кругов, стремившиеся к поднятию авторитета церкви. Собор 1503 г. вынес решение о запрещении «поставленья по мзде». Но соборное запрещение, по-видимому, не особенно соблюдалось, и в последующее время этот вопрос не терял своей злободневности. К голосу осуждавших «поставленья по мзде» присоединился и Гурий Тушин, включивший в свой сборник названные статьи. Начало «Послания св. Тарасия» составляет следующее рассуждение: «Рукоположници, иже поставляют епископы и презвитеры и диаконы и весь причет церковный, слуги суть святаго духа, а не продавци, ту не приемше по господню глаголу, ту не должни суть даяти. Аще кто златом благодать святаго духа покушается стяжати, да отвержется, немошно бо богу работати и мамоне». Эта же мысль о необходимости отлучения виновных в мздоимстве при поставлении еще категоричнее высказана в правилах святого Василия: «Поставляя чрес предел, да извержется. Поставляя на мзде, извержется и поставленный от него».⁸⁰

Займствование статей из Кормчей Вассиана Патрикеева и особенно наличие в составе сборников Гурия Тушина принадлежащих ему редакций сочинений Вассиана свидетельствует, что в последний период жизни Гурий Тушин был сторонником учения Вассиана и стремился пропагандировать его посредством своего пера. Степень восприятия Тушиным идей Вассиана устанавливается путем анализа Тушинских редакций сочинений Вассиана. Гурий Тушин разделял основные идеи Вассиана: о необходимости относительно гуманного отношения к еретикам и о противоречии вотчинного быта монастырей обетам иноков. Но будучи противником монастырского землевладения, Гурий Тушин в отличие от Вассиана Патрикеева не являлся, по-видимому, сторонником секуляризации и третворение в жизнь своих идеалов нестяжательности монастырей связывал лишь с пропагандой их среди иноков.⁸¹

Иным, чем у Вассиана, было и отношение Тушина к канонической литературе. Если Вассиану, несмотря на признание им всей канонической литературы, был свойствен все-таки известный критицизм в отношении нее (этот критицизм проявлялся и в использовании Вассианом житийной литературы, и в особенности в работе над Кормчей), то никаких следов

⁸⁰ «Св. Василия правил 26»: Софийское собрание, № 1451, лл. 109 об—110 об; ЦГАДА, ф. 181, № 1597 (Кормчая Вассиана), лл. 289—290. «Послание св. Тарасия к Андрияну пане»: Софийское собрание, № 1451, лл. 112—112 об.

⁸¹ В пользу именно такой трактовки отношения Гурия Тушина к монастырскому землевладению свидетельствуют не только особенности его редакции «Собрания некоего старца», но и факт переписки Тушиным «Слова 165 отец на обидящая святых церкви» (Софийское собрание, № 1468, лл. 26—27). Если бы Гурий Тушин был сторонником секуляризации, то вряд ли он стал бы включать в свой сборник произведение, подвергающее проклятию всех (в том числе и «венец носящих»), поднимающих руку на церковную собственность. Но в то же время переписка Тушиным «Слова 165 отец» может быть объяснена, независимо от его идейных убеждений, интересом к памятникам, в которых ставился вопрос о церковных землях.

подобного критицизма в сборниках Тушина не обнаруживается. В этом вопросе Гурий Тушин стоял на вполне ортодоксальных позициях. Показательна в этом отношении находящаяся в одном из сборников Тушина статья «О книгах истинных и ложных».⁸² Статья, содержащая перечень «истинных», т. е. признанных церковью, книг и «ложных», т. е. запрещенных, апокрифических, встречается в древнерусских сборниках очень часто и во многих редакциях. В сборнике Тушина статья также имеет особую, составленную, возможно, самим Тушиным редакцию. Во всяком случае очень неполный перечень «лживых писаний и словес» заканчивается в ней характерным для Тушина замечанием: «Сиа убо отчасти написана бысть, а не по ряду»; к этому замечанию добавлено пояснение: «понеже лжею складена бысть; писал поп Еремей, еретик был» (имеется в виду болгарский поп Еремей, которому приписывались некоторые апокрифические сказания).⁸³ Нахождение этой статьи в сборнике Тушина в особой, как мы полагаем, принадлежащей ему редакции, показывает, что никакого вольномыслия в отношении религиозной литературы Тушин не проявлял.

Не прослеживается никаких следов вольномыслия и в отношении Тушина к вопросам догматическим, хотя некоторым из нестяжателей такое вольномыслие было свойственно. Мы имеем в виду, в частности, ту позицию, которую занимал Вассиан Патрикеев в христологических спорах конца XV—начала XVI в. Согласно ортодоксальной точке зрения, Христос обладал двумя природами: божественной и человеческой. Учение христианской церкви о двух природах Христа всегда вызывало критику (в своей основе рационалистическую) со стороны представителей различных еретических учений. На Руси на рубеже XV и XVI столетий оно подвергалось нападкам со стороны новгородско-московских еретиков, отрицавших божественную природу Христа и считавших Христа человеком. Вассиан Патрикеев, не соглашаясь с ортодоксальной точкой зрения, отрицал двойную природу Христа с противоположных позиций: он признавал, по сути, только одну божественную природу Христа.⁸⁴ Христологические споры задела и Гурия Тушина, чутко реагировавшего, как мы видели, на все важнейшие явления религиозно-общественной жизни его времени. Но в этих спорах он остался верен ортодоксальной точке зрения, что видно из содержания находящейся в последнем сборнике Тушина (1523—1526 гг.) любопытной статьи «Пророчества еллинских мудрецов».

«Пророчества еллинских мудрецов» представляют собой собрание изречений о троице, божественности Христа, воплощении его от девы Марии, приписывавшихся античным писателям: Платону, Аристотелю, Гомеру, Эврипиду, Пифагору и др. Статья встречается в ряде сборников XVI—XVIII вв., а также в Хронографе. Наиболее ранние списки ее — Хронографа редакции 1512 г.⁸⁵ и сборника Тушина. П. Е. Щеголев в своем исследовании «Сказания Афродитиана», касаясь интересующей нас статьи, отмечает, что, вероятно, она была переведена с греческого.⁸⁶ Однако текст «Пророчеств еллинских мудрецов» Тушинского списка не мог восходить непосредственно к переводу с греческого; так, он включает не только пред-

⁸² Кирилло-Белозерское собрание, № 281/538, лл. 324 об. — 325 об.

⁸³ А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК. 1861, вып. I, стр. 1—55.

⁸⁴ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 96—98.

⁸⁵ ПСРА, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 164—165.

⁸⁶ П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы. «Сказание Афродитиана». СПб., 1900, стр. 91.

сказания «еллинских мудрецов» и сивилл, но и пророчение волхва Валаама, взятое из Палеи, и отрывок из «Сказания Афродитиана» русской редакции.⁸⁷ Этот текст представляет собой компиляцию, составленную русским книжником. Является ли эта компиляция результатом редакторской работы Гурия Тушина или же он заимствовал ее из какого-то несохранившегося сборника — мы не знаем. Но несомненно одно: Гурий Тушин был одним из первых книгописцев, обративших внимание на редкий, не получивший еще распространения в русской литературе памятник. И это обстоятельство весьма существенно.

«Пророчества еллинских мудрецов» входят в обиход русской литературы в начале XVI в. не случайно. XVI век был временем проникновения на Русь гуманистических веяний и пробуждения в русском обществе интереса к античности. В то же время на рубеже XV—XVI вв. усиливается религиозно-философское брожение, затрагивающее различные стороны христианской религии, и в первую очередь учение о Христе. В этих условиях наиболее проникательные представители русской церкви обращаются к античным авторитетам, стремясь их именами подкрепить колеблющиеся основы православия.⁸⁸ К числу таких представителей принадлежал и Гурий Тушин, устами «еллинских мудрецов» защищавший ортодоксальное учение о Христе и вместе с тем отдававший, таким образом, дань уважения античному наследию. Включение Тушиным в свой сборник «Пророчеств еллинских мудрецов» — показатель его гибкости и широты его кругозора.

Для характеристики литературной деятельности и общественно-политических взглядов Гурия Тушина немаловажное значение имеет летописец, находящийся в последнем сборнике Тушина и написанный его рукой.⁸⁹

По своему типу этот летописец принадлежит к кратким летописцам, которые велись в Кирилло-Белозерском монастыре и в которых местные монастырские известия перемежались с общерусскими.⁹⁰ Летописец начинается с известия о смерти Феодосия Печерского в 6582 (1074) г. и заканчивается известием о походе Василия III против казанских татар в 7031 (1523) г. За этим известием на обороте л. 179 имеется приписанное позже, не рукой Тушина, известие о смерти царевича Ивана Ивановича в 7090 (1582) г.

По своему составу летописец делится на две части. Первая часть, содержащая известия от 6582 (1074) и до 6934 (1426) г., повторяет с некоторыми отклонениями краткий Кирилло-Белозерский летописец середины XV в., находящийся в сборнике Погодинского собрания № 1554.⁹¹ Используя этот летописец, составитель нашего летописца подверг его сокращению: он исключил начальные известия из истории Киевской Руси за 6523 (1015)—6580 (1072) гг. и ряд известий из последующего текста — под 6666 (1158), 6693 (1185), 6697 (1189), 6698 (1190), 6739 (1231), 6819 (1311), 6829 (1321), 6845 (1337), 6854 (1346), 6864 (1356),

⁸⁷ Софийское собрание, № 1468, лл. 91 об.—94.

⁸⁸ Подробнее об этом см. в нашей статье «„Пророчества еллинских мудрецов“ и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв.» (настоящий том, стр. 358—368).

⁸⁹ Софийское собрание, № 1468, лл. 173—179 об.

⁹⁰ Три таких летописца изданы А. А. Зиминим (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 22—39).

⁹¹ Текст летописца Погодинского собрания см.: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 22—27. На использование составителем летописца Софийского собрания, № 1468, летописца Погодинского собрания, № 1554 указал А. Н. Насонов (А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, VI. М., 1958, стр. 259).

6872 (1364), 6904 (1396), 6913 (1405), 6925 (1417), 6923 (1415), 6946 (1438) гг. Известия под этими годами, выпущенные составителем нашего летописца, — ростовские, касающиеся главным образом изменений в составе ростовской церковной иерархии; выпущенный под 6946 (1438) г. рассказ об установлении на Руси митрополии и четырех епископств также ростовского происхождения: если о поставлении епископов белградского, черниговского, волынского в нем просто упоминается, без приведения даже их имен, то о поставлении епископа ростовского читается следующая запись: «посади ... другаго Ростову, Феодора именем, посла его с мучеником Борисом, тѣи бысть 1 епископ в Ростове, крести всю землю Ростовс[к]ую и Суздальс[к]ую».⁹² Таким образом, составитель нашего летописца в противоположность своему предшественнику не только не пользовался ростовским летописным сводом, но почти все ростовские известия из своего труда последовательно исключал. По сравнению с кирилловским летописцем середины XV в. в рассматриваемый нами летописец добавлено очень немного новых известий: под 6745 (1237) г. — об убиении Батыя венгерским королем, крестником Саввы Сербского; под 6890 (1382) г. — о взятии Москвы Тохтамышем; под 6891 (1383) г. — объяснение причин ссылки митрополита Киприана; под 6933 (1425) г. — о преставлении великого князя Василия Дмитриевича; под 6961 (1453) г. — о преставлении великой княгини Софьи. Эти известия были заимствованы, вероятно, из какой-то общерусской летописи.

Вторая часть летописца, начинающаяся сообщением о смерти митрополита Ионы, под 6969 (1461) г., включает наряду с общерусскими известиями и целый ряд известий, касающихся Кирилло-Белозерского монастыря. Эта часть является непосредственно результатом творчества составителя, записавшего наиболее важные, с его точки зрения, события из жизни монастыря и дополнившего их известиями общерусскими, заимствованными, возможно, из той же летописи, из которой были взяты и дополнения к Кирилловскому летописцу середины XV в.

Из числа известий этой части летописца, отражающих факты, связанные с общерусскими событиями, оригинальными являются записи о судьбе Федора Басенка. Федор Басенок, один из выдающихся русских воевод середины XV в., хранивший непоколебимую верность Василию Темному во время борьбы его с Шемякой, великокняжеский воевода в походе против Новгорода 1456 г., после смерти Василия Темного по неизвестным причинам подвергся опале.⁹³ Из летописца мы узнаем, что в 1463 г. он был ослеплен, а в 1473 г. приехал в Кириллов монастырь, где прожил семь лет и два месяца. Интересны также известия летописца, уточняющие недостаточно отраженные в других летописях факты связей монастыря с великокняжеским домом. Так, читающееся в Московском летописном своде конца XV в. известие под 6986 (1478) г. о пострижении под именем Марфы матери Ивана III, великой княгини Марии, в Москве кирилловским игуменом наш летописец дополняет следующей лаконичной записью: «В лето 6986 февраля 2 постриг Нифонт великую княгиню Марфу»;⁹⁴ очевидно, Нифонт специально был вызван в Москву для пострижения великой княгини. Хорошо известное летописное известие под 6989 (1481) г. о том, что во время нашествия Ахмага великая княгиня Софья «бегала за Белоозеро и з боярынями от татар», летописец дополняет указанием на место, где

⁹² А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 26—27.

⁹³ О Федоре Басенке см. Я. С. Лурье. Из истории русского летописания. — ТОДРА т. XI, М.—Л., 1955, стр. 162—163.

⁹⁴ ПСРЛ, т. XXV, стр. 322, см. ниже, стр. 200.

нашла себе приют великая княгиня: «В лето 6989 княгини великая была в Кириллове монастыре София».⁹⁵ Эти известия, тщательно записанные составителем нашего летописца, показывают, что во время игуменства Нифонта между монастырем и великокняжеской семьей существовали самые тесные связи.

Ряд оригинальных известий летописца полнее раскрывает жизнь Кирилло-Белозерского монастыря: таковы известия о постриженниках монастыря под 6986 (1478), 6987 (1479), 6993 (1485), 6991 (1483), 6971 (1463) гг., об уходе в 6991 (1483) г. из монастыря, в связи с происходившей в нем борьбой «больших» старцев, о строительстве в монастыре (под 7004 (1496) и 7031 (1523) гг.); для историков архитектуры особенно интересна запись о постройке в 1496 г. в монастыре каменной церкви с указанием ее размеров, количества мастеров («стенщиков»), занятых постройкой, и ее стоимости.

Составителем летописца, очевидно, был Гурий Тушин. В пользу этого предположения можно привести следующие соображения: 1) систематическое изложение кирилло-белозерских известий начинается в летописце с поставления в игумены монастыря Нифонта в 1476 г. (6984 г.), постриженником которого был Гурий Тушин; сообщается о пострижении Нифонта не только Гурия, но и других лиц; 2) обрывается летописец на событиях, происходивших в последние годы жизни Тушина (поход на татар 1523 г.); 3) летописец заключает последнюю книгу Тушина (он является ее предпоследней статьей); естественно поэтому предположить, что свою летописную деятельность Гурий Тушин пожелал завершить обзором важнейших с его точки зрения событий истории Руси и родного ему Кирилло-Белозерского монастыря.

Летописец Гурия Тушина отражает в какой-то мере круг его интересов. При чтении летописца бросается в глаза обилие в нем сведений об астрономических и метеорологических явлениях: солнечных затмениях, бурях, грме и т. д. Правда, эти сведения не являются оригинальными: Гурий Тушин заимствовал их из краткого Кирилловского летописца середины XV в. Но симптоматично то, что астрономо-метеорологические известия летописца середины XV в. Гурий Тушин перенес в свой летописец полностью, в то время как известия другого ряда он сокращал. В этой связи укажем на имеющуюся в том же сборнике, где и летописец Тушина, статью «О лунном течении».⁹⁶ Как отметил А. И. Соболевский, «Лунников», или статей «О лунном течении», «О лунном хождении», устанавливающих циклы луны, на Руси в XV—XVII вв. обращалось несколько.⁹⁷ Статья, читающаяся в сборнике Тушина, имеет название: «Лунное течение. Каяждо луна имать дьний 29 и пол и пятую часть часу и пол часа; начинает же ся от настоящего 1 круга и въсходит даже до 19. Егда же съвръшиши 19 круг, сиречь година, пакы начни от 1 круга и николи же скончевается реченое число». Эта статья, так же как и известия летописца Тушина о природных явлениях, свидетельствует о наличии у него некоторого интереса к естественно-научным вопросам своего времени.

Но, как всякая летопись, летописец Тушина имеет значение прежде всего для характеристики общественно-политических настроений составителя. Тушин в оглавлении сборника назвал свой летописец «русским».

⁹⁵ ПСРЛ, т. XXV, стр. 328; см. ниже, стр. 200.

⁹⁶ Софийское собрание, № 1468, лл. 150—163.

⁹⁷ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 376—377.

И это название вполне отвечает содержанию летописца: несмотря на краткость, он действительно является русским и по преобладанию в нем известий общерусских над местными кирилловскими, и по идейной направленности. Показательна в этом отношении переработка Кирилловского летописца середины XV в., произведенная Гурием Тушиным. При включении его в свой летописец Гурий Тушин опустил, как мы уже указывали, почти все ростовские известия, касающиеся изменений в составе ростовской церковной иерархии. Тем самым был устранен местный ростовский колорит, присущий Кирилловскому летописцу середины XV в.

Три общерусские темы являются стержневыми в летописце Тушина: поставления и смерти митрополитов и великих князей русских, взаимоотношения Руси с татарами, борьба великокняжеской власти с феодальной оппозицией (третья тема присутствует в последней части летописца, отражающей события XV в.). Если известия о смене митрополитов и князей и о борьбе с феодальной оппозицией в лаконичной форме без всякого оценочного момента констатируют основные факты, то в известиях о русско-татарских отношениях в ряде случаев присутствует оценка или же приводятся дополнительные факты, отражающие позицию составителя.

Так, к известию кирилловского летописца середины XV в. под 6745 (1237) г. «Бысть Батыевщина» в летописце Тушина добавлено: «и убиен бысть от угорскаго краля, крестника Савы Серпскаго». В добавлении речь идет о вымышленном убийстве Батия венгерским королем Владиславом, о чем повествуется в «Повести об убиении Батия», читающейся в ряде русских летописей. Как правильно отметил исследователь «Повести» С. П. Розанов, своим идейным содержанием она отвечала национальному чувству русских людей.⁹⁸ И Гурий Тушин, внося в свой летописец легендарное сообщение об убийстве Батия, тем самым как бы подчеркивал, что за все горе, причиненное Русской земле Батыем, он понес должное возмездие.

Показательны также изменения, внесенные Тушиным в запись под 6891 (1383) г.

Кирилловский летописец
середины XV в.

В лето 6[8]91 князь великий Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии.⁹⁹

Летописец Гурия Тушина

В лето 6891 князь великий Дмитрией съсла митрополита Кипреяна за то, что не седел в осаде, на Тверь сбежал.¹⁰⁰

В обоих летописцах речь идет о ссылке великим князем митрополита Киприана, бежавшего из Москвы во время нашествия Тохтамыша. В Кирилловском летописце просто констатируется факт ссылки, без всякого пояснения, и затем читается известие о розни, начавшейся в русской митрополии (имеется в виду одновременное существование двух митрополитов — Питирима и Дионисия). В летописце же Тушина опущено известие о розни в митрополии, но зато добавлено читающееся в летописях того времени указание на причину опалы митрополита Киприана.¹⁰¹ Это

⁹⁸ С. П. Розанов. Повесть об убиении Батия. Пгр. 1915, стр. 1.

⁹⁹ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 25.

¹⁰⁰ См. ниже, стр. 199.

¹⁰¹ ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 154; т. XXV, стр. 210.

добавление, раскрывающее неблагоприятное поведение митрополита в грозную годину татарского нашествия, означало, по существу, осуждение его с патриотических позиций. Ненависть Тушина к вековому врагу Руси — татарам еще явственнее сказывается в заключительной записи летописца — о походе Василия III на казанского царя, «христианьского врага и губителя и кровопивца». Татарская тема у Тушина имела совершенно определенный аспект, свидетельствующий о патриотизме составителя.

Изучение рукописного наследия Гурия Тушина освещает ту большую роль, которую Тушин сыграл в развитии русской книжности конца XV—начала XVI в.: он был одним из самых деятельных книгописцев — не просто переписчиком, но и составителем сборников и редактором ряда произведений. Книжное «труждение» Гурий Тушин считал главным делом своей жизни, и, может быть, именно поэтому последнюю статью своей последней книги он посвятил краткому изложению легенды о мощах Иоанна Златоуста: о том, как после взятия Царьграда турками фряги выкупили у турецкого султана мощи Златоуста, а султан, несмотря на выкуп, послал за ними свои корабли, о том, как турецкие корабли были потоплены молитвами Златоуста и мощи его спасены из рук неверных.¹⁰² Иоанн Златоуст почитался православным миром как покровитель книг, «строению» которых Гурий Тушин посвятил всю свою долгую жизнь.

Роль Гурия Тушина в развитии русской культуры конца XV—начала XVI в. не ограничивается книгописанием. В своих книгах Гурий Тушин выступал как представитель определенного направления общественной мысли — нестяжательства, пропагандировавший его идеи посредством своего пера. Анализ содержания книг Тушина позволяет в какой-то мере проследить эволюцию его мировоззрения. Если в первый период своей деятельности, будучи учеником Нила Сорского, Гурий Тушин интересовался преимущественно проблемами внутренней духовной жизни, то в последующее время под влиянием Вассиана Патрикеева в его мировоззрении происходит поворот к практическим вопросам современной ему религиозно-общественной жизни. Гурий Тушин примкнул к той группе нестяжателей, которая во главе с Вассианом Патрикеевым ставила своей целью реформу православной церкви на основе ликвидации вотчинного быта монастырей. Но путь к достижению этой цели Гурий Тушин мыслил себе иначе, чем Вассиан Патрикеев: он связывал его не с секуляризацией церковных земель, а с пропагандой идей нестяжания среди иноков. Иной была позиция Тушина и в вопросах догматических: по отношению к ним он не проявлял никаких «шатаний». Политическую платформу Тушина на основе его книг проследить трудно. Но, судя по общерусской идейной направленности летописца Тушина, а также по той благосклонности, с какой относился к Тушину Василий III, мы можем предположить, что Гурий Тушин, как же как и Вассиан Патрикеев, являлся сторонником великокняжеской власти. Религиозно-философские и общественно-политические взгляды Гурия Тушина — показатель сложности и многообразия оттенков, которые идеология нестяжателей приобретала в лице своих различных представителей.

¹⁰² Софийское собрание, № 1468, л. 180. Другой вариант легенды (пространный) находится в сборнике № 1449 Софийского собрания (лл. 570 об.—571). Этот сборник был написан в 7110 (1602) г. в Кирилло-Белозерском монастыре чернецом Евстафием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОБРАНИЕ НЕКОЕГО СТАРЦА

ГПБ, Софийское собрание, № 1451, сборник, в 4-ку, первая четверть XVI в., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, разных рук, лл. 98—102 об.

Събрание некоего старца на въспоминание своего л. 98
обещания от святаго писаниа. О отвержении мира,
яко же пишет в жизни святаго Савы

Въдав себе богови и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием святаго Еуангелиа пред многими послухы, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания к своему игумену, — и сицевыми делесы и словесы Великий Сава душу их кормяше и напояти не престаше, и крыла им даяше, и летати их учааше, и выше небес въсходити их поучаше.

Еуангелиа от Матфеа 39, зачала 69, 79, || в Марке 45, в Луце 49 и л. 98 об.
77 и 91. А в Апостоле зачала 40. И в правилех, иже на римляны, в слове 80 от Петра апостола: Софиа и с нею 160 жен приаша житие удаление от мирских вещей, апостол же тех острищи повеле и в сукняны ризы черныя одяти их, и поясы ременныя поясати о чреслах. И рече апостол: Аще кто хошет въздержатися легок на высоту быти изменою, да идет на особная места тихая, да ту празнует молитвами и алканием и почитанием ума и очищением. И в Апостоле зачала 67, 75, 176, 181, 215, 238, 244, 245, 257, 292, 296, 330, 331. И в Василии Великом слово 5, || 6, 7, и л. 99
в Слове о отвержении мира и съвершении духовнем, в нем же и о учителе непрелеснем по бозе учащем, а не по человеческому угожению. И в правилех Великаго Василиа правило 84: Аще кто не по Еуангелию хошет жити, мы с такими не хоцем погыбнуть, но спасая, спасет душу свою.

И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком жити по Еуангелию и по Апостолу и по Великому Василию — сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии и питаяся своими руками. И аще ли не удовлимся сим, подобает у христороубцев милостыня приимати || нуж- л. 99 об.
ная, не излишнее, ни села, ни многоаго богатства (а сие и мирским чюже есть — уповати на богатство, а не на бога) и не внимати человеческим обычаем и сим попирати святая писаниа. Аще ли же не хранят своего обещаниа, сим святая писаниа муками претит и огню вечному осужает и отступники их именует и проклятию их предает.

Аще ли кто възглаголет: Преже сего монастыри держали земли, — сиа убо ложь, а не истинна. Но прежнии вси святии началнии отци сел у монастырей не держали: ни Пахомей Великий, ни Ларион Великий, ни Саллва Великий, ни Ефимей Великий, ни Феодосей Великий, ни Семион л. 100
Чюдодворец, иже на Дивней горе, ни Афонасей Афонский, ни Феодор Студиский, ни иным прежнии началници сел у монастырей своих не имели. Аще кто и давал им села, и они не имали мятежа ради, но хотяху жити безмолвно и тихо по Еуангелию и по своему обету, как ся обещали в своем постригании пред многими послухи.

Тако же и Рускыя земли здешныи наши началници и чюдотворцы: Антоний и Феодосий Печерский, иже в Киеве, и чюдотворецъ Сергей Радонежский, и Кирил Белозерский, и Варлам Новгородский и Деонисей л. 100 об.
Глушиский, и Дмитрий Прилутский, и Павел Комельский — те все святии отци и чюдотворци сел не держали и не имали, но жили по Еуангелию и по иноческому обещанию. Понеже села держати подобает епископом у съборныхъ церкви нищих ради и убогих,

зане же и апостольское правило глаголет 59: церковное богатство — нищих богатство. А иноком подобает жити по своему обещанию как святая правила повелевают и как жили святии отци наши и учеников своих тому же

л. 101 учили, что жити безмолвно и || в мирския вещи не вступатися.

А ныне положим ум наш в глаголема: уже и заповедь божию преступихом и учение святых отець не послушахом, и свои обет забыхом. И ныне молю вы, господа ради, поразсудите сами себе, который от них приимаем, от сел, покой душевной или телесной? — Безпрестанная волна и по вся дни от них попечение, да не токмо телесне, но и духовне игумену дати от них ответ богу.

Нам же убо ныне подобает святая правила хранить и по них ходити, и святых отець и прежних и нынешних заповеди их и поучения съблю-

л. 101 об. дати, а в мирския вещи не вступатися. Аще ли кто || преступит заповедь божию и святых отець поучение, и станут имати села к монастырю или покупати, — ино что убо нам о сих глаголати? Но токмо по божественому писанию о таковых подобает рыдати и плакати, понеже вся нам злая от мира приходит.

Понеже все святии отци не инако приемлют иноческое житие, но по законоположению Постных словес великаго отца нашего Василиа и прочих святых отець, еще же и по житию святаго отца нашего Пахомиа, яко начальника суца и съвершителя общежителных завещаний. И вся нам

л. 102 повелевают божествена писаниа и святая правила || никакo же вступатися в мирская строения или села держати — вся сиа нам злая и не полезная душам нашим от сего приходит. Понеже все святии отци духом святым познали, что им от сел пакость душевная будет — того ради и не держали их и учеником своим запретили о том, чтобы с миром не съплеталися, жили бы по Еуангелию и по своему обещанию, что писано в нашем постригании. Понеже иноческая исправления — нестяжание и безславление, молчание, смирение, тръпение, любовь, кротость, въздержание и ризы худы, власяны, и всех мирских попечених чюжу быти всяческими делы. ||

л. 102 об. И аще ли кто не послушает святых правил и святых отець поучения, тот чернець сам свое бремя носит. Мы такового обычая не имамы, ни церкви божиа.

«СЛОВО» 12 НА ЕРЕСЬ НОВГОРОДСКИХ ЕРЕТИКОВ

ГПБ, Софийское собрание, № 1451, сборник, в 4-ку, первая четверть XVI в., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, разных рук, лл. 106—109 об.

Издано Н. А. Соколовым в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 521—528.

л. 106 Слово 12 на ересь новгородских еретиков, глаголющих, яко не подобает еретиков осужати, ни проклинати, ни заточати

Мы же противу сему речем, яко подобает еретиков осужати и проклинати и заточати по святому писанию: по Еуангелию от Матфеа в 52 зачале, а по Апостолу в 324 зачале, а в Никонской книзе в 25-м слове и в 26-м, и по святых отець правилом. Тако же и царем, князем подобает осужати и проклинати и заточати насилующих еретиков на святых божиа церкви и на православных христиан и не покоряющихся правилом святых отець казнити царем и князем их подобает, яко же бысть великим царем

л. 106 об. Костянь || тином при Селиверсте, папе римстем, и царем вавилоньским Моавиену в граде Едестем при епископе Феодоре, яко же святейши па-

триарх Костянтинаграда Фотей пишет, бысть при Костянтине цари, Ираклиеве внуце, в Ковосе граде при епископе колонийском, и потом бысть в Армении при Фоме, епископе неокесарийском. А обращающихся и приходящих на покаяние волею или неволею приимати их подобает, яко же бысть при тех православных царех, паки тому же подобно яко же Великий Василие прелщеннаго отрока, самоволне отступша от бога и предавшася диаволу писанием, и обличена бывша и || неволею пришедша на покаяние, прият бысть. И паки еврейна оного премудрейшего в врачех Иосифа, неволею пришедша к крещению, прият бысть и сътвори его вместо еврейна истиннаго христианина и вместо волка истинное овча христово стада. И яко же бысть при Ауленте цари Великим Василием в Никеи, святем граде пряхуся с Василием арияне о церкви божи; арияне же молишася, и церкви им не отверзеса; Василий же Великий помолися, и абие паки сами о себе двери отверзошася; безчисленное же множество ариян, извещение приемше о бывшем преславном чюдеси, отвергошася злочестиа и || в христианскую веру преложишася. И иная многая таковая в святом писании от святых отецъ бываемая, еретиков молитвою обращали к Христу, а не оружием убивали. И в ветхом бо законе пророци еретиков молитвою и оружием убивали, но от божия извещения, а не от своего самовластиа.

Тако же и ныне подобает митрополитом и епископом, и архимандритом, и игуменом обращающихся еретиков от своих ересей, или волею или неволею приходящих на покаяние, приимати их; тако бо и святая правила повелевают. И паки в правилех Нила Черньноризца послание к Хариклию презвитеру сурово нападающих на съгрешающих, и в Никоне о покаянии слово 51 и 52-е. Аще ли же пастырие церковнии не обращают еретиков или леностию или нерадением, или грубостию, или по коему любовоковарству, — по правилом святых отецъ, таковыя изверци повелевает.

Аще ли кто речеть, приведу от ветхаго закона к новому закону христову, что еретиков казнили лютыми казньми и убивали, — и мы противу речем: аще от ветхаго закона к новому закону что приведено от святых христовых уст, от Еуангелиа, и от апостольских посланий и от святых правил седми съборов, и от поместных — ^а сие приемлем.^б И аще что || кто нововведет или что приложит или уложит кроме Еуангелиа и Апостола и святых правил, — и в святых правилех сего иноязычником и мытарем именует и проклятию предает.^в Понеже апостол свидетельствует: ветхая мимо идоша и вся быша нам нова христовым пришествием.^г И паки: аще бы пръвый закон непорочен был, не бы второму искалося место; и аще ли мы или аггел благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет.^д

Аще ли кто речет: едино есть, еже молитвою и оружием убивати супротивляющаяся закону Христову, — и мы же противу сему речем: молитвою убивати — се от святых есть ||, а оружием убивати — от царьскаго повеления есть и от человеческого се обычая бывает, яко же напреди изъявися о Костянтине цари великом и о Амавии цари, и при Костянтине цари, внуке Ираклиеве, молитвою убо пророци и апостоли казем и смертем предавали противляющихся закону христову, — и мы сему не противимся. Аще и ныне кому от бога таков дар дасться, и мы о сем паче благодарим бога ^е и радуемся,^ж яко же апостоли сътвориша или Леонтьей Катанский Лиодора еретика связа его своим епитрахелем и възде с ним

^{а-б} Доб.; в ркп. нет. ^в Против этого места на поле написано зачало 180.

^г Против этого места на поле написано зачало 319. ^д Против этого места на поле написано зачало 199. ^{е-ж} Написано на поле.

л. 109 об. на сковраду и держа его, дондеже сгоре весь до конца, а самого епископа не коснуся огонь. || Понеже свидетельствует правило святых: аще который пастырь единою ударит верна или неверна съгрешающа, да извержется сана своего; и аще кто сему писанию супротивляется от своего разума, мы сяковаго обычая, рече апостол, не имамы, ни церкви божиа. До зде, аминь.

ЛЕТОПИСЕЦ РУССКИЙ

ГПБ, Софийское собрание, № 1468, сборник, в 4-ку, 1423—1426 гг., полуустав руки Тушина, лл. 173—179.

л. 173

Летописец русский^а

В лето 6582^б мая 3 преставися Феодосий игумен печерский.

В лето 6634 августа 1 в 8 час нощи тряслася земля.

В лето 6666 апреля 8 князь Андрей и Михалко, брат его, zaloжили церковь в Володимери Успение святых богородица.

В лето 6696 гром бысть страшен февраля 17.

✓ а на западе 4-е, а среди небеси аки месяц подобне дуге. И стояста от утра даже до полудни.

В лето 713 падеся церковь в Ростове болшая.

В лето 6738^а Леонтей епископ перенесен бысть к церковь священна.

л. 173 об. В лето 6739 знаменна многа: солнце преминися, яко и месяц, и поиде солнце вспять к востоку 2 часа.

В лето 6745 бысть Батыевщина и убиен бысть от угорскаго краля, крестника Савы Серпскаго.

В лето 6809 была буря силна; в Ростове 4 церкви изо основания изверже.

В лето 6813 месяц^в преставися Максим митрополит.

В лето 6816 поставлен бысть Петр митрополит на Русь Афонасием, патриархом Цариграда.

В лето 6829 июня 29 в 3 часа дне гибость солнцу бысть, яко двою день месяц. Тое же лето мор бысть на люди.

л. 174 В лето 6834 августа 4 заложена бысть церковь на Москве святая богородица Успение болшая. Того же лета убили в Орде князя Дмитрея Михайловича. Тое же зимы преставися Петр митрополит декабря 22.

В лето 6835 священа бысть церковь на Москве Успение святых богородица Прохором Ростовским. Того же лета убили в Твери Щелкана, посла царева.

В лето 6836 князь великы Иоан Калита Данилович седе на великом княжении. Тое же зимы прииде на Русь митрополит Феогност.

В лето 6848 поиде в Орду князь великий Иоан Данилович Калита.

л. 174 об. В лето 6849 преставися князь Иоан Калита.

В лето 6861 преставися Феогност Митрополит. Того же лета седе на княжении князь великий Иоан Иоанович.

В лето 6862 поставлен Алексей митрополит.

В лето 6865 Алексей митрополит ходил в Орду и царици очи исцелил христовою благодатию.

В лето 6866 бысть поводь велика по Петрове дни аки весне.

В лето 6867^а преставися князь великий Иоан Иоанович.

^а Заглавие взято из оглавления сборника Софийского собрания, № 1468, л. VI об.

^б Испр.; в ркп. 6082. ^в Испр. по краткому Кирилло-Белозерскому летописцу (см.: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, стр. 23); в ркп. 6788. ^г Далее в ркп. заклеено. ^д Испр.; в ркп. 6067.

В лето 6868 седе на царстве Ходырь и дасть княжение великому князю Дмитрею Ивановичу. Тое же зими день 3 час ноши знамение бысть на небеси: облак кровав и светел || аки заря.

л. 175

В лето 6879 князь великий Дмитрий Иванович поиде в Орду. Того же лета бысть знамение в солнце места черны, аки гвозди, а мгла стояла порядку два месяца и толь велика была, яко за две сажени пред собою человека в лице не видети, а птицы во воздухе не видяху летати, но падаху на землю. На ту же осень князь великий Дмитрий выиде из Орды.

В лето 6883 ноября 26 князю великому Дмитрею Ивановичу родися сын в Переяславле Юрий и крести его святой великий Сергей.

В лето 6885 февраля 12 преставися митрополит Алексей, пас церковь божию лет 23. ||

В лето 6888 бысть сия князь великий Дмитрий за Доном, побил л. 175 об. Мамая, а тогда было благовещение на пасху.

В лето 6889 на праздник вознесения господня прииде из Царяграда на Русь Киприян митрополит.

В лето 6890 прииде Тахтамыш на Русь и Москву взял августа 20 и много зла сътворил граду.

В лето 6891 князь великий Дмитрий съсла митрополита Кипреяна за то, что не седел в осаде, на Тверь сбежал.

В лето 6896 мая 19 преставися князь великий Дмитрий Иванович.

В лето 6897 выиде из Царяграда Киприян митрополит, || а с ним два л. 176 митрополита от царя и от патриарха.

В лето 6900 сентября 25 преставися преподобный Сергие. Тое же осени выиде из Орды князь великий Василе Дмитриевич и седе на великом княжение.

В лето 6903 ноября 28 преставися Феодор, архиепископ ростовский.

В лето 6914 июня 16 в 3 часа дни бысть гибость солнцу.

В лето 6915 сентепря 15 преставися Киприян митрополит в 1 час ноши; пас церковь божию лет 30.

В лето 6918 апреля 22 прииде Фотей митрополит из Царяграда на пасху на Москву.

В лето 6935 преставися преподобный Кирил чудотворец белозерский; а жил лет 90.

В лето || 6936 преставися преподобный Никон, игумен троицкий, л. 176 об. ноября 17.

В лето 6933^с преставися князь великий Василей Дмитриевич.

В лето 6939 июля 1 преставися Фотей митрополит.

В лето 6917 бысть Едегиевщина.

В лето 6942 марта 14 преставися Христофор, игумен кириловский. Того же лета преставися князь Юрий Дмитриевич.

В лето 6945 поимал на бою князя Василя Косово князь великий Василе.

В лето 6961 июня 15 преставися княгиня великая София. Того же лета преставися князь Дмитрий Шемяка в Новеграде.

В лето 6963^ж убиен бысть от вогулич^з епископ || Питирим Пермский. л. 177

В лето 6962 поставлен бысть Феодосий Бывалцев епископ Ростову.

В лето 6967 поставлен бысть Иона епископом "в Новград."^к

В летз 6953 июня 7 бысть бой под Суздалем.

В лето 6934 июня 29 сгоре треть монастыря Сергиева.

^с Испр.; в ркп. 6900   ^ж Испр.; в ркп. 6063   ^з Испр.; в ркп. гогулич
^к Испр. по Кирилловскому летописцу середины XV в.; в ркп. на Коломну.

В лето 6969 марта 31 преставися Иона митрополит, а держал митрополию полтретьянаццата года.

В лето 6970 преставися князь великий Василие Василиевич.

В лето 6981 игумен Нифонт бысть в Кирилове монастыре.

В лето 6986 февраля 2 постригал Нифонт великую княгиню Марфу.

л. 177 об. В лето 6987 постриг^л Нифонт Гуриа Тушина, да Дорофея, в неделю на обедне на выходе. Тое же осени постриг^л Нифонт Луку Соловарова сентября 9.

В лето 6989 июля 5 преставися князь Ондрей Вологодский.

В лето 6993 преставися великая княгиня Марфа июля 4.

В лето 6991 апреля 10 преставися Лука Соловаров, жил в чернецах 4 лета и 7 месящ.

В лето 6964^а июля 22 князя Василиа поймали ярославичи.

В лето 6971 августа 27 Басенку очи выняли после великаго князя Василия смерти год и 5 месящ.

В лето 6973 ноября 11 Филип митрополит преставися.

л. 178 В лето 6974 был Василе Чюлок в Кирилове монастыре. Того же лета Серапион пострижен.

В лето 6981 князь Великий Иван Василиевич понял цареву дочь Софию из Риму.

В лето 6981 июля 4 приехал Басенок в Кирилов жить и жил в нем 7 лет^а и два месяща.

В лето 6986 князь великий Новъгород взял.

В лето 6988 князь великий Иван владыку Феофила с Новагорода свел.

В лето 6989 княгини великая была в Кирилове монастыре София.

л. 178 об. В лето 6991 князь великий Иван Иванович женился, понял Волошанку Олену. Того же лета ходили старци болшии 15 || из Кирилова, а пошли по Ильине дни, а пришли в великой пост в третью неделю в свои келии по грамоте князя Михаила Ондреевича.

В лето 6981 преставися князь Юрий Васильевич.

В лето 6993 преставися Феодор Катат. Того же лета преставися Феодосие Перфушков.

л. 179 В лето 7004 начали ставить в Кирилове монастыре церковь камену, а стала в пять месящ, и лоб железом побили, а стала в полтретья ста рублев, а мастеров было 20 стенщиков, а величество ея от передняго порога до горняго места 12 сажений, || а от мосту до лба 12 сажений, а в ширину 10 сажений.

В лето 7031 почали ставити в Кирилове монастыре келию казенную и клеть и ворота каменны на третей недели по велице дни.

В лето 7002 преставися князь Андрей Василиевич Углетцкы, а седел пойман великим князем Иваном, братом его, а был на Казенном дворе 2 лета и два месяща.

В лето 7031 пошел князь великий Василей Иванович с своею братиею и с всеми людьми на казанскаго царя, а на християнъскаго врага и губителя и кровопивца.^а

^а Испр.; в ркп. 6064.   * Лет в ркп. исправлено.   * На обороте л. 179 запись, сделанная не рукою Тушина: Лета 7090-го ноября 19 преставися царевич Иван Иванович в неделю на утрени, почали пети «хвалите имя господне»; а лет его 28.

Рис. 2. Евангелие, подаренное Василием III Гурию Тушину (ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/33, л. 112 об.).

А. И. КЛИБАНОВ и В. И. КОРЕЦКИЙ

Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину

Автор Послания, монах расположенного недалеко от Новгорода Отенского монастыря Зиновий, хорошо известен в истории русской общественной мысли и литературы XVI в. своими отличительными произведениями, направленными против Феодосия Косого, который развивал реформационно-гуманистические идеи. Однако биографические сведения о Зиновии Отенском крайне скудны. Единственным источником, из которого можно почерпнуть сведения о нем, являются его собственные сочинения, относящиеся к концу 50-х и 60-м годам XVI в. Зиновий, занятый полемикой с еретиками, о себе сообщает очень мало. Но среди этих отрывочных, лапидарных, а порой и не всегда понятных сведений, одно несомненно имеет исключительно важное значение и не только для его биографии и общей характеристики литературного наследства, но и для понимания публикуемого Послания. В заглавии к его основному труду «Истины показание к вопросившим о новом учении», написанном Зиновием в 1566 г., на склоне лет, он назван учеником Максима Грека. Исследователи, связывая судьбу Зиновия с судьбой его учителя, выдвинули предположение о том, что Зиновий появился в Отенском монастыре, разделив участь таких близких к Максиму Греку людей, как Михаил Медоварцев и Силуян, подвергшихся опале и ссылке после второго осуждения в 1531 г. Максима Грека церковным собором.¹ Этим немногим и исчерпываются наши сведения о начальном периоде жизни Зиновия. Отсюда понятен тот интерес, который представляет публикуемое Послание для изучения раннего творчества Зиновия, до того, как он стал выступать против еретиков. Если принять предположение о появлении Зиновия в Отенском монастыре после 1531 г., то в порядке первого приближения можно заключить, что Послание было написано в промежутке времени между 1531 и 1547 гг., так как оно адресовано Якову Васильевичу Шишкину, который назван здесь дьяком «великого князя». Обращение к фактам из жизни и деятельности Я. В. Шишкина дает возможность более точно датировать Послание Зиновия, а заодно и глубже понять содержание этого произведения, историческую обстановку, в которой оно возникло, его место в ряду других памятников русской публицистики XVI в., определить позиции спорящих сторон, их взгляды и убеждения.

Адресат Зиновия Отенского — дьяк Яков Васильевич Шишкин, фигура очень интересная и самобытная, к сожалению, не привлекающая к себе до сих пор внимания исследователей, занимавшихся изучением русской истории XVI в.²

¹ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 84.

² Краткое упоминание о нем имеется в капитальном труде Н. П. Лихачева о дьяках XVI в.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 248.

Впервые имя Я. В. Шишкина встречается в летописи под 1531 г., когда он во главе двух других дьяков (Афанасия Фуникова и дворцового дьяка Мити Великого) приехал в Новгород, привезя с собой грамоты от великого князя к архиепископу Макарию.³ К этому времени Я. В. Шишкин уже занимал крупное место в среднегосударственной администрации и находился в приближении к Василию III. В связи с его посылкой на дьячество в Новгород и Псков было заведено особое дело, которое еще во второй половине XVI в. хранилось в царском архиве. Об этом мы узнаем из описи царского архива: «Ящик 124. А в нем отпуск в Новгород в Великой и во Псков Якова Шинкина (следует читать Шишкина, — А. К., В. К.) да Фуника Курцова, да Микифора Казакова».⁴

Приезд в Новгород Я. В. Шишкина, снабженного от Василия III специальными инструкциями и полномочиями, ставящими его в особое положение по отношению к другим новгородским властям, конечно, не был простой сменой администрации. В Москве назначению Шишкина придавали важное государственное значение в плане реформы местного управления. Дьяк Я. В. Шишкин был призван способствовать укреплению централизации в этом районе, твердой рукой насаждать московские порядки взамен новгородских.

Присылке в Новгород Я. В. Шишкина предшествовала переписка новгородского архиепископа Макария с великим князем. Из дошедшего до нас послания Макария Василию III явствует, что в Новгороде и Пскове в это время обнаружались признаки религиозного брожения, захватившего часть низшего и рядового духовенства и посадских людей и направленного своим острием против наиболее крупных и богатых общежительных новгородских монастырей. Сведения о беспорядках в Юрьевом, Хутынском, Вяжицком и Отенском монастырях достигли Москвы и стали известны великому князю, который сделал об этом какой-то запрос. Макарий заверял Василия III в том, что беспорядки в монастырях частично уже исправлены, а частично исправляются, просил его принять меры против «некоего бесчиния», совершающегося в Новгороде и Пскове.⁵ Послание Макария было направлено Василию III в связи с проводившейся в 1527—1528 гг. в Новгороде монастырской реформой, заключавшейся в разделении мужских и женских монастырей и в переводе новгородских монастырей с особножитийного на общежитийный устав по образцу Юрьева, Хутынского, Вяжицкого, Отенского, а также большинства московских монастырей. Эта реформа вызвала недовольство у некоторых монахов и игуменов, стоявших за особножитийный устав и за новгородские традиции. С их стороны были сделаны какие-то разоблачения относительно нарушения правил монашеской жизни в общежитийных монастырях, по-видимому использованные простыми людьми и частью низшего духовенства в целях критики монастырей вообще. «Некое бесчиние» в Новгороде и Пскове в конце 20-х годов XVI в. не ограничивалось, однако, лишь формами церковной жизни. Накануне приезда дьяка Я. В. Шишкина здесь наблюдалось обострение классовой борьбы, выразившейся, по словам летописца, в частых «грабежах, татьбах, убийствах и всяких злых делах».⁶

Я. В. Шишкин со своими товарищами, выполняя предписания великого князя, провел в Новгороде ряд энергичных и быстрых мероприятий.

³ ПСРЛ, т. VI СПб., 1853, стр. 288.

⁴ ААЭ, г. 1 СПб., 1836, стр. 344.

⁵ ДАИ, т. I СПб., 1846, стр. 22—23; см.: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 254—256.

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 288.

Дьяки приехали в июле 1531 г., когда в городе бушевали исключительные по своей силе пожары, причиной которых была не только засуха, но и ненависть городской бедноты к богачам. Дьяки сразу же учредили «огневщиков» (пожарных) и начали сооружать уличные решетки, поставив 1 октября того же года возле них специальных сторожей. Новгородский летописец, положительно оценивая эти меры, пишет: «и оттоле нача милость божия быти и тишина велия по всему граду от лихих человек, хищников и убийцов человеческих; и мнозии злии человеци тое ради крепости градской и из града избегоша и без вести быша, а инии на покаяние обратися и рукоделию навыкоша».⁷ С удовлетворением отмечает летописец участие дьяка Я. В. Шишкина в построении по повелению Василия III церкви в Каменном городе, которую 17 марта 1532 г. «велми чинно и честно» освящал сам новгородский архиепископ.⁸ Решительные действия Я. В. Шишкина по укреплению феодального правопорядка в городе, по обращению к «рукоделию» «отвыкших» было от него некоторых посадских людей, его заботы по строительству новой церкви одобряются летописцем, принадлежавшим к новгородским церковным кругам, но тон его сразу же меняется, лишь только действия этого дьяка начинают угрожать богатству и привилегиям новгородского духовенства.

Перемена в оценке деятельности дьяка Я. В. Шишкина в летописи наблюдается в связи с сообщением о строительстве в 1534 г. городской стены на Софийской стороне. «А дьяки тогда в Великом Новгороде, — замечает летописец, — Яков Шишкин да Фуник Курцов, и повелеша ставити град всем градом, oprично волостей». Это распоряжение Я. В. Шишкина было расценено летописцем как серьезное нарушение новгородской «старинны»: «А при державе государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и сына его государя великого князя Василья Ивановича всеа Руси, оне бо государи управляху свою вотчину Великий Новгород 60 лет и множае, а не таков бо бе обычай град ставити, а не едину градную, ни две в те лета ставили; и егда ставити град, ино воставляху всею областью Новгородской земли волостями, елико их есть во всей Новгородской земли и области, а новгородские люди только кто пригоже, с торговых с рядов рядчики были, а священнаго лика никакого же с простою чадню ни в каких делах не совокупляли. И оттоле той обычай уставили, и на самого архиепископа Макария урок учиниша, тако же и на весь священный лик, на церковные соборы урок учиниша; тако же и на гости наметаша и на вся люди градския урок учиниша, елико достоит».⁹ Проведенное дьяком Я. В. Шишкиным объединение новгородского духовенства с «простою чадню» (новгородскими черными людьми) при строительстве городской стены означало ликвидацию привилегий духовных феодалов по несению повинности городского дела. В 1535 г. по распоряжению из Москвы были собраны с архиепископских и монастырских земель «по обожному счету» 700 рублей на выкуп русских людей, попавших в плен к татарам во время их разбойничьих набегов на Русь.¹⁰ Эти мероприятия по ограничению финансового иммунитета новгородских духовных феодалов, как показал И. И. Смирнов, являлись частью того широкого наступления на привилегии церкви, которое было предпринято правительством Елены Глинской

⁷ Там же; см. также: Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, стр. 219—220.

⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 289.

⁹ Там же, стр. 293.

¹⁰ Там же, стр. 294.

в 30-х годах XVI в.¹¹ Однако в среде новгородского духовенства, как это следует из летописи, они приписывались по преимуществу злой воле дьяка Я. В. Шишкина и его товарища.

Серьезное нарушение интересов церкви в Новгороде произошло в 1536 г., когда здесь была проведена частичная секуляризация монастырских и церковных земель. Согласно летописному рассказу, приехавший из Москвы сын боярский конюх Бунда «повеле пожни у всех монастырей отписать около всего града и у церквей божиих во всем граде и давати их в бразгу, что которая пожня стоит, тем же монастырем и церковником».¹² Таким образом, земли, отобранные у монастырей и церквей, отдавались им же в аренду («в бразгу»), чем достигалось увеличение государственных средств. Если следовать только рассказу Новгородской летописи, то может создаться впечатление, что отписка земель осуществлялась лицами, приехавшими из Москвы. Однако обращение к составленным по этому поводу отписным книгам показывает активную роль местной администрации в проведении конфискации. На первом месте в них стоит имя дьяка Фунника Курцева, находившегося под началом у дьяка Якова Васильевича Шишкина, на втором — имя дворцового дьяка Никиты Великого, и только затем уже идут имена великокняжеского конюха Бунды Бикасова и лавочного приказчика Ивана Иванова. У церквей и монастырей отбирались земли, на которые у них отсутствовали великокняжеские грамоты и которые не были записаны за ними в писцовые книги. Купчие и духовные XV в. и более раннего времени («грамоты ... и духовные грамоты старые за свинчатыми печатми») на эту землю были у монастырей и церквей взяты и отосланы в Москву.¹³ Конфискации захватили земли не только новгородского духовенства, но и посадских людей.¹⁴ К последним применялись те же принципы, что и к церквям и монастырям. Причем на государя отписывались земли даже в том случае, если их владельцы в свое время предъявляли документы к докладу администрации Ивана III.¹⁵

По справедливому замечанию В. О. Ключевского, в данном случае произошла замена «местных новгородских источников права новыми, московскими».¹⁶

Новгородский летописец, сообщая о приезде из Москвы великокняжеского конюха Бунды и об отобрании земель у монастырей и церквей, добавляет, что «се учинилось по оклеветанию некоего лукава и безумна человека», не указывая, впрочем, его имени. Этот человек, предложивший отбирать земли у церковников, очевидно, обладал большим влиянием, если к его голосу прислушивалось московское правительство, и отлично понимал, что его предложение найдет сочувствие. Не имел ли здесь в виду летописец Я. В. Шишкина, первого новгородского дьяка, имя которого он по вполне понятным причинам предпочел не называть?

Большое значение для характеристики положения в Новгороде в середине 30-х годов XVI в. имеет январское послание 1535 г. игумена Хутынского монастыря Феодосия новгородскому архиепископу Макарию, находившемуся тогда вместе с тремя епископами в Москве на важном заседании, обсуждавшем вопросы о войне с Литвой и «о земских делах», в част-

¹¹ И. И. Смирнов, Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 45—50.

¹² ПСРЛ, т. VI, стр. 299.

¹³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, писцовая книга по Новгороду, № 707, лл. 1—21.

¹⁴ Там же, лл. 28—53 об.

¹⁵ Там же, л. 30 об.

¹⁶ В. О. Ключевский, Сочинения, т. 8, М., 1959, стр. 215.

ности о предполагавшейся денежной реформе.¹⁷ Феодосий, вежливо осведомляясь о пребывании Макария в столице, настаивает на скорейшем возвращении его в Новгород ввиду возникших там в его отсутствие острых разногласий: «потщися, господа ради, приити к нам скоро и не медли, да твоей пастве кротко и тихо и безмолвно при тебе поживем».¹⁸ Заканчивая свое послание, Феодосий просит Макария добиться у московского правительства разрешения спора между новгородским наместником и дворецким: «Да много тебя молим, владыко, еже утолити мятеж местной между старейшими градцкыми, наместником и дворецкым, и указ учинити о том царю и государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, к кому наперед приходити; и в том бы царству его мятежа и волные тшеты, в тех расколах, не было».¹⁹ Судя по словам Феодосия, что спор между новгородским наместником и дворецким разгорелся по поводу того, «к кому наперед приходити», эти разногласия касались прежде всего суда. Мы не знаем, какую позицию занимал в этом споре Я. В. Шишкин, который по своему положению не мог остаться в стороне, но несомненно то, что разногласия между новгородским наместником и дворецким должны были отрицательно сказаться на правильном отправлении судопроизводства в Новгороде.

Последнее упоминание в летописи Я. В. Шишкина относится к 1537 г., когда он совместно с новгородским наместником князем Б. И. Горбатым организовал оборону Новгорода против «государева мятежника» князя Андрея Старицкого, показав себя тем самым верным сторонником великокняжеской власти.²⁰ Последовательное изложение событий в «Отрывке Русской летописи», откуда мы черпали основные сведения о дьяке Я. В. Шишкине и его роли в новгородских делах 30-х годов XVI в., обрывается на 1537 г., а затем уже следует рассказ о походе Ивана Грозного на Казань в 1552 г. Однако после 1537 г. имя Я. В. Шишкина не встречается и в других источниках. Правда, льготные грамоты, выданные Я. В. Шишкиным, еще предъявлялись в Новгороде в 1538—1539 гг.,²¹ но тогда там были уже другие дьяки — Вязга Суков и Ишук Бухарин.²² Тогда же в Новгороде произошла смена дворецких. Вместо И. Н. Бутурлина сюда прибыл Дмитрий Федорович Ласкирев.²³ Перемены коснулись и наместников — в Новгороде снова обособываются Шуйские.²⁴ По-видимому, дьяк Я. В. Шишкин был отстранен от своей должности в Новгороде в связи с наступившим после смерти Елены Глинской боярским правлением, когда произошла смена представителей государственного аппарата не только в центре, но и на местах.

Итак, из рассмотренных материалов следует, что дьяк Я. В. Шишкин находился в Новгороде примерно 7 лет — с 1531 по 1538 г. Появившись в Новгороде еще при Василии III, он оставался здесь и при правительстве Елены Глинской, продолжавшей политику Василия III по

¹⁷ ПСРА, т. VI, стр. 294—295; см.: Н. Е. Носов. Очерки..., стр. 221—222, прим. 39

¹⁸ ДАИ, т. I, стр. 31. — Послание Феодосия написано между 10—28 января 1535 г. (ПСРА, т. VI, стр. 295).

¹⁹ ДАИ, т. I, стр. 31.

²⁰ ПСРА, т. VI, стр. 32.

²¹ Новгородские писцовые книги, т. IV. СПб., 1886, стлб. 385; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. М., 1909, стр. 376, см. также стр. 384, 386, 387.

²² ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 42743, л. 3; Новгородские писцовые книги, т. IV, стлб. 529—530.

²³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, писцовая книга по Новгороду, № 707, л. 21—21 об.

²⁴ ПСРА, т. III. СПб., 1841, стр. 150.

укреплению Русского централизованного государства. Сфера деятельности Я. В. Шишкина была исключительно широка, а влияние велико. В его руках находились важнейшие рычаги государственного управления в Новгороде: он осуществлял суд и полицейский надзор, ведал городским строительством, собирал некоторые денежные налоги, поряжал крестьян на дворцовые земли и т. д. Проводившиеся им мероприятия по укреплению государственной централизации в Новгороде тяжким бременем легли прежде всего на плечи посадского населения, но одновременно под серьезной угрозой оказались и старинные привилегии новгородской церкви. Это привело к конфликту между дьяком и новгородским духовенством в 1534—1536 гг. К этому времени, по-видимому, и относится полемическое Послание Зиновия Отенского Я. В. Шишкину.

Принципиальное значение публикуемого памятника мы видим в том, что он показывает новую сторону публицистических интересов Зиновия Отенского, известного до сих пор исключительно в роли обличителя ереси Косого. Предметом послания является тема праведного суда и конкретная организация судебного процесса. Послание Шишкину написано Зиновием Отенским за тридцать лет до появления его обличительных сочинений. С публикацией этого Послания становится, таким образом, возможным изучать взгляды Зиновия Отенского в их динамике. Отметим, наконец, литературные достоинства публикуемого произведения, его простой язык, лапидарность характеристик, интонационную выразительность.

Хотя в «Истины показание» Зиновий обрушивается на народную речь, противопоставляя ей «книжные речи», но, как это не укрылось еще от Ф. Калугина, сам Зиновий далеко не всегда следовал защищаемым им литературным вкусом.²⁵ Это полностью относится и к публикуемому памятнику, язык которого вызывает ассоциации с прямой речью, бытовизмом и предметностью, отличающими литературную манеру составителей Псковских I и II летописей.²⁶

По ходу нашего исследования нам предстоит сравнить один и тот же богословский сюжет в изложении Иосифа Волоцкого и Зиновия Отенского.

Трудно себе представить, что понадобилось всего тридцать лет, чтобы произошли столь разительные перемены, выразившиеся в упрощении форм построения речи, в освобождении лексики от церковно-славянизмов, как это имеет место у Зиновия Отенского по сравнению с Иосифом Волоцким. Надо отдать должное проницательности составителя XVII в., который в свой сборник произведений русской литературы включил и публикуемое нами Послание Зиновия Отенского Якову Васильевичу Шишкину.

Тема «праведного суда», которой посвящено Послание Зиновия дьяку Шишкину, стояла в центре внимания всех выдающихся русских публицистов первой половины и середины XVI в. Она стояла прежде всего в центре политической практики периода, в начале которого появился Судебник 1497 г., а в конце — Судебник 1550 г. Тема «праведного суда» не составляет принадлежности истории собственно юридической мысли. Она входит в круг центральных событий идеологической борьбы первой половины XVI в., времени, когда сознание контрастов социальной действительности стало достоянием самых различных кругов русского общества и получило своеобразную теоретическую форму противопоставления идеи

²⁵ Следует, правда, учитывать, что собеседники и корреспонденты Зиновия, ответу которым посвящены его основные произведения, были люди простые и Зиновий не мог с этим не считаться.

²⁶ Эта литературная манера, по-видимому, явилась развитием традиций псковских писцов XIV в. См.: А. Д. Седельников. Литературно-фольклорные этюды — Slavia, 1927, гоđ. 6, сеđ. 1, стр. 64—98.

«правды» — «неправде», торжествующей в окружающей действительности. Это своеобразное преломление социальных противоречий в общественном сознании характерно для развития социальной мысли в ряде стран в эпоху феодализма. Сошлемся на распространенные в Чехии в период гуситского движения литературные произведения, подобные, например, «Песне о правде». Правда, преследуемая Кривдой, скитается по земле и ищет заступничества поочередно у папской курии, князей, панов, монахов, горожан, крестьян, приходских священников. Она встречается с высокомерием, стяжательством, притеснениями, раздорами, завистью и, не найдя убежища на земле, уходит на небо.²⁷

Но и в русской письменности второй половины XV в. появляется «Слово о правде и неправде», неизвестный автор которого утверждал: «приаша человецы неправду, а правду отвергоша». Это выразилось в том, что «въста бо на девство блуд и погуби девство, въста на чистоту скверна, лютость на кротость, въста гнев на тихость, на любовь ненависть. въста несытость на пост и пианство на трезвость, въста скупость на щедрость и немилосердие на милость, въста безаконие на сохранение закона, и ина вся вьсташа неправедная на праведная делеса».

Автор «Слова о правде и неправде» видит выход из противоречий окружающей его действительности в том, чтобы «отвергнуться» всего того, что приводит к неправде, и таким образом «дойти жизни божия». А к неправде приводят «богатство, слава, власть, честь, пища, питье, одежда, раби, села, виноград и добрии храмы, всякия сладости». И пусть не надеются обладатели богатства, славы, власти и почестей, что причащение «святых даров» перед смертью избавит от ответственности перед богом за их неправду: «малы того причащатися еже довлеет к спасению», «хотящии бо искати правды, ею же дойти жизни божия, да отвергнутся сия временныя и яко чужея отбегаютъ».²⁸

В обороте противоцерковной полемики новгородско-московских еретиков имели хождение библейские тексты: «Неправедные погибнут вскоре», «От плодов правды съестъ благий; души же беззаконных погибают безвременно»; «Ходяй в правде, глаголай правый путь, ненавидяй беззакония и неправды, и руце отрясай от даров: отягчайвайя уши, да не услышит суда крове: смежайя очи, да не узрит неправды, сей вселится в высоце пещере камене крепкаго, хлеб ему дастся, и вода его верна».²⁹

В летописный свод 30—40-х годов XVI в. (Воскресенская летопись) составитель вносит статью: «Некто ходя по пустыни, и обрете жену, стоящу печальну, и рече к ней: ты кто еси? Она же рече: аз есмь Истинна. И рече ей человек: которые ради вины оставлеши град и в пустыни живещи? Она же рече: в пръвая лета в малех бе лжа, ныне же во всех человецех...».³⁰

Антитеза правда—неправда проходит сквозь сочинения Максима Грека, как и сквозь сочинения Ивана Пересветова.

Одно из самых значительных по содержанию сочинений Ермолая Еразма названо им «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже».³¹

Именно потому, что противопоставление правды неправде явилось в изучаемое время способом констатации общественных противоречий, мимо этой антитезы не мог пройти и не прошел Зиновий Отенский. Судя

²⁷ И. Мацек. Табор в гуситском революционном движении, т. 1. М., 1956. стр. 204—206, 209.

²⁸ Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 213.

²⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 240, 245.

³⁰ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 253

³¹ ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 178.

по дошедшим до нас его сочинениям, он к ней обратился дважды: во второй половине 30-х годов XVI в. в послании Шишкину и во второй половине 60-х годов в Похвальном слове Ионе. В этом последнем Зиновий Отенский, переключаясь с сюжетами, кровно близкими Пересветову, писал: «Видим же яве судьбы его неизреченныя, како поручи греческое христианское великое царство туркам. Не яко любя турки бог паче грек, яко поручи туркам, малу и худу языку бывшу преже, такое велие царство греческое, но зане грекы христианское велие имуща имя, дел же христианских не снабдеша и судьбы Христовы не оправдаша, суд бо не възыкаша, и праведна суда не судиша, вдовицы и сироты оставиша хотящим озлобляти их, и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не престаша, и обидимых из руку обидящих не избавиша, и обидимыя на обидящих не отмстиша — сего ради бог и предает я в руку враг христианских, языку нечисту, понеже турцы суд имут и мзды не вземлют, и своим о злате не насилуют, и обидити никакоже попускают. Сего ради самого на толико долго время попусти владити им великим царством греческим — яже бо о суде и о правде и о милости и о щедротах согрешения наша мучит бог на нас ... и понеже турцы во иных правду и суд творяху, веру же Христову ненавиюще обидяху, сего ради и паки востанет бог и разсудит прю свою».³²

Каждый из публицистов, писавших о правде, вкладывал в это понятие конкретное общественное содержание. В идеале Ермолая-Еразма правда состояла в труде и соответственно в отказе от насильственного присвоения результатов чужого труда. Для Федора Карпова правда заключалась в протесте против рабского состояния человека. Рабьей морали «терпения» Карпов противопоставлял, следуя за Аристотелем, идеал человека как существа общественного, политического, способного и должного занять подобающее ему место в государстве, управляемом властью сильной, но не «мучительской».

Правда Пересветова — это «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму («Правда» как претворение евангельских заветов Христа), публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание».³³

Хотя в приводимом отрывке из Похвального слова Ионе Зиновий Отенский откладывал разрешение названной антитезы до второго пришествия («сего ради и паки встанет бог и разсудит прю свою...»), все же и он не отказывался от поисков земных путей правды в том значении, как он ее понимал. Они, как увидим, лежат в стороне от публицистики, представленной именами Ермолая-Еразма, Федора Карпова, Ивана Пересветова.

Они прямо противоположны тем искателям правды, которые писали в конце XV в.: «Десятина нивы. Сеавшему девят снопов, а имеющему землю десятый сноп. Ащели кто инако разделит — богом проклят будет: „мзды бо и дарове ослепляют мудрых очи“. От нудяж таковаго сквернаго прибытка отложение всячески творити тщимся, да не гнева божиа привлечем на ся, заповедей преступници бывше».³⁴

Что касается социальной правды идеолога народных низов Феодосия Косого, то, как известно, своего наиболее яростного гонителя она нашла именно в лице Зиновия Отенского.

³² Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский..., Приложения, стр. 19—20

³³ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники М., 1958, стр. 400.

³⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 25

Но в сочинениях Зиновия Отенского можно обнаружить и мотивы, казалось бы, неподдельного сочувствия к народным нуждам. Возвращаясь к Похвальному слову Ионе, мы читаем строки, осуждающие «владушних», которые не желают «не разумевати убожества, ни разсужати обнищание, ни самыя смерти вменяти».³⁵ Зиновий пишет, что бог «от мысли владушних и суд и правду сотре и милость и щедроты потреби, принуди же на подвластных истязовати множайшая дани».³⁶ Зиновий Отенский пишет о «владушних»: «празни же не о сем упражняхуся еже творити суд и правду и любити милость и щедроты» — и грозно: «несть бо кто возбраняя им таковому злу, нимстя на них таковое губительство и сия лютая множашеся, умножевахуся в нас с неправедными суды».³⁷

В год народного бедствия — голода, когда погибали многие тысячи людей, «милосердие кое, — спрашивает Зиновий Отенский, — правитилие земстии показаша на них, запустением сих хотяще умножити ризница, налагающе дань к дани за опустевшая села на оставших и еще истязаваху, аки паче бога могущее и сильнее создателя прящесе быти?».³⁸ Свои обличения в адрес «владушних» и земских правителей Зиновий смягчает ссылкой на то, что притеснения, эксплуатация, «губительство» есть не что иное, как наказание божие, ниспосланное за грехи самих же «подвластных». Таким же наказанием за грехи Зиновий объявляет мор, постигший страну.

Государев дьяк Яков Васильевич Шишкин, как показывает публикуемое Послание к нему, уже рассматривается Зиновием Отенским в качестве одного из конкретных носителей зла, тех «владушних» и земских правителей, которым он впоследствии посвятит гневные строки в Похвальном слове Ионе.

Мы читаем в Послании: «Здесь, государь, говорят про тебя многия люди, что ездить в государеву полату поздно, а до тебя дела не делают у вас в полате никоторова, а людям то истомно, что ждут долго, а суд засудишь, государь, и ты-де долго по судному делу указу не чинишь и исцом в то время управы нет и в волоките проедаютца и не промышляют и ремесло залегае, и о том люди тужат» (л. 197). Зиновий защищает интересы «владомых»: «и что того горчая: судия в дому своем во всяком покои наслаждаетца ествы и пития без печали в своем доволном богатстве и спит доволно, а бедный истец, пришед в чюже место, дом свой и семью и промыслом своим оставив, проедаецца управы ищучи, всегда недоел, не выспался и сердце его кровию кипит, и тому же управы нет вскоре и волокита бедному. Вижу, государь, прямая речь — сыт голодному не разумеет» (л. 201 об.).

Обличительный пафос Зиновия заметно повышен в Похвальном слове Ионе, если сравнивать его с Посланием Я. В. Шишкину. Это связано с тем, что позднейшие обличения Зиновия не имеют конкретного адреса. Но и в Похвальном слове Ионе Зиновий, как это отметил еще Ф. Калугин, не преминул предупредить, что высказанное им осуждение «владушних» и земских правителей не направлено ни против кого персонально.

«Народолюбие» Зиновия отчасти (но только отчасти) может быть связано с реминисценциями той поры, когда он близок был к Максиму Греку и, возможно, другим нестяжателям его круга. Пиетет к личности Максима Грека Зиновий пронес сквозь всю жизнь, и на склоне лет, когда ему пришлось сказать посетившим его клирошанам о неудачной замене Максимом

³⁵ Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский... , Приложения, стр. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 21.

³⁸ Там же, стр. 22.

Греком слова «чаю» из символа веры словом «жду», он при этом явно пытался оправдать своего бывшего учителя.

Оценивая значение порицаний, высказанных Зиновием «владушим» и земским правителям, весьма важно поставить вопрос об интересах, которыми при этом руководствовался Зиновий. Прежде всего это была критика с оглядкой.

Зиновий обращает к Шишкину слова из пророка Исайи: «аще воздежете ко мне руки ваша отвращу лице мое от вас, аще умножите молитвы моя ко мне и аз не услышу вас, взыщите суда, избавляйте обидимаго, заступайте вдовица и тогда истяжемся, глаголет господь» (л. 198 об.). Но здесь имеет место операция над текстом Исайи. На самом деле цитируемый Зиновием текст содержит следующее: «Егда прострете руки ваша ко мне, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове. Измыйтесь и чисти будите, а отимите лукавства от душ ваших пред очима моима, престаните от лукавств ваших, научитесь добротворити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдате вдовицу. И приидите и истяжимся, глаголет господь» (Исайя, I, 15—17). Обозначенные здесь разрядкой слова опущены Зиновием. Он не посмел, а скорее всего не захотел обвинить в кровавых преступлениях высокого адресата, хотя соответствующий текст Исайи и не требовал буквального толкования.

Зиновий не считал Шишкина «праведным судьей» по двум основаниям: за судебную волокиту и за отказ от приведения тяжущихся сторон к крестному целованию: «И мы грешнии знаючи твое желание к заповедем господним дерзнули есме к твоей честности воспоманути тебе божия заповеди и оправдания господня о дву делех твоих, что судити господь приказал и управа в скоро давати по речем или по обыску и по мнозе испытанием и крепком взысканим достоит и крестное целование дати меж прямиимися» (лл. 197 об.—198).

Ниже Зиновий повторяет свои обвинения, на этот раз несколько странней: «А что, государь, помышляешь греху быти в том, что после суда борзо судное дело обговаривати да оправить или обинить или целование крестное дать, и в том, государь, судием греха несть, что скоро управити, занеже сам господь бог в законе Моисею приказал клятвою вере в суде быти, аще послухов верных несть» (л. 199).

Зиновий развертывает систему доказательств, направленную к утверждению того, что только скорый, основанный на крестном целовании суд соответствует божьей воле. «Ино, государь, — пишет Зиновий, — пригоже судии знати, что грех!» (л. 201 об.).

Крестное целование, по Зиновию, есть исконная русская традиция; оно служит устоем для мирских взаимоотношений, оно скрепляет внешние отношения между государствами. Крестное целование является установлением императоров Константина и Юстиниана, а на Руси оно было принято еще Владимиром. Более того, крестное целование является установлением самого бога, как об этом сказано в законе Моисеевом (лл. 201 об.—202). Отсюда: «Ино, государь, пригоже домыслити, то грех ли ставитца крестное целование? Греха, государь, святые не уставливают и бог не законополагает греха человеку... или, государь, самого господа бога виновата творя, что узаконил клятву?» (л. 202).

Зиновий не отвергает и судопроизводства, ведомого «по речем» или «по обыску», т. е. по свидетельским показаниям или по следственным материалам, но отстаивает самодостаточность крестного целования как богоустановленного, освященного традицией и имеющего то практическое пре-

имуущество перед следственным процессом, что обеспечивает суду возможность быть скорым. Этому последнему обстоятельству Зиновий придает большое значение. Затяжка следствия, судебного разбирательства и исполнения приговора чревата, по мнению Зиновия, всяческими осложнениями: «и от престола бо премена судии бывает и смерть постигает, и истец лукав может лести спшити и оправитися, виноват будучи, и послухи купити, и правду искривити, и судию намздити, и смерти предати суперника лукавыми человеки, и суд смешати, и истцов перечных найдет» (л. 200—200 об.). Видимо, Зиновий хорошо знал судебные язвы своего времени! Чтобы подтвердить церковно-историческим примером требование необходимости скорого суда, Зиновий ссылается на Иоанна Милостивого (патриарх Александрийский в начале VII в.), который, отправляясь со священниками на службу, остановился по дороге, для того чтобы рассудить жалобу апеллировавшей к нему вдовицы. Лишь «полно управив вдовицу», патриарх продолжал свой путь (л. 200). Итак, суд должен быть скорым, но ничто не может более способствовать ускорению суда, как крестное целование.

Вся суть вопроса состоит для Зиновия именно в крестном целовании, и это потому, что идеей крестного целования является «божий суд».

Формы состязательного процесса, к каковым относится «поле», «жребий», «крестное целование», исходили как раз из понятия о «божьем суде» и являлись характерными для первоначальных ступеней развития феодального государства. Эти формы судебного процесса убывали в своем значении на протяжении XV в. Судебник 1497 г. дал явное предпочтение розыскному (инквизиционному) процессу над состязательным, особенно же в тех делах, которые непосредственно имели значение для укрепления централизованного государства.

Понятие о «суде божьем» имело определенное идеологическое содержание. Оно покоилось на закоренело-феодальных принципах абстракционизма, нивелирования, обезличения. Соответственно этим принципам люди должны были слепо отдаваться на волю (произвол) стоявшей вне человеческого суждения абсолютной авторитарности, которой и придано было наименование «суда божьего».

Согласно этой идеологии, все мирские обстоятельства, порождавшие споры и конфликты между людьми, не имели никакого значения. Новые формы судопроизводства, которыми отличался инквизиционный процесс с точки зрения апологетов «божьего суда», должны были означать незаконное и даже кощунственное вторжение человеческой воли в суверенную область воли божественной.

Чтобы по достоинству оценить значение судебно-правовых изменений, отличающих Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. с точки зрения принципиально-идеологической, следует прежде всего выяснить, в чем состояла философия идеи «суда божьего». Мы воспользуемся для этого рассуждением Иосифа Волоцкого, доказывающим в «Просветителе», что убийство по воле божьей есть благо, а милование по воле человеческой есть убийство.³⁹ Мы рассмотрим это рассуждение Иосифа Волоцкого с тем большим основанием, что оно, как будет показано ниже, воспроизводится Зиновием Отенским в целях опровержения правовых воззрений Шишкина.

Ссылаясь на Златоуста как автора, формулировавшего идею об убийстве по воле божьей как благе и милости и по воле человеческой как убий-

³⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI в. М.—Л., 1955, Приложение, стр. 493.

стве, далее приведя в подтверждение этой идеи примеры из Ветхого завета, Иосиф Волоцкий повторяет вслед за Златоустом: «не естество бо вещем, но божии судове добра и зла сия быти творят».⁴⁰

Смысл этого обобщения в том, что личность (субъект), среда, вообще «естество вещей» не являются основой, почвой нравственных явлений. Таковые не субстанциональны, не имеют естественного источника. Их источник сверхъестественный, а именно — божественная воля, которая вносит в область нравственного бескачественное само по себе значение добра или же зла. Отсюда логически безупречное следствие: «Да навькнеши, яко, богу повелевающую, не достоин испытovati естества бываемых, но повиноватися точию»,⁴¹ т. е. усвой же, что не подобает исследовать природы бывшего (совершающегося), повеленного богом, но только повиноваться.

Все это и есть философия «божьего суда». Она стоит в неразрывной связи со средневеково-богословским отрицанием нравственной свободы (самовластия) человека. Не чем иным, как вариантом тезиса Иоанна Златоуста: не «естество бо вещем, но божии судове добра и зла быти творят» — является формула Ермолая-Еразма: «ни в чесом бо у себе человеческое существо не самовластно, ни самодейственно, ни самосильно, но по божией воли связано плотию, жилами и костыми».⁴²

Но из этого следует, что безотносительно к желанию самих правящих феодальных кругов их судебные нововведения с перевесом внимания в сторону следственного процесса идеологически означали «испытание естества бываемых». Побуждаемые действительностью, ростом и взрывами классовых противоречий, правящие феодальные круги оказывались вынужденными в практике своей руководиться тем принципом, что именно «естество бо вещем», а не «божия судове» определяют значение нравственных явлений в качестве «добра» или же «зла».

Следственный процесс предполагает в качестве теоретической основы утверждение самовластия, нравственной свободы и потому личной ответственности человека, но эту идею выдвигали антифеодальные еретические движения, преследовавшиеся всеми кругами господствующего класса. Отсюда половинчатость, незавершенность, феодально-классовая ограниченность правовых идей, характеризующая Судебники 1497 и 1550 гг.

Как бы то ни было, но в силу указанных обстоятельств судебные нововведения конца XV — первой половины XVI в. означали определенный сдвиг в сторону секуляризации и рационализирования правовой мысли.

Церковь цеплялась за старые нормы суда именно потому, что боролась против секуляризации установившихся институтов господства, тем более против любой заявки личности на собственное значение и права, против естественных и законных требований, пробуждавшегося разума и просвещения.

Она была по-своему права. Еще не был введен Судебник 1497 г. с его новыми идеями, заменявшими понятие «обида» как личного ущерба понятием «лихого дела» как ущерба государственного, а в русском обществе уже раздавались голоса, противопоставлявшие феодально-государственному закону конкретную правду человеческого «разума и души». Так мы понимаем комментирование неизвестным писцом конца XV в. текста из книги Левит, когда в стихе (XIV, 15) «по правде (этому в еврейском тексте со-

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же

⁴² Слово о божием сотворении тричастнем — ЧОИДР, 1880, кн IV, стр 67

ответствует «по закону»), да судеши ближнему твоему» слова «по правде» были объяснены: «и разумом и душою».⁴³

Церковь была заинтересована в принципе «божьего суда» не только как носитель религиозно-феодальной идеологии, но прежде всего как обладатель судебного-феодальных иммунитетов. Не случайно правовые нововведения в Судебниках 1497 и 1550 г. сопровождались ограничением судебно-феодальных прав церкви. В литературе правильно отмечается, что еще в начале XV в. церковь выступала против судебного поединка — «поля», как это, например, сделал в послании в Новгород, к архиепископу Иоанну митрополит Фотий в 1410 г. Но это следует рассматривать не столько как отступление от самого принципа «божьего суда», сколько как отказ от одной из его конкретных форм, пережившей себя уже к началу XV в. Архиепископ Иоани, по-видимому, внял посланию Фотия. Во всяком случае в обращении к своим подопечным, написанном вскоре после 1410 г., он вообще не упоминает о «поле» как форме «божьего суда», но вводит «жеребий»: «Поп служит святую литургию, и пишет имя божие на хлебци, и дасть всем приходящим ко имени божию. А хто изъесть хлебце со именем божиим, тот прав бывает; а хто не снестъ хлебца, тот по божию суду виноват будеть. А хто не поидеть к хлебцю, тот без божиа суда и без мирьскаго виноват будеть».⁴⁴ Своеобразная жеребьевка, в которой можно вынуть хлебце (просфору) с именем божьим и тем самым выиграть тяжбу, отличалась от варварской формы «божьего суда», каковой было «поле», но при этом ничего не менялось в самом принципе.

Крестное целование в качестве способа судебного доказательства родственно формам «суда божьего». И недаром в царских вопросах Стоглавomu собору крестное целование поставлено за одни скобки с «полем» и, что не менее знаменательно, с колдовством: «Да в нашем царствии християния тяжутся неправдою и поклепав крест целуют или образ святых, и на поле бьются и кровь проливают, и в те поры волхвы и чародеи от бесовских научений пособие творят кудесбою... И на те чарования надеяся поклепца и ябедник не мирится, и крест целуют, и на поле бьются и поклепав убивают».⁴⁵

Иван IV отдавал себе отчет в колдовском характере различных форм «божьего суда», но волхвы и кудесники были здесь ни при чем. Руководя процедурами «божьего суда», духовенство само выступало в роли отменных волхвов и чародеев, как например показывает указ вышеупомянутого новгородского архиепископа Иоанна «о проскурьмисании святым трем исповедникам: Гурию, Самону и Авиву» (после 1410 г.).

Приводя тяжущихся на «жеребий», духовенство должно было произносить следующую молитву: «Молите, святии божи исповедници, Гурие, Самоне и Авиве дьяконе; якоже есте милосердием божиимъ възвратили девицю в град свой Едес, тако и ныне святии трии исповедници, Гурие, Самоне и Авиво, и Авидане, и Аврааме, и Афений, чюдо свое сътворите, виноватых обличите, гортани шкодникомъ затворите.

Исаче, свяжи и; Иакове, и пути их загради и на все стороны темны сотвори, да будут пути их ползки, и ангель Господень погоняй».⁴⁶ Публикатор указа архиепископа Иоанна А. С. Павлов замечает: «Молитва эта напоминает старинные заговоры».⁴⁷ Он совершенно прав.

⁴³ ГБЛ, собр. Румянцев, № 27, л. 226 об.

⁴⁴ РИБ, т. VI, СПб., 1908, стлб. 305—306.

⁴⁵ Стоглав. СПб., 1863, стр. 136.

⁴⁶ РИБ, т. VI, стлб. 307—308.

⁴⁷ Там же, стлб. 308

Крестное целование сохранилось в Судебнике 1550 г., хотя, по-видимому, уже не столько в значении самостоятельной формы судопроизводства, сколько в более узком значении судебного обряда. В свою очередь злоупотребления крестным целованием отмечены были Стоглавым собором.

Передовые публицисты, современники Зиновия, выступая со своими проектами судебных реформ, не оставили без критических замечаний и крестное целование. И. С. Пересветов в «Сказании о Магмете-салтане» говорит устами Магмета о вельможах Константина-царя, что они «неправдою судили и обема исцем по своей вере по христианской целования присуждали, правому и виноватому . . . оба крест поцелуют, да богу изменят, и сами от бога навеки погибнут . . . И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали, и в крестном целовании греха себе не ставили, во всем бога прогневали».⁴⁸

Как пишет А. А. Зимин, «существовавшее ранее крестное целование Пересветов стремится дополнить рядом обрядов, которые угрожали, по его мнению, жизни клятвопреступника. Чисто религиозная сторона присяги уже казалась публицисту недостаточной».⁴⁹

Нет, не заботой о пресечении судебной волокиты, не сочувствием народным нуждам вдохновлялся Зиновий в полемике с Я. В. Шишкиным. Он противопоставлял архаические формы суда политическо-правовым преобразованиям государства, шедшего в то время от Судебника 1497 г. к Судебнику 1550 г. Он выступал как апологет феодально-кастовых притязаний церкви. Что же касается отношения народа к защищавшимся Зиновием формам суда, то его идеологи, как это показывает опыт множества еретических движений на Западе и Востоке Европы, принципиально отвергали присягу и клятву. В этом прежде всего сказалось враждебное отношение народа к феодальному строю господства и подчинения. В этом, далее, сказался идеологический протест против всех внешних форм проявления религиозного чувства. В средневековых ересьх пользовался неизменным вниманием текст из послания Иакова: «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас: да, да, и: нет, нет, дабы вам не подпасть осуждению» (V, 12). И конечно же не во имя интересов тех простых людей, которые еще во второй половине XV в. выбрасывали вон кресты (новгородские еретики), которые в середине XVI в. заявляли: «православные преступают заповедь божию, кланяющиеся кресту» (Феодосий Косой), выступал Зиновий, защищая крестное целование.

Заметим, что в последний период жизни Зиновий открыто выступил с дискриминацией судебных прав зависимого населения. Хотя уже в законодательной практике времен Судебника 1497 г. холопы являлись субъектом права и выступали в качестве свидетелей, истцов и ответчиков, Зиновий, обличая ересь холопа Феодосия Косого, писал: «И законы же градстии отмежут яже от рабов бываемая свидетельства; не повелевают бо законы рабов на судищи представляти, во взысканиих межю прящемися быти послухом».⁵⁰

В Послании Шишкину Зиновий ни слова не пишет о «поле», что может свидетельствовать о его отрицательном отношении к этому институту. Примечательно, однако, для характеристики строя правовых взглядов Зиновия, что он последовательно отстаивает пережиточные формы суда, не

⁴⁸ Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 153.

⁴⁹ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 369.

⁵⁰ Истины показание к вопросившим о Новом учении. Казань, 1863, стр. 25.

только крестное целование. Как известно, Судебник 1497 г. обязывал судей (статья вторая) принимать всех без исключения жалобщиков и давать им «управу». В этом сказалось стремление ко всеобъемлющему регулированию государством правовых отношений, что отвечало интересам политической централизации. В противоположность этому Зиновий отстаивал и формы третейского суда, что отстраняло тяжущихся от влияния государственного закона. Зиновий пишет Шишкину: «будет, государь, третей приводит исцов на мир, мзда есть третиему за то, что в любовь приводит исцов ... Третей, государь, по любве приводит, на мир правды смотря, а силою правого избидити не может...» (л. 202 об.—203).

Направление взглядов Зиновия, как они выявляются по исследуемому Посланию, характеризует его как представителя интересов церковной реакции уже во второй половине 30-х годов XVI в.

Его выступление против централизующих мероприятий государства имело не отвлеченно-теоретическое значение.

Это выступление, сочетавшееся с демагогической апелляцией к народным нуждам, было целиком в духе времени, когда представители реакционной знати стремились использовать народное недовольство для сведения политических счетов с московским единодержавием. Уже в 1537 г. народное волнение в Москве было как-то связано с именем Андрея Старицкого и возвестило собой череду политических выступлений такого рода. Здесь уместно будет вспомнить ошеломляюще-решительные строки из Похвального слова Ионе, когда, выступая против «владущих» и правителей земских, Зиновий писал: «несть бо кто возбраня им таковому злу, ни мстя на них таковое губительство» (см. выше).

Когда Зиновий писал свои крамольные строки, перед его умственным взором вставали тени бояр, пытавшихся «греть руки» на народных волнениях 30—40-х годов.

Да, Зиновий мог сказать о себе: «Кто бывал избоджен, тот знает, какова беда и какова горесть обиды!», (л. 199 об.). Ненависть к виновникам своего опального положения также была свежа у Зиновия в конце 60-х годов, как и в конце 30-х годов, когда он писал свое Послание Шишкину.

Полемику Зиновия с Я. В. Шишкиным следует рассматривать как столкновение идейных противников. Сколько бы ни упрекал Зиновий Я. В. Шишкина в лености и волоките, он не мог скрыть (это проходит через все Послание), что его противник принципиально отвергал так называемый «борзый суд», основанный на процедуре крестного целования. В приведенных выше отрывках из Послания борьба ведется не просто с фактами судебной волокиты со стороны Шишкина, а с образом понятий Шишкина, видевшего в судебных рекомендациях Зиновия «грех». Для Зиновия суд «скорый» тем самым был суд «правый». Но Шишкин имел иные понятия о правом суде.

Я. В. Шишкин, как обрисовывается его образ в Послании Зиновия, был не только политиком-практиком, полномочным носителем государевой воли в Новгороде, но и вдумчивым человеком, с богатым духовным миром. Уже в начале Послания Зиновий сообщает о Шишкине: «духовными и наказаниями и телесными пищаами мое оледеневшее сердце насыщаешь и к свету богоразумия наставляешь» (л. 196 об.). Очевидно, имея в виду близость Шишкина к архиепископу Макарию и его двору, обусловленную не только служебным положением Шишкина, но и его религиозными интересами, Зиновий пишет: «живешь ис божественна мужа и велика свяителя и божия книги на всяк час чтутца ту» (л. 197 об.).

Зиновий знает, что может говорить с Шишкиным на языке религиозных понятий («знаячи твое желание к заповедям господним»), и пишет

Послание, строго выдержанное в принятых феодальным обществом религиозно-идейных канонах: «подобает Писанием извещатися в делех своих и не кроме божиих словес начинати что и творити, и того ради испытовати божия Писания прилежно, да не угайтца польза человека в божиих книгах и да научитца оправданием господним» (л. 197 об.).

И тут выясняется, что в «божественных писаниях» Зиновий вычитывает нечто отличное от Шишкина. Прежде всего для него неприемлем самый образ богословствующего дьяка. Зиновий пишет: «А на судиях господь бог иного не ищет ничего точию суда праведна» (л. 198). Зиновий не дает повода никаким кривотолкам: «Смотри, государь, божия оправдания: не ищет господь правила (т. е. канона,— А. К. и В. К.) или поста хощет или уединения у властей людских, но точию суда и правды и милости» (л. 198). Зиновий указывает «кесарю» на его область «кесаревого»: суд, правда, милость. Что же касается канонов, постов, отшельничества («уединение»), то это область божественного и она составляет принадлежность монахов, самого Зиновия, людей его круга. «И сам господь во евангелии,— продолжает Зиновий,— бранит на израильтяны, что они о дарех и о постех и очищенных пекутца вящая, рече, закона, остависте суд и милость и веру» (л. 198).

Только одного «господь просит у властей», а именно: «творити ему суд и правду и любити милость» (л. 198 об.), власти же «человек судити не хотят во что поставлени», а вступаются во что не поставлены: «К такому господь глаголет Исаием пророком: Поста вашего и праздников не хошу и приношения ваша ненавидит душа моя» (л. 198 об.).

Можно указать на параллели, существующие между идеями Послания Шишкину Зиновия Отенского и «Словом о неизглаголенном божии промысле...» Максима Грека.

В названном «Слове» Максим Грек развивает тему о праведном суде. Он обличает сребролюбие и лихоимание («посылаемым от благовернаго царя во граде судиям и анфипатом (*συνόπατος* — проконсул; по-видимому, Максим Грек пишет о наместниках)»,⁵¹ т. е. именно ту категорию лиц, к представителю которой обращено Послание Зиновия. У Зиновия сказано, что ни следования канонам, ни соблюдения постов не требует бог от властей, но «точию суда и правды и милости», подобно тому как мы читаем у Максима Грека, что властям бог «ни едину ину добродетель свою, ни день, ни бдение всенощное, ни молитву многосрочну, ни слезы предлагает на умоление страшного Судии, но точию сие, что правым судом и правдою судил уверенным ему людем Божиим».⁵²

Эта идея прочно входила в литературный обиход Максима Грека, и в другом своем сочинении — Послании царю Ивану Васильевичу — он еще определенной писал: «Да ничтоже предпочтеш паче правды и суда царя небеснаго ... Добро убо, добро воистину и вельми спасительно молитва и пост! .. Но аще лишатися прежде реченных выше добродетели, аки ничтоже вменяются пред праведным Судиею».⁵³

Возвращаясь к личности Я. В. Шишкина и отношению к нему Зиновия, отметим, что недовольство Зиновия имеет в виду вмешательство государева дьяка, мирского человека, в «духовные» дела, что позволяет предполагать намек на практику вмешательства со стороны Шишкина в область феодальных привилегий церкви.

⁵¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 199.

⁵² Там же, стр. 210.

⁵³ Там же, стр. 348—349.

Но было бы неправильно ограничивать полемический прицел Зиновия одной церковной политикой представителя государственной власти.

Упреки в сосредоточенном внимании к области «духовного», которыми пестрит Послание Зиновия Шишкину, наводят на мысль, что в своей практической деятельности государев дяк руководствовался не простым формальным следованием нормам, установленным Судебником, но стремился осуществлять эти нормы на высшем уровне моральных принципов, как он их понимал. Может быть, поэтому в своем Послании Зиновий напоминает Шишкину, между прочим, и о Судебнике: «Суд бо милости не имать и пригоже, государь, вскоре судити и правити и обинити и казнити продажею исцовой и Судебником» (л. 204). В этом отрывке Судебник противопоставлен «милости», и это противопоставление не случайно. Явно отвечая Шишкину, не желавшему без тщательного расследования («обыска») приводить тяжущихся к крестному целованию, Зиновий писал: «и то не добродетель, но знамение немилосердия и лености прикрышка, что исцом не дати земские правды да волочить» (л. 199 об.). Религиозные интересы, близкие Шишкину, легко могли привести его к открытию в Библии аргументов в пользу дорогой ему «добродетели» «милостивого суда». В Послании Иакова прямо утверждалось: «Суд бо без милости не сотворшему милости и хвалится милость на суде» (II, 13). Зиновий отвечает на этот текст из Послания Иакова, истолковывая его в том смысле, что «божие книги» велят миловать правого, а не вообще требуют милостивого суда. В противоположность взгляду Шишкина Зиновий утверждает «а святое писание сказывает: суд милости не имать, а только имать миловати виноватого, то не помилует правого и огрубит ему, что велит миритися, и казнит его тем, что его волочит. Про то, государь, божия книги пишут так: суд есть без милости не сотворшему милости. И еще пишет, хвалитца милость на суде. Смотри, государь, божиих книг, как велят творити суд и виноватого миловати не велят, пишут: суд милости не имать. Так же, государь, только не миловати правого ино запрещают и пишут: суд есть без милости не сотворшему милости» (лл. 204 об.—205).

Для Зиновия понятие гражданского закона в конечном счете растворялось в понятии закона божественного. Во всех случаях законопреступления нарушался божественный закон. Сутью наказания являлось поэтому нарушение преступнику божественных заповедей. Наказание выступало как месть, и любые человеческие соображения об обстоятельствах преступления и тем более о личности преступника, которые необходимо входили в понятие «милости», казались Зиновию крамолой, едва ли не ересью. Конечно, Зиновий не называет в своем Послании Шишкина ни крамольником, ни еретиком, к чему и не было никаких оснований. И все же от нас не должна ускользнуть примечательная психологическая деталь. К какому источнику потянулись руки недавнего ученика Максима Грека в его ортодоксальной отповеди дяку Шишкину? Источником, навевшим Зиновию его отповедь, оказывается отрывок из Златоуста, включенный Иосифом Волоцким в «слово» об осуждении еретиков!

Сопоставим памятники:

Послание Зиновия
Шишкину

«Просветитель»
Иосифа Волоцкого

Великий Иоанн Златоуст пишет так: только по воли божьей убийство кто сотворит, и то убийство больше всякой милости пред богом, а только не

Наказует и учит священный Златоуст, сие глаголя: «Еже убо по воли божи бываемо аще и озлобити мнитса, всех есть добрейши а еще чрес волю божию и не угодное оному»

по воли божии милование кто сотворит, и та милость злее есть всякого душегубства пред богом. Да к тому послушество приводит, коли Саул царь изымав Агага царя пощадил и Самуил пророк пред Саулом того Агага ножом заколол, и за то Агагово пощадения господь бог того Саула от царства изринул. А егда Ахав царь ассирийского царя поймав отпустил, и в то время пророк божий пришед к человеку веле себя бити и человек гот побоялся бити пророка, и не бий, а за то того человека лев съел по слову пророчю; и пророк иному человеку велел себя бити, и той человек бил его и розби ему лице, и тому человеку спасение даровася. Не бивый, государь, пророка погнibe, а бивый пророка спасеся (лл. 205 об.—206).

аще и изрядно бити мнимое всех есть злейши и законопреступнейши. Аще убьет хто по воли божией, человеколюбия всякаго есть лучший убийство оно. Аще и пощадит хто, человеколюбствуя чрес угодное оному убийства всякого непреодобнейши будет то пощадение: не естество бо вешем, но божии судове добра и зла сия быти творят». Да навикнеши, яко се истинно есть, послушай реченных: Пощадил некогда чрес божественную волю Агага, царя амаликова, Саул царь израилев, и за се пощадение приат от бога, осужение, и не точно сам, но и все семья его. Тако же царя ассирийска Адера ем Ахав, паче угоднаго богови снабде, и со многою отпусти его честию, и пророка некоего посла бог ко Ахаву глаголя: «Тако глаголеть господь: яко отпустил еси ты мужа губителя от руки твоея, душа твоя вместо душа его, и людие твои вместо людей его». Подобно же сему пророк некий пришед ко искренему своему: «Словом господним бий мя», и не восхоте человек он бити его, и рече к нему: «Занеже не послуша гласа господня, се ты отидеши от мене, и поразит тя лев», и отиде от него и обрет его лев, и порази его. И обретает человека иного и рече: «Бий мя», и бий его человек той, и сокруши лице его. Что убо будет сего преславнейши, — бивый пророка спасеся, а пощадевый мучен бываше? ⁵⁴

Для тех, кто помещал источник нравственного в потусторонний мир, логично было настаивать на «суде божьем» и объявлять вредной канителью и «милостью, злейшей всякого душегубства» взыскательное изучение каждого судебного казуса, принимая во внимание сопровождавшие его обстоятельства, учитывая в наказании и его нравственное значение. На последнее указывал еще Максим Грек, правомерно обращаясь к авторитету Менандра: «к подручником кротость растворена со устрашением государским на исправление их, а не на погубление». ⁵⁵ Здесь наказание уже не выступает как месть.

Мы ссылались выше на неизвестного писца конца XV в., толковавшего суд «по правде» как суд, руководствовавшийся «и разумом, и душою». Но и в адрес Шишкина мы читаем у Зиновия Отенского: «А еще, государь, судия не души поставлен судити, но дел их судити поставлен» (л. 202 об.).

В этих словах Зиновия мы видим указание на самую суть правовых воззрений Шишкина, не отделявшего человеческих проступков от личности преступившего, а, наоборот, принимавшего во внимание при рассуждении тех или иных дел совокупность индивидуальных обстоятельств и особенностей.

Взгляды Шишкина были прогрессивными, но не являлись исключением по отношению к общественно-правовым идеям публицистов его времени. Во-первых, круг применения Шишкиным своих взглядов следует, по-видимому, ограничить областью гражданских дел. Что же касается уголовных дел, «лихих дел», непосредственно угрожавших феодально-государственным

⁵⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI в., Приложение, стр. 493. — Если даже близость сопоставляемых текстов объясняется общностью источника, к которому обратились Иосиф Волоцкий и Зиновий Отенский, это ничего не убавляет в единомыслии и единодушии двух воинствующих церковных публицистов.

⁵⁵ Максим Грек, Сочинения, ч. II, стр. 184.

интересам, то угол расхождения между взглядами Зиновия и Шишкина в этой сфере вряд ли был велик. Послание Зиновия имеет в виду судебную политику Шишкина в гражданских делах и вопрос об уголовном судопроизводстве обходит. Уже сразу по прибытии в Новгород Шишкин дал почувствовать волновавшемуся населению «крепость» государственного закона, что выразительно отмечено летописцем.

Во-вторых, под «милостью» Шишкина, против которой так энергично протестует Зиновий, не следует понимать судейской сентиментальности и благодушия. Просто Шишкин понимал и применял закон не формально, а в соответствии с его духом, может быть и более свободно, чем этого хотели и сами законодатели.

Следование Шишкиным духу, а не только букве закона, который и сам по себе не удовлетворял Зиновия, — вот что претило его абстрактно-формальному мировоззрению, тем более что великокняжеский дяк на этом же законном основании вторгался в материально-имущественные интересы церкви, в ее привилегии.

Мировоззрение Шишкина, поскольку оно определяется из полемики с ним и по сохранившимся фактам его деятельности, заслуживает внимания еще в одном отношении: оно показательное как пример, свидетельствующий о своевременности, об органической связи с жизнью вопросов, которые волновали передовую русскую публицистику в первой половине XVI в.

В данном случае мы имеем в виду публицистику Федора Ивановича Карпова. Как правильно характеризует взгляды Карпова Н. В. Сеницына: «Царь не должен обходить закон-правду, повинуюсь внезапному доброму порыву, не должен допускать всепрощения, это будет малодушеством («милость бо без правды малодушество есть»). Не должен царь и слепо повиноваться букве закона («правда без милости мучительство есть»). „Сиа два разрушают царство и всяко градосожительство“. Надо соблюдать закон, но руководствоваться не буквой, а духом его».⁵⁶ К сказанному Н. В. Сеницыной добавим, что понятия о законе, правде, милости у Ф. И. Карпова ведут к соответствующим категориям «Никомаховой этики» Аристотеля. В частности, «милости» Карпова соответствует у Аристотеля «благосклонность», «снисходительность», понимаемые как такое следование закону, которое считается со всем своеобразием субъекта его, которое в каждом отдельном случае находит правильное соотношение между общим и частным.

В этом направлении думал и Шишкин. Я. В. Шишкин не принадлежал ни к числу выдающихся политических деятелей своего времени, ни к числу его идеологов. Он был незаурядным, но все же провинциальным великокняжеским дяком.

Тем показательнее для характеристики широты и значительности интересов русской общественной мысли первой половины XVI в. фигура Якова Васильевича Шишкина.

ТЕКСТ

Посланная грамотка от старца Зеновия Отинского
монастыря ис пустыни к государеву великаго князя
диаку Якову Шишкину л. 196

Государю моему Якову Васильевичю нищий доку||чник и богомолец твой
старец Зиновие челом бьет на всех благих твоих, понеже, государь, имеешь л. 196 об.

⁵⁶ Н. В. Сеницына. Общественно-политические взгляды Ф. И. Карпова. Рукопись.

до нашей нищеты свою теплоту сердечную, твоими благоутробными щедротами нас призираешь о всем и паки духовными наказаниями и телесными пищаами мое оледеневшее сердце насыщаешь и к свету богоразумияставляешь. И о том великом твоём жаловании и посещении благодарю тя, да воздаст господь полезная души твоей обрести зде и в будущем веце, да спаси бог, государь, и паки реку, спаси бог на великом твоём жаловании, что нас нищих жалуешь и тому господь бог воздатель. Слышав, государь мы грешнии спяние души твоей, иже путь свой исправливаешь, ходячи царским путем направо, а налево не совращаяся, и мы о том благодарим и славим господа и желаем всегда твое благодати господни на тебе. И то,

а. 197 государь, нам радость велия, что ты в благодати и в добродетели || и не точно радуемся мы грешнии о том, но и печалимся и скорбим за погрешения друзей и благодателей наших, коим прилучитца.

Здесь, государь, говорят про тебя многия люди, что ездить в государеву полату позно, а до тебя дела не делают у вас в полате никоторова, а людям то истомно, что ждуть долго, а суд засудишь, государь, и ты-де долго по судному делу указу не чинишь и ищем в то время управы нет и в волоките проедаются и не промышляют и ремесло залегают, и о том люди тужат. И ты, государь, пожалуй нас нищих не позазри, что мы тебе понудилися то сказать, ведаю, государь, что ты со страхом Божиим дело божие делаешь вседушно и теми нуждами томишися людей для бедных, надеешься от господа милость уллучити и грехом опущения, и тебе, государь, все то даст господь за твой труд, аще без лености послужишь людем господним в том деле, || в котором поставлен еси от своего государя. Нам же нищим за свою худость и за твою честность к тебе писати непригоже, занеже, государь, живешь ис божественна мужа и велика святителя и божия книги на всяк час чтутца ту и о твоём великом жаловании и любви нудит нашу худость к тебе писати и тебе, государь, подобает Писанием извещатися в делах своих и не кроме божиих словес начинати что и творити, и того ради испытovati божия Писания прилежно, да не утайца польза человека в божиих книгах и да научитца оправданием господним. И мы грешнии знаючи твоё желание к заповедем господним дерзнули есмы к твоей честности воспомянути тебе божия заповеди и оправдания господня о дву делех твоих, что судити господь приказал и управа вскоре давати по речем или по обыску и по мнозе испытании и крепком взыскании достоин и крестное целование дати меж прямилися.

а. 198 А на судиях господь бог иного не ищет ничего точно суда праведна и о сем премудрый Соломон моляся богу глаголя: Боже, суд твой царице даждь и правду твою сыну царице, судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд и прочая псалма. Того есть, государь, писано в божиих книгах божие слово Михеем пророком по веданости есть человеце, что есмь добро, что ли просит господь бог твой о тебе, но еже творити суд и правду и любити милость и готову быти ходити з господем богом твоим всегда. Смотри, государь, божия оправдания: не ищет господь правила или поста хочет или уединения у властей людских, но точно суда и правды и милости. И сам господь во евангелии бранит на израильтяны, что они о дарех и о постех и очищениях пекутца вящая, рече, закона, остависте суд и милость и веру. Что же, государь, кто хочет богу угодити, чего || господь не просит у него и то он господу приносит. Господь просит у властей творити ему суд и правду и любити милость, а власти человек судити не хотят во что поставлении, да кроме божия повеления приносит господу пост и правило велико. К таковым господь глаголет Исаием пророком: Поста вашего и праздников не хочу и приношения ваша ненавиждит душа моя, аще воздежете ко мне руки ваша отвращу лице мое от вас, аще умножите молитвы

моя ко мне и аз не услышу вас, взыщите суда, избавляйте обидимаго, за-
 ступайте вдовица и тогда истяжемся, глаголет господь, и аще греси ваши,
 яко черныи будут и аз, яко снег убелюся. И ты, государь, смотри божия
 заповеди и оправдания, поста и праздников не хошет господь, а на пра-
 вилу и на дары не смотрит и молитвы не слушает, велит искати суда пра-
 ведна и обидимому пособити, и тогда бог хошет || заповедей божиих не
 слушати и ближнего пользы судом не искати, а свою пользу в правиле л. 199
 искати явно, и то грех есть и богу досада, что не судити или отсылати
 от суда или отсрочивати суд. А то, государь, богу угодно дело, что судити
 и виноватого мучити ранами или исцу продажею, и ездити рано судити и
 сидети долго, как святии патриарси и царие творили по святых заповедях
 и оправданий господних. А что, государь, помышляешь греху быти в том,
 что после суда борзо судное дело обговаривати да оправить или обвинить,
 или целование крестное дать, и в том, государь, суднем греха несть, что
 скоро управити, занеже сам господь бог в законе Моисею приказал клят-
 вою веру в суде быти, аще послухов верных несть, и аще обыскати мочно,
 и судия не обыскиваючи, да обвинит, и в том судье грех. А что, государь,
 вскоре указ учинить || по суду и обвинити или дати клятва, сииречь крест- л. 199 об.
 ное целование, в том судиям спасение есть велико. А что, государь, не давати
 крестного целования, а обыск не приидет, и то не добродетель, но знамение
 немилосердия и лености прикрышка, что исцом не давати земские правды
 да волочить, занеже, государь, есть писано духом святым в божиих книгах
 заповедь господня так: не от рдъся благо творити требующему, вегда аще
 имать рука твоя помогати, не рдъ, отшед возвращуся и утре дам, сильну
 ти сущу благо творити не веси, что родит находяй будет слово сообше
 всякому человеку. А большее, государь, суд и приказ что чего так требует,
 яко же обидимый заступления от насилующих требуют, от кого же от иного
 потребует, аще не от судии управы. Кто бывал изобижен, тот знает, какова л. 200
 беда и какова горесть обиды. А только бы, государь, мала нужда была
 обиды, ино не стол бы много и господь приказывал судити. Чья же иная
 рука имать обидимому помагати, только не судиина, кому же и приказ о том,
 только не судии тому приказывает и говорит: не отрцыся от бога творити
 обидимому требующу суда и отмщения вегда, аще имать рука твоя помо-
 гати доколе и еще на судийском престоле еси, доколе еще судити можеши
 имать и можег рука твоя судною властью отмстити на обидящем, не рдъ
 отшед возвращуся и утре дам управу, силен еще будучи благо сотвориши
 бедному того бо для пришед и молитца требуя заступления ныне не
 веси бо, что родит находяи и от престола бо премена судии бывает и
 смергь постигает, и истец лукав может леть сшити и оправитися, виноват
 будучи, и послухи купити, и правду искривити, и судию намздити, и
 смерти || предати суперника лукавыми человеки, и суд смешати, и истцов л. 200 об.
 перечных найдет, и иная многа злая и лукавая могут до утра зделати
 со льстивыми людьми и всякая согрешения ленивому судии приобретающа.
 Того для, государь, той же Иоанн милостивый патриарх, идучи со кресты
 служити ко святому мученику Мине, по челобитью вдовицы для став на
 пути и со кресты, а не пустил с места доколе исцов ее добыли от тех мест,
 как вдовица к нему завопела. И священники ему зазирали и говорили, что
 негораздо стал, невременно судити, идучи со кресты к службе, и добро
 слово патриарх отвечал им: как де яз в службе от господа бога сам услы-
 шан буду не услышав вдовица сея, не господь ли такожде отвратитца от
 меня, како и аз вдовы сея. Полно управив вдову тоже пошел с места
 к мученику, воистину святой се творец божиим заповедем, слышал за-
 повесть || сию: не рдъ отшед возвращуся и утре дам, так и сотворил, не л. 201
 ступив с места дондеже управу дал вдовице, а не послушал своих совет-

ников тех, которые ему велели после обедни управити вдовицу, больши послушал божии заповеди, которая говорит: не рцы, отшед возвращуся и утре дам. Что, государь, нынешним судием мудрость не по божии мудрости, что не хочет судити исцов да судом волочит или судив дни 3 или 4 или неделю не хочет по судному делу указ учинити и управы дати и вскоре не отпускают исцов. Явно, государь, то судия заповеди господни не слушает, занеже господь повеле до утрия суда не откладывати, не рцы, рече, отшед возвращуся и утре дам, силу ти сущу благо творити. А иньи, государь, судия не точию дни 3 или 4 волочат, но и недель 5 или 6, и то,

л. 201 об. государь, не точию един || грех, что заповеди господни преступает, но и самому господу богу противитися хочет, и что того горчая: судия в дому своем во всяком покои наслаждаетца ествы и пития без печали в своем доволном богатстве и спит доволно, а бедный истец, пришед в чуже место, дом свой и семью и промыслom своим оставив, проедаетца управы ищучи, всегда не доел, не высипался и сердце его кровию кипит, и тому же управы нет вскоре и волокита бедному. Вижу, государь, прямая речь — сыт голодному не разумеет.

Хотел бы есмь, государь, ведати, которые судии долго управы не дают затоли будет, что велит миритися исцом и х крестному целованию не пускает и мнит, что грех станетца только поцелует. Ино, государь, пригоже судии знати, что грех! Крестное целование господне, в нашей земли установлена рота, клятва ротою || правда земская веритца, тою же, государь, ротою царства мир укрепляют. А ротою, государь, клятва есть, а клятву, государь, благочестивии царие и самодержцы устави равнопостолныи Костантин и Устиниян великийи и Владимир, нареченный во святом крещении Василие, по совету святых отец, а прежде тех сам господь бог устави Моисеем в законе клятву. Ино, государь, пригоже помыслити, то грех ли ставитца крестное целование, греха, государь, святии не уставляють и бог не законополагает греха человеку, веру и стоячь господь законополагает и святии устанавливають, или, государь, самого господя бога виновата творя. что узаконил клятву? Ведаем, государь, грех клятвенный, кто на лжи ротитца и грех, что рота преступати ино той грех у нас, государь, тех зовут изменники. А целовати, государь, не грех по божию оправданию и по святых || отец также и целование давати не грех, грех, государь, на криве целовати, грех, государь, целовав изменити. А которой судия исцов от крестнова целованиа отставлиывает, ино той судия не исцов от греха избавляет, но себя во грех волит. По святому писанию великий отец Исаия глаголет: кая польза человеку да созиждет ближнему храмину, а свою разоряя. Неуже, государь, провидел судия исца, что хочет на криве целовати? А еще, государь, судия не души поставлен судити, но дел их судити поставлен. А что судия миритися велит исцом, и та малая правда судиина, занеже дружит виноватому, а правому грубит, велит силою отступатися правому правого своего; будет, государь, третей приводит исцов на мир, мзда есть третиему за то, что в любовь приводит исцов. А только

л. 202 об. судия велит миритися, ино будет избоджен || правой. Третей, государь, по любви приводит, на мир правды смотря, а силою правого избодити не может, а судия, только волочит, а не судит, велит миритися, ино, государь, по нужде правой обидитца отступает прямого насильством судииным. Отнюдь, государь, судье от суда отсылать не подобает на мир, только сами оба исца не просят миритися. И в том, государь, не будет греха, что одного не послушати, а суда не пустити, а только, государь, оба хотят миру, и тех достойно пустити с суда, занеже виноватые всегда любят волокиту, а говорят: надокучит де правому волокита, рад будет истец и даром дело покинути, ино, государь, чаешь, греха в том не будет судии, что не судит

да волочит и норовит виноватому. Будучи, государь, кто судия вмирит силою и обвинити не хочет по суду или по обыску или по земской управе рогою, ино, государь, преступает божию заповедь, занеже, господь, велит взыскати суда, отмстити обидимаго и за то милость и отмщение грехом судием *хочет дати.* А судия суд покинув не хотячи казнити виноватого виною, да велит миритися, ино той судия праведнее и милостивее *хочет быти* господа бога, и тому, государь, не мочно быти, что хотети чрез божию заповеди праведну и милостиву быти паче господа бога, разве грех не прощен будет и мука вечна. И того для, государь, праведнее господа никто б не ставил себя, делал бы по божию повелению и по правде его, да грехов прощение примет, и потому не пригоже миловати виноватого и норовити ему, занеже писано есть: суд милости не имать. Суд бо, государь, велит правду на ответ изводити судии ко исцѣм виноватым старому, и малому, и сильну, и немощну, и богату, и другу, и роду; и несть судии ни роду, ни племяни, ни друга, занеже писано: по малому и по великому судити и не познаеши лица на суд, яко суд божий есть. И того для судии непригоже ни сильного убояться, ни своему дружити, ни норовити виноватому тем, что суд отсрочивати да велети миритися и в том волочит милуючи виноватого или по дружбе или по худости: суд бо милости не имать. И пригоже, государь, вскоре судити и правити и обвинити и казники продажею исцвою и судебником. Писано, государь, в Царствах: после Давыда пророка и царя к сыну его царю Соломону премудрому пришла мати его Вирсавия и просила у сына своего, у Соломона царя, чтоб дал брату своему большому женитися на той царице, которая отца их Давыда в старости его согревала. И Соломон о том разгневался на большого своего брата и велел ему голову отсечь и мати его Вирсавия не отпросила от смерти у него брата его, и то, государь, убийство Соломона не видал есмь в писании, чтоб который пророк или свят муж в грех Соломону свидетельствовал: суд бо, государь, милости не имать. И того для не миловати виноватого и не норовити ему тем, что велит им миритися и за то волочити и отсрочивати суд или крестное целование, занеже, государь, тем милует виноватого, а святое писание сказывает: суд милости не имать; а только имать миловати виноватого, то не помилует правого и огрубит ему, что велит миритися, и казнит его тем, что его волочит. Прото, государь, божия книги пишут так: суд есть без милости не сотворшему милости. И еще пишет: хвалитца милость на суде. Смотри, государь, божиих книг, как велят творити суд и виноватого миловати не велят, пишут: суд милости не имать. Так же, государь, только не миловати правого ино запрещают и пишут: суд есть без милости не сотворшему милости, и только, государь, правого милует не отсрачивая по судному делу указ учинит безволокитно или по обыском или по крестному целованию по суду. Тогда похваляют божия книги и пишут: хвалитца милость на суде, тогда господь бог судием и грехи оставляет по святому Исайи пророку. А которой отсрочивает и волочит дело и велит миритися, то явно дружит виноватому, и то, государь, милование ему, а правого, первое, истец избидил, другое, судия, волочит, отсрочивая судного дела не обговаривая и управы не даст, ино правому вдвое беда, а третия беда, что проедаетца. А только еще из деревни или из ыного града приедет, иная беда ему, занеже дом и промысл оставил. И то правому явное грубление, что велит миритися, а по судному делу долго не творит с ним милости судия и будет судия от господа в запрещении: суд бо без милости не сотворшему милости. Великий Иоанн Златоуст пишет так: только по воли божий убийство кто сотворит, и то убийство больши всякой милости пред богом, а только не по воли божию милование кто кому сотворит, и та милость злее

есть всякого душегубства пред богом. Да к тому послушество приводит, коли Саул царь изымав Агага царя пощадил и Самуил пророк пред Саулом того Агага ножом заколол, и за то Агагово пощадения господь бог того Саула от царства изринул. А егда Ахав царь асирийского царя поймав отпустил, и в то время пророк божий пришед к человеку велел себя бити и человек той побоялся бити пророка, и не бий, и за то того человека лев съел по слову пророчю; и пророк иному человеку велел себя бити, и той человек бил его и розби ему лице, и тому человеку спасе^{||}ние даровася.

л. 206 Не бивый, государь, пророка погибе, а бивый пророка спасеся, а Ахаву пророк от господа отвечал, что Ахаву самому погибнути, занеже изымав царя асирийского отпустил. Потом Златоуст так писал, ино, государь, пригоше судии по божию приказу миловати того, которого миловати велено, а того же никакo не миловати, кого не велено миловати, не боятися в том греха, занеже писано есть: обличением обличиши ближнего своего и не примешь его ради греха. Видиши ли, государь, аще обличити, ино не будет греха, а не обличити, ино грех приемлет на себя. А обличение, государь, то, что судити по суду и обвинити и казнити по обыску или целованием, — то обличение есть. И много, государь, писати от божиих книг и многих святых на свидетельство приводити, а все то же деяти только судия суд судит без лености не откладывая день и судив || судное дело обговаривает не изволочив и за то восприимешь от милосердаго бога мзду, а от людей честь и величие. И сими тщетизми величании всегда наслождаяся и всех научаяся и не разумех, яко воевода сый и владыко на престоле посажден бых, и яко пастырю и стражу вручи тебе, государь, люди своя, яже искупи честною сии кровию, и заповеда тебе, глаголя: да не сотвориши неправды в суде и не оправдиши неправого мзды ради, ни восхитиши, мзду от него и проклят всяк судия неправедный. Аз же не судих по правде, ни сохраних заповеди божия, ни сотворих повелении его, но бых в пастыря место волк, а в стража место тать, и достоин бых издавна отвержен быти от лица господня, понеже лукавыи обычаи и в ветсе прилози ветхаго престлника ослепиша очи сердца моего и тма глубока одержаша помысл мой, но умилосердися о мне...¹

л. 206 об

¹ Государственный архив Калининской области, № 916. Описание сборника, в котором находится публикуемое послание, см.: И. Ф. Г о л у б е в. Собрание рукописных книг г. Калининга. — ТОДРА. т. XI. Л. 1955, стр. 442.

Г. И. КОЛЯДА

Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву

Первого марта 1564 г. Иван Федоров вместе с Петром Тимофеевичем Мстиславцем закончил в Москве печатание Апостола.¹ О том, что они делали после этого до 7 августа 1565 г., когда начали печатать первое издание Часовника, не сохранилось никаких сведений. Но отсутствие напечатанных ими книг за указанное время еще нельзя принимать за безусловное свидетельство того, что и книгопечатания не было. Ведь еще несколько лет тому назад мы ничего не знали о «Грамматике», которую сложил Иван Федоров и напечатал во Львове в 1574 г.

Можно с большой долей вероятности говорить, что Иван Федоров был занят в указанное время подготовкой к печати текста второго издания Часовника. Но по крайней мере в какой-то отрезок этого времени, скорее всего во второй половине 1564 г., книгопечатание в Москве происходило. Об этом довольно обстоятельно рассказывает Рафаэль Барберини: «В прошлом году ввели они у себя печатание . . . и я сам видел, с какою ловкостью уже печатались книги в Москве».² А в Москву Барберини прибыл летом 1564 г., летом же 1565 г. оставил ее; перед 11 июля он был уже в Антверпене.³

Не успев закончить первое издание Часовника, приступили ко второму. Напечатано оно было 29 октября 1565 г.⁴ Других московских изданий Федорова после второго Часовника мы не знаем. Надо думать, что их и не было. После выхода в свет Часовников для наших первопечатников сложились такие условия, при которых они не могли оставаться на Руси и вынуждены были «от земли, и от отечества, и от рода» своего уйти «в иные страны незнаемы».

Хотя в «Повести» — послесловии своего львовского Апостола Федоров и говорит о причинах, заставивших его и Петра Мстиславца уйти из Москвы, но в научной литературе единства в этом вопросе нет. Однако большинство авторов сходится на том, что поводом к уходу послужила ересь.⁵ Чтобы выяснить, в чем же могла состоять ересь наших первопечатников, необходимо сравнить текст Апостола и второго издания Ча-

---

¹ И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами . . . с 1491 по 1652 г. СПб., 1883 (далее: Каратаев), № 69.

² Рафаэль Барберини. Путешествие в Московию в 1565 году. — Сын отчества СПб., 1842, № 7, стр. 22—23.

³ И. Гамель. Англичане в России в XVI—XVII ст. — Приложение к VII тому «Записок Академии наук. СПб., 1865, стр. 73, 74, 275, 276; N. Tcharukov. Le chevalier Raphaël Barberini chez le tsar Jean le Terrible (1564). — Revue d'histoire diplomatique . . . dix huitième année. Paris, 1904, стр. 260—269.

⁴ Каратаев, № 70

⁵ См. ниже, стр. 249—250.

совника с текстом рукописных Апостолов и Часовников предшествовавшего времени.

Книгопечатание на Руси возникло как результат возросших потребностей общественной жизни. И первые мероприятия по его устройству относятся еще к концу XV в. Значительным стимулом для введения книгопечатания была большая неисправность рукописных богослужебных книг.

Стремление к сохранности, неприкосновенности текста священного писания и вообще книг религиозных в Московской Руси общеизвестно. «Преписующим» под страхом проклятия запрещалось «приложить или отложить едино слово или тычку едину, или крючочки». ⁶ Но несмотря на все такие «прещения», а, может быть, именно в силу этих «прещений», так как они сковывали критическую мысль «преписующего» и всякую описку его предшественника возводили в канон, число ошибок и разного рода извращений в рукописных книгах было неизмеримо велико. В ряде случаев такие ошибки приводили к диаметрально противоположному смыслу, например: «предаяше им хранити уставы осужденныя от апостола», ⁷ или к полной бессмыслице: «Жена не владеет своим мужем (вместо «своим телом»), но муж». ⁸

Ошибки эти различного происхождения. «Овы убо от недоумения или презрения, или забвения древних приснопамятных переводников, овы же от премногия грубости и небрежения преписующих . . . ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости грамматикистей», — говорил Максим Грек. ⁹ Были и сознательные, с определенной целью вносимые изменения существующего текста.

Об этом книжном «нестроении» хорошо знали на Руси. «А здешние книги все живые, а правила здешние кривила, а не правила; а до Максима есмь по тем книгам бога хулили, а не славили, ни молили», — говорил Вассиан Патрикеев. ¹⁰ Известно это было и иностранцам. Сигизмунд Герберштейн писал, что Максим Грек, найдя в русских книгах «много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни римскому, ни греческому закону». ¹¹

При том огромном значении, какое имела религия в жизни феодального общества, эти «нестроения» не могли не внушать тревоги его верхам. Для их исправления и был приглашен с Афона ученый Максим Грек.

В книгах, исправленных при участии Максима, наряду с устранением ошибок, делались и робкие попытки к устранению архаизмов, замене их

⁶ Из послесловия митрополита Киприяна к Служебнику, который он перевел и переписал «от грецких книг на русский язык рукою своею»: Ф. Буслаев. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 137. См. также: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, стр. 722, 729 и др.

⁷ Апостол первой половины XVI в.: ГПБ, F.1.62, зачало 37 (Деян. XVI, 4).

⁸ Апостол начала XVI в.: БАН, 17.13.9, зачало 136 (Коринф. VII, 4).

⁹ Инок Максима Грека словоответное о книжном исправлении: Платон. Краткая церковная российская история. М., 1805, т. II, Приложение, стр. 331, 303, см. также стр. 300, 319.

¹⁰ Прения Даниила митрополита Московского и всея Руси со иноком Максимом Святогорцем: ЧОИДР, 1847, № 7, отд. II, стр. 10. Ср. в «Соборнике житий преподобных отец Симеона Столпника, Харитона Исповедника, Кириана Отшельника...» полистную запись митрополита Иоасафа, предшественника Макария на московской митрополии: «Писах же с разных списков, тщася обрести правы. И обретох в списках оных многа неисправлена» (Историческое описание Святогроицкия Сергиевы лавры. М., 1852, стр. 140).

¹¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах... Введение, перевод и примечания А. И. Малеева. СПб., 1908 стр. 65.

словами и выражениями, ближе стоящими к живой, разговорно-бытовой речи. Необходимо указать, что такого рода попытки предпринимались и ранее. Например в Чудовском Новом завете, приписываемом митрополиту Алексею.

Переписывание как способ производства книг отнюдь не гарантировало правильности раз исправленного текста при его дальнейшем размножении. Вопрос «О исправлении книжном» стоял и на Стоглавом соборе. Стоглав вплотную подошел к выводу о необходимости введения книгопечатания на Руси. Но слишком уж необычен был этот способ размножения «богдохновенных» книг, и нужного в этом отношении решения освященный собор не вынес. И даже слово «книгопечатание» на нем произнесено не было. Стоглав говорит о единственном способе устранения книжных неисправностей — «писати с добрых переводов».¹² Но что такое «добрые переводы», откуда их взять, об этом он умалчивает. Идея глубокого исправления «святых книг» по первоисточникам осталась чужда отцам собора, хотя им безусловно было известно такое обращение к греческим оригиналам Евфимия, патриарха тырновского, лет за 200 до того. Переводческая деятельность Максима Грека у всех была еще в памяти. А еще до того, в XIV в., весь текст Чудовского Нового завета был сверен с греческим и местами приближен к нему.¹³

Постановление Стоглавого собора о «добрых переводах» было перенесено в практику печатания первых книг. Анализ текста двух анонимных Евангелий — узко- и среднешрифтного,¹⁴ напечатанных ранее федоровского Апостола, заставляет считать, что тексты рукописных Евангелий, послуживших для них оригиналами, редактированию не подвергались. Есть значительные расхождения между этими Евангелиями как в отношении содержания, так и в отношении языка. Есть в них имеющие большое значение пропуски. Так, в среднешрифтном Евангелии от Марка, в зачале 7 (II, 5), читается фраза: «видев же веру их глагола расслабленному». Здесь пропущено имя бога — Иисус. Оно есть в узкошрифтном Евангелии. В зачале 49 от Иоанна (XIV, 28) в узкошрифтном стоит: «слышасте яко рек вам». Здесь пропущено «аз», которое есть в среднешрифтном. Оба эти пропуска — имени Христа и местоимения «аз» в его обращении к апостолам — грубо исказили евангельский текст, так как они непосредственно связаны с именем бога. Слова эти есть в греческом и латинском текстах, в старославянских и древнейших русских Евангелиях — Остромировом, Архангельском, ближайших по времени печатных Евангелиях Петра Мстиславца и Радишевского, в последующих изданиях Московского печатного двора и Синода. В среднешрифтном допущено и грубое извращение текста: «ни от похоти плотския, ни от крови мужьския, но от бога родишася» (от Иоанна, зачало 1, гл. I, 13) — «от крови мужьския» вместо «от

¹² Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, гл. 27—28, стр. 60, 61.— Но есть авторы, например академик Е. Ф. Карский, утверждающие, что «открыть типографию в Москве решено было еще на соборе 1551 г.» [Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 313. То же: К. Заусцинский. Макарий митрополит всея России.— ЖМНП, т. 218, 1881; Рафаэль Барберини. Путешествие в Московию в 1565 году, стр. 17, прим. 13 (примечание переводчика В. Любич-Романовича)].

¹³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв. СПб., 1903, стр. 29.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания.— Ученые записки МГУ, вып. 41, История. М., 1940, стр. 86, 87; Т. Н. Протасьева. Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея в Москве. М., 1955, стр. 15.— Надо думать, что и широкошрифтное Евангелие было напечатано до выхода в свет Апостола. Оно повторяет слепо почти все ошибки среднешрифтного Евангелия, чего после выхода в свет Апостола и второго издания Часовника государственная типография допустить не могла.

похоти мужския», как читается это место в узкошрифтном Евангелии и во всех названных выше евангельских текстах.

Такое «нестроение» в основополагающей книге христианского вероучения не могло не обратить на себя внимания соответствующих властей. И задумав издание Апостола, решили в корне исправить текст его. Единного текста Апостола древняя Русь не знала. Автор специальной работы о древнерусском Апостоле профессор Г. Воскресенский считал, что все Апостолы XII—XV вв. «разделяются на четыре редакции».¹⁵

Сравнение текста многих рукописных Апостолов конца XV—первой половины XVI в. обнаруживает в них, кроме явных опусков, искажений текста, огромное количество разночтений. Встречаются места, прямо противоположные по своему содержанию; например, в одних Апостолах — «гоняи вас» (зачала 200; гал., I, 23), «изыдох в македонию» (зачала 248; фил., IV, 15), в других — «гоняи нас», «изыдох от македонии» и т. п. Нет единства и в двух наиболее авторитетных Апостолах того времени, к которым в поисках оригинала, надо думать, обратился редактор, готовя рукопись своего Апостола к печати: в Апостоле Геннадиевской Библии и толковом Апостоле в макарьевских «Минеех Четьях» за июнь. Это подтверждает мнение Макария Булгакова, что при «сличении списков каждой книги прежде всего поражаетесь их разнообразием».¹⁶

Для сравнения были взяты тексты 42 рукописных Апостолов русской редакции. Из них датированных: 2 Апостола конца XV в. и 8 Апостолов XVI в.; недатированных: 5 Апостолов второй половины XV в., 3 Апостола конца XV—начала XVI в. и 24 Апостола XVI в., предшествующих федоровскому. Некоторые из них не имеют по несколько листов. А в 2 толковых Апостолах текст не весь: в одном (ГБЛ, Волок. 426) только послания к римлянам — галатам (зачала 79—115), в другом (ГБЛ, Волок. 427) — к ефесянам — евреям (зачала 116—325).

Сложен вопрос об источниках, которыми пользовался редактор первопечатного Апостола. Так как в Апостоле есть рамка, прототип которой находим в нюрнбергской Библии Пейпуса 1524 г. и в чешской Библии 1540 г., напечатанной там же, то надо думать, что одна из этих Библий была в его руках. Каких-либо данных о греческом и латинском текстах Апостола, к которым он, как видно из дальнейшего, обращался в своей работе, у нас нет. Для установления связи первопечатного Апостола с текстом латинским и греческим мы пользовались сводным латинским и греческим текстом у Д. Е. Нестле,¹⁷ а греческим, кроме того, у К. ТишENDORФА¹⁸ и Е. Г. Ганселя.¹⁹

Отличия федоровского Апостола от рукописных Апостолов идут в различных направлениях. В ряде случаев редактор дополняет текст своего Апостола отдельными вставками, происхождение которых не всегда ясно. Исправляет многочисленные искажения в содержании текста рукописных Апостолов. Устраняет, переводя их на русский язык, иностранные, главным образом греческие, слова, обычные в рукописных Апостолах, и, наоборот, восстанавливает неудачно переведенные гречизмы, к его времени прочно вошедшие в обиход русского литературного языка. Часто сознательно модернизирует язык своего Апостола, заменяет слова и отдельные

¹⁵ Г. Воскресенский. Древнеславянский Апостол, послания св. апостола Павла..., вып. 1. Послание к римлянам. Сергиев Посад, 1892.

¹⁶ Макарий. История русской церкви, т. VIII, кн. III. СПб., 1877, стр. 76.

¹⁷ Novum testamentum graece et latine... novis curis elaboravit D. E. Nestle. Stuttgart, 1943.

¹⁸ Novum testamentum graece, ad antiquissimos testes denuo recensuit... C. Tischendorf, ed. VIII, t. II. Lipsiae, 1872.

¹⁹ Novum testamentum graece... ed. Edw. H. Hansel, t. II. Oxonii, 1864.

выражения, устаревшие к его времени или получившие новое значение, современными. И, наконец, — фактор большого культурного значения — и в графике, и в орфографии редактор совершенно последовательно и планомерно отбрасывает южнославянские правописные нормы, прочно утвердившиеся в русской письменности с XV в. и далеко еще не изжитые и в его время, и позже.

Остановимся только на некоторых из тех изменений, какие внес редактор в текст первопечатного Апостола.

Во всех 40 рукописных Апостолах в зачале 21 (Деян., IX, 5—6) на вопрос Савла «Кто еси господи!» читаем ответ, с незначительными различиями: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши; но встани и вниди в град». Редактор в этот ответ Христа делает большую вставку, и у него данное место читается так: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши. Жестоко ти есть противу рожну прати. Трепеща же и ужасаем глаголя: Господи, что ми хощещи творити. И господь рече к нему: Встани...». Фразы, выделенные разрядкой, есть в латинском, немецком и чешском текстах. У Нестле их нет ни в основном греческом тексте, ни в разночтениях, но Тишендорф и Генсель дают их в разночтениях. Это как будто говорит о том, что в греческом Апостоле они встречаются редко и редактор взял их из другого источника. Фраза «Господи, что ми хощещи творити» может быть понимаема различно. Если считать глагол «хощещи» полнозначным, то она означает: «Господи, что ты хочешь мне делать». Но в сочетании с инфинитивом форма настоящего времени его может выступать в значении связки, образуя сложное будущее время, тогда эта фраза означает: «Господи, что ты мне будешь делать». Однако такое понимание ее расходится с контекстом. Обратившись к иноязычным Апостолам, найдем в них: «Господи, что ты хочешь, чтобы я делал» и «Господи, что велишь мне делать». Такое же значение имеет эта фраза и в первопечатном Апостоле. Она является особым оборотом — дательный с инфинитивом. Все последующие издания Апостола воспроизводят эту вставку, а Московский печатный двор до Апостола 1671 г. включительно воспроизводит и федоровскую редакцию рассматриваемой фразы. Но ученая коллегия Острога заменяет в ней оборот дательный с инфинитивом оборотом винительный с инфинитивом. Эту же замену находим и в московской Библии 1663 г. Ее же делают и иоакимовские справщики в Апостоле 1679 г.,²⁰ откуда она переходит и в последующие. Замена эта принята и Синодом, хотя в других зачалах, например: 80 (Рим., I, 13), 286 (I, Тим., V, 14) и др., в его изданиях находим оборот дательный с инфинитивом.

В зачале 131 (I кор., IV, 16) в федоровском Апостоле стоит фраза: «Молю же вас подобни мне бывайте, яко же аз Христу». Выделенного разрядкой нет ни в одном из 41 рукописного Апостола. Нет и в немецкой Библии 1524 г., но есть в чешской и латинской, а Нестле и Тишендорф дают ее в греческих разночтениях. Оба эти дополнения находим во львовском Апостоле 1574 г.; они приняты ученой коллегией Острога, повторены в московской Библии, в московских и синодальных изданиях.²¹

В зачале 135 (I кор., VI, 16, 17) в первопечатном Апостоле находим: «прилепляяся сквернодеицы едино тело есть с блудодеицею ... прилепляяйжеса господеви един дух есть со господем». Как и в предыдущем случае, мест, выделенных разрядкой, нет ни в одном из 41 взятого для

²⁰ К сравнению были привлечены все Апостолы, напечатанные в Москве начиная с 1597 и кончая 1688 г.

²¹ Церковнославянский текст в книге: Библия сиречь книга священнаго писачия Ветхого и Нового завета... Тиснение второе. СПб., Синодальная типография, 1900.

сравнения Апостола. Нет их также и в греческом, латинском как в основном тексте, так и в разночтениях, но в чешской Библии 1540 г., как и в чешских Библиях 1527 и 1557 гг., имеем: «...gedno tělo bywa vsinen s nīj ...geden duch gest s nīm». Наличие «s nīj», «s nīm» только в чешской Библии, при этом в разных изданиях ее, указывает на нее как на источник редакторских дополнений,²² в которых местоимения заменены соответствующими существительными. Эти же дополнения находим и во всех названных выше последующих изданиях Апостола, но в синодальном издании на церковнославянском языке они взяты в скобки, в издании на русском языке приведены без скобок. Есть и другие дополнения такого же характера.

Источники приведенных четырех дополнений можно было установить, но в первопечатном Апостоле есть и такие дополнения, которых названные источники не знают. Так, в зачале 94 (рим., VII, 6) имеем такую фразу: «яко работати нам богови во обновлении духа», а в зачале 138 (I кор., VII, 34) — «не посягшия печется о господних, како угодити господевии». Мест, выделенных разрядкой, нет ни в одном из 41 рукописного Апостола; нет их и в названных источниках. Но оба эти дополнения не противоречат, так сказать, духу Апостола, уточняют его текст. Они воспроизводятся во всех последующих изданиях Апостола, хотя в церковнославянском тексте синодальной Библии слово «богу» взято в скобки.

Наряду с этими и другими подобного рода дополнениями в федоровском Апостоле есть много исправлений, вносящих коренные изменения в текст рукописных Апостолов. Приведем некоторые из них.

В зачале 80 (Рим., V, 10) в рукописных Апостолах стоит: «Пременихомся к богу смертию сына его... пременишеся спасемся». В греческом и латинском текстах — *katallagemen to theo u reconciliati sumus Deo*. *Katallasso* имеет два значения — «променять, примирять». В рукописных Апостолах вопреки контексту принято первое значение. Редактор изменил это место так: «Примирихомся к богу... примирившеся спасемся». Это изменение принято во всех последующих изданиях Апостола.

В зачале 306 (евр., II, 14) в тех же 40 рукописных Апостолах, с некоторыми отклонениями, есть фраза: «Да смертию разрушить дръжаву и муцаго смерти, сиречь дьявола». Только в одном толковом Апостоле 1515 г. (ГБЛ, Рогожск. 32) стоит: «разрушить имущаго державу смерти...». В данном случае речь идет не о разрушении только державы, а об уничтожении дьявола, имеющего державу смерти. Редактор сделал соответствующую перестановку, и в первопечатном Апостоле это место, как и в латинском, чешском и немецком, читается так: «Да смертию упраздит имущаго державу смерти...». Так эта фраза воспроизводится и в последующих, не раз уже названных изданиях.

Из тех изменений, которые устраняют возможность двоякого понимания данного места, имеет большое значение исправление в зачале 209 (гал., IV, 6). В 40 рукописных Апостолах это место читается так: «Посла бог дух сына своего в сердца ваша»,²³ в 3 Апостолах — «в сердца наша». Предложение это безукоризненно с грамматической точки зрения. Но форма «дух» позволяет двояко толковать ее значение. Если это именительный падеж, то слово «дух» является приложением к подлежащему «бог», и получается, что «бог-дух» послал «сына своего». Но такое

²² Это подтверждает мнение профессора А. А. Сидорова, что для своей рамки апостола Луки Федоров воспользовался гравюрой Э. Шена в чешской Библии 1540 г. (А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. Изд. АН СССР, М—Л., 1951, стр. 74)

²³ ГИМ, Епарх. 47. — В Апостоле конца XV в. слово «дух» пропущено.

понимание недопустимо с ортодоксальной точки зрения, так как «бог-дух» не имел сына. В нашем предложении «дух» является прямым дополнением, а так как прямое дополнение, обозначающее название лица мужского рода, в живой речи в XVI в. довольно часто принимало форму родительного падежа, то редактор и поставил его в этой форме. И все предложение имеет у него такой вид: «Посла бог духа сына своего в сердца ваша». Это изменение принято и во всех последующих изданиях апостольского текста, но в Библиях Острожской и Московской видим, как и в 3 рукописных Апостолах, «в сердца наша».

Пример того, как случайная ошибка-описка «преписующего» распространяется на последующие списки, находим в зачале 107 (рим., XI, 35), где во всех рассматриваемых рукописных Апостолах, кроме одного,²⁴ стоит: «Или кто прежде даст ему и не въздасться ему». Отрицание «не» в этой фразе противоречит контексту; его нет и в греческом, латинском, чешском и немецком Апостолах. Есть все основания считать, что вставка здесь отрицательной частицы «не» является результатом случайной описки переписчика. Но при общем не критическом отношении к своей работе всех «преписующих», которые «трепетали» в страхе, боясь изменить «тычку» или «крючкы» в переписываемом тексте, эта случайная описка одного «преписующего» вошла и в последующие списки Апостола. Есть она и в Геннадиевской Библии и в Апостолах, принадлежавших митрополитам Иоасафу и Филиппу; не исправил ее и такой образованный человек, как митрополит Макарий, в своих Минеях Четиях. Исправил ее Иван Федоров, выбросив отрицательную частицу «не». В таком виде воспроизводят этот стих и другие издания Апостола.

Довольно часто встречаются расхождения между первопечатным и рукописными Апостолами в употреблении местоимений «нам» — «вам», «наше» — «ваше». Так, в зачале 111 (рим., XIII, 11) в 40 рукописных Апостолах, в 1 Апостоле-апракосе этого стиха нет, — «Час уже вам от сна встати». Если мы обратимся к названным выше иноязычным Апостолам, то везде увидим «нам», хотя Нестле в разночтениях греческого текста дает также «вам». В первопечатном Апостоле имеем тоже «нам».

В рассмотренном уже зачале 257, к колоссянам, в главе III, стихе 4. в 40 рукописных Апостолах читается: «Егда Христос явится живот наш», и только в одном Апостоле (ГИМ, Увар. 1304) — «... живот ваш». Как и в предыдущем случае, в иноязычных Апостолах видим «ваш», хотя в основном греческом тексте Нестле дает «наш», а «ваш» — в разночтениях. В обоих приведенных случаях последующие издания Апостола воспроизводят первопечатный текст.

Уже этот далеко не полный перечень изменений в содержании Апостола, сделанных редактором, говорит о его большой критической работе над апостольским текстом при подготовке его к печати. А тот факт, что все его изменения, за единичными исключениями, приняты в последующих изданиях Апостола, дает нам все основания считать редактора первопечатного Апостола образованнейшим человеком русского средневековья. То, что оставили без изменения высшие иерархи, общепризнанные научные авторитеты того времени, то исправил он.

Кроме этих изменений, связанных непосредственно с содержанием, редактор многое изменил и в языке своего Апостола по сравнению с рукописными. Он модернизирует, демократизирует язык его, тем самым приближает печатную книгу к читателю, делает ее доступнее пониманию более широкого круга лиц. Однако эта модернизация коренным образом, в са-

²⁴ ГБЛ, Рогожск. 32.

понимание недопустимо с ортодоксальной точки зрения, так как «бог-дух» не имел сына. В нашем предложении «дух» является прямым дополнением, а так как прямое дополнение, обозначающее название лица мужского рода, в живой речи в XVI в. довольно часто принимало форму родительного падежа, то редактор и поставил его в этой форме. И все предложение имеет у него такой вид: «Посла бог духа сына своего в сердца ваша». Это изменение принято и во всех последующих изданиях апостольского текста, но в Библиях Острожской и Московской видим, как и в 3 рукописных Апостолах, «в сердца наша».

Пример того, как случайная ошибка-описка «преписующего» распространяется на последующие списки, находим в зачале 107 (рим., XI, 35), где во всех рассматриваемых рукописных Апостолах, кроме одного,²⁴ стоит: «Или кто прежде даст ему и не въздасться ему». Отрицание «не» в этой фразе противоречит контексту; его нет и в греческом, латинском, чешском и немецком Апостолах. Есть все основания считать, что вставка здесь отрицательной частицы «не» является результатом случайной описки переписчика. Но при общем некритическом отношении к своей работе всех «преписующих», которые «трепетали» в страхе, боясь изменить «тычку» или «крючкы» в переписываемом тексте, эта случайная описка одного «преписующего» вошла и в последующие списки Апостола. Есть она и в Геннадиевской Библии и в Апостолах, принадлежавших митрополитам Иоасафу и Филиппу; не исправил ее и такой образованный человек, как митрополит Макарий, в своих Минеях Четиях. Исправил ее Иван Федоров, выбросив отрицательную частицу «не». В таком виде воспроизводят этот стих и другие издания Апостола.

Довольно часто встречаются расхождения между первопечатным и рукописными Апостолами в употреблении местоимений «нам» — «вам», «наше» — «ваше». Так, в зачале 111 (рим., XIII, 11) в 40 рукописных Апостолах, в 1 Апостоле-апракосе этого стиха нет, — «Час уже вам от сна встати». Если мы обратимся к названным выше иноязычным Апостолам, то везде увидим «нам», хотя Нестле в разночтениях греческого текста дает также «вам». В первопечатном Апостоле имеем тоже «нам».

В рассмотренном уже зачале 257, к колоссянам, в главе III, стихе 4. в 40 рукописных Апостолах читается: «Егда Христос явится живот наш», и только в одном Апостоле (ГИМ, Увар. 1304) — «... живот ваш». Как и в предыдущем случае, в иноязычных Апостолах видим «ваш», хотя в основном греческом тексте Нестле дает «наш», а «ваш» — в разночтениях. В обоих приведенных случаях последующие издания Апостола воспроизводят первопечатный текст.

Уже этот далеко не полный перечень изменений в содержании Апостола, сделанных редактором, говорит о его большой критической работе над апостольским текстом при подготовке его к печати. А тот факт, что все его изменения, за единичными исключениями, приняты в последующих изданиях Апостола, дает нам все основания считать редактора первопечатного Апостола образованнейшим человеком русского средневековья. То, что оставили без изменения высшие иерархи, общепризнанные научные авторитеты того времени, то исправил он.

Кроме этих изменений, связанных непосредственно с содержанием, редактор многое изменил и в языке своего Апостола по сравнению с рукописными. Он модернизирует, демократизирует язык его, тем самым приближает печатную книгу к читателю, делает ее доступнее пониманию более широкого круга лиц. Однако эта модернизация коренным образом, в са-

²⁴ ГБЛ, Рогожск. 32.

мой основе своей резко отличается от современной ему и предшествовавшей модернизации на Украине и в Белоруссии, где речь шла о переводах на «простую мову», «на русский язык». Такого радикального задания наш редактор перед собой отнюдь не ставит. Но иностранные слова, неудачные кальки с греческого и отдельные старославянизмы, ставшие непонятными для не искушенных в тонкостях книжной речи, а также русские слова, утратившие старое и получившие новое значение, он заменяет русскими или старославянскими же словами, общепонятными, прочно вошедшими не только в книжный обиход, но и в разговорный язык образованных слоев современного ему общества. Часто такие замены делают текст не только более понятным, но и уточняют его. В ряде случаев он вводит в язык Апостола и новые грамматические формы, формы живого, разговорного языка, заменяя ими формы отживающие.

Но строгой последовательности в этом отношении у нашего редактора нет. Так, из иностранных слов он устранил в своем Апостоле лишь четыре.

В зачале 146 (I кор., X, 25) в 40 рукописных Апостолах есть, с некоторыми отклонениями, такое место: «Все, еже в макелии продаемое, ядите»; только в одном Апостоле (ГБЛ, Рогожск. 31 — 1515 г.) имеем вместо «в макелии» — «в разумьници». Редактор заменяет греческое слово «makellon» русским «торжище»: «все, еже на торжищи продаемое, ядите».

В зачале 200 (гал., I, 21) в тех же рукописных Апостолах есть фраза: «приидох в климаты», в том же Апостоле № 32 — «приидох в пределы». Как и в предыдущем случае, редактор заменяет греческое «klīma», «klīmatos» русским «страна»: «приидох в страны». Подобную же замену находим в зачале 192 (II кор., XI, 10). В обоих случаях последующие издания воспроизводят первопечатный текст.

Но есть и случаи обратного порядка. Вместо русских слов, которые мы находим в рукописных Апостолах, редактор дает в своем тексте слова греческие, к XVI в. прочно освоенные русским языком. Большинство этих слов относится к церковной лексике, например: ипостась, архиерей, апостол.

Так, в зачале 303 (евр., I, 3) в 39 рукописных Апостолах имеем: «Иже сии спасение славы (и славе) отча и образъ състава его»; в некоторых Апостолах слова «отча» нет. В толковом Апостоле ГБЛ, Рогожск. 32 — «образъ телествѣна его» вместо «състава его», а в Апостоле ГИМ, Увар. 1304 вырван лист. Слово «състав» весьма многозначно. И. И. Срезневский дает для него 18 значений.²⁵ Хотя слово «състав» как перевод «ипостаси» находится еще в новгородской Минее 1097 г. (Срезневский, Материалы, т. III, 825—826), но эта многозначность не могла способствовать его сохранению в указанном значении. И редактор заменил его греческим словом «ипостась»: «Иже сии сияние славы отча и образъ ипостаси его». В такой редакции это место переходит в последующие издания, но в синодальных выброшено слово «отча»: его нет и в иноземных текстах Апостола.

Из лексики общеупотребительной отметим слово «стихия». В первопечатном Апостоле в зачале 254 (кол., II, 8) есть «... по преданию человеческому, по стихиям сего мира», а в зачале 256 (кол., II, 20) — «умрете со Христом от стихии мира». В 40 рукописных Апостолах вместо «по стихиям», «от стихии» видим «по съставлением», «от съставления», «от-

²⁵ Срезневский, Материалы, тт. I—III (далее ссылка на «Материалы» дается в тексте: Срезневский, римская цифра, обозначающая том, и арабская — столбец).

составлении», «от состав» и фонетический вариант первого слова — «поставлением», «от ставлении», а в Апостоле ГПБ, Q.I.954 — полная бессмыслица: «оставлении мира»; только в одном Апостоле (ГБЛ, Рогожск. 32) имеем «от стюхии», «по стюхиам». Следует указать, что в других случаях, например в зачалах 208 (гал., IV, 3), 210 (гал., IV, 9), в тех же рукописных Апостолах стоит слово «стихиа». Все последующие издания Апостола воспроизводят текст первопечатного.

Из других неудачных переводов с греческого можно указать слово «крадоводя». Его мы находим во всех 41 рукописном Апостоле в зачале 254 (кол., II, 8): «Братие, блюдетеса еда кто вы есть крадовсдя хитростию». «Крадоводя» — это неудачная калька греческого «*sylogogon*», не удержавшаяся и в книжном языке. Вряд ли она была понятна современникам нашего редактора, и он заменил ее словом «прелщая», известным русской письменности с XI в. (Срезневский, Материалы, т. II, 1663). Возможно, что в данном случае ему помогло «*descriat*» из латинского текста или «*zklata*» из чешского. В первопечатном Апостоле это место читается так: «Братие, блюдетеса, да никто же вас будет прелщая хитростию».

К этой же категории относятся и те изменения, которые внес редактор в следующие пять зачал своего Апостола. Во всех 41 рукописном Апостоле читаем: в зачале 110 (рим., XII, 13) — «страннолюбие гоняще»; в зачале 115 (рим., XIV, 19) — «тем же убо мирнаа гоним», в зачале 154 (I кор., XIV, 1) — «всегда гоните любов», в зачале 273 (I сол., V, 15) — «благое гоните» и в зачале 332 (евр., XII, 14) — «мир гоните и святыню съ всеми». Во всех 5 случаях употребление глагола «гонити» никак не увязывается с теми объектами, на которые переходит действие. Обратившись к греческому, увидим во всех 4 случаях производные от глагола «*diokein*», но глагол этот наряду со значением «гнать» имеет и значение «быть приверженным». В латинском тексте — производные от глаголов «*sectari*», «*sequi*», которые означают не только «преследовать», «гнать», но и «ухаживать», «любить». «Материалы» Срезневского дают глагол «гонити» и со значением «следовать», «держаться» как эквивалент греческого «*diokein*»; примеры «Материалы» приводят только из книг религиозного содержания XII—XIII вв. Хроника Георгия Амартола, переведенная в Киеве в XI в., для греческого «*diokein*» дает «гнати», «гонити».²⁶ Трудно допустить, чтобы глагол «гонити» со значением «держаться», «любить» бытовал в живой речи XVI в.; и редактор во всех 5 случаях заменяет его глаголами, обозначающими не изгнание мира и любви, а принятие их: «страннолюбия держащися» (зачало 110); «тем же убо мир возлюбим» (зачало 115); «держитеса любве» (зачало 154); «всегда добрая мыслите» (зачало 273) и «мир имейте и святыню» (зачало 332). Изменения в первых трех зачалах и в последнем приняты во всех последующих изданиях, а изменение в зачале 273 — всеми до Апостола 1679 г., когда было восстановлено «добрая гоните» рукописных Апостолов, сохраненное и в изданиях Синода. Надо сказать, что в данном случае, как и в некоторых других, наш редактор не проявил должной последовательности: в зачале 288 (I Тимофею, VI, 11) и в его Апостоле стоит: «гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость...».

Во всех 41 рукописном Апостоле в зачале 120 (рим., XVI, 1) есть, с некоторыми расхождениями в ней, фраза: «съставляю же вам фивию,

²⁶ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. III. Греко-славянский и славянско-греческий словарь. Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 56, 226, 227.

сестру нашу». Это слишком близкий перевод греческого глагола «synistemi», который имеет также значение «рекомендовать». В данном случае, как и в некоторых других, редактор исправил это место в соответствии с латинским «commendo». И вся эта фраза в первопечатном Апостоле читается так: «Вручаю же вам фивию, сестру нашу».

Примером обращения автора к латинскому тексту может служить зачало 22 (Деян., IX, 21); в 39 рукописных Апостолах из 40 (в Апостоле БАН, 21.1.23 лист утерян и дописан позже) стоит с различными отклонениями: «Не сей ли есть раздрушивый в Иеросалиме нарицающая имя твое». В данном случае «разрушивый» является точным переводом греческого «porthesas», но редактор в соответствии с латинским «qui excludabat» вместо него взял «гонивый». И все это место в первопечатном Апостоле читается так: «Не сей ли есть гонивый во Иеросалиме нарицающая имя сие». «Гонивый» точнее говорит о том, как преследовал христиан, «гнал» их Савл-Павел до своего чудесного видения.

В зачале 124 (I кор., I, 10) во всех 41 рукописном Апостоле есть с некоторыми расхождениями такое место: «Да есте же съвршени в тои же мысли». Если мы обратимся к греческому и латинскому текстам, то увидим, что «съвршени» рукописных Апостолов — это буквальный перевод латинского «perfecti». Но из контекста видно, что в данном случае речь идет не столько о совершенстве в мыслях, сколько о том, чтобы адресаты послания прониклись одной и той же мыслью. Слово «совершенный», несмотря на свою большую многозначность в древнерусском языке, не имело значения, которое соответствовало бы этому содержанию. Латинскому «perfecti» в греческом тексте соответствует «katertismenoi» — вполне пригодные. И редактор вместо «съвршени» дал «утвержени».

И в других случаях, не отступая от смысла, редактор довольно смело заменяет в своем тексте отдельные слова. Так, в зачале 248 (фил. IV, 10) в 39 рукописных Апостолах стоит: «Възрадовахъся о господи велми, яко убо иногда процветосте о мне мудрствовати», в Апостоле ГПБ, F.I.32 — «...въсприасте мудрствовати», а в ГБЛ, Рогожск. 32 — «...осыресте о мне мудрствовати». Обратившись к иноземным текстам, найдем в них «anethalete», «refloruistis», «zkwětli», «ergruenet seyt». Таким образом, рукописные Апостолы дословно воспроизводят этот текст. Но значение глагола «процвести», судя по «Материалам» Срезневского, и в древнерусском языке не выходило за пределы нашего. И приведенная фраза не могла не вызвать недоуменных вопросов. Чтобы устранить эти недоумения, редактор отбрасывает «процветосте» рукописных Апостолов, эквивалент Апостолов иноязычных, и совершенно другими словами передает содержание этой фразы. У него она читается так: «Возрадовах же ся о господе велми яко уже когда воспомянусте пещися о мне». В данном случае, как и в ряде других, он имел предшественника в лице переводчика или редактора Чудовского Нового завета.

Источник таких изменений как в данном, так и в других зачалах, неизвестен, но они делают их совершенно понятными. Считать, что источником был Чудовский Новый завет, у нас нет оснований, «так как он представляет келейное, любительское произведение, которое в церковном употреблении никогда не было и, таким образом, постоянно стояло в стороне от общего течения истории славянского перевода», — говорил И. Е. Евсеев.²⁷ Что изменения эти не нарушили основного значения, соответствовали духу Апостола, видно из того, что они были приняты ученой кол-

²⁷ И. Е. Евсеев. Отзыв о сочинении Г. А. Воскресенского «Древнеславянский Апостол...» СПб, 1914, стр. 274. — Оттиск из «Сборника отчетов о премиях и наградах» за 1910 г. СПб, 1914.

легней Острога, в которой было немало книжников, «наказанных в писаниях святых еллинских и словенских», а также Московским печатным двором, а позже Синодом.

Наряду с такими изменениями, которые в большей или меньшей мере касаются самого содержания Апостола, редактор вносит и стилистические изменения в его язык. В ряде случаев он устраняет явные архаизмы, заменяя их лексикой современной ему разговорно-бытовой речи.

В 41 рукописном Апостоле в начале 244 (фил., III, 2) стоит: «Блюдет е псы, блюдет е злыа делателя». К XVI в., судя по языку памятников того времени, глагол «блюсти» утрачивает одно из своих старых значений — «остерегаться», «беречься» (Срезневский, Материалы, т. I, 122) и употребляется в переходном значении «блюсти (кого, что от кого, чего)». С таким значением глагол этот более чем в 20 случаях находим в Стоглаве,²⁸ в Домострое,²⁹ посланиях Грозного³⁰ и др. И если задолго до начала русского книгопечатания «блюдет е псы, блюдет е злыа делателя» означало «берегитесь псов, берегитесь злых делателей», то в XVI в. эта фраза получила совершенно другое значение — «берегите псов, берегите злых делателей». Редактор восстанавливает прежний смысл этого места: отбрасывает «блюсти», как утратившее в данном случае свое старое значение, и заменяет его соответствующей формой от глагола «блюстися», т. е. «беречься», «остерегаться», глагола, хорошо известного в его время, как показывают те же памятники и др. И место это в первопечатном Апостоле читается так: «блюдет ея от псов, блюдет ея от злых делателей».

По-видимому, широкое употребление глагола «блудити» в языке XVI в. в значении «вести распутную жизнь» — случаи употребления этого глагола именно в таком значении дают те же Стоглав³¹ и Домострой³² — привело редактора к необходимости заменить его в начале 308 (евр., III, 10), где в тех же рукописных Апостолах, кроме ГИМ, Увар. 1304, который кончается зачалом 296, стоит: «присно блудять сердцем». Вместо этого в первопечатном Апостоле имеем: «присно прелщаются сердцем».

К этой же категории слов, которые, утратив свое старое значение, продолжают жить в языке, принадлежит и слово «пищаль». Его мы находим во всех рукописных Апостолах в начале 155 (I кор., XIV, 7): «обаче бездушнаа глас дающа аще ли пищаль, аще ли гусли». Здесь «пищаль» — свирель, но с XV в. это слово получает новое значение — название особого вида огнестрельного оружия. Поэтому ставить рядом «пищаль» и «гусли», хотя они и «бездушнаа глас дающа», значило совсем не учитывать того нового значения, какое получило слово «пищаль» в живом языке того времени как термин военной лексики. И редактор заменяет его словом «сопель», известным русской письменности с XI в., его знает и Стоглав (гл. 29). В первопечатном Апостоле место это читается так: «обаче бездушная глас дающа аще сопель, аще гусли».

²⁸ Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, стр. 17, 35, 51, 107, 117 (дважды), 128 (трижды) и др.

²⁹ Домострой по списку Общества истории и древностей российских. М., 1882, стр. 43, 58, 60 и др.

³⁰ Послания Ивана Грозного. Под ред. чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 10, 13, 65, 112, 187, 199 и др.

³¹ Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, стр. 186.

³² Домострой по списку Общества истории и древностей российских, стр. 22 (дважды), 73, 80 и др.

В зачале 236 (фил., I, 8) во всех рукописных Апостолах, с некоторыми различиями, стоит: «яко любя всех вас о утробе», а в зачале 258 (кол., III, 12) — «облещетеся ... в утробу щедрот». «Материалы» Срезневского для слова «утроба», кроме значений «внутренности», живот и др., дают еще «сердце (в переносном значении)», «ум», «мысли». Обратившись к греческому и латинскому текстам, найдем там «splanchnon» и «viscus», в чешском — «strěwa», в немецком — «hertzen». Греческое «splanchnon» имеет также и переносное значение — «сердце», «душа», «ум». Отбросив чересчур осязательное «утроба», редактор взял близкое к переносному значению слово «милость»: «люблю всех вас по милости» (зачало 236) и «облещетеся ... в милость щедрот» (зачало 258). Но редактор непоследователен в своей замене: в зачале 184 (II кор., VII, 15) и у него читаем: «и утроба его излиха в вас есть».

Изменения, внесенные редактором в последние 5 рассмотренных зачал, воспроизводятся во львовском Апостоле, Острожской Библии и изданиях Московского печатного двора, а также, кроме двух, и Синода. Но в зачале 258 в синодальных изданиях и печатных Апостолах с 1679 г. восстановлено «во утробы», а в 308 вместо «блудят сердцем» — «заблуждают сердцем» в синодальном; в Апостоле же 1679, 1684 и 1688 гг. восстановлено старое «блудят сердцем».

Есть в языке рукописных Апостолов архаизмы, о которых с большой долей вероятности можно сказать, что живой язык XVI в. не знал их. Так, в зачале 228 (Еф., V, 4) в 36 рукописных Апостолах стоит: «и сквернословие и буесловие и шегы и яже неподобная». В двух Апостолах: ГБЛ, ф. 256, № 9 1495 г. и ГИМ, Епарх. 47 — вместо «шегы» находим его архаичный синоним «скренъство», а в ГБЛ, Рогожск. 32 1515 г. — «искръньство», т. е. «чистосердечие», «прямодушие» — полная бессмыслица, в двух Апостолах: ГБЛ, ф. 178, № 3225 и ф. 209, № 36 — и «шеги», и «скренства». Что слово «шега» было непонятно переписчикам, видно из того переосмысления его, какое находим в Апостоле первой половины XVI в. — ГПБ, F.I.62, где вместо «шегы» дано «шепты», т. е. «нашептывания»; а в Апостоле конца XVI в. — ГПБ, F.I.82 это слово вместо женского рода дано в среднем: «шего». Редактор заменил его словом «кошуны». Это изменение принято всеми последующими изданиями.

Аналогичный случай имеем с многочисленными отклонениями во всех рукописных Апостолах в зачале 141 (I кор., IX, 9): «не обрътиши вола в рѣхуща» — и в том же зачале и главе, в стихе 10: «верхьи на упование свое причащаются». «Верхьи» — это старая форма действительного причастия настоящего времени от глагола «вреши» — молотить. Примеры под этим словом «Материалы» дают только из книг религиозного содержания (Срезневский, Материалы, т. I, 322). Хотя это слово и является сельскохозяйственным термином, но его нет в «Материалах для терминологического словаря древней России», составленных Г. Я. Кочинным, а слово «молотить» в них приводится. О том, что «верхьи» было чуждо живому языку XVI в., свидетельствуют искажения его в наших рукописных Апостолах: верхай, верхуи, вергии, вергуща (последние две формы правильны, но от глагола «вреши» со значением «бросать»). И редактор заменил его соответствующей формой от хорошо известного глагола «молотить»: «да не заградиши уста вола молотяща» в 9-м стихе и «молотяи с надежею да своего упования причащется» в 10-м. Последняя фраза почти во всех рукописных Апостолах сильно искажена. И в данном случае мы не видим у редактора последовательности. В зачале 286 (I Тим., V, 18) он оставил старое слово «верхый»: «вола верхуща не обротити».

Невольно напрашивается вопрос, чем же объясняется такая непоследовательность? Причина, возможно, кроется в том, что устранение из Апостола всех устаревших слов, замена их словами современного живого языка сильно снизили бы его стиль, приблизили его к стилю приказной избы, что было явно невозможно. Так, современник Ивана Федорова, Зиновий Отенский, считал совершенно недопустимым «книжные (речи) народными обеззещати».³³ Мы уже видели случаи, когда иоакимовские справщики восстановили «утробы» вместо «милости» (зачало 258) и «блудят сердцем» вместо «прелщаются сердцем» (зачало 308) первопечатного Апостола, когда Синод восстановил те же «утробы», а в зачале 273 — «добрая гонити» вместо «добрая мыслите». В данном же случае редакция 286-го зачала первопечатного Апостола воспроизведена во львовском Апостоле 1574 г. и Библиях Острожской и Московской, но в синодальных изданиях дано «вола молотяща». Что же касается Апостолов Московского печатного двора, то они, начиная с 1597 до 1671 г. включительно, сохраняют «верхый», «верхуша» рукописных Апостолов, хотя в изданиях 1653—1671 гг. при «в е р х ы й» в тексте — на полях в 10-м стихе 141-го зачала «молотяй», но в изданиях 1679—1688 гг. во всех трех зачалах имеем «молотяи», «молотяща».

До сего времени мы говорили только о таких изменениях, которые в содержании своем повторяются последующими изданиями. Но в первопечатном Апостоле есть и такие изменения, которые противоречат и контексту, и иноземным источникам; значит, редактор не мог их заимствовать оттуда. Если обратимся к зачалам 60 (I П. III, 13): «и кто озлобит аще благому подобныи будете» — и 141 (I кор., IX, 6): «не имамы власти еже делати» — и рассмотрим их в контексте, то нам станет ясно, что в первом пропущено «вас», а во втором «не» — «не делати». Слова эти есть и в иноязычных Апостолах, и во всех рукописных Апостолах, взятых для сравнения. Вообще же, как мы видели, все изменения, внесенные в текст первопечатного Апостола его редактором, воспроизводятся в последующих изданиях Московского печатного двора. Так и в данном случае — пропуск не видим в них до издания 1644 г. включительно, но «вас» восстановлено начиная с издания 1597 г., первого печатного Апостола после 1564 г. Пропуски эти повторены только во львовском Апостоле 1574 г., но в обеих Библиях и синодальных изданиях они восполнены.

Приведенный далеко не полный перечень тех изменений, которые были внесены в текст первопечатного Апостола, свидетельствует о создании новой редакции³⁴ этой важнейшей в церковном употреблении книги. Редакция эта, несомненно, получила одобрение соответствующих церковных властей и свыше ста лет перепечатывалась с очень незначительными изменениями Московским печатным двором. Не внесли в нее существенных изменений также ни справщики патриарха Иоакима, ни позже Синод.

Если же мы обратимся к рукописным Апостолам, переписанным после выхода в свет первопечатного, то увидим совершенно иную картину. Из 10 рукописных Апостолов последних десятилетий XVI—начала XVII в. —

³³ Ф. К а л у г и н, Зиновий, инок отенский, и его богословско-полюемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 247—248, прим. 8.

³⁴ Но профессор Г. Воскресенский не видел различия между текстом Апостола в Геннадиевской Библии и текстом первопечатного Апостола и относил их к одной редакции (Г. Воскресенский. Древнеславянский Апостол, послания св. апостола Павла..., вып. 1, стр. 41). Сергей Соловьев, говоря о первопечатном Апостоле, писал, что «при тогдашнем состоянии просвещения не было средств проверить славянского текста греческим и из славянских текстов выбрать лучший» (С. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен, т. VII. М., 1857, стр. 243).

самый ранний из них 1567 г. — в 8 Апостолах случаи сходства с первопечатным Апостолом, когда текст его расходится с преобладающим большинством взятых для сравнения рукописных Апостолов, единичны. Случаи эти не всегда можно считать результатом влияния первопечатного Апостола: ведь есть же тождество особенностей его текста с текстом отдельных рассмотренных Апостолов. Возможно, что влияние текста первопечатного Апостола, но далеко не последовательно, сказалось на Апостоле конца XVI—начала XVII в. ГБЛ, ф. 304 (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 8669. Влияние первопечатного Апостола довольно сильно сказалось и на книжных украшениях этой рукописи.

Только в двух случаях можно говорить о воспроизведении текста первопечатного Апостола в рукописных. Апостол 60—70-х годов XVI в. ГБЛ, ф. 173, № 797 на всем своем протяжении является точной копией первопечатного Апостола, но с устранением его опечаток. Второй Апостол конца XVI в. ГИМ, Синод, 725 (53), в котором первые 20 зачал утрачены, начиная с 21-го зачала до 146-го является точной копией первопечатного. Но начиная с этого зачала его текст ничем не отличается и от рукописных Апостолов, предшествовавших первопечатному. Надо заметить, что в первой половине этого Апостола его инициалы с большой точностью воспроизводят инициалы первопечатного.

*

Почти через полтора года после выхода в свет Апостола, 7 августа 1565 г., Иван Федоров вместе с Петром Мстиславцем приступили к печатанию Часовника. Закончили его 29 сентября.³⁵ Но еще до окончания первого Часовника, 2 сентября, начали печатать второй, а закончили его 29 октября. Различия между текстами этих изданий столь же разительны, как и между текстами первопечатного Апостола и рукописных Апостолов. Чем объяснить, что первое издание Часовника Федоров напечатал безо всяких исправлений? На этот вопрос, как и на вопрос, почему почти через месяц после начала печатания первого издания приступили ко второму, прямого ответа нет. Здесь возможны только домыслы.

Можно думать, что после тех глубоких изменений, какие были сделаны в тексте первопечатного Апостола, церковные власти не решились бы на печатание неисправленного Часовника. Тем более что через месяц после начала его печатания стали печатать Часовник с исправным текстом. А такое исправление требовало значительной затраты времени. И печатание Часовника с исправным текстом было задумано задолго до того. Остается допустить, что в правительственной типографии был выполнен частный заказ.³⁶ Такое допущение позволяет по меньшей мере объяснить причины неисправности текста в первом издании. Книги, как большая ценность, переходили в роду из поколения в поколение. Такие книги пользовались особым почетом. Ведь, обвиняя Максима Грека, говорили: «Велию, о че-

³⁵ Единственный известный в библиографии экземпляр первого издания Часовника хранится в Королевской библиотеке в Брюсселе: *Revue des bibliothèques et archives de Belgique*. Bruxelles, 1903, t. I, livr. 3, стр. 143—150. Оно стало доступным для исследования в СССР только с марта 1957 г., когда Государственная библиотека им. В. И. Ленина получила микрофильм его. Есть микрофильм и в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

³⁶ Государственные предприятия выполняли и заказы на сторону, например мастерская колокольного дела (С. В. Бахрушин. *Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII в.* — В кн.: С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. I, Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 75, 168). Подобные же заказы выполняли и царские иконописцы (там же, стр. 106).

ловече, досаду тем делом прилагаеш возсиявшим в нашей земли преподобнейшим чудотворцом; они бо сицевыми священными книгами благоугодиша богови». ³⁷ И заказчик просил напечатать текст своей «сцевой священной книги», не меняя в нем ни «тычки», ни «крючков». Такими заказчиками могли быть Строгановы, пользовавшиеся большими привилегиями у Грозного. Они остро нуждались в богослужебных книгах для церквей, которые строили в осваиваемом ими Приуралье.

Сравнение текста рукописных Часовников с первым изданием федоровского Часовника при отсутствии тождества между ними, как и между самими рукописными Часовниками, обнаруживает тем не менее значительную общность, что будет видно дальше, там где речь идет о молитвах за царя. И для того чтобы показать, в чем именно заключалась работа редактора, какие изменения внес он в текст второго издания, текст его сравнивается только с первым.

Из большого числа различий между ними приведем только некоторые из тех, которые коренным образом изменяют все содержание данного места, придавая ему противоположный смысл.

На стр. 177 во втором издании стоит: «возвещати заутра милость твою и истину твою на всяку ночь», а в первом — «на всяк день». На стр. 321 во втором издании: «аггелом начальницы и наставницы бесплотным», а в первом на стр. 319: «...и наставницы человеком». Текст второго издания повторен в заблудовской Псалтыри с Часословом 1570 г. и ближайших по времени московских Часовниках 1598 и 1601 гг. (другие издания к сравнению привлечены не были). В обоих приведенных случаях перед нами антонимы, слова с прямо противоположным значением.

В первом издании на стр. 247: «но призри ныне, яко милосерд», а во втором на стр. 249: «но призри на ны, яко милоседр» (так!). В первом издании перед нами случай, аналогичный рассмотренному выше с частицей «не» в 107-м зачале рукописных Апостолов. Ошибка одного писца «ныне» вместо «на ны» была размножена последующими. Того же порядка различие между фразами «и стояше Мария на гробе» первого издания (стр. 308) и «стояще Мария у гроба» второго издания (стр. 310). Названные выше последующие издания в обоих случаях воспроизводят текст второго Часовника.

Большое значение в смысле приближения текста к пониманию имеет исправление редактора на стр. 301 во втором издании: «разбойниче оправдание рай отверзе». В первом издании этому месту соответствует: «разбойниче покаяние рай окраде». Глагол «окрасти» и производные от того же корня, по «Материалам» Срезневского, в древнерусском языке, кроме тех же значений, что и в современном, имел еще значение «выпытать», «обмануть». Все эти значения (если считать, что Срезневским учтены все значения этого глагола в древнерусском языке) не раскрывают содержания данного места: как разбойниче покаяние могло обокрасть, выпытать или обмануть рай? И редактор, хотя «окраде» и является точным переводом греческого глагола «*sytao*», заменил его, исходя из контекста, глаголом «отверзе». «Отверзе» читаем в этой фразе и в Часослове Библиотеки АН УССР. ³⁸ В данном случае ему могло помочь и одно церковное песнопение, в котором есть такое место: «разбойник едем убо

³⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 88.

³⁸ Шифр его по книге А. Лебедева. Рукописи Церковно-археологического музея КДА, т. I. Саратов, 1916, № 74 (муз. 668).

врата отверзает». ³⁹ Последующие издания приняли это исправление, но Синод восстановил старое «окраде».

Иногда трудно понимаемой делает фразу неоправданная перестановка слов. Например, в первом издании есть такое место: «благовествоваху Христе, яко воскресе» (стр. 306). Редактор заменил форму звательного падежа «Христе», которая в функции подлежащего употребляется изредка еще и в летописях XVI в., на форму именительного и перенес ее в придаточное предложение, где «Христос» является подлежащим к сказуемому «воскресе». И место это во втором издании читается так. «благовествоваху, яко воскресе Христос» (стр. 308). Редакция второго издания принята в московских Часовниках 1598 и 1601 гг., а в Заблудовской Псалтыри место это имеет такой вид: «проповедаху Христа, яко воскресе господь».

В Часовниках наряду с богослужебным текстом значительное место отводится различным указаниям для клира. В первом издании в таких указаниях довольно часты отступления от нормы. Например, на стр. 73: «поем сии тропарь г л а с 8», а во втором издании: «... г л а с 2» (стр. 73). В первом издании на стр. 318: «пети ты по достоянию недоумеюще, богородице ... кондак г л а с 4», а во втором: «пети ты, дево, достойно недоумеюще ... кондак г л а с 2» (стр. 320). Во втором примере, кроме разницы в гласах, большая разница и в словесном выражении одной и той же молитвы. Последующие издания воспроизводят текст второго Часовника.

Подобного рода различия, касающиеся самого содержания как в богослужебном тексте, так и в указаниях для клира, насчитываются десятками. Одно из таких различий требует к себе особого внимания: в четырех молитвах в первом издании говорится о царях вообще, о многих царях; во втором издании в тех же молитвах — об одном царе (см. сравнительную таблицу).

Первое издание Часовника		Второе издание Часовника	
стр.	текст	стр.	текст
32	<i>Лист утрачен, на его месте рукописный: небесный царю, верный царя наша укрепи</i>	32	небесный царю, благоверного царя нашего укрепи
135	спаси, господи, люди своя . . . победы царем нашим на сопротивный даруи	136	спаси, господи, люди своя . . . победы благоверному царю нашему на сопротивный даруи
136	. . . возвесели силою своею верный царя наша, победы дай им на сопостаты	136	. . . возвесели силою своею благоверного царя нашего, победы дай ему на супостаты
136	предстательнице страшна и непостыдна . . . утверди православных житие и	136	предстательнице страшная и непостыдная . . . утверди православных житие и спаси благоверного царя нашего ему же повеле царствовать, подаи же ему небесную победу.
137	спаси и м же повеле державствовать, подаждь и м небесную победу		

³⁹ Сборник (Миней месячная) повелением Божидара Вуковича. Венеция, 1538, под 14 сентября (Каратаев, № 31); Миней месячная, за сентябрь. М., 1619, под 14 сентября, л. 207 (Каратаев, № 251) и др.

Как видим, различия в обоих изданиях проведены совершенно последовательно, но в первом издании в последней молитве «цари» пропущены, осталось только «им».

Если мы обратимся к тексту этих молитв в рукописных, а также в печатных Часовниках и Минеях месячных, предшествующих нашим Часовникам, то увидим, что в преобладающем большинстве случаев в них говорится о многих князьях, реже царях. Но иногда в одной и той же книге, на одном и том же листе говорится и о князьях во множественном числе, и об одном князе. К сожалению, не все четыре молитвы находятся в каждом из Часовников и Миней, часто приводятся только начальные слова их.

Для рассмотрения были взяты десятки рукописных Часословов и Миней за сентябрь второй половины XV и первой половины XVI в. Но нужные нам молитвы оказались приведенными полностью только в 9 Часословах и 2 Минеях. Из 9 Часословов 8 русской редакции: 1 — XIV в., 4 — второй половины XV и 3 — XVI в. до 1565 г., 1 Часослов сербской редакции XV в. Обе Минеи за сентябрь середины XVI в. Кроме того, был взят Часослов Швайпольта Феоля. Молитвы, в которых упоминается царь, приведены полностью в 35 случаях, из них во множественном числе в 29 случаях и в единственном в 6 случаях, что составляет 17% ко всему числу молитв.

Таким образом, и в молитвах, имеющих важное значение с точки зрения утверждения единодержавия в создаваемом централизованном государстве, единства не было. Это различие не только противоречило введению единообразия в различных областях общественной жизни, чего так добивался Грозный, оно как бы оправдывало в богослужебной книге, значит в церковных службах, былую разобщенность Руси, с остатками которой он так боролся. И в безвыходной Триоди постной, напечатанной во второй половине 50-х годов, мы находим уже молитву за единого царя: «победы царю нашему на супостаты даруя».

Особое значение среди наиболее популярных книг русского средневековья имел Часовник. Часовник — книга не только богослужебная, это книга учебная, по которой учились читать не только во времена Грозного, по ней учились грамоте и мелкопоместное дворянство еще в начале прошлого века.

И с точки зрения политики Грозного было в высшей степени целесообразно, чтобы идея единодержавия внедрялась в сознание подданных с семилетнего возраста, когда они приступают к учению, и далее поддерживалась в течение всей жизни церковным богослужением. «Грозный знал цену слову и широко пользовался пропагандой в своей политической деятельности», — говорит Д. С. Лихачев.⁴⁰ И редактору предложено было ввести в текст подготавливаемого к печати Часовника молитвы за единого царя.

По сравнению с текстом молитвы в безвыходной Триоди Иван Федоров внес в нее два существенных изменения. К титулу «царь» он прибавил общепринятый эпитет «благочестивый». Более существенным по своей политической направленности было другое изменение. Слово «супостаты» безвыходной Триоди Федоров заменил словом «сопротивныя». Отсутствие у нас словаря языка XVI в. не позволяет с полной уверенностью говорить о различии в содержании этих двух слов. «Материалы» И. И. Срезневского для слова «супостат» дают значения «неприятель», «враг»,

⁴⁰ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель — В кн.: Послания Ивана Грозного. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, стр. 456.

«дьявол» и в переносном значении «противник», «противоборец».⁴¹ Более широким по своему значению является слово «супротивный».

В «Степенной книге», «Дополнениях к Никоновской летописи» и в «Царственной книге» мы находим оба названных слова. При этом слово «супостат» встретилось только три раза в языке трех высокопоставленных иерархов: в речи митрополита Макария к Грозному — победителю Казани,⁴² в посланиях архиепископа новгородского Пимена⁴³ и патриарха александрийского Иоакима.⁴⁴ Значение его во всех трех случаях — внешний враг. Наличие слова «супостат» только в языке церковников и отсутствие его в других местах названных книг говорят о том, что оно не было словом обычного литературного языка, хотя и бытовало в языке церковников.

Что же касается слова «супротивный», то оно встречается с тем же значением «враг внешний» гораздо чаще, например в названном послании Пимена дважды. Употребляется и наречие той же основы — «супротивно»: «не перестающе супротивно брань творяху»,⁴⁵ и предлог «супротив». С таким же значением много раз встречается это слово и в современной «Повести некоего боголюбива мужа». Но, кроме «внешний враг», слово «супротивный» имело и другое более широкое значение — «противящийся», вообще «противник». Для нас особый интерес представляет тот факт, что именно с таким значением данное слово употреблено в «Царственной книге» в большой приписке, автором которой считают Грозного:⁴⁶ бояре «будут княгине Офросинье и князю Володимеру на государство им не сопротивны, а служити им готовы».⁴⁷ К началу 60-х годов у Грозного, как известно, было много «супротивных». Именно потому и взял это слово Федоров для молитвы за царя в своем Часовнике.

Со своим заданием редактор справился блестяще. Его текст молитвы безо всяких изменений перепечатывает Московский печатный двор. Не внес в нее никаких изменений и Синод. Так московское книгопечатание в первые же годы своего существования непосредственно включилось в политические планы Грозного и в этом конкретном случае.

Как же принята была новая редакция молитв за царя в последующих рукописных и печатных изданиях Часовников, Миней и Анфологионов? Рассмотрим эти рукописные книги второй половины XVI в., возможно начала XVII в., переписанные после 1565 г.

Из большого числа их полный текст молитв удалось найти только в 11. Интересующие нас молитвы встретились 17 раз, из них в единственном числе 5 раз, что составляет 29% ко всему числу случаев. Последовательное употребление слова «царь» в единственном числе имеем только в Часослове ГБЛ, № 129 Шибанова. В двух других Часословах — ГБЛ, № 361 (Троице-Сергиевой лавры) и Львовского художественного музея № 197 такой последовательности нет. В Часослове ГБЛ: «победы князем на-

⁴¹ И. И. Срезневский, Материалы, т. III, столб. 620—621, 623—624.

⁴² Никоновская летопись: ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина. СПб., 1904, стр. 226.

⁴³ Дополнения к Никоновской летописи: ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина. СПб., 1904, стр. 352.

⁴⁴ Книга степенная царского родословия: ПСРЛ, т. XXI, ч. II. СПб., 1913, стр. 666.

⁴⁵ Там же, стр. 657.

⁴⁶ Д. Н. Альшин. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, 1947, т. 23 — С. В. Бахрушин считал, что «они сделаны по распоряжению самого царя» (С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного. — ИЗ, 1945, т. 15, стр. 33), а С. В. Веселовский — «при непосредственном, близком участии самого царя» (С. В. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, стр. 106).

⁴⁷ Царственная книга: ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 523.

шим на сопротивных даруй» (л. 47), и на обороте того же листа: «возвели силою своею благовернаго царя великаго князя Ивана...». Таковую же картину, но без упоминания собственного имени и в другой редакции видим и во втором Часослове. Большое значение имеет для нас Часослов ГБЛ. Он показывает, что в церковном богослужении молитвы «возносились» не просто за единого царя, а за ныне царствующего Ивана. Ни в одном из других Часословов, а также Миней и Анфологионов имя царя не встретилось.

Таким образом, приходится констатировать, что влияние второго издания Часовника на последующие рукописные книги второй половины XVI в. ничтожно мало. Конечно, в данном случае значительную роль играет и консерватизм «преписующих». Но отнести неприятие новой редакции молитв за царя только за счет их консерватизма было бы неправильно. Здесь, несомненно, большую роль сыграло и сопротивление значительной части населения Московской Руси новой редакции молитв, продиктованной сверху.

Однако в XVII в. это влияние в тех же рукописных книгах сказалось в значительно большей мере. Из 15 книг, в том числе 12 Часословов, молитвы за царя приведены полностью в 42 случаях. Из них царь в единственном числе — в 19 случаях, что составляет 45%, в 7 книгах. Но, как и в Часословах XVI в., последовательности в них нет: в одной и той же книге царь упоминается то в единственном, то во множественном числе в одной и той же молитве. В 5 случаях есть специальное указание на необходимость называть имя царя — «имя рек».

Что же касается московских печатных изданий Часословов, Миней месячных и Анфологионов, вышедших в XVI и первой половине XVII в., то в них во всех интересующих нас молитвах воспроизводится редакция второго издания Часовника. Это является подтверждением того, что редакция второго издания Часовника, как и редакция Апостола, выполнена по указанию высших властей и была ими одобрена.

Из сравнения первопечатного Апостола и второго издания Часовника с рукописными Апостолами и Часовниками, им предшествовавшими, мы выяснили, что редактор внес в эти книги коренные изменения, создал новые редакции их. Изменения эти одобрены русской церковью и перепечатываются в течение столетия с очень незначительными изменениями, не затрагивающими самого существенного в его исправлениях. Это заставляет признать, что редактирование было поручено лицу, выплывшему эту работу, высшими церковными властями, а может быть и Грозным, который с большим вниманием относился к различным сторонам церковной жизни, а с начала 60-х годов сам редактирует Лицевой свод.⁴⁸

Кто же был редактор? По этому вопросу нет никаких данных ни в современных, ни в последующих документах, нет никаких намеков. Здесь возможны только более или менее обоснованные предположения. Можно думать, что ведущая роль в этой большой работе принадлежала нашему первопечатнику Ивану Федорову.

О деятельности Федорова существует два резко расходящихся взгляда. Одни авторы подходят к рассмотрению ее с меркой нашего времени, модернизируют ее: печатник, — значит, его дело содержать в технической исправности типографию, набрать данный ему текст и оттиснуть набор на станке. А выбор текста, подготовка его к печати, книжные украшения, художественное оформление страницы и книги в целом — это дело других

⁴⁸ Д. Н. Альшиц. 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 288 и др.; 2) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГИИ, Л., 1957, т. I (IV), стр. 119—147.

специалистов. В сложном процессе изготовления книги они отводят Ивану Федорову роль чисто техническую — он только руководитель типографских производственных процессов. Другие видят в его лице одного из наиболее выдающихся деятелей культуры нашего средневековья. Так, Р. Ю. Виппер называет Федорова «гуманистически просвещенным ученым... Московский печатник выступает перед нами, — пишет он, — в качестве единомышленника и ровни венецианских Альдо Мануччи и парижских Етьенов».⁴⁹

Первую точку зрения с большой последовательностью отстаивал А. С. Орлов. Он даже не допускал мысли, что послесловие к московскому Апостолу мог составить Федоров. «Мы решаемся, — писал он, — приписать заготовку Послесловия ... или митрополиту Макарию, или попу Сильвестру».⁵⁰ Это утверждение не учитывает того, что Сильвестр с 1560 г. был в опале и находился в Кирилло-Белозерском монастыре, а митрополит Макарий умер 31 декабря 1563 г. До этого же времени он был настолько слаб, что в июне не мог принять прибывшего с королевским посольством Войтеха Сновитцкого, посланца к нему от «князя Валериана, бискупа виленского», а в ноябре уже «был ... на конечном издыхании», как сообщает Никоновская летопись.⁵¹ В доказательство своего мнения А. С. Орлов приводит фразу, переданную в послесловии далеко не дословно, ответ Макария Грозному: «Яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ». Но это — фраза, взятая из Апостола. Можно ли думать, что Федоров, печатая Апостол, не знал этой фразы! Вообще надо сказать, что Апостол был не только богослужебной и учебной книгой, но и своеобразной книгой афористической мудрости. Его часто цитировали: например, у Грозного в первом послании Курбскому встречается 14 цитат из Апостола.⁵² Приведенную выше цитату А. С. Орлов указывает у Максима Грека в его послании к отцу Грозного и в «Предисловии» к деяниям Стоглавого собора. Но ее можно найти, например, и у писателя Х в. Иоанна, экзарха болгарского, в его предисловии к богословию Иоанна Дамаскина, бытовавшем на Руси XVI в. и в виде отдельной статьи.⁵³

Говоря о федоровском Апостоле и втором издании Часовника, Макарий Булгаков писал: «Ниоткуда не видно, чтобы книги эти были исправлены по каким-либо спискам греческим или славянским».⁵⁴ Но его современник В. Е. Румянцев считал, что в первопечатном Апостоле «сделаны также против списков во многих местах значительные исправления, близкие к нынешнему тексту или совершенно с ним согласные». Он же считал, что Федоров «владел не только печатным искусством, но несколько и пером».⁵⁵ В том же духе о литературной деятельности Ивана Федорова говорил в конце прошлого века И. И. Малышевский.⁵⁶

⁴⁹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Изд. АН СССР. М., 1944, стр. 75

⁵⁰ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве Иван Федоров-первопечатник. Изд. АН СССР, М., 1935, стр. 18. — А в своей «Древнерусской литературе» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 281) авторство послесловия он приписывает только Макарию.

⁵¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 367, 372.

⁵² Послания Ивана Грозного, стр. 12, 19, 20, 21, 22, 28, 43, 45, 47, 52, 59, 69.

⁵³ И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, стр. 322.

⁵⁴ Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, стр. 109—110. См. также в его «Истории русской церкви» (т. VIII, кн. III, стр. 85—86).

⁵⁵ В. Е. Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России, вып. I. М., 1872, стр. 30, 10.

⁵⁶ И. Малышевский. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 7 Киев, 1893, стр. 109.

С полной определенностью, безо всяких «несколько», высказался по этому вопросу М. С. Грушевский. Он считал, что Федоров наряду с руководством техническими процессами в типографии занимался «в значній мірі» и литературно-научной деятельностью.⁵⁷

Первым, кто считал Ивана Федорова редактором первопечатного Апостола, а «может быть, еще и других книг», был И. Е. Евсеев. «Федоров, — писал он, — выбирает и правит текст рукописного служебного Апостола».⁵⁸ В наше время М. Н. Тихомиров считает, что «такая работа (над очищением текста церковных книг от ошибок) могла быть поручена только представителю духовенства, каким и был Федоров».⁵⁹

Таким образом, среди русских и украинских ученых были лица, для которых Иван Федоров был не только исполнителем и руководителем чисто технических производственных процессов в типографии, но и культурным деятелем. Орудием его деятельности был не только печатный станок, но и перо. О том, что Федоров был редактором, свидетельствует тот факт, что свою работу над текстом Апостола он продолжает и во Львове. А о редактировании Острожского Нового завета сам говорит в своем предисловии к нему. Он не только напечатал его: «Да восприимеши сие рукоделие наше от нас боголюбезне, яко прьвыи оwoць от дому печатного своего острожского», — обращается он к князю, но по его принуждению («понуди»), несмотря на свое «тесное разума и недоуменное языка ... совокупих в едину сию вещь» Псалтырь и все книги, в состав Нового завета входящие. «Совокупих», т. е. объединил, все названные книги в одну «вещь». Что это объединение не было механическим воспроизведением в печати неотредактированных рукописей, свидетельствует ссылка Федорова на свой «разум» и «язык» (хотя в соответствии с обычаем времени он характеризует их униженными эпитетами). Для печатания эти свойства не нужны, но для выбора из массы рукописей оригинала для печатания и его исправления они обязательны.

В Москве из-под станка Федорова вышли совершенно новые редакции двух важнейших богослужебных и в то же время учебных книг (последнее относится особенно к Часовнику). Текст изданий столь отличен от предшествующих и современных им рукописных, что это различие не могло остаться незамеченным для читающего или слушающего чтение этих книг во время богослужения. Особенно резкое различие было в Часовнике: вместо молитвы за царей или князей вообще в церковных службах «возносили» молитвы за царя единого, за Иоанна, столь ненавистного остаткам княжья и вообще феодальной знати, за царя, который за несколько месяцев до выхода в свет Часовника учредил опричнину. Все острие ее было направлено именно против этой знати. И уже первые дни опричнины были отмечены казнями нескольких виднейших представителей ее.

Отпечатанные в государственной типографии и принятые церковью, как показывают тексты их последующих изданий, они вводили единообразие в церковную жизнь, в отправление церковных служб, чего так старательно добивался Стоглавый собор.⁶⁰ Они были одним из звеньев в длинной цепи мероприятий в политике Грозного, мероприятий, направленных на полное уничтожение остатков былой феодальной разобщенности Московской Руси. Наряду с такими мероприятиями, как канониза-

⁵⁷ М. Грушевський. Історія України-Русі, т. VI. Київ—Львів, 1907, стр. 490.

⁵⁸ И. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пгр., 1916, стр. 146.

⁵⁹ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 91.

⁶⁰ А. Дмитриевский. Богослужение в русской церкви в XVI в., ч. I. Казань, 1884, стр. III.

ция святых, установившая единый реестр их на всей территории Московского государства, упомянутый Стоглав, Судебник, испомещение дворян для несения военной службы и, наконец, опричина, книгопечатание способствовало укреплению централизованной государственной власти.

Это значение книгопечатания, несомненно, понимали феодальные верхи, настроенные остро враждебно к политике Грозного. Наибольшее озлобление у них вызвала, конечно, опричина. Сказавшись больным, 16 мая 1566 г. оставил митрополичий престол и ушел в монастырь Афанасий, еще до опричины, в 1564 г., вместе с приверженцами старины заявивший Грозному о необходимости «образумиться».⁶¹ Вызванный на его место игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев прямо поставил условием своего согласия отмену опричины. Вопрос был улажен компромиссным решением, и 25 июня Филипп стал московским митрополитом. В это же время происходил Земский собор. Часть участников его уже после собора обратилась к Грозному с просьбой прекратить насилия опричников. На эту просьбу Грозный ответил тяжелыми репрессиями. Это выступление было последним открытым протестом. «Наступила пора тайного заговора», — говорит исследователь.⁶²

Из поля зрения противников Грозного не выпало и книгопечатание, об устройстве которого он так старался. Оно, как и ряд других его мероприятий, направленных на установление единообразия в различных областях общественной жизни, уже за короткий сравнительно срок своего существования дало положительные результаты. Своего восхищения перед ними не мог скрыть и немец-опричник Генрих Штаден. «По всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера!», — писал он.⁶³ Не знать этого не могли, конечно, и противники Грозного.

Новые тексты федоровских книг столь далеки от привычных, что многие приверженцы старины и независимо от своего отношения к политике Грозного не принимали их. Это видно из того, как медленно прокладывают они себе путь в рукописную книгу, которая изготовлялась либо на заказ, либо гораздо чаще на рынок,⁶⁴ а значит при изготовлении ее прежде всего учитывались требования спроса. Хотя значение книгопечатания для феодальной оппозиции, его удельный вес, неизмеримо меньше, чем значение опричины и ряда других мероприятий Грозного, оно служило интересам его политики, вытесняя из церковного обихода прочно утвердившиеся местные особенности, переходящие из поколения в поколение, нивелировало их. И феодалы, чтобы уничтожить книгопечатание, «божие дело, — говорит Федоров, — вконец погубить», объявили его исправления ересью. Несомненно, в планы их входило и уничтожение типографии; именно так надо понимать слова Федорова «божие дело вконец погубить».

Об этом рассказывает сам Иван Федоров в «Повести» — послесловии своего львовского Апостола. Он говорит о «презельном озлоблении» против него и Петра Мстиславца «от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи

⁶¹ Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альбрехта Шлихтинга. Под ред. А. И. Малеева. Л., 1934, стр. 17—18 (привожу по книге: П. А. Садиков. Очерки по истории опричины. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16).

⁶² П. А. Садиков. Очерки по истории опричины, стр. 29.

⁶³ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1925, стр. 113.

⁶⁴ «В Москве в XVI в. был даже особый книжный ряд», — говорит С. В. Бахрушин (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, стр. 34, со ссылкой: ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273, № 194).

благое в зло превратити». «Начальники» — это светские лица, занимавшие высокие должности в государственном аппарате; «священноначальники» — это церковные иерархи. «Учители» — это, конечно, не те школьные учителя, о которых говорил Стоглав; это церковные деятели, которые хотя могли и не иметь высокого сана, но были в то же время идеологами церкви; это были те, которые «учили всех на вся душеполезная и спасенная», как сказано в грамоте митрополита Алексея 1356 г. Таким был, например, инок Отенского монастыря Зиновий, современник Федорова. Он много писал против современных еретиков. Как поборник старины, Зиновий считал недопустимым «возводить в книжные речи от народных». ⁶⁵

Обвинение в ереси — страшное обвинение. И под него можно было подвести нарушения «буквы» богослужебных книг, которые в первопечатном Апостоле и во втором издании Часовника встречаются на каждом шагу. Ведь именно такая ересь лет за сорок до того послужила если не причиной, то поводом к тому, чтобы Максима Грека, заковав в кандалы, бросили в тюрьму, запретив ему писать. ⁶⁶ Подобной же каре в 1618 г. подвергся архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий вместе со своими товарищами за то, что в исправленном ими в соответствии с канонем Потребнике, по доносу некоторых лаврских монахов, нашли ересь, хотя ее там и в помине не было. ⁶⁷

Однако для Федорова и Мстиславца нестрашен был официальный суд, так как все исправления против рукописных книг, в том числе и против Апостола самого митрополита Филиппа Колычева, ⁶⁸ были сделаны и одобрены соответствующими властями, иначе они не перепечатывались бы в течение столетия Московским печатным двором. Поэтому, обвиняя первопечатников в ереси, враги книгопечатания возбудили против них «черных людей града Москвы», как называет Никоновская летопись московский посад. ⁶⁹

Но помимо причины политического характера — ненависти феодальной оппозиции к книгопечатанию, как к одному из средств идеологического укрепления централизованного государства — возможно, были и причины иного порядка, вызвавшие обвинение первопечатников в ереси. О «зависти и ненависти» к первопечатникам со стороны «ненаучных и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навывкше», пишет сам Федоров в той же львовской «Повести». Вряд ли можно игнорировать это свидетельство первопечатника. Но эти «зависть и ненависть» исходили из другого источника. Подготовка к печати Апостола и Часовника требовали и «разума», и «грамотической хитрости». Последней обладали в то время немногие. Признание, которое получили у властей Апостол и второе издание Часовника, и породило в них «зависть и ненависть» к первопечатникам. А так как текст этих изданий к тому же сильно отличался от обычных, то завистники и свой голос присоединили к голосу «начальников», «священноначальников» и «учителей», обвинявших первопечатников в ереси.

Не исключены и моменты чисто личного порядка. Книгопечатание — детище Грозного. Флетчер писал, что «типография была основана ...

⁶⁵ См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время, изд. 2. Киев, 1915, стр. 471.

⁶⁶ Там же, стр. 477, 495—496.

⁶⁷ Макарий. История русской церкви, т. VIII, кн. III, стр. 178—185.

⁶⁸ Хранится в БАН: «Сол. 5». На первом, пустом листе написано: «Апостол Филиппа митрополита», на другой стороне: «Книга игумена Филиппа Колычева, Апостол».

⁶⁹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 194.

к величайшему его удовольствию». ⁷⁰ С этими словами Флетчера следует сопоставить послесловие Федорова в московском Апостоле, в частности его свидетельство, что «царь ... нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем ... Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению». Вот эта царская милость и могла вызвать «зависть и ненависть» к печатникам. Но основной причиной, заставившей Федорова и Мстиславца уйти за пределы Московского государства, было, конечно, «озлобление ... начальник, священноначальник и учитель» против книгопечатания, как одного из факторов централизаторской политики Грозного.

В данном случае есть некоторая параллель с современником Федорова, видным политическим мыслителем Ермолаем-Еразмом. Ермолай тоже подвергался преследованиям «ради зависти», как писал он, обращаясь к Грозному: «иногда же пред тобою и позорна наркоша мя и бесна своея ради зависти». И дальше просит защиты у Грозного: «от ненавидящих мя ... их же един ты могши взрадити, а ин никто же». ⁷¹

Невольно возникает вопрос, почему же с аналогичной просьбой не обратился к Грозному Федоров, почему не искал он у него защиты? Ведь судя по первым строкам львовской «Повести», где Федоров мог совершенно свободно говорить о царе, отношение Грозного было к нему отнюдь не враждебно, скорее наоборот. Возможно, что Федоров и делал такие попытки, но «доступити» царя было нелегко. «11 лет минуло, не могу доступити тебя, государя...», — писал другой современник Федорова, выдающийся публицист, идеолог дворянства Иван Пересветов. — Кому ни подам память, и они до тебя, государя, не донесут, велможы твои». ⁷² О том же говорит он и в другом месте: «А яз тебя, государя, благовернаго царя, доступити не могу, пожаловатися на них». ⁷³

Хотя Грозный в это время и был поглощен всевозможными заботами по устройству опричнины, однако трудно допустить, чтобы распушенные слухи о ереси первопечатников не дошли до него. Но чем он мог помочь им? Виновники этих слухов, сделав свое черное дело, отошли в сторону; а применять репрессии к посаду было не в интересах Грозного. Посад — это те слои Москвы, которые в январские дни 1565 г. решительно стали на сторону Грозного: «А хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят», ⁷⁴ — заявили они. «Выступление посада и явно враждебная его позиция по отношению к боярству понудили феодальную знать, группировавшуюся вокруг митрополита Афанасия, капитулировать перед царем». ⁷⁵ Взять печатников под свою защиту, «повелети» им продолжать печатание значило рисковать вызвать возмущение посада. Причины же для этого были: те «волки» и «сильные», избавить от которых просили Грозного посадские, оставались в своей силе. А «возмущение великое» 1547 г., когда «изменники, — писал Грозный Курбскому, — наустили были народ и нас убити», ⁷⁶ вряд ли изгладилось из его памяти. На Стоглавом соборе, вспоминая о событиях, связанных с пожаром, он признался, что «от сего убо вниде страх в душу мою и тре-

⁷⁰ Д. Флетчер. О государстве Русском, изд. 2 СПб., 1905, стр. 96

⁷¹ В. Фржига Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, 1926, вып. XXXIII, стр. 192

⁷² Сочинения И. Пересветова. Под ред. Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М—Л, 1956, стр. 163.

⁷³ Там же, стр. 164.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 393.

⁷⁵ С. В. Бахрушин. Классовая борьба русских городов XVI—начала XVII в. — Ученые записки МГУ, вып. 156, Труды Кафедры истории СССР, М., 1952, стр. 26.

⁷⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 35 (первое послание Курбскому).

пет в кости моя, и смирися дух мой». ⁷⁷ При таких условиях благоразумнее было предоставить печатникам возможность уйти за пределы Московского государства.

О ереси как формальной причине, принудившей Ивана Федорова и Петра Мстиславца к уходу за границу, писали многие авторы, начиная с В. С. Сопикова до нашего времени. Одни из этих авторов: В. С. Сопиков, ⁷⁸ М. Погодин, ⁷⁹ С. Соловьев, ⁸⁰ Я. Головацкий, ⁸¹ И. Порфирьев ⁸² и др. — не говорят, кто же были их обвинители, или говорят очень общо и туманно: «Это были друзья и служители тьмы ... ненавистники света», — как мы это читаем в названной статье М. Погодина.

Другие, начиная с Н. М. Карамзина, считают, что обвинителями перепечатников были переписчики книг. «Сие важное предприятие ... возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы». ⁸³ Эту же мысль, с некоторыми вариантами, высказывают и многие другие авторы: Евгений Болховитинов, ⁸⁴ Филарет Гумилевский, ⁸⁵ И. А. Сахаров, ⁸⁶ М. А. Максимович, ⁸⁷ Д. Иловайский, ⁸⁸ А. Дмитриевский, ⁸⁹ А. А. Кизиветтер, С. В. Бахрушин ⁹⁰ и многие другие. Это же утверждение перенесено и в учебник истории СССР для средней школы. ⁹¹ Некоторые из названных авторов, сказав о переписчиках, добавляют далее, например И. А. Сахаров: «Народ явно кричал, что печатники колдуны», а А. А. Кизиветтер, что «печатный двор — пристанище нечистой силы».

Против того, что обвинители в ереси Ивана Федорова и Петра Мстиславца были «друзья и служители тьмы... ненавистники света», возразить, конечно, ничего нельзя. А вот с тем, что книгопечатание, «подрывая рукописное книжное ремесло, вызывало раздражение среди специалистов

⁷⁷ Стоглав, изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 31.

⁷⁸ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, редакция и примечания, дополнения и указатель В. Н. Рогожина, ч. I. СПб., 1904, стр. XXXIII.

⁷⁹ М. Погодин. Гонение первопечатников. Трехсотлетие первого друкера на Руси Ивана Федорова, 1582—1883. Юбилейное издание журнала печатного дела «Обзор графических искусств». СПб., 1883, стр. 9.

⁸⁰ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VII, стр. 243.

⁸¹ Яков Головацкий. Начало и действование ставропигийского братства в Львове по отношению историко-литературному. — Зоря галицкая, яко альбум на год 1860. В Львове, стр. 471.

⁸² И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I, изд. 7. Казань, 1904, стр. 539.

⁸³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. IX. СПб., 1843, гл. 1, столб. 28.

⁸⁴ (Е. Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I, изд. 2. СПб., 1827, стр. 276.

⁸⁵ Филарет Гумилевский. Обзор русской духовной литературы, кн. I, 862—1720, изд. 3. СПб., 1884, стр. 148.

⁸⁶ И. А. Сахаров. Первые русские типографщики. — Сборник. СПб., 1838, стр. 5—6.

⁸⁷ М. А. Максимович. Книжная старина южнорусская. — Собрание сочинений, т. III, Киев, 1880, стр. 664.

⁸⁸ Д. Иловайский. История России, т. III. Московско-царский период. М., 1890, стр. 518.

⁸⁹ А. Дмитриевский. Диакон Иван Федоров, первый русский книгопечатник. — Православное обозрение. М., 1883, ноябрь, стр. 502.

⁹⁰ С. В. Бахрушин. Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство. — История СССР, т. I, изд. 2. М., 1947, гл. XIX, стр. 361.

⁹¹ История СССР, учебник для 8-го класса средней школы. Под ред. проф. А. М. Панкратовой. М., 1952, стр. 157. — Ввиду того что данный учебник, выдержавший много изданий и переведенный на языки народов СССР, разошелся в миллионах экземпляров, высказывание это приобретает значение как бы общепризнанной истины.

этого дела»,⁹² согласиться трудно, так как даже в XVII в., когда продукция печатного станка неизмеримо возросла по сравнению с 60-ми годами XVI в., рукописная книга стоила дешевле печатной.⁹³ Специалисты рукописного книжного ремесла не представляли собой какой-либо компактной массы. Существовали рукописные мастерские, например в Троице-Сергиевой лавре,⁹⁴ у попа Сильвестра,⁹⁵ но число ремесленников в таких мастерских не могло быть большим. Основная масса писцов-ремесленников была разбросана «по градам», как это отмечает Стоглав (гл. 28). Среди них, как среди лиц, ближе других стоящих к книжному производству, могло возникнуть более сильное недовольство и Федоровской редакцией, и новым способом изготовления книг, и недовольство это передалось и той массе, которую сумели возбудить против печатников феодальные верхи, добиваясь уничтожения книгопечатания.

В. В. Стасов тоже считал, что «Иван Федоров и Петр Мстиславец были обвинены в ереси».⁹⁶ Но для него эта ересь представлялась в совершенно ином виде. «Гораздо вероятнее предположить, — писал он, — что вся ересь их заключалась в том, что они с похвалой отзывались ... о тюрбингенских изданиях. Быть может, они даже усиливались ввести их в России». Мнение это, как и его мнение об отправке «людей, назначенных в типографшники, учиться книгопечатному мастерству» в Тюбинген, не подтверждается ни одним документом; что же касается того, что наши первопечатники, «быть может ... даже усиливались ввести их (тюрбингенские издания, — Г. К.) в России», то это было невозможно уже в силу того, что тюрбингенские, как и урахские издания, «харвацки истумацена» и были просто непонятны на Москве по своему языку.

Галицкий ученый А. С. Петрушевич, говоря о ереси первопечатников, писал, что под ересью «надо здесь подразумевать протестантское учение», которым, «может быть, могли они заразиться от своего руководителя Ганса».⁹⁷

По вопросу об уходе первопечатников за рубеж есть и единичные высказывания, авторы которых совершенно не считаются с общеизвестными фактами. Так, анонимный автор в 1806 г. писал: «Когда кн. Константин Острожский предпринял издать Библию на славянском языке, царь не только послал к нему древние рукописи славянских переводов, но и отправил искусного типографшника московского Ивана Федорова».⁹⁸

Полным курьезом звучит противоположное утверждение польского автора, высказанное уже в наше время: Иван Федоров бежал от «гнева царя Ивана Грозного и его доносчиков».⁹⁹ Утверждение это идет в разрез со словами самого Ивана Федорова о Грозном в его львовской «Повести».

⁹² С. В. Бахрушин, А. А. Зимин. Просвещение, наука, литература. — В кн.: История Москвы, т. I, Период феодализма XII—XIII вв. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 246.

⁹³ В. Адрианова. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, стр. 19, 28, 32; А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 23.

⁹⁴ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра, стр. 83.

⁹⁵ Д. П. Голохвастов и Леонид Кавелин. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, 1874, кн. I, стр. 51.

⁹⁶ В. В. Стасов. Разбор рукописного сочинения г. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств». — Собрание сочинений, т. II, СПб., 1894, стлб. 167.

⁹⁷ А. С. Петрушевич. Иван Федоров, русский первопечатник. Историко-библиографическое рассуждение. Львов, 1883, стр. 14.

⁹⁸ Что сделано в России для просвещения народа и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого. — Вестник Европы, М., январь, 1806, № 1, стр. 19.

⁹⁹ A. Jędrzejowska. Książka polska we Lwowie w XVI w. Lwów—Warszawa, 1928, стр. 3.

Особняком стоит предположение М. Н. Тихомирова «о добровольном отъезде Ивана Федорова из Москвы». М. Н. Тихомиров полагает, что Иваном Грозным первопечатники «были отпущены в Литву», к Ходкевичу, для того чтобы печатать там православные книги. «Царь показал этим свое благожелательное отношение к литовским магнатам», — говорит он,¹⁰⁰ так как «поддержка православия была для них делом не только религии, но и политики».¹⁰¹ Выходит, что наши первопечатники были отпущены в Литву в своеобразной роли политических эмиссаров русского царя. С этим мнением нельзя согласиться. Оно противоречит свидетельству самого Ивана Федорова в его львовской «Повести», не имеет с ним ничего общего. Зачем было ему выдумывать, что «озлобление от многих начальник и священноначальник и учитель ... зависть и ненависть ... от земля и отечества и от рода нашего изгна»? Он мог просто умолчать о причинах своего ухода из Москвы. И как мог эмиссар Грозного, выполняющий его поручение, оказаться во Львове в столь бедственном положении? «Помощи прося от них (богатых и благородных, — Г. К.) ... припадая на лица земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах», — рассказывает он в той же «Повести».

Есть еще одно обстоятельство, говорящее против предположения М. Н. Тихомирова. В первой половине 1567 г. Ходкевич присылает князьям И. Ф. Мстиславскому и М. И. Воротыньскому, а также боярину И. П. Федорову¹⁰² письма с предложением «израдоу быти»,¹⁰³ т. е. Грозного, обещая им всяческие блага в Польско-Литовском государстве, приводя в пример Андрея Курбского. Хотя у политики своя мораль, но кажется совершенно невероятным, чтобы в то время, когда Иван Федоров и Петр Мстиславец, «отпущенные» к нему Грозным, работали в его Заблудове над устройством типографии, сам Ходкевич призывал бояр Грозного к измене своему государю — «израдоу быти».¹⁰⁴ Так же невероятно и другое: как Грозный в своих ответных посланиях Ходкевичу, написанных от имени бояр, ругая площадной бранью («искурвины дети») его и его единомышленников, Грозный, такой несдержанный в своих порывах, не повелел Федорову и Мстиславцу прекратить их деятельность у Ходкевича.

В доказательство своего предположения М. Н. Тихомиров приводит «Ответ» неизвестного православного автора на анонимную католическую брошюру 1753 г., написанный примерно в 1754 г. В нем разоблачаются утверждения анонимного автора о том, что гетман Ходкевич был католиком.¹⁰⁵ Доказывая православие Ходкевича, автор пишет, что он просил Грозного прислать ему друкарню и друкаря и «царь прислал к нему целую друкарню и типографа именем Иоанна Федоровича, из той друкарни вышла книга ... Апостол».

В «Ответе», написанном в пылу полемики почти через 200 лет, его автор перепутал все факты, отголоски которых ему были известны, и вывел из них нужное ему утверждение о православии Ходкевича. Федоров действительно напечатал в Заблудове две книги, но не Апостол. Как было уже сказано, Ходкевич в 1561 г. вместе с другими литовскими магнатами

¹⁰⁰ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 94.

¹⁰¹ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 27.

¹⁰² Послания Ивана Грозного, стр. 241—277.

¹⁰³ Там же, стр. 275.

¹⁰⁴ Там же, стр. 272.

¹⁰⁵ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 38.

отправил к Грозному Исаию Камянчанина с просьбой прислать нужные им книги, но отнюдь не с просьбой о присылке друкаря.

Могла быть и еще одна причина, полагает М. Н. Тихомиров, которая заставила Федорова выехать в Литву «Вероятно, ко времени переезда Федоров овдовел, и это могло быть одной из причин, по которой оставление его во главе печатного дела в Москве было неудобно. Ведь, согласно существовавшим тогда в России правилам, овдовевшие белые священники и дьяконы должны были постригаться в монахи»¹⁰⁶ Постановление Стоглава, безусловно в ту пору действующее, не обязывало к пострижению в монахи. «А которые попы и дьяконы вдовые обещаются в чистоте пребывать, и тем давати благословленные грамоты . . . и вся священническая им действовать . . . оприче божественныя литургии». Но если «вся мирская те вдовые попы и дьякони почнут творити, и им . . . от церкви божия не питатися и жити с мирскими людьми, и тягло им государево давати с миром вкупе» (гл. 81).

Ни в одной из своих книг, напечатанных за пределами Московского государства, Федоров не называет себя дьяконом. Из одного львовского документа 1584 г.¹⁰⁷ видно, что еще в этом году дети Федорова были несовершеннолетними. Это дает основание считать, что Федоров овдовел и сотворил «мирская». Могло это произойти и в Москве, но уже после выхода в свет второго издания Часовника, в послесловии к которому он еще называет себя дьяконом. Если это так, то к такому поступку его могли отнести на Москве недоброжелательно, но неужели настолько, что это помешало ему в своей «земле и отечестве» продолжать излюбленное искусство наравне с другими мирскими?

Все это не позволяет согласиться с предположением М. Н. Тихомирова. Уход первопечатников был не свободным, а вынужденным. О причинах его говорит Федоров сам. Основная причина — оппозиция феодальных верхов политическим мероприятиям Грозного, в числе которых было и его возлюбленное детище книгопечатание. Эта оппозиция избрала средством удаления первопечатников за пределы Московской державы обвинение их в ереси, надеясь тем самым прекратить и книгопечатание на Москве.

Многие авторы, ссылаясь на Флетчера, считают, что типография Федорова была сожжена. Но Флетчер¹⁰⁸ был в Москве в 1588—1589 гг., т. е. года через 22 после того, как печатники оставили Москву. О том же писал с чужих слов Андре Теве в своей книге «Vrais portraits des hommes illustres», которая вышла в Париже в 1584 г.¹⁰⁹ Эти два источника различного происхождения не позволяют отмахнуться от сообщения о пожаре. Но сгорела, несомненно, не федоровская типография. Прежде всего, если бы его типография была сожжена, он сам сказал бы об этом в своей «Повести». Ведь говорит же он в ней достаточно подробно о тех гонениях, какие пришлось ему претерпеть в Москве. Но главным доказательством того, что типография Федорова не была сожжена, является тот факт, что через три года после выхода в свет Часовников тем же шрифтом его ученики Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа напечатали в Москве Псалтырь. Тем же шрифтом печатает Федоров и свои последующие книги за пределами Москвы. Шрифт его, очевидно, остался

¹⁰⁶ Там же стр. 37

¹⁰⁷ Из этого документа видно, что 2 апреля 1584 г. к властям города Львова явился львовский гражданин Георгий Рурмист и заявил, что далее «он не может выполнять обязанности опекуна над детьми покойного Ивана Федоровича друкаря»

¹⁰⁸ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 96

¹⁰⁹ См. Andre Thevet Cosmographie moscovite Paris, 1858, стр. 165

в Москве, а с собою он взял матрицы или пунсоны его. Книжные украшения московского Апостола и Часовников Федорова видим в его заблудовских, львовских и острожских изданиях и даже в дерманском Октоихе 1604 г.¹¹⁰

Угроза расправы как с еретиком, с одной стороны, отсутствие возможности в ближайшее время из-под своего станка «духовная семена по вселенной разсевати», с другой, вынудили Ивана Федорова и его соратника Петра Тимофеевича Мстиславца «от земля и отечества и рода» своего уйти «в ины страны незнаемы». Такой страной для московских эмигрантов была тогда Литва.

Для «энтузиаста-типографщика», как назвал Ивана Федорова Карамзин, Литва была правлекательна, кроме убежища, еще и как страна, где он мог надеяться на возобновление вместе с Петром Мстиславцем «печатного дела», так блестяще начатого и, к его глубокому прискорбию, прерванного в Москве. В Белоруссии, первой из стран восточного славянства, была открыта типография, в которой в 1525 г. «працею и великою пильностию Доктора Франциска Скорины с Полоцка»¹¹¹ был напечатан Апостол и около того же времени — «Малая подорожная книжица».¹¹² Не могли не знать наши печатники как люди, проникнутые книжными интересами, и того, что в Москву летом 1561 г. прибыл из Литвы Исаия Камяничанин. Его отправили сюда магнаты великого княжества Литовского. Среди них был и «гетман наивышший» Григорий Александрович Ходкевич. Камяничанин должен был «испросити» у Грозного ряд книг, в том числе Учительное Евангелие и Библию, чтобы ее «выдати тиснением печатным».¹¹³

О времени, когда Иван Федоров и Петр Мстиславец оставили Москву, у нас нет никаких документов. Мы не знаем даже года, не говоря уже о более точной дате. Уехали они, взяв с собою, как мы видели, типографские принадлежности, а Федоров взял и семью. Это говорит о том, что отъезд их не был бегством и совершился в достаточно спокойной обстановке. Произошел он вряд ли ранее второй половины 1566 г. М. Н. Тихомиров пишет: «В январе 1566 года в Москву приходил от короля посланник Василий Загоровский. Возможно, что наши первопечатники были отпущены в Литву вместе с Загоровским».¹¹⁴ Но в своей более поздней статье М. Н. Тихомиров дает дату шире: «Отъезд первопечатников состоялся в 1565—1566 гг.».¹¹⁵

Говоря о времени отъезда первопечатников за границу, надо исходить из тех взаимоотношений, какие существовали тогда между Москвой и Польско-Литовским государством. С осени 1565 до мая 1566 г. оба государства находились в состоянии войны. При таких условиях отъезд в Литву для Федорова был невозможен: он означал бы просто измену своей «земли и отечеству». Да и переезд с семьей и имуществом через линию фронта, хотя бы и не сплошную, был сопряжен с большими опасностями.

¹¹⁰ Но М. Н. Тихомиров считает, что «Псалтырь напечатана не тем же шрифтом, что Апостол и Часословец, и что типография, ее печатавшая, не была типографией Ивана Федорова и Петра Мстиславца» (М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 39).

¹¹¹ Из послесловия к Апостолу 1525 г. (Каратаев, № 18).

¹¹² Каратаев, № 19.

¹¹³ П. А. Сырку. Из истории сношений русских с румынами. — ИОРЯС, т. I, 1896, стр. 498—499. См. также: Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мнixa Камяничанина Исаи. Изд. ОЛДП, СПб., 1913.

¹¹⁴ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 94.

¹¹⁵ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 36.

Но 30 мая 1566 г. «пришли ко царю ... от Жигимонта—Августа ... послы»¹¹⁶ для переговоров о заключении мира. Переговоры не дали положительных результатов, и 17 июля, отпуская литовских послов, Грозный отправил в Литву и «своих великих послов ... доделывати» мир между обоими государствами. Очевидно, во вторую половину 1566 г. первопечатники и отправились в «незнаему» для них дотоле Литву. Здесь в конце 1566—начале 1567 г. происходил в Городне сейм.¹¹⁷

Узнав о сейме, печатники и направились в Городню,¹¹⁸ рассчитывая встретить здесь, на сейме, кого-либо из инициаторов книжной миссии Исаии Камянчанина. Доказательством того, что они были там во время сейма, служат слова Федорова в его «Повести»-послесловии: «Восприяша нас любезно благочестивый государь Жигимонт Август, король польский». За пределами сейма это свидание не могло состояться. В Литву наши печатники ушли не затем, чтобы нанести визит королю, да вряд ли такой визит простых ремесленников и был возможен, а затем, чтобы продолжать здесь свое излюбленное «печатное дело». В русских же печатниках король не нуждался.

На сейме Федоров и Мстиславец действительно нашли, кого искали. Узнав, что на сейме есть один из инициаторов миссии Камянчанина, «Григорей Александрович Ходкевича (так!) ... гетман наивышшии великого князьства Литовьскаго», они обратились к нему. Для Ходкевича наши печатники были истинной находкой. Чтобы легализовать пребывание московских выходцев у себя, Ходкевич представил их королю (вот при таких-то обстоятельствах король и «всприяша» их «любезно») и «умоли» его отпустить их к себе.

Ходкевич — рассказывает в той же «Повести» Федоров, — «прия нас любезно ... и всякими потребами телесными удовляше нас». В его имении Заблудове в 1569 г. они напечатали вдвоем Учительное Евангелие,¹¹⁹ а в следующем году уже сам Иван Федоров напечатал здесь Псалтырь с Часословцем.¹²⁰

¹¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

¹¹⁷ Н. А. Максимейко. Сейм Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. Харьков, 1902, Приложение, стр. 152; М. К. Любавский и Литовско-русский сейм — ЧОИДР, 1901, кн. II, стр. 681 и сл.

¹¹⁸ Б. В. Сапунов. О прекращении деятельности первых типографий в Москве — ТОДРЛ, т. XII М—Л, 1956, стр. 437.

¹¹⁹ Каратаев, № 75.

¹²⁰ Каратаев, № 77.

Д. Н. АЛЬШИЦ

Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина

Летом 1958 г. Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина была приобретена рукопись — обрывок какого-то сборника конца XVII—начала XVIII в., в 8°, всего несколько листов, обтрепанных, перепутанных, сшитых веревкой в позднее время. Рукопись была завернута в лист бумаги, на котором карандашом была сделана надпись: «Из городка Пустозерского привезена 1923. 16 л.».¹

Внимание автора этих строк привлекло не имеющее начала повествование об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине.

Перед нами оказался отрывок неизвестной древнерусской повести, которая, с одной стороны, обладает ярко выраженным беллетристическим характером, а с другой, полна исторических реалий, в которой один вымышленный герой — Харитон Белоулин, а другой исторический — Иван Грозный. Вскоре были обнаружены еще три списка повести² — один также в ГПБ³ и два других в ГИМе.⁴ Во всех этих списках оказалось и недостающее начало повести. Сравнительное изучение списков выявило довольно сложную картину их взаимоотношения, и в частности наличие двух редакций повести. Вопрос об этом будет специально рассмотрен в ходе предлагаемого исследования, которое мы начнем с публикации и изучения ранней редакции, самой близкой к первоначальному виду повести. Мы будем впредь именовать ее «ранняя летописная редакция».

Ранняя летописная редакция повести читается в составе летописца XVII в., который в основном представляет собой так называемую Латухинскую степенную книгу. Рукопись ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 263, в 4°, на 444 л., написана скорописью разных рук на бумаге, имеющей водяной знак «голова шута» с семью бубенцами и контрамарку из букв «НС». Знаки такого рода встречаются на бумаге выпуска 50—70-х годов XVII в.⁵ Рукопись в целом является конволютом — в нее включены листы, написанные в начале XVIII в., когда, по-видимому, он и был соединен. Текст повести в данном списке, как и во всех других случаях, окружен краткими летописными известиями (л. 184 при пагинации не обозначен).

---

¹ ГПБ, КП 1958. 217, лл. 5—6.

² За помощь в этой работе приношу глубокую благодарность М. А. Салминой.

³ ГПБ, Основное собрание рукописных книг, Q XVII 252, лл. 281—282 об.

⁴ ГИМ, собр. Забелина, № 263, лл. 183—186; № 3996, лл. 268 об.—270 об.

⁵ Лихачев, Бум мельн, табл. 55, № 474; Тромонин, табл. XXIX, «Годоуказатель», стр. 14.

РАННЯЯ ЛЕТОПИСНАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ

Список ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 263

л. 183

В лето 7081 преставил благоверный царевич Иоанн Иоаннович в Александрове слободе. Погребен на Москве у Архангела в церкви.

л. 183 об.

В леги 7082-го царь и великий князь Иван Васильевич уразуме, яко сыну его царевичю Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников. И на второй неделе по пасхе во вторник в утре, по указу великого || государя, на Пожаре, среди Москвы, уготовлено 300 плах, а в них триста топоров и 300 палачей стояху у плах оных. Московстии же князии и бояре и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду, страхом одержими быша. Егда же бысть третий час дни, царь и великий князь Иван Васильевичъ выехав на площадь в черном платье и на черном кони с сотники и стрельцы и повеле палачем имати по человеку из бояр и из окольных из стольников и из гостей и из гостини сотни по росписи именитых людей казнити.

л. 185

Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакия вины || не ведуше. Взяхша же первые из гостини сотни 7 человек и казниша их. Емше же осмаго, именем Харитона Белеулена, и не могоша на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен вельми. И возкрича ко царю рече з грубостию: «почто царю великий неповинную нашу кровь проливаеши?». И мнози псари приступиша пособити тем палачем, и едва возмогоша преклонити. Егда же отсекоша ему главу и спрянувши из рук их глава на землю, семо и овамо спрядывая, глаголаше несведомая. Труп же его скочи на ноги свои, и начат трястися на все страны, страшны зело обливая кровию окрест || сущих себе. И многи палачи збиваху тело оно с ног и никако же возмогоша. Но и падшая кровь, где пав, наипаче больма светляся и играя красно вельми, яко жива вопия и не отмываяся. Сие же виде царь усумневся и бысть страхом одержим и отиде в полаты своя. Палачи же по долзе времени не движуще никого без повеления царева, но ожидающе милости. И в 6 час дни вестник прииде от царя повеле всех пойманных отпустить. Они же от радости слезы испущающе, яко избыша нечаемая неповинныя смерти. Тако же и мучители оны, спрятавшие плахи и топоры, отыдоша в дома своя. Труп же || той трясыйся весь день и во 2 час ноши паде сам на землю. Во утрии же повелением царевым погребоша телеса их сродницы, каждо во своих.

л. 185 об.

л. 186

Обратимся к началу повести. Стоящая там дата ошибочна: казнь, вызванная смертью царевича от «злых изменников», происходит за 8 лет до его гибели. Перед повестью в летописи находится отдельное известие о смерти царевича, в котором также стоит ошибочная дата, сдвигающая убийство царевича на 9 лет раньше, чем это сделал Грозный. Возможно, что налицо ошибка «вульгарного» происхождения: описка данного писца или его предшественника. Но возможно и другое, более сложное происхождение этой двойной ошибки. Вполне допустимо, что дата повести «7082» относится только к ее основному содержанию, а слова о царевиче являются поздней вставкой. Проверим это предположение с максимальной осторожностью, рассуждая сначала от противного: слова о царевиче изначально были в повести, ошибки в датах — это простые описки и в обеих вместо ошибочной цифры «8» надо читать 9. Тогда летописное известие сообщает о смерти царевича в 7091 г., а повесть — о последующих событиях 7092 г. Именно такое исправление мы и видим в позднем списке (ГПБ, QXVII.252).

Но тогда встает вопрос: почему автор повести, решивший связать свой вымысел с фактом гибели царевича, тут же кладет между этим фактом и действием своей повести расстояние в два года? Встает и более серьезный вопрос, как увязать слова «царь . . . уразуме, яко сыну его . . . учинилась смерть от злых изменников» с содержанием повести?

Если были выявлены «злые изменники», виновные в гибели царевича, т. е. какие-то конкретные виновники, то почему «по росписи» стали хватать не их, а ни в чем не повинных представителей служилых сословий и купцов? Весь смысл повести состоит в том, что на казнь хватали невиновных, которым народ полностью сочувствует. Затем, после пролития крови нескольких безвинных, произошел случай, который заставил царя прекратить казнь. «Злые изменники», да и вообще вся эта история с царевичем, подрывающая с самого начала основной замысел повести и превращающая казнь из необоснованной в обоснованную, тут явно ни при чем. После такого начала вопрос Харитона Белоулина: «Почто царю великий неповинную нашу кровь проливаеши», — звучит странно. Речь в повести идет не о том, что вместо виновных за действительно имевшее место страшное злодеяние — убийство царевича по ошибке казнят других. Речь идет о казни без всякого реального и серьезного повода: «Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакие вины не ведуще». Народ не знал, в чем вообще дело, почему столько плах и палачей. Таким образом, выясняется, что слова о царевиче чужды содержанию повести в целом.

Посмотрим теперь, насколько органично они входят в текст повести. Обратим внимание на конструкцию начала повести. Мы увидим, что слова о царевиче (которые мы здесь даем в квадратных скобках) вставлены в середину даты и разрывают ее на две части: «В лето 7082-го [царь и великий князь Иван Васильевич уразуме, яко сыну его царевичю Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников и] на второй неделе, по пасце, во вторник, в утре, по указу великого государя, на Пожаре, среди Москвы» и т. д. Как видим, конструкция начала, если слова о царевиче изъять, отнюдь не теряет смысла и стройности, а, напротив, приобретает наиболее принятый вид, поскольку восстанавливается единство даты: «В лето 7082-го, на второй неделе, по пасце, во вторник. . .». Таким образом, предположение о том, что слова о царевиче являются поздней вставкой, является весьма реальным.

Можно легко представить себе, почему сюжет со смертью царевича был включен в повесть. Мы знаем, что во всех четырех дошедших до нас списках повесть находится в составе летописцев. Однако во всех четырех случаях это летописцы абсолютно различные, не имеющие между собой ничего общего. Отсюда следует, что наша повесть имела и самостоятельное, внелетописное происхождение и распространение. Значит, в момент включения повести в состав летописи должен был встать вопрос, куда же ее вставить, с каким историческим событием ее связать? Поскольку вопрос возник уже после смерти царевича, этот наиболее драматический факт эпохи Грозного вполне мог быть избран кем-то из первых летописцев, включивших повесть в качестве удачного суства, с помощью которого было удобно сочленить ее с летописью. В нескольких поздних летописях обнаружилось примечательное известие о казни Иваном Грозным в Москве, «на Пожаре», торговых людей. Примечательно оно тем, что в разных летописях блуждает по разным датам, пристегивается к разным событиям.⁶ Это обстоятельство указывает на то, что данное известие, как и повесть в своем первоначальном виде, имело также внелетописное происхождение,

⁶ ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146; 1408, л. 127 об.; F IV 228, л. 74

не было снабжено датой и не было связано ни с каким конкретным событием. Только в этом случае разные компиляторы могли оказаться перед одинаковым недоуменным вопросом, куда его вставить и с чем связать? Естественно, что каждый из них решил этот вопрос по-своему. Один отнес известие к 1555 г.: «Лета 7063-го государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел казнить торговых многих людей и гостей на пожаре многое множество казненных, где же ныне стоят храмы по рву на костях казненных и убиенных, на костях и на крови поставлены».⁷ Не приходится говорить, что ничего подобного в 1555 г. не происходило. Явно враждебный Грозному составитель этой летописи XVII в., новгородско-псковского происхождения, не хотел упустить рассказа о массовой казни торговых людей и, не зная, куда ее присоединить, выбрал очень неудачное место. Другой новгородский летописец XVII в. поместил это же известие под названием «Казнь на Москве от Ивана Васильевича» под 1581 г., между сообщением об осаде Пскова Баторием и известием о смерти в Слободе царевича Ивана Ивановича.⁸ Последнее обстоятельство особенно важно для нас. Оно наглядно подчеркивает, что в источнике данного известия никаких намеков на связь казни со смертью царевича не было. Даже оказавшись рядом, эти известия никак с ним не соединяются, хотя и помечены тем же годом. То, что рассказ о казни поставлен перед известием о смерти царевича, говорит о том, что в глазах составителя оба эти факта не были связаны между собой.⁹ С другой стороны, в этом соседстве ни с чем вообще не связанного известия о казни торговых людей с известием о смерти царевича безусловно заложено искушение помянуть их местами и поставить в причинную связь между собой: сначала умер царевич, а затем по этому поводу была казнь.

Попутно возникает вопрос, что из чего сделано — повесть о казни купца из этого известия или это краткое известие о казни торговых людей из повести? Нам представляется, что это известие является по отношению к повести вторичным, ее кратким летописным отголоском. Об этом свидетельствует уже сама хронологическая «неприкаянность» известия, отсутствие какой-либо связи его с конкретными историческими фактами, что для «прирожденного» летописного известия невозможно. Дальнейшее изложение покажет, что как раз повесть тесно связана с конкретными историческими событиями и полна таких реалий, которые можно было позднее исключить, как это и сделано в названных летописных известиях, но никак нельзя было бы заново выдумать.

Итак, мы пришли к выводу, что слова, связывающие казнь, описанную в повести, со смертью царевича, являются поздней вставкой, которая и делает дату, стоящую в повести, ошибочной. Изъяв эти слова из повести, что, как мы видели, делается текстологически совершенно безболезненно, мы устраняем явно ошибочный характер даты.

Благодаря такому толкованию можно объяснить и механизм двойной хронологической ошибки в тексте летописца, список которого находится

⁷ ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, 1408, л. 128. Эта рукопись описана С. Н. Азбелевым в статье «Светская обработка жития Александра Невского» (ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 147). Добавим, что эта рукопись явилась протографом так называемого Морозовского летописца, упоминаемого Н. М. Карамзиным (ГПБ, F.IV.228).

⁹ В так называемом Морозовском летописце (ГПБ, F.IV.228), являющемся списком с данной рукописи, также содержится это известие. Против него на полях рукой Н. М. Карамзина записано: «В других лет. „В Лето 7063 ... велел казнити ... на пожаре, иде же ныне стоят храмы по рву на костях казненных и убиенных и на крови поставлены“» Отсюда видно, что известие о казни торговых людей, ошибочно отнесенное к 1555 г., встречается часто.

в сборнике ГИМ, собр. Забелина, № 263. Предшественник составителя этого сборника списал известие о смерти царевича и повесть из разных источников. Это видно из того, что в летописном известии имя царевича пишется «Иоанн Иоаннович», а рядом в повести его имя, а также имя Грозного везде пишется «Иван». Очевидно, что в обоих этих текстах, расположенных в разных памятниках, не могло быть одинаковой хронологической ошибки. При включении повести в летопись встал вопрос, с каким летописным известием ее связать. Составитель — предшественник составителя сборника ГИМ, собр. Забелина, № 263 — счел, что казни, о которых говорит повесть, могли быть вызваны таким драматическим для царя событием, как смерть сына. Соответствующие слова он внес в текст повести вслед за ее датой, причем эта дата не была им поправлена. Это последнее обстоятельство скорее всего объясняется тем, что летописного известия о смерти царевича с правильной датой в распоряжении этого составителя не было. Таким образом, в его руки попал летописец, где была повесть о казни в связи со смертью царевича с датой «7082», но где впереди не было отдельного известия о самой смерти. Вот почему это известие он разыскал в другом источнике (где имя «Иван» писалось «Иоанн») и переписал его в свой летописец, перед повестью. При этом он «поправил» дату известия — «7090» на «7081», чтобы согласовать ее с датой повести «7082». Таково то единственное предположение о происхождении двойной хронологической ошибки в данном сборнике, которое простейшим образом объясняет все наши данные по этому вопросу.

Из всего сказанного вытекает, что дата «7082» была в повести до включения в нее слов о царевиче и, значит, должна направить наше внимание на 1573—1574 гг.

*

Обратим внимание на определение места, где произошла казнь: «на Пожаре». „Пожаром“, после набега Девлет-Гирея в 1571 г., стала именоваться площадь перед Кремлем, которая до того называлась Троицкой.¹⁰ Огонь охватил, однако, не только Троицкую площадь. После ухода татар вся Москва представляла собой сплошное пепелище. Об этом дружно свидетельствуют все, в том числе и официальные, источники: «И крымской царь посады на Москве зажег и от того огня ... оба города выгорели, не осталось ни единые храмины, а горела всего три часа».¹¹ Естественно, что в первые годы после этого страшного опустошения для обозначения площади возле Кремля недостаточно было просто сказать «на Пожаре», так как «пожар», погорелое место, был кругом. В то время еще необходимо было уточнение. Такое уточнение в повести есть: «на Пожаре, среди Москвы». Позднее, по мере новой застройки Москвы, это дополнение те-

¹⁰ В современных источниках наименование этого места «Пожаром» ранее 1571 г. не встречается. В некоторых списках Казанского летописца конца XVI—начала XVII в. это наименование однажды применено под 1553 г. Легко видно, что там налицо позднейшая обработка соответствующего текста Никоновской летописи в котором этого наименования нет. Ср.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 252; т. XIX. СПб., 1903, стр. 483. Можно сделать любопытное наблюдение: новгородский летописец XVII в., поместивший известие о казни торговых людей под 1555 г., был знаком с каким-то поздним списком Казанского летописца, ибо только в этих списках налицо комбинация 1555 г. «Пожара», «рва» и закладки там Покровского собора. В силу своей враждебности Грозному этот летописец ни словом не обмолвился о казанской победе, давшей повод к закладке собора. Вместо этого, как мы знаем, он вставил сюда рассказ о казни торговых людей. Ср. также: П. В. Сытин. Из истории московских улиц, изд. 3 М., 1958, стр. 71.

¹¹ Разрядная книга московских государей официальной редакции: ГПБ, Эрмитажное собрание, № 390, л. 370

ряет смысл и исчезает. Уже в 80-х годах оно сходит на нет. Составитель «Нового летописца», являвшийся современником событий этих лет, неоднократно употребляет наименование «на Пожаре», но ни разу не добавляет «среди Москвы». В то время это было и так ясно.¹² Наличие этого специального уточнения наводит на мысль, что наша повесть восходит к 70-м годам XVI в., когда оно было обязательным. На эту же мысль наводит отсутствие в повести слова «опричина». Царь выезжает на площадь вершить казнь «с сотники и стрельцы», но не с опричниками. Автор избегает этого слова, хотя сам царь представляется ему именно в опричном виде — «в черном платье». Вероятно, слово «опричина» отсутствует здесь потому, что повесть родилась вскоре после 1572 г., когда опричина была официально ликвидирована и переименована в «двор». Было запрещено употреблять название «опричина» и безусловно отряды царского войска в те годы так не именовались.

В этой связи становится понятным, почему главной карательной силой Грозного вдруг оказались псарь. Так же как «черное платье» царя, наименование «псарь» прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которых была песья голова, символизировавшая их собачью преданность царю и постоянную готовность выгрызть измену. С другой стороны, в XVII и следующих веках редко разбирались, в какие годы опричина еще была, а в какие ее уже не было. Поэтому в поздних описаниях казней и террора Грозного царь и опричина обычно неотделимы.

Если эти особенности правильно указали нам время создания повести, то естественно ожидать, что в ее содержании отразились события, предшествовавшие этому времени.

Вымышленный эпизод с трупом купца рассказан на фоне описания массовой казни, проведенной по повелению Грозного. В повести говорится, что «по росписи» было схвачено 300 человек бояр, окольных, стольников и гостей. Перед началом казни на площадь выехал сам царь во главе отряда стрельцов. Началась казнь, но часть обреченных была помилована и отпущена. Трупы казненных остались валяться на площади до повеления царя их похоронить.

В исторических источниках, сообщающих о событиях 70-х годов XVI в., мы находим буквально совпадающие во всех этих деталях описания реальных исторических фактов.

В июле 1570 г. происходили московские казни, завершавшие начатые в Новгороде репрессии, связанные с новгородским изменным делом. В «Сказании» современника-иностраница Альберта Шлихтинга рассказывается, что утром на площадь было выведено 300 человек «знатных мужей»¹³ — в повести 300 «именитых людей». Повторение в повести этого числа три раза — 300 плах, 300 топоров, 300 палачей — является типичным фольклорным приемом. Но избрание для этого повторения именно той самой цифры, что и у Шлихтинга, писавшего, как известно, свое «Сказание» непосредственно вслед за данными событиями, представляется неслучайным. Цифры, приводимые Шлихтингом, не вызывают сомнений. Напомним, что сообщенное им число жертв новгородского погрома вполне реально — 2770. Оно решительно отличается от всех других сообщений, явно преувеличенных: 27 000 у Таубе и Крузе, 60 000 в Псковской летописи, 700 000 у Горсея и т. п.¹⁴ Точность приводимых Шлихтингом цифр в рассказе об интересующей нас казни подтверждается и русскими лето-

¹² ПСРА, т. XIV, ч. 1. СПб., 1910, стр. 34, 47, 67, 69, 87, 108.

¹³ А. Шлихтинг. «Сказание». Новое известие о России времени Ивана Грозного. Под ред. А. И. Малеина. Изд. 3. М., 1934 (далее: А. Шлихтинг), стр. 45—46.

¹⁴ Там же, стр. 29 и примечания к ней на стр. 54

писями. Шлихтинг говорит, что в этот день были казнены 116 человек. В так называемом «Пискаревском летописце», опубликованном О. А. Яковлевой,¹⁵ названа примерно та же цифра — 120 человек. Кстати сказать, и все остальные детали этого рассказа летописи подтверждают описание Шлихтинга. Следующую деталь, сообщаемую повестью, — наличие специальной «росписи», по которой были схвачены для казни обвиняемые, мы опять находим у Шлихтинга. Перед казнью вышел «на середину дьяк тирана Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд туда внесенных».¹⁶

И наша повесть, и Шлихтинг сходно говорят о том, что трупы казненных лежали на площади до тех пор, пока царь не приказал их похоронить. Несомненно, что и это совпадение не случайно.

Можно себе представить, с каким ужасом обходили жители страшное место, заваленное мертвыми телами. Вероятно, мало кто мог заснуть в домах, его окружающих. Но никто, понятно, не смел и думать о захоронении мертвецов без повеления царя. Шлихтинг пишет об этом так: «Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения».¹⁷ Автор повести также сообщает, что погребение долго лежавших тел произошло по повелению царя. Но в его словах по этому поводу мы видим одно знаменательное отличие от Шлихтинга, и именно это отличие и свидетельствует в данном случае о том, что и Шлихтинг, и автор повести имеют в виду один и тот же факт. Автор повести не просто сообщает, что «во утрии же, повелением царевым погребоша телеса их», но особо подчеркивает: «сродницы каждо во своих». Это подчеркивание, что каждого похоронили родственники среди родных могил, обличает намерение автора противопоставить факту свального захоронения казненных другую версию. Такое намерение вытекает из замысла его повести. Случай с купцом Белоулиным для того и выдуман, чтобы показать, как царь в результате его смягчился, помиловал тех, кого еще не успели казнить, и, уже само собой, разрешил по-христиански похоронить казненных. Весь смысл повести был бы смазан, если бы герой ее, спасший сотни жизней, оказался бы брошенным в общую яму.

Совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести описание выезда царя на площадь во главе отряда конных стрельцов.

Наконец, самое главное, что совпадает в «Сказании» Шлихтинга и в повести, — это факт помилования прямо на площади части приговоренных. Шлихтинг пишет, что из 300 выведенных на казнь царь велел казнить 116 человек, а остальных 184 помиловал и отпустил. В повести иное соотношение: казнили всего 7 человек, восьмым был Харитон Белоулин, а всех остальных, после случая с ним, царь «пожаловал» — отпустил. Повесть не производила бы желаемого впечатления, не была бы художественным произведением, если бы автор, придерживаясь фактической точности, сначала переказал в своем рассказе человек 120 и только тогда заставил бы своего героя спасти остальных приговоренных. Важно, что в основе художественного вымысла автора повести мы опять находим реальный факт, имевший место в начале 70-х годов.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что авторы обоих произведений — люди разной психологии, разной творческой манеры, а главное ставившие перед собой диаметрально различные цели, создавая свои

¹⁵ Материалы по истории СССР, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955 (далее Пискаревский летописец), стр. 79.

¹⁶ А. Шлихтинг, стр. 46.

¹⁷ А. Шлихтинг, стр. 49.

сочинения, имели перед глазами одну и ту же картину и воспроизвели одни и те же основные ее детали.

Но если Шлихтинг написал свое «Сказание» в 1570 г., почти сразу вслед за событиями этого года, то наш автор писал несколькими годами позже. Его представление о больших казнях в Москве должны быть богаче, чем у Шлихтинга. Такие казни происходили в эти годы еще несколько раз, и в частности в 1573 г., когда на площади Кремля опять казнили «именитых людей», в том числе новгородского архиепископа Леонида.¹⁸ Эта казнь, как подчеркивает летописец, происходила в присутствии царя: «повелеша казнити на площади при себе боярина, князя Петра Куракина . . . и иных многих». Казнь совершалась отсечением голов, которые затем кидали по дворам многих знатных людей — князя Ивана Мстиславского, дьяка Андрея Щелкалова и др.¹⁹ Мертвые головы обретали на время самостоятельную судьбу и, хотя молчали физически, очень красноречиво говорили своим видом.

Наконец, последнее и наиболее важное для нас наблюдение об отражении в повести реальных событий начала 70-х годов. Казни 1570—1574 гг. были продолжением новгородских казней. Вместе с Висковатым и Фуниковым в 1570 г. казнили новгородцев, пригнанных ранее на следствие в Александровскую слободу: «А прочих новгородцев, опальных людей, повеле казнити на Москве».²⁰ Речь идет о новгородцах, последовавших за архиепископом Пименом. Не может быть сомнения в том, что за следующим новгородским владыкой, архиепископом Леонидом, на следствие и на плаху последовали и его земляки. Мы подчеркиваем это для того, чтобы напомнить, что именно в новгородском деле, в числе преследуемых, избиваемых и казненных Иваном Грозным оказались купцы. Еще до прибытия самого Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне «повелением государевым, во граде гостей и приказных людей государевых именитых и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставом держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи».²¹ Прибыв в Новгород, царь нагрянул на Торговую сторону. Вскоре царь «по всем торгам у торговых людей в лавках всякие товары повеле грабити, и лавки разсекати и до основания разоряти».²²

Известно, что после новгородского похода начался по Москве сыск всех, кто был связан с новгородскими изменниками. Купцы новгородские и купцы московские по самой сути своей деятельности, имели постоянные связи. Можно говорить не только о тесной связи отдельных лиц, но и вообще о связи новгородского купечества с московским. Безусловно, что не только в подозрительном воображении Грозного, но и на деле связи новгородского и московского купечества не всегда были чисто коммерческими. Таким образом, не может быть сомнения, что среди сотен жителей столицы, схваченных за их связи с новгородскими изменниками, не малую часть составляли московские купцы, жители московского посада.

Отражение в повести конфликта Грозного с купечеством также указывает на события начала 70-х годов как на ее реально-историческую основу.

В Переписной книге Посольского приказа 1626 г. изложено дело о казнях 1570 г. Этот источник содержит в основном те же данные, какие мы

¹⁸ Пискаревский летописец, стр. 81 и прим. 89.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПСРЛ, т. III. СПб., 1879, стр. 345.

²¹ Летописец новгородский церквам божьим: ПСРЛ, т. III, стр. 339.

²² А. Шлихтинг также сообщает о погроме купцов в Новгороде и о том, что среди казненных в Москве в 1570 г. были купцы (А. Шлихтинг, стр. 30).

находим и у Шлихтинга, и в нашей повести: «Столп, а в нем статейный список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году, на Ноугородского архиепискупа, на Пимена, и на новгородских дячков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве с бояры . . . и в том деле многие кажнены смертью . . . а иные розосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло, и те свобожены, а иные помилованы. Да тут ж список, ково казнити смертью, и какою казнию, и ково отпустить . . . и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город, на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити».²³ Как видим, совпадение основных деталей этого официального документа с рассказом современника-иностранца и с историческими реалиями повести полное. Напомним, что ни до, ни после 70-х годов подобных массовых казней в XVI в. не происходило, и, таким образом, в повести отражены именно эти казни.

При чтении повести бросается в глаза преимущественное внимание автора к купеческому сословию. Купцы не только поставлены на одну доску с князьями и боярами, но подчас играют даже более важную роль, чем они. С купцов начинается казнь. Героем повести, спасшим множество обреченных, в том числе князей и бояр, является купец. Трудно допустить, чтобы подобную позицию явного «завышения» роли купцов занимал представитель боярства, дворянства, или духовенства.

Повесть про купца Харитона Белоулина несомненно родилась в купеческой или околкупеческой среде, на городском посаде. Автор повести был москвичом, современником описанных им событий. Мы видели, что в ткань повести обильно вплетены разнородные подлинные детали событий, бесспорные исторические реалии. При этом ранний вид повести не содержит ни ошибок, ни анахронизмов. Они, как мы увидим, появились в повести, как только она попала в руки поздних переписчиков и вышла за пределы Москвы. Такая точность в исторических деталях была бы едва ли достижима для лица, узнавшего об описанных им событиях с чужих слов.

*

Повесть, вызванная к жизни событиями, связанными с Новгородом, со временем нашла распространение и в самом Новгороде, и в его владениях. Рассказанное в ней должно было еще долго находить живой отклик в сердцах поколений новгородского купечества. Поэтому вполне закономерно, что два из четырех известных нам списков повести новгородского происхождения.

Один из этих списков, поступивший в ГПБ в 1958 г., находится, как уже говорилось, в сборнике, вернее в отрывке сборника, конволюта конца XVII—начала XVIII в., в 8°, на 16 л., сшитых веревкой сравнительно недавно, возможно в XX в. Водяные знаки не видны, текст написан скорописью различных почерков. При составлении листы перепутаны. Л. 1 являлся, согласно старой пагинации сборника, 89-м; л. 5, на котором начинается повесть, был 74-м; последний, 16-й, был 84-м. Отсюда ясно, что составитель сборника действовал механически, не зная буквенной пагинации и не умея читать тексты, связность изложения которых он нарушил.

О содержании всего сборника на основании дошедших 16 листов судить нельзя. Тем не менее есть данные, позволяющие связывать его происхождение

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М—Л, 1950, стр. 480—481.

ние с Новгородом. Рукопись прибыла из Пустозерска, являвшегося в свое время новгородским владением. На новгородское происхождение данного списка указывает и его текст, совпадающий с текстом в сборнике ГПБ, ОСРК, Q.XVII.252, новгородское происхождение которого очевидно. Этот сборник также является конволютом, соединившим рукописи в основном конца XVII и частично XVIII в. (лл. 251—253, 255—282 об.). Рукописи, относящиеся по почерку ко второй половине XVII в., написаны на бумаге с водяными знаками XVII в.²⁴ На листах летописца с интересующей нас повестью просматривается нижняя часть водяного знака — крупные, слитно написанные буквы «ЛИК», отнесенные Н. П. Лихачевым к 1727 г.²⁵ Сборник насчитывает 289 лл., в. 4°. Он был составлен и переплетен в XIX в., о чем свидетельствует переплет XIX в. — картонный с кожаным корешком и наличие в середине рукописи л. 254 с водяным знаком «18...» (последние две цифры неразборчивы).

В этом сборнике много новгородских повестей и рассказов: о белом клубуке, об основании Новгорода. Внутри летописца, в который включена повесть, большинство известий посвящено Новгороду: о княжении великого князя Ярослава Владимировича в Новгороде, о преставлении Александра Невского, о приходе Ивана Грозного в Новгород, о приходе его в Вологду и наказании вологодских именитых людей.

НОВГОРОДСКИЙ ВИД

По списку ГПБ, КП, 1958. 217

По списку ГПБ, ОСРК, Q XVII,
252

В лето 7091 года преставися благоверный царевич Иоанн Иоанович.

В лето 7092 государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич позна что смерть случися сыну его царевичю Иоанну от изменников. И того же года, на другой недели по пасце во вторник поутру на царстве восташа людие и видеша на Красной площади у лобного места уготовано триста плах и в плахах триста топоров и стоят у плах триста палачев московского государства. Князи и бояре и гости и всякого чина людие, видевше таков страх, одержимы быша боязнью великою, проливающе аки реку слезы и не смеяху || людие друг ко другу приближитися, или друг со другом слова глаголати страха ради царева. Толке глаголаху: «Господи помилуй!».

л. 5 Князи и бояра и гости и всякого чина людие страхом одержими быша и трепетом — что есть от царя вина на царство видяще, что на казень приуготовлено. И бысть в скорби велицей и слезы точаще людие и не смеяше друг ко другу приклонитися и слова изрещи, страха ради царева, и глаголаху: «господи помилуй!» И на 3 часе дни из царских хоромов выехал сам царь и великий князь Иван Васильевич в черном платье и на черном коне, своими

И в третей час дне ис царских полат выехал сам государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич в черном платье на черном кони з

²⁴ Герб с почтовым рожком и короной (Лихачев, Бум. мельн., табл. 105, № 697, 1681 г.).

²⁵ Лихачев, Бум. мельн., табл. 82, № 575.

стрельцы и холопы и со псари и повеле палачам имать 100 князей, 100 бояр, 100 гостей болших именем по розписи и на плахи клонити. Людие московстии быша в велицей погибели, неведуще за какую вину. И схватиша преже гостяной сотни 7 гостей на плахах || сказниша. 8-го именем Харитона Белоулина взяв и невозмогша склонити, собою велик, черн власы, образом страшен и кричуще ко царю: «почто еси неповинную нашу кровь изливаеши!?». И з грубостию глаголя. И псари выскочиша пособити палачем и отсекоша ему главу. Глава же спряну от них и язык лепечуще спрядывает от земли. Труп же воста на ноги, нача трястися страшно. И збивая с ног его палачи и никако же возмогша стронить. Царь же усумнеся и страхом одержим и погна с своими холопы и со всеми стрельцы и псари за Неглинную, во свои царьские хоромы. Палачи же стоя недвижуще никого без повеления царева. И не много время, на 6 часу, от царских хоромов гонит скорый гонец || и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «государь пожаловал!». Палачи же розпустиша пойманных всех князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася все во своя дома, славяще бога. Труп же той трясущеся весь день и на 2-м часу нощи падоша. На утрие же мертвых телеса спряташа по повелению цареву.

своими служилыми людьми и со псари и повеле палачем имати сто человек князей, сто человек гостей больших и меньших, да сто человек бояр по росписки. Людья ж московстии в нечаянной погибели неведуще за кую вину сие бысть? И ухватиша палачи седем человек гостей на плахи и сказниша. Осмаго ж, именем Харитона Белоулина взяша, и не возмогша на плаху его склонити собою, понеже велик бе телом, черн власы, страшен образом, кричаще глаголя: «почто, царю, нашу || неповинную кровь, за которую вину изливаеши?». И со гневом царь и псари прискочи пособити палачем. И склониша его на плаху и отсекоша ему главу. Глава же отпряну от тела и языком летчуши спрядывая от земли. Труп же его вскочи на ноги и нача трястися страшно. И збиваху труп с ног палачи и никако не возмогша трупа свалити. Царь же усумнеся страхом одержим, погна на кони за Неглинную в царские полаты. Палачи же стояще никого без повеления царева на казняху. И не по многом времени, на шестом часу дни, от царских полат гонит гонец, кличет голосом зычно и шапкой машет, глаголя: «государь, царь пожаловал!». Палачи же розпустиша всех пойманных князей и бояр и гостей и плахи спряташа и разыдошася в дома своя радостны || труп оный Харитона Белоулина трясущеся на ногах весь день. И на втором часу нощи сам паде. На утро же по появлению цареву мертвых телеса спряташа.

Существенное отличие этого вида состоит в появлении здесь ряда поздних наименований. Вместо «Пожара» здесь уже видим «Красную площадь». Это наименование появилось, как известно, не ранее 1661—1662 гг.²⁶ Тем самым этот вид бесспорно датируется второй половиной XVII в. Еще более интересно то, что здесь в обоих списках появилась характерная ошибка, которой не могло быть и нет в повести москвича-современника: царь с площади уезжает в свой дворец за реку Неглинную. Дворец этот, как известно, был сожжен полностью в 1571 г. и больше не

²⁶ П. В. Сынтин Из истории московских улиц, стр 71

возобновлялся.²⁷ Значит, во время казни «на Пожаре» дворца уже не было. Эта ошибка чисто книжного происхождения, сделанная составителем летописной компиляции, включившей повесть на основании знакомства со старыми летописями, откуда он и вычитал о дворце за Неглинной.

В обоих списках этой редакции фамилия героя повести не «Белоуленев», а «Белоулин». Добавилась и внешняя характеристика Харитона Белоулина, не отличающаяся высокой художественностью и скорее отдающая ходячим штампом: «черн власы, образом страшен». Зато выпало хотя и жуткое, но художественное описание крови, разбрызгиваемой во все стороны качающимися на ногах трупом: «... и падшая кровь, где пав наипаче больма²⁸ светляся и играя красно велми, яко жива вопия и не отмываяся». В этих словах, опущенных поздними переписчиками, виден истинно художественный прием — создание обобщения, впечатления о невинности казненного, с помощью, казалось бы, чисто внешнего описания.

В обоих списках второй редакции есть и одно характерное дополнение. Автор повести как истинный художник был краток. Сказав о приготовленных плахах, он в нескольких словах отмечает: «Московстии и же князин и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду страхом одержимы быша». Страх народа накануне казни безусловно имел место и поэтому отмечен. Но не он предмет описания. Поэтому о нем сказано кратко. Вспомним, что именно так, почти дословно так, создавая ту же картину того же времени, писал и замечательный русский писатель XIX века А. К. Толстой. В стихотворении «Василий Шибанов» он описывает в мрачных тонах московское утро. И здесь царь в черной («смирной») одежде, и здесь ничего хорошего не предвещает его усердное названивание в колокол:

И звону внимает московский народ,
И молится полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

Настроение народа выражено кратко и вместе с тем исчерпывающе: «молится полный боязни». Ровно три слова. Так же говорится о людях московских в ранней редакции повести: «страхом одержимы быша». Ровно три слова.

Иное мы видим в поздних списках. При соприкосновении с книжной традицией от этой высокой краткости не осталось и следа. Указание на страх народа дало повод прибавить сюда несколько традиционных книжных штампов: «проливающие аки реку слезы и несмеяху людие друг по другу приблизитися, или друг со другом слово глаголати, страха ради царева. Только глаголаху: „Господи помилуй“».

²⁷ П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I, 1147—1762 М., 1850, стр. 56. — Сообщив об этом, П. В. Сытин делает примечание, что в Пискаревском летописце, опубликованном О. Л. Яковлевой, есть свидетельство, что царский дворец за Неглинной был восстановлен. Это суждение является необоснованным. Оно не подтверждается ни одним свидетельством о пребывании Грозного в дворце за Неглинной после 1571 г. Оно противоречит данным о том, что взамен сгоревшего дворца был поставлен новый на Петровке (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 44—45). А главное, такой вывод вовсе и не вытекает из сообщения Пискаревского летописца. Там под 1598/99 г. сказано: «...того же году поставлен другой земский двор за Неглинною, блиско Успенского вращка, у мосту, против старого государева двора, где после князь Дмитрий Шуйский жил» (Пискаревский летописец, стр. 103). Прочитать здесь, будто «старый государев двор» был восстановлен и что именно в государевом дворе поселился князь Дмитрий Шуйский, совершенно невозможно. Ясно, что речь идет об определении места. Сначала там был «государев двор», а потом на том месте или рядом поселился князь Шуйский. Важно, что на месте «старого двора», как дополнительно ясно из данного известия, не был выстроен «новый» и что Грозный там наверняка не жил после 1571 г.

²⁸ Так в рукописи.

Бросается в глаза существенное отличие всех поздних списков от раннего варианта и в конце повести. Во всех этих списках опущены слова о том, что на утро всех казненных похоронили «сродницы каждо во своих». Эта деталь, безусловно важная, как мы видели выше, для автора-современника, для поздних переписчиков потеряла актуальность и значение.

Небезынтересно отметить и некоторые различия между списками новгородского вида. В первом имя царя и царевича пишется «Иван», во втором — «Иоанн». В первом все количественные понятия, а также часы выражены цифрами, что ближе к раннему виду. Во втором цифры заменены словами. В первом Грозный выезжает «с стрельцы, холопы и псари». Во втором «стрельцы и холопы» объединены в «служилых людей». В первом говорится, что палачи стали хватать в числе других 100 гостей «больших именем». Во втором эта формула превратилась в «больших и меньших». Очевидно, что «и меньших» — результат плохого прочтения слова «именем». Эти, а также другие наблюдения приводят к выводу, что эти тексты по времени располагаются в такой последовательности: текст, представленный первым списком — ГПБ, КП. 1958. 217, предшествовал тексту второго — ГПБ, ОСРК. XVII. 252, который является результатом его незначительной переработки.

Четвертый список повести содержит еще одну особую редакцию. Данный список находится в составе рукописи ГИМ, № 3996. Эта рукопись является даром неизвестного лица, в 1938 г. Она называется «Сибирский сборник» и, согласно вложенному в него описанию, сделанному в музее, датируется первой половиной XVII в. Что касается названия сборника, то происхождение его неизвестно, а что касается датировки, она, к сожалению, ошибочна. Дело в том, что сборник вообще является конволютом, составленным из разновременных написанных и механически переплетенных вместе частей. Некоторые из них, например лл. 278—295, явно относятся к XVIII в., другие — ко второй половине и к концу XVII в. Наличие в отдельных частях сборника водяных знаков 30—40-х годов XVII в. не дает, естественно, оснований датировать конволют в целом первой половиной XVII в., как это сделано в описании ГИМа. Летописец, в составе которого находится повесть, написан почерком второй половины XVII в., вернее всего последней четверти. Всего в сборнике 295 лл., в 4°. Многие листы были разорваны и теперь реставрированы.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Список ГИМ, № 3996

В лета 7091-го благоверный царь, государь и великий князь Иван л. 253
Васильевич всеа России распалився в кручине, и непощаде сына
своего — на смерть предаде благовернаго царевича Ивана Ивановича
всеа России. Но не сам бо царь сына своего на смерть предаде, но
злые изменники лестными словесы подмовылися царю и великому
князю Ивану Васильевичу всеа России на благовернаго царевича
Ивана Ивановича.

|| Того же 91 го году, по светлом воскресерге Хрисгове, на второй л. 253 об
неделе во вторник, во царствующем граде Москве, востав людие из
за утра и узрев на пожарище стоят царевых триста палачей и триста
плах перед ними лежит — у коегож палача плаха. И триста топорков
вотнуго, уготовлены на казнь людем. Люди же московские — князи
и бояря и торговцы и всяк возраст человеческий от велика и до
мала, мужеский пол и женский || бысть трепетны и страхом одер- л. 269

жимы бежом и плачась, только в тайне и друг другу втайне глаголаху: «что есть от людей, ко царю вина? За кою вину на людей от царя опала, уготовлены палачи на казнь людям?» И не домысляху вины на людей. И бысть людия в сетованье и в скорби велицей и плачась горько и моляся токма богу. И в полутрия того дни приехав из царских хором сам царь, государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси своими царскими холопи, доброхоты и стрелцы стреманными к тому пожарищному месту и стрелцы нача имать сто князей, сто бояр и сто торговцев больших гостей. И по повелению цареви нача палачи на || плахах казнить с торговцев прежде Людем же всем предстоящим ту с трепетом и страхом одержими, но токмо в тайне слезы изливающе свои, а не смеюще никто же друг ко другу глаголати страха ради царева, но токмо всяк во уме своем держаще: «за кою вину бысть сия казнь?». Палачи же, показня торговцев трицеть семь человек, и взяв восьмаго торговца именем Харитона Алексея Лавренского. Харитон же нача вопияти велие гласом ко царю и глаголюще: «за кою вину, царю, возложи гнев свой на нас и проливаешь кровь нашу неповинную? Мы вины на ся не обретаем» ... и много изглаголя ко царю встречныя глаголы з грубостию при смертном часе. || Палач же един не возмогоша его на плаху возложити: противляхуса палачу и добр бе телом и высок возрастом, власы черны, лицем бе страховит. И похватив его шестью палачи и возложиша на плаху, отсекоша главу ему. И глава ж его воспрянув и нача от земли спрядывать, а язык лечуше.²⁹ А труп тела его вскочи на ноги стоя и нача страшно трястися. Палачи же збивая труп с ног его, но никак не возмогоша с ног збити и главы утолти И бысть страшно труп трясущиися и главы от земли восскачущи Царь же устранился велми. И своими царскими холопи и доброхоты на конех поехав || за Неглинную реку во свои царския хоромы Палачи же не казня стоят и вси людие устрашился велми видя таковое бывшее чудо. И в том же часе от царя из-за Неглинныя реки пригна скорый гонец и изглаголил палачем царское слово: да не казнят ни единого человека — государь пожаловал. И отпустиша всех связанных князей, бояр и достальных торговцев. И славя все бога и пречистую его мать и московских чудотворцев. Труп же той трясущися, на ногах, но сам паде в второй час ночи и бысть мертв. И по повелению цареви погребоша их всех.

Первое, что бросается в глаза при изучении рассматриваемой редакции, — это замена фамилии героя. Харитон Белоуленев превратился теперь в Харитона Алексея Лавренского или, надо полагать — в более исправных списках, Лавренского. В таком виде эта фамилия приобретает церковный оттенок, что не случайно.

Отличительная черта этой редакции — ярко выраженный церковный характер. Церковный налет сказался на языке повести. «По пасце» стало теперь «по светлом воскресении христове», схваченный купец «нача вопияти велие гласом». История с казненным купцом рассказана здесь уже как чудо. «И все людие устрашишася велми, видя таковое бывшее чудо . И славя вси бога и пречистую его мать и московских чудотворцев». Последние слова прямо указывают на московское происхождение данной редакции. Вспомним, что и весь сборник ГИМ, № 3996, подобно сборнику ГИМ, собр. Забелина, № 263, не содержит, в отличие от двух предыдущих, никаких признаков новгородского происхождения. В этой редакции

²⁹ Так в рукописи

повесть имеет и наиболее верноподданнический характер. Начало ее являет теперь образец хитроумного и лицемерного полупризнания и полуютрицания виновности самого Грозного в смерти сына: «благочерный царь, государь и великий князь Иван Васильевич . . . распалился в кручине и не пощаде сына своего — на смерть предаде . . . но не сам бо царь сына своего на смерть предаде, злыи изменники лестными словесы подмовылися царю . . . на благоверного царевича Ивана Ивановича». Составитель данной редакции снял с Грозного и черное платье, в котором он выступает в других списках. Никаких псарей в царской свите нет. Это, видимо, пока-

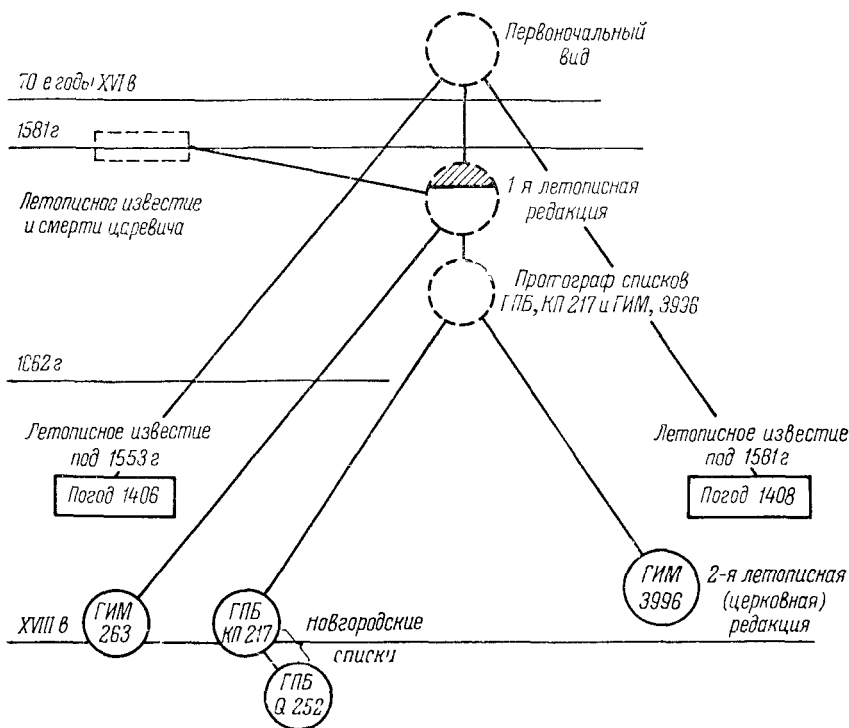

Схема взаимоотношения редакций и списков Повести про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина

залось несолидным. Царя окружают его «доброхоты». Очень важно, что в данной редакции отсутствуют Красная площадь и Лобное место, появившиеся в новгородских списках. Казнь происходит здесь по-прежнему на «Пожарищном месте». С другой стороны, здесь, так же как и в новгородской редакции, говорится о Неглинном дворце и дано, так же как там, пространное описание страха и молитв народа перед казнью. Здесь это описание дополнительно расширено более чем в два раза (в нем около 50 слов).

Из этого ясно, что новгородские списки и редакция в списке ГИМ, № 3996 имели общий протограф, где фигурировал дворец за Неглинной и был пространно описан народный богомольный плач. Но в этом протографе еще не было «Красной площади», появившейся в третьей редакции. Таким образом, он был написан до 1661 г. и относится к первой половине XVII в.

Этот общий протограф, переработав раннюю редакцию, сам стал объектом двух разных переработок (см. рисунок).

Нам осталось отметить некоторые художественные особенности повести. Ее близость к фольклору видна уже с первых строк в повторе — 300 плах, 300 топоров и 300 палачей, в списке ГИМ, № 3996 сказано даже «триста топорков». Типично фольклорный прием применен и в описании того, как собирали на казнь: каждый палач «имал» по одному человеку «по росписи», и, таким образом, набралось 300 человек.

Иван Грозный в повести наделен многими народно-песенными чертами, которые мы знаем из некоторых исторических песен. Здесь же присутствует типичное для ряда поздних исторических песен описание того, как царь испугался ужасного результата своей жестокости, в данном случае жизнедеятельности обезглавленного трупа, и ускакал от места казни в свои палаты.³⁰ Тем не менее в повести нет налета враждебности по отношению к Грозному. Она проглянула лишь в одном из списков (ГПБ, Q.XVII.252), где говорится, что царь лично вместе с псарями помогал пригнуть голову жертвы к плахе. То, что такое дополнение появилось именно в новгородском списке, вполне понятно: лишний раз проявилась долго жившая в Новгороде ненависть к Грозному, знакомая нам по характерному новгородскому циклу исторических песен о нем.

Язык повести лаконичен и яростен, а отдельные места достигают большой художественной силы. Замечательно сказано, например, что после отъезда царя «палачи же подолзе времени не движуще никого». В словах «не движуще» заключена значительно более полная картина, чем в словах «не казняху», которыми некоторые поздние переписчики заменили их. Впрочем, в поздних списках встречаются свои яркие детали. В одном из новгородских списков палачи никак не могли «стронить» труп; это сочетание в одном слове «сронить» и «стронуть» очень выразительно. Иначе, но тоже хорошо сказано об этом же в списке ГИМ, № 3996: «никако не возмогаша труп с ног збити и главу утолити».

У нас нет никаких данных, а следовательно и ни малейшего намерения утверждать прямую связь повести с позднейшими произведениями русской литературы, в частности с «Песней про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и с «Василием Шибановым» А. К. Толстого. Более того, можно думать, что ни тот, ни другой поэт эту конкретную древнерусскую повесть не читал. Тем не менее в их произведениях есть общее с повестью. Выше уже приводилось место из повести о народном страхе перед казнью, которое очень схоже с соответствующим описанием А. К. Толстого. Образ гонца, издали машущего шапкой, вновь невольно напоминает слова А. К. Толстого о появлении В. Шибанова:

Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.

Исходя из того, что повесть не была известна писателям XIX в., можно тем сильнее лишний раз поражаться их глубокому проникновению в дух исторической эпохи. Не зная о существовании данной повести, М. Ю. Лермонтов, интуицией гениального художника, нащупал конфликт между купцами, возглавлявшими городскую посад, и царской властью, с ее служилыми людьми, псарями и кирибеевичами. Он создал образ смелого прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калашникова, который не согнул головы ни перед царским слугой, ни перед самим царем. И эта демократическая линия великого поэта в описа-

³⁰ Ср. В. К. Соколова Русские исторические песни XVI в. — В кн. Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян М., 1951, стр. 18

нии событий XVI в. вплотную сблизила его с литературным произведением самого XVI в., вышедшим из самой тогдашней демократической, посадской среды. Купец Харитон Белоулин во многом отличается от купца Степана Калашникова. Но есть между ними и общее — оба они могучие силачи из народа, с которыми не справиться царским слугам, оба они сложили голову на плахе после того, как говорили в глаза царю «прямые речи», оба они подняли голос против насилия, произвола царя и его слуг. В обоих случаях этот голос раздался не из среды боярско-княжеской оппозиции, из которой мы его слышали не раз, а снизу, из среды московского посада.

Все то, что сближает эту маленькую повесть с произведениями большой русской литературы последующих веков, свидетельствует в свою очередь о ее собственных высоких достоинствах.

В заключение хотелось бы сделать один важный, на наш взгляд, вывод. Создание и широкое распространение в XVI—XVII вв. повести про купца Харитона Белоулина наряду с другими произведениями подобного рода свидетельствует о появлении в то время на Руси широкого читателя. Интерес этого читателя к истории не мог удовлетворяться прежним летописанием. Фундаментальные и официальные летописи не удовлетворяли ни количественному спросу, ни вкусам нового читателя. Возникла потребность в массовой, а значит популярной и увлекательной, книге. Мы видим, как начиная со второй половины XVI в. на смену монументальным летописным памятникам приходит многое множество кратких летописей, летописцев и летописчиков. В них коротко и доходчиво рассказываются основные факты отечественной истории. При этом исторические факты в них свободно мешаются с легендами и прямым вымыслом. Беллетристика, еще не вылупившаяся из летописной скорлупы, тем не менее все громче и чаще о себе заявляет. Изучение этой внутрिलетописной, внутриисторической беллетристики XVI и особенно XVII в. является интересной и важной задачей историков литературы. С другой стороны, как это видно на примере повести о купце Харитоне Белоулине, произведения такого жанра полны исторических реалий. Уже став произведениями литературы, они не теряют значения исторических источников.

М. А. САЛМИНА

«Сказание об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник

В статье «К вопросу о происхождении „Сказания об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы“»¹ говорилось, что «Сказание» в своем первоначальном варианте представляло собой находящееся в составе летописца сочинение, которое мы назвали «рассказом о начале Москвы».

Выделившийся из летописца «рассказ о начале Москвы» четко разделяется на две части: первая подробно описывает убийство князя Даниила Александровича сыновьями боярина Кучки при участии княгини Улиты Юрьевны, вторая рассказывает об «отмщении» за смерть Даниила, о казни Кучки с сыновьями и Улиты, а в заключении сообщает об основании на месте «сел красных» боярина Кучки города Москвы.

Главным героем «Сказания» является князь Даниил Александрович Суздальский. Немалая роль в «Сказании» отведена и его брату Андрею Александровичу Владимирскому, мстящему за смерть Даниила. Как можно понять, это сыновья Александра Невского, жившие в XIII в. и умершие в самом начале XIV в. Даниил считался родоначальником московских князей. Москву в удел он получил не позднее 1283 г. О нем известно, что он участвовал в различных военных союзах, то действуя заодно со своим старшим братом Андреем, то переходя в группировки, враждебные последнему. Портретной его характеристики летописные записи не дают. Умер Даниил 4 марта 1303 г.²

Однако все то, что рассказывается о Данииле в повести, с его биографией ничего общего не имеет. В «Сказании» он выступает как князь «суздальский». Он умирает насильственной смертью и раньше, чем основывается Москва. Единственно достоверное из сообщений о нем — это то, что Даниил имел сына Ивана, будущего Ивана Калиту.

Далек от своего исторического прототипа и герой второй части «Сказания», повествующей о мести Кучковичам и княгине за смерть Даниила, — его брат Андрей Александрович Владимирский. Исторический князь Андрей — брат Даниила Александровича, занимал великокняжеский стол с 1282 г. с перерывами. Как свидетельствуют известия летописей, с братом своим Даниилом он не всегда был в миролюбивых отношениях; в вопросе обладания переяславским княжеством он сделался даже его противником. Умер Андрей в 1304 г., годом спустя после смерти Даниила.³

В «Сказании», однако, князь Андрей предстает далеко не в историческом освещении. От истории в «Сказании» о нем осталось лишь то, что

¹ М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 231—234.

² Л. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 2. СПб., 1891, стр. 273—275.

³ Там же. т. 1, СПб., 1889, стр. 53—58.

он князь Владимирский, имеющий сына Георгия и брата Даниила Александровича.

Таким образом, становится очевидным, что изображение обстоятельств, сопутствовавших основанию Москвы, какое мы имеем в «Сказании», не имело исторической основы. Предстоит решить вопрос о возможных литературных источниках, использованных автором «Сказания», и выяснить способ обработки этих источников.

Еще С. К. Шамбинаго заметил, что в ряду источников «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» главная роль принадлежит «Повести о зачале Москвы». ⁴ Однако в «Сказании» основная тема «Повести о зачале Москвы» — создание Москвы «на крови» оказалась на втором плане и убийство князя стало поводом к дальнейшим событиям — убийству Кучки и основанию на месте его сел города Москвы. Так была нарушена историческая (или по крайней мере закрепленная преданием) последовательность фактов, предшествовавших основанию Москвы и связанных в дальнейшем с обстоятельствами, при которых возникла будущая столица Русского государства. Но этим не ограничивается в «Сказании» отход от истории и даже от той ограниченной «историчности», какая все же выдержана автором «Повести о зачале Москвы». События, имевшие место в середине XII в. (основание Москвы Юрием Долгоруким) и в 1170-е годы (убийство Андрея Боголюбского и месть за него брата убитого — Михаила), перенесены в XIII в. и включены в вымышленные биографии сыновей Александра Невского.

Таким образом, в общем плане автор «Сказания» отошел от последовательности рассказа «Повести о зачале Москвы». Но в построении отдельных частей связь обоих произведений обнаруживается без труда, сохраняется она и в отдельных деталях. Проследим за характером этой связи.

С. К. Шамбинаго отметил близость вступительных строк «Сказания» (названных им эпиграфом) к словам «враждующих соседей» из предисловия к «Повести о зачале Москвы», однако он допускал, что эти строки были «ходячим выражением» и потому могли проникнуть в «Сказание» независимо от «Повести». ⁵ Вряд ли, однако, два автора, независимо один от другого, могли включить именно в начало своего рассказа на одинаковую тему одно и то же «ходячее выражение» (других случаев употребления его в литературе нам неизвестно). К тому же отголоски «Повести» встречаются в разных частях «Сказания», и поэтому нет основания и вступительные строки его отрывать от этого источника. Но С. К. Шамбинаго не отметил того, что из всего остро публицистического и притом окрашенного полемикой с «враждующими» предисловиями к «Повести» автор «Сказания» воспользовался лишь этими словами: «И почему было Москве царством быть и кто то знал, что Москве государством слыть». Не отметил исследователь и того, что в передаче автора «Сказания» эти слова потеряли тот оттенок иронического сомнения, какой они имеют в «Повести», где они вложены в уста «враждующих», не допускающих, что Москва может слыть великим царством. Если в «Повести» предисловие выражает основной замысел произведения — Москва — третий Рим и создана она, как и оба древних Рима, «на крови» и дальнейший рассказ доказывает эту мысль, то в «Сказании» вступительные строки, вырванные из контекста, не связаны так органически с последующим изложением и тему основания великой столицы «на крови» не выделяют как особо важную. Может быть,

⁴ С. К. Шамбинаго. 1) Повести о начале Москвы. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 83—91; 2) История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 247—249.

⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 83.

с этим связана и перестройка всего плана повествования: о крови, пролитой на месте основания Москвы, рассказывается лишь в конце произведения и безо всякой ассоциации с обстоятельствами построения «ветхого» и «нового» Рима.

Схема первого эпизода «Сказания» — описания убийства князя Даниила — несомненно навеяна рассказом «Повести» об убиении Андрея Боголюбского: в обоих произведениях убийство совершают сыновья Кучки, им помогает жена князя, носящая то же имя Улита (хотя и с новым отчеством — Юрьевна). В речи испуганных Кучковичей есть даже прямой отголосок «Повести»: братья, представляя себе, как князь отомстит им за злодеяние, говорят Улите: «а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростриляной» (в «Повести» князь Михаил «повеле княгиню повесити на вратех и растреляти ю изю многих луков»).⁶

Однако эта общая обоим произведениям схема разработана автором «Сказания» совсем по-новому, с привлечением иных литературных источников. Напомним, что «Повесть» построила рассказ об убийстве князя Андрея, воспользовавшись сложившимся издавна в литературе агиографическим образом князя Боголюбского и украсив сцену убийства хронографической картиной убийства императора Никифора Фоки. Иные литературные и фольклорные припоминания питали воображение автора «Сказания», стремившегося увлечь читателя драматичностью рассказа об убийстве Даниила, но совершенно отбросившего всякие попытки сохранить в этом рассказе оттенки историчности.

Мы уже видели, что героем этого эпизода оказался князь Даниил, названный Суздальским, хотя исторический Даниил владел Москвой, — по «Сказанию», и самая Москва была заложена уже после смерти князя. Не внеся в изображение Даниила ничего исторического, автор «Сказания» не воспользовался и характеристикой князя Андрея «Повести» (и предшествующей «Повести» литературной традиции). В Данииле «Сказания» нет ничего аскетического, идущего от агиографической традиции, нет и следов его идеализации в духе «Степенной книги». Даниил лишен определенной характеристики в «Сказании» — можно уловить лишь некоторую его доверчивость: он «жаловал» Кучковичей, не замечая, что они «зжилися любезно» с его вероломной женой; не подозревая обмана, он отдает «наперед» свой перстень «перевощику». Он растерялся — бросил коня в лесу, еще не добежав до Оки-реки. В то же время он угрозой отобрал сыновей у боярина Кучки.

Сняв с Даниила налет прижизненной святости, автор «Сказания» вынужден был и самому конфликту его с женой дать иное объяснение. В «Повести» аскетические наклонности Андрея вызывают озлобление страстной княгини. В «Сказании» пылкая любовь Улиты к обоим красавцам Кучковичам является причиной ее желания убить мужа, стать свободной. О возможном источнике такой ситуации скажем ниже.

Но если Даниил «Сказания», в отличие от Андрея «Повести», при жизни не представляется читателю святым, то, невинно убитый, он после смерти изображается автором «новым мучеником», подобным трем старшим — Борису, Глебу и Святославу, убитым братом Святополком. Так, в круг литературных источников автора вступает произведение, широко использованное затем при описании мести князя Андрея Александровича

⁶ В «Сказании» еще добавлено: «или в землю по плечь живой быть закопаной». Это бытовая деталь: в Уложении 1649 г. (Полное собрание законов Российской империи, т. 1. СПб., 1830, гл. 22, ст. 14) читаем: «а будет жена учинит мужу своему смертное убийство . . . и ее за то казнити, живу окопати в землю и казнити ее такую казнию безо всякия пощады».

за смерть брата. Есть основание признать таким источником «паримийное чтение» о Борисе и Глебе. Именно здесь рядом с рассказом об убийстве Бориса и Глеба сообщается, что Святополк «приложи еще убити Святослава в горе Угорьстей и бежавъшу ему в Угры». Может быть, автор «Сказания» был недостаточно осведомлен и не знал, что к лику святых были причислены только два брата, и, прочитав, что Святополк «уби» и Святослава, занес в святые и третьего брата. В одном из списков «паримийного чтения» (список А) сохранился и тот именно эпитет Святополка «поганый полк (а не «поганопълк», как в основном), который перенес наш автор в «Сказание».⁷

Из повести перенесен в «Сказание» боярин Кучка со своими двумя сыновьями. Находясь в услужении при дворе князя Даниила, Кучковичи, как и в «Повести», пользуются любовью князя (там они находились в «велицей чести»), одного из них князь «пожаловал в стольники, а другаго — в чашники». Как и в «Повести», в убийстве своего князя Кучковичи участвуют вместе с его женой княгиней Улитой. Однако если в «Повести» участие Кучковичей в преступлении можно было бы объяснить желанием их отомстить за ранее убитого отца, то в «Сказании» мотивировку убийства ими князя автор перенес в иную область: они любовники княгини Улиты Юрьевны. Самыми красивыми юношами «во всей русской земле» не случайно назвал их автор «Сказания», развивая краткое определение внешности Кучковичей в «Повести» — «лепы зело». Необыкновенная «красота лица их» и возбудила к ним страсть Улиты Юрьевны.

Из текста «Сказания» неясно, кто был зачинщиком заговора против князя — там глухо сообщается, что «Кучка боярина дети со княгиней» «здумали извести князя». Однако из дальнейшего следует, что Улита, а не юноши решительнее стремилась довести дело до конца. Хотя Кучковичи, «аки волци лютии», гнались за раненым князем, однако они действовали «в торопях», «во ужасти», поэтому дали ему скрыться и сразу раскаялись, что затеяли «злое дело смертное». Их душевное состояние автор изображает именно как раскаяние перепуганных мыслью о наказании преступников: «быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жива с побоища ранена», они в ужасе представляют себе, как будет мстить им князь Андрей «с войским», как «принята будет от них злая казнь разноличная и смерть лютая»; они признаются, «что напрасно здумали зло на князя неправедно». Кучковичи, следовательно, сами оценивают весь заговор как «неправедное зло». И только наученные Улитой, как с помощью «пса выжлеца» найти князя, они снова «злаго ума от тоя злоядницы ... наполнишася» и обнаруженного псом князя «мочи и копы прободоша», «отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша тело его». В доказательство смерти князя они «привезли ризу кровавую» Улите и зажили с ней «в прелюбодействии».

Этим трусливым исполнителям замыслов княгини противостоит решительная, не останавливающаяся перед преступлением, чтобы удовлетворить свою страсть, «Улита Юрьевна», прототипом которой несомненно является жена князя Андрея из «Повести о зачале Москвы». Однако автор «Сказания» уделил больше внимания характеристике Улиты, усилил ее роль в преступлении, резче осудил ее.

Смело заменив столкновение аскета князя с чувственной женой рассказом о любви княгини к двум красавцам Кучковичам, толкнувшей Улиту на убийство мужа, автор «Сказания» в самом изображении этой любви

⁷ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы, вып. 2 Пгр., 1916, стр. 118, вар. 54.

полностью держится старой традиции религиозно-дидактической литературы. В каждом упоминании о неверной жене автор прибегает к ярко осудительной лексике, прямо подсказывая читателям оценку поведения Улиты. В рассказе о «блудной похоти», как называет автор любовь Улиты и Кучковичей, он использует все старые средства и дидактического, и хронографического стиля. Виновник этой связи — «дьявол», который «уязви» Улиту и «вложи в сердце» ее «злые мысли на мужа своего»; «дьявольским и сотониным новождением» она «блудною похотью возлюбив» братьев Кучковичей; после убийства «Кучковы дети ... немного жиша со княгиней той в бесовском возжелении, сотониным законом связавшись, удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодеестве». Князь Андрей даже в молитве о помощи перед битвой с Кучковым войском прибегает к той же осудительной лексике. Он просит бога о мести «на злых сих блудников наложников тоя бляди Улитки несытых их плотских блудных скверных грязных похотей, бесовских угодных дел связанья их сотонина закона». Подобно Святополку окаянному «та блядь Улитка своего чрева блудных скверных похоти несытовство власти на един час в бескорывство прим, не токмо небеснаго царьства отринувся, но и сего света власть и злато, и сребро и ризы многоцешныя отрицув, но возлюби скверность блудную, похоть чрсу, несытность, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева похоть скверную выля, невеста готовитце окаянному Святополку, во дне адове от сотоны дьявола закон приемлют во веки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

Таким образом, «романтическая тема» раскрыта в «Сказании» в духе старой традиции, без всяких попыток проникнуть в душевный мир героев, охваченных сурово осуждаемой автором «любовною похотию». Отношение окружающих к поведению преступной жены выражено в рассказе о том, как казнили Улиту «всякими муками розноличными» и затем предали ее «смерти лютое»: «она, злая, такового безтудства детеля бога не убоаяся, и вельмож всяких людей не усрамышася, а от добрых жен укору и посмеху не постыдишася, мужа своего злой смерти предала». Так выступает традиционное противопоставление «злой жены» «добрым женам».

Наличие мотива любовной измены в «Сказании» позволило С. К. Шамбинаго в своем исследовании⁸ сблизить «Сказание» с рассказом из «Ветрограда» Симеона Полоцкого «Мечь», в котором помимо других сведений о героине рассказывается, как она решилась отравить мужа, чтобы соединиться с другим. Однако подобная параллель не кажется нам убедительной. Героиня Росимунда хотя и не прочь соединиться с Лонгином, но о любовном влечении ее к нему в рассказе речи нет. О красоте Лонгина ничего не говорится. Это Лонгин влюблен в Росимунду и ради того, чтобы «с нею жити», сулит ей золотые горы. К соединению с ним и убийству мужа Росимунду толкает не любовь, а обещание Лонгина Италией «страною владети и лонгобарды в нашей области имети».⁹

Нам представляется, что к «Сказанию» в этом эпизоде гораздо ближе другая параллель. Блещущие красотой молодые люди, княгиня, пошедшая на убийство мужа ради любви к ним — все это не может не напомнить ситуацию, имеющую место в рассказе Хронографа о Никифоре Фоке. Там Феофана убивает Никифора Фоку, так как «привязавшись любовию»

⁸ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 85—86.

⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарий И. П. Еремينا. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 29—31.

к Цимисхию, приближенному императора, славившемуся, по-видимому, своей красотой (царица заставила мужа «въдати» ему «красоту правую»). Именно рассказ Хронографа, а не тот, о котором говорит С. К. Шамбинаго, возможно, и подсказал автору «Сказания» иное, чем в «Повести», объяснение причины убийства князя. Рассказ этот могла напомнить ему «Повесть о зачале Москвы», от которой отталкивался автор «Сказания» в своем повествовании. Построив на любовной основе рассказ о разыгравшейся в семействе князя Даниила драме, автор «Сказания» окончательно отошел от истории. В «Сказании» при далеко «не историческом» князе еще и Кучковичи оказались не мстителями за смерть отца, объединившимися с злобной княгиней, а любовниками ее (при этом сразу оба!).

Решительно изменив причину конфликта между князем и его женой, автор «Сказания» и самую картину убийства построил вне зависимости от «Повести», введя в свое повествование отголоски каких-то местных преданий об обманщице перевозчике и рассказов о верном псе, невольно отдавшем своего хозяина в руки его врагов. Единственное, что, быть может, связывает это новое изображение убийства даже не с «Повестью», а скорее с ее источником — сказанием «о убиении Андрея Боголюбского», — это постепенное развитие событий: князь убит не сразу; раненый, он скрывается от врагов; убийцы напуганы, ищут князя и добивают его там, где он спрятался.

Однако, даже если автор «Сказания» в какой-то мере и последовал за историческим источником — летописной повестью «о убиении Андрея Боголюбского», излагая рассказ об убийстве князя, в самом изображении картины убийства нет и доли историчности.

Картина убийства в «Сказании» развернута в нескольких красочно описанных эпизодах. Первое столкновение князя с убийцами автор изобразил на охоте, куда Кучковичи пригласили князя — «ехати поля смотрити зайца лову», — с тем чтобы убить его. Но им удалось лишь ранить князя. Далее в повести рассказывается, как, скрывшись от Кучковичей в лесной чаще, князь побежал в направлении реки Оки и, «добежав до перевоза», хотел переправиться на ту сторону. Однако перевозчик проявил коварство: взяв плату с князя в виде перстня, он «отпехнувся в перевозне за Оку-реку и не перевезе его».

Остановившись на этом эпизоде и обратив внимание на то, что «от Суздаля ... до ближайшей излучины Оки километров около ста шестидесяти», С. К. Шамбинаго писал: термин «Ока-река» в повести «явно несообразен»; по-видимому, «сюда притянута ... окская легенда». Таковой С. К. Шамбинаго посчитал легенду о Петре митрополите, ехавшем в Орду и при переправе через реку Оку около Алексина обобранном «перевозниками» (они сняли с него крест, так как у него не оказалось денег, чтобы заплатить им). «Поступок окских перевозчиков с митрополитом легенды и князем новеллы («Сказания», — М. С.), — писал С. К. Шамбинаго, — идентичен по мотиву грубого лихоимства».¹⁰

Возможно, С. К. Шамбинаго и прав, считая, что в эпизоде с перевозчиком «Сказания» следует видеть отражение местной окской легенды; необязательно только, думается, надо связывать его с легендой о митрополите Петре. Однако проводить параллель между «перевозом» «Сказания» и переправой молодца через реку в песне «Добрый молодец и река Смородина» — у С. К. Шамбинаго есть намек на попытку это сделать — было бы неправильным. Не говоря о том, что самые «условия» перевоза в обоих произведениях различны (в песне сама река перевозит молодца),

¹⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 86.

не совпадают и задачи, для которых сцены переправы через реку введены в эти произведения. В песне с молодым мотив перевоза служит формой героизации молодца; его в конечном счете «непереправа» означала, что «в нем нет важных нравственных качеств, столь необходимых настоящему герою».¹¹ В «Сказании» «непереправа» князя через реку — это просто препятствие на пути преследуемого князя: автор ввел это препятствие только для того, чтобы оттянуть развязку и драматизировать события.¹²

Лишенный возможности переправиться на тот берег, «бояся за собою людей погонщиков», князь бросился бежать вдоль реки. Приближалась ночь, необходимо было где-то укрыться, но «пусто было место в дебри». И вот наконец князь наткнулся на «струбец», где был погребен «упокойный мертвый». Это было единственное убежище и «забыв страсть от мертвого», князь «влезе в струбец той, закрывся» в нем и «почии» в нем всю «нощь» до утра.

Является ли этот эпизод отражением какой-то местной, может быть окской, легенды или он придуман самим автором, трудно сказать, но прав С. К. Шамбинаго, что вся картина темной осенней ночи в лесу, описание ночлега раненого князя в срубе с мертвецом, «явно рассчитана на возбуждение чувства жуткого» и «дает, может быть, один из наиболее ранних образов романтического приема изложения с целью вызвать у читателя определенное настроение».¹³ Добавим, что особый интерес с точки зрения развития художественного мастерства представляет в этом эпизоде «Сказания» пейзаж, который уже сам по себе углубляет тревогу читателя за судьбу героя.

«Струбец», где «ухоронися» князь, не спас его от смерти. Растерявшиеся сначала, затем ободренные своей любовницей, Кучковичи отправились с псом-выжлецом в погоню за князем. «Побежав пес зле Оку-реку» по следам хозяина «и добежав до того струпа упокойнаго, где ухоронися князь», «забив ... главу ... в струбец». Увидев в нем хозяина, пес «нача ему радоватись ласково»,¹⁴ и убийцы «скоро скача», сорвали «покров струбца того» и «люто» расправились с князем.

Лишенное историчности описание убийства князя Даниила выполнено художественно правдиво и убедительно рисует доверчивого князя, не подозревающего ни коварных замыслов Кучковичей, ни возможности быть обманутым перевозчиком, трусливых убийц, растерявшихся, когда князь скрылся от них, настойчивую злобу княгини и даже радость «пса-выжлеца», нашедшего любимого хозяина. Каковы бы ни были литературные и фольклорные источники автора, он сумел в этом эпизоде создать вымышленную, но художественно правдивую и в целом, и в деталях картину убийства, выразительно охарактеризовать всех участников этого события, внушить читателю самим способом изображения свою оценку их. Литературное умение автора «Сказания» в повествовании о семейной драме князя

¹¹ Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочасти». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 233.

¹² Но и в тех песнях с мотивом перевоза, где присутствует перевозчик, самый эпизод с переправой несет по сравнению со «Сказанием» совершенно иной смысл и служит иным художественным задачам (см.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 81—82 («Князь Роман и Марья Юрьевна»), стр. 109—110 («Девушка бежит из плена»)).

¹³ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 87.

¹⁴ Останавливая свое внимание на «бегущем» псе, который при виде своего хозяина бросается к нему и тем самым выдает его убийцам, С. К. Шамбинаго высказывал следующее предположение: не могло ли на появление в «Сказании» пса-выжлеца «повлиять сравнение Кучковичей в хронографической повести («Повести о зачале Москвы», — М. С.) „яко следящи пси бросаются они на князя“»

Даниила оказалось выше, чем у его предшественника, еще робко приспособившего рассказ Хронографа об убийстве императора Никифора Фоки к биографии Андрея Боголюбского.

Вторая часть «Сказания» имеет темой «начало Москвы», которому предшествует «отмщение» за смерть Даниила. Связующим звеном между первой частью «Сказания» и изображением мести князя Андрея является вымышленный рассказ о «верном слуге» Даниила Давыде Тярдемиве, который «втай» берег два месяца малолетнего сына Даниила Ивана, а затем «отаи ношью» «паде на конь и гнав с ним скоро ко граду Володимеру». От него-то Андрей и узнал о случившейся с Суздаде драме.

В «Сказании» мстителем за смерть Даниила выступает князь Андрей. Картина «отмщения» убийцам в «Сказании» построена по образу «Повести». «Но вскоре убийцы суд постиже», — начинает «Повесть» свой заключительный рассказ об убийстве во Владимире: «прииде из Киева во Владимир брат его Михаил Юрьевич и изби убийцы брата своего ... и телеса их вверже в езеро, а жену его повеле повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков».¹⁵ В «Сказании»: «но скоро доходит весть (об убийстве) в Володимер-град ко князю Андрею Александровичу!». И «зжалися» князь «по брате своем», «собра ... в Володимере ... своего войска ... и поиде ко граду Суздалю», «взяв княгиню Улиту и казня всякими муками розноличными», а Кучка-боярина с его детьми «всякими казнями розноличными лютыми». Но если в «Повести» описание картины «отмщения» сделано очень кратко, то в «Сказании» оно разрослось в целое повествование. Литературным прототипом для повествования об «отмщении» убийцам автор «Сказания» избрал один из рассказов о святых мучениках Борисе и Глебе, где имела место тема «отмщения».

Выше было указано, что автор «Сказания», отказавшись от изображения святости князя Даниила при жизни, за мученическую смерть приравнял его к трем братьям — сыновьям Владимира Святославича, убитым Святополком. Отмечено, что в этом сопоставлении он опирался на «паримийное чтение» о Борисе и Глебе. Тот же источник широко использован и в рассказе об «отмщении», где князь Андрей Александрович действует подобно Ярославу Владимировичу, мстящему за смерть братьев. В отличие от других частей «Сказания» в этом эпизоде связь с литературным оригиналом выступает вполне отчетливо. «Аки князь Ярослав» перед битвой, Андрей, узнав об убийстве своего брата Даниила, «воздев руце на небо», обращается к богу с молитвой помочь ему отомстить «кровь неповинную ... брата Даниила». Подобно Ярославу Андрей собирает «своего войска пять тысяць» и идет сначала к граду Суздалю, где правляется с Улитой, «казня» ее «вякими муками розноличными и предаде ея смерти лютое». Там к нему присоединяются «суздальцев три тысячи войска», которые, как когда-то новгородцы Ярославу, говорят Андрею: «можем тебе, князю Андрею, пособьствовати на слых тех изменников». С ними Андрей направляется в «красные села» боярина Кучки Стефана Ивановича, где нашел себе убежище Кучковичи. «Не вдолге» пришлось Андрею с ними «боем битися», «не было у Кучка боярина круг красных его сел ограды каменные ни острогу деревянного». Его самого и сыновей его заковали в «железа крепкие и казнили его и з детми его всякими казнями розноличными лютыми»; в довершение все «именье» и «богатства» его «разграбиша». Так неисторически в «Сказании» был отмщен неисторический князь Даниил.

¹⁵ Выше (стр. 274) указано, что это описание казни Улиты вошло в размышления напуганных неудачей Кучковичей.

Настигнув уби́йц в «селах красных» их отца, Андрей Александрович по примеру Юрия Долгорукого «Повести» решает основать на этом понравившемся ему месте город. Связь с «Повестью» в изложении этого события в «Сказании» сохраняется. «На утрии» «посмотрив по красным селам и слободам», «те села и слободы ему красны полюбилися и мысля во уме своем уподобися ту граду быть» («в Повести»: «обозрев с нея (с горы) очима своима семо и овамо ... и возлюбив села оны и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град»). По воздвижении деревянной церкви «святыя Богородицы честнаго и славнаго ея благовещенья» «благодарный» князь Андрей приступил к основанию «града» «около тех красных сел по Москве-реке, бога себе в помощь призывая». В постройке города участвовали «суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные»: «Божиею помощию» «в лета 6799 месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона» город был построен.

Мы убедились, что на всем протяжении «Сказания» сохранились следы его связи с более ранней «Повестью о зачале Москвы». Однако с этим своим основным источником автор «Сказания» обращался свободно, не подчиняясь ему. Прежде всего снята оказалась публицистическая идея «Повести», основание Москвы изображается не для доказательства того, что Москва — третий Рим создавалась при тех же условиях, при каких возникли «ветхий» и «новый» Рим. Автора «Сказания» интересуют сами по себе те драматические события, которые предшествовали основанию столицы Русского государства. Главное внимание его обратилось не на то кровопролитие, какое произошло на месте будущего города и могло доказать, что Москва возникла «на крови», как оба старших Рима. Автор развернул вымышленный рассказ о событиях в Суздале и его окрестностях, событиях, оказавшихся причиной кровавой битвы в «красных селлах» боярина Кучки. Порвав совершенно с историей, автор «Сказания» создал вымышленное повествование о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Хотя мотивировка преступления, совершенного Кучковичами и княгиней Улитой, сведена в «Сказании» только к стремлению любовников избавиться от князя-мужа (в «Повести» Кучковичи имеют основание ненавидеть князя, отец которого убил их отца), однако сам рассказ об убийстве Даниила выполнен художественно убедительно, авторская оценка участников событий умело передается читателям, драматизм повествования нарастает, подготавливая к трагической развязке, а описание «отмщения» должно вызвать чувство удовлетворения у читателя — все преступники наказаны. И даже убийство боярина Кучки, слабо мотивированное в предании об основании Москвы, включенном в «Повесть», в «Сказании» логически и психологически оправдано: он укрыл у себя уби́йц Даниила.

Утратив историчность, отбросив публицистический замысел, «Сказание» превратилось в занимательное повествование о цепи трагических событий, предшествовавших основанию Москвы. Здесь даже события, в которых сохранились глухие отголоски исторических фактов более позднего, чем дата основания Москвы, времени (убийства Кучковичами Андрея Боголюбского), начинают ряд происшествий, завершившихся закладкой будущей столицы.

Но вымышленные события внешне еще прикреплены к историческим фактам, вымышленным героям даны исторические имена, хотя хронология при этом решительно нарушена. По сравнению с «Повестью о зачале Москвы» «Сказание» гораздо ближе к сказочно-исторической, чем к исторической или к историко-публицистической повести. В такой сказочно-исторической манере в середине и второй половине XVII в. обрабатывался материал и русской, и византийской — через Хронограф — история.

Н. С. САРАФАНОВА

«Прение верного инока с отступником»

(Из истории старообрядческой литературы XVII в.).

В сборнике конца XVII в. ГПБ, О. XVII. 37,¹ на лл. 37—39 об., находится любопытное старообрядческое сочинение, которое условно можно назвать «Прением верного инока с отступником».

«Прение» привлекает внимание и как памятник истории начального периода старообрядчества — 70-х годов XVII в. (оно дает материал для характеристики «властей» и методов их расправы со старообрядцами), и как своеобразное произведение старообрядческой литературы, в котором нашли отражение новые принципы повествования, возникшие в старообрядческой литературе того времени.

Находится «Прение» в той же тетради сборника, что и два других старообрядческих сочинения, известных в единственном списке в дефектном виде: «Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)» и письмо инока Епифания, опубликованное А. К. Бороздиным.² Все эти три сочинения расположены вместе, следуют одно за другим на лл. 35—39 об., написаны одним и тем же скорописным почерком конца XVII в. и образуют единую группу в составе сборника.

«Прение верного инока с отступником» дошло до нас неполностью: вследствие утраты предшествующих листов недостает начала его, текст начинается со слов: «Верный же инок начат ему глаголати...». При позднейшем переплете рукописи листы были перебиты (их надо читать в следующем порядке: лл. 37 об., 37, 38—39 об.).

«Прение» написано в начале 70-х годов XVII в., как об этом можно судить по упоминанию в нем о деятельности некоторых церковных «властей», «добрых», как иронически характеризует их сочинение, к старообрядцам: Павла Крутицкого (умер 9 сентября 1675 г.),³ «чюдовского архимарита Иоакима» Савелова (находился в этом сане до 22 декабря 1672 г.⁴), рязанского митрополита Илариона (Иларион был первым рязанским митрополитом, хиротонисан 13 июня 1669 г., до этого — архиепископ рязанский (с 1657 г.); умер 6 июня 1673 г.⁵). Эти данные, казалось бы, довольно точно определяют время написания «Прения»: после июня 1669 г. (дата хиротонии первого рязанского митрополита Илариона) и до 1673 г. (22 декабря 1672 г. Иоаким Савелов уже перестал быть чудов-

¹ Крайкое описание сборника см. в нашей публикации «Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)» (ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 481).

² Христианское чтение. М., 1889, январь—февраль, стр. 240.

³ П. М. Строев Списки российских иерархов. СПб., 1877, стр. 1036.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 416.

ским архимандритом). Однако по причинам, которые будут указаны далее, следует более осторожно подходить к вопросу о датировке «Прения» и правильнее относить его к началу 70-х годов XVII в. «Прение» весьма выразительно устами «отступника» характеризует тот период взаимоотношений «властей» и старообрядцев, когда постановлениями соборов 1666—1667 гг. было разрешено казнить противников церковной реформы «градским казнением» и начались массовые репрессии: «Добр на вас ныне царь, горазд он вас бити кнутом да огнем жечьчи, да ребра ломать ... все власти те на вас добры, немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками».

«Прение» посвящено одной из проблем, чрезвычайно волновавших старообрядческий мир: правильно, «истинно» ли крещение, совершаемое по новому, никоновскому обряду, можно ли считать христианами людей, крещенных «по-нынешнему»? Вопрос о крещении рассматривался в сочинениях почти всех идеологов старообрядчества.⁶ «Житие инока Корнилия» (XVIII в.) сообщает о специальном соборе, «советовании», в Москве по вопросу о «никоновском крещении», участниками которого были Спиридон Потемкин, протопоп Аввакум, дьякон Федор, Досифей и другие видные деятели старообрядчества.⁷ В решении поставленной проблемы автор «Прения» разделяет взгляды большинства учителей старообрядчества: Спиридона Потемкина, дьякона Федора, инока Авраамия, Лазаря.⁸ Отталкиваясь от слов Василия Великого: «Креститися подобает, якоже прияхом, а веровати, якоже крестихомся» — и слов апостола Павла: «Един господь, едина вера, едино крещение», — автор стремится доказать, что отказ от старого обряда крещения означает отказ и от христианства в целом, переход на позиции новой, «никоновской» веры. Автор «Прения» решительно отрицает возможность какого бы то ни было компромисса с «отступниками отеческого предания».

«Прение верного инока с отступником» выделяется из большого количества старообрядческих сочинений на ту же тему своими литературными достоинствами.

«Прение» рассчитано отнюдь не на читателя-богослова, оно направлено к широкой массе поборников «старой веры» и прежде всего к ее демократическим слоям. «Верный иннок», выражающий идеи неизвестного писателя, называет «простолюдинов» «отцами и праотцами нашими». Поэтому автор стремится убедить читателей в правильности своих воззрений не с помощью ссылок на авторитет священного писания и святоотеческой литературы, а посредством чисто логических построений; аргументация его отличается простотой и стройностью. Выяснив у «отступника», считающего себя христианином «по крещению», что и все крестившие его были «истинные» христиане, «понеже не христианин христианина врна не может створити», и что христианами являются все те, кого крестил «отступник» по-новому, «верный» замечает: «То почто не тако крещены, якоже ты, и равны их себе твориши, их же крещение вовсе разно от твоего крещения, им же ты крещен еси? И по сему разньству два иматъ быти крещения.

⁶ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в истории старообрядчества XVII в. СПб., 1898, стр. 132—142.

⁷ «Житие инока Корнилия» по рукописи ГПБ, Q.I 401, л. 168.

⁸ Протопоп Аввакум занимал иную позицию; признавая неправильность нового обряда, он, однако, не переставал считать его христианским и находил возможным не перекрещивать заново лиц, крещенных в «никоновской» церкви, а лишь довершать обряд по-старому (см.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в истории старообрядчества XVII в., стр. 139).

Егда два крещения, то две и веры имуть быти». Продуманной системой вопросов «верный иннок» заставляет «отступника», энергично спорящего с ним, прийти в противоречие с его собственными утверждениями. Не будучи в силах опровергнуть последнего довода «верного»: если он сам хочет перекреститься по «нынешней новой вере», то надобно «и святых отец крестити, от них же мы научени суще, и прежде бывших царей, и патриархов, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всякого священническаго и иноческаго чина, и престолюдинов, отец наших и праотцов, и нынешняго царя ... подобает ... сызнова крестити», — «отступник» вынужден грозить расправой и бежать от спора, «яко бес и не простяся».

Для доказательства своего взгляда на «нынешнее крещение», которое «великия злобы злейше есть», автор избрал форму «прения» — одного из излюбленных жанров полемической литературы. Используя некоторые формальные приемы «прения», и прежде всего диалог, который строится с помощью стереотипных вводных фраз: «верный рече», «отступник рече», — или просто обозначений спорящих: «верный», «отступник», — автор, однако, несколько отходит от традиционной формы «прения» и создает произведение, отмеченное рядом особенностей, свойственных той части старообрядческой литературы, в которой происходит преобразование традиционных форм под воздействием возникших новых требований к литературе.

Какие же это особенности?

В «Прении верного инока с отступником», кроме двух спорящих героев, присутствует еще и третье лицо — автор. Автор выступает как очевидец, свидетель этого спора: «верный ... нам про их козни много на пользу душам сказал. Аз же, грешный, и вам не поленился се известно сотворити». Авторское «я» сообщает всему рассказу о споре «верного» с «отступником» особо доверительный, интимный тон. Повествование от лица рассказчика-очевидца не встречается в обширной литературе «прений». Это один из характерных приемов старообрядческой литературы, широкое использование которого было вызвано отчасти чисто практическими задачами убеждения, стоявшими перед ней. Так, в «Прении» этим литературным приемом достигались две цели. Во-первых, это было лишним свидетельством правдивости, достоверности того, о чем только что поведал автор. Во-вторых, автор получал возможность прямо, «в лоб» высказать свое отношение к рассказанному: «и нам даждь, владыко, утверженьем быти во единой истинной вере и не прелгатися, якоже они, отступницы». Отмеченная особенность «Прения» имеет принципиальное значение для изучения старообрядческой литературы: она является выражением особой тенденции в развитии художественных норм старообрядческой литературы — принципа автобиографизма.

Писатель нарушает традицию книжного стиля «прения» и тем, что стремится иногда передать спор с помощью оборотов устной речи. Так, «отступник» спрашивает у своего противника: «И ноне что мя новым нынешним крещением поносиши?» — или кратко отвечает: «Аз убо по нынешней новой вере паки бы перекрестился». Особенно интересна в этом отношении заключительная часть спора, когда «отступник» начинает грозить «верному» расправой «властей»: «власти те на вас добры, немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками, а иное-каменiem в зубы, да и бороды теребит горазды. Да кабы и ты попал им в руки, был бы ты мякок» и т. д. Просторечие в данном случае выступает как своего рода средство характеристики, показатель невежественности, «грубости» «отступника», но само стремление фиксировать разговорную речь в литературном произведении весьма знаменательно для старообрядческой литературы.

Заключительная часть спора привлекает внимание и своим ироническим оттенком. Царь и «власти» «добры» к старообрядцам, как язвительно замечает «отступник», «горазды» их «бити кнутом да огнем жечьчи да ребра ломать». Иронический оттенок речи, разговорность стиля «Прения», резкая характеристика «властей» сближают «Прение» с произведениями демократической литературы.

Все эти особенности «Прения верного инока с отступником» выступают особенно ярко при сравнении его с сочинением Спиридона Потемкина «Прение двух христиан». ⁹ В «Прении» Спиридона Потемкина спор также идет о крещении и также имеет своей посылкой слова Василия Великого: «Крестится подобает, яко прияхом, а веровати, яко крестихомся». ¹⁰ Сходна и расстановка спорящих противников: «первый» христианин — твердый сторонник старого обряда, «другий» сам крещен «добре», а теперь крестит других по-новому. При идентичности темы обоих «Прений», при одинаковом решении вопроса об отношении к новому обряду крещения нельзя не увидеть существенных различий между этими произведениями. Может быть, «Слово» Спиридона Потемкина, сочинения которого пользовались большим авторитетом у старообрядцев, и подсказало неизвестному писателю саму форму «прения». Но сходство в разработке темы на этом и кончается. «Слово» Спиридона Потемкина полностью следует книжной традиции. Строго выдержаны рамки «прения»: вводная фраза, предшествующая диалогу, сообщает о прении двух христиан «о словеси святого Василия Великаго», последняя фраза диалога — призыв «первого» христианина течь» в терпении «на предлежащий подвиг» — заключает «Слово». Речи спорящих, сугубо книжные (они могли быть только написаны, но не произнесены), весьма пространны, изобилуют ссылками на Евангелие. Наконец, иным является сам ход прения. Если в «Прении верного инока с отступником» почти отсутствует объяснение, почему же «нынешнее крещение» — «зло», и внимание сосредоточено на доказательстве непоследовательности сторонников церковной реформы, то «Прение двух христиан» Спиридона Потемкина насыщено подробными объяснениями, почему символ веры, читаемый при новом обряде без слова «истинный», не действителен, как велик авторитет Василия Великого и его сочинений, почему необходимо строго соблюдать заветы бога и т. д.

Ощутимо дает себя чувствовать тот факт, что «Прение» Спиридона Потемкина написано до собора 1666—1667 гг. ¹¹ В нем отразились более терпимые отношения между защитниками и противниками церковной реформы, чем в «Прении верного инока с отступником»: здесь нет еще резкого противопоставления спорящих. «Другий» — тоже христианин, он лишь «двоедушен» по собственному признанию. «Яко аз добре крещен есть и добре сердцем верую, но токмо в словах „страха ради челоуеча претыкаюся“, да не изгнан буду...», — говорит он, ¹² и, признавая правоту «первого»,

⁹ Полное заглавие сочинения следующее: «Слово богомудраго старца Спиридона Потемкина написано, прение о двух христианинах» [см.: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 35 (55), лл. 9—21 об. (XVIII в.)].

¹⁰ П. С. Смирнов не использовал этого сочинения Спиридона Потемкина при обзоре взглядов учителей старообрядчества на крещение (П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в истории старообрядчества XVII в., стр. 132—142); видимо, оно не было ему известно.

¹¹ Точное время написания «Прения» неизвестно, во всяком случае до 2 ноября 1665 г. (дата смерти С. Потемкина). Нужно поэтому отметить неточность утверждения П. С. Смирнова, что «вопрос о никонианском крещении возник в расколе уже после 1667 г.» (П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в истории старообрядчества XVII в., стр. XV).

¹² БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 35 (55), лл. 13 об.—14.

отказывается от сопротивления властям, так как «слабострастен ... и весьма малодушен».¹³ К нему еще возможно обращение «возлюбленне!». «Отступник» «Прения верного инока с отступником» — уже непримиримый враг, еретик, который молчит, не сумев возразить, или грозит расправой.

Сопоставление этих двух, внешне, казалось бы, таких сходных произведений, дает дополнительный материал для суждения о различных тенденциях в старообрядческой литературе и о характере этих различий. Если одна часть старообрядческих писателей (Спиридон Потемкин, инок Феоктист, Герасим Фирсов и др.) строго придерживаются книжной традиции, то существует и другая, довольно значительная группа писателей-старообрядцев (Аввакум, Елифаний, Авраамий), в чьих произведениях происходит и преобразование традиционных форм. Как правило, это бывает связано не только с индивидуальностью писателя, но и с более широким его взглядом на современность, с обращением к демократическим кругам.

Все рассмотренные особенности «Прения верного инока с отступником» сближают это произведение с сочинениями второй группы писателей. Оказывается, что между ними существует и другая, более тесная связь. Автор «Прения» обнаруживает хорошее знакомство с сочинениями видного старообрядческого вождя и писателя — инока Авраамия. Более того, можно полагать, что именно сочинения инока Авраамия — Челобитная царю Алексею Михайловичу и главным образом «Вопрос и ответ» — послужили литературным источником «Прения». «Вопрос и ответ» инока Авраамия (август 1670 г.), очень известное произведение старообрядческой литературы, представляет собой своеобразную автобиографическую записку, обращенную к единомышленникам, рассказ о его заключении под стражу, об учиненных допросах, рассказ, который превращается в «прение», когда Авраамий начинает излагать свои споры с «властями» по вопросам церковной реформы. Материал «Вопроса и ответа» частично использован в его Челобитной царю, написанной несколько позже, в последней трети 1670 г. При сравнении этих сочинений инока Авраамия с «Прением» бросается в глаза удивительное сходство аргументации, иногда встречаются и почти дословные совпадения.

Прежде всего обращает на себя внимание одинаковый ход мысли: инока Авраамия, так же как и автора «Прения», обряд крещения занимает не сам по себе, а как доказательство «отступничества», еретичества «никониан». Авраамий говорит Павлу Крутицкому: «ты, владыко, с нами во единой вере крестился ... а ныне глаголеши: зла вера, в ней же породелся еси святым крещением».¹⁴ Авраамий опирается в своих рассуждениях и на те же слова Василия Великого. Усматривая непоследовательность «никониан» в том, что сами они крещены по старому, а теперь крестят других по новому обряду, Авраамий советует сторонникам реформы перекреститься: «ныне последующим новой вере снова тою верою и крестится подобает. А есть ли и будет ли креститься снова, то простым людям зело блажено будет, и говорят вам о сем: „Учат, де, нас власти новой вере, ея же мы не слышали, а о старой глаголют, яко не права суть, а сами они тою верою неправую крещени суть“. И срамно будет великороссияном, аще снова всем будет креститься».¹⁵ Именно эти доводы фигурируют и в «Прении». «Верный инок» в ответ на пожелание «отступника» перекре-

¹³ Там же, л. 21.

¹⁴ Вопрос и ответ старца Авраамия. Материалы для истории раскола, изданные под ред. Н. Субботина, т. VII. М., 1885, стр. 390.

¹⁵ Там же, стр. 391.

ститься «по новой вере», чтобы быть последовательным в признании ее правильности, также заявляет: «еже тебе креститься, то и инех паки подобает прекрестити, иже от тебя ныне крещены суть . . . и святых отец крестити . . . и прежде бывших царей, и патриархов, и митрополитов . Убойся, отступниче, сия словеса глаголати».

В «Прении» находится и почти дословная цитата из «Христианоопасного щита веры» Авраамия: «Верный рече: „... И паки апостол глаголет. «Един господь, едина вера, едино крещение». И по сему апостольскому словеси, все ныне не веры, но ереси и раздоры“». У Авраамия читаем: «Святыи апостол Павел: „Един господь, едина вера, едино крещение, един бог и отец всех“. Аще по апостолу един господь, едина вера, то инья все не веры, но ереси и раздоры».¹⁶

Наиболее показательный материал для сопоставления «Прения» с сочинениями Авраамия дает заключительная часть спора. Спор в «Прении», как уже отмечалось, заканчивается угрозой со стороны «отступника». Он перечисляет представителей «властей», которые «переводят потихоньку» товарищей «верного», рассказывает об их методах «убеждения»: «немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками, а иное — камением в зубы, да и бороды теребить горазды». Оказывается, что «Павел Крутицкой с товарищи, с рязанским митрополитом, да с Ларионом, думным дьяком, да с чудовским архимаритом Иоакимом» — это все те лица, которые допрашивали и судили инока Авраамия в феврале 1670 г., как об этом подробно рассказывает он сам в «Вопросе и ответе» («рязанский митрополит» — Иларион, «думный дьяк Ларион» — Иларион Иванов). Более того, при допросе «власти» учинили над Авраамием именно такую расправу, которой угрожает «отступник». Ему действительно «немного» дали говорить: «И сие мое разсуждение Павлу митрополиту зело полюбилося, не усидел на месте своем и, восстав, прииде ко мне, и любезно ми от своего смирения почал подавать благословение: взял мя левою своею рукою за бороду и нача браду мою крепко держати, паче же и терзати. И сие творя, святитель, болезнуя о мне, исповедал брады моея, крепка ли есть, чгобы было за что держати, егда станет, десницею своею благословлять, ведая свое крепкое благословение, сего ради держа мя, чгобы не пошатился от его благословения и о помост полатной не ушибся. Егда исповедал браду мою, начал десницею своею по ланитом моим доволно мя благословляти, да и по носу доволно мя благословил».¹⁷ Ирония, с которой Авраамий описывает поведение «святителя», могла быть истоком иронической характеристики «властей» в «Прении».

Важно отметить, что если Авраамий в «Вопросе и ответе» обращается к авторитету «простых людей» («простым людям зело блазнено будет»), «верный» в «Прении» «отцами и праотцами нашими» называет «простолюдинов». Но этот факт уже характеризует не столько литературную зависимость сочинений, сколько общность взглядов писателей.

Итак, моменты сходства «Прения» с сочинениями инока Авраамия довольно значительны. Не случайно, видимо, один из героев «Прения» — старообрядец, спорящий с «никонианином», назван «верным иноком».

Обнаруженная связь «Прения» с «Вопросом и ответом» Авраамия, написанным в августе 1670 г., позволяет несколько иначе судить о датировке «Прения»: уточняя одну границу периода создания этого произведения — после августа 1670 г. она ставит под сомнение вторую границу —

¹⁶ Там же, стр. 13.

¹⁷ Там же, стр. 391.

1673 г. («чюдовский архимарит Иоаким», упоминаемый в «Прении», находился в этом сане до 22 декабря 1672 г.). Автор мог писать свое сочинение и позже 1673 г., сохранив обозначение сана представителей церковных властей такими, как они встречаются в его источнике — «Вопросе и ответе» инока Авраамия. Однако, для предположения о том, что «Прение» могло быть создано на основе сочинений Авраамия и значительно позднее — в конце XVII в. или начале XVIII в. (сочинения Авраамия пользовались большой популярностью и авторитетом у старообрядцев, Семен Денисов внес, например, описание его спора с «властями» в «Виноград российский»), нет никаких данных. «Прение» написано несомненно до февраля 1676 г., ибо Алексей Михайлович, умерший 29 января 1676 г., назван в «Прении» «нынешним царем». К тому же и все рассуждения автора чрезвычайно современны для начала 70-х годов XVII в.

«Прение верного инока с отступником» заслуживает внимания исследователей. Оно позволяет сделать ряд наблюдений над художественным своеобразием старообрядческой литературы и дает интересный материал для изучения историко-литературного процесса второй половины XVII в.

ТЕКСТ *

Прение верного инока с отступником

... Верный же инок начат ему глаголати: «Да како убо общник буду твоей молитве, ей же и прочии отступницы творят?» л. 37 об. Отступник же рече: «Ты мя отступи быти глаголеши?». Верный же рече: «Ей, отступник еси всего отеческаго предания, паче же господия закона». Отступник же рече: «Несмы аз отступник, но христианин». Верный же рече: «Воистину ли христианин еси?». Он же рече: «Воистинну». Инок же рече: «По чему еси христианин?». Отступник же рече: «По крещению». Верный же рече: «То колико лет, отнеле же крещен еси?». Отступник же рече: «Лет 40 и болши будет, егда крещен есмь во младенчестве». Верный же рече: «По истинне ли ты крещен еси?». Отступник же рече: «Истинно». Верный: ^а «А иже тя крестил, истинный ли христианин?». Отступник: ^б «Истинный». Верный: «А иже оного, крестивша тя, крестил, христианин ли?». Отступник: «Ей, истинно христианин, понеже не христианин христианина верна не может сотворити, и его же сам не имеет, иному не может преподати». Верный рече: «Добре глаголеши. Напиши на сердцы своем, да не забвением запечатленны будут». Отступник рек: «Ей, || л. 37 буду отступати сих словес». Верный рече: «А си, иже ты ныне крестиши не тако, якоже сам ты крещен еси, но инако, развратно крестиши, християне ли суть?». Отступи рече: «Християне суть, якоже и аз». Верный рече: «То почто не тако крещены, якоже ты, и равны их себе твориши, их же крещение вовсе разное от твоего крещения, им же ты крещен еси? И по сему разньству два имать быти крещения. Егда два крещения, то две и веры имуть быти. А егда две веры, то у дву вер имуть быти два и бога. Но несть сего в божественном писании, ежа два бога и две веры и два крещения. Но Василий Великий убо ^в глаголет, яко креститися подобает, якоже

* В тексте выносные «ж» и «б» вносятся в строку как «же» и «бы».

^а В ркп. «в» в круговидной линии, в дальнейшем всюду раскрывается: верный.

^б В ркп. «от» в круговидной линии; в дальнейшем всюду раскрывается: отступник

^в Над словом Великий в ркп. стоит буква в, над словом убо — а.

прияхом, а веровати, якоже крестихомся. И паки апостол глаголет: „Един господь, едина вера, едино крещение“. И по сему апостольскому словеси все ныне не веры,¹ но ереси и раздоры. И посему нужда нам настонт, еже взыскати единаго бога и едину в него веру и едино в него крещение истинное. И ты ли убо християнин или они же, от тебе ныне крещены не

л. 38 тако, якоже ты || сам крещен? Рцы убо мне, отступниче, истинну». Отступник же рече: «И ноне что мя новым нынешним крещением поносиши? Зло ли ти мнится быти нынешнее крещение?». Верный же инок рече: «Зло и великия злобы злейше есть». Отступник же рече: «Но несть зло, но паче нынешнее исправно, понеже ныне исправишася и погибшее обретесе и стропотная гладка сотворишася. А прежде сего в неведении мы жихом, яко иноязычницы». Верный рече: «О отступниче, устыдися, что ся блядеси на истину, и да загрядят уста твоя, глаголющая неправду, и немы да будут устны льстиваго, глаголющая на праведнаго: „Беззаконник!“. И от уст твоих сужду тя, отступниче, понеже ты сам выше сих словес рек: „Не отрекуся словес моих, сходящих от уст моих“. Ныне же вижу отрекшагося не точию словес своих, но самого Христа и святых его и своего крещения, понеже ты рек, яко християнин ты еси истинный, и иже ты² крестиша, християне суть истинней, и иже оных крестиша, християне же суть. И спроста рекл еси, яко не християнин християнина сотворити не можег

л. 38 об. и его же сам не имеет и иному преподати || не может. И по Евангелию: „Всяк преступайи и не пребывайи во учении Христове, бога не имать“. Аще ли бога в себе таковой не имать, то кто в нем имать быти? — Точию дух дьявольск. И аще дух дьявольск в нем будет жити, то како духа дьявольска дух божий имать послушати, с ним же общение, его же имуть, или кая община³ свету ко тме? Но присно свет божий тму дьяволу изгоняет. Рцы убо ми, отступниче, лицемерно». Отступник рече: «Аз убо по нынешней новой вере паки бы прекрестился». Верный же рече: «То како убо сам хоцещи креститися и еще сый ныне не християнина себе наречеши, а иже от тебя крещены развратно, християны их наричеши? А выше сего ты же рек, яко не християнин християнина сотворити не может. И по сему твоему словеси, еже тебе креститися, то и инех паки подобает прекрестити, иже от тебе ныне крещены суть. Рцы ми, отступниче». Отступник же противу сего ничто же провеща. Верный же паки начат глаголати, побеждати и обличати еретика и отступника, сице рече к нему: «Аще тебя, ||

л. 39 отступниче, крестити, то и святых отец крестити, от них же мы научени суще, и прежде бывших царей, и патриархов, и митрополитов и архиепископов, и епископов, и всякого священническаго и иноческаго чина, и простолудников, отец наших и праотцов, и нынешняго царя, иже царствует в Московском государстве, подобает по твоему отступному словеси сызнова крестити, и отца его, царя Михайла Федоровича, тако же. Убойся, отступниче, сия словеса глаголати, еже вновь прекрещатися тебе и по тебе прочим всем, от них же произыде крещение не превратио креститися, и от них же ты сам крещен еси».

Отступник же помолчав немного и рече: «Добр на вас ныше царь, горазд он вас бити кнутом да огнем жечьчи, да ребра ломать. Да другой — Павел Крутицкой с товарищи, с рязанским митрополитом да с Ларионом, думным дьяком, да с чудовским архимаритом Иоакимом, да таки и все власти те на вас добры, немного дают говорить, рот-от у вас затыкают

л. 39 об. кулаками, а иное — камением в зубы, да и бороды || терebить горазды. Да

¹ В ркп. первоначальное не веры ошибочно исправлено на неверные тем же почерком   ² ты исправлено тем же почерком.   ³ а не читается в слове ркп.

кабы и ты попал им в руки, был бы ты мякок. Как и инья товарищи твои были против тебя, да всех то оне перевели потихоньку. Было их сотня и лутчи, да ныне вести про них нет». И се сказав, побежал, яко бес, и не простяся, а верный бога прославил и нам про их козни много на пользу душам сказал. Аз же, грешный, и вам не поленихся^{*} се известно сотворити и на среду изнести, и нам даждь, владыко, утверженьем быти во единой истинной вере и не прелогатися, якоже они, отступницы, иже яко тростию от ветров бурных зыблются, о них же рече Спас, яко корене неимуце, зною нашедшу, сиречь иссушение,^а соблажняются, и не скончаваются плоды истинны. Аминь.

(ГЛБ, О.XVII.37, лл. 37—39 об.).

^{*} В ркп. полыхся.   ^а В ркп. иссушение.

Вена же отправляет Александру витиеватое послание, начинающееся словами: «Прелюбезны мой любитель французски генералисимус, славны воин, прекрасны Александр».¹⁷

Пространно и обстоятельно рассказано в списке Л о встрече Александра с Веной, их свадьбе, коронации и дальнейшей жизни. Как уже сказано, к этому списку приписана повесть о сыне Вены и Александра — цесаре Германе, его учении, подвигах и наследовании им цесарского престола. Таким образом, в списке Л «История о французском шляхтиче Александре» заканчивается словами, которые имеют очень мало отношение к тексту самой повести: «И тако новы цесарь Гермон стал править в Цесари в мире и тишине, чужаго не отнимать, а за свое велми крепко стоять, тако ж и к подданным был милостив и всем был любим. И тако гистория сия получа себе сей конец».¹⁸

Если исключить из «Истории о французском шляхтиче Александре» приписанную в списке Л историю его сына (она занимает в этом списке почти две трети), то все равно очевидно значительное распространение текста самой повести по сравнению со списком Б. В повести появилось имя отца Александра, хотя все остальные герои по-прежнему остались безымянными («один французский генерал — фельтьмаршел», «барварский султан», «султанская дочь», «камардинер», «паша турецкий» и т. д.).

Какие данные мы имеем для того, чтобы сделать заключение об истории текста повести о французском шляхтиче Александре: что первоначальнее — краткая или распространенная редакция, первый вид которой представлен списком Л?

По нашему мнению, краткая редакция предшествовала распространенной. Для решения вопроса располагаем такими данными: в распространенной редакции подновлен словарь повести, в то же время в ней остаются следы лексик краткой редакции.

Приведем примеры.

Список Б

..Нача чрезмерно жить богато, не по препорцзы имения своего, и в скорых числех все имение ... истощил... (л. 1).

Поиде же некогда Александр по граду гулять (л. 1 об.).

Список Л

..нача жити весма пространно: не по препорцзы своего имения, и не по многом времени прожил все свое знаемое богатство... (л. 10 об.).

И в некоторое время случилось ему итти за городом негде (л. 10 об.).

Происхождение имени отца героя — Александр — связано, вероятно, с небрежностью одного из переписчиков списка распространенной редакции, принявшего имя героя за имя его отца. Если бы имя отца было в первоначальном тексте повести, то тогда необъяснимо, почему в следующем абзаце списка Л, где рассказывается о предсмертном прощании отца с Александром, его отец оказывается безымянным («оны дворянин, отец сего отрока Александра», «оны французский дворянин»).

В списке Л повторены ошибки списка Б, в то же время имеются случаи и исправления неясностей текста.

В списке Б Александр, потерпев кораблекрушение, попадает в «царство салтана барбарского», немного далее в этом же списке та же самая страна названа «варворы». В списке Л ошибка сохранена на протяжении всей повести.

¹⁷ ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130, л. 27—27 об.

¹⁸ Там же, л. 118 об.

второй редакции не совпадают полностью между собой и объяснить происхождение краткой редакции из любого списка распространенной невозможно, тогда как появление распространенных видов из краткого можно показать на примерах (см. ниже).

Первый вид распространенной редакции представлен списком ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130. Список «Истории о французском шляхтиче Александре» находится в сборнике, сшитом из двух тетрадей из различной бумаги. Лл. 1—9 об. занимают астрологические таблицы. Бумага здесь плотная, желтая, хорошей выделки. Водяной знак на правой и левой сторонах листа полностью соответствует рисунку филигрании бумаги фабрики Турунтаевских, выпускавшейся в России в 1739—1740 гг.⁴ Лл. 10—129 об. из другой бумаги: грубой выделки, сероватой. Водяной знак один: на левой стороне листа буквы «ГКС»; на правой — герб графа Сиверса. Такая бумага выпускалась Красносельской фабрикой К. Е. Сиверса в 1762—1763 гг.⁵

На лл. 10—45 об. переписана «История о французском шляхтиче Александре» (без заглавия); на лл. 46—118 об. — повесть о сыне Вены и Александра, цесаре Германе; на лл. 119—124 — «История о министерском сыне Леопольде и о сестре его Маргарите, и о короле французском Гендрике втором»;⁶ на лл. 124 об. — 129 об. — «Интермедия о гарлитинской свадьбе».

Литературное распространение повести в списке Л идет в основном за счет стилистических «повторов» и внесения некоторых деталей в повествование. Кроме того, к окончанию «Истории о французском шляхтиче Александре» добавлена история жизни сына Александра, цесаря Германа. Это новое окончание приписано другим почерком, чем текст «Истории об Александре». По-видимому, возникновение нового варианта окончания «Истории об Александре» прямо связано со списком Л, но изменения, которые включены уже в ткань самой повести, были сделаны не переписчиком списка Л, а кем-то из его предшественников.

Приведем некоторые примеры того, как в списке Л литературно разработаны отдельные эпизоды «Истории о французском шляхтиче Александре».

Первая редакция (список Б)

Во французском королевстве, именуемом граде Париже, бысть некий благородны шляхтичь zelo богат, но не презечным богатством процветая, но паче сияя храбростию И для своей храбрости знаем бе многими ковалеры Имел же сей шляхтичь у себя сына, именовем Александра, zelo прекрасна и силою великою обогащенна⁷

Вторая редакция (список Л)

Бысть неки французского королевства знатны дворянин, именовем Александр, богат zelo и велми искусен был к военному делу. И за то оный Александр от французского короля весма был любим и великопочитаем. Он же, Александр, имел у себя единого сына, именовем Александр ж толко еще был во младых лехех и бысть в возрасте своем лепообразен⁸

Как видим, «некий благородны шляхтичь» списка Б в списке Л получает имя «Александр». Можно полагать, что в списке Л пропущена первая строка повести: «Во французском королевстве, именуемом граде Париже». Возможно, что заглавия и первой строки уже не было в том списке, с которого переписан текст списка Л.

⁴ М В Кукушкина Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в В кн Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР М—Л, 1958, вып II, стр 309.

⁵ Там же, стр 296

⁶ Неизвестная до настоящего времени повесть, не упоминаемая в библиографии А Н Пыпина

⁷ ГИМ, собр А И Бярятинского № 162, л 1.

⁸ ЛОИИ, собр рукоп книг, № 130, л 10

Подробно, со многими длиннотами и повторениями, описано в списке Л предсмертное прощание отца с сыном Александром

Список Б

Шляхтичь же той (отец Александра, — Г М) приспе к великой старости, и поживе довольно лет и умре⁹

Список Л

Оны дворянин, отец сего отрока Александра, прииде в глубокую старость и большее изнеможение и к смерти приближися (Далее говорится о напутствиях, которые давал отцу Александру при смерти, и снова сообщается о его смерти). Не по многим времени оны французский дворянин и умре и оставя по себе единого родного своего сына¹⁰

Составитель этого вида распространенной редакции стремится дополнить сведения о герое, об обстановке, в которой он действует.

Список Б

[Александр] прииде в возраст юношества своего нача чрезмерно жить богато не по препорцы имения своего, и в скорых числах остася яко един от убогих¹¹

Список Л

[Александр] прииде в совершенный возраст, нача жити весьма пространно не по препорцы своего имения и не по многом времени прожил все свое знаемое богатство И остался яко един от убогих, и не зная чем себе пропитание иметь¹²

Поиде Александр по граду гулять¹³

Случилось ему итти да городом негде, по зеленому лесу¹⁴

Но имеется распространение и другого характера Так, в списке Л подробно описано, как дочь султана, полюбившая Александра и предлагавшая ему себя в жены, узнав о его бегстве из страны «варвар», добилась у отца, чтобы он послал погоню Когда же ей сообщили, что Александр скрылся, «пришла к ней жестокая горячка, и оттого лишилась жизни своей».¹⁵ В списке Б нет никаких сведений о судьбе султанской дочери после того, как Александру удалось убежать от «варвар». Новым в списке Л оказывается и описание приезда Александра «в Турки» после бегства из страны «варвар». В списке Б Александр, избежавший женитьбы на султанской дочери, «поеде к пристани морской И нашел судно, которое отправляется из варвар в турки И сяде на оное судно». Когда он находился «в верхних шканцах»,¹⁶ «нача играть на флейте» Пришедший на корабль турецкий паша «подивися сладкой игре и красоте лица его» Александр поступает к паше служить. В списке Л Александр попадает «в Турки» в качестве помощника купца, вместе с ним, выйдя на берег, он «объявляет товары». Здесь его и увидел турецкий паша. Об игре его на флейте не сказано ни слова.

Значительно подробнее, чем в списке Б, в Л описано возвращение Александра во Францию. Он не прямо едет к цесаревне Вене, а посылает послов

⁹ ГИМ, собр. А. И Барятинского, № 162, л. 1

¹⁰ ЛОИИ, собр. рукоп. книг, № 130, л. 10—10 об

¹¹ ГИМ, собр. А. И Барятинского, № 162, л. 1

¹² ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130, л. 10 об

¹³ ГИМ, собр. А. И Барятинского, № 162, л. 1 об

¹⁴ ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130, л. 10 об

¹⁵ Там же, л. 21

¹⁶ Шканцы (немецкий «schanze») — часть верхней палубы военного судна (Книга Устав Морской СПб., 1721, стр. 158, 162)

Г. Н. МОИСЕЕВА

«История о французском шляхтиче Александре»

За последнее время репертуар русских повестей первой половины XVIII в. значительно пополнился. За небольшой период были опубликованы: «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»,¹ «Гистория о некоем шляхецком сыне, како чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь, и ковалерский чин, и како за добрые свои поступки пожалован королевичем в Англии»,² «Повесть о португальской королевно Анне и о гишпанском королевиче Александре».³

К числу неопубликованных и неисследованных повестей относится «История о некоем французском шляхтиче, именем Александре, како утвержден быть в Цесарии цесарем, и о цесаревне Вене».

Не ставя целью окончательное решение всех вопросов, связанных с изучением этого памятника, мы хотим лишь поделиться итогами его предварительного исследования по известным в настоящее время спискам.

*

Произведение это дошло в четырех списках: ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, лл. 1—14 об.; ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480, лл. 1—155; ГИМ, собр. Музейное, № 1592, лл. 1—45 (без начала); ЛОИИ, собр. рукоп. книг, № 130, лл. 10—45 об.

Текстологическое исследование показывает, что сохранившиеся списки распадаются на две редакции.

Первая, краткая редакция представлена одним списком [ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162 (далее: список *Б*)], вторая, распространенная редакция — тремя списками [ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480 (далее: список *Щ*); ГИМ, собр. Музейное, № 1592 (далее: список *М*); ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130 (далее: список *Л*)], причем во второй редакции повести о французском шляхтиче Александре можно отметить разновидности (два вида второй редакции).

Как показывает текстологическое исследование списков «Истории о французском шляхтиче Александре», первая, краткая редакция является старшей по происхождению, вторая редакция появилась вследствие литературной разработки первой редакции. Это доказывается тем, что списки

---

¹ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 408—426.

² Г. Н. Моисеева. Неизвестная повесть первой половины XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 519—540.

³ Л. А. Дмитриев и Ю. М. Лотман. Новонайденная повесть XVIII века. История о португальской королевно Анне и гишпанском королевиче Александре. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., стр. 490—505.

Другая же ошибка исправлена. В списке *Б* Александра (после того как он избивает предателя — «камордина») отправляют «на каторгу в Константинополь, А сам визирь поиде с войским своим в Царьград». ¹⁹ Переписчик протографа списка *Л* устранил очевидную ошибку составителя повести: «паша турецки приказал... Александра... сослати на каторгу в Константинград, а сам паша пошел с войском туда ж». ²⁰

Распространенная редакция, представленная списком *Л*, послужила основанием для дальнейшей литературной разработки «Истории о французском шляхтиче Александре».

Списки ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480 (список *Щ*) и ГИМ, собр. Музейное, № 1592 (список *М*) представляют собой совершенно другой вид распространенной редакции. Эту редакцию повести о французском шляхтиче Александре в целом характеризует появление большого количества действующих лиц; все герои получают собственные имена: «некий» французский фельдмаршал, взявший Александра к своему двору, получает имя «Фалерсий», французский король — «Паримунд», известный турецкий визирь, попавший в плен к Александру и посредством предательства слуги Александра освободившийся из плена, получает имя «Амурат», турецкий султан — «Махмед», безымянный «камордин» списков *Б* и *Л* становится «секретарем Левкизом», султанская дочь — «арапская королевна Мерсиана», «варварский султан» — «король Борзен», французский капитан, привезший Александра на родину, — «Лавен» и т. д.

Герои этого вида распространенной редакции обращаются друг с другом с пространными речами, в которых излагают мотивы того или иного отношения к событиям или людям. Произведение обрывает второстепенными подробностями, долженствующими полнее обрисовать картину и снабдить ее всевозможными деталями. Характерен такой пример. В первой, краткой редакции описано событие, которое сыграло большую роль в дальнейшей жизни героя. Александр, победив турок в первом же сражении, приказал широко отпраздновать победу. Все воины и сам Александр напились допьяна, и ночью «камордин» Александра «скрал» своего господина в турецкое войско. Оказавшись турецким пленником, Александр был отправлен в «Константинополь», попал в плен к «варварам» и т. д. Во второй редакции повести этого вида описанию «скрадывания» Александра посвящена целая глава, где подробно рассказано, как укладывали Александра, какие вещи взяли, как везли. Кроме того, поступок «камордина» Александра мотивирован: в списке секретарь (а не «камордин») поступил так, потому что Александр не производил его «в высокия чины».

В списках *М* и *Щ* подробно описано, как родители Александра — «знатный и благородный дворянин, именем Папира» (в списке *Л*, как мы помним, отец — Александр), имеющий «жену, прекрасну и благородну, именем Вуларня», — проживая «в супружестве лета довольна», не имели детей и как «милостивый господь» за их «прошение и моление» послал им сына «вельми краснообразна, всем людем детским лепота». ²¹ В списке *Щ* рассказано о поступлении Александра, после того как умер отец и его обобрали приятели, «в научение в ковалерскую школу». Здесь же подробно описаны успехи Александра при дворе французского короля Паримунда, красочно обрисованы его посидинки со знатными «агленскими ковалерами» (этому посвя-

¹⁹ ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, л. 9.

²⁰ ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 130, л. 17.

²¹ ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 840, л. 65 об. — Список *М* (ГИМ, собр. Музейное, № 1592) не имеет начала. Произведение начинается со второй половины. Таким образом, выводы о его близости к списку *Щ* сделаны на основании текстологического анализа второй части списка.

щены 4-я и 5-я главы). Редактор, переработавший первый вид, особое внимание уделил придворному церемониалу французского и «цесарского» дворов. Чрезвычайно красочно описана в списках *М* и *Ш* коронация Александра. Автор особо отметил, как был «уготован престол», в каком порядке несли «корону», «державу» и скипетр, на каком месте в церкви лежали регалии до того времени, пока при «пушечной пальбе» и «огненном стрелянии» не было объявлено о появлении «нового цесаря».

Много подробностей внесено в списках *М* и *Ш* и в описание личных чувств Александра, его взаимоотношений с цесаревной Веней и королевной Мерсианой.

Но самое важное, что характеризует списки *Ш* и *М*, — это большое внимание редактора рассматриваемого вида второй редакции к теме франко-турецких отношений. Так, им очень подробно описаны французский и турецкий военные лагеря, маневры, дислокация войск, сражения, дипломатическая переписка.

Списки *М* и *Ш*, представляя один вид второй редакции, различаются между собой тем, что в списке *М* повествование не разделено на части, тогда как список *Ш* имеет 34 отдельных главы с подробным названием каждая. Определенных выводов о том, какой из этих двух списков первоначальнее, сделать нельзя, однако можно все же полагать, что наличие подробных заглавий — явление вторичное в истории текста.²²

Какие данные свидетельствуют о том, что второй вид распространенной редакции вырастает из первого вида?

В первой, краткой редакции сказано, что Александра после убийства им предателя-камердинера повелели «сослать на каторгу в Константинполь». Его в числе других «30 человек посадивше на корабль. Три дня плыли по морю и здраво, в четверты день возвез жестоки ветр... корабль занесе... к царству салтана варварского». В списке *Л* несколько подновлен словарь, но событие описано так же. В списке *Ш* султан (а не визирь) турецкий после убийства Александром «секретаря», привезшего к туркам визиря, предлагает Александру «отступить от веры христианской и веровать Мохомету». И тогда, когда Александр отказывается, «повеле его отослати в море на каторгу в вечную работу».²³ В списках *Ш* и *М* слово «каторга» употреблено в своем первоначальном смысле, когда это слово обозначало весельное судно, на котором работали преступники: «Каторга ж у них зело тяжела устроена; поставлена галера в море на мертвое якор».²⁴ Как явствует из дальнейшего изложения, через полгода в бурную погоду «оторвало каторгу с якори и тако волнами каторга носися по морю путем неизвестным. И тою погодою занесло ея к брегам африканским».²⁵

Таким образом, если в списках *Б* и *Л* Александр попадает к «варварам» еще по дороге «на каторгу», во время путешествия на корабле, то в списках *Ш* и *М* он попадает «к африканским берегам» через полгода.

Выше нам приходилось говорить о том, что в списке *Л* по сравнению со списком *Б* внесены изменения в описание первого бегства Александра из страны «варвар»: в списке *Б* он приезжает в «верхних шканцях» и обращает на себя внимание турецкого паши прекрасной («сладкой») игрой на флейте; в списке *Л* он приезжает с купцом и помогает ему продать товары. В списках *Ш* и *М* Александр не только помогает купцу, но по его поручению отправляется с товарами за море, «в резиденцию турецкую».

²² Аналогичное явление можно наблюдать при текстологическом анализе списков повести о российском матросе Василии Кариотском.

²³ ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480, л. 83.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 84.

Здесь Александр и знакомится с турецким пашой, к которому поступает «во услужение». Об игре на флейте здесь совсем не говорится (как и в списке Л). Игра на флейте Александра исключена и из рассказа о его знакомстве с султанской дочерью. В списках Б и Л именно игра на флейте привлекла внимание наследницы престола и послужила причиной дальнейших событий в жизни героя (он становится женихом, пользуется свободой и убегает в Турцию). В списках Ц и М знакомство Александра с королевной Мерсианой, дочерью короля Борзена, происходит при совершенно иных обстоятельствах. он служит при дворе короля, Мерсиана «видя его красоту... разжигается похотию» и добивается у отца того, чтобы он был отдан ей в «служители». Александр, поняв, что «безумная арапка» любит его, с целью «из арапской земли свободиться» «положив намерение ея оболстити как случай покажет». И действительно, угрожая ей, что она «может быть непраздна» и что необходимо объявить его официальным женихом, он добивается свободы действий, уезжает «в поля веселится», убивает «обоих слуг своих арапов», хладнокровно зарывает их в землю, а на себя надевает их одежду, «бежит к морю» и скрывается в Турцию, а «арапка», как и султанская дочь в списке Л, умирает.

Таким образом, второй вид распространенной редакции не мог возникнуть непосредственно из первого, минуя первый вид распространения, представленный в списке Л. Однако во втором виде распространенной редакции имеет место не только стилистическая переработка повести, но и появление нового фактического материала, который в очень значительной степени увеличил объем текста. Если в первой, краткой редакции (список Б) текст повести занимает в четверку 14 листов, в первом виде второй, распространенной редакции (список Л) текст, переписанный крупным почерком, помещен в листовой рукописи на 35 листах, то во втором виде второй редакции он занимает в рукописи, переписанной в четверку, 78 листов [в Ц — лл. 1—155 (без оборота); в М — неполный текст (без начала), лл. 1—45].

На основании тех данных, которыми мы располагаем в настоящее время, объяснить происхождение краткой редакции «Истории о французском шляхтиче Александре» из любого вида распространенной нельзя, тогда как литературная разработанность текста, его постепенное обрастание разнообразным материалом показано выше на примерах (рис. 1).

История текста повести о французском шляхтиче Александре наглядно подтверждает закономерный процесс движения текстов средневековых рукописных памятников, наблюдаемый у очень многих литературных произведений. Д. С. Лихачев отмечал уже, что «первоначальные, древнейшие тексты повестей гораздо „фольклорнее“, проще, ближе к жизни, чем последующие... История текста отдельных произведений показывает, что произведение в движении своего текста усиливает свою литературность».²⁶

Какие же материалы были использованы составителем наиболее поздней, распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре» для придания большей «литературности» этому произведению?

Попытка обнаружить литературное произведение, оказавшее влияние на появление распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре», не увенчалась успехом.²⁷

²⁶ Д. С. Лихачев К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе — Русская литература Л, 1958, № 2, стр. 8

²⁷ И. З. Сермач высказал предположение о возможности влияния на распространенную редакцию «Истории о французском шляхтиче Александре» романа Кальпренеда (La Calprenede) «„Paradis, ou L'histoire de France“» (Paris, 1661—1666) Ознаком-

Анализ произведения позволяет высказать некоторые соображения о характере источников и времени возникновения второго вида распространенной редакции.

Выше мы уже говорили об отличительной черте этой редакции — внимании составителя к турецкой теме. Описанию сражений, маневров, дислокации войск уделяется исключительно большое внимание. Если в краткой редакции (список *Б*) рассказ о «баталии» Александра — главнокомандующего французскими войсками с турками занимает всего один лист (л. 7—половина л. 7 об.), то во втором виде распространенной редакции — три отдельных главы («о первой брани Александровом с турки», «о второй...», «о третьей...» — лл. 46 об.—69). Кроме того, Александр сра-

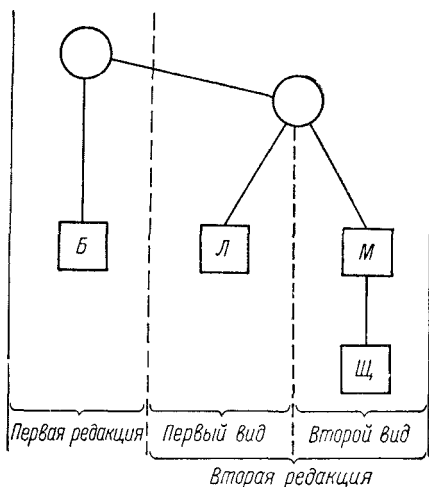

Рис. 1. Схема взаимоотношения списков «Истории о французском шляхтиче Александре».

жается — уже в качестве турецкого главнокомандующего — с персами и египтянами.

Можно полагать, что появление во второй редакции (во втором виде) разработки турецкой темы вызвано интересом к Турции в связи с русско-турецкой войной, которая велась правительством Анны Ивановны в союзе с Австрией в 1735—1739 гг.²⁸ О том, что это внимание к турецкой теме не является откликом на русско-турецкие войны конца 60-х годов XVIII в., свидетельствует датировка списков этого вида второй редакции: список *Ц* (ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480) переписан, судя по приписке на л. 156, в 1756 г.;²⁹ список *М* (ГИМ, собр. Музейное, № 1592) по харак-

ление с этим романом показало, что между ним и повестью о французском шляхтиче Александре не имеется ни аналогии имен действующих лиц, ни сходства в сюжете и литературном стиле.

²⁸ Выступление Австрии (Цесарии) в союзе с Русским государством в качестве противника Турции также свидетельствует о том, что в повести о французском шляхтиче Александре может идти речь о русско-турецкой войне второй половины 30-х годов XVIII в. Известно, что Франция со времени Генриха IV находилась в союзе с Турцией и использовала это государство в политических и военных целях во взаимоотношениях с Россией в XVII и XVIII вв.

²⁹ «Сия гистория дому лейб-гвардии Измайловского полку капитана Амплеля Степановича Шепелева, служителя ево Алексея Умнова. Писана в Санктпитебурге марта в последних числах, а конечным окончанием пресекалась апреля в 5 день 1756 году»

теру почерка (водяного знака на бумаге нет) также может быть отнесен к 50-м годам XVIII в.

О том, что составитель второго вида распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре», обрисовывая франко-турецкую войну, имел в виду русско-турецкую войну 1735—1739 гг., говорят и другие детали произведения. Так, в числе турецких правителей и военачальников в повести упоминаются исторические лица первой половины XVIII в.: султан Осман-паша, преемник султана Махмуда, великий визирь Ахмет и др.

Известно, что на стороне турок в русско-турецкой войне конца 30-х годов XVIII в. активно выступали крымские татары³⁰ (против них была направлена русская армия под командованием Миниха). Во втором виде распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре» говорится о корпусе татар, татарских конниках, действовавших не менее жестоко, чем турецкие спаги и янычары.

О появлении этого вида второй редакции повести о французском шляхтиче Александре не ранее второй половины 30—начала 40-х годов XVIII в. свидетельствует и упоминание в произведении «ковалерской школы», в которой «младья юноши обучаются военным делам, яко на шпагах биться, на конях ездить, и протчим делам военным». В этом упоминании можно видеть намек на открытие в Петербурге в 1731 г. сухопутного шляхетского корпуса.

Таким образом, в результате текстологического исследования четырех списков «Истории о французском шляхтиче Александре» мы пришли к выводу о старшинстве первой, краткой редакции повести, послужившей основой для позднейшей литературной разработки сюжета этого произведения.

В дальнейшем анализу будет подвергнута старшая, первая редакция повести о французском шляхтиче Александре (список ГИМ собр. А. И. Барятинского, № 162). Рукопись эта представляет собой отдельную тетрадку, в 4-ку, на 14 листах. Бумага рукописи серо-желтого цвета. Водяной знак — искаженный герб города Амстердама неясного рисунка.

Рукопись переписана тремя различными почерками: л. 1 и часть л. 1 об. — прямая, очень разборчивая скоропись (рис. 2); лл. 1 об.—3 — неясная резко наклонная скоропись; начиная с л. 3 об. и до конца — прямая, почти не наклоненная скоропись (рис. 3), но не совпадающая с почерком, которым переписаны заглавие и 1-й лист рукописи. Однако для всех трех почерков характерны некоторые общие черты, которые позволяют относить возникновение этого списка не ранее чем к 40-м годам XVIII в.³¹

В рукописи встречаются опiski, пропуски букв и отдельных слов. В конце много пятен, которые затрудняют прочтение текста. Но в целом рукопись хорошо сохранилась и дает возможность составить полное представление об этом неизвестном ранее произведении.

*

«История о некоем французском шляхтиче, именем Александре, како утвержден бысть в Цесарии цесарем, и о цесаревне Вене» представляет

³⁰ Турецкая война при императрице Анне. Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах. — Русский архив. М., 1878, вып. 3, стр. 255—274.

³¹ Скоропись по общему характеру близка к почерку, которым переписан на бумаге 1741 г. сборник ГИМ, собр. Музейное, № 1283. Образец почерка на л. 261 приведен в нашей статье «Неизвестная повесть первой половины XVIII в.» (вклейка к стр. 520).

ИСТОРИЯ

О ИЖКОЕМЪ ФРАНЦУЗСКОМУ ШЛАХТЦЮ

имениемъ Александръ кано унверситетъ
Гиспи вице-кави десаремъ иоцесаремъ итис

Водражданомъ поролевствитъ житиемъ граве
перяе Гиспи житиомъ Бгородимъ шлахтинъ члв
Богатъ контарзелумъ. Богатинкомъ прождетъ
испане сядъ ватростибъ иля соокъ хралростити жити
многими новолети ииладити сити шлахтинъ учене
испа житиомъ Александръ ило прлрррррр ичлв
великомъ гогачениомъ иитоящия сити гиспи
Бжити мате шлахтинъ то приидъ иелити сити
испа сити гогачениомъ иитоящия сити гиспи

Сити сити Гиспи Александръ иитиомъ иитиомъ
млати иитиомъ Гиспи иитиомъ иитиомъ
итиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ
итиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ
итиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ иитиомъ

Рис. 2. Первый лист рукописи «История о французском шляхтиче Александре». (ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, 40—50-е годы XVIII в., 4°).

несомненный интерес как по содержанию, так и по литературным особенностям. В этом произведении причудливо сочетались самые разнообразные влияния, объединились различные по происхождению типы повествования, совместились противоречивые характеристики героев.

Повесть о французском шляхтиче Александре эклектична в самой своей основе. Эта особенность характерна для повествовательной литературы середины XVIII в. Достаточно указать, как сюжетно и стилистически пестры такие повести, как «История о Ярополе царевиче», «Гистория королевича Архилабона», «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии». Повесть о французском шляхтиче Александре, близкая по общему характеру к указанным произведениям, имеет ту особенность, что в ней более ощутимо можно уловить самую манеру литературных приемов неизвестных авторов таких «гисторий». В этой повести разнохарактерные «пласты» более выпуклы, менее стерты следы их происхождения.

Первое впечатление, которое производит «История о некоем французском шляхтиче Александре», это то, что перед нами «петровская повесть». В самом деле, уже само заглавие как будто говорит об этом, если сравнить его с заглавием такой «типично петровской» повести, как «Гистория о российском матросе Василии Корнотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» или «Гистории о некоем шляхецком сыне, как чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь, и кавалерский чин, и како за добрые свои поступки пожалован королевичем в Англии» (с последней еще более совпадает самый тип заглавия: «некоем французском шляхтиче» — «некоем шляхецком сыне», «в Цесарии цесарем» — «Королевичем в Англии»). Но это впечатление чисто внешнее «История о некоем французском шляхтиче Александре» существенно отличается от «петровских повестей» прежде всего своим идейным содержанием.

«Петровские повести» отличает в целом культ человеческого разума. Герои этих повестей стремятся «к наукам». Все они незнатного происхождения, потомки обедневших дворян: матрос Василий, кавалер Александр и шляхетский сын достигают высокого положения в обществе только благодаря своим личным талантам. Поэтому в «петровских повестях» большое место занимает раскрытие внутренних качеств героя (в первую очередь «остроте разума») через его поступки. В судьбе героев «петровских повестей» «божественный промысел» не играет никакой роли. Напротив, в «Истории о некоем французском шляхтиче Александре» вся судьба героя связана с «божественным провидением», спасение Александра от несчастий, постигших его, — награда за стойкость в сохранении веры. Вопрос веры для Александра имеет такое большое значение, что даже с цесаревой Веной он согласился «принять законный брак» лишь с условием «соблюсти свою веру».

Отличает повесть о французском шляхтиче Александре и то, что в произведении постоянно подчеркивается знатность происхождения героя. После смерти отца он унаследовал большое состояние, но «нача чрезмерно жить богато . . . в скорых числах . . . истошил и остася яко един от убогих». Бедность понуждает Александра поступить на службу к «некоторому убогому шляхтичу». Он страдает из-за того, что он «сам благородны шляхтичь, а ныне раб худшаго мене». «Сожаляя о честной породе» Александра, его приглашает в свой дом «некий фельдмаршал»; узнав, «чей он сын», французский король поручает ему «диспутацию» (участие в поединке) с «аглинскими квалеры». Французский капитан, к которому попадает в плен Александр (спасающийся из рабства в стране «Варвар»), также подчеркивает, что делает это потому, что «великой друг отцу его был».

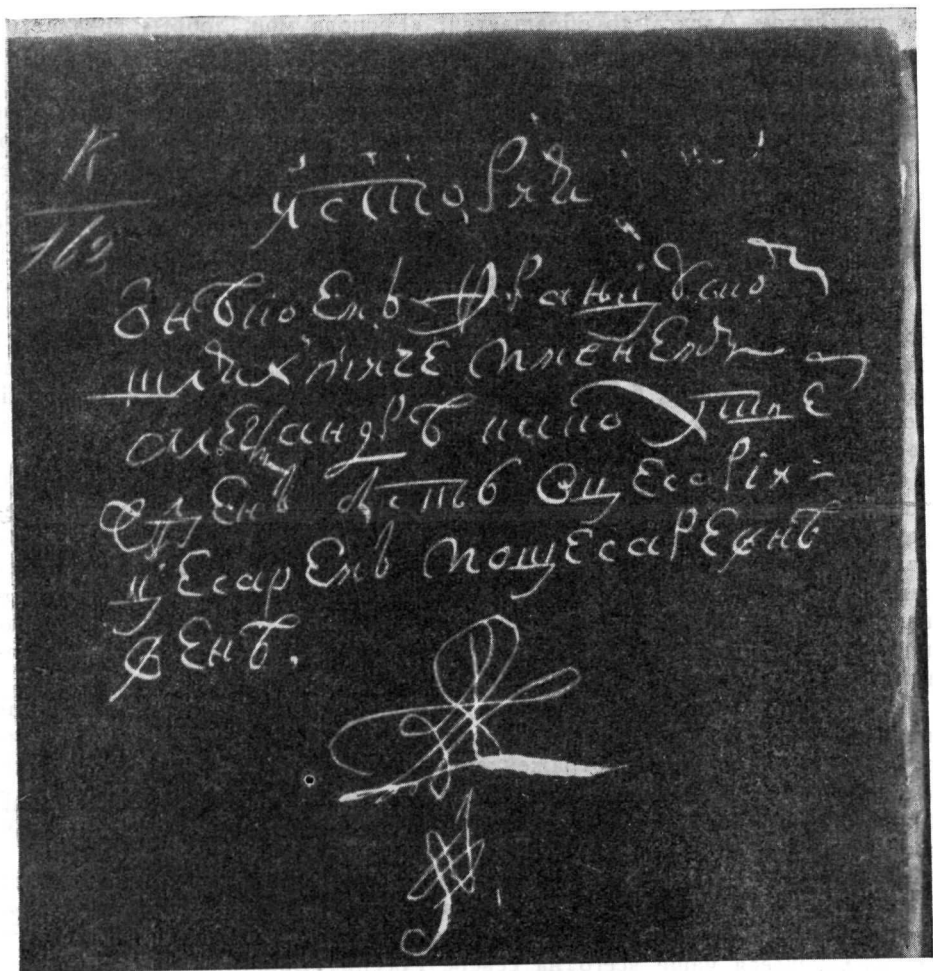

Рис. 3. Оборот переплета рукописи «История о французском шляхтиче Александре». (ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, 40—50-е годы XVIII в., 4°).

Важно и то, что герои «петровских повестей» достигают высокого положения в обществе благодаря «остроте разума». Французский шляхтич Александр добивается успеха в жизни, с одной стороны, «угождением» тем людям, у которых он живет (французскому фельдмаршалу, потом турецкому паше), с другой — своими победами в рыцарских поединках.

В описании этих поединков чрезвычайно своеобразно объединяются черты средневекового рыцарского романа с русским народным эпосом. Перед поединком Александр обращается: «Господа мои, добрые ковалеры!» (ср. с повестью о матросе Василии: «Господа мои, добрые молодцы»), но в то же время он «отдал комплемент шпагою».

В рассказах о поединках Александра проступают черты богатырского эпоса. Будучи «силою великого обогащен», Александр начинает бой поединком с врагом. «Аглицкого ковалера», посрамившего Францию, Александра «в самое ево сердце шпагою навывает, по самой ефес прошип». Турецкого визиря он «толь жестоко ... пошиб, яко копие свое на многия части сокрушив». Турецкого пашу он «толь жестоко удари, яко паша и с конем паде на землю». После того как он побеждает в личной схватке, он врзается во вражеское войско и сражается уже со «множеством». Даже своих врагов Александр заставляет восхищаться его силой и храбростью: так же как Батый, «зря на тело Еупатиево ... рече: «Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего»,³² салтан турецкий, «повеле привести к себе» Александра и «возлюби его от всея души своея».³³

Но Александр не только смел, он и благороден. «Аглинского» купца, с которым он сражается за честь своей родины — Франции, он честно предупреждает: «Господин купец! Побереги своего здравия!». И только тогда, когда купец «разъярися» и вызвал его «на смертный бой», Александр «жестоко на него поступи». Такая характеристика образа героя позволяет сделать предположение, что автор заимствовал краски для описания военных сцен и действий героя как из общеэпического запаса изобразительных средств, так и из литературной традиции воинских повестей.

Возможно также, что и в основе эпизода повести, где описано «скрадывание» спящего Александра в турецкий лагерь его слугой, лежат эпические мотивы, нашедшие отражение в русской песенной лирике: спящий молодец, просыпаясь, оказывается без коня, оружия и одежды; напоенная вином и заснувшая девица оказывается, просыпаясь, далеко от родного дома.³⁴

Неясно происхождение такой детали повести: герой, скрывающийся от преследующих его врагов, опускается в болото и дышит через «дягиль». Дягиль — это народное название стебля травы зонтичных растений,³⁵ употребляющееся чаще всего на севере России (Вологодская область) и в Сибири. Важно указать, что этот эпизод почти без изменения сохранен в обоих видах второй, распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре». Можно полагать, что автор повести использовал бытовой материал. Известно, что казаки в плавнях прятались от врагов, дыша через камыш.³⁶

³² Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 293—295.

³³ ГИМ, собр. А. И. Бярятинского, № 162, л. 11 об.

³⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 244, 245, 246.

³⁵ Н. И. Анненков. Ботанический словарь. М., 1858, стр. 372.

³⁶ За это указание приношу глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц.

Влияние устно-поэтической образности несомненно сказалось и в стилистической структуре повести о французском шляхтиче Александре. В ней имеются формулы воинской повести: «брань от утра и до вечера», герои сражаются «копие на многие части сокрушив», а когда кони под ними падают, они все же продолжают «жестокий» бой.

Отстоявшиеся литературные образцы проявились в таких описаниях: «три дня» длился пир у французских и «цесарских» войск, «три дня» корабль плыл на море благополучно, а на четвертый день поднялась буря, «три дня» пролежал в болоте Александр, «тридцать тысяч» войск выступили с Александром из Парижа. Александр плачет, и «слезы, аки град, по лицу его течаху», султанская дочь, узнав о побеге Александра, «заплакав горко».

На происхождение «Истории о некоем французском шляхтиче, именем Александре, како утвержден бысть в Цесарии цесарем, и о цесаревне Вене» оказала влияние и переводная литература. В первую очередь это относится к переводной повести «История о Париже и Вене». Это произведение, как думают исследователи, является переводом французского рыцарского романа XV в.³⁷ А. И. Соболевский высказал предположение, что перевод был осуществлен в Петровское время не с французского, а с польского языка.³⁸ И. А. Шляпкин и Эльза фон Шрейбер полагали, что перевод был сделан в первой четверти XVIII в., но не с польского, а с итальянского языка.³⁹

В каком виде знал «Историю о Париже и Вене» автор повести о французском шляхтиче Александре, мы судить не можем. Это мог быть и устный пересказ, и известный нам по четырем спискам перевод. Одно несомненно: рыцарский роман о Париже и Вене был известен составителю «Истории о французском шляхтиче Александре». Об этом свидетельствует в первую очередь имя героини — Вена. Вероятно, и описание рыцарского турнира, принесшего славу герою, благодаря чему он становится известным королю (в истории о Париже и Вене — цесарю), также связано с этой повестью. Возможно, что и сам факт пребывания героя в Турции после разлуки с героиней навеян «Историей о Париже и Вене». Но в целом «История о французском шляхтиче Александре» не является переложением «Истории о Париже и Вене». Об этом свидетельствуют многочисленные эпизоды в повести о французском шляхтиче Александре, которых не имеется в «Истории о Париже и Вене». С другой стороны, в «Истории о французском шляхтиче Александре» отсутствует целый ряд чрезвычайно важных компонентов сюжета «Истории о Париже и Вене». Так, например, различна биография героя, по-разному знакомятся Александр с Веной и Париж с Веной, по-иному расстаются и встречаются действующие лица этих произведений. Все это позволяет думать, что автор повести о французском шляхтиче Александре знал «Историю о Париже и Вене» или в устной передаче, или в иной переработке, чем та, которую мы знаем по

³⁷ История о Париже и Вене Приготовил к изданию Н. Н. Виноградов — СОРЯС, т. XC 1913, № 6, стр. VI

³⁸ Там же — В настоящее время ни в польских архивохранилищах, ни в библиографии старопечатной польской литературы, подготовленной к изданию Научно-исследовательским институтом литературы в Варшаве, мне не удалось обнаружить подобного произведения. Приношу свою благодарность профессору Ю. Кжыжановскому, доктору М. Ступкевичу, доктору М. Купцу и Я. Рудницкой, оказавшим мне помощь в работе во время моего пребывания в Польше.

³⁹ И. А. Шляпкин История о Париже и Вене (Рыцарский роман-поэма в старой русской литературе) — ЖМНП, 1915, май, отд. VII, стр. 226—232. Elsa von Schreiber Der Ritterroman von Paris und Vienna in Rußland zu Anfang des 18 Jahrhunderts, Lubek, 1932

рукописям, опубликованным Н. И. Виноградовым. Возможно даже, что автор «Истории о французском шляхтиче Александре» видел инсценировку романа «О Париже и Вене».⁴⁰

Можно полагать, что в «Истории о французском шляхтиче Александре» отразилась в какой-то мере и переводная повесть о Петре Златые Ключи. Если здесь нельзя указать прямых аналогий, то некоторые черты сходства между отдельными эпизодами несомненно имеются. В описании пребывания Александра в Турции и попытке султана женить его на своей дочери, в обрисовке автором стойкости героя в сохранении веры, возможно, сказались влияние повести о князе Петре.

Но наибольшее влияние на «Историю о некоем французском шляхтиче Александре» оказали «петровские повести». Они дали автору материал, который он своеобразно претворил в своем произведении, подсказали характеристики героев, отдельные детали в описании их поведения, монологи или диалоги действующих лиц.

Остановимся на некоторых примерах.

Французский шляхтич Александр послал в «Цесарию» просить помощи в войне против турок. Миссия выполнена удачно — во Францию отправлено «сто тысяч» войска, но цесаревна Вена, полюбив Александра, не хочет отпустить его на родину. Александр «прииде в великую печаль, вспоминая короля своего и «зело тщася к боталии против турки». Размышления французского шляхтича Александра напоминают высказывания российского дворянина Александра.

Повесть о российском
дворянине Александре

Повесть о французском
шляхтиче Александре

Александр ... рече в себе: «Беумен аз естмь! Колико дней проводил втуне ради негодной любви женской; и ни с чем возвращаю в дом отца моего...».⁴¹

Александр ... рече в себе: «Како ныне лежу на одре и вижу братию мою на войне, не щадяше персон своих!».⁴²

Описание знакомства Александра с султанской дочерью также заставляет вспомнить эпизод из повести о российском кавалере Александре. Попав в плен к «варварам», Александр, французский шляхтич, был определен чистить конюшню. «В некое время» Александр «седе на порог конюшеской и стал играть на флейте». Его игру услышала дочь «салтана». Вспомним, что игра на флейте привлекла внимание Елеоноры и заставила ее послать свою служанку Ассилию узнать, кто играет. Именно игра на флейте российского дворянина Александра послужила началом знакомства Александра с Елеонорой. В «Истории о французском шляхтиче Александре» игра героя на флейте также оказывается причиной того, что «салтанская» дочь обратила на него внимание.

Можно полагать, что и рассказ о поединке французского шляхтича Александра с неузнавшей его невестой — цесаревной Веней в какой-то

⁴⁰ О представлении «Комедии о Париже и Вене» в 1730 г. сообщил в своих воспоминаниях А. П. Сумароков (А. П. Сумароков, Сочинения, ч. VI, М., 1787, стр. 359)

⁴¹ ГИМ, собр. Музейное, № 1601, л. 202 об.

⁴² ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, л. 5 об.

мере оградил эпизод из повести о российском кавалере Александре, когда Тигранор сражается также с не узнавшей его Тирой.

Повесть о российском
дворянине Александре

Повесть о французском
шляхтиче Александре

Тогда Тигранор так сильно в перси ударил
Тиру, что Тиру, пад с коня, два часа яко
мертва лежала⁴³

Александр же Вену жестоко порази ко-
пием своим и сверже ее с коня, яко
мертву на землю⁴⁴

На возникновение «Истории о французском шляхтиче Александре» оказали влияние и повести о шляхетском сыне и о матросе Василии. «Гистория о некоем шляхецком сыне» дала материал для описания сцены, в которой султанская дочь добивается у отца согласия на брак. И в «Гистории о некоем шляхецком сыне», и в повести о французском шляхтиче Александре героини убеждают своих родителей выдать их замуж за полюбившихся им молодых людей.

При сравнении диалогов цесаревны и английской королевы («Гистория о некоем шляхецком сыне»), а также султанской дочери («История о некоем французском шляхтиче Александре») бросаются в глаза общность приемов построения диалогов, сходство самой аргументации героев, что позволяет говорить о возможности влияния. Общий план диалогов такой: героиня обращается к отцу с просьбой выдать ее замуж Отец охотно соглашается.

«Гистория о некоем
шляхецком сыне»

«История о некоем
французском шляхтиче
Александре»

Цесарь рече «Кого избереши — воля
твоя, с тем да сочетаешися закона»⁴⁵

Салтан . рече ей «Любезная моя дочь!
За кого поволиш, возвести ми, да
слышу»⁴⁶

При известии о том, что женихом дочери оказывается не-«коронованный», отец отказывается от свадьбы

«Да будет вам в супружество за короно-
ванных краей достойно»⁴⁷

«Обезумя! Чего ради тако глаголеши?
Аз тя отдам за благороднаго, нежели за
сего иностраннаго!»⁴⁸

Дочь говорит, что предпочитает смерть разлуке с возлюбленным

И тогда слышав цесаревна, рече со сле-
зами «Сей совет смерти мой яко
вскоре мя мертву узриши »⁴⁹

Она же рече ему: «Благородны отче мой!
Аще ты мя не отдаш за сего, то я не
буду жива и узриши мя вскоре мертву!
И сама велми заплакав горко»⁵⁰

Так же как и шляхетский сын, французский шляхтич Александр использует положение жениха для спасения своей жизни. В «Гистории о некоем шляхецком сыне» герой уезжает из Англии в «Цесарию», в повести

⁴³ ГИМ, собр Музейное № 1601, л 228

⁴⁴ ГИМ, собр А И Бярятинского, № 162 л 12

⁴⁵ Г Н Моисеева Неизвестная повесть первой половины XVIII в, стр 532

⁴⁶ ГИМ собр А И Бярятинского, № 162, л 10

⁴⁷ Г Н Моисеева Неизвестная повесть первой половины XVIII в, стр 532

⁴⁸ ГИМ, собр А И Бярятинского, № 162, л 10

⁴⁹ Г Н Моисеева Неизвестная повесть первой половины XVIII в, стр 532

⁵⁰ ГИМ, собр А И Бярятинского, № 162 л 10—10 об

о французском шляхтиче убегает из страны «Варвар» и поступает на корабль матросом.

Можно указать черты сходства «Истории о французском шляхтиче Александре» с повестью о российском матросе Василии Кориотском. При этом следует сказать, что большее сходство можно наблюдать со второй, распространенной редакцией повести.

Приведем несколько примеров. Французский шляхтич Александр, получив от отца большое наследство, «нача чрезмерно жить богато ... в скорых числах все имение ... истощил». Он стал так беден, что не имел «у себя дневнаго пропитания». Сравним со второй редакцией повести о российском матросе Василии: «И оной дворянин в великую скудость прииде, так что и дневной пищи не имел».⁵¹ В конце повести о французском шляхтиче Александре рассказано о том, как герой, спасаясь от преследования «варвар», спрятался в болоте и после прекращения погони переоделся в одежду «некоего человека», который «сек лес для домовою нужды». Мы помним, что и российский матрос Василий, приехавший во Флоренское государство, также меняет свою одежду. Он встречает старика и уговаривает его отдать ему свою «худую» одежду, а ему дает свою. Василий не совершает никаких поступков, которые могли бы быть расценены как отрицательные. Французский же шляхтич Александр, которому тоже необходимо переодеться, чтобы избежать смерти, не задумывается задушить ни в чем не повинного человека, для того чтобы воспользоваться его одеждой.

В повести о французском шляхтиче Александре имеется еще один эпизод, напоминающий «гисторию» о российском матросе Василии. Александр нанимается в матросы на «сшпионское судно». Это судно попадает в плен к французам. «И приидоша ко Александру французы, стали кидать варвар в море. Тако ж приидоша ко Александру и начаша привязывать к ногам его ядро пушечное, хотяше его бросить в море».⁵² В «гистории» о российском матросе Василии флоренский адмирал «велел своим афицером и салдатом, что б цесарских генералов и министров с кораблей бросать ... И оные адмирал, вшед в корабль, нача Василия Кориотскаго бить по щекам и за власы терзать ... И биша ево ... велел своим афицерам, навезавши едро пушечное, бросить в морскую глубину».⁵³

Несомненно влияние повести о российском матросе Василии на описание встречи французского шляхтича Александра с цесаревной Веной.

Повесть о российском
матросе Василии

Повесть о французском
шляхтиче Александре

Королевна же не утерпя, сама из берлина выскочив, и побежала в келию, и усмотря российского матроса, и узнав, кинулась на выю ... И взя ево за руку и веде с собою в берлин.⁵⁴

Тогда цесаревна не могла терпети, сниде с колесницы своєю, объем Александра, нача целовать ево и посадила ево в корегу свою.⁵⁵

Конец повести о французском шляхтиче Александре также напоминает «гисторию» о российском матросе Василии. Оба героя женятся на своих возлюбленных, наследуют престол и благополучно оканчивают жизнь.

⁵¹ ГИМ, собр. Музейное, № 1283, л. 300.

⁵² ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, л. 13 об.

⁵³ ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 187/229, л. 24.

⁵⁴ Г. Н. Моисеева. Гистория о российском матросе Василии Кориотском. — ТОДРА, т. X М.—Л., 1954, стр. 385.

⁵⁵ ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, л. 14—14 об.

Несомненное влияние «петровских повестей» сказалось в «Истории о французском шляхтиче Александре» при создании образов героинь.

Большим достижением «петровских повестей» явились характеры новых женщин. Только в условиях петровских преобразований, принесших серьезные изменения в культуре и в быту, могут быть поняты такие литературные типы, как пасторская дочь Елеонора, страстно полюбившая «российского ковалера» Александра, не побоявшаяся беззаветно отдаться своему чувству, или молодая наследница престола, полюбившая за ум и талант небогатого и незначительного шляхетского сына, смело боровшаяся за свое право выйти замуж по любви. И хотя на формирование образов этих героинь оказала известное влияние переводная литература, все же несомненно, что писатели уже и в жизни видели появление новых типов женщин.

Не случайно героини «петровских повестей» знатного происхождения. В этом большой социальный смысл. Герой произведения — незначительный и небогатый молодой человек своими личными талантами, умом и находчивостью становится равным знатным девушкам, вполне достойным их любви. Поэтому-то матроса Василия избирает себе женихом флоренская королева Ираклия, кавалера Александра — пасторская дочь Елеонора, а потом дочь французского гофмаршала Ти́ра, шляхетского сына — цесаревна, а потом английская королева. В искренней и глубокой любви героев «петровских повестей» нет и тени расчета: влечение их основано на большом и сильном чувстве, на взаимном уважении.

Любовь для героев «петровских повестей» — очень важная сторона их жизни: она раскрывает лучшие стороны характера героев. Кавалер Александр, матрос Василий и шляхетский сын горячо и бескорыстно преданы своим возлюбленным.

Героини «Истории о французском шляхтиче Александре» — цесаревна Вена и султанская дочь — внешне очень похожи на героинь «петровских повестей». Они также энергичны, смелы и инициативны, они сами прилагают усилия, чтобы добиться счастья совместной жизни с полюбившимся им французским шляхтичем Александром. Но если мы присмотримся к тому, как строятся их отношения с Александром, то увидим, что здесь между «петровскими повестями» и «Историей о французском шляхтиче Александре» очень существенная разница.

Впервые увидев Александра, цесаревна Вена «зело подивися красоте лица его». Она его «возлюби от всею сердца своего», и решила признаться Александру. Вена позвала Александра в «спалню», когда сама была «не в уборстве, на постеле лежаща». Смущенный Александр, почти как библейский Иосиф, «зело ее устыдися», но цесаревна, нимало не смущаясь этим, предложила ему сесть «на постеле». Когда же Александр снова «устыдися» и сказал сй о том, что «зело неподобно, чтобы раб сидел з господином своим», Вена разъяснила ему, что хотя она «красотою своею подобна есмь тебе, а благородием превосхожду тя. Но о сем известно ти буди, яко не раб ты мой, но присланный мой сердечный друг». Как пишет далее автор, Александр, «виде свой такой счастливой случай», сказал цесаревне: «О сем воля твоя да будет».

Если кавалер Александр, матрос Василий и шляхетский сын верно и бескорыстно преданы своим возлюбленным и любовь для них является важным стимулом их деятельности, то для французского шляхтича Александра характерно стремление использовать любовь героинь в свою пользу. Так, будучи совершенно не увлеченным цесаревной Веной, он только соглашается на ее любовь. Вследствие этого искусственным и непонятым оказывается в повести и эпизод с перстнями, которыми обмениваются

Александр и Вена при расставании как символом искренней любви (не случайно поэтому этот эпизод не получает развития). На протяжении всей повести Александр ни разу не вспоминает Вену. А оказавшись главнокомандующим турецкими войсками, он, не узнавший Веной, пришедшей в Турцию, чтобы освободить его из плена, и сам ее узнавший, сражается с ней на поединке. И получение цесарской короны благодаря женитьбе на цесаревне Вене является не вознаграждением героя за его поведение, а результатом свойственной ему ловкости.

Еще более отчетливо проступают характерные черты взаимоотношений Александра с героинями повести в описании его «романа» с султанской дочерью. Выше нами уже указывалось, что внешние отношения между султанской дочерью и Александром напоминают «петровские повести»: игра на флейте, вынужденное согласие отца выдать дочь замуж за не-«благородного». Но султанская дочь не любит Александра (она «нача на него прелщатися»), а он добивается объявления себя ее женихом только ради того, чтобы уехать из страны «варвар».⁵⁶ И хотя все это автор объясняет религиозной твердостью Александра, не желавшего как «христианин сотворить сообщение с босурманом», но, независимо от этого, само поведение его и султанской дочери значительно отличается от того, что мы наблюдаем в «петровских повестях», где все основано на прямых и бескорыстных чувствах. Ведь даже «коварная» Гедвиг-Доротей, разлучившая Елеонору и Александра, делает это не из расчета, а по страстной любви к Александру.

Таким образом, в «Истории о некоем французском шляхтиче Александре» своеобразно, отдельными своими чертами отразились «петровские повести». Полагать обратное, т. е. что «История о французском шляхтиче Александре» оказала влияние на «петровские повести», нельзя уже по одному тому, что в этих повестях эпизоды, имеющие сходство с «Историей» об Александре, органически слиты с идейным замыслом. В повести же о французском шляхтиче многое рассказано очень неясно, поступки действующих лиц недостаточно мотивированы и некоторые подробности фабулы в ней неорганичны. Неизвестный составитель «Истории» не сумел слить воедино отдельные мотивы, заимствованные из разных источников, и создать цельные образы действующих лиц, и в первую очередь главного героя. Поэтому сама трактовка образа Александра иногда противоречива.

Александр — сын «благородного и zelo богатого» шляхтича, но в то же время, расточив свои богатства, он «не стал иметь у себя дневного пропитания», что заставило его поступить «во услужению» к «убоному шляхтичу». В характеристике его прежде всего выделены две черты: он «zelo прекрасен и силою великою обогащен». Эта характеристика прямо связана с его поведением при дворе французского короля — он оказывается победителем на «кавалерских диспутациях» (рыцарских турнирах). Но нигде не сказано о его успехах на дипломатическом поприще, и непонятно поэтому, почему все сенаторы единодушно предложили французскому королю отправить его послом в «Цесарию» («Мы вси прямо знаем, яко никто так не может посолства отправить яко Александр»). Непонятно также, почему цесаревна Вена сразу же отличила Александра и приказала принять его на двенадцатой ступени (остальных послов принимали на девят-

⁵⁶ В поздних редакциях произведения эта мысль еще более развита. В списке ГИМ, собр. А. С. Щукина, № 480 Александр, увидя, что «безумная арапка» его любит, «положил намерение обольстить ее», с тем чтобы уехать в Турцию. Это он сделал с успехом, а «арапка», узнав о его победе, «с горячки» умерла

той) и «подивилась» «умному посольству его». Если в «петровских повестях» устами действующих лиц охарактеризована «острота разума» героев, то авторы подтверждают это описанием их поступков: так, матрос Василий успешно овладевает «науками», находясь у разбойников, проявляет смелость и находчивость, спасает из плена королеву Ираклию; шляхетский сын преуспевает «в науках» в Академии наук, не теряется в трудных обстоятельствах в Англии, умеет, даже находясь в тюрьме, показать свои знания, благодаря чему становится ближайшим помощником английского короля; кавалер Александр также стремится «к наукам» и для этого предпринимает поездку за границу. Правда, «ради амура» Александр забывает о своих занятиях, но важно то, что автор подчеркивает его стремление к овладению знаниями, без которых он не может «назваться дворянином».

Неясна в повести и трактовка образа главного героя — французского шляхтича Александра. Он, не задумываясь, жмет «фельтмаршалу», когда тот спрашивает о причине его слез: «По смерти отца моего остался мал, и которое имение оставшее отца моего было и то все похищено». В действительности же он сам, «нача чрезмерно жить богато ... все имение отца своего истощил». Спасаясь от «варвар», он без колебания убивает ни в чем не повинного человека, чтобы воспользоваться его одеждой. Во взаимоотношениях с героинями он не разделяет их чувств, использует «случай». Но в то же время Александр храбр на рати, он мужественно сражается с врагами, имея «велие попечение о государстве своем», показывает стойкость в сохранении веры.

Такое непоследовательное сочетание разнохарактерных черт в изображении героя — не преднамеренный замысел автора, а следствие того, что, перенося из самых разнообразных источников отдельные эпизоды, описание поступков действующих лиц, приемы ведения «речи», составитель «Истории» не сумел так переработать материал, чтобы сгладить несколько искусственное соединение разнородных черт в характеристике героя. Поэтому Александр нередко предстает перед читателем в противоречивых оценках. Но эта противоречивость не является свидетельством того, что автор повести стремился раскрыть многообразие человеческого характера (как, например, это было в русской литературе начала XVII в.⁵⁷).

Не исключена возможность, что некоторые детали «Истории о французском шляхтиче Александре» связаны с французским переводным романом, пользовавшимся большой популярностью в 40—50-х годах XVIII в.⁵⁸ Если будет обнаружено произведение, оказавшее влияние на эту «Историю», то история текста повести сможет получить иное объяснение.⁵⁹

«История о французском шляхтиче Александре» по своему характеру близка к таким произведениям 40—50-х годов XVIII в., как «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии», «Гистория королевича Архилабона», «История о Ярополе царевиче». Их сближают общность самого типа повествования, приемы построения сюжета, обрисовка характеров героев, отношение к литературным источникам.

⁵⁷ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л. 1951, стр. 222—234.

⁵⁸ П. Н. Берков. Иван Шишкин — литературный деятель 1740-х годов. (К истории русского романа: от рукописной старорусской повести к печатному роману). — Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, стр. 49—63.

⁵⁹ П. Н. Берков полагает, что при условии обнаружения источника «Истории» в двух основных редакциях этого произведения (краткой и распространенной) можно будет видеть два различных перевода одного и того же произведения.

К «Истории о некоем французском шляхтиче, именем Александре» целиком может быть отнесена характеристика П. Н. Берковым повествовательной литературы 40—50-х годов XVIII в.: «В царствование Елизаветы и даже в конце царствования Анны Иоанновны замечается реакция и в театре (трагедия Сумарокова), и в литературе (ода, панегирическая проповедь, иллюминационные надписи), героями вновь становятся лица „высокого“ происхождения, короче говоря, цари и равные им по положению „особы“. В эти годы вновь обнаруживается в повествовательной литературе интерес к героям-царям, к их воинским подвигам, к пышному придворному ритуалу... Это, по существу, „возврат“ к традициям допетровской повести и, конечно, „возврат“, не имевший прогрессивного значения».⁶⁰

Действительно, «возврат» к традициям допетровской литературы в повестях 40—50-х годов сказался в утрате тех черт прогрессивной идеологии своего времени, которые были характерны для «петровских повестей». Художественные же достижения литературы первых десятилетий XVIII в. оказали большое влияние на повести середины этого столетия. Не случайно поэтому, что такой большой знаток повествовательной литературы XVIII в., как В. В. Сиповский, только на основе близости художественных черт отнес к «петровским повестям» «Гисторию королевича Архилабона» (написанную в 1750 г.).⁶¹ С. Ф. Елеонским отмечено воздействие «петровских повестей» на «Историю о французском сыне»,⁶² П. Н. Берковым и В. И. Малышевым — на «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»⁶³ и М. В. Николаевой — на «Историю о Ярополе царевиче»⁶⁴ и на «Гисторию о гишпанском королевиче принце Дикаронии и о французской принцессе Елизавете».⁶⁵

К группе же подобных повествовательных сочинений 40—50-х годов XVIII в., использовавших опыт литературы начала этого века, отразивших влияние как народно-поэтического творчества, так и переводных памятников, относится и «История о некоем французском шляхтиче, именем Александра, како утвержден бысть в Цесарии цесарем, и о царевне Вене».

ТЕКСТ

4. 1

история о некоем французском шляхтиче,
именем Александре, како утвержден бысть
в Цесарии цесарем, и о цесаревне Вене.

Во французском королевстве, именуемом граде Париже, бысть некий благородны шляхтичь зело богат, но не презельным богатством процветая, но паче сияя храбростию. И для своей храбрости знаем бе многими ковалеры. Имел же сей шляхтичь у себя сына, именем Александра, зело прекрасна и силою великою обогащенна. О нем же настоящая сия гистория

⁶⁰ П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 425.

⁶¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. L—LI.

⁶² С. Ф. Елеонский. История о французском сыне. Новая повесть XVIII века. М., 1915, стр. 16—23.

⁶³ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века, стр. 415—416.

⁶⁴ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 65—66.

⁶⁵ М. В. Николаева. Неизвестная повесть первой половины XVIII в. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, Факультет языка и литературы. Л., 1958, т. 184, вып. 6, стр. 17—27.

объявити имать. Шляхтич же той приспе к великой старости и поживе довольно лет, и умре.

Сей же сын его, Александр, остался по нем не токмо что млад, но и мал еще. И егда же прииде в возраст юношества своего, нача чрезмерно жить богато, не по препоряду имения своего, и в скорых числах все имение отца своего истощил и остася яко един от убогих. || И егда прииде в со- а 1 об. вершенство лет своих и опечалися велми от такой печали, вспоминая благороднаго отца и богатство дому своего. Уже не стал иметь у себя дневнаго пропитания. И о всем много розмышляя и отдалеся некоторому убогому шляхтичу во услужение, и служа ему зело верно.

Поиде же некогда Александр по граду гулять и найде на него великое уныние и тяжкая печаль о состоянии пребывания своего, рех в себе: «Егда аз был при моем отце сам благородны шляхтич, а ныне раб хуждшаго мене». И егда идяше, и слезы аки град по лицу его течаху. В тоже время ехал некий ковалер, его же корета бе вся золотая. Сей же бе ковалер фелтмаршал короля французского. И виде сего юношу зело прекрасна, идуща и плачуща. И егда приближися к нему, призва его к себе, нача вопрошати его: «Юноша, о чем имееш печаль и какова ты отца сын?». Он же рече ему: «Милостивой мой господин! Аз есмь некоего умершаго шляхтича сын. По смерти отца моего остался мал, и которое имение оставшее отца моего было, и то все похищено. А аз ныне нищ и убог || и служу а 2 у некоего мизирного шляхтича, и от сего имею великую печаль. И как вспомяну честь благороднаго отца моего, себя ж вижу аз во всем поруганна».

Фелтмаршал же удивися умному ответу его и сам зело заплакал. Потом фелтмаршал спросил о имени его. Он же рече: «Имя мое есть Александр». Фелтмаршал же, сожалея о честной породе его, такожде и виде его зело прекрасна, и рече ему: «Буди при мне. Аз тя приму к дому моему». Александр же поклонися ему и велми рад бысть щасливому сему случаю. И поиде за ним до дому его. Фелтмаршал приказал ему быть при спалне своей. Александр же велми угождая фелтмаршалу. Его же фелтмаршал зело возлюбил и даде ему власть надо всем домом своим, и надо всеми служителями сотвори его первым.

Случися быть во Франции съезду ковалером для диспутации ковалерства своего. И съехались во Францию из многих государств множество храбрых ковалеров, между которыми избралися из Англии два ковалера, один графской сын, а другой купец. || Оныя же ковалеры зело храбры и а. 2 об. прославились славою своею, что на той диспутации из французских ковалеров не избирались. Видев же король французский, что его Франция посрамлена зело, о том опечалися велми, зане земля его нарицашеся ковалерским рыцарством, всего света славнее. Аглинския ж ковалеры просили короля французского, дабы повелел послать куранты по своему государству — кто похочет с ними ковалерскую диспутацию иметь. И король послал по своему государству — кто храброго сердца добры ковалер выдержит диспутацию со аглинскими ковалерами, и ежели примет победу «первы ковалер наречетца в моем королевстве». Александр же, сие слышав, такой собственной указ великого короля своего, и великою распалися ревностию за природу земли своея, не мог терпети, приде к господину своему и нача объявляти указ его королевского величества «зане аз имею велие попечение о государстве своем, иду на диспутацию со аглинскими ковалерами». Видев же фелтмаршал || такое его прошение, зело возрадовался, а. 3 зане хочет всячески услужити королю своему. И взем, приведе его пред короля. Король же, видев Александра, рече ему: «Как твое имя и чей ты сын?». Александр же отвеща: «Аз есмь мизирны шляхтич ваша дер-

жавы. Имя мое есть Александр. Иду за честь вашего королевского величества на диспутацию аглинских ковалеров». Слышав же король, велию радостию о сем возвеселися.

Король же французский от плача оного отдохнул и во благодушие облечеса, призв к себе ковалера аглинских, рече им: «Обретох аз для диспутации с вами некогого ковалера французкия земли своея. Будите вси готови завтрешней день на ковалерской площади!». Аглицкия же ковалеры, сие слышав, возвеселишася, хотяще ковалерство свое еще оказать. Воутри же велми убрався ковалерски, изыдоша на ковалерскую площадь, ожидающе короля и ковалера для диспутации своея. Король же французски повеле рыцаря своего, || Александра, убрать обычаем ковалерским, яко же лепо есть честному ковалеру. И егда его во уборстве приведоша к королевскому величеству, тогда король удивися красоте лица его и смелой поступке. И взем его за руку идде со всеми своими министры на ковалерскую площадь. Тогда рече Александр: «Господа мои, добрые ковалеры! Иду аз на диспутацию, кто похощет до поединка со мною изо всех вас?». Тогда графской сын аглицкого королевства выступив и вынев свою шпагу, и отдав комплемент всем ковалером. Александр, вынев шпагу и прииде к королю и рече: «Иду за честь вашего королевского величества». Тако ж отдал комплемент шпагою всем ковалером. И тако пошли два ковалера до поединку. И в первой шипке Александр ранил графского сына в правой бок. Видев сие графской сын, яко Александр мочию и поспехом его превосходяше, и не поиде по другую шшипку. Видев сие аглицки купец, разъярися зело, вынев свою шпагу и шед против Александра. Сей же купец велми силою славен. И не долгой час между собою билися. Александр жестоко на него поступи и ранил его в левое плечо. Потом еще бились доволно, и еще ранил ево Александр в правой бок ^а и рече: ^б «Господин купец! Побереги своего здравия!». Купец же разъярися, рече: ^а ⁴ «Иди, злодей, со мною || на смертной поединок!». Александр же жестоко на него поступи и в самое ево сердце шпагою навывлет, по самой ефес прошип, и мертва поверже на землю. Видев же сие король зело возрадовался, и взем его за руку, и приведе его в свои полаты, и даде ему чин генерал-адъютант его королевского величества. И зело его король любляше, он же зело служаше королю.

В тоже время салтан турецкий воста войною на короля французского и посла первого пашу своего под некоторы французский город со множеством войска, и осади его. Король же французский зело опечалися и собра силы своея, и видево яко неудобь толикими силами стати противу войска турецкого, и повеле созвати всех своих сенаторов, и седе с ними, и рече: «Умыслих аз полномочного посла послать в Цесарию, прося споможения у цесаревны Вены». И рече: «Кого аз из вас пошлоу возвестити ми, да слышу?». Слышав же сие сенаторы его велми похвалиша совет его и рече: «Великий королю! Мы вси прямо знаем, яко никто так не может посолства отправить яко Александр. Он может свободно говорить против цесаревны Вены». Слышав же сия король призва Александра к себе и рече ему: «Милы мой Александр! Послужи мне верно, буди послом в Цесарию к цесаревне Вене. Проси вспоможения на турок». ^а ⁴ ^{об} Александр же рече ему: «Верно обещаюсь || служить вам, королевскому величеству, повели дары готовить, тако ж и лист посолства». Егда же сия вся честне исправиша, тогда Александр поиде в Цесарию. И король французски далече его провожая, и целовав отпусти его.

^{а-б} В ркп. написано над строкой.

Егда прииде Александр в Цесарию и услышав цесаревна Вена о пришествии полномочного посла из Франції, приказала его честне встретить, особливо перед прочими послами. Министры же цесарския приведоша Александра в цесарский двор. И егда же идяше двором Александр, тогда цесаревна Вена смотрила на него ис полат, из некоего окна. И видев его, зело подивися красоте лица его. Цесаревна Вена сяде на престол цесарский и повеле Александра привести пред себя, хотя ведать о пришествии его. Престол же цесаревны таков бяше: от земли двенатцать ступеней, и егда послов принимает, тогда живет от всякой ступени завес. И болши никогда никоторого посла не водили выше как на девятую ступень, и тут свое посолство править за тремя завесы. А цесаревна Вена повеле завесы все отдернуть и возвесть его на двенатцатую ступень. И толко приказала лице свое завесить черным флером. || Министры же, сие слышавше, приидоша ко Александру и рекоша ему: «Господин Александр! Государыня наша, прекрасная цесаревна Вена, приказала тебе объявить милость свою цесарскую, приказала тебя ж привесть пред свое лице на двенатцатую ступень престола своего, тут да примет посолство ваше». Слышав же сия Александр зело обвеселись, прииде к цесаревне Вене^а и дары многия и драгоценны от лица короля своего представи ту. И тако рече: «Милостивая государыня цесаревна Вена! Государь наш, король французский, приказал вам, цесарскому величеству, челом ударить, и приказал у вас, цесарского величества, просить, чтоб вы пожаловали споможения на салтана турецкого». Цесаревна Вена зело подивися умному посолству и також презелне подивися красоте лица его. И возлюби его от всего сердца своего, и рече ему: «Александр! Где имееш квартиру?». Он же рече ей: «Государыня прекрасная цесаревна Вена! Не имею нигде квартиры себе». И рече цесаревна гофмейстеру своему: «Отведи французскому ковалеру полату в доме моем». А сама рекла: «Александр! Буди ныне при моем столе кушать». Александр же поклонися цесаревне и поиде в свою показанную ему полату. И егда прииде время кушать, и седоша цесаревна со Александром и с министры своими. И егда кушанья || кончалась, Александр же воста, прося отшествия в свою землю. Цесаревна рече ему: «Господин Александр! Послание короля твоего все будет исполнено». И повеле послать войска своего в Париж град сто тысяч и перваго своего фельтмаршала. Александру же рече: «Аз тя не отпущу. Есть мне некоторое дело до вас». И приказала об нем писать лист похвалной х королю французскому. И егда стол отошел, тогда посланной цесарской фельтмаршал поиде во Францию и при нем войска сто тысяч. И егда прииде во Францию, тогда король французский зело радуяся о пришествии цесарского посла фельтмаршала. И благодарил зело цесаревну Вену. Потом вопросы о своем ковалере Александре. Фельтмаршел же подаде от цесаревны похвалной лист об Олександрое. И король зело возрадовался умному посолству его.

Александр прииде в великую печаль, вспоминая короля своего и зело тшася к боталии против турки. Рече в себе: «Како ныне лежу на одре и вижу братию мою на войне, не щадяше персон своих!». И не мог утерпеть, прииде в полату цесаревнину и рече, дабы доложили цесаревне. Тогда цесаревна, увиде ис полаты Александра, и повеле его привести к себе. Он же прииде в спальню ее и видев ю || не в уборстве, на постеле лежашу, зело ее устыдися, а наипаче убояся яко «как могу такое дело великое видети». И рече Вена: «Александр! О чем прошение твое? Воз-

^а В ркп. написано в квадратных скобках.

вести ми, да слышу». Тогда пад Александр до земли на колени, прося свободы во Францию: «Государыня прекрасная королева Вена! Прошу вашего поизволения, да свободно² отбуду во Францию». Тогда королева, слыша от него такое прошение, рече ему: «Александр! Прощение твое велми ожесточи мя, понеже любовию твоею зело объята есмь. Прошу тя, да сядеши со мною на моей постеле». Он же зело устыдися и рече ей: «О, преславная цесаревна! Зело неподобно, чтобы⁴ раб сидел з господином своим». Она же рече: «Александр! Вижу тя днес мною гнушаешься, но аз разсуждаю яко красотою своею подобна есмь тебе, а благородием превосхожду тя. Но о сем известно ти буди яко не раб ты мой, но присланны мой сердечны друг. И болши сего не отговаривайся, но прими мя в верную⁵ любовь свою». Александр же, виде свой такой счастливой случай, рече: «Государыня прекрасная цесаревна! О сем воля твоя да будет». Она ж, взяв ево за руку и поцелова его любезно. И тако утвердили между собою верны пороль, что им принять законной брак. || Он же клятвами себе аки узами связующе соблюсти веру свою. И потом Александр нача у ней со слезами проситись во Францию. Рече ей: «О великая королева! Повели ми возвратитися во Францию для батални с турком, понеже горить утроба моя яростию. Како могу подъявить лице мое ко всем моим, когда лишуся всей победы!». Она ж рече ему: «Александр! О сем буди воля твоя. Толоко не остави мя умрети от печали, возвратися ко мне вскоре». Он же обещася возвратитися к ней вскоре. Она же снем с руки своя драгоценный свой перстень. и рече ему: «Прими, верны мой и любезны друг, сей мой малой подарок для воспоминания любви нашей!». Он же приняв и поцелова ее, и поеде. Она ж возврати его и рече: «Александр! Разве не прямо мя любиш, что ничем мя не подариш?». Он же снем с руки своя перстень и подарова ей. Она же, прием его и поцелова, а сама заплакав, рекла: «Или с сим перстнем умру, или за тобою пойду!». Александр же, поклонись и любезно целовав и разыдохася.

Воутрии же цесаревна Вена повеле секретарю своему отправить лист посолства ис Цесари во Францию и особливо лист похвалной от цесаревны во Францию || об Олександрe. И тако отпусти его с честию во Францию. Александр же прииде во Францию и застал все свое войско. Король же французский зело возвеселися о приезде его. Александр же подаде королю посланныя листы от цесаревны. Король же прочет их, возрадовался умному посолству его. И тако поручи ему все войско свое в команду, и посла его встречу против силы турецкия. Александр же, прием от него отпущение, отходит на супостаты.

И егда соединися войско Александрово с турецким, тогда бысть велия брань от самого утра до вечера, толь долго секущися, никто же ослабевает. И тако турки превосходят множеством, французоз нача одолевати. Паша же турецкий Челнубей зело скакаше по полком французским и множество убивает, и ранит, и с коней низлагает. И тако французския полки крепце ратуя побеждает. Видев же сие Александр, не моги терпеть, подвижеся ис полку своего и взем копие свое, и в течении коня своего против паши турецкого. Паша разуме подвиг его, ста крепце и тако ударишися копии своими. Александр толь жестоко везиря пошиб, яко копие свое на многия части сокрушив. || Везир же держати себя не мог, спаде с коня своего аки мертв. Александр, оставя его, направляется во многочисленныя полки турецкия и бесчисленно сечаше их. И тако Александр порази войско турецкое и всех разгна их, и везиря турецкого взя в полон.

² В ркп. свободно.   ⁴ В ркп. ктобы   ⁵ В ркп. верхнюю.

Видев же Александр яко счастливо ему случилось, повеле собрати все войско свое и раздели им все турецкое сокровище, и посла вестника ко французскому королю с радосию о победе турка. Король же возрадовался зело сему.

Александр же о победе зело возрадовался, повеле собрати всех своих афицеров и зело велие сотвори веселие, и заповеда во всем войске своем, чтоб все были пьяни: «А ежели кто не будет пьян, тот против короля и меня».* Услышавше же сие войско ево все начаша веселитися, и тако уже три дни все пребываху в веселиях, ни един муж французской, которой бы не пьян был. Толко во всем войске его не был пьян полоненой везирь турецкой, да камардин Александров. Александр же поиде по лагирю своему гулять, везирь же турецкий седяше в полатке у Александра и зело плачет. Камардин же рече ему: «Господин везирь! О чем тако плачеш?»^а. Он же рече ему: «Мой господин! Како мне не плакать о сем, что отстал я салтана своего, и лишился дому моего, и жены, и детей моих». || Камардин рече ему: «Господин паша! Какое ты мне благодарение воздаш, как я тебя свободу от полону и то зделаю, что ты здрав будеш в своем войске»^а. Он же рече: «Господин камардин! Ежели ты мне явиш такую любовь, то ты у господина моего, салтана, будеш первым визирем». Камардин, сие слышав, рече ему: «Я тебе сие сотворю, что тебя от полону свободу и Александра, фельтмаршала нашего, скраду в войско ваше». Паша же о сем зело просить у него. И егда прииде ночь, Александр же зело напился пьян, тако ж и войско его, и все возлегоша спать. Тогда камардин Александров оседлал две лошади и вывезли его вон из войска французского.

Егда же прииде день, тогда генералы и полковники приидоша в шатер Александров и не обретоша его. И зело опечалися. Тако ж и не обрете полоненова визиря и камардина, презелне опечалились, послали о сем вестника к королю французскому. Король же об известнем^в пропадении зело опечалися и нача ходить в черном платье для печали сея великия. И повеле войску своему возвратитися в Париж град. И егда прииде войско его, тогда возвестиша обо всем королю. Король же уразуме, яко || сие сотворися от камардина^г Александрова. И подлинное о сем известие получи, яко Александр украден в турецкое войско. И посла о сем вестника к цесаревне. И егда услыша о сем цесаревна, о погублении Александровом, прииде в великую печаль и непрестанно упраздняшеся в рыдании и слезах.

Егда же визирь турецкий и камардин^к Александров привезоша Александра в войско турецкое, тогда турки возвеселишася. Александр же сие не ведующе как его взяли, и как привезли и связали руки и ноги, и бросили в полату к визирю. И егда прииде день, тогда сндошася вси визири и паша турецкия в шатер главного визиря своего, и седоша за столы радуются и веселятся. Александр же проснувся и ошутив у себя руки и ноги связаны, и ужасеся,^д возре очима, и виде в шатре сидят все турки, тако ж и виде своего камардина седяща с ними и веселяшася. Тогда Александр зело ужасеся и уразуме предать леств изменнику-камардину. И рече тому визирю, которой был в полону у него: «Господин визирь! Прикажи мя развезать. Когда аз тя имех у себя в полону, не был ты так связан, якоже аз ныне». Егда же || услыша визирь прошение Александрово, приказа его развезать и повеле ему сести за стол. Востав же Александр и сяде за стол подле камардина своего. Тогда визирь рече

* В ркп. мне.   в В ркп. известнем.   г В ркп. камандира.   к В ркп. кармодин.
^а В ркп. жасеся.

Александр: «Александр! Вчерашняго дня аз бых твой полоненик, а ныне аз ты имею пленника при войске своем». Александр же уразуме леть и предательство камардина своего, и рече камардину: «Чего ты, раб лукавы, покусился предати мя? Какое возможеш благодарение получить за сие твое злодейство?». Камордин рече ему: «Александр! С кем глаголещи? Ныне аз есмь визирь салтана турецкова, а ты — пленник». Александр же велми стоскнувся печалию и не моги терпети, прием со стола нож и удари во чрево камардина своего. И тако злы зле погиб. Видев же сие визирь турецки приказал Александра взять и сковать ему руки и ноги, и повеле его сослать на каторгу в Константинополь. А сам визирь поиде с войским своим в Царьград. Посадивше же Александра и других полонников с ним 30 человек на корабль и послаша его в Константинополь.

И пляша по морю три дни здраво, в четверты день возвез жестокий ветер и не могоша ему противитися, и вдаше волнам, аможе ветер их несет. И занесе их той жестоки ветер к царству салтана варварского.^а И егда узреша их народи варварски,^б поимали корабль оной и приведоша людеи оных к салтану своему. Салтан, взяв из оных полоников семь человек || на дворе своем, приказал им чистить свой двор салтанской, и приказал чистити конюшню. С ними ж взят и Александра. И во время некое седе Александр на порог конюшенной и стал играть на флейте. Услышавши же сие дочь салтана варварского,^в такую его сладкую игру, и рече девицам своим: «Что сей за человек, иже так сладко играет?». Девицы же рекоша что: «Сей полоненик дан конюхам чистить конюшню». Она же повеле его привести к себе. Александр же прииде пред салтанскую дочь. Она же рече ему: «Юноша! Что ты за человек и как твое имя?». Он рече: «Аз есмь христианин. Имя мя есть Александр». Она же рече: «Александр! Заиграй на флейте». А сама села на постелю и велела ему играть. Он же нача играть на флейте. Тогда салтанская дочь zelo подивися игре ево и дивалась красоте лица его. И потом востав взяв за руку ево и приведе его ко отцу своему, и рече: «Дражайши отче мой! Повели ми сего юношу^г имети при себе во услужниках». Он же рече: «Возми как твоя воля». Она же взяла Александра к себе и приказала зделать платье драгоценное, и приказала ему быть при своей спалне. Александр же живяше при ней. Тогда дочь салтанская нача на него прелщатися, рече ему: «Александр! Будь ми друг мой и сотвори волю мою». Он же, сие слышав, и отвеща ей: «Госпожа моя! Прощение || твое велико. Како могу аз, христианин, сотворить сообщение з босурманом, и еще донесется отцу твоему, то меня и тебя повелит казнить смертию». Она же рече ему: «Коли ты сего, Александре, боишися, то аз буду просить отца своего, что б меня тебе в жену отдал и по нем будеш салтан, только прими закон, и оставь бога своего». Александр же рече ей: «Госпожа моя! Нелзя мне сие сотворити, понеже аз есмь христианин и бога своего не оставляю, а веры вашей никогда не прииму». Она же рече ему: «Когда сего не сотвориши, то будеш казнен смертию!». Александр же нача размышлять како бы ему избыти от нея бес пакости. Рече ей: «Госпожа моя! Поиди проси отца своего, дабы повелел тебя за меня отдать. Но еще проси о мне, дабы меня объявил во всей вашей державе, что я твой буду муж и везде бы меня почитали. Я на тебе по прошествии месяца женюся». Она же с великою радостию поиде ко отцу своему, рече ему: «Благородны мой отче, великий салтан! Прииде ми время посягнуть замуж». Салтан же рече ей: «Любезная моя дочь! За кого поволиш, возвести ми, да слышу». Она же рече

^а В ркп. барбарского
юноша

^б В ркп. барбарскии.

^в В ркп. барбарского.

^г В ркп.

«му: «Есть христианин, которого ты пожаловал мне в служители, той будет муж мой, понеже он зело мне мил и хочет принять закон наш». Салтан же рече ей: «Обезумися! Чего ради тако глаголеши? Аз тя отдам за благороднаго, нежели за сего иностраннаго!». Она же рече ему: «Благородны отче мой! Аще ты мя не отдаш за сего, то я не буду жива и узриши мя вскоре || мертву!». И сама велми заплакав горко. Салтан же, л. 10 об. видев дочь свою велми плачущу, возжался по ней, понеже зело любяше ю. Рече ей: «Не плачь о сем. Буди воля твоя яко же хоцеш!».

Воутри же салтан созва всех визирей своих и пашей, и объявил им Александра, яко «Сей есть зять мой, будите ему повинны, яко ж и мне!». И тако все люди варварстии^р падше поклонишася ему. Воутри же Александр приказал оседлатъ коня себе и поеде гулять из града варварского^с в поле. И егда отъеде от града пять поприщ, тогда хлопца своего посла во град варварской^т за некоторою нуждою, а сам поеде к пристани морской. И нашел судно, которое отправляется из Варвар^у в турки. И сяде на оное судно и поеде в Турки. Егда^ф же прииде сие судно в турки и пристало с товарами к пристане, тогда Александр в верхних шканцах сяде и нача играть на флейте. Тогда прииде на корабль оной гулять паша турецкой и видев Александра, и подивися сладкой игре, и красоте лица его. И призва гостя корабля того и рече: «Чей сей юноша?». Гость же рече: «Сей юноша христианин, человек волной». Он же рече: «Юноша! Как твое имя?». Александр же рече ему: «Имя мое есть Александр». Паша же рече ему: «Александр! Поди ко мне служить. Аз тя пожалую велми». Александр же рече ему: «Аще повелиш ми, то рад служить вашему величеству». Паша же приказал ему итти за собою.

|| Александр же нача служить паше турецкому. Паша^х же его зело возлюбил и даде ему власть велию над домом своим, и всех рабов своих поручи ему. л. 11

Прииде же в Турции^и великий праздник — память пророка их Махмета. В то же время съезжаются все визири и паши, и весь народ турецкой на площадь и тут оказывают свое ковалерство, творяше память Махмету. Тут же приезжает и сам салтан турецкий на площадь. Паша же прииде в дом свой приказал убирать коня своего в^ч убор рыцарской. Тогда Александр приступи к паше и рече ему: «Благородны паша! Повели мне быть на сей испытаны при тебе». Тогда паша приказал оседлатъ ему коня и дать платье рыцарское, и ехать за собой. И егда прииде время, тогда съехашася вси визири и паши на площадь, а салтан турецкой сяде на высоком месте, смотряше рыцарей своих храбрство. И сперва начаша творити скверную свою молитву пророку своему Махмету. Потом салтан с пашами и визирями сел обедать и веселся доволно. Потом сели всяк на кони свои и стали друг с другом съезжатца и битца на тупых копьях. Паша же Александров съехался с некоторым пашею и ударились крепко копьями своими. Паша же Александров спаде с коня своего на землю. Видев же сие Александр, сожелея о господине своем, прием копие и поразил пашу, толь жестоко удари, яко паша и с конем паде на землю, а сам, оставя его, поеде шурмовать по площади. И стал съезжатца со многими турки, и множество их побивает, || и где же бо аще обращашася, тамо путь ему чрез все люди неволею дает. Турки же видевше, л. 11 об. начаша на Александра множество нападати. Он же жестоко на них напусти и множество турков уязви. Видев же салтан такого храброго ры-

^р В ркп. барбарстии.   ^с В ркп. барбарского.   ^т В ркп. барбарской.   ^у В ркп. барбар.
^ф В ркп. Игда.   ^х В ркп. Паше.   ^и В ркп. Турецкий.   ^ч В ркп. и.
^ш В ркп. себе.

царя, повеле его привести к себе. Тогда зван бысть Александр к салтану. И егда прииде, вопросы его салтан: «Юноше! Как тебя зовут и что ты за человек?». Он же рече ему: «Имя ми есть Александр и служу при дворе паши вашего». Салтан же возлюби его от вся души своея и повеле призвати пашу к себе, и рече ему: «Где ты сего юношу^ш взял и для чего мне о силе его не объявил?». Паша же рече ему: «Аз его взял на корабле варварском,⁹ а силы его аз не знал». Салтан же даде паше за него тритцать тысяч златых и приказал Александру быть при дворе своем. Александр просил салтана, что б зделал испытанью между всеми квалерами турецкими.

И в то время изо всех квалеров не мог ни один стоять против Александра. Салтан же виде его такое рыцарство, зело возлюби его и пожаловал его у себя первым визирем.

Цесаревна же Вена увидомилась о Александре, что взят в полон к турку, посла во все европския государства, прося помощи на турки. И тако собрала многия силы французкия и цесарския, и иных европских государств приде под Царьград и напред || послов послала просить турка, дабы отдали Александра, фельтмаршала цесарского. Салтан же, не зная того яко Александр у него, сказал послу цесарскому, что Александр послан в Константинополь морем и погодою потопися судно их. Цесаревна ж Вена велми разъярилась, повеле приступать войску своему на взятые града. Салтан же собрав силы и отдаде их в команду Александру, и посла его встречу против силы цесарския. И егда спидошася воиска, тогда Александр бысть в великом размышлении. Рек в себе: «Как воздвигну руку мою на войска любезной моей цесаревны Вены?». И еще: «Как могу битися с однокровными моими французы?». И тако устроил полки турецкия, стояше размышляя. Цесаревна же приближися к ним. Александр же стояше и заповедаше войску своему бес повеления своего бой не починать. Александр же ездит пред фрунтом войска турецкого. Тогда цесаревна Вена, видя его, мняше с ним сразитися на поединке, всяде на коня своего, и взял копие в правую руку, и ударив коня своего под собою, и скочив на Александра, и копием своим толь жестоко удари, что и латы его прошибе, и рану ему сотвори. Александр же, прием копие свое, и сразися с Веной. Александр же Вену жестоко порази копием своим и сверже се с коня, яко мертву на землю. Ея же рыцари взявше, на щит положиша, и в шатры отнесоша. Александр же отраны тоя не мог ездить, возвратись во град и всему войску повеле возвратитись.

Вена ж цесаревна велми прииде || в болезнь, полечеже Александр жестоко ранил ее. И больше упова о смерти своей. И повеле Вена отступить всему войску своему от Царяграда, и иттить в Цесарию. И тако разыдошася каждой во-своясы. Салтан же Александра посла в Константинополь, да излечитца тамо. Александр же, всяде в корабль и поиде в Константинополь.

И по три дни плыша здраво, в четверты день возвев ветр зело жестоки, да яко поколебася основанис корабельное. И понесе их той жестоки ветр. Они же не могоша ему противитися и вдашеся волнам, аможе их несет. И занесе их той ветр в варворы. Тогда узреша народи варворский корабль незнаем и шед из града на кораблех. И взяша с корабля онаго людей и приведоша к салтану варварскому. Тогда Александр велми убоися, что салтан его позна. И зело възъярися на него салтан, и поведе к дочери своей. Она же презелни възъярися на Александра и рекла отцу своему: «Благородны отче мой! Прикажи сего злочестивого Александра

^ш В ркп. юноша.   ⁹ В ркп. барбарском.

казниги смертию для того, что он благородие мое обесчестил». Тогда салтан повеле на некоем лугу раскласть великий жар огня. И тако три дня^ю жгоша лес и нажгоша превеликую гору жару, и возвестиша салтану. Тогда салтан, взя дочь свою и всех своих пашей и визирей, и поиде на оную площадь. И весь град обратися смотрети погубление Александрово. Тогда повеле привести и Александра ночью. Салтан же варварской, взя дочь свою и Александра и отведе их в тайно место, и рече Александру, дабы оставил бога своего || и веровал Мохамету. Александр же поругася салтану. Салтан же разьярися и повеле его весть ночью. Бог же, виде Александрову правду, воста внезапно великий ветер, град и молния, и велие земли трясения. Ветр же той великий подъя огонь и опали неверных варвар. Народи же варварски оставиша все то побегоша, каждой желает спастися от смерти. От той великия бури возгореся град варварский, и множество домов и народу погорело.

Александр же избысть от смерти. Салтан же варварски побеже на колеснице во град свой. Александр же побеже в лес, и вниде в болото, и срезал дегил и прием его во уста своя, а сам опустился весь в болото, толко конец дигиля выставил. И тако дух свой испушал.

Салтан же варварской, егда утолился у них гнев божий, посла искать Александра. Слуги же его искаша и нигде не обретоша. Александр же пребысть в болоте дни три, в четверты же день изыде из болота и поиде по лесу. И обрете некоего человека варварского, сечаше лес для домовою нужды. Александр же взем онаго человека, удавлением смерти его предаде, и сняв с него одежду его себе, и облечеся поиде на пристань морскую.

Прииде же Александр на морскую пристань и обрете сшпионское судно, и нанелся на него в матрозы. Судно же оное поиде по морю в надлежащей путь свой. И тако ездивши разбивает суда торговые. И случися судну оному меж заливыми французския земли и турецкия. Се внезапно корабль французския земли увидели оное воровское судно, погнались за ним. И егда достигоше его, тогда сотвориша с ним боталию и плениша оное судно французы. Тогда капитан корабля онаго повеле всех людей в море метати.^ю И приидоша ко Александру^ю французы, стали кидать варвар в море. Тако ж приидоша ко Александру || и начаша привязывать к ногам его ядро пушечное, хотяше его бросить в море. Он же поведя быти себя христианина французския земли. Они же развиривеши, хотяше его бросить. Тогда Александр позна капитана корабля онаго и назва именем его. И рече: «Помилуй мя, господине мой!». Тогда капитан повеле его привести к себе, рече ему: «Что ты за человек и как знаеш мя?». Александр же рече: «Аз смь француз. Служил и родился во французской земле и взят в полон в Турки, и огтоль взят в полон в варворы. А ныне оттоде избегах и нанелся на сей корабль варварской». Капитан же помилова его от смерти, видя его прекрасна зело и остроумна, приказал ему быть при своем коюте.

Прииде же капитан, сяде на постели своей, Александр же стояше пред ним. И рече Александру: «Господин капитан! Где гот фельтмаршал, которои украден турками тайно?». Капитан же рече: «Есть об нем ведение х королю нашему, что послан от турка был в Константинополь и на море погонул. А ныне король наш французски и все государство об нем в великон печали». Тогда Александр рече: «Господине капитан! Чем бы ты король пожаловал, ежели б онаго фельтмаршала привез во Францию

^ю В ркл пет   ^ю II,   ^ю В окп заключено в квадратные сксбки.

жива^д». Тогда рече капитан: «Юноше! Чему не можно статца, о том нечего разсуждать». Александр же рече: «Господин капитан! О сем буди известен, что аз есмь Александр, французской фельтмаршал!» Тогда капитан, пад на нозе его, прося у него прощения. Александр, подьем его, нача любезно целовати, понеже сей капитан великой друг отцу его был. Капитан же приказал драгий ковалерский убор убрать Александру.

Егда капитан преобрете сокровище безценное, тогда направля путь
 л. 14 в Париж к королю французскому. И егда приближишася к стене || града того, тогда приказал выкинуть радаш^б флак и велел палить с корабля изо всех пушек. Тогда граждане, узревше корабль земли своя в великой радости идущей, и возвестиша королю^в французскому. Тогда король воста, изыде^г ис полат своих, и иде на пристань. И егда корабль привратили ко берегу, тогда капитан, изшедши ис корабля, поздравствовал королю с фельтмаршалом Александром. Король, егда узре любимаго своего фельтмаршала, обьем его, нача слезно в великой радости целовать. И взя его за руку поиде в свои королевские полаты. И сяде на своем королевском месте и Александра подле себя посади. И нача вопрошати его. Александр же поведа ему все подробно, что случилось ему. Слышавше король французски такое его терпение, заплакал горко и неизреченной радости наполнися. Вскоре повеле возвестити по своему королевству о пришествии Александрове. Королевство же французское все возвеселися о пришествии его. И тако король и все его королевство целой месяц веселилися пришествия ради Александрова.

Егда прия такую радость король французски, вскоре повеле писать к цесаревне Вене об Олександре. Тогда цесаревна неизреченно возрадовася, повеле готовитца с собою всем сенаторам во Францию, и сама поиде. И егда прииде во Францию, тогда Александр встретил цесаревну за градом во множестве благородных французских министров. Тогда цесаревна не могла терпети, сниде с колесницы своя, || обьем Александра, нача целовать ево и посадила его в корету свою, и приехали во Францию. Король же французски прия честно цесаревну. Тут же Александр принял закон с цесаревною Веною. И бысть веселие^д неописанное. И тако^е Александр поиде из Франци в Цесарию. И егда приехал в Цесарию, тогда цесарцы поздравляше ему: «Виват царю нашему, Александру!». И тако Александр царствуя в Цесарии до скончания жизни своя. Конец.*

(ГИМ, собр. А. И. Барятинского, № 162, лл 1—14 об.).

^б В ркп. пятно, конец слова неясен. ^в В ркп пятно, конец слова неясен
^г В ркп. пятно, конец слова неясен. ^д В ркп. пятно, конец слова неясен. ^е В ркп пятно, середина слова неясна.

* Уже после окончания работы над настоящей статьей был обнаружен еще один список «Гистории» о французском шляхтиче Александре ГБА, Собр Муз. 3086. Описание этого списка, анализ его взаимоотношения с известными ранее списками будет дан в XVIII томе ТОДРА.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. В. САПУНОВ

«Тисовая кровать Святослава»

(Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»)

Согласно записи Лаврентьевской летописи под 1186 г., в Киеве не сразу узнали о разгроме Игоря в неудачном сражении на берегах Дона. Печальную весть принес прибывший в Киев с юга торговый гость. Сообщение было встречено «плачем» и «стенаниями» по родным и близким, павшим в бою или захваченным в плен. После этого великий князь Святослав послал «по сына своѣ и по всѣ князи», призывая к походу на половцев.¹

По-другому описывает этот момент автор «Слова о полку Игореве». В Киеве, «на горах» великому князю Святославу снится «мутный сон»: «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомоу на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудом смѣшено, сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тльковинѣ великий женчугъ на лоно и нѣгують мя. Уже дьски безъ кнѣса в моемѣ теремѣ златовръсьмь. Всю ночь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска, на болони бѣша дебрь кияня, и несошася къ синему морю».²

На утро бояре, которым князь рассказал свой сон, растолковали его как известие о разгроме войск Игоря и пленение русских князей.

Нетрудно убедиться, что в вещем сне Святослава фантастически переплелись отголоски реальных, выхваченных из жизни, образов с таинственными намеками и не совсем ясными для современного читателя реалиями.

Так, например, вид дома, у которого провалилась крыша, приводит к мысли, что у него нет хозяина. Это обычное жизненное наблюдение дало основу существующему до наших дней поверью, что увидеть во сне дом с разрушенной крышей означает предсказание несчастья или чьей-либо смерти.

Огромные стаи галок и ворон, возвращающиеся вечерами с полей на ночлег, являются типичной картиной во всех небольших украинских и южнорусских городах. Опустившись на деревья, стая несколько раз с громким криком снова поднимается в воздух (ср. современное слово «вызгрались») и с шумом перелетает на новое место или снова садится на старое. В тишине засыпающего города вороний крик разносится на большое расстояние. Раздавшись где-то на Подоле, у берега Днепра, он мог дойти до ушей тревожно спавшего «на горах» Святослава и влиться в его сновидение, приняв характер мрачного предзнаменования, вороньего пира на тру-

---

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, столб. 399.

² «Слово о полку Игореве». Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. С. Лихачева, Л., 1953 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 46.

пах убитых русских воинов. По-видимому, автор «Слова» хотел создать целую систему сложных образов, предельно реальных и конкретных и символически иносказательных одновременно. Нанизывая их один на другой, он вызывал тревожное настроение, предчувствие неумолимо надвигающейся беды. Если скрытый смысл некоторых из них не всегда ясен для людей XX в., то в XII в. они были совершенно понятны и производили большое эмоциональное впечатление.

Подобное переосмысление конкретного явления в символический образ было характерно не только для христианства, с его сложной системой символического мышления. Язычество оставило свою, правда еще не развитую, систему символических образов, имевших внешнюю форму предметов реального мира. Однако автор «Слова» разработал этот прием дальше, перевел его из области богословия в область искусства, создал яркий образ огромной художественной силы.

Попытки расшифровать неясные места вешего сна Святослава с различным успехом делались неоднократно,³ но значение отдельных слов и образов еще неясно до конца.

Остановимся на одном частном вопросе — что означает тисовая⁴ кровать Святослава?

В настоящей заметке не следует останавливаться на различных переводах «на кровати тисовѣ», предложенных в разное время. Эта работа была успешно проделана Н. В. Шарлеманем, который убедительно доказал, что в тексте «Слова» говорится именно о тисовой кровати.⁵ На основе обширного фольклорного и этнографического материала Н. В. Шарлемань показал наличие тисовой утвари в быту жителей Прикарпатья. Можно только увеличить количество аргументов в пользу перевода Н. В. Шарлеманя. Характерно, что почти все авторы, работавшие над переводом «Слова» в последнее время (Д. С. Лихачев, Н. А. Заболоцкий, В. И. Стеллецкий, Л. И. Тимофеев, И. Новиков), переводили «кровать тисовая».⁶

Если прямое значение слов «тисовая кровать» выяснено вполне определенно, то другой — иносказательный смысл, вложенный автором в этот образ, еще неясен до конца. Н. В. Шарлемань, заканчивая свою статью, писал: «Надо полагать, что „кровать тисова“ в „Слове“ имела не только реальное значение, но и утраченный в наше время символический смысл, наподобие „саней“ в „Поучении Мономаха“».⁷

Taxus baccata — тис ягодный европейский, на территории СССР в настоящее время встречается в небольших количествах на Кавказе, в Крыму, на Карпатах, а также в западной Прибалтике по Рижскому заливу. Район распространения тиса сокращается. Причиной этому служат отличные качества его древесины — тяжелой, плотной, прочной, прекрасно поддающейся полировке и обработке на токарном станке. Красная древесина тиса высоко ценится в мебельном производстве. В обиходе тис называют «негнойдеревом» за его свойство устойчиво противостоять гниению.

Характерной особенностью тиса является наличие в древесине, старых листьях и коре ядовитых веществ (муравьиная кислота и алколоид таксин),

³ «Слово о полку Игореве». Перевод И. Новикова. М., 1938, стр. 96—101.

⁴ В ботанической литературе принято писать «тисс».

⁵ Н. В. Шарлемань. Из комментариев к «Слову о полку Игореве» («на кровати тисовѣ»). — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 225—227.

⁶ Переводы Д. С. Лихачева, Н. А. Заболоцкого, В. И. Стеллецкого и Л. И. Тимофеева см. в книге: «Слово о полку Игореве» (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 73, 119, 166, 187; перевод И. Новикова — «Слово о полку Игореве». Перевод И. Новикова, стр. 45.

⁷ Н. В. Шарлемань. Из комментариев к «Слову о полку Игореве», стр. 227.

поражающих нервную систему. Известны случаи отравления и даже падежа скота после поедания старых листьев. У древообделочников, работавших со свежей древесиной тиса, наблюдались заболевания кожи (дерматиты).

Эти свойства тиса создали ему недобрую славу. По свидетельству Плиния, люди, пившие из кубков, выточенных из свежего тиса, отравлялись. По-видимому, в античное время тис считали деревом смерти. Фурии изображались с факелами из тисовых веток, элевсинские жрецы украшали себя венками из миртовых и тисовых веток.⁸

Учитывая химические и физические свойства тиса, а также легенды, связанные с ним, можно попытаться расшифровать символическое значение этого слова в контексте «Слова о полку Игореве».

Есть все основания утверждать, что кровать великого киевского князя Святослава действительно была из тиса. Различные источники, как письменные, так и изобразительные, а также сохранившиеся памятники архитектуры и ювелирного искусства единогласно говорят о том, что интерьеры дворцов киевской знати были обставлены с большой роскошью. В Радзивилловской летописи имеется несколько изображений древнерусских кроватей.⁹ Такое ложе должно было быть весьма парадным, если сделать его из красной древесины тиса.¹⁰ В былинах и литературных памятниках XII в. есть несколько упоминаний о том, что кровати в богатых домах украшались инкрустацией из слоновой или моржовой кости. Подобное украшение могло быть на кровати Святослава.

Хотя в древности ареал тиса был много больше, чем в настоящее время, определенных сведений о том, что в XII в. он встречался в Поднепровье, не имеется. Однако, учитывая широкие торговые связи древней Руси, нет ничего удивительного в том, что в домонгольское время в Киеве тис могли использовать в качестве поделочного материала, привозя его из Галицкой Руси. В Закарпатье он до сих пор является лучшим сырьем для мебельной промышленности. При раскопках А. В. Арциховского в Новгороде было обнаружено много гребней местного производства, сделанных из самшита. Чтобы попасть в Новгород, самшит должен был проделать более далекий путь.¹¹

Подводя итоги, можно сказать, что автор «Слова» одним небольшим штрихом создал яркий художественный образ, до предела конкретный и одновременно глубоко символичный. С одной стороны, выхваченная из жизни характерная подробность княжеского быта — красивая красная кровать. С другой стороны, символичный образ — на зловещей тисовой кровати князя одевали черным покрывалом («чрьною паполомою»).¹² Этот

⁸ О тисе см.: *Деревья и кустарники СССР*, т. I. М.—Л., 1949, стр. 22—24; *Кормовые растения сенокосов и пастбищ СССР*, т. I. М.—Л., 1950, стр. 132; *Энциклопедический словарь*, изд. Брокгауза-Эфрона, т. XXXIII. СПб., 1901, стр. 250.

⁹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Изд. ОЛДП, СПб., 1902.

¹⁰ Древнерусские люди любили красный цвет, который в народном представлении был наиболее красивым и нарядным. Недаром слова «красный» и «прекрасный» восходят к одному корню. Русские говорят «красна девица», «красный угол», «Красная площадь», «Не красна изба углами, а красна пирогами» и т. д. На западе пурпурная мантия была признаком королевского достоинства. По-видимому, какое-то особое значение красный цвет имел и на Руси. Княжеские плащи (корзано) были красного цвета. Не случайно после первого удачного боя с половцами Игорю Святославичу достались красный («чрьлень») стяг и красная (чрьлена) челка.

¹¹ В. Е. Вихров и Б. А. Колчин. Из истории торговли древнего Новгорода. — *Советская археология*, т. XXIV. М.—Л., 1955, стр. 93—97.

¹² По словам Даниила Заточника, князья спали под собольими одеялами (*Художественная проза Киевской Руси X—XIII веков*. М., 1957, стр. 231). Цвет соболиного меха темно-коричневый, но не черный. Меховые одеяла еще теперь можно встретить

второй — иносказательный образ необходимо рассматривать как пророческое предсказание чего-то страшного, предчувствие катастрофы, военного поражения русских князей.

Такое толкование тисовой кровати вполне согласуется с другими иносказательными образами вещего сна Святослава и лишний раз подчеркивает тонкую наблюдательность, художественный талант и большое профессиональное мастерство автора «Слова».¹³

в северных районах европейской части Советского Союза. В Лаврентьевской летописи под 1128 г. записано, что кровать жены князя Владимира — Рогнеды была «светла» (ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 131). Непонятно, почему засыпающего князя укрывали не одеялом (слово «одеяло» встречается в домонгольских памятниках: Срезневский, Материалы, т. II, стлб. 627), а покрывалом «паполомою», используемым обычно при похоронах (там же, стлб. 377). «Черная паполома» — это символ смерти.

¹³ «Тисовая кровать» Святослава привлекла внимание исследователей за рубежом. Так, например, в сборнике в честь Р. Якобсона Валентин Кипарский (Хельсинки) опубликовал статью, посвященную переводам слов «тисовая кровать». (Valentin Kiparsky. Le «lit d'if» et le manuscrit du Slovo D'Igor.—For Roman Jakobson, the Hague, Mouton, 1956, стр. 254—259).

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»?

Путивль назван в «Слове о полку Игореве» четыре раза. Начиная с первого печатного издания 1800 г. и кончая последними изданиями в СССР и за его пределами никогда не возникало сомнений в определении местоположения этого пункта: его отождествляли с городом Путивлем, расположенным на правом берегу реки Сейма, в 100 км по прямой линии от г. Новгорода-Северского. Но даже простой осмотр географических карт местности показывает, что вопрос о названном городе не решается так просто. Кроме Путивля на Сейме, находим речку Путивль¹ — левый приток Сейма и населенный пункт Путивск² на правом берегу реки Десны, в 5—6 км от центра г. Новгорода-Северского.

Какой же из этих географических пунктов назван в «Слове»?

В Ипатьевской летописи³ определенно сказано, что войско Игоря вышло в поход из Новгорода-Северского. Туда же возвратился Игорь, бежав из половецкого плена. Это повторяют и Густынская летопись,⁴ Кройника Софоновича,⁵ и, наконец, те же сведения находим в «Истории Российской» В. Н. Татищева.⁶ Начало похода «Слово» описывает так: «Трубы трубить в Новѣградѣ; стоять стязи в Путивль». ⁷ Если бы в этой фразе шла речь о Путивле на Сейме, то возникает сомнение: могло ли войско растянуться более чем на 100 км (ведь по прямой линии Путивль от Новгорода-Северского отстоит на 100 км). Это сомнение исчезает тотчас же, если предположить, что в «Слове» речь идет о Путивске, который, возможно, был лишь пригородом Новгорода-Северского. На 5—6 км, конечно, мог растянуться отряд.

В Новгороде трубили сбор войска, тут жила основная часть населения, а место сбора войска было в княжеской резиденции, где стояли стяги (от слово «стягивать»), где жил предводитель войска — князь.⁸

То, что Путивль «Слова» ныне называется Путивск, не является препятствием: ведь многие старые географические названия очень изменились за истекшие столетия: Лтава стала Полтавой, Лта — Альтой, Долобск — Долбиком и т. д. На туристской карте единственная дорога из Новгорода-Северского на левый берег Десны и дальше на восток показана идущей

¹ УССР и Молдавская ССР. Туристская карта. Изд. Главного геодезического управления, М., 1956.

² По Десне. Туристская маршрутная схема. Изд. Управления геодезии и картографии МВД СССР, 1957, карта 4, стр. 7.

³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 637.

⁴ ПСРЛ, т. II. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1843, стр. 319—320.

⁵ Цит. по: В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревѣм. Київ, 1926, стр. 344.

⁶ В. Н. Татищев. История Российская, кн. III. М., 1774, стр. 261—272.

⁷ Ироическая пѣснь о походѣ на половецѣв удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М., 1800, стр. 7.

⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность Д. С. Лихачеву за эти указания.

через Путивск. Можно предположить, что к этому поселку могут быть отнесены слова академика Б. А. Рыбакова:⁹ «Берега Десны, изрезанные глубокими оврагами, давали возможность создать одновременно несколько укреплений по соседству друг с другом». Такими укреплениями были и стольный Новгород-Северский, и, надо думать, село Путивск.

Трижды назван Путивль в «плаче» Ярославны. Снова возникают сомнения. Ведь вотчина Владимира Игоревича была несомненно более опасной в смысле возможного набега половцев, чем Новгород-Северский, в котором княжил Игорь. И действительно, после поражения Игоря, Гза пожег Песемье — села и острог под городом.¹⁰ Ефросинья Ярославна оплакивала мужа, как нам кажется, на «забороле» Путивска, на берегу Десны. Это более правдоподобно, чем «плач» на берегу Сейма, за 100 км от стольного города. Путивль или Путивск, по-видимому, княжье село, в хозяйственном отношении находился, вероятно, в ведении княгини, подобно Берестовому, Предславину, Вышгороду под Киевом. Можно предположить, что в Путивске жила княгиня во время похода и плена мужа. Здесь на «забороле» у Десны она «причитала», оплакивала мужа, обращаясь к реке и силам природы. Интересно, что М. А. Максимович и Н. В. Гоголь в г. Севске, недалеко от Новгорода-Северского, слышали «причитания» двух девушек, оплакивавших умершую мать. Они обращались к утреннему солнцу, говоря: «Солнышко ты мое красное!». И тем «живо напоминали мне, — говорил Максимович, — Ярославну, плакавшую рано „Путивлю городу на забороле“».¹¹

Автор этих строк еще в 1946 г. высказал предположение о том, что в «Слове о полку Игореве» упоминается Путивль не на Сейме, а какой-то другой, расположенный вблизи Новгорода-Северского на Десне.¹² Эту мысль поддерживал профессор А. С. Грузинский, тщательно изучавший «Слово». К такому же убеждению пришел архитектор-реставратор П. Д. Барановский, побывавший в 1959 г. в Новгороде-Северском и других исторических местах Черниговщины и Сумщины. Он мне показал карту, на которой нанесен Путивск.

Киевский археолог В. Богусевич¹³ недавно сообщил, что в Путивле на Сейме он нашел фундамент каменной кладки, который он считает остатком дворцовой церкви Ольговичей XII столетия. Эта интересная находка не может поколебать нашего убеждения, что Путивль «Слова» это Путивск на Десне. В середине века в русских княжествах географические названия часто повторялись. Известно, что было несколько Вышгородов, Плесенсков, Глебовых и др., так было и два Путивля.

⁹ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный Вщиж. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 80.

¹⁰ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 646—649.

¹¹ В. Вересаев. Гоголь в жизни. М.—Л., 1933, стр. 428.

¹² Н. В. Шарлемань. Природа древней Руси. Рукопись. Хранится в архиве Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР.

¹³ В. Богусевич. Таємниця древнього міста. — Вечерній Київ, 1960, 24 VIII, № 202 (4918). — Об этой находке сообщалось также в газете «Известия».

В. А. КОЛОБАНОВ

Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серапиона Владимирского

Творчество Серапиона Владимирского было тесно связано с жизнью своей эпохи. Событием, в наибольшей степени поразившим воображение писателя, явилось татаро-монгольское нашествие. Оно нашло отражение во всех пяти дошедших до нас поучениях Серапиона.

К числу малоизученных вопросов творчества Серапиона относится вопрос об отражении в его «словах» княжеских междоусобий второй половины XIII в. Исследователи и авторы общих курсов литературы почти не останавливались на этом вопросе. Лишь М. Н. Сперанский впервые указал на то, что Серапион «подразумевал удельные распри князей».¹ Отголоски общественных событий второй половины XIII в. в творчестве Серапиона несколько более подробно рассмотрены новейшими исследователями — М. Горлиным² и Н. К. Гудзием.³ Однако и они не останавливались специально на теме княжеских междоусобий. Наконец, в новейшем курсе литературы лишь указано на то, что Серапион заботился «о воспитании у населения чувства патриотизма и гражданской солидарности».⁴

А между тем описания разоренной Русской земли в «словах» Серапиона дают возможность судить об этих произведениях не только как о документах, воскрешающих события татарского нашествия, но и как о памятниках, отражающих некоторые факты общественных отношений Северо-Восточной Руси 70-х годов XIII в.

Конкретно-исторический смысл обращений Серапиона к слушателям становится понятным на фоне событий Северо-Восточной Руси 70-х годов XIII в. Однако при их анализе, ввиду скудости летописных свидетельств за этот период, представляется невозможным обойти некоторые факты предшествующего десятилетия, т. е. 60-х годов XIII в.

*

Северо-Восточная Русь и ее города подверглись монгольскому нашествию в 1237—1238 гг. Сметая на своем пути все живое, татарская орда пронеслась по Рязани, Суздалю, Владимиру, Переяславлю-Залесскому и ряду других городов. С этого времени над Русской землей было установлено владычество татар.

¹ М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1914, стр. 366—367.

² M. Gorlin. Serapion de Wladimir prédicateur de Kiev. — *Revue des études slaves*, t. 24. Paris, 1948, стр. 21—28.

³ Н. К. Гудзий. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? — *ИЮЛЯ*, т. XI, вып. 5. М., 1952, стр. 457—460.

⁴ История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 147.

Одной из причин быстрого завоевания Руси монголами были княжеские междоусобные войны. Они являлись следствием феодального дробления в результате внутренних изменений в общественно-политическом строе древнерусского государства. Однако нашествие татар не прекратило княжеских междоусобий. Наоборот, они разгораются вновь, как только проходит оцепенение, наведенное всеобщим опустошением после вторжения.

Первым князем, который в данных условиях сумел наметить линию, ответственную политическим интересам Руси, был Александр Невский. Его политическая миссия заключалась в поддержании мирных отношений с ханами Золотой Орды, в предотвращении их новых нашествий и в отпоре крестоносным захватчикам. К 60-м годам XIII в. «князь Александр подчинил интересы правительств феодальных республик интересам великокняжеской государственной власти».⁵

Но преемники Невского (его братья Ярослав и Василий) не сохранили намеченную им политическую линию. Двенадцатилетнее княжение Ярославичей (1264—1276 гг.) ознаменовано усилением междоусобных войн, ослаблением совместной деятельности князей — обособленных правителей отдельных княжеств.

Через три года после смерти Александра Невского и получения Ярославом Ярославичем ярлыка на великое княжение (1266 г.) новгородцы предлагают ему стать князем Новгорода.⁶ В 1269 г. здесь создалась сложная обстановка. Она была вызвана недовольством «простой чади» политикой Ярослава и притеснениями со стороны «знатных». Только по настоянию владыки и «лучших людей» Ярослав остался в Новгороде. В следующем году он стягивает сюда свои и татарские полки, готовясь в поход на немцев. Однако последние предложили мир. Ярослав отослал полки и остался в Новгороде.⁷ Через некоторое время он был выгнан из города за самовластное отношение к новгородцам (вмешательство в новгородско-немецкую торговлю, «перевешивание» грамот и т. п.).⁸

Тогда в союзе с Дмитрием Александровичем Переяславским и Глебом Смоленским Ярослав выступил против Новгорода. Одновременно, от его имени, в орду был послан Ратибор с жалобой на то, что новгородцы не желают платить дани.⁹ Узнав о посольстве Ратибора, Василий Костромской (брат Ярослава) выступил в защиту новгородцев. Он направился в ханскую ставку и опровергнул «Ратиборово лживое слово». Василий заявил, что причиной «размирья» были личные интересы Ярослава, а не нарушение татарских притязаний.

Получив новые сведения, хан отозвал посланную на усмирение орду. Новгородцы заставили Ярослава поступиться своими правами. Однако враждебные рати стояли друг против друга в течение недели. Подобные отношения Ярослава с Новгородом сложились тогда, «когда запутавшиеся княжеские счеты (разрядка моя, — В. К.) уронили княжеский авторитет».¹⁰

⁵ В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, стр. 206—212.

⁶ По мнению А. В. Экземплярского (А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, стр. 451), «у них вошло в обычай иметь своим князем того, кто владеет Владимирским столом». На самом деле великие князья (как князья владимирские и новгородские) передавали «выход» от Новгорода в Орду. Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 114.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 318—319; ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 148.

⁸ ПСРЛ, т. X, стр. 148.

⁹ Там же.

¹⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 59.

В этот напряженный момент митрополит Кирилл III в обращенной к новгородцам грамоте призвал их к примирению с Ярославом, «который всей злобы лишается». В противном случае митрополит грозил наложить на Новгород запрещение. В результате усилий митрополита стороны пришли к соглашению.¹¹

В данном случае митрополит Кирилл выступает посредником между новгородцами и великим князем, но держит сторону Ярослава. Однако вряд ли политическая миссия русских иерархов в тот период времени определялась стремлением ко всеобщему умиротворению, как это утверждала дореволюционная историография.¹² По летописям устанавливаются те нити, которые связывали Александра Невского с Кириллом III. Очевидно, что политическая линия Александра в какой-то степени предвляла будущую ориентацию московских князей, опиравшихся в своей объединительной политике на церковь. Церковь в лице митрополита Кирилла в свою очередь поддерживала стремление великих князей к усилению своей власти. Весьма вероятно также, что позиция Кирилла в конфликте великого князя Ярослава с новгородцами была обусловлена и желанием предотвратить возникшие после смерти Александра Невского раздоры и «нестроения» и тем самым воспрепятствовать наиболее губительным из них — княжеским междоусобиям.

Есть основания полагать, что Серапион Владимирский, поставленный по инициативе митрополита на епископскую кафедру, разделял точку зрения Кирилла по вопросу о княжеских междоусобицах.

Многочисленные упреки слушателям в его «словах» направлены против различного рода общественных неполадок. Но проповедник при описании татарского погрома и его последствий не мог говорить открыто о княжеских распрях и только намекал на них.¹³ Так, стремление обличить междоусобия можно усмотреть в следующем отрывке из второго «слова»: «видя вы боляща безаконными делы . . . аще кто вас разбойник — разбоя не оставить, аще кто крадет — татбы не лишиться . . . аще кто ненависть на друга имать — враждуя не почиваеть, аще кто обидит и схватает — грабя не насытитесь».

В третьем «слове» Серапион в более прямой форме обличает общественные «нестроения»: «Злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша; насытьвьство имения поработи ны. . . ; акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаем и не престанем абы всех погубити, а горькое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье, едше, насыщаються, мы же насытитися не можем, того добывше, другого жаелаем».¹⁴

¹¹ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 61; ПСРЛ, т. X, стр. 149. Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 114.

¹² Роль русских иерархов как «мироотворцев» на различных этапах существования церкви неоднократно подчеркивалась в трудах историков России, русской церкви и т. п. См., например: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, стр. 118, 138. Е. Е. Голубинский в «Истории русской церкви» (т. II, вторая половина тома, М., 1911, стр. 24) утверждал, что Кирилл был тем же «мироотворцем», что и митрополиты домонгольского периода.

¹³ Есть мнение, что древние проповедники «воздерживались от обличения князей в церкви, чтобы не унижить их в глазах народа». В силу этой причины они ограничивались намеками о междоусобной вражде. См.: Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление. СПб., 1871, стр. 80.

¹⁴ Цитаты приведены по изданию: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, прилож. II, стр. 1—15.

Из содержания цитаты видно, что выражение «злоба» употреблено в ней в значении «вражда».¹⁵

Можно перевести всю фразу: «Вражда осилила нас», ибо строкой далее говорится о тождественных явлениях, таких, как «ненависти на другы» и «несытовъстве имения». Что касается слова «имение», то можно думать, что в первой части цитаты оно употреблено в значении «имущество», и Серапион говорит здесь о жажде наживы вообще. Однако последующее включение этого слова в контекст обращения проповедника исключает всякое иное толкование его помимо значения «захват».¹⁶ Известно, что простой смертный, например из паствы Серапиона, не мог захватить у своего соседа «имение». Однако, не преступая понятий законности второй половины XIII в., «к себе пограбिति» чужое имение мог только князь у князя. В этой связи можно сопоставить приведенные примеры с историческими фактами 70-х годов XIII в. об отношениях братьев Ярославичей и о «размирьи» Ярослава с новгородцами.

Как свидетельствуют источники, междоусобная борьба той поры характеризуется тем, что князья, охваченные «несытьством имения», прибегали к помощи татарских ханов. После смерти Ярослава Ярославича тверской стол унаследовал сын его Святослав (1272—1282 или 1285 гг.). В это время великий князь Василий Ярославич вел борьбу за Новгород с Дмитрием Переяславским (призванным на новгородское княжение). В междоусобной борьбе Святослав стоял на стороне Василия. В 1273 г. Святослав с помощью татар¹⁷ повоевал Волок, Бежецк и Вологду, ограбив новгородских купцов по всей Низовской земле. Татары поддержали этот поход, так как Новгород не принял удобного им князя Василия, а пригласил Дмитрия Переяславского.¹⁸ Дмитрий выслал во Владимир к Василию послов с просьбой возвратить пограбленное, но великий князь отказал ему в этом. Дмитрию не удалось осуществить и задуманный поход на Тверь, так как ей мог оказать помощь великий князь и татары. Вскоре Дмитрий был вынужден покинуть Новгород и уехать в Переяславль,¹⁹ ибо в борьбе за новгородские права Василий Ярославич прибегнул к помощи татар, как полагают, отрядов баскаков.²⁰

Таким образом, в тот период политика русских князей находилась в зависимости от татарских поработителей и направлялась татарскими ханами с помощью постоянной военно-политической организации — баскачества.²¹ В то же время установившаяся система татарского владычества не препятствовала князьям в их междоусобной борьбе.

Следовательно, на фоне исторической обстановки тех лет становится более понятным смысл обращений Серапиона к слушателям. В этих обращениях писатель стремился разъяснить современникам истинные причины постигших их бедствий. Он видел причины порабощения не только в «божьих казнях» — нашествии татар, обрушившихся на «грешных» современников, но и в непримиримой вражде русских князей. Поэтому картины нашествия у Серапиона не обособлены от его страстных обличе-

¹⁵ Ср.: «Ярослав все злобы лишается» (грамота митрополита Кирилла 1270 г.: Срезневский, *Материалы*, т. I, стлб. 1000).

¹⁶ Ср.: «А сама князя молода бяста слушая бояръ, а бояре учать я на многое имънье: и святое Богородици Володимерьское золото и серебро взята» [Срезневский, *Материалы*, т. I, стлб. 1095 (Лаврентьевская летопись под 1176 г.)].

¹⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 62—63; ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 172.

¹⁸ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 115.

¹⁹ ПСРЛ, т. III, стр. 62—63; ПСРЛ, т. VII, стр. 172.

²⁰ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 15.

²¹ Там же, стр. 160.

ний. Он взывал к исправлению, рисуя трагические картины разоренной Русской земли и используя при этом примеры живой действительности 70-х годов XIII в. Но призывы к покаянию и очищению от грехов в «словах» Серапиона сливались с гневным осуждением «земной» причины, повлекшей за собой порабощение Руси, — княжеских междоусобий.

Из поучений Серапиона, сильных патриотизмом содержания, вырисовывается облик автора не только как «духовного пастыря» церкви, но и как писателя, исторически правильно понимавшего свою задачу в один из сложных и тяжелых для древней Руси периодов.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками

Вопрос о времени создания русской Повести о взятии Царьграда турками пока остается открытым. До сих пор не было ясности даже в отношении того, к какому столетию следует относить ее появление. Каких-либо прямых указаний в самом тексте Повести на время ее составления нет. Самый старший из известных до настоящего времени списков — рукопись ГБЛ, Троицкое собрание, № 773 — датируется началом XVI в.,¹ тогда как описываемые в Повести события произошли, как известно, в 1453 г.

В двух последних и наиболее обстоятельных специальных работах (опубликованных одновременно) вопрос о датировке Повести решается по-разному. По мнению М. Н. Сперанского, «повесть была создана на Руси начитанным и опытным в литературном деле писателем начала XVI века».² Напротив, М. О. Скрипиль считает, что время ее возникновения вряд ли можно вынести за грань XV века.³ Вторая точка зрения основывалась главным образом на данных послесловия, читающегося только в одном списке Троицк. 773, где сообщается, что Повесть написана очевидцем событий Нестором Искандером (в рукописи «Искиндер»). Однако достоверность этого послесловия ставилась некоторыми исследователями под сомнение или даже совершенно отвергалась.⁴ Естественно, что при наличии большого количества списков Повести и при совершенном отсутствии среди них рукописей XV в. предположение о составлении памятника в этом столетии оставалось только гипотезой, тем более что все рукописи были не старше середины XVI в., кроме одной только Троицк. 773, датируемой, как указывалось, началом этого столетия.

Леонид, обнаруживший и опубликовавший рукопись Троицк. 773, высказался не вполне определенно об отношении к ней других списков Повести.⁵ Сказанное им по этому поводу позволяет заключить, что исследователь считал обнаруженную им рукопись архетипом всех остальных списков.⁶

¹ См.: Леонид. Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века (по рукописи Троице-Сергиевой лавры начала XVI века, № 773). СПб., 1886, стр. IV.

² М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XV—XVII веков. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 151.

³ М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРА, т. X, стр. 177. — К XV в. относит этот памятник и автор исследования об отражении турецкого завоевания в славянских литературах И. Дуйчев (I. Dujčev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. — *Byzantinoslavica*, t. XVII, № 2. Prague, 1956, стр. 283).

⁴ См., например: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 13, прим. 1.

⁵ Леонид. Повесть о Царьграде. . ., стр. V.

⁶ В Unbegaun. Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople. — *Revue des études slaves*, t. IX, № 1—2. Paris, 1929, стр. 15.

црѣграда

голодепта • ии пѣмнози велмо
 чи • съвѣщахоуданъидетьцрѣ
 изграда • въземемъсобоюизбра
 нныхъколикосоупнонаѡсѣко
 граданедающепѣркомъ • по
 ликодргъзоспнеприспѣпапи
 къградоуиздалечупопребнаѡ
 провадипти • оуслышавъсѣѡхре
 стіянезбержтѣакнемоумногіа
 луди • и такооумышлагощѣ
 ймъсказашацрѣю • іакооуѣ
 пѣрѣкывъцѣдошанаспѣбноуиѡ
 долгъваіотъграпѣнѣ • црѣюѣ
 погнавшонапраіноивсѣмъве
 лможамъиспрапигомѣ • ми
 ноувшецрѣвелможниспрапиги
 гыпоскорншанапомощь • иере
 тошанародъмногъбѣтѣгаіощѣ
 йвъзвращахоуиѣвѣіощѣ • здепѣ
 нѣіаѣестѣиѣспѣмиспрапигиѣіа
 рѣлестпоуриѣоуѣвъградѣѡво

Рис. 1. Отрывок «Повести о взятии Царьграда турками». Лицевая сторона листа (ГПБ, Q.IV.544, последняя четверть—конец XV в., 19.8 × 13.4 см).

Възатиі

гда повѣстѣ гагоще прѣтѣ рѣки . ѿво
гда оукрѣплѣшеся . въ вѣраца
хоусти борлхоусленими . аи ии
тѣ рѣки мнози . мостыи сътво
риша на конехъ . въ вѣрацѣхъ стра
тиго мѣчевѣмъ съспеміши мѣса
съзжсѣмъ гѣмъ . нападахоу на
тоу рѣки съжриво и въ вѣрацѣхъ
доспѣхъны . но оубо тѣ рѣки мѣмъ
гѣмъ въ шешимъ въ градъ кон
никомъ и пѣшѣмъ . въ вѣра
цѣхъ страпигъ пакы . и кіахъ
мещадней о долѣ вахоу грековъ .
и аще не бы оу скорилъ црѣкни мѣ
конечнаѣ съ оубо не погибелъ градъ
доспѣхъшо же црѣю . нападѣша на
тѣ рѣки съ избрѣхъ мѣмъ свои
и съчѣхъ шѣхъ мещадно . и оубо
стно . и хъ неводоспѣхъ ашѣра
съ кашена двѣ . аи ныхъ прѣсѣ
каѣ на полы . не оудержѣваше бо

Рис. 2. Отрывок «Повести о взятии Царьграда турками». Обратная сторона листа (ГПБ, Q.IV.544, последняя четверть—конец XV в., 19.8 × 13.4 см).

Сейчас можно внести известную определенность как в смысле хронологии, так и в отношении возможной архетипности списка Троицк. 773. Обнаруженный нами в ГПБ список Q.IV.544, представляющий собой отрывок русской Повести о взятии Царьграда турками, позволяет удовлетворительно решить оба эти вопроса.

Рукопись состоит из одного листка в 4-ку (размер 19.8 × 13.4 см), писанного с двух сторон полууставом (рис. 1 и 2). На каждой стороне листа по 21 строке, ширина строки 2.5 мм, размер текста на каждой странице 14.2 × 9 см. В верхнем наружном углу страниц киноварью написано: «О взятии Цариграда» (ширина строки 1.7 мм). Весь текст написан одним почерком и одними чернилами. Знаки препинания (точки) киноварные.

Листок не имеет филиграни. Общий характер почерка указывает на последнюю четверть XV в. или конец этого столетия.⁷ В такой датировке убеждают также наблюдения над отдельными начертаниями и в особенности над употреблением надстрочных букв. Характерные для XV в. Ж, А, и Іа хотя и наличествуют в нашем тексте, но, естественно, не указывают сами по себе исключительно на этот век. «Земля» встречается двух вариантов — «z» и «з», что имело место уже в XV в., в начертаниях, типичных для этого столетия.⁸ Типична для XV в. форма буквы «ж».⁹ В тексте встречаются (без титл) надстрочные: д, з, м, х, т (с ножкой). Употребление всех этих букв характерно для XV в.¹⁰ Ни одной из надстрочных букв, появившихся в первом десятилетии XVI в. (б, г, и, к, н, р),¹¹ в рукописи Q.IV.544 нет.

Как видим, предположение о том, что Повесть возникла в XVI в., отпадает совершенно. Даже если исходить из наиболее осторожной датировки нашего списка — конец XV в., то совершенно очевидно, что само создание памятника следует относить к более раннему времени. Рукопись Q.IV.544 представляет так называемую хронографическую редакцию Повести, которая, согласно новейшим исследованиям, восходит либо к редакции, представленной списком Троицк. 773,¹² либо к несохранившейся первоначальной редакции.¹³ Таким образом, текст, читающийся в списке Q.IV.544, не является первичным. Следовательно, есть все основания полагать, что создание русской Повести о взятии Царьграда турками не только произошло в XV в., но и было, вероятно, отделено сравнительно небольшим промежутком времени от описываемых в этом памятнике событий.

Снимается и предположение об архетипности рукописи Троицк. 773, так как она не является теперь самым старшим из известных списков Повести.

⁷ По определению В. Г. Геймана и В. И. Малышева.

⁸ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 192; В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 122.

⁹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, стр. 189.

¹⁰ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 123.

¹¹ Там же.

¹² М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда..., стр. 177.

¹³ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками..., стр. 158.

В. И. ТАГУНОВА

К вопросу о появлении культа Петра и Февронии Муромских в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции

Повесть о Петре и Февронии Муромских принадлежит к числу лучших произведений древнерусской литературы. Замечательно при этом, что в ее идейном содержании явственно выступают прогрессивные, антибоярские тенденции, а самый культ Петра и Февронии Муромских рано приобретает общерусский характер. Их изображения помещаются даже на стенах великокняжеской усыпальницы — Архангельского собора Московского кремля, среди изображений русских князей — родоначальников московских государей, хотя близких родственных отношений к последним они не имели.¹

Установлению общерусского культа Петра и Февронии способствовало одно чрезвычайное обстоятельство.

Когда великий князь московский Василий Темный был ослеплен Дмитрием Шемякой, дети его Иван (будущий «государь всея Руси») и Юрий были увезены боярами Ряполовскими в Муром, который был в то время настолько укреплен, что Шемяка не решился взять оттуда детей великого князя Василия Васильевича силой.

Шемяка посылает в Муром за сыновьями великого князя архиепископа Рязанского Иону, Владыка Иона, обещая детям великого князя московского Ивану и Юрию именем Шемяки свободу, берет их «на свою душу», «на свою епитрахиль» в Муромском богородицком соборе «ис пелены» у образа пречистой богоматери, т. е. под покровительство церкви.²

Важно отметить, что именно в этой церкви Рождества богородицы хранились мощи Петра и Февронии Муромских. Вот почему Петр и Феврония Муромские могли в известной мере рассматриваться как «спасители» и «покровители» будущего Ивана III.

Об этом важном событии для Мурома, когда Муром выступил в роли хранителя русских государей, повествуется то очень подробно, то более кратко в ряде летописей под 6954 (1446) г.³ Например, в Ермолинской летописи сообщается: «князь Иван и князь Юрий, князя великого дети,

---

¹ Дошедшие до нас росписи в основном относятся к 1652—1666 гг., но они были выполнены на основе старых — 1509 г. (Художественные памятники московского Кремля. Общая редакция М. В. Алпатов. М., 1956, стр. 57).

² Предполагается, что этой иконой являлась Одигитрия, которая в настоящее время находится в Третьяковской галерее в Москве. На дощечке под этой иконой надпись: «Московская школа. Одигитрия-путеводительница. Первая четверть XV века. Из Рождественского собора в г. Муроме». Эта икона поступила из Муромского музея, куда она была взята из собора.

³ ПСРЛ, т. V СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853; т. VIII, СПб., 1859; т. XXIII, СПб., 1910; т. XXV, М.—Л., 1949, и др.

утекоша из монастыря в Муром». В Муром же «к великого князя детем посла князь Дмитрей по них Иону, владыку Рязаньскаго . . . повеле их взяти владыце на свою душу на том, что в заточение их не послати . . . И взят их Иона владыка у Пречистые из пелены во соборной церкви на свои руки, на всем добре, что не учинити им никакова зла».⁴

Тот же эпизод о спасении детей великого князя Василия Васильевича, среди них будущего московского государя Ивана III, передается несколько подробнее в Воскресенской летописи. Там говорится о том, что «дети великого князя пришед сели в Муроме с многими людьми», что владыка Иона «вшед в церковь начат молебен пречистые, и съвршив молебнаа и взят их ис пелены у пречистые на свой патрахель».

Подробно (в основном так же, как в Воскресенской, Ермолинской, Софийской II летописях) повествуется об этом событии и в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV). Здесь мы читаем под тем же 6954 г. о том, что после того как великий князь Василий был схвачен Шемякой, «си же великого князя сынове, Иоан и Юрьи, в ту же ночь побегоша из монастыря с оставившими с ними людьми, кои ухоронншася, и прибегоша ко князю Ивану Ряполовскому в Юрьев, в село его Боарово. Князь же Иван с своею братьею, с Семеном и з Дмитреем, и с всеми людьми своими бежаша с ними к Мурому и тамо затворишася со многими людьми . . . А князь Дмитрей услышав, что дети князя великого пришед сели в Муроме со многими людьми, и не восхоте на них посылати, боася, поне же бо вси людие негодоваху о княженье его, но и на самого мысляху, хотяще великого князя Василья на своем осподарьстве видети. Князь же Дмитрей умыслив сице: призва к себе епископа Рязаньскаго Иону на Москву и пришедшу ему обеща ему митрополью и начат глаголати ему: „Отче, что бы еси шел в свою епископию, в град Муром и взят бы еси дети великого князя на свою патрахель, а яз рад их жаловати, отца их великого князя выпущу и отчину дам доволну, как мочно им быти с всем“. Владыка же Иона поиде к Мурому в судех и с теми речми княжими Дмитреевыми прииде в Муром и начат говорити речи его боаром великого князя детей, трем князем Ряполовским, и прочим с ними. Боаре же много о том думавше мыслиша себе сице: „Аще мы ныне святителя не послушаем, не поидем ко князю Дмитрею с сими великого князя детми, и он пришед ратью город возмет и сих поймав, что хошеть, то сътворит им, тако же и отцю их великому князю и нам всем, и во что будет крепость наша не послушавше сих глагол святителейевых“. И рекоша Ионе владыце: „Аще пришел еси с сими глаголы ото князя Дмитрея к нашим государем, великого князя детем, да и к нам, но мы сего собою не дръзнем сътворити, что отпустити нам с тобою дети великого князя без крепости, но вшед в соборную церковь Рожества пречистые ис пелены на свою патрахель, и так отпустим их с тобою и сами с ними идем“. Владыка же Иона обещася тако сотворити и вшед в церковь начат молебен пречистой и съвершив молебнаа взят их ис пелены у пречистые на свою патрахель и поиде с ними ко князю Дмитрею в Переславль, тамо бо тогда ему сушу». Как известно, основная часть летописных статей 1425—1463 гг. Московского летописного свода 1472 г. «была составлена по указанию Василия Темного, пожелавшего отметить в своем летописце всех своих сторонников, всех помогавших ему в трудных обстоятельствах его княжения».⁵ Часть эта вошла затем во все последующие официальные москов-

⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 152.

⁵ Д. С. Лихачев Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1947, стр. 347.

ские своды, в том числе в свод конца XVI в., где сохранилась в наиболее полном виде.

Об этом значительном событии говорят на основании различных данных и почти все историки Мурома.⁶

Естественно, что это событие имело большое значение для поднятия роли Мурома и его святынь, тем более что дети великого князя и он сам остались живы и княжение великого князя московского Василия Васильевича продолжалось, а спасенный от Шемяки наследник московского великокняжеского престола Иван стал позднее первым «государем всея Руси».

Муром окружается вниманием московских князей и государей, а древний Муромский богородицкий собор, в котором издавна, как упоминается во многих источниках,⁷ покоились под спудом мощи муромского князя Петра и супруги его Февронии, становится местом их молений и поклонения муромским святыням. В нем «воссылал молитвы» Иван III, «помня избавление свое от злобы Шемякиной».⁸ «По завещанию родителя наследуя область Муром», Иван III «приложил старание об увеличении города, бывшего местом его спасения от гонения Шемяки».⁹

Ряд исследователей предполагает, что каменное здание Муромского собора построено Иваном III по этому же поводу: в благодарность за спасение от угрожавшей ему гибели.¹⁰

В 1468 г. великий князь Иван III приезжал «на поклонение святым мощам своих сородичей князя Петра и княгини Февронии».¹¹

В своем сочинении А. А. Титов на основании каких-то источников, возможно местного предания, упоминает о том, что сын Ивана III Василий «уважал память родителя своего, довольно благотворившего г. Мурому, пожаловал Муромскому соборному храму (1523 г.) участок пахотной земли».¹²

Кульτ Петра и Февронии особенно усилился после их канонизации сначала как местно чтимых святых на соборе 1547 г., а потом как общерусских (на соборе 1549 г.). Уже с XV в. создавались предпосылки к переходу их местного культа в московский. С XVI в. этот московский характер

⁶ Н. К. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, стр. 309; К. Тихонравов. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. М., 1857, стр. 81—82; В. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. IV. Владимир, 1897, стр. 128; Л. Белоцветов. Летопись Муромского богородицкого собора, начата в 1899 г.—Муромский краеведческий музей, мм. № 31843, стр. 1; А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома.—Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. IV. Владимир, 1902, стр. 32, 33; В. Н. Добрынкин. Муром прежде и теперь. М., 1903, стр. 14; В. И. Пехов. Муром в прошлом и настоящем. Муром, 1913, стр. 37; Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 313; В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание. Владимир, 1915, стр. 4, 5; И. П. Богатов. Город Муром в VIII—XVI веках. Муром, 1947, стр. 25.

⁷ См. указанную выше литературу по истории Мурома.

⁸ К. Тихонравов. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии, стр. 82; В. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии стр. 137; Н. Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии, стр. 319; В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание, стр. 5.

⁹ А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома, стр. 34.

¹⁰ См., например: И. П. Богатов. Город Муром в VIII—XVI веках, стр. 26.

¹¹ В. И. Пехов. Муром в прошлом и настоящем, стр. 21.

¹² А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома, стр. 35. Ср.: В. Н. Добрынкин. Муромский богородицкий собор. Историко-археологическое описание, стр. 5—6.

культы Петра и Февронии окончательно определился. Известно, каким глубоким поклонением почитал этих святых Иван Грозный во время своего пребывания в Муроме в 1549 и 1552 гг., сколько вновь построенных или обновленных церквей появилось в Муроме в этот период вместе с дорогими иконами, в числе которых иконы Петра и Февронии.¹³

В исследовании О. И. Подобедовой «Лицевая рукопись XVII столетия „Повести о Петре и Февронии Муромских“»¹⁴ широко используются летописные данные о времени пребывания Грозного в Муроме и его поклонении Петру и Февронии.

И после Ивана Грозного русские цари при посещении Муромы считали своим долгом посетить Муромский собор. В соборе хранились многочисленные дары государей в виде икон, евангелий, покровов на мощи Петра и Февронии и др.¹⁵

Таковы некоторые исторические данные, которые могут помочь будущим исследователям в выяснении времени возникновения первоначальной редакции Повести о Петре и Февронии и идейных тенденций Повести в целом.

---

¹³ В Муромском краеведческом музее находится икона Петра и Февронии, относящаяся к началу XVI в., кроме их икон более позднего времени.

¹⁴ О. И. Подобедова. Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии Муромских». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 399—400.

¹⁵ См. вышеуказанные труды К. Тихонравова, В. Н. Добрынкина, А. А. Титова, В. И. Пехова и др.

Р. П. ДМИТРИЕВА

К истории создания «Сказания о князьях владимирских»

Вопросы, связанные с появлением первой редакции «Сказания о князьях владимирских» и Послания Спиридона-Саввы, — о времени создания и значении этих памятников в общественной жизни Московского государства первой трети XVI в. остаются до сих пор не до конца выясненными.

Все данные говорят о том, что «Сказание о князьях владимирских» должно было бы появиться до 1533 г., — года регенства Елены Глинской. Дело в том, что родословие литовских князей, помещаемое после «Сказания», едва ли могло быть составлено после этого года, так как легенда, легшая в основу этого родословия, враждебна литовским князьям, с которыми связана своим происхождением Елена Глинская. Однако конкретных признаков существования «Сказания о князьях владимирских» во времена Василия III до сих пор не было обнаружено. Послание Спиридона-Саввы посвящено прославлению высокого происхождения Василия III, но насколько были восприняты правительством Василия III идеи, высказанные в Послании, и насколько они вошли в общественную жизнь того времени, до сих пор остается неясным.

Уточнить эти вопросы помогают статьи, находящиеся в рукописном сборнике БАН, Архангельское собрание, Д. 193. Сборник составлен из пяти самостоятельных рукописей, писанных скорописью и полууставом разными почерками XVI в.¹ Интересующий нас текст входит в состав рукописи, занимающей в сборнике лл. 389—477. Эта часть сборника написана одним полууставным почерком, за исключением выписок летописного характера на л. 470—470 об., сделанных скорописью. Начинается рукопись родословием русских великих князей, в котором имеется вступительная часть; родословие кончается перечислением сыновей Ивана III и упоминанием сына Ивана Ивановича — Дмитрия; этот текст занимает лл. 389—393. На лл. 393—400 помещены родословные удельных русских князей. На л. 401 об. перечислены игумены Троице-Сергиева монастыря, причем последним назван Иоасаф Скрипицын под 7037 (1529) г. На лл. 402—409 об. помещена статья летописного характера о литовских князьях, которая кончается 6941 (1433) г. — известием о победе Свидригайла.² На лл. 410—412 об. находится родословие литовских князей, о содержании которого будет сказано несколько ниже. Сверху л. 413 сделана короткая запись с вычислением дат, о которой подробнее также будет сказано ниже.

¹ Подробнее характеристику сборника см. в статье М. В. Кукушкиной «Новый список Повести о Псковском взятии» (ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 471—472).

² Текст летописи и следующего за ней родословия литовских князей опубликован; см.: Г. Бугославский. Сокращенная Литовская летопись начала XVI в. — Смоленская старина, вып. 1, ч. II. Смоленск, 1911, стр. 1—19. В предисловии говорится, что эта летопись появилась в первой половине XVI в.

На лл. 413—444 об. находятся тексты «О венчании греческого царя Мануила», «О царе Козарине и жене его», «Повесть о Царьграде» и «Повесть о взятии Пскова».³ Затем, на лл. 447—469 об., помещен краткий летописец, начинающийся с Рюрика и кончающийся сообщением о нашествии татар под Москву в 1528 г. На лл. 470—471 об. приведены известия о смерти великого князя Василия Ивановича и князей Юрия Ивановича и Андрея Ивановича, о смерти Елены Глинской и Михаила Львовича Глинского, о женитьбе Ивана IV. Как уже было сказано, эти заметки написаны другим почерком — скорописью XVI в. Рукопись оканчивается на лл. 474—477 статьями: о «Храме Богородицы», о «Переводе книг с еврейского на греческий язык» Иосифа Евреенина, — и сообщением о приходе русских послов от римского папы в 7036 (1528) г.

По палеографическим данным, эту часть сборника можно датировать 20—30-ми годами XVI в.⁴ Но и содержание рукописи позволяет сказать, что она написана не позднее 1529 г., так как большинство записей в ней кончается 1527—1529 гг.

Интересующими нас статьями являются «Родословие великих князей русских» (лл. 389—393) и «Родословие Литовского княжества» (лл. 410—412 об.), которые условно мы будем называть «Родословием по Архангельскому списку». Однако для решения поставленных нами задач важен не весь текст «Родословия по Архангельскому списку», а лишь отрывки его, находящиеся на лл. 389—390 об. (вступление к «Родословию великих князей русских»), лл. 391 об.—392 об. (рассказ о Владимире Мономахе), лл. 410—412 об. («Родословие Литовского княжества»), которые близки к Посланию Спиридона-Саввы и «Сказанию».

Сопоставления «Родословия по Архангельскому списку» с Посланием Спиридона-Саввы и «Сказанием о князьях владимирских» дают следующие результаты. Начало текста, в котором излагаются основные события древней истории, вплоть до рассказа о Клеопатре, как в Послании Спиридона-Саввы, так и в «Сказании о князьях владимирских» и «Родословии по Архангельскому списку» одинаково, за исключением некоторых отклонений в отдельных фразах и словах, которые, правда, имеют смысловое значение. Главные смысловые несоответствия во всех трех произведениях содержатся в известиях об Арфаксаде. В Послании Спиридона-Саввы и «Родословии по Архангельскому списку» говорится о двух Арфаксадах: один из них является сыном Ноя, другой — сыном Сима; в «Сказании» назван только один Арфаксад — сын Сима.

В самом начале, где говорится о разделении вселенной Ноем, в «Сказании» и «Родословии по Архангельскому списку», в соответствии с библейской легендой, упомянут Арфаксад, сын Сима. В Послании Спиридона-Саввы в этом месте сообщается об Арфаксаде — четвертом сыне Ноя.

Второй раз об Арфаксаде сказано после известия о построении Фарсисом города. Приведем соответствующие чтения во всех рассматриваемых памятниках.

Послание
Спиридона-Саввы

«Родословие по
Архангельскому
списку»

«Сказание
о князьях
владимирских»

И вста некий началник из
рода того именем Фарсис
в Калаврийских странах и

И вьста некий началник
того же рода именем Фар-
сис в Калаврийских странах

И воста некий началник
того же рода именем Фа-
рис в Калаврийских странах

³ Датировку «Повести» см. в статье М. В. Кукушкиной «Новый список Повести о Псковском взятии» (стр. 473).

⁴ См.: М. В. Кукушкина. Новый список Повести о Псковском взятии, стр. 472.

създа град в имя свое. Имяше же и Сим, сын Ноев, сын имянем Арфаксад. От его же рода правнук его имянем Гандуварий.

и създа град в имя свое. От Арфаксадова же рода, сына Ноева, правнук его именем Гандуварий.

и созда град во имя свое именем Арфакса. Правнук же его именем Гайдуварий.

Если в Послании вначале Арфаксад был назван сыном Ноя, а в «Родословии по Архангельскому списку» и «Сказании» — сыном Сима, то в данном месте в Послании об Арфаксаде говорится как о сыне Сима, внуке Ноя, а в «Родословии по Архангельскому списку» идет речь о нем как о сыне Ноя. В «Сказании» текст об Арфаксаде выброшен совсем, осталось только слово «Арфакса» как название города, о котором говорится перед этим во всех трех текстах. Эти несовпадения имеют смысловое значение, и, безусловно, изменения внесены в текст сознательно.

Вопрос заключается в том, в каком из этих трех случаев передается более раннее чтение. Сопоставление всего рассказа о генеалогических связях, начиная с Ноя и кончая Александром Македонским, во всех трех текстах говорит в пользу того, что в Послании сохранилось более раннее чтение сравнительно со «Сказанием»⁵ и «Родословием по Архангельскому списку». В «Родословии», так же как в «Сказании о князьях владимирских», встречаются фразы, противоречащие предыдущему изложению, хотя в обоих памятниках эти противоречия различны. Так, сразу же за сообщением об Арфаксаде — четвертом сыне Ноя — говорится о Гандуварии как предке этого Арфаксада, но здесь же сообщается, что он «написа встрологию в Ассирии в пределех Симовех, прародителя своего». Фраза начинается с сообщения, что Гандуварий является правнуком Арфаксада, а кончается известием о том, что он был предком Сима, что является противоречием, так как в данном случае Сим является братом Арфаксада, а не отцом. Это несоответствие объясняется только тем, что в «Родословии» сообщение Послания Спиридона-Саввы об Арфаксаде как сыне Сима заменили известием об Арфаксаде как сыне Ноя, но оставили без изменений продолжение текста, которое читается одинаково и в Послании, и в «Родословии по Архангельскому списку». Следовательно, текст «Родословия» не мог служить источником для Послания, а могло быть только обратное.

В дальнейшем интересующие нас отрывки «Родословия по Архангельскому списку», включая рассказ о Владимире Мономахе, в основном соответствуют Посланию, сохраняя его особенности и отличия от текста «Сказания о князьях владимирских»; в них только исключены вступление к рассказу о Владимире Мономахе, сообщение об отпадении римской церкви и заключительная часть рассказа Спиридона о высоком происхождении Василия III. Но тем не менее в рассматриваемых отрывках «Родословия по Архангельскому списку» есть несколько фраз, которые близки к «Сказанию» и отличаются от Послания. Так, об Александре Македонском и Всеславе Игоревиче в «Родословии» сказано так же, как в «Сказании». Но в основном текст «Родословия по Архангельскому списку» значительно ближе к Посланию Спиридона-Саввы и в существенных расхождениях между Посланием и «Сказанием о князьях владимирских» чаще следует за Посланием.

⁵ О первоначальности текста Послания Спиридона-Саввы по сравнению со «Сказанием» см.: Р. П. Дмитриева, «Сказание о князьях владимирских», М.—Л., 1955, стр. 60—63.

Статья, посвященная родословию литовских князей, в Архангельской рукописи⁶ передает ту же легенду, что и Послание и Родство великих князей литовских, следующее за «Сказанием о князьях владимирских», но в содержании родословия по этому списку есть много особенностей, не свойственных ни Посланию, ни Родству. Первая часть статьи родословия литовских князей в Архангельской рукописи близка к Посланию Спиридона-Саввы с его рассказом о тверском князе Александре Михайловиче. Отсутствует в рассказе только авторское отступление Спиридона о невозможности верно передать горе, постигшее Русскую землю вследствие нашествия татар, и несколько иначе, чем в Послании, сказано о пребывании Александра Михайловича во Пскове и Новгороде и об убийстве его в Орде. После этого текст родословия литовских князей в Архангельской рукописи становится близок к тексту Родства великих князей литовских, помещаемому обычно после первой редакции «Сказания о князьях владимирских», с его московской направленностью, т. е. наряду с литовскими князьями в нем говорится о московских князьях, а не о тверских. Но в то же время текст Архангельской рукописи не следует дословно за «Сказанием», у него есть свои особенности, которые отсутствуют как в Послании, так и в «Сказании». Так, в «Сказании» говорится, что князь Семион Иванович сел на великое княжение в 6849 (1341) г. и в это время умер Гедимин, в Архангельской рукописи о Семионе Ивановиче не говорится, а названа только точная дата смерти Гедимина — 6849 г. По-другому, чем в «Сказании», рассказано о борьбе за уделы между сыновьями Гедимина, о сыновьях Ольгерда, о Ягайле.

Таким образом, те отрывки «Родословия по Архангельскому списку», где речь идет о происхождении великих князей русских и о Владимире Мономахе, в основном соответствуют тексту Послания Спиридона-Саввы, сохраняя его главные особенности и лишь в незначительной степени отклоняясь от него в сторону «Сказания о князьях владимирских». В той же части «Родословия по Архангельскому списку», где излагается родословие литовских князей, текст вначале следует Посланию, конец же соответствует больше Родству литовских князей, помещаемому после «Сказания о князьях владимирских» первой редакции. Заглавие же родословия соединяет как тверскую, так и московскую традиции: «Родословие Литовскаго княжества в лето 6835, в лета великого князя Ивана Даниловича володимерьскаго и московскаго и в лета великого князя Александра Михайловича тверскаго».

Кроме «Родословия по Архангельскому списку», есть и другие тексты, соединяющие особенности и Послания Спиридона-Саввы, и «Сказания о князьях владимирских». Такими текстами являются «Повесть, начинающаяся с разделения вселенной Августом» и «Повесть о разделении вселенной Ноем».⁷ Но эти повести хотя и соединяют особенности как Послания, так и «Сказания», но своим происхождением не связаны с «Родословием по Архангельскому списку». Сопоставление этих повестей с «Родословием по Архангельскому списку» не дает никаких новых данных для уяснения взаимосвязи как между ними самими, так и между Посланием Спиридона-Саввы и «Сказанием о князьях владимирских».

Сопоставление же между собой «Родословия по Архангельскому списку», Послания Спиридона и «Сказания о князьях владимирских»

⁶ Такой же текст включен в Родословную книгу по рукописи XVI в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 349) и рукописи XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 830, в 4°).

⁷ Тексты опубликованы в кн.: Р. П. Дмитриева. «Сказание о князьях владимирских», стр. 196—213.

убеждает в большей близости «Родословия по Архангельскому списку» к Посланию, чем «Сказанию», и в том, что текст «Родословия по Архангельскому списку» составлен на основании текста Послания (такой вывод позволяет сделать главным образом та часть текста, где говорится об Арфакаде).⁸ Но составлен ли он с привлечением «Сказания» или был составлен ранее «Сказания», ничего определенного сказать нельзя, сопоставление текстов не позволяет сделать нужных выводов.

Для датировки текста «Родословия по Архангельскому списку» имеет значение запись в этой же рукописи на л. 413, помещенная после родословия литовских князей. Приведем текст полностью: «Государей же великих князей русских глаголем не просто их поколенства, иже благочестия удержавших православныя веры. Царству их начыток от Августа кесаря римскаго, сей бо Август пооблада вселеною, протече же до нынешняго времени от Августа лет 1578, а от начала великаго князя Рюрика перваго русскаго до нынешняго лета 7030 пятаго протече лет 665, а нынешний государь наш и царь и великий князь всеа Росии Василий Иванович от великаго князя Рюрика два десятое колено, а от великаго князя Владимира, иже просветил Русскую землю святым крещением, шестое на десять».

На основании этого вычисления дат, которое, по существу, является концовкой к родословию великих князей русских и своим содержанием связано со вступительной частью к родословию, можно вполне определенно говорить, что родословие великих князей русских, помещенное в этой рукописи, с его вступительной частью и вставкой о Владимире Мономахе написано не позднее 1527 г. Отметим, что текст с вычислением дат имеет ряд выражений из концовки Послания Спиридона-Саввы, посвященной родословию Василия III («глаголем не просто их поколенства, иже благочестия удержавших православныя веры»; «царству их начыток»; «протече же до нынешняго времени»; «а нынешний государь наш и царь и великий князь всеа Росии Василий Иванович от великаго князя Рюрика два десятое колено»). Как в Послании, так и в данном тексте Василий III назван царем, что тоже не может являться случайным совпадением, так как Василий III только в редких случаях в официальных документах титуловал себя царем.

В тексте вычисления дат Архангельской рукописи есть любопытная деталь: говорится, что «до нынешняго времени от Августа лет 1578», т. е. имеется в виду 5457 г. (51 г. до н. э.). Эта дата вставлена в тексте «Сказания о князьях владимирских» в том месте, где говорится о разделении вселенной Августом. Происхождение ее неясно. В Хронографе 1512 г. и в переводных хрониках Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Римском и Еллинском летописце начало царствования Августа отнесено к 5465 г. (43 г. до н. э.). Поэтому можно предположить, что составитель «Родословия по Архангельскому списку» заимствовал ее из «Сказания о князьях владимирских», и, следовательно, можно думать, что к 1527 г. уже существовала первая редакция «Сказания о князьях владимирских».

Таким образом, на основании изучения текста «Родословия по Архангельскому списку» можно говорить с полной уверенностью не только о том, что в 20-е годы XVI в. Послание Спиридона-Саввы было уже составлено, но и о том, что оно дошло до адресата. К 1527 г. текст его переписывался уже в переработанном виде. Идея происхождения великого князя от Августа кесаря была широко использована при Иване IV и включена во все официальные документы того времени. Относительно же того,

⁸ См. выше, стр. 343—344.

была ли использована эта идея при Василии III, до сих пор существовали только предположения. Эти предположения подтверждались «Записками» Герберштейна, в которых приведены известия, что Василий III выводил свое происхождение от римлян.⁹ Текст «Родословия по Архангельскому списку» подтверждает, что идеи, высказанные в Послании, уже при Василии III были использованы для возвеличения его происхождения и текст Послания был использован как вступление к родословию великих князей русских.

---

⁹ Подробнее об этом см.: Р. П. Дмитриева. «Сказание о князьях владимирских», стр. 106—107.

Ю. К. БЕГУНОВ

К вопросу об изучении Жития Александра Невского

Житие новгородского и владими́ро-суздальского князя Александра Ярославича Невского было одним из наиболее распространенных произведений древнерусской литературы. Оно сохранилось во многих сотнях списков в составе летописных сводов, сборников проложного, житийного и повествовательного типов, Трефологионов, Торжественников, Прологов, Цветников, больших исторических компиляций вроде «Степенной книги». Древнерусские книжники немало потрудились над литературной переработкой Жития: мы насчитываем не менее 15 его редакций, показывающих эволюцию древнерусского агиографического стиля с XIII по XVII в. Только всестороннее исследование литературной истории каждой в отдельности редакции Жития на всех этапах изменения его текста — в руках у составителя, у компиляторов, переписчиков разных эпох даст возможность тщательно изучить не только историю текста, но и самые способы и приемы построения образа Александра Невского.

Полное научное издание всех редакций Жития по всем рукописным спискам является одной из важнейших задач. На неудовлетворительное состояние науки в области изучения текста «первоначальной» редакции Жития уже указывали Д. С. Лихачев¹ и И. П. Еремин.² Однако, несмотря на наличие серьезных трудов В. И. Мансикки³ и Н. И. Серебрянского,⁴ не лучше обстоит дело и с изучением остальных редакций Жития: не существует критического издания не только первой,⁵ но и «особой» редак-

---

¹ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 37—38.

² И. П. Еремин. Житие Александра Невского. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Вступительная статья Д. С. Лихачева. М., 1957, стр. 356.

³ В. И. Мансикка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и тексты). — ПДП, CLXXX. СПб., 1913.

⁴ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

⁵ Опыт. С. А. Бугославского по изданию «первоначальной» редакции Жития по Академическому списку (рукопись ГБЛ, МДА, № 208, XVI в.) с приведением вариантов из других списков вряд ли следует признать удачным. См.: С. А. Бугославский. К вопросу о первоначальном тексте жития великого князя Александра Ярославича Невского. [Рец. на кн.: В. И. Мансикка. Житие Александра Невского (Разбор редакций и тексты). ПДП, CLXXX. СПб., 1913]. — ИОРЯС, т. XIX, 1915, кн. 1, стр. 261—290. Академический список дает текст, наиболее отдаленный от авторского текста, с большим количеством дефектных чтений и поновлений. Варианты к основному тексту приводились С. А. Бугославским не по рукописям, а из монографии В. И. Мансикки.

ции,⁶ владимирской редакции,⁷ редакции псковича Василия-Варлаама,⁸ «Степенной книги»,⁹ Ионы Думина,¹⁰ Викентия.¹¹

Из редакций Жития, представленных единственными списками, издана редакция в Лихачевском сборнике¹² и светская литературная переработка Жития из Никоновской летописи.¹³ Не изданы редакция третьей четверти XVI в.,¹⁴ редакция Тита,¹⁵ а также произведения XVIII в. об Александре Невском, продолжающие житийную традицию предшествующих веков, в том числе «Жизнь Александра Невского, без чудес», составленная Екатериной II,¹⁶ и редакция Жития конца XVIII в.¹⁷

Издавалась Житие Александра Невского и в составе летописных сводов: Лаврентьевской,¹⁸ Псковской II,¹⁹ Новгородской I²⁰ и Софийской I,²¹ Воскресенской,²² Никоновской²³ и других летописей.

⁶ Издана дважды по отдельным спискам: В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, стр. 11—14 — по рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 369, XVI в.; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, Приложение, стр. 121—123 — по рукописи ГБЛ, ф. 228, № 95, XVII в.

⁷ Издана В. И. Мансиккой по рукописи ГИМ, Синодальное собрание, макарьевские Минеи Четви, XVI в. (В. И. Мансикка. Житие Александра Невского. Приложение, стр. 15—31).

⁸ Издана дважды В. И. Мансиккой по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 648, XVI—XVII вв. (В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, стр. 33—48) и Н. И. Серебрянским по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 274, XVII в. (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, Приложение, стр. 124—137). Сокращенная переработка редакции Василия-Варлаама многократно издавалась в составе печатных Прологов.

⁹ Издана дважды: Г. Ф. Миллером по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 27 (Г. Ф. Миллер. Степенная книга царского родословия. М., 1775) и П. Г. Васенко по четырем рукописям: 1) ГБЛ, собр. Румянцевского музея (Д. В. Пискарева), № 612, XVI в.; 2) ГИМ, Музейное собрание, № 250, XVII в.; 3) ГИМ, Синодальное собрание, № 56/358, XVI в.; 4) Библиотеки В. Т. Дружинина, XVI в. (см.: ПСРЛ, т. XXI. Книга Степенная царского родословия, чч. 1 и 2. СПб., 1908).

¹⁰ Издана В. И. Мансиккой по рукописи ЦГАДА, Московская типографская библиотека, № 347, XVI—XVII вв. (В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, стр. 49—124).

¹¹ Не издавалась.

¹² Издана В. И. Мансиккой по рукописи ЛОИИ, ф. 238, № 71, XV в. (В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, стр. 125—137).

¹³ Издана С. Н. Азбелевым по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1408, XVII в. (С. Н. Азбелев. Светская обработка Жития Александра Невского. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 152—153).

¹⁴ Рукопись ГПБ, Q.1321, XVI в.

¹⁵ Рукопись ГПБ, ОЛДП, СХСVIII, XVII в.

¹⁶ Рукопись ГПБ, Эрмитажное собрание, № 379, конца XVIII—начала XIX в.

¹⁷ Рукопись БАН, 13.5.11, XVIII в.

¹⁸ Житие в Лаврентьевской летописи (рукопись ГПБ, F.IV.2, 1377 г., лл. 168—169 об.) издано четырежды: 1) ПСРЛ, т. I, изд. 1. СПб., 1846, стр. 204—206; 2) ПСРЛ, т. I, изд. 2. СПб., 1872; 3) ПСРЛ, т. I, изд. 3. СПб., 1897, стр. 204—206; 4) ПСРЛ, т. I, изд. 4, вып. 2. Л., 1927, табл. 477—481.

¹⁹ Житие в Псковской II летописи (рукопись ГИМ, Синодальное собрание, № 154, XV в., в лист, лл. 156—162 об.) издано дважды: 1) ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 2—6; 2) Псковские летописи, вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 11—16.

²⁰ Житие в Новгородской I летописи младшего извода издано трижды: 1) ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 146—151; 2) Новгородская летопись по харатейному Синодальному списку, изд. П. Савваитовым. СПб., 1888, стр. 252—274, примечания; 3) Новгородская летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 77—84.

²¹ Житие в Софийской I летописи первой редакции издано четырежды: 1) Софийский временник или Русская летопись с 862 по 1534 г., изд. П. Строевым, ч. 1. М., 1820, стр. 249—274; 2) Н. Полевой. История русского народа, т. IV. М., 1833, Приложения, стр. 42—61 (извлечение из «Софийского временника»); 3) ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 176—191; 4) ПСРЛ, т. V, изд. 2, вып. 1. Л., 1925, стр. 220—239.

²² ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1856, стр. 146—164.

²³ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 118—143.

В настоящей работе мы изучаем и издаем редакцию Жития Александра Невского третьей четверти XVI в.

*

Рукопись ГПБ, Q.I.321, указанная еще В. И. Мансиккой, представляет собой сборник третьей четверти XVI в., в 4-ку, на 25 лл., написанный полууставом, в картонном переплете XIX в. Водяной знак: кораблик на лл. 4, 22, 25, как № 3456 у Н. П. Лихачева из первопечатного Апостола 1564 г. и № 1897 из рукописи 1567 г.

В сборнике на л. 1—1 об. находится окончание «Повести об убиении Батые»,²⁴ на лл. 2—5 об. — «Повесть об убиении великого князя Андрея Боголюбского»,²⁵ на лл. 5 об.—15 об. — Житие Александра Невского под заглавием «Месяца ноября 23 день преставление святого и великаго князя Александра Ярославича Невскаго», на лл. 15 об.—25 об. — «Повесть о Меркурии Смоленском».²⁶

Итак, сборник ГПБ, Q.I.321 не содержит произведений, возникших позднее начала XVI в., и, очевидно, он восходит к сборнику первой половины XVI в., в котором Житие Александра Невского находилось в окружении названных произведений повествовательного типа.

В реконструируемый нами сборник входил, по-видимому, текст Жития Александра Невского, который послужил архетипом целой группы списков. К этой группе относятся списки в Академическом²⁷ (далее: список *А*), Волоколамском²⁸ (список *В*), Музейном²⁹ (список *М*) и Погодинском³⁰ (список *П*) сборниках. Списки этой группы составляют вторую группу второго вида первой редакции, согласно нашей классификации.³¹ Они дают текст наиболее отдаленный от текста «первоначального» Жития, возникший, по-видимому, не ранее начала и не позднее середины XVI в. (списки *А* и *В* датируются 50-ми годами XVI в.).

Изучаемый нами список Жития Александра Невского является прямой переработкой протографа Погодинского списка. Сам Погодинский

²⁴ «Повесть об убиении Батые» от руки короля венгерского Владислава была составлена для Ростовского летописного свода в начале 70-х годов XV в. (С. П. Розанов. Повесть об убиении Батые. Пгр., 1916, стр. 20—23). Сохранившийся в сборнике отрывок текста совпадает с текстом «Повести», вошедшим в макарьевские Великие Минеи Четьи (ВМЧ, сент. 11—12. СПб., 1868, стлб. 1308).

²⁵ «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» написана не ранее первой половины XV в., так как значительная часть текста «Повести» читается в Софийской I летописи. В сборнике содержится список той же редакции, что и изданная Н. И. Серебрянским, которую последний назвал «церковной переделкой летописного сказания» (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 146, Приложение, стр. 87—89; «Повесть» издана по рукописи ЦГАДА, МГАМИД, № 692/204, XVI в.). Список имеет те же отклонения от изданного текста, что и списки ГПБ, Q.XVII.64 и ГБЛ, МДА, № 208. Последняя рукопись содержит также Академический список Жития Александра Невского «первоначальной» редакции, издававшийся В. И. Мансиккой и С. А. Бугославским.

²⁶ Этот список «Повести о Меркурии Смоленском» относится ко второй подгруппе мнений группы списков «Повести», возникшей в начале XVI в. и изданной Л. Т. Белецким (Л. Т. Белецкий. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. — СОРЯС, т. ХСІХ, 1922, кн. 8), текстуально близок к Погодинскому списку (ГПБ, Погодинское собрание, № 641, XVI в.), который остался неизвестным Л. Т. Белецкому.

²⁷ ГБЛ, МДА, № 208, XVI в.

²⁸ ГБЛ, Волоколамское собрание, № 523, XVI в.

²⁹ ГИМ, Музейное собрание, № 1701, XVI в.

³⁰ ГПБ, Погодинское собрание, № 641, XVI в.

³¹ Изучение первой редакции Жития по всем спискам ведется нами в настоящее время.

список относится к концу XVI в. и поэтому послужить основой для составления списка ГПБ, Q.I.321 (далее: список Q) не мог.

Отметим черты, которые сближают изучаемый нами список Жития с Погодинским: отсутствие предисловия, наличие краткого заключительного рассказа о погребении князя Александра и о посмертном чуде и рассказа о походе князя Ярослава Ярославича на Юрьев. Кроме того, изучаемый список сближается с Погодинским в целом ряде чтений, которые не могут быть объяснены как случайные совпадения и свойственны еще, кроме того, спискам Академическому, Волоколамскому, Музейному. Приведем несколько примеров.

«Отца благочестива и нищелюбца» (АВМПQ) вместо «отца боголюбива и мужелюбца» и «отца милостилюбца и мужелюбца» (остальные списки); «также и князь Александр богом благословен» (Q) вместо «но княжение князя Александра богом благословено» (П), «и тако же княжение князя Александра Ярославича богом благословенно» (АВМ; в остальных списках нет); «пленил есть» (АВМПQ) вместо «пленил бе» (остальные списки); «Пелбусий» (ПQ) — ср. «Беглусич» и «Белгусич», «Пельгусич» (АВМ), «Пелгуй», «Пелгусий» (остальные списки); «до самого короля» (АВМПQ) вместо «до самого корабля» (остальные списки).

Взаимоотношения изучаемого нами списка ГПБ, Q.I.321 с указанными выше списками можно представить в виде приводимой ниже схемы (см. рисунок).

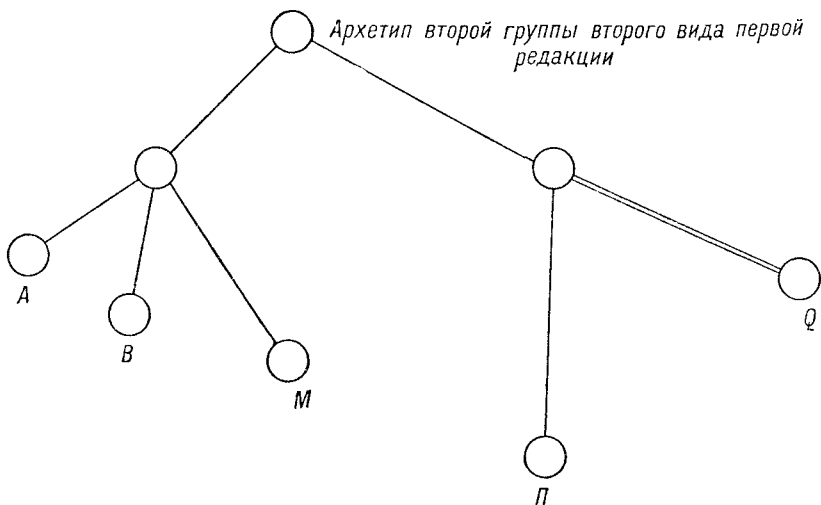

Схема взаимоотношения списков Жития Александра Невского.

Характерные особенности изучаемого нами списка были отмечены еще В. И. Мансиккой.³² Однако В. И. Мансикка не выделил его в отдельную редакцию, хотя и признавал, что «этот список занимает совершенно особое место среди версий и обработок первоначальной редакции». Мы полагаем, что изучаемый список дает новую редакцию, явившуюся результатом сознательной переработки текста первой редакции. Были добавлены новые подробности в рассказе о «6 храбрых муж» в Невском сражении и заново написан заключительный «плач» по умершем князе. Текст первой редак-

³² В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 99—103.

дни был значительно сокращен, а отдельные фразы были распространены выпрєнными и пышными выражениями в стиле составителей «Степенной книги» и макарьевских «Великих Миней Четьих» (например, «горе нам, умиленом словенем» или «он же крепким сердцем, аки прах развеа ветром, — тако он мечем своим, аки огнь паля на вся страны» и др.).

Князь Александр назван в тексте «ласковым государем», «государем и великим князем», «государем нашим храбрым», «соблюстителем», «хранителем и заступником Русской земли». Он изображен как общерусский военный вождь, как непобедимый Невский герой. В Житии много внимания уделено прославлению русских воинов. В сражении на Неве отличились не просто дружинники князя и новгородцы, а представители различных городов Русской земли — Новгорода, Новоторжка, Полоцка, Владимира и Ярославля. Шесть храбрых воинов «мужествуют» в битве подобно «багатырям»³³ Александра Македонского. Один из них, Яков полочанин, назван «витязем, имеющим сердечную остроту», способным вовремя заметить, что еще не все полки «римлян» сметены. В дальнейшем название «витязи»³⁴ применяется по отношению к русским воинам несколько раз. «Храбрые витязи» перед Ледовым сражением изъявляют готовность положить свои головы за князя Александра. За это князь «восхваля повелику им». Александр Ярославич «велми дарова честных своих витязей», прославившихся подвигами в Невском сражении. Об умершем князе, «паче меры человеческие возлюбившим храбрость», плачут витязи «плачем горким, клицам сердечным стенияхуся и припадаху к ногама его». О нем плачут не только русские воины, но и вся Русская земля, «аки труба», его кончина ощущается не только как большое горе для «Словенской земли» (т. е. Новгородской),³⁵ потерявшей «второго Владимира»,³⁶ но и для всей «Нижней земли» (т. е. Владимиро-Суздальской),³⁷ потерявшей свою «грозу и славу».

Итак, новую редакцию отличает от редакций XVI в., прославляющих христианские добродетели князя и его посмертные чудеса, и даже от первой редакции XIII в. особое внимание к прославлению русских воинов («витязей») и воинских качеств князя Александра («храбрости»).

Появление этой редакции в третьей четверти XVI в., очевидно, стоит в связи с возросшим интересом к князю Александру как покровителю русских воинов после его канонизации в 1547 г.³⁸

³³ Слово «багатырь» встречается в Никоновской, Воскресенской, Новгородской IV, Псковской I летописях, Хронографе XV в. (Срезневский, Материалы, т. I, стр. 127—128).

³⁴ Слово «витезь», «витязь» встречается в списке второй половины XV в. Переяславско-Суздальской летописи (в противопоставлении «худым римлянам»), в Хронографе XV в. (Срезневский, Материалы, т. I, стр. 265—266).

³⁵ «Словенская земля» в русских летописях это или Новгородская земля, или земля славян вообще. «Словени» — это новгородцы, иногда славяне, еще реже русские (Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй. Указатель географический. СПб., 1907, стр. 427—428).

³⁶ Под 990 г. в Густинской летописи сообщается о поездке князя Владимира в Залесскую, Суздальскую, Ростовскую и Славянскую земли с целью распространения христианства, рассказывается о том, как поставленный им в Новгороде архиепископ Иоаким сокрушил Перуна и крестил новгородцев (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 258).

³⁷ В Новгородских и Псковских летописях под Низовской землей обычно понимается Владимиро-Суздальское княжество (см., например, под 1234 г.: ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 49; 1259 г.: ПСРЛ, т. III, стр. 56; т. IV, СПб., стр. 39), позднее Московское княжество (см., например, под 1392 г.: ПСРЛ, т. IV, стр. 99; под 1478 г.: ПСРЛ, т. VI, СПб., стр. 215), иногда «Низ» — это Нижний Новгород (см.: ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 61) и Астрахань (см.: ПСРЛ, т. V, стр. 72).

³⁸ Например, во владимирской редакции Жития рассказывается об устном предании, записанном от пономаря церкви св. Дмитрия г. Владимира, о том, как Александр Невский встал из гроба и отправился на помощь своему сроднику Дмитрию на поле

Возможно, что автором Жития был новгородец: об этом свидетельствует название Владимиро-Суздальской земли как «Нижняя земля», а Новгородской — как «Словенская». О своих соотечественниках он говорит как об «умиленых словенах» (т. е. новгородцах). Однако автор Жития лишен областнических настроений: он говорит о Новгороде и Пскове как об «отчине Руской», стремится всячески подчеркнуть общерусское значение Невского сражения, а князя Александра изобразить как общерусского святого. Опытный книжник, взявший за основу для своей переработки текст Жития, близкий к Погодинскому списку, был знаком с плачами и причитаниями других житий, был начитан в летописях и переводной литературе. Откуда черпал составитель сведения о происхождении шести храбрецов и подробности об их подвигах, о христианском имени Пелгуя (Филат, во всех остальных списках первой и других редакций — Филипп), о дате Невского сражения (6744 г.), о том, что ордынский хан велел «въиньствовати» «крестянам крайним» и др., нам установить не удалось. Отдельные выражения Жития, сближающиеся с Лаптевским списком Никоновской летописи и «Степенной книги» («придох страны и языки, но не обретох, не видедох таковаго» — ср. Никоновскую летопись: «придох страны и языки, но нигде такова ни красотой и мужеством не обретох, не видедох таковаго», в «Степенной книге» та же фраза, но вместо «обретох» — «обретохом»; «грести поспешно» — ср. Никоновскую летопись: «грести спешно», «Степенную книгу»: «грести скорее»; «да умлъкнете» — ср. Никоновскую летопись и «Степенную книгу»: «молчите», Софийскую I: «молчи», в Воскресенской летописи нет), еще не дают представления об их летописном источнике.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Месяца ноября 23 день преставление святаго и великаго л. 5 об.
князя Александра Ярославича^а Невьскаго

Сей бе князь великий Александр богом рожен от отца благочестива и нищелюбца и паче же кротка великаго князя Ярослава и нищелюбивыя великыа княгини^б Феодосии. Тако бо рече Исаиа пророк: «Князи аз научаю, священници воюю». Также и князь Александр богом благословен. Но и возраст его || паче инех человек. А глас его, аки труба в народе. А лице л. 6
его, аки Иосифа, иже бе царь египетский поставил его втораго царя в Египте. Сила же бе его и часть от силы Самсоня. Премудрость же бе ему Соломоноу дал бог, храбрость же — царя римского Усписиана, иже пленил естъ землю Иудейскую. Иногда ополчився изшедшим же ему противу граждане и победиша полкы его. Он же остася един и посмеяся дружине своей и укори а рече: «Остависта мя единого, да побегу а всех». Также и князь Александр побежаа невидимо.

И се некто от Западнаы страны пришедши, иже наричаются слугы божиин, приидоша видети дивный возраст его, якоже древле царица Южскаа приходила к Соломону, хотя слушати^в премудрости его. Тако сии именем Андриашъ виде таковое мужество великаго князя Александра, обратився к своим, || рече: «Придох страны и языки, но не обретох, ни видедох л. 6 об
таковаго ни в князех и князя, ни в царех царя».

Куликово В Житии Александра Невского, составленном в 1591 г. Ионой Думинным, рассказывается о чуде, якобы произошедшем в 1572 г., когда Александр Невский, встав из гроба вместе со своими сродниками отправляется на помощь царю Ивану Васильевичу против Крымского хана Девлет-Гирея

^а Испр., в ркп Ярославича

^б Так в ркп

^в Испр., в ркп служати

И се слышав король части римския от полунощныа страны таковое мужество великого князя Александра и събра силу велику, наполни корабли многы полков своих и подвиже силу великую, пыхаа духом ратным. И преиде реку великую, еже зовется Нева, и, шатайся безумием, и послав послы к великому князю Александру в Новгород Великий и, разгордевся, рече: «Аще хощеша противитися мне, то уже есми zde, пленяю землю твою и отчину Рускую».

И то слышав князь великий Александр, иде в церковь святыа Софеи и паде на колену пред олтарем господним, и нача молитися богу с слезами и рече: «Боже хвалнный и предивънный, боже вечный, боже благый, создавый || морей пределы, и повеле жити не престаа». Примим псаломскую песнь, рече: «Суди, господи, обидящим мя и възбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, встани в помощь мне». И сконча молитву и поклонися архиепископу. Архиепископ же Спиридон благослови его и отпусти. Князь же великий Александр иде из церкви, утирая слезы, нача крепити дружину свою и рече: «Не в силе бог, но в правде», помяну песнословца Давида: «сиа в оружиах, и сии на конях, мы же во имя господа бога нашего призовем». И несождався со многою силою и поиде на них в мале дружине, уповаа на святую троицу.

Жалостно бо слышати, яко отец² его Ярослав честный и великий и не бе ведал таковаго възстания на сына своего милаго Александра. Александру же не бе было послати коли весть к отцу. Уже бо бяше приближися ратнии, тем же и мнози || новгородцы съвокупишася бяху, понеже ускори князь великий поити на них. И прииде на них в день възсресения, на память святыах мученик Кирика и матери его Улиты и на память прадеда его великого князя Владимира, крестивый землю Рускую.

Имеаше же веру велику к святым мучеником Борису и Глебу, бе же некто у него муж, старейшина земли Ижерьской именем Пельбусиа. Порученна же бысть ему стража утреничнаа морскаа от великого князя Александра. И восприат святое крещение, нареченно бысть имя ему в святом Филат. Живяше же богови угодно: в среду и в пяток пребывааше в алчбе. Сподоби же его бог видети видение страшно. Скажем же вкратце.

Пелбусий же стоящу при краи моря, стрегущу обою пути отбытия их и пребысть всю ночь || в бдении и, яко же нача възходити солнце, услыша шум страшен по морю, и виде насад гребущь. А посреди насада стояше Борис и Глеб и беста руки своя дръжаща на рамах. А гребцы их сидяща, аки мглюю одеани. А сами беаша в одеждах чеврленых. И рече Борис Глебу: «Брате⁴ Глебе, вели грести поспешно, да поможем сроднику своему великому князю Александру на помощь». Пелбусиа же, видев таковое видение и слышав таковый глас от святую мученику, и стояше трепетен, донже насад отиде от очю его. Пелбусиа же видев великого князя Александра радостныа очима поведа же великому князю единому. Он же рече ему: «Сего не рди никомуждо». И подщався на них наехати в 6 час дни. Се же бысть в лето 6744. И бе сеча зла над римляны, изби много, без числа. А сам князь великий || Александр възложи печать королеви острым своим копием.

Зде же явишася в полку Александрове 6 муж храбрых, и мужествовавших крепко. Мню бо тако, яко никто же царь таких бяху Макидонскаго Александра багатырем.

Единею — именем Алексей. Сий наехав на шнеку и въехав до самого короля и видев короля мьчяще под руку и възведе меч свои, хотя дати

² Испр.; в ркп. не отец.   ⁴ В ркп. доб. Борисе и зачеркнуто.

язву королеви, они же абие ускориша и свергоша его с шнека и с конем в море. И божию благодатью оттуду изыде неврежен. И многажды устремися на короля и не улучися ему дати язвы. И вьеводы же многы оба полы короля разби.

Вторый же — новгородец, именем Збыслав Якунович. Сей бився единым топорком. Николико числом великым от руки его ||паде. А 4

Третий же витязь велми имеа сердечнную остроту, именем Яков, родом сын полочянин и ловчей у князя. Сего князю и мьногим людем метнно зряще: еще бо бе не вси смялися полки ратни. Он же наехав на великий полк на шую руку с единым мечем токмо. Мнози же храбрии полку того устремишася противу ему. Он же крепким сердцем, аки прах развеа ветром — тако он мечем своим, аки огонь пала^е на вся страны. Прочии же пльку того видевше велику силу его и усътрашишася и побегоша. Князь же великий Александр захвали его и подивися силе его.

Четвертый — новотръжанин, именем Миша. Сий пещь з дружиною своею погуби три корабли римлян.

Пятый же — от слуг его, именем Сава, родом сын володимерец. Сий наехав подсече стль||п шатерный златоверхий великий. Полци же Александровы видеша падение шатра. А 4 об

Шестый же — от слуг его, именем Ратмир, родом сын ярославец. Сий бився пещь. От множества ран паде и скончася.

И сии вся слышав от государя своего великого князя Александра.

Бысть же в время то чудно виднно. Бысть якоже и в предняя дни пре Иезекиилии цари, егда приходил Сиинахирим, асирийский царь, на Иерусалиим. И внезапно изыде аггел господень и избави от польку асирийска сто и шестьсот тысяць. Тако сиа обретошася трупиа^ж мртьва от арха-аггла божиа обои пол реки Ижжеры, идеже непроходно пльком Александровым. А останок побеже. А трупов мертвых своих наметаша корабли и потопиша || в мори. Князь же Александр великий възвратися с победы, хваля бога, славя своего творца, отца и сына и святаго духа. И повелику же велми дарова честных своих витязей. А 10

И по лете же едином придоша малии немци и от полунощныя страны и възградиша град в отчине Александрове. Князь же великий поиде на них и изверже изо основаниа града, а самех посече. А иных помилова и отпусти бе бо милостив зело паче меры.

По велице же победе Александрове, егда победи короля, в третий же год, в зимне время, поидоша немци на землю его. И да не хвалится ркуще: ^а «Укорим словесный кий же себе». ^и Уже бо бяше взяли град Пьсков и властили своа посажали, и ркущи себе: «Поидем победим князя Александра^к и || мем его руками». А 10 об

Уже бо бяше приближися ратнии и почюша стражие Александровы. Князь же великий Александр поиде противу им и наступиша море Чюдское. И бысть им обою вои множество, якоже и отец его Ярослав послал бе ему брата меньшаго Андреа в мьнозе дружине. Также и у князя Александра множество храбрых, якоже древле у Давида царя крещии и силнии. Тако и мужи Александровы^а испльнишася духа ратна, бяху сердца им, аки лвом, и рекуще храбрии витязи: «О княже наш честный, драгый и милый наш государю, и ныне приспе время положити нам главы своя за тя». Князь же великий Александр възхвали повелику им и пакы рече: «Суди, господи, и разсуди прю мою, от языка велеречива избави

^е Испр., в ркп. огноपालа. ^ж Испр.; в ркп. трубиа. ^{а-и} Так в ркп. ^к Испр.; в ркп. Александра. ^а Испр.; в ркп. Александровы.

ч. 11 мя, помо||зи ми, господи, яко Моисию на Амалика и прадеду моему великому князю Ярославу на окаянного Святополка». Приспе же тогда день суботный, възходящу солнцу и съступишася обои и бысть сеча зла и труск от копей и ломление и звук от мечнаго сечения. Якоже морю двинути^н, не бе бо видети леду: покрылося бяше кровию.

Се слышахом от самовидца, глаголюща: «Се плък божии прииде на въздусе на помощь Александру и победи их помощью божию». И вдаша ратнии плещии свои и сечахуть их, яко не бе камо убежати им.

Зде же прослави бог великаго князя Александра предо всеми полкы, якоже Иуса Навгина в Ерихоне. А котории же рекоша «имем^н Александра руками», тех дасть ему бог в руже его, якоже кому же обрестися противяся ему в брани. И землю их повоева и поуже и в плен их много ведый и ведяхуть ѱ подле коней, иже именуются рыдели.

Князь же великий Александр, идыи с победы, прииде в град свои Псков, яже бяше отняли были немцы. Игумени же и попове в ризах и весь град сретоша его со кресты и въздающе хвалу богови и славу великому князю Александру Ярославичю поюще и глаголюще: «Пособъвий, господи, кроткому Давиду победети иноплеменики, а верному князю нашему Александру свободити град Псков оружием крестным и рукою Александровою».

О невеличавы плесковичи! Аще сии забудут до внучат Александровых, ту уподобятя жидом, иже пителися суть в пустыни манною и крастели печеными и си всего || забыли бога своего, изведшаго из работы египетския. И оттоле промыслы имя Александрово по всем странам до моря Пешьскааго и до гор Аравитьских и обону страну моря Варяжского и до великаго Рима.

В то же время умножися язык литовьских. И начаша пакостити в области его. Он же выездя начя избивати их. Единую же случися ему выехати победи семь полков ратных и множество воевод. Слуги же его ругающеся вязаху к хвостам коней своих. И начашася блюсти имени его.

ч. 12 об. В то же время бе некто царь на Восточней^о стране силен велми именем Батый. И бог человеколюбец покорил бе ему вси языки от востока и до запада. И посла послы к великому князю Александру и рече: «Александр, веси ли, яко бог мне покорил вся съ||траны и языки, ты ли един не хоцещи покоритися силе моей». Князь же великий Александр по умрътвии отца^н своего прииде в Володимер в славе велице. Бысть грозен приезд его и, проиде вестъ его до усть Волги и начаша жены моавитския полошати^р дети своа, рекуще: «Александр едет, да умолкнете». Благословившеся у Кирила епископа и потом поиде к церкви. И видев его царь Батый рече велможам своим: «Въистинну ми поведаша, яко несть подобна ему князя в отечествии его». И отпусти его с честью великою.

По сем же убо царь Батый разгневался на брата меншаго Андреа и посла на него въводу своего Неврюа и поплени землю Суздальскую.

ч. 13 По пленении же Неврюеве и по воевании Суздальской земли князь же || великий Александр церкви въздвигнув и грады исполни, распужныа люди събра в дома свои. О таковых бо Исаия пророк рече: «Князь благ в странах тех, уветлив и кроток, и смирен по образу божию есть, не презря крови праведничя, сироте и вдовице в правду судяй, милости человеколюбец, благ домочядцем своим, сиротам кормителю, богобоязлив, аггелам любителю и человеком щедр ущедряа и показуа на мире милость свою. И распространи бог землю его богатством и славою и удльжи бог живота его лет».

^н Испр.; в ркп. двинути^н   ^н Испр.; в ркп. именем.   ^о Испр.; в ркп. Восточней
^н Испр.; в ркп. отца написано дважды.   ^р Испр.; в ркп. положишати

Иногда же приидоша послы от папы из великого Рима и рекуще: «Папа наш рече: слышаахом тя князя честна и дивна и земля твоа велика и славна есть, да примеше учение их от обоюнадесят людий колена хитреиши Гала и Гемонта». || Князь же великий Александр сдума с хитьрецы своими и рече: «От Адама до потопа и до разделения язык, от разделения язык до начала Авраамля, от начала Авраамля до произытия Иизраильтескааго сквозе Чермное море, от исхода сынов Иизраилев и до умьртвиа Давида царя, до царьства Соломона, от царьства Соломона до Августа, от Августа до рожества Христова и до страстей Христовых и до воскресения, от въскресения, на небеса въшествие и до царьства Константинова и до перваго събора и до седмаго — си вся добре исповедаах, а от вас учения не приемлю». Они же возвратишася въсвоисии.

Князю же великому Александру умножиися лет живота его: бе бо ереилубец, митрополита же и епископы чтя||ше, аки самого творца.

Бе бо тогда велика нужда крестианом краиним от поганных, велаяху людем с собою въиньствовати. Князь же великий Александр поиде к царю в орду,^с дабы отмолил люди от беды. А брата своего меньшаго Ярославя и сына своего Дмитрея посла на Западня страны и шедши плениша град Юрьев великий немецкий и возвратишася въсвоиси с многою корыстью и полоном и с великою честию. Князь же велики Александр възиде от иноплеменник и доиде Новагорода Нижнего и ту быв мало здрав и доиде Городца и разболеся.

О горе нам, умиленом словеном! Како вместим глас от болезни, юже приах съблуститель наш! О горе тебе, бедный человеце, како можеши написати кончину государя своего, то како ти не изпадут зеницы с слезами || вкупе, како ли ти ся не разседе сердце от горкиа туги! Отца бо человек не может забыти, а ласковаго государя не мощи забыти, но аще бы жив в^т гроб понем влезл.

Великий^у же князь Александр ревновав по господе бозе своем крепко, оставя земное царьство и желая небесное царство. И сподоби его бог мнишеское житие въсприати, ангельский образ, и еще сподоби его бог больший того чин въсприати и схиму. И тако с миром дух предасть месяца ноября в 14 день на память святаго апостола Филиппа.

Тогда же земля Рускаа плакаса велми, аки труба, оставши хранителя и заступника. Митрополит же Кирил глаголет людем: «Чада моя разумейте вси, яко уже заиде земля нашей солнце!».

Тогда же храбрии витязи плачем || горким, клицам сердечным стеньяхуся и припадааху к ногама его, глаголюще: «Камо нам велиши, государю наш храбрыи? Сам бо любя храбрость, паче меры человеческыа. К тому уже уныли есмя то твоен доброте, то пред ким уже явимся, от кого имем толикна чести и доброты чаяти, якоже от тебя! Лутче бо нам с тобою умрети, нежели по тебе жити!». Лудие же вопиаху малии и велиции: «Увы тебе земле Словеньскаа, яко оставивше втораго Владимира! О горе тебе земле Нижняя, яко гроза и слава отиде от тебе!».

Понесено же бысть честное тело его к граду Владимиру. Митрополит и весь причет сретоша его в Боголюбове с свещами и с кандилы, певше же над ним песнь многу. И по скончании же честныа службы над честным его телом приступле митрополит Кирил, хотя дати ему грамоту духовную в руку. Он же, яко жив, разверзе. Бысть же страх и трепет велми зело.

Положено же бысть честное тело его в граде Владимире в церкви рожества пресвятеи богородици с псалмы и песнями, славяще святую троицю, отца и сына и святаго духа и ныне и присно и в веки веком. Аминь.

(ГПБ, Q.1.321, лл. 5 об.—15 об.).

^с Испр., в ркп. рду.   ^т Доб.; в ркп. нет.   ^у Испр.; в ркп. Великий.

вестных нам списка «Пророчеств» дошли не в составе официальных церковных памятников. Один из списков находится, как мы уже знаем, в составе Хронографа редакции 1512 г., составитель которого неизвестен; во всяком случае Хронограф официальным церковным памятником никогда не являлся. Другой список дошел в сборнике Гурия Тушина, который хотя и придерживался ортодоксальной догмы в вопросе о природе Христа (потому он и включил «Пророчества» в свой сборник), но в то же время, будучи нестяжателем, подвергал критике некоторые стороны церковной жизни. Что касается официальных церковных кругов, то их отношение к «еллинским мудрецам» было высказано митрополитом Даниилом на суде над Вассианом Патрикеевым в 1531 г. Предъявляя Вассиану различные обвинения в связи с составлением им новой Кормчей книги, митрополит, в частности, говорил: «От святых отец от семи соборов и доныне во священных правилах еллинская учения не бывала, а ты ныне во своих правилах еллинских мудрецов учение написал, Ористотеля, Омира, Филипа, Александра, Платона». ¹⁸ Никаких следов учения «еллинских мудрецов» в Кормчей Вассиана («новых правилах») нет. Митрополит сознательно прибегнул к инсинуации, чтобы очернить своего врага: по-видимому, согласно официальной доктрине, использование «еллинских учений» в церковных памятниках являлось недопустимым.

В XVII в. положение меняется. Сомнения в двойной природе Христа имели место, как это показывает любопытное послание Ивана Бегичева, ¹⁹ и в XVII в., и именно поэтому «Пророчества еллинских мудрецов» распространяются в это время в новых списках. Но если в первой половине XVI в. обращение к «еллинским мудрецам» в руководящих церковных кругах считалось криминальным, то в XVII в. церковь включает античных философов в число своих признанных сторонников. Этот вывод вытекает прежде всего из анализа тех книг, в составе которых дошли два из трех известных нам списков «Пророчеств» XVII в.

Одна из этих книг — так называемая Кириллова книга, изданная на Московском печатном дворе в 1644 г. ²⁰ Составитель Кирилловой книги в ней не назван, но в одном послании XVII в. указывается, что она была составлена черниговским протопопом Михаилом Роговым «с прочими избранными мужи». ²¹

По своему составу Кириллова книга делится на две части. Первую, меньшую, часть, по которой, однако, книга получила свое название, занимает «Книга Кирилла, архиепископа иерусалимского о втором пришествии Христа»; книге Кирилла предшествует индекс истинных и ложных книг. Вторую часть, бóльшую, составляет сборник статей, излагающих и обосновывающих основные догматы православия: о троице, о двойной природе Христа, о воплощении его, «о божестве святого духа» и т. д. Наряду с этими статьями в сборник включены статьи, направленные против еретиков и иноверцев — ариан, иконоборцев, латинян, лютеран, армян и т. д.

¹⁸ Судное дело Вассиана Патрикеева. — В кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 292.

¹⁹ А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божиих. — ЧОИДР, 1898, кн. II, стр. 1—13.

²⁰ Печатание книги начато было 24 августа 1643 г., закончено 21 апреля 1644 г. ГПБ, Отдел редкой книги, II, 63 (далее: Кириллова книга), л. 571].

²¹ В послании дьякона Федора к Максиму читается: «а еже печатная московская Кириллова книга глаголемая, и та несть Кириллова, но собирал ее черниговский протопоп Михаил Рогов с прочими избранными мужи, по повелению царя и патриарха, на многие ереси латинские, армянские и немецкие» (И Сахаров. Обзорение славяно-русской библиографии, т. I. СПб., 1849, стр. 143).

ликом. Это вторая редакция статьи, очень распространенная в памятниках литературы XVI и XVII в.». Таким образом, П. Е. Щеголев устанавливает наличие двух редакций «Пророчеств». Литературную историю памятника он связывает с историей Хронографа, полагая, что вторая редакция «Пророчеств», включающая пророчения Сивилл возникла на основе второй редакции Хронографа (1617 г.), куда «Сказание о Сивиллах» попало из Хроники Мартина Бельского. Что касается причин распространения «Пророчеств» в литературе древней Руси, то этот факт, по мнению П. Е. Щеголева, «объясняется только любовью и жадной интереса».³

Не ставя перед собой целью исчерпывающее изучение памятника (это задача специального и сложного исследования), попытаемся высказать некоторые соображения о его истории и роли в идейной жизни русского общества.

Помимо хронографических списков «Пророчеств» (мы пользовались списком Хронографа редакции 1512 г., изданном в XXII томе ПСРЛ, и списком Хронографа редакции 1617 г. из собрания Погодина, № 1445), нам известны семь списков сборников XVI—XVII вв. В хронологическом порядке списки сборников располагаются следующим образом: 1) Софийское собрание, № 1468 — 37-я книга известного книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Гурия Тушина, 1523—1526 гг.;⁴ 2) Софийское собрание, № 1449 — сборник, подписанный книгописцем Кирилло-Белозерского монастыря Евстафием, 1602 г.; 3) так называемая Кириллова книга, изданная в 1644 г. по неизвестным рукописям; 4) Софийское собрание, № 1186, сборник середины XVII в.; 5) Погодинское собрание, № 1589, сборник XVII в.; текст «Пророчеств», заключающий сборник, написан почерком начала XVIII в.; 6) Барсовское собрание, № 1613, сборник XVIII в.; 7) список о. Яремедького-Билахевича, изданный И. Франко без указания его даты.⁵

Для освещения литературной истории памятника наибольшее значение имеют список Хронографа редакции 1512 г. (список датируется 1538 г.) и список Тушина 1523—1526 гг.

Глава 82 Хронографа «О еллинских мудрецах» начинается небольшим введением, гласящим: «Тем же и еллини прежде пророк пророчествоваху, подвигше бо ся человеческиа вещи изобрести, также въздушныи и вышшаа, тем же и бог прославляше сим отчясти коснутися истинне». Далее следуют изречения 13 еллинских мудрецов, к числу которых помимо античных писателей: Фукидида, Аристотеля, Платона и некоторых других — отнесены Гермес Трисмегист,⁶ Аполлон, Дионис и три персидских волхва, пришедшие поклониться возрожденному Христу. Изречения посвящены троице и воплощению Христа.

Источник, из которого заимствованы изречения, приписываемые античным писателям и Аполлону, неизвестен. По мнению П. Е. Щеголева, изре-

³ П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы. Сказание Афродитиана. СПб., 1899—1900, стр. 89—93. О заимствованиях в редакции Хронографа 1617 г. из Хроники Мартина Бельского см.: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II. М., 1869, стр. 87—166.

⁴ О Гурии Тушине см. нашу статью в настоящем томе (стр. 169—200).

⁵ У П. Е. Щеголева названы следующие рукописи, содержащие текст «Пророчества»: СПб., духовная академия, №№ 1186, 1464, 1468, 1473; собр. Толстого, отд. I, № 195; собр. Погодина, № 1589. При проверке оказалось, что «Пророчества» имеются только в трех из названных рукописей: собр. Погодина, № 1589; Софийское собрание, №№ 1186, 1468.

⁶ Гермес Трисмегист (Ермий Тревеликий) — мифический автор теософского учения, излагаемого в нескольких книгах и отрывках египетско-греческого происхождения.

чения восходят к переводному памятнику греческого происхождения. Имеющиеся в «Пророчествах» сведения о Ермии (Гермесе Трисмегисте) могли быть извлечены из «Еллинского летописца», которым пользовался составитель Хронографа.⁷ И, наконец, пророчество Диониса и рассказ о персидских волхвах находят полную аналогию в тексте «Сказания Афродитиана».⁸ Таким образом, Хронографический список «Пророчеств» представляет собой компиляцию; возможно, что автором ее был составитель редакции Хронографа 1512 г.

Список Тушина существенно отличается от Хронографического. В нем фигурируют 19 «еллинских мудрецов», среди которых гораздо полнее представлены античные писатели: помимо Аристотеля и Платона названы Мемандр, Гомер, Соллон, Плутарх, Эврипид и др. Не упоминаются персидские волхвы, но зато появляются новые библейские персонажи — Иисус Сирахов и волхв Валаам. Исчезли из числа «еллинских мудрецов» античные боги — Аполлон и Дионис, место которых заняли вещи прорицательницы — Сивиллы. Тушинский список отличается от Хронографического не только составом мудрецов, но и своим идейным акцентом. Если в Хронографическом списке изречения мудрецов посвящены, как отмечено выше, учению о троице и воплощении Христа, то в списке Тушина подчеркивается тема воплощения. Это нашло отражение и в заглавии: «Неции реша: и от еллинских мудрець пророчествоваху про христово пришествие, еже от девы». Особенностью списка Тушина является также меньшая категоричность атрибуции изречений, что достигается введением в заголовок слов «Неции реша» и повторением их в начале текста: «Реша бо неции...».⁹ Все сказанное позволяет охарактеризовать Тушинский список «Пророчеств» как новую редакцию произведения.

Помимо неизвестного переводного источника, содержащего псевдоизречения «еллинских мудрецов», «Сказания Афродитиана», «Сказания о Ермии», источниками рассматриваемой редакции являются Палея историческая и «Сказание о Сивиллах». Из Палеи Исторической использовано «Сказание о Валааме волхве», откуда взято проречение Валаама.¹⁰ Особый интерес представляет наличие в составе Тушинского списка «Пророчеств» извлечений из «Сказания о Сивиллах». До сих пор считалось, что статья «О двенадцати Сивиллах» проникла на Русь через Хронику Мартина Бельского, первый русский перевод которой относится к 1584 г.¹¹ Анализ Тушинского списка «Пророчеств» показывает, что статья «О двенадцати Сивиллах» была известна на Руси уже в первой четверти XVI в. Очевидно, она попала с Запада либо независимо от Хроники Бельского, либо через ее ранний, остающийся до сих пор неизвестным русский перевод.

Кто был составителем рассматриваемой редакции — Гурий Тушин или какое-то другое лицо, труд которого Тушин просто переписал, мы не знаем. Однако все то, что известно о разносторонней деятельности Тушина-книгописца, составителя сборников и редактора ряда произведений, делает возможным предположение о его авторстве.

⁷ Л. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. I, М., 1868, стр. 16. — Следует отметить, что сказание «О Ермисе и святей троице» «Еллинского летописца», приводимое А. Поповым, не совпадает текстуально с проречением «Ермия», читающимся в Хронографе.

⁸ П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы, стр. 90—91.

⁹ См. ниже, стр. 367.

¹⁰ ГИМ, Синодальное собрание, № 318/591, л. 79. — С текстом указанной рукописи мы ознакомились по копии В. Н. Перетца, любезно предоставленной нам В. П. Адриановой-Перетц.

¹¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, стр. 93.

Разбивка по редакциям списков «Пророчеств» является очень сложным делом, ибо среди известных нам списков имеется лишь два одинаковых (Кирилловой книги и Софийского собрания № 1186); все же остальные включают большие или меньшие разночтения. Тем не менее попытка самой общей систематизации приводит к выводу о том, что две основные редакции памятника, возникшие еще в первой четверти XVI в., сохранились в различных вариантах и в последующий период.

К первой редакции «Пророчеств еллинских мудрецов» (будем называть ее Хронографической), помимо текста Хронографа редакции 1512 г., относится текст Хронографа редакции 1617 г. Здесь «Пророчества еллинских мудрецов», входящие в состав 52-й главы, следуют за «Сказанием о двенадцати Сивиллах», заключающим 51-ю главу Хронографа.¹² Отличительными признаками «Пророчеств» Хронографа 1617 г., так же как и «Пророчеств» Хронографа 1512 г., являются отсутствие в них предсказаний Сивилл и обоснование устами «еллинских мудрецов» как догмата троицы, так и учения о воплощении Христа. К этой же редакции может быть отнесен и список сборника Погодинского собрания, № 1589 (начала XVIII в.), представляющий собой сокращенный вариант текста «Пророчеств» Хронографа 1617 г. О том, что текст Погодинского списка «Пророчеств» был составлен на основе текста Хронографа редакции 1617 г., свидетельствует наличие перед «Пророчествами» в Погодинском сборнике, так же как и в Хронографе, «Сказания о двенадцати Сивиллах».¹³ Об этом же говорит и совпадение текста заголовка, который в Погодинском списке и Хронографе 1617 г. читается совершенно одинаково: «Сказание о еллинских философах, понеже и тии про знаменованиа веры и чистаго ради жития их коснушася истинны от духа святаго и глаголющи будущаа человеком».

Ко второй редакции «Пророчеств» помимо списка Тушина относятся списки: Софийского собрания № 1449—1602 г., Кирилловой книги — 1644 г., Софийского собрания № 1186 — середины XVII в., о. Билахевича-Яцимирского — недатированный. Характерные черты этой редакции — акцент на теме воплощения Христа и наличие извлечений из «Сказания о Сивиллах». К этой же редакции может быть отнесен и очень сокращенный текст статьи «О еллинских мудрецах», читающийся в сборнике Барсовского собрания № 1613, XVIII в. Хотя в Барсовском списке отсутствуют предсказания Сивилл (в сборнике имеется отдельная статья о Сивиллах), тем не менее ему свойственны основные особенности второй редакции: изречения посвящены воплощению Христа, среди мудрецов упомянуты Эврипид и Лисимах, чьи имена встречаются только в списках этой редакции.

С чем было связано появление и распространение на Руси рассматриваемого нами памятника?

Несомненно, что «Пророчества еллинских мудрецов» представляли собой одно из проявлений стремления христианской церкви использовать античное наследие в своих интересах. Это стремление, имевшее место в странах как католического, так и православного мира, обусловило возникновение произведений, в которых в христианизированной обработке сохранялись элементы античной философии и отрывки из «отцов церкви» перемежались порою с отрывками из античных писателей; из памятников

¹² ГПБ, собр. Погодина, № 1445: «Сказание о Сивиллах» — лл. 151 об.—154, «Сказание о еллинских философах» — лл. 154—155.

¹³ ГПБ, собр. Погодина, № 1589: «Сказание о Сивиллах» — лл. 354—356 об., «Сказание о еллинских философах» — лл. 357—358.

древнерусской письменности таковы «Диоптра» Филиппа Пустынника, «Енхиндрион» Епиктета, флорилегии — сборники изречений и т. д.¹⁴

Наряду с этой линией использования христианством античности, при которой сохранялись какие-то элементы классической культуры, в древней Руси существовала и другая — использование в интересах христианской религии имен античных писателей и философов при полном выхолащивании их подлинного наследия. В результате появлялись произведения, в которых устами античных писателей, богов и героев обосновывались догматы христианства, и в первую очередь учение о Христе, о его воплощении. Эти произведения имели форму пророчеств, что, быть может, являлось следствием отдаленного опосредственного влияния иудейско-эллинистической литературы со свойственными ей «пророческими» и «мессианскими» тенденциями. К числу пророчеств о Христе относятся такие хорошо известные памятники древнерусской литературы, как «Сказание Афродитиана» (наиболее ранний список XIII в.), «Проречение о Христе в кумирнице еллинского бога Аполлона» (помещаемое в рукописях обычно вслед за «Сказанием Афродитиана»),¹⁵ «Сказание о двенадцати Сивиллах» (бытовавшее на Руси, как это позволяет утверждать анализ Тушинского списка «Пророчеств еллинских мудрецов», уже в первой четверти XVI в.).¹⁶

Одним из памятников этого круга являются и «Пророчества еллинских мудрецов», утверждавшие устами чуть ли не всех известных древней Руси античных писателей учение о воплощении Христа. Появление «Пророчеств» в первой четверти XVI в. было обусловлено особенностями идейной жизни русского общества рассматриваемого времени.

На рубеже XV и XVI вв. русская православная церковь переживала острый кризис: против нее было направлено учение новгородско-московских еретиков, отрицавших основные догматы православия; с резкой критикой материальной основы церкви — вотчинновладения выступили нестяжатели. Особым нападкам подвергалось ортодоксальное учение о двойной природе Христа. Еретики отрицали божественную природу Христа, считая его просто человеком. Глава нестяжателей Вассиан Патрикеев, напротив, сомневался в человеческой природе Христа, полагая, что ему свойственна только одна божественная. И в том, и в другом случае догматы православия подвергались критике с позиций рационализма.¹⁷

Наряду с критикой православной церкви и ее учения для идейной жизни русского общества XV—XVI вв. было характерно появление первых ростков гуманистической мысли (не порвавшей, однако, в силу особенностей социально-экономического развития Руси с религиозной оболочкой) и тяготение (правда, не так ярко выраженное, как на Западе) к античной культуре. Неудивительно, что в этих условиях появляется и получает распространение произведение, в котором одно из основных положений учения о двойной природе Христа — о воплощении его от девы Марии обосновывалось устами «еллинских мудрецов».

Но хотя «еллинские мудрецы» были поставлены на службу православию, тем не менее обращение к их авторитету санкции официальных кругов русской церкви в первой четверти XVI в. еще не получило. Оба из-

¹⁴ М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в литературе древней Руси М., 1904; А. И. Клибанов 1) К проблеме античного наследия в литературе древней Руси. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1955, стр. 158—182; 2) Реформационные движения в России. М.—Л., 1960, стр. 305—332

¹⁵ П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы, стр. 79, 93.

¹⁶ См. выше, стр. 360.

¹⁷ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 96—98

Н. А. КАЗАКОВА

**«Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения
в русской живописи XVI—XVII вв.**

Давно известно, что в русской живописи XVI—XVII вв. на иконах, стенах и вратах храмов появляются изображения античных философов и писателей. В искусствоведческой литературе это явление связывается с распространением в русском обществе интереса к античности.¹ Однако, хотя это объяснение не лишено основания, оно не раскрывает все-таки причин отмеченного явления. Понять их помогает любопытный памятник древнерусской письменности «Пророчества еллинских мудрецов».

«Пророчества еллинских мудрецов» — памятник, почти не исследованный. В литературе он упоминается дважды: в книге И. Франко «Апокрифи і легенди з українських рукописів» и в работе П. Е. Щеголева «Очерки истории отреченной литературы. Сказание Афродитиана».

Публикацию текста «Пророчеств» И. Франко сопровождает небольшой справкой, в которой указывает, что «Пророчества» представляют собой компиляцию из византийских источников, Пален, «Сказания о Гермесе Трисмегисте», «Слова» Афродитиана и статьи «О двенадцати Сивиллах».²

Подробнее останавливается на «Пророчествах» П. Е. Щеголев. Он отмечает наличие этой статьи в Хронографе, а также в ряде сборников XVI—XVII вв. Статья, по мнению П. Е. Щеголева, представляет собой перевод с греческого, неизвестно когда появившийся на Руси. Возникновение ее связано со стремлением «доказать истину своего учения искусственным подбором чужих мнений и отыскать в книгах враждебных учителей свидетельства в пользу христианства». На Руси статья испытала влияние «Сказания Афродитиана» и в таком виде была занесена составителем редакции Хронографа 1512 г. в его состав. Литературную историю «Пророчеств» проследить трудно ввиду подвижности и изменчивости текста памятника. «Как вопросо-ответная литература отличается подвижностью, — пишет П. Е. Щеголев, — так и литература пророчений характеризуется этим изменчивым свойством. Как там, так и здесь переписчику представляется обильное поле для самостоятельных действий. Кого хочет, — внесет, кого не хочет, — выкинет. Поэтому трудно установить редакции статьи с предсказаниями. Твердые основания может дать то обстоятельство, что история этой статьи тесно связана с историей Хронографа. Во второй редакции он подвергся западному влиянию, и, между прочим, из Хроники Бельского вошли сюда сказания о Сивиллах. С этой поры статья с предсказаниями языческих философов не разлучается с пророчествами Сивилл, содержащимися в ней в более или менее крупных извлечениях, иногда це-

¹ История русского искусства, т. III. М., 1935, стр. 554—557, примечание.

² И. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів, т. II, Львів, 1899, стр. 35.

Состав книги достаточно ярко показывает ее целенаправленность — защита чистоты православия от всякого рода еретических и иноверных учений. Именно так понимал задачи книги ее составитель, писавший в послесловии: «государь наш царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец . . . повеле сию предобрую книгу, от различных оных святых отец учиненую, на различные те ереси, во един куп совокупити, и яко корабль многим богатством наполнити, и печатным тиснением вообразити, и пустити ю во всю свою Русскую землю всякому православному христианину, хотящему ея прочитати и божественныя догматы ведети, и та еретическая уста заграждати».²²

Напечатана была Кириллова книга по распоряжению царя, как об этом неоднократно говорится в послесловии. Упоминание благословения патриарха, какое читается в ряде печатных книг этого периода, в Кирилловой книге отсутствует, но в заключительных строках послесловия указывается, что она была «совершена» в «31-ое лето» царствования Михаила Федоровича, при сыне его Алексее Михайловиче, «и при отце их и богомольце кир Иосифе, патриархе московском и всея Руси, в 5-е лето патриаршества его»;²³ в цитированном же нами послании, касающемся Кирилловой книги, есть прямое указание на то, что она была напечатана по повелению царя и патриарха.²⁴

Состав книги, оценка ее составителем, обстоятельства напечатания — все это позволяет считать Кириллову книгу официальным церковным памятником середины XVII в.²⁵ В составе этого памятника находится, как уже отмечено, статья «О еллинских мудрецах, иже отчасти пророчествоваху о превышении божестве и о рожестве хрестове от пречистыя богородицы»

По-видимому, в XVII в. Кириллова книга пользовалась большой популярностью в ортодоксальных церковных кругах, и ее использовали при составлении рукописных сборников. На основе Кирилловой книги составлен, по нашему мнению, рукописный сборник середины XVII в. (Софийское собрание, № 1186), носящий выразительное название «Правовереие». Этот сборник, принадлежавший Кирилло-Белозерскому монастырю,²⁶ можно разделить по содержанию на две части: первая включает статьи Кирилловой книги (включено большинство ее статей), вторая содержит произведения литературного и исторического характера, заимствованные, как кажется, по крайней мере частично, из Хронографа. Почти вся первая часть написана полууставным письмом одного писца, конец первой части и вся вторая — скорописью другого. Очевидно, сборник был задуман как собрание статей о «правой вере» на основе Кирилловой книги, но затем, когда сборник попал в руки другого писца, первоначальный замысел был изменен. В первой части сборника находятся «Пророчества еллинских мудрецов», текст которых повторяет текст Кирилловой книги.

Нахождение «Пророчеств» в составе Кирилловой книги — памятника официальной церковной идеологии середины XVII в. и сборника «Право-

²² Кириллова книга, л. 570 об.

²³ Там же, л. 571.

²⁴ См. прим. 21.

²⁵ Впоследствии, при патриархе Никоне, составитель Кирилловой книги Михаил Рогов был наказан за ошибки догматического характера, допущенные в двоестрочии, помещенном им в книге (см.: А. Л и о в. О так называемой Кирилловой книге. Казань, 1858, стр. 9, прим. 2). Но обвинение касалось только двоестрочия, а не книги в целом. Поэтому факт наказания Рогова не может изменить данной нами оценки Кирилловой книги как официального церковного памятника середины XVII в.

²⁶ ГПБ, Софийское собрание, № 1186; на обороте последнего, нумерованного листа запись: «Сия книга „Правовереие“ Кириллова монастыря белоеозерского».

верие» — рупора воинствующих церковных кругов свидетельствует о том, что в XVII в. «Пророчества еллинских мудрецов» были включены церковью в ее идейный арсенал. Значение памятника как орудия в борьбе за упрочение догм православия ярко иллюстрируется также заключением, читающимся в одном из его списков: «Виждь, иноверный еретиче, и разумей! Еллини убо враги суще христианской вере и се ведый бог всех творец дасть и от сих праотеческих их избранных мудрецах плотское свое пришествие предгаголати да паче истина изъяснитися. Аще бо враги суще истинну исповедаста, достоин и сим веровати и бога в троици почитати и отца и сына и святаго духа едино божество».²⁷

Выяснив роль «Пророчеств еллинских мудрецов» в идейной жизни русского общества, вернемся к вопросу об изображениях античных философов и писателей в церковной живописи XVI—XVII вв.

Изображения античных писателей и Сивилл раньше всего появляются в росписях галереи Благовещенского собора в московском Кремле. Галерея впервые была расписана в 1564 г., затем заново в 1648 г. и частично в 1667 г.²⁸ Фигуры античных писателей и Сивилл снабжены надписями, расположенными либо рядом с ними, либо в свитках, которые они держат в руках. Надписи представляют собой изречения, приписывавшиеся изображенным лицам. Приведем некоторые из них. На склоне свода галереи, над средней пилястрой, нарисован «Омирос» (Гомер), держащий в руках свиток со словами «Светило земный возсияет во языцех. Христос ходити начнет странно и съвокупити хо/тя земная с небесными»²⁹ (в левом верхнем углу рис. 1); над угловой пилястрой помещен Менандр, в свитке которого написано: «Неизследованно и неизреченно и неразрушенно божество трия» (в правом верхнем углу рис. 1) — и т. д. Особенно щедро изображения античных деятелей представлены на контурных рисунках по металлу, покрывающих двери собора. На дверях северного портала изображения расположены в пять рядов: в трех верхних — Христа, богородицы и пророков, в двух нижних — «сллинских философов» и Сивилл (рис. 2). В самом нижнем ряду на каждой створке изображены по две фигуры: на левой створке — Афродитиан со словами «Богу родитися от девица чистыя Мария, в него же и аз верую» и «Омирос» с приведенным выше изречением; на правой створке — «Ермий» (Гермес Трисмегист) с надписью «Бога убо разумети неудобно, сказати же невъзможно, есть бо трисъставен и не сказанен, существо и естество неимущее в челоуецех уподобления» и Менандр, изречение которого совпадает с имеющимся в росписях галереи. На дверях западного входа из галереи в собор также имеются фигуры Сивилл и античных писателей — Эврипида, Плутарха, Платона, Диогена — с изречениями типа приведенных выше.³⁰

Изображения древних мудрецов и Сивилл с изречениями на свитках находятся также на южных дверях Успенского собора в Кремле, причем

²⁷ П. Е. Щеголев. Очерки истории отреченной литературы, стр. 92. — Приведенная нами цитата дана у П. Е. Щеголева без указания шифра рукописи; обнаружить ее нам не удалось.

²⁸ А. И. Успенский. Стенопись Благовещенского собора в Москве (по поводу реставрации 1884 г.). — В кн.: Труды Комиссии по сохранению древних памятников, т. III М. 1909, стр. 155—157.

²⁹ О описании надписи, после знака разделения, взято из изречения Гомера, имеющегося около его изображения на двери северного портала собора.

³⁰ В Суслов. Благовещенский собор в московском Кремле — В кн.: Памятники древнерусского искусства, вып. II СПб., 1909, стр. 6—11; вып. III, СПб., 1910, стр. 11—26 — Из этого издания (вып. II, табл. II-4 и II-11) заимствованы приложенные к настоящей статье фотографии (рис. 1 и 2).

на правой половине их они вполне тождественны с изображениями на северных дверях Благовещенского собора.³¹

В конце XVII в. изображения античных писателей появляются в фресках галереи московского Новоспасского монастыря, писанных в 1689 г. изографом Оружейной палаты Федором Зубовым с городскими костромскими иконописцами; на фресках имеются фигуры Платона, Аристотеля, Птолемея, Плутарха и др.³²

Писали языческих философов и Сивилл и новгородские мастера. Так, например, в Николаевской церкви Отенского монастыря под местной иконой «Спасителя» была изображена Сивилла Дельфика, под иконой святого Николая — «Омирос», под иконой «Божией матери» — другая Сивилла. В Вяжицком монастыре под иконами писаны Платон, «Елеус», «Ермий», Эврипид. Подобные же изображения с изречениями имелись под местными иконами главного иконостаса в Спасо-Преображенском соборе Хутынского монастыря.³³

В. Суслов, описавший фрески московского Благовещенского собора и издавший имеющиеся на них надписи, писал по поводу изображения пророчества Платона: «Представленный сюжет, вероятно, заимствован из каких-либо апокрифов, или же художник, начитавшийся современных ему сборников, сам создал данную тему».³⁴ Мы можем точно назвать памятник, которым руководствовались мастера, расписывавшие Благовещенский собор. Этим памятником были «Пророчества еллинских мудрецов». Надписи на свитках и около фигур «еллинских» философов и Сивилл на стенах и вратах собора находят себе полную аналогию в тексте «Пророчеств», причем большинство надписей дословно совпадает с текстом Тушинского списка «Пророчеств»,³⁵ который был на сорок лет старше самых ранних росписей галереи Благовещенского собора.

О том, что появление в русской церковной живописи изображений античных философов и писателей было связано с идущим от «Пророчеств еллинских мудрецов» представлением о них как о пророках, предвосхитивших догматы христианской религии, свидетельствует и заголовок, читающийся в одном из списков «Пророчеств», датированном 1602 г.: «Зри, иудейстии любу мудрецы и еллинстии философи, еже пишут сих в соборех на церковных вратах для проречения их, еже прорекоша от девицы о христове воплощении».³⁶

По-видимому, в XVII в. изображения «еллинских мудрецов» в церковной живописи становятся настолько привычными, что в иконописных подлинниках появляются специальные наставления о том, как их следует писать. Вот примеры подобных наставлений: «Платон. Рус, кудряв. в венце; риза голуба, испод киноварь; рукою указывает во свиток. Сиде рече. Понеже благ есть и благословению есть виновен, злым же никакоже. Той же рече: Аполлон несть бог, но есть бог на небесех; ему же снити на землю и воплотится от девы чистыя, в него же и аз верую; и по четьрех

³¹ В. Суслов. Благовещенский собор в московском Кремле. — В кн.: Памятники древнерусского искусства, вып. II, стр. 14. См также И. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. 1. М., 1831, стр. 67—70; Прогулка по Кремлю. — Отечественные записки, ч. X. СПб., 1822, стр. 223—225.

³² История русского искусства, т. IV. М., 1959, стр. 404—405.

³³ Архим. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, стр. 41—42, прим. 69. — К сожалению, описание изображений античных писателей и Сивилл приводится Макарием без датировки.

³⁴ В. Суслов. Благовещенский собор в московском Кремле — В кн.: Памятники древнерусского искусства, вып. III, стр. 26.

³⁵ См. ниже, стр. 367—368.

³⁶ ГПБ, Софийское собрание, № 1449, л. 521.

стех летех по божественнем его рождестве мою кость осияет солнце»; «Ермий Тривеликий. Сед, брада Сергиева, повились; в венце, риза бакан, с кружевом, испод вохра, персты вверх. Рече: Заклинаю тя, небо, великаго бога дело» и т. д. В некоторых подлинниках описания «еллинских» философов и Сивилл сопровождаются миниатюрами с их изображениями. Не углубляясь более в иконописные подлинники,³⁷ укажем, что приведенные в них изречения античных писателей и Сивилл находят себе соответствие в текстах различных списков «Пророчеств еллинских мудрецов».

Так, в истории русской культуры судьба одного литературного памятника оказалась тесно переплетенной с судьбою живописи. Это переплетение произошло не случайно: оно было обусловлено той ролью, которая выпала на долю «еллинских мудрецов» как в литературе, так и в живописи древней Руси. И в литературе, и в живописи «еллинские мудрецы» были использованы для обоснования и защиты догм христианской религии. Но несмотря на то что церковь извращала наследие античных философов и писателей, приписывая им чуждые мысли и слова, сам факт обращения к их именам свидетельствует о том непреодолимом обаянии, которое имела культура далекой античности даже в глазах представителей русской феодальной церкви.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПРОРОЧЕСТВА ЕЛЛИНСКИХ МУДРЕЦОВ»

Вторая редакция

Списки:

- ГПБ, Софийское собрание, № 1468, сборник, в 4-ку, 1423—1426 гг., полуустав руки Гурия Тушина, на л. 182 запись о том, что сборник является 37-й книгой Гурия Тушина,³⁸ лл. 91 об.—94.
- ГПБ, Софийское собрание, № 1449, сборник, в 4-ку, 1602 г., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, на л. 623 запись о том, что сборник написан чернецом Кирилло-Белозерского монастыря Евстафием «в лето 7110», лл. 521—522.
- ГПБ, Софийское собрание, № 1186, сборник, в лист, середины XVII в., полуустав и скоропись, на последнем, нумерованном листе запись: «Сия книга „Правоверие“ Кириллова монастыря белооезерского», лл. 91 об.—92 об.
- ГИМ, Барсовское собрание, № 2736, сборник, в 4-ку, начала XVIII в., полуустав, лл. 15 об.—16 об.

Издания:

Кириллова книга, 1644 г., лл. 115 об.—117 об.; напечатано по неизвестной рукописи. I. Франко Апокрифи і легенди з українських рукописів, т. II. Львів, 1899, стр. 33—35; напечатано по рукописи о. Яремецького-Билахевича без указания ее даты.

В настоящем издании текст «Пророчеств» публикуется по списку Софийского собрания, № 1468.

Неци реша: и от елинских мудрець пророчествоваху л. 91 об.
про христово пришествие, еже от девы

Реша бо неци. Аристотель, елинский философ, глаголетъ: Аполон несть бог, но жрецъ. Но есть бог на небесех, ему же снити на землю и воплотитися от девы чисты. В него же и аз верую. А по моей смерти ты-

³⁷ Об описании изображений античных деятелей в иконописных подлинниках см.: Ф. Буслаев. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861, стр. 360—365.

³⁸ Воспроизведение записи, а также обоснование датировки списка Тушина см. в нашей статье «Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина» (стр. 173, 177 настоящего тома).

сыща и осмьсот лет снити ему на землю, а четыреста лет по божественом его рожестве мои кости осиает солнце.

Яко же что о Платоне елине в отеческих носится повестех. Досажен а. 92 бысть он, умрый древле,^а || от некоего христианина, яко безбожен и лукав укаряем бе. В сне же представ досажаящему: Аз бо, рече, грешна убо себе^б быти не отмещуся, Христу же в ад сходящу ни един преж мене верова в него.

Ермий^в убо Тревеликий, египтянин быв человек еллин, беседует своя словеса и свое богословие сказует: Бога убо разумети неудобно, сказати же невъзможно, есть бо трисъставен и несказанен, существо и естество немущее в человецех уподобления.

Менанд[р].^г Ненследованно и неизреченно и неразрушено божество а. 92 об. в три лица, съставляемо и прославляемо, от человек внемлемо и про^дславляемо. Богу родитися от девица чистыя Мариа, в него же и аз верую.

[О]мирос. Светило земным въсияет в языцех Христос, ходити начнет странно и съвокупити хотя земная с небесными.

[В]алам. Мъзды ради велия въскоте проклѣти Израиля^д и став на камыще и рече: Благословение Израилю, яко добри домове твои Иякове и селенна твоя Израилю, яко страны осеняюща, яко сади при водах, яко скинѣна яже въдрузи бог, яко кедры при водах, въсияет звезда от Иякова и въстанет человек от Израиля, и сътрет князя Моавскыя, и пленит вся а. 93 сыны сифовы, и || будет едем, наследие его, и Исаав, враг его, Израиль сътворил есть крепость.

Фриги[я]. В руци неверьных последи придет, дадут же господу заушение, рукама скверными биение въсприимши, умолчит.

Сиви[лла]. Егда^е знамя земля потом възмокнет, от небесе царь придет в веки будущий.

Исус Си[ра]хов. Един есть премудр и страшен, зело седей на престоле своем господь, всяка премудрость от господа и с ним есть в веки.

Солл[о]нос. Непостижима и богоначальная заря снидет с высоты и просветит седящая в тме и сени съмертнеи.

Еури[дит]. Аз чаю неприкосновенному родитися || от девы и въскресити а. 93 об. мертвыя и паки судити им.

Плутарх. Исус муж мудр; аще мужа того нарицати подобает, превышнего вина пребывает.

[А]наскорид. Прииде низ сущий препростый существом от всечистыя девица и благообразныя невесты, общее въскресение всем даруя.

[Д]иоген. Начало родным губитель благочестней девици вселитися в утробу, начало родному отду сын.

[О]лор. Первее бог, потом слово и дух святыи, с ним единовъзрастна вся.

[Си]вилла. От безневестныя и всечистыя девы богу явитися, низ в аде а. 94 сушу, его же трепещут аггели || и человечестии мысли.

Афроди[тиан]. Христу родитися от девица чистыя святыя Мариа, в него же и аз верую.

Хел[он]. Несъделанна естества божественаго рожения немущи начала.

Лиси[мах]. Древний нов, а новый древний, безначален по отци, рожен по матери от девы чистыя.

^а На нижнем поле киноварью написано Платон. ^б Себе написано на поле ^в На поле киноварью написано Ерм, в тексте полностью: Ермий. ^г На поле написано Менанд, последняя буква обрезана. Начиная с Менандра имена мудрецов написаны только на полях и не полностью, так как поля, очевидно, позже были обрезаны. Восстанавливаемые буквы взяты в прямые скобки. ^д Испр.; в ркп сизраиля. ^е Испр., в ркп. суда.

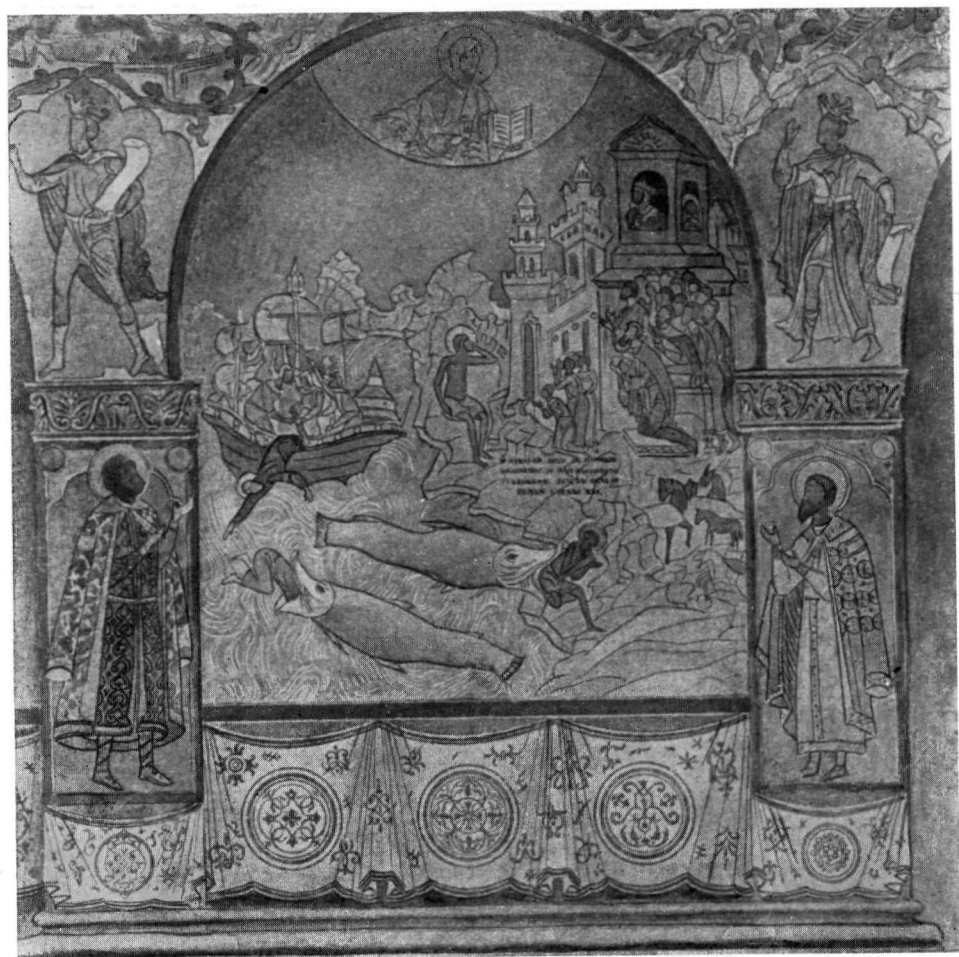

Рис. 1. Разрез южной части галереи Благовещенского собора.

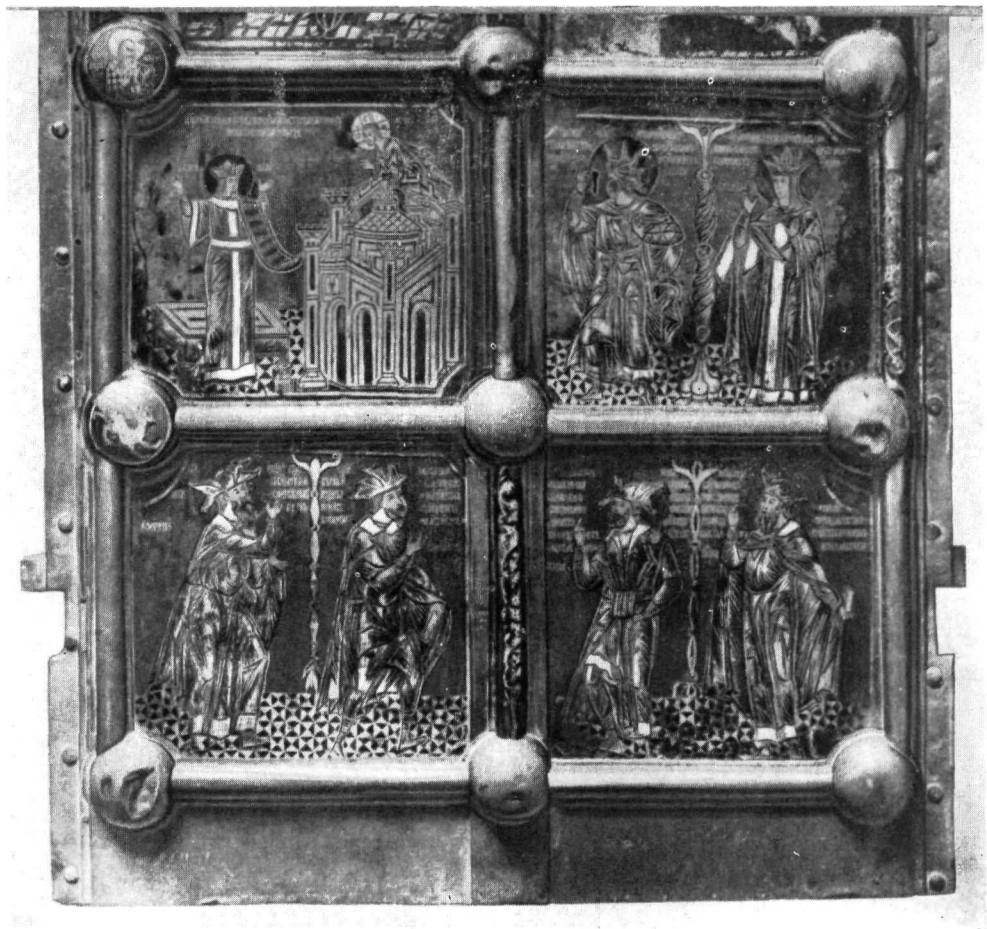

Рис. 2. Северные врата Благовещенского собора (нижняя часть).

А. И. СЕМЕНОВ

Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания

Основание Лисицкого монастыря восходит к концу XIV в. В 1389 г. на Лисьей горе срубили деревянную церковь Рождества богородицы. В 1392 г. она сгорела, «и весь монастырь на Лисичье горе погори».¹ На следующий год после пожара построили каменную церковь Рождества богородицы.

С первых лет существования монастыря в нем развивалось книгописание. В конце XIV в. игумен монастыря Иларион привез с Афона книгу «Тактикон Никона Черногорского». По распоряжению архиепископа Иоанна в 1397 г. книга была переписана лисицкими иноками для своего монастыря.² Лисицкий инок Савва по предложению игумена Тарасия списал около 1400 г. для монастыря «Сборник» с поучениями Ефрема Сирина.³ В 1431 г. иеромонах Симон переписал Поучения Исаака Сирина.⁴ От 1496 г. сохранилось евангелие, написанное в монастыре. На нем имеется надпись: «В лет 7004 кругу солнцю 4, лун 12, индик 14, фемелион 15, месяца генваря 14 на память святых отецъ, избьеных в Синаи и Раифи, написана бысть книга сия, евангелие опракос, в обители святыя Богородица на Лисьи горы при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Великого Новаграда и Пскова владыце Генадьи, благословением господина игумена Якима и повелением господина Семена Мартиновича. А писал многогрешный дячишко Офоня, а конец святии же сее книги Игнатей».⁵

Из этих отрывочных данных можно видеть, что книгописание в монастыре не прекращалось в течение продолжительного времени. Вероятно, в первые десятилетия своего существования монастырь скопил какое-то количество переводных книг. Игумен Иларион, предприняв далекое путешествие на Афон, привез оттуда, видимо, не один «Тактикон». Связь Лисицкого монастыря с византийским миром доказывается и наличием в нем особой церковной реликвии — «шапки Иоанна Златоуста». Подобного рода реликвии изготовлялись византийскими монахами. В 1558 г. «шапку Иоанна Златоуста» из Лисицкого монастыря увезли в Москву вместе с ризами новгородского епископа Никиты после открытия его мощей как дорогой подарок царю.⁶

¹ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 37.

² И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков), изд. 2. СПб., 1882, табл. 283.

³ Там же, табл. 298.

⁴ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, стр. 176.

⁵ Архив Новгородского музея, № 10794, л. 340 об.

⁶ Новгородские летописи, стр. 91; ср.: ПСРА, т. III, СПб., 1841, стр. 158. — Редактор первого издания Новгородской II летописи (1841 г.) считает «шапку Иоанна

Лисицкое книгописание и собранная в конце XIV—начале XV в. монастырская библиотека послужили основанием для летописания в монастыре, продолжавшегося более двух столетий. О лисицком летописании известно из Новгородской II летописи. Летопись эта, сохранившаяся всего в одном списке, содержит тексты, в значительной мере заимствованные из других летописей. Одним из основных ее источников являлся, очевидно, текст Лисицкой летописи (о которой пока нет специального исследования), что видно из следующего известия Новгородской II летописи: «В лето 6958 (1450) написа[на] бысть сея книга летописецъ во обители Пречистей Рожества на Лисьи гори, повелением раба божия дьякона инока Геронтея».⁷ В той же летописи сохранилось и еще одно любопытное известие: «В лето 7000 восьмьдесятого (1572), месяца февраля в 5, вторник, а служил того дни в манастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в манастыри книги летописца церковнаго. А сказывали, что летописецъ Лесицкой добри сполна, ажо не сполна развие написано в летописце в Лесицком владыкы новгородцкые, не вси сполна писаны развие до владыкы Евфимия новгородцкыого. А смотрил в кельи у старца, у келаря, у Деонисья».⁸ Это известие проливает свет на начало лисицкого летописания. Из него видно, что записи о новгородских владыках до Евфимия II были неполными, а потом стали полнее. Со времени Евфимия II, по-видимому, и начинается лисицкое летописание. Начало могло совпадать с годами пребывания Евфимия в монастыре на игуменском посту.⁹ Непосредственно из монастыря Евфимий был избран по жребию в 1429 г. архиепископом Новгорода.

Став архиепископом, Евфимий развернул большую литературную деятельность. По его инициативе около 1432 г. при владычном дворе был составлен новый летописный свод — «Софийский временник». Евфимий как главный наблюдатель за составлением свода, приступая к нему, должен был хорошо знать летописи. Годы его пребывания в Лисицком монастыре можно считать временем, когда он ознакомился с летописями.

Есть основания полагать, что лисицкое книгописание продолжалось и в XVII в. Известно, что в 1679 г. боярский сын суздальского архиепископа Иван Кичигин переписал в Лисицком монастыре летописные сообщения до начала XVII в.¹⁰

В XVII в. монастырь пришел в упадок. Лисицкий игумен по старому обычаю, как настоятель одного из древних монастырей, вызывался в новгородские праздники исправлять службы в приделах Софийского собора.¹¹

Златоуста» явной опиской, полагая, что эта шапка кого-нибудь из новгородских владык, может быть, Иоанна; редактор второго издания Новгородской II летописи (1879 г.) А. Ф. Бычков предлагает читать: «а повез ... шапку да ризы Никиты чудотворьца». Но известно, что в Византии «шапки» отцов церкви встречались, хотя и редко. В Лисицком монастыре был придел Златоуста, он мог появиться с привозом «шапки».

⁷ Новгородские летописи, стр. 53. — Это сообщение послужило поводом считать автором первой части Лисицкого летописца (до 1450 г.) иеродиакона Геронтия. См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 444.

⁸ Новгородские летописи, стр. 111—112. — Н. М. Карамзин предполагал, что Лисицкий летописец просматривал новгородский архиепископ Леонид (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, прим. 398).

⁹ В Новгородской II летописи до 1417 г. помещены краткие отрывочные известия (что заметил и архиепископ Леонид, смотревший летописец). Последующие же годы (в начале которых протекала деятельность Евфимия в монастыре и на архиепископской кафедре) освещены более подробно.

¹⁰ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборчиков имп. публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 374; С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 260, 261.

¹¹ А. Голубцов. Чиновник новгородского Софийского собора. М., 1899 (под 4 октября, 30 января, 15 августа).

Церковная традиция была жива, но реальные возможности самостоятельного существования монастыря иссякли. В 1654 г. монастырь приписали к Иверскому монастырю.¹²

Для изучения истории русской письменности имеет значение изучение самих центров письменности, тем более что такие центры новгородского книгописания и летописания, как Лисицкий и Лазарев монастыри и Яковлевский собор, давно уже не существуют и в литературе о них имеются весьма краткие сведения.

Безусловно, вызывает интерес само местоположение Лисицкого монастыря. Он находился на левом берегу Малого Волховца, в 7 км от Новгорода, возле дороги на Москву, по которой ездили еще в XVII—XVIII вв. Придорожное положение монастыря содействовало его общению с внешним миром. В 3 км от него был расположен второй по значению в древнем Новгороде монастырь — Хутынский (первое место принадлежало Юрьеву), с которым Лисицкий был тесно связан.

Архивные материалы позволяют восстановить общий облик монастыря. В Государственном архиве Новгородской области хранится опись Лисицкого монастыря 1758 г.,¹³ которая хотя и недостаточно, но все же дает представление о строениях монастыря.

Соборный храм монастыря в честь Рождества богородицы, построенный в 1393 г., насколько можно судить по отрывочным данным описи, по внешнему виду и размерам был близок к стоявшей в 3,5 км от монастыря Волотовской церкви 1352 г. Это был небольшой четырехстолпный храм с одной главой и двумя притворами — западным и северным. Внутренняя ширина храма (с севера на юг) составляла около 6,5 м. В описи нет данных о размерах храма, но приблизительную ширину можно установить из описания иконостаса. Четырехъярусный иконостас с двумя средними ярусами невысоких икон был устроен соответственно небольшой высоте храма, примерно такой же, какую имела Волотовская церковь.

В соборном храме (без придела и барабана) было 6 окон: видимо, одно в апсиде, другое в жертвеннике и четыре на основных стенах. В барабане имелось 3 окна. Церковь, паперть и придел были покрыты тесом, а глава обита белым железом.

С северной стороны к соборному храму примыкал придел Иоанна Златоуста.¹⁴ Его устройство предположительно следует отнести к концу XIV в. Лисицкий игумен Иларион, побывавший в Византии, мог там получить от монахов не только книги, но и главную реликвию монастыря — «шапку Иоанна Златоуста». Для хранения «шапки» и устроили Златоустовский придел.

Ширину придела (с севера на юг), так же как и главного храма, можно установить по иконостасу. Ширина иконостаса не превышала 4,5 м, примерно соответствовала ширине северного придела Волотовской церкви. Иконостас был двухъярусный, отсюда можно заключить, что высота придела была ниже высоты главного храма.

Златоустовский придел нельзя считать случайным явлением в Лисицком монастыре. Можно полагать, что монастырь и основывался с целью распространения письменности. Почему игумен только что открытого и, стало быть, малоизвестного монастыря отправляется в Византию? И по-

¹² В В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, II. СПб., 1892, стр. 197.

¹³ Ф 480, Новгородская духовная консистория, оп. 9-а, д. 1050.

¹⁴ В «Истории Российской иерархии» Амвросия (ч. V, М., 1813, стр. 19) придел Златоуста ошибочно назван приделом Иоанна Предтечи.

чему он оттуда привозит книги? Иоанн Златоуст всегда признавался церковью как один из главных ее «отцов», как оберегатель церковного просвещения. Церковное книгописание видело в Златоусте своего небесного покровителя. Лисицкие книжники стремились окружить свои литературные труды небесным покровительством.

Западная паперть, видимо, была несколько удлинена с востока на запад (как и Вологовская паперть), иначе трудно было бы устроить в южной стене ее вход на колокольню. Она строилась одновременно с соборным храмом. В XIV в. все новгородские храмы сооружались с западными папертями, а в некоторых добавлялись северные и южные притворы.¹⁵

Для истории новгородской архитектуры представляет значительный интерес существование двух притворов в Лисицкой соборной церкви. Найдено новое подтверждение строительства в Новгороде двухпритворных храмов (помимо двухпритворной Вологовской церкви).

В описи 1758 г. названа «при паперти настоящая церкви от полуденная страны колокольня каменная» (л. 14 об.). Колокольня была небольшой и, возможно, имела вид двухпролетной звонницы, так как на ней висело всего 5 малых колоколов. Под колокольню помещался каменный придел Ефрема Новоторжского. Внутренняя ширина придела была не более 4,5 м (с севера на юг). Ефремовский придел и колокольня относились к более позднему времени, чем соборный храм. Придел мог возникнуть не ранее конца XVI в., так как установление празднования Ефрему Новоторжскому относится к 1584—1587 гг.¹⁶ Звонница же могла появиться еще позднее, в XVII или XVIII в.

Соборная церковь Лисицкого монастыря как приходский храм просуществовала до второй четверти XIX в., когда и была разобрана за ветхостью.

Кроме соборного храма, опись 1758 г. называет в монастыре на Святых воротах каменную церковь Варлаама Хутынского. Об основании ее сообщается в Новгородской I летописи под 1410 г. Основание церкви Варлаама могло быть связано с преданием о погребении на месте Лисицкого монастыря в XII в. родителей Варлаама Хутынского. Культ Варлаама широко распространялся в Новгороде со второй половины XIV в. Лисицкая церковь была одной из первых церквей, посвященных Варлааму Хутынскому.

В надвратной церкви стоял трехъярусный иконостас. Внутренняя ширина храма (с севера на юг) составляла около 3,5 м. В церкви имелись 3 окна со стеклянными переплетами. Паперть была деревянной, «рублена в углы, а в ней два окна с окончинами».¹⁷ Варлаамьевскую церковь разобрали в 1781 г.¹⁸

Опись 1758 г., перечисляя монастырское имущество, называет очень мало книг — всего 46. Из них рукописных 5: Межевая инструкция, Лицевой синодик, Служба Ефрему Новоторжскому, Служба Варлааму Хутынскому и Часослов.

В 1764 г. Лисицкий монастырь упразднили, имущество передали в Сквородский монастырь. В ведомости имущества Лисицкого монастыря,

¹⁵ Храмы с тремя притворами встречались в Новгороде еще в XII в. (церковь Параскевы Пятницы), в XIV в. известен трехпритворный Ковалевский храм

¹⁶ Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, изд. 2 М., 1903, стр. 117.

¹⁷ Государственный архив Новгородской области, ф. 480, оп. 9-а, д. 1050, л. 16 об

¹⁸ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования . . . II, стр. 197.

составленной Сквородским монастырем, перечисление жилых и хозяйственных построек почти совпадает с описью 1758 г.¹⁹

В хозяйственном отношении Лисицкий монастырь по сравнению с другими новгородскими монастырями занимал среднее положение. До секуляризации церковных имуществ в 1764 г. за монастырем числилось 350 душ крестьян и 539 десятин земли.²⁰

Монастырь имел владения в Новгороде. На Лубянице находилось монастырское подворье. В описи 1758 г. числится «билет на монастырское подворье, что в Новгороде на Лубяницы улицы, дан архитектуры ученика Григория Охлопкова 1731 года октября 12 дня». В Лавочной книге 1583 г. на Торгу в Великом ряду указана «лавка Лисья монастыря, а сидит в ней по купчей Кирилко Кузьмин сын ножевник с Рогатицы». ²¹ В Писцовой книге 1585—1586 года на Славковой улице между Волховом и Пробойной улицей названо «место пусто тяглое Лисья монастыря; длина 20 сажен, поперег 10 сажен с лохтем». ²² В купчей 1613 г. отмечено, что «через Иворову улицу двор стоит Лисицкого монастыря». ²³

Из всего вышеизложенного можно сделать такое заключение: Лисицкий монастырь не принадлежал к числу богатых монастырей. Его церковные строения не отличались просторностью. Соборный храм по архитектуре был близок к Волотовской церкви 1352 г. Не выделяясь в хозяйственном отношении, монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода, как один из центров книгописания и летописания. В XVII в. он пришел в упадок и работа по написанию книг в нем прекратилась.

¹⁹ А. И. Никольский. Заметки о прошлом упраздненных монастырей Новгородской епархии. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 1 Новгород, 1908, стр. 39—42.

²⁰ Амвросий. История Российской иерархии, т. V, стр. 16—19.

²¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930, стр. 4.

²² Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века. СПб., 1912, стр. 44.

²³ Акты, относящиеся до юридического быта древней России; т. II, СПб., 1864, табл. 392, № 148.

М. В. КУКУШКИНА

Новая повесть о событиях начала XVII в.

События «Смутного времени» нашли широкое отражение в исторических повестях начала XVII в., большинство из которых не только опубликовано, но в результате работ С. Ф. Платонова¹ и ряда советских исследователей² достаточно изучено. Публикуемая ниже «Повесть о избавлении града Устюга Великаго от безбожные литвы и от черкас как з Двины шли» является вновь найденным памятником начала XVII в., посвященным событиям, связанным с обороной Устюга в последние годы борьбы русского народа против польско-шведской интервенции.

«Повесть» находится в сборнике, ранее принадлежавшем Красногорскому монастырю, а в настоящее время хранящемся в Рукописном отделе БАНа под шифром Арханг. К. № 51. Сборник в 4-ку, писан скорописью разных почерков. Он состоит из двух самостоятельных рукописей: первая рукопись занимает лл. 1—240, датируется 30—40-ми годами XVII в. и представляет собой сборник разнородных статей и памятников; вторая, занимающая лл. 241—388, датируется второй половиной XVII в. и содержит всего один памятник — «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия³

«Повесть о избавлении града Устюга» помещается на лл. 97 об. — 118 в первой рукописи. В этой рукописи, сравнительно пестрой по содержанию, непосредственное окружение «Повести» составляют памятники, общие с ней по идеям и близкие ей по описываемым событиям и времени создания. Это ранние редакции двух повестей — «Повести о видении некоему мужу духовну» (л. 76) и «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» (л. 80), а также неизвестная в литературе повесть о пожаре, бывшем в 1610 г. в Устюге, под названием «О страховании во граде Оустюзе велицем» (л. 91 об.). Все вместе эти повести составляют в сборнике сравнительно редко встречающийся в рукописях специальный подбор исторических повестей начала XVII в., сделанный, как можно предполагать благодаря наличию среди этих повестей двух повестей об Устюге и факту принадлежности сборника Красногорскому монастырю, находившемуся недалеко от Устюга, жителем Устюга Великаго.

¹ С. Ф. Платонов Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник СПб., 1913.

² А. А. Назаревский Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия Изд. Киевского университета, 1958. О других исследованиях см. О. А. Державина Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII М.—Л., 1957, стр. 672.

³ Два памятника из этого сборника были ранее предметом специального изучения: в 1954 г. В. Ф. Покровская опубликовала «Слово Даниила Заточника» по списку данного сборника (ТОДРЛ, т. X М.—Л., 1954, стр. 280—289), Н. А. Мещерский описал текст нашего списка «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия при издании этого произведения в 1958 г. (Н. А. Мещерский «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 20).

По содержанию «Повесть» можно разделить на три части. Первая часть — вступление, в котором в духе официальной книжной традиции, с религиозным акцентом, кратко повествуется о событиях русской истории: принятии христианства, венчании на царство Ивана Грозного и событиях «Смутного времени». Вторая и основная по исторической значимости часть посвящена подробному описанию борьбы, разгоревшейся на подступах к Великому Устюгу в 1613 г. между устюжскими ратниками, возглавляемыми двумя воеводами — М. А. Нагим и Г. Г. Пушкиным, и польско-литовскими отрядами. Третья часть посвящена истории создания Варлаамовской церкви в г. Устюге как «следствию» всех предшествующих событий.

Хотя «Повесть о избавлении града Устюга» публикуется впервые и в литературе нет определенных указаний на ее рукописные списки, тем не менее ее содержание было известно в исторической литературе. В середине XVIII в. фактические данные «Повести» частично были использованы Л. Володиным при составлении Устюжского летописца,⁴ а в 1889 г. при составлении Великоустюжской летописи А. А. Титовым был процитирован текст, дословно совпадающий с текстом «Повести». Однако А. А. Титов в числе источников своей летописи называет не «Повесть», а 28-е «Чудо св. Прокопия и Иоанна, како, избавиши град Великий Устюг от нахождения польских и литовских людей 1613».⁵ Это «Чудо», обозначенное среди других чудес 28-м, является составной частью Жития Прокопия, встречающегося в полном составе крайне редко.

Сличение двух памятников — нашей «Повести» и «Чуда»⁶ — привело нас к выводу о текстологической близости обоих памятников, хотя между ними и имеются различия. Помимо многих незначительных смысловых и языковых отличий, которые подробно мы охарактеризуем ниже, в тексте «Повести» имеются два больших отрывка, отсутствующие в «Чуде». Это авторское вступление и рассказ о двух последних случаях чудесного исцеления во вновь выстроенном храме. Таким образом, несмотря на общность прототипа для обоих памятников, один из памятников является позднейшей переделкой другого.

Встает вопрос: текст какого из двух памятников является первоначальным? Добавил ли автор «Повести» вступление и рассказ о двух случаях чудесного исцеления к уже готовому тексту «28-го Чуда» из Жития Прокопия Устюжского или «28 Чудо» является житийной переделкой «Повести»? Только текстологическое сравнение обоих памятников при ограниченном количестве списков не позволяет прийти к определенному решению. Но о первичности текста «Повести» говорит уже тот факт, что именно «Повесть» известна нам в списке 30—40-х годов XVII в., а списки «Чуда» не ранее конца XVII в. К этому выводу подводит и анализ идейной сущности и задач обоих памятников. Автор «Повести», ставивший перед собой целью прославление бога за милость, оказанную устюжанам, и изложение истории создания храма в честь святого Варлаама Хутынского, выходил

⁴ Устюжский летописец. Вологда, 1874.

⁵ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская XIII—XX вв. М., 1889.

⁶ Нам известно три списка «28-го Чуда» Прокопия Устюжского: один список в сборнике XVIII в., принадлежащем ГПБ (собр. Погодина, № 748), два других в составе «Жития преподобного Прокопия Устюжского», изданного ОЛДП (вып. СIII, СПб., 1893, стр. 196—220). В основу данного издания положен самый ранний из известных нам списков Жития Прокопия Устюжского, содержащих «28-е Чудо» (ГБА, собр. Ундольского, № 362, по датировке С. А. Клепикова — конец XVII—начало XVIII в.). А. А. Титов, ссылаясь на источники устюжских событий, называет неизвестный нам сборник Брагина, датированный тоже XVII в. (Летопись Великоустюжская XIII—XX вв., стр. XI).

далеко за рамки тех задач, которыми мог бы руководствоваться составитель Жития Прокопия Устюжского. В самом деле, зачем было составителю нового текста «Чуда» Прокопия прославлять наряду с подвигами этого святого подвиги других святых — Иоанна Устюжского и главным образом Варлаама Хутынского? Напротив, имея готовый текст «Повести», где наряду с подвигами Варлаама Хутынского и Иоанна Устюжского упоминается и Прокопий Устюжский, составитель Жития, отбросив обширное авторское вступление и рассказ о двух чудесных исцелениях, связанных в основном с именем Варлаама Хутынского, ввел чудо об избавлении града Устюга в Житие Прокопия под № 28.⁷

Языковые разночтения двух памятников, хотя и незначительные, также подтверждают, на наш взгляд, более раннее происхождение «Повести» по сравнению с «Чудом». Приведем несколько примеров: определение «русский народ» заменено в «Чуде» более поздним «российский народ», «гаражане» — «градские люди» и т. д.

Попутно отметим разночтения между обоими памятниками фактического порядка. В «Чуде» отсутствуют сведения об освобождении после победы над интервентами ранее плененных русских в количестве 300 человек; цифра убитых в «Чуде» указана 200, тогда как в «Повести» — 500. Кроме того, в «Чуде» отсутствует текст о дальнейшей судьбе интервентов, после разгрома их под Кичменгской. С другой стороны, в тексте «Чуда» имеется незначительный отрывок фактического содержания (мы печатаем его в примечаниях к публикуемому тексту «Повести»); отсутствие его в тексте «Повести» можно объяснить либо дефектностью оригинала, с которого был сделан наш список «Повести», либо случайным пропуском писца, переписывавшего его.

Возвращаясь к изучению «Повести» как исторического источника, еще раз отметим, что «Повесть» посвящена конкретным событиям, которые не нашли отражения в других современных ей документах. На основании сведений, имеющихся в литературе и источниках, можно воссоздать следующую картину событий, непосредственно связанных с событиями, описанными в «Повести». Летом 1612 г. основные силы польских интервентов были разгромлены под Москвой. Два польско-литовских отряда, состоявшие главным образом из черкас, т. е. запорожских казаков, ушли на север, где поздней осенью 1613 г., объединившись со шведскими войсками под Тихвином, принимали участие в походе к Белому морю, организованном Делагарди с целью захвата Холмогор.⁸ До присоединения этих отрядов к шведским войскам они бродили по северу Русского государства, разоряя города. В сентябре 1612 г. «польские и литовские люди с черкасами и казаками и русскими ворами пришед на Вологду безвестно изгоном»,⁹ в декабре они грабили Прилуцкий монастырь,¹⁰ Тотемские места, а 22 января были в городе Сольвычегодске, где жили три дня и «уехали мимо города Устюга на реку Юг». ¹¹ В «Повести» описываются события, имевшие место через три дня после захвата Сольвычегодска, т. е. 25 января 1613 г., на под-

⁷ В ГПБ (собр. Погодина, № 749) имеется рукопись, содержащая текст полного Жития Прокопия и Иоанна, оканчивающегося 27-м чудом и датированного по филиграну 1654 г. Исходя из этих данных, можно предположить, что к середине XVII в. редакция полного Жития Прокопия и Иоанна состояла из 27 чудес.

⁸ И. П. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, стр. 107.

⁹ Вологодский летописец. Вологда, 1874, стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 28.

¹¹ Алексей Сооскин. О набеге литовцев на Сольвычегодск. — Вологодские губернские ведомости, 1887, № 31.

стухах к Великому Устюгу и в дальнейшем после разгрома врага в самом Устюге.¹²

Возникает вопрос, насколько достоверны сообщения «Повести» и, следовательно, какова ее значимость как исторического источника? Следует сказать, что отсутствие определенных сведений об осаде Устюга в 1613 г. в официальных документах того времени: актах, разрядных книгах, летописях (кроме позднейших, источником которых была сама «Повесть») — ставило под сомнение достоверность самого факта.¹³ Однако объяснение такому «молчанию» источников, нам кажется, дать несложно: устюжская летопись в эти годы не велась, а в официальных донесениях — грамотах сообщалось лишь о городах, захваченных врагом и подвергшихся разорению и опустошению. Великий Устюг врагам захватить не удалось, поэтому он и не упоминается в современных этому событию документах, а следовательно, и нет возможности подтвердить конкретные факты «Повести» перекрестными ссылками на другие источники. Тем не менее соответствующая исторической действительности топонимика «Повести» и реальность упомянутых в ней официальных лиц подтверждают достоверность и историчность «Повести».

Проследим за точностью географических названий в связи с ходом исторических событий, изложенных в «Повести». Интервенты двигались на Великий Устюг из Холмогор вверх по Двине. Первый натиск на Устюг, расположенный на правом берегу притока Двины — реке Сухоне, они думали произвести, пройдя по льду реку Стригину (Стрига — левый пригон Северной Двины). Потерпев неудачу, интервенты пытались узнать о силах противника, послав разведчиков на гору Гляден (в устье реки Юга), где находился монастырь Святой Троицы. После второй неудачной попытки врага овладеть Устюгом ратники Г. Г. Пушкина гнали интервентов по реке Югу до волости Кичменга (в 100 км от Устюга), где враги и были окончательно разбиты. Таким образом, все географические названия «Повести», которые можно проверить, совпадают с топонимикой карты Великого Устюга.

Реальность названных в «Повести» официальных лиц также подтверждается документально: в дворцовых разрядах¹⁴ за 1614 г. записан в Великом Устюге воеводой Михаил Александрович Нагой, а в грамотах устюжан от 1611 и 1612 гг.¹⁵ упоминается Гаврила Григорьевич Пушкин в качестве устюжского воеводы. Упомянутый в «Повести» митрополит Кирилл Завидов действительно управлял в 1611—1616 гг. ярославской и ростовской епархиями, к которым, по-видимому, относился в эти годы и Устюг.

Из фактических сведений, сообщаемых «Повестью», вызывает сомнение начальный момент движения польско-литовских отрядов на Устюг. В «Повести» говорится, что черкасы на Устюг пришли из Холмогор, поднимаясь

¹² В своей статье «Поход черкас» Н. Ардашев указывает следующие города и места, которые подвергались разорению польско-литовскими отрядами при их движении в данном направлении: Вологда, Прилуцкий монастырь, Тотьма, Вельский погост, Сольвычегодск, Устюжские места, а затем Белозерский уезд. Однако все эти события автор, не ссылаясь на конкретный источник, относит к сентябрю—декабрю 1612 г. (ЖМНП, т. 317, 1898, стр. 230—232).

¹³ Н. Ардашев (ЖМНП, 1898, т. 317, стр. 261) предположительно называет Устюг в числе городов, подвергшихся вражескому нападению в 1613 г.

¹⁴ Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии, т. I. СПб., 1850, стр. 151.

¹⁵ ААЭ, т. II. СПб., 1836, стр. 247, №№ 199—200; стр. 262, № 208; стр. 266, № 210. — Н. Суворов ошибается, предполагая, что в Устюге воеводой во время нашествия польско-литовских отрядов был Никита Пушкин (Н. Суворов. Разорение Вологодского края в 1612—1613 годах. — Вологодские губернские ведомости, 1862, № 29).

вверх по Двине. Согласно нашему предположению, изложенному выше, нападение польско-литовских отрядов на Устюг могло произойти до организованного похода их в составе шведских войск к Белому морю. Н. Ардашев пишет, что с сентября 1612 г. до апреля 1614 г. черкасы прошли всю Северную Россию, причем обошли многие города и посады: Вологду, Тотму, Вельск, Сольвычегодск (и Устюг?) — по одному направлению. Оттуда через Каргополь, Тихвин, Белозерский уезд прошли на Вытегру и, обойдя Турчасов, Емецкое, Холмогоры, Архангельск, Неноксу, Уну и Лузу, достигли Олонца.¹⁶

Все вышесказанное убеждает нас в том, что факт осады Устюга польско-литовскими войсками в 1613 г. вполне историчен, а сообщения «Повести» о ходе обороны и разгроме врага достоверны.¹⁷

Из последней части «Повести» мы узнаем о времени создания и освящения Варлаамовской церкви в Великом Устюге. Сам факт создания церкви мало интересен и исторически значим, но для автора «Повести» этот факт, явившийся следствием (в действительности или по замыслу автора — сказать трудно) предшествовавших событий, послужил одной из побудительных причин, обусловивших создание «Повести». «Повесть» можно было бы назвать храмовой легендой, если бы значение фактического материала в этой легенде и обширное вступление не выходили за узкие рамки ее идейного содержания. Сам автор свое произведение называет «Повестью о избавлении града Устюга Великого»; какое значение он вкладывает в понятие «избавление», мы узнаем из дальнейшего текста «Повести». По мысли автора, «избавление» Великого Устюга от врагов было не столько результатом патриотического подъема устюжан и умело организованной обороны города, сколько результатом божьей милости, оказанной устюжанам за добросовестное выполнение ими христианского долга. Прославление всемогущего бога, православного русского христианства в противовес «безбожным» «литве» и «черкасам», необходимость всеобщей покаянной молитвы, трактовка создания храма в честь Варлаама Хутынского как благодарность богу за оказанную милость — вот основные идеи, которые пронизывают всю «Повесть». Эти сугубо религиозные идеи, а также насыщенность «Повести» пространными молитвами и элементами таинственности (предсказание, видение, загробные беседы св. чудотворцев) в литературном плане роднят нашу «Повесть» с произведениями житийной книжности. Не удивительно поэтому, что в более позднее время, как это было показано выше, составителю Жития Прокопия почти без изменения текста удалось из светской повести сделать житийное «Чудо». Таким образом, в «Повести о избавлении града Устюга» сочетаются характерные для повестей начала XVII в. тенденции правдивого изображения исторической действительности с художественным вымыслом житийного типа.

С другой стороны, содержание «Повести» и время ее создания, связанные с событиями «Смуты», позволяют произвести сравнение ее литератур-

¹⁶ Н. Ардашев. Поход черкас. — ЖМНП, т. 317, 1898, стр. 261 (Устюг назван под вопросом).

¹⁷ Примечательно также, что в более позднее время, т. е. в XVIII столетии, сами устюжане с доверием относились к фактам, сообщаемым «Повестью» и заимствованным из нее автором «Чуда». В северном углу Варлаамовской церкви, на ее западной стене, сохранилась полустершаяся надпись XVIII в., рассказывающая об истории создания этой церкви: «в лето от Р. Хр. 1613 года января 25 дня было нашествие на град Устюг польских и литовских людей: в то время некоторый монах Левкий советовал гражданам соорудить церковь препод. Варлааму Хутынскому для того, что был Прокопию Праведному собеседник и учитель ве...», а ниже: «начаша церковь... и недокончали по той... телей церковь достроили» (А. Попов. Варлаамовская церковь, что в городище в г. Устюге. — Вологодские губернские ведомости, 1881, № 21—22).

ных особенностей с другими уже опубликованными историческими повестями этого времени, и прежде всего повестями, близкими ей по сюжету чудесного видения.

В литературе известно несколько повестей о чудесных видениях,¹⁸ относящихся к «Смутному времени», но в отличие от них в нашей «Повести» видение не является основным сюжетом, на фоне которого разворачиваются последующие события. В «Повести о избавлении града Устюга» рассказ о видении можно назвать скорее эпилогом к рассказу о реальных событиях, связанных с нашествием в 1613 г. на Устюг польско-литовских отрядов. По-видимому, отдавая дань времени и религиозным умонастроениям своих читателей, автор в рассказ о построении храма вводит эпизод видения, бывшего якобы некоему Григорию Клементьеву, «в тонок сон вшедшу». По мысли автора, именно это видение побудило устюжан к скорейшему выполнению обета, данного ими во время нашествия врага. Является ли рассказ о видении в «Повести» полностью художественным вымыслом автора или же отражением реальной попытки представителей церкви добиться построения храма путем воздействия на устюжан слухом о видении, сказать трудно. Нам кажется более вероятным видеть в эпизоде с видением художественный вымысел автора, возникший под влиянием других повестей о чудесных видениях, и прежде всего «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде». Повесть о нижегородском видении, составлявшая, по словам А. А. Назаревского, «своеобразное приложение к отписке вычегодцев пермичам»,¹⁹ рассылалась в 1611 г. по городам Московского государства. В Великом Устюге узнали о «божьем откровении», бывшем якобы «некоему благочестивому (человеку, — М. К.) именем Григорию», в октябре 1611 г. от ярославцев. В свою очередь устюжане сообщили о содержании «видения» вычегодцам, а те — пермичам, «списав список с тех вестей божия откровения».²⁰

Вполне возможно, что публичное чтение Повести о нижегородском видении было тем реальным фактом, который определил появление сходного эпизода в нашей «Повести». В этой связи примечательно, что имя лица, видевшего видение, в обоих повестях совпадает. Для большей убедительности автор нашей «Повести» добавил лишь фамилию Григория — «Клементьев». Григорий Клементьев поведал о своем видении священнику Григорию (в «Повести» конкретно указана церковь, где последний служил), и тот в письменном послании сообщил воеводе М. А. Нагому о содержании бывшего якобы его духовному сыну видения. «Сие написание» и было прочтено перед всеми жителями Великого Устюга.

Помимо отмеченного нами факта возможного влияния «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде» на «Повесть о избавлении града Устюга» можно подчеркнуть еще некоторую идейную общность обоих произведений — прославление божьей милости, от которой зависит исход борьбы. В обеих повестях подчеркивается необходимость усердной молитвы и создания храма, однако задачи обоих произведений и их целевая направленность существенно различаются. Повесть о нижегородском видении, написанная в 1611 г., в разгар борьбы русского народа с польско-литовскими интервентами, была предназначена для общерусского читателя и носила в известной степени характер агитационного документа. Наша

¹⁸ «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении мниху Варлааму», «Повести о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (РИБ, т. 13. СПб., 1892).

¹⁹ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 133.

²⁰ ААЭ, т. II, стр. 247, № 199.

«Повесть» создана после победы над врагом, содержание ее определялось местными интересами и носило назидательный характер. О таких исторически общезначимых понятиях, как единение русского народа и христианское смирение, т. е. прекращение междоусобиц, в «Повести о избавлении града Устюга» говорится лишь мельком.

В целом «Повесть» представляет собой оригинальное произведение, автор которого, по всей вероятности выходец из духовной среды, был образованным человеком, хорошо знавшим книжную литературу и русскую историю. Первая, вступительная часть «Повести» написана в форме историко-правоучительного введения, по-видимому на основании поздних летописных текстов (Жития Федора Ивановича, Утвержденной грамоты 1613 г., Хронографа и др.). Вторая и третья части включают правдивый исторический рассказ, составленный по воспоминаниям участника событий или на основании современных этому событию записей не ранее 1616 г.,²¹ предположительно в 20-х годах XVII в., поскольку наш список относится к 30—40-м годам. Исторический рассказ сочетается с художественным вымыслом (предсказание, видение, беседы святых чудотворцев, чудеса), сближающим нашу «Повесть» с произведениями житийного типа и отражившим настроения, характерные для возбужденного воображения и религиозной экзальтации русского человека в тяжелые годы «Смуты».

Литературный стиль и язык «Повести» по сравнению с другими ранее опубликованными повестями «Смутного времени» более демократичен и приближается к простому разговорному языку.

ТЕКСТ

Повесть о избавлении града Устюга Великаго от
безбожные литвы и от черкас как з Двины шли

Благословен господь бог израилев, бог православных христиан, яко посети и наказа и сотвори избавление людем своим града Великаго Устюга, исправи бог всесильною его державною^а десницею; просия благодать во
 а 97 об всей Ру||стей стране и церковь божия с крепостию утвердися и просия яко солнце. Отнеле же, прия святое крещение первый благоверный великий князь Владимир киевский и всеа Русии в лето 6496 и всех нас обрати от неверия в православную истинную непорочную христианскую веру греческаго закона, и соединил во Христове имени тое стадо, и во крещение введе, и оттоле Руская земля верою еже к богу и добрым опасанием благоверных великих князей и крепце обдержася. Слово ж божие паипаче, обтекая во вся окрестныя страны, иж в неверии вера пребываваста, яко благодатию божию истинная православная христианская просветись вера в Рустей земли посреди всех иных вер, яко солнце посреди небеси.
 а 98 И тако распростири бог и прослави Рускую || землю, яко многим странам дивитися и завидидити прославлению ея и разширению; и многия неверныя царствующая грады, преславныя места восхотеста быти под властию росийскаго начальства и утвердистась, яко и царие их и их царские господьские дети, кийждо от своих стран, и князи начальствующиеи,

²¹ Эту дату позволяет установить тот факт, что М. А. Нагон был воеводою в Великом Устюге до 1616 г. (А. Барсуков, Список городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902, стр. 260), а в «Повести» по отношению к нему автор употребляет выражение, характерное для прошедшего события. «В то же время держа град Устюг.»

^а *Испр., в ркп. дервно*

и множество и простых людий возжелеста^б быти в нашей православной христианстей вере и прияста святое крещение, и служиста нашим великим государем Российския земли, бе бо по изволению царя царствующих и небеснаго царя Христа бога нашего. И по приятию царствующих градов и по приходе ко святому крещению в православную христианскую веру северных царей и царевичев, || и многих государских детей под державу и власть государей наших благоверных великих князей изволи бог облещи в царскую порфиру и венчатися царским венцем и диядимому государю нашему благоверному великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси. И бысть на Владимирском и на Московском и на всех государствах Российския области царь и великий князь Иван Васильевич всеа Великия Росия самодержец и многих царственных градов и преславных мест инех вер и обладателю. И по нем царствова сын его государь наш и великий князь Феодор Иванович на всей велицей Руской. При сем же наипаче господь бог наш подаде во всю Рускую землю тишине и благоденствие и покой его царскими молитвами и трудолюбным житием, бе бо доброправен зело и милостив, || и смиреномудрием исполнен. Брату ж его царевичу Димитрею Ивановичу младу сущу осми лет на Угличе убиенну бывшу по действоу дияволю, дерзостию ж ищущих властолюбия. Потом же государю нашему царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Руси преставльшуся и отиде жития сего суетнаго в вечное блаженство и покой, той ж корень царский пресечеса, яко семени царскаго, сиречь отроду от царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии не остася. Множества ж народа, синклиту, даж и до последних вси православнии християне от царскаго града Москвы и во всю страну Рускую по всем градом и весем,^в вкупе стицахуся, жалостно рыдаху и многия слезы испущаху, яко царский корень пресечеса и благословенное семя изсякну, яко || от их благородства познахом истинную православную непорочную христианскую веру и прияли святое крещение. Сего же благовернаго и христоролюбиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии кротостию и смирением, и теплою верою, и молитвами по всем градом его царския державы пожихом в тишине и благоденствии, и во всячем покое, и от всех стран в похвалении. По сем же прият царство шурина царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии Московскаго государства боярина Борис Федорович, зовомый Годунов, и царствова в Росии седмь лет. Искони же ненавидяй добра роду христианскому враг деи лукавый диявол, его бо наветом благоверный царевич Димитрий Иванович на Угличе от властолюбивых || человек убиен бысть. Той ж вселукавый, устроив на таковых противников навета своего, вселився в некоего чернца именем Григорья, по преступлении ж рекомый Гриша, иж был в миру Юшка Богданов сын Отрепьев. Той бо чернецъ, живяше во граде Москве и по иным градом преходя, по многим монастырям пребывая. Егда ж вселися в него диявол, он же сошед в Литву и сложив с себе ангельский образ и паде в прелютую ересь, и назвася именем благовернаго царевича Димитрия, ижо убиен бысть на Угличе. И положив с польскими и с литовскими людями совет, их к себе пособием прием на приятие царскаго престола и обладание Руския земли, на себя ж дав им крепкое написание, яко, егда желаемая получит, да приведет всех || православных християн в латинскую веру и в римскую, папешство вся устроит. Но что много глаголювкратце реку: мщенне крове благовернаго царевича Димитрея повинным вскоре предадеса. Той ж богоотступник и еретик, бывшей чернецъ Гришка Отрепьев, лукаваго коварства польских же и литовских людей по-

^б Испр.; в ркп вожелеста.

^в Испр.; в ркп. весей.

маганием, всех же православных христиан непознанием, прият царство всеа Руския земли, — вси бо прияли его, не ведая вражия ловления и коварствия, мнеша бо его истиннаго благовернаго царевича Димитрия углицкаго, и царствова 10 месец. Всещедрый ж и премилостивый бог наш не попусти таковаго врага на долго время и не восхоте церкви своєю разрушати и православныя веры искоренити. || И вскоре яви его преступление

а. 101 всем людем и ангельскаго образа отвержения, и на святыя божия церкви тщетное суетное востание, и гонение на православную непорочную христианскую веру и душу его зле испроверже. Всегда же ратуемыи на нас враги дияволи, искони ненавидя добра роду человеку, возмушая народы друг на друга, прельщая и во безаконие поревая и оттоле наипаче начат прельщати многи человеки. Яко отхожаху в дальныя грады, называхуся тем же именем благовернаго царевича Димитрея и приема с собою, и призывая многих безумных и несмысленных¹ человек, паче же польских и литовских людей. И хожяху по Руской земли и по многим градом, и весем, яко лет шесть, || и святыя божия церкви разоряху, и святым иконам ругахуся, и губяху люди, и проливаху кровь яко воду, и пленя и пожигая, и пусту землю творя, и не жалуют юности и не ждут старости, и всячески и непрестанно стужая нам, и зло творя, и желая конечному погублению предати нас. Ибо тии люторы и ляхи, польские и литовские люди, есть же и руские, иже богоотступники и враги креста Христова, Михайло Салтыков с товарищи, и с ними соединився и преступив крестное целование и мирное стояние и царствующий град Москву до конца пожгоша, всенародное же множество мечю предаша. По всей же Русстей земли хожаста

а. 102 воюя || и пленя, и пожигая, и мечю предавая, и промчеса их такое необузданое стремление до моря-акияна. Есть же близ моря-акияна град, зовомый Колмогоры, и оттоле возвратистася в Рускую землю лета 7121 году, и пойдоста вверх по Двине реце, рыкая вельми, яко люты зверис, и хваляся зело, на град Устюг. В то же время держа град Устюг от царьскаго синклита боярин и воевода именем Михайло Александрович, зовомый Нагово. Он же, услышав польских и литовских людей сверепое стремление на град Устюг и вскоре созва вся старейшины градския богатыя и убогия, и вся

а. 102 об. православныя христиане, и возвести им, яко близ || есть польские и литовские люди и како яряся сверепствуют и хвалятся на град Устюг. Вси ж граждане, слышавше сия, воскричаще вельми со слезами ко всемилостивому богу и пречистей его матери, прося помощи и заступления, и призывая на помощь устюжских чудотворцов Прокопия и Ивана, и устремившася вси единодушно к совету боярина и воеводы Михаила Александровича. И начаша ставити круг града Устюга острог по прежней градской осыпи и круг посаду, донеле же захватиша соборную и апостольскую церковь пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея успения, в ней же стояше чудогворная икона пречистыя богородица честнаго и славнаго ея

а. 103 Оде || гитрея, пред нею же горяше свеча неугасимая день и ночь безпрестани. Тако же и у праведных чудотворцов блаженных Прокопия и Ивана церкви заградиша в острог. И строяху накрепко и пушки и пищали, и вся бранная оружия по забралом и по местом готовляху, и посылаху против польских людей и многия гонцы проводывая, дабы они зли враги наши напрасно внезапно не нашли на град Устюг, и тако пребываху со всяцем опасением. В то же время прилучися во граде Устюзе пребывати божию рабу, некоему пришельцу, мнуху безмолствующу именем Левкее, яко написанием познася

а. 103 об. имя его. Той ж безмолвник, изоострив язык свой и глас уяснив, || проповеда сему народу нахождения инаплеменик, за избавление града обещатись

¹ Испр; в ркп смынных.

поставити храм единого дни собеседника блаженного Прокопия великого в чудесех преподобного и богоносного отца нашего Варлама Футьинского, навогородцкаго чудотворца, поне же той бяше преподобный в житии сем блаженному Прокопию о святем душе был велий собеседник и учению поставник ко исправлению вож. Отголе даже и дондесь образ преподобного Варлама со блаженным Прокопием написуют на единой иконе. Храма же сицеваго преподобного во граде Устюзе не обретеса. Людие ж, слышавше сия глаголы от божияго раба, от безмолвника мниха Левкия, || ^{л. 104}воздаша хвалу богу, давшего ему о сем разум, и помянуша, яко таков был бяше блаженный Прокопий в житии сем собеседник преподобному Варламу, иногда бо в мале часе времяне в великом и славном Новеграде обреташеся и приходаше ко преподобному и великому чудотворцу Варламу на Футьиню пользы ради душевныя и друг ко другу беседоваста, беста друга бо о святем душе, и благословение от него примаше и тако обреташась во своем граде в Велицем Устюзе, яко ж второй пророк Аввакум от Иерусалима с пищею обретеса в Вавилоне Данилу пророку и паки во Иерусалиме. И посем вси людие единогласно рекоша и даша обет великому и ^{л. 104 об.}многочудесному преподобному || чудотворцу Варламу, яко вскоре поставити храм его и вся служебная устроити, да тако же не оставит собеседника своего блаженного Прокопия и ускорит приити духом милости от Великого Новеграда, и способствует другу своему избавити град Великий Устюг и люди в нем живущая от нахождения инаплеменник. Искони ж ненавидий добра роду христианскому враг вселукавый диявол, видя жестство люди града Устюга и утвердиша надежду на всецедраго и многомилостиваго господя нашего Иисуса Христа и на пречистую его Божию мать, и на устюжеских чудотворцов Прокопия и Ивана, и возло^{л.}жиша ^{л. 105}упование на многочудеснаго преподобнаго чудотворца Варлама, и вскоре враг, водружив ^дзлых иноплемянников польских и литовских людей на град Устюг, дабы не успели обещанного храма преподобному сотворити.^е И внезапно генваря 25 день, на память иже во святых отца нашего Григорья Богослова, свирепыя иноплемянники, яко лютии зверие приспеша ко граду Устюгу. Егда ж быша от града, яко пять поприць у села, еже зовомо царя Констянтина, и урядиша полки своя на брань и напрасно удариша кони своя да вскоре своим стремлением устрашат и восхитят град Великий Устюг со множеством народа, и домчашеся до малые реки, зовомыи Стриины. || И у тое реки вся кони их напрасно стаха и не пойдоста ^{л. 105 об.}на лед ко граду. Они же начаша без милости кони свои бити и томишася на долго время, и никако ж кони их за ону реку не пойдоста, яко возбрани им невидимо некоторая божия сила молитвами пречистыя богородицы и преподобнаго Варлама и блаженных Прокопия и Ивана, сице же вождь божие милосердие. В той час некто людин ис тово села именем Евдоким поведя Солярину и воеводе Михаилу Александровичю и всему народу, яко скрывшуся ему в тайне месте и зрящу на иноплеменных и на вся еже на них бываемая. Они ж возвратишася от тоя реки в то же село || ^{л. 106}и стояше на долг час, вопрошая вождей своих, и пойдоста от града ко стране за великую реку зовомую Двину. И об он пол реки тоя начаша приближаться ко граду и отпускаху от себя резвых людей, дабы им зажегчи посадные дворы, которые не в остроге. Людие же, граждане конные и лыжные ходоки, не припущаху их и далече отгоняху. Егда же вся они зли иноплеменницы приближишася к великому граду Устюгу, тогда же боярин и воевода Михайло Александрович и старийшины градцкия отпустиша против их царьскаго же синклита || воеводу Гаврила Григорьевича, зовомый Пугу- ^{л. 106 об.}

^д Так в ркп. ^е Испр.; в ркп. сотвори.

кин, с ним же мнози люди гражене, конницы и пешие, иже на лыжах хожяку, изыдоста со оружием, моляся богу^ж стенаньми многими о сохранении града Устюга. Оставши же христиanye во граде с боярином и воеводою с Михаилом Александровичем по забралом острога стояху, готовляхуся ко брани со всяцем оружием противу иноплеменник. Соборныя же и апостольския церкви пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения протопоп и попы и диякони и от всех храмов сошедшеся в соборную церковь и множества народа, старии и юнии, черноризцы и черноризицы, ||

л. 107 и вземше чудотворный образ пресвятыя богородицы с превечным младенцем честнаго и славнаго Одигитрия и с честными кресты, и образ блаженнаго Прокопия, еже написан на единой иконе с преподобным Варламом, також образ Ивана праведнаго, и хожаста по забралам острога, воздающе молебная пеня. И вси припадающе со слезами умильно вопияху: «О, пречистая госпоже, дево владычице богородице, вышеси еси, госпоже, ангел и архангел и всеа твари честнейши, милостию своею, госпоже, спаси и помилуй, избави, госпоже, град сей от нахождения инаплеменник, и нас грешных раб своих избави от огня и меча и напрасныя смерти от лютых человекоядцев,^з и отврати, госпоже, всяк гнев подвизающись на ны праведный ||, и посети ны, госпоже, милостию своею, мир, здравие подаж и нам, благоволением и благостию единородного сына твоего и бога нашего Иисуса Христа». Тако ж призываху на помощь прилежно многочюдеснаго чудотворца Варлама и блаженных Прокопия, Ивана, да будут граду своему помощники, да не предадут,^и избавят людии своих от нахождения иноплеменных. Егда ж приидоша ко всемилостивому спасу честнаго его образа нерукотвореннаго и чудотворнаго, еже древле на стене бяше поставлен градной над враты на сохранение граду, к нему ж издавна обычей имяху людие града Устюга во все лето два дни, в среду и в пяток, приходитъ весь освященный собор и вси людие с чудотворным образом пречистыя ||

л. 108 богородица и блаженных чудотворцов и честными кресты, и пояху молебная о благоверном царе и о всей полоте и о всех его и прошаше милости о дожде и о ведре, и о умножение плодов земных. К сему и ныне пришедше и прикрыша лица землю, и очи свои возведше горе, и руже свои воздев на высоту со слезами вопияху, глаголюще: «О, владыко человеколюбче, всесильный Христе царю, приими нас грешных раб своих, припадающих к тебе, не предаждь нас, господи, в руже врагом нашим, сокруши силу их, рассыпли совет их, угаси прещение их, низложи возносимую гордыню, да не хвалятся о нас враги наши, и да не рекут глаголюще нам: „Где есть || бог их?“ — Ты бо еси бог наш и мы людие твои, и к тебе припадаем и молимся, и просим: сотвори с нами по милости твоей, отпусти грехи наша и помилуй нас, твои бо есьми раби, даяя не постыдим, и да не на долзе умножится злоба дияволя губителя душ наших, и да не порадуются о нас враги наша, виждь немощь нашу, и послани нам в помощь благодать твоя во отгнание врагов наших и во избавление граду твоему и нам рабом твоим, уповающим на тя, яко имя тебе человеколюбче». И вси вопияху со слезами: «Господи, помилуй». Милостию же и щедротами всесильнаго и в троицы

л. 109 славимаго бога и пречистыя || его божия матери, и великих чудотворцов молитвами в той час людие-гражане, конники и пешцы, сходяся со иноплеменники и многих человек пленников и коней от них похватиша, их же

^ж ГБЛ, собр. Ундольского, № 362, лл. 170—170 об., в «Чуде» далее следует текст и паки поимаша наши пешие лыжники онаго пана, иже хотяще зажещи монастырь живоначальныя Троицы, еже есть на Гледене, и тогда скоро его яша и повелоша его во град пред воеводу и начаша его мучити. Он же поведае им, неведмы каков бе град и каковы люди в нем. И скоро его смерти предаша и извлекше его вне града псом на сядение

^з Испр.; в ркп. человек и ядусв

^и Испр.; в ркп. подадут.

самех вельми устрашиша, яко отъидоша от града в весь, зовому Алмешь, и обночевастася по селом, об он пол рек глаголемых Югу и Сухоны, еже ти обе реце ту здвигнушася^к вместо, и оттоле поиде и до моря окияна река, зовомая Двина. Они ж стояше ноци тоя, пожигая дворы, показуя пристрасти гражаном. Людие же во граде во всю ночь без сна пребываху: ови священники по святым Божиим церквам молебная пения ко всемилостивому || богу и пречистой его Богоматери, и преподобному Варламу, и ко л. 109 об. блаженным чудотворцем Прокопию и Иванну о избавление града от иноплеменик со слезами приношаху, ови же по забралам острога стояху, стрежаху со опасением, инии же просяху у бога помощь. Тоя же нощи прихожаху к селом, иде же злии они иноплеменицы стояху, и хватаху их стражей пленников и много коней от них восхишаху, их же вельми устрашаху, не дадуше им покоя во всю ночь, яко пребегати им от села в село. Бе бо бысть в то время мраз вельми студен зело, еже милостию || божиею л. 110 к нам, им же врагом нашим в скором нашествие на град Устюг, яко рукам их иззябнути и не мощи им оружиими своими крепко владети, мрза ради и дальнаго ради прехожени пути, и люте рыкающе им, яко едва огребаются, бегающе по селом. Утру же бывшу, светающе дни, ти зли враги наша, польские и литовские люди, послаша от себя многих людей на гору, зовому Гледень, к монастырю пресвятыя и живоначальныя троица близ града Устюга, дабы им осмотрити накрепко град Устюг з горы тоя и уловити бы человека от гражан, дабы уведати крепость острога и колико люди в нем, и какова бранная оружия, || и что устроение людем к ратному л. 110 об. делу, и хотяху зажеч монастырь пречистыя и живоначальныя Троица. Всещедрый же и премилостивый бог наш, вемы бо молитвами пречистыя его матери и преподобнаго отца нашего Варлама и блаженных чудотворцов Прокопия и Иванна, не восхоте предати на смеяние и на поругание, и на осквернение злым иноплемеником святых Божиих церквей и честныя и чудотворныя иконы свояе божиа матери пресвятыя богородица, честнаго и славнаго ея Одигитрия и святых мест, иде же лежаху блаженнии чудотворцы Прокопие и Иванна, и изволи помиловати град Великий Устюг и люди, в нем же || живущая, избавити от иноплеменик, не хотя смерти л. 111 грешником, но ко обращению от грех приводя, яко же речено^а пророком Давидом: «Посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их; милость же мою не разорю от них». И предаде в Литву самех ловящих, яко они зли, и не улучиша обрести в руках своих от искомых никого же, и монастыря пречистыя и живоначальныя Троица зажечь не успеха. Нецьи же людие от гражан ухватиша у них единого пана от совета их близ монастыря, прочии же разбегошася к полком своим. Сего же, егда приведоша во град и по многих воспросех и от него по ответех уведаша, яко вси оне злии иноплеменицы страха и ужаса || исполнени, мыслят бо и не ве- л. 111 об. дят, чго сотворят граду Устюгу или камо пойдут и како путь обрящут. Болярин же и воевода Михайло Александрович и старейшины градцкие и вси людие совет положиша. И вскоре на них отпустиша воеводу Гаврила Григорьевича Пушкина и с ним множество людей, урядив полки со всяцем бранным оружием. Егда ж они поидоша и вскоре прибегоша вестники во град, яко прибегоста к начальником своим тии иноплеменицы, еже желаемаго от града не улучиша, но от самех их гражане не единого ухватиша от сонма их перваго от начальников же их советника. Они же ужасошася, || яко не уведаша градскаго совета, их же шатание во граде л. 112 объявленно бяше. Егда ж услышаста, яко идет на них воевода и с ним множество людей и помянуша, яко не поидоста кони их за ону реку Стри-

^к Испр., в ркп здвигнушася   ^а Испр., в ркп рече

- гину ко граду Устюгу, и како с ними сходяся людие гражане и многих людей и коней от них похватаху, и како тоя noci воеводы ту не бе и множество людие не дадоста их покоя во всю ночь, яко убегати им. Нападе на них страх и ужас и трепет объа их, и побегоста от града Устюга лесы и непроходимыми месты, иде ж обрящут дома православных христиан, ||
- л. 112 об. ту без милости божия пожигая, самех же христиан обсекая и мечю предаи, и скоро течаху вверх по реце по Югу. Егда же добегоша до волости, еже зовома Кичменская, тамо ж бо мнози людие: ови противу их сташа, инии ж вслед их туды гоняше. О, человеколюбия божия, о, милосердия владычня, кто изочтет глубину милости божия! Яко ту их^а поляков и литовских людей самех больши пятисот убиша, а иных их живых ухватиша. Пленников же русских людей, иже по многим градом и весем пленены
- л. 113 быша, сих бо до трею сот живых от них улучиша. Оставшии ж || злии иноплеменницы напрасно в бегство устремишася и побегоста на большие лесы, стоят бо на сто поприщ и больши, досяжут до галицких градов, оттоле же они от Устюжеския земли без вести быша. Всеи ж людие града Устюга и окрестныя веси собращася во град и разумеша избавление града и многия радости исполнишася, рече свои воздевая на высоту, воздаша хвалу всесильному и в троицы славимому Христу богу нашему, яко не отворотися создания своего вконец, ни забы дело рук своих, забывив град свой Устюг и люди в нем живущая от нахождения иноплеменник, от злых ||
- л. 113 об. поляков и литовских людей, молитвами пречистыя своея матери и угодников своих преподобнаго Варлама и блаженных Прокопия и Иванны. Есть же от града Устюга яко двадесят поприщ по реце Югу до устия реки зовомыя Лузы, ту же между обема рекама стоит церковь всех святых. От тоя же церкви иерей именем Григорей посла написание за своею рукою к боярину и воеводе Михаилу Александровичю и ко всему народу, яко некто христиан, именем Григорей и зовомый Клементиев, уже бо много летну ему и добродетельну сущу, ему ж, иерею, сын духовный баше, и
- л. 114 поведе ему, яко марта || в третий на десять день, идущу ему от града Устюга в весь, иде же пребывает, а егда ж бывшу ему на южском лесе и внезапно нанде на него мрак и уды его разслабеша. Ему ж, укрепляющуся стоящу, и не возможе стояти, яко и жезлу от руку его отпасти, и нозе его подогнувшеся, ему же, павшу и в тонок сон вшедшу, и слышавшу неких глаголавших к нему: «Иди, человеце, и повеждь во граде боярину и воеводе Михаилу Александровичю и гражаном, и Южеских волостей добродетельным человеком, что всещедрый бог, многомилостивый бог наш,
- л. 114 об. подаде им помощь побити многих польских и литовских || людей, а иных от них живых изымаша иноплеменников и русских же пленив отгнаша. Они же бы хвалу воздавали всемогущему богу и пречистой его матери и святым мужем угодником его, сами ж бы в гордости похвалою не возвышались. Овии ж бо людие прилежно со иноплеменники бишася, инии^б же по них хожяху от мертвых имения возхищяху.^в О сем же бы вражды и крамолы между собою не удержали и гневом не распаялися, яко от подающаго нам бога вменится и сеи невидимо и подастся яве, мы ж, бо глаголюще ти, Прокопие и Иван, иже уродствовахом Христа ради во граде Устюзе, и
- л. 115 преподобный Варлам чудотворец ||, пришед от Новаграда, способствует нам. Ныне же шествуем ко граду Устюгу возвратившеся с победы еже на иноплеменник, и престаша глаголати». Он же Григорий пробудився от сна и скоро воспрянув тече в путь свой, радуяся, яко виде таковое преславное чудо и прослави бога, и пришед ко отцу своему духовному и поведе ему сия во церкви, то же и мнозем людем предстоящим. Слышаху боя-

^а Испр.; в ркп. иж.^б Испр.; в ркп. ин.^в Испр., в ркп. возхищяху.

рин же и воевода Михайло Александрович и шед вне оттуду, иде же сядяще правя градский закон, и повеле молчати всему народу. Молчанню ж бывшу, он же повеле чести сие написание. Людие ж || и всенародное множество, слышавше сицевая благодарения, возрадовашася радостно великою зело, и от радости со слезами прославиша бога, прославляющаго угодников своих блаженных Прокопия и Ивана и преподобнаго чудотворца Варлама. И воспомнушаⁿ обет свой, и вскоре трудившася, постяся, и поставиша храм во градской осыпе, в нем же две службы учиниша, едину пречистыя богородица честнаго ея явления чудотворныя иконы, иже в Казани, другую же преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлама чудотворца. И образ преподобнаго на пяднишной иконе написаша и во храм поста||виша, и освяти апреля в 17 день на память преподобных отец наших Симеона, иже в Персиде, и Акакия, иже в лестнице, в первое лето, егда приимшу врученное ему от бога царския высоты хоругви правление благоверному и христоробивому царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Руси, его же бо всепремудрый хитрец на престоле царствия превеликия России устрои, пречестный крестоносный царский скипетр тому вручи и властодержца над всеми сотвори при митрополите же ростовскому и ярославскому и устюжскому Кириле. И устроиша у того ж храму повседневную службу, яко быти || двема священником, третьему ж диякону. О, глубина богатства, о, премудрости разума божия, о злия ти Христова, о, преславнаго чудеси, кто сему не подивится или кто не похвалит сицеваго чудотворца, преподобнаго отца нашего Варлама многочислеснаго, яко в пятый день по освящении храма его апреля в 21 день во церкви пред образом его бысть чудо преславно: принесену бывшу младенцу, не видевшу очима много дни, ни веждьми не може подняти, яко и рукам и ногам вельми недугующим от болезни тоя; и обещавающимся родителем его написати образ преподобнаго Варлама и пети молебная, и абие прозре и всем телом бысть здрав. Маия в 10 день бого||лепнаго Христова преображения девичья монастыря старица именем Вера, едином оком вельми болезнующе 7 недель, прибегши ж во церковь ко образу преподобнаго Варлама ко утреннему пению и стояше пред образом, плачесь, не исхождаше; егда ж начаша литургию, она же очютився, яко бысть око ея здорово, не чюяше никакой ж болезни. Маия ж в 14 день пришед ко церкви жена именем Анна, поведа, яко скорченны быша у нея руки и ноги по три дни, она же обещася поститися преподобному две недели и в том часе бысть здрава от болезни тоя. Все ж людие видевше сия и славяху бога. Яви господь во граде Устюзе новаго чудотворца преподобнаго Варлама многочислеснаго. Днесь бо, братие, Христос || скорбь нашу на радость претвари, излиша на нас великую свою милость, днесь бо нам преподобным отцем нашим Варламом чудотворцем от небеснаго царя и бога милости испросит от пречистыя его матери, царицы и богородица, помощь и заступление собеседником своим блаженным Прокопием и с праведным Иванном. Мы ж, милость получивше, славим святую троицу, отца и сына и святого духа, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

(БАН, Арханг. К. № 51, лл. 97 об.—118).

ⁿ Испр; в ркп. воспоминаша.

О. А. БЕЛОБРОВА

Автограф Дионисия Зобниновского

Среди рукописных книг, сохранившихся в собрании Троице-Сергиева монастыря,¹ находится немало замечательных памятников русской письменности, превосходных образцов книжного оформления.

В большинстве своем, по обычаям русского средневековья, эти книги дарились в Троице-Сергиев монастырь в качестве вкладов, сведения о которых вписывались как во вкладную книгу, так и на листы рукописи, передававшейся в монастырь.

Одна из рукописных книг — Минейя на апрель, XVI в.,² имеет на первом, чистом листе следующую запись (см. рис. 1): «В лето 7135 сию святую книгу | месяца апреля дал в дом пречистые Богородицы | и великаго чудотворца Сергия в Стромьинской монастырь живоначальные троицы | Сергиева монастыря архимарит Дионисей впрок без отдачи вовеки. Аминь. | Подписал архимарит Дионисей своею | рукою».³

Далее, на лл. 1—17, следует еще одна, более ранняя запись: «В лето 7131 г. сентября в 1 день | сию святую книгу, глаголемую Минейю, | месяц апрель дал в церковь | Рождества господа нашего Иисуса Христа и собора | святых всех власных 12 апостол | и святых великих чудотворцов Петра | и Алексея и Ионы, митрополитов | киевских и всеа Русии, в Троецкую | Сергиева монастыря служню слободу | живоначальные троицы Сергиева | монастыря архимарит Дионисей | по своих родителей, иноке Феодосье, | иноке Улее, иноке Ефросине, | Вассе, священнике Феодоре Мамелфе | и по себе и по всех своих родителей | впрок без отдачи | архимарит Дионисей». Почерк здесь более размашистый, но, по-видимому, и эту запись Дионисий сделал собственноручно. Возможно, рукопись побывала в обоих указанных местах и вернулась в собрание книг лавры позднее, подобно Прологу, написанному Германом Тулуповым в 1632 г. и вложенному Дионисием в ту же церковь в служней слободе.⁴

Наиболее интересен в этой Минее, разумеется, бесспорный образец почерка одного из выдающихся писателей-патриотов первой трети XVII в. Достаточно пространная запись на первом листе Минейи может оказать неоценимую услугу для подтверждения интересных выводов О. А. Державина.

---

¹ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 304.

² Там же, № 554.

³ Текст этой записи приведен в книге: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, № 554.

⁴ ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 304, № 727. — Впоследствии этот пролог был дан в Троицкий монастырь келарем Аверкием (ср.: Арсений. Описание славянских рукописей. . . , № 727).

виной об авторстве первых шести глав «Сказания об осаде», приписываемых исследовательницей не Авраамии Палицыну, а Дионисию Зобниновскому.⁵

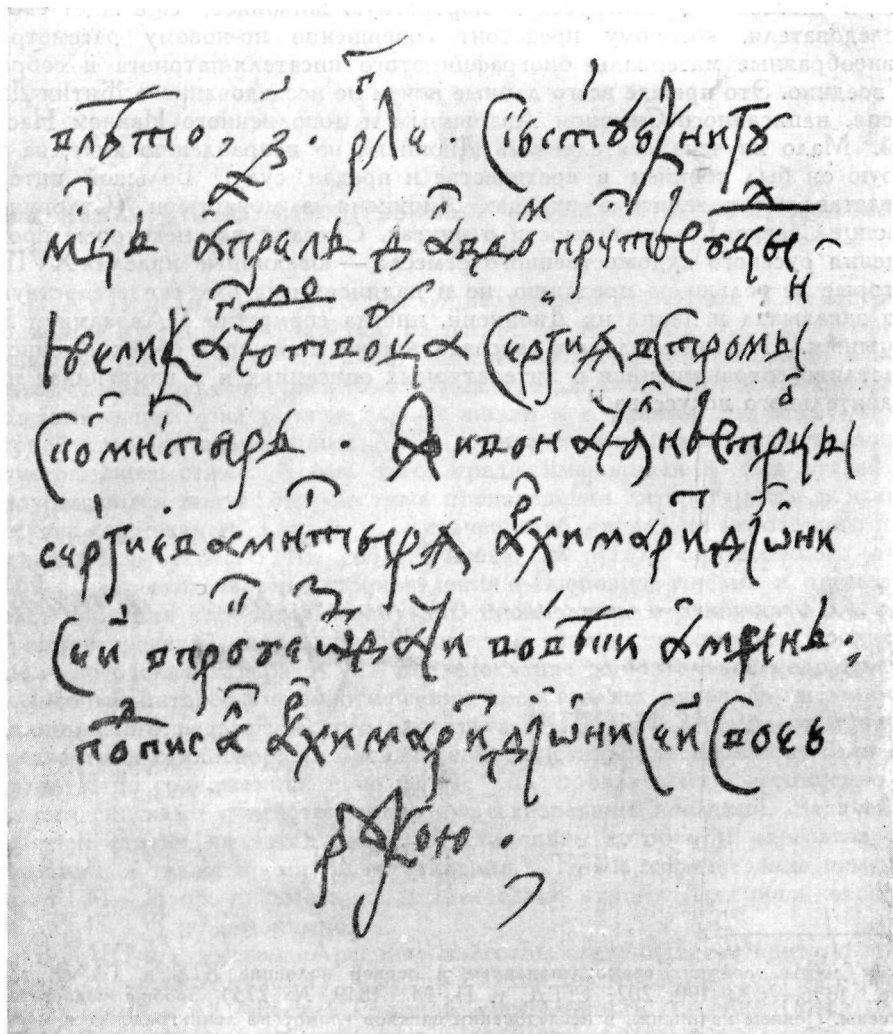

Рис. 1. Автограф Дионисия Зобниновского 1627 г. [ГБЛ, ф. 304, № 554, Миняя XVI в., начальный («порожний») лист нумерованный, 13 × 19 см.].

Изучение текстов патриотических грамот, составлявшихся при Дионисии и рассылавшихся из Троицкого монастыря по русским городам с при-

⁵ О. А. Державина. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: «Сказание» Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, стр. 16—63. — Автограф Дионисия важен и для определения поправок, встречающихся во многих рукописях Троице-Сергиева монастыря XVII в. Ср., например, список Жития Сергия и Никона Радонежских, написанный Германом Тулуповым около 1630 г. (ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 304, № 699), в котором, как отмечал еще Арсений (Арсений), Описание славянских рукописей... № 669), «ошибки и пропуски исправлены ... Дионисием».

зывает защищать Москву от польско-литовских интервентов, также может быть значительно более плодотворным, если будет принят во внимание почерк переписчиков, среди которых были близкие к Дионисию люди.⁶

Примечательная во многих отношениях личность Дионисия, обогатившая, в частности, древнерусскую портретную живопись,⁷ еще ждет своего исследователя, которому предстоит совершенно по-новому рассмотреть разнообразные материалы биографии этого писателя-патриота и собрать их воедино. Это прежде всего данные почти не исследованного Жития Дионисия, написанного Симоном Азарьиным и дополненного Иваном Наседкой.⁸ Мало изучена деятельность Дионисия по исправлению книг, за которую он был обвинен в еретичестве и предан суду.⁹ Большой интерес представляют и записи о вкладах Дионисия в монастыри (Старицкий, Троице-Сергиев), в особенности о книгах. Сохранились некоторые произведения русского художественного ремесла — ювелирные изделия XVII в., которые не только по преданию, но и надписями на них свидетельствуют, что заказывал и дарил их Дионисий, иногда совместно с Авраамием Палицыным.¹⁰ Наконец, удастся воссоздать даже и внешний облик Дионисия, счастливо сохранившийся в литературных описаниях и в памятниках изобразительного искусства.¹¹

⁶ Тексты троицких грамот, изданные в первой половине XIX в. (ААЭ, т. II. СПб., 1836, №№ 190, 202; СГД, т. II. М., 1819, № 275), вообще недостаточно изучены. Ценные начинания в исследовании списков грамот из ленинградских и московских архивов предприняты старшим научным сотрудником Загорского музея Е. Н. Кличиной, выступившей в январе 1960 г. с докладом «О троицких патриотических грамотах» на научной конференции по поводу 350-летия снятия осады с крепости Троице-Сергиева монастыря (ср.: Научный архив Загорского музея).

⁷ О. А. Белоброва. Портретные изображения Дионисия Зобниновского. — В кн.: Сообщения (Загорский Государственный историко-художественный музей-заповедник), вып. III. Загорск, 1960, стр. 165—169.

⁸ До сих пор, например, остались незамеченными любопытные сведения о том, что «до сего же Дионисия в дому Сергия чудотворца мало любили Максима Грека книг» [Житие Дионисия: ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 1305, XVII в., л. 47; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 700, XVII в., л. 117 об. и другие списки].

⁹ См. статью Г. И. Коляды «Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву», напечатанную в настоящем томе

¹⁰ В Загорском государственном историко-художественном музее хранится несколько произведений, подаренных Дионисием в Троице-Сергиев монастырь.

¹¹ О. А. Белоброва. Портретные изображения Дионисия Зобниновского, стр. 165—169.

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.

В XVII в., в связи с общим социально-экономическим и культурным подъемом Русского государства, расширяется переписка как между официальными, так и между частными лицами, вызвавшая потребность в появлении особых руководств-письмовников, где давались образцы и схемы обращений и писем на разные случаи жизни и к разным лицам. С литературной стороны письмовники XVII в. интересны как памятники тогдашнего эпистолярного стиля. Кроме того, среди имеющихся в них статей обнаруживаются подчас неизвестные произведения литературного и исторического содержания. Так, Д. С. Лихачев опубликовал из небольшого письмовника в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 1121, составленного около 1669 г., два стихотворных произведения — любовное письмо и примерный текст послания «добродею моему».¹ В письмовнике в рукописи ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 808 имеется также стихотворное произведение — посадская сатира XVII в.: «Послание дворительное недругу».²

Особый интерес в этом отношении представляет рукопись письмовника Калининского педагогического института (КПИ) № 29,³ содержащая два неизвестных стихотворных произведения, писанных досиллабическими виршами. И по содержанию, и по форме оба произведения несомненно являются списками с действительно существовавших посланий. Задачей настоящей статьи является попытка установить авторов и адресатов этих посланий, а также время их составления.⁴ Первое произведение помещено на лл. 34—38 об. письмовника и адресовано «иноку Арсению», второе — на лл. 47—58 об., анонимно.

В XVII в. с именем «Арсения» известны следующие литературные деятели и справщики книг: 1) Арсений Глухой, 2) Арсений Грек, 3) Арсений Сатановский и 4) Арсений Суханов. Деятельность Арсения Грека, Арсения Сатановского, приезжих ученых-монахов, и Арсения Суханова, иеромонаха, келаря Троице-Сергиевой лавры, относится ко времени исправления книг при патриархе Никоне, т. е. ко второй половине 50-х годов и по-

---

¹ Д. С. Лихачев. Любовное письмо XVII в. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, Кафедра русской литературы, Л., 1948, стр. 38—39.

² См.: Л. С. Шептаев. Послание дворительное недругу. (Посадская сатира XVII в.). — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 371—379.

³ Ее описание дано в нашей статье «Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина» в настоящем томе. Там же приводится кратко и содержание самого письмовника.

⁴ В настоящем предисловии использованы замечания, сделанные при обсуждении доклада автора в группе древнерусской литературы ИМЛИ И. М. Кудрявцевым, В. Д. Кузьминой, А. В. Позднеевым и др.

следующим годам XVII в.⁵ Рукопись же письмовника КПИ писана, как указывается нами в ее описании, не ранее 1646 и не позднее 1655 г. Поэтому ни один из этих трех Арсениев не может быть адресатом первого послания. Остается, таким образом, инок-справщик Арсений Глухой как наиболее вероятный адресат послания.

Как ни скудны сведения о нем, все же известно, что он был одним из образованных монахов первой половины XVII в., принимавшим участие в исправлении книг еще до Никона.⁶ Год рождения его неизвестен, но в 1595 г. он уже был «старцем», т. е. человеком немолодым и занимавшим влиятельное положение в монастыре. В письмах Арсений Глухой называет себя «селижаровцем», что, по всей вероятности, указывает на то, что он или родился в Селижаровке — посаде Троицкого-Селижарова монастыря (в Ниловой пустыни, на берегу озера Селигер), или был монахом этого монастыря. Став монахом, Арсений странствовал по разным монастырям. Во время этих странствий он изучил грамматику, «священную философию» (диалектику),⁷ латинский и греческий языки, пополняя в то же время свои знания чтением книг в библиотеках монастырей, пребывая, по его словам, «в мысленных трудах и потовех». Свои странствия по монастырям Арсений закончил в Троице-Сергиевом монастыре. Здесь он сошелся с книгохранителем Антонием Крыловым, о котором отзывался как о знатоке и вдумчивом справщике «божественных писаний». В Троице-Сергиев монастырь Арсений попал, по-видимому, уже после изгнания из Московского государства польско-литовских интервентов. Во всяком случае в 1615 г. он уже был там, так как 24 октября 1615 г. Авраамий Палицын «государевым словом» вызывал из монастыря в Москву Арсения Глухого и Антония Крылова для исправления книг. В 1616 г. Арсений, живя в Троицком монастыре, исправлял книгу Канонник, затем Потребник совместно с Антонием Крыловым и попом Иваном Наседкой под руководством архимандрита монастыря Дионисия. Дело исправления книг закончилось для справщиков, в особенности для Арсения, печально. Митрополит Иона, настроенный враждебно против справщиков, в 1618 г. созвал собор под предлогом обсуждения исправлений и добился того, что справщики были обвинены в еретичестве, причем Арсений был назван «пущим развратителем». Арсений был заключен в Вознесенском монастыре, затем содержался на Кирилловском подворье. По его словам, он подвергался ряду мучений, содержался «в железах», из одежды на нем была одна ветхая свитка, часто оставался без куска хлеба. Измученный физически и нравственно, он писал из заключения послания к влиятельным людям и челобитные к патриарху, в которых он пытался оправдать себя и других справщиков и просил о прощении и избавлении от наказания.

Известны два его послания: одно к боярину Б. М. Салтыкову, другое к протопопу Ивану Лукьяновичу. В первом послании он описывает обстоятельства, при которых справщики начали дело исправления книг, приводит поправки, сделанные ими в книгах, и яркими красками изображает невежество тех лиц из московского духовенства, которые обвиняли его

⁵ Об Арсение Греке см.: Русский биографический словарь (далее: РБС), т. II. СПб., 1900, «Алексинский—Бестужев-Рюмин», стр. 304—307; С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1889, стр. 757—762; В. Колосов. Старец Арсений Грек — ЖМНП, 1881, сентябрь, стр. 71—93. Об Арсение Сатановском см.: РБС, т. II, стр. 307. Об Арсение Суханове. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. I, стр. 770—771.

⁶ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. I, стр. 754—757; РБС, т. II, стр. 302—304; Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой. Тверь, 1890.

⁷ См. прим. 12.

в еретичестве: «Не знают-де они, — пишет он, — ни православия, ни кри-вославия, точию на едину строку зрят, божественныя писания по чернилу проходят, разума же сих не нудятся сведети».⁸

О судьбе челобитных Арсения ничего неизвестно. Интересно, что в письмовнике, который содержит публикуемые нами послания, перед виршевым посланием к Арсению помещена анонимная челобитная (лл. 32—33 об.) «святейшему кир имярек патриарху московскому и всеа Русии». В ней челобитчик просит патриарха помиловать его, «разрешить от уз». Челобитная заканчивается следующей мольбой автора: «Государь, смилуйся для господа бога, милость покажи о мне для пречистые богородицы ... и для моих нужных и великих скорбей и путных томлений и гонения от ненавистных врагов. Смилуйся, государь великий, святейший кир имярек патриарх московский и всеа Русии». Не есть ли это одна из челобитных Арсения? По-видимому, челобитная эта была направлена Филарету, ставшему патриархом в 1619 г., вскоре после возвращения его из польского плена. Об этом, как кажется, говорит употребленный в челобитной титул «государь великий», которого, кроме Филарета, другие патриархи (до Никона) не имели. Возможно, что именно эта челобитная побудила Филарета пересмотреть дело справщиков, и они были освобождены в том же 1619 г. Арсений был снова приставлен к книжному делу на Печатном дворе и работал справщиком приблизительно до 1635 г., так как в этом году он был уже головщиком в Троицком Богоявленском монастыре, что в Кремле.⁹ Когда и где умер Арсений, неизвестно. Можно, однако, предполагать, что из Москвы он уехал в какой-то монастырь. Его имя записано в Синодике Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁰

В рассматриваемом виршевом послании имеются, по нашему мнению, достаточные доказательства того, что оно адресовано именно иноку-справщику Арсению Глухому. В послании Арсений называется «велеумным мужем», человеком, обладающим «крепкоумием», т. е. большою силою ума, человеком, могущим разрешать сомнения и колебания в умах друзей. Послание (публикуется на стр. 404—407) адресовано в монастырь (56—59),¹¹ а Арсений, уехав из Москвы, поселился, как указано выше, в монастыре. Автор пишет, что отъезд Арсения лишил его друзей возможности пользоваться знаниями Арсения в разрешении сомнительных вопросов (95—98), и следующим образом оценивает ученость Арсения (117—118):

Есть разумных людей в великом государстве,
Но не излишней и ты был в Московском царстве.

Автор призывает Арсения возвратиться в Москву (83—86):

Прииди, возлюбленне, в царствующий град,
Да насадиши в душах наших доброплодный виноград,
И вселися по-прежнему близ царствующего града,
И да будет мысли нашей велика в том отрада

Известно, что во время своих странствий по монастырям Арсений приобрел «прелюбезнейшую», по его словам, «паче инех книгу Ивана Дамас-

⁸ РБС, т II, стр. 303

⁹ Д. Скворцов Инок-справщик Арсений Глухой, стр 8.

¹⁰ Там же, стр. 9

¹¹ Здесь и далее в скобках — номера стихов.

кина».¹² Об этой книге упоминает и автор послания, говоря о своем намерении приехать к Арсению (132—133, 136—137):

И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
И некое время у твоего любомудрия побыти...
Да одна Дамаскинова многоразумныя книги,
И связаны есмы мыслию об ней, аки некими вериги.

Своей деятельностью по исправлению книг Арсений, как мы видели, нажил себе достаточно врагов. Они несомненно не оставляли Арсения в покое и после того, как он был освобожден из заточения патриархом Филаретом, а после смерти последнего (в 1633 г.) продолжали злобно клеветать на него и восстанавливать против него нового патриарха и самого царя. Возможно, что это было причиной того, что он ушел из Печатного двора (около 1635 г.), отошел вообще от исправления книг, стал сначала головщиком в Кремлевском монастыре, а затем и вовсе уехал из Москвы в дальний монастырь, может быть в тот же Кирилло-Белозерский, где и умер. В послании не один раз говорится о «ненавистниках» и «завистниках», восстающих на Арсения и его друзей (99—108):

И егда нас раздражают и грехом нашим стало велиим,
И всем им востати на нас, аки зверем дивным,
И ненавидят над нами от самодержца призрения.

Кто же был автором данного послания? Уже из начальных стихов видно, что автор — лицо духовное, но еще не имеет чина «священства», не является иереем, т. е. священником, как, по-видимому, следует понимать стихи (7—9):

Не всяк может слагати душеспасительныя стихи,
И несть достоин нарещися чину священства,
И изряднаго на себе по чину носити иерейства.

Однако автор — человек начитанный. В своем послании он рассуждает об иноческой жизни (63—68), приводит свидетельства «божественного писания», изречения из «Пчелы» (35—37, 69—70). Послание показывает, что автор хорошо знаком с тогдашней эпистолярной манерой. Это сказывается, несмотря на его стихотворную форму, в построении послания, в его стиле и фразеологии. Так, послание начинается обращением к адресату с указанием его имени, далее следует пожелание ему здоровья, сообщение автора о себе и своем здоровье, изложение причин письма и рассуждения автора и т. д. При этом автор употребляет и типичные для «епистолий» того времени словесные обороты и выражения. Таковы, например, выражения: «Многогрешный и неключимый раб»; «Последний во всех человецех, а первый в грешницех» (3, 5—6); «А нам бы слышачи твое доброе пребывание радоватися» (16—19); «А пожалуйешь своим благоутробием про нас вопросишь» (20); «А мы, грешнии, по сей час душевне живы, Аще и возрастают в ней помыслы гнилыя» (22—23). Автор наряду с восхвалением ума и душевных качеств адресата подчеркивает свое «худоумие» (29—32, 39—46, 73—75, 168—169 и др.).

Биографические сведения об Арсении Глухом содержат указания на нескольких человек, с которыми был связан Арсений по исправлению книг. Это архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, книгохранитель

¹² См. Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой, стр. 2. — Вероятно, имеется в виду Дамаскинова «Священная философия».

Антоний Крылов, поп Иван Наседка. Неизвестно, была ли между ними и Арсением какая-либо переписка после совместной работы над исправлением книг и освобождения от наказания. Сам Арсений писал из заточения, как уже указывалось, боярину Б. М. Салтыкову и протопопу Ивану Лукьяновичу; может быть, и они ему писали, но их письма до нас не дошли.

По нашему мнению, имя автора послания все же указывается в самом послании, именно в следующих стихах (10—11):

Но обаче отрыгновение твое по именованию венец¹³
 Тако же молит получить от бога добрый конец.

Слово «венец» есть в данном случае, очевидно, перевод с греческого языка на русский язык мужского имени «Стефан» (στέφανος — венец), и оно явно относится к автору послания, что подтверждается и последующими стихами (12—13):

Падая на земли, много челом бьем
 И от сердечного желания к тебе вопнем.

Тогда слово «отрыгновение» можно истолковать как «ученик» или «помощник», т. е. подразумевать под этим словом человека, как-то близкого Арсению. Скорее всего это был или кто-либо из иноков Троице-Сергиева монастыря или помощник Арсения по исправлению книг во время работы его на Печатном дворе. В связи с этим у Стефана и Арсения могли быть общие недоброжелатели из среды тогдашнего московского консервативного духовенства, те «ненавистники», от которых пострадал Арсений и которых, по-видимому, Стефан и имеет в виду в своем послании.

Стефан называет свое послание «утешительным словом», цель его — выразить сочувствие Арсению в связи с нападка ми врагов и сожаление о его отъезде из Москвы, вследствие чего его друзья лишились мудрого и просвещенного наставника. Стефан просит Арсения не гневаться, что долго не писал ему, ссылаясь на разные «житейские суеты», а также и на то, что и сам собирался ехать к Арсению и ждал его приезда в Москву (132—134, 138—145).

Как человек начитанный, Стефан, можно думать, был знаком с произведениями виршевой поэзии своих русских современников, а также с ее образцами по печатным украинским и литовским изданиям XVI—начала XVII в. Нет поэтому ничего удивительного в том, что свое послание Арсению Стефан написал в стихотворной форме. Но также несомненно, что перед нами не первый опыт Стефана. Правда, в послании имеют место как будто пропуски стихов, а с другой стороны, — стихи, которые кажутся случайными вставками, некоторые искажения текста, ошибки в рифмах, но все это вероятнее всего должно быть отнесено за счет небрежности, невнимательности, неправильного чтения переписчиками текста послания.¹⁴

¹³ Разрядка наша, — И Г

¹⁴ Так, случаи пропусков или вставок, по нашему мнению, наличествуют в следующих местах послания: в стихах 20—25 (между стихами 20—21 и 24—25) —

А пожалуйешь своим благоутробием про нас вопросишь,
 Да даст ти господь, чего у него просишь,
 А мы грешнии, по сей час душевне живы,
 Аше и возрастают в ней помыслы гниавы,
 А в сквернем теле его же святая воля,
 А въпред он же сам истинный свет вестъ;

В общем же послание представляется довольно стройным по содержанию, цельным по выраженному чувству и умелым по стихотворной форме. Стефан дорожит своим произведением, на которое, как он пишет, «положено грудов немало», и просит адресата «не истеряти» его «писанейде» (176—179). Судя по всему, данное послание только одно случайно дошедшее до нас произведение Стефана.

Остается определить время составления рассматриваемого послания. Поскольку известно, что Арсений до 1635 г. был в Москве, оно не могло быть написано ранее этого года. Скорее всего Стефан написал свое послание некоторое время спустя — год или два — после отъезда Арсения из Москвы. Его вопрос к Арсению: «Почто, всеизрядне, царствующий град оставил?» — в этом случае кажется всего более естественным. Поэтому послание могло быть написано и послано Арсению в 1636 или 1637 г.

*

Второе послание еще более обширное, чем первое. В нем после разбивки текста на стихи получилось примерно 311 стихов. Оно не имеет заглавия, как и первое послание, и не называет ни автора, ни адресата. Его начальные стихи: «Твое же, государь, писано словенски по краегранесии» и т. д. являются довольно неожиданными. По-видимому, перед ними был какой-то текст, который писец письмовника почему-то опустил.¹⁵

С другой стороны, конец публикуемого послания, начиная со стиха 288 — «Паки здравствуй, государь, о всещедром Христе», как кажется, составляет особое послание и присоединен к предыдущему тексту механически. На это как будто указывает и тот факт, что начальная буква «П» в стихе 288 писана киноварью.

Автор и адресат в послании не указываются. Судя по началу, послание является ответом на полученное автором письмо, в котором, вероятно, было несколько рифмованных строчек, где имя писавшего было написано «по краегранесии», т. е. начальными буквами этих строчек. Свое же имя автор назвать не хочет, потому что оно «многими и безмерными грехи обременено», а кроме того, «несть пользы во многогрешном нашем нарицании, аще не пребудем в добродетельном деянии».

в стихах 49—50 —

Якоже бо некая чада, имюще печаль, аки некое великое время (?),
Не видеши рождаших своих, и не могут их забыть,

в стихах 55—59 —

Почто, всеизрядне, царствующий град оставил,
А любомудрия своего нам, грешным, не прибавил,
Паче же в нем великия и красныя холмы,
И укрепился еси ныне во единой оградѣ жити.

См. также стихи 124—126, 164—165.

Ошибки в рифмах: бьет — вопием (стихи 12—13); туп — поступи (29—30), великим — дивним (99—100), книги — веригами (136—137), посправити — дождатися (172—173) и др. (см. исправления, сделанные в публикуемом тексте послания).

¹⁵ Между 46-м и 47-м листами в рукописи один лист утерян. Послание начинается на л. 47. Вверху страницы сохранилось несколько строчек конца какого-то послания: «прельщает нас, хошет, иже бы и весь мир соблазнити, но прокленет его бог, и будет бог между нами с нами. Аминь». Этот текст по содержанию нельзя отнести ни к посланию на л. 46, ни к нашему посланию, тем более что наше послание начинается несколько ниже.

В послании довольно ясно указывается, какие обстоятельства вызвали его написание. Так, мы узнаем, что автор находится в «беде и напасти» (152); он пишет о себе, что «особная великая скорбь и беда за грех мой постигла и без черного одеяния и без самовольного обещания до конца постригла» (210—211), что он «страждет и погибает». Автор вспоминает прежние к себе милости адресата, великим «жалованьем» которого он со своими «червишками» питался «довольно время» (148). Но теперь прежнее «жалованье» (т. е. помощь), полученное автором от адресата, «все изошло», пришло «понужное время» (208—209), и автор снова просит адресата быть ему «помощником и заступником» в его «беде и напасти» (152) и поддержать его, пожаловать «на препитание многогрешной души и телу и з горькими сиротами» (256), чтобы ему, «бедному, и с червишками вконец не пропасть» (153).

Автор не один раз пишет, что обращается к адресату о помощи и поддержке, потому что в постигшей его беде он не имеет никого «милующего, ни утешающего», что «многие, аки аспиды глухия, затыкают своя слухи» и «злым немилосердием и скупостию одержими, аки слепотою» (157, 166, 212, 267—268). Автор не скупится на сравнения для изображения своего тяжелого положения. Он пишет, что его все презирают, как траву, растущую в «засени»; как дуб, поваленный на дороге, который все попирают ногами; как сосуд «непотребный», выброшенный вон; как камень, брошенный в море, который никто не пытается вытащить (170, 216—220). Постигшие автора «беды и напасти» переживаются им тем более тяжело, что он, по его словам, «страждет и погибает» напрасно; об этом обстоятельстве известно и адресату (156).

Послание явно писано человеком, находящимся в заключении и подвергающимся при этом истязаниям. Автор жалуется, что он «на всяк день смертное биение от спекуляторей» терпит (159). В другом месте он пишет, что предан «злым и немилостивым змием», которые «на всяк день и час тянут сердце, аки клещами, и злым умышлением измождавают жилы, аки огненными свещами» (249—251). Автор дошел до крайней степени отчаяния. Он пишет, что от «бед и напастей» рад бы был «живым уйти в землю» и только вера и имя Христово не позволяют ему самого себя лишить жизни (158, 160—163).

По нашему мнению, автором настоящего послания является не кто иной, как литературный деятель XVII в. князь Семен Иванович Шаховской. В этом убеждает нас то, что обстоятельства, при которых было написано данное послание, соответствуют некоторым фактам из жизни С. И. Шаховского, претерпевшего немало разных «бед и напастей». Об этих фактах мы узнаем из его «Домашних записок», написанных около 1649—1650 гг.,¹⁶ а также из дошедших до нас его посланий к разным лицам. «Домашние записки» начинаются 1601 г. и заканчиваются 1650 г. Будучи на службе при царях Василии Шуйском, Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, С. И. Шаховской то и дело подвергался опале. Уже в 1606 г. царь Василий Шуйский велел прислать его со службы «за приставом». Из Москвы Шаховской без объяснения причины («не сказал мне никакой вины») был сослан в Новгород «в мор». Но не успел он доехать до Новгорода,

¹⁶ «Домашние записки князя Семена Шаховского» опубликованы в журнале «Московский вестник» (ч. V, М., 1830, стр. 61—73). Подробная биография С. И. Шаховского приводится в работе С. Ф. Платонова (Древнерусские повести и сказания о Смугном времени XVII в. как исторический источник. — ЖМНП, 1888, март, стр. 118—133, и в отдельном издании этой работы). См. также: РБС, «Чаадаев—Швитков». СПб., 1905, стр. 586—589. Тут же и перечень произведений и посланий Шаховского.

как ему было велено отправиться в деревню и жить там «до указа». В 1615 г. он был сослан в Унжу за челобитье, поданное вместе с другими участниками, в котором челобитчики жаловались, что они «заволочены со службы да на службу», но пострадал, как кажется, один Шаховской: «за то челобитье, — пишет он, — мимо всех нашей братьи меня сослали на Унжу».¹⁷ В конце 1619 г. Шаховской женился в четвертый раз, что запрещалось церковными правилами, и этим восстановил против себя патриарха Филарета. В 1620 г. некоторые из князей Шаховских были уличены в политическом деле и приговорены к смерти, но казнь была им заменена ссылкой в «понизовые города» с заключением в тюрьмах.¹⁸ Хотя князя С. И. Шаховского в то время не было в Москве и он не был виноват, он опять подвергся опале по этому «чужому делу» и в 1622 г. был сослан в Тобольск.¹⁹ Перед ссылкой он был разлучен с женой и детьми, у него были отняты имения, а сам он был посажен в тюрьму. В последующие годы положение Шаховского то улучшается, то он снова попадает в опалу по неизвестным для него причинам и ссылается на воеводство в Енисейск, Терек, Усть-Колу и другие города.²⁰

Во время заключения в тюрьме и позднее С. И. Шаховской писал разным лицам послания о материальной помощи и заступничестве, описывая свое тяжелое положение. Так, в «Послании другу о любви и о посещении» он жалуется, что затворен в темнице, отлучен от церкви, лишен «предстояния царского».²¹ Писал он также «моления» патриарху Филарету и другим духовным лицам о прощении («милости») за его «грех», о разрешении жить с семейством и т. п.²² В послании митрополиту Киприану (после 1622 г.) он пишет о «милости и заступлении», так как «четыре времени летных минуло в терпении моем, гоним и прогоним, и всячески озлоблен и расхищен».²³

Князь С. И. Шаховской славился своей начитанностью среди современников. Дьяк Третьяк Васильев говорит о Шаховском, что он был «человеком правдивым, шествующим путем правды, и немало разумеющим божественнаго писания и приемшим по дару божию много здраваго учения».²⁴ Он известен и как плодовитый писатель. Помимо посланий к разным лицам он писал похвальные слова святым, церковные службы, молитвы, исторические произведения.²⁵ В посланиях и исторических статьях С. И. Шахов-

¹⁷ Домашние записки князя Семена Шаховского, стр. 65.

¹⁸ См. об этом «деле» статью профессора И. Полосина «„Игра в царя“ (отголоски смуты в московском быту XVII века)» (Известия Тверского педагогического института, вып. 1. Тверь, 1926, стр. 59—63).

¹⁹ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 587. — В послании крутицкому митрополиту Киприану он пишет об этом деле: «Моя худости и на Москве не было в те дни, в ни же случися братьям нашим в таковое беззаконие впасти, и не разумехом о том, но не вем, отколе постигоша мя таковая пагуба грех моих ради» (ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, л. 240; см.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, т. 3. М., 1862, № 327).

²⁰ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 587—589.

²¹ ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, лл. 85 об.—91.

²² Там же, лл. 96—105: «Того ж де моление к великому во отце отцу святейшему Филарету Никитичу патриарху московскому и всеа Русии о разлучении супружества зело умильно»; лл. 105 об.—116: «Того ж послание умильно архиепископу сибирскому и тобольскому о разлучении ж брака» (после 1622 г., так как пишет, что уже «страждет» третий год).

²³ Там же, лл. 198—243 об.: «Того ж де послание крутицкому митрополиту Киприану о милости и заступлении». Цитата взята с л. 236 об.

²⁴ РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 586.

²⁵ Там же, стр. 589.

ского проводится та мысль, что все несчастья и беды, выпадающие на долю целого ли народа или отдельного человека, являются наказанием от бога за грехи, что люди должны терпеливо относиться к несчастьям и тогда они получают от бога прощение и награду. Так же смотрел Шаховской и на постигшие его напасти и беды. В письме к дьяку Третьяку Васильеву он пишет: «А напасти, государь мой, за грехи постигают мя, а иногo не вем в себе ничего же».²⁶ В «Послании к некоему другу о божественных писаниих» Шаховской пространно пишет о завете обязательной помощи ближнему как о деле, особенно угодном богу, приводя примеры этого из книг «священного писания». Он тут же с осуждением указывает на человека, который не следует этому завету, и предостерегает от подражания ему.²⁷

И в публикуемом нами послании автор, говоря о военных подвигах адресата при отражении нападения врагов на «землю Российскую», пользуется этим для пространного рассуждения о том, что бог «милующи» посылает на людей «скорьби и напасти» или в наказание, или в предупреждение. «Божии казни» идут людям на пользу, подобно «пельни», которая «пользует злопитающих утробу» (61—109, 223—225, 234—235). Обращаясь к адресату за помощью, прославляя его за милосердие и щедрость, оказанные многим людям, автор послания обещает, что бог воздаст адресату за это «здесь и тамо» вечную славу (235).

Публикуемое послание свидетельствует о начитанности его автора. В послании встречаются частые ссылки на «божественное писание»: Евангелие, Апостол, Псалтырь и другие книги, причем цитаты явно даются автором на память. Можно также заключить, что автор был знаком с историческими произведениями, с поучительными сочинениями русских книжников XVI—начала XVII в., со сборниками изречений.

Все вышеизложенное, как нам кажется, подтверждает наше предположение о том, что автором настоящего послания мог быть только князь С. И. Шаховской.²⁸ О том, что С. И. Шаховскому был хорошо знаком стихотворный строй речи, что он писал вирши с неравным числом слогов в стихе, говорит его послесловие в «Послании к некоему другу о божественных писаниих», содержащее 30 рифмованных строк.

Попытаемся теперь разрешить вопрос о том, кому было направлено настоящее послание. Что пишет автор об адресате?

Адресат прежде всего человек знатный по своему происхождению. Несомненно, на это указывает Шаховской, например, в стихе 9: «Подобает паки светлым и благоплеменитым ражатися». Он называет адресата «избранным сосудом, уродившимся во своем благочестивом родстве» (175), т. е. человеком, выделяющимся своими душевными качествами среди своих родичей. Из этих качеств Шаховской отмечает уже в начале послания мужество и храбрость адресата (19). Имея в виду, без всякого сомнения,

²⁶ ВОИДР. М., 1851, кн. 9, «Смесь», стр. 5.

²⁷ ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 865, лл. 68—84 об. — Шаховской имеет в виду князя И. А. Хворостинина, который, будучи отдаленным родственником Шаховского, не оказал ему помощи. Имя Хворостинина в послании указано тайнописью (л. 77).

²⁸ В послании есть неясная по содержанию фраза (271): «Не погуби самовластным изволением шесточисленного камня драгаго». Не говорит ли здесь автор о себе и своей семье? Это как будто подтверждается и последующими стихами (272—275): «Пожалуй нас грешных и призри в конечной сей беде» и т. д. Не скрывается ли имя автора в выражении «камени драгаго»? Может быть, автор использует библейское учение о 12 драгоценных камнях на одеянии иерусалимского первосвященника, на которых были обозначены имена сыновей Иакова? Среди них был и Симеон (Православная богословская энциклопедия, т. VIII. СПб., 1907, столб. 212—213).

нападение на Русское государство польско-шведских интервентов в начале XVII в., он особенно указывает на заслуги адресата в отражении этого нападения: «Дал нам бог, — пишет он, обращаясь к адресату, — вас крепких и нелестных побарателей, что отгнали от нас таковых злых и немилостивых наругателей». Далее, адресат — воевода, который никогда не бывал «побежден на бранех» (283); военные подвиги адресата, «аки труба, вопиют всегда», он не щадит «лица своего противу сопостат никогда», многие люди удивляются его «мужественному храбръству» и радуются, что бог «принес» его к «великому государству» (9—11, 29—30, 34—60, 114—115, 294—297). Шаховской также указывает, что адресат — человек добродетельный, твердый в православной вере, милосердный ко всем, отзывчивый и щедрый к обращающимся к нему за помощью и слава о нем добрая и хвала «идет явно везде» (20, 116—120, 123—135, 138—141, 227). Наконец, в послании упоминается, что адресат был близок к царскому двору (300, 301).

Очевидно, адресата публикуемого послания князя С. И. Шаховского надо искать среди тех лиц знатного происхождения, близких к царю, с которыми Шаховской вместе служил во время польско-шведской интервенции. Из таких лиц известны князья Черкасские — Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. О совместной службе с ними Шаховской упоминает в своих «Домашних записках».²⁹

Оба князя Черкасские отличались знатностью происхождения, богатством, были близки к царю Михаилу Федоровичу по родству и занимали при царском дворе высокое положение.³⁰ Однако наше послание не может быть адресовано ни Д. М., ни И. Б. Черкасским, потому что ни к одному из них не подходит изображение в послании адресата как военачальника, прославленного в боях, не бывшего никогда побежденным «на бранех». Кроме того, оба Черкасские были бездетны, тогда как в послании упоминается супруга адресата «со чады» (302).

Адресатом послания скорее всего был князь Д. М. Пожарский. Потомок князей стародубских, он принадлежал по своему происхождению к «светлым и благоплеменитым», как об этом говорит автор послания. Выдающаяся роль Д. М. Пожарского в борьбе с польской интервенцией и его личные качества также соответствуют характеристике, даваемой автором послания его адресату. Показательно и следующее замечание автора: обращаясь к своему адресату, он выражает надежду, что адресат поможет ему в его «убожестве и сиротстве» «словом», т. е. ходатайством перед царем, но тут же добавляет: «И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возьмет твоя мощь» (176, 179—185). Как известно, Д. М. Пожарский после воцарения Михаила Романова был оттеснен от царя его родственниками и поэтому не имел при дворе большого влияния.

Из биографии князя Д. М. Пожарского известно, что он строил церкви, делал вклады в монастыри, т. е. слыл человеком религиозным и набожным. Поэтому к Д. М. Пожарскому целиком могут относиться те стихи в послании, в которых Шаховской отмечает у адресата «совершенную добродетель к богу и душевное богатство» (20), а также говорит, что знает адресата как человека «верного к богу и правдою аки адаманта твердаго» (227). Вряд ли можно сомневаться в том, что Пожарский, будучи

²⁹ Домашние записки князя Семена Шаховского, стр. 65, 68.

³⁰ О князьях Д. М. и И. Б. Черкасских см.: РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 210—216.

одним из богатых людей в Москве, помогал, при своей религиозности, нуждающимся, вообще занимался «добрыми делами», т. е. благотворительностью. Вклады в церкви и монастыри обычно также сопровождались помощью бедным. Шаховской в послании подробно пишет об этой деятельности адресата, тем более что и сам со своим семейством уже раньше пользовался помощью от адресата (142—149).

Князь Д. М. Пожарский был женат дважды, имел детей — троих сыновей, и в послании, как уже указывалось выше, говорится, что адресат имеет «супругу со чады» (302).

Наконец, указание на то, что адресатом послания является князь Дмитрий Михайлович Пожарский, содержится, по нашему мнению, в следующих стихах послания (280—282):

И аще ти, государю, будет и негоде, не вели ввергнути в подножие,
Зане цареву и рождшаго тя имянуется ту лице божие,
Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально во всех.

В выделенном нами стихе имеется в виду имя царя и отца адресата «Михаил», которое в переводе с еврейского на русский язык и означает «лице божие».³¹

Указание на имя царя дает основание и для датировки послания: оно было написано в царствование Михаила Романова (1613—1645).

Как уже было указано, конец послания, начиная со стиха 288, производит впечатление — по содержанию и по стилю — особого послания. Оно содержит приветствие и поздравление адресату, как кажется, по случаю прибытия его в Москву из похода. Но тогда у всей предыдущей части публикуемого произведения как будто недостает конца (после стиха 287). Может быть, текст второго послания написан был позднее, и составитель (или писец) письмовника соединил оба текста, опустив действительный конец первой части послания, как он опустил и ее начало.³²

Несколько замечаний о литературных особенностях публикуемого послания

Не касаясь сейчас вопроса о его источниках, нельзя не обратить внимания на некоторую связь послания с таким произведением, как «Моление» (или «Слово») Даниила Заточника. Содержание обоих памятников составляет обращение авторов, испытывающих нужду, к своим адресатам с просьбой о помощи, об избавлении от нищеты. Даниил восхваляет щедрость князя, жалуется на горькую нужду и взывает о подаянии. То же мы находим и в послании нашего автора: «Яко некая великая река, — пишет он, — неоскудно всех напоет, Тако твоя прещедрая душа таковым подаянием всех утешает» (118—119). И еще: «И уже не вем, како конец сказати твоей велицей щедрости, Яко помогаешь многим людям в конечной бедности» (134—135).

Текст послания изобилует афоризмами, изречениями, пословицами, подчас сходными с таковыми же в «Молении». Описывая свое тяжелое положение, автор послания подобно Даниилу сравнивает себя с травой, растущей в тени и всеми презираемой; с дубом, поваленным на дороге, который все попирают ногами. В «Молении» Даниила читаем, что «мужу

³¹ Ручкопись № 1413 Государственного архива Калининской области «Алфавит иностранных речей, иже обретаются во святых книгах, не преложены на русский язык», XVII в. вторая половина, л. 59. «Михаил (евр.) — лице божие».

³² Об особом послании говорится здесь и наличие некоторых стихов, почти буквально совпадающих с соответствующими стихами в первой части послания (ср., например, стихи 290—296 со стихами 12—19, 115)

лучше смерть, нежели продолжен живот в нищете»,³³ и Шаховской, стыдясь своей нищеты и истязаемый палачами, пишет: «Рад бы был, иже бы жив въшел во общую матеръ землю» (158), и далее: если бы «не Христово имя, гонзнул бы живота въскоре» (163), т. е. лишил бы себя жизни. Возможно, что Шаховской был знаком с «Молением» Даниила Заточника.

Одну из основных художественных особенностей послания составляет, как мы видели, обилие сравнений. Для сравнений автор использует библейские образы (например, Юдифь, аспиды глухие, сирские халдеи и др.), исторические примеры (турки, захватившие Палестину, исполнил Неврод), материал из природы (лев, пес, волк, конь, река, трава, дуб, ночь), из быта (бритва, пламень в печи, острые ножи, труба, сосуд негодный, клещи, свечи, «драгие пестроты», дети, не видящие долго отца).

В языке послания преобладают славянизмы, но встречаются и русизмы, например: ражатися, преже, надежа, провожает, нужа, невежа. Нельзя не отметить глагольные формы: милуючи, поминаячи, видючи. Следует указать и случай искусственного славянизма: «есть сияет» (172).³⁴ Наконец, наличествуют немногие полонизмы: незгода, справа, спекуляторей.

Относительно языка публикуемого послания необходимо также отметить следующее: там, где автор восхваляет достоинства адресата, ведет поучительные рассуждения о божественном промысле, о выполнении завета о помощи ближнему и т. п., язык послания традиционный книжно-риторический; но он становится образным и живым при изображении автором своего бедственного положения, мучений от палачей, равнодушия окружающих, своего душевного состояния. В нем даже появляются элементы просторечия, что подчеркивает и сам автор, употребляя выражения: «просто рещи», «отнодь просто рещи». Вот один из примеров употребления просторечья (167—169):

Мню же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
Отнюдь просто рещи: чужая беда и напасть никому не болит

Особенно примечательно употребление автором слова «червишки» при упоминании о своих «сиротах», т. е. детях, в стихах: «И довольно время твоим великим жалованием и с червишками питались» (148); «Чтоб ми, бедному, и с червишками вконец не пропасти» (153). В словаре В. Даля указывается слово «черва́» со значением «детка́», «детва́».³⁵ Это слово взято Далем из языка пчеловодов в применении к пчелиному выводку. Совершенно ясно, что такого же бытового происхождения и слово «червишки», употребленное автором послания.

Оба произведения дают большой материал для наблюдения над досиллабической стихотворной формой. Ограничимся рассмотрением особенностей этой формы на примере второго произведения — послания С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому, как более обширного.

По числу слогов в стихе послание представляет весьма большое разнообразие: от 7 слогов в самом кратком стихе (17) до 33 и 35 в самых длин-

³³ «Моление» Даниила Заточника по тексту в «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII веков» (Составил Н. К. Гудзий, М., 1952, стр. 141)

³⁴ Такой же случай в послании Стефана: «есть прибегаем» (55)

³⁵ В. Даль. Толковый словарь великорусского языка, т. IV. М., 1956, стр. 590. отсюда «червить — пересадить гнездо, вошину с червой в улей».

ных (233, 271). Большое разнообразие обнаруживается также в рифмах. Среди них преобладают женские как глагольные, так и других частей речи: неложно — невозможно (17—18), роды — незгоды (44—45), царицу — десницу (54—55), напасти — пропасти (152—153) и др. Прменяются и другие виды рифм: мужские — пером — умом (25—26), разорил — низложил (37—38) и т. п.; иногда с переносом ударения: печи — рещи (27—28), вопием — змием (248—249), всех — бранех (282—283) и др.; дактилические: ражаться — вооружаться (9—10), прошение — поношение (31—32), побарателей — наругателей (42—43) и др.; ассонирующие (в большом числе): храбръстве — богатъстве (19—20), Российскойю — Палестинскою (35—36), безсловесных — безвестных (86—87) и др.; из этого вида встречаются рифмы оригинальные по звучанию: низложил — ножи (38—39), омакая — подкланяю (150—151), правду — измарагду (180—181) и др.; имеет место и случай гипердактилической рифмы: тихостию — милостию (112—113). Далее, можно отметить такие особенности: повторяемость рифм: божия — подножия, подножие — божие (242—247, 280—281), тихостию — милостию, милости — тихости (112—113, 122—123) и др.; привлечение в некоторых рифмах слов из разных слоев языка: молитва — бритва (15—16), богу — ногу (56—57), постигла — постригла (210—211), вон — сон (220—221) и др.; употребление слов с конечной мягкой и твердой согласной: покров — кровь (202—203), отнюд[ь] — студ (228—229); слов одного корня: дателя — создателя (120—121), воздаяние — подаяние (126—127) и др.

Строфико-ритмическое строение данного послания, как и первого, представляет собою совокупность рифмованных двустиший, за исключением стихов 37—39, где даны три рифмующихся стиха: разорил — низложил — ножи, и двух стихов без рифм (298—299). В первом послании — Стефана к Арсению — стихов без рифм больше (7, 22—24, 49, 58, 125, 172, 173). В целом второе послание свидетельствует о более совершенной стихотворной технике его автора — С. И. Шаховского, чем автора предыдущего послания — Стефана.

В заключение нельзя не указать, что оба публикуемых послания представляют большой литературный и исторический интерес. К немногим известным до сих пор досиллабическим произведениям первой половины XVII в. присоединяются и наши послания, дающие новые доказательства распространенности и популярности стихотворного творчества этого вида среди русских образованных людей. Кроме того, оба произведения дают богатый материал для изучения собственно поэтики досиллабического виршетворчества, исследованного до настоящего времени все же недостаточно.

Первое послание напоминает о незаслуженно забытом в истории исправления книг на Руси в XVII в. справщике Арсение Глухом, стоящем в одном ряду с просвещенными передовыми деятелями того времени. Вместе с тем в число писателей, представителей русского досиллабического поэтического творчества, включается и новое имя — некоего Стефана.

Второе послание, автором которого мог быть, по нашему мнению, только князь С. И. Шаховской, с полным основанием позволяет говорить о нем как о писателе-стихотворце. С другой стороны, оно подтверждает тесные связи С. И. Шаховского с таким выдающимся деятелем первой половины XVII в., как князь Д. М. Пожарский. Из данного послания мы узнаем, что князь Д. М. Пожарский принимал близкое участие в судьбе опального С. И. Шаховского и оказывал ему и его семье помощь. Это вносит нечто новое и в биографию князя Д. М. Пожарского.

ТЕКСТЫ

I

Послание Стефана иноку-справщику
Арсению Глухому

- л. 34 Великому честнейшему иноку Арсению
 И всеизящному твоему разумению,
 Многогрешный и неключимый раб,
 Иже желает получить души своей отрад,
 5 Последний во всех человецех,
 А первый в грешницех.
 Не всяк может слагати душеспасительныя стихи
 И несть достоин нарещися чину священства
 И изрядного на себе по чину носити иерейства,
 10 Но обаче отрыгновение твое по именованию венец
 Тако же молит получитьи от бога добрый конец,
 Падая на земли, много челом бьем^а
 И от сердечнаго желания к тебе вопием:
 Буди, боголюбиве, здрав и спасен
 15 И паки всегда добрыми делы поновлен,
 А нам бы слышачи твое доброе пребывание радоватися.
 И противу бы врагов своих крепче ратоватися.
 А желаем очи и лице твое в радости видети
 И вся грехи своя злыя возненавидети.
- л. 34 об. 20 А пожалуешь своим || благоутробием про нас вопросишь,
 Да даст ти господь, чего у него просишь.
 А мы грешнии по сей час душевне живы,
 Аще и возрастают в ней помыслы гнилыя.
 А в сквернем теле его же святая воля,
 25 А въпред он же сам истинный свет вестъ
 И судьбы его кто от человек исповестъ.
 Что же, како и откуда начнем писати
 И к тебе, любимому, ны слово утешительное послати.
 Грехом своим умом свучилься^б весьма туп
 30 И не умею списовати изрядными поступы,
 И ф философских училищах николи же не бывал
 И литорьских остроном сам веси не читал,^в
 Токмо на простописаныя взираю
 И тех изящно разумевати не возмогаю,
 35 Сокращенне рещи, великое море не требует рек,
 Подобне и бог не скуден, аще и хвалим от неких человек.
 В лепоту море и без рек всегда полно,
 40 Также и у бога идет все || стройно.
 Также и тебе, велеумну мужу,
 Не имети от нас недостаточных таковую нужу
 И не тебе наше грубое и бесполезное плетение,
 И да не въменится аки паучинное прядение,
 И не подобает нам выше себе искати,
 И такое же бремя на себя налагати,
 45 Подобает же нам грубым от вас просвещатися
 И доброму учению и разуму наиматися.

^а Испр.; в ркп. бьет.^б Так в ркп.^в Испр.; в ркп. читали.

Паче же начнем глаголати, о чем нам мысль предлежит
 И всегда душа наша зелне горит,
 Якоже бо некая чада, имеюще печаль, аки некое великое время
 50 Не видевъше рождших своих, и не могут их забыти
 И сердце свое от таковыя печали свободити,
 Подобне и мы таковую скорбь о тебе имеем
 И пособити себе никакo недоумеем,
 Свидетеля тебе истиннаго бога представляем,
 55 К нему же есмы вси грешнии прибегаем.
 Почто, всеизрядне, царствующии || град оставил,
 А любомудрия своего нам грешным не прибавил?
 Паче же в нем великия и красныя холмы,
 И укрепился еси ныне во единой ограде жити,
 60 Или обещался еси до конца от нея не изыти,
 Или вспомянул еси в себе божественное писание
 И в нем духовное ваше воспитание.
 Свободь всяк инок трех страстей,
 И да избавлен будет многих прелестей.
 65 Ей, ей, воистинну тако может быти,
 Да не всяк так возможет жити.
 Или еще реченое, четырьми делесы душа инокоу оскверняется,
 И пребываяй же в таковых, едва спасается.
 Великому елѣандру и царския дворы пустыня бывает,
 70 Тако же и крепкий подвижник на всяком месте не погибает.
 И аще и нигде бесовских козней не избежати,
 Но легчае будет многия виды от себя отревати.
 Ни учителя, ни указатели тебе хошем быти,
 Ни душевнаго твоего благородия повредити
 75 Ни, убо ни, не буди, любимиче, || тако,
 Но за духовную любовь глаголем ти всяко.
 Прекратим же слово о сем,
 Да не вконец продолжено будет в нем,
 И да не отягчим твоих честных ушес,
 80 И да не явим своих всех неизрядных словес,
 И паки возвратимся к своему нам желанию,
 Некли вонмеша грешному нашему стенанию.
 Прииди, возлюбленне, в царствующий град,
 Да насадиши в душах наших доброплодный виноград.
 85 И вселися по-прежнему близ царствующаго града,
 И да будет мысли нашей велика в том отрада,
 И пребуди с нами хотя мало время,
 Да отринеш от нас аки некое великое бремя
 Не для ради многих людей и славы человеческия,
 90 Но для ради меж нами любви отеческия
 Болезнуем всегда о тебе душею и телом,
 Да не можем тому пособити некоторым делом,
 Свидетель тебе той же истинный бог,
 Иже по своей милости || возносит християньский рог.
 95 К кому нам недостаточным и грубым притещи,
 И грубость свою и печаль с кем разврещи?
 Кто нам слово сомнительное разрешит
 И колеблющую мысль нашу умирит?
 И егда¹ нас раздражают и грехом нашим стало велиим,²

л. 35 об.

л. 36

л. 36 об.

¹ В ркп. начало слова стерлось.   ² Испр.; в ркп. великим.

- 100 И всем им востати на нас, аки зверем дивим,
И ненавидят над нами от самодержца призрения,
Понеже несть от нас к богу сердечного моления.
Аще бы было от нас сердечное к богу моление,
Тогда бы было к нам царское призрение.
- 105 И паки, потому царь к нам не призирает,
Что недобродетель наша к богу возбраняет.
И в том им, ненавистником нашим, сугуба бывает радость,
А нам от них всегда сердечная бывает пакость.
Подобает же нам усердне богу молитися,
- 110 И да учнут враги наши нам дивитися.
а 37 Скорбим же и болезнуем || всегда о себе,
Не менши же того, любимиче, и о тебе.
Како еси, аки драгий бисер, в земли погребен
И никим же никако еси призрен.
- 115 Аще по твоему крепкоумию тебе то не нужна,
Но нам бедно видети, видев тя такового досужа
Есть разумичных людей в великом государстве,
Но не излишной и ты был в Московском царстве.
Протчее о таком словеси помолчим,
- 120 Да не злую зависть в протчих сердцах возбудим
Что же еще-ли нам тебе о сем молити,
Чтобы тебе к нам однолично быти,
Или же отнюдь хоцещи быти непреклонен
И к нам явится аки весма нелюбовен,
- 125 Или не на ползу тебе сие наше моление
И в том во всем твоя воля буди,
Токмо молим тя, и там нас не забуди
И не лиши нас добраго своего приближения
И не отстави от себя нашего прошения,
- 130 Чем тебя всемилостивый бог обогатил^с
а. 37 об. И аки || великим некоем царством тя одарил.
И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
И некое время у твоего любомудрия побыти.
Сам веси, что желание ны велико,
- 135 И грехом своим продолжим время толико.
Да одна Дамаскиновы многоразумныя книги,
И связаны есмы мыслию об ней, аки некими вериги.*
И всегда помышляем к твоему любомудрию быти,
Да от житейских сует немощно отбыти.
- 140 И ты б еси пожаловал нас к себе ждал
И никако-б нас во уме своем отревал.
А в том на нас, возлюбленне, своего гневу не поддержи,
Ниже лютую злобу во уме своем удержи,
Что писанейцем к тебе по се время укоснел.
- 145 Воистинну всегда приходу твоего сюды хотел.
И молим тя, да не зазриши сему нашему плетению,
Понеже возгарати в нас по сем великому рачению
|| Сам веси, что все от веры ражается,
И духовному любовнику по любимом друже душа возгарается
- 150 А се толико время писанейца к тебе не присылывал,
Для того и умножил, чтобы ты его возмиловал.

^с Испр.; в ркп обогати   * Испр.; в ркп. веригами.

Буди покровен десницею вышняго,
 Да до конца сохранит тя от свирепства нижняго.
 И моли бога за ны грешныя,
 155 Да избавит тя от муки вечныя.
 И сердечному же моему другу священнику
 И общаго християнъскаго народа молебнику имярек
 Великое от меня челобитие,
 И обоим вам вкупе сердечное рукобитие.
 160 И сие грубое мое писанейце любезне прочтите,
 И что в нем не исправлено, в том не осудите.
 И за духовную любовь покройте все собою,
 Да не посмешно вам будет нигде грешным мною,
 Весте сами, что забвение и неведением на всех хвалится,
 165 А имей ум смущен, никакже забвением избавится
 || И паки весте, что живем в суетах житейских
 И во всех своих злых делах меръских,
 Потому краткий ум наш до конца темен бывает
 И глубины разума никакже достизает.
 170 И сие писанейце случилось послати к вам въскоре,
 А потому уму моему стало уже в-ызморе.
 Аще бы и мощно где что лутче посправити,
 Но не мощно было ездоков к вам дождаться.
 Прочее молити бога за мя многогрешнаго,
 175 Да избавит мя от огня вечнаго. Аминь.
 Прочетши бы есте сие писанейце не истеряли *
 И до меня его у себя держали.
 Сами весте, что положено трудов немало,
 И только грубаго ума нашего в том стало.

л. 98 об.

(КПИ, № 29, лл. 34—38 об.).

II

Послание князя С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому

.....
 11 Твое же, государь, писано словенъски по краегранесии
 Аще умом своим вонмеши, тогда да увеси
 Наше же убогое, не весма ти объявлено,
 Занеже многими и безмерными грехи обременено.
 5 Нестъ ползы во многогрешном нашем нарицании,
 Аще не пребудем в добродетельном деянии.
 Ваше же бы явно и славно было везде,
 Чтоб враги царевы боялись во всякой орде.
 Подобае паки светлым и благоплеменитым ражаться
 10 И против сопостат мужественне вооружатися,
 Без таковых бо земля крепко и славно не может стояти,
 Вящи же всего весила бога достоин на помощь призывати.
 Яко не силою бывает брань, но божиим поможением
 И богоносных || и чюдотворных отец к нему молением.
 15 Занеже всего сильнее бывает чистая к богу молитва,
 И на невидимыя враги, аки некая изошренная бритва.
 Ей, ей, тако неложно,

л.

л. 4 б

* Испр; в ркп истеряти.

Без нея быти невозможно.

И еще ми много слово недостало рещи о твоём мужестве и храбрѣстве,
20 И о совершенной твоей добродетели к богу, и о душевном паки
богатстве,

И о божиих к нам великих щедротах, и о долгом терпении,
И о нашем к нему жестосердстве и всегдашнем неисправлении.
И хотим вспомнати твою к себе милость и рещи о своей скорби
и недостатке,

Не мощно бо великия ради нужды преминути сего въкратце.

25 И еще без лености хочу потружатися чернилом и пером

И убогою своею мыслию и недостаточным своим умом,

Понеже мысль моя разгорается во мне, аки пламень в печи,

л. 48 Нудит мя о всем || твоём добродеении доволне рещи,

Аще и без нас недостойных идет о тебе предобрая слава всюду,

30 Яко всегда имеши на враги меч свой остр обоюду^а

Да неизлиха будет и наше малое сие к тебе, государю, прошение,

Понеже отняли есте тогда от всех поношение.

Что же рѣем и что возлаголем, но вспомнянем выше реченное слово.

Было же врагов наших зияние на нас, аки рыкание львово,

35 И мыслили во уме своем владети во веки землю Руссийскую,

Якоже поганыя богомерзкия турки и ныне владеют Палестинъскою

И господь бог совет их разорил

И гордость их до конца низложил.

А ведомо есть, стояли на нас, аки острия ножи.

40 И паки господь бог не дал им того сотворити и по их умышлению
не учинилося,

И все великое государство на них врагов въкупе с вой собралося.

л. 48 об. И дал нам бог || вас крепких и неслестных по вере побарателей,

Что отгнали от нас таких злых и немилостивых наругателей

И что учинил^б такову славу и похвалу в нынешния роды,

45 Якоже вы избавили всех православных християн от конечныя той
незгоды.

Неложно паки пред всем государством правда ваша изошла,

Якоже преже помянутая Июдив всего Израиля спасла,

Якоже тогда от единыя жены все асириане ужасилися

Такоже и наши враги от крепкаго вашего сражения смесилися.

50 И побегоша кождо их с страхом и трепетом и придоша неправу,

И не возмогоша урядитися к многокозненной своей справе,

И объят их весь страх и трепет от вашего против их воополчения,

Паче же от божия и от пречистыя его матери и нашея заступницы
поможения.

А и ныне надемся на божия его щедроты и пречистую царицу

л. 49 55 И ея ради || молитв являет^а нам победительную свою десницу,

И на государевы праведныя молитвы, яже самому¹ всесильному богу,

Да претъкнет их окаянных и богоборных нечестивую ногу,

И на вас крепких его государевых воин и неизменных воевод,

Да разсеяни будут с своим умышлением, аки древний исполин Неврод,

60 Понеже без вины хотят нашу православную веру на разорение.

Обаче рещи есть и наше пред богом велие и согрешение

Сего ради подобает о том бога молити и просити со слезами,

Понеже всегда за грехи наша смиряет нас всякими бедами.

Аще учнем ему с верою молитися, не предаст своего создания

^а Испр.; в ркп. обоюду остр. ^б Начало слова в ркп. стерлось. ^в Начало слова в ркп. стерлось. ¹ В ркп. слово читается с трудом.

- 65 И не презрит и ныне по-прежнему нашего к нему стенания.
 Милостив и премилостив есть, утолит свой гнев и ярость
 И даст нам над ними, над враги, по-прежнему велию радость.
 Якоже и сам инде глаголет: «Обратитесь || ко мне и обращуся к вам л. 49 об.
 И учиню вас страшны и грозны многим окрестным ордам,
- 70 Аще ли не послушаете мене, чюждия землю вашу поядят,
 И жены ваша, и дети, и богатство все пленом пленят.
 И по сему его святому речению вся над нами за грехи наша збылося,
 И великое государство во многих концах от них врагов разорилося.
 Милуючи господь бог посылает на нас таковыя скорби и напасти,
- 75 Чтоб нам всем злых ради своих дел вьконец от него не отпасти.
 Свойственно бо есть християном в сем житии скорби и беды терпети
 И к нему, своему творцу и богу, неуклонно всегда зрети
 Аще бы не посылал на нас таковых бед, отпали б его вконец.
 И никто тамо получил бы нетленный венец.
- 80 И никако же бы удерживалися от зла и шли б вси в муку вечную,
 И ни един бы сподобилъя внити в радость безконечную.
 Сего ради премудрым || своим промыслом и правдою все устрояет, л. 50
 И аки коня браздою, тако и нас тацями бедами от грех возвращает.
 Аще бы не тако нас возражал, и зверей бы дивиих горше были,
- 85 И паки бы вконец друг друга и брат брата не любили
 Что же нас и так лютее и жестосердее? Кое естество в безсловесных?
 И кто может исчести, колико бывает над нами смертей безвестнах?
 И зря над собой такови скорби и никако же от зла отвращаемся,
 Но и паче друг на друга, аки враг на врага, завистию вооружаемся.
- 90 И милосердный господь, еще терпя нашим грехом, ждет нас на покаяние,
 Того ради посылает на нас таких лютых врагов в наказание,
 Некли приидем в чювьство и принесем к нему сердечную вероу,
 Да воздаст нам и во оном своем веце сторичную меру.
 Аще ли и тем не накажемся, || что нам будет от него, от своего творца, л. 50 об.
- 95 Понеже никако же не можем смиритися преже конца.
 Писано есть: «Отраднее будет Содому и Гоморе, неже тому роду».
 Приличны же и мы к сему речению, поне забываем прежнюю свою
незгоду
- Сего ради не на тщету, но на ползу дает нам таковы казни
 Чтоб нам жити пред ним, своим творцом, не без боязни,
- 100 Якоже негде пишет: «Ползует пельнь злопитающих утробы»,
 Тако и мучением грешным полза, зане възбраняет от всякия злобы.
 Тем не люто нам прияти язва, люто по язве не наказатися,
 Ей, подобает нам всем от злых своих дел отвращатися,
 Да не сами себе будем враги и уготоваем вечныя муки,
- 105 И zde не впадем врагов наших нечестивых руки.
 Положим же паки надежу на всемилостиваго в щедротах,
 Он же || избавил своего Израиля, бывъшаго во многих работах. л. 51
 Его святая воля, что хоцет, то по своей воли и сотворит,
 Аще не захоцет предати нас, то врагом нашим конечно возбранит
- 110 Ты же, государь, буди всегда чист душею⁴ своею и телом,
 Понеже во оном веце всяк восприимет по злым и добрым делом,
 И держи храбрость с мужеством и подание с тихостию,
 И господь бог будет к тебе с великою своею милостию.
 Обаче рещи, и так дела твои, аки труба вопиют всегда,
- 115 Не щадиши бо лица своего противу сопостат никогда.

⁴ В ркп. это слово надписано над строкой.

К тому же присовокупил еси велие милосердие ко всем,
 Всякаго приходящаго к тебе не оскорбляеши ни в чем,
 Яко некая великая река неоскудно всех напоет,
 Тако твоя прещедрая душа таковым подаванием всех утешает.
 а. 51 об. 120 Ей, воистинну не имеем себе ныне такова || благоутробна дателя.
 Да будет ти за то мѣзда от всех творца и создателя
 Зритель тебе господь, вси людие дивятся твоей величицей милости,
 Никто же бо оскорблен бывает, приходя к твоей благонравной тихости.
 Ты же, государь, во уме своем не скорби, ниже паки стужай,
 125 Но на мѣздовоздателя всю надежу свою и упование полагай,
 Той бо воздаст ти во оном своем веце стократное воздаяние,
 Зрит бо в сердцы твоем неоскудное ни тщеславное ко всем подаание,
 Якоже и сам глаголет: «Блаженни милостивии, яко тии помиловани
 будут».

А немилостивии и жестосердии вечных мук не избудут.
 130 Ничто же есть вящи милости, та бо множество грехов прощает,
 И не токмо до небеси, но и до самага престола божия душу провожает.
 а. 52 И паки: велик человек милостив, и хвалится милость на суде,
 Того ради || слава твоя добрая и хвала идет ныне везде.
 И уже не вем, како конец сказати твоей величицей щедрости,
 135 Яко помогаеши многим людем в конечной бедности,
 Поминаючи божественное писание, яко «дающаго рука не оскудеет»,
 А удержаваяй богатство и ничто же себе успеет.
 Того ради многое православие за тебя, за государя, молят бога и
 владыку,

Еже бо еси много православных прекормил и учинил славу и похвалу
 великую,
 140 И ныне не пременил еси своего добраго обычая и нрава, всех утешаешь,
 И всякаго приходящаго к тебе никогда не оскорбляешь.
 И не презрел еси, государь, и нашае тогда великия скудоты,
 Прекормил еси нас с супружником нашим и с родшими от нас сироты.
 И потом не въменил еси себе в тягость нашего же к тебе стужения,
 а. 52 об. 145 И не видя от нас некоторого || к себе рабьского послужения,
 Пожаловал нас своею великою милостию и нищих^с нас *не отпустил,^в
 Но человеколюбец бог добрая тебе, государю, на ум положил,
 И довольно время твоим великим жалованием и с червишками питались,
 И всегда поминаючи твое милосердие к себе утешались.
 150 Паче же плачю и рыдаю и горкими слезами землю омакая,
 И к твоим^д государьским честным ногам главу свою подъяклоняю,
 Буди ми помощник и заступник в сей моей беде и напасти,
 Чтоб ми бедному и с червишками вконец не пропасти.^к
 И во веки бы за тебя, за государя своего, бога молити,
 155 Чтоб тебе, государю, вся желанная от него получитьи.
 Сам, государь, веси, напрасно стражу и погибаю,
 Помощника и заступника себе в таковой сущей беде не обретаю.
 Рад бы был, иж бы жив въшел во общую матерь землю,
 а. 53 Понеже || на всяк день смертное биение от спекуляторей приемлю.
 160 Но не мощно ми сего сотворити, что самому себя смерти предати,
 И многогрешная душа своя и тело во ад низпослати.
 И паки веси, государь, стою всегда не на лепом том позоре,
 Аще бы не Христово имя, гонзнул бы живота въскоре,
 Тем укупаю себе живота от того тления смертного,

^с В ркп слово читается с трудом.   *^в В ркп, оба слова залиты чернилами.
^д Испр.; в ркп. твоих.   ^к Испр.; в ркп. пропасть.

- 65 Не хитро и не славно осудити и погубити мужа безответнаго
 А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
 Мно же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
 Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
 Отнюдь просто рещи: чюжая беда и напасть никому не болит.
- 170 И вержен есмь, аки камень в море, никим изъвлеком,
 Аще бог человеклюбец не пощадит праведным своим судом.
 Разве вижу || в твоём сердцы есть сияет истинный свет, 1 53 00
 Поне бо даешь ми, государь, всегда благоутешный ответ.
 И паки умилися сердце твое о нашем убожестве и сиротстве.
- 175 Но избран еси сосуд уродился во своем благочестивом родстве,
 И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возмет твоя мощь,
 А уже нам, грешным, в скорби сей и день, аки темная ночь.
 И на том тебе, государю, много челом бью, падая на лице земли,
 И ты, государь, душею своею и сердцем себе внемли.
- 180 И то тебе, государю, вменится в самую истинную правду,
 И всегда помышляти таковое дело твоему разсудному измарагду
 Ничто же бо таковыя милости вящи у бога не бывает,
 Кто в скорби и беде поне малым чим помогает.
 Писано есть: «Аще не можешь помощи || делом, и ты поне словом, 1 54
 185 Яко утвердит кто непокрыту храмину твердым кровом».
 Аще ли, государь, не возможешь тем ныне помощи,
 Не прогневайся, иже о чем тебе, государю, дерзнем изрещи.
 Что же реку и что възглаголю и како еще дерзну к твоему величеству? ³
 Не вем бо числа сказати твоему милосердному количеству.
- 190 Велик студ и зазор обдержит к тебе, государю, стужати,
 Но презельныя ради скорби и беды не могу в себе молчати.
 Понеже нужды ради весь страх и срам в сердцы отлагается
 И кто на страсть не дерзает, той желаннаго своего не сподобляется.
 Общая наша госпожа и всех томителница свойства своего жаляет,
 195 И для ради прироженнаго своего естества весь срам отлагает,
 Яко некоторый гладный пес или волк на вся человеки шибается,
 Подобно же тому и гладная утроба || никого не срамляется 1 54 06
 И паки: ничто есть тако зло всякому человеку, якоже глад,
 Его же ради некогда взят бысть не един великий и преименитый град
- 200 В лепоту реченно: глад уязвляет не менее меча,
 От него же и самых крепких и сильных немощны бывают плеча,
 И всякому человеку начало животу хлеб и вода, риза и покров.
 Ей, ей, не мы глаголем,⁴ но сама наша великая нужда и кровь,
 Аз же грешный за премногия грехи своя всего того пуст.
- 205 Но токмо мало нечто имею изо многогрешных своих⁵ уст.
 Тем убогую свою душу и тело питаю и утешаюся на всяк день и час.
 И еще не презре нас до конца своими щедротами всемилостивый спас.
 И что было ваше жалованье, государей моих, то все изошло,
 А ныне, государь, и сам веси по грехом по нашим понужное время
 пришло.
- 210 А се, || государь, особная великая скорбь и беда за грех мой постигла 1 55
 И без чернаго одеяния и без самовольнаго обещания до конца постригла.
 А не имею милующаго ни ущедряющаго искренно в нынешнее время,
 Зане, по апостольскому речению, уродилося все немилосердное семя,
 И злым немилосердием и скупостию одержими, аки слепотою.
- 215 И самохотно гнушаемся душеспасительною нищетою.
 Саго ради презираем есмь от всех, аки трава, растящая в засени,

¹ Испр, в ркп глаголет   ² В ркп далее одно слово зачазано чернилами

- Поистинне нелепо рещи: от великая тоя печали подобен есмь стени,
 Или яко дуб^н при пути повержен, от всех ногами попираем,
 Также и аз грешный и недостойный от всех человек презираем,
 220 Или яко некий сосуд непотребны изметаем бывает вон.
 А ведомо есть, и всяко земное житие пар^о есть и сон.
 И что ми о том много вещей к твоему благородию приводити,
 4. 55 об. Подобает же на всесилнаго || бога вся надежа возложитьи.
 Той всем нам надежа, и упование, и промысленник и кормитель,
 225 И на вся видимыя враги наша непобедимый прогонитель.
 И еще мышлю в сердцы моем, надеюся на тебя, государя моего
 милосердаго,
 Вем бо тя верою к богу и правдою, аки адаманта твердаго.
 Якоже и прежде рех, не имею милующаго, ни ущедряющаго отнюд,
 Вем бо паки, многих свела лютая скупость и немилосердие, внезазорный
 студ,
 230 Не поминающе апостольскаго речения: «Не брашном брата своего
 погубляй,
 Но егда в нужди и беде есть, тогда ему всячески помогай».
 И паки пишет: «Брат от брата помогаем бывает,
 Яко град тверд, а презирающии и немилующии и сами своим душам
 вечныя муки проуготовляют».
 Ты же, государь, не внимаи, не ревнуй таковому злому обычаю и нраву,
 4. 56 235 Да получишь себе не токмо zde, но || и тамо у Христа бога вечную
 славу.
 Еще молю твою премилостивую и многощедрую ко всем утробу,
 Да не прежде времени предадимся бездушной вещи гробу.
 Ущедри свое благонравное сердце и буди въместо бога,
 Да сподобишися стати у самага его небеснаго чертога.
 240 И паки: укупи благородной души своей и телу спасение,
 Да будеши имети у владыки Христа бога велие дерзновение,
 Понеже всех добродетелей вящи у него вменяется
 И у самага его страшнаго и неприступнаго престола поставляется,
 Иже кто в скорби и беде сущей другу своему поможет,
 245 Той воздуха и облаки и солечныя луча пройти возможет,
 Якоже и выше рех, стати у самага его престола божия,
 А мы, грешнии, плачемся, стоя у твоего государева подножия,
 Э горкими слезами и болезненным сердцем к тебе, государю вопием,
 Понеже по грехом своим преданы есмы злым || и немилостивым змием.
 4. 56 об. 250 Иже на всяк день и час тянут сердце, аки клещами,
 И злым умышлением измождавают жилы, аки огненными свещами,
 Для ради своего тленнаго прибытка и кровавыя корысти,
 Понеже извыкли, аки червь, древо православных христиан грысти
 Пожалуй, государь, что на искупление от того тления смертнаго,
 255 Да сподобит тя господь бог со избранными своими венца нетленнаго.
 И на препитание многогрешной души и телу и з горкими сиротами,
 Да украсится душа твоя добрыми дельми, аки драгими пестротами,
 Как тебе, государю, вышняго промысл известит и пречистая его мати.
 Да даст ти всегда силу и помощь враги царевы побеждати.
 260 И молю тя, государя, ^н в гнев не положити,^н
 Ни в великую тягость и паки не позазрити,
 Поне от нужды и от беды тако дерзаем
 4. 57 И твоему достойному величеству и добродеею || докучаем.
Аще бы не в таковой скорби и беде, не так бы тебе, государю, и скучали,
^н Испр.: в ркп. руб.   ^о Испр.: в ркп. пара.   ^{н-н} В ркп. не положити в гнев.

- 265 Разве бы милосердаго слова и сладкаго ответа от тебя ждали.
 Вем бо, что уже тяжко ти, государю, от нас вменится,
 Да зритель господь, что не к кому, кроме тебя, государя, приклонится.
 Многи бо, аки аспиды глухия, затыкают своя слухи
 И забывают, яко неимущих ради дает бог благорасторены воздухаи.
- 270 Аще помиловал еси господь^р от небеснаго царя, и земнаго
 Сам помилован будеши. Не погуби самовластным изволением шесточис-
 ленного камени драгаго,
 Пожалуй нас, грешных, и призри в конечной сей беде,
 Да даст ти господь благая и полезная получитьи везде.
 А мы должны за тебя, государя, 'его молить^с
- 275 Дондеже и душа в теле, чтоб тебе, государю, и до смерти правда
 творить.
 Кто словом и делом последний невежа, въсе в его божиеи и всемогущей
 безсмертной деснице || содержится, л. 57 об.
- И кто на него уповае, той во всем врагов своих не убоится.
 Его святая воля буди, что хошет, то по своей воли и сотворит,
 И за твою великую правду и кровь сугубо тя воздарит.
- 280 И аще ти, государю, будет и негодие, не вели ввергнути в подножие,
 Зане цареву и рождышаго тя имянуется ту лице божие,
 Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально во всех,
 Понеже бо еси, государь, не бывал никогда побежден на бранех,
 Паче же самага бога и пречистыя его матери, общея нашея заступинцы,
- 285 Сам, государь веси, та посремляет вся законопреступницы,
 Чтобы божию имени, его матери, купно и цареву не было бранно.
 Веси паки и сам, что християньское имя от всех родов произбранно.
 Паки^т здравствуй, государь, о всещедром Христе,
 И побеждай враги царевы о пречестнем его кресте,
- 290 Еже бо тем бывает || на них победа и одоление, л. 58
 И некли услышит господь наше к нему моление,
 И чтоб вам, государем, дал бог на них, супостат наших, победу,
 Отнюд просто рещи, не осталось бы их в земли нашей следу.
 Мнози бо людие дивятся мужественному твоему храбръству.
- 295 И радуются, что бог тебя принес к великому государству,
 Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
 К богу и царю и ко всем человеком правду творишь,
 И сподобил тя владыко видети образ пречистыя царицы,
 Та бо всегда подает победу на враги,
- 300 Потом же в светлости и радости лице цареву,
 Его же роди^у и воспита благоплодное чрево.
 Тако же и свою рождышую и супругу с чады,
 Все бо от бога и от вас чаем отрады.
 Еще же и ближних своих приятелей и добродеев,
- 305 Да побьет врагов правда твоя, аки огонь сирских халдеев.
 Потом же паки виде все || православное множество, л. 58 об
 Желали же видети твоего зрака и наше убожество.
 Мнози бо паки жадали видети в радости твоего лица,
 Аки дети, долго не видючи своего отца.
- 310 Свидетель на то бог,
 Иже возносит християньский рог. Аминь.

^р В ркп. это слово написано вместо зачеркнутого государь. ^с В ркп. молить его.
^т В ркп. сделан абзац и инициал П писан киноварью. ^у Испр.; в ркп. ради.
 (КПИ, № 29, лл. 47—58 об.).

В. И. ТАГУНОВА

Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской»

Повесть об Иулиании Осорьиной давно привлекала внимание исследователей. Ей посвящен один из трудов М. О. Скрипиля, изучившего большинство известных ему списков «Повести» и издавшего ее в двух редакциях с соответствующими комментариями.¹ Однако, как свидетельствует об этом сам М. О. Скрипиль, им были привлечены не все имеющиеся тексты этого произведения. Кроме того, некоторые списки «Повести об Иулиании Лазаревской» были вообще неизвестны М. О. Скрипилю. К ним относятся, в частности, списки Муромского краеведческого музея № 28258 (XVII в.) и № 28259 (XVIII в.).²

В настоящей статье дается краткое описание муромских списков с указанием на особенности, отличающие их от списков, исследованных М. О. Скрипилем.

Список № 28258 находится в рукописи, переплетенной в дощатый переплет, обтянутый кожей с тиснением, с двумя оборванными застежками. Размер в 4-ку, листов 25. Водяной знак — изображения шута (см., например, лл. 13, 15, 18, 23). Письмо — полуустав. В книге имеются записи скорописью XVIII в.: а) «Сентября . . . году сию книгу подписал Алексей Палтов». «Книга глаголемая»; б) «1702 Алексея Михайловича Палтова»; в) «1717 году, апреля в 3 день, подписал сие праведные матери Ульянии житие Алексей Пальтов»; г) «В 1716 году подписал сию книгу Алексей Михайлов, сын Палтов, своею рукою»; д) «Сия книга праведной матери Ульянеи житие принадлежит муромской помещице Катерине Алексеевой дочери Палтовой, подписала своею рукою».

Список имеет такое заглавие: «Месяца генваря во 2-й день, преставление святая и праведная матере наша Ульянии Лазаревския. Списанно многогрешным Калистратом, прореклом Дружиною Осорьиным, сыном ея». Оно в основном близко к заглавию списка И (по обозначению Скрипиля), т. е. основного текста второй редакции, первого варианта. Отличается от заглавий других списков тем, что в нем вместо слова «преподобная» употреблено слово «праведная», вместо форм «пореклу», «списана» даны формы «прореклом», «списанна» (кстати, написания с удвоением «п» в словах типа «списанно», «смысленна» и другие вообще характерны для этого списка).

Начало же и предисловие списка полностью совпадают со списком основного текста первого варианта второй редакции. Однако заключительная

---

¹ М. О. Скрипиль. Повесть об Ульянии Осорьиной. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—323.

² Упоминание о муромских списках см. в статье И. П. Богатова «Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области» (ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 460).

часть его, начиная с упоминания о гибели второго сына Ульянии (со слов «она же, аще и оскорбися в мале, но о душевне...»), сильно отличается от всех текстов, приведенных М. О. Скрипилем (ср. стр. 280—284 и 296—309 статьи М. О. Скрипиля, а также стр. 316—323, с лл. 24 и 25 муромского списка).

В заключительной части муромского списка нет никаких ссылок на «священное писание», почти не говорится об отношении Ульянии к смерти сына, о его поминовении, нет пространных убеждений Ульянии ее мужем, чтобы она не уходила в монастырь, весьма кратко упоминается о дальнейшей жизни Ульянии с мужем и о его смерти. Ничего не сказано о вторичной встрече Ульянии с бесами и помощи ей со стороны святого Николая, совсем не сообщается о голоде и помощи Ульянии голодающим. Буквально в нескольких словах сказано о смерти Ульянии, лишенной ореола святости, и о погребении ее: «Егда приспе кончина ее, блаженная глаголя: „Господи, се предаю дух мой в руцы твои“. И бысть погребена в пределы града Мурома в церкви святого Лазаря, друга божия. Конец» (25 об.).

Несмотря на предельную лаконичность этой части муромского списка по сравнению с другими списками, изложение в ней не лишено известной стройности и логичности. Значительное сужение объема материала наводит на мысль, что эта часть или взята из какого-то другого списка, близкого к первоначальной редакции «Повести», более краткой, или представляет собой переработку с целью сокращения подробностей агнографического характера. Возможно, что это явление имеет прямую связь с историей культа Ульянии,³ которая то почиталась, то не почиталась святой. В зависимости от этого повествование о ней могло приобретать различный характер.⁴ Во всяком случае эта часть муромского списка, как резко отличающаяся от других списков не только по объему и стилю изложения, а также отсутствием какого-либо послесловия, напоминающего об авторе, заслуживает внимания исследователей. Исходя из этого, мы и решили привести эту часть полностью в приложении.

Что же касается остальных частей списка, то они близки к основному тексту первого варианта второй редакции (по Скрипилю). Судя по различиям основной части текста, муромский список примыкает к группе *МРХЩЮЭ*, в большей степени сближаясь с группой *ХЩЮ*.⁵

В то же время исследуемый список имеет ряд особенностей, которые отличают его от текстов, известных М. О. Скрипилю. В нем имеются незначительные сокращения. Отсутствует, например, придаточное предложение «егда же бысть блаженная двою на десяте лет», находящееся в тексте второй редакции, или вместо выражения «души их боле наших душ цветут» читаем «души их боле наших цветут» (л. 15 об.).⁶

Наблюдаются случаи включения в текст отдельных слов для усиления или уточнения смысла высказывания: «всегда о благочестии подвизаяся» (л. 8 об.) вместо «о благочестии подвизаяся»; «бьяше всегда посмехаема о добрых делех» (л. 8 об.) вместо «бьяше посмехаема о добрых делах»; «о сем блаженная велми скорбяше» (л. 12) вместо «о сем блаженная скорбяше»; или «свекра ея именем Василия» (л. 10) вместо «свекра ея Ва-

³ Епископ Евгений. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. Муром, 1910, стр. 10, 11, 20, 21 и др.

⁴ И. П. Богатов. Владимирские святые и их чудеса. Владимир, 1929, стр. 26—28.

⁵ Расшифровку списков здесь и далее см. в указанной статье М. О. Скрипиля (ТОДРА, т. VI, стр. 256—323).

⁶ См.: ТОДРА, т. VI, стр. 285, 290.

сила»; «премудраго царя Соломона слово» (л. 14) вместо «премудраго Соломона слово».

В муромском списке № 28258 употребляются русские лексемы на месте некоторых книжных, зафиксированных в текстах, приведенных М. О. Скрипилем и упомянутых в разночтениях к ним; например: «по нужи» (л. 14 об.), «надежую» (л. 16), «преже» (л. 21), «надежи» (л. 23 об.), «нынече» (л. 18).

Список отличается и рядом фонетических написаний, свидетельствующих о влиянии разговорной речи. Это сказывается, например, в записях имен «Ульяния», «Ульянию», «Григорьеву» (в большинстве других списков «Улиания», «Иулиания», «Григориеву»); в отражении на письме изменения в произношении безударных гласных: «свещенник» (л. 9 об.), «светолепа» (л. 17), «златауство» (л. 22), «престаяти» (л. 16), «укаря» (л. 15); в ассимиляции согласных по глухости: «тяшко» (л. 14 об.), «ноктей» (6 об.); в отражении произношения возвратных глаголов 3-го лица: «не подвижитца», «не лишитца» (лл. 9, 14).

Наблюдается перестановка слов в отдельных синтаксических построениях: «божественнаго учения послуша» (л. 10) вместо «божественнаго послуша учения»; «мощно, рече, и в мире с мужем живущи угодити богу» (л. 12 об.) вместо «мощно, рече, и в мире с мужем живущи богу угодити»; «хотяше убити ю» (л. 16 об.) вместо «хотяще ю убити» и др.

Имеются случаи ошибочного употребления некоторых форм глаголов, например единственного числа вместо множественного: «запирашесь», «не пуцаше», «не прикасашесь» (л. 19 об.) вместо «запирахуся», «не пуцаху», «не прикасахуся»; множественного числа вместо форм единственного: «умолиша», «начаша», «имеша» (л. 24), «ходиша», «предаша» (л. 24 об.), «взираша», «начаша» (л. 25 об.); смещение форм глаголов и деепричастий: «глаголя» (л. 25 об.) вместо «глагола»; случай диалектного употребления имени существительного «имем» (л. 10) и др.

Таким образом, список «Повести об Иулиании Лазаревской» отличается от текстов, рассмотренных М. О. Скрипилем.

Второй список «Повести об Иулиании Лазаревской» Муромского музея (№ 28259) находится в сборнике XVIII в. Рукопись переплетена в плотный картон, обтянутый кожей, поистершейся на корешке. Текст написан полууставом. Бумага довольно плотная, серовато-белая; в ряде мест ясно просматривается водяной знак — лев в короне. Состав сборника: «О принесении образа господня и образа богоматери в царствующи град Москву», «Известие о иконе Иисуса Христа, юже царь Мануил греческий написал», «Известие о иконе богородицы Иерусалимской», «Повесть о Виленском кресте, во граде Муроме», «Сказание об Унженском кресте», «Житие князя Константина и князей Михаила и Федора Муромских», «Житие Петра и Февронии» и «Повесть об Иулиании Лазаревской». Последняя находится на лл. 164—194.

«Повесть» имеет такое заглавие (оно идет после заставки): «Месяца января во 2-й день, преставление святых и праведных матере нашея Иулиании Лазаревския (в пределех града Мурома опочивает). Ея же житие и жизнь, списана многогрешным Калистратом, по реклу Осоргиным, сыном ея». Заглавие ближе всего подходит к заглавию списка ГИМ, собр. Уварова, № 1150 (1252), начала XVIII в. (по обозначению М. О. Скрипиля это список С, относящийся к первому варианту второй редакции). Отличия от него: употребление слова «праведных» вместо «преподобных», наличие дополнительных слов в скобках («в пределех града Мурома опочивает»). Обращает также внимание правильное написание фамилии «Осоргин».

Предисловие и начальная часть сходны с другими списками, изученными М. О. Скрипилем. Однако в муромском списке, как и в списках группы *ИКЛМНПРСТШ*, видим фамилию «Дюрев». Окончание почти полностью совпадает со списком С.

Список № 28259 следует отнести к первому варианту второй редакции. Он примыкает к группе *МРСТ*, обнаруживая ближайшее родство со списком С (об этом свидетельствуют общие дополнения, пропуски и некоторые лексические черты).

Расхождения со списком С незначительны. Они выражаются в основном в некоторых несущественных сокращениях, в видоизменении отдельных выражений, в уточнении, в ином порядке слов некоторых предложений, в употреблении разговорных форм вместо ряда книжных.

Примеры сокращений: «егда же и почиваше, уста ея двизастася на словословие божие» (л. 189) вместо «егда же и почиваше, а уста ея двизастася и утроба подвизашеся на словословие божие»; «рабом повеле собирати траву, рекомую илем» (л. 191) вместо «повеле рабом собирати траву, рекомую лебеду, и кору деревяную, рекомую илем»; «но весть всевидящий владыко, Христос бог наш» (л. 194 об.) вместо «но весть всевидящее око, владыко Христос бог наш».

Примеры уточнения: «толковаше вся неразумительная словеса» (л. 183 об.) вместо «толковаше вся неразумныя словеса»; «соблазнился еси, егда от себе глаголеши» (л. 187 об.) вместо «соблазнился еси, егда о себе глаголеши».

Примеры отличий предложений от списка С: «видя человека, в беде суца, плакася» (л. 183 об.) вместо «плакася, видя человека в беде»; «во едино же время бе зима зело студена» (л. 186 об.) вместо «во едино же время зима бе студена зело»; «воздвизах в детех и в рабех ея брань» (л. 188 об.) вместо «воздвизах брань в детех и в рабех ея»; «блаженная прииде к нам велми ужасна и лицем изменена» (л. 189) вместо «блаженная же прииде к нам ужасна велми и лицем пременися»; «к оным бе согрешающим, вместо бо прещения и ран, от божественнаго писания поучающе их, милование творяше» (л. 183 об.) вместо «рабом и рабыням, вместо прещения, милование творяше, и от божественных писаний поучение творяше без прещения и ран».

В муромском списке встречается ряд фонетических написаний, вызванных, по-видимому, влиянием живой речи. Наблюдаются, в частности, редукция заударных гласных: «стеляки» (л. 186 об.), «обычей» (л. 188), «обычию» (лл. 188, 191); ассимиляция согласных: «нижеграцкня» (л. 190 об.), «плоцкаго» (181 об.); выпадение согласных: «без извесны» (л. 188 об.), вставка «т» в слове «протчий» в разных его формах (например, лл. 179 об., 193), которым в других списках соответствуют литературные формы.

Итак, муромский список «Повести об Иулиании Лазаревской» № 28259 отличается от других известных списков большей близостью к живой речи, точностью отдельных выражений. В этом отношении он сближается с другим муромским списком — № 28258. Это второй список типа С. Список № 28259 ближе к основному тексту первого варианта второй редакции, чем список № 28258.

Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской» представляют интерес для дальнейших исследований этого произведения. Сопоставление этих списков с другими еще не исследованными текстами несомненно прольет более яркий свет на содержание первоначальной редакции, которая еще недостаточно выяснена.

ПОВЕСТЬ ОБ ИУЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

(заключительная часть)

...Потом же по мале времени и другаго сына ея на царской службе убиша. Она же аще и оскорбися в мале, но одушевне,
 л. 24 а не || смутися. Нача мужа своего умоляти отпустит жити в монастыре. Он же закланаше не покинути его ради своая старости и малых детей и глагола: «Не погубим себя в житии не по мнишескому чину, и творя в мире честно, богу приятно. И да не плакахуся наши сирья дети». Она же рече: «Да будет воля господня». И умолиша мужеви своего жити безбрачно. И начаша угождати богови, живяста в малой клети, имеша у себя ложе дрова единыя, и пребывая всегда на молитве до утреняго клепания, и
 л. 24 об. всегда шед к утрени и литургии, и вся||чески угождая богу постом и молитвою, и учреждая по субботам и воскресным дням трапезы в дому своем иереям, и всем сирым, и вдовицам.

Егда же приспе кончина мужа, утеша своих детей хранити всегда любовь. И розда много имения по душе мужа по церквам, бедным и убогим, не оставя у себя ни единого сребренника, и велми предаша себя на подвиги богу. Не имея теплыя одежды зимою, и клаше в сапоги своя скорлупы орешныя и тако ходиша в них босыми ногами.

Единожды бяше зима велми свирепа, и блаженная моляше у себя дома.
 л. 25 Приключися || иерею церкви праведнаго Лазаря придти к утрени и внезапно услышати глас от иконы пресвятыя владычицы нашея богородицы: «Иди и глаголя блаженной: „Почто оставиши приходиши в церковь? Приятнее богу молитва бысть в церкви, аки у себе в храмине“. Ты же почитай ю, убо дух божий пребысть в блаженной». Иерей же той, пришед и пал к ногам блаженной, и пред всеми поведа то видение. Она же слышавше и дивляхуся, что не в тайне речено, и глаголя иерею: «Ты в прелести: бо я грешница». И не пожелаша славы на земли и закланаше его никогда не глаголати о сем видении. И поиде в церковь просити пред образом совершити || молебная пения. И егда же лобызаше икону пресвятыя богородицы, и бысть по всей церкви благоухание. И тогда начаша всегда приходиши в церковь и не взираша на холод. И имеша в животе своем шестнадесять годов.

И паки после мужа поживе девять годы и получиша от бога дар прозорливости. Егда приспе кончина ее, блаженная глаголя: «Господи, се предаю дух мой в руцы твои». И бысть погребена в пределы града Мурома, в церкви святаго Лазаря, друга божия. Конец.

(Муромский краеведческий музей, № 28258, лл. 23 об.—25 об.)

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Никоновская школа песенной поэзии

Изучение рукописных песенников второй половины XVII в. показало единство их содержания — строго ограниченный состав силлабических книжных песен, встречающихся в них, — 380 песен,¹ из них около 20 светских и остальные — духовные. Вероятно, удельный вес светских песен был много выше, так как старейшими являются несколько светских песен наравне с духовными. Дошедшие до нас духовные книжные песни заметно различаются между собой, и в их составе можно выделить несколько групп: во-первых, оригинальные силлабические книжные песни — русские; во-вторых, переводные, главным образом с польского языка, и, в-третьих, песни на польском языке, но написанные русскими буквами, — последних имеется около 150. Переводных песен немного, и среди них есть переводы, принадлежащие Симеону Полоцкому («Есть прелесть в свете»), Дмитрию Ростовскому («Превзыдох меру, о мой крепкий боже») и неизвестным авторам, причем отдельные переводы выполнены высокохудожественно («Аще когда солнце восходит от моря»). Встречаются и песни, которые подвергаются обрусению, и на материале рукописных песенников, относящихся к различным датам 1680—1690-х годов, можно видеть постепенные этапы этого процесса. Ряд польских песен написан видными польскими поэтами XVI в. — Николаем Реем и Яном Кохановским.

Но и оригинальные духовные русские песни (точнее — написанные на литературном церковнославянском языке, часто с руссизмами) неоднородны: в одну группу можно отнести гимнологические песни эпического характера — с восхвалением бога, богородицы, святых и праздников, переводы псалмов, Месяцеслов (отличный от Месяцеслова Симеона Полоцкого), перевод пяти глав «Песни песней» и немногие покаянные, а в другую — песни покаянные, а также с восхвалением девы Марии и праздника рождества, звучащие в повышенно-эмоциональном тоне («Мария, спаси, спаси, погибаю») в духе поэзии барокко. Эта вторая группа песен близка к духовным песням — украинским и польским. Первая группа песен (эпического характера) — создание поэтов-песенников,² чье самобытное творчество связано с традициями древней русской литературы и церковного песнотворчества. Но и песни этой группы в состав церковных не входили и в церкви не исполнялись. Конечно, наибольший наш интерес вызывают песни этой группы.

¹ За исключением песен, приписанных в эти сборники уже в XVIII в. Перечень рукописных песенников XVII в. дан в сноске 10 нашей статьи «Песни-акrostихи Германа» (ГОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 365).

² Этот термин применен здесь условно: он употребляется в отношении поэтов советского времени, создающих тексты песен, музыку к которым пишут композиторы. Поэты-песенники (или певцы-поэты, также песнопевцы) XVII в. создавали песню так: текст вместе с напевом как органическое целое.

Наши исследования силлабических духовных книжных песен эпического характера позволили обосновать гипотезу о том, что основная их группа, в количестве 40 с лишним, отличающаяся звукописью, словотворчеством, особой системой эпитетов, применением очень редких изобразительных средств (например, «композиционных стыков»), создана Елифаном Славинецким: он приехал в Москву в 1649 г. и умер в 1675 г., был помощником патриарха Никона по пересмотру священных книг; был он также проповедником и ученым-энциклопедистом, составившим и переведшим на русский язык целый ряд разнообразных трудов по различным отраслям знания.³ Им написаны и наиболее ранние духовные книжные песни эпического характера — «О, пресвятая Марие девица» и «Что ты именуем, обрадованная» с описанием, как патриарх Никон украшал Иверскую икону; сочинение их датируется 1654—1655 гг.⁴ Елифан Славинецкий жил в Москве, в Чудовом монастыре.

Значительная часть остальных гимнологических песен эпического характера связана с Новоиерусалимским Воскресенским монастырем — детищем патриарха Никона, в котором он жил в 1659—1666 гг., после того как он оставил патриарший престол и до суда над ним, когда он был сослан в Ферапонтов монастырь. В статье «Песни-акrostихи Германа» мы сообщили краткие сведения о жизни и творчестве одного из видных поэтов-песенников — Германа, деятельность которого протекала в этом монастыре: от должности келейника патриарха до архимандрита этой обители. Теперь нашей задачей оказывается собирание сведений о других авторах силлабических духовных книжных песен и иных поэтических произведений.

1. В а с и л и й — таков акrostих, читающийся по первым буквам переложения 46-го псалма Давида «Вси языци руками плещите».⁵ Приводим его текст.

- Вси языци руками плещите,
 Вси Иаковлю богу воскликните!
Припев. Гласом (3) радования,
 Во сыновство нас к себе возвания.
- 5 **Аз** вем яко господь есть превышний,
 Над цари всеми земными страшнейший. *Припев.*
 Сей люди нам гордые под ноги
 Покори и языки царю⁶ многи. *Припев.*
- Избра велий своему велию
 Федору царю в достоянию. *Припев.*
- 10 **Лепоте, добротe** Иаковлю
 Исполни ужe, его же возлюби. *Припев.*
 Исполнивый аще да исполнит,
 Федора царя во всем умножит. *Припев.*
- 15 **И вы** с нами вся сия изрците
 Ко господу з сердца⁷ проглаголите. *Припев*

Первые 8 стихов этой песни передают начало содержания 46-го псалма, а последующие 6 стихов разрабатывают отдельные мотивы псалтыря в применении к царю Федору Алексеевичу, что позволяет относить сложение песни к концу 1670—началу 1680-х годов. Песня сложена рифмо-

³ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 23; М. П. Алексеев. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — Славянская филология. Сборник статей. 1. М., 1958, стр. 286—296

⁴ «О, пресвятая Марие» — 8 вариантов: ГИМ 1743, № 175; Пог. 426, № 48 и др. «Что ты именуем» — 8 вариантов: ГИМ 1743, № 264; Пог. 426, № 93, и др.

⁵ 7 вариантов: ГИМ 1743, № 335; Шук. 61, № 30, и др.

⁶ В варианте ГПБ, Q.XIV.25, № 21 здесь и далее говорится о двух царях — Петре и Иоанне (сборник датируется первой половиной 1690-х годов).

⁷ «в сердца» по варианту ГПБ, Q.XIV.25, № 21 (ГИМ 1743, № 335: «с царица»).

ванными двустопными, чередованием первого — 10-сложного и второго — 11-сложного стихов. Чтение акростиха по одним четным стихам — начальным стихам строфы нам известно по многочисленным духовным песням украинских рукописных песенников XVIII в.⁸

Такое построение духовной песни, когда первая ее часть оказывается переводом псалма, а вторая изложением различных молитвенных высказываний и прошений на новозаветные темы, мы уже имели в самой ранней песне-акростихе Германа «Господи, воззвах к тебе, услыши мя», являющейся как будто переводом псалма 140.⁹ Это построение свидетельствует о свободном отношении к «священным» церковным песням, характерном для второй половины XVII в. Но данное произведение идет еще дальше: оно вводит во вторую часть духовной песни упоминание царя Федора Алексеевича, что имело уже в поздней песне Германа «Федор славный воевода»,¹⁰ обращенной к святому Федору Стратилату и одновременно содержащей моление перед ним за царя Федора. Можно думать, что изучаемая духовная песня имела образцом данную песню Германа, сложенную к именинам царя 8 июня 1678 г., как это видно из ее третьего акростиха.

Изучаемая песня маловыразительна, рифмовка ее слабее, чем в песнях Германа; в ней встречаются этимологически родственные словосочетания («исполнивший еще да исполнит»), во второй ее части образы отсутствуют. В 7-м и 8-м стихах встречается enjambement. Все это говорит, что в данной песне мы имеем дело с опытами песнетворчества начинающего певца-поэта.

2 Иоанникий дьякон является автором второй духовной песни; имя его раскрывается из длинного акростиха силлабической духовной песни «Услыши, боже, моления моя»,¹¹ значащейся в рукописных песенниках как переложение 60-го псалма Давида. Правильнее видеть в ней самостоятельную песню с использованием начала и некоторых мотивов псалма 60-го, но с упоминанием вместе с тем и троицы, Христа, сошествия его на землю, т. е. догматов христианства, которые в ветхозаветных псалмах Давида встречаются не могли.

Песня эта очень длинная — в 64 стиха, заключенных в 4-стишные строфы типа 11+11+11+11 и рифмовкой аавв. Приводим одну строфу ее:

Услыши, боже, моления моя,	[11]
Прими во уши пресвятыя твоя,	[11]
Яко истинный истинно судиши,	[11]
Грехи же моя сам един простиши.	[11]

В рукописных песенниках она написана под нотами, охватывающими ее строфу в 4 стиха в одной строке. Затем написана вторая строфа так, чтобы 1-й стих второй строфы помещался под 1-м стихом первой строфы, 2-й стих второй строфы — под 2-м стихом первой строфы и т. д. Таким образом, песня помещается в виде ряда столбцов (колонок), и акростих читается по начальным буквам каждого столбца путем чтения его сверху вниз. По всем 4 столбцам данной песни читается такой акростих: «У всемогущаго бога / просящи милости, ди/акон Аникии скорби / Господа поя, пишаше». Таким образом, этот акростих раскрывает еще одного песенника-

⁸ «Э культурного життя старой України» М. Возняка (Укр.-рус. архив наук. товариства им Шевченко, т. IX. Львів, 1913, стр. 192 и сл.).

⁹ ГИМ 1743, №№ 58 и 61 и 8 других вариантов (ТОДРЛ, т. XIV, стр. 365).

¹⁰ ГИМ 1743, № 248 и 4 других варианта (ТОДРЛ, т. XIV, стр. 366 и 367).

¹¹ 3 варианта: ГИМ 1743, № 274. и др.

поэта. Данный акростих значительно более сложен, чем предыдущий, и по своей технике близок к построению акростихов Германа, что позволяет считать его учеником последнего. Сходство с песнями-акростихами последнего имеется и в композиции песни Иоанникия, и в рифмовке (хотя менее совершенной), и в наличии словесных формул, и в построении эпитетов, и т. д. Обращают на себя внимание рифмы (творче — поборче, святое имя — к тебе мя), наличие мужских рифм (спаси — телеси), силлабического стиха, близкого к силлабо-тоническому (см. выше первую строфу), и т. п. Эти наблюдения позволяют считать, что в лице дьякона Иоанникия мы имели поэта, от которого можно было ожидать небезынтесных произведений.

К сожалению, эта песня встречается только в трех вариантах.

3. Популярностью в рукописных песенниках XVII в. пользовалась силлабическая духовная песня «Иисусе мой пренаслаждший и творче света»,¹² с акростихом «Иеродиакон Герасим Парфенович», известным уже по украинским рукописным песенникам и Богогласнику (1790 г.). Песня эта имеет много украинизмов и полонизмов; встречалась она в более поздних украинских сборниках — XVIII в., но значительно реже, чем мы ее находим в русских рукописных песенниках XVII в. Сказанное не позволяет назвать ее применительно к Украине «широко распространенной», как это сделала С. А. Щеглова.

Песня эта в богогласнике приведена в таком виде, что акростих в ней уже изгладился. Существует мнение, что она сочинена в конце XVII — начале XVIII в. Но наличие ее в указанных песенниках начала 1680-х годов отодвигает ее сложение к третьей четверти XVII в. Широкое распространение данной песни в русских рукописных песенниках второй половины XVII в. и редкие случаи нахождения ее в украинских песенниках XVIII в. вызывают предположение, что ее автор переехал в Московию из Украины еще в третьей четверти XVII в. и, вероятно, в Новоиерусалимский монастырь, где и сложил эту песню. Известно, что в монастыре уже в 1660-х годах жило много монахов «черкассов» (украинцев). К челобитной братии Новоиерусалимского монастыря, обращенной к царю Федору с просьбой о возвращении туда бывшего патриарха Никона, между прочим приложил руку и иеромонах Герасим.

Авторству Герасима В. Н. Перетц приписывает «Песнь образу пресвятыя богородицы, како его украси Никон святейший патриарх российский»; эту точку зрения поддерживает и автор исследования Богогласника С. А. Щеглова.¹³ Однако текст этой песни, вопреки их мнению, не содержит акростиха с именем Герасима Парфеновича; с другой стороны, эта песня сложена иным языком (без украинизмов и полонизмов), чем песня «Иисусе мой пренаслаждший», почему предположение В. Н. Перетца и С. А. Щегловой оказывается ошибочным.

4. К поэтам, выросшим в Новоиерусалимском монастыре, принадлежит Никанор, автор стихотворной летописи этой обители, пострижник Никона, бывший в 1685—1686 гг. казначеем, а в 1688—1698 гг. — десятым архимандритом этого монастыря. Его рассказ о посещении царем Федором Алексеевичем «Нового Иерусалима» 5 сентября 1678 г. дает основание предполагать, что Никанор ранее был уставщиком, т. е. регентом церковного хора монастыря, так же как Герман и некоторые другие.

¹² 8 вариантов: ГИМ 1743, № 103; ГИМ 1938, № 148, и др.

¹³ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1. СПб., 1900, стр. 347; С. А. Щеглова. Богогласник. Киев, 1918, стр. 248. — В русских рукописных песенниках XVIII в. она встречается еще в сборнике Казанского университета № 21399 и ГБЛ 5927.

Его стихотворная летопись¹⁴ сложена досиллабическими виршами и рассказывает о событиях из жизни Никона, начиная с основания Иверского Крестового и затем Новоиерусалимского монастыря и кончая освящением в 1685 г. большого храма, заложенного Никоном, но оконченного только через 25 лет. Считать летопись поэтическим произведением трудно: автор при ее написании ставил перед собой задачу прикладного характера. Но написание Никанором летописи монастыря указывает, что выбор пал на него потому, что он уже был известен, вероятно, своими виршами или песнями.

5. Поэтом-песенником был иеродиакон Дамаскин. Мы его знаем как составителя и переписчика замечательного рукописного песенника начала 1680-х годов (ГИМ 1743). На л. 190 об. этого сборника имеется приписка: «Зде конец книги псалмов, собирал и переписал иеродиакон Дамаскин своею рукою». Был ли он автором каких-либо силлабических духовных песен, включенных в изучаемые рукописные песенники, нам неизвестно. Однако принадлежность ему указанного сборника песен свидетельствует о его поэтическом таланте, так как в этом песеннике, признаваемом его владельцем черновым (что видно из многочисленных поправок и пометок к отдельным псалмам о готовности их для переписки), имеется много исправлений музыки и текста песен; например, песня № 113 «К тебе, божия мать, прибегаю», известная нам и из других сборников,¹⁵ в данном сборнике представлена первоначальным текстом, в который затем внесены следующие исправления:

спаси	спаси
ратуй мя дево, ратуѣ, погибаю...	
	риза красная приукрашает
тя сличная шата сличная приоздобляет	
а луна	склоняет
а месяц роги под твои ноги схиляет	

Все эти поправки сделаны для замены полонизмов русскими словами, причем подбор последних сделан со вкусом, а сохранение ритмики стиха показывает, что тот певец-поэт, кому принадлежат эти исправления, сам должен был быть поэтом.

Изучение состава песен сборника ГИМ 1743, составленного Дамаскиным, приводит к интересным выводам. В этот сборник вошли почти все гимнологические духовные песни эпического характера, усваиваемые нами Епифанию Славинецкому, почти все песни-акrostихи, сочиненные Германом, а равно и другие песни, имеющие связь с Новоиерусалимским монастырем. Таким путем устанавливается связь данного рукописного песенника, а следовательно, и его составителя с этим монастырем и патриархом Никоном. В составе лиц, подписавших челобитную царю о возвращении патриарха Никона в данный монастырь, мы находим и имя иеродиакона Дамаскина.¹⁶

Позже, в самом начале XVIII в., мы знаем иеродиакона Дамаскина как одного из монахов Чудова монастыря в Москве, переведшего сборник *Ἀρχιτολῶν σωτηρίας* Агапия Критянина в 1693—1705 гг.,¹⁷ ранее путеше-

¹⁴ Текст приведен в труде архимандрита Леониды «Историческое описание Ставропигиального Воскресенского ... монастыря» (ЧОИДР, 1874, кн. III, стр. 92—99).

¹⁵ Дошла в 9 вариантах: ГИМ 1743, №№ 88, 113; Хлуд. 126, № 51, и др.

¹⁶ Архим. Леонид. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского ... монастыря, стр. 42—43.

¹⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 115.

ствовавшего, по поручению новгородского митрополита Иова,¹⁸ на Афон и Соловки и оставившего перевод книги Комнена с описанием Афонского монастыря, а также обширную статью со сравнением Афонского и Соловецкого монастырей. Леонид, издавая это сочинение,¹⁹ высказал мнение, что мы об авторе ничего не знаем, кроме того, что сообщено о нем в Библиологическом словаре П. М. Строева.²⁰ По словарю же Дамаскин — иеродиакон Чудова монастыря, последователь или ученик греков Лихудов, посетивший Афонскую гору и странствовавший по монастырям Северной России. Скончался он в начале XVIII в. Его сочинения: 1) книжица, написанная в 1704 г. — «Возражения Гавриилу Домецкому на его возражения против книги „Остен“»; 2) три послания к новгородскому митрополиту Иову. В этих посланиях Дамаскин ссылается на тетради описаний святогорских монастырей. Архимандрит Леонид видел в нем природного русского и считал бесспорным посещение им Киева и Афона, пребывание в Новгороде и Соловках и смерть в Чудовом монастыре не ранее 1706 г.²¹ Он отвергал мнение профессора Н. И. Петрова, что это сочинение «на основании внутренних признаков надо считать написанным Арсением Греком в бытность его в заточении в Соловецком монастыре между 1650 и 1658 гг.». В статье Дамаскина с описанием Афонского и Соловецкого монастырей имеется похвала Анзерскому скиту: «добр есть покой ко спасению Соловецкая обитель паче всех обителей великороссийских. Наипаче же скит Анзерский велми есть благопотребен по уединенному пребыванию». ²² Зная, что Анзерский скит был местом долголетнего пребывания будущего патриарха Никона, мы не ошибемся, увидев в авторе — иеродиакоме Дамаскине — почитателя Никона.

Книжица иеродиакона Дамаскина «Возражения Гавриилу Домецкому», бывшему архимандриту, учившемуся в Киеве и знатоку западной иезуитской учености, знакомит нас со стихотворными обращениями Дамаскина, написанными редким 14-сложным стихом, к читателям и его сопернику, Гавриилу Домецкому.²³

Применение 14-сложного силлабического стиха показывает Дамаскина как поэта и знатока тонкостей силлабики, подтверждая предположение о тождественности Дамаскина, иеродиакона Новоиерусалимского монастыря в 1670-х годах и Дамаскина, составителя рукописного песенника ГИМ 1743 и певца-поэта 1680-х годов, с Дамаскиным, иеродиаконом Чудова монастыря, автором посланий к митрополиту Иову, статьи со сравнением Афона с Соловецким монастырем и «Возражения Гавриилу Домецкому». Н. И. Петров установил, что он перевел труд Комнена «Описание горы Афон», изданный в Бухаресте в 1701 г., и что его сравнение Афона с Соловецким монастырем связано со сказаниями, помещенными в книге «Рай мысленный». ²⁴ Правдоподобно, что Дамаскин — поэт-песенник в бо-

¹⁸ См. статью И. А. Чистовича о нем в журнале «Странник» (СПб., 1861, №№ 2 и 10).

¹⁹ Архим. Леонид. Афон гора и Соловецкий монастырь. Изд. ОЛДП, вып. XLIII. СПб., 1883.

²⁰ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. — Приложение к т. 41 «Записок Академии наук», № 2 СПб., 1882, стр. 74—75.

²¹ Архим. Леонид. Афон гора и Соловецкий монастырь, стр. IV—V.

²² Там же, стр. 69, 94, 95.

²³ И. Яхонтов. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII в. СПб., 1884, стр. 20.

²⁴ Архим. Леонид. Афон гора и Соловецкий монастырь, стр. VII—VIII; Труды Киевской духовной академии, 1877, № 9, стр. 493. — Считаем автором статьи о сравнении Афона с Соловками не Арсения Грека, а сторонника Никона — иеродиакона Дамаскина.

лее молодые годы позже сменил свою поэтическую деятельность на религиозную, сохраняя в душе свой прежний пиетет по отношению к патриарху Никону.

6. Можно предполагать, что в Новоиерусалимском монастыре получил свое раннее образование и иеромонах Карион Истомина (Завулонский), поэт конца XVII—начала XVIII в. и в то же время справщик Московского печатного двора, которого считают обычно учеником Симеона Полоцкого.²⁵ Автор труда о его жизни и творчестве С. Н. Браиловский относит его рождение к 1635—1640 гг. в г. Курске, а первые его писания — к декабрю 1679 г., когда он как «секретарь» патриарха Иоакима написал по его поручению послание к митрополиту Молдавскому Досифею. Брат Кариона Истомина был женат на сестре ученика Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева, который в 1672—1676 гг. был монахом Молченской пустыни, откуда он затем переехал в Москву. Это родство Кариона Истомина с Сильвестром Медведевым, успехи последнего в Москве (с 1665 г. он был подьячим Приказа тайных дел, а позже участником посольства Ордын-Нащокина, с 1678 г. — справщиком печатного двора), а равно запись Карионом Истоминым письма игумена Молченской пустыни к Сильвестру Медведеву, привели Браиловского к выводу о том, что Карион вслед за Сильвестром Медведевым приехал из Курска в Молченскую пустынь и принял монашество. В 1681 г. он был иеродиаконом, в 1682 г. — справщиком типографии. Он хорошо знал греческий язык.²⁶

Догадка Браиловского о пребывании Кариона Истомина монахом в Молченской пустыни подтверждается письмом Евфимия Чудовского, ученика Епифания Славинецкого, к ректору Киевского братства Головичу о смерти Епифания и судьбе его имущества. В письме читается: «дано из Путивля Молченского пустынного монастыря диакону Кариону в поминовение по иеромонахе Епифанию денег двадцать алтын (дьякон Карион 20 алтын взял и руку приложил)».²⁷ Эта запись свидетельствует, во-первых, о принадлежности Кариона к братии Молченской пустыни, во-вторых, о том, что в 1676 г. Карион был дьяконом, и, наконец, о каких-то его взаимоотношениях с Епифанием Славинецким.

Исследователи не обратили внимания на то, что в произведениях Кариона Истомина, правда еще не опубликованных и хранящихся в рукописях в ГИМе, встречаются упоминания о патриархе Никоне. Так, в своих виршах с поздравлением царевны Татьяны Михайловны в связи с освящением церкви в Новом Иерусалиме в 1692 г. Карион Истомина писал:

Избран патриарх,
патриарх российский,
В трудах, подвигах
добродетель всю
Попечется ею
бог изволил в ней
Душу си в руке
память ему будь

Никон всесвятый,
в бодрости святый.
Всегда пребываше,
к богу приношаше.
Обитель создати,
и телом лежати.
Предаде он богу
вечна попремногу.²⁸

²⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 488; Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Изд. «Советский писатель», Б. м., 1935 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 59—61. — В. П. Адрианова-Перетц и И. П. Еремин сообщили мне, что по их впечатлению манера его письма отлична от манеры С. Полоцкого.

²⁶ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII в. СПб., 1902, стр. 7—11.

²⁷ В. М. Ундольский. Библиографические описания. М., 1846, стр. 1—4 (его заметка об ученых трудах Епифания переплетена вместе с другими оттисками его статей; шифр: ГБЛ, И 265/115; здесь же статья о книгах и имуществе Епифания — см. стр. 82).

²⁸ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII в., стр. 186—187.

Будучи почитательницей патриарха Никона, царица Татьяна Михайловна помогала, как могла, Новоиерусалимскому монастырю: это она обратила внимание царя Федора Алексеевича на этот монастырь, после чего он стал бывать в нем. Упоминание в этих виршах патриарха Никона Карионом Истоминым звучит как высказывание человека, который сам был причастен к Новоиерусалимскому монастырю. Что сохранение хорошей памяти о патриархе Никоне в глазах церковной администрации 1680—1690-х годов в лучшем случае не поощрялось, а может быть и каралось, доказывается любопытным фактом: в рукописном песеннике начала 1690-х годов (Хлуд. 126), принадлежавшем, судя по подписи, архидакону Успенского собора Ионе Григорову, в тексте духовной книжной песни «О, пресвятая Марие девице» — которая в некоторых сборниках названа песней о том, как образ иверской богородицы «украши Никон святейший патриарх российский» — отсутствуют VIII, IX и половина X строфы, посвященные этому описанию, с упоминанием имени Никона,²⁹ тогда как в старейших рукописных сборниках, восходящих к Новоиерусалимскому монастырю, они имеются.

Никона упоминает Карион Истомин еще в других виршах:

Во времена бо
    воздадите ревность
Михайловича
    его же чаяху
Совет бысть отца
    Никона свягша
Российска блага
    бывша эде место

И лета недавна
    царя православна
Князя Алексия,
    царства всея Россия.
Богомольца в душе
    патриарха в слусе,
Умный во остроте
    во лесной глухоте.³⁰

Царице Татьяне Михайловне Карионом Истоминым были написаны еще и другие вирши, указанные С. Н. Браиловским.³¹ Почитание патриарха Никона, стихотворения к царице Татьяне Михайловне, внимание к жизни Новоиерусалимского монастыря, несходство стиля силлабических стихов Кариона Истомина с манерой Симеона Полоцкого и в то же время близость проповедей Кариона к поучениям Елифания Славинецкого (по языку, метафорам, меньшей риторичности)³² — все заставляет думать, что и Карион Истомин начал свою монашескую жизнь в Новом Иерусалиме и лишь затем перешел в Молченскую пустынь. В рукописные песенники XVII в. он, как автор виршей, не мог попасть (в них помещались только книжные песни, чаще под нотами, написанными по 5-линейной системе, но не вирши), но часть одного его произведения, а именно:

Воззрю на небо — ум не постигает,
Славу бо в бога и теперь возвещает —

оказалась положенной на музыку и встречается, правда в XVIII в., с некоторыми изменениями («Воззрю на небо — ум не постигает; како в ней пойду, а бог призывает»)³³

7. Наличие подписи иеродиакона Мардария на челобитной братии Новоиерусалимского монастыря царю о возвращении патриарха Никона

²⁹ ГИМ, Хлуд. 126, № 59.

³⁰ Сборник ГИМ, Чуд. 99/301, л. 233 (из того же стиха, не отмеченного С. Н. Браиловским).

³¹ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII в., стр. 133, 187, 206; см. также сборник ГИМ, Чуд. 98/300, лл. 270—271, 290—291 и сборник ГИМ, Чуд. 100/302, лл. 129—131.

³² С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII в., стр. 255—261.

³³ 3 варианта: ГИМ, Вахр. 563, № 18; Увар. 50, № 44 и ГПБ, Q.XIV.141, № 11.

в эту обитель ставит на очередь вопрос: не является ли он Мардарием Хониковым, который составил вольный перевод с латинских стихов к рисункам Библии Пискагора, изданный в Москве в 1679 г. в 1912 силлабических виршах (двустихиях) 11-сложного стиха, чье имя скрыто в акростихе, составленном из начальных букв «Обращения к читателю»: «Монах Мардарий Хоников трудился».³⁴

Из материалов истории Новоиерусалимского монастыря известно, что иеродиакон Мардарий добровольно удалился вслед за патриархом Никонем в Феропонтов монастырь; затем, в 1679 г., он был возвращен. Письмо царя Федора Алексеевича патриарху Никону с извещением о царской милости везет он же.³⁵ К сожалению, о Мардарии Хоникове мы почти ничего не знаем.

Особенностью рукописных песенников как XVII, так и XVIII вв. является наличие в них только одних книжных песен, но не виршей; с другой стороны, в сборниках учащихся наряду с виршами и прозаическими отрывками в XVIII в. помещаются силлабические и позже силлабо-тонические стихотворения, но не книжные песни. Это приводит к мысли, что в сознании грамотных людей XVII—XVIII вв. книжная песня представлялась самостоятельным видом словесного искусства (близким к фольклору), резко отличающимся от виршей. Тем не менее книжная песня — это поздний этап в развитии песни, когда она не только распевается, будучи воспринимаема на слух, но и записывается (на чем основано применение акростиха). Поэтому не удивительно, что Герман сочинял в основном книжные песни, но одновременно и вирши (эпитафии на могиле Никона и своей). Поэтому и Дамаскин, сначала составлявший рукописный песенник и писавший, очевидно, духовные книжные песни, позже переходит к писанию вирш, правда иного жанра. Можно предполагать, что и Никанор, от которого до нас дошла летопись Новоиерусалимского монастыря, изложенная виршами, начинал как уставщик (регент) со сложения книжных песен, подобно Кариону Истомину.

Мы смогли обнаружить семь поэтов-песенников, прикосновенных к созданию книжных песен, из числа братии Новоиерусалимского монастыря. Есть все основания считать, что число таких поэтов-песенников было больше, но имен остальных мы не знаем. Да и для большей части духовных книжных песен (в том числе и высокохудожественных),³⁶ входящих в состав рукописных песенников, имена их авторов остаются неизвестными. Но уже наличие в составе братии Нового Иерусалима нескольких монахов, слагавших силлабические книжные песни и вирши, приводит к выводу о существовании в 1670—1680-х годах в этом монастыре школы песнотворчества, состоявшей из учеников и последователей патриарха Никона.

Поэты-песенники этой школы, равно как и Елифаный Славинецкий, слагали духовные гимнологические книжные песни, связанные с традицией древнерусских песнопений (а возможно, и древнерусской поэзии), но написанные силлабическими стихами, в противовес книжным песням, создававшимся под украинско-польским влиянием в стиле барокко. Отличительными чертами этой школы являются спокойствие, приглушенность чувства, некоторая отвлеченность, созерцательность, размеренное течение

³⁴ М. Соколов. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой библии Пискагора. — Археологические известия и заметки. М., 1895, № 9—10, стр. 7, 23.

³⁵ Архим. Леонид. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского ... монастыря, стр. 22, 44.

³⁶ Например, «Плачуся и ужасаю»: ГИМ 1743, № 186 (известная в 2 редакциях и 12 вариантах).

мысли в длинных предложениях, со многими определениями и приложениями. Книжные же песни стиля барокко отличаются повышенной эмоциональностью — нередко с криком человека, отчаявшегося в своих грехах, ищущего выхода и выражающего свои чувства в кратких простых предложениях.

Деятельность Никона в той или иной мере оказала влияние на развитие различных областей русской культуры XVII в. Так, направление церковной архитектуры второй половины XVII в. в известной степени было обусловлено запретом патриарха Никона возводить каменные шатровые церкви.³⁷ Для развития музыкальной культуры большое значение имел факт выписки им из Киева певцов («вспеваков») — Папоротки «с товарищи», которые привезли киевские распевы церковных песнопений, начавшие входить в практику московских церквей.³⁸ Для живописи небезразличной оказалась поддержка патриархом Никоном западного ее направления, которая выразилась в том, что Никон поручал рисовать свои портреты западным художникам, служившим у московских царей; таков, например, портрет Никона в торжественном облачении, который был написан в Новоиерусалимском монастыре.³⁹ Любопытно, что в книге «Рай мысленный», напечатанной в 1658 г., были помещены вирши на герб патриарха, сложенные в силлабических стихах. Все это дает основание для гипотезы о том, что силлабическая песенная поэзия создавалась в Новом Иерусалиме при поддержке Никона, почему поэтическую школу Новоиерусалимского монастыря можно именовать никоновской.

³⁷ И. Грабарь. История русского искусства, т. 2. История архитектуры. М., б. г., стр. 99—100; История русского искусства, т. IV. М., 1959, стр. 163—164.

³⁸ Архим. Леонид. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского ... монастыря, стр. 187.

³⁹ История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 166—167.

А. И. МАЗУНИН

Об одной переработке Жития боярыни Морозовой

Профессор Н. Субботин, издавший по двум спискам Житие боярыни Морозовой, отмечал, что «списки Жития Морозовой встречаются редко».¹ Однако дело обстоит не совсем так. В настоящее время известно свыше 30 рукописных текстов Жития Морозовой, весьма популярного среди старообрядцев, заботливо переписывавшегося вплоть до XX в.

В рукописном отделе БАН находится список Жития боярыни Морозовой конца XVIII—начала XIX в.,² имеющий отличия от опубликованных текстов. Этот список из собрания В. Г. Дружинина был им же описан в «Писаниях русских старообрядцев» и отнесен к краткой редакции.³

Ряд особенностей Дружининского списка позволяет рассматривать его как особую редакцию Жития боярыни Морозовой, составленную на основе его краткой редакции, а также редакции «Винограда Российского», откуда без изменения заимствованы целые строки и стихотворное «Надсловие».

Редактор дружининского списка Жития располагал отрывочными и неполными фактическими данными о жизни Ф. Морозовой. В одних случаях из-за отсутствия сведений ему приходилось произвольно объяснять обстоятельства жизни Морозовой, в других он дает несколько иную трактовку фактов, что, не изменяя общего представления о личности Ф. Морозовой, вносит некоторые дополнительные черты в ее канонический житийный облик.

Преследования Морозовой со стороны светских и духовных властей в полной редакции объясняются тем, что когда «блаженная Феодосия уведе о нововнесенных во святую церковь догматах и о развращении древнего святоцерковного предания и чина», то она «о православии зело возревнова и всего новоуставления церковного отвратися и возгнушася».⁴

В дружининском списке гонения Морозовой объясняются также и завистью «новолюбцев» на «стяжание благороднейших княгинь имения»,⁵ которое «новолюбцы» всячески хотят отнять.

Один из источников сведений о жизни Морозовой, которым пользуется редактор Дружининского списка — «Виноград Российский» — ничего не говорит об иночестве Морозовой, а между тем редактор знает, что Морозова «в списках всеми православными пишется и поминается инокою Феодорою».⁶ Каким образом и при каких обстоятельствах она

¹ Н. Субботин, *Материалы для истории раскола за первое время его существования*, т. VIII М., 1887, стр. XV.

² БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137 (новый № 106) — сборник старообрядческий конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, скоропись. Подробнее о нем см.: *Описание Рукописного отделения библиотеки БАН*, т. IV, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 428—429.

³ В. Г. Дружинин *Писания русских старообрядцев*. СПб., 1912, стр. 209.

⁴ Н. Субботин *Материалы ...* т. VIII, стр. 146.

⁵ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137, л. 192 об.

⁶ Там же, л. 219 об.

стала «инокою» — ему неизвестно, хотя в полной редакции Жития боярыни Морозовой об этом говорится вполне определенно пострижение совершалось отцом Досифеем, который нарек ей имя Феодоры и отдал под начало старице Мелании⁷

Чтобы объяснить причину превращения Морозовой в монахиню, редактор Дружининского списка прибегает к помощи чуда по свидетельству некоего «страдальца Сергия», сидевшего одно время в заточении вместе с Морозовой, темницу посетил ангел, вручивший Феодосии распятие «от того убо ангельского посещения и осияния преименована бысть Феодорою ангелом божиим — ю, яко и Пими́на многострадального ангели господни постригоша, о котором Патерик Печерский повествует»⁸ Но тут же, как бы сам усомнившись в возможности чудесного пострижения Морозовой, редактор добавляет «или сама на себя наложи иночество, богу о сем ведушу»⁹

В Дружининском списке Жития получают более подробное развитие и освещение некоторые эпизоды Жития, о которых в большинстве списков упомянуто мимоходом. Так, по большинству списков полной редакции Жития сын Морозовой — Иван Глебович не смог проститься с увидимой из дома матерью: он мог только проводить ее до «среднего крыльца», где лишь «поклонився ей созади, оной же не видящи его и паки возвратися вспять»¹⁰

В Дружининском списке дается трогательная сцена прощания Ивана Глебовича, выйдя тайком на «заднее крыльцо», «созади притек, нападе на выю матери и начат плакаться со слезами», высказывая свою любовь и благодарность родительнице, которая, «рождьши» его, «сосцема своима вскормила, издетска питала, прилежание и попечение велико о нем имела»¹¹ Однако, в соответствии с непреклонным характером боярыни идущей на «подвиг», редактор не вкладывает в ее уста обычных слов утешения сына: непоколебимая «исповедница» наставляет Ивана Глебовича цитатами из послания к римлянам апостола Павла. Но далее, как бы не выдерживая до конца своей роли, совершенно по-обыденному, житейски «мати плачется горко по сыне, а сын рыдаше по матери, яко разлучашеся ея»¹²

Особенно ярко сказалось отступление от общепринятого житийного изображения сурового облика боярыни в плаче ее по умершему сыну. При получении горестного известия о смерти единственного сына даже «мужемумная» «исповедница» не может удержаться от выражения горя, отчаяния и муки. Ее душевное состояние в этот момент в списках полной редакции описывается очень кратко: «егда уведе смерть сына своего, оскорбися велми и падши на землю пред образом божиим умильным гласом с плачем и рыданием вещаше: увы мне, чадо мое, погубиша тя отступницы! И бысть на мног час не востаючи от земли, творящи же о сыне си и над гробные песни»¹³

Редактор Дружининского списка стремится оживить суровый житийный облик Морозовой путем описания проявления естественных человеческих

⁷ «Мати же умоли отца христоролюбца Досифея одяети ю во иноческий образ. Он же постриг ю, и нарече имя Феодоры, и предаде ю от Евангелия той же матери Мелании» (Н С у б б о т и н М а т е р и а л ы , т VIII стр 155).

⁸ БАН собр В Г Дружинина, № 137, л 219 об

⁹ Там же

¹⁰ Н С у б б о т и н М а т е р и а л ы , т VIII стр 164

¹¹ БАН собр В Г Дружинина, № 137, лл 197 об

¹² Там же л 199

¹³ Н С у б б о т и н М а т е р и а л ы , т VIII стр 172—173

чувств. Он приводит плач Морозовой, оформляя его в манере старообрядческих надгробных причитаний с народно-поэтическими элементами («седины своя растерзаю над телом его» — л. 209 об.; «крепкии подпоре старости моей» — л. 210) и заимствованиями из литературных источников. Узнав о смерти сына, Морозова сначала лишь «Иовле благодарение возглагола: господь даст, господь и взя». Однако горе матери было слишком велико, чтобы можно было исчерпать его в такой форме, поэтому редактор счел необходимым вложить в уста Морозовой слова, более естественные в таком случае. Вместо непреклонной «исповедницы» предстает просто убитая горем женщина, скорбно вопрошающая: где тело сына ее, который «мене ради, злосчастный, умре»,¹⁴ желающая лишь, чтобы принесли ей в темницу хотя бы «ризу Иоаннову, яко же древле принесоша братия от пустыни ризу Иосифову ко отцу его Иякову».¹⁵ Но умерший сын ее далеко «чюжих человек руками во гроб полагается и землю покрывается», и обезумевшей от горя матери остается лишь призывать: «плачите ныне со мною, магерию печальною, все матери сынов своих».¹⁶

С помощью описания плача Морозовой делается попытка психологического осмысления душевного состояния житийного персонажа, отчего образ боярыни становится более простым и жизненным.

Отсутствием достоверных данных, которые можно было получить только на основании полной редакции Жития боярыни Морозовой, не использованной, очевидно, редактором Дружининского списка, объясняется пуганица в сообщении о последовательности смерти сестер—Морозовой и Урусовой.

В Житии полной редакции, опубликованной Н. Субботиним, сообщается, что в боровской темнице первой скончалась Евдокия Урусова: «и в таковой нужи великой святая Евдокия терпеливо страда ... и представися сентябрю в 11 день»¹⁷ 1675 г., а Феодора скончалась «месяца ноемврия с первого числа на второе, в час нощи, на память святых мученик Акиндина и Пигасия»¹⁸ того же 1675 г.

В Дружининской редакции Жития дело обстоит наоборот: «по представлении же богомудрыя Феодоры, минувшим двум седмицам, преставися и блаженная княгиня Евдокия и тако же вервию тело ея обвиша и вон извлекаша и погребоша е в том же острозе близ сестры своея, иноки Феодоры».¹⁹

Подобное смешение последовательности смерти сестер характерно и для других поздних списков краткой редакции Жития боярыни Морозовой, переписывавшихся более чем через столетие после описываемых в Житии событий.

Так на основе Жития боярыни Морозовой, написанного, как известно, в конце XVII в., в переработках более позднего времени начинают добавляться новые черты в облик одной из виднейших представительниц старообрядчества начального периода его существования. При сохранении общего сурово-аскетического представления о «лике» старообрядческой святой в ее житийной характеристике появляются черты жизненности, естественности и некоторой простоты. Это делало облик и подвиг житийной подвижницы более понятными и близкими читателям.

¹⁴ БАН, собр В. Г. Дружинина, № 137, л. 209 об.

¹⁵ Там же, л. 210.

¹⁶ Там же л. 209 об.

¹⁷ Н. Субботин. Материалы..., т. VIII, стр. 196.

¹⁸ Там же, стр. 202.

¹⁹ БАН, собр В. Г. Дружинина, № 137, л. 222.

ЖИТИЕ БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ

(отрывки)

1. Чудесное пострижение Феодосьи Прокопиевны Морозовой¹

- л. 219 Бе некто мних ветхий деньми, именем Сергей, по прозванию Страдалец, скитаяся бога ради в керженских пустынях во время премены древлеотеческаго благочестия. Случися сему вышешепянтому иноку Сергию от новолюбцев поиману быти; много претерпе различная мучения за благочестие, обаче непреклонен явися к никоновым новшиствам и не отвержесе древлеправославнаго благочестия — того ради всеми и от всех имяновашесе
- л. 219 об. Страдалец Сергей. Случися же отцу Сергию во оное гонительное время || со оными высокоблагородными боярынями вместе в темницах страдати в различных мучениях, но божиею помощию из рук мучительных свободися и избеже. Сей Сергей поведи о высокородной боярыне Феодосии, яко по отъятии креста, иже ношаше, пояса и четков, прииде к ней в полунощи ангел господень во оную темницу, нося с собою распятие Господа нашего Исуса Христа, еже и даде ей. От того убо ангельскаго посещения и осияния преименована бысть Феодорою ангели божи — ю, яко и Пимина многострадалнаго, ангели господни постригоша, о котором Патерик Печерский повествует, или сама на себе наложи иночество, богу о сем ведущу, точно в списках всеми православными пишется и поминается инокою Феодорою. О сем до zde.²

2. Плач Ивана Глебовича по матери

- л. 197 Сын же ея Иоанн, вышед со двора тайным образом на заднее крылцо, вслед любезныя матери своя смотраше и горко сице плакаше: «О, любезнейшая моя мати, како, оставя меня, идеши?» — и абие создади притек, нападе на выю матери и начат плакатися со слезами и вопияше в горести души своя, глаголя сице: «О, прелюбезная мати моя Феодосия! На кого мя оставляеши и кому мя вручаеши, его же не над меру любила еси? Много благодарю тя, превозжеленная моя родительнице, о великой любви и о неизреченной || милости твоей, понеже бо мя рождаши, сосцема своими вскармила мя, издетска^а питала, дондеже аз возрастох и до сего дни. И за сие благодарю тя, яко оставши в сиротстве вдовою от господина отца моего Глеба прилежание и попечение велико о мне имела еси издетска^б». Сице жалостно ему глаголющу, лобызая мать свою, плача, стена и рыдая, лучши жалая света сего лишитися, неже терпя с родительницею своею разлучитися и паде на нозе ея. Она же, разлившись горкими слезами, подъемши его от земли, нача разговаривати и увещевати, повелевая ему от плача престати, таже нача глаголати ему: «Послушай, дражайшее мое едиородное чадо, Иоанне, наказания матери своя, ибо светло житие праведных, како же светится. Не терпением ли сие || возлюби, еже есть мужеству матери? Пророк в псалме наказует, глаголя: „Потерпи, господа ради^в и сохрани пути его“. Павел учит, яко да стяжете детели и глаголет, яко скорбь терпение соделовае и сим грядыи пугем обрящеши источник бла-
- л. 198

¹ Здесь и далее заголовки принадлежат публикатору.² Весь этот эпизод дословно читается также в сборнике БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 317, лл 27 об — 28.^а Испр.; в ркп. издетка.^б Испр.; в ркп. издетка.^в Д. Б., в ркп. нет.

гое упование, упование же не посрамит. Послушай, чадо, Павла, глаголюща, еже аще что сеет человек, то и пожнет: сеяй в дух — от духа пожнет жизнь вечную; сеяй же в тело, рече, от плоти пожнет тление. Не пренегай в трудах и житейских печалех, презря упование — идеже бо подвизи, тамо и воздаяния, а идеже победы, тамо и почести, а идеже брань, тамо и венец; над всеми же сими имей присно в сердцы страх божий — тем убо уклоняется всяк от зла и память смертную, та бо есть устав любомудрия; стяжи же и чистоту душевную и телесную, без нея же никто же узрит господа. Буди же и милостив ко всем, яко тии || помиловани будит: нам убо, чадо, наста время подвига, тецем убо на предлежащи нам подвиг. Ты же, взем благословение и молитву и последнее прощение, возвратися в дом свой». Оному же плачущу и не могущу никако же престати от горькаго плача, она же моляше и увещеваше его жалостными и умиленными глаголы, яко да взем благословение, возвратится в дом свой. Оный же Иоанн³ бяше от издедка благопокорен, благопослушин, благонравен сын матери — таков и тогда явлься пред материю своею. Взем убо благословение и молитву и прощение, дав последнее целование и возвратися от недр матерних с благословением и молитвою, аки голупь из Ноева ковчега, нося во устех сучец масличен, плод благочестия. И бысть тогда вещь удивительна зело: плач и рыдание и вопль мног слышашесе || аки по мертвей — мати плачяся горко по сыне, а сын рыдаше по матери, яко разлучашесе ея; рабы и рабыня стеньяху с воплем по госпожи, яко оставляше их — и тако вси со слезами провождьше я и возвращшесе.

3. Плач Ф. Морозовой по умершем сыне

Слышавши сия великодушная страсготерпице о смерти сына своего, но господеву || и сие возложши, Иовле благодарение возглагола: «Господь даст, господь и взя, якоже годе бысть господеву, тако и буди, да будет имя господне благословено отныне и до века!». И абие от жалости паде ниц на землю, горце рыдаючи. Они же окоянии³ досаждающе блаженной укорительными глаголы, приводяще от псалма 108, глаголюще: «Да будут сынове его сири и жена его вдова» и прочее. Сея⁴ же на мног час неутешно плачущи и теплыми слезами омывающи драгое и любимое тело любезнаго мертвеца, дражайшаго едиnorodнаго своего сына и глаголющи: «Увы мне, увы! Утроба ми ся мятет, Иоанна ради! Увы мне, увы мне! Где убо и в коем месте умре сын мой? да шедши, седины своя растерзаю над телом его — аз емь вина смерти твоей, чадо! Плачите ныне со мною, материю печальною, все матери сынов своих, яко едиnorodный мой сын мене ради, злосчастныя, умре и бо не насладихся прекраснаго твоего видения, любезный сыне мой, не насытихся, дражайший мой, пресладкаго твоего гласа, всежаланная утроба моя! Плачу, плачу лишения твоего, || крепкий⁵ подпоре старости моей! Се отныне не узрю тебе, пресладкий мой свете, и не объиму, ни облобыжу тебе, превозжеленное мое чадо, яко сын мой превозлюбленный чюжих человек руками во гроб полагается и землю покрывается. Рада бых я была, аще бы поне вместо драгаго тела принесл бы кто ризу Иоаннову, якоже древле принесоша братия от пустыни ризу Иосифову ко отцу его Иякову, а мне, многопечальной матери, никто не обрящется в милости щедрот Иосифовым братиям подобен — ни от своих сродник, ни от чюжих знаемых, иже бы кто поне

³ Имеются в виду никонианские поп с дьяконом, посланные с известием о смерти сына в темницу.

⁴ Испр.; в ркп. Яков.   ⁴ Испр.; в ркп. сей.   ⁵ Испр.; в ркп. крепнии

малый ветхий и худый убрусец* семо бросил в злосмрадную сию темницу: аз бы, многопечальная, растворила бы с радостию горкое мое рыдание, негли бы от тово поне малую отраду получила». Сицевыми и подобныя сим приплакиваше и обрыдоваше превозжеленного своего сына, таже по обычаю христианскому многорыданно и многожалостно надгробными песнями || почетши и удоволивши о госпде преставльшагося Иоанна, со гласом помяновения возгласивши вечная память.

4. Смерть Ф. Морозовой прежде Евдокии Урусовой

л. 222 И тако блаженная многотерпеливыя иноки Феодоры тело погребоша в Боровске^а во остроже. По преставлении же богомудрыя Феодоры минувшим двум седмицам преставися и блаженная княгиня Евдокия и тако же вервию тело ея обвиша и вон извлекша и погребоша е в том же остроже, близ сестры своя, иноки Феодоры. По сих же и многострадалная девица Мария успе сном вечным, таже и учительница оных,^б инока Иустина отиде в вечный покой и погребены быша во остроже. . .⁴

[БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 137 (новый № 106)].

⁴ В такой же последовательности эпизод о смерти сестер излагается в сборнике БАН, № 317, л. 29 об.— 30.

* Испр., в ркп. убрусец.   ^а Испр.; в ркп. в Боровске.   ^б Испр.; в ркп. оненех

М. Д. КАГАН

«Вирши об обороне Чигирина от турок»¹

Чигиринская война 1677—1678 гг. явилась результатом усилившейся в 70-х годах XVII в. агрессии турок в Европе. Различие политических и торговых интересов европейских государств препятствовало образованию антитурецкой коалиции, благодаря чему Турция, изолировав договорами Англию, Францию, Священную Римскую империю, Венецию и Геную, напала на Польшу и захватила в 1672 г. Каменец-Подольский. Враждебно настроенные по отношению к России круги польского дворянства, магнаты и часть шляхты, вынуждены были пойти на союз с русскими, и в период с 1672 по 1674 г. Польша и Россия довольно успешно отбивали нападения турок и вернули Польше Хотин. Однако союз этот был непрочным. Находящийся под влиянием французской дипломатии польский король Ян Собеский вступает в тайные переговоры с турками, рассчитывая на ослабление в войне и России, и Турции. В 1676 г. Польша заключает с Турцией сепаратный мир в Журавно, по которому обязуется оказывать султану военную помощь. Турция получает Каменец-Подольский, Подолию и распространяет свое влияние на правобережную Украину.²

Таким образом турки вплотную подошли к границам Русского государства, и война стала неизбежной.

Украинский гетман Иван Самойлович уже с марта 1677 г. посылает в Москву делегацию с извещением о военных планах султана: «султан турецкой то умыслил, чтоб Юрья Хмельницкой гетманом был», «конечное имеет намерение . . . под Чигирин со всеми силами, а Хмельницкий наперед с теми пашами и ордами и иными господалями войска так сильные приводит и собирает, что кто б на коня сесть могл, всех высылает».³ Самойлович просит у царя денег для «призвания охотного войска», конного и пешего.⁴ О намерениях турок известно было в Москве и от польских дипломатов.⁵ Русские готовились к войне, укрепляли Чигирин и Киев, на Украину были посланы войска. Князь Ромодановский с армией в 32 тысячи человек двинулся под Чигирин. Для его усиления к Днепру была послана тыловая армия под командованием князя Василия Васильевича Голицына.

¹ Приношу свою благодарность В. П. Адриановой-Перетц, обратившей мое внимание на это произведение. Также благодарю В. В. Данилова, оказавшего мне помощь в прочтении текста вирш.

² Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. — Ученые записки МГУ, вып. 94, 1947, стр. 133—134; Т. Н. Копреева. Русско-польские отношения во второй половине XVII в. Автореферат диссертации. Л., 1952; Очерки истории СССР. XVII в. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 518—521.

³ Акты относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XIII, 1677—1678 гг. СПб., 1884, стлб. 52.

⁴ Там же, стлб. 119—120.

⁵ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., стр. 135.

В составе турецких войск, возглавляемых Ибрагимом пашою, находились крымцы с ханом и Юрий Хмельницкий с казаками. Хмельницкий претендовал на Украинское гетманство. 4 августа турки осадили Чигирин и пытались его взять до 20-х чисел августа. 27-го августа войска Ромодановского и Самойловича, переправившись на правый берег Днепра, вступили с турками в бой и одержали решительную победу, определившую успех всей кампании 1677 г. Турки сняли осаду и ушли из-под Чигирина.⁶

Чигиринская война на этом не закончилась. Через год, в июне—июле 1678 г., турецкий султан предпринял новый поход. Второй этап войны не был для русских столь успешным. После месяца кровопролитных боев Чигирин был оставлен русскими, сохранившими, однако, боеспособность и прикрывшими от турок Левобережье. Вслед за этим были предприняты работы по созданию новой засечной черты—Изюмской и укреплены броды через Северный Донец и Оскол. Однако турки под Киев не пошли. Ослабленная турецкая армия не удержала и Чигирин. 20 августа, покинув сожженный и разоренный город, турки отошли к Бугу.⁷ 13 января 1681 г. в Бахчисарае было заключено перемирие.

События Чигиринской войны нашли свое отражение в литературе.

Автор Синописа включил во второе издание 1678 г. рассказ о первом наступлении турок на Чигирин; «лжи отца внук турецкий солтан . . . посла многии свои силы турецкии и татарскии з Имбрай башею и з ханом крымским прежде под славный старинный город козацкий началнейший Чигирин . . . но господь разоряя советы язык и противляяся гордым, расточи гордия мысли сердца их: аще бо и много седмиц Чигирина всеми силами всякими воинскими промыслы, безпрестанными приступами, подкопами, гранатами безчисленною стрелбою ден и нош доставаху. . . , но невозмогаща совершенно оупсети».⁸ В третьем издании Синописа 1680 г. рассказано и «о втором бусурманском приходе под Чигирин». В нем красочно, в стиле воинских повестей описан бой «на Бужинском поле при брезе Днепровском».⁹

Мысль о непременной победе русских в войне с турками, высказанную в Синописе, находим мы и в «Виршах об обороне Чигирина от турок». Вирши эти, посвященные событиям войны 1677—1678 гг., упоминались нами в связи с перепиской-пародией чигиринских казаков с турецким султаном, также возможно связанной с этими событиями, но опубликованы не были.¹⁰

Время написания виршей может быть установлено с большой долей точности. Автор упоминает мельком о взятии турками Каменца:

врагу . . . на главу его болезнь возвратится,
каменско щасте воспать превратится;

называет имя царя Федора, совершенно точно указывает дату начала осады Чигирина:

Августа четвертого под Чигрином стали,
идеже их царские вои крепко ждали;

⁶ Там же, стр. 140.

⁷ Очерки истории СССР. XVII в., стр. 528—529.

⁸ Синопис, изд. 2. Б. м., 1678, стр. 124—125.

⁹ Синопис, изд. 3. Б. м., 1680, стр. 209—210.

¹⁰ См.: М. Д. Каган. Русская версия 70-х годов XVII в. переписки залоторожских казаков с турецким султаном. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 312.

описывает оборону русских:

Кулями и гранатами тых гостей частуют,
чесого сут достойны, тем и приветствуют.
Окърест нечестивыи вне Чигрина ходят,
густые им з Чигрина куле зело шкодят;

говорит о действиях турок:

Зло нам деют делами, валы выламуют —

и сообщает об их больших потерях под Чигирином:

Яко псов много набито уповаем везе,
яко и вси полягут трупом в той дорозе.

В виршах названы командующие войсками:

Ромодановский идет князь въкупе з гетманом,
ничтоже преуспеет Хмелницкий и з ганом,
к тому и князь Галицын готовый ко браны
з мужественном воинством грядет на поганы,
Бутурлин московские там же ведет орды,
все тые на турчина свои острят корды.

Распоряжение Голицыну и Бутурлину, соединившись под Лубнами, идти на помощь к Чигирину было отдано в 20-х числах августа. Об этом сообщается в письме от 25 августа, посланном из Москвы Самойловичу.¹¹

Однако в виршах ничего не говорится о результатах осады Чигирина. Автор неоднократно обращается к богу, прося у него помощи, но о победе говорит только в будущем времени:

«Низложит бог гордаго турка со престола,
низужит бог обратит его фортуные кола»;
«Подаз, боже, воскоре на турка победы,
прославят тя и сего фараона беды»;
«Ждет при Чигирине смерть турчина ныне».

По-видимому, вирши были написаны в самый разгар событий, когда исход первой осады Чигирина был автору еще неизвестен.

Поскольку никаких подробностей об осаде Чигирина в виршах нет, то похоже, что автор в самом Чигирине в это время не находился, а был где-то поблизости, возможно в войсках Ромодановского и Самойловича или в Киеве. Интересно, что, не описывая детально осаду, он касается более общих проблем войны, в частности говорит о необходимости привлечь к войне с турками население, бедноту, соблазняя ее богатой военной добычей:

На турчина толко бы повстала голота,
з богатств его прибудет им в брани охота,
а с приу турецких забоев дорогой одежды
добудут. . .

Вирши написаны языком, в котором смешаны русские, церковнославянские, украинские и польские слова. Это характерно для творчества воспитанников киево-могилянского коллегиума. Некоторые литературные приемы

¹¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XIII, 1677—1678 гг., стлб. 276.

автора позволяют говорить о его типичной западнорусской учености. Он знаком с греческим языком, переводит имя Федор: «Феодор есть божий дар», обращается к греческому алфавиту:

Алфа пособствовала руском во начале,
и да конца Русь турка низложит во мале,
омега даст, яко и конец таков будет,
пред русином до конца турок сих позбудет;

употребляет слова латинского происхождения: «фортуна», «элемент», «инструмент»; в одном месте пишет «люона» — с латинским произношением. Для литературных сравнений он пользуется философскими сведениями:

Земля, вода, воздух, огонь нам сут элемента,
тые жь за с турком будут инструмента.¹²

Русских и украинцев автор называет «русинами» и «роксолянами», а турок — «сарматами». Последний же два термина могли быть ему известны из Синописа. Из Библии автор заимствовал только два примера применения им несколько раз образ фараона, поглощенного морем, и имя Дафана, поглощенного землей. Он просит бога также погубить и турок. Однако обращение к богу и его матери, к священникам-«пастырям» и «презвитерям» встречается в виршах настолько часто, что возникает предположение об авторе как о лице духовном.

«Вирши об обороне Чигирина от турок» не представляют собой особенно удачный образец западнорусского стихосложения, тем не менее они интересны, как показатель определенного уровня украинского поэтического мастерства. По своему строю это силлабические стихи, состоящие из рифмованных двустий с женской рифмой, строки в большинстве случаев 13-сложные с цезурой после седьмого слова. Однако правило 13-сложности строго не выдержано и в стихах встречаются 6-, 8—12-, 14—16-, 20-, 23- и даже 25-сложные строки.

«Вирши об обороне Чигирина от турок» посвящены военной теме. В XVII в., а особенно в начале XVIII в., взятие городов, битвы и победы часто становились поводом для сложения стихов. Из самых ранних известна историческая песнь о взятии Смоленска в 1654 г. («Крикнул орел белый славный...»).¹³ Целый цикл вирш появился на свет в связи с победой Петра I под Азовом в 1696 г.; среди них стихи, произнесенные Андреем Виниусом в Москве с триумфальных ворот при торжественном шествии победителей,¹⁴ «Песнь о взятии Азова в 1696 г.» («Возлетел есть орел славны с российския страны...»),¹⁵ виршевые приписки, найденные В. И. Срезневским на иконе Иоанна Предтечи в Вассиановой пустыни близ Каргополя,¹⁶ наконец, вирши о взятии Азова в 1696 г. из сборника

¹² В XVIII в. такие употребления иностранных слов характерны для Петра Буслаева. Ср.:

Трость, копие и гвозди — страстей инструменты,
От чего трепетали света элементы.

¹³ Отчет о заседании ОЛДП в 1894—1895 г. — ПДП, СХІ. СПб., 1895, стр. 47—50; А. В. Позднеев. Песнь о взятии Азова в 1696 году. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 356.

¹⁴ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840, стр. 287—288.

¹⁵ А. В. Позднеев. Песнь о взятии Азова в 1696 году стр. 354—355.

¹⁶ В. И. Срезневский. Отчет Отделению русского языка и словесности Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (1902). — ИОРЯС, т. VIII, 1903, кн. 2, стр. 240—241.

первой четверти XVIII в. Всесоюзного географического общества.¹⁷ Победы Петра I в Северной войне, и особенно Полтавская битва, также повлекли за собой появление в литературе большого количества стихов.¹⁸

«Вирши об обороне Чигирина от турок» близки к виршам Азовского цикла своей антитурецкой темой. Для них характерно противопоставление христиан басурманам, правой веры — неправой, победы одних — поражению других. Авторы оперируют традиционными образами:

Преполная луна у них се ныне ущербляет,
Взятием бо Азова весьма ся умаляет.

(Вирши на торжествах).

Басурмане же, зряще погибел сый близу,
роги своя луны преклониша низу.

(С иконы).

Се бо гордя луны бусурманской роги
христианскому царю падоша под ноги.

(Вирши из сборника Географического общества)

В «Виршах об обороне Чигирина от турок» читаем:

«Яже оному светит, отимется луна,
отменится воскоре варваром фургуна»;
«О Русь . . . в силе Христа правды солнца,
гордую луно сармат окури до конца».

Во всех стихах встречаются двустишия, написанные простым языком, местами близким к разговорному или деловому:

Сражением жестоким бусурманы побеждены,
Корысти их отбиты, корабли запалены.

(Вирши на торжествах).

По седмотысящом двести четвертаго году,
по указу монархи российскийскаго роду

Алексей Семенович Шейн мужественны
воевода большаго полку предпочтенны,
вземше себе на помощ знак креста Христова
крепко добыл града турскаго Азова.

(С иконы).

Так царь Петр дал по уху турецкому султану.

(Вирши из сборника Географического общества).

Находим такие строчки и в «Виршах об обороне Чигирина от турок»:

«Презвитери за кадилник во церквах да курят,
а храбрыи войны з самопалов бурят»;
«гость турчин непрошонный, заигав к нам зброный,
кулми его частуим, того он достойный».

¹⁷ Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева. Вирши о взятии Азова в 1696 г. — ТОДРА, т. XIV. М—Л., 1958, стр. 424—432.

¹⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870 стр. 231—260. — Среди них известный «Епиникон» (стихи на победу) Феофана Прокоповича.

Здесь мы встречаем обычное для произведения на военную тему сравнение врага с непрощенным гостем.

Возможно, что вирши написаны были по специальному заданию, так как автор проводит в них официозную точку зрения, согласно которой результаты войны 1677—1678 гг. не расценивались как поражение. Тем не менее это украинское произведение вызвало интерес русского читателя, видевшего в нем непосредственный литературный отклик на историческое событие, в котором принимали участие как украинские казаки, так и русские войска, и которое имело большое значение в жизни русского и украинского народов. Этим обстоятельством и объясняется наличие русского списка вирш.

*

«Вирши об обороне Чигирина от турок» находятся в ГПБ, в сборнике из собрания М. П. Погодина, № 1604, в 4-ку, состоящем из 15 рукописей, написанных русской скорописью разных почерков XVII в.¹⁹ На лл. 479 об. и 692 об. имеются даты: «Лета 7189 марта в 1 день»; «Лета 7189 декабря в день». Таким образом, сборник можно датировать 1681 г. Судя по записям владельцев: «Сия книга столника Ивана Петровича Строева» (л. 125); «Сия книга Петра Борисовича Строева, а писана сия книга...» (дата оборвана; л. 195), — рукопись принадлежала семейству Строевых и из их архива попала в собрание Погодина.

А. А. Зимин отметил, что сборник уже в конце XVII в. представлял единое целое и получил общее оглавление (лл. 1—1 об.).²⁰ В сборнике находятся: «Сказание о князьях владимирских» с родословием литовских князей, сочинения Пересветова, «Повесть о Скандербеге», «Сказание о Вавилонском царстве», «Писание вин, ими же к погибели и к разорению всякое царство приходит», «Сказание о приходе турского и сорочинов на Кипрский остров», отрывки из печатного Синописа 1674 г., отрывки из «Степенной книги», переделка из Иосифа Флавия, различные родословия, «Повесть о Ерше Ершовиче», басни Эзопа с толкованием и др.

«Вирши об обороне Чигирина от турок» находятся в десятой рукописи сборника, в совершенно отдельной тетрадке, на лл. 715—720 по верхней пагинации и 712—717 по нижней пагинации. До середины л. 717 (714), до слов «на турчина толко бы повстала голота», вирши написаны с соблюдением стихотворной строки, дальше они написаны как прозаический текст и разбивка на стихотворные строки, за небольшим исключением, сделана нами. Список нельзя считать исправным: явно искажено начало виршей, некоторые слова испорчены, не читаются вовсе или чтение их предположительно. Возможно, что в оригинале вирши были написаны украинской скорописью, которую плохо читал русский переписчик. На л. 718 (715) стихи в двух местах перебиты прозаическими изречениями из «священного писания». Первое изречение представляет собой выдержки из 15-й главы первого послания апостола Павла к коринфянам и из 54-го псалма, в списке ошибочно помеченного 84-м (вместо буквы «Н» поставлена буква «П»); второе изречение, по-видимому, взято из 20-го псалма, но в списке ссылки нет. Выдержками из «священного писания» являются и последние 12 строк текста (лл. 719 об.—720), заимствованного, как указано, из 20-го, 41-го, 62-го и 71-го псалмов (ссылка на 41-й псалом ошибочна).

Можно с уверенностью сказать, что выдержки из «священного писания» не вставлены в текст переписчиком данного списка, они списаны им

¹⁹ А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., стр. 313—327.

²⁰ Сочинения И. Пересветова М—Л, 1956, стр. 89—90.

а 716 об

Ромодановъский идет князь въкупе з гетманом,
ничтоже преуспеет Хмелницкий и з ганом,
к тому и князь^в Галицин готовый ко браны¹
з мужественном воинством грядет на поганы.
Бутурлин² московские там же ведет орды,
всье тые на турчина свои острят корды.
Люди твоя крестом си благослави, боже,
дабы уготовили врагом смертное ложе.
Благослови ны, боже, крестом преблаженным,
да на турком восприимем гору прокаженным.
В сем знамени людем твоим до врагов крестовых
всконечне погубит люнатиков овых.

а 717

Восприими оружие, боже, и ты, мати,
приими щит, с вами воем удоб врагов прати,
не дай те, святая, псом зде в наших пределах,
да не станет варваром нога скверных в делех.
Молятся презвитери при жертвах безкровных,
да не проливается от турков злословных
кров христиан, но паче сам турчин вскоре
да в своей крове тонет, яко фараон в море.
Варвары не наши сут врази твои, боже,
попали тернь, а верным рци: «процветай, роже»,
надежду полагаем в тебе, нашем бозе,
яко турка поперею люб и в силе мнозе
и Махомета яко мета агаряном
будет именем своим, да речет поганом.
На турчина толко бы повстала голота,
з богатств его прибудет им в брани охота,
а с прю турецких забоев, дорогой одежды
добудут, сама вера додает надежды,
при которой бог всемогий з помощь нам потшится,
а над врагами креста своего помститися.
В крове турецкой, егда их обыдут беды,
обым перо умочал и писал победы.

а. 717 об

Низложит бог гордаго турка со престола,
низложит^в бог обратит его фортуны кола.
Государь му противится горду, а смиренными
люд свой вознесет, даст им всяк дом возвышенный.
В турках неомыльная есть надежда наша
везе яко побежден будет свои баша.
Подаз,^ж боже, воскоре на турка победы,
прославят тя и сего фараона беды,
Яже оному светит, отимется луна,
отменится воскоре варваром фортуна,
зато ныне да будет бог благословенный,
яко под Чигирином турок посрамленный.
Алфа пособствовала руском во начале,
и да конца Русь турка низложить во мале,
омега даст, яко и конец таков будет,
пред русином до конца турок сих позбудет.
Благ желая Росии, бог в благих поможет,
всех врагов оружия предати возможет.

^в В ркп. князь к.   ¹ Испр.; в ркп. бран.   ² В ркп. Бутурлим.
^с Так в ркп.   ^ж Так в ркп.

Кровию турецкою в память родом в роды
будет писати, яко прегордой породы
турчин з своим воинством паде крепко зело
пред мечем христианским, поправшим их смело.
О сем от духовенства да будет молитва
прилежная, а от вои мужествена битва.
Презвитери за кадилник во церквах да курят,⁸
а храбрыи воины з самопалов бурят.
Сам бог да вас запалит на турков ко брани,
уповая на бога дасте турков раны.

л. 718

Богу же благодарение давшему нам победу господем нашим Иисус Хри-
стом — I кор.^н глава — 15 за^к 163, потопи господи и раздели языки их.
псалм 84.

О Русь презадна,⁴ в силе Христа правды солнца
гордую луну сармат окури до конца.
Не попущай злодеяима,⁸
же бы не прибыло ему ума.

Помыслиша советы, их же не возмогоша составити.

Гость турчин не прошоный, запитав к нам зброный,
кулми его частуим, того он достойный.

л. 718 об

Неба мают перуны, турьчин же вор божий,
и перун его знаидет, знай Русь, негожий.

Яко вые маете на земным падоле^н
стрелбы и оружия в теперешней доле^о
не жалуйте добыват на сия злого^н змия
турчена безбожного застит ему выа.
Змия, лва, вакмиска^р же будет топтати,^с
сам Христос приобещал тую власть нам дати.

В наших краях дикие зверы то зявили,
обы их з богом наши силы уморили.
Помош наша от бога, сотворшаго неба,
бога нам помошника на турчина треба.
Боже, кровь твоя же ся в верных почитает,
турчина оной ко всем^т да не проливает.

Пожерла еси земле иногда Дафана,
пожри ныне злодеев, турчина и гана.
Зло нам деют делами, валы выламуют,
нехай о них перуны боже преследуют.
Фараона со вои море потопило,
обы ся то з турчином знову отновило.
О роде православный, давный роксолянский,
абы кя^у не возносил, рог збивай поганский.
Надеяв богу же, в дом свой не возвратится
турчин, тут ему бедно век укоротится,
земля, вода, воздух, огонь нам сут элемента,
тые жь за с турком будут инструмента,
земля их пожрет, вода потопит, як в море
фараона, по ветре зломит огонь све вскоре.

л. 719

Отвратит злая врагом моим, юже содела сам впадется в яму,

⁸ В ркп. курат. ⁴ Так в ркп. Имеется в виду место из 15-й главы первого по-
слания апостола Павла к коринфянам. ^к Слово испорчено. ^л Так в ркп.
^н В ркп. слово испорчено, чтение предположительно. ^м В ркп. слово испорчено, чте-
ние предположительно. ^о В ркп. деле. ^п В ркп. длго. ^р Так в ркп.
^с В ркп. доптати. ^т Так в ркп, слово испорчено ^у Так в ркп.

турчин не будет нас ровнати хаму.
 Наметь, дела, скарбы турчин ^ф оставит,
 христианский род сам Христос бог славит.
 Врагу оскудеша оружия в конце на главу его болезнь
 возвратится,

л. 719 об.

каменско щасте воспать превратится.

Ждет при Чигирине
 смерть турчина ныне.

В Кieve дадут кием турчину, а скрыто,
 если битые утечат, скажет, як их бито,
 битому кгда укажут псу кий, то в том страсе
 знову ^х будет бегати пес в коротком часе.
 Дозрел турчин в фортуне, як яблоко на древе,
 прето ^и упасти мусит будет в адском чреве.
 Всякая кончины видех конец "уыл южь ^ш
 тот пес, спробовавши пса обесити уже.

Спробовалисте пса при Чигирине,
 пробуйте и в далший час о божем сыне.

Иисус ^ш Христа исходит меч остр, а и мати
 тысяша щитов мает будут пособлять

л. 720 Радуйся, яко гром враги устращающая, икос — 11; предадутся в руки ору-
 жия части лис овом будут, царь же возвесилится о бозе, псалм — 62. Рука
 твоя языки потреби, псалм — 41. Царь уповае на господа и милостию
 вышняго не подвижится, псалм — 20.

Феодору церкви даруй божию, царие фарсисти
 и остров и дары приведут, царие аравсти
 и Сава дары принесут, и поклонятся ему вси царие земсти,
 вси языци поработают ему, псалм 71, даруй нас.

(ГЛБ, собр. Погодина, № 1604, лл. 715—720).

^ф В ркп. тур.   ^х В ркп. знобу.   ^и Так в ркп.   ^ш В ркп. текст испорчен, чте-
 ние непонятно.   ^ш В ркп. ис тут.

В. Г. БРЮСОВА

Холмогорский летописец и художник XVII в.

(Об одном из авторов Двинской летописи¹)

Изданный А. А. Титовым список Двинского летописца, как и большинство летописей, является результатом насаивания нескольких разновременных летописей, от XIV до XVIII столетия. Наше внимание привлек раздел от 1682 по 1702 г., в котором повествуются события начиная от приезда в Холмогоры архиепископа Афанасия и кончая его смертью. Этот отрезок летописи включает много интересных сведений о художественной жизни Холмогор. Автор его подробно описывает работы иконописцев, перечисляет их имена, указывает стоимость работ и распределение заработка между иконописцами. Иногда в своих описаниях автор сообщает факты об иконописном деле от своего имени. На основании всего этого А. А. Титов высказывает предположение, что летопись была написана лицом, близким архиерейскому дому и иконописцем;² попытку установить имя автора летописи Титов не делает.

Подробное ознакомление с текстом летописи убеждает в справедливости этой точки зрения; внимательное чтение памятника позволяет выдвинуть предположение об имени автора этой части летописца.

Описываемые в летописи события двух последних десятилетий XVII в. связаны с некоторыми важными политическими обстоятельствами в жизни города Холмогор и Двинского Севера. В 1667 г. Московский собор в целях борьбы с расколом учредил целый ряд новых епископий, в том числе Холмогорскую и Важескую. Архиепископ Холмогорский Афанасий прибыл в Холмогоры в 1683 г. Афанасий принадлежал к числу передовых людей своего времени; он был правой рукой Петра I на Севере в ответственные годы шведской войны. Петр поручил Афанасию наблюдение за организацией обороны Архангельска в 1701 г. и в знак особой царской милости подарил ему взятые у шведов три пушки «ради обережи в хождении его архиерейскими судами». Афанасий вел дипломатические переговоры с голландскими торговыми людьми, чтобы они «не приставали» (т. е. не присоединялись) к шведам.³ Им была написана в стратегических

---

¹ ГПБ, собр. Титова, № 4682 — Имеет название по записи XIX в.: «Летописец о начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе диаконом» Опубликована А. А. Титовым Летопись Двинская М., 1889.

² А. А. Титов Летопись Двинская, Предисловие, стр. III

³ Эти сведения находятся в одном из списков Двинской летописи: ГПБ, собр. Титова, № 711, лл. 34—50. Здесь говорится что Афанасий «к сему его царского величества жалованью приложил сугубую ревность изыскал меди ветошной и велел к тому купить и ис того вылить малых три пушечки в подборе к тем великого государя жалованья железным пушкам во отмыщенье шведов».

целях рукопись «Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Шведскую землю и до столицы их».⁴

Афанасий уделяет большое внимание церковному строительству. В холмогорской епархии до его приезда каменных храмов не было вовсе, а в деревянных современники отмечали бедность и запустение.⁵ При Афанасии в Холмогорах был построен ряд каменных церквей: Спасо-Преображенский собор, Введенская церковь, церковь Иакова — брата господня, Успенский собор в Успенском женском монастыре. В городе Архангельске построен каменный собор Архангела Михаила, церкви Рождественская и Воскресенская. Строятся новые храмы и ремонтируются старые в городах и селах холмогорской епархии.

Такой объем строительства, естественно, повлек за собою оживление иконописного дела. При архиерейском доме группируется артель иконописцев, которая участвует во всех работах по украшению храмов и архиерейских палат.

Всего в летописи упоминается 12 имен иконописцев: богоявленский протоирей Федор Васильев сын Струнин, его дядя, «архиерейского дому сын боярский» Алексей Иванов Струнин с сыновьями Егором и Иваном, дьякон Троицкой церкви Федор Семенов Бесщечкин, сыновья боярские Иван Васильев Погорельский и Иван Рясалов, иконописцы Филипп Коротаев, Михаил Онегин, Андрей Спешкин, Евдоким Пономарев и Семен Дьячков.⁶

Запись на титульном листе рукописи, исполненная почерком XIX в., удостоверяет, что летописец был составлен «при Холмогорском кафедральном соборе дьяконом». Если согласиться с предположением, что автор летописи был иконописец и в то же время дьякон, то не есть ли это Федор Семенов Бесщечкин? Но Федор Бесщечкин был дьяконом Троицкой церкви, а запись титульного листа называет дьякона Преображенского собора. Для того чтобы разгадать, кто из иконописцев мог быть автором летописи, проанализируем внимательно ее текст.

Автором не может быть Федор Струнин ввиду неумеренности похвалы о нем в летописце — автор называет его «первейшим исусным изографом иконного письма». Не могут быть и Алексей Струнин и Михаил Онегин, так как на стр. 107⁷ сообщается, что автор взял подряд на работу втроем, с Алексеем Струниным и Михаилом Онегиным. На стр. 112 он сообщает,

⁴ И. П. Шаскольский. Описание трех путей Афанасия Холмогорского. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 457—460. Об архиепископе Афанасии см.: В. Верюжский. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды... СПб., 1908; С. Постников. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682—1702). СПб., 1866. — Г. И. Головкин в письме к И. А. Мусину-Пушкину так отзывался об Афанасии после его смерти: «По указу его царского величества я к нему, рязанскому митрополиту, ныне ответствовал, дабы он избрал на помянутую холмогорскую епархию из духовных особ трех или двух, которые б были искусные и ученые и политичные люди, понеже та холмогорская епархия у знатного морского порту, где бывает множество разных народов иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности к чести и славе российского государства, якоже и прежде бывый Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал» (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции, кн. 8, М., 1891, стр. 163).

⁵ С. Постников. Афанасий... стр. 27.

⁶ В переписных книгах г. Холмогор встречается упоминание некоторых из названных иконописцев: Алексей Иванов упомянут в переписной книге Холмогор за 1678 г. (ЦГАДА, фонд «Переписные книги», кн. 15051, л. 101), Федор Семенов Бесщечкин назван в переписной книге 1702 г. (ЦГАДА, ф. 137, Книги городские о доходах, № 43, л. 34).

⁷ Здесь и далее в тексте указаны страницы издания Двинской летописи (см. прим. 1).

что «к вербному воскресенью строил с братом три вербы». Не был ли это один из сыновей Струнина: Егор или его брат Степан? Но в таком случае, говоря о брате, автор тем более должен был назвать отца, между тем, упоминая несколько раз о своих работах с Алексеем Струниным, он ни разу не говорит о родстве с ним.

Просматривая внимательно текст летописи, мы в конце его находим небольшую замечку: «В то же лето, ноября в 20 день, преосвященный архиепископ отпустил в Клопов монастырь отца Василья Погорельского, а тестя его Афанасий Резвухин того дни в ночи замерз на дороге» (стр. 124—125). Следует ли из этого заключить, что Василий Погорельский, названный здесь «отцем», и есть отец писателя, и, следовательно, автором летописи был не кто иной, как Иван Васильев сын Погорельский?

Обратим внимание на те места в летописи, в которых имеется наиболее обстоятельное описание иконописных работ, что дает основание предполагать участие в них автора. Отметим, например, такое описание: «В то же [1697] лето преосвященный архиепископ изволил строить судно, переводом и примером, каковы строятся на Азове, именуемое баркалон; и на другой день Иванова дня нарисовал ему герб, каков писать на корме, на вольной стороне, с примера патриарша клейнота. И после Петрова дня начали столяры работать, а украшения приказал и живописное, что надлежит, как на вольной стороне, так и внутри писать оному же своего архиерейского дома сыну боярскому Ивану Васильеву сыну Погорельскому... и за оное украшение жалован был милостивыми словами и от трапезы его архиерейскими подачами от пищи, а на погребе питьем» (стр. 112—113). Здесь автор дважды сбивается — начинает говорить от первого лица, что он нарисовал эскиз герба для баркалона, затем сообщает о том, что работа по росписи баркалона была поручена «оному же» Ивану Погорельскому, а далее сообщает, что он, автор, был пожалован за эту работу. В самом деле, если бы это было не одно лицо, то вряд ли автор стал бы сообщать о постороннем человеке такую несущественную деталь, как архиерейскую подачу «от пищи и питье на погреб». Дальше автор сообщает текст надписи «клейнота» в подробностях, как если бы он сам писал его: «Под гербом в клейноте подписано речми и литерами латинскими прописными тако: „Преосвященный Афанасий божиею милосью архиепископ холмогорский и важеский, первый есть трона сего“». В летописи помещен и рисунок «клейнота».

Далее следует еще более подробное описание милостей, оказанных Афанасием за эту работу, которая пришлась ему по вкусу, причем автор снова сбивается, говоря то от своего лица, то об Иване Погорельском: «Преосвященный архиепископ приказал быть и казначею Авксентию сказать и в казенном приказе велел записать, что в его архиерейском приходе с Холмогор к городу с ним, преосвященным епископом, быть на новопостроенном судне баркалоне и у города жить, вместо сушиленного, сыну боярскому Ивану Погорельскому и к тому отпуску велел всякую посуду и завод, что надлежит про его архиерейский дом, и харчевые всякие припасы принять и, приняв, во оном приказе расписаться» (стр. 113). На следующей странице сообщается, что 3-го сентября 1700 г. «указал архиепископ строить кушанье к почесному столу и к тому кушанью роспись ключнику и сушиленному Ивану Погорельскому». При этом к летописи отдельным листком приложен список с 30 блюдами к этому обеду.

Таким образом, литературный такт писателя, считающегося с традициями летописания как стороннего повествования, не позволял ему вести рассказ полностью от своего лица, но отмеченные нами случаи сообщения

биографических сведений об иконописце Иване Погорельском, подробное описание произведенных им работ, путаница в лицах автора и Ивана Погорельского, наконец, упоминание об отце — Василии Погорельском дают достаточно оснований сделать вывод, что автором данного раздела Двинской летописи был Иван Васильев сын Погорельский, «архиерейского дома боярский сын», ключарь и иконописец.⁸

Попробуем составить представление о творческой биографии художника на основании упомянутых в летописи работ.

Первой и наиболее крупной работой холмогорских иконописцев была роспись иконостаса Спасо-Преображенского собора. В летописи рассказано, как архиерей призвал иконописцев к себе и «любительно беседовавшие с ними, обще объявил свое желаемое намерение ... новопостроенную церковь Преображения господня украсить вновь же святыми иконами». Иконописцы получили задание писать таким переводом, «яко же зрятся старогреческие письма». Деньги за эту работу были даны из царской казны Петром I. По уговору, архиерей предоставлял помещение, еду и «для увеселения и потешения с погреба от вина и других питей в подобное время повеление». Работа была начата в 1691 г. и закончена в 1697 г. Всего было написано 85 икон, за что было уплачено 100 руб. В выполнении этой работы участвовало 6 иконописцев, причем Иван Погорельский среди них упомянут на пятом месте, и его работа расценивается дешевле, чем других иконописцев (2 алтына 2 деньги против высшей оплаты в 9 алтын). Возможно, в то время он был еще молод и соответственно возрасту состоял в артели в качестве помощника.

В марте 1692 г. «протопоп Федор с товарищи» стал знаменить местные иконы в Богоявленскую церковь (стр. 82); по-видимому, среди иконописцев был также Погорельский.

20 января 1693 г. «зачали писать в собор Страшный суд с евангельскими словами и прописали в мясопустную субботу то есть февраля в 15 день» (стр. 92). Судя по форме записи, участие в работе автора несомненно.

В марте того же года «в соборную Преображенскую церковь царские двери в иконостас к золоченью клеить и левкасить стали и евангелисты написали» (стр. 93). Здесь в росписи живописцев Иван Погорельский указан на пятом месте из восьми мастеров; он получал по 4 деньги против 8 верхней ставки. «За многие труды к соборной Преображенской церкви» иконники были отпущены съездить в Соловецкий монастырь «на карбасе, наемном из архиерейской казны» (стр. 95).

Архиепископ Афанасий стремился в своих владениях все устроить на московский лад. Он привлекал для выполнения заказов московских масте-

⁸ Ключарь заведовал книгохранительной палатой в соборе (см.: А. Фирсов. Холмогорский Спасо-Преображенский собор. — Архангельские епархиальные ведомости, 1891, №№ 13, 15, 16, стр. 213 и сл.). Должность ключаря могла перейти к Ивану Погорельскому наследственно, от тестя — ключаря собора Алексея Бенедиктова Золотарева, на дочери которого он был женат (А. Титов. Летопись Двинская, Предисловие, стр. III). Наше предположение о том, что одним из авторов Двинской летописи был Иван Погорельский, на первый взгляд противоречит записи на титульном листе о том, что эта рукопись была составлена «при Холмогорском кафедральном соборе диаконом». Но, во-первых, запись эта сделана после 1832 г. спустя более 100 лет после составления нашего списка летописи, и это, бесспорно, значительно снижает достоверность сообщения о ее составителе. Во-вторых, в самом тексте летописца есть записи, сделанные другим почерком, и не исключена возможность, что в составлении ее принимало участие какое-то другое лицо, быть может соборный дьякон. Однако все те сведения, которые мы приводим в настоящей работе принадлежат одному автору, которого мы и считаем Иваном Васильевым Погорельским.

ров и брал с собой в свои очередные выезды в Москву собственных иконописцев. В их числе неизменно бывал Иван Погорельский, который сообщает об этих поездках весьма интересные сведения.

В одну из этих поездок, в 1697 г., «изволил преосвященный Афанасий взять из Чудова монастыря большое и первое лучшее Евангелие и с того все сознаменить и срисовать приказал слово в слово, чтобы без прогрешения и мерою во всем таково ж было б, против которого и учинено тако, за что милостивое слово с благословением получено» (стр. 100); эта работа исполнена автором записок, по нашему предположению — Иваном Погорельским.

Далее, на стр. 105 мы читаем описание того, как изограф Степан Дементьев Нарыков писал портрет-парсуну Афанасия. Интересны подробности дела, на что уже обращала внимание Е. С. Овчинникова.⁹ Автор летописи сообщает: «писал он на картине, смотрячи на него, а архиерея . . . обрисовал и все подобие сущее лица его и провохрил фарбами, какими надлежит, слово в слово, и оставил у него, архиерея, во внутренней келье сушить, а в оный день, приехав, взял с собою, протчее дома дописывал. И по совершению письма всего, преосвященный архиепископ платил ему за труд: восемь рублей денег да кусок камки пожаловал.¹⁰ По преставлении его архиерейском оная персона поставлена с подписаниями в соборной Преображенской церкви над гробницею его.

«С тое же персоны тем же кунштом, слово в слово, написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорельским и поставлена в его архиерейской крестовой на Хормогорах».

Оба портрета архиепископа Афанасия сохранились до настоящего времени и ныне находятся в Архангельском областном краеведческом музее.¹¹ Сравнение обоих портретов не оставляет сомнения в их авторстве. Подлинником, написанным Степаном Нарыковым, является портрет с текстом пространной надписи в верхнем правом углу (инв. № 445).¹² Лицо Афанасия на этом изображении передано с острой портретной характеристикой. Взгляд решительно устремлен вверх, переносье собрано резкими вертикальными складками морщин. Глубокие складки залегли по границе щеки от внутреннего угла глаза вниз к усам; плотно сжатые губы и бритый массивный подбородок¹³ завершают характеристику волевой натуры сподвижника Петра. Художник обладает достаточно широким диапазоном живописных средств, чтобы дать энергичную лепку лица и сохранить живость выражения.

⁹ См. Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. Изд. «Искусство», М., 1955, стр. 114—115.

¹⁰ Плата за работу здесь, как и в других местах текста, написана латинскими буквами.

¹¹ Оба портрета покрыты сильно потемневшим лаком и имеют повреждения поверхности живописи и холста, нуждаются в реставрации и по этой причине не могут быть воспроизведены.

¹² Размер 92 × 82; текст надписи: «Архиепископ Афанасий 1-й архиерей Архангельский. Он был на соборе в 1682 году, Москве против раскольников, сам будучи из оных. На этом-то соборе Петр Великий, будучи 11 лет, удивил всех противу раскольников. Сей владыко известил Соловецкого настоятеля в прибытии царя Петра Великого в Архангельск и желании его быть в обитель». Из приведенного выше текста летописи видно, что надпись была сделана при поставлении портрета, написанного С. Нарыковым, в соборе по «преставлении» архиерея Наличие на портрете надписи подкрепляет нашу атрибуцию и свидетельствует о том, что именно этот портрет принадлежит Нарыкову.

¹³ Афанасий был единственным архиереем, не имевшим бороды как неперменного атрибута ду овного сана по той причине, что на церковном соборе 1682 г в его споре с Никитой «Пустосвятом» последний был доведен до иступления и выдрал Афанасию кусок бороды.

Во втором портрете (инв. № 444),¹⁴ который мы имеем все основания считать упоминаемой в летописи копией, острота портретной характеристики оригинала в значительной мере сглажена. Облачение и атрибуты Афанасия те же, но он выглядит моложе, благообразнее, выражение его лица смягчено некоторой бесстрастностью; живописные приемы более однообразны. При этом, однако, портрет исполнен в типичной для петровского времени технике масляной живописи с тонкими лессировочными наслоениями красочного слоя, и автор этой записи имеет основание утверждать, что он написан «тем же кунштом». Иван Погорельский как автор этого портрета выступает здесь живописцем средней руки, но стоящим вполне на уровне технических достижений современного ему искусства.

Оба эти портрета показывают, что русское искусство сделало значительный шаг от иконописных традиций древнерусской живописи в сторону овладения средствами реалистического искусства.

Из упомянутых в летописи работ это произведение, которое мы можем с некоторой достоверностью связать с именем Ивана Погорельского, является в настоящее время единственным известным нам сохранившимся творением этого художника. В настоящее время живопись Холмогор вообще почти неизвестна ввиду полной утраты памятников.

В подлинном рукописном экземпляре летописи имеется несколько рисунков, но не все они могут быть приписаны Ивану Погорельскому. Так, прорись Антония Сийского на фоне монастыря является, по всей вероятности, переводом иконы, вышедшей из стен монастыря. Не оригинальными, по-видимому, являются и полюбившиеся автору переводы миниатюрного размера некоторых «праздников». Автору летописи, очевидно, принадлежит упоминавшийся нами выше рисунок архиерейского «клеинота» для баркалона (такой же «клеинот» был также воспроизведен в Преображенском соборе¹⁵); им же, по-видимому, был сделан рисунок «царских потех» в Красном селе, очевидцем которых был автор во время поездки в Москву в свите архиерея. Эти рисунки исполнены схематично, но нужно учесть, что они носят документальный характер, а верность натуре еще не могла быть в то время сильной стороной в творчестве художников. Весьма характерен уже сам факт, что художник стремится словесные описания подкрепить иллюстрациями.

Так, например, на художника произвела сильное впечатление красота архитектуры Дубровицкой церкви во время осмотра ее в четвертый поход Афанасия в Москву. «После троицына дня, во вторник, был преосвященный архиепископ в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге имеет в расстоянии 30 верст, над двумя реками стоит, над Десною и Пахрою. А церковь такова удивительная и резная вся в вольную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивительной по нынешнее время не было» (ГПБ, собр. Титова, № 4682, л. 41). Здесь же автор — для памяти или для иллюстрации — прилагает набросок плана церкви в виде квадрифолия и зарисовку резного кружева каменной короны купола.

Возвращаясь к перечню произведенных автором художественных работ, мы читаем, что 11 июля 1697 г. он «с протчими товарищами начали Преображенской церкви западное крыльцо красить и писать», и он же собственноручно («один») «переписывал с полным подписанием сызнова кроме слов и речей» (стр. 107). «Тое же лета на третьей неделе великого

¹⁴ Масло, холст. Размер 88 × 72. На портрете надпись: «1. Архиепископ Афанасий».

¹⁵ А. Голубцов. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903, Предисловие, стр. XIX.

поста с Алексеем Струниным поновлял Яковлевские пятилистовые иконы. В пост же красили архиерейский стол круглый на одной ноге по иноземски» (стр. 111). «На третьей неделе Благовещения ходили на Троицкий Ухтоостров с Алексеем Струниным и Михаилом Онегиным и подрядились церковь поновлять да и новья писать рядили деньгами и хлебом». «На шестой неделе того же великого поста в большой Преображенский собор красили около престола мост» (стр. 112). «К вербному воскресенью строил с братом архиерею три вербы; цветы деланы из белого железа и цвечено, а листы и винограды восковые; обвивано прутье шелковою бахромою» (стр. 112).

К 1701 г. относится заметка: «После пасхи красили и писали из палат архиерейских выходное крыльцо к собору с воротами и до собору с перилами на мосту» (стр. 118). Другой источник дает более подробное описание этих работ: «Пристроив к храму северные и южные паперти, западные с ея тройными входными дверьми расписал (Афанасий, — В. Б.) разными красками зело узорочно священо-историческими и аллегорическими сюжетами до изображения небесного движения солнца и луны и звездного течения на своде притвора включительно».¹⁶

Таков весьма обширный и разнообразный перечень художественных работ, в которых участвовал автор: иконописание, золочение, декоративные росписи и оформительские работы, копирование лицевых рукописей, парсунное письмо — все это составляет круг занятий, типичный для художника конца XVII в.

Как исторический документ летопись представляет собой несомненный интерес, поскольку автор проявляет себя живым и внимательным наблюдателем всех происходящих перед ним событий.¹⁷

Нередко автор проявляет себя подлинным художником слова, как например в описании картины похорон царицы Наталии Кирилловны, свидетелем которых он был. «Ианнуария в 25-й день, во втором часе дня, в день недельный, до литургии, на Иване Великом в Успенский колокол ударили три раза гораздо не скоро — крепко, того часа преставися к богу, отыде в вечное блаженство благоверная царица и великая княгиня Наталия Кирилловна ... на другой день хоронили в Вознесенском монастыре, где изначала кладутся царицы и царевны, в соборной церкви. Несли оное тело сверху минуя Грановитую палату и Красное крыльцо, через крыльцо, которое за медною решеткою. И как несли, в то время на Иване Великом во все колокола звонили не вдруг, все по одному колоколу перебирали, с малых до больших. А несли тихо. В препровождении были: святейший патриарх со архиереи и власти в темном одеянии и государь царь Иоанн Алексеевич с царицы и с бояры — все в простом платье, в черном все, и возники двойками шли черные и сани под черным сукном обиты» (стр. 73).

Однако наибольшую ценность для нас представляют сведения о событиях художественной жизни Холмогор, особенно ввиду утраты самих произведений живописи этого времени.¹⁸ Косвенные факты указывают на то,

¹⁶ Там же, стр. XVII.

¹⁷ Например, летописец под 1699 г. повествует, что в доме архиерейском жил «раздьякон» (разжалованный) который был пожизненно выслан из Москвы в Соловки «за его спор и слова, что российская церковь соединится с римской». Узник писал для архиерея книги и за время своего заточения исписал стены кельи стихами собственного сочинения. Автор добросовестно переписал все стихи и включил их в свои записки для осведомления читателей. Интересна деталь, свидетельствующая об известной образованности автора: для зашифровки некоторых сведений он употребляет латинский шрифт.

¹⁸ Икона «Прокопий и Иоанн Устюжские» в музее «Коломенское», которая происходит из холмогорского Спасо-Преображенского собора, по нашему мнению, была написана в Устюге.

что этот город был в XVII—XVIII вв. крупным художественным центром русского Севера. Достаточно напомнить о том, что отсюда вышли такие известные живописцы, как царский изограф Василий Иванов Колмогоров,¹⁹ Семен Спиридонов Холмогорец²⁰ и его брат Василий Спиридонов,²¹ Алексей Колмогоров, работавший в XVII в.,²² и др.

Хотя здесь можно встретить весьма разнородные течения, что объясняется соседством с такими старыми очагами культуры, как Соловецкий или Антониев-Сийский монастырь, город Великий Устюг, тем не менее не исключена возможность, что в Холмогорах сложилось свое самобытное направление в живописи. Это особенно заметно в творчестве такого выдающегося мастера, каким был Семен Спиридонов, сохранивший свою оригинальную художественную индивидуальность на всем протяжении своего творческого пути. Его образам свойственна тонкая поэтичность и оттенок минорного настроения; в изысканном, ювелирно-отточенном стиле его живописи ощущается заметное влияние позднерогановских устюжских писем с их тенденцией к сознательной архаизации. Плоскостный характер тонкой орнаментики икон Семена Холмогорца роднит их с памятниками резьбы по кости Холмогор и с мотивами устюжской черни.

Насколько типичным для Холмогор было искусство Семена Спиридонова, сказать трудно, оно более тяготеет к утонченной стилизации устюжских писем, которые, впрочем, в настоящее время еще мало изучены. На искусство Холмогор должна была оказать сильное влияние значительная прослойка так называемых поморских писем, соприкасающихся с народным крестьянским искусством. В художественной среде Севера сформировался талант великолепного и вполне передового для своей эпохи рисовальщика Василия Мамонтова Шуренги.²³

В Двинском летописце мы встречаемся с упоминанием о самых разнообразных направлениях живописи: «старогреческими» письмами, копированием московских образцов, в том числе и «персонного» письма, с росписями «по-иноземски» и т. д. Возможно, что в дальнейшем кое-что из созданного холмогорскими мастерами этого времени будет найдено и картина художественной жизни Холмогор станет более полной.

В заключение следует отметить, что фигура Ивана Погорельского, объединившего в своем лице писателя²⁴ и художника, не является исключением в истории культуры древней Руси. Имеется ряд примеров, когда иконописцы выступают в качестве авторов литературных сочинений. Таким иконописцем и писателем был в конце XIV—начале XV в. художник

¹⁹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М., 1910, стр. 146.

²⁰ См. наш доклад, прочитанный в Институте истории искусств АН СССР, «Семен Спиридонов Холмогорец — изограф XVII века (1642—1692). (К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи)», принятый к печати в «Ежегоднике» Института истории искусств АН СССР. Неизвестно, почему Семен Спиридонов, один из крупнейших и известных иконописцев своего времени, не участвовал в работах, отмеченных в Двинской летописи. Возможно, в этом сказалось соперничество между указанным иконописцем и членами бригады Федора Струинина.

²¹ О Василии Спиридонове см. в статье, указанной в предыдущем примечании.

²² В 1773 г. им была выполнена крупная работа по написанию икон иконостаса Троицкого собора Троице-Гледенского монастыря г. Великого Устюга.

²³ См. его рисунки в Сийском иконописном подлиннике, изданные Н. П. Покровским (изд. ОЛДП, вып. CVI, CVII, СПб., 1894, 1897).

²⁴ Вполне вероятно, что Иван Погорельский является автором не только Двинской летописи, но и других произведений письменности, которых сохранилось от времени Афанасия не так уж мало. Так, уже А. Голубцов (А. Голубцов. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. Предисловие, стр. XXXII) отметил «много буквально сходного» в Двинской летописи и в приложении к изданному им чиновнику холмогорского Преображенского собора, названному «Выписки вкратце».

Игнатий Грек.²⁵ В XVII в. иконописцы Симон Ушаков и Иосиф Владимиров выступают в качестве авторов трактатов по актуальным для эпохи проблемам живописи.²⁶ Замечательным историческим документом являются «Записки изографа Василия Никитина» (костромского иконописца) 1745 г.²⁷ В Ярославле в конце XVII—первой половине XVIII в. была написана «Повесть о построении и украшении Федоровской церкви»,²⁸ автором которой было также лицо, близкое к среде иконописцев. Эти произведения подобно Двинской летописи представляют несомненный интерес и должны быть привлечены для изучения русского искусства этого времени.

---

²⁵ В. А. Антонова. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 569—572.

²⁶ А. Никольский. Вестник археологии и истории, изд. Имп. археологического института, вып. XX. СПб., 1911; Ф. И. Буслев. Сочинения, т. II, СПб., 1910.

²⁷ Опубликованы в извлечениях В. И. Лествицыным (В. И. Лествицын. Записки изографа Василия Никитина. 1745 год. — Ярославские губернские ведомости, 1882, №№ 17, 18). Рукопись содержит разнообразный исторический и биографический материал об иконописцах и памятниках искусства г. Костромы XVII—XVIII вв.

²⁸ Точное ее название: «Повесть о начале зачатия и поставления первья деревянныя церкви св. Николая Чудотворца, что на Пенье, како и кем добротных жителей и в какие лета нача соизидатися и о явлении и написании и перенесении честного образа пр. богородицы Одигитрии, нарицаемыя Феодоровские...» (Ярославль, 1873).

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции

В марте—апреле 1959 г. я побывал в составе делегации советских историков и архивистов в Швеции, где работал в Государственном архиве г. Стокгольма. В числе многочисленных хранящихся там материалов, важных для изучения истории СССР, представляют интерес некоторые источники по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей в XVII в.

Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника».

В фонде новгородских документов, относящихся к периоду шведской интервенции в России начала XVII в. и вывезенных шведскими оккупантами в 1617 г. в Стокгольм, имеются три судебных дела с интересными подробностями о дьяке Иване Тимофееве.

Иван Тимофеев — один из наиболее ярких писателей начала XVII в., давший в своем «Временнике» интересное изображение событий классово-вой борьбы в России и польско-шведской интервенции в Русском государстве. Биография Тимофеева наиболее полно освещена в книге С. Ф. Платонова.¹ Ряд сведений о Тимофееве сообщает Н. П. Лихачев.²

В последующих исследованиях о Тимофееве П. Г. Васенко,³ И. И. Полосина,⁴ О. А. Державиной⁵ отсутствует материал, который мог бы в какой-либо мере пополнить наши сведения об этом выдающемся публицисте новыми фактами из его биографии.

Новые материалы о Тимофееве, извлеченные из Стокгольмского государственного архива,⁶ позволяют дать более подробное его жизнеописание. Особенно важно то, что эти материалы проливают свет на новгород-

---

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 163—166, 448—449.

² Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, стр. 197—199.

³ П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника». — ЖМНП, 1908, март, стр. 88—121.

⁴ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель и дьяк XVII века. — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. LX, Кафедра истории СССР. М., 1949, стр. 135—192.

⁵ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. М.—Л., 1951.

⁶ На один столбец с материалами о Тимофееве, хранящийся в Стокгольмском государственном архиве, обратил внимание побывавший в 1956 г. в Швеции О. Л. Вайнштейн. Однако в своем отчете о поездке он не раскрывает содержания этого столбца (О. Л. Вайнштейн. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. — Вестник АН СССР. М., 1957, № 1, стр. 84).

ский период жизни Тимофеева, до сих пор являвшийся наиболее темным. Наконец, некоторое значение документы Стокгольмского государственного архива имеют и для исследования творческой истории «Временника» Тимофеева.

В своей челобитной, написанной в 1615 г. на имя шведского королевича Карла-Филиппа и поданной в Новгородской приказной избе боярам Э. К. Горну и князю И. Н. Одоевскому, Тимофеев указывал, что он «у прежних великих государей царей был во многих приказах на Москве у великих дел и зде в Новгороде».⁷ Известно, что в 1598 г. Тимофеев являлся дьяком одного из московских приказов и в этом звании поставил свою подпись на грамоте об избрании царем Бориса Годунова.⁸ Вероятно, в главе «Временника» «О обирании Бориса на царство в Новом Девиче монастыре и о воцарении его» отразились личные впечатления Тимофеева о событиях 1598 г.⁹

В документах 1604—1605 гг. И. Тимофеев упоминается в качестве дьяка приказа Большого прихода. В этой должности ему приходилось общаться с послами и гонцами австрийского императора.¹⁰

В 1605 г. Тимофеев был послан «с нарядом» в большом полку в Брянск против Самозванца.¹¹ В том же году, в царствование Лжедмитрия I, Тимофеев вместе с боярином князем В. К. Черкасским и князем А. В. Хилковым верстал в Туле поместьными и денежными окладами «ефифанцов детей боярских и новиков служилых и неслужилых».¹²

Таким образом, главу «Богопустное на ны царство Ростригино беззаконное» Тимофеев писал как свидетель и участник борьбы Лжедмитрия I с правительством Бориса Годунова, как очевидец событий недолговременного правления Самозванца.

В правление Василия Шуйского Тимофеев находился в Москве в то время, когда к ней подошли войска Болотникова. Рассказывая в своем «Временнике» о том, как «своевернии раби» подняли рать, Тимофеев говорит, что они осадили Москву, царь Василий Шуйский был заперт, как птица в клетке, а вместе с Шуйским пребывал в столице и он, Тимофеев, будучи подобен мухе, но все же выполняя царские повеления.¹³ После того как восставшие крестьяне вынуждены были отступить от Москвы, Тимофеев принял участие в подавлении восстания Болотникова, был в 1607 г. «у наряду» в полках под Калугой¹⁴ и Тулой.¹⁵

⁷ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, слоб. 55.

⁸ ААЭ, т. II. СПб., 1836, стр. 45, 53, № 7.

⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 51, 217.

¹⁰ Памяти дьяку И. Тимофееву о присылке «корма» цесаревым послам, гонцам и т. д. в мае—июне 1604 г.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. II СПб., 1852, стр. 814, 837, 877. Памяти дьяку И. Тимофееву о присылке жалованья и «корма» греческим старцам, крымским гонцам и т. д. в марте 1604 г.—сентябре 1605 г.: Смутное время Московского государства (1604—1613 гг.), вып. 1. Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606) Под ред. Н. В. Рождественского.—ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 18, 47, 169, 193, 258, 260. См. также: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 30—31 (7112—7114 гг.).

¹¹ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М., 1907, стр. 69, 133, 193.

¹² Акты Московского государства, т. I. Под ред. Н. А. Попова, стр. 78, № 44. См. также: ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210, Дела десятен, Епифань, кн. 223.

¹³ Временник Ивана Тимофеева, стр. 113—114, 286—287.

¹⁴ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121), стр. 86, 143.

¹⁵ Там же, стр. 87—88.

Содержащиеся во «Временнике» обвинения «непослушного самовластия рабов» были порождены той острой социальной борьбой, которая непосредственно захватила и Тимофеева.

В 1607 г. Тимофеев получил назначение в качестве дьяка в Новгород,¹⁶ где на воеводстве сидели князь А. П. Куракин и М. И. Татищев, а место дьяка (кроме Тимофеева) занимал также Ефим Телепнев. В дальнейшем имя Тимофеева упоминается в ряде новгородских документов.¹⁷ Во «Временнике» имеются некоторые неясные намеки на то, что отправка Тимофеева в Новгород была вызвана стремлением Василия Шуйского удалить его из Москвы, носила характер опалы. Тимофеев говорит: царь «кроме воля моя взыскания послати мя умилися».¹⁸ Не случайно Тимофеев резко отрицательно относится к Шуйскому, именуя его «самовенчином»¹⁹ и «срамодейственным Василием».²⁰

Положение Тимофеева в Новгороде было нелегким. Он находился в неприязненных отношениях с воеводой М. И. Татищевым, которого в одном случае называет «напраснем в делах и словесех волохишнем лжесиленьти-яром»,²¹ а в другом случае говорит, что это человек «зело прелукав и злохитр».²² Столь же неодобрительны отзывы Тимофеева и о дьяке Ефиме Телепневе, «ниже соскоден злохитрому оному (т. е. Татищеву, — Л. Ч.) во злобных нравех и собеседлив, паче же по лукавству свойствен».²³

В конце 1608 г. в Новгороде произошло восстание, в результате которого М. И. Татищев был убит.²⁴ Иван Тимофеев участвовал, по поручению М. В. Скопина-Шуйского (находившегося в Новгороде для переговоров о военной помощи и для сбора ратных людей), в описи, оценке и продаже конфискованного имущества погибшего воеводы. Соответствующая опись скреплена рукой Тимофеева.²⁵ Весьма отрицательно относясь к Татищеву, Тимофеев в своем «Временнике» (основываясь в значительной мере на материалах собственного расследования) указывает, что имущество убитого воеводы сложилось в большой степени в результате хищений.²⁶

К началу 1610 г. Тимофеев отбыл срок своей службы в Новгороде,²⁷ но не смог выехать оттуда в Москву по обстоятельствам, от его воли не зависящим. Во «Временнике» Тимофеев говорит о своей задержке в следующих выражениях: «Мое же отсюду к преславному граду вспять возвра-

¹⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114, 287.

¹⁷ В марте 1608 г. (ДАИ, т. I. СПб., 1846, стр. 266—269, № 155; ГПБ, Q IV.122, л. 217); в июле 1609 г. (ГПБ, Q IV.122, л. 217); в январе 1610 г. (Акты юридические, СПб., 1838, стр. 227, № 214/VIII) и т. д. Скрепка дьяка И. Тимофеева имеется в Новгородской кабальной книге 1609 (7117) г. (ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная изба, кн. 16 по описи 1958 г.). Последнюю книгу указал мне В. М. Панеях.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114, 287.

¹⁹ Там же, стр. 101, 274.

²⁰ Там же, стр. 121, 296.

²¹ Там же, стр. 101, 273.

²² Там же, стр. 128, 304.

²³ Там же, стр. 129, 304.

²⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, стр. 386—389; С. В. Бахрушин. Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII вв. — В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 233—234; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, стр. 239.

²⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году. — ВОИДР. М., 1850, «Смесь», стр. 16, 21, 23, 32, 33).

²⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 104, 277.

²⁷ В грамоте царя Василия Ивановича, посланной в Новгород в мае 1610 г., в качестве новгородских воевод упоминаются князь И. Н. Большой Одоевский и Р. А. Веьяминов, в качестве дьяков — Чюлок Бартенов и Корнил Иевлев [АЗАК (1865—1866), вып. IV. СПб., 1868, «Материалы», стр. 20—23].

щение, отнюду же преж ми семо исхождение бысть, медленнем zde на долзе закосне скудостию ми возможных к подъятию действ». ²⁸ В переводе О. А. Державиной приведенный текст звучит следующим образом: «А мое возвращение отсюда назад в славный город (Москву), откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых средств». ²⁹ Может быть, такое толкование и правильно. Но можно понимать текст и по-другому. Не исключена возможность, что Тимофеев имеет в виду не недостаток денежных средств, а то, что он не мог действовать свободно, не мог поступить так, как ему хотелось. Тимофеев не пользовался расположением Шуйского, и для последнего, вероятно, был нежелателен его приезд в Москву, особенно если учитывать близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому. Между неожиданной смертью Скопина-Шуйского в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же самое время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь. Молва называла виновником смерти Скопина брата царя — Д. И. Шуйского. ³⁰ Не царь ли Василий Шуйский помешал въезду в Москву Тимофеева, подозреваемого в том, что он слишком тесно связан с М. В. Скопиным-Шуйским?

«Временник» Тимофеева полон восторженных отзывов о Скопине. Тимофеев противопоставляет последнего как храброго и инициативного полководца безвольному Василию Шуйскому. Царь Василий не мог противостоять напору тушинцев на Москву, а Скопин-Шуйский освободил столицу от тушинской осады и самого царя выпустил как птицу из клетки. ³¹ Сравнивая Скопина с Татищевым, Тимофеев замечает, что хотя у них и было одно имя, но первый отличался от второго как свет от тьмы. ³²

Близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому подтверждается материалом одного судебного дела, относящегося к апрелю 1611 г. и хранящегося в Стокгольмском государственном архиве. Из этого дела видно также, что среди лиц, стоявших у власти в Новгороде, была группа, враждебная Тимофееву и стремившаяся его скомпрометировать. Это, очевидно, сторонники убитого М. И. Татищева.

В апреле 1611 г. гость Степан Иголкин заявил в Новгороде боярину И. Н. Большому Одоевскому и дьякам Корнилу Иевлеву и Семейке Самсонову, что, когда в результате новгородского восстания погиб М. И. Татищев, ему, С. Иголкину, поручили быть вместе с И. Тимофеевым «у переписки и у оценки» оставшихся после убитого «опальных животов». Среди них имелись две иконы — «образ Спасов да образ Николы, обложены золотом ... и украшены жемчюги и камением дорогим». При переписи «рухляди» М. И. Татищева дьяк Иван Тимофеев «тех образов смотреть не давал неведомо для чево». В 1611 г. Степану Иголкину было поручено «считать дьяка Петра Третьякова в приходе и в росходе»; во время этой ревизии он ознакомился с книгами, в которых были описаны «образы окладные и неокладные» М. И. Татищева, и установил, что в указанной описи образа Спаса и Николы чудотворца отсутствуют.

Иван Тимофеев, допрошенный по заявлению С. Иголкина, показал: «приказал де ему переписывать ... опальную рухлядь» М. И. Татищева боярин и воевода князь М. В. Скопин-Шуйский; вместе с Тимофеевым «у той переписи были гость Степан Иголкин и иные торговые люди»:

²⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114.

²⁹ Там же, стр. 288.

³⁰ Там же, стр. 135, 312.

³¹ Там же, стр. 136, 313.

³² Там же, стр. 135, 311.

среди описываемой «рухляди» имелись и образа Спаса и Николая чудотворца, отданные, по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, софийскому протопопу Амосу, по словам которого М. И. Татищев «был ему сын духовной, и те де образы приказал ему при себе по своей душе и по своих родителех».

Был допрошен и протопоп Амос. По его словам, М. В. Скопин-Шуйский дал ему оба образа, «поедучи из Новагорода», а затем прислал ему с дороги, из Александровой слободы, записку, в которой требовал возвращения образов, и протопоп «те образы послал к нему с человеком своим с Феткою».

По ознакомлению с «грамотой» М. В. Скопина-Шуйского протопопу Амосу воевода И. Н. Большой Одоевский и дьяки установили, что там содержалась просьба о присылке «рухляди». Поэтому они выразили сомнения, действительно ли имелись в виду в письме Скопина образа: «и в той грамоте про те образы не объявилось ничево, а написано в грамоте о рухляди, и толко б те образы были посланы к боярину ко князю Михайлу Васильевичу, и о тех бы образех отписано было имянно, потому что то вещи царственные, а не простое дело и не рухлядь».

По предписанию воеводы и дьяков на дворе протопопа Амоса, в присутствии торговых людей и уличных старост, был произведен обыск, во время которого обнаружены образа Спаса и Николая чудотворца. После этого протопоп Амос заявил: «в том он виноват, что он в тех образех записался сперва, про те образы не сказал правды, а не сказал деи потому, что хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог пожалует».

Согласно приговору, вынесенному по делу дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса, они были признаны виновными в утайке образов. В частности, Тимофеев обвинялся в том, что при переписи имущества М. И. Татищева «он гостю Степану Иголкину и торговым людям тех образов не показывал, а сказал, что тех образов смотреть ненадобно, те де образы царственные вещи, и показать де их не уметь». В приговоре высказывалось недоверие к утверждению Тимофеева о том, что он отдал образа протопопу Амосу по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, так как «пометы боярина князя Михайла Васильевича о тех образех об отдаче не сыскано, а боярин князь Михайло Васильевич и не в таких великих делах на челобитных помечал своею рукою». Было решено доправить на И. Тимофеева и протопопе Амосе «против тех образов цены по сту по семидесят по три рубли и по дватцати по пяти алтын». Дьяк и протопоп были даны «на крепкие поруки з записми, что им в тех пенных денгах ставитца на правезе», а образы решили «поставити в церкви в Софiei премудрости божи до указу».³³

В рассмотренном деле очень много интересного. Оно свидетельствует о близости М. В. Скопина-Шуйского к Тимофееву и протопопу Амосу. Не случайно через Тимофеева Скопин передает образа протопопу, а затем уже, уехав из Новгорода к Москве, осведомляет Амоса о себе и о своих делах. «Грамота» Скопина Амосу 1610 г. написана в дружественном, интимном тоне: «Господину протопопу Амосу Ивановичю Михайло Шуйской челом бьет. Пожалуй, господине, вели ко мне писати о своем здоровье, как тебя бог милует. А похочешь ведати про меня, и я в Олександровской слободе ноябр» по 21 день жив. Да что ты, господине, прислал ко мне мои рухляди с Онтоном с Выповским, и ту мою рухлядь Онтон ко мне привез всю сполна. А я тебе, господину своему, челом бью». Через Амоса, ве-

³³ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, табл. 202.

роятно, Скопин-Шуйский поддерживал связь и с Тимофеевым, держал его в курсе своего похода.

В апреле 1611 г. противники И. Тимофеева, вероятно, как уже говорилось выше, из числа лиц, когда-то связанных с М. И. Татищевым, свели с дьяком свои счеты, предъявив ему обвинение в преступлении, бывшем на грани хищения и проступка, свидетельствующего о политической неблагонадежности. Впоследствии сам Тимофеев рассказывал, что его привлекли к ответу по челобитью И. Н. Большого Одоевского, а дело велось дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, которые «ему были недрузи».³⁴

Указание в деле на то, что «те де образы царственные вещи», заявление протопопа Амоса, что он «хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог даст», — все это свидетельствует о каких-то политических планах, возможно, объединявших Скопина, Тимофеева, Амоса, — планах, очевидно, враждебных В. Шуйскому. Вероятно, в глазах и Тимофеева, и Амоса М. В. Скопин-Шуйский в 1610 г. рассматривался как кандидат на царский престол.

Но почему дело о Тимофееве и утаенных им образах было поднято в 1611 г., через год после смерти Скопина, когда вопрос о нем как возможном претенденте на занятие трона уже утратил свою актуальность? По всей вероятности, попытка скомпрометировать Тимофеева стоит в какой-то связи с политической борьбой, происходившей в Новгороде в это время. 2 июня 1611 г. в Новгороде был получен приговор первого Ополчения об избрании в русские цари шведского королевича, сына короля Карла IX.³⁵ Тимофеев, судя по всему, не был сторонником идеи водворения на русском престоле в качестве правителя представителя другой страны и чужой династии. Он был глубоко опечален «вселением во царство насилования главоохлехных и во стране земля Новоградская от немотующих Фриг таковожде».³⁶ В то же время гость Степан Иголкин, выдвинувший в апреле 1611 г. (еще до того времени, когда было получено решение Ополчения об избрании шведского королевича) обвинение против Тимофеева, в дальнейшем, в декабре 1611 г., был послан (в составе новгородского посольства) в Швецию для переговоров по вопросу о занятии шведским королевичем русского трона.³⁷ С ним же вместе отправился и подьячий Петр Третьяков. А дело, возбужденное против Тимофеева, началось с того, что в книгах П. Третьякова были обнаружены образа Михаила Татищева, затем попавшие (якобы через Тимофеева) к протопопу Амосу. Расстановка сил как будто ясная. С одной стороны, сторонники, с другой — противники признания власти шведского правителя. В этой связи приобретает и особый смысл заявление Амоса о желании вести находившиеся у него образа в Москву для передачи их «государю, ково нам бог пожалует». Имеется в виду, по всей видимости, русский царь, говоря словами Тимофеева, «одушевленный по всему образу божию властию и страхом, богоприставленный нам во всей жизни во утвержение и управленне обще наше».³⁸

³⁴ Там же, стлб. 55.

³⁵ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.) Юрьев, 1913, стр. 8—11; И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения. — Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института, вып. IV, Кафедра общественных наук, 1949, стр. 194.

³⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 162, 340.

³⁷ ДАИ, т. I, стр. 283—285, № 162; Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 21—23.

³⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 106, 279.

Какова же дальнейшая судьба Тимофеева? Уже с 1610 г., в условиях иностранной интервенции в России, находившийся в Новгороде Тимофеев был отрезан от Москвы. Рассказывая о свержении и пленении Василия Шуйского, Тимофеев оговаривается, что он не был достаточно осведомлен об этих фактах («о всех сих быхом зде от плена яко во мраце внутри стен неведени затворени») и излагает их по слухам, доходившим до него случайно, как бы по воздуху через стены («яко по аеру чрез забрала»).³⁹ При описании событий, связанных с походом Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, Тимофеев также замечает: «о них же, иже тамо бывших, мы зде затворении ясне подробну к сказанию не доволени».⁴⁰

Изоляция Тимофеева усугубилась тем, что в июле 1611 г. Новгород был захвачен шведскими войсками. Находившийся в Новгороде с апреля 1611 г. для переговоров со шведами присланный из-под Москвы воевода В. И. Бутурлин бежал, бросив город.⁴¹ Рассказывая во «Временнике» о своем новгородском «пленении», Тимофеев образно говорит, что вследствие шведской оккупации его нога увязла в Новгороде, как в сети; господство иноземцев давило его, как обвиняемая вокруг шеи железная цепь, служившая преградой на пути к освобождению.⁴²

Как известно, шведские интервенты, захватив Новгород, оформили 25 июля договор с новгородскими властями, сдавшими город неприятелю. Согласно договору, «Новгородское государство» переходило под покровительство шведского короля, который должен был прислать в качестве царя на Русь одного из своих сыновей — Густава-Адольфа или Карла-Филиппа. В качестве участников договора с русской стороны в его тексте были названы митрополит Исидор, архимандриты, игумены, боярин и воевода князь И. Н. Большой Одоевский, бояре, дворяне, дьяки, дети боярские, стрелецкие и казацкие головы и атаманы, казаки, стрельцы, различные ратные люди, гости и пятиконецкие старосты, разные торговые люди, иногородние и иноземные купцы. Условно в договоре ставился вопрос о переходе под власть Швеции не только Новгорода, но и всего Русского («Владимирского и Московского») государства.⁴³ Хотя новгородские власти и ссылались на то, что договор со Швецией составлен от лица широких слоев новгородского общества, в действительности его оформление было делом незначительной группы лиц, стоявших во главе управления Новгородом. Народные массы не были довольны действиями своих властей и вели борьбу со шведскими оккупантами (главным образом в форме широкого партизанского движения).

Во «Временнике» имеются некоторые сведения о позиции, занятой И. Тимофеевым ко времени вступления шведов в Новгород. П. Г. Васенко убедительно доказал, что имеющийся во «Временнике» текст, озаглавленный «О крестном целовании королевичю Владиславу», в действительности посвящен событиям в Новгороде накануне и в период занятия его шведами.⁴⁴ Само изложение ведется от лица Новгорода. В тексте говорится, что в момент пленения города «еллинами» (шведами) «неким самопис-

³⁹ Там же, стр. 106, 279.

⁴⁰ Там же, стр. 103.

⁴¹ И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 г. ..., стр. 185, Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 18.

⁴² Временник Ивана Тимофеева, стр. 114—115, 288.

⁴³ Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. — Сборник Новгородского общества любителей древностей, вып. V. Новгород, 1911, стр. 3—11; СГД, т. II. М., 1819, стр. 553—563, № 264.

⁴⁴ П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», стр. 89—90, прим. 2.

чием» (ему же имя «благодать», т. е. Иоанн), по поручению святителя и первого вельможи, было составлено «написание в хартиях» «к инославным ... клятвам». Речь, вероятно, идет о написании дьяком Иваном Тимофеевым, по поручению митрополита Исидора и боярина князя И. Н. Одоевского, какого-то проекта новгородско-шведского договора. «Написание в хартиях» Тимофеева было весьма «благословно» и «полезно» для новгородцев, но два «властолюбца», желая угодить «варварам» и тем упрочить свое положение, добиться «тленных благ», уничтожили его письмо, составив другое, по «хотению» врагов.⁴⁵

Участие Тимофеева в составлении чернового проекта новгородско-шведского договора весьма возможно. Такого рода черновые проекты существовали, и один из них (неизвестно кем составленный) дошел до нас.⁴⁶ Он найден «на полатях св. Софии», т. е. в резиденции новгородского митрополита, и, следовательно, имеет какое-то отношение к деятельности последнего. А судя по рассказу Тимофеева, его «написание в хартиях» было подготовлено согласно указанию новгородского митрополита Исидора. Правда, Тимофеев говорит об уничтожении этого «написания» двумя «властолюбцами», но речь идет, очевидно, лишь о том, что его тексту не был придан характер официального документа, отражающего точку зрения новгородских властей. Черновая же запись могла и уцелеть. Может быть, данная запись принадлежит Тимофееву?

Конечно, это лишь гипотеза, которая никак не может быть доказана и на которой вряд ли следует особенно и настаивать. Но несомненно, что указанный черновик отражал интересы каких-то широких, патриотически настроенных слоев новгородского общества, хотя и вынужденных принять в Новгород шведскую военную силу, но не желавших упрочения шведского господства и стремившихся лишь использовать шведов в борьбе с польско-литовскими интервентами. Таковую же позицию лишь вынужденного признания «иноверных», в угоду которым, однако, не должны быть преданы национальные интересы, занимал, судя по высказываниям во «Временнике», и Тимофеев.

Сравнивая текст новгородско-шведского договора 25 июля 1611 г. с вышеуказанным черновым проектом, мы можем сразу уловить существенные между ними расхождения в условиях. В первом документе шведские интервенты диктуют новгородцам свою волю. В нем говорится, что «по божескому провидению и согласию могущественного и высокороджденного короля Карла» главный военачальник фельдмаршал Я. П. Делагарди «взял штурмом крепость вместе с городом (Новгородом, — Л. Ч.) и хотел даже завоевать каменную крепость (Кремль, — Л. Ч.)», но «ради спасения христиан, дабы не проливать более христианской крови», пошел на уступки новгородцам, согласившимся предаться покровительству «Шведской короны». Далее в тексте идет пункт, по которому русским царем должен стать один из сыновей шведского короля Карла IX, а «всякого рода русские люди» согласны перейти под «управление» «Шведской короны».⁴⁷

Ничего подобного нет в черновом проекте. Там речь идет лишь о союзе («соединенье») «Московского и Новгородского государств» со «Свейским государством», о совместной борьбе «против польских и литовских людей» и об уступке Новгородом Швеции «за почесть» Заонежских поговостов.⁴⁸

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева, стр. 153—154, 331—332.

⁴⁶ ААЭ, т. II, стр. 317—318, № 187.

⁴⁷ Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр. 3—4

⁴⁸ ААЭ, т. II, стр. 317—318.

Следствием захвата шведами Новгорода, по словам Тимофеева, было разорение церквей и обителей, расхищение городской казны и имущества жителей, выколачивание на правееже из новгородцев денег, увоз в Швецию всех артиллерийских орудий, посредством которых оборонялся город. Все, что пишет Тимофеев, подтверждается документальным материалом.⁴⁹

Описывая во «Временнике» годы господства в Новгороде шведских интервентов (1611—1616 гг.), Тимофеев указывает, что в это время далеко не всем русским людям жилось одинаково («не бяху же во всех равнии вси иже в плену объята»). Одни нищенствовали, другие упивались богатством, и «бысть им таковой плен лучши свободнаго всяко жития». Бедность бедняков резко контрастировала с румянцем на лицах разбогатевших при шведах людей. Между теми и другими не было ничего общего («несогласно же бяхе житие обоих и много имут между себе разстояние разньства»). Первые страдали от ига захватчиков. Вторые, приспешники интервентов, желали продолжения их господства. Тимофеев осуждает тех, кто действовал рука об руку с интервентами, пользовался их милостями. Люди, «душами же возжени и сердцы горяху приложением ко елином», — это изменники. Они творили раскол в обществе «за скорое суетия обогащение и своя чести» от шведов.⁵⁰

Во всех этих рассуждениях отразилось в значительной мере пережитое самим Тимофеевым. Это видно из некоторых документов, относящихся к Тимофееву. Сохранилась его челобитная на имя Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского, поданная примерно через месяц после взятия шведами Новгорода, 25 декабря 1611 г. Челобитная эта еще не была использована в литературе, хотя на нее дана ссылка в исследовании С. Ф. Платонова.⁵¹ Тимофеев просил записать за ним его «человека крепостного» Ермачка, пропавшего «без вести» «в новгородское взятие», а затем вернувшегося обратно. «И чаял я тово своево человека в приступ убита», — пишет Тимофеев. Но оказалось, что Ермачка «збрел из Новгорода в новгородское взятие с оторопу с ыными людьми» в Ярославский уезд «ко племяни» и, между прочим, побывал в костромском поместье Тимофеева. Оказалось, что это поместье «отдано ис-под Москвы иному помещику». «И тово моево человека, — указывает Тимофеев в челобитной, — новой помещик выбил вон», после чего Ермачка «кормился по иным городом, а ко мне по ся места не шол, про меня проведывал, што жив ли я, и как про меня допряма проведал, што жив, и пришол ко мне назад в Новгород».⁵²

Из челобитной видно, что материальное положение Тимофеева после «новгородского взятия» было весьма неустойчивым. Лишившийся своего костромского поместья, он, как увидим ниже, не имел земельных владений и в Новгороде. Не ясно, занимал ли Тимофеев в это время какое-либо официальное служебное положение при шведском правительстве. В челобитной он не называет себя дьяком и не указывает на какую-либо иную должность, им исполняемую.

Следующая челобитная Тимофеева (сохранившаяся в новгородских делах Стокгольмского государственного архива) была подана Я. П. Дела-

⁴⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 115, 288.

⁵⁰ Там же, стр. 120, 294—295.

⁵¹ С. Ф. Платонов Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, стр. 448 прим. 10. — Благодаря любезности В. М. Панеяха я получил фотокопию с этой челобитной.

⁵² Архив ЛОИИ, Коллекция актов П. М. Строева, № 89. См. также М. Г. Курдюмов Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии Акты П. М. Строева. — ЛЗАК (1906), вып. XIX. СПб., 1908, стр. 171—172, № 89.

гарди и князю И. Н. Большому Одоевскому 24 июля 1614 г. Она составлена на имя номинального правителя «Новгородского государства», сына шведского короля Карла IX, «государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича». В приказной выписке по этому делу Иван Тимофеев именуется дьяком. Называя себя в челобитной человеком «беспоместным, непожалованным», Тимофеев просил его «пожаловать рожью», оставшейся в поместье уехавшего из Новгорода Григория Павловича Загоскина, в деревне Родионове, «што сеял Григорей», а также что сеяли на земле названного помещика (из четвертого снопа) бобыли Никольского Островского монастыря.

Я. П. Делагарди и князь И. Н. Большой Одоевский, «выслушав диака Ивана Тимофеева челобитья, приговорили ему Ивану Григорьеву рожь, что сеяна к нынешнему ко 122-му году четыре чети, и з бобыльской, что сеяли бобыли Островского монастыря Степанко Иванов с товарищи ис четвертого снопа, для того, что он Иван не пожалован, а у государева дела сидит». Но затем это решение было изменено на основании челобитья Акиньи Михайловны Мякининой, утверждавшей, что бобыли Никольского Островского монастыря сеяли рожь на ее земле, а не на земле Г. П. Загоскина. По вторичном рассмотрении дела был вынесен приговор о передаче Тимофееву только ржи, посеянной Г. П. Загоскиным на четырех четвертях земли, бобыльская же рожь была отдана А. М. Мякининой.⁵³

Итак, в 1614 г. Иван Тимофеев находился на государственной службе в Новгороде при шведском правительстве. В своем «Временнике» Тимофеев с горечью говорит, что хотя он и другие русские люди, верные родине, во время шведской оккупации оставались на родной земле («еже на своеверне месте земля толико мучения пребыхом время»), но работать они должны были под игом чужеземцев («но работа чюжаго»)⁵⁴.

Материальное положение Тимофеева было тяжелым, и его никак нельзя причислить к лицам, «овы же в богатствах упиваются излишествующе, и бысть им таковой плен лучши свободнаго всяко жития, ибо в жизнь богаторадостну им ее бываше».⁵⁵

Политическое положение Новгорода было в это время не вполне определенным. В нем господствовали интервенты, но вопрос о верховном правителе не был решен. В 1611 г. умер шведский король Карл IX. Его сын и преемник Густав-Адольф вначале хотел сам занять русский престол, а затем решил предоставить его своему брату Карлу-Филиппу. В середине 1613 г. последний выехал в Россию и прибыл в Выборг, откуда вел переговоры с Москвой и Новгородом. После того как Карлу-Филиппу стало известно об избрании на русский престол Михаила Федоровича, он в начале 1614 г. уехал обратно в Швецию.

Тогда шведские власти в Новгороде снова подняли вопрос о присяге новгородцев королю Густаву-Адольфу. Их принуждали к этому фельдмаршал Делагарди, сменивший его в конце 1614 г. в Новгороде фельдмаршал Эверт Горн, секретарь Монс Мортенссон (Монша Мартынович).⁵⁶ Новгородцы в своей значительной части оказывали сопротивление. Ко второй половине 1614 г. относится челобитная Густаву-Адольфу от новгородского населения о непринуждении его к присяге, ввиду того что оно приносило ее брату короля Карлу-Филиппу. Челобитная составлена от имени митрополита Исидора, архимандритов, игуменов, протопопов, по-

⁵³ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, слб. 139.

⁵⁴ Временник Ивана Тимофеева, стр. 119—120.

⁵⁵ Там же, стр. 120.

⁵⁶ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 24—25, 32, 34, 35, 118, 124, 126—127, 131—135, 139.

пов, освященного собора, боярина и воеводы И. Н. Большого Одоевского, дворян, дьяков, детей боярских, приказных людей, гостей, пятиконецких старост, торговых посадских и всяких чинов жилецких людей. Челобитная подписана четырьмя дьяками, в том числе Иваном Тимофеевым.⁵⁷

В связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Новгороде к 1615 г., надо рассматривать и новое судебное дело, возбужденное против Тимофеева в марте этого года и разбиравшееся Э. К. Горном и И. Н. Большим Одоевским. Его поднял дьяк Пятой Григорьев. Он указывал в своей челобитной, что в 1613—1614 гг. по приказу Я. П. Делагарди И. Тимофеев должен был запечатать в Дворцовом приказе «коробьи, и ящики, и ларцы, и сундуки с книгами и со всякими делы и з денгами» и «подьячих во всякой государеве казне счести». Тимофеев велел быть при себе «у щету» подьячему Н. Коптеву «и коробью его со всеми делами и з денгами взял с ним к себе ж». Когда Коптев закончил свою работу, Тимофеев отпустил его в деревню, где его захватили «псковские шиши и свели во Псков». После этого Пятой Григорьев велел проверить приходорасходные книги, которые велись Н. Коптевым, и обнаружил недостаток денег. Указывая в своей челобитной, что Н. Коптев «сидел» у И. Тимофеева, который его и «считал» и «в деревню ево отпустил», Пятой Григорьев просил привлечь Тимофеева к ответственности за растрату.

Вслед за тем Пятой Григорьев подал Э. К. Горну и И. Н. Большому Одоевскому новое «письмо», в котором назвал И. Тимофеева «ведомым вором», в свое время укравшим вместе с протопопом Амосом образа «из опальной... рухляди» М. И. Татищева, а также виновным в разном другом «воровстве» («да и многое ево Иванова воровство в государеве соболиной казне, и в опальных рухлядах, и в государевых в казенных денгах с подьячим со Жданом Медведевым вместе корыстовались и государевы денги меж себя делили, а денег у них меж ими изгибло государевых тысечи с полтрети, то он на себя не объявил, и те денги закрыл»).

Интересно, что, выдвинув ряд обвинений против Тимофеева, Пятой Григорьев вспомнил и про дело 1611 г., про которое он слышал, будучи «у гостя у Степана у Иголкина на подворье, как он Степан поехал в Свено».

По поводу этого дела И. Н. Одоевский, участвовавший в допросе И. Тимофеева в 1615 г., счел нужным довести до сведения Э. К. Горна, что в 1611 г. он начал разыскивать образа своего погибшего в Новгороде шурина М. И. Татищева и, когда эти образа были обнаружены у протопопы Амоса, «сослал» их «к шурьям своим к Москве». Что касается приговора по делу дьяка Тимофеева и протопопы Амоса, то «как де образы у протопопы сыскали, и он де князь Иван Никитич тот приговор и подрал, потому что он князь Иван Никитич был о тех образех челобитчик».

Решение по делу Тимофеева и Амоса 1611 г. было извлечено из «печатной коробьи», запечатанной печатью И. Н. Одоевского, прочитано и водворено обратно.

Про другие свои обвинения («про соболиную казну, и про опальные рухляди, и про денги про пол-3000 рублей») Пятой Григорьев сказал: «написал де он про те дела на Ивана Тимофеева, слыша от людей в розговорах, а он человек приезжей, те дела делались до него». Характерно, что некоторыми своими обвинениями Пятой Григорьев хотел скомпрометировать деятельность Тимофеева в бытность в Новгороде М. В. Скопина-Шуйского. Так, по поводу произведенной якобы растраты денег из государственной казны И. Тимофеевым последний показал: «был де в Новгороде в дияцех Ефим Телепнев да он Иван, и толко де будет Пятой Григорьев

⁵⁷ ДАИ, т II СПб, 1846, стр 43—47, № 21

называет воровством ту статью, что Ждан Медведев учинил при боярине и воеводе при князе Михайле Васильевиче Шуйском, и он де Иван про то скажет: ныне как де приехал в Великий Новгород боярин и воевода князь Михайло Васильевич, а с ним дьяк Сыдавной Васильев, и велели де им делати на приход и на расход свои книги, и подьячей де Ждан Медведев зделав книги, написал в те новые книги в приход и болши полутретых тысяч ноугороддких доходов, а в прежних в приходных в болших книгах те денги в приходе написаны в розных статьях, колко в которой статье каких доходов взято, и про то де он Иван в счете в своем объявил, а не укрыв той статьи».

Приведя на допросах аргументы в пользу своей невинности в тех преступлениях, которые приписывал ему Пятой Григорьев, Иван Тимофеев подал встречную челобитную, обвиняя того в клевете. По словам Тимофеева, когда он произвел по поручению Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского проверку документации, имевшейся в «Боярской избе» и Дворцовом приказе, то выявился «недочет ... государеве казне» и вскрылись «дьячьи и подьяческие наружные вины». Тогда дворцовый дьяк Пятой Григорьев, «рняясь тому ... счету», «счетное дело хотя поставити, штоб их вины не объявились», подал на Тимофеева «письмо бездельное», «которые на них прямые их вины у счету ныне сысканы». Ссылаясь на то, что за годы его многолетних служб «во многих приказах на Москве у великих дел и zde в Новгороде» «воровства ... никакова нигде не бывало», Тимофеев просил дать ему «управу» на Пятого Григорьева, с тем чтобы он «от такова без вины на старость в позоре обезчестен не был».⁵⁸

Предаваясь в своем «Временнике» воспоминаниям о годах, проведенных в «плену» в Новгороде, Тимофеев писал, что он боялся не только интервентов, «иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих», но и их единомышленников из числа русских людей («своеверных»), «иже приседят о нас тайно в ловителях ко еллином». Они действовали вместе со шведскими захватчиками против русских патриотов: «ловят бо и убивают, яко лев во ограде, сице они во дни и в нощи християном душа с телесы неповинныя».⁵⁹ Они были виновниками раскола в обществе («всяко в добрых расколы творяху»). Своя жизнь была для них дороже всего мира («свой живот вмениша паче всего мира»). Они допускали «лукавство» в отношении и «неверных», и «своеверных» и, таким образом, хромали на обе ноги («на обе ноги храмлюще»)⁶⁰.

Говоря о подлых двурушниках и изменниках своего народа, Тимофеев, конечно, имел в виду и Пятого Григорьева. Последний возбудил дело против Тимофеева в тот период, когда в Новгороде все усиливалось недовольство действиями шведов. В апреле 1615 г. (т. е. почти одновременно с делом Тимофеева) Э. К. Горн доносил «из Новгородского кремля» в Швецию королю Густаву-Адольфу об антишведских настроениях новгородцев. Горн указывал в своем донесении: я требовал «от них присяги, какую желает Ваше королевское величество, чтобы Ваше королевское величество еще более могло быть обеспечено насчет их верности. Но большая часть поет свою старую песню, ссылаясь на устное обещание Вашего королевского величества, что кто не хочет быть под защитой Вашего королевского величества и не хочет добровольно присягнуть Вашему королевскому величеству, те могут уехать, куда пожелают: ссылаются и на многое другое».⁶¹ Правда, некоторых новгородских людей шведские интервенты

⁵⁸ Стокгольмский государственный архив Новгородский фонд, слоб 55.

⁵⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр 119, 293.

⁶⁰ Там же, стр 120, 294

⁶¹ Арсеневские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр 48.

«на королевское имя х крестному целованью прельстили», «обещаючи им от короля лготу и денги и золотые».⁶² Но в отношении наиболее непримиримых Горн прибегал к репрессиям и несколько человек, казавшихся наиболее опасными, выслал в Финляндию и Швецию.⁶³

И. Тимофеев принадлежал, судя по всему, к числу людей, не мирившихся со шведским господством, хотя и действовавших в условиях интервенции весьма осторожно. Пятой Григорьев, напротив, был одним из близких к шведским властям лиц, выполнявших ряд их ответственных поручений по сбору налогов с населения и т. д. Его имя постоянно встречается в документах Новгородского архива, относящихся ко времени шведской оккупации Новгорода. Возможно, действовавший нечестно в обращении с попадавшими в его руки казенными денежными средствами, жаждавший на сборах с населения, он испугался ревизии, проводившейся Тимофеевым, и возбудил против него дело с целью его скомпрометировать.

Но, принимая во внимание, что ревизия началась давно, еще в 1613 или в 1614 г., а изветная челобитная Пятого Григорьева относится к марту 1615 г., можно думать, что дело, начатое Пятым Григорьевым против Тимофеева, имело не только узко личные мотивы, а ставило цель его широкой общественно-политической компрометации. Дело Тимофеева вел Э. К. Горн, весьма раздраженный тем, что его попытки добиться присяги от населения на имя Густава-Адольфа не удаются, и искавший виновных. В отношении Тимофеева собрали все обвинения, какие только можно было выкопать. Вспомнили и дело 1611 г., и все распространявшиеся о нем слухи. Чисто политический акцент имело обвинение Пятым Григорьевым Тимофеева в том, что он отпустил подьячего Н. Коптева в деревню, а тот попал в руки псковских «шишей». Тем самым как бы устанавливалась незримая связь самого Тимофеева с «шишами», ведшими партизанскую национально-освободительную борьбу против шведских интервентов.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тимофеев был известен не только в Новгороде, но и в Москве. В феврале 1615 г. в письме Э. К. Горну Джона Мерика (английского дипломатического агента в Москве, бывшего посредником в русско-шведских переговорах) был поставлен вопрос о разрешении вернуться в Москву из Новгорода ряду лиц, в том числе и И. Тимофееву с дочерью.⁶⁴ Письмо Мерика, как указано, датировано февралем 1615 г., а дело по обвинению Тимофеева в разных неблагоприятных поступках разбиралось в Новгороде в марте 1615 г. Нет ли здесь внутренней связи? Может быть, шведские власти боялись отпустить Тимофеева в Москву и старались его опорочить.

В этой связи интересно поднять вопрос: кто эти два «властолюбца», два «тайнотворца», заменившие в свое время «написание в хартиях», т. е. черновой проект новгородско-шведского договора, составленный Тимофеевым, другим текстом, отвечавшим интересам врагов. О. А. Державина считает, что речь идет о М. И. Татищеве и дьяке Е. Телепневе.⁶⁵ Это явно невозможно. Татищева к моменту взятия Новгорода шведами в 1611 г. уже не было в живых. Более вероятно предположение, что Тимофеев имеет в виду дьяков Корнила Ивлева и Семейку Самсонова, которых он называет своими «недругами». Но и данное предположение не подтверждается материалом. Тимофеев говорит, что два «властолюбца», заменившие его

⁶² Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 131.

⁶³ Там же, стр. 139.

⁶⁴ Арсеневские бумаги 1614—1616 гг. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. VI. Новгород, 1915, стр. 13.

⁶⁵ Временник Ивана Тимофеева, стр. 502, прим. 337.

грамоту своею, стали союзниками шведов («враг моих⁶⁶ скорый слагатан и стаинники»), они господствовали в Новгороде беспрерывно в течение шведской интервенции («утвержени без изменения и всяко непремеяеми»), власть их была не меньше власти шведских захватчиков, и они беспрепятственно делали все, что хотели («со враги моими купно во всех мноу згосподствуют, не возбраняеми»).⁶⁷ Под эту характеристику вполне подходят два дьяка: Пятой Григорьев и Семен Лутохин, обладавшие большой полнотой власти в период оккупации Новгорода шведами. Пятой Григорьев в 1615 г. занял активно враждебную позицию в отношении Тимофеева, отличавшегося от него по своим политическим убеждениям и поведению.

Любопытно, как вел себя в деле Тимофеева в 1615 г. князь Большой И. Н. Одоевский. Он явно старался не дать делу хода и по собственной инициативе заявил Э. К. Горну, что обвинения, выдвинутые против Тимофеева в 1611 г., отпали. Такое поведение Одоевского объясняется, конечно, тем, что он понимал, что положение шведов на Руси становится все более шатким и их господство недолговечно. Поэтому он не соглашался и на призыву Густаву-Адольфу.

Возможно, что организованное в 1615 г. дело Тимофеева явилось для Э. К. Горна поводом к отказу в просьбе русского правительства (адресованной через Джона Мерика) отпустить Тимофеева в Москву. Правда, в нашем распоряжении нет никаких сведений о том, как реагировал Горн на письмо Мерика. Но в конце «Временника» имеется загадочная фраза: автор не мог осуществить свою мечту и выбраться из шведского плена в Новгороде («в Новеграде Велицем в тожде междуосбие земное всеградно еллини заплениени быхом, со убегшими же оттуда во иже всего царствия в матере городов угонзнути не возмогахом, богу хотимое нами не соблаговолящу»).⁶⁸ Нет ли в этих словах намек на дело 1615 г., организованное с тем, чтобы не отпустить Тимофея из Новгорода?

Судьба И. Тимофеева после окончания шведской интервенции достаточно выяснена С. Ф. Платоновым. В 1618—1620 гг. он был дьяком в Астрахани,⁶⁹ в 1622—1626 гг. — в Ярославле,⁷⁰ в 1626—1628 гг. — в Нижнем Новгороде.⁷¹

Год смерти Тимофеева неизвестен. В 1628 г. он был еще жив (так как его имя фигурирует в боярской книге 7137 г., т. е. 1628/29 г.).⁷² В боярской книге 7144 г. (1635/36 г.) Тимофеев уже не значится.⁷³ Отсюда С. Ф. Платонов делает вывод, что к указанному времени Тимофеев уже умер.

⁶⁶ Речь идет от лица Новгорода.

⁶⁷ Временник Ивана Тимофеева, стр. 153—154, 321—322.

⁶⁸ Там же, стр. 163, 342.

⁶⁹ Дворцовые разряды, т. I. СПб., 1850, стр. 349, 426, 459 (данные о Тимофееве в Астрахани за 7126—7128 гг.); Книги разрядные по официальным онуч спискам, т. I. СПб., 1853, стр. 544, 663, 720 (те же данные 7126—7128 гг.).

⁷⁰ Книги разрядные... т. I, стр. 868, 923, 1033, 1139, 1245 (данные о Тимофееве в Ярославле 7130—7134 гг.); Дворцовые разряды, т. I, стр. 739 (те же данные 7133 г.).

⁷¹ Книги разрядные... т. I, стр. 1218 (7134 г.); т. II, СПб., 1855, стр. 62 (7136 г.); РИБ, т. II. СПб., 1875, стр. 990, № 223; т. IX, СПб., 1884, стр. 455; Нижегородский летописец. Работа А. С. Гацисского. Нижний Новгород, 1886, стр. 54. (Данные о Тимофееве в Нижнем Новгороде в 7134—7136 гг.)

⁷² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853, стр. 410.

⁷³ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, стр. 166.

*

Новые документы Стокгольмского государственного архива интересны не только потому, что они пополняют наши сведения о биографии И. Тимофеева и помогают лучше понять некоторые высказывания дьяка в его «Временнике», но и потому, что они могут дать дополнительный материал для палеографического анализа рукописи «Временника».

Рукопись «Временника»⁷⁴ написана несколькими почерками: по мнению С. Ф. Платонова — пятью,⁷⁵ по мнению О. А. Державиной — шестью.⁷⁶ Шестой почерк близок ко второму. В силу этой близости между отдельными исследователями и имеются расхождения по вопросу о том, можно ли или нельзя их приписать одному лицу.

И. И. Полосин (вслед за С. Ф. Платоновым) считал, что редактором «Временника» (в сохранившемся списке) был сам Тимофеев, правивший текст дошедшей до нас рукописи.⁷⁷ Это отрицает О. А. Державина. Ее аргументы палеографического характера следующие: 1) филигранные бумаги, на которой написана большая часть «Временника», ведут к 30-м годам XVII в., а некоторые листы бумаги еще более позднего происхождения (филигрань — шут с пятью бубенцами датируется 60-ми годами XVII в.); 2) ни один из почерков, какими написана рукопись «Временника», не совпадает с записью на листе книги десятиен по городу Епифани, которую О. А. Державина считает автографом Тимофеева.

О. А. Державина так представляет себе историю сохранившейся рукописи «Временника». Она была переписана уже после смерти Ивана Тимофеева, в 30-х годах XVII в., с более раннего списка. Переплетена рукопись не была, и тетради сохранялись в разрозненном виде. Некоторые тетради и листы с течением времени пропали, и их пришлось восстанавливать заново. Такое восстановление было произведено в конце 50—начале 60-х годов XVII в., когда с какого-то неизвестного нам списка были вновь переписаны лл. 18—40, 47, 58, 61 (по установившейся в литературе традиции почерк этих листов называется вторым почерком, и как раз на этих листах имеется более поздняя филигрань — шут с пятью бубенцами).

Как полагает О. А. Державина, обращение в 50—60-х годах XVII в. к труду Тимофеева было вызвано тем, что в это время (с 1657 г.) по правительственному поручению велись работы по составлению новой «Степенной книги» и поэтому шли поиски трудов, какие можно было бы использовать в качестве ее источников. В частности, вспомнили и о «Временнике» Тимофеева. О нем говорили гость Матвей Васильев и «купчина» Герасим Дьяков, указывая на то, что списки «Временника» можно найти у князей И. А. Воротынского и А. М. Львова.⁷⁸ Эти данные, считает Державина, объясняют, «каким образом мог быть восстановлен писцом с почерком 2 текст утерянных листов и тетрадей»⁷⁹ «Временника».

Все, что пишет О. А. Державина, весьма правдоподобно. Дают ли что-нибудь для решения поставленной ею проблемы новые документы о Тимофееве? Думаю, что две челобитных Тимофеева из Стокгольмского Государственного архива, а также челобитную из архива ЛОИИ привлечь для изучения этого вопроса следует.

⁷⁴ ГБЛ, № М3737

⁷⁵ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, изд. 2 СПб, 1909, стр. XVI—XVII (РИБ, вып. XIII).

⁷⁶ Временчик Ивана Тимофеева, стр. 418—428

⁷⁷ И. И. Полосин Иван Тимофеев — русский мыслитель и дьяк XVII века, стр. 151.

⁷⁸ С. А. Белокуров О Записном приказе — Сборник «Из духовной жизни московского общества XVII века» М., 1903, стр. 62—63

⁷⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 445—446.

Прежде всего важно установить, представляют ли собой все эти три челобитных (или какие-то из них) автограф Ивана Тимофеева? Почерк первой (по времени) челобитной 1613 г. (из архива ЛОИИ) имеет известное внешнее сходство по своей общей структуре с почерком подписи и заметок Ивана Тимофеева на книге десятиен по городу Елифани 1605 г., считающихся его автографом. Однако, даже принимая во внимание длительный срок (восемь лет), разделяющий два документа (а за этот срок человеческий почерк, несомненно, меняется), никак нельзя предполагать, что документы написаны одним лицом. Бросается в глаза и различие в манере подписываться. Поэтому нельзя признать челобитную 1613 г. автографом Тимофеева.

Очень близки по манере письма челобитные Тимофеева 1614 и 1615 гг. (из Стокгольмского государственного архива). По-видимому, они написаны одним почерком. А это делает весьма заманчивым предположение, что перед нами в обоих случаях автограф Ивана Тимофеева. Но почерк челобитных совсем расходится с почерком заметок на листах книги десятиен по городу Елифани 1605 г. А измениться столь существенно почерк не мог даже за десять лет. Значит, что-либо одно: или неверно предположение О. А. Державиной о том, что заметки на книге десятиен сделаны Тимофеевым, или надо признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. написаны не Тимофеевым. Вероятно, правильное второй вывод. Перед нами и в данном случае не автограф Тимофеева.

Сличая почерк челобитных 1614 и 1615 гг. с почерками «Временника», замечаем известное сходство по манере письма между челобитными и вторым почерком «Временника». В данном случае расхождения могут быть вполне объяснены длительностью срока, разделяющего оба памятника.

Но как объяснить это сходство? Ведь почерк второй «Временника» — самый поздний по времени. Им написан текст на бумаге с филигранью 60-х годов. Ясно, что даже если признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева (что маловероятно), то никак нельзя допустить, что ему же принадлежит почерк второй «Временника». Вряд ли можно думать, что Тимофеев, который уже во времена Бориса Годунова был дьяком, дожил до 60-х годов XVII в.

Но, может быть, заслуживают внимания два других предположения: первое менее вероятное, второе более вероятное. Я уже говорил, что вряд ли челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева. Но если признать их за автограф, то тогда можно допустить, что текст «Временника», написанный вторым почерком, скопирован с текста, сделанного рукою Тимофеева, причем переписчик 60-х годов XVII в. ставил своей задачей не только скопировать оригинал, но и передать манеру письма автора. Повторяю, эта гипотеза не кажется мне особенно удачной. Но отметить такую возможность следует.

Более вероятно другое. Не принадлежит ли почерк второй «Временника» кому-либо из лиц, близких Тимофееву, бывших с ним в Новгороде во время интервенции и писавших от его имени челобитные в 1614 и 1615 гг.? Если это так, тогда станут понятными и некоторые общие черты, имеющиеся в манере письма челобитных и текста «Временника», написанного почерком вторым, и разница в письме, объясняемая изменением почерка писца за весьма большой промежуток времени.

Можно ли думать, что в конце 50-х годов XVII в., когда был поставлен вопрос о составлении новой «Степенной книги», лица, ведавшие этим делом, заинтересовались не только трудом Тимофеева, но и теми, кто вместе с дьяком был в Новгороде, где он писал свой «Временник»? По-моему, это вполне вероятно, если принять во внимание, что Записной

приказ стал работать с 1657 г., а с 1656 г. началась русско-шведская война. Конечно, в эти годы было особенно уместно вспомнить о времени шведской интервенции в Россию, о Тимофееве, который много писал о ее тяжелых последствиях, и постараться найти современников и сподвижников знаменитого дьяка.

Таковы некоторые соображения палеографического и исторического характера по поводу новых документов, относящихся к Тимофееву.

Русские рукописные сборники из собрания И. Г. Спарвенфельда

В рукописном собрании гимназии в г. Вестеросе сохранились четыре сборника на русском языке, принадлежавшие известному шведскому ученому XVII в. Иоганну Габриелю Спарвенфельду.

Спарвенфельд родился в 1655 г. в семье военного, получившего дворянское звание. Он учился в Упсальском университете, где занимался вопросами филологии, истории, права. В 1677—1682 гг. Спарвенфельд совершил ряд путешествий за границу, побывал в Норвегии, Нидерландах, Франции, Италии, Англии, Дании, работал в заграничных библиотеках и архивах, изучал иностранные языки. По свидетельству современников, уже в это время Спарвенфельд хорошо знал русский язык.

По возвращении в конце 1682 г. в Стокгольм Спарвенфельд стал работать в Королевском архиве.

В 1684 г. Спарвенфельд отправился в Москву в составе шведского посольства во главе с Конрадом Гюлленшерном, Ионасом Клингштедтом и Отто Штакельбергом. Сохранился дневник путешествия Спарвенфельда в Россию с описанием Гельсингфорса, Нарвы, Ивангорода, Новгорода, Валдайского монастыря и т. д.

Вначале Спарвенфельд предполагал вернуться в Швецию вместе с посольством через полгода. Но затем он попросил разрешения остаться в России для дальнейшего изучения русского языка и истории. Сохранилась его переписка по этому поводу со шведским правительством. Во время своего пребывания в России Спарвенфельд переписывался с начальником Канцелярии иностранных дел Швеции Б. Оксеншерном и шведским резидентом в Париже И. Пальмквистом.

В России Спарвенфельд пробыл три года, проживая главным образом в Москве, но совершая поездки и в различные районы страны. В частности, вместе с Р. Бутенантом он побывал на тульском металлургическом заводе Марселеса. О жизни Спарвенфельда в это время можно судить по его письмам и дневнику.

В России Спарвенфельд поддерживал сношения с жившими там в его время иностранцами: датским посланником К. фон Горном, голландским резидентом И. В. Келлером, лейб-медиком Л. Блюментростом, Патриком Гордоном и др. Из русских людей Спарвенфельд был знаком с князем Лукой Федоровичем Долгоруким, Андреем Артамоновичем Матвеевым и др.

В бытность в России благодаря своим знакомствам и связям Спарвенфельд приобрел ряд рукописей и книг на западноевропейских, восточных и славянских языках. Переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий-Милеску передал Спарвенфельду рукописное описание путешествия в Китай. От казанского воеводы Ивана Ивановича Голицына Спарвенфельд получил «Кронику» Матвея Стрыйковского, от князя Якова Федоровича Долгорукого — Уложение с рукописными комментариями. К числу лиц, снабжавших Спарвенфельда литературой, принадлежал дьяк Семен Дмитриевич Ипполитов.

Большая часть литературы, приобретенной Спарвенфельдом в России, написана на русском языке. По своему содержанию это труды богословского характера, а также работы исторические, генеалогические, филологические.

Занимаясь русским и польским языками, Спарвенфельд почерпнул от грузинского князя Арчела Багратиона ряд сведений о языках армянском, грузинском, сирийском, древнееврейском и др.

В России Спарвенфельд, как было указано, пробыл три года. Обратный путь он совершил через Тверь, Новгород, Псков и в июне 1687 г. вернулся в Стокгольм.

По возвращении в Швецию Спарвенфельд занимался составлением русско-латинского и латино-русского словарей, учебника русского языка,⁸⁰ написанием истории и географии России.

В конце 1688 г. Спарвенфельд отправился в новое путешествие с целью собирания материалов для изучения проблемы происхождения готлов. Он побывал в Брабанте, Любеке, Гамбурге, Амстердаме, Париже и других городах, в период с конца 1689 по конец 1690 гг. объехал Испанию, откуда вывез много книг на языках арабском, китайском, испанском, греческом. Из Испании Спарвенфельд через Париж и Лион проехал в Африку, посетил Алжир, Тунис, затем побывал в Швейцарии и Италии. В Швецию Спарвенфельд вернулся в 1694 г.

В дальнейшем Спарвенфельд служил при шведском королевском дворе в качестве церемониймейстера и занимался научной работой. Умер Спарвенфельд в 1727 г.⁸¹

Имеются данные о том, что в бытность Спарвенфельда в России между ним и русскими происходили недоразумения в связи с тем, что Спарвенфельду приходилось участвовать в русско-шведских переговорах по пограничным делам. Эти недоразумения отражали противоречия, возникавшие между Русским и Шведским государствами. Нельзя сказать, что приезд Спарвенфельда в Россию преследовал чисто культурные цели. Конечно, он имел какие-то задания от своего правительства. Но все же деятельность Спарвенфельда представляет собой интересную страницу в истории развития русско-шведских культурных связей.

Одним из памятников этих связей и являются четыре сборника из рукописного собрания гимназии в г. Вестеросе.⁸²

Все эти сборники представляют собой большие книги (в переплетах), в лист, писанные разными почерками конца XVII в. Водяные знаки главным образом голландской бумаги (львы поддерживают щит с короной, лев в щите, голова шута и т. д.).⁸³

⁸⁰ Во время своего пребывания в России Спарвенфельд передал материалы о русской грамматике чеху-иезуиту Давиду, автору русского букваря для иностранцев. См. статью А. В. Флоровского «Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г.», напечатанную в настоящем томе.

⁸¹ Подробная биография Спарвенфельда дана в книге: J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en Biografi Akademisk Avhandling av C. Vil H. Jacobowsky. Stockholm, 1932. — Благодарю Л. Л. Хорошкевич за помощь в переводе этой книги.

⁸² NN Ad 9, Ad 10, Ad 11, Ad 12. О них см.: Slavica Arasiensia Katalog över Ryska, Polska och Tjeckiska Handskrifter och Tryck från 1500—1600—och 1700—Talen i Stifts och Landsbiblioteket (Tidigare Stifts—och Gymnasiebiblioteket) i Västerås. Av E. Gawrýs och P. Jansson Västerås, 1956. — Детальное описание одного из кодексов (AD 10) принадлежит С. Даю. См.: Codex Ad 10 der Västeråser Gymnasial-Bibliothek von Staffan Dahl Uppsala, 1949. Все четыре сборника были выписаны для меня из Вестероса в Государственный архив в Стокгольм, где я имел возможность с ними детально ознакомиться.

⁸³ Некоторые водяные знаки из рукописи AD 10 опубликованы в названной работе С. Даля (Codex Ad 10 ... von Staffan Dahl, стр. 138—160).

Первый сборник (на 756 страницах)⁸⁴ включает Новгородскую окладную книгу конца XVII в. В ней перечислены различные служилые люди новгородских пятин: городовые, дворовые, выбор, гусары, гусарского строя, копейного строя ротмистры, рейтарского строя, уездные новокрещены, поместные и кормовые, отставные дворяне московские, земцы. Данные относятся к пятинам Обонежской, Деревской, Бежецкой, Вотской, Шелонской.

По листам идет скрепа дьяка Ивана Иванова. В конце текста (на стр. 756) указано, что «справил все пятинны Максимко Протопопов». Список отставных дворян составлен «по смотру ближнего боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Прозоровского». Все эти имена ведут к концу XVII в.

Почему Новгородская окладная книга попала в руки Спарвенфельда — сказать, конечно, трудно. Вряд ли в результате собирания материалов, диктуемого простой любознательностью. Ведь речь в книге идет о военных силах Новгорода, весьма интересовавшего шведов. Вероятно, получив благодаря своим связям в Москве окладную книгу, Спарвенфельд выполнил тем самым поручение шведского правительства — собирать сведения, представляющие интерес в военном отношении.

Второй сборник (Ad 10) заключает 1877 страниц. Содержание его следующее.

Стр. 1—128 (1670 г., декабря 20. — Русский перевод книги: *Antoine de Pluvinel. «Le manège royal»*): Книга лошадиного учения, переведена с французского письма на русский язык в нынешнем во 179-м году декабря в 20 день. Королевская ездная школа господина Плувинелла, королевского величества вышшего конюшева, в которой видети мочно, и как деется о обыкновениях, каким способом кони к езде добре выучить, и все иные, которые к выстроению подлинного рицера надобны суть, все по обыкновению его школы.

Окрашено со многими избранными образцами, которые великим трудением на живо показаны, и то все сызнова прилежно присмотрено и справлено от самага творца.

Печатано в Брушвейку городе 1653-го году, за воспоможением Готфрида Миллера.

Стр. 129—439 («Кроника» Феодосия Софоновича): Кроника з летописцов стародавних, з святого Нестора Печерского и инших, также с кроник полских, о Русии, отколь Русь почалася, и о первых князех русских, и по них дальших наступующих князех, и о их делах, собраная працою иеромонаха Феодосия Софоновича, игумена монастыря Михайловского Золотоверхого Киевского, року от сотворенья света 7180-го, а от Рождества Христова 1672.

Стр. 440—444 пустые.

Стр. 445—447 (1680 г., января 2): Перевод с шертной грамоты, какову дал Мурат-Гирий хан посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову...

Писана в Бакчесареве 1091-го году генваря в 2 день.

Стр. 448—449 (1681 г., марта 22): Перевод с турецкого письма з записи, какову дал посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову в Крыму Мурат-Герей салтан...

Писано месяца матерем во 22 день 1092-го году⁸⁵ во Адрианополи.

⁸⁴ В сборниках дана нумерация не листов, а страниц.

⁸⁵ Здесь, как и в предыдущей статье, в основу летосчисления положена эра хиджры.

Стр. 450—454 (1677 г., декабря 7): Список великого государя з грамоты, какова послана к турскому Магмету салтану столником с Офанасьем Поросукковым в нынешнем во 186 году декабря в 7 день...

Писан государствия нашего во дворе в царствующем велисем граде Москве лета от создания мира 7186-го декабря 7-го числа.

Стр. 454—456 (1678 г., апрель): Ответ. Перевод з грамоты, что писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу турской Магмет салтан с Афанасьем Парасуковым в нынешнем во 186-м году июня в 1 день.

Магмет-салтаново слово...

Пашине поле 186-го году в апреле месяце.

Стр. 456—458 (1678 г. июня 1): Перевод с листа, каков писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу турского Магмета салтана везирь Мустофа паша с Афанасьем Порусоковым в нынешнем во 186-м году июня в 1 день.

Стр. 458—461: Перевод з греческаго писма с листа, каков писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу Деоникий цареградский архиепискуп...

Писано от рождества хрестова 1678-го апреля 1 день.

Стр. 461: Список с листа салтана турского, писан в Чигирин х казаком июля в 7 день 1678 году.

Стр. 461—462: К салтану турскому ответ из Чигирина от козаков.

Стр. 462—463: Список с листа, каков писал турской салтан цесарю Леополдусу.

Стр. 463—465: Список с цесарской грамоты, какова писана ко турскому султану.

Стр. 466—468 пустые.

Стр. 469—475 (1682 г., мая 15): Надворныя пехоты челобитие в бунтовании на Москве.

... Во 190 году мая в 15 день.

Стр. 476—482 пустые.

Стр. 483—545: Вводжение в Космографию и ея части. Перевод с латинского отца Елифания.

Стр. 546—550 пустые.

Стр. 551—593 (1685 г., марта 18—июня 20.—Переписная книга Воскресенского Новоиерусалимского монастыря): Описание великие церкви Воскресенского монастыря Новаго Иерусалима 193-го марта в 18 день, с подлинной переписной книги, по оуказу великих государей переписи Сыскных дел приказу дьяка Бориса Остолопова, а та переписная книга в Воскресенском монастыре в казне за ево дьячею рукою. А тот Воскресенской монастырь и великая церковь строение святейшаго Никона патриарха...

Писано в монастыре Воскресенском лета 7193-го месяца июня в 20 день, верно.

Стр. 594—606 (1685 г., января 15.—Описание царского похода в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь): В лето 7193-го генваря в 15 день великий государь царь и великий князь Иоани Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец и тетка ево государева великая государыня благородная царевна и великая княжна Татяяна Михайловна со благочестивыми царицами и со благородными царевнами, по благому намерению своему, итти соизволиша из царствующаго града Москвы ко освящению великия новозданные каменные церкви во обитель

Новаго Иеросалима живоноснаго Христова Воскресения. А шли болшою Савинскою дорогою на дворцовое свое село Павловское, а из Москвы пошли в час ночи, вечернее и утренее кушанье было в селе Павловском. (Далее описание похода).

На стр. 605: А после их государского походу Государственного Посолского приказу оставлен подьячий Иван Иванов да живописец Карп Иванов, а велено им той великой каменной церкви учинить чертеж и места все описать и измерять подлинно, и подписание списать по местам таково ж, как и в новоосвященной церкви с подобия Иеросалимской церкви строено, и меру всему снять, и что на таблицах подписано и в подписях на колоколах вылито, описать же, и прежней деревяной образец той церкви из Воскресенского монастыря взять и привести к Москве в Государственной Посолской приказ, и тот чертеж подать и образец объявить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну.

На стр. 606: А для сохранения вечного церковных сокровищ сея преславные и дивные великой Воскресенской каменной церкви живоноснаго Христова Воскресения, юже ныне по образу Иерусалимския церкви совершися и освятися, утвари церковной, и сосудов и разной казны прежняго и нынешняго великих государей жалованья и строения святейшаго Никона патриарха налицо досмотрить, также и в книгах хранительной казны старых и новых книг налицо ж осмотра, по указу великих государей, описать оставлен Приказу Сыскных дел дьяк Борис Остолопов. И те отписные книги, и о церковном строении надписание, и чин пришествие их государскому впредь будущим на память родом написав во святей обители, привести к великим государем к Москве и подать в Сыском приказе боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И по тому их государскому указу о сем так учинено.

Стр. 607—614 пустые.

Стр. 615—637 (1681 г., мая 30—июня 17.—Статейный список русского погольштва в Польшу): Розговор, каков имели великого государя его царского величества послы с королевскими сенатори мая в 30 день.

Стр. 637—681 (1669 г.): описание рады и переговоров в Глухове и Глуховские статьи.

Стр. 681—689: Статьи ис челобитья нежинских мещан.

Стр. 689—696: Статьи с челобитья киевских мещан.

Стр. 697—701 пустые.

Стр. 703—868 (псевдо-Аристотелева Проблемата): Книга глаголемая проблемата о прирождении и о ставлении удов человеческих и зверей многих. Разделена суть сия книга в три части.

В первой части вопрошение и отвецание о всех удов прирожденных человеческих и зверей многих.

Во второй части о пицах или ядениях, которыя суть человеку прирожденные и здравы и которыя противны и вредительны. А та часть вторая делится на три части.

Третия часть указывает, что кой уд человеческой нрав являет и прирождение доброе или среднее или непотребное.

Во всех трех частех прочитаючи узриши многия таинственные предивныя и велми удивительныя и пречюдныя богом сотворенныя вещи всякому человеку велми потребныя.

Все три части имеют в себе глав 68, а статей в них 632.

Стр. 869—880: астрологический календарь.

Стр. 885—971 (Притчи Езоп. Русский перевод): Книга глаголемая Езот по руски, а по гречески Стихослов, а еллински вирша, в ней же написашася повести о небесных птицах, и о земных скотех, и о зверех, и о гра-

дех и приводится ко всякому человеку разуму и нраву, притчами сказуются, и о дружбе и о недружбе, и о лести прочитая, иже увест всякий.

На стр. 971: Притча или баснословие Езопа Фрига философа греческаго и баснотворца, приведена быша з греческаго диялекта на словенский язык преводнику Феодором Казьяновым сыном Томвимьским в царствующем граде Москве в лета от создания мира 7116 году октября в 19 день.

Стр. 972—1023: Житие Езопа баснословия и охождение его и его мудрости, како стязался с еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многим царем. Списано от Максима Плавдия.

Стр. 1024—1026 пустые.

Стр. 1027—1221: Превод с Цицерона: Что есть епистолия и откуда речения и о прочих ея именовех.

Стр. 1222 пустая.

Стр. 1223—1314: Алкоран Махметов, учением еретическим жидовским и языческим исполненный, от Когелефа Христова разрушенный, в Чернигове лета 1683-го месяца мая 18 дня в типографии преосвященного в бозе его милости отца Лазаря Барановича православнаго архиепископа черниговскаго, новгородскаго и всего Севера, митрополии Киевской правителя, его благословением чрез честнаго в бозе отца Иоанникия Галятовскаго, архимандрита черниговскаго, елеуцкаго, вселенной явленный.

Стр. 1315—1347 (Симеон Полоцкий. «Комедии»): Комидия или действие еуаγγελския, притчи о блудном сыне бываемое.

Стр. 1348—1350 пустые.

Стр. 1351—1403 (Иоанн Готтфрид Грегорий. «Комедия» об Адаме и Еве): Жалобная комедия.

Стр. 1404—1414 пустые.

Стр. 1415—1460: Иоанн Готтфрид Грегорий. «Комедия» о Иосифе и Пентефрии.

Стр. 1461—1500: Повесть о Аполлоне короле Тирском.

Стр. 1501—1520: Приклад о дивном промысле божии и о почитании святого Григория.

1520—1533: Приклад о гордом цысыри Евиняне.

Стр. 1533—1545: Приклад о хитрости женскои.

Стр. 1545—1563: Приклад о преступлении души.

Стр. 1564 пустая.

Стр. 1565—1706. На стр. 1565: Книга Болшей Чертеж всему Московскому государству: городам и рекам и всяким полевым урочищам во все окрестные государства, в сем Чертеже мера верстами и милми коньскою ездою, колко дней ехать где и водою, то все написано, и мера верстам полжена...

А писана бысть сия книга Чертеж всему Московскому государству Болшой в лета от сотворения света 7178-го году, а от воплощения же бога слова 1671-го индикт декабря в 9 день.

Стр. 1707—1734: Описание Новыя земли, сиречь Сибирского царства и Московского государства, в которое время великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России самодержец, первый Росийского государства христианский царь, походом своим с Московского государства царство Казанское подкопом под Булат реку и царя Казанского Симеона жива взял лета 7061-го, и очеса избости ему повеле, и жити в Звениграде указа за стражею 7081-го году... (*Описание Сибири, Киргизской земли и Китая*).

Стр. 1735—1736 пустые.

Стр. 1737—1740: О поставление великих князей руских на великое княжение святыми бармами и царским венцем, откуда бе и како начаша

ставится. (Сказание о получении Владимиром Мономахом в Константинополе царских регалий).

Стр. 1741—1776: Чин и поставление на великое княжество Росийскаго государства сиречь на царство помазание сие бывает царем.

Стр. 1777—1782: Род государей и великих князей московских. Роспись уделным князем. (Роспись княжеских фамилий).

Стр. 1783—1784 пустые.

Стр. 1785—1814: Родословие великих князей русских (кончая царем Федором Ивановичем).

Стр. 1815—1831: Родословие великих князей черниговских и резанских и муромских, а се об них писание положим. (Далее идет 8 родословных таблиц).

Стр. 1832 пустая.

Стр. 1833—1836: Бога вседержителя предвечным изволением небесных чинов, владычествуеще присносушно державою, вездесущаго и вся провидящаго, божественною благодатию непостижимаго и вседарователнаго. . . Дне възклявшу же солнцу во всей его красоте со великою зрящих лепотою вышня красуется и нижняя мнуют. Солнце пресветлое лице царское увеселяет, сердца всех, мрак отгоняет, мир составляет, суд силен вносит, всказует попечение, творит, щедрит, дает в бою мужественных, творит самым воззрением, словом же одушевляет всяческая. Божество есть во устех царевых. Аще убо рымляне не просвещены суще, не видяще бога истиннаго токмо за благословение.

Стр. 1837—1860: Крест красота вселенне в оок царя славы. Христ по горких муках тыранской забавы, кровию освящен бысть багрянно сияет, чистен на земли и всем небо отверзает.

Аллегория:

Крест когда виноватых казнити уставлен, проклятым стол безчестным всему миру явлен. Безвинну же распяту вины отпадает, с клятвы бо в святость Христос чын переменяет.

Анаграмма:

Крест посреде праведных и грешных мирило, победившим мир святость, грешным мене мило. В судный день небесные померкнут светила. Тогда крест на облацех ж явится свет сила. Волвыню краю стык крестом огражденный, благочестием крепкий впрям благословенный. Много терпишь от врагов, но Христос с тобою. Венец тебе от бога, наш крест с собою. . .

Стр. 1861—1864 пустые.

Стр. 1865—1877 (объяснение к «Чертежу» Сибири, составленное в 1667 г., при тобольском воеводе П. И. Годунове): 176-го ноября в 15 де[нь], по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, збиран сей чертеж в Тоболску за свидетелством всяких чинов людей, которые в Сибирских во всех городах и острогах хто где бывал, и горы, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно. И какие ходы от города до города, да от слободы до слободы, и до которого места, и дороги, и земли, и урочища, и до земель в сколку дней, и сколко езду и верст, и где меж слобод Тоболского уезду построить от приходу воинских людей по висмотру столника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи какие крепости, и по сколку человек в которой крепости посадить драгун в кото-

рой крепости, сколько ходу дней и недель, и степю, и водами ж до Китай, и то писано в чертеже порознь по статьям в кругах. Так же за свидетельству иноземцов и приезжих бухарцов и служилых татар.

Материалы сборника Ad 10 распадаются на несколько групп.⁸⁶ Первую группу материалов составляют памятники, характеризующие внешнеполитические взаимоотношения России в конце XVII в. (отношения русско-украинские, русско-польские, русско-крымские, русско-турецкие и т. д.). Очевидно, Спарвенфельд, может быть выполняя задания шведского правительства, хотел иметь у себя в руках документальные данные, касающиеся международного положения Русского государства.

Ко второй группе памятников, имеющих в сборнике Ad 10, относятся те, которые характеризуют внутреннее состояние Русского государства, его политическую систему. Это челобитная стрельцов 1682 г., «Чин» венчания на царство и другие материалы, которые должны были помочь лучшему знакомству с политическим строем России.

Проявлял Спарвенфельд интерес и к географии России. Отсюда появление в Сборнике Ad 10 «Книги Большому Чертежу», «Описания Новья земли, сиречь Сибирского царства», объяснения к «Чертежу тобольского воеводы Годунова, наконец, описания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

История России освещена в сборнике Спарвенфельда «Кроникой» Сафоновича (характерно внимание со стороны Спарвенфельда к прошлому Украины), княжескими родословными, легендой о добывании Владимиром Мономахом царских регалий и т. д.

Наконец, в сборнике имеется и ряд чисто литературных памятников (главным образом переводных).

Бросается в глаза целеустремленность в подборе материала для сборника Ad 10. В нем мы находим не случайно оказавшиеся в руках Спарвенфельда памятники письменности. Он намеренно собирал то, что могло расширить представления шведского общества о географии, истории России, внутренней и внешней политике Русского государства, наконец, о степени образованности русских людей, о проникновении в Россию литературных произведений из других европейских стран.

В Швеции сборник, подобный Ad 10, конечно, должен был содействовать распространению сведений о России и русско-шведскому культурному сближению.

Третий сборник Спарвенфельда (Ad 11) написан на 1675 страницах.

На стр. 1 имеется надпись: «Сиа книга родословна и степенна Иоанна Гаврила Иванова Спарвенфелта жалование благодетеля и приятеля а. а. с. б. и с. ц. п. а. в Москве лета 1686, 22 авриля». В Каталоге рукописей Вестероской библиотеки сокращенные слова, обозначенные начальными буквами, восстанавливаются так: «А[ндрея] А[ртемоновича] с. б. и с[толника] [у] ц[аря] П[етра] А[лексеевича]».

Если довести расшифровку до конца, то, может быть, следует текст прочитать таким образом: «Сиа книга родословна и степенна Иоанна Гаврила Иванова Спарвенфелта жалование благодетеля и приятеля А[ндрея] А[ртемоновича], с[ына] б[оярина] и с[толника] ц[аря] П[етра] А[лексеевича], в Москве лета 1686, 22 авриля».

Стр. 2 сборника оставлена пустой. На стр. 3 наверху сделана пометка: «Jg. Sparwenfeld».

По стр. 3—129 внизу идет надпись: «Сия книга Иоанна Гаврила Спарвенфелта, шляхты свейскаго, жалование Андрея Артемоновича ко мне

⁸⁶ Попытка классификации этих материалов сделана в вышеуказанной работе С. Даля (Codex Ad 10 ... von Staffan Dahl).

в царствующем граде Москве лета от воплощения бога слова 1686, да будет давшему и стяжателю спасение, мир и благословение от господа бога вседержителя, ему же да будет слава и похвала во веки веком, аминь».

Таким образом, из всех приведенных помет выясняется происхождение сборника Ad 11. Спарвенфельд получил его от А. А. Матвеева.

Содержание сборника таково.

Стр. 3—48 (*Хронограф*): Летописец вкратце.

Стр. 3: Судии Израильтеския. Цари ерусалимския.

Стр. 4: Самарийския цари.

Стр. 10: Сказание о Риме.

Стр. 28: Повесть вкратце полезна о латынех, когда отлучишася от греки святых божия церкви, яко изобретоша себе ереси еже опресночная служити и хулу еже на святого духа, в лето 6286 собор 7.

Стр. 35: О Петре Гугнивом.

Стр. 36: Ведомо же буди и се яко в Гугниваго Петра веруют латыни, (стр. 37) а не во святого Петра, аще ли кто управляет веру латынскую, да будет проклят, да ся не блазнят христиане о вере латынской . . . О царградских царех.

Стр. 49—99: Книга глаголемая родословец великих князей великия Росии от перваго великаго князя Рюрика и по великаго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии самодержца.

Стр. 100 пустая.

Стр. 101—102: История сиречь повестник о епископиях, елики подлежат и послушни суть митрополиту киевскому и всеа Русии.

Стр. 103—108: Родословие русских государей.

Стр. 109—1652: Сказание о святем благочестии русских началодержец и семени их святого и прочих. Книга степенна царскаго родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших, благутверженных скипетродержателей. . .

Стр. 1603—1652: (продолжение «Степенной книги», в состав которого входят места из «Иного сказания» и статей *Хронографа* 1617 г.; ниже дается детализация памятника по главам).

Стр. 1603: Царство государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии.

Стр. 1604: Царство Борисово, его же от сиглитскаго сану рекомаго Годунова.

Стр. 1611: О Ростриге.

Стр. 1613: Царство Феодора Борисовича Годунова.

Стр. 1615: Царство Ростригино, иже лжею от лукаваго взят на ся именованье на царевича князя Димитрия углецкаго.

Стр. 1619: Царство Василия царя по пренарекнованию Шуйскаго.

Стр. 1620: О поставлении патриарха Ермогена.

Стр. 1621: О злом развратнице Петрушке и о прочих мятежниках.

Стр. 1622: О принесении мощей святого мученика царевича Димитрия и о избавлении града Москвы от безбожных мятежников.

Стр. 1624: Паки о победе Василия царя на злыя мятежники и на началнаго их прегордаго разбойника Петрушку.

Стр. 1625: О новоявлшемся развратнице в Тушине, его ж имя нарицашеся дикой вор Тушинской.

Стр. 1627: О мужестве царскаго воеводы князя Михайла Васильевича Скопина.

Стр. 1628: О сонмищи мятежников на царя Василия.

Стр. 1631: О пленении царя Василия, и о смерти его, и о разорении града Москвы.

Стр. 1632: О боярском державстве Московского государства.

Стр. 1633: О Ермогене патриархе и о кончине его.

Стр. 1635: О владении Москвы литовскими людьми и паки о взятии.

Стр. 1636: О Козме Миниче, како поболе о православной христианской¹ вере.

Стр. 1637: О военачалнике искусна во бранех.

Стр. 1638: Царство государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца.

Стр. 1643: О свобожении Великого Новаграда.

Стр. 1645: О свобожении государева отца преосвященнаго Филарета ростовскаго и ярославскаго митрополита.

Стр. 1646: О принесении Христовы срачицы.

Стр. 1651: О пожарах московских.

(Памятник доходит до 1630 г., заканчиваясь известием о рождении у царя Михаила Федоровича дочери Анны).

Стр. 1653—1660 пустые.

Стр. 1661—1668: Родословец великих князей русских, написано вкратце (князья ростовские, тверские, белозерские, смоленские, ярославские и пр.).

Стр. 1669—1675: Род великих князей резанских, и муромских, и пронских.

По своему содержанию сборник Ad 11 более компактен и целеустремлен, чем сборник Ad 10. Его содержание — чисто историческое, причем он включает основные произведения, посвященные всеобщей и русской истории: Хронограф, «Степенную книгу» с продолжением в виде «Иного Сказания», наконец родословцы.

В четвертом сборнике Спарвенфельда (Ad 12) насчитывается 918 страниц. Его содержание таково.

Стр. 1—2 пустые.

Стр. 3 (в рамке на листе): Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о брани и победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того ж царства Казанского. Тщанием Иоанна Спарвенфельта его ж и есть списано на Москве лета от создания мира 7194-го, а от воплощения бога слова 1685-м году.

Стр. 4—6 пустые.

Стр. 7—271 (Казанский летописец): Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того ж царства Казанского, красныя убо и новыя повести сия достоит нам радостно послушати, о христоименитии людие, яко же содеяшася преславная в нашей земли во дни наша.

Стр. 272—278 пустые.

Стр. 279 (в рамке заголовка): Краткое собрание русских дел и вещей или жития неких преждебывших государей московских и всея России, сиречь житие великаго князя Феодора Ивановича, ж[итие] в[еликого] к[нязя] Бориса от синклитскаго сана, рекомаго Годунова, Феодора Борисовича Годунова, ростриги Григория Отрепьева, иже лжею взят на ся именование царевича Димитрия ложнаго, житие Василия Ивановича Шуйского, таже о разорении града Москвы от полаков, о владении в Москве литовских людей, о взятии полаков, литовы и немец в граде кремле, и о царстве Михаила Феодоровича в[сеа] Р[оссии] с[амодержца] и проч., списано повелением Иоанна Г. Спарвенфельта в нынешнем 7194-м году в месяца сентевря.

Стр. 280—286 пустые.

Стр. 287—585 (повесть о «Смуте», озаглавленная на стр. 279; составлена на основе «Сказания» Авраамия Палицына, «Иного сказания», статей

о «Смуте» Хронографа редакции 1617 г.; ниже дается детализация повести по главам).

Стр. 287: Царство государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии.

Стр. 301: О совете митрополита Дионисия московского всеа Русии з бояры и с купецкими людми к государю царю.

Стр. 309: О преставлении государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии.

Стр. 310: Царство Борисово, иже от синклитскаго сану рекомаго Годунова.

Стр. 321: О начале беды всеи России и о гладе велицем, о мору на люди.

Стр. 326: О зачале разбойничества по всей Росии.

Стр. 340: О ростриге Григории и о смерти царя Бориса.

Стр. 358: О второй брани.

Стр. 360: О пленении Комаритския волости от Бориса.

Стр. 361: О приступех Кромь граду Борисовых воевод.

Стр. 362: О укреплении Борисове всенароднаго множества московскаго.

Стр. 364: О смерти царя Бориса.

Стр. 365: Царство Феодора Борисовича Годунова.

Стр. 382: Царство розстриги Григорья Отрепьева, иже лжею взят на ся именованне царевича Димитрия ложнаго.

Стр. 386: О изгнании патриарха Иова московскаго и всеа Русии.

Стр. 392: О сотворении ада на Москве реце Розстриги.

Стр. 401: О совете Розстриги, како бы ему побити московских бояр.

Стр. 403: О смерти Розстригине со злосоветники его.

Стр. 409: Царство Василия царя по приреканию Шуйского и родословие ему.

Стр. 411: О поставле[нь]и Германа патриарха.

Стр. 412: О злом развратнице Петруше и о прочих мятежниках.

Стр. 414: О принесении мощей святаго мученика Димитрия и о избавлении града Москвы от безбожных мятежников.

Стр. 427: Выписка ис целовальной записи.

Стр. 453: Повесть сия есть велми и зело полезна нынешнему роду лукавому, и непокорливому, и отбегшему от божия милости, и уклонишася от заповедей его святых, и падшему в сети дияволя многоразличных.

Стр. 460: О приходе к Москве Смоленския силы и двинских стрелцов.

Стр. 475: О новоявшемся развратнице тишине, имя нарицашеся дикою вор Тушкинской от Северских градов попов сын Матюшка Веревкин.

Стр. 478: О мужестве царьскаго воеводы князя Михаила Васильевича Шуйсково Скопина.

Стр. 481: О приходе к Москве гетмана пана Желтовскаго, и о бою со князем Дмитрием Шуйским, и о приходе паки к Москве ложнаго царика.

Стр. 483: О сонмище мятежников на царя Василия.

Стр. 484: О чудеси бывшем во царство Василия царя.

Стр. 485: Паки ино бысть преславное чудо.

Стр. 486: О пострижении царя Василия.

Стр. 488: О крестном целовании москвичь с поляки.

Стр. 488: О послех.

Стр. 492: Сказание вкратце о разорении царствующаго града Москвы.

Стр. 503: О пленении царя Василья, и о смерти его, и о разорении града Москвы.

Стр. 504: О боярском державстве Московскаго государства.

Стр. 506: О Гермогене патриархе и о кончии его.

Стр. 508: Об владении Москвы литовских людей и паки о взятии ея руским людем.

Стр. 515: О убиении воеводы Прокофья Лапунова.

Стр. 517: О гетмане Хоткеевиче.

Стр. 518: О князе Дмитреи Михайловиче Пожарском, и о Козме Минине, и о приходе их к Москве со множеством воинства.

Стр. 520: О новом лжецаре.

Стр. 535: О взятии обоза и о победе на ли[то]вских люден.

Стр. 539: О явлении чудотворца Сергия во осаде Галасунскому архиепископу Арсению.

Стр. 541: О взятии поляков, и литвы, и немец во граде кремле.

Стр. 546: О избрании благовернаго и благороднаго и великаго государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Руси самодержца и о посте и о молитве всех православных христиан.

Стр. 553: О послании к государю х Костроме с молением и о наречении его царьском.

Стр. 563: О введении государя на превысочайший царский престол Московскаго государства и всеа Русии.

Стр. 566: Сказание о приходе под царствующиим град Москву и[с] Полши королева Жигимонтова сына Владислава со множеством воинства, с полскими, и литовскими людми, и с немцы, и с черкасы, и с рускими изменники, (стр. 567) и с иными многими, а ис-под Москвы прииде под Троицкой Сергиев монастырь, и с московскими послы взем мир, возвратися в Полскую землю.

Стр. 574: Чюдо преподобнаго и богоносного отца нашего Сергия чудотворца о исцелевшем немом и глухом.

Стр. 579: О приходе в монастырь послом Московскаго государства и о миру с королевскими послы.

Стр. 586—592 пустые.

Стр. 593—613: оглавление Нового летописца.

Стр. 615—916: Книга, глаголемая Новой Летописец.

Стр. 917—918 пустые.

В сборнике Ad 12 точно указана дата его составления — 1685 г.

По содержанию сборник является логическим продолжением рукописи Ad 11, включая, как и последняя, произведения исторического характера.

Все четыре сборника, вывезенные Спарвенфельдом из России в Швецию, на наш взгляд, представляют большой интерес не только для освещения вопроса о русско-шведских культурных связях, но и непосредственно для изучения русской истории и литературы XVII в.⁸⁷

⁸ Краткие сведения о некоторых рукописях Вестероской гимназии были даны в «Вестник Европы» (М., 1819, № 10, стр. 121—129)

об этом в 1787 г. Иосифу Добровскому,³ а в 1795 г. давшим и в печати сжатые сведения о нем.⁴ Данная венская книжечка осталась и до настоящего времени единственным известным экземпляром этого любопытного издания (ныне Народная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16). В 1820 г. в обзоре работ по русскому языку, во введении к русской грамматике А. Пухмайера, Добровский упомянул о нисском Букваре 1690 г.⁵ В самом конце XIX в. этой книжкой заинтересовался известный галицко-русский ученый А. С. Петрушевич, воспроизведший предисловие к ней в своих «Дополнениях ко сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год».

И Дурих, и Добровский на основании предисловия в нисском издании пришли к выводу, что автором грамматики был несомненно чех, скорее всего чех-иезуит, использовавший в своей работе известную грамматику Мелетия Смотрицкого. Попытку более точно определить личность составителя Букваря сделал чешский исследователь Фердинанд Менчик в 90-х годах прошлого века. Располагая уже некоторыми фактическими данными о пребывании в Москве в 80-е годы XVII в. чешских иезуитов, он признал составителем грамматики одного из них, а именно Товню Тихавского.⁷ Этот вывод принял на веру и редактор известного сборника документов по истории иезуитской миссии в России В. Дворский,⁸ и исследователь истории русско-чешских отношений в эпоху Петра Великого Ф. Курфюрст.⁹ А между тем заключение Менчика, как это будет показано ниже, не отвечает действительности.¹⁰

Нисский Букварь имеет следующее заглавие: *Exemplar Characteris Moscovitico-Ruthenici Duplicis Bibliici et Usualis. Cum licentia Superiorum. Nissae, typis Christophori Lertz, civitatis Typographi, M DC. XC.* (рис. 1). Имя автора или редактора в книге отсутствует. Однако для решения вопроса об обстоятельствах ее составления и издания имеются вполне определенные указания в предисловии. Тут читаем о том, что автор в 1686 г. отправлялся в Москву по поручению имперской власти в Вене и по решению руководства ордена иезуитов, к которому, очевидно, он и принадлежал. Уже на пути в Москву он всячески старался ради успеха дела познакомиться с русским языком и письмом, разыскивал подходящие книги и сведущих людей. Однако автору пришлось встретиться с рядом трудностей, состоящих в том, что «рутены» издают книги только на собственном языке, без переводов на иные языки или без иноязычных толкований, причем книги у них пишутся и печатаются с применением сокращений (*contractiones*); поэтому только знающий язык может их читать. Автор использовал задержку у Смоленска (в ожидании получения разрешения на въезд в Москву) и здесь при помощи некоего доброго человека озна-

³ Korespondence J Dobrovskeho I Praha, 1895, стр. 79.

⁴ F Durych Bibliotheca slavica I Vindabonoe, 1795, стр. 140—141, 376—377.

⁵ A Puchmajer Lehrgebäude der russischen Sprache Praha, 1820, стр. XVIII и сл.

⁶ А С Петрушевич Дополнения ко сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год Львов, 1891, стр. 707—709.

⁷ Ferd Menčík První mluvnické latinsko-ruská, čechem sestavena Nedelní Listy. — Приложение к газете «Hlas Národa», 1893, 5 февраля.

⁸ В Дворский Чешское предисловие к русскому изданию «Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в.» СПб, 1904, стр. 6 прим. 2.

⁹ Fr Kurfürst K česko-ruským stykům koncem století XVII a počátkem století XVIII Praha, 1935, стр. 12—13, 100, прим. 8.

¹⁰ Действительный редактор нисской брошюры установлен в названных выше monk работах, выводы которых приняты другими исследователями Ср, например: J Vašica Ceske literární baroko Praha 1938, стр. 177; В Havránek, in Co daly naše země Evropě a lidstvu Praha, 1939, стр. 196.

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г

Знакомство с русским языком в странах Западной Европы до самого конца XVII в. было едва ли не исключительно практическим. Русский язык изучали или, вернее, практически усваивали некоторые путешественники, посещавшие Русь, Московскую или Литовско-Польскую, а также торговцы, торговые агенты, дипломаты разных рангов и т. д. От тех времен имеется немало кратких или более обстоятельных русских «разговорников» с торговой или общей разговорной тематикой, имеются записи русского, т. е. кирилловского, алфавита. Но собственно учебники русского письма появляются в Западной Европе не ранее самого конца XVII в. Очевидно, к этому времени совершенно созрела уже потребность в планомерном освоении русской речи и в ознакомлении с основными ее формами и чертами, равно как и с применяемым на Руси письмом. Обычно — и в известном смысле правильно — первым серьезным опытом пойти навстречу этой потребности считается знаменитая «Русская грамматика», изданная в 1696 г. в Оксфорде Лудольфом.

Однако серьезная и широко задуманная грамматика Лудольфа не была первым европейским изданием этого рода. Остается невыясненным вопрос о том, действительно ли перед 1682 г. было издано подобное же пособие, упоминаемое в книге Мартина Липения, — «*Elementa linguae russicae*». Это издание до сих пор не было обнаружено, и нельзя сказать, что оно собою в действительности представляет. Но никаких сомнений не может вызвать иное подобное же издание, именно русский Букварь (по-латыни), изданный в 1690 г. в г. Ниссе в Силезии, т. е. за шесть лет до издания книги Лудольфа. Это был, видимо, действительно первый ныне известный в оригинале русский букварь, предназначенный для ознакомления иностранцев с русским письмом и с начатками русской грамматики. Об этом Букваре в литературе имеются упоминания уже с конца XVIII в., наиболее же подробные сведения о нем были опубликованы мною по-чешски уже в 1939¹ и 1941 гг.² Однако эти сведения, по-видимому, до последнего времени не получили достаточного распространения в русской научной литературе, что и дает мне основание — на этот раз по-русски — представить новую сводку данных о русской грамматике 1690 г.

*

На нисский Букварь впервые было обращено внимание еще в конце XVIII в., когда экземпляр его был обнаружен в Венской придворной библиотеке известным чешским ученым Фортунатом Дурихом, сообщившим

¹ A. Florovsky. *Ruská mlavnice českého jesuity r. 1690*. — *Slovo a Slovesnost*, 1. IV, № 4. Praha, 1939, стр. 239—45.

² A. Florovsky. *Čeští jesuité na Rusi*. Praha, 1941, стр. 172.

комился с рядом русских книг, в том числе и с некой «Азбукой», или «Alphabetarium», благодаря чему приобрел достаточные знания для чтения не только азбуки, но и иных книг. Составителю нисского Букваря помогло при этом знание чешского языка. Чрезвычайно важным для определения его личности является сделанное им в предисловии указание на то, что его старания по изучению русского языка одобрил находившийся как раз в это время в Москве молодой швед-полиглот Спарвенфельд,¹¹ давший автору печатную московскую грамматику для перевода ее на латинский язык. Составитель нисского Букваря не ограничился, однако, простым переводом. Он заново отредактировал грамматику, изложив ее материал в известной

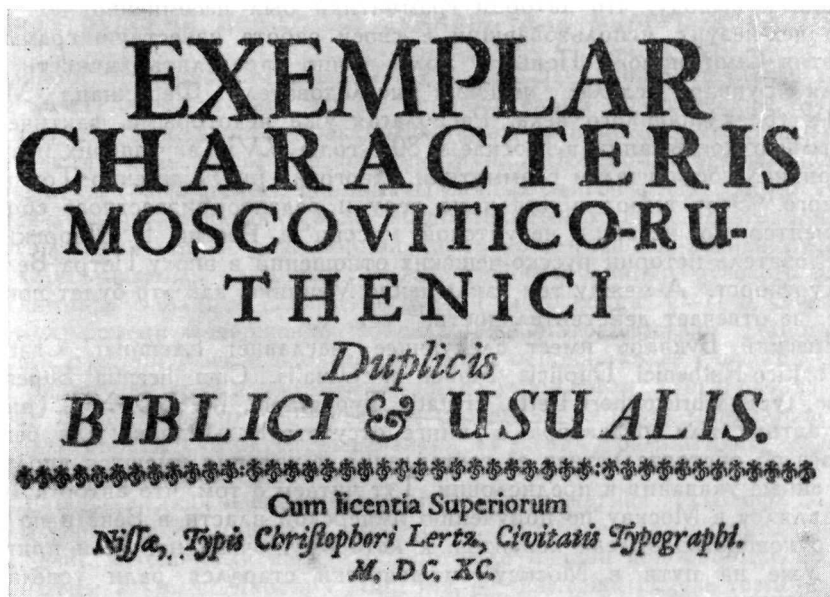

Рис. 1. Заглавный лист «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16).

выборке. Иноземцы, как говорит составитель в своем предисловии, очень просили его опубликовать эту работу для пользования многих. Это и было осуществлено в 1690 г. При этом редактор нисского издания дал в нем образцы письма, употреблявшегося и в Московской Руси, и на Руси в Черкасах (т. е. на юге России), в Валахии или Сербии, в Склавонии, Болгарии, Боснии (см. текст предисловия в Приложении).

Указания предисловия нисского Букваря дают возможность определить время пребывания автора в Москве. Он поехал в Россию в 1686 г. и застал в Москве шведского дипломата и ученого Иоанна Габриеля Спарвенфельда. Последний как член шведской дипломатической миссии жил в Москве

¹¹ См. о нем: С. Н. V. Jacobowsky. J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932; A. Jansen. Die Anfänge der schwedischen Slawistik. — Archiv für Slavische Philologie, XXXIII, 1912, стр. 148 и сл.; Н. М. Петровский. Aualecte metrica. — Русский филологический вестник. Варшава, 1914, т. 71, стр. 534 и сл.; П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. — В сб.: XVIII век. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 67 и сл.

от 1683 до 1687 г.¹² К кому же из работавших в Москве иезуитов, знавших при этом чешский язык, подходят эти данные? Отнюдь не к Товии Тихавскому, так как о нем доподлинно известно, что он приехал в Москву только в феврале 1689 г.,¹³ т. е. уже после отъезда Спарвенфельда. Указания предисловия совпадают с данными о жизни другого чешского иезуита, — Георгия Давида, посланного в Москву как раз в 1686 г., после смерти там иезуита Альберта де Буа.¹⁴ Давид прибыл в Москву в августе 1686 г. и оставался там до 5 сентября 1689 г., когда вместе с Тихавским был выслан из Московского государства и уехал в Польшу, а затем в Силезию.¹⁵

Отметим, что Георгий Давид, член ордена иезуитов с 1664 г., родился в Чехии в 1647 г., работал затем в Моравии, в Брно и Оломоуце, где и учился в иезуитском университете, и уже в 1685 г. был предназначен для отправки в Москву. По изгнании из Москвы он пробыл несколько лет в Силезии и в Кладско, затем в Праге, где в 1713 г. умер во время чумы, обслуживая больных в лазарете.¹⁶

Предположение о том, что именно Георгий Давид был составителем нисского «Экземпляра» подтверждается и другими данными. С именем Давида связано еще несколько интересных литературных работ, посвященных русским темам и свидетельствующих о несомненном знании автором русского языка и его живом интересе к русской культуре.

Еще в Москве Давид выполнил одну важную работу для бельгийских иезуитов; он обработал для них русский «Синаксарь», Месяцеслов, список почитаемых русской церковью святых. Бельгийские иезуиты-болландисты при осуществлении своего плана издания монументальных «Acta Sanctorum» признали нужным учесть и данные русской и греко-славянской агиографии. В поисках подходящего материала и руководства они — через одного из главных редакторов этого издания в конце XVII в., Даниила Паппеброя — обратились в Москву к уже знакомым нам Спарвенфельду и Георгию Давиду. Последние доставили в Брюссель нужный материал, который затем и использовался по мере издания отдельных фолиантов «Acta Sanctorum». Спарвенфельд прислал «Menologium Slavorossicum», Давид в конце 1688 г. — собственноручно написанную тетрадку (13 страниц) календарных записей, озаглавленную им «Соборникъ два на десятиемъ м[есяц]емъ», или «Sobornik dva na desiatem miesicem», «Synaxarium 12 Mensium». В «Acta Sanctorum» встречается ряд прямых ссылок на эти рукописи, причем Давид называется «de museo nostro bene meritus».¹⁷ Я имел возможность — благодаря любезному содействию председателя «Общества болландистов» М. Коенса и администрации Библиотеки в Брюс-

¹² О деятельности Спарвенфельда в Москве см. статью Л. В. Черепнина «Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции», напечатанную в настоящем томе.

¹³ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. VII СПб., 1864, стр. 390—391, 568, Ср.: А. Florovský. Ceští jesuité na Rusi, стр. 135 и сл.

¹⁴ Памятники дипломатических сношений..., т. VII, стр. 545; Д. В. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в Московском государстве XVI—XVIII вв. М., 1887, стр. 347 и прилож. XXXVIII; А. Florovský. Ceští jesuité na Rusi, стр. 133 и сл.

¹⁵ Ср.: J. S. I. Gagarin. Eine unbekannte Urkunde in Bezug auf die Vertreibung der Jesuiten aus Moskau im Jahre 1689 — Russische Studien zur Theologie und Geschichte, II. Münster, 1857; Etudes de Théologie, de Philosophie et d'Histoire, I, 1857, стр. 387—427.

¹⁶ Сводку данных о Давиде см.: А. Florovský. Ceští jesuité na Rusi, стр. 133 и сл., по указателю.

¹⁷ Acta Sanctorum, october, III, 5B и 833F и указатель s. v. David; october, IV, 66C и 253A; october, IX (1869), 405, 490E

селе — познакомиться и с самим рукописным «Синаксарем», писанным рукой Давида; он долго сохранялся в архиве болландистов и ныне находится среди рукописей королевской Брюссельской библиотеки. В ином месте я сообщу об этой любопытной рукописи подробнее.

Вторым литературным трудом Георгия Давида, посвященным русским делам, был служебный отчет об обстоятельствах изгнания иезуитов из Москвы в 1689 г. Давид написал его в пограничном литовском городе Кадине тотчас после переезда московской границы. Эту записку, изданную И. С. Гагариным еще в 1857 г., Георгий Давид использовал в составе своего большого литературного труда «*Status modernus Magnae Russiae. . .*».

Реляция о высылке иезуитов была служебным отчетом Давида и Тихавского. Давид выполнил и еще одно литературное поручение своего начальства. По поручению генерала ордена иезуитов в Риме он в 1689 г. собрал сведения о пути в Китай через Сибирь, что крайне интересовало Рим в связи с вопросом о возможности использования кратчайших путей из Европы в Китай для католических миссионеров. Для выполнения этого поручения Давид вошел в сношения с известным московским переводчиком и путешественником в Китай Н. Спафарием и с бывавшими там торговцами и на основании полученной от них информации составил карту сибирского пути и объяснения к ней.¹⁸

Самая большая работа Давида на русские темы — его книга «*Status Modernus Magnae Russiae. . .*» — вскоре будет целиком опубликована (сведения о ней приведены в моей книге о чешских иезуитах на Руси, изданной в 1941 г.). «*Status modernus*» представляет особый интерес для нас потому, что в этой книге Давид посвятил много внимания вопросам культурной жизни Руси и в приложении привел русские святцы, Месяцеслов, на латинском языке с рядом своих любопытных заметок (эти святцы, впрочем, не во всем совпадают с «Синаксарем» Давида, посланным болландистам). Отметим, что известная нам рукопись «*Status modernus*» не имеет имени автора, однако ее содержание дает вполне достаточные основания считать автором труда Давида; об этом свидетельствует и то обстоятельство, что ряд поправок и вставок в рукописи (написанной рукою переписчика) принадлежат несомненно руке Давида.

Краткая справка о литературных работах Давида рисует его как человека остро и живого интереса к русской действительности и к русской культуре. Несомненно также, что литературное наследство Давида заслуживает того, чтобы имя его заняло более заметное место в кругу писателей о Руси XVII в. А между тем, кроме В. А. Кордта, упомянувшего «*Brevis relatio*» Давида в своем обзоре путешествий по Руси,¹⁹ никто, в сущности, на его сочинениях не останавливался, хотя некоторые рассказы Давида о московских событиях конца XVII в. (о патриархе Никоне, об изгнании иезуитов в 1689 г. и др.) появились в печати — с приведением имени автора — еще при его жизни, в 1704 г.²⁰

Нет никакого сомнения, что Георгий Давид обладал известными познаниями в области русского языка и письма и был подготовлен к тому, чтобы обработать элементарный букварь для интересующихся этим языком и

¹⁸ H. J. Bosmans. Le problème des relations de Verbiest avec la Cour de Russie. Bruges, 1912, стр. 23 и сл. (215 и сл.); А. Флоровский. Cešit' jesuité na Rusi, стр. 302 и сл., стр. 365.

¹⁹ В. Кордт. Чужеземні подорожні по Східній Европі до 1700 р. Кнв., 1926, стр. 154, № 287.

²⁰ I. A. Kulesza. Wiara Prawosławna... Wilnie, 1704, стр. 331, § 63, л. 12, № 2772; стр. 332—333, § 63, л. 14, №№ 2781—2786; стр. 337—339, § 20, №№ 2810—2825; Р. Минцлов. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872, стр. 373—374.

письмом. Когда в 1692 г. Давид попытался получить от римской конгрегации Пропанды назначение куда-либо миссионером, он ссылаясь на свои знания языков чешского, немецкого, итальянского и еврейского (последний он одно время, еще до Москвы, преподавал в Оломоуцком иезуитском университете), а также и на то, что он недурно знает и «славянского» язык («slavonicam linguam»), особенно тот, которым славяне пользуются в церковной практике — при богослужении («eam vel maxime qua Slavones Sacris utantur»).²¹ Но нельзя, конечно, преувеличивать познания Давида. В его русских записях встречаются явные богемизмы. В «Status modernus» Давид постоянно пишет по-чешски «czirkev» вместо русского «церковь», «knez» или «kniezu» вместо «князь», «князья», «cernici» вместо «чернецы», «монахи», «maslnice» вместо «масляница», «chlopski» вместо «холопский» и т. п. Ему иной раз трудно дается латинская транскрипция русских или славянских слов; ср.: «posaczkiia» вместо «посадские», «podjacei» вместо «подьячий», «dworczowi» вместо «дворцовый». Он пишет «Gospody Isuse Christuse (sic!), Boze nas, pomiluj nas», родительный падеж «metropoliti» вместо «митрополита», «Peteric» вместо «Патерик». Все эти ошибки и особенности отражают недостаточно прочное знание живой русской и славянской речи, и едва ли можно в неисправностях записей Давида видеть какую-либо систему. В Букваре Давид принимает несколько иную транскрипцию, чем в «Status modernus»; например, букву «ч» он передает не через чешское «č» (иной раз и «cz»), а через польское «cz», и т. д.

Однако Давид все же настолько знал русское письмо и русскую речь, что мог сделать ряд поправок к действительно ошибочным чтениям, допущенным в майской книге «Acta Sanctorum» при репродукции надписей на иконах. Публикуя здесь свои «Ephemerides Graeco-Moscae», Паппеброхий затруднялся с раскрытием титлов и неправильно читал отдельные слова. Так, например, он принял сокращение «пр» за греческое слово «патёр», в то время как Давид объясняет его как сокращение слова «преподобный»; под 15 сентября Давид вместо «Нидоград» правильно прочел «Новгород» и т. д.²² Слово «Покров», где последняя буква вынесена над строкою, Паппеброхий ошибочно прочитал как «покрад»; Давид установил правильное чтение — не «Покрад», т. е. латинское «furtum», а «Покров» — «protectio»; правильное Давид разделяет слова и т. д.

Кроме заглавного листа и предисловия, нисский Букварь содержит девять гравированных таблиц с образцами «московско-рутенского» письма, примерами склонений и образцами числительных. Таблицы письма (их четыре) предварены особой инструкцией «pro Tabellis Alphabeti» на полторы страницы; специальные инструкции имеются и перед склонениями — «pro Tabellis Declinationum» и перед числительными — «Instructio» о числительных. Все таблицы гравированы, причем указано и имя мастера: на первой таблице полностью «С. Vubigi» (или «-us»?), а на других только «С. В.». Интересно, что в Букваре Давида имеются данные только о существительных, прилагательных и числительных, но нет никаких упоминаний о глаголах, местоимениях, наречиях и пр.

Таблицы Давида с образцами письма представляют ценность для русской палеографии, как отражение состояния русского письма в конце XVII в. По утверждению Давида, «rutheni» и «slavones», т. е. русские и славяне, располагают сорока буквами. При этом Давид различает два их типа — «библейский», т. е. применяемый только в печатных книгах, и «обычный», употребляемый в письме. По наблюдениям Давида, различия

²¹ А. Florovsky. Ruská mlavnice..., стр. 243.

²² Ср. А. Florovský. Čeští jesuité na Rusi, стр. 187.

между этими двумя типами порой якобы настолько велики, что некоторые русские люди знают только один из них и не понимают другого.

Приводя в двух колонках образцы этих двух русских написаний — по несколько примеров для каждого, Давид отмечает, что некоторые русские буквы напоминают буквы алфавита греческого, иные — коптского, а некоторые являются оригинальными. Он делит буквы на гласные (их 10) и согласные; причем среди первых различает «чистые» (*pruae*), звучащие самостоятельно, и «нечистые» (*impruae*), не имеющие собственного звука (тут имеются в виду твердый и мягкий знаки — «ер» и «ерь»). Давид отмечает, что последние «*in nulla lingua habent similitudinem*» и применяются для подчеркивания твердости звука («ер» — как в латинском слове «Titus») или для смягчения его («ерь» — как во втором слоге слова «Titius»); обычно же они употребляются в конце слов, а «ер» и в середине слова («ante vocalem i»). Давид отмечает, далее, в русском языке дифтонги: как в греческом языке — 12 «*prorgiae*» и 14 «*improrgiae*», трифтонги и один «*quadriphongus*», весьма редко употребляющиеся. Остальные «*divisiones*» гласных и согласных являются общими с языками греческим и латинским.

Таблица букв у Давида разделена на четыре столбца: прежде всего приведено написание «библейское» в разных вариантах («а» — в пяти, «ер» — в пяти, «б» — в четырех и т. д.), далее обычное (*profanus*), затем дается «*popen*», т. е. произношение букв (азь — аз, ерь — jer, юсь — jus и т. д.), и, наконец, их звуковое соответствие в латинском языке — (*potestas seu valor in lingua latina etc.*), например еры — *jeri = i molle*; е — э = *e durum* (рис. 2).

По указанию Давида, русские и славяне знают пять склонений (рис. 3), подобно латинянам и грекам, причем к первым четырем склонениям относятся существительные, к пятому — прилагательные. Имеется семь падежей, при двух творительных, подобно чешскому языку («*ut apud Bohemos*»): *instrumentalis et absolutus*. Так же как и греки, русские знают единственное, множественное и двойственное число; в определении рода слов нет отличий от других языков: они различают род «*partim ex significatione, partim ex terminatione*».

При характеристике склонений Давид различает слова первого склонения на «а» и на «я», т. е. мужского и женского рода; далее, слова второго склонения с четырьмя формами окончаний; к третьему склонению отнесены слова женского рода и т. д. В качестве примеров Давид приводит для первого склонения слова «лоза», «овца»; для второго — «клеврёт», «дерево», «йма»; для третьего — «церковь»; для четвертого — «пастырь», «ерей», «злодѣй»; для пятого — по первому классу «святый» (явный чехизм! вместо «святой»), «крепкий», по второму — «божий», «Павлов».

Особо оговаривает Давид русскую практику сокращений — аббревиатур, понятных только тем, кто сколько-нибудь знает язык. Для сокращений Давид отмечает три основных правила: во-первых, опускаемые буквы «*supplentur per appositum superne accentum*»; во-вторых, пропущенная буква, «*superne ponitur*», в-третьих, при пропуске буквы «с» над словом ставится «*accentus circumflexus, qui vocatur slovvo titulo et designat semper omissam litteram s*». Видимо, Давид не представлял себе в полном объеме разнообразия функции титла в русском и славянском письме, ограничивая его роль лишь заменой в письме одной только буквы «с». Впрочем, в своем «Синаксаре» Давид часто применяет титло и в иных случаях соответственно старорусской практике.

Что касается числительных, то Давид прежде всего констатирует, что у русских, как и у греков и евреев, нет особых знаков для чисел, но они пользуются буквами своего алфавита. И далее Давид приводит произно-

TABELLA
Characteris Moscovitico-Ruthenici
Duplicis
Biblici quo in typis utuntur et Usualis
quo scribitur.

<i>Chara- cter Bibli- cus.</i>	<i>Character Usu- alis, profanus, et Communis.</i>	<i>Nomen.</i>	<i>Potestas Seu valor in lingua latina etc.</i>
1 А а	А а А а	азъ азъ.	A. a.
2 Б б	Б б Б б	буки буки.	B. b.
3 В в	В в В в	вѣди вѣди.	v. w.
4 Г г	Г г Г г господи.	глаголь. Glagol. vel Hlahol.	G. g. me- dium inter g. et h.
5 Д д	Д д Д д	добро до. (bro.	D. d. d.
6 Е е	Е е Е е	ѣмъ jest.	E. e.
7 Ж ж	Ж ж Ж ж	живете. живете.	Ž. ž. ?
8 С с	С с С с	слово слово.	S. s. r.
9 З з	З з З з	земля. zemla.	Z. z.

Рис. 2. Образец алфавита из «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16, табл. 1).

шение числительных: «ordinalia: prvi, drugi, tretí, czeturty, piati, schesti, sedmi, osmy, dewaty, desiaty, perviinadeset . . . dwadesaty», «numeralia: pervoi, drugoi, try, czatyry . . . dvanacet, szetrnacet . . . dvanosto, tisische». Нетрудно видеть, что Давид допускает тут целый ряд ошибок, отчасти под влиянием своего родного, чешского, языка («devaty», «dvanacet» и т. п.). Особо outstandingается Давид на объяснении способов обозначения больших чисел: «тьма» (десять тысяч), графически изображаемая — по числу тысяч — буквою «а», «в» и так далее в кружке; далее, сто тысяч обозначается буквою «а» в кружке из точек и т. д.; миллион русские обозначают словом «легион», что графически изображается буквами алфавита в кружке пунктиром и т. д.; десять миллионов называется «вран», десять вранов — «dicitur koloda» и графически изображается условным рисунком колоды. Числа более высокие у русских уже не обозначаются (*ultra quem numerum non proceditur*).

В конечном итоге тот, кто обратился бы к Букварю Давида для ознакомления с начатками русской грамматики, мог, с одной стороны, получить известное представление о русском письме, с другой — представление о некоторых основных особенностях и формах русских склонений и русского счета. Для овладения русской речью этого было, конечно, слишком мало. Давид не сообщал ничего ни о такой основной части речи, как глаголы, ни об особенностях русского словосочетания, ни о русском произношении. Давид действительно дал только самые элементарные сведения для ознакомления с некоторыми сторонами русской речи и письма.

Давид не был, как он сам об этом говорит, самостоятелен в своей работе; он только переработал материал использованных им пособий — какой-то «Azbuk seu Alphabetarium», «grammaticam fusam, sola lingua Ruthenica editam», рекомендованной ему Спарвенфельдом. Уже Дурих в конце XVIII в. догадывался, что тут имеется в виду грамматика Мелетия Смотрицкого, изданная, как известно, впервые в 1618 г. и затем, после нескольких переизданий в Западной Руси, перепечатанная в Москве в 1648 г.²³ Скорее всего именно этим изданием и пользовался Давид. Он критически относился к некоторым сведениям этой грамматики и даже в своих заметках о склонениях смело называл ее полной ошибкой (*mendosa*), путаной (*confusa*) и малопригодной к употреблению. Мы не знаем точно, что не нравилось Г. Давиду в грамматике Смотрицкого и какие именно ошибки или неисправности находил он в ней. Однако сам Давид все же заимствовал основной материал для своего Букваря у Смотрицкого. Он взял из обширной книги Смотрицкого, правда, очень немного в смысле объема, только то, что представлялось ему нужным для введения читателя в круг самых элементарных знаний русского языка и письма. Так, он усвоил от Смотрицкого и число падежей (семь), и число склонений (пять). Во всяком случае в этих пунктах у Давида нет ничего общего с более ранней (1590 г.) грамматикой Зизания Тустановича, указывающего 4 падежа, 10 склонений и т. д.²⁴ Впрочем, в отличие от Смотрицкого Давид относит к первому склонению только слова на «а» и «я», у Смотрицкого же есть еще окончание «и». В большинстве приводимые у Давида примеры склонений имеются и у Смотрицкого, исключения составляют лишь примеры по первому склонению и один пример склонения четвертого — «злодей» вместо «любодей» Смотрицкого. От Смотрицкого взял

²³ А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958, стр. 87, № 206.

²⁴ Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, I. СПб., 1904, стр. 174 и сл.

*Tabella quinta pro Declinatione quinta
Tres habet classes
Pro prima classe et Tertia.*

Nom.	Gen.	Dat.	Acc.	Voc.	Instr.	Ab.
ЛИИ. ЛИ №ОЕ.	ЛГВ.	ОМѢ. ЕМѢ.	АГО. ОЕ.	ЛИИ. ОЕ.	ЛИМЬ.	ЛИМЪ. ОМЪ. ЕМЪ.
<i>Corundem Dualis</i>						
Nom. Ac. Voc.		Gen. et Abl.		Dat. et Instr.		
д		ѣ.		ЛИМА.		
<i>Pluralis.</i>						
Nom.	Gen.	Dat.	Acc.	Voc.	Instr.	Ab.
ИИ. КАА.	ЛИХЪ. et III АТЪ. classe I.	ЛИМЪ.	ЛИА. АА.	Sim Nomi.	ЛИМИ.	ЛИХЪ.
Exem: СВѢТАИИ, sanctus. КРЪКЪИИ, fortis.						
<i>Pro Secunda Classe.</i>						
Nom.	Gen.	Dat.	Acc.	Voc.	Instr.	Ab.
ИИ. №. ЕЕ.	АГВ.	ЕМѢ.	АГО. ЕЕ.	ИИИ. ЕЕ.	ИИМЬ.	ЕМЪ.
ИИМЪ. КАИИО.	НА.	НѢ.	Sim Nomi.	Е. О.	ЛИМЪ.	ИИМЪ.
ОБЪ. ОРО.	РА.	РѢ.	РА. РО.	Sim Nomi.	ЛИМЪ.	ОМЪ.
ЕРЪ. ЕРО.	<i>Similiter ubiq.</i>					
<i>Corundem Dualis.</i>						
Nom. Ac. Voc.		Gen. et Abl.		Dat. et Instr.		
НА. НА. РА.		ИИО. НѢ. РѢ.		ИИМА. ИИМА. et ИИМА. ИИМА.		
<i>Pluralis.</i>						
Nom.	Gen.	Dat.	Acc.	Voc.	Instr.	Abl.
ИИИ. АА. №.	ИИХЪ.	ИИМЪ.	А.	Sim Nomi.	ИИМИ.	ИИХЪ.
ИИИ. ИИА.	ИИХЪ.	ИИМЪ.	ИИИ. ИИА.	ИИИ. ИИА.	ИИМИ.	ИИХЪ.
ИИИ. ИИА.	ИИХЪ.	ИИМЪ.	Sim Nomi.	Sim Nomi.	ИИМИ.	ИИХЪ.
Exem: БОЖИИ, divinus, ПАВЛОБЪ. Paulinus. а. ит.						

G B

Рис. 3. Образец таблицы склонений из «Букваря» Г. Давида 1690 г. (Национальная библиотека в Вене, сигнатура 74, д. 16, табл. 7).

Давид и различие гласных, характеристику знаков «ъ» (*gravis* — толстый) и «ь» (*mollis* — тонкий).

Мы лишены, к сожалению, возможности провести сравнение издания Давида с букварями, издававшимися в Москве в XVII в., — от Букваря Бурцова до «Букваря языка словенского» Симеона Полоцкого.²⁵ Возможно, что кое-что дали Давиду и эти буквари и именно в них мог Давид найти отсутствующие у Смотрицкого сведения о числительных, о сокращениях, материал для алфавита, цифры и т. д.

Букварь Г. Давида не представляет собой, конечно, особенно ценного вклада в изучение русского и славянского языка и письма. Материал этого издания весьма ограниченный и не имеет сколько-нибудь самостоятельного значения. Но несомненно, что Давид изданием своего Букваря содействовал распространению среди интересовавшихся русским языком иностранцев некоторых наблюдений русских грамматиков того времени, прежде всего некоторых грамматических указаний Мелетия Смотрицкого. Насколько широко было распространено издание Давида — сказать нельзя, во всяком случае до нашего времени сохранился лишь один экземпляр этого издания, попавший еще в XVIII в. в придворное книжное венское собрание и благодаря этому спасенный от уничтожения, обычно грозившего тем книжкам учебного характера, которые попадали в руки усердных учеников и школяров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Предисловие

Cum anno 1686 ex Clementissima Caesariae Majestatis resolutione et voluntate Superiorum Moscuam proficiscerer, omnem operam in eo itinere, ut cujus fructum aliquem haberem, impendi, ad linguam illam characterosque noscendos. At vero nusquam reperire potui, a quo vel directionem aliquod, vel libellum, discendi instrumentum, obtinerem. Accedebat etiam difficultas ex eo, quod Rutheni libros suos sua solum modo lingua in lucem edant, nullum alterius linguae addita interpretatione, vel explicatione, multaque per contractiones scribant et imprimant, vix nisi linguae gnaro, legibiles. Donec tandem secundo Smolenscum (nam primo rejectus eram) venissem, ubi hospitium noctus sum, apud virum optimum, religioni nostrae addictissimum. Hic inquam hospes, me subinde addibat (nam decem dierum spatio subsistere debui, donec pro me intromittendo, Moscuam responsum adesset) et levandi taedii causa sermones miscebat, exhibebat et libellos Ruthenicos, inter caeteros Azbuk seu Alphabetarium, a quo lectionem suam tenera aetas auspicatur. Ejus igitur adminiculo, ita intra dies illos profeci, ut non Azbuk solum, sed et alios libellos lectitarem. Cui studio cum deinde Moscuae privatim operam adhiberem, non solum expeditre lepere, sed etiam (linguae Bohemicae subsidio), intelligere didici. Quod meum studium cum approbasset Nobilis Dominus Ioannes Spahrenfeld Suecum, Iuvenis praeclarissimus, et suae gentis spes maxima, plurimarum linguarum peritissimus, qui eo ipso tempore agebat Moscuam, eamque linguam didicit Rutheno pariter, porrexit mihi Grammaticam fusam, sola lingua Ruthenica editam, ut pro meo exercitio eam latinitati donarem. Qua ego perfecta, utilius fore judicavi, si eam in compendiosiores terminos, et clariorem methodum redigerem. Quod etiam, auxiliante bono Deo, brevi praestiti. Hostabantur et rogabant deinde omnes exteri, ut etiam pro eorum usum, publici juris facerem; quod quidem libenter praestitissim,

²⁵ Ср. их перечень: А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках, №№ 103, 108, 275, 310, 318, 328, 357.

si alicubi typum Ruthenicum cum Latino reperire potuissem. Occurrit nunc, ut saltem Alphabetum, et quaedam eo pertinentia sculpi curarem, usibus illorum servitutum, qui olim seu in Magna Russia, Circassia, Walachia, seu Servia, Sclavonia, Bulgaria, Bosnia, pro re Christiana sunt laboraturi, aut inter gentes illas versaturi, cum linguae hujus in plerisque illis regionibus, atem in officiis Ecclesiasticis et libris sit usus.

2. Instructio pro Tabellis Alphabeti

Litteras Rutheni et Slavones habent 40 quarum notitiam, valorem, potestatem ac sonum appositae Tabellae representant.

Observandum, apud Ruthenos duplicem esse characterum Biblicum, ut ita dicam, quo solum in libris utuntur, et Usualem, quem euiam profanum lubet appellare, cujus usus est in scriptis. Est autem tanta utriusque diversitas, un sit multos inter illos ipsos reperire, qui cum norunt biblicum, usualem ignorent et vice versa. Idem est de scriptione: aliqui enim eleganter formant characterem biblicam et ignorant usualem, et e contra.

In prima collumella repraesentatur character Biblicus, in secunda Usualis. Litterae ut apparet, quaedam sunt graecae, quaedam quasi Coptae, quaedam propriae. Litterae dividuntur in vocales et consonantes. Vocales sunt decem. Harum quaedam vocales sunt purae, quod solae sonent, quaedam impurae, quod solae sonum non edant, teles sunt duae num. 29 et 30.

Hae duae vocales propriae sunt hujus linguae, num. 29 posita facit pronuntiationem gravem, qualis apud Latinos prima syllaba Titus. num. 30 mollem, qualis secunda syllaba Titius. Alterutra ponitur semper in fine vocabuli, in consonantem desinentis, quamvis num. 30 posita, etiam in medio locum habeat, ante vocalem i, et cum ea consonantem efficit.

Ex vocabulis fiunt diphtongi, sunt in hoc lingua etiam duplices, ut in graeca, propriae et impropriae. Propriae sunt 12, impropriae 14. Sunt etiam quaedam triphongi, una quodriphongus, sed his immorandum non est, cum lectioni peculiariter non deserviant.

Reliquae divisiones vocalium et consonantium, fere linguae graecae, et latinae sunt communes.

3. Instructio pro Tabellis Declinationum

1. Rutheni et Sclavonem quinque habent Declinationes, uti Latini et Graeci. Ad primas quatuor pertinent Substantiva, ad quintum adjectiva.

2. Casus habent septem, nam Ablativi sunt duo, ut apud Bohemos, instrumentalis et absolutus.

3. Numeros cum Graecis tres, Singularem, Dualem et Pluralem, et inter se multum differentes.

4. Genera nominum sunt linguis caeteris communia. Haec agnoscunt partim ex significatione, partim ex terminatione. Ex significatione agnoscitur, considerando an sit nomen viri, an mulieris etc. Et quoad hoc est paritas cum linguis latina, graeca et caeteris. Quomodo ex terminatione agnoscitur, usus docere debet, existant quaedam regulae, sed fusiores quam ut hic apponantur; aliquid colligi potest ex his quae singulis tabellis praefigenda subjungimus.

Pro Tabella Prima: Primae declinationis nomina duas habent terminationes, a et ia, sic enim illa littera exprimitur, definitia in a, recipiunt genus masculinum, commune et omne; Definitia in ia, sunt tantum faeminina.

Pro Tabella secunda: declinatio secunda, habet 4. terminationes. Definitia numero primo posita sunt generis masculini, vel communis vel omnis: reliqua neutrius. Hoc tamen est notandum, quod accusativus primae terminationis, si ani-

mata sint, desinat in a; si inanimata, similis est nominativo. Reliqua suas habent observationes, brevitatis causa differendas.

Pro Tabella tertia. Declinatio tertia unam habet terminationem, ut patet, et quidem solius generis feminini.

Pro Tabella quarta. Declinatio quarta undecim habet terminationes, prout exprimetur, partim generis masculini, partim communis, et ultimam generis neutrius.

Pro Tabella quinta. Hujus, seu quintae, declinationis sunt adjectiva tantum masculina et neutra, et quidem non abbreviata, vel contracta (nam faeminina et apoco ata pertinent ad praecedentes, juxta terminationem). Qua trium sunt classium: ad primam classem pertinent adjectiva perfecta: ut suatji, suataja, suatoje. Ad secundam patronymica, possessiva etc. ut sinowii, quod ad filium pertinet etc. Ad tertiam, patria et gentilia, quorum masculina desinunt in skii, faeminina in skaja, neutrum in skoe, et per syncopen in sk, ska, sko, ut Rossisskii etc.

Has Tabellas propriam vendico, quas magno labore confeceram, etsi fundamentum aliquo ex dicta fusa grammatica desumpserim, sed valde mendosam, confusam, et pene usui nullius aptam.

Porro usus harum Tabellarum est iste: habita nominativi terminatione, quaero, quomodo desinat genitivus etc. inveno illius terminationem in secunda columella, dativi in tertia et sic deinceps.

Alter ordo exhibet dualem. Tertius pluralem, Atteadi semper debet, ad terminationes: primae enim in nominativo singulati, respondet prima in duali et plurali etc.

А. Э. ЖАВОРОНКОВ

Летописная книга о Тобольске

Среди старинных рукописей Тобольского музея¹ находится летописная книга о событиях в Тобольске с конца XVII в. до 1734 г. Внешне эта любопытная летопись представляет собой очень обветшалую тетрадь небольшого формата, с записями и акварельными рисунками. Тетрадь числится в музее под названием «Запись астрономических явлений разного времени» с иллюстрациями, сделанными от руки. Рукопись середины XVIII в. Заглавные листы отсутствуют, сохранились страницы с 26 по 148.² Имена летописцев и другие сведения об авторстве в книге отсутствуют.

Летописная книга о Тобольске состоит из кратких заметок и рисунков, касающихся разнообразных событий (небесные явления и связанные с ними перемены погоды, городские происшествия, пожары, успехи градостроительства и т. п.). При этом многие события и происшествия поставлены в прямую зависимость от астрономических явлений, объясняются вмешательством небесных сил: проносимая «змием» туча над Иртышом вызывает в городе пожар, гнев божий посылает на землю грозу и т. д. В объяснение тех или иных происшествий составитель летописи вносит указания на небесные знаки и знамения как на проявление божественных или сатанинских сил.

Приведем несколько характерных записей.

«В 7205 [1697] году сентября 10 дня в половине дня поднялся в Тобольске вихорь, сломило крест с колокольни соборной, и то явило архиерея во исступление ума и последовала смерть его». Здесь же помещен рисунок, изображающий человека с разинутым ртом, из которого пышат клубы дыма. «В 1706 году июля 8 числа поднялось солнце и в нем сквозь великое воскурение дыма был виден человек часа два, потом мгла четыре дня воздушная и мгла в Тобольском уезде, и родилось скотуордие» (уродливый скот). Записи сопутствует соответствующий рисунок.

Наряду с рассказами о происшествиях в Тобольске и в его окрестностях приводятся известия понаслышке или в результате чтения «новости» о далеких странах и городах. Интересна в этом отношении следующая запись: «В Тевризе граде видели в воздухе псов образ на престоле сидел и в руке крест держал, а со креста полотене висело. А полоненники шли было на Русь из Царьграда и на пути враны всю плоть их расклевали».

Местами последовательность в расположении хронологических дат нарушается воспоминаниями о событиях и происшествиях, совершавшихся

---

¹ См.: В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 149—158. — Отрывки из этой летописной книги были опубликованы В. И. Малышевым в статье «К истории г. Тобольска XVIII века» (Тобольская правда, 1945, 16 сентября, № 141).

² Архив Тобольского музея, инв. № 11570.

задолго до 1696 г., т. е. до времени возникновения этой летописной книги.

Составители заметок о Тобольске обнаружили хорошее знакомство с древнерусскими летописями и хрониками как московскими, так и сибирскими. Об этом свидетельствуют приводимые в книге имена русских князей и царей, ссылки на некоторые факты из прошлого Тобольска. Сообщаемые составителями известия о жизни царей и князей интересны для них опять-таки в связи с небесными явлениями. Так, в рассказе о смерти царя Ивана Васильевича его кончина поставлена в зависимость от небесного знамения: «На Москве лето 7092 [1584] явился на небеси крест в солнце и звезда с хвостом. Ближняя возвестили царю Ивану Васильевичу; царь же только сказал: „Се знамение смерть моя“, как помалу в недуг впал и той же зимой марта 18 дня преставился, бо о сем хроник свидетельствует».

В записях о небесных явлениях прошлого автор пользуется не только летописными источниками, но и разными воспоминаниями, в частности и своими собственными. Скорее всего личными воспоминаниями навеяна заметка о небывалом дожде и граде в Тобольске в царствование Алексея Михайловича: «Град был по 4 фунта, много людей погибло, палаты малые поломало».

Хотя составителям книги о Тобольске свойственны религиозно-астрологические воззрения, все же в описании астрономических явлений и особенно в списании города и отдельных сторон местного быта заметно стремление к достоверности.

Необычайно ярка и красочна картина падения метеорита над Иртышом: «Лета 1701 июня в 8 день в 7 часу дни с западу сходила огромная туча. И на берегу Иртыша видели многие люди и рыбные прасолы летел длинный и огромный змей, весь черн, яко брявно и без крыл взвиваясь. И на пролете над городом на них грянул великий гром с молнию, якобы посредственен звук. И отшибло ему перво голову, а потом пополам с хоботом. И пал за рекою ниже города, а голова пала на конец яру, а средину снесло на Кугическое озеро, пронесло с бурей с ветром».

Не менее ярко изображено солнечное затмение: «1708 году сентября 3 числа гибель солнечная была. В 1 часу дни на полудни появилось сверху [солнце] что серп светлый, а то все темно. И потом обращалась та светлость кругом к западу и подиспод (т. е. на юг, — А. Ж.) и к востоку. И стояла часа два с половиной и больше. Днем же было сумрачно». Интересно, что затмение солнца в данном случае не выступает знамением по отношению к какому-либо происшествию: оно заинтересовало летописца само по себе.

Затмениям солнца, луны, падению метеоритов посвящено много заметок. Но большей частью они чрезвычайно лаконичны и стандартны: «В Тобольске граде лета 7191 [1683] месяца декабря 17 день в первом часу дня была солнечная гибель до третьего часа в первой четверти»; «Лунное бытие в 7206 [1698] году февраля во втором часу ночи стояла луна во знамение 2 и потухла».

Заметки об астрономических явлениях неизменно сопровождаются рисунками. Нередко эти рисунки предшествуют записям, поясняются ими. Над одной короткой заметкой о затмении луны виден рисунок, показывающий луну наподобие человеческого лица. Под ним подпись: «1714 году декабря в полноте луны гибель была, с края почернела». Некоторые небесные явления выступают и в качестве примет действительных изменений в природе. К примеру, одна из житейских примет передана в такой записи: «В 7184 году ноября 23 было знамение в луне с вечера с третьего часа в столпе, а с шестого до девятого в круге стояло, а ветер великий в полдень. И всегда, когда луна с кругом, то и смятение, буря, снег и дождь бывает».

Стремление летописца к достоверности обнаруживается и в точном обозначении городских улиц, церквей, соборов, построек, в приведении действительных имен знакомых автору лиц: «Тобольский кремль», «Сергиева церковь», «На берегу Иртыша», «Князья Михаил Яковлевич и Петр Михайлович Черкасских» и мн. др. Достоверное знание достопримечательностей города Тобольска проявляется в метких характеристиках, вроде «медные врата железными запорами запираема, едва тридесятие мужей сотверзаема».

Впечатление достоверности многих картин, созданных летописцем, неизменно поддерживается искусно сделанными акварельными рисунками. Рассказывается ли о соборной церкви — тут же следует убедительный рисунок, говорится ли о Тобольских воротах — на рисунке дается изображение тяжелых, массивных ворот. И так всегда на протяжении всей книги автор верен избранному методу летописца-художника.

Несмотря на отсутствие определенных данных об авторе этой летописи, об обстоятельствах ее возникновения, вопрос этот неизбежно требует своей постановки. Ответ на него можно дать пока лишь предположительно.

Кто-то из хорошо подготовленных летописцев и художников Тобольска с 1696 г. по распоряжению тобольского воеводы А. Ф. Нарышкина начал вести запись астрономических явлений и происшествий в Тобольске. На причастность А. Ф. Нарышкина есть прямое указание в рукописи на 118-й странице: «Лета 7204 [1696] ноября прибытие ближнего стольника Андрея Федоровича Нарышкина, писано по его повелению».

Андрей Федорович Нарышкин занимал пост тобольского воеводы в 1695—1697 гг., а до этого воеводствовал в Верхотурье (1692—1694 гг.). Проводя политику Петра I, Нарышкин стимулировал проведение ряда культурно-просветительских мероприятий в Сибири. С пребыванием Нарышкина в Тобольске совпало развертывание большой работы выдающегося русского летописца и градостроителя Семена Ремезова по составлению сибирских карт и летописей. Именно с 1696 г., т. е. с момента приезда Нарышкина в Тобольск, развернулась кипучая разносторонняя деятельность С. Ремезова, началось осуществление его грандиозных замыслов. С. Ремезов со своими сыновьями Леонтием, Семеном и Иваном в короткий срок обрабатывает накопленные историко-географические материалы о Сибири и составляет уникальное творение — «чертежи» (карты) Сибири. Параллельно этому правительственному заданию (чертежи готовились по распоряжению Петра I) с 1696 по 1701 г. усиленно работал и над Краткой Сибирской (Кунгурской) летописью, доведенной, как известно, до 1649 г. Семен Ремезов получил широкий доступ к правительственным и церковным книгохранилищам и архивам Москвы, Урала, Сибири. В разъездах по Уралу и Сибири Ремезовы собрали богатейшие материалы для своих летописно-исторических, географических и архитектурных трудов. Наряду с этими и накопленными ранее материалами о Сибири С. Ремезов и его сыновья черпали массу сведений из окружающей их действительности, из своих собственных наблюдений, из рассказов и воспоминаний современников.

Нам кажется вполне вероятным возникновение Тобольской летописной книги в окружении Ремезовых. Нет сомнения в том, что эта летопись, возникшая по непосредственному распоряжению петровского воеводы Нарышкина в 1696 г., т. е. в год развертывания кипучей работы Ремезовых, своей манерой близкая школе Ремезова, стояла в связи с его просветительской деятельностью. Если не им самим, то кем-то из его учеников или даже сыновей велась эта любопытная книга. Возможно, она предназначалась для использования в заключительной части Краткой Кунгурской летописи, доведенной до 1649 г. Семен Ремезов прожил приблизительно до 1716 г.

(точных данных о его смерти нет). Все наиболее значительные труды его связаны с Сибирью и ее главным городом Тобольском. Одной из его поздних работ была тоже книга о Тобольске — «Переписная Тобольская книга» 1710 г.

Своей высокой точностью и достоверностью описания топографии первопрестольного сибирского города Летописная книга о Тобольске очень близка к чертежам города, составленным Ремезовым. На ремезовском «чертеже града Тобольска»³ отчетливо видны обе части города: нагорная и подгорная. Чертежи-рисунки Спасской башни с часами, Кремля, Приказной палаты, Боярского двора, Гостиного двора, Воеводского и Дьячего дворов, купеческих домов и амбаров, пешеходной лестницы в нижнюю часть города, изображения Рыбного торговища и многих сооружений воссоздают облик тогдашнего Тобольска с его продольными и поперечными улицами, названными по фамилиям служилых людей (есть тут и улица Ремезова), по топографическим признакам (Береговая, Еровая, Валовая), по названиям церквей (Софийская, Троицкая, Знаменская).

Аналогичные, правда меньшего размера, рисунки-чертежики встречаются и в Летописной книге о Тобольске. Вид на Тобольский кремль, Митрополичьи палаты, Соборную церковь, купеческие амбары, улицы Береговую, Мостовую, Ямскую слободу, городские ворота — все это, запечатленное на чертежах Ремезова, оживает перед нами и при чтении Летописной книги о Тобольске и при рассмотрении помещенных в ней рисунков.

Летописная книга о Тобольске и ремезовский план «града Тобольска» в характеристике одних и тех же предметов и видов города совпадают, выступая тем самым по отношению друг к другу правдивыми свидетелями, взаимно дополняющими и уточняющими весьма ценные показания об этом крупнейшем сибирском городе. Благодаря Тобольской летописи и плану Ремезова мы имеем возможность живо представить себе реальную панораму самого крупного, самого богатого и самого отстроенного города Сибири начала XVIII в. Позднее, в результате многочисленных пожаров, перedelок зданий, новых пристроек, город Тобольск значительно изменил свой прежний вид. Это обстоятельство значительно повышает историческую ценность Летописной книги о Тобольске.

Помимо высказанных соображений об оформлении Тобольской летописной книги в окружении Ремезовых ее близость к их летописно-художественной школе и к правительственным кругам видна в ее общей идейной направленности, в осуждении царских недоброхотов, казнокрадов. Тобольский просвещенный боярин С. Ремезов горячо отозвался на призывы Петра I к изучению прошлого и настоящего Сибири и поддерживал начинания царского правительства.

Тобольская летописная книга местами явно отражает позицию защиты материальных интересов правительства. Приведем один отрывок: «В 1710 году ноября 21 день ночью на берегу Иртыша реки горели анбары Петра Мелешина с государевым хлебом краденым из казны, а в небе стояла ксмета пока не сгорели анбары, она явила ярость гнева божьего». Здесь выражено явное сочувствие правительству и удовлетворение гневом божьим, постигшим казнокрада.

Достоверность многих историко-географических деталей, обилие подробностей в рассказах об астрономических и метеорологических явлениях, зарисовки реального быта, сжатый и выразительный летописно-повество-

³ С. Ремезов. Чертеж града Тобольска. Рукопись. Хранится в Архиве Тобольского музея.

вательный стиль, сочный и меткий язык, высокое мастерство технического оформления — все это обеспечивает Летописной книге о Тобольске определенное историко-культурное значение. Книга в целом расширяет наше представление о Сибири и о летописно-исторической литературе XVII—XVIII вв. и отчасти дополняет собой известные летописи о Сибири — «Краткую летопись Кунгурскую» С. Ремезова, «Сибирскую летопись» Ильи Черепанова. К тому же, неизвестная рукопись о Тобольске явилась, видимо, одним из источников для составления «Сибирской летописи» тоболяка И. Черепанова.

Рукописная книга о Тобольске конца XVII—начала XVIII в. заслуживает полной научной публикации, тщательного и всестороннего исследования историков, литературоведов, лингвистов, астрономов. Цель же нашего сообщения — привлечь их внимание к этому ценному памятнику русской письменности.

В. Г. СМОЛИЦКИЙ и Т. А. ТУРГЕНЕВА

Четыре произведения народной сатиры

Публикуемые ниже материалы находятся в сборнике № 55, хранящемся в рукописном собрании Государственного литературного музея в Москве.

Сборник этот относится к концу XVIII в.; на водяном знаке бумаги изображен герб Ярославской губернии с медведем, дата — 1784 и буквы — ЯМСЯ (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева).

Сборник состоит из 56 листов, или 7 тетрадей, с различными почерками (всего почерков четыре). Каждая тетрадь включает одну или несколько законченных статей (первая статья занимает две тетради). Таким образом, очевидно, что переписка статей сборника велась по тетрадам, которые впоследствии переплели в одну книгу. Вместе с тем следует отметить, что все страницы сборника одинаково оформлены. Наверное, при переписке текстов уже имелось в виду создание настоящего сборника.

Переплет картонный. На форзаце запись: «Из книг капитана Якова Мордвинова цена в переплете: 2 ру 50 ко».¹ На обороте форзаца: «Реэстр находящимся в книги сей вещей».

Сборник, несмотря на разнообразие своего содержания, имеет общую «вольнодумную» направленность. В его состав входят следующие статьи.

1. «О смерти Петра Великого императора российского краткая повесть» (лл. 1—13 об.), принадлежащая перу Феодана Прокоповича. В конце, на л. 13 об., приписка: «Писано с печатной в Санкт-петербургской типографии, 1726 года августа 11 дня, писана прошением новолодожского помещика Капитана Якова Яковлева сына Мордвинова. А писал регистратор Николай Иванов сын Артемьев, 1791 года октябрь в 3 день».

Лл. 14, 15, 16 чистые.

2. «Заметки о нынешней военной службе его превосходительства господина генерал-поручика Степана Матвеевича Ржевского» (лл. 17—22). Почерк иной, чем в «Повести» Феодана Прокоповича. Записки С. М. Ржевского были однажды опубликованы в «Русском архиве» (М., 1879, № 3) под названием «О русской армии во второй половине екатерининского царствования», с рукописи XVIII в. Рукопись была озаглавлена: «Разные замечания о службе армейской, отчего она в упадок приведена и неместно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках». Как и в нашем сборнике, в опубликованной рукописи весь текст разделен на 17 параграфов, но им предшествует краткое вступление, отсутствующее в сборнике. Мордвинова: «Писаны сии замечания в 1782 г. генералом-поручиком и

¹ Я. Я. Мординов владел большой коллекцией рукописных книг, часть которой хранится сейчас в Государственном литературном музее. О его собрании упоминает А. И. Пыпин в своем библиографическом списке «Для любителей книжной старины» (М., 1888, стр. III).

кавалером Степаном Матвеевичем Ржевским, по смерти которого они найдены и собраны». В сборнике Мордвинова текст начинается непосредственно с первого параграфа. Эти записки представляют большой интерес для историка. Они показывают быт и нравы екатерининской армии и направлены против произвола полковников, воровства, недобросовестности многих офицеров, засилия в армии иностранцев и т. д.

3. «Письмо к Урании г. Волтера» (лл. 22 об.—24). Почерк тот же, что и в записках С. М. Ржевского. Прозаический перевод поэмы Вольтера «За и против» («Послание к Урании»). Среди напечатанных в XVIII в. переводов Вольтера на русский язык это произведение нами не обнаружено. (В «Полной росписи всех сочинений г. Вольтера» «Послание к Урании» значится на русский язык не переведенным).²

4. «Утренники короля пруссаго, писанные им самим» (лл. 25—40). Почерк тот же, что и в предыдущих текстах. Это «вольнодумное» произведение Фридриха II было переведено и напечатано в России в 1782 г. Кроме отдельных разночтений, наша рукопись отличается от печатного текста еще и тем, что содержит выпущенную в русском печатном переводе вторую главу французского подлинника «De la religion»; в нашей рукописи эта глава носит название «О вере». Полный перевод «Утренников» в рукописи XVIII в. имелся в библиотеке Н. В. Губерти [см. его «Материалы для русской библиографии», (вып. II, М., 1881, стр. 109)].

5. Между пятой и шестой тетрадами вклеен печатный лист — указ о создании в Петербургской губернии, при Царском Селе, города Софии.

6. «Сказание о птицах» (лл. 41—45). Почерк, не похожий на предыдущие. Библиография опубликованных записей этого произведения составлена А. М. Астаховой (Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 788). К ее списку следует добавить небольшой текст из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева (т. 3, М., 1957, № 540) и текст, опубликованный самой А. М. Астаховой в «Былинах Севера» (т. II, № 155).

7. «О трех сватах» (лл. 45—47). Почерк тот же, что и в предыдущем тексте.

8. «Письмо олонецкаго бывшего с приписью подъячего Климма Нефедьева, писанное с того света к сыну ево Артамону» (лл. 47 об.—48).

9. «Эпиграмма» (л. 48 об.).

Два последних текста написаны одним почерком, не похожим на все предыдущие.

10. «Басня сильная рука владыка» (лл. 49—51). Почерк тот же, что и в № 2. Автор (Н. Эмин) не указан. Басня напечатана в сборнике «Правдолюбцу» (СПб., 1801, стр. 117).

11. «Всеобщая придворная грамматика» (лл. 51 об.—53). Почерк тот же, что и в № 2. Автор (Д. И. Фонвизин) не указан. Текст не имеет конца. Заканчивается «временами глаголов», после чего приписка: «продолжение будет впредь ежели угодно». Некоторые разночтения с напечатанным текстом показывают, что фонвизинское произведение попало в руки нашего переписчика не в первоначальном виде, а как список, представляющий собой одно из звеньев уже довольно длительной рукописной традиции.

Лл. 54—56 чистые.

² Полная роспись всех сочинений г. Вольтера в 70 частях, на французский язык г. Бомарше изданных, с означением, когда главные из оных выданы в свет и какия из них переведены и напечатаны на российском языке. — Приложение (присовокупление) к «Философической и политической переписке императрицы Екатерины II с г. Вольтером...», ч. I, М., 1802.

Из сборника мы публикуем четыре текста (№№ 6, 7, 8, 9), представляющих собой произведения народной сатиры.

Первое из этих произведений — «Сказание о птицах». Публикуемый текст «Сказания» XVIII в. отличается большой полнотой. По своему составу и композиции он ближе к текстам, записанным в XIX в. П. Н. Рыбниковым и А. Гильфердингом, чем к текстам XVII—XVIII вв., помещенным в собрании песен М. Д. Чулкова и в приложении к исследованию Х. М. Лопарева «Древнерусские сказания о птицах» (СПб., 1896).

В тексте сборника Мордвинова очень мало птиц и животных, которых не было бы в других записях, но в то же время здесь встречаются почти все те названия, которые разбросаны по различным спискам.

Композиция публикуемого текста — очень четкая, цельная и последовательная. «Сказание о птицах» начинается со вступления, которое отсутствует в ранних записях и встречается в некоторых записях XIX—XX вв., но в более кратком, чем в нашем тексте, виде. Между тем это вступление является органической частью всего произведения, без него нельзя достаточно полно понять идейный смысл этой пародии на общественный строй.

«Сказание» начинается с изображения неколебимой последовательности смены одного времени года другим. Этому прочному порядку в природе «соответствует» порядок в жизни людей, общественный порядок: «Цари наши живут по царствам, короли живут по королевствам...» Но начав с царей и королей, вступление оканчивается «общественным положением» стариков и старых баб, которым «на печи было место». Таким образом, во вступлении используется сатирический прием снижения, который в главной части выступает в перенесении на птиц и зверей человеческих отношений. Этим самым высмеивается тот «незыблемый» порядок, который вначале сравнивался с закономерностью самой природы.

На общий сатирически-балагурный тон былины, говорящий «об участии в ее сложении скоморохов», справедливо указывала А. М. Астахова. Ее замечание подтверждается концовкой «Сказания о птицах»: «Когда люди станут обедать, калики по подоконью бегать, ох те мне не поспали, холодных щей не хлебали, горячих мы не застали, итак мы без ужины начевали». Здесь мы слышим намек на необходимость угощения, подаяния, в общем — платы за исполнение былины. Близкие по смыслу концовки мы находим и в некоторых других текстах данной былины.³ Эта просьба оплатить труд — еще одно подтверждение догадки, что перед нами — произведение, исполнявшееся скоморохами, народными артистами-профессионалами.

Особый интерес благодаря своему антикрепостническому содержанию представляет находящийся в составе нашего сборника рассказ «О трех сватах». Среди печатных сборников мы нашли только отрывок, который входит эпизодом в драму «Ездок и Коневал», или «Конь», опубликованный Н. Е. Ончуковым в его «Северных сказках» (СПб., 1908, стр. 474), а впоследствии в его же «Северных народных драмах» (1911 г.). В этом отрывке рассказывается, как мужик отдавал барину оброк и как лакей побил мужика, когда последний возвращался домой. Полностью отсутствуют в отрывке Н. Е. Ончукова вступление — встреча трех сватов, ожидание мужика перед воротами господского дома, тема — мужик и судьи.

³ См., например: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. М.—Л., 1950, № 130; А. Астахова. Былины Севера, т. 2, № 155.

Сцена встречи мужика с бариним в нашем тексте сильно отличается от ончуковского.

В тексте Ончукова после слов мужика, предлагающего барину оброк («Вот вам утка, вот вам курка» и т. д.), говорится: «Это барину прилюбилось, дал он лошадь, впрег и в сани, дал долгую кнутину; день я ехал...».

В тексте мордвиновского сборника барин ведет себя иначе: «Оброк от з меня обрал, а мне доброму молотцу бок надрал и притом сказал: „Поежай мужик домой да работай, да впредь оброк припасай“». Ни о каком подарке лошади нет и речи.

Таким образом в тексте Ончукова образ мужика намного обеднен, антикрепостническая сущность произведения несколько сглажена по сравнению с публикуемым текстом, в котором мужик изображен настолько забитым и лишенным всяких человеческих прав, что не знает, как сообщить барину о привезенном ему богатом оброке, и несколько недель стоит в испуге перед барскими воротами, не решаясь войти. Интересны и образы барских лакеев, из которых один требует взятку с мужика, чтобы сообщить о нем барину, а другой избивает беднягу. Рассказ «О трех сватах» заканчивается сценой в суде, где мужика снова обобрали, но правды он так и не нашел. «Полно с судьями знатце, лутче от них удалятся, когда много с приказной избой поводишься, то и наг и бос находишься», — таков вывод мужика.

Связь рассказа «О трех сватах» с народной драмой «Ездок и Коневал», диалогический характер этого произведения, раешный стих и обилие ударов, сыплющихся на голову героя — все это заставляет нас предполагать, что в данном случае перед нами произведение, которое представлялось, игралось, т. е. было связано с народным театром.

Два последних публикуемых произведения: «Письмо олонецкаго бывшаго с приписью подъячего Клина Нефедьева, писанное с того света, к сыну ево Артамону» и «Эпиграмма» — были написаны на местные темы. Первое направлено против какого-то местного взяточника и ростовщика и его сына, второе — против вернувшихся из дальних странствий «поросят», под которыми, возможно, подразумеваются какие-то дворяне, путешествовавшие за границей, но не набравшиеся там никаких знаний. Приурочить имена и места к конкретным лицам и географическим названиям пока не удалось.

Раешный стих «Письма» и «Эпиграммы» дает возможность предполагать и в данном случае связь с традицией раешников, выступавших на местную злобу дня.

Все четыре произведения отличаются от остальных текстов сборника почерком и составляют отдельную тетрадь. Не является ли эта тетрадь перепиской репертуара какой-то группы скоморохов, подвизавшихся в районе Ладожского озера?

ТЕКСТЫ

I

Сказание о птицах

От чево ди зима становилась, —
 Становиласи зима от морозов,
 Потомуже наставала весна красна,
 По весны пошло лето тспло,

По лете осень богата,
 Крестьяна стоги склали,
 Им жить хорошо прокладно,
 Цари наши живут по царствам,
 Короли живут по королевствам,
 Князья живут по княженствам,
 Воеводы живут по уездам,
 Дворяне живут по поместьям,
 Попы и дьяки живут по погостам,
 Крестьяне живут по деревням,
 Бобылишка живут по подворьям,
 Наши стары-старики по скамейкам,
 Своих детей поучали,
 На все на прежина хорошие дела,
 Ясным соколам был розлет,
 Добрым молотцам был роз[ъ]ест
 Подалечу по чистому полю,
 По тому по широкому роздолью,
 Молоды молодицы по высоким теремам,
 По мягких пуховым перинам,
 По крутым и красным зголовьям,
 Под тем ли собольим одеялам,
 По доброму молодцу было в беремя,
 Про то было всему миру весто,
 Что старым бабам на печи было место,
 Под носом кринка с тестом,
 Чтобы она не ворчала,
 Не ворчала бы она, все мольчала [люльчала?],
 Громкиим гласом не кричала.
 Издалека из-за дунайского моря,
 Как из тиха из зелена лукоморя,
 Налятала тут малая заморская птица,
 Заморская птица певича,
 Над рускими птицами царица,
 Садиласи она не на плохое дерево на калину,
 Она стала жупить говорити,
 Уж как мал соловей чоботати,
 Руских птиц собирати,
 Сляталися руские птицы,
 Руские птицы синицы,
 Оне стали жупить говорити,
 У заморские птицы вопрошати:
 «Ах ты, матушка заморская птица,
 Заморская птица певича,
 В вас на море в лукоморие,
 В тихом в зеленоем заводье,
 Кто у вас на море большей,
 Кто у вас на море меньшей?».
 Ответ держит заморская птица,
 Заморская птица певича:
 «Ой вы глупые руские птицы,
 Глупые птицы неразумны,
 За море вы не летали,
 Холодных щей не хлебали,

Без ужины вы не сыпали,
Без ночлега вы не начевали,
Живете по домам в парогусах;
Как у нас на Дунаиско море,
Как во тихом во зеленом лукоморье,
Все птички по службам,
Все птички по работам,
Всякая птица по доводам,
Котора чево на море удала.
Сизой орел на море Владимир,
Лебеди на море цари,
Лебедушки на море царицы.
Гуси на море князи,
Гусыни на море княгини.
Голуби на море дворяна,
Голубушки на море дворянке,
Павлин на море гось богатой,
Павушки на море честные жоны.
Селезни на море попы,
Утушки на море попадейки.
Чаицы дьяки поморски.
Журавль на море пономарь монастырьской.
То черкас белославской,
В болшей колокол ударит,
Ужинать обедать кличет.
Совушка на море просвирья,
Головище у ней болшая,
Глазища у ней глубоки,
Што просвир ни напекает,
Всио пономарю не отдавает,
Сама злодейка изъедает.
Зуи на море перевощик,
Мос мостить не знает,
По мосту ходить не умеет.
Дрозд на море целовальник.
Сорока на море жонка кабацка.
Воробеюшко на море холопина боярска
Крестьянина всегда он обижает,
Летом он по коноплям,
Среди зимы он по гумнам.
Мошник на море крестьянин.
Гагара на море рыболовник,
Из озера в озеро летает,
По зорями часто рыдает,
Кунную рыбу добывает,
На ярманку не отвозят,
Промежду собою рыбу съедают.
Синица на море вдовица,
Победная сирота и бобылица,
Казакон нанимать не может,
Сама работать не умеет,
Животы у ней даром пропадают,
Она-то худой человек, неразумной.
Травник на море был повар.

Вислобров голова была кабацка.
Кулик на море сапожник,
То рукавичной мастер,
Ремесленной человек.
Витлюк на море ключник язычник.
Ворона пупорезная бабка.
Ворон на море старец,
Не старец он строитель.
Не строитель он разоритель.
Галицы вознесенские старицы.
Соловей на море дворецкой,
Поутру раненко встает,
Соловиной свой голос объявляет,
Хозяина всегда разбуждает,
В том он сыт пребывает.
Попугай на море птица вища.
Куропоть бобыль беспоместна,
Летом ходит серенка,
Среди зимы ходит беленка.
Тетерьки жонки торговки,
С напуском у них чулочки.
Рябчик на море стряпчи,
Тото поморски писарь.
Косачи казаки донские.
Петухи молотцы удалые,
Много жон оны имеют,
По две, по три и по четыре,
Иной по целому десятку,
Всех наряжати оне знают,
Всех послать оне смеют.
Не как на Руси крестьянин,
У него одна была баженая женушка,
Той нарядить не знает,
Той послать не смеет,
Той указать не разумеет.
Ластушки девушки косаты,
Поклонцы у них низенки,
Головушки у них гладеньки.
Кукушка на море тиоща,
Всё она в сыром бору кует,
Всё по дочерях своих плачет,
Почасту зять в гости летает,
Сыр и масло съедает,
То она в преску не поставляет.
Ястреб на море десятник,
То годовой десятиунник,
Часто по заводи летает,
Часто пятину собирает,
С ыново берет по куренку,
С ыново берет и по два,
С бобылицы вдовицы по четыре,
Глупая влась нерассудна,
Их он горазно обижает.
Дятель на море подрятчик,

Часто в сыром бору летает,
Всякое дерево пытается,
Высоких хором он не строит,
Даром силы не тратит,
Всio он живиог по подворьям,
Всio он живиог по заугольям.
Яснои сокол на море налетник,
Часто по заводи летает,
Гусей лебедей побивает,
В том он сыт пребывает.
Курица победная птица,
Ростом она и не маленька,
Разумом злодейка глупенька,
Кто ее не поймает,
Всякой в жопы пальцам ковыряет,
Всякой яйцо добывает,
Затю свету запасает,
Тем она от зятя честь получает.
Лев на море зверин царь,
Горноста́й на море подземельник.
Олень на море послальник,
На ношку он скоренек,
На повороте он легонек.
Кошка на море вдовица,
Днем она на печьки,
Ночью она на добычки.
Свинья на море ускурожа,
Ускурожа сама долгоножа,
Голосом она не складна,
Песен петь не умеет.
Стар медветь кожемьяка.
Серой волк овчинник,
Много овчин оминает,
Шубы на себе не видает,
Всio он бес шубы скачет.
Заец на море калашник,
Лапки беленки мяконьки.
Лисица лжива молодица,
Хоть долог хвост не ступит,
Хоть зделает вину не скажет.
Собака злодейка свекровка,
Сорому остуды не боится,
На каждого злодейка бранится.
Когда люди станут обедать,
Калики по подоконью бегать,
Ох те мне не спсали,
Холодных щей не хлебали,
Горячих мы не застали,
И так мы без ужины начевали».

II

О трех сватах

Был я в Москве, на Красной площади, случилось нас три свата. Сват свата спросит: Ты, сват, откуда? Я, сват, с Тверска. А ты, сват, откуда? Я из Белозерска. А ты, сват, откуда? Я из Коргополска. Сват у свата спрашивает: Што сват, скажешь, чего мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос хлеба-кормилца? Ой, сват! Дал бог, уродил Христос хлеба-кормилца, перогов, как врагов, сканцами хотя пол мости, а блинами хоть кровлю крой. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, дал ли бог, уродил ли Христос божьей травки, христова табачку? Ой сват! Из деньгами не наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, сват, што скажеш, чево мол спросиш, за кем жить лучше: иль за попами, иль за дьяками, иль за господами? Ой, сват! За попами жить худо, а за дьяками жить трудно, походя наежся, сидя выпися. Ой, сват! А за господами жить и тово хуже, годы ты скудные, а оброки ты болшие: дай пять рублей денег и кринку масла, шапку яиц, полоть вечины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку. То я кое-как збился, кое-как сколотился, оброк-от я собрал — пять рублей денег, кринку масла, шапку яиц, полоть ветчины, индейку богату, курочку хохлату, и уточку, — да и поехал я в город к барину, к своему господину. Приехал я в город к барину, к своему господину, и стал у ворот; день стою, другой стою, на третей день вышел холоп, барской человек. Мужик, — говорил он, — дурак, чево ты стоишь, чево ты глядишь? Тово я братец стою, тово я гляжу, что сам на двор ити не смею, а донесь некому. Мужик-дурак, дай мне алтын, я барину о тебе донесу, и все дело то роскажу. Алтына то у меня не случилось, а гроша дать то мне пожалелось. Стою я неделю, стою я другую, наитить. Так ну, сват, табак-от розовьем, да и прокот розобьем. А ты, стоишь, чево ты глядишь? Тово сударь стою, тово сударь гляжу, что донесть вам некому. Барин от приказал на двор въехать, и оброк-от с меня обрал, а ме доброму молотцу, бок надрал, и притом сказал: Поежай, мужик, домой, да работа, да впретъ оброк припасай. Поехал я домой к государыне своей жены, ажно на дороге случилась гора-та крутая, а лошадка-то у меня молодая, до полу горы вставала, а посреде горы пропала; тут я стосковался, тут я згоревался, вынял клепичище, содрал кожурище и в гореси не видал как на гору-ты ставал, повесил кожурище на случившуюся хробасищу, а тово не видал, что против чевото барсково двора стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришед ко мне, ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барсково окошка подинны кожи вешаш? Кожурище то он взял, а меня, доброво молотца, в шею протолкал. Поди домой к своей жене, а пообедай, а впретъ таких пакастей не делай.

Пошел я домой, как будто после свадьбы молодой, по приходе встречает меня жена, сударыня моя, и говорит: О чем муж тужиш, о чем муж тоскуеш, что же ты не весел, и голову повесил? Я ей сказал и всию то похождение-то сказал. Она мне на то: Не о чем тужить, можно на холопа в городе судьям попросить, возьми пять рублей денег, полоть вечины, кринку масла, индеечку богату, курочку хохлату, и уточку, да шапку яиц, и поежай муж в город просить на холопа, на барсково человека.

Послушал я жены, поехал я в город просить на холопа, на барсково человека. По приезде в город, судьи дал пять рублей денег, заседателю полоть ветчины, другому кринку масла, секретарю дал индеечку богату, да курочку хохлату и уточку, подъячим роздал шапку яиц. И пришел я в суд, а оне меня спросили: Мужик, што твое дело, о чем ты просишь?

От государи мои прошу, что был я у барина в Москве, у своего господина с оброком, поехал я домой, и случилась мне в дороге горушка крутая, а лошадка та у меня была молодая, до полугоры ставала, а посреде горы и пала; тут я стосковался тут я згоревался вынял клепичище, содрал кожурище, взошед на гору повесил кожурище подле дороге на храбастищу, а тово я в горесии не видал, что против боярского дому стоял; со двора увидел меня холоп, барской человек, пришел ко мне ну меня бить, ну меня увечить: Мужик-дурак, зачем ты против барского окна падинны кожи вешаш? Шкуру ту он с храбастины снял, а меня домой в шею протолкал. Судьи ему на то: Мужик, кавтан от у тебя сер, а ум от веть не черт съел — што взять на холопе, на барском человеки? Поежай ты теперь домой, мы дело то разыщем, да и за тобою пришьлем. Суд от за мной не присылал, а сам то я у них не бывал, и видно что с воза то упало, то уже все пропало. И так мы, сваты, пойдем-ко в кабачище, да выпьем по стакану винища, да поедем ко домой, да станем работать, да денежки наживать, полно с судьями знатце, лутче от них удаляться, когда много с приказной избой поводишся, то и нак и бос находишся. Прощайте.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, лл. 45—47).

III

Письмо олонцакаго бывшаго с приписью
подьячего Клина Нефедьева, писанное
с того света, к сыну сво Артамону

Любезной мой сын, Артамон,
не пренебрегаю я что ты сухорук и хром.
при сем тебе объявляю,
и о здешнем житии напоминаю.
По приходе моему суда,
не мог я избыть без суда,
у Иуды я много раз был,
вместо кофии смолу отборную пил.
По несчастию здесь моему,
не застал я в жилище сатану;
пред приходом моим в тартар пошел,
и там многих тавлинцев нашел,
обратно назад не бывал,
тюрьмы делать им стал.
А живу я во мздоимческом остроге,
при большой тартарской дороге,
определен я пивоваром,
вечным адским смолваром.
И тут я копейчку принаживу,
а своих денежек не проживу.
Харчем здесь нас не морят,
мышей и лягушек с червями варят.
Да теперь, сын, как можно поспешай,
денег для роздачи в проценты присылай,
калугу в дорогу з денгами нанимай,
а ему за труды хотя пять сот рублей давай,
другому суда не дойти,

да и меня здесь не найти, —
 пять тысяч с ним ко мне пересылай,
 да и исачку в помощь ему давай.
 Калуга в дороге поспешать будет,
 да исачку научить не забудет,
 которой выучитца дорогу знать,
 и об здешних жилищах подробну вам рассказать.
 Калуги дай мою лисью епанчу, —
 я отсюда к вам поскорее ево поворочу, —
 да при том не забудь дать ему бобровой шапки,
 потому что дороги здесь шатки,
 да еще дай всю мою одежду и сапоги,
 чтоб на притинах здесь не прибили ево батоги.
 Игнашку и Степку в доме не держи,
 на волю с награждением отпусти.
 Васку горбача у себя оставляй,
 а за ево услуги по мере награждай.
 Теперь до оказии прощай,
 а что писано того не забывай.
 Да при том имя мне здесь переименовали,
 другим нескладным назвали,
 назвали меня Макаром,
 адьским главным смоловаром.
 Не погневайся что году и числа не написал,
 потому что надзиратель с линком застал,
 здесь не велят много писать,
 чтоб о житии здешнем не могли у вас знать.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, лл. 47 об.—48).

IV

Эпиграмма

Степноромановския поросята,
 разные два брата.
 Первому имя Гришка,
 а второму безпутной Флоришка, —
 в чужия поля забрались,
 а науки никакой не набрались.
 Гришка выучился мотать,
 а Флоришка не положи своих денех чужих искать,
 честь им зделалась хороша,
 только от чужого отоидут без барыша,
 одного голи всегда в кабаках стречали,
 а другова под караулом содержали.
 Гришка много об себе представлял
 и всякия пьянския гитрости искал,
 поутру днем и по вечерам кабаки посещал,
 в стаканах на дне горелки не оставлял,
 все одним залпом выпивал,
 а прокаженному мишки подносить не забывал
 для того что брат ево был по плоти,

дабы не смеялись ему кадневы холопи.
Да при том у него привычка худая бывала так,
что того не зделает и сумазбродной дьяк,
набрав шайку голей по ночам бродить,
а правоверцам целовальникам обиды творить.
Пьет он вино полтенку [полтѣнку],
и подбивает всегда обелнаго фетку
не лучше ли то будет снискать,
чтоб в романов их протолкать.
Здесь поросята не в моде,
для того что место не при дороге.
И своим надобно прокормитца,
что попадет не лишитца.
Поросята теперь прощайте,
в век со свиньями почивайте.

(ГЛМ, Собр. рукописей, № 55, л. 48 об.).

А. Н. РОБИНСОН

Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании

Обращение писателей нового времени к литературным произведениям нашей древности представляет интерес как для исследователей творчества этих писателей, так и для историков литературы древней Руси.

Максимилиану Волошину (1877—1932) принадлежит, как известно, поэма «Протопоп Аввакум»,¹ которая основывается на автобиографии Аввакума с привлечением некоторых других его сочинений.² Интересно отметить, что поэт обратил внимание и на гораздо менее известную, недостаточно изученную в его время, как, впрочем, и теперь, автобиографию («Житие») ближайшего друга Аввакума, его духовного отца и «союзника» по пустозерской темнице, расстриженного «властями» инока Епифания. В результате возникло написанное свободным белым стихом «Сказание об иноке Епифании». Поэта, очевидно, привлекали не только литературные достоинства автобиографий Аввакума и Епифания, но и личность самих писателей, героизм их духа, готовность к страданиям и к смерти за свои убеждения. Темы трагической судьбы человека, его борьбы с роком и т. п., интересовавшие поэта в античной литературе, связывались в данном случае и с его пониманием сочинений Аввакума и Епифания. Обе названные поэмы М. А. Волошина очень близко следуют своим литературным источникам («Житиям» Аввакума и Епифания), во многом являясь скорее поэтическим переложением древних оригиналов, чем поэмами в собственном смысле.

Не задаваясь целью характеризовать здесь поэму о Епифании в связи с историей творчества Волошина в целом, мы ограничимся лишь кратким выяснением отношения этой поэмы, как частично и поэмы об Аввакуме, к их древнерусским источникам.

Рукопись поэмы о Епифании (о которой нам любезно сообщил В. И. Малышев, а копию снял В. А. Мануйлов) хранится в архиве автора у его вдовы М. С. Волошиной (Крым, Планерское — бывш. Коктебель). Поэма находится в большой рукописной книге с матерчатым переплетом, в которую М. А. Волошин на протяжении многих лет записывал черновики своих стихотворений. Текст поэмы написан чернилами рукою автора, занимает 7 страниц. По сообщению М. С. Волошиной, поэма о Епифании была задумана автором в 1918—1919 гг., следовательно непосредственно за тем, как им была написана поэма об Аввакуме (в мае 1918 г.);³ закончена она была позже: текст датирован 16 февраля 1929 г.

---

¹ В книге: Демоны глухонемые. Стих. Максимилиана Волошина. Изд. «Камена» (Харьков), 1919, стр. 36—54.

² См.: А. И. Мазунин. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 409—410.

³ См.: Демоны глухонемые, стр. 54.

М. А. Волошин внимательно отнесся к отбору источников для поэм об Аввакуме и Епифании. Он пользовался «Житием» Епифания, очевидно, по изданию Я. Л. Барскова: именно в этом издании было опубликовано также привлеченное поэтом к работе над данной темой «Сказание о кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городке»;⁴ к тому же, первое издание «Жития», осуществленное А. К. Бороздиным, было менее известным и доступным.⁵ В этом же издании Я. Л. Барскова помещена третья редакция «Жития» Аввакума. Однако М. А. Волошин воспользовался не этим текстом: в качестве основного источника для поэмы «Протопоп Аввакум» он выбрал, несомненно, первую редакцию «Жития».⁶ Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды поэмы, соответствующие первой редакции «Жития» и отсутствующие в других его редакциях. Так, например, в поэме приводится известная только по первой редакции «Жития» беседа Аввакума с женой: «Что сотворю, жена? Зима ведь на дворе. Молчать мне, аль учить? Связали вы меня! Она же мне: Что ты, Петрович? Аз тя с детьми благословляю: Проповедай по прежнему. О нас же не тужи...».⁷

Поэма М. А. Волошина о Епифании строится так же, как и «Житие» Епифания: первая часть содержит главным образом описание жизни героя в пустыне, вторая — описание казней и мучений в пустозерской темнице. К этому добавляется еще третья часть — рассказ о сожжении Епифания, которого, естественно, нет в «Житии». Поэма «Протопоп Аввакум» также заканчивается описанием смерти героя на пустозерском костре. В этой поэме М. А. Волошин пользуется приемом кольцевой композиции, при помощи которого подчеркивается мистическая интерпретация судьбы Аввакума: сначала от лица героя повествуется о жизни его души в «Небесном Иерусалиме» (до рождения), затем — о его земной жизни (на основе «Жития»), завершается же поэма рассказом самого героя о его сожжении как о возвращении в «Иерусалим Небесный».⁸ В поэме о Епифании подобной искусственно созданной символики нет. В небольшой третьей части поэмы, изложенной уже от третьего лица, автор пользуется для завершения сюжета указанным выше «Сказанием о кончине блаженного Епифания», из которого берутся описания сожжения Епифания, Аввакума, Лазаря и Федора и вознесения Епифания на небо. Последующий за этим рассказ о встрече сомневающихся в таком «чуде» пустозерцев с душой Епифания, якобы подтвердившей, что он «не сгорел в рубле», поэтом опускается.

Основываясь на тексте «Жития» Епифания, поэт правильно воспроизводит основные вехи его жизни и только в одном случае допускает неточность. Арест Епифания по поэме происходит еще в пустыне (на Виданском острове): «Никонианцы, взяв меня в пустыне...». В действительности Епифаний был арестован в Москве в 1666 г., куда он сам отправился со своей обличительной книгой для того, чтобы «спасти» царя от «ереси». В самом «Житии» об этом коротко упоминается: «Пошел к Москве ис пустыни», «пошел к Москве», «пустыню оставил».⁹ Более подробные сведения об этом периоде жизни Епифания находятся в его еще не опублико-

⁴ Я. Л. Барсков Памятники первых лет русского старообрядчества СПб, 1912, стр. 229—262, 392—393

⁵ Христианское чтение СПб, 1889, январь—февраль, стр. 210—240

⁶ Скорее всего по изданию Археографической комиссии (Пгр., 1916), вышедшему в свет незадолго до работы поэта над этой темой

⁷ Демоны глухонемые, стр. 46

⁸ Ср.: А. И. Мазунин Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума, стр. 410

⁹ Я. Л. Барсков Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 250, 254—255.

ванном «Житии» — биографии и отчасти приводятся в научной литературе.¹⁰

Содержание «Жития» Епифания М. А. Волошин передает в сильно сокращенном виде. Из первой части «Жития» в поэму не включаются введение (с обращением автора к Аввакуму), эпизоды о жизни Епифания у пустытника Кирилла, эпизоды об убиении бесом крестьянина Ивана, о постройке кельи Епифанием, о втором пожаре кельи и чудесном избавлении от него. Из второй части «Жития» опускаются: вводное обращение к «чаду» Афанасию, рассказы об изготовлении Епифанием креста для крестьянина-охотника, о встрече его с душою его умершего друга Евфросина Андомского, рассказы о монахе и «златице», о видении Епифанию «нерукотворного Спаса» и беседе с ним, о темницах, об исцелении глаз Епифания, о его «рукоделии», заключительное обращение к Афанасию. Из нескольких эпизодов борьбы Епифания с бесами выбираются только два, наиболее яркие и контрастные. Реальные картины ссылки Епифания в Пустозерск, двух его «казней» и мучений воспроизводятся в поэме подробнее фантастических эпизодов его жизни в пустыне. Своеобразная последовательность рассказа «Жития», с учетом указанных изъятий, в поэме сохраняется: сначала повествуется о второй «казни» Епифания (в Пустозерске), а затем о хронологически предшествовавшей ей первой его «казни» (в Москве) и т. п. В результате отбора материала (исключение ряда эпизодов, их сокращение и т. п.) образ самого Епифания в поэме М. А. Волошина по сравнению с «Житием» несколько изменяется: традиционные приемы агиографии и элементы средневековой фантастики оказываются в известной мере ослабленными, а реальные черты героя — усиленными.

В пределах очень экономно используемого материала «Жития» Епифания М. А. Волошин стремится к наибольшему сохранению в своей поэме подлинного текста памятника, его фразеологии и лексики. По большей части поэма строится путем последовательного отбора из текста «Жития» тех фраз, частей фраз и отдельных слов, которые необходимы для максимально сжатого изложения сюжета. При помощи незначительных перестановок, лексических добавлений или замен отобранным отрывкам текста «Жития» придается в поэме ритмическое течение. Для иллюстрации приемов авторской работы над текстом «Жития» возьмем начало памятника. Епифаний пишет: «Родился я в деревне, и как скончались отцу мой и матери моя и аз грешный и де во град некий зело велик и многолюден, а град благочестивой, христианской, и пребых в нем седмь лет. И прииде ми помысл взыскати пути спасения и идох ко всемиловитому спасу во святую обитель Соловецкую ко преподобным отцем нашим Зосиме и Саватию».¹¹ Если прочесть подряд выделенные нами слова (разрядка), то легко заметить, что они образуют (при самых небольших изменениях) первые три с половиной стиха поэмы (см. ниже).

Проследим еще за тем, каким образом поэт отбирает текстовый материал для описания пустозерских казней. Епифаний пишет: «Егда нас новья мучители никонианы взяли из темниц и за святую веру христову пред всем народом пустозерским отсекоша нам руки и отрезаша языки, и с теми горкими и лютыми ранами лаки отвелоша нас в старья темницы, кождо во свою. Ох, ох, горе дней тех! Аз же грешный внидох во свою темницу, и возгореся сердце мое во мне

¹⁰ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке СПб., 1898, стр. VII, прим. 9; А. Н. Робинсон О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. — Славянская филология. Сборник статей, т. 2. М., 1958, стр. 248.

¹¹ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 229.

и вся внутренняя моя огнем великим, аз же падох на землю, и бысть весь в поту, и начал умирати, да не умер... так аз стал тужить глаголя: «Что будет, смерти нету, а лутче сего времени ко исходу души на што? ... Вижу, что нету ми смерти. И аз востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю, помышляя в себе сице: „Пускай кровь-та выдет из мене вся, так я и умру“». И много крови вышло и в темнице стало мокро... И аз грешный, бил челом Симеону десятнику, да отмоет ми от руки за сушины кровавыя. Он же отмыл от руки моя запекшуюся кровь, и во имя христово, моляся богу, помаза ми раны те серою еловою...».¹² Отмеченные разрядкой части фраз легли в основу стихов 9—19 в начале второй части поэмы.

Ниже публикуется поэма М. А. Волошина:

СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
 Отец и мать, ушел взыскати
 Пути спасения в обитель к преподобным
 Зосиме и Саватию. Там иноческий образ
 Сподобился приять. И попустил господь
 На стол на патриарший наскочити
 В те поры Никону. А Никон окаянный
 Арсена-жидовина
 В печатный двор печатать посадил.
 Тот грек и жидовин в трех землях трижды
 Отрекся от Христа для мудрости бесовской
 И зачал плевелы в церковны книги сеять.
 Тут плач и стон в обители пошел:
 Увы и горе! Пала наша вера.
 В печали и тоске, с благословенья
 Отца духовного, взяв книги и иная,
 Потребная в молитвах, аз изыдох
 В пустыню дальнюю, на остров на Виданьской —
 От озера Онеги двенадцать верст.
 Построил келейку безмольвья ради
 И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
 О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
 Я образ богоматери с младенцем —
 Вольяшный — медный — поставил ко стене:
 «Ну, свет-Христос и богородица, храните
 И образ свой, и нашу с вами келью».
 Пришел на трегий день и издали увидел
 Келейку малую, как головню дымящу.
 И зачал зря вопить: «Почто презрела
 Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
 Мою и твоя не сохранила?». Идох

¹² Там же, стр. 248.

До кельи обгорелой, ан кругом
 Сенишко погорело вместе с кровлей,
 А в кельи чисто: огонь не смел войти.
 И образ на стене стоит-сияет.

В лесу окрест живуше бесы люты.
 И стали в келью приходите ночами.
 Страшат и давят: сердце замирает,
 Власы встают, дрожат и плоть и кости.
 С полночи пришли однажды двое:
 Один был наг, другой одет в кафтане.
 И взяв скамью — на ней же почиваю —
 Нача меня качати, как младенца.
 Я ж, осерчав, восстал с одра, и беса
 Взял поперек, и бить учал
 Бесищем тем, о лавку, вопиюще:
 «Небесная царица, помоги мне!».
 А бес другой к земле прилип от страха,
 Не может ног от пола оторвать.
 И сам не вем, как бес в руках изгинул.
 Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
 Мокром мокры от скверного мяса.
 В другой же раз, уснуть я не успел, —
 Сенные двери пылко растворились,
 И в келью бес вскочил, что лютый тать:
 Согнул меня и сжал так крепко, туго,
 Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
 Уж еле-еле пискнул: «Помози ми!».
 И сгинул бес, а я же со слезами
 Глаголю к образу: «Владычица, почто
 Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
 Злодей не погубил». Тут сон нашел
 С печали той великия, и вижу,
 Что богородица из образа склонилась;
 Руками беса мучает, измяла
 Злодея моего и в руки мне дала.
 Я с радости учал его крушить и мять,
 Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
 «Измучил ты меня, злодей, и сам пропал».
 По долгой по молитве взглянул в окно: светает,
 Лежит бесище, как мокрое тряпье,
 По мале дрогонул и ногу подтянул,
 А после руку.
 И паки ожил. Встал, как будто пьян.
 И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
 Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
 Ходить на Вытегру, — там волюсть людна.
 Иди где нет людей». А он, как сонный,
 От келейки по просеке пошел.
 Увидел хитрый дьявол, что не может
 Ни сжечь меня, ни силой побороть,
 Так насади мне в келию червей.
 Рекомых мравии. Начаша мураши
 Мне тайны уды ясть, и ничего иного,

Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены подползают. Окопал я
Всю келийку и камнем затолок.
Они сквозь камни лезут. Из-под печи
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, — все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить все стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесей сей напасти!».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека!
Худого мравия не может одолеть,
Не только дьявола без божьей благодати.

2

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой дьявол церковь мучал
И праведную веру истреблял,
Как мурашей святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку всполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую богородица мне руку
Перстами осязает. Я ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана,
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет. А в сердце радость.

Был на Москве в подворьи у Николы
 Угрешского. И прискочи тут скоро
 Стрелецкий голова Бухвостов — лют разбойник.
 И поволок на плаху на Болото.
 Язык урезал мне и прочь помчал.
 В телеге душу мало не вытряс мне,
 Столь боль была люта! . .
 О, горе дней тех! Из моей пустыни
 Пошел царя спасать, а языка не стало.
 Что нужного, и то мне молвить нечем.
 Вздохнул я к господу из глубины души:
 «О скорого услышанья Христова!».
 С того язык от корня и пополз
 И до зубов дошел и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
 По двух годех пришел ко мне мучитель
 Елагин — полуголова стрелецкой,
 Чтоб нудить нас отречься веры старой.
 И непослушливым велел он паки
 Языки резать, руки отрубать.
 Пришел ко мне палач с ножом, с клещами,
 Гортань мне отворять, а я вздохнул
 Из сердца умиленно: «Помоги мне!».
 И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
 Как мне палач язык под корень резал
 И руку правую на плахе отсекал.
 (Как первой резали — что лютей змей кусал).
 До Вологды шла кровь проходом задним.
 Теперь в тюрьме три дня я умирал.
 Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
 Где был язык во рте — слин стало много,
 И что под головой — все слинами омочено:
 И ясть нельзя, понеже яди
 Во рту вращати нечем.
 Егда дадут мне рыбы, щей да хлеба,
 Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
 А по отъяти болезни от руки
 Я начал правило в уме творити,
 Псалмы читаю, а дойду до места:
 «Возрадуется мой язык о правде твоя», —
 Вздохну из глубины — слезинка
 Из глазу и покатится:
 «А мне чем радоваться? Языка и нету». . .
 И паки: «Веселися, сердце, радуйся, язык!».
 Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?»
 Нет языка в устах, и сердце плачет».
 Так больше двух недель прошло, а все молюсь,
 Чтоб богородица язык мне воротила.
 Возлег на одр, заснул и вижу: поле
 Великое да светлое — конца нет. . .
 Налево же на воздухе, повыше,
 Лежат два языка моих:
 Московской — бледноват, а пустозерской

Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резанному месту
Идеже прежде был, его приставил, —
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденю и к молитве
По-прежнему способен, как в пустыне,
И слин нелепых во устех не стало
И есть язык мне богом данный — новый
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новый.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестой
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!».
С гудением великим огонь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели.
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929 г.
Коктебель.

В. С. ЛЮБЛИНСКИЙ

К пониманию генезиса гражданского письма

В связи с повышенным интересом к проблемам межкультурных связей за последнее время внимание исследователей, как советских, так и иностранных, не раз обращалось к переломному периоду в истории России конца XVII—начала XVIII в. В частности, за короткий срок появились два новых исследования, посвященных изучению петровской реформы шрифта и алфавита, — наблюдения П. Н. Беркова (в его статье «Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века», служащей введением к каталогу «Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г.». Л., 1958, стр. 11—13) и Леннарта Чьелберга — статья «Some notes on the origin of the graždanka» в журнале «Nordisk Tidskrift for Bok-och Biblioteksväsen» (Uppsala, 1958, стр. 81—90).

Построенные на разном материале и формулирующие выводы в несколько различных планах, обе работы совпадают в основном. Они обосновывают роль (едва ли не ведущую) греческого компонента среди факторов, приведших к смене кириллицы гражданской печатью.

Сами наблюдения обоих названных знатоков русской книги и рукописи данного периода очень ценны и вполне надежны. Действительно, примеров и аналогий собрано значительно больше, нежели когда-либо прежде; в плане чисто графическом многие сближения весьма наглядны и убедительны. Неоспоримо и то, что, обогащая в данном направлении наши знания о том печатном и каллиграфическом материале, который имелся перед художественным взором создателей нового алфавита, положения П. Н. Беркова и Л. Чьелберга конкретизируют реальную историческую действительность и позволяют отойти от упрощенческих представлений о механическом заимствовании форм букв только от западных образцов или даже о творческой переработке единственно только русской писцовой практики и синтезе ее опять-таки только с голландскими типографскими шрифтами.

Однако нам кажется, что за всем этим в обеих названных работах имеется слабое место и что в известной мере они не столько вскрывают суть проблемы, сколько уводят от нее.

Оба автора придают решающее значение графическому (в смысле художественного, стилистического) моменту («построению» буквы) и не уделяют должного внимания палеографической стороне вопроса (эволюции принципов написания). Это позволяет им делать основной упор на чисто формальное сходство, а не на общие закономерности развития письма, что уже априори может считаться методологически сомнительным.

Оба они строят свои взгляды на рассмотрении почти исключительно прописных букв (а Чьелберг даже преимущественно фигурных декоратив-

ных инициалов¹). Вопрос же о том, какая роль в становлении и преобразовании определенного письма принадлежит строчным буквам, даже не возникает.

Наконец, оба автора, давая ряд местных определений отдельных свойств кирилловского и гражданского шрифтов, совершенно не касаются основной характеристики типов письма, кардинальной с точки зрения палеографической эволюции.

Рассмотрим последовательно слабые стороны каждой из этих трех избранных авторами позиций.

Конечно, новые типографские шрифты создаются и создавались выдающимися графиками — резчиками пунсонов, а мастера эти изучали, осваивали и творчески преобразовывали лучшие эпиграфические, каллиграфические и декоративно-типографские образцы. Но ведь никому не придет на ум представление о «создании» гражданского шрифта «1708 г.» (или его модификации 1710 г.) как о творческом акте, ограниченном пределами словолитной (соответствующей типографской) действительности и обособленном от всей рукописной практики. А в этой последней, при всем выдающемся значении достижений, манер и учений определенных каллиграфов, не их² деятельностью формировалось общее направление развития письма, но широкой общественной практикой.

Сдвиги, вызываемые появлением новых материалов и инструментов письма, новых форм книги и документа, а в еще большей мере — изменением самого состава письменности и социального круга пишущих и читающих, эти сдвиги всегда, на любом этапе развития письма и книги, играли несравненно большую роль, нежели та стилистическая законченность, шаблонность или, наоборот, оригинальность, которую грамоте придавали искусные нотариусы или странице книги — монастырские писцы.

Следовательно, при рассмотрении той или иной стадии развития письма надлежит принимать в соображение в первую очередь общие тенденции этого развития, доминирующий характер основной нормы письма, а не большую или меньшую степень стилистической законченности оформления документа или книги (а тем самым не последовательность или случайность, уместность или беспомощность в подражании тем или иным элементам орнаментации). Пока в отношении первой позиции ограничимся этим чисто принципиальным соображением.

Роль прописных букв в различных типах письма, естественно, была неодинаковой. Оставим пока в стороне совершенно по-новому ныне решаемый вопрос об их исторической очередности.³ Обратим сейчас внимание на то, что в любом виде капитального письма (а равно и в эпиграфике) никакого выделения прописных букв вообще нет, они еще не существуют как категория даже в тех, крайне редких при этом типе письма, случаях, когда имеется разделение слов или фраз; а в так называемом унциальном латинском письме их самостоятельность еще весьма относительна: отличаются они от строчных только размером, но отнюдь не рисунком. Лишь в письме миноускульном (и, разумеется, в некоторых курсивах) прописные буквы обособляются в отдельный разряд, имея вполне ощутимую (хотя и не до конца реализуемую) тенденцию к приобретению очертаний, от-

¹ На стр. 83 своей статьи автор это утверждение о том, что наиболее богат материал для сравнения в украинских изданиях, сопровождает оговоркой. «Правда, все это лишь прописные (It is true they are all capitals), но ведь как в церковнославянском, так и в гражданском алфавите прописные и строчные не особенно дифференцируются»

² То же относится и к граверам карт, титульных листов и т. п.

³ См. ниже, стр. 524

личных от очертаний своих строчных эквивалентов. Это обстоятельство присуще отнюдь не одному лишь латинскому письму, но проявляется и в греческом, а также в армянском и грузинском; прослеживается это нарастающее различие и в нашем ряду «устав—полуустав—скоропись—гражданское письмо».

К тому же, в книжном письме имеет место сочетание строчного почерка минускульного типа с прописными буквами капитального или унциального типа, используемыми в качестве инициалов или заголовков, а иногда и в декоративных целях. Явление это широко известно в ряде восточных «узорных» шрифтов, но для нашей цели достаточно сослаться на более доступные и наглядные примеры на пути становления европейского письма.

В VIII и IX в., т. е. в момент творческого становления и активного утверждения нового, так называемого «каролингского» мелкого минускульного письма (по новейшим данным — модификации позднеримских книжных минускулов), в качестве единого и всеобщего книжного почерка в заголовках, а также в инициалах почти сплошь применяются формы старого (отброшенного) унциального письма; а в наиболее торжественных рукописях целые начальные страницы по декоративным соображениям пишутся даже капитальным письмом. Три-четыре века спустя, при безраздельном господстве чисто готических («угловатых») форм почерка (минускульного с изломом) на всем протяжении текста книги, инициалы чаще всего имеют вид так называемых «ломбард», т. е. несколько стилизованных, но все же отчетливо «круглых» букв унциала. В наиболее типичном русском (и вообще славянском) книжном письме — полууставе — построение фигурных инициалов опять-таки несколько отличается от очертаний самого почерка текста, но еще ярче иные принципы построения буквы и строки сказываются в обличье вязи.

Здесь не место анализировать генетическую связь наиболее архаических элементов книжного письма с эпиграфикой, достаточно констатировать, что самая потребность в «выделительном шрифте» в полной мере сказывалась еще задолго до книгопечатания и приводила к органическому сосуществованию с характерным для данного периода письмом, эволюционирующим целенаправленно и прогрессивно, элементов иного письма, оставлявших большой простор для стилизации, но не подчиненных основной линии развития основного письма текста; элементы эти бытуют вне самого текста, в лучшем случае — в виде первой буквы главы или даже всей книги.

Не иначе обстоит дело и в первопечатных книгах. На Западе долго в книгах, набранных текстурой или фактурой (основные из многочисленных разновидностей так называемых готических шрифтов), вписывались от руки вполне унциальные «ломбарды», затем их стали впечатывать (красным) во всех литургических книгах и (обычным, черным) в светских. Когда же начали применять резные фигурные инициалы, их создатели сумели находить разнообразнейшие художественные решения, обеспечивавшие общее стилистическое единство с набором, но отнюдь не обязательно подчинявшие построение инициала построению букв набора. В тех случаях, когда при создании инициалов для шрифтов антиквы творцы этих инициалов вдохновлялись образцами древнеримской эпиграфики, автоматически и объективно получалась большая близость также между построением этих инициалов и построением прописных букв самого шрифта. Но лишь потому, что в типографской антикве, так же как и в ее прообразе — гуманистическом минускуле, вполне отчетливо и сознательно получила свое логическое завершение основная тенденция латинского минускула во-

обще — создавать для прописных букв формы, отличные от строчных букв, и притом путем усвоения «доминускульных» (точнее: неминускульных) форм: ср. **ABDEFGHLMNQRS⁴T**. Это обстоятельство сыграло тем большую роль в дальнейшем развитии, что первые выдающиеся теоретики построения шрифта — Пачиоли, Дюрер, Тори — преимущественно анализировали пропорции именно прописных букв, искали канон капитальных шрифтов римских надписей и совсем мало останавливались на очертаниях букв строчного письма или шрифта. Показательным для гетерогенности этих двух элементов в шрифте является то, что когда в первые годы XVI в. появились книги, печатанные вновь изобретенным наклонным шрифтом — курсивом (на базе канцелярских курсивов), то первоначально прописные к нему брались прямые, от этого впоследствии, еще в XVI в., отказались, но характерно, что с тех пор и до наших дней в курсивных шрифтах, как бы подражающих рукописным, прописные буквы (даже став наклонными) продолжают иметь как бы «печатные», т. е. на самом деле капитальные, неминускульные, формы. Что касается специально резных инициалов, то разнообразие и отклонения были достаточно велики даже в антикве, не говоря уже о готическом или греческом шрифте. Для антиквы этот разбой в инициалах продержался до общей стилистической реформы классицизма в оформлении книги, т. е. до второй половины XVIII в., когда фигурные инициалы были вообще отброшены и их заменили лишь в несколько большем кегле взятые прописные основной гарнитуры; косвенно это влияние классицизма сказалось и на оформлении книг других (готических, греческих, русских) шрифтов.

Жизнь русских и украинских инициалов XVI—XVII вв. еще недостаточно подвергалась специальному изучению, но не подлежат сомнению большое их разнообразие, сложные замыслы в их построении и самостоятельные пути развития при совершенно неизменной основе самого шрифта — полууставной кириллицы.

Что касается специально греческих типографских шрифтов XV и XVI вв. (а отчасти и позднейших, вплоть до середины XX в.), то их очертания, восходящие, как известно, к византийскому книжному минускулу (во многом не сходному с западным и включающему ряд черт, свойственных курсиву), особенно сложны, изобилуют узлами и петлями, лигатурными формами, выступающими за строку, и т. п.; в то же время благодаря всему этому четырехлинейность — основное преимущество и определяющий признак всякого рационального почерка и особенно типографского шрифта — в греческих шрифтах XV и XVI вв. была выражена чрезвычайно слабо. Тем самым предопределялось, что развитие инициалов должно пойти в них в графическом и стилистическом отрыве от характера самого шрифта. Инициалы греческих шрифтов и строились поэтому всецело на основе образцов капитального, точнее — древнего эпиграфического, письма, неоднократно примыкали к инициалам латинских типографских шрифтов. Этого, однако, безусловно недостаточно для введения термина «греческая антиква», предложенного П. Н. Берковым повторно на стр. 12 его работы; термин этот тем более внутренне противоречив и сбивчив, что самой сутью антиквы является не мера закругленности тех или иных букв (тем более, резных инициалов), но именно доведенный до совершенства принцип минускульного (четырехлинейного) письма.

Сказанное здесь ничуть не опровергает наблюдений П. Н. Беркова и Л. Чьелберга о том, что в украинских и русских изданиях последней трети XVII в. все интенсивнее декоративные инициалы резались (или

⁴ Строчное s писалось чаще в форме длинного f

даже отливались) в подражание декоративным инициалам греческих шрифтов. Но все это отнюдь не раскрывает основной тенденции в развитии русского письма и типографского шрифта. Перестройка письма не есть механическая сумма новых очертаний отдельных букв, тем менее — декоративных инициалов, остающихся несходными с основным письмом (или шрифтом) текста. Она всегда итог исканий нового, более рационального (экономного, следовательно мелкого, следовательно четкого⁵) письма, подобно тому как (часто с нею связанная и одновременная) реформа орфографии не есть лишь узаконение упрощений, ставших обычными, но является шагом к большей доступности и универсальности письменного языка. Поэтому-то все крупные перестройки принципов письма исторически закономерны и объективно прогрессивны.

При этом общей тенденцией письма является не только переход от менее универсальных систем к системе звуковой и притом алфавитной, но и внутри этой последней — выработка такого графического оформления букв, которое бы позволяло наиболее легко писать и наиболее быстро читать написанное. В случае механического письма (набора или даже машинописи) первое требование практически теряет свое значение, но второе его полностью сохраняет, причем в тем большей мере, чем к более широкому кругу читателей обращается произведение печати по сравнению с рукописью. В интересующем нас разрезе — хотя бы в силу того, что именно европейское книгопечатание оказалось наиболее развитым, — наиболее существенным является именно европейский вариант развития. А в этом варианте опыт человечества выработал в соответствии с этими двумя требованиями минускульный тип письма, превосходящий другие типы своей экономичностью (позволяет писать мельче) именно вследствие своей большей четкости; четкость же эта обеспечивается тем, что каждая буква резко отличается от другой (при общей плавности очертаний слова), и глаз быстро схватывает очертания целого слова, внутри которого теперь уже не сливаются сходные круглые или вертикальные элементы, как то неизбежно имело место при малейшем ускорении неминускульных почерков. Прежде считали, что это крупнейшее достижение человечества на поприще письма было завоевано в VIII в. создателями тех почерков, которые в синтезе дали к началу IX в. «каролингский» минускул. Огромная работа французских палеографов на протяжении последних десятилетий⁶ заставляет пересмотреть это привычное представление и убеждает в том, что борьба за четырехлинейность, минускулизацию началась гораздо раньше, еще в римский период, когда цивилизация была гораздо более развитой и предъявляла более широкий спрос на создания письменности. (Таким образом, общие всемирно-исторические масштабы этого процесса становятся еще гораздо более внушительными).

Одним из основных приемов резкого различия букв является применение большого числа элементов, выступающих сверху или снизу за гра-

⁵ Под четкостью следует понимать быстрочитаемость слова и строки, а не геометрическую простоту фигуры буквы. Шрифт, состоящий из простейших по построению и не сходных между собой, т. е. «четко различных» кружков, квадратиков, треугольников, звездочек и т. п., вовсе еще не обладает этим важнейшим свойством быстрочитаемости, подобно тому как мелодия связанного гармонического рисунка усваивается легче, чем серия хотя бы очень отчетливых, но вполне разнородных звуков, созвучий, шумов и т. п.

⁶ J. Mallon, R. Marichal, Ch. Perrat *L'écriture latine de la capitale à la minuscule*. Paris, 1939; J. Mallon. *Paléographie romaine*. Madrid, 1952; Ch. Perrat. *Paléographie romaine* (доклад на X международном конгрессе историков в 1955 г. см.: X Congresso di scienze storiche. Relazioni, vol. I. Roma, 1957). На русском языке см. об этом заметку А. Д. Люблинской «Новая теория развития позднеримского письма» в XI выпуске сборника «Средние века» (М., 1958, стр. 145—151, с 5 таблицами).

ницы самой строки. Двенадцать из двадцати четырех современных букв антиквы — **b, d, f, g, h, i, k, l, p, q, t, y** (а вместе с бытовавшим до конца XVIII в. длинным **ī** — тринадцать) — обладают этими выступающими элементами, сполна обеспечивая строке четырехлинейное восприятие ее глазом; применяемые в ряде языков диакритические знаки (**â, á, â, ä, e, ĩ, õ, ü ç, š, č, ž, à** и т. д.) повышают процент четырехлинейных элементов.

Другим ведущим приемом является, как уже отмечалось выше, нарочитое отклонение очертаний ряда прописных букв от соответствующих строчных (в современном латинском шрифте — в 14 случаях, частично не совпадающих с только что приведенным рядом). Это тоже служит более быстрому различению глазом, т. е. позволяет писать мельче.

Сразу же отметим, что в церковнославянском шрифте (полууставной кириллице славянских изданий XV—XVII вв.) оба этих признака были выражены крайне слабо, в гражданском же шрифте оба они находят полное воплощение. Правда, в некоторых церковнославянских шрифтах, казалось бы, тенденция к прорыву двухлинейности выражена весьма резко и, например, хвосты у **д, з, р, ф, х, ц, ч** нарочито удлинены;⁷ однако выгоды этого в значительной мере парализуются тем, что обилие надстрочных знаков (силы, титлы) вместо разнообразия верхних элементов создает дополнительный ряд однообразных значков над каждым почти словом.

Есть, однако, еще одна сторона дела: медлительность написания и недостаточная четкость (в смысле быстрочитаемости) кириллицы. Они связаны с самим построением букв, восходящим к временам письма каламом или кососрезанным нерасщепленным пером. Крайне мало плавных переходов от одного графического элемента буквы к другому; строка представляет собой (почти как в «текстуре») шеренгу чередующихся широких «черных» вертикалей и тончайших светлых (волосных) наклонных или горизонтальных линий. Достигаемая при этом искусным писцом красота облика страницы заключается как раз в нахождении безошибочного ритма чередований вертикальных «теней» и «светов» при сознательном введении вариантов отдельных букв во избежание однообразия.⁸ Формальный художественный эффект достигался великолепный — но явно за счет четкости (в готических шрифтах в этом же направлении воздействовало органически им свойственное обилие так называемых контракций, отмечаемых надстрочными значками; сравни сказанное только что о титлах в кириллице; обилие же лигатур создавало большой простор писцу для оживления картины строки).

Уже в «каролингском» минускуле, в большей же мере в гуманистической антикве, а особенно в антикве печатной, принцип построения буквы (а тем самым и сложения строки) совершенно иной. Он органически связан с писанием острым, но расщепленным пером и заключается в том, что при значительном преобладании кривых и почти полном исчезновении изломов в очертании буквы переходы от черных частей к светлым совер-

⁷ Среди трех гарнитур полуустава, приведенных в Букваре Ф. Поликарпова 1701 г., доля букв с выступающими элементами составляет соответственно 33, 20 и 27%, а за вычетом тех букв, которые не вошли в гражданский алфавит или не удержались в нем, — еще меньше, тогда как в вышеприведенном сопоставлении букв антиквы она достигает 50—54%.

⁸ С чисто графической точки зрения именно этот характерный для готической текстур принцип ритмического чередования темных вертикалей и просветов нашел себе в славянских рукописях (и первопечатных изданиях) особенно полное воплощение в письме вязи (на что, как кажется, доныне не было обращено достаточного внимания, равно как и на генетическую связь изобретенного Г. Скориною шрифта с «вертикальностью» и узорностью вязи).

шаются плавно и не доводятся до ярко выраженного контраста между ними. Здесь нет нужды пересказывать историю искания и выработки этих черт антиквы, вплоть до завершения этого процесса в диалектическом доведении до крайности именно этой контрастности в шрифтах конца XVIII—начала XIX в., типа Дидо и Бодони (начиная с середины XIX в. эти крайности в обычных шрифтах сильно смягчены). Важно лишь учесть, что в XVII в. антиква достигла не только большого изящества, но и высокой степени четкости, причем именно эльзевировские (и вообще голландские) шрифты занимали в этом отношении особое положение.

Пусть для стилистических исканий украинских типографов определенных десятилетий XVII в. показательны сближения инициалов и прописных букв кириллицы с инициалами и капитальными формами прописных букв греческих шрифтов. Пусть, с другой стороны, наилучшим образом будут объяснены попытки Тессинга и Копиевича «минускулизировать» московскую кириллицу в амстердамских изданиях и на примерах прописных букв демонстрировать кажущееся единство или родственную близость церковнославянского шрифта и антиквы. Какова бы ни была роль этих наборных новшеств (а знаменитое «КОНЕЦЪ» в амстердамском «Кратком собрании Льва миротворца...», 1700 г., несомненно оказывало свое воспитывающее действие на вкусы русских читателей и, быть может, типографов), все же все это приходится считать не более как явлениями, сопутствующими рождению нового, но не причиной или объяснением этого нового.

Не воля преобразователя, стремившегося порвать с традицией, и не какая-то якобы имманентная невозможность печатать светские книжки кириллицей, а просто неизмеримо возросшая потребность в письме и чтении привели к тому, что к началу XVIII столетия почерк полуустава, складывавшийся еще в XIV в., совершенно перестал отвечать своему назначению основного книжного письма, почерки же лишь несколько более поздней по своему возникновению скорописи стали приобретать новые черты, свойственные типично минускульному письму. Большой научной заслугой А. Г. Шигала⁹ явилось то, что он первый к вопросу о русской шрифтовой реформе начала XVIII в. подошел с позиций палеографии и убедительно показал, что введение гражданского письма отвечало процессам, складывавшимся и протекавшим внутри русской писцовой практики. Недоумение вызывает лишь то, что этот автор, анализируя удельный вес русских и иноземных элементов в шрифтах 1708 и 1710 гг., точно так же как и его многочисленные предшественники, писавшие о возникновении «гражданки», не отметил той стороны дела, которая едва ли не наиболее существенна для палеографа и шрифтоведа.

В гражданском письме Россия получила впервые отчетливо минускульный шрифт с ярко выраженной четырехлинейностью и притом при сознательном использовании именно наиболее совершенного шрифтового образца своего времени.

Установив это основное обстоятельство, мы можем менее пристально разыскивать каллиграфические и граверные прообразы «гражданки», особенно среди инициалов, и не пытаться нащупать некую «протогражданку» («pre-graždanka» у Чельберга) — историческую фикцию. Что касается

⁹ А. Г. Шигала. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947. — Уже после написания настоящей статьи, доложенной в Институте русской литературы АН СССР в марте 1959 г., вышла в свет ценная монография этого же автора «Русский гражданский шрифт. 1708—1958» (Изд. «Искусство», М., 1959), в которой разбираемым здесь вопросам уделено особое внимание на стр. 25—114. Однако отмечаемая нами сторона дела и в этой работе остается почти незатронутой.

форм прописных букв, то лучше всего подтверждается их далеко не ведущая роль в возникновении нового шрифта именно тем, что они как раз более всего оказались неустойчивыми в первом варианте шрифта 1708 г. В одних случаях дальнейшая эволюция пошла по линии дифференцировки, например круглое прописное **б** аналогичное по построению строчному, было заменено на прямоугольное наше «**Б**», более близкое к кириллической основе, чем строчное (подобный процесс отмечается и у прописных **З, У, Ф**, последнее принимает отчетливо греческую форму). Но в других случаях начертание новых русских прописных букв — если они не полностью совпадали с западной практикой, как **Аа, Ее, Оо, Рр, Сс, Хх**, — шло по пути создания форм идентичных для прописной и строчной. При этом в отдельных случаях даже исчезала дифференцировка построения прописной и строчной, свойственная антикве: **Вв, Мм, Нн, Тт**; исчезала она в случаях букв, заведомо созданных не по типу антиквы, а по типу кириллицы и ее греческого прообраза: **Гг, Лл**. Во всех этих последних шести случаях можно утверждать, что создатели гражданского шрифта поступились своеобразием строчной буквы, подчинив ее построению прописной, а не наоборот. Но это получилось ценой проигрыша в четырехлинейности для случаев **g, j, l, t**, а также для **k** (а для того времени и **l**).¹⁰ В целом из 36 букв гражданского шрифта выступающими за строку элементами обладают 11 — число меньшее, чем в антикве, но вполне достаточное для того, чтобы придать четырехлинейный характер шрифту в целом. Массированное же сохранение в русском шрифте форм, отличных от антиквы и совпадающих с греческими очертаниями или приближающихся к ним, всецело объясняется не каким-либо предпочтением греческих образцов XVII в., но просто тем фактом, что в самой основе соответствующих букв — в кириллице — уже исконно, очевидно с IX в., лежали греческие (минускульные) образцы, или же буквы, созданные для звуков славянского языка, незнакомых греческому алфавиту, строились исконно по аналогии с ними. Характерно, что ни одна из них не получила и впоследствии дифференцировки в начертании строчной и прописной, как не получило ее и чистое новообразование (графическое и фонетическое) — буква **Ээ**.

Приведенные здесь наблюдения имели единственной целью показать, что стилистическое освоение в XVII—начале XVIII в. ряда греческих инициалов русскими печатниками не могло играть существенной роли в самом процессе перестройки русского письма, приведшей к реформе шрифта, и что одной из существеннейших сторон введения гражданского шрифта являлось то, что Россия перешла к письму наиболее рационального, а именно минускульного, типа, причем это достигалось не только на путях графического моделирования самой конфигурации букв (или их пропорций), но и на путях подбора сочетаний неоднородных по начертанию прописных и строчных.

¹⁰ Прогресс на **п** против латинского **p** перекрывается выигрышем в русском **p** против латинского **g**; чистым выигрышем зато являются русское выступающее под строку **у** против латинского **u**, а также те русские буквы, которые не имеют аналогов в антикве: **ц, щ, ъ, й**.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Л. А. ДМИТРИЕВ и А. И. КОПАНЕВ

Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г.

Археографические обследования различных населенных пунктов Карельской АССР имеют давнюю историю. В дореволюционные и послереволюционные годы несколько раз ездил за рукописями в Беломорье Ф. А. Каликин. Большая часть собранных им рукописей составила основу собрания В. Г. Дружинина, ныне находящегося в БАН. Кроме того, Ф. А. Каликин собирал рукописи для ОЛДП. По инициативе А. А. Шахматова начиная с 1901 г. ученый-хранитель рукописного отдела Библиотеки Академии наук В. И. Срезневский пять раз совершал археографические экспедиции в Вологодскую, Архангельскую, Олонецкую и Пермскую губернии. Собранные В. И. Срезневским рукописи составили основу так называемого Северного собрания БАН. Поисками и собиранием рукописей в Беломорье и Заонежье в 1908 и 1909 гг. занимался секретарь Олонецкого губернского статистического комитета Н. С. Шайжин. В 1927 г. в районы Беломорья была организована археографическая экспедиция Петрозаводским губернским музеем. В 1939 и 1940 гг. в Беломорском и Кемском районах работала археографическая экспедиция Научно-исследовательского института культуры Карельской АССР в составе В. И. Малышева и В. И. Морозова. Собранные этой экспедицией рукописи явились основой рукописного собрания Карельского филиала Академии наук СССР. Пополнение этого собрания, насчитывающего в настоящее время около 400 единиц хранения,¹ продолжалось и в послевоенные годы. В 1946 г. В. И. Малышевым, в 1948 г. Л. А. Дмитриевым и Е. А. Майминым и в 1949 г. Л. А. Дмитриевым проводились археографические обследования Заонежья. В 1950 г. Л. А. Дмитриевым была совершена археографическая поездка в Кемь, Беломорск и некоторые деревни Кемского и Беломорского районов.

Экспедиция 1950 г., имевшая главным образом разведывательный характер, показала, что, несмотря на многочисленные археографические поиски в Карельской АССР, находки рукописных книг и приобретение их у местного населения в деревнях Беломорья еще вполне возможны. В 1959 г. было решено возобновить археографические разыскания в Карельской АССР. Экспедиция, работавшая с 17 июня по 7 июля, проводилась совместно Институтом русской литературы АН СССР и Библиотекой АН СССР. Были обследованы некоторые населенные пункты Лоухского, Кемского и Беломорского районов КАССР: Чупа, Кереть, Черная Река, Боярская, Кемь, Верховья, Летняя Река, Шуерецкое, Сухое, Вирма, Сумский Посад, Пертозеро и Нюхча.

---

¹ Сейчас это собрание находится в Рукописном отделе ИРЛИ.

Чупа, Кереть и Черная Река—стариннейшие русские поселения Беломорья. По документам XVI в., все они входили в состав так называемой Керетской волости. О значительном экономическом развитии волости Кереть уже в середине XVI в. свидетельствуют сохранившиеся сотные выписи из писцовых книг. Так, в сотной из писцовых книг Якима Романова и Никиты Путятина 1563 г. в трех поселениях Керетской волости насчитывалось 60 дворов и 80 человек людей (в самой Керети 44 двора, в волостке Чупа—10 дворов и в Черной Реке—6 дворов). Все дворы названы чепашенными, что свидетельствует об отсутствии здесь земледелия. Основным занятием населения было рыболовство и солеварение. Красную рыбу семгу ловили в реке Керети; в реке Пулонге ловили мелкую белую рыбу; в многочисленных тонях по Чупской губе, по Керетскому заливу, по островам и по берегу Белого моря шел лов морской рыбы. В волости насчитывалось 44 варницы, в которых «зиме и лете» вываривали соль. Важным занятием жителей Керети был жемчужный и слюдяной промыслы. Специальный царский данщик собирал девятую часть добытого в реке Керети жемчуга «в казну государеву». Слюду «били в каменных горах» у Пулонгского озера. Характерно, что слюду и жемчуг добывали как «тутошные люди», так и «приезжие люди». О больших экономических возможностях керетчан в XVI в. свидетельствует факт быстрого возрождения волости после опричного погрома 1570 г., так называемого «Басаргина правежа», когда в волости запустело 41 двор и 28 варниц. Уже через четыре года, в 1574 г., возродилось 25 новых дворов и была заведена одна новая варница.²

Экономическое развитие Керети шло успешно и в дальнейшем, когда волость находилась во владении Соловецкого монастыря. Уже в XVI в. Соловецкий монастырь имел в Чупе, в Черной Реке и Керети свои дворы, варницы, амбары и другие угодья. Однако лишь в 1607 г. по царскому указу Соловецкому монастырю была отписана четверть Керетской волости, а в 1635 г.—остальные три четверти. Занятия жителей Керети не претерпели изменений. Как и ранее, волость кормилась морским промыслом. Занятия населения определили и бытовой уклад жизни здесь. Керетчане не жили замкнуто, своим мирком. По характеру своих промыслов они должны были издревле торговать, сбывая в центральных районах Русского государства рыбу, соль, жемчуг, слюду и т. д., и закупать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Это общение несомненно способствовало развитию здесь грамотности, а значит, и книжной культуры. И действительно, найденные нами рукописи свидетельствуют о том, что и в XVI в., и в XVII, и в XVIII вв. в Кереть идет поток книг как рукописных, так и печатных. Здесь книги переписываются, обветшавшие рукописи реставрируются, к книгам делаются новые переплеты.

Обследование мы начали с Чупы. Теперешний поселок Чупа—новый, он не связан с древнейшей волосткой Чупой. Он возник в 1916 г., когда строили Мурманскую железную дорогу. Нам показывали два «первых дома» Чупы, хозяева которых и не подозревают, что они поселились на месте старинного русского поселения. Как старожилы Чупы, так и приезжие в Чупу жители (более 6 тысяч) рукописей не имеют. Из Чупы мы поехали в Кереть. В настоящее время Кереть—довольно большой поселок, примерно из 70 дворов. Промышленные предприятия Чупы (леспромхоз, рыбный завод, слюдяные рудники) оттянули из Керети значительную часть жителей (к концу XIX в. в Керети было около 350 дворов). Много

² Сборник грамот Коллегии экономии, т. II. Л., 1929, №№ 137, 138, А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII веков. Пермь, 1927, стр. 72—77.

домов в поселке в годы войны были разобраны на дрова, многие перевезли свои дома в Чупу. По словам местных жителей, при разборке домов вместе с ненужным хламом очень часто выбрасывались старые книги. Много книг сгорело в 1949 г. в местной церкви и в прилегающих к ней домах во время большого пожара.

В первом же доме, в котором мы остановились, на чердаке были найдены две старопечатные и одна рукописная книга. Ожидала нас удача и в местной молельной, пустующей избе, в которой собрана уцелевшая от пожара церковная утварь. Здесь среди нескольких поздних печатных церковно-служебных книг мы обнаружили служебный сборник, писанный красивым мелким полууставом XVII в. За время пребывания в Керети мы обошли все населенные дома поселка. Очень часто хозяева сначала говорили, что у них книг нет, но потом вспоминали, что где-то что-то когда-то, кажется, было, лезли в какой-нибудь короб, или в кладовку, или на чердак и приносили в очень запущенном виде либо старопечатные, либо рукописные книги. Всего в Керети нами было приобретено 33 рукописи и 27 книг.

Деревня Черная Река находится севернее Чупы, в районе северного полярного круга, расположена в устье реки Черная, впадающей в губу Великая Салма. Черная Река значительно меньше Керети. Иначе в этой деревне обстояло дело и со сбором рукописей. У стариков, как рассказывают местные жители, «досельные» книги бывали, но теперь уже почти ничего не сохранилось. Один мужчина вспоминал, что он сам в 20-е годы, переезжая в новый дом, сжег два больших короба книг, доставшихся ему от деда. В результате сплошного обхода большинства домов деревни нам удалось приобрести в Черной Реке пять рукописных книг, все позднего поморского письма.

В деревне Боярская, расположенной в стороне от моря, на озере Боярском, в которой преимущественно живут карелы, мы приобрели лишь одну рукопись — приплетенный к концу поздней печатной церковно-служебной книги список с пятой челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу. Книга эта попала в Боярскую из деревни Воронская, в которой, как говорят жители Боярской, были старинные книги. Но в Воронской в настоящее время жителей нет и дома стоят забытые.

Дальнейшие населенные пункты, обследованные нами, находятся в Кемском и Беломорском районах. Все они также представляют собой старейшие волости Беломорья, входившие в далеком прошлом в состав богатой вотчины Соловецкого монастыря. По сохранившимся актам середины XV в. видно, что Соловецкий монастырь уже в первые годы своего существования активно приобретал земельные владения по рекам Кеми, Летней, Выгу, Шуе, Вирме, Суме и Нюхче.³ На каждой из названных рек монастырь сначала заводил то варницу, то тонию, то пожню, то прикупал наволок, а потом захватывал и всю волость, расположенную по данной реке, со всеми деревнями и крестьянами. Так, получив в начале XVI в. деревню Колежму на реке Выге, а в 1551 г. деревню Сороку на острове того же названия в устье Выга, монастырь фактически завладел всем нижним течением реки. Вскоре (в 1555 г.) к этому добавились смежные владения по реке Суме (26 деревень), полученные монастырем в виде царского пожалования. Около этого времени в руки Соловецкого монастыря попадают волости Вирма, Сухой Наволок и Нюхча. К концу века (к 1591 г.) монастырь завладел всей Кемской волостью, а с приобретением в 1613 г.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, М—Л, 1949, №№ 298—303, 305, 306, 318, 320, 322, 328.

волости Шуерецкой, находившейся между Кемью и Сумским Посадом, земельные владения монастыря слились в единую полосу, идущую по побережью Белого моря на несколько сот километров.⁴ В этих волостях, в отличие от Керети, крестьяне занимались и земледелием. Однако решающую роль в хозяйственной жизни играли все-таки промыслы — рыбный и солеварение. По документам XVI—XVII вв., соляные варницы имеются во всех указанных волостях и производство соли в них достигало нескольких десятков тысяч пудов. Эти промыслы обуславливали широкие экономические связи названных волостей со всем Русским государством. Оживленные торговые связи поморских Соловецких волостей с коренными территориями Русского государства благотворно влияли на развитие культуры поморского населения. Из документов XVI—XVII вв. видно, что здесь очень широко была распространена грамотность. Поэтому совсем не удивительно, что и до сих пор среди населения этих поморских сел сохраняются еще рукописи большой древности. Надо, однако, заметить, что в обогащении районов Кеми и Беломорска старинной книгой большую положительную роль сыграло и старообрядчество.

Кемь уже неоднократно являлась объектом археографических разысканий; довольно обстоятельное обследование Кеми в 1950 г. показало, что здесь возможны лишь случайные, единичные находки, и поэтому больших надежд на этот город мы не возлагали. В Кемь нам удалось встретиться с местным краеведом-любителем, преподавателем химии кемской средней школы И. Ф. Семеновым. Сам он из старообрядческой семьи. В детстве учился грамоте у настоятельницы старообрядческого скита в Мягреке — Соломонии. Хорошо помнит, что у нее было очень много старинных книг. Незадолго до Великой Отечественной войны Соломония умерла, дом ее был разрушен, и куда девались ее книги — неизвестно. Все адреса, данные И. Ф. Семеновым, были уже обхожены в 1950 г. и повторять их обследование мы сочли нецелесообразным. В Кемь у старообрядки М. И. Федотовой были приобретены две старопечатные книги. Одна из них — Триодь цветная издания 1591 г. Андроника Невежи.

Под Кемью, в деревне Верховья (в сущности, это окраина Кеми), мы обошли все дома, в которых предположительно могли быть рукописи. Рукописных книг обнаружено не было, старопечатные (не ранее XVII в.) и поздние старообрядческие издания встречаются довольно-таки часто.

Севернее Кеми была обследована деревня Летняя Река. В деревне имеется небольшая церковь, но ни рукописных, ни старопечатных книг обнаружено в ней не было. Как и в большинстве случаев, местные жители говорили, что у стариков раньше книги были, новые владельцы их не бергли и теперь уже ничего не осталось. Все же нам удалось приобрести 6 рукописей, среди них один сборник XVI в.

Поселок Шуерецкое, расположенный как раз посредине между Кемью и Беломорском, довольно основательно был обследован в 1940 и 1950 гг. Однако и на этот раз удалось найти три рукописные и две старопечатные книги. По сведениям В. И. Малышева, имевшимся уже в 1950 г., в Шуерецкой было много книг у двух старух-сестер, живущих вместе. Посещение этих старух в 1950 г. не дало никаких результатов: в избу к себе они не впустили, ведя весь разговор в сенях, и на все расспросы упорно отвечали, что никаких книг у них нет. Несколько лет тому назад обе старухи умерли, и в настоящее время в их доме живет новая хозяйка. С гордостью и явным сознанием своей заслуги она сообщила, что все церковные старые

⁴ А. А. Савич Соловецкая вотчина XV—XVII веков, стр. 49, 61, 175, 187.

книги, которых у старух был целый шкаф, она никому не отдала, а все их уничтожила. Несколько раз в самых различных домах нам попадались старопечатные книги с печатью Павла Труфанова. Это был богатый шуерецкий купец-старообрядец, книголюб, собиравший рукописные и старопечатные книги. Большая часть рукописей этого собрания была в 1940 г. приобретена В. И. Малышевым. Старопечатные книги, по всей видимости, разошлись по рукам местных жителей, и остатки их кое-где хранятся до сих пор.

В Беломорском районе было обследовано пять населенных пунктов. Наибольший интерес представляют результаты обследования Нюхчи и Пертозера.

В Нюхче было много старообрядцев. И сейчас там активно действует старообрядческая секта скрытников. Мы заходили к двум старухам, живущим вместе в небольшом домике, которых все рекомендовали нам как местных руководители этой секты. Встретили они нас очень неприветливо и категорически заявили, что никаких книг у них нет и быть не может, так как они и читать-то не умеют. Одна местная жительница Павла Ивановна Шамалуева была когда-то в очень близких отношениях с наставником старообрядцев Васенькой, теперь уже покойным. У Васеньки было очень много книг, и все они перешли к Павле Ивановне. Большую часть их она сожгла. Сохранившиеся у нее книги — это в основном старопечатные и поздние старообрядческие издания, имеется три поздних рукописи (XVIII—XIX вв.). Ни одну из книг и рукописей своего собрания владельца ни продать, ни отдать не согласилась. Перечисляем рукописи П. И. Шамалуевой: 1) Повесть о блаженном Германе и службы ему; список конца XVIII в.; 2) сборник слов и поучений; список XVIII в.; 3) сборник старообрядческий; список конца XIX—начала XX в.; состав: о знаменьях прихода антихристового, о страшном суде, «История русского раскола» Щапова, главы из «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова (главы 1, 3, 4, 8, 10, 14), Житие преподобного Виталия-мниха, «О перемьнах Никоновых».

О том, что в Нюхче было, по всей видимости, широко распространено скрытничество издавна, свидетельствует не только существование в деревне этой секты в настоящее время, но и один из найденных нами сборников — это сборник самого начала XX в., в котором собраны различные статьи и копии с писем по вопросам устройства и деятельности скрытнической секты. Всего в Нюхче было приобретено 9 рукописей.

Посещение деревни Пертозеро представляло интерес в том отношении, что здесь до самого недавнего времени существовал старообрядческий скит. Настоятельница этого скита Марфа Васильевна Позднякова умерла в августе 1958 года, и все ее вещи сохранились. Книг среди этих вещей оказалось не очень много (в общей сложности 20 единиц). В большинстве своем это поздние старообрядческие издания церковно-служебных и церковно-уставных текстов. Рукописей было три. Две из них — поздние, поморского письма, церковно-служебные сборники, одна — Житие Зосимы и Савватия Соловецких.

Сумский Посад, так же как Кемь, Беломорск и Шуерецкое, неоднократно посещался археографами, поэтому теперь там попадаются лишь единичные поздние списки. Всего в Сумском Посаде было приобретено три рукописи. В деревнях Вирма и Сухое было обнаружено пять поздних рукописей. В Вирме имеется деревянная церковь середины XVIII в. Книг в ней довольно много, но все они печатные и не ранее XVII в.

Всего экспедицией было собрано 69 рукописей и 39 старопечатных книг. Из 69 рукописей: 6 — XVI в., 6 — XVII в., 29 — XVIII в., 16 —

XIX в. и 12—XX в. Все рукописи и старопечатные книги, собранные в Керети, и все старопечатные книги, приобретенные в других местах, будут храниться в БАН, все остальные рукописи — в ИРЛИ.

Среди приобретенных экспедицией рукописей преобладающее место занимают церковно-служебные книги. Многие из них ценны в палеографическом отношении. Представляет интерес сборник оригинальных церковных поучений второй половины XVII в. Заслуживает быть отмеченным большое количество (в сравнении с величиной всего собрания в целом) апокрифических текстов. В сборниках, приобретенных нами, встречаются такие апокрифы: «Слово» Епифания Кипрского, «Сказание Афродитиана о бывшем чудесе в Перстей земли», «Послание Понтийского Пилата к царю Тиверию господа нашего Иисуса Христа», Евангелие Никодима, сказания о крестном древе, Сказание о главе Адама, повести о Соломоне, Сказание об Иуде, статьи типа статей Исторической Палеи о ветхозаветных лицах, Вопросы князя Антиоха и ответы Афанасия Александрийского. Очень много в сборниках статей из Пролога, Измарагда, Маргарита. Широко представлены в приобретенных сборниках житийные тексты: Алексея человека божия (редакция Златоструя), Николая Мирликийского, Георгия, Евстафия Плакиды, Марии Египетской, Феодоры Александрийской, Парасковии Пятницы, великомученицы Ирины, Иоанна Кушника, Ксенофонта, Галактиона и Епистимии, Моисея Мурина, Андрея Юродивого, Василия Нового, Никиты Переяславского, Зосимы и Савватия Соловецких. Среди многочисленных «слов» и поучений, широко представленных в сборниках, должны быть отмечены «слова» Кирилла Туровского (первая редакция 4-го, 5—7-е и первая редакция 8-го «слова»), 13-е «слово» из «Просветителя» Иосифа Волоцкого. Из произведений повествовательной литературы в сборниках встречаются: четвертая, краткая, редакция поэтической Повести об Азове, Повесть о битве новгородцев с суздальцами, Пятая челобитная Аввакума Алексею Михайловичу, повесть Ивана Пересветова «О царе турском Магмете, како хотел сожеши книги греческия», Повесть о Темир-Аксаке, Хождение Трифона Коробейникова, Сказание о Софии Новгородской, Сказание о смотрени мощей Варлаама Хутынского (со значительным добавлением по сравнению с текстом Сказания Новгородской III летописи), повести о пустынноиках соловецких, отрывок Повести о хмеле. Широко представлены в собрании старообрядческие тексты. Отметим некоторые из них: Повесть о Павле Торомском, Сказание о Павле Коломенском, Сказание о Досифее Новгородском, выговское сочинение об Илье-пророке, «Ответ священноинок Геронтия соловецкаго монастыря к востязующим мя чесо ради не приемлю новых книг...», Сказание о кресте Спасителя, Сказание о лестовке, Житие Корнилия Выговского, Соборное послание выговцев к польским федосеевцам о браках, сборник статей и писем о скритничестве.

Как уже указывалось выше, кроме рукописей, мы привезли 39 книг. Из них 2 книги — издания XVI в., 3 — первого десятилетия XVII в., 15 — XVII в., 10 — XVIII в., 2 — XIX в. и 7 — XX в. Большинство книг приобретено в Керети. Напав на значительное количество древних рукописей, находящихся до сих пор в крестьянских домах Керети, мы решили брать и все старопечатные книги, которые нам удастся обнаружить, для того чтобы представить с большей ясностью всю ту книжность, которая была в обращении населения поморского села в XVI, XVII и XVIII вв. Само собой разумеется, что нам не удалось купить ни одной книги светского содержания (как известно, с середины XVII в. они изредка стали появляться), а лишь церковную литературу. Однако это совсем не умаляет ценности привезенного нами комплекса книг. Эти книги, купленные не

в Ленинграде, а вывезенные из старинных поселений, находившихся за тысячи километров от крупных культурных центров древней Руси, дают материал для решения таких специальных книговедческих и библиотковедческих вопросов, как распространение книги в XVI—XVII вв., пути продвижения книги, места хранения книги, отношение населения к книге и т. д. Бытование здесь старинной книги интересно, разумеется, и в общесоциальном плане, как показатель культурного развития окраин Русского государства. Книги XVI—XVII вв. представляют собой в большинстве случаев уникальную редкость. Поэтому хотя приобретенные нами книги и имеются в фондах больших библиотек, однако положение их в ряду вообще русских книг, мастерство печати и их оформление вполне оправдывают покупку этих книг.

Некоторые книги содержат интересные записи. Например, на последнем листе Толкового евангелия, изданного в Вильно в 1595 г., написано «Лета 7107, июля в 12 день на государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича Всеа Руси милостынные деньги на Емцу в Покровской особой монастырь выменил сию книгу, Евангелие Толковое печатное, на Москве Иванец Яковлев сын Емецкой, а дал на нем рубль двадцать один алтын четыре деньги». Здесь все интересно. Во-первых, запись документально подтверждает факт раздачи Борисом, стремившимся укрепить свое положение, милостыни монастырям, в том числе и мелким и отдаленным, как-им являлась небольшая пустынь на далекой Двине. Во-вторых, запись показывает, что книга, вышедшая в Вильно, вскоре попадала в Москву, и, в-третьих, запись сообщает цену книге в конце XVI в. Оказывается, эта книга стоила тогда столько же, сколько примерно стоили две лошади⁵. Имеются записи о цене книг и на некоторых книгах XVII в. Большой интерес представляют вкладные записи. Они дают представление о путях проникновения книг на Север.

Об отношении населения к книге, о бережном ее хранении свидетельствуют записи о возобновлении переплетов на книгах, о реставрации износившихся книг и т. д. Экспедицией приобретено около 10 книг, умело реставрированных в XVII—XVIII вв. Мастера-реставраторы не только подклеивали листы, но и с большим искусством восстанавливали текст. Так, в три псалтыри в XVII в. были вплетены сотни листов с текстом, написанным от руки, причем писец стремился имитировать печатный шрифт реставрируемой книги. От руки исполнялись заставки, инициалы, концовки и т. д. По привезенным книгам устанавливается, что реставрацией книг занимались отдельные мастера. Это было, вероятно, их ремесло.

Из поздних изданий интересны старообрядческие издания XIX—XX вв., которыми наши библиотеки совсем небогаты.

Из сказанного можно сделать вывод, что во всех будущих археографических экспедициях необходимо принять за правило приобретение всех старопечатных книг XVI—XVII вв. и поздних старообрядческих изданий, вне зависимости от того, есть эти книги в фондах библиотек или нет.

Результаты археографической экспедиции в Карельскую АССР свидетельствуют о том, что в деревнях Беломорья и в настоящее время находки рукописей вполне возможны. Поэтому необходимо продолжить систематическое археографическое обследование Карельской АССР. В поездки 1948, 1949 и 1950 гг. в Заонежье и Беломорье еще часто встречались ста-

⁵ В 1599 г. лошадь в Ростове стоила 182 деньги, под Москвой — 100 денег, а в Соловках — 165 денег (см. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 132).

рики и старухи, хорошо знавшие и ценившие рукописную и старопечатную книгу. Приобретение книг у таких владельцев являлось довольно сложным, а иногда и просто невозможным делом. Но зато такие владельцы бережно относились к книге. Экспедиция 1959 г. показала, что в настоящее время рукописные и старопечатные книги преимущественно находятся у случайных владельцев, у людей, не интересующихся старинной книгой. Приобретение книг в связи с этим в настоящее время упростилось, но зато возникла большая опасность гибели рукописной и старопечатной книги. Это лишний раз подтверждает необходимость активной экспедиционно-археологической работы.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ,
НАЙДЕННЫХ В БЕЛОМОРСКОМ, КЕМСКОМ И ЛОУХСКОМ РАЙОНАХ
КАРЕЛЬСКОЙ АССР В 1959 г.

I. Рукописи, поступившие в рукописный отдел ИРЛИ

1. Сборная рукопись, XVI в., в 4-ку, 437 л., полуустав нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей (более поздний, чем рукопись). На лл. 226—226 об. и 292—292 об. имеются владельческие записи и пометы. Наиболее интересные из них: л. 226 — «Златоустый Иоанн пишет—сего ради даны птицам крылья, да избежат рук человеческих. А человеком даны книги, да избежат сетей диавольских»; л. 292 об. — «По милости божии и великих святителей Петра, Алексея Вонгуцкой волости, церкви собора Богородицы поп Петр Софронов руку приложил». Содержание: поучения и «слова» Кирилла Туровского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, жития Екатерины и Иакова Персского, Елеазара и семи братьев Маккавеев, Ксенофонта, епископа Власия, Феодоры Александрийской, Евстафия Плакиды, Алексея человека божия (редакция Златоструя), Владимира с похвальным словом ему (редакция Пролога), Стефана, Никиты Столпника, Марии Египетской, чудеса Николы, «Слово» Стефана о «суспицах и о братщинах», «Слово» Ефрема о втором пришествии, Повесть о битве новгородцев с суздальцами; апокрифы: «Слово» Епифания Кипрского, Сказание о Георгии и змии, «Сказание Афродитиана», «Послание Понтийского Пилата к Тиверрию», Евангелие Никодима и ряд других редких апокрифов.

2. Житие Зосимы и Савватия Соловецких с чудесами и канонами, конца XVII в., в 4-ку, 275 л., полуустав, без переплета, отсутствуют первые листы (начало оглавления).

3. Сборная рукопись, XVIII в., в 8-ку, 482 л., полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранилась одна заставка. Содержание: «слова», поучения, нравоучительные статьи из Пролога и Измарагда, «слова» Ефрема Сирина и Исаака Сирина, «Слово» Кирилла Философа о мытарствах, отрывки и выписки из церковно-служебных текстов, «Пророчество Исаино, сына Амосова о последних днях» (апокриф), выговское сочинение об Илье-пророке, Похвальное слово Илье-пророку, жития Марии Египетской, великомученика Георгия, Парасковии Пятницы, Ирины, легенда о Георгии и драконе (четвертая, русская редакция), притча Варлаама «О печали житейстей»; «Ответ священноинока Геронтия соловецкаго монастыря к востязующим мя чесо ради не приемлю новых книг и яже в них предания», Сказание о кресте видимом, выписки из проложных житий и других текстов о самосожжениях и добровольных страданиях за веру, Скитское покаяние, повесть Ивана Пересвее-

това «О царе турском Магмете, како хотел сожеши книги греческия», Сказание о Псалтыри Василия Великого.

4. Сборная рукопись, XVIII в., в 4-ку, 245 лл., полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранились застёжки. На л. 120 об. почерком, которым написана большая часть рукописи, сделана запись: «Писано в лето 1739 году Кожевским». Содержание: «слова» и поучения из Патерика, Пролога и Маргарита, молитвы, старообрядческие статьи о перстосложении, подборка сведений об изображении двуперстного креста на древних иконах, «Слово» Ефрема о пришествии антихриста, «Слово» Ипполита, папы римского, о скончании мира, Повесть о Темире-Аксаке (четырёхминейный текст), жития Парасковии Пятницы, Иоанна Кушника, Ксенофонта, Галактиона и Епистимии, Слово на представление Николы и два чуда Николы, две главы из какого-то жития, имеющие такие заглавия: «О явлении святых трех мужей Марку земледельцу о создании церквей божиих и о устроении монастыря и о игумене Максиме», «О явлении преподобного Александра игумену Максиму», Повесть об Азовском осадном сидении (4-я редакция Поэтической повести об Азове).

5. Сборник, конца XVIII в., в 4-ку, 507 лл., скоропись нескольких почерков, без переплета, начало и конец рукописи отсутствуют, рукопись трепаная и сильно отсырела. Содержание: краткие статьи о ветхозаветных лицах апокрифического характера, библейские сказания, Сказание Афанасия Великого об Иуде, Сказание о Софии Новгородской, церковно-нравоучительные «слова» и поучения, сказания о скончании мира, «Книга Клирилла Иерусалимского о латынских ересех», жития Моисея Мурина, Ора Черноризда, Андрея Юродивого.

6. Сборник, конца XVIII в., в 16-ю долю листа, 126 лл., поморский полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: Месяцеслов, канон и молитва богородице, «слова» о покаянии, поучения о чистоте духовной и телесной.

7. Отрывок из церковно-служебной рукописи, XVIII в., в 8-ку, полуустав, 12 лл.

8. Один лист с церковно-нравоучительным текстом (отрывок), XVIII в., в 4-ку, скоропись.

9. Сборная рукопись, XVIII—XIX вв., в 8-ку, 293 лл., устав, полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый бархатом, сохранились жуковины и застёжки. Содержание: Месяцеслов, Зрячая пасхалия, Лунное течение, Келейное правило, каноны, ирмосы, тропари, молитвы богородице, Помянник, Хождение Трифона Коробейникова, отрывок из старообрядческого сочинения, в котором противопоставляются Никон и соловецкий инок Савватий.

10. Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, 13 лл., полуустав. Текст вплетен в конец печатного издания книги «Последование», переплет дощатый, покрытый материей.

11. Сборная рукопись, XVIII—XIX вв., в 8-ку, 100 лл., полуустав и скоропись нескольких почерков, без переплета. Содержание: тропари, кондаки, молитвы.

12. Церковно-служебный сборник, начала XIX в., в 8-ку, 53 лл., полуустав, без переплета.

13. Сборная рукопись, XIX в., в 8-ку, 359 лл., полуустав и скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранились застёжки. Содержание: церковно-нравоучительные статьи, повести и «слова» из Пролога, Измарагда, Тропника, Патерика, Повесть о Павле

Торомском (30-я глава «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова), Сказание о Павле, епископе Коломенском и Повесть о Досифее Новгородском.

14. Сборник, XIX в., в 8-ку, 149 л., поморский полуустан, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: Житие Корнилия Выговского (первая, пахомиевская, редакция), Соборное послание выговцев к польским федосеевцам о браках, письмо (без заглавия) Семену Матвеевичу о браках.

15. Вопросы князя Антиоха и ответы святого Афанасия Александрийского, XIX в., в 8-ку, 94 л., поморский полуустан, картонный переплет. Текст без конца: нет окончания ответа на предпоследний (132-й) вопрос и отсутствуют 133-й вопрос и ответ на него.

16. Сборная рукопись (из трех), XIX в., в 4-ку, 117 л., поморский полуустан трех почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, крышки переплета от книги оторваны. Содержание: Житие Василия Нового, Видение блаженного Григория, ученика Василия Нового, повести о пустынножителях на Соловецком острове, Свиток Елеазара Анзерского.

17. Отрывок из стиха, XIX в., в 8-ку, обрывок листка, поморский полуустан.

18. Сборник, XIX в., в 4-ку, 18 л., полуустан, без переплета. Содержание: каноны, ирмосы и кондаки.

19. Месяцеслов, XIX в., в 16-ю долю листа, 137 л., поморский полуустан, без переплета, начало и конец отсутствуют, рукопись сильно потрепана.

20. Церковно-служебный сборник, XIX в., в 8-ку, 108 л., поморский полуустан, переплет картонный, покрытый кожей, рукопись без начала и конца.

21. Месяцеслов с приложениями, XIX в., в 8-ку, 120 л., поморский полуустан и полуустан нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей.

22. Псалтырь, XIX в., в 8-ку, 237 л., поморский полуустан, переплет дощатый, покрытый кожей, обложки переплета отвалились.

23. Сборная рукопись, конца XIX—начала XX в., в 8-ку, 267 л., поморский полуустан нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, в рукописи имеются заставки и вязь. Содержание: Устав о христианском житии, Месяцеслов, Лунное течение, Зрячая пасхалия, О молитве домашней, Келейное правило, Отпусты праздникам, Чин пения псалмов, Исповедание грехов; молитва «К ангелу-хранителю», Сказание о лестовке.

24. Церковно-служебный сборник, конца XIX—начала XX в., в 8-ку, 55 л., полуустан, переплет картонный, покрытый кожей, сохранилась одна верхняя крышка.

25. Устав о христианском житии, XX в., в 8-ку, 124 л., поморский полуустан, переплет дощатый, покрытый кожей.

26. Сборник, XX в., в 4-ку, 83 л., поморский полуустан, переплет картонный. Содержание: статьи и копии писем по вопросам скрытничества.

27. Месяцеслов, XX в., в 16-ю долю листа, 152 л., полуустан, переплет дощатый, был покрыт материей.

28. Служебник, XX в., в 8-ку, 142 л., полуустан, без переплета, начало и конец отсутствуют, рукопись сильно потрепана.

29. Церковно-служебный сборник, XX в., в 4-ку, 65 л., поморский полуустан, переплет картонный.

30. Церковно-служебный сборник, XX в., в 16-ю долю листа, 44 л., поморский полуустан, без переплета.

31. Молитвы, XX в., в 4-ку, 4 л., скоропись, отдельные листки.

32. Церковно-служебный сборник, XX в., в 4-ку, 40 лл., полуустав, без переплета.

33. Церковно-служебный сборник, XX в., в 8-ку, 27 лл., полуустав, переплет картонный, покрытый кожей.

34. Церковно-служебный сборник, XX в., в 8-ку, 15 лл., поморский полуустав, без переплета.

35. Сборник псалмов, XX в., в 8-ку, 35 лл., поморский полуустав, матерчатая обложка.

II. Рукописи, поступившие в БАН⁶

1. (824). Сборник, XVI в., в лист, 136 лл., полуустав и скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: Житие Николая Мирликийского с чудесами, «Слово» Ипполита, папы римского, о скончании мира, О смотрении мощей Варлаама Хутынского. Последняя статья на двух вставных листах XVIII в.

2. (825). Златоуст постный и недельный с прибавлением Торжественника, XVI в., в лист, 474 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей (поврежден).

3. (828). Пролог за июнь—август с добавлением «Слова» Анастасия Синайского, XVI в., в 4-ку, 361 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

4. (823). Житие Иоанна Богослова и отрывок из Библии, XVI в., в лист, 61 лл., полуустав, переплет картонный.

5. (822). Евангелие учительное, XVI в., в лист, 467 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей (поврежден).

6. (845). Сборник, середины XVII в., в 8-ку, 465 лл., скоропись, без переплета. Содержание: статьи из Пролога и Патерика, «слова» Иоанна Златоуста, Григория Великого, Максима Грека, Стослов Геннадия, архиепископа константиноградского, и др.

7. (847). Чин на разлучение души от тела, XVII в., в 8-ку, 12 лл., скоропись, без переплета.

8. (829). Месяцеслов с тропарями и кондаками на весь год, XVII в., в 4-ку, 278 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

9. (846). Отрывок из церковно-служебной книги, XVII в., в 8-ку, 23 лл., полуустав, без переплета, владельческая запись XVII в. на л. 16: «Се аз Никита Стефанов сын ненокшанин дал на себя письмо тые».

10. (830). Сборник поучений на «недельные» (воскресные) дни в 28 главах (с 6-й по 33-ю), XVII в., в 4-ку, 151 лл., полуустав, без переплета.

11. (839). Сборник избранных служб за декабрь—март, XVIII в., в 4-ку, 122 лл., полуустав двух почерков, без переплета.

12. (832). Миния служебная, сокращенная (отрывок), XVIII в., в 4-ку, 5 лл., полуустав, без переплета.

13. (849). Месяцеслов, XVIII в., в 16-ю долю листа, 176 лл., полуустав двух почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранилась только верхняя крышка.

14. (856). Повесть о хмеле (отрывок), XVIII в., в 4-ку, 1 л., полуустав.

15. (831). Цветник священноинюка Дорофея, XVIII в., в 4-ку, 350 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранилась только нижняя крышка. Имеется запись о написании книги в 1765 г.

⁶ В скобках дается номер по собранию Текущих поступлений.

16. (834). Устав церковный (Типикон), XVIII в., в 4-ку, 768 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей (поврежден).

17. (837). Сборник служб за июнь—июль, XVIII в., в 4-ку, 141 л., полуустав, без переплета. Содержание: службы русским святым Борису и Глебу, Макарию Желтоводскому, Кириллу Белозерскому и др.

18. (848). Отрывок из старообрядческого сборника, XVIII в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета. Содержание: статьи о двукратной аллилуия; из Жития Ефросина Псковского; статьи о стрижении волос и бороды.

19. (841). Отрывок из сборника, XVIII в., в 4-ку, 10 л., полуустав, без переплета. Содержание: «слова» и поучения.

20. (826). Пролог за сентябрь—ноябрь, XVIII в., в лист, 416 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, сохранилась только верхняя крышка.

21. (835). Месяцеслов с тропарями и кондаками на весь год с прибавлением канона Одигитрии, XVIII в., в 4-ку, 158 л., полуустав и скоропись, без переплета.

22. (827). Октоих, XVIII в., в лист, 137 л., полуустав, дощатый переплет, покрытый кожей (сильно поврежден).

23. (833). Псалтырь, XVIII в., в 4-ку, 232 л., полуустав, дощатый переплет, покрытый кожей (поврежден). Список с печатной Псалтыри 1640 г.

24. (855). Ирмосы, XVIII в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

25. (842). Выписки о посте и поклонах из разных книг, XVIII в., в 4-ку, 3 л., полуустав, без переплета.

26. (850). Каноник, XVIII в., в 16-ю долю листа, 328 л., полуустав нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей.

27. (852). Каноник (отрывок), XVIII в., в 8-ку, 10 л., полуустав, без переплета.

28. (853). Каноник (отрывок), XVIII в., в 8-ку, 25 л., полуустав, без переплета.

29. (844). Служба киевскому митрополиту Ионе, XVIII в., в 4-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

30. (836). Месяцеслов с тропарями и кондаками за октябрь—декабрь, XVIII—XIX вв., в 4-ку, 64 л., полуустав, без переплета.

31. (840). Святцы с сентября по август, XIX в., в 4-ку, 34 л., полуустав, без переплета.

32. (854). Тропарь, Кондак и Ирмос чудотворной иконе Тихвинской, XIX в., в 8-ку, 2 л., устав, без переплета.

33. (851). Устав о христианском житии, XIX в., в 8-ку, 203 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

34. (843). Дневник крестьянина села Кереть И. П. Подомарева с 1915 по 1937 г., в 4-ку, 53 л., скоропись, переплет картонный.

III. Старопечатные книги

1. Триодь цветная. Москва, 1591. Большие рукописные вставки в тексте и на особо вкленных листах. По листам запись: «Лета 7109, марта в 1 день приложил сию книгу цветную (триодь) на старой посад к Николе и к Илье пророку Петр Васильев сын, а прозвища Божен Хмелев, да Еунтропей Олексеев сын Тамохнина истобник, а прозвища Иван, а родом балахонец. И которой священник у Николы чудотворца и у Ильи пророка и тому священнику по той книге и служити, а тех людей, хто сию книгу приложил, бога молить, а по смерти душа их поминать. И тое

книги не отдать и тою книгою не корыстоватица некоторыми делы и не продать никуды и никому».

2. Евангелие учительное. Вильно, 1595. На последнем листе запись: «Лета 7107 июля в 12 день на государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии милостынные деньги на Емцу в Покровской особой монастырь выменил сию книгу Евангелие Толковое печатное, на Москве Иванец Яковлев сын Емецкой, а дал на нем рубль дватцать один алтын четыре деньга».

3. Минея общая. Москва, 1600. По листам плохо читаемая запись: «Лета ... сию книгу глаголемую Минею общую дал Осип в дом Пречистые богородицы сретения Владимирской сын горосксий Семен ... сын Шмелев ... родителей ... своего ...».

4. Евангелие. Москва, 1606. С хорошо сохранившимися, прекрасно выполненными миниатюрами четырех евангелистов и заставками. По листам запись: «140 году августа в 7 день продана из казны сия книга Евангелие бывшему Соловецкого монастыря игумену Макарью. Подписал монастырской казначей дячек Дружинка Посников».

5. Минея служебная за октябрь месяц. Москва, 1609. Владельческие записи крестьян села Кереть XIX в.

6. Диоптра. Вильно, 1612. В XVII в. книга реставрирована, и в нее вплетено около 100 листов с рукописным текстом.

7. Триодь постная. Москва, 1630. По листам затертая запись.

8. Триодь цветная. Москва, 1630.

9. Шестоднев. Москва, 1640. В XVIII в. книга реставрирована: все листы книги вклеены в рамки из бумаги XVIII в. и вплетены в переплет.

10. Евангелие учительное. Москва, 1639. Владельческие записи крестьян села Кереть. В XVIII в. книга реставрирована — много подклеенных листов и листов с рукописным текстом.

11. Маргарит. Москва, 1641. По листам запись: «7176 году июля в ... день куплена сия книга глаголемая Маргарит (далее на 9 листах запись вырезана), а дано цены шесть рублей».

12. Апостол тетр. Москва, 1648. По листам запись: «Лета 7160 году месяца сентября в 20 день положил сию книгу, Апостол, Петр Можайтин Лукьян Назарьев сын Дешин по сыне своем Офонасье в дом Илье пророку в Белозерском уезде, в Судцком стану, в Сухоцкой волости, в Петуской кулиге, по ево душе, что ево поминати. Без выносу и без выкупу. А потписал сию книгу Истома Лукьянов сын Дешин своею рукою, а дана сия книга Апостол полтора рубли».

13. Апостол тетр. Москва, 1648.

14. Потребник. Москва, 1651. По листам затертая запись. Читаются отдельные слова: «ростовского» и «лета 7160 апреля в 4 день».

15. Часовник. Москва, 1652. Окончание книги рукописное.

16. Часослов. Супрасль, 1772. На внутренней стороне нижней крышки переплета запись: «7360 году снова переплетал униженно последний во христианех».

17. Евангелие учительное. Вильно, 1782.

18. Книга о вере единой и православной. Гродно, 1785.

19. Кириллова книга, сборник в 57 «словах». Гродно, 1786.

20. Пролог за сентябрь—ноябрь. Клишцы, 1786.

21. Ефрем Сирин и авва Дорофей. Супрасль, 1791. На внутренней стороне верхней крышки переплета запись XIX в.: «В Кереть Ивана Федоровича Менщикова или Команева. За работу получено 3 рубля, следует дополнить за кожу и застежки 1 р. 20 коп.».

22. Шестоднев. Вильно, 1792.

23. Златоуст. 1820 (?). Владельческие записи крестьян села Кереть
 24 Службная минея. Изд. XVII в. В книге имеются вставные рукописные листы XVIII в.
25. Псалтырь. Изд. XVII в. Около 50 листов рукописного текста вплетены в книгу при реставрации в XVII в.
26. Псалтырь. Изд. XVII в. Свыше 100 листов рукописного текста вплетены в книгу при реставрации в XVII в.
- 27 Псалтырь. Изд. XVIII в. Имеются вплетенные рукописные листы. Заставки нарисованы от руки.
28. Псалтырь. Изд. XVIII в. Имеются вплетенные рукописные листы.
29. Службная книга. Изд. XVIII в. Имеются вплетенные рукописные листы.
30. Житие Александра Свирского. Изд. первой четверти XIX в.
- 31 Псалтырь. Старообрядческое издание XX в., без выходных данных. Перепечатка с издания 1650 г. Имеется запись о смерти последней настоятельницы Пертозерского скита.
32. Потребник. Издание типографии старопоморской XX в., б. г.
33. Сборник старообрядческий. Изд. XX в., без выходных данных. Содержание: Соловецкая челобитная, Послание к брату смиренного инока и др.
34. История об отцах и страдальцах соловецких. Москва, 1914.

IV. Книги, переданные в библиотеку Сектора древнерусской литературы ИРЛИ

1. Святцы. Москва, 1649.
  2. Святцы. Изд. XVII в. Имеются вплетенные рукописные листы.
  3. Житие боярыни Морозовой и сестры ее Евдокии Урусовой. Старообрядческое издание XX в., без выходных данных.
  4. История об отцах и страдальцах соловецких. Старообрядческое издание XX в., без выходных данных.
  5. Житие и чудеса Николая Мирликийского. Москва, издание Преображенского богодельного дома, 1911. Перепечатка с издания 1643 г.
-

Ю. К. БЕГУНОВ, А. С. ДЕМИН и А. М. ПАНЧЕНКО

Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г.

С 6 июня по 9 июля 1959 г. младший научный сотрудник Сектора древнерусской литературы Ю. К. Бегунов, аспирант Сектора А. М. Панченко и библиограф Фундаментальной библиотеки Бакинского университета А. С. Демин проводили археографические разыскания в Коми АССР и Пермской области. Участники экспедиции начали работу в селе Усть-Ухта, затем обследовали десять населенных пунктов по верхнему течению Печоры и ее притоку Унье: город Троицко-Печорск и селения Покчу, Скаляп, Якшу, Усть-Волосницу, Курью, Пачгино, Усть-Унью, Светлый Родник, Усть-Бердыш (все они входят в Троицко-Печорский район Коми АССР).

С 21 июня работа велась в Ныробском районе Пермской области — деревнях, расположенных по реке Колве (Сусай, Талова, Дий, Черепаново, Тименское, Нюзим, Тулпан, Орловка, Медведица, Петрецово, Русиново, Большая и Малая Гадья). 1 июля участники экспедиции прибыли в город Чердынь, где в течение нескольких дней описывали собрание рукописей местного музея.¹

Обследованные экспедицией населенные пункты распадаются на четыре различных, довольно четко отграниченных друг от друга района: 1) старинное село Усть-Ухта (Ухтинский район Коми АССР); 2) Скаляп и Покча, расположенные на Печоре, севернее Троицко-Печорска; 3) верхнепечорские и уньинские селения (Якша, Курья, Усть-Унья, Светлый Родник и др.); 4) деревни по реке Колве, входящие в состав Ныробского района Пермской области.

Коми население — выходцы из Княж-Погоста и Ижмы — появилось на реке Ухте в 1799 г. Среди старожилов сохранилось предание о книжнике из села Порожска, который писал на языке коми шилом, на дощечках («пас»). В Усть-Ухте помнят также «мастера грамоты» Качаваса (по-русски Василия Сороку), у которого в середине прошлого века была большая библиотека старинных книг и рукописей; утверждают, что в ее составе находились пергаменные книги. Директор Усть-Ухтинской школы-семилетки В. С. Кустышев сообщил нам, что часть этой библиотеки еще в 1955 г. хранилась в старом сарае, сданном потом под склад геологической экспедиции. Теперь все книги, по-видимому, погибли — наши попытки отыскать их оказались безуспешными.

Распространение письменности на верхней Печоре связано с проникновением сюда христианства. В начале XV в., при преемнике Стефана Пермского — епископе Исааке, монахи Ульяновского монастыря с Вычегды

¹ Описание музейного собрания печатается в этом же томе (стр. 608—615).

построили на реке Мылве Троицкий монастырь (неподалеку от нынешнего Троицко-Печорска), просуществовавший до XVIII в.² После церковной реформы Никона в верховьях Печоры, скрываясь от преследований, селились старообрядцы. По документальным данным, в 1678 г. выходцами с Вычегды и из Чердыни «на усть речки Мылвы» на месте современного Троицко-Печорска был основан починок Кузьминский, состоявший из 5 дворов.³ В XVIII в. выходцы со средней Сысолы и с верховьев Вычегды, коми по национальности, основали по реке Печоре деревни Покча, Скаляп, Кодач, Щугор и др. В лесных деревнях «старая вера» (в поморско-даниловском и «странническом» толковании) долго держалась и в русской, и в коми среде.

Отдаленность и труднодоступность селений по верхней Печоре и ее притокам длительное время предохраняли местных старообрядцев от преследований официальной церкви. Однако в середине XIX в. «антираскольническая» деятельность усиливается. Строятся церкви в Троицко-Печорске, Савиноборе, Щугоре и Покче. Нередко в среде местного населения вспыхивают стихийные волнения, происходят столкновения с полицией. Так, в 90-х годах прошлого столетия полиция сожгла верхнеильчские выселки, жители которых отказывались от службы в царской армии.

Местные старообрядцы, спасаясь от преследования духовенства и полиции, укрывались в глухих лесах по Унье, Колве. Там возникли небольшие поселения (один-два дома), ставшие местопребыванием членов секты скрытников. Скрытники выступали против «купнодомных обществ», не признавали документов, в старости переkreщивались, принимая новое имя. В избушках скрытников скапливались иногда значительные книжно-рукописные собрания (в одной из таких избушек мы обнаружили библиотеку осинских скрытников — см. далее).

Жители населенных коми деревень Покчи и Скаляпа также в основном являются потомками скрытников. Больших книжных собраний в этих деревнях не оказалось. Самое примечательное из них — собрание П. И. Мезенцева (среди местных скрытников он известен как «раб божий Василии»), насчитывающее несколько поздних служебных рукописей и старопечатных книг (лицевое Житие Василия Нового, Пролог, сборники). У него же мы нашли две рукописные тетради конца XIX в. Одну — с Повестью о взятии Царьграда и Сказанием Ивана Пересвегова о сожжении книг греческих турским салтаном Магметом, другую — с духовными стихами.

У здешних книголюбов, по национальности коми, встречается в лучшем случае три-четыре книги — Устав, Потребник и т. п., причем владельцы выше всего ценят лицевые издания. В Покче и Скаляпе особого интереса к древним книгам не проявляют, может быть потому, что старики-коми недостаточно хорошо понимают церковнославянский и древнерусский языки. Отсюда, вероятно, и полное равнодушие к тем немногим рукописям, которые нам удалось разыскать. Кроме вышеназванных, это Устав XVIII в. с образцами поморского орнамента, а также несколько десятков рукописных листов XIX—XX вв., содержащих стихи об Иоасафе-царевиче, «боге и бесе» и др.

² Е. П. Савостьянов. Печорский край Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. 1900—1903 гг. 40 лл. Рукопись. Хранится в архиве Всесоюзного географического общества, VII. 98. См также: архим Амвросий. История русской иерархии, т. 5. СПб 1813, стр 550—551.

³ Л. П. Лашук. Очерк этнической истории Печорского края Сыктывкар, 1958, стр. 113.

В Скаляпе и Троицко-Печорске неоднократно приходилось слышать о «лабазе», или «чамье», с книгами, который лет тридцать назад был построен далеко в тайге на реке Велью, в 120 км от слияния ее с Печорой. Впоследствии книги были «сплавлены» на Печору и теперь, как утверждают, находятся в деревнях Кодач, Петрушино и Митрофаново. Мы не могли заняться их поисками, поскольку это отвлекло бы нас на север, в сторону, противоположную намеченному маршруту.

«Малая» Печора (от впадения Илыча до истоков) начала заселяться сравнительно поздно, в первые десятилетия прошлого века. До середины XIX в. известны только Якшинская торговая пристань и деревня Усть-Волосница. Затем возникают Пачгино, Усть-Унья, Курья, Шайтановка и др. Во второй половине XIX в. появляются деревни по реке Унье, причем в нижнем ее течении.⁴ Местные жители рассказывают, что их предки переселились с юга, из Чердыни и соседних с ней сел. Это подтверждают и местные фамилии (Епанчины, Костромины, Бурмантовы), в обилии встречающиеся в Пермской области.

Работу в верхнепечорских деревнях мы начали с Якши. Пристань Якша — сейчас она является центром Печоро-Илычского заповедника — была долгое время перевальным пунктом на торговом пути Чердынь—Троицко-Печорск, деревня же образовалась только в конце XIX в. Старообрядчество здесь, по-видимому, было полностью вытеснено православием уже в начале XX столетия. Старожилы не сохранили никаких воспоминаний о местных книголюбках. Древних книг в Якше найти не удалось.

Более успешными оказались поиски в Курье. У Ф. Е. Пашиной-Непомнящей был приобретен Златоуст постный XVII в. и письма верхнепечорских старообрядцев Л. Н. Пашина и Я. Н. Щукина, относящиеся к 20-м годам нашего столетия. Не исключена возможность, что у Ф. Е. Пашиной-Непомнящей имеются еще какие-нибудь рукописи: она, например, упоминала о сборниках стихов, некогда бывших у нее.

От Курьи до Усть-Бердыша, по Печоре и ее притоку Унье, расположено четыре деревни. В трех из них: Усть-Унье, Светлом Роднике и Усть-Бердыше — мы нашли семь рукописей XVIII—XIX вв. У А. И. Лыловой (Усть-Унья) мы обнаружили полемический сборник 1883 г., содержащий вопросы Никиты Семенова и ответы Саввы Александрова. Он представляет значительный интерес для исследования истории «страннической» секты. В Усть-Бердыше, у И. С. Бурмантова были найдены Азбуковник XVIII в., сборник духовных стихов и другие рукописи. Были у него и старопечатные книги, в том числе «Церковное око» XVII в.

К сожалению, не удалось разыскать книги из скитов, существовавших в 10—20-х годах нашего века на месте ныне покинутых деревень Чимейное и Комарово, а книг, по всем данным, в скитах было много. Только Еварест Евдокимович, уроженец села Ильинска Пермской губернии, один из наиболее влиятельных скрытников, владел несколькими крупными библиотеками. По словам старожилов, он, проповедуя «скрытническое» учение, постоянно возил с собой книги на подводах. У помощников Евареста Евдокимовича, старцев Аристарха Фомича, Никона Степановича, Евсевия Васильевича, также, по всей видимости, было много книг. В Троицко-Печорске геологи рассказывали нам, что еще в 1946—1947 гг. на лесной тропе около Комарова они видели множество беспорядочно сваленных старинных книг. Более точных сведений мы не получили, и от поисков «книг на тропе» пришлось отказаться.

⁴ Там же, стр. 146—148.

На верхней Колве оседлое русское население, по-видимому, появилось не ранее конца XVIII в. В ведомости 1809 г. еще не названы верхнеколвинские деревни, вошедшие впоследствии в Тулланскую волость. От 1847 г. имеются определенные сведения о существовании деревень Нюзим и Петрецово.⁵ Заселение верховьев Колвы осуществлялось за счет выходцев из различных селений Чердынского уезда — Ныроба, Покчи, Искора и др., причем поселенцы были поголовно приверженцами старообрядчества.

Треугольник Светлый Родник—Дий—Талова всегда привлекал старообрядцев и сектантов самых различных толков своей глушью и труднодоступностью: добраться до здешних скитов и «пустынь» было очень нелегко из-за бездорожья, а старый торговый путь с юга на Печору проходил гораздо западнее, через Якшу.

В деревне Сусай старинных книг не нашлось; старожилы, как и следовало ожидать, указывали в сторону Таловой и особенно Дия, последнего по Колве выселка, бывшего в начале столетия центром «Костиной» веры (одна из разновидностей местного старообрядчества).

Примерно в 1890 г. старец по имени Костя Суслов начал проповедовать новое вероучение — крещение обливанием, непоклонение иконам, моление «восток солнца» и т. д. Через десяток лет Д. И. Паршаков, начетчик из Таловой, «разбил довольно легко Костины выдумки».⁶ После этого часть «сусловцев» снова влилась в поморско-даниловскую ветвь старообрядчества.

В самом конце прошлого века в верховья Колвы совершил поездку известный этнограф Н. П. Белдыцкий.⁷ Он отмечал, что в здешних деревнях, у старообрядцев и «сусловцев», обращалось много рукописных и старопечатных книг. В Таловой существовала даже книгописная мастерская, где размножались интересовавшие местных «начетных» людей тексты. Притоку книг в верхнеколвинские деревни и «пустыни» способствовали связи с Чердынью и центральными областями России, которые были довольно оживленными. На Колву часто навещался старообрядец Кустов, занимавшийся книжной торговлей. В Таловой, у Л. Е. Чагина, Н. П. Белдыцкий видел «дониконовские» рукописи, среди них Цветники и Кормчую. По рассказам владельца, книги присылались ему московскими старообрядцами. В Таловой же Н. П. Белдыцкому показали берестяную книгу, где рукой Кости Суслова «старославянским шрифтом ... были переписаны самые святые места из староотеческих книг, все больше об антихристовом пришествии».⁸ Сам старец, когда его посетил Н. П. Белдыцкий, «делал выписку из Книги старчества о антихристе». Обычным занятием Кости Суслова было «переписывать старые книги и раздавать их верующим» — этим он занимался в течение двадцати с лишком лет. По просьбе гостя, старец и ему сделал на память выписку «о крестном знамении». В настоящее время ни в Дие, ни в Таловой о Косте Суслове совсем не помнят; влияние его «веры», по всей видимости, было сведено

⁵ См.: А. А. Введенский. Урало-Печорский край на рубеже XIX—XX веков. — Научные записки Киевского держ. университета им. Т. Г. Шевченко, т. V, вып. 2, 1946, стр. 76.

⁶ См.: Н. Ончуков. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору. — Живая старина, вып. 1, год одиннадцатый. СПб., 1901, стр. 37—47.

⁷ См.: Н. Белдыцкий. В парме. Очерки северной части Чердынского уезда. Пермь, 1901.

⁸ Н. П. Белдыцкий. Из природы и быта Пермского края I. В Чердынской парме. — Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства, вып. II. Пермь, 1916, стр. 24.

на нет активной пропагандой скрытников. Не сохранилось и образцов его письменной продукции.

Примерно с 1904 г. в верховьях Колвы, а также на Унье и верхней Печоре прочно обосновываются скрытники. В тайге строятся многочисленные скиты и «кельи», проповедники разъезжают по деревням, пытаются обратить местных жителей в «новую» веру. По данным 1924 г., на Колве было 15 скитов, на Унье — 27, на Малой Печоре — 11.⁹

Один из таких скитов просуществовал до самого последнего времени. В Дие мы познакомились с А. А. Сивухиным — его в четырехлетнем возрасте увез в лесную «пустынь» отчим Я. Н. Пашин. Вместе со стариком «Наумкой» А. А. Сивухин прожил сорок лет в избушке на берегу притока Колвы — речки Ямжач. В двух «кельях» в Вижайской парме, куда нас свел А. А. Сивухин, мы нашли большую библиотеку старопечатных (20) и рукописных (33) книг. Значительная часть их плохо сохранилась: книги долгие годы лежали под открытым небом на крыше, на чердаке, подмокли и подгнили. В первой избушке находились следующие старопечатные издания XVII—XIX вв.: Толковая псалтырь, Скитское покаяние, Златоуст, Поморские ответы, Многосложный свиток, Цветник; во второй — Пролог, Полунощница, Канонник, Толковое Евангелие, Синаксарь, Азбука, Апостол, Устав, Служебная миinea, Цветник, Псалтырь, «Книга о православной вере».

Скитяне, как рассказывал А. А. Сивухин, называли себя осинскими скрытниками,¹⁰ так как их предки были выходцами из Осинского уезда Пермской губернии. Осинские скиты по рекам Сепыч, Уса, Сабанца, Лысьва, Очера и Сосновая, основанные еще в 1688 г. Яковом Лепехиным, были разорены в 1795 г., а жители их переселились в Чердынский уезд.¹¹ Осинские скрытники и сами переписывали книги. Писали не только на бумаге, но и на бересте (соком ягод); директор Чердынского музея И. А. Лунегов утверждал, что видел в 1932 г. берестяные книги, привезенные из Дия в Ныроб А. П. Пашиным.

Все рукописные книги из библиотеки осинских скрытников, а также принадлежности письма (глухаринные перья, замоченные в кадке) и некоторые предметы обихода доставлены в ИРЛИ. Содержание найденных рукописей свидетельствует об интересе их прежних владельцев к старообрядческой литературе. Среди книг нашлись отрывки из «Жития» протоппа Аввакума, «Щит веры» Тимофея Андреева и др. Осинские скрытники поддерживали связи со старообрядцами низовой Печоры. В одном из рукописных сборников второй половины XIX в. оказалась «Повесть о самосожжении на Пижме» (краткая редакция).

По словам А. А. Сивухина, часть осинской библиотеки хранится у П. К. Собянина, жителя деревни Лыпя на Вишере. Побывать в Лыпье мы не сумели, так как дороги из Дия туда нет, а пробираться по лесным тропинкам, без проводников и с тяжелым грузом, было невозможно.

В деревне Верхнее Черепаново мы познакомились с печатными лицевыми книгами скрытницы Драциды, рукописей среди них не оказалось. Много рукописей удалось найти в деревнях Талова, Орловка, Нюзим.

⁹ См. Н. Ончуков. Поездка в Чердынский край летом 1923 г. — В кн.: Пермский краеведческий сборник, вып. 1. Пермь, 1924, стр. 29—32; И. Пушвинцев. Пустынничество. — В кн.: Чердынский край, вып. 3. Изд. Общества изучения Чердынского края, Чердынь, 1928, стр. 17—20.

¹⁰ Об осинских скрытниках см.: архим. Палладий. Обзорение пермского раскола так называемого «старообрядчества». СПб., 1863, стр. 22—25.

¹¹ О заселении Осинского уезда см.: Н. Блинов. Исторический очерк заселения Осинского уезда. — В кн.: Сборник Пермского земства, вып. 3—4. Пермь, 1898, стр. 1—20.

В первой, у В. А. Чагина, мы приобрели полемический сборник второй половины XIX в., писанный местным книжником Давыдом Ивановичем Собяниным. Им написаны (доказательством этому служит сходство почерков) некоторые сборники из библиотеки осинских скрытников. В деревне Орловка, у С. М. Лызлова, был найден сборник XX в. с выписками из исторических сочинений о «страннической» секте, «словами» и статьями скрытников, частью отпечатанными на машинке, которая принадлежала в 20-е годы Еваресту Евдокимовичу.

Наиболее многочисленными были находки в Ньюзиме. У скрытниц Анны, Татьяны, Капитолины и Меропии мы отыскали более десятка рукописей XVII—XX в., среди них соликамский Синодик и нотный Обиход (XVII в.), Макарьево видение (XVIII в.), Повесть о 12 снах Мамера (XIX в.), полемический сборник, составленный в конце XVIII в. местным писателем Исааком Тимофеевичем. В Орловке, в одном из амбаров, был обнаружен полный список «Слов постнических» Исаака Сирина и переводное сочинение об аде (XVIII в.). Не удалось познакомиться с собранием старинных книг местной жительницы Феклы Петровой. Она была в отлучке, а соседка показать книги не согласилась. Возможно, что у Феклы Петровой есть и рукописи.

В Тулпане, Медведице, Петрецове, Русинове, Большой и Малой Гадье рукописей не оказалось, хотя старопечатные книги встречались нередко (самое значительное из просмотренных нами собрание находится в Большой Гадье, у В. В. Богданова). Поиски вывезенного из уньинских скитов сундука с книгами не увенчались успехом. Большая Гадья была последним пунктом, который мы обследовали. Продолжать поиски дальше вниз по Колве не имело смысла, поскольку ниже Гадьи начинаются села со сплошным православным населением, в которых рукописи — большая редкость.

Планируя поездку в верховья Печоры и Колвы, мы знали, что этот район был давно известен как излюбленное место старообрядческих поселений. А старообрядцы были до самого последнего времени единственными хранителями и распространителями письменной старины. Н. Е. Ончуков, Н. П. Белдыцкий и другие исследователи Печорского края отмечали, что в среде местных последователей «старой веры» постоянно читали и переписывали большое количество памятников древнерусской литературы.

В результате археографического обследования Троицко-Печорского района Коми АССР и Ныробского района Пермской области нами собрана 71 рукописная книга. По времени рукописи распределяются следующим образом: XVI в. — 1, XVII в. — 3, XVIII в. — 11, XIX в. — 42, XX в. — 14.

Собранный материал представляет интерес для историков древнерусской культуры и литературы, лингвистов, палеографов и музыкантов. Так, нами выявлены новые списки редкой «Повести о самосожжении на Пижме» (краткая редакция), повесгей о взятии Царьграда, о 12 снах Мамера, о патриархе Никоне, найдены Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магомете, отрывок из предисловия к «Житию» протопопа Аввакума (редакция В), оригинальные и переводные памятники древнерусской агрографии, певческий сборник начала XVIII в. на линейных нотах, многочисленные сборники стихов и др.

Для краеведов могут быть полезными сборники и письма странников-бегунов или скрытников, поскольку они сохранили ценные материалы по истории быта.

Экспедиция собрала много сведений о местной рукописной традиции, установила, в частности, что на верхней Печоре и Колве в прошлом были свои книголюбы и писцы (Давыд Иванович Собянин, Иван Васильев и др.), имелись большие библиотеки старинных книг.

Экспедиция 1959 г. обследовала громадный район (общая протяженность пути от Ухты до Чердыни составила 1100 километров) в относительно небольшой срок. Поэтому нельзя утверждать, что здесь выявлен весь рукописный материал. Археографическое обследование верховьев Печоры и Колвы, по нашему мнению, необходимо продолжить, расширив район поисков в следующих направлениях: 1) к северу от Скаляпа (Кодач, Подчерье и др.); 2) в деревнях по правому притоку Печоры — Илычу; 3) в самых верховьях Печоры (Шижим, Шайтановка и др.); 4) в Чердынском и Красновишерском районах Пермской области (селения по рекам Пильве и Язьве, Ксенофонтово, Антипино, Пудья, Янидср, Усть-Уролка и др., верховья рек Вишеры и ее притока Лыньи). Поиски древнерусских рукописей в указанных районах могут привести к новым интересным находкам.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, СОБРАННЫХ В ТРОИЦКО-ПЕЧОРСКОМ РАЙОНЕ КОМИ АССР И В НЫРОБСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

I. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Синодик города Соликамска XVII в. (вторая половина), в 4-ку, 20 лл., полуустав и скоропись разных почерков, начальных и конечных листов недостает. Из деревни Нюзим Ныробского района.

2. Сборник XVII в. (последняя четверть), в лист, 222 лл., полуустав, переплет дощатый, с остатками кожи, с одной застежкой. Читательские и владельческие записи крестьян деревни Захарово Игнатия Никитина, Климентия Анисифорова, Ефима Петрова. Скрепка скорописью XVII в.: «Положил сию книгу, глаголемую Златоуст, в дом воскресения Христова Волченския волости государыни Тулпанова крестьянин Лука Савин, сын Самойлов. Писал сию книгу тое же Волченские волости воскресенский поп Малах Петров, а подписал сию книгу тое же волости сын его, попов. Иван Малахеев». Содержание: «слова» и поучения Иоанна Златоуста, Палладия-мниха, Житие Федора Тирона и др. Из деревни Курья Троицко-Печорского района.

3. «Слова постнические» Исаака Сирина, XVIII в. (начало), в 4-ку, 346 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей, с двумя застежками. Лл. 1 и 346 без текста. Из деревни Орловка Ныробского района.

4. Копия указа Елизаветы Петровны «о стоянии в церкви во время литургии», 1742 г., в лист, 2 лл., скоропись. Копия подписана протопопом Троицкой соборной церкви города Соликамска Кириллом. Найдена заложеной в Синодике (см. № 1 настоящего описания).

5. «Ад, или преужасная осужденных темница», XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, 97 лл., скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Для переплета использованы письма XVIII в. В конце рукописи имеется «Conclusio» на латинском языке. На л. 1 об. — рисунок пером, изображающий монаха в гробу и скелет в гробу. Из деревни Орловка Ныробского района.

6. Пролог, XVIII в. (вторая половина), в лист, 89 лл., скоропись, переплет бумажный. Из библиотеки осинских скрытников.

7. Сборник, XVIII в. (конец), в 4-ку, 600 лл., полуустав, переплет дощатый, с остатками кожи (половина нижней крышки не сохранилась). Одного листа в начале рукописи недостает. Владельческие приписки жителя села Ныроб Ф. И. Епанчина. Содержание: Азбуковник («Толкование неудобь познаваемым речем»), Азбука греческая, Типикон, выписки

из уставов Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Каменного, Иосифо-Волоколамского монастырей, выписки из статей уставного характера и сочинений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Кассиана Римлянина, Григория Синаита, Макария Египетского, Ефрема и Исаака Сириных, Никиты Студита и др. Из деревни Усть-Бердыш Троицко-Печорского района.

8. «Щит веры» Тимофея Андреева, XVIII в. (конец), в лист, 686 лл., от переплета сохранилась часть нижней деревянной крышки, покрытая кожей. Рукопись в плохой сохранности. Из библиотеки осинских скрытников.

7 9. Сборник, XVIII в. (конец), в 4-ку, 115 лл., полуустановка, переплет дощатый, покрытый черной кожей, с одной кожаной застежкой. Скрепа и приписка составителя сборника: «Снискание и труды сия многогрешнаго Исакия Тимофеева Меркурию Климентовичу», владельческие записи Степана, Михаила и Афанасия Сергеевых, сотского Ивана Рочева, крестьянина Ивана Немчинова и др. Содержание: выписки из сочинений Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопажита, Никона Черногорца, Кирилла Иерусалимского, Кормчей, Потребника иноческого. Из деревни Нюзим Ныробского района.

У 10. Цветник, 1847 г., в 4-ку, 118 лл., полуустановка, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. Содержание: Макарьевое видение, Слово о Федоре-купце, «Житие Дады и Гаведая, сына Савория, царя персидского, и сестры Гаведая Каздой», отрывки из Жития Николая Мирликийского, выдержки из печатного Цветника, изданного в Почаевской лавре, выписки из Пчелы, Великого Зерцала, Римских деяний, Пролога и др. Из деревни Нюзим Ныробского района.

11. Скигское покаяние, XIX в. (середина), в 8-ку, 8 лл., полуустановка. Из деревни Нюзим Ныробского района.

9 12. Сборник, XIX в. (середина), в 4-ку, 236 лл., полуустановка, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей, с двумя застежками. Содержание: отдельные статьи и выписки из сочинений Иосифа Волоцкого, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия и Тимофея Александрийских, Никона Черногорца и др., выписки из Кормчей, Стоглава, Альфы и Омеги, Поморского епитимийника, Пролога и др. Из деревни Усть-Бердыш Троицко-Печорского района.

13. «Слово» Палладия-мниха о втором пришествии, 1864 г., в 8-ку, 46 лл., полуустановка, переплет бумажный. Переписано из Сборника издания 1647 г. Из деревни Нюзим Ныробского района.

10 14. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 316 лл., полуустановка разных почерков, от переплета сохранилась только нижняя доска. Запись о принадлежности сборника скрытницам Анне, Татьяне, Капитолине и Меропии. Содержание: Повесть о 12 снах Мамера, Повесть о патриархе Никоне, «От слова Максима Грека ко Иоанну Лодовику о раи», Житие Феодоры, отдельные статьи и выписки из Киево-Печерского патерика, Пролога, Лествицы, Кормчей, Апостольских деяний, сочинений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исаака и Ефрема Сириных, Григория Богослова и др. Из деревни Нюзим Ныробского района.

11 15. Синодик старообрядческий, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 25 лл., полуустановка, переплет картонный. Из деревни Нюзим Ныробского района.

12 16. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 239 лл., полуустановка, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: «Повесть о самосожжении на Пижме в 1743 г.» (краткая редакция), Григорьево видение, Повесть о видении игумена Козьмы, Житие Марины и Стефана Савайта,

«слова» Иоанна Богослова и Иоанна Златоуста, «слова» об антихристе Захария и Зиновия, «слово» Василия Великого «о хмельном питии», выписки из Стоглава, Киево-Печерского патерика, «Щита веры», Кормчей, Пчелы и др. Из библиотеки осинских скрытников.

17. Апостольские деяния, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 77 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый холстом. Две заставки. Из библиотеки осинских скрытников.

18. Сборник, XIX в. (вторая половина), в лист, 499 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый черной кожей, с одной кожаной застежкой. Содержание: Соловецкая челобитная, Повесть о патриархе Никоне, «слова» об антихристе Ефрема Сирина и Ипполита, папы римского, выписки из Стоглава и «слово» Василия Великого «о хмельном питии», отдельные статьи из сочинений Иоанна Златоуста и Кирилла Иерусалимского, выдержки из Апокалипсиса, Катехизиса, Пчелы и др. Из деревни Талова Ныробского района.

19. Сборная рукопись, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 398 л., полуустав разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. Содержание: выдержки из сочинений Иоанна Богослова, Симеона Богослова, Григория Богослова, Василия Великого, Василия Нового, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Антиоха и Анастасия Синайского, Максима Исповедника, Федора Эдесского, Мефодия Памфилийского, Никона Черногорца, Ефрема и Исаака Сириных, Нила Синаита, выписки из Скитского и Киево-Печерского патериков, Пролога и др. Из библиотеки осинских скрытников.

20. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 452 л., полуустав, от переплета сохранилась только одна крышка, покрытая кожей. Содержание: Соловецкая челобитная, Повесть о патриархе Никоне, «слово» «о хмельном питии» из Стоглава, «слово» об антихристе Иоанна Златоуста, «слова» Ефрема Сирина, Ипполита, папы римского, выдержки из сочинений Максима Грека, Иосифа Волоцкого, Иоанна Дамаскина, Никола Черногорца и др. Из библиотеки осинских скрытников.

21. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 41 л., полуустав, в бумажной обложке. После л. 29 четырех листов недостает. На внутренней стороне бумажной обложки наклеен лист с оглавлением сборника. Содержание: полемические старообрядческие статьи «о единой главе церковной», о соборной церкви, о патриархах и др. Из библиотеки осинских скрытников.

22. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 72 л., скоропись разных почерков, переплет дощатый. Несколько заставок. На внутренней стороне верхней доски карандашная приписка новейшего письма: «Ты, Феодор, чем будет затопи баню, если будешь после полден. А я ушел на охоту. Топи раньше и жарче». На л. 72 об. владельческая запись А. Г. Собянина. Сборник содержит выдержки из Кормчих разных редакций. Из библиотеки осинских скрытников.

23. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 12 л., полуустав. Начальных и конечных листов рукописи недостает. Содержание: стих-плач Иоасафа-царевича, отрывки из псалмов, молитвы и т. д. Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

24. Стих «о боге и бесе», XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 6 л., полуустав. Начальных и конечных листов недостает. Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

25. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 7 л., полуустав. Содержание: Сказание «о житии человеческом», выписки из Цветника. Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

26. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 16 лл., полуустав, лл. 13—16 чистые. Приписка о том, что сборник писан Леонтием Никитичем Пашиным по приказанию деда. Содержание: полемические старообрядческие статьи о различии «древлепечатных» книг от новых. Из библиотеки осинских скрытников.
27. Жигие Андрея Юродивого, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 211 лл., полуустав двух почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками двух металлических застежек. На внутренней стороне верхней крышки переплета имеется приписка: «Книга Андрея Уродиваго, писана Давыдом Ивановичем». На л. 211 запись: «Его житие списал Никифор иерей». На внутренней стороне нижней крышки подклеена записка XX в. неизвестного автора к Андрею Федоровичу Собянину с просьбой о посылке хлеба. В рукописи много читательских помет. Из библиотеки осинских скрытников.
28. Житие Марии Египетской, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 56 лл., полуустав и скоропись разных почерков. Из библиотеки осинских скрытников.
29. Сборная рукопись, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 465 лл., полуустав и скоропись разных почерков Начальных и конечных листов рукописи недостает. Содержание: «Ответы Саввы Александра на вопросы Никиты Семеновича», 1877 г. (список, сделанный Иваном Васильевичем, сторонником Саввы, в 1883 г.; «Ответы» содержат критику взглядов секты статейных странников); на лл. 1—2 об. — письма старообрядца Ивана Евтихьева к Ивану Андроновичу и Федору, а также письмо неизвестной крестьянки к Ивану Васильеву; после первого письма на обороте л. 1 читалась следующая приписка: «О свидании очень скорблю, толко моей силы нехватат, и три вещи держут сейчас итти: первое — я по сейчаснее время нахожусь нездоров; 2) сижу почти босиком: берегу пимишки, хотя еще аднажды пройти, а то вовсе развалятся; 3) работаю я к строку, хотил ити, да и раздумал».¹² Сборник содержит: Макарьево видение, Видение Иоанна Богослова, продолжное Житие Кирилла Белозерского, «Повесть отца Данила о мнise Дуле», «Наказание к учителем о грамоте», Житие Мартина Милостивого, выписки из Киево-Печерского, Скитского и Азбучного патериков, Пролога, Великого Зерцала, Диоптры, Пчелы, Катехизиса, Шестоднева Василия Великого и Иоанна Экзарха, Книги старчества, книги пророка Даниила, выдержки из сочинений Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Никсна Черногорца, Ипполита, папы римского, Кирилла Александрийского и др. Из деревни Усть-Унья Троицко-Печорского района.
30. Сборник, написанный 5 января 1886 г., в 4-ку, 8 лл., полуустав, тетрадь без обложки. Содержит выписки о втором пришествии с четырьмя рисунками чернилами. Из деревни Усть-Бердыш Троицко-Печорского района.
31. Сборная рукопись, XIX в. (конец), в 8-ку, 16 лл., скоропись разных почерков. Содержание: выписки из Старчества, Кормчей, Цветника, сочинений Василия Великого и Исаака Сирина. Из деревни Нюзим Ныробского района.
32. Сборная рукопись, XIX (конец)—XX (начало) вв., написана на листах расходной книги, 45 лл., полуустав и скоропись разных почерков, машинопись, в картонной обложке. Читательские и владельческие пометы. Содержит богословско-полемические статьи об основных положениях учения секты «странников», или «бегунов», письма Никиты Семенова и ответ

¹² Лист с этой припиской был потерян во время пересылки рукописи в Ленинград. Сохранилась только копия, сделанная нами на месте.

Фомы Васильева, выписки из исторических работ второй половины XIX—начала XX в., относящихся к истории «страннической» секты. Из деревни Талова Ныробского района.

33. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 42 л., полуустав. Содержание: Повесть о взятии Царьграда, Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магмете, выписка из 39-й главы книги Дмитрия, митрополита сербского, «о латышских ересех». Из деревни Скаляп Троицко-Печорского района.

34. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 36 л., полуустав. Содержание: стихи о Борисе и Глебе, о пустынном житии, о гршницах, стихи об Иоасафе-царевиче, Иосифе Прекрасном и др. Из деревни Скаляп Троицко-Печорского района.

35. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав. Восьми начальных и нескольких конечных листов недостает. Содержание: Сказание о лесговке, «слово» Иоанна Златоуста «о милостыни», «Почение к иерею м». Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

36. Целебник, XIX в. (конец), в лист, 1 л., полуустав. Заставка растительного орнамента. Из библиотеки осинских скрытников.

37. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав. Содержит выписки из 7-й главы книги Барония (о крестном знамении). Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

38. Повесть о тайном царствии антихриста (краткая редакция), XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав. Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

39. Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 4 л., полуустав. Содержит выписки из Стоглава «о чае и кофе и о хмельном питии», из Старчества и «Слова инока Захария об антихристе». Из библиотеки осинских скрытников.

40. Сборник, XX в. (начало), в 4-ку, переплет матерчатый, покрытый холстом. Начальных и конечных листов рукописи недостает. Содержит выписки из сочинений Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Евсевия, епископа Самосадского и др. Из библиотеки осинских скрытников.

41. Азбука, XX в. (начало), в 8-ку, 9 л., скоропись. Из деревни Покча Троицко-Печорского района.

42. Сборник, XX в. (начало), в 4-ку, 81 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый холстом. Содержание: выписки из сочинений Иоанна Златоуста, Василия Великого, Кирилла Иерусалимского, Максима Исповедника, выдержки из Кормчей, «Щита веры» и др. Из библиотеки осинских скрытников.

43. Сборник, XX в. (начало), в лист, 117 л., полуустав. На лл. 59, 62, 64, 111 и других заставки. Содержание: выдержки из сочинений Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Никона Черногорца, грамота царя Константина из печатной Кормчей 1653 г., выписки из Старчества, «Щита веры», из «Книги о правой вере», из Альфы и Омеги и др. Из библиотеки осинских скрытников.

44. Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 4 л., полуустав. Содержит выдержку из предисловия к редакции В «Жития» протопопа Аввакума, выписки из Устава, а также полемические старообрядческие статьи. Из библиотеки осинских скрытников.

45. Стих «христиан-пустынножителей», XX в. (начало), в 8-ку, 2 л., полуустав. Инициалы переписчиков стиха: А. Н. и Ф. Н. Из деревни Скаляп Троицко-Печорского района.

46. Сборник, XX в. (начало), 8 л., скоропись, тетрадь без обложки. Содержание: стихи об Иоасафе-царевиче, «о молодой юности», памяти

смертного часа, богородице и др. Из деревни Усть-Бердыш Троицко-Печорского района.

47. Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 17 лл., полуустав. Лл. 10—17 чистые. Содержание: стихи о памяти смертного часа, о страннике, Иоасафа-царевича и др. Из деревни Скаляп Троицко-Печорского района.

48. Сборник, XX в. (начало), в 8-ку, 11 лл., полуустав. Содержит выписки из трудов по истории обрядчества. Из библиотеки осинских скрытников.

49. Письмо Гаврилы Ивановича к Якову Наумовичу Щукину, от 5 марта 1922 г., и ответ последнего (о статейных странниках и их взглядах), 6 лл., полуустав. Из деревни Курья Троицко-Печорского района.

50. «Щит веры» Тимофея Андреева (5-я часть), 1927 г., в 4-ку, 287 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Запись о том, что книга переписана Родионом Наумовичем.

51. Азбука, XX в. (вторая четверть), 2 тетрадных листа, полуустав. Из библиотеки осинских скрытников.

52. Сборная рукопись, XX в. (вторая четверть), в 8-ку, 15 лл., полуустав. Содержит выписку из сборника 1642 г. — челобитную архиепископа Геннадия к царю Алексею Михайловичу, индекс книг праведных и ложных Амвросия Медиоланского, статьи о чае и сахаре и др. Из библиотеки осинских скрытников.

II. Церковно-служебные рукописи

1. Отрывок из Триоди, XVI в. (середина), в лист, 11 лл., полуустав в два столбца. Из библиотеки осинских скрытников.

2. Обиход праздничный (на линейных нотах), XVIII в. (начало), в 4-ку, 234 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками двух латунных застежек. Читательские и владельческие приписки разных почерков XVIII—XIX вв. (старосты Елисея Ваулина, «чернца Иерофея», соликамских мещан и др.). Из деревни Орловка Ныробского района.

3. Устав, XVIII в. (середина), в 16-ю долю листа, 147 лл. (лл. 1—6, 146—147 новейшей бумаги), мелкий полуустав, переплет дощатый, покрытый желтой кожей. Заставки и инициалы поморского орнамента. Из деревни Скаляп Троицко-Печорского района.

4. Устав, XVIII в. (середина), в 16-ю долю листа, 90 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый черной кожей. Владельческая запись Абрама Пашина. Из деревни Нюзим Ныробского района.

5. Сборник, XVIII в. (конец), в 4-ку, 110 лл., полуустав, переплет дощатый, с остатками кожи. Содержание: Покаяние, Исповедание и Помяник иноческий, молитвы, выписки из Кормчей и др. Из деревни Нюзим Ныробского района.

6. Последование церковного пения, XVIII в. (конец), в 4-ку, 35 лл., полуустав. Из библиотеки осинских скрытников.

7. Святцы с прибавлением «Поучения к верным» из Скитского патерика, XIX в. (середина), в 8-ку, 33 лл., полуустав и скоропись разных почерков. Из библиотеки осинских скрытников.

8. Святцы с молитвословом, XIX в. (вторая половина), в 16-ю долю листа, 167 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с двумя застегками. Из библиотеки осинских скрытников.

9. Сборник, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 16 лл., полуустав. Содержание: кафизмы из Псалтыри, молитвы, уставные статьи. Из библиотеки осинских скрытников.

10. Чин исповедания, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 38 лл., полуустав. Из библиотеки осинских скрытников.
  11. Псалтырь, XIX в. (конец), в 4-ку, 210 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. На л. 2 об. — изображение царя Давида (рисунок выполнен чернилами). Заставки и инициалы. Из деревни Светлый Родник Троицко-Печорского района.
  12. «Исповедание иноку на всяк день», XIX в. (конец), в 8-ку, 6 лл. (л. 6 чистый), полуустав, в бумажной обложке. Заставка. Читательские пометы. Из библиотеки осинских скрытников.
  13. Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 17 лл., полуустав и скоропись. Содержание: Тропарь Зосиме и Савватию Соловецким и различные молитвы. Из библиотеки осинских скрытников.
  14. Лист с изображением напрестольного, голгофского и напросвирного крестов, XIX в. (конец). Из библиотеки осинских скрытников.
  15. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 12 лл., полуустав. Содержит выписки из Псалтыри и Ирмология. Из библиотеки осинских скрытников.
  16. Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 22 лл., полуустав. Содержание: уставные статьи, выписки из Евангелия и др. Из библиотеки осинских скрытников.
  17. Сборная рукопись, XIX в. (конец), в 4-ку, 226 лл., полуустав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый холстом, с одной латунной застежкой. В рукописи имеются изображение царя Давида (рисунок выполнен чернилами), заставки и инициалы. На л. 226 записи современным почерком о «поточных водах» в 1949—1953 гг. Содержание: выписки из Толковой псалтыри, Пролога, «слов» Ефрема Сирина и тропарей. Из библиотеки осинских скрытников.
  18. Отрывки из крюковой рукописи, XX в. (начало), в 8-ку, 8 лл., полуустав. Имеется приписка: «писал Пашин, Федор Наумович». Из библиотеки осинских скрытников.
  19. Служба в неделю пасхи, 1934 г., в 8-ку, 60 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый холстом, с остатками одной медной застежки. На л. 59 об. — карандашная приписка: «Сия книга служба пасце писана в лето 7442 [1934] месяца марта». Из библиотеки осинских скрытников.
-

А. М. ПАНЧЕНКО

Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области

И. Е. Спицын, житель деревни Болотово Локнянского района Псковской области, прислал в ИРЛИ 4 рукописные книги XVIII—XIX вв. и сообщил при этом несколько адресов местных владельцев рукописного материала. Для знакомства с этими рукописями Сектор древнерусской литературы направил меня в Локнянский и Чихачевский районы.

За короткое время (с 3 по 11 апреля 1959 г.) удалось обследовать сравнительно небольшое число населенных пунктов: Локню, Сергеевское, Лукино, Рогаткино, Чихачево, Михайлово, Тетерки, Сову, Липовик. В названных деревнях живут потомки старообрядцев поморского и федосеевского согласий, поселившихся здесь, по-видимому, не раньше первой половины прошлого столетия. Старики, с которыми мне пришлось встречаться, рассказывали, что их деды — выходцы из других частей Псковщины: Опочки, Новоржева и др.

В Локнянском районе сплошь старообрядческих деревень нет; три-четыре семьи, связанные в прошлом со старообрядчеством, в «православном» селе — вот обычное для этих мест явление. Локнянский район не был обособленным, замкнутым краем, как например Печора, в силу ее удаленности и труднодоступности, или эстонское Причудье — русский островок в инонациональном море. Поэтому сохранились только самые незначительные остатки рукописной старины. Даже печатные служебные книги (показательным является почти полное отсутствие «четьих» книг) встречаются здесь в малых количествах. Владелец четырех-пяти служебных книг — уже редкость. Обычно попадают Псалтырь, Евангелие (четвероевангелие, толковое, учительное), Часослов. Подавляющее большинство печатных книг — не старше 90-х годов прошлого века. Довольно регулярно попадают виленские издания конца XVIII—начала XIX столетия. Следует отметить, что локнянские старообрядцы поддерживали связи со старообрядческим населением Польши. Один из предков М. А. Анкудинова (деревня Рогаткино), спасаясь от преследований, переселился в середине XIX в. в Польшу, жил там около 20 лет, затем вернулся. Часть собранного нами рукописного материала — польского происхождения (см. описание). В Локнянском районе удалось разыскать две рукописи XVIII в. — листы из служебной рукописи (деревня Лукино) и сборник литературного содержания (поселок Локня).

В Чихачевском районе старообрядцев значительно больше, чем в Локнянском, — вокруг Чихачева насчитывается до десятка деревень, населенных потомками старообрядцев. В деревнях Сорокино и Тетерки еще недавно существовали моленные; в деревне Шульгино моленная функционирует

до сих пор. Старопечатных книг встречается довольно много. Хранит их обычно какой-нибудь местный «грамотей» преклонного возраста, дом которого иногда представляет собой своеобразную моленную. Те обстоятельства, которые препятствовали сохранению старинных рукописей в Локнянском районе, характерны и для чихачевских деревень.

В Чихачевском районе были найдены только два сборника конца XIX в., содержащие духовные стихи «Повесть о милостивом купце ... и злой жене» и др.

Общее число приобретенных в Локнянском и Чихачевском районах рукописей (включаем сюда книги, присланные И. Е. Спицыным) — 8. По времени написания они распределяются следующим образом: 3 рукописи — XVIII в., 5 — конца XIX — начала XX в. Надеяться на многочисленные находки в Локнянском и Чихачевском районах, по-видимому, нельзя. Однако обследовать эти места нужно, тем более что они расположены поблизости от Ленинграда.

Ниже публикуется краткая охранная опись рукописей, доставленных из Локнянского и Чихачевского районов Псковской области.

1. Сборная рукопись, XVIII в., в 8-ку, 240 лл., полуустав и скоропись разных почерков, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками одной медной застежки. Лл. 39 и 192 без текста. Конечных и начальных листов рукописи недостает. Многие листы в середине вырваны. На л. 128 об. приписки: «Сия книга Ксении Терентевной Калининой»; «Ныне принадлежит Ипполиту Евтифьевичу Спицыну, с 1909 года». На внутренней стороне верхней доски и на вклейке перед л. 1 — записи И. Е. Спицына. Содержание: «О взятии Царяграда от безбожного Магмета», «Сказание Ивана Пересветова о царе турском Магмете, како хотел сожещи книги греческия», послания «благочестивому князю Василию», «благочестивым и православным россиом, иже во всем ... начале ... крелевства Польскаго живущим» (датировано 24 июля 1595 г.), подборка высказываний об антихристе (ср.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 444, № 760), «слова» о втором пришествии Палладит-мниха, Ипполита, папы римского, Житие семи эфесских отроков, главы из Альфы и Омеги о молчании и многословии, о гневе, отдельные статьи из сочинений Иоанна Златоуста, Патерика и др. Эта рукопись, как и №№ 6—8, получена от И. Е. Спицына (деревня Болотово Локнянского района).

2. Сборник, XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, 339 лл., скоропись, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками двух застежек. Начальных и конечных листов недостает. Имеются читательские пометы и приписки. Содержание: «Манифест с прошением» Менаандра Гумберты и ответ ему, 13 вопросов и ответов (ср.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 86), «Проскинитарий» Арсения Суханова. Рукопись найдена в поселке Локня.

3. Служба на богоявление господне, XVIII в. (первая половина), в 8-ку, 11 лл., скоропись, без переплета. Рукопись из деревни Лукино Локнянского района.

4. Сборник, XIX в. (конец), в 16-ю долю листа, 24 лл., скоропись разных почерков, переплет картонный, с матерчатым корешком. Имеются три заставки, выполненные чернилами. На л. 24 приписка: «Писал Афонасий Федоров и Яков Егоровичь». Содержание: «Повесть о милостивом купце и дочери его девице и злой жене», «Слово о видении» (из «Повести временных лет», начало: «Бяше старец прозорлив в Печерском монастыре именем Матфей»), выписка из Пчелы «о женском лукавстве», статьи против «пьющих табак, чай, кофий», бреющих бороды, отдельные статьи и вы-

писки из сочинений Иоанна Златоуста и Василия Великого. Рукопись из поселка Чихачево.

5. Сборная рукопись, XIX (конец)—XX (начало) вв., в 8-ку, 21 л., подражание полууставу, переплет картонный, с матерчатым корешком. Имеется восемь заставок, выполненных чернилами. На л. 1 об. приписка: «1902 год, месяца января 27 дня писал Павел Михеев своей рукою сей стих». Содержание: стихи о памяти смертного часа, потопе, о сотворении мира, о смерти, о распятии, стихи о пустынной братии, об умирающей матери и др. Рукопись из поселка Чихачево.

6. Повесть о 12 снах Мамера (Шахаиши), XX в. (начало), в 4-ку, 5 тетрадных листов, подражание полууставу.

7. «Изумительное пророчество, предсказанное схимонахом Иоаном в 1600-м году», XX в., в 4-ку, 3 тетрадных листа, новейшего письма.

8. «Мартиново увещание», XX в., в 4-ку, 7 тетрадных листов, новейшего письма (№№ 6—8 сшиты И. Е. Спицыным в одну тетрадь).

В. И. МАЛЫШЕВ

Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания

С 1949 г. Сектор древнерусской литературы ИРЛИ проводит планомерное археографическое обследование Усть-Цилемского района Коми АССР. Здешние жители давно были известны как хранители большого количества памятников письменной старины. В Усть-Цильме и в подчиненных ей административно селениях побывало шесть экспедиций, последняя в 1959 г.

В настоящее время можно считать, что археографическая работа в районе в основном завершена. Конечно, и сейчас не исключена возможность рукописных находок, может быть, даже ценных, но это будут отдельные рукописные книги, пропущенные по какой-либо случайной причине. Вся же основная масса рукописно-книжного богатства усть-цилемцев теперь изучена.

Благодаря археографическим изысканиям на нижней Печоре в ИРЛИ образовалось Усть-Цилемское рукописное собрание, насчитывающее свыше 400 рукописей XV—XIX вв. Наибольшую ценность в нем представляют сборники и сборные рукописи, а также произведения исторического, литературного и бытового содержания, встречающиеся в виде отдельных рукописей. Затем следует переписка (письма) усть-цилемцев, извлеченная в большей своей части из корок переплетов рукописных книг. Здесь письма были заклеены вместе с деловыми, иногда очень ценными, бумагами и отрывками литературных произведений.

С 1957 г. в Институте ведется работа по раскрытию содержания усть-цилемских рукописей. Изучена уже наиболее трудоемкая и ценная часть собрания — сборники и сборные рукописи, числом 154. Описание их напечатано отдельной книгой в Коми областном издательстве.¹ Работе предпослан очерк развития рукописно-книжного дела на низовой Печоре. Кроме сборников, исследована вторая значительная по объему и по важности группа рукописей, включающая отдельные произведения исторического, литературного и бытового содержания; их 114 единиц. Описание этой группы рукописей и предлагается ниже вниманию специалистов.

На очереди стоит описание деловых бумаг и личной переписки усть-цилемцев XVIII—XIX вв. (44 единицы) и рукописных книг церковно-служебного содержания, в том числе певческих (крюковых) XV—XIX вв. (свыше 100 номеров).

Таким образом, основная, самая ценная часть рукописей Усть-Цилемского собрания изучена и содержание этих рукописных книг известно. Основываясь на полученных данных, коротко остановимся на том, что же дало науке собрание рукописного материала на низовой Печоре, точнее

---

¹ В. И. М а л ы ш е в. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX веков. Коми областное книжное издательство Сыктывкар, 1960.

в Усть-Цилемском районе Коми АССР? Сейчас, когда началось археографическое обследование других районов Печоры, в частности Троицко-Печорского района Коми АССР, ответ на поставленный вопрос будет иметь определенное значение.

Письменных памятников, характеризующих культуру и быт Усть-Цилемского края XVI—XIX вв. (имеем в виду территорию, входящую в нынешний Усть-Цилемский район Коми АССР), было известно немного. Главным источником сведений служили наблюдения этнографов-путешественников XIX в. над жизнью и бытом печорцев. Позднее к ним прибавились материалы устно-поэтического творчества, собранные Н. Е. Ончуковым и другими фольклористами, посетившими Печору в конце XIX—первой трети XX в.

Поисками и изучением местной письменной старины, представляющей важнейший источник сведений о прошлом края, никто серьезно не занимался. Отчасти это, может быть, объясняется отдаленностью и малодоступностью нижней Печоры. Попасть туда еще совсем недавно было очень трудно. Отчасти, вероятно, виной был особый консерватизм местного старообрядческого населения, которое нетерпимо, с подозрением относилось ко всему новому, пришедшему извне.

Все исследователи, побывавшие в Усть-Цилемском крае в XIX—начале XX в. (С. В. Максимов, Ф. М. Истомина, Н. Е. Ончуков, С. В. Мартынов, Е. А. Ляцкий и др.), отмечали особые трудности в сношениях с местными старообрядцами. Особенно же нелегко бывало, когда дело доходило до рукописной старины, составляющей одну из важнейших, заветных сторон идеологической основы староверства. Понятно, такое положение не стимулировало развертывание в низовьях Печоры археографической работы.

Отсутствие достаточных сведений о старинной письменной культуре местного, усть-цилемского населения сказалось, например, даже в таком серьезном коллективном научном труде, как недавно вышедшие «Очерки по истории Коми АССР», в котором этот вопрос совершенно не затронут, хотя хозяйству, торговле, ремеслам и многим другим сторонам жизни усть-цилемцев отведено немало страниц.² Сами авторы признаются, что не располагали необходимыми данными по вопросу о местной письменности и литературе XVI—XIX вв., чтобы высказаться о них хотя бы в самой общей форме.

Поэтому весьма важно было собрать на месте хотя бы отрывочные сведения о письменности Усть-Цилемского края в XVI—XIX вв. Ведь этот край, равный по размеру территории среднему европейскому государству, сыграл немаловажную роль в истории нашей Родины. Этой целью — выявить все возможные данные о местной рукописно-книжной традиции, представляющей важнейшее звено в местной культуре, — и руководствовался Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, когда впервые в 1949 г. приступил к археографическому обследованию Усть-Цилемского района Коми АССР.

Население этого края, расположенного почти у самого полярного круга, в прошлом состояло из одних старообрядцев. Насколько развито было здесь старообрядчество, видно из того, что по Пижме и Цильме не имелось ни одной «мирской», или «православной», деревни, как принято называть здесь села с «никонианским» населением. Их не было также по Пе-

² Очерки по истории Коми АССР, т. I Под ред. К. В. Сивкова А. А. Зимина и Л. И. Суриной Изд. Коми филиала АН СССР, Сыктывкар, 1955, стр. 74—77 81—83, 87, 100—101, 127—128, 231 и многие другие.

чоре, в селениях вверх и вниз от Усть-Цильмы. Жители самой Усть-Цильмы были сплошь староверы.

Даже единоверчество, имевшее определенный успех среди печорских коми, не получило в Усть-Цилемском крае распространения. И все это — несмотря на усиленную пропаганду этой промежуточной ступени между «старой» и «новой» верой со стороны местных духовных и светских властей. Некоторое исключение составляли нерецкие деревни, заселенные по преимуществу коми. В них церковные новшества нашли сторонников, но и тут основная масса жителей придерживалась «дониконовой старины».

Небольшая нестарообрядческая часть населения края состояла из приезжих людей, представителей сельской интеллигенции и чиновничества и незначительного числа местных жителей — служащих государственных учреждений и духовных ведомств (писари, псаломщики, урядники и т. п.). Последним по роду своих занятий нельзя было придерживаться староверства. Однако некоторые из них числились «православными» только на бумаге, а на деле тайно исповедовали веру своих земляков. Благодаря этому усть-цилемские старообрядцы всегда своевременно узнавали о готовящихся против них репрессиях.

По незыблемости основ «Аввакумовой веры» (на низовой Печоре до сих пор помнят Аввакума и чтят его подвиг), ее прочности и неприкосновенности Усть-Цилемский край стоял на одном из первых мест в старообрядческом мире Царской России. Слава о «твердости» его людей распространилась далеко за пределы Печоры.

Долгой живучести старообрядчества в Усть-Цилемском крае способствовали многие причины и прежде всего беспросветная глушь, темнота, невежество, оторванность от культурных центров страны. В таких условиях старообрядчество находило благоприятную почву для своего развития и существования. И не случайно здесь укрепилась его наиболее консервативная ветвь — беспоповское поморское (даниловское) согласие.

Старообрядческая идеология прочно заняла господствующее место в мышлении усть-цилемца, наложила отпечаток на весь его быт, жизненный уклад и долго и настойчиво не позволяла проникать к нему всему новому. Она держала его в кругу понятий XVII в. и своих представлений о мире. Это также сказалось и на местной письменности, которая в XVIII—XIX вв. развивалась под сильным и преобладающим воздействием догм и принципов старообрядческой идеологии.

Однако было бы ошибкой считать, что усть-цилемцы жили только в замкнутом кругу церковно-религиозных вопросов и споров об истинности вер. Неверно было бы думать, что их не привлекали и не волновали темы, выходящие за рамки старообрядчества. Как показывают собранные материалы (рукописные и записи устных рассказов), запросы их были шире того, что дозволяло им их беспоповское согласие. Ведя схоластические споры о правдивости своих обрядов, усть-цилемцы, однако, не теряли интереса к окружающему их миру. Они пользовались всем, что было доступно им в этом глухом и заброшенном крае, и брали все, что доставляло какие-то эстетические наслаждения, удовлетворяло их умственные потребности и вкусы.

В крае, например, процветала богатая и разнообразная устная традиция, своей тематикой выходящая далеко за рамки старообрядческой идеологии. Здесь читались и переписывались западноевропейские переводные сборники, имели хождение лубочные картинки, нередко светского, бытового содержания. Некоторые местные книжники XVIII—XIX вв., по-видимому, не чуждались русской «мирской» литературы того времени. И сейчас в усть-цилемских селах и деревнях можно увидеть старые издания со-

чинений Новикова, Державина, Пушкина, Кольцова и других русских писателей двух прошлых веков. Записи на этих книгах показывают, что они ранее входили в состав старых местных книжных собраний. Лет 40—50 тому назад таких книг здесь имелось, вероятно, значительно больше.

Отчетливо прослеживается влияние в отдельных памятниках местной письменности народнопоэтических произведений (сказок, былин, песен, преданий) и «мирской» литературы (ср. Повесть о быке, Повесть о двух снохах и др.). Благодаря этому влиянию в них появились новые черты, не свойственные старообрядческой литературе. Значение светского элемента в письменности усть-цилемцев не следует, однако, преувеличивать: печать долгого и безраздельного господства старообрядческой идеологии лежит на ней. Это видно даже из состава тех рукописей, описание которых приводится ниже.

Прочно державшееся в Усть-Цилемском крае старообрядчество поддерживало интерес к рукописной книге до недавнего времени. И несмотря на большой урон, понесенный местной письменностью в XIX в., в результате вывоза рукописей учеными, старьевщиками и агентами центральных старообрядческих общин, несмотря на многочисленные пожары и уничтожения «староверских книг» миссионерами и полицией, к началу XX в. в крае имелось огромное количество самого разнообразного по форме и содежанию рукописного материала. Он охотно читался и переписывался. По-видимому, сохранялся еще весь основной репертуар местной письменности.

Резкое понижение интереса к рукописной книге началось примерно с 1906 г. Причиной этого было появление на печорском рынке в изобилии изданий старообрядческих типографий. Печатная продукция имела много преимуществ перед рукописною. И она сразу же завоевала симпатии усть-цилемцев. Это был первый серьезный удар по местной рукописно-книжной традиции. Но он только пошатнул ее, но не свалил, так как типографии на первых порах выпускали лишь книги определенного содержания. Это были книги главным образом церковно-служебного характера.

Вся же масса прочей литературы, составлявшей круг повседневного домашнего чтения печорского старообрядца, оставалась только в рукописях. И эти произведения по-прежнему продолжали переписываться и размножаться на низовой Печоре еще долгое время. Некоторые из них, как отдельные духовные стихи, апокрифы, сказания, переписываются и сейчас людьми старшего и среднего поколения, не утратившими интереса к старинной письменности. Такие лица и теперь встречаются в усть-цилемских селах и деревнях.

Ко времени развертывания археографической работы в Усть-Цилемском районе у его жителей сохранялось значительное число старинных рукописей. Но это была уже только небольшая частица еще недавно существовавшей здесь обширной местной рукописно-книжной традиции.³

Старообрядчество в Усть-Цилемском районе имеет и сейчас многих последователей из числа лиц преклонного возраста и людей старшего поколения. У них по преимуществу и были сосредоточены оставшиеся рукописные книги. Некоторые владельцы до сих пор в своем быту пользуются этими книгами. Другие, не читая рукописи, чтут их как дорогое наследие дедовой и отцовой старообрядческой старины. Эти люди боятся, чтобы книги не попали в случайные и ненадежные руки.

Поэтому собирание рукописного материала в районе было сопряжено с немалыми трудностями и препятствиями. Нередко, чтобы добиться по-

³ Подробнее о развитии рукописно-книжного дела на низовой Печоре см. в указанной выше нашей книге.

ложительного результата, от участников экспедиции требовалось большое напряжение воли и особая настойчивость. Иногда же все попытки познакомиться с рукописью, а тем более приобрести ее оканчивались безрезультатно. Но, к счастью, подобных случаев в нашей печорской практике было не так много. Повторяем, что с подавляющим числом рукописных книг в районе нам удалось познакомиться, а наиболее ценные из них доставить в Рукописный отдел ИРЛИ.

Что же конкретно дало для историка русской культуры археографическое обследование Усть-Цилемского района Коми АССР?

Прежде всего нужно подчеркнуть следующее: доставленный в ИРЛИ рукописный материал, а также оставшиеся на месте рукописные книги, в большей части тоже изученные, впервые представили исследователям такое обширное количество письменных памятников, характеризующих круг чтения местных жителей в XVI—XIX вв. Это дает возможность более точно определить направление и уровень развития местной культуры в прошлом. Располагая собранными археографическими экспедициями сведениями, никто сейчас не решится отрицать наличие в Усть-Цилемском крае развитой в недавнем прошлом рукописно-книжной традиции, обширной письменной культуры. Сомневающимся могут быть представлены как живое свидетельство многочисленные рукописные материалы с записями и пометами на них, читательскими отзывами. Они показывают живой интерес местных людей к книге, чтению и говорят об их интенсивной книгописной деятельности.

Ответ на вытекающий отсюда вопрос о путях проникновения рукописной книги в Усть-Цилемский край облегчается ныне благодаря рукописным находкам и в результате опроса местных жителей. Побывавшие здесь в прошлом этнографы Ф. М. Истомина⁴ и Н. Е. Ончуков⁵ отмечали влияние на усть-цилемцев выговской культуры, но не приводили в пользу этого никаких веских доказательств. Аргументация их ограничивалась ссылкой на несколько попавшихся им на глаза поморских книг и на то, что жители Выга и Печоры были старообрядцами одного согласия. В настоящее же время этот вывод может быть подтвержден сотнями выговских рукописных книг, обнаруженных и изученных в районе. Более сотни их приобретено для ИРЛИ.

Несомненно, что роль выговцев как проводников книги на низовую Печору и прежде всего в Усть-Цилемский край в XVIII—XIX вв. была чрезвычайно велика. Местные жители, как ныне точно установлено на основании собранных материалов, поддерживали с ними самые тесные связи на протяжении всего указанного выше отрезка времени. Выго-Лексинское общежительство, имевшее в своем распоряжении богатейшие книжные собрания, снабжало усть-цилемцев самой разнообразной литературой.

Кроме книг, непосредственно связанных со старообрядчеством, от них перешло немало сочинений «мирских» писателей XVIII—XIX вв., учебной и научной литературы. Найденные в районе рукописи с сочинениями по риторике, диалектике, грамматике и другим отраслям науки — все выговского происхождения. Они написаны характерным местным полууставом и сохраняют следы принадлежности к здешним собраниям.

При посредстве выговцев перешла большая часть сохранившихся в районе, правда, уже преимущественно в более поздней переписке, книжных духовных стихов и песен. Многие из этих произведений являются продуктом творчества выговских «пиитов» XVIII—XIX вв. (стихи о Неофите,

⁴ Известия Русского географического общества, т. XXVI. СПб, 1890, стр. 13

⁵ Живая старина, вып. III—IV. СПб, 1905, стр. 278.

юности, лексинских девицах и мн. др.). Следует также назвать выговские переделки известных народных и книжных духовных стихов (плач Иосифа Прекрасного, стих Иоасафа царевича, стих «Молитва богородице» и мн. др.).

Как показывают записи, пометы и надписи на изученных рукописных и старопечатных книгах, немало разнообразной рукописно-книжной продукции поступало в Усть-Цилемский край в XVIII—XIX вв. из Архангельской, Вологодской, Пермской и других севернорусских областей. С жителями этих мест усть-цилемцы поддерживали торговые связи, посещали их ярмарки (особенно в Пинеге). Торговцы же из этих областей, особенно чердынцы, часто бывали у них. Более подробные сведения о путях проникновения книг и рукописей в Усть-Цилемский край имеются в указанной нашей работе об усть-цилемских рукописных сборниках.

Таким образом, выявленные в результате археографических изысканий материалы представляют также интерес для выяснения вопроса о торговых и культурных связях усть-цилемцев в XVI—XIX вв. Они важны в то же время и для определения путей формирования местной письменности, установления источников многих бытовавших здесь памятников книжной и устной традиции.

Исключительно большое значение собранные экспедициями материалы имеют для изучения местной рукописно-книжной традиции. В литературе давно и не раз отмечали наличие в Усть-Цилемском крае значительного числа книг недавней переписки.⁶ Однако происхождением этих рукописей никто не интересовался. Неизвестно было содержание их и ни разу не назывались имена переписчиков. Посчастливилось только А. М. Бажукову из деревни Нижняя Нерица, которого очень живописно изобразил Е. А. Ляцкий в своем отчете о поездке на Печору.⁷

По припискам и записям на рукописях, обнаруженных в Усть-Цилемском районе, а также путем опроса местного населения удалось восстановить имена очень многих усть-цилемских переписчиков XIX в. Выявлено также несколько переписчиков конца XVIII в. Имена более ранних местных писцов пока, к сожалению, неизвестны. Однако, как можно предполагать, в Усть-Цильме в XVI в. и особенно в XVII в. условия для переписки рукописей уже имелись. Может быть, в дальнейшем пробел будет восполнен, так как работа по разысканию имен местных писцов продолжается.

На основании тех же источников установлены владельцы почти всех более или менее крупных книжных собраний в крае в XIX в. Эти лица были одновременно наиболее видными местными книжниками, а иногда и писцами. Списки писцов и владельцев рукописно-книжных собраний публикуются в упоминавшейся работе об усть-цилемских сборниках.

Изучение помет и надписей на рукописных книгах позволило также установить круг их читателей, выявить отношение к прочитанным книгам. С помощью владельческих записей были восстановлены составы некоторых старых собраний, в частности обнаружено немало книг из библиотеки И. С. Мяндина. Замечания на книгах показывают, что усть-цилемцы любили и ценили книгу, иногда даже независимо от ее содержания, поскольку она давала им какую-то почву для размышлений, служила утешением в их тяжелой и однообразной жизни.

Но наиболее важным для характеристики здешнего рукописно-книжного дела было само отыскание огромного количества рукописей местной

⁶ С. В. Максимов, Собрание сочинений, т. IX, Изд. т-ва «Просвещение», СПб., 6 г., стр. 342, см. также т. XX, стр. 148; Н. Е. Ончуков. Печорская старина. — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 3, стр. 213.

⁷ Вестник Европы. СПб., 1904, № 12, стр. 705—706.

переписки XVIII—XIX вв. Они свидетельствуют не только об интенсивной деятельности писцов Усть-Цильмы, Пижмы, Цильмы и других мест, но являются ярким показателем интересов и потребностей жителей края. Ведь обычно в первую очередь переписывались те рукописи, в которых ощущалась необходимость.

Особую ценность среди местного рукописного материала представляют произведения усть-цилемских книжников. Это или оригинальные сочинения (Повесть о быке, Повесть о двух снохах, несколько кратких «русских историй» и др.), или переделки старинных литературных произведений (повестей о царевне Персике, о царе Аггее, о царице и львице и др.), сказаний, дидактических памятников типа «Пчелы» и др. Немало сочинений на старообрядческую тематику. О существовании в Усть-Цилемском крае в прошлом этих местных произведений и литературных обработок старых сюжетов до сих пор в литературе известно не было. А ведь именно в них, как теперь выяснилось, очень отчетливо отразились некоторые вопросы, волновавшие обитателей края. Жители его мечтали о царе, правящем с помощью народного собрания (Повесть о царице и львице, Повесть о царевне Персике), стояли за честный труд, за то, чтобы никто не гнушался тяжелой крестьянской работой (Повесть о царе Аггее и др.). Они охраняли крепкие семейные отношения, чистоту и искренность во взаимоотношениях между родственниками (повести о царевне Персике, царице и львице, о двух снохах и др.). С находками усть-цилемских произведений историк культуры получил ценнейший источник для суждения о жизни и запросах жителей края в XIX в.

Рукописи, переписанные в Усть-Цилемском крае, имеют также немало важное значение для изучения местного почерка. Становится очевидным, что в XIX в. здесь был выработан особый, книжный вид письма, отличный от всех существовавших тогда. Раньше мы условно называли его печорским полууставом, но точнее будет именовать его усть-цилемским полууставом. Он возник и оформился в Усть-Цилемском крае, вероятнее всего в самой Усть-Цильме. Только позднее ему стали подражать писцы других мест Печоры.

И выработка своеобразного книжного почерка, и создание своих литературных и исторических произведений — свидетельство незаурядной деятельности книжных людей Усть-Цилемского края, что стало известно, однако, лишь благодаря археографическим изысканиям на низовой Печоре.

Рассмотренный местный материал впервые дает возможность, опираясь на твердые факты, поставить вопрос о существовании в Усть-Цилемском крае в XVIII в. и главным образом в XIX в. своеобразного культурного центра. Он имел свои, только ему присущие традиции и особенности. И несмотря на то что в основе всех начинаний лежала старообрядческая идеология, что движущей силой была защита основ старой веры, усть-цилемцы сумели создать и сохранить такие культурные ценности, которые характеризуют зачинателей и носителей местной рукописной книжной традиции с очень положительной стороны.

Среди лиц, внесших вклад в развитие местной письменности в XIX в., особое место принадлежит Ивану Степановичу Мяндину. Сведений о его жизни и деятельности пока собрано немного. Есть, правда, надежда еще восполнить их при помощи бесед с некоторыми печорцами, знавшими и помнящими его, и при помощи архивных разысканий. Однако даже на основании тех данных, письменных и устных, которые нам удалось собрать на Печоре, можно предполагать, что И. С. Мяндин был ведущий книжник в крае на протяжении почти всего XIX в. (он умер глубоким стариком в 1894 г.).

И. С. Мяндин, будучи разносторонне начитанным (он, по словам помнивших его усть-цилемцев, не чуждался «мирской» литературы, читал газеты и журналы), занимался не только перепиской рукописей, но переделывал также старинные произведения. При их обработке он упрощал язык, стиль, вносил местные черты, выражал местные взгляды и воззрения. Изменения и дополнения в литературных и исторических памятниках (Житие Корнилия Выговского, повести об иноке, прельщенном бесом, о царе Аггее, царице и львице и др.) характеризуют И. С. Мяндина как человека, любившего свой народ и жившего с ним едиными мыслями. Он мечтал об участии народа в управлении страной (см. две последние повести), прославлял честный труд (царь Аггей), обличал жестокость и корысть богачей.

Имеются основания предполагать, что И. С. Мяндин занимался также сочинением собственных произведений, используя для них местный легендарно-бытовой материал. Несколько обнаруженных экспедициями таких памятников являются, по-видимому, продуктом его творчества.

Как писец И. С. Мяндин отличался исключительной плодотворностью. На нижней Печоре до сих пор встречается огромное количество рукописных книг его переписки. Несколько десятков их находится ныне в собрании ИРЛИ. Ему принадлежит большая заслуга в создании местного почерка. Он в числе первых перестал подражать в письме поморскому полууставу, пытаясь на его основе создать свой характерный почерк. И. С. Мяндин известен также как переплетчик и реставратор рукописной старины.

И. С. Мяндин пользовался среди местного старообрядчества высоким авторитетом благодаря своему уму и обширным знаниям, был заметной фигурой в их среде. Однако он, по рассказам знавших его П. В. Чупровой и П. Г. Чупрова, был чужд религиозной нетерпимости. А этим как раз отличалось большинство его собратьев — усть-цилемских книжников из староверов. Указанная черта И. С. Мяндина располагала к нему всех встречавшихся с ним лиц, и они охотно поддерживали с ним сношения. И. С. Мяндин знал С. В. Максимов (об этом свидетельствует найденное письмо Мяндина) и пользовался, по-видимому, его помощью при знакомстве с местной стариной.

Имя И. С. Мяндина как большого книжника, начетчика, прекрасного певца (он обладал хорошим голосом) было известно в старообрядческом мире далеко за пределами Усть-Цилемского края. Встречавшийся с ним Э. Н. Бабилов (живет ныне около Замшевого завода, что близ Усть-Цильмы) сказал, что И. С. Мяндин «славили» по всей Печоре. И до сих пор среди печорцев старшего поколения это имя произносится с почетом и уважением.

И. С. Мяндин, сын суворовского солдата, был, как теперь выясняется, действительно подлинным крестьянским самородком. Он сумел в исключительно тяжелых условиях царского режима на Печоре, в условиях религиозного гнета (найденны материалы о его притеснениях миссионерами) подняться до уровня большой, по здешним условиям, образованности. Этому несомненно способствовали его недюжинный талант и стремление к знанию.

И. С. Мяндин можно с полным правом назвать первым усть-цилемским писателем и популяризатором памятников старинной письменности. Другие, подобные ему по образованности, широте взгляда и размаху книгописной деятельности имена нам пока неизвестны.

Выяснение общественно-политических взглядов И. С. Мяндина, определение круга написанных и переработанных им произведений, объема

и характера его книгописной деятельности и установление биографических вех — интересная и специальная тема. Надеемся еще к ней вернуться.

И. С. Мяндиным не ограничивается круг известных местных книжников и писцов. Безусловно незаурядными грамотеями и книгописцами в XIX в. были также А. М. Бажуков, Ф. И. Вокуев, И. И. Ермолин, М. А. Михеев, Н. И. Носов и др. Результаты их интенсивной книгописной деятельности видны еще и сейчас на низовой Печоре. В редком селении не встретишь переписанные ими рукописи; их немало имеется и в собрании ИРЛИ.

Из более ранних писцов наиболее заметной фигурой был А. М. Ларионов. Он, по-видимому, пользовался известностью далеко за пределами Омелинского скита. Среди пижемских книжных людей и писцов второй половины XVIII выделяется некий Тимофей Иванович, фамилия которого неизвестна. Последний был также старообрядческим писателем-полемистом (его сочинение см. под № 209).⁸

Все указанные лица немало содействовали распространению книг на низовой Печоре.

Чтобы закончить с местным материалом, отметим еще личную переписку и деловые бумаги усть-цилемцев XVIII—XIX вв. Этот род материала имеет особый интерес. В нем сообщается то, чего нельзя найти в местной рукописной книге: это бытовая история жителей местного края. К сожалению, образцов переписки крестьян сохранилось немного, да и то, что обнаружено, в большинстве своем, как уже было сказано, извлечено из переплетов и не всегда в достаточной сохранности. Судьба личной переписки одинакова всюду, подчас и в наши дни. А сколько ценных сведений содержит порой иной маленький, пожелтевший от клея и времени кусочек письма!

Письма и разнообразные коротенькие записки, которые имеются теперь в нашем распоряжении, содержат немало любопытного. В них сохранились интересные черты для характеристики быта, уровня понятий, предметов спора, которые имели место в среде печорского старообрядчества. Немаловажные сведения находим в письмах о связи между усть-цилемцами и выгвцами. Оказывается, общение между ними поддерживалось весь XIX в., несмотря на запрет и постоянную слежку со стороны духовных и светских властей.

В письмах отражена также борьба крестьян с местными скитами за землю. Письма — ценнейший источник по истории особенно отдаленного от центральной России в прошлом края, о котором в силу этого сохранилось мало сведений. При дальнейшем археографическом обследовании Печоры надо обратить особое внимание на этот вид рукописного материала.

Мы привели здесь только наиболее важные примеры того, сколько новых ценных сведений получил историк местного края в результате археографического обследования низовой Печоры. Необходимо теперь с такой же тщательностью обследовать другие районы Печоры, чтобы получить полное представление о культуре русского населения прошлого этого огромного и интересного уголка России.

А какой обширный и интересный материал достался благодаря этим изысканиям на долю историка русской культуры, литературоведа, лингвиста и палеографа! Не имея возможности из-за недостатка места остановиться на этом подробно, отметим следующее.

В усть-Цилемском районе было найдено огромное количество текстов ранее известных древнерусских литературных и исторических произведений, оригинальных и переводных. Обнаружен ряд совсем неизвестных

⁸ Здесь и далее приводятся номера, которые в описании даны в скобках.

произведений старой письменности («Плачи по Москве» и др.) и ряд памятников, сохранившихся до этого в одном-двух списках (Послание Макария Ивану Грозному, «Повесть о самосожжениях на Мезени в 1743—1744 гг., Послание новгородского архиепископа Геннадия и др.). Найдены произведения, ранее известные, но позднее затерявшиеся (Исповедь Ивана Филиппова и др.). Мы уже не говорим об исторических и литературных произведениях местного происхождения. Они до этого вообще были совершенно неизвестны. Вместе с другими переписанными здесь рукописями эти произведения представляют неоценимый источник для лингвиста, изучающего печорские говоры.

Среди собранного большого числа памятников выговской литературы XVIII—XIX вв. имеется немало сочинений, не учтенных прежними исследователями.

Таким образом, весь этот материал расширяет наши представления о старорусской письменной культуре, ее объеме, вводит ряд новых фактов в ее характеристику. Он также является новым свидетельством живучести традиций древнерусской письменности в отдельных уголках России еще в конце XIX в.—начале XX в.

Итак, как мы могли убедиться из приведенных примеров, в результате археографического обследования Усть-Цилемского района ученые получили большой и ценный материал.⁹ Прежде всего он важен для характеристики местной образованности в прошлом. Этот материал по-новому освещает характер и содержание культуры усть-цилемцев. Немаловажное значение имеет он и для истории русской культуры вообще, так как предоставляет в распоряжение исследователей ряд новых фактов. Все это, как нам кажется, оправдывает продолжение археографического обследования Печоры, в частности Троицко-Печорского района, к изучению которого уже приступили в 1959 г.

Проведенное впервые в археографической практике сплошное обследование большого края и полученные при этом результаты, как мне думается, должны поставить на очередь вопрос о необходимости расширения подобных работ за пределы района Печоры и о привлечении к участию в них сотрудников местных научных учреждений. Конечно, развертывать эту работу надо в тех местах, где сохраняются еще у населения рукописные материалы. А таких мест в СССР еще немало.

В заключение несколько слов о следующих ниже рукописях и правилах, принятых при их описании.

114 описанных здесь рукописных книг XVII—XIX вв., как отмечено выше, представляют собой произведения исторического, литературного и бытового содержания. Наибольшее место занимают писания старообрядцев, преимущественно выговцев, и русская церковно-историческая литература. В этой группе рукописей можно встретить очень редкие и ценные памятники: «Плачи по Москве» (№ 191), «Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг.» (№№ 203, 204 и 205), Полемический сборник Тимофея Ивановича (№ 209), Хронограф в усть-цилемской переработке (№ 267) и др. Два последних произведения любопытны как образцы усть-цилемской литературы XVIII—XIX вв. Большой научный интерес представляют местные синодики (№№ 219—226). Они содержат важные сведения по истории заселения Усть-Цилемского края.

⁹ О научной ценности собранного материала свидетельствует неоднократное использование его советскими и зарубежными учеными. Подробнее об этом см. в указанной нашей работе об усть-цилемских рукописных сборниках.

Древнерусская литература представлена главным образом в жанре повестей. Из них выделим редко встречающиеся: «Азбука о прекрасной девице» (№ 192), «Повесть о бражнике» (№ 194), «Повесть об острове Муромском» (№ 197) и др. Нечасто попадает в списках польское по происхождению произведение «Суждение дьявола против человека» (№ 265).

Немало духовных стихов и апокрифов, есть несколько рукописей учебного и научного содержания (№№ 155, 156, 157, 175).

При описании рукописей мы придерживались правил, выработанных в наших ведущих книгохранилищах (ГБЛ, ГПБ и др.) и в особенности тех, которые зафиксированы в инструкции ГБЛ.¹⁰ При этом мы старались и, насколько могли, снабдили свою работу необходимыми библиографическими справками. Однако вопрос об отдельных произведениях, приведенных в описании, — были ли они напечатаны, так и остался открытым.

Записи писцов или авторов произведений о времени и месте написания рукописи приводятся целиком: владельческие и читательские пометы указываются полностью, если они в какой-то мере представляют ценность. В противном случае эти записи пересказываются своими словами, но с сохранением, по возможности, всего их содержания. Все личные имена надписей и помет указываются.

Ряд описанных здесь рукописей уже использовался в научной литературе. Все известные нам случаи такого использования отмечаются.¹¹

В передаче текстов заглавий, начальных строк, записей и помет соблюдались правила, принятые в ТОДРА.

ОПИСАНИЕ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ РУКОПИСЕЙ XVII—XIX вв.

ИСТОРИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО И БЫТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

1 (155).¹² *Азбука Василия Бурцева*

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 79 л., полуустав, переходящий в скоропись. Переплет склеен из бумаги, корешок не сохранился. Водяной знак: Pго Patria и название фирмы Zoopen J. Honig (Собр. БАН, № 1812). Л. 1

¹⁰ Сборник инструкций Отдела рукописей. Учет и обработка рукописных фондов. Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1955.

¹¹ Многие из описанных повестей упомянуты в книге А. А. Назаревского «Библиография древнерусской повести» (М.—Л., 1955).

¹² В скобках указан порядковый номер собрания, являющийся и шифром рукописи (начало см. в кн.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960). В описании помимо общепринятых сокращений в ТОДРА употребляются следующие:

Безсонов, Калики	— Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Безсонова. Вып. I—VI. М., 1861—1864 гг.
Дружинин, Писания	— В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.
Духовные стихи	— Духовные стихи. Сборник духовных стихов. М., 1916.
ЗГБЛ, вып. XIII	— С. А. Клепиков в Флиграти и штампы бумаг русского производства XVIII—XX вв. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. XIII. М., 1952.
ЗМАИ	— Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. Записки Московского археологического института, т. VI. М., 1910, стр. 1—191.

сохранился лишь в нижней части, лл. 8, 39 и 79 написаны на более поздней бумаге, печорским (усть-цилемским) полууставом. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. Из дер. Филиппово.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «... мя ... рь право ... очка сотворив ... древле премудрыя...». Копия с печатного московского издания 1637 г.

2 (156). *Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) Александра Мезенца*

XIX в. (первая треть), в 8-ку, 17 лл., скоропись. Без переплета. Водяной знак: Pro Patria и год выделки бумаги 18..5. Л. 1 без текста. Начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Предисловие». Нач.: «Всесильного, всепреблагаго и всепребезначальнейшаго бога...». Только первая часть. В издании Ст. Смоленского [Азбука знаменного пения (извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца. Казань, 1888] соответствуют лл. 1—6.

3 (157). *Азбука знаменного пения (отрывок)*

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 7 лл., скоропись. Без обложки. Водяной знак: Pro Patria, фамилия фабриканта «Мокеев» и год выделки бумаги 182(?)2. Начальные буквы и пометы над крюками киноварные. Из с. Усть-Цильма.

Отрывок, без начала и конца, начинается с объяснения «тресветлаго крюка» и оканчивается распевом начала стихиры «Воспойте богу песнь нову всегда». Изложение двознаменное.

4 (158). *Альфа и Омега*

XVIII в. (первая четверть), в 8-ку, 440 лл., полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками, выговской работы. Водяной знак: гербовый щит, внутри рог на перевязи, под щитом лигатура из букв WR, отдельно буквы ED. Лл. 1—5, 438 и 440 без текста. На л. 13 заставка-рамка (чернила и киноварь), на лл. 6 и 10 заставки (чернила), на л. 13 об. инициал (киноварь). Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 6 надпись скорописью XIX в.: «по описи № 11». Своя тетрадная нумерация, сначала через семь, а потом через восемь листов. Л. 437 написан позднее, возможно в XIX в., взамен утерянного. С Замшевого завода.

л. 1. Текст Альфы и Омеги. Расположение статей глав сходно с виленским изданием (Вильно, 1786), от супрасльского издания (Супрасль, 1788) имеются отличия в порядке следования отдельных статей и нет списка источников книги, расположенных в алфавитном порядке.

Лабар	— Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. General editor E. I. Labarre, tt. I—VI. Hilversum (Holland), 1950—1957.
Памятники	— Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко, вып. 1—4. СПб., 1860—1862.
Собр. БАН Черчилль	— Рукописная картотека филиграней Рукописного отдела БАН. — W. A. Churchill. Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.

5 (159). Апология восьмиконечного креста Семена Денисова

XVIII в. (конец), в 8-ку, 208 л., поморский полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Водяные знаки: 1) медведь с секирой на постаменте, под короной, буквы ЯМСЯ и годы выделки бумаги 1784 и 1788 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 89, № 235); 2) Pго Patria, буквы УБФ и СМГП и год выпуска бумаги 1788 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 84, № 175). Лл. 1—5, 204—208 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На внутренней стороне верхней корки переплета владельческая надпись Федора Анкудиновича Тиронова, скорописью конца XIX в. На лл. 1 об. и 2 записи о чтении книги Федора Ивановича Дуркина (от 1877 г.) и Ивана Федоровича Дуркина, обе карандашом. На л. 208 карандашом написана фамилия Вокужева. Из дер. Гаревы.

л. 6. Без заглавия. Нач.: «О форме всякаго креста. Вопрос. Форма или образ, иже вещи имя дает собственное, крест...». См.: Дружинин, Писания, стр. 139, № 10, стр. 145, № 39.

6 (160). Апокриф — Иерусалимский свиток

XIX в. (конец), в 8-ку, 16 л., полуустав, без обложки. Бумага со штемпелем фабрики Говарда (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 95, № 19). Заглавие и начальные буквы киноварные. Лл. 14—16 без текста. Своя полистная нумерация. Из дер. Верховская.

л. 1. «На память, иже во святых отца нашего Льва епископа Катанского, свиток Ерусалимской знамением». Нач.: «Послушайте, людие мои, сего божественаго писания...». Список в общем сходен с напечатанным в Памятниках (вып. 3, стр. 150—153).

7 (161). Апокриф — Иерусалимский свиток

XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустав трех почерков. Тетрадка без обложки. Бумага без фабричного штампея. На л. 4 об. карандашом написано имя Константина. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранилось. Первые слова: «и лета знамения и чудеса бывають. Уже бо дни ваши сконъчаваются и страшный суд готовится...». С большим пропуском в середине. Близо подходит к изданному в Памятниках (вып. 3, стр. 151—153).

8 (162). Апокриф — Иерусалимский свиток

XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 10 л., полуустав. Без обложки. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Начальная буква киноварная. Из дер. Боровская.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «Послушайте, людие мое, закона коего сего божественаго писания...». От предыдущего списка отличается распространением и сокращением отдельных мест, но в целом повторяет его.

9 (163). Апокриф — Иерусалимский свиток

XX в. (новейшее время), в 4-ку, 3 л., подражание печатному шрифту. Современная школьная тетрадка. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «вашего языка не знают и ти дают милостину нищим . . .». Без конца. Сравнительно с напечатанным в Памятниках (вып. 3, стр. 150—153) текст сокращен и лишен стройности и последовательности изложения.

10 (164). Апокриф — Лист Иисуса Христа

XX в. (20-е годы), в 8-ку, 3 л., скоропись. Тетрадка в обложке из оберточной бумаги. Из дер. Степановская.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «Почаевсьько лавъре найдено письмо золотыма буквѣваму самим Иисусом Христьом. . .». См.: Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. III, вып. 2. Пгр., 1921, стр. 50.

11 (165). Апокриф — Молитва архангелу Михаилу

XX в., (новейшего письма), в 8-ку, 1 л., подражание печатному шрифту. Заглавие и начальные буквы строк написаны красным карандашом. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Молитва архангелу Михаилу». Нач.: «Господи боже великий, царю безначальный. . .». Ср.: ИОРЯС, 1913, кн. 3, стр. 40, 61—63; СОРЯС, т. XXV. СПб., 1881, стр. 163.

12 (166). Апокриф — Сказание о 12 пятницах

XIX в. (конец), в 8-ку, 6 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. В бумажной обложке. Штемпель бумаги неразборчив. Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 1 надпись карандашом Федора Ивановича Вокуева об обмене карандашами, обращенная к «татке» Ивану Михайловичу Вокуеву. Из с. Усть-Цильма.

л. 2. «Сказание о двенадцети пятницах. И святыи Климент папа римский научает нас в году имети возбраненныи 12 пятниц». Нач.: «Первая пятница на первой недели великаго поста. . .». Текст близок к напечатанному в «Памятниках отреченной русской литературы» (изд. Н. С. Тихонова, т. II, М., 1863, стр. 337—338).

13 (167). Апокриф — Сказание о 12 пятницах

XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага одинаковая с предыдущей рукописью. Заглавные буквы киноварные. Из дер. Скитская.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Текст начинается с конца третьей пятницы. Первые слова: «той человек от злаго неприятеля сохрнен будет. . .». Список буквально повторяет предыдущий и написан одним и тем же почерком.

14 (168). Апокриф — Сказание о 12 пятницах

XX в. (начало), в 8-ку, 4 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага со штемпелем фабрики Платунова (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 102, № 116). Заглавие и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Сказание о двенадцети пятницах. И святой Климент папа римский научает нас в году имети возбраненья 12 пятниц». Нач.: «Первая пятница на первой недели великаго поста...». Текст одинаковый с описанными выше.

15 (169). Апокриф — Сказание о 12 пятницах

XX в. (начало). Настенный лист размером в развернутый лист, полуустав, текст заключен в красную рамку (написана красной масляной краской). Заглавие выделено более крупными буквами и написано фиолетовыми чернилами. На оборотной стороне листа карандашные пометы хозяйственного значения (об отпуске Михаилу Ф. Бобрецову рыбы и др.). Из дер. Чуркино.

Заглавие: «Двенадцеть пятницъ в году, в которые строго господь писал хранить и поститце». Нач.: «Первая на первой недели великаго поста...». Несколько сокращенный вариант сравнительно с остальными списками собрания.

16 (170). Апокриф — Сон богородицы

XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 4 л., полуустав. В бумажной обложке. Бумага без фабричного штемпеля. Из дер. Рощинский Ручей.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «И сей сон богородицын найден в земли греческой, в городе Алитийском...». Сравнительно с опубликованным в Памятниках (вып. 3, стр. 125—127) представляет краткий вариант, но с некоторыми мелкими особенностями. Ср. также: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, стр. 84.

17 (171). Апокриф — Сон богородицы

XX в. (новейшее письмо), в 8-ку, 8 л., подражание печатному шрифту. Тетрадка в бумажной обложке. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. По похвале кресту «Сон пресвятыя владычце наша богородицы и присно девы Марии». Нач.: «Во едино убо время бысть почивающи пресвятей деве...». С напечатанным в Памятниках (вып. 3, стр. 125—127) сходно только отчасти.

18 (172). Апокриф — Сон богородицы

XX в. (новейшего письма), в 8-ку, 3 л., подражание печатному шрифту. Без обложки. Фабричного штемпеля на бумаге нет. Из дер. Скитская.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «снявше тело его со креста, положиша в плащенницу чистую...». Краткий вариант с добавлением местного, печорского, колорита (взявшего с собой «Сон» ожидает успех на охоте «за зверми или за птицей» и на «рыбною ловлей»). От предыдущего списка разнится.

19 (173). Вопросы об антихристе

XX в. (начало), в 8-ку, 36 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. В бумажном переплете с фланелевым корешком. Бумага со штемпелем компании угличской фабрики (см.: С. А. Клепиков. Филиграния и

штемпели. М., 1959, стр. 104, № 99). Заглавия, начальные буквы и ссылки на источники на полях киноварные. Из с. Усть-Цильма.

На обложке: «Вопрос 9 и 10 о двух подобиях наставания антихристов». Нач. (на л. 1): «Вопрос 9. Аще убо вы и зело явственно о сем ответе от писания показали...». Из старообрядческого сборника об антихристе. Ср.: Вопросы и ответы об антихристе (из 5-й части «Цита веры»). Изд. Преображенского богадельного дома, М., 1912.

20 (174). Выписки из сочинений Петра Дамаскина и Максима Грека о крестном знамени

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 7 л., полуустав. Без обложки. Бумага с датой изготовления 1819. Лл. 6 и 7 без текста. Из дер. Скитская.

Содержит выписки из книги Петра Дамаскина и из Сказания Максима Грека, как «знаменатися» крестным знаменем.

21 (175). Диалектика Иоанна Дамаскина

XVIII в. (последняя треть), в 8-ку, 80 л., полуустав, переходящий в скоропись. Переплет — доски, покрытые кожей. Водяной знак: охотничий рог на гербовом щите и наименование фирмы J. H. Zoop (Тромонич, № 1636). Лл. 77—80 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. На внутренней части нижней корки переплета помета, скорописью начала XIX в. о стоимости бумаги. В начале рукописи (между 5-м и 6-м лл.) утерян один лист с текстом. Рукопись поморского, выговского, письма. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Оглавление, начинается с 30-й главы (лист с начальными главами не сохранился) и завершается 68-й главой.

л. 2. «Сказание вкратце о книзе сей».

л. 3. «Извещение разума, иже содержит книга сия».

л. 4. Текст, разбитый на 68 глав; глава 1 заключает в себе послание Иоанна Дамаскина к епископу маиумскому Козьме, после 68-й главы следует краткое заключение об Иоанне Дамаскине. Точно такой же список Диалектики Иоанна Дамаскина более подробно описан в кн.: В. И. Срезневский. Описание книг и рукописей, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 212—213.

22 (176). Житие Алексея человека божия

XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 5 л., полуустав. Без обложки. Водяной знак: буквы ВФСТ и год выделки бумаги 1781 (см.: С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели, стр. 44, № 154). Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Первые слова: «и печаль, не изыде из ложницы, а сноха ея став...». Последние слова: «... донесоша мощи в церковь святого апостола Петра. Благовернии же царие повелеста». Небольшой отрывок, с пропуском в середине. Редакция Златоструя. См.: В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия. Пгр., 1917, стр. 471—475. Текст сходный.

23 (177). Житие Андрея Денисова

XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 277 л., поморский полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, корешок красный, выговской работы. Водяные знаки: 1) Pго Patria, вчизу буквы АО (см.: ЗГБЛ,

вып. XIII, стр. 73, № 20); 2) буквы FAO и знак Pro Patria (там же, стр. 91, № 255); 3) герб Петербурга и буквы АО (там же, стр. 72, № 15); 4) монограмма из двух букв А(?) и год выделки бумаги 1803; 5) буквы WO. Лл. 3, 275—277 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя полистная и тетрадная нумерация через восемь листов.

л. 1. «Оглавление настоящия книги сея». Из дер. Филиппово.

л. 4. «Житие и подвизи премудраго древняго благочестия учителя, блаженнаго отца Андрея Дионисиевича, иже трудоподвижне написа за древнее святое благочестие преславных книги ответственные, едину, против нижеградскаго епископа Питирима, другую же против вопросов присланного от Синода иеромонаха Неофита». Нач.: «Велие обдержит мя желание, о мужие любомудрии...». 30 глав. Список в точности повторяет другой список собрания (см. сборник № 41 Усть-Цилемского собрания ИРЛИ, лл. 4—236 об.). Андрея Борисова. См. также: Дружинин, Писания, стр. 62, № 3).

24 (178). Житие Андрея Юродивого (отрывки)

XVIII в. (начало), в 4-ку, 6 лл., скоропись. Водяной знак: гербовый щит, на щите лев с мечом и пуком стрел, отдельно лигатура из латинских букв L и P (Черчиль, № 113; Лабар, I, № 3138). Заглавия разделов киноварные. Из с. Усть-Цильма.

Шесть разрозненных листов из Жития Андрея Юродивого (цареградского). По изданию: ВМЧ, окт. 1—3. СПб., 1870, стр. 213—214, 218—219, 227—228.

25 (179). Житии Василия Нового

XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, 39 лл., поморский полуустав. Без переплета. Водяной знак: медведь с секирой на гербовом щите и буквы ЯМСЯ (см. ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 89, № 236). Заглавия и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Видение чюдно зело». Нач.: «В ту же ночь почивающе ми на одре...». Только «видение» Григория. Со значительными пропусками в середине и в конце. По изданию: Почаев, 1794, лл. 60—89 об. От печатного текста существенных отличий не имеется.

26 (180). Житие Василия Нового

XIX в. (начало), в 8-ку, 269 лл., поморский полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками, обрез красный, с тиснением. Рукопись (переплет, письмо) выговской работы. Водяной знак: геральдический знак (лилия), фамилия фабриканта Chlepnikow и дата выделки бумаги 1794 (см.: Исторический очерк Рукописного отдела БАН, вып. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 298). Лл. 1—3, 268, 269 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 4 заставка в красках и золоте (поталь). Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На л. 267 скорописная владельческая надпись от 1821 г. тайнописью, расшифровать которую не удалось. На внутренней части нижней корки переплета цифра «265», написанная одинаковым с рукописью почерком и церковнославянскими буквами. Из дер. Скитская.

л. 4. «Житие и отчасти чудес поведание преподобнаго и богоноснаго отца нашего Василия Новаго, списано Григорием мнихом, учеником его». Нач.: «Непостижимаго бога о человечестем роде...». Сравнительно с почаевским изданием Жития (Почаев, 1794, 164 лл., в 4-ку) варианты незначительные. См. также: С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Новаго в русской литературе, ч. II. Тексты Жития. Одесса, 1911, 1018 стр.

27 (181). Житие и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких

XVII в. (начало), в 4-ку, 160 лл., полуустав. Переплет картонный, корешок кожаный. Водяные знаки: 1) геральдический знак (лилия) небольшого размера (Брике, №№ 6999, 7005); 2) сфера небольшого формата, на верхнем конце оси трилистник, на нижнем сердце (Брике, №№ 14054, 14055); 3) перчатка (видна только нижняя часть). Лл. 1, 159, 160 без текста. Лл. 140, 143—144, 146—148, 157—158 написаны в XIX в. взамен старых листов. Своя тетрадная нумерация через восемь листов, начинающаяся цифрой шесть (возможно, что ранее в рукописи Житию предшествовала Служба этим угодникам). Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 168 читательская надпись Константина Бобрцова, крестьянина деревни Вершей (?) (вероятно, Верховской), от 1843 (?) г. На лл. 1 и 160 об. карандашные надписи преимущественно хозяйственного значения. Рукопись очень ветхая; переплет и корешок плохой сохранности, на многих листах распад бумаги с повреждением текста, особенно в начале рукописи, не хватает нескольких листов в середине и конце. Из дер. Скитская.

л. 1. «Жи[гие и подвизи преподобных] отецъ наших [Зосимы] и Савватиа [Соловецких начальников], новоявлен[ных] чудотворцов, понеже за[чатся] жительство во острове морском, зовомы Соловки, житием и начальством раба бо[жия] Савватиа пржепомя[нута]го и Германа, неко[его] боголюбиваго мниха, и по сем прииде на остров отецъ Зосимы и состави обитель в лето 6944. Господи благослови, отче». Нач.: «В дни благочестиваго великаго князя Василиа Васильевича владимерскаго и московскаго...». Житие спиридоновской (третьей) редакции. Вслед за Житием идут чудеса, древние и поздние, и Сказание священноинока Досифея об обещании Зосимы быть духом с братией в своей обители. С напечатанным в ВМЧ (апрель, тетрадь вторая, дни 8—21, М., 1912, стлб. 502—595) разнится. Ср. также: Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Изд. Московской старообрядческой книгопечатни (церковнославянским шрифтом), М., 1912. Близкий по составу список подробно описан В. И. Срезневским в книге «Описание книг и рукописей, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае» (стр. 126).

28 (172). Житие Иоанна Богослова

XVIII в. (конец), в 4-ку, 10 лл., поморский полуустав. Без переплета. Водяные знаки: на лл. 3—10 буквы ВФ и СТ в картуше (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 75, № 57), на лл. 1—2 (они написаны позднее, в первой трети XIX в.) буквы АП и цифра «3» (там же, стр. 73, № 23). Заглавия и начальные буквы киноварные. Из дер. Скитская.

л. 1. «Месяца сентября в 26 день. Житие и жизнь святого и славного и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Благослови, отче». Нач.: «Сей бяше сын Зеведеев...». Сбоку приписка тем же почерком: «Сие житие чести по кафизмах». Редакция житийных сборников. С л. 8 об. идет Слово об Иоанне Богослове, как он научил человека писать иконы (в проложной редакции; см. Пролог, под 26 сентября).

29 (183). *Житие Ивана Внифантьева (кольского)*

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 20 л., поморский полуустав, без переплета. Водяной знак бумаги: Pro Patria и буквы WO(?). Из дер. Загривочная.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Первые слова: «Ядын и пия и страшное Христово второе пришествие помышляя...». Последние слова: «...заглаживаются вси греси его. И возбнув, дивляшесь». См.: Дружинин, Писания, стр. 78—79. Ср. с рукописью БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 33 (старый № 53), лл. 26—39. Памятник редкий.

30 (184). *Житие, чудеса и служба Никола Мирликийского (лицевое)*

XVIII в. (конец), в 4-ку, 187 л., поморский полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Водяные знаки: геральдический знак (лилия) большого и среднего формата и название фирмы D. C. Vlauw, IV, J. Amwsia (см.: Лабар, I, №№ 1828, 1842, ср. №№ 1714, 1716). На листах при переплете буквы КФДМ и изображение корабля (парусника) на волнах (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 78, № 95). Лл. 1, 2, 187 без текста. 32 миниатюры в красках: на лл. 33, 50 об., 57 об., 61 об., 65, 68 об., 71, 72 об., 74, 78 об., 85, 87 об., 89, 99 об., 106 об., 107, 111 об., 116 об., 119, 123 об., 128 об., 134, 136 об., 140 об., 147, 157 об., 161, 166 об., 174, 176, 178 об., 184. Несколько заставок в красках. Заглавие и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На внутренней части верхней обложки владельческие надписи Василия Андроновича Осташова, на лл. 2 и 186 об. его же именной печатный штамп. На л. 2 владельческая запись от 1806 г. крестьянина Афанасия Антонова из села Сергиева Выгорецкой Верховской трети Повенецкого уезда. На внутренней стороне верхней корки переплета и на л. 2 несколько неразборчивых читательских надписей, одна, кажется, Кирика (?) Чупрова, другая некоего Василия. Из дер. Загривочная.

л. 3. Оглавление.

л. 4 об. Служба.

л. 51. Житие и чудеса.

Рукопись по составу совершенно сходна с изданием московской единовременской типографии (М., 1861, в 4-ку, 254 л.), но печатное издание без миниатюр. Изображение старинной поморской ладьи с миниатюры на л. 107 воспроизведено в следующих изданиях: газ. «Советская культура», от 29 декабря 1955 г.; М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 191; Летопись Севера, вып. 2. М., 1957, стр. 269.

31 (185). *Записи о пребывании войск Наполеона в Москве и об отступлении их в 1812 г. (отрывки)*

XIX в. (первая треть), в 4-ку, 4 л., скоропись. Без обложки. Водяные знаки плохо различимы: видны отдельные буквы — «В» (?) и «Р» и цифры — «1» и «8» (?). Из с. Усть-Цильма.

Четыре отрывка без начала и конца.

32 (186). *Записки матроса гвардейского флотского экипажа Анания Фотеевича Бобрецова о плаваниях в 1893—1899 гг. на императорской яхте «Полярная звезда»*

1893—1899 гг., в 4-ку, 84 л., скоропись. Тетрадка в картонном переплете с кожаным корешком. Приобретена в дер. Степановская от автора. На л. 3 заглавие: «Книга для памяти морского путешествия с 1893 года, с 17 мая, по 1899 год».

Кроме описания заграничных путешествий и плаваний по внутренним водам на яхте «Полярная звезда», в записках сообщается о церемониях при закладках и спусках военных судов с указанием тактико-технических данных этих кораблей. В конце имеется «искусственное гадание» на картах и шуточное стихотворение «Приговорка» о бедняке, захотевшем жениться и подсчитывающем свое имущество (дырявый халат, рваные брюки и т. п.).

А. Ф. Бобрецов (1873—1957), крестьянин, потомственный житель дер. Степановская, после возвращения с флота почти безвыездно жил в родной деревне, занимаясь хлебопашеством, рыбной ловлей и охотой, в последние годы жизни потерял зрение.

33 (187). *Изъяснение вин и ересей на старообрядцев*

XIX в. (конец), в 4-ку, 28 л., полуустав. Переплет картонный, стряпичным корешком. Бумага со штемпелем фабрики Сумкина. На л. 2 заставка (чернила). Заглавия и начальные буквы киноварные. На внутренних сторонах верхней и нижней корок переплета многочисленные надписи карандашом и чернилами с упоминанием имен Никанора Дуркина, Александры Ивановны Тороповой, Андриана Александровича и Михайлова. Л. 1 без текста. На лл. 28 и 28 об. толкование притч:

1) о девице, услышавшей «некую краснопевую птицу в винограде своем и восклонися, хоте дозрети красоте ея»;

2) при антихристовом царстве «отец сына, мати дочь объеми умрут вкупе с чады своими». Почерк — печорский (усть-цилемский) полуустав Из с. Усть-Цильма.

л. 2. «Изъяснение вин и ересей на старообрядцев». Нач.: «Сказание и изъяснение за что опасаемся признавать за честных и непорочных христиан...».

34 (188). *Описание заседания в книжной палате 18 февраля 1627 г. по поводу исправления Катехизиса Лаврентия Зизания (отрывки)*

XVIII в. (первая четверть), в 4-ку, 4 лл., полуустав. Водяной знак: гербовый щит, внутри лев с пучком стрел, отдельно буквы IR. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Первые слова: «те глаголет, отец сына и духа святого равных себе собра...». Последние слова: «...веру нарицаем Христову, преданную нам святыми апостолами его и утвержденную». С пропуском в середине. Ср. с изданием: «Заседание в Книжной палате 18 февраля 1627 г.». Изд. ОЛДП, XVII. СПб., 1878, стр. 3—9, 15—20. Текст во всем сходен.

35 (189). *Отрывок предисловия к двумстам вопросов беспоповцев к поповцам о священстве*

XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 2 лл., поморский полуустав. Водяной знак: Pro Patria. Из дер. Скитская.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «Горестно оплакиваем бедственно наступившее сие время...». Конец: «...боящиеся онаго страшнаго апостоловопиющаго гласа».

36 (190). *Письмо (верноподданнический адрес) старообрядцев Преображенского кладбища Александру II и ответная речь последнего при получении от их депутатов этого письма 17 апреля 1863 г.*

XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 4 лл., печорский (устьцилемский) полуустав. Тетрадка без обложки. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Заглавия и начальные буквы киншварные. Из дер. Степановская.

л. 1. «Всепоподданнейшее письмо, представленное государю императору 17 апреля в Зимном дворце в С. Петербурге от старообрядцев Преображенского богадельного дома беспоповщинского согласия в Москве». Нач.: «Великий государь! Много голосов подымется к твоему престолу...». См.: Прибавление к № 82 «Московских ведомостей» за 1863 г.

л. 3 об. «Речь государя императора к депутатам московских и С. петербургских старообрядцев беспоповщинского согласия, имевшим счастье представить его величеству адрес 17 апреля 1863 года в Зимнем дворце». Нач.: «Я рад вас видеть и благодарю за сочувствие общему делу...». См. там же.

37 (191). *Плачи по Москве*

XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 9 лл., полуустав, переходящий в скоропись. В бумажной обложке, верхняя часть обложки сохранилась лишь наполовину. Обложка склеена из письма, адресованного Семену

Алексеевичу Чуркину, в деревню Степановскую (Пижма). Водяной знак: Pro Patria, буквы АГ и монограмма (см.: ЭГБЛ, вып. XIII, стр. 72, № 7, стр. 114, рис. 9). На л. 1 имеется старый номер («по описи № 23»). На л. 9 об. дважды повторенная надпись «Тимофей Григорьев» (скорось XIX в.). Из с. Замежная.

л. 1. «Плач странствующаго о погибели своего отечества смертоношем». Нач.: «Могу ли я ныне совершенно оплакать...». Опубликовано по этому списку в ТОДРЛ (т. XII, М.—Л., 1956, стр. 488—490).

л. 6. «Плач II о смертоносии преславнейшаго града». Нач.: «Скажите вы мне, скажите...». Издан по этому списку там же (стр. 490—491).

38 (192). *Повесть (Азбука) о прекрасной девице*

XIX в. (первая треть), один лист, размером в 8-ку, записанный только на одной стороне, скоропись. От водяного знака сохранился лишь слабо различаемый маленький полукруг. Из дер. Конино.

Заглавие: «Азбука о прекрасной девице». Нач. «А. Аз есмь красная девица...». Текст разбит на стихотворные строки, обрывается на букве «З». Имеет небольшие отличия от напечатанного В. П. Адриановой-Перетц: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 233—234.

39 (193). *Повесть об Александре Македонском (Александрия)*

XVIII в. (первая четверть), в 8-ку, 149 лл., полуустав. От переплета сохранился лишь корешок. Водяные знаки: 1) герб г. Амстердама среднего размера (Лабар, I, № 394); 2) круглый гербовый щит под короной, внутри лев с мечом и пуком стрел (Черчиль, № 111). Первая часть заглавия (до слова «Повесть») и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На лл. 1—4 малоразборчивые читательские надписи скорописью XIX в., в том числе Михаила Чупрова (л. 1), некоего «Родевонова» (?) (от 1878 г., л. 2), крестьянина деревни Вожгоры (Койнасской волости Мезенского округа) Ивана Саввича Ляпунова (?) (л. 3) и крестьянина Усть-Цилемской волости Осипа Ляпунова (?) (л. 3 об.). Большая часть листов рукописи залита олифой. Из с. Замежная.

л. 5. «Сказание к царем и князем и воеводам храбрым со усердием сего послушати. Повесть честна и вельми полезна великаго царя Македонскаго, како и доколе преиде и родися, под солнечным царем назвася самодержец, подобает его чтуши уразумети и сподобитися премудрости и храбрости его и премногому разуму». Нач.: «Се божи им рож ... честным ... и промыслом явися...». Список неполный, обрывается на переписке Александра с царем Пором. Текст близок к изданию Александрии ОЛДП (LXVII, вып. I, СПб., 1880; LXXXVII, вып. II, СПб., 1887), но не имеет заголовков разделов, более сжат в изложении, упускает ряд подробностей. В печатном издании соответствуют лл. 1—171.

40 (194). *Повесть о бражнике*

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 10 лл., поморский полуустав. Без переплета. Водяной знак: гербовый щит под короной, внутри геральдический знак (?), даты выпуска бумаги «18 ... 7» и «... 10». Заглавие и начальная буква киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Слово о некотором человеке, о пьяницы». Нач.: «Некий человек вельми пиюшь по вся дни...». Из опубликованных текстов ближе всего подходит к изданному В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII в., стр. 107—109).

41 (195). Повесть о 12 снах Мамера (Шахаиши)

XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 6 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. Заглавие и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Видение снов двоюнадесяти, виденных царем Мамером, и о толковании их философом Шаховичем». Нач.: «Бе в неких странах древних град, именем Ириней, а царь, именем Мамер...». Обрывается на седьмом ответе. По классификации А. В. Рыстенко, относится ко второй группе списков. От опубликованного им текста (А. В. Рыстенко. Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе. Одесса, 1904, стр. 102—112) отличия незначительные.

42 (196). Повесть о 12 снах Мамера (Шахаиши)

XIX в. (конец), в 8-ку, 16 л., печорский (усть-цилемский) полуустав, тетрадка без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. На л. 1 небольшая заставка грубой работы, в красках. Первые строки текста киноварные. Своя полистная нумерация, доведенная до 8-го листа. На л. 6 об. надпись: «ето писал Кирил Чупров». Почерк надписи разнится с текстом. Из дер. Загрявочная.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «В неких странах древних град, именем Вригий, а царь, именем Мамер...». По седьмой вопрос список повторяет предыдущий. Ответы 8—12 соответствуют изданию А. В. Рыстенко (Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе, стр. 109—111).

43 (197). Повесть об острове Муромском (Онежском)

XVII в. (конец), в 8-ку, 10 л., полуустав. Без переплета. Водяной знак: шут в зубчатой пелеринке, с семью бубенцами. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «нощи Василий епископ Великаго Новаграда и повеле ми ити на северную страну...». С пропуском в середине и без конца. Список почти в точности совпадает с опубликованным в «Истории российской иерархии» архимандрита Амвросия (ч. V, М., 1813, стр. 117—120, 122—129). Один из старших списков Повести, известных в настоящее время; второй известный список XVII в. находится в ГИМЕ (собр. Царского, № 408); остальные тексты относятся к XVIII и XIX вв.

44 (198). Повесть об отцах и страдальцах Соловецких Семена Денисова

XVIII в. (конец), в 4-ку, 79 л., полуустав. Переплет из склеенной бумаги, покрытый тисненой кожей, корешок поздней реставрации. Водяные знаки: 1) буквы ВФСТ и годы 1781 и 1784 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 75,

№ 56); 2) буквы ВФ и СТ в квадрате (см.: там же, № 58); 3) ВФ и СТ и год 1786 (см.: там же, № 57). Л. 79 без текста. Заглавие и начальные буквы киноварные. Сохранились следы своей тетрадной нумерации через восемь листов. Из дер. Росвино.

л. 1. «История о взятии Соловецкаго монастыря». Нач.: «Аще убо древний в творцех Амир...». Без существенных разночтений по сравнению с супрасльским изданием 1788 г. См. также: Дружинин, Писания, стр. 135—136.

45 (199). Повесть об отцах и страдальцах Соловецких Семена Денисова

XVIII в. (конец), в 4-ку, 52 л., полуустав. Переплет не сохранился. Водяные знаки те же, что и в предыдущем списке Повести, нет лишь филигранны с буквами ВФ и СТ в квадрате. Своя тетрадная нумерация. Из дер. Скитская.

л. I. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «вам да будет, книги, посланные от патриарха, примем...». С пропуском в середине и без конца. Список сходен с предыдущим, написан одинаковым почерком.

46 (200). Повесть — Прение живота и смерти (отрывок)

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 1 л., полуустав. Из дер. Скитская. Отрывок начинается словами «колико было и удалых и храбрых людей...» и заканчивается словами «...не собираю богатства и красного платья не ношу». Редакция XVII в. Ср.: И. Н. Жданов, Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 701—702.

47 (201). Повесть о происхождении вина

XVIII в. (конец), в 8-ку, 2 л., полуустав. От водяного знака сохранился лишь уголок картуша. Заглавие и начальная буква киноварные. Л. 2 поврежден в левой части с утерей текста. Листы извлечены из переплета рукописной книги, найденной в дер. Скитская.

л. 1. «Списание сие и благовестие из Стоглава, благочестивыя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, о хмельном питии и отчего суть уставися горелое вино душепагубное». Нач.: «Братие, разумеите хмельно питие...». Только первая половина. Текст в общем близок к напечатанному в Памятниках (вып. 1, стр. 137).

48 (202). Повесть о происхождении табака

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 22 л., полуустав, переходящий в скоропись. В бумажной обложке (для обложки использована часть какой-то приходной ведомости, в которой упоминаются печорские фамилии). Водяной знак: очень плохо просматриваемые буквы, кажется СС и РМ, и год выделки бумаги 1801. Заглавие и начальные буквы киноварные. Из дер. Скитская.

л. 1. «Выписано из книги, глаголемый Пандок, о мерском зелни, скверном былии, проклятом нюхании, табаке, откуда началася и как разсеяся по вселенной. Тоже и в другой книге, называемой „Мир з богом“, напечатана

о табаке в Киево-Печорской лавре, при архимандрите Иннокентии Гизибле, 7177 году, о потреблении скверном, мерском и проклятом былии, о табасней траве, лист. 218». Нач.: «По первом пришествии господа нашего Исуа Христа на землю...». Без существенных отличий от напечатанного в Памятниках (вып. 2, стр. 427—433). Конца не имеет.

49 (203). Повесть о самосожжениях в Мезенском уезде Архангельской губернии в 1743—1744 гг.

XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 13 лл., поморский полуустав. Без переплета. Водяной знак: пчелиный улей на постаменте с буквами АО, обрамленный листвою, буквы АО и дата выпуска бумаги 1820 (см.: Собр. БАН, № 1880; Лихачев, Вод. зн., № 3612). Заглавия и начальные буквы киноарные. Состоит из пяти разделов. Из дер. Рочево.

л. 1. «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде, содеяся в нынешнем 7252 (1743) году». Нач.: «Окладниковой слободки черносошной крестьянин Артемий Ванюков шед на Холмогоры...». О самосожжении в Великопоженском (Пижемском) ските.

л. 9. об. «О скончавшихся в другом месте». Нач.: «И оная посылка выехав на Мезень. И послаша афицера и салдат...». О самосожжении в Езевецком ските на реке Пезе.

л. 11. «Тамо же о третьем месте». Нач.: «И тако поехав на реку Ому и Вижась...». О самосожжении в ските Матвея Ипполитова на реке Оме.

л. 12. «О зимносторонцах». Нач.: «А оный господин мазор (ошибка; майор, — В. М.) с прочими салдаты...». О разорении скитов на Зимнем берегу Белого моря.

л. 12 об. «О промемории в Питербург». Нач.: «А егда отпустили оную посылку из губернской и писали о том в Петербург промеморию в Сенат...». О приостановлении Сенагом разорения скитов и возвращении воинской команды.

Краткий пересказ всей Повести по другим спискам см.: С. В. Максимов. Рассказы из истории старообрядчества. СПб., 1861, гл. VIII, «Самосжигатели на Мезени», стр. 159—163; Н. Е. Ончуков, ИОРЯС, т. X, СПб., кн. 3, 1905, стр. 225—227. Текст напечатан в нашей книге «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.». В вариантах использованы также два последующих списка Повести (№№ 204, 205).

50 (204). Повесть о самосожжении в нижнемском Великопоженском ските в 1743 г. (Из Повести о самосожжениях в Мезенском уезде)

XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 16 лл., полуустав. В картонной обложке. Часть бумаги с датой изготовления 1832. Заглавие и начальные буквы киноарные. Из дер. Чуркино.

л. 1. «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде, содеяся в нынешнем 7252 (1743) году». Нач.: «Окладниковой слободки черносошной крестьянин Артемий Ванюков шед на Колмогоры...». Текст во всем сходен с первым разделом предыдущей рукописи.

51 (205). Повесть о самосожжении в пижемском Великопоженском ските в 1743 г. (из Повести о самосожжениях в Мезенском уезде)

XIX (конец)—XX (начало) в., в 4-ку, 11 лл., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без переплета. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Заглавие и начальные буквы киноварные. Л. 11 без текста. Своя полистная нумерация. Из дер. Абрамовская.

л. 1. «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде, содеяся за печерь[с]кой украинны 7252 (1743) году, на Пижмы, како за благочестие постра[да]ша». Нач.: «Окладниковой слободки черносоший крестьянин Артемий Ванюков шед на Колмогоры...». Текст точно такой же, как в вышеописанной рукописи, но с пропуском в начале (утерян один лист).

л. 10 об. Выписка из послания митрополита Фотия псковскому духовенству (от 1419 г., августа 12), о людях, живущих без покаяния. Ср.: РИБ, т. VI. СПб., 1880, стлб. 409—410.

52 (206). Повесть о Тимофее, пресвитере владимирском

XIX в. (первая треть), в 8-ку, 12 лл., полуустав. Без переплета. Водяной знак: гербовый щит с буквами В и Ф по бокам и датой изготовления бумаги 181 (?) 5. Заглавие и начальная буква киноварные. На л. 1 конец Слова об отце Евлогии, читающегося в Скитском патерике (рукопись составляла часть сборника). Из дер. Канахино.

л. 1 об. «Слово о пресвитере». Нач.: «Бе во граде Владимире пресвитер некий живый, именем Тимофей...». Первая редакция по классификации М. О. Скрипиля. Близок к напечатанному в ТОДРЛ (т. VIII, М.—Л., 1957, стр. 300—303), но без конца.

53 (207). Повесть о царице Динаре

XIX в. (середина), в 8-ку, 10 лл., скоропись. Без обложки. Водяной знак: медведь с секирой на небольшого размера щите под короной и год выделки бумаги 18...6. Заглавие и начальная буква киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Повесть зело полезна о девицы Иверскаго царства о Данары царевны». Нач.: «Умершу Иверскому властодержу Александру...». Сходно со списком ГБЛ, собрания Румянцева, № 378, опубликованным в Памятниках (вып. 2, стр. 373—376).

54 (208). Повесть о царице и львице

XVIII в. (середина), в 8-ку, 4 лл., скоропись. Без обложки. От водяного знака видна лишь небольшая петля. На л. 1 надпись скорописью: «Сказание подробну, 1755 год». Этой же рукой сделаны здесь и другие надписи типа «проба пера». На л. 4 об. незаконченная владельческая запись: «Сия тетрадь мезенца Устьявжской волости». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «Бысть о Палестинских сътранах в некоем граде велицем царь благочестив...». Четыре разрозненных листа из начальной части повести. Ср.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. III. М., 1910, стр. 278—282. В тексте расхождений нет.

55 (209). Полемическое сочинение по обрядовым и догматическим вопросам великопоженца Тимофея Ивановича

XIX в. (первое десятилетие, после 1806 г.), в 8-ку, 107 л., полуустав двух почерков. Переплет бумажный, с кожаным корешком. Водяные знаки: 1) буквы ВСМ и СФР и год выпуска бумаги 1792 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 75, № 49); 2) медведь с секирой на гербовом щите, буквы ЯМ и дата изготовления бумаги 1802. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя полстная и тетрадная нумерация через восемь листов. Из дер. Скитская.

Сочинение начинается цитатой из предисловия к книге «Вера правая», затем следует «Предисловие», в котором сообщается, что «писание» вызвано появлением в Чердынской округе новых староверцов неких, книги стары имеющих, а веру новую держащих», после этого идет разбор «послания» чердынцев «Тимофеем многогрешным» с «птенцем Исакием», за ним помещен текст другого послания чердынцев «Тимофею с дружиною» и «Краткий ответ на тыя же кривоверы, на 2-е и 4-е послание их», составленный Тимофеем и обращенный к «младоумному» иноку, старцу Венедикту. Тимофей Иванович — наставник Великопоженского общежительства в начале XIX в. На л. 95 указано время получения Тимофеем последнего послания чердынцев: «в лето 7314 (1806), февраля 17».

56 (210). Поминание рода Емельяновых

XVIII в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустав. Тетрадка в бумажной обложке. Бумага с годом изготовления 1789. Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 3 об. запись одним почерком с рукописью: «Сие поминание московских жителей, Мартина Андреевича и Александра Андреевича Емельяновых». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Поминование московских патриархов, «православных христиан, избненных от безбожнаго Мамаю двесте и петдесят и три тысящи», и лиц из рода Емельяновых.

л. 3 об. «О здравии» (Мартина, Александра, Иоанна, Марфы, Симеона и Михаила).

л. 4. «Зде преставление, котораго имя, в коем месяце и числе». Список лиц рода Емельяновых с указанием дня и месяца их смерти.

57 (211). Поморские ответы

XVIII в. (вторая четверть), в 4-ку, 386 л., скоропись разных почерков. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застегками, корешок реставрирован. Водяные знаки: герб г. Амстердама нескольких рисунков, буквы IR (см.: собр. БАН, № 783). Лл. 1, 9, 20, 386 без текста. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. Заглавия и начальные буквы киноварные. На лл. 2 и 10 заставки, на л. 21 заставка-рамка в красках. Имеется изображение рук с крестным знаменем и различных крестов. На л. 1 владельческая надпись усть-цилемца Ивана Родионовича Кислякова и его же круглый печатный штамп, а также библиотечный номер 59, возможно порядковый номер его собрания. Из с. Усть-Цильма.

л. 2. Оглавление.

л. 10. Текст (предисловие, увещание, 106 ответов и «надсловие ответов»). От печатных изданий (о них см. следующие номера) не отличается.

58 (212). Поморские ответы

XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, 220 л., полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками, выговской работы. Водяные знаки: медведь с секирой на гербовом щите и буквы ЯМАЗ (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 88, №№ 220—221). Лл. 1—2, 217—220 без текста. На л. 10 заставка-рамка в красках, на л. 3 заставка в красках, на лл. 3 и 10 об. инициалы, киноварь. Изображение рук с крестным знаменем (в красках) и осьмиконечного креста. Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 1 наклеен лист, размером в 8-ку, с выпиской из «Златой цепи» о вреде объедения. На л. 220 об. и внутренней стороне нижней корки переплета отрывочные позднейшие записи о смерти епископа Павла Коломенского и надпись с упоминанием некоего Федора. Из дер. Скитская.

л. 3. Текст (предисловие, оглавление, текст 106 ответов). К печатным изданиям (о них см. №№ 59 и 60) нового не прибавляет.

59 (213). Поморские ответы

XVIII в. (третья четверть), в 4-ку (лл. 1—13 в 8-ку), 123 л., полуустав двух почерков. Переплет — кожа с тиснением. Водяные знаки: на лл. 1—13 — охотничий рог на щите под короной и буквы ЕДС (Лабар, № 2707), на лл. 14—123 — медведь с секирой на гербовом щите и буквы ЯМЗ большого формата (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 89, № 230). Лл. 1—13, вероятно, написаны в первой трети XVIII в., почерк их иной. Заглавия и начальные буквы на лл. 1—13 киноварные, на лл. 14—123 в большей части написаны теми же черными чернилами. На лл. 22 и 123 об. читательские надписи Якова Кислякова, скоропись XIX в. На лл. 1 и 123, а также на внутренней стороне верхней корки переплета печатный штамп усть-цилемца Ивана Павловича Ермолина. Из с. Усть-Цильма.

Список очень дефектный. Содержит только ответы на вопросы 1—5 (без конца) и 50—65 (без конца). С печатным изданием содержание не расходится. Ср. с московским изданием Поморских ответов старообрядческого Братства святого креста (М., 1911, лл. 15—39, 261—439).

60 (214). Поморские ответы

XVIII в. (конец), в 4-ку 539 л., скоропись и полуустав, переходящий в скоропись, нескольких почерков. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, обрез красный; переплет выговской работы. Водяные знаки: 1) буквы ВСМ и СФР и дата выпуска бумаги 1790 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 75, № 49); 2) буквы ВФСТ с разными датами выпуска бумаги — 1780, 1781, 1782, 1783, и 1784 (см.: там же, стр. 75, № 56); 3) буквы ВФ в квадрате с волнистой линией внутри и буквы СТ в таком же квадрате (см.: там же, стр. 75, № 58); 4) буквы МУФАУ и дата 1781 (см.: С. А. Клепиков. Филлиграния и штампы, стр. 54, № 373). Лл. 1—12, 534, 537—539 без текста. Своя тетрадная нумерация через восемь листов и полистная нумерация другим почерком конца XVIII в. Изображение рук с крестным знаменем и различных видов осьмиконечного креста. На лл. 1, 2, 534 об., 538 об., 539 об. читательские записи: Алексея Игнатьевича Дуркина от 1878 г., скоропись; Гаврилы Ивановича Хозяинова, карандаш, поздняя; Никифора Прокопьевича Дуркина, от 1928 г., карандаш; Ивана Антоновича Булыгина, карандаш, позд-

ня. На л. 539 об. запись некоего Алексея о покупке рукописи в 1865 г. у Ивана Мяндина за четыре рубля серебром. На л. 1 указана стоимость рукописи: «восемь рублей серебром». На внутренних сторонах верхней и нижней корок переплета владельческие записи Ивана Григорьевича Торопова. Из дер. Чукчино.

л. 3. Указы и инструкция Неофиту. Напечатаны в московском издании Поморских ответов (изд. Преображенского богадельного дома, М., 1911, лл. 386—397) и в издании Поморских ответов Мануиловского Никольского монастыря (1884, лл. IX—XXII).

л. 15 об. Копия синодского указа (от 1723 г., 24 июня) на Петровские заводы, разрешающего взять с выговцев ответы Неофиту в письменном виде, но за подписями ответственных лиц общежительства. В печатных изданиях Поморских ответов нет.

л. 18. Оглавление. В московских изданиях и мануиловском отнесено в конец, в уральском А. В. Симакова (1911 г.) оставлено так же, как здесь.

л. 28. Текст (предисловие, увещание, 106 ответов и «надсловие ответов»). С печатными изданиями особых расхождений нет. Дата окончания ответов поставлена 10 июня вместо 21 июня.

л. 517. «История краткая о ответах сих». Сравнительно с напечатанным в издании старообрядческого Братства святого креста (М., 1911, лл. I—XVI) не имеет концовки (со слов «но и последи учитель неромонах...»).

л. 535. «Письмо из общежительства». Нач.: «Боголюбивым скитяном всякого чина и рода и возраста о Христе Иусе радоватися. Понеже ныне по указу... приехал на Петровския заводы учитель неромонах Неофит...». Обращение ко всем скитским жителям по поводу предстоящих встреч с Неофитом. Сочинение Андрея Денисова. См.: Дружинин, Писания, стр. 106, № 63. В печатные издания Поморских ответов не вошло.

61 (215). Постановление собора 1883 г. старообрядцев-федосеевцев в Москве

1883—1884 гг., в 4-ку, 36 лл., полуустав. Без переплета. Бумага без фабричного штемпеля. Л. 36 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. Свяя полистная буквенная нумерация. На л. 35 об. приписка: «Получил 1884, мая 14 числа, от Ф. Дм. Круглова». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Копия. Статьи, подтвержденные на соборе духовных отец, собравшихся от различных стран 7391-го (1883) лета, августа в 18 день, в Преображенском богаделенном доме в Москве». Нач.: «Предисловие [по молитве]. По воле божией сошедшее от различных стран...». 20 статей. Сходный текст напечатан в «Братском слове» (1884, № 11, стр. 47—51; № 12, стр. 92—104; № 13, стр. 144—154). См. также: Дружинин, Писания, стр. 441, № 745.

62 (216). Поучение в неделю пасхи

XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, 8 лл., поморский полуустав. Без обложки. Водяной знак: Pro Patria, буквы GR под короной и буквы AG (ср.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 72, № 7; Черчилль, № 139). Заглавие и начальная буква киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Поучение во свягую и великую неделю пасхи о радости воскресения и о утешении согрешающих». Нач.: «Радования день и веселия, братие, день веселия и спасения...».

63 (217). Поучение о христианском житии

XVIII в. (конец), в 4-ку, 36 л., полуустав. Переплет не сохранился. Водяной знак: медведь с секирой в овале под короной, буквы Я(?)М и годы изготовления бумаги 1785 и 1786 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 88—89). Своя тетрадная нумерация через восемь листов, обрывается после 4-й тетради. Начальные буквы киноварные. Из дер. Боровская.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Первые слова: «злыя дела имаши. Во оном веде мучитися, аще на сем свете покаянием бога не умолиши. . .». Последние слова: «. . .лучше есть Христу работати и с ним». По верхнему полю рукописи повторяющаяся надпись одинаковым с текстом почерком: «Поучения святых». Собрание кратких наставлений и изречений.

64 (218). Сводка сведений о крещении в России и о русских святых, пребывавших до Никона в «православном благочестии»

XIX в. (середина), в 4-ку, 4 л., полуустав. Без обложки. Водяной знак: две геральдические лилии с буквами, в одном случае Ф^v, в другом Нг и U и дата выделки бумаги 1841. Заглавие и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «О крещении России, коликратно бысть». Нач.: «Первое. Святый апостол Андрей Первозванный, проходя российскую землю, многих крестил. . .». С л. 1 об. и до конца идет перечень русских святых (от Владимира), которые «богу угрождаху» до «Никона патриарха». Сочинение это — по-видимому, часть какого-то старообрядческого полемического произведения XIX в.

65 (219). Синодик старообрядческий

XVIII—XIX вв. (сборная рукопись конца XVIII—первой трети XIX в.), в 4-ку, 201 л., поморский полуустав нескольких почерков. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застешками. Обрез красный; переплет выговской работы. Водяные знаки: 1) на лл. 1—47 Pro Patria и название фирмы G. J. Nonig (Лабар, V, № 508), буквы GR под короной, обрамленные веткой, в кругу (Лабар, V, № 501); 2) на лл. 48—49 буквы РФІЯ (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 83, № 152); 3) на лл. 50—110 водяные знаки те же, что и в первом случае; 4) на лл. 111—179 Pro Patria и наименование фирмы H. Wolven. Буквы CR под короной, в кругу (Черчилль, № 146); 5) на лл. 180—181 Pro Patria и буквы AO (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 73, №№ 18—20); 6) на лл. 182—183 буквы «Ф» и дата «[18]23»; 7) на лл. 184—187 Pro Patria, буквы CR под короной, в кругу (Черчилль, № 151), буквы $\frac{CW}{S}$ под короной, в кругу, пчелиный сот, обрамленный ветвями, под сотом буквы AO (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 91, № 253, рис. 5), буквы AO (см. там же: стр. 72, №№ 13—14). Бумага лл. 198—199 без водяных знаков, 30-х годов XIX в. На л. 200 от водяного знака сохранилась лишь небольшая часть в виде петли. Лл. 1—110, 151—178 об. — один почерк, лл. 111—150 — второй почерк, лл. 180—188, 194—199 — третий почерк, лл. 188 об.—193 об. — четвертый почерк. Л. 200 подклеен из другой рукописи, написан в начале XIX в. Лл. 174, 175, 179, 201 без текста. Рукописи первая и вторая имеют свою тетрадную нумерацию через восемь листов. Заглавия, начальные

буквы, пояснительные надписи над именами и на полях, а также линии на разграфленных страницах киноварные. Из дер. Скитская.

л. 1. Повесть отца Макария о сухой лбине (главе человеческой). См.: ВМЧ, л. 821.

л. 3. об. Повесть о том, что не подобает поминать живого за упокой.

л. 6. Стих о гробе и смерти, без заглавия. Нач.: «Зрю тя, гробе, и ужа-саюся видения твоего...». С небольшими отличиями от изданного П. Безсоновым (Безсонов, Калики, вып. V, стр. 64).

л. 7. Повесть о том, чтобы обещание богу давалось без раскаяния («Из Гранографа»).

л. 8. Повесть о Евагрии философе, принявшем долг от бога сторицею.

л. 9 об. Повесть о воине Таксиоте. Ср.: Пролог, от 28 марта.

л. 12. Повесть о полезности творить память по умершим. Из Пролога, от 9 ноября.

л. 14. «От апостольских деяний о умерших же».

л. 14 об. Молитва, произносимая перед чтением помянника. Статьи на лл. 1—14 об., правда в несколько ином порядке идущие, имеются в Синодике, описанном А. Н. Пыпиным (Сводный старообрядческий синодик, изд. 2. СПб., 1883, стр. 8—9).

л. 15 об. Помянник. Л. 15 об. — статья вселенская; л. 22 — статья первая: за благочестие пострадавших; л. 23 — статья вторая (имена поминаемых разделены на группы по местностям, в которых они жили или пострадали); л. 27 — статья третья: сожженных благочестия ради; л. 48 — поминовение настоятелей; л. 50 — братский поминальник.

л. 111 — предисловие Синодика и следующие обычно за ним статьи. По кн.: А. Н. Пып и н. Сводный старообрядческий синодик, стр. 1—2, это статьи на лл. 1—45 рукописи Румянцевского музея, № 698.

л. 151. Продолжение помянника. Л. 151 — поминовение «иже окрест нас преставльшихся»; л. 176 — поминовение разных лиц мужского и женского пола и «младенцов же»; л. 180 — поминовение частных лиц по родам (род Е. И. Грачева, П. П. Янкова, Е. Ф. Тюкалова, Ф. К. Долгова, Е. Г. Малышева и мн. др.); л. 189 — поминовение русских игуменов с братиею (А. Н. Пып и н. Сводный старообрядческий синодик, стр. 12—13) и общее поминовение (там же, стр. 14—16); л. 194 — поминовение частных лиц по родам (род Г. С. Пешнева, В. В. Ланина, В. И. Кокорева, Н. В. Понделуева, А. Ф. Ферзина и др.).

л. 200. Указ о субботней службе перед праздником Дмитрия Солунского.

66 (220). Синодик старообрядческий

XVIII в. (конец), в 8-ку, 52 лл., поморский полуустав. Без переплета. Водяной знак: Pго Patria и наименование фирмы С. J. Nonig (Лабар, № 508). Лл. 1—3 написаны в конце XIX—начале XX в., печорский (устьцилемский) полуустав. Заглавия и начальные буквы на лл. 1—3 написаны красными чернилами, на остальных киноварью. Лл 4—52 имеют свою тетрадную нумерацию через восемь листов (начинается с 24-й тетради). Из дер. Загривочная.

л. 1. Чин поминовения и общий помянник.

л. 24. Помянник. Л. 24 — статья вселенская; л. 27 — статья первая: за благочестие пострадавших; л. 29 об. — статья вторая (имена поминаемых даны по местностям); л. 32 — продолжение общего помянника (русских настоятелей и игуменов, блаженных и юродивых, убитых в разных войнах и т. д.); л. 38 — за благочестие пострадавших (общее поминовение); л. 39 —

статья четвертая, «иже окрест нас преставльшихся» (поморские и выговские); л. 46 — иереев и иноков; л. 47 — настоятелей; л. 48 — «и прочих братии»; л. 49 — поминание по родам (на полях киноварью указан род).

67 (221). Синодик старообрядческий

XIX в. (начало), в 4-ку, 94 л., поморский полуустав. Переплет картонный, с кожаным корешком, реставрирован. Водяные знаки: 1) олень на постаменте, буквы РФІЯ и годы выпуска бумаги 1787 и 1791 (см. С. А. Клепиков в. Филиграни и штемпели, стр. 60, № 506); 2) герб Шереметевых с датой 1793 г. (см.: там же, стр. 48, № 251); 3) буквы ФКНГ (см.: там же, стр. 68, №№ 697—701); 4) буквы АП (см.: там же, стр. 50, № 290, стр. 63, № 581). Лл. 1, 2, 94 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. Основу Синодика составляет рукопись начала XIX в., к которой подклеены более поздние рукописи: лл. 34—44 об. имеют записи, начиная с первой трети XIX в. и кончая карандашными записями имен от 1926 г., бумага лл. 38—44 поздняя (первой четверти и конца XIX в.). Поздние записи встречаются также на лл. 49—50. На лл. 51—52 хозяйственные пометы и записи фенологического характера, самые поздние от 1925—1926 гг. Печатный штамп пижемца Клеона Мартыновича Носова (из дер. Загривочная). Из дер. Чуркино.

л. 3. Чин поминовения и общий помянник.

л. 18. Помянник: л. 18 — статья вселенская; л. 20 — статья первая: за благочестие пострадавших; л. 22 — статья вторая (имена поминаемых даны по местностям); л. 25 — статья третья: сожженных благочестия ради (расположены по местностям); л. 30 — поминовение русских патриархов, митрополитов, архиепископов, игуменов и князей русских и княгинь.

л. 33. Братские (указаны пижемские, цилемские, усть-цилемские, пустозерские, тобольские и другие рода и имена). Л. 45 — сгоревшие в Великопоженском общежительстве в 1743 г., на Пезе и на Оме в 1744 г., имена кимжские, с верховьев Печоры, из деревни Сельской, отдельные роды: Ф. К. Долгово, Ивана Акиндовича, старицы Александры, «Елениных сродниц», Игнатьева, старца Токорева и др.; л. 53 — «иже окрест нас преставльшихся» (пустозерские, «омелины» и др.); л. 60 — сгоревшие в Палеостровском монастыре в 1687 и 1689 гг.; л. 64 — «сожженные» на Пóрме на Часóвенном; л. 66 — сгоревшие в 1734 г., 28 апреля; л. 68 — отцы духовные (выговские); л. 69 — инокини (выговские); л. 70 об. — отцы духовные (выговские); л. 73 — «инокини окрестныя» (выговские); л. 74 об. — братский (выговский) синодик мужских и женских имен, начинается именами «братства нашего представителей» (инок Пафнутий, Даниил Викулин, Андрей и Семен Денисовы и т. д.).

От опубликованных А. Н. Пыпиным текстов Синодика (см. выше) существенно отличается расположением материала и содержанием.

68 (222). Синодик старообрядческий

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 6 л., полуустав. Тетрадка, без обложки. Бумага с годом изготовления 1809. Л. 6 без текста, с хозяйственными пометами (расходными) и надписями типа «проба пера». На этом же листе помета, скорописью XIX в.: «Пислз Семен тегной (?), № 6». Из дер. Степановская.

л. 1. Содержит только помянник вселенского родословия, причем имена русских князей, княгинь, митрополитов, архиепископов, игуменов и настоятелей написаны попеременно с греческими, византийскими и инославянскими именами. Без начала.

69 (223). *Синодик старообрядческий*

XIX в. (вторая четверть), в 4-ку, 14 разрозненных листов, поморский полуустав. Тетрадка, без обложки. Водяной знак: буквы ИШ(?) (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 78, № 96). Заглавия, начальные буквы, надписи (пояснительные) над именами и числа на полях киноварные. Из дер. Скитская.

Синодик содержит только помянник: 10 имен из раздела «настоятели», 24 имени из раздела «отцы духовные» и общий братский помянник, мужской и женский («и матерей»; с л. 9 об.). Без начала и конца и с пропусками в середине. От предыдущего помянника именами различается.

70 (224). *Синодик старообрядческий*

XIX в. (конец), в 8-ку, 18 лл., полуустав. Без обложки. Бумага без фабричного штампа. Заглавия и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Содержит только чин поминовения и общий помянник.

71 (225). *Синодик старообрядческий (нижецкий)*

XX в. (первая четверть), в 8-ку, 4 лл., полуустав. Тетрадка, без переплета. Переписана Т. М. Мяндиным (с. Замежная). Получена от переписчика.

Синодик включает только помянник:

л. 1. «Великопоженного скита, в лето 7252 [1743], 7 числа декабря. Помяни господи душа раб своих и рабынь, иже огнем скончавшихся благочестия ради». Помянание сгоревших в Великопоженском ските в 1743 г.; 115 имен, начиная с Ивана Акиндинова, среди которых в конце есть «гладом скончавшиеся» и «убиенны на Печоре». Последние три имени в помяннике приписаны карандашом.

л. 3. Помянание родителей. 48 имен (инока Евфимия и пр.).

л. 4. Помянание братских («братки»). 59 имен (инока Варлаама и пр.). Последние четыре имени приписаны карандашом. Перед некоторыми именами на полях указаны фамилии или места рождения.

72 (226). *Синодик старообрядческий*

XX в. (письмо новейшее), в 8-ку, 10 лл., подражание печатному шрифту. Тетрадка, без обложки. Современная школьная тетрадная бумага, в линейку. Лл. 1—2, 6 без текста. Заглавия и начальные буквы написаны красными чернилами. Рукопись написана усть-цилемцем Яковом Никаноровичем Тороповым. Получена от его жены.

л. 1. Содержит только Помянник: л. 3 — «Помяни, господи . . . Симеона, Кирика, Фоки» и т. д.; л. 3 об. — «Архиповы» (Архипа, Кондрата, Иону и т. д.); л. 7 — сгоревших в Великопоженском ските в 1743 г. (нач.: «Раба

своего Иоанна, инока Игнатия...»); л. 9—пустозерских (Аввакума, Лазаря, Федора и т. д.); 9 об.—умерших по реке Тобышу (Сидора, Василия, Кондрата и т. д.).

73 (227). Сказание о Георгии Победоносце, девице и змее

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 14 л., поморский полуустав. В бумажной обложке. Водяные знаки: буквы Г(?) , В(?) и годы изготовления бумаги «18...» и «1820». Заглавие и начальные буквы киноварные. На л. 14 хозяйственные пометы карандашом. На верхней обложке позднейшая надпись скорописью: «святой Егорей». Л. 14 без текста. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Месяца ноября в 26 день. Сказание о преславном чудеси святого славнаго великомученика и страсотерпца христова Георгия о девице и о змии, бывшее прежде страдания его. Благослови, отче». Нач.: «Приидете богоизбрании людие стада христова...».

Из напечатанных у А. В. Рыстенко текстов (А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909, стр. 23—64) ближе всего подходит к первой русской редакции, отличаясь от нее более сжатым изложением и отдельными вариантами.

74 (228). Сказание, каким святым от какой болезни молиться

XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 6 л., полуустав. Тетрадка от бумажной обложки сохранился лишь нижний лист. Фабричного штампа на бумаге нет. Заглавия и начальные буквы киноварные. Из дер. Чуркино.

л. 1. «Сказание, [киим] святым какия благодати исцеления от бога даны». Нач.: «О прозрении ослепших очес молитися пресвятей богородицей казанской...». Без конца, с пропуском имени Александра Ошевенского. Ср.: Настольный старообрядческий иллюстрированный календарь на 1908 г. Нижний-Новгород, 1908, стр. 37.

75 (229). Сказание, каким святым от какой болезни молиться

XX в. (начало), в 8-ку, 8 л., печорский (усть-цильмский) полуустав. Тетрадка, без обложки. Бумага со штампом фабрики паследников Сумкина (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 101, № 97). Заглавие и начальные буквы написаны фиолетовыми чернилами. Л. 8 без текста. Из дер. Скитская.

л. 1. «Сказание, киим святым благодати и исцеления от бога даны». Нач.: «О прозрения ослепших очес молитися пресвятей богородице казанской...». По сравнению с предыдущим списком текст более исправный и полный, но без существенных разночтений. Ср.: Живая старина, т. III, вып. 3, СПб, 1893, отд. V, стр. 428.

76 (230). Сказание об учреждении патриаршества на Руси

XVIII в. (третья четверть), в 8-ку, 51 л., полуустав. Переплет бумажный, с кожаным корешком. Водяной знак: Pro Patria с литерами «V» и «L» внизу и отдельно буквы GR под короной (Черчилль, № 139; собр. БАН, № 1805). Лл. 1—3, 49—51 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 4. Текст Сказания, без начала. Переписано из Кормчей (М., 1653; см. об этом лл. 47 об.—48 описываемой рукописи). В печатном издании соответствуют лл. 13—37 об. в конце книги.

77 (231). Слово воспоминательное о российских чудотворцах Семена Денисова

XVIII в. (последняя четверть), в 4-ку, 47 л., полуустав. В бумажной обложке (сохранилась только нижняя часть). Водяные знаки: 1) буквы ЯМСЯ, медведь с скирой под короной и год выделки бумаги 1784 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 89, № 235); 2) Pro Patria и буквы СМГП (см.: там же, стр. 84, № 175); 3) буквы ВФФ и год выпуска бумаги 1786 (см.: там же, стр. 83, № 163). Заглавие и начальная буква киноварные. Заглавие по ошибке повторено киноварью на л. 6. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. Из дер. Гарево.

л. 1. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах в России возсиявших, яко о святости жития, тако и о преславных чудесах их». Нач.: «Яко же сам пресущественный и неизреченный бог непостижимый есть существом...». Близкий текст напечатан в старообрядческом сборнике (издан в Кракове в 1788 г. и позднее в Супрасле, без указания года: в 4-ку, лл. 24—81). Экземпляр второго издания имеется в библиотеке поморцев на Преображенском кладбище в Москве. См. также: Дружинин, Писания, стр. 148, № 59.

78 (232). Слово о забытых грешниках

1913 г., в 4-ку, 6 л., подражание печатному шрифту. Тетрадка в бумажной обложке. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина. Заставка (очень грубой работы), заглавие и инициал «А» написаны фиолетовыми чернилами. Своя буквенная полистная нумерация. На внутренней стороне нижней обложки запись писца: «Писал Степан Анхенович Носов Я писал — путалсе: у меня отец мой умер, я все про его думаю, с ума не сходит. Если я описалсе или слова не так написал, или недописал речь, то я грешен, что описалсе, простите миня грешного. Писал при государи, великом царе, Николае Елксандровиче, при еговой супруге Александры Феодоровне, при еговом великом князе Алексее Николаевиче. Писал 1913 года, месеца апреля 18-го числа, ниделя после пасхи. Сего слова конец, получить златый венец, токмо конец». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Слово из книги Измарагд-камень, глава 30, слово 93, о заподных сиречь о забывших грешных». Нач.: «Аще которой христианин род забывши не поминает...». В старообрядческом издании Измарагда (М., 1912) этого слова нет. По содержанию больше подходит к Синодику.

79 (233). Слово Иоанна Златоуста о лжеучителях

XVIII в. (последняя четверть), в 8-ку, 65 л., полуустав. Без переплета. Водяные знаки: 1) медведь с секирой на гербовом щите и буквы ЯМЗ большого формата (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 89, № 230); 2) ВФ в квадрате и СТ в квадрате (см. там же, стр. 75, № 58). Из с. Замежная.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Первые слова: «Яко ничто же не оставиша и не умолчаша божественная писания...». Последние слова: «...приидите, чада, и послушайте мене, яз покажу вам». Ср.: Маргарит. М., 1641, лл. 573—597. Текст без существенных вариантов.

80 (234). Соборное постановление выгорецких общежителей о новожемах, 1777 г., января 12

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 16 л., поморский полуустав. Переплет не сохранился. Водяной знак: Pго Patria, буквы Мн(?)Б и год изготовления бумаги 1800 (или 1809). Начальные буквы разделов киноварные. Из дер. Загрявочная.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились, с пропуском в середине. Первые слова: «Зде и окрест нас в размножительных скитах...». Последние слова: «...без всякаго умышления, еже они приимаху и мы». См.: Дружинин, Писания, стр. 438, № 734.

81 (235). Собрание краткое от божественных писаний о еретиках

XVIII в. (середина), в 8-ку, 56 л., скоропись, близкая к полууставу. Переплет — картон, покрытый тисненой кожей, плохой сохранности. На переплете наклейка с надписью XVIII в.: «о лютеранах». Водяные знаки: 1) Pго Patria и буквы GR под короной (Черчилль, № 134); 2) герб г. Амстердама с буквами НО I... (Лабар, I, № 415). Лл. 1—2, 54—56 без текста. На лл. 3, 4 заставки, исполненные черпилами. Заглавия и начальные буквы киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 3. Оглавление.

л. 4. «Вкратце собрание от божественных писаний против лютерская и калвинская и иных еретик умствующих и непокаряющихся восточной святей соборней и апостольстей церкви». Нач.: «В первых глаголют противницы. Яко (бы) неподобается ... писания примати в церковь. Мы же ответствуем...». 46 вопросов и ответов. Ср.: Дружинин, Писания, стр. 444, № 755.

82 (236). Стих — А как жили мы, грешницы

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 8 л., полуустав. Тетрадка, без обложки. Бумага без фабричных штампов. Из дер. Боровская.

л. 1. «Стих. А как жили мы». Нач.: «А как жили мы, грешницы...». Сходный с № 99 ЗМАИ, т. VI, стр. 122—126.

83 (237). Стих — А как жили мы, грешницы

XIX в. (первая треть), в 8-ку, 12 лл., полуустав. Тетрадка, без обложки. Водяной знак: Pго Patria, буквы T(?), Ф, I, П(?) и даты 1829. От л. 1 сохранилась лишь левая половина. На лицевой стороне 1-го листа надписи чернилами и карандашом типа «проба пера» и карандашная помета: «Крестьянин Василий Степанов Пав[лов], 1879 года». Из дер. Скитская.

л. 1. «Стих». Нач.: «А как жили мы, грешницы...». Без нескольких строк в начале (оборван первый лист) и без самой последней строки в конце. Близок к № 99 ЗМАИ, т. VI, стр. 122—126.

84 (238). Стих об Алексее человеке божьем

1900 г., в 8-ку, 8 лл., скоропись. Тетрадка, без обложки. На л. 8 запись писца скорописью одного почерка с рукописью: «Сей стих писал Иван Карпов Ермолин, 1900 года, апреля 30 дня». На л. 3 читательская помета Григория Ермолина. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Стих об Алексее человеке божиим». Нач.: «Во славном во Римском во царстве жил Ефимиян князь богатый...». Ср.: Безсонов, Калики, вып. I, стр. 97—154; Н. Ончуков. Печорские стихи и песни. СПб., 1908, стр. 2—14. Наш вариант отличается стройностью и последовательностью изложения.

85 (239). Стих об Алексее человеке божьем

XX в. (начало), в 8-ку, 16 лл., полуустав. Тетрадка, в бумажной обложке. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 101, № 97). Заглавие и начальные буквы стихов написаны красными чернилами. Л. 16 порван в нижней части, с повреждением текста. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Стих Алексея человека божиа». Нач.: «Во славном во Римском в царстве жил богатый князь Ефимияне...». Ср. Безсонов, Калики, вып. I, стр. 97—154; Н. Ончуков. Печорские стихи и песни, стр. 2—14. Вариант Н. Ончукова, вероятно, является пересказом подобного книжного печорского стиха об Алексее человеке божьем.

86 (240). Стих об Алексее человеке божьем

XX в. (начало), в 8-ку, 12 лл., подражание печатному шрифту. Тетрадка, без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. Из дер. Чуркино.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «да выросстил князь его лет до семнадцати...». Без конца. Последние слова: «... Сказали его обручной кнегины, иде». Ср. Безсонов, Калики, вып. I, стр. 97—154; Н. Ончуков. Печорские стихи и песни, стр. 2—14.

87 (241). Стих о браке в Кане Галилейской

XX в. (начало), в 8-ку, 4 лл., полуустав. Без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. Начальные буквы написаны фиолетовыми чернилами. Л. 1 без текста. Из с. Усть-Цильма.

л. 2. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «и учеников его аки бы стрещи своего царя в Кане Галилейстей...». Ср. Безсонов, Калики, вып. IV, стр. 152—155. Есть небольшие отличия.

88 (242). Стих о браке в Кане Галилейской

XX в. (новейшего письма), в 8-ку, 2 лл., подражание печатному шрифту, карандаш. Бумага без фабричного штемпеля. Из с. Трусово.

л. 1. «Стих о браке в Кане Галилейстей». Нач.: «Месия пришел во мир...». Есть небольшие разночтения с напечатанным у П. Безсонова (Безсонов, Калики, вып. IV, стр. 152—155).

89 (243). Стих воскресения Христова (о нищей братии)

XX в. (начало), в 8-ку, 4 лл., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина (см.: С. А. Клепиков. Филиграния и штемпели, стр. 109, № 202). Лл. 1—4 без текста. Заглавие и начальные буквы написаны красными чернилами. Писец — Иларион Иванович Поташов. Рукопись приобретена в дер. Загрявочная от переписчика.

л. 2. «Стих воскресения Христова». Нач.: «Христово божие воскресение...». Список издан в ТОДРЛ (т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 520). Сходный текст, переписанный тем же И. И. Поташовым, см. в сборнике № 127 Усть-Цилемского собрания ИРЛИ, лл. 1—3.

90 (244). Стих Иоасафа царевича

XIX в. (начало), в 8-ку, 3 лл., поморский полуустав. Тетрадка, без обложки. От водяного знака сохранилась лишь половина буквы «Ф» (?). Начальные буквы стихов киноварные. Из дер. Скитская.

л. 1. Без заглавия. Нач.: «Боже, отче, всемогущий...». Без конца. Совершенно одинаков с № 26 ЗМАИ, т. VI, стр. 23—25.

91 (245). Стих о кратковременности жития и о покаянии

XIX в. (вторая четверть), лист, размером в 4-ку, обрамленный рамкой (чернила). Бумага более старая, водяные знаки незаметны. Внизу текста концовка грубой работы (чернила). На оборотной стороне листа многочисленные надписи типа «проба пера», в одной упоминается крестьянин Иван Мяндин и стоит дата «1846 г.». Из дер. Филипповская.

л. 1 «Сей стих». Нач.: «Взираи с прилежанием, тленный человец...». По сравнению с опубликованными в ЗМАИ (т. VI, стр. 106) и в книге «Духовные стихи. Сборник духовных стихов» (изд. христианской типографии, М., 1916 (церковнославянским шрифтом, пагинация полистная), лл. 72—73) отличается сокращенным концом.

92 (246). Стих о лексинских девицах

XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., полуустав. В обложке из оберточной бумаги. Фабричный штампель неясный. Заглавие и начальные буквы киноварные. Из дер. Карпушовка.

л. 1. «Псалма выгорских девиц». Нач.: «Днесь Лекса преславна...». Текст во всем сходен с изданным в ТОДРА (т. XI, М.—Л., 1955, стр. 436—437), но без последних четырех строк.

93 (247). Стих молебный пресвятой богородице

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 5 л., полуустав. Тетрадка, без обложки. Бумага с датой изготовления 1811. Заглавие и начальные буквы строф киноварные. На л. 5 об. запись скорописью: «1916 год. Стих мае дорогой сстри. Писал на память Самсон Карпыч, господин Поташев». Из дер. Степановская.

л. 1. «Стих молебный пресвятей богородицы». Нач.: «Мати милосерда, ты еси ограда...». Нисколько не отличается от напечатанного в книге В. Э. Яксанова (Стихи. Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы, ч. 1, изд. 4. Саратов, 1916, стр. 71—74).

94 (248). Стих — Молитва Иоасафа царевича, в пустыню входяща

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 1 л., поморский полуустав. Водяной знак: буквы АО (см.: М. В. Кукушкина. Флиграны... — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН, вып. II. М.—Л., 1958, стр. 331—332). Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «нама, купно, [д]а им наставлюся...». Только последние 15 строк стиха. Текст сходен с № 26 ЗМАИ, т. VI, стр. 24.

95 (249). Стих на рождество Христово, на крюках

XIX в. (первая треть), в 4-ку, 4 л., поморский полуустав. Тетрадка, с одной верхней обложкой, нижняя не сохранилась. Водяной знак: медведь с секирой на гербовом щите, плохо различимые буквы вроде «ЯМФ» и, кажется, цифра 1832. На обложке несколько надписей типа «проба пера». Заглавие и начальные буквы написаны суриком. Л. 5 в верхней части надорван, с повреждением текста. Нотация знаменная, пометная, но беспризначная, текст истинноречный. Из дер. Скитская.

л. 1. «Псальма на рождество Христово». Нач.: «Составте согласныя песни...». Список почти буквально повторяет опубликованный в книге Яксанова (Стихи. Сборник стихов духовного содержания..., стр. 7—11).

96 (250). Стих о наставлении умирающей матери дочери

XIX в. (конец), в 8-ку, 4 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Тетрадка. Бумага без фабричных штампелей. Заглавие и начальные буквы

киноварные. На л. 4 об. читательская помета Ивана Карповича Ермолина (скорописью). Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Стих умирающей матери к дочери». Нач.: «Умоляла мать родная свое милое дитя...». Ср.: ЗМАИ, т. VI, стр. 163—164. Близкий список.

97 (251). Стих о памяти смертного часа

XIX в. (первая треть), в 8-ку, 6 л., подражание печатному шрифту. Тетрадка, без обложки. Водяной знак: медведь с секирой на гербовом щите, буквы «АП(?)» и «Я(?)», дата изготовления бумаги 1824. Заглавие и начальные буквы стихов кинноварные. На л. 4 об. запись писца: «Умиления исполнен сътих, любе[з]но тетушъки писал Иван К-семс (так!) Кирилов сын». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Стих». Нач.: «Душе моя, помысли смертный час...». Ср.: ЗМАИ, т. VI, стр. 180—182. Существенных отличий нет.

98 (252). Стих о памяти смертного часа

XX в. (начало), в 8-ку, 2 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. Л. 1 без текста. Начальные буквы строф написаны красными чернилами. Из дер. Карпушовка.

л. 2. Заглавие, начало и конец не сохранились (небольшой отрывок). Первые слова: «Свирепе вдруг похитит в гроб...». Конец: «...смад и гной все претрит». Сходный текст напечатан в ЗМАИ, т. VI, стр. 180.

99 (253). Стих — Плач Иосифа прекрасного и целомудренного

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 8 л., полуустав. Тетрадка, без переплета. Бумага без водяных знаков. Заглавие и начальные буквы стихов кинноварные. Л. 7 и особенно л. 8 повреждены в верхней части, с утерей текста. Из дер. Чуркино.

л. 1. «Плач Иосифа прекрасного и целомудренного». Нач.: «Кому повем печаль мою...». Ср.: Безсонов, Калики, вып. I, стр. 191—198; Духовные стихи, лл. 19—27 об. Сокращенный вариант.

100 (254). Стих — Плач Иосифа прекрасного и целомудренного

XX в. (начало), в 4-ку, 6 л., подражание печатному шрифту. Тетрадка, в бумажной обложке. Бумага без фабричного штемпеля. Заглавие и начальные буквы стихов написаны суриком. Верхняя правая часть рукописи испорчена распадом бумаги, с повреждением текста. На л. 2 надпись суриком: «Стих писал Андрей (?)». Из дер. Чуркино.

л. 2. «[Пла]чь Иосифа пр[екра]сного и целомудрена[го]». Нач.: «Кому повем печаль мою...». Ср.: Безсонов, Калики, вып. I, стр. 191—198; Духовные стихи, лл. 19—27 об. Сокращенный текст.

101 (255). Стих—Плач Иосифа прекрасного и целомудренного

XX в. (начало), в 8-ку, 2 л., полуустав. Без обложки. Бумага со штемпелем фабрики наследников Сумкина (см.: С. А. Клепиков. Филлиграния и штемпели, стр. 109, № 202). Начальные буквы строф киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие, начало и конец не сохранились. Отрывок. Первые слова: «[Пентеф]риева прелстит его умыслила...» Последние слова. «... во свою руку жезл приемлет. Его царем называют». См. близкий текст у П. Безсонова (Безсонов, Калики, вып. I, стр. 195—196).

102 (256). Стих преболезненного воспоминания об озлоблении кафоликов

XIX в. (конец), в 8-ку, 7 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Тетрадка, без обложки. Штемпель бумаги неясен. Начальные буквы стихов киноварные. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «Солнце в небеси скры своя луча...». Без конца. Текст с очень небольшими отличиями от № 41 в ЗМАИ, т. VI, стр. 49—51.

103 (257). Стих о распятии Христове и о плаче богородицы

XIX в. (первая четверть), в 8-ку, 3 л., полуустав. Без обложки. Водяной знак: буквы АС и АФ. Начальные буквы строф киноварные. Из дер. Степановская.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «обагрися от крови его...». Повторяет текст В. Г. Варенцова (Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 53—56).

104 (258). Стих о распятии Христове и о плаче богородицы

XX вв. (начало), в 8-ку, 6 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Без обложки. Бумага без фабричного штемпеля. Заглавие и начальные буквы киноварные. Из дер. Степановская.

л. 1. «Стих о распятии Христове и о плаче богородицы». Нач.: «Со страхом мы, братие...». Не отличается от напечатанного у Варенцова (Сборник русских духовных стихов, стр. 53—56).

105 (259). Стих — Руфмых детей ко умершей матери

XIX в. (первая треть), в 8-ку, 4 л., полуустав. Тетрадка, без обложки. От водяного знака сохранилась лишь буква «Д». Л. 4 без текста. Заглавие и начальная буква киноварные. Из дер. Степановская.

л. 1. «Руфмых детей ко умершей матери». Нач.: «Пойдем ныне сиротнии дети...». Текст сходится во всем с напечатанным в ЗМАИ, т. VI, стр. 170—172, но без последних восьми строк.

106 (260). Стихотворение о семи дочерях дьявола

XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 1 л., полуустав. Бумага без водяных знаков. Из дер. Скитская.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «неправда. Отдал за гражданских судей. Пятая дщерь лесть...». Ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 176—177. Сокращенная старообрядческая переделка.

107 (261). Стих о смерти

XX в. (новейшего письма), в 8-ку, 10 лл., подражание печатному шрифту. Тетрадка, без обложки. Лл. 6—10 без текста. Химический фиолетовый карандаш. Из дер. Боровская.

л. 1. «Стих о смерти». Нач.: «С другом я вчера сидел...». Сходен с № 145 ЗМАИ, т. VI, стр. 183—185.

108 (262). Стих о смерти

1927 г., в 8-ку, 7 лл., подражание печатному шрифту. Без обложки. Водяной знак буквы «ЗЗ(?)». Лл. 5—7 без текста. На л. 4 об. запись: «Чуркин Елифер написал стих 1927 года». Е. И. Чуркин ныне председатель колхоза в дер. Степановская. Получена от переписчика.

л. 1. «Стих». Нач.: «Вечер со другом сидел...». Ближе подходит к опубликованному в книге: Духовные стихи, лл. 74—77, но с небольшим сокращением, особенно в конце.

109 (263). Статьи старообрядцев-федосеевцев по обрядовым вопросам, церковному строению, в защиту основ беспоповства и др.

XIX в. (конец), в 4-ку, 47 лл., полуустав. Переплет картонный, с клеенчатым корешком. Бумага со штампом татаровской фабрики Протасевых (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 99, № 74). Заглавия и начальные буквы киноарные, обозначение глав на полях написано фиолетовыми чернилами. Своя буквенная полистная нумерация. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова: «ложен Христос. О ней же клятва неразрушен ей быти...». 9 глав. Текст с пропусками: не хватает лл. 1, 7, 15—17, 48 (по своей нумерации). Ср.: Дружинин, Писания, стр. 447, № 776.

110 (264). Стоглав

XIX в. (третья четверть), в 4-ку, 375 лл., полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Бумага со штампами сурской фабрики Сергеева и фабрики Рейнера (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 100, №№ 77, 85). Лл. 1—3, 374—375 без текста. На л. 15 об. заставка-рамка в красках, грубой работы, на л. 4 простенькая заставка, исполненная чернилами. Заглавия и начальные буквы киноарные. Своя, очень неточная, полистная буквенная нумерация. На л. 1 указана стоимость рукописи (6 рублей), на л. 375 об. карандашом написаны имена Дарьи Поздеевой и некоего Михеева. По листам владельческая запись тайнописью, которая читается так: «деревни Марьецына Михаила Неплеева». Из с. Замежная.

л. 4. «Сказание главам в настоящей сей книзе».

л. 15 об. «Книга, глаголемая Стоглав. Лета 7059, месяца февраля 23 день, быша сия вопросы и ответы мнози о различных церковных чинех». Нач.: «В царствующем граде Москве, в царских полатех...». Из печатных изданий текст ближе подходит к опубликованному Н. Субботиным (Царские вопросы и соборные ответы. М., 1890, 424 стр., в 4-ку). Ср. также с изданием московского Преображенского кладбища: Стоглав. М., 1913, 208 лл., в лист (церковнославянским шрифтом).

111 (265). Суждение дьявола против человека

XVIII в. (середина), в 4-ку, 95 лл., полуустав. Без переплета. Водяной знак: герб г. Амстердама, внизу буквы АІ, отдельно буквы ДІ (Лабар, I, № 410; Черчилль, № 62). Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На лл. 16, 32 фамилии: «Погорельского», «Шубиной». На л. 39 об. владельческая запись Афанасия Каткина, священника Панозерского прихода, скорописью второй половины XIX в., на л. 40 читательская помета Ивана Ларионова, скорописью конца XIX в. Из дер. Омелино.

л. 1. Заглавие и начало не сохранились. Первые слова «вместо мене иного; Люцьпер вѣщает: Егда та[м] изволися всем нам, жителем гееским...». Дефектный текст. начинается с конца 6-й главы, 7-я глава с пропусками, обрывается на 18-й главе, не имеющей конца. Сочинение есть перевод с польского. По другому списку предисловие переводчика и отрывок текста напечатаны А. Кирпичниковым в «Памятниках ОЛДП» (вып. CV, СПб., 1894). Польский оригинал издан в книге: Biblioteka pisarzów polskich, № 22, 1892.

112 (266). Хождение Трифона Коробейникова

XIX в. (первое десятилетие), в 8-ку, 84 лл., полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, корешок не сохранился, одна медная застежка. Водяной знак: буквы АО и годы выделки бумаги 1804 и 1805 (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 72, № 13). Л. 1 без текста. Заглавия и начальные буквы киноварные. На л. 2 оглавление, доведенное до 8-й главы, повторенное дважды, полууставом и скорописью. На л. 2 — выписка из Часослова (см.: Часослов. М., 1652, л. 27). На 82 л. читательская надпись Прокопия Евлампиевича Чупрова, от 1865 г., на обороте этого листа владельческая запись Ивана Мяндына скорописью и его же запись полууставом: «а писал Иван Мяндин, 18...6(?)». Для лл. 83—84 (при переплете) использовано письмо некоего Федора Анисимова, адресованное в Цилемский скит (дер. Омелино), Антипу Марковичу Ларионову, и содержащее просьбу купить поясов «самоетских» толстых 50 штук, тонких поясов «сажен сто» и др. Почерк — скоропись конца XVIII—начала XIX в. Из дер. Караванная.

л. 1. «Список о хождении во Иерусалим московских купцов Трифана Коробейникова и Юрья Грека при царе Иоанне Васильевиче». Нач.: «В лета 7090 — года, марта 2 день, царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея Руси послал с Москвы...». Существенных вариантов к напечатанному Х. М. Лопаревым (Православный палестинский сборник, вып. 27. СПб., 1888, стр. 1—55) не дает, но не имеет конца (завершается Повестью об александрийском патриархе Иоакиме).

113 (267). Хронограф в сокращении и переработке, с прибавлениями (позднейшая усть-цилемская компиляция)

XX в. (10-е годы), в 8-ку, 441 л., печорский (усть-цилемский) полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками, обрез красный. Бумага со штемпелями фабрики наследников Сумкина и фабрики Печаткина (см.: ЗГБЛ, вып. XIII, стр. 101, № 97, стр. 102, № 114-А). Лл. 3, 4 и 339 без текста. На л. 5 заставка грубой работы, исполненная пером и киноварью. Заглавия и начальные буквы киноварные. Своя тетрадная нумерация через восемь листов. На л. 441 об. надпись скорописью: «1898, 23 августа. Михайло Чупров». Из с. Усть-Цильма.

л. 1. Оглавление (без раздела по русской истории).

л. 5. «Книга, глаголемая Гранография, сиречь историческое описание жизни от первых человек да последних. А. О создании первого человека» Нач.: «В начале сотвори бог небо и землю и всю тварь шестию деньми...» По л. 259 об. идет изложение ветхозаветной истории (последняя глава «О макковейх»), лл. 260—287 об. — «О Александре Макидонстем» (нач.: «Бе во еллинех царь, именем Филипп...»), лл. 288—323 об. — «О брани греческой и троянской» (нач.: «В елинской Пеластине бе некий воин, именем Азон...»), лл. 324—331 об. — «О царе Константине и матери его Елены» (нач.: «Бе в Греции некий военачальник, именем Конста...»), лл. 332—338 — «Повесть о судии праведном» (нач.: «В царство Иустиана малаго, рекомаго корконосаго...»), лл. 340—355 — рассказ о мучениках христианских (он завершается описанием «мучительств от Никона патриарха» и при его «бывших приемницех»). Печорская компиляция

л. 356. «О великом царстве российском, откуда начася». Нач.: «Славяне, поселившися издавна посреде Европы, основали некоторые города...» Заканчивается описанием освобождения Москвы от поляков нижегородским ополчением Минина и Пожарского, в самом конце дается описание памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве. В качестве источника, возможно, был использован или школьный учебник по русской истории, или какой-нибудь печатный краткий популярный очерк на данную тему.

114 (268). Цепник на поминовение

XIX в. (вторая четверть), в 8-ку, 2 л., поморский полуустав. Из с. Усть-Цильма.

л. 1. «Форма о поминках братских. Положен сиец устав прежними старшинами». Нач.: «За псалтырь годовую днеошную, за одно имя и масло топить — 500 рублей...». См.: Дружинин, Писания, стр. 456, № 822.

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина

В 1955 г. в XI т. ТОДРЛ мной был напечатан краткий обзор рукописных материалов, хранящихся в библиотеках Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина.¹ Просматривая в этой библиотеке печатные издания, вышедшие до 1800 г., мне удалось обнаружить среди них еще семь рукописей, ранее мне неизвестных. Рукописи эти поступили в хранилище, по-видимому, давно и принадлежали в свое время Тверской духовной консистории, как видно из записей на некоторых из них. Поскольку все обнаруженные рукописные книги представляют ценность для историка русской культуры, а некоторые прежде всего для историка древнерусской литературы, мы решили сообщить о них краткие сведения.

Факт обнаружения рукописных материалов среди печатных книг поставил перед нами задачу в ближайшее время пересмотреть внимательно все книжные, печатные, фонды Калининского педагогического института, местного краеведческого музея и Областной библиотеки им. А. М. Горького. В случае обнаружения новых рукописных книг мы своевременно информируем об этом Сектор древнерусской литературы. После этого небольшого вступления предлагаем вниманию исследователей краткое описание найденных рукописей.

1 (29).² Письмовник («Сказание и начертание епистолиям, предисловиям и послание ко всякому человеку»), XVII в. (середина), в 4-ку, полуустав, переходящий в скоропись, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Рукопись заключена в один переплет с двумя печатными изданиями XVII в. Киево-Печерской лавры: Номоканон, 1624 г., и Синописис Иннокентия Гизеля, издания 1674 г. От владельческой записи сохранились лишь слова: «Петра Янковского». Сборник ранее принадлежал Тверскому музею.

От известных нам рукописных письмовников XVII в. этот письмовник отличается большой полнотой, разнообразием содержания. В нем, кроме образцов различных обращений, имеются списки древнерусских произведений, прозаических и стихотворных. Среди последних особый интерес вызывают два довольно обширных и доселе неизвестных послания (на лл. 34—38 об. и 47—58 об.), написанных досиллабическими виршами. Первое направлено «иноку Арсению» автором, скрывшим себя за именем Стефан. Второе полностью анонимно. Оба послания публикуются

¹ И. Ф. Голубев. Собрания рукописных книг г. Калинина. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 460.

² В скобках указывается инвентарный номер библиотеки Калининского педагогического института.

в настоящем томе.³ Весьма любопытно послание (лл. 39 об.—42) к митрополиту казанскому и свияжскому Симону в виде доноса на монастырские порядки. Большой интерес представляют два предпоследних послания, обращенных к некоему «отцу преподобному», с просьбой «просветить» пишущего и рассеять его сомнения. Не являются ли обе эти статьи еще неизвестными посланиями дьяка Мисюря Мунехина к старцу Филофею? В письмовнике они следуют сразу же за двумя посланиями старца Филофея к Ивану IV.

2 (24). Миния служебная (декабрь), XVI в., в 4-ку, полуустав. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей.

3 (25). Сборник, XVIII в., в 4-ку, 195 лл., полуустав и скоропись разных почерков. Сборник составлен из тетрадок, писанных в середине XVIII в., между прочим в 1738 и 1765 гг., как видно из записей: 1) на л. 1 — «Сия тетрадь Петра Кузьмича сына Ворошилова и писана 1765 года»; 2) на л. 44 об. — «Совершился сия тетрадь июля же 13 дня 1738 году». Имя и фамилия владельца далее повторяются на л. 183 об. и внутри нижней крышки переплета. Переплет бумажный, обклеенный холстом. Содержание: жития великомучениц Екатерины, Варвары, Андрея Кривого, Николая, Алексея человека божия, Мучение Кирика и Улиты, Пророчества об антихристе, Сказание о 12 пятницах, Слово о положении в гроб Иисуса Христа и плач богородицы, «Вопроси у господя нашего Иисуса Христа святой Варфоломей, како господь на кресте был и како во ад сходил», «слова» Иоанна Златоуста о почитании святых и их мощей, о злых и лукавых женах, о милостыни, об уставе жития человеческого и т. п.

4 (27). Житие Зосимы и Савватия Соловецких, XVI в. (многие листы переписаны в XVIII и XIX вв.), в 4-ку, 387 лл. Переплет кожаный с тиснением, одна застежка оторвана. Записи почерком XIX в.: 1) на л. 1 — «Книга Малковых Батихи Ермолая Феофилова, Марка Феофилова»; 2) на л. 2 другим почерком — «В лето 7360 [1852] г. на память преподобного Зосимы Соловецкого чудотворца 17-го апреля мороз, окольные замерзли»; 3) «1852-го года апреля 17-го дня писал Ермолай Феофилов». На обороте: «27 правило Василия Великого пресвитеру, по неведению обязавшего неправильным браком...». На переплете ярлык с надписью: «20 авг. 1865 г., № 455, № дела 311, 1864 г. Суд. ... (одно слово загерто) Весьегонского уезду, 2 уч. кр. дер. Батиха Марка Феофилова».

5 (66457). Синодик Оршина монастыря (начат в 1689 г.), в лист, 213 лл. Имсет несколько старопечатных гравюр-рамок. Переплет — доски, покрытые кожей. На лл. 2—22 — миниатюры к Повести о посаднике Щиле и к Слово о Макарии Египтском. На л. 24 миниатюра Иоанна Дамаскина. На л. 29 об. изящная выцветка в красках в виде круга с записью внутри: «Лета 7197 [1689] месяца августа в ... день, построил сей Синодик в дом Вознесения господя бога и спаса нашего Иисуса Христа в Оршин монастырь, того же Оршина монастыря строитель, старец Корнилий Раковской, на свои келейные деньги, ради оставления грехов своих и вечнаго помяновения родителей своих и протчих».

С л. 101 начало записей умерших великих князей, царей, тверских князей. Записи родов сопровождаются в некоторых случаях указаниями на вклады, иногда с подробным описанием причин вкладов. Среди записанных родов — род князя Дмитрия Петровича Погарского по прозвищу Лопата (был воеводой в Твери в 1618—1620 л.), род «государева дьяка думнова» Михаила Даниловича Филатьева, строителя Оршина монастыря

³ См. стр. 391—413 настоящего тома.

Корнилия и многих жителей Тверской губернии. Поздних записей в Синодике немного.

6 (28). Ведомость об учителях и учениках Тверской семинарии и духовных училищ Кашинского, Новоторжского, Осташковского и Бежецкого уездов на 1789 год, в лист, листы не нумерованы, переплета нет. Вверху л. 1 помета: «Подана февраля 5 дня 1790 года, отдать в повытье и приобщить к прочим». Содержит подробные сведения об упоминаемых здесь лицах. Из архива Тверской духовной консистории.

7 (31). А. С. Грибоедов «Горе от ума», 1829 г., в 4-ку, 64 л., скоропись. В прочном, красивом переплете; на верхней крышке надпись накладными из желтой жести буквами: «Горе от ума». Ниже — «1829 г.». На л. 1 полное заглавие чернилами: «Горе от ума. Комедия в четырех действиях. В стихах. Г-на Грибоедова». Ниже — «Октября 26, 1829». Рядом с датой буквы, разделенные многоточиями: С ... б ... у». Никаких записей о принадлежности рукописи или откуда поступила нет. Разночтения с печатным текстом (см.: А. С. Грибоедов, Сочинения, М., 1953) незначительные и заключаются главным образом в искажении отдельных слов и пропуске некоторых стихов.

Ю. К. БЕГУНОВ, А. С. ДЕМИН и А. М. ПАНЧЕНКО

Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина

В фондах Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина,¹ недавно отмечавшего шестидесятую годовщину со дня своего основания (1899—1959), хранятся ценные материалы по истории местного края и русской культуры. Здесь хранятся около 180 документов XVI—XVIII вв. (грамоты, челобитные, заемные письма, переписка и т. п.), 18 тысяч дел, отражающих экономическое развитие Чердынского и Урало-Печорского края в XVIII—XX вв., около 300 старопечатных книг, 300 икон XVIII—XIX вв. работы местных мастеров Протопопова, братьев Головиных, многочисленные памятники материальной культуры, в том числе произведения арабских и иранских мастеров.²

Собрание Чердынского музея возникло на основе старинного Чердынского архива (или, вернее, того, что от него осталось после многочисленных в XVIII в. пожаров), а также коллекции, собранной местным Обществом любителей истории, археологии и этнографии. Немалую роль сыграла активная помощь населения, охотно жертвовавшего в Музей памятники старины. Так, например, в начале XX в. крестьянин из села Цидва М. Г. Афанасьев передал в Музей 68 грамот XVI в., впоследствии ставших известными под названием «Цидвинские акты». В 1910 г. об этих грамотах как о памятниках, имеющих историко-юридическое значение, сообщил председатель Чердынского общества и организатор Музея Д. А. Удинцев.³

Чердынь — «Пермь Великая», впервые упомянутая в летописи под 1472 г., была издавна центром оживленных торговых и культурных связей и сыграла немалую роль в освоении края и создании северной культуры. Поэтому все коллекции Чердынского Музея представляют значительный интерес для историков, археологов, искусствоведов, литературоведов, изучающих историю Чердынского края с древнейших времен. До сих пор

---

¹ Краткие сведения о Чердынском музее см.: Г. Володин. Чердынский музей. — В кн.: Чердынский край, вып. I. Изд. Общества изучения Чердынского края, Чердынь, 1927, стр. 7—10; Д. А. Хаста. Чердынский музей им. А. С. Пушкина. М., 1950.

² См.: Н. А. Прокопиев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев. — КСИИМК. М.—Л., 1946, вып. 12, стр. 84—90.

³ Д. А. Удинцев. В обществе любителей естествознания. — Уральская жизнь. Екатеринбург, 1910, № 233. — В дальнейшем «Цидвинские акты» были описаны профессором Киевского университета В. А. Удинцевым. В настоящее время они хранятся в Пермской публичной библиотеке им. А. М. Горького. Из других материалов Чердынского музея были переданы в Пермский областной музей Синодик XV в. и 34 грамоты.

коллекции Чердынского музея изучались недостаточно. Хорошо изучены только чердынские грамоты. В 1821 г. И. Берх издал уставную грамоту 1553 г. Ивана IV к чердынцам,⁴ а в 1857 г. Г. И. Спасский издал 31 грамоту XVII—XVIII в.⁵ Из неизданных грамот отметим список 1580 г. с жалованной грамоты Ивана IV Чердынскому Богословскому монастырю и подтверждения этой грамоты в 1586, 1600, 1615, 1642 гг., грамоты в Турьинский острог воеводе Семену Федоровичу 1637 г.

Среди коллекции Чердынского музея особое место занимает собрание древнерусских рукописных книг, числом 63. Из них 27 рукописей исторического и литературного содержания, 36 церковно-служебных рукописей. По векам они распределяются так: XVI в. — 2, XVII в. — 10, XVIII в. — 27, XIX в. — 20, XX в. — 4.

Собрание рукописных и старопечатных книг возникло благодаря активной археографической деятельности директора Музея Ильи Алексеевича Лунегова. В 1924—1928 гг. И. А. Лунегов собрал в деревнях, расположенных по реке Пильве, около 100 старопечатных книг и несколько рукописей. Позднее, в начале 30-х годов, свыше 30 рукописных книг было найдено в лесу, в пещере, в верховьях реки Язьвы. Рукописи, грамоты и старопечатные книги поступали также из частных библиотек, из бывших церковных архивов города Чердыни, сел Усть-Уролка, Покчи, Шакшера, Цидвы, Редикора, Корнина и др.

Большинство рукописей Чердынского музея дают представление о высоком уровне развития местной книжно-рукописной традиции, о школах чердынских писцов, о владельцах книжных библиотек, а также о литературных связях Чердынского края с другими областями России. Для историков древнерусской литературы будут интересны летописный отрывок 1519—1530 гг., близкий к соответствующему тексту Воскресенской летописи (написан почерком второй половины XVI в. на листе, приклеенном к переплету Потребника XVII в.; см. в описании раздел II, № 4); «Сказание о Вавилонском царстве», XVIII в. (раздел I, № 11), «Сказание о Тихвинской иконе», XVIII в. (раздел I, № 12), сборник апокрифов, XIX в. (раздел I, № 25). Для историков музыки будут интересны не совсем обычные в XVII в. певческие сборники на линейных нотах, переходных от крюков к современной нотописи (см. раздел II, №№ 5, 7, 9, 10, 11).

Все рукописи и старопечатные книги, благодаря стараниям и заботливому отношению И. А. Лунегова, находятся в надежном в смысле хранения помещении, занесены в инвентарные книги. Собрание постоянно пополняется и сейчас.

В Чердынском, Ныробском, Красновишерском и соседних с ними районах необходимо предпринять новые поиски старинных рукописей и книг у населения. Все коллекции Музея, в том числе и собрание рукописных старопечатных книг, должны быть в скорейшее время подробно описаны и изучены.

Приводим краткое научное описание рукописей Чердынского музея, выполненное нами при возвращении из археографической экспедиции с верховьев рек Печоры и Колвы.⁶

⁴ И. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821, стр. 121—134.

⁵ Г. И. Спасский. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 год. С предисловием Г. И. Спасского. — ВОИДР. М., 1857, кн. 25, стр. 113—154.

⁶ Приносим глубокую благодарность И. А. Лунегову, оказавшему нам большую помощь в работе над изучением рукописного собрания Чердынского музея.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ
ЧЕРДЫНСКОГО МУЗЕЯ им. А. С. ПУШКИНА

I. Рукописи литературного и исторического
содержания

1 (1043/35).¹ Житие и служба Георгию, 1698 г., в 4-ку, 141 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей. На лл. 140 об.—141 об. следующие приписки: «Сию книгу писал и переплетал чердынской Богоявленской церкви поп Адриан Иванов, сын Калашников в Чердынской окологородной стан, в Серегово, к церкви святого великомученика Георгия, по совету тоя церкви священноиерея и старосты. А списаны на его, святого великомученика Георгия, праздники стихиры и каноны с новоисправных печатных Миней, и чудеса его и мучение с печатных же Прологов в двести пятом и в 206 годах... А та Георгиевская церковь построися и освятися в сем году, ноября в 27 день, на память святого мученика Иякова Персянина, индикта 5»; «Поставися и освятися Георгиевская церковь тысяща шестьсот девеносто восьмого году, ноября в двадцет седмый день».

2 (1043/33). Сборная рукопись, XVIII в. (первая половина), в 4-ку, 231 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый черной кожей. Начальных листов рукописи недостает. Читательские и владельческие пометы конца XVIII—начала XIX в. чердынского мещанина И. И. Черемисанова и крестьянина Д. Г. Пыстина. Содержит: «Сказание священнопротопопа Аввакума и Лазаря, и Федора, и Епифания инока о исповедании», «Ответ православных благочестия поборников о символе православных веры...», «Сказание на осмый век о скончании мира и антихристе и слугах его», Повесть о юноше, облеченном в иноческий образ (из Великого Зерцала), жития Мины, Василия Нового, поучения Иоанна Златоуста, Илариона, Ефрема Сирина, выписки из «Просветителя» Иосифа Волоцкого, из сочинений Спиридона Потемкина, из Апокалипсиса, Космографии, Пролога.

3 (1043/23). Сборная рукопись, XVIII в. (середина), в 4-ку, 297 л., полуустав разных почерков. Начальных и конечных листов недостает. Содержит: выписки из «Истины показания» Зиновия Отенского об иконоборцах, выдержки из сочинений Иоанна Златоуста, Василия Великого, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Дамаскина, из Великого Зерцала, Маргарита, Альфы и Омеги и Пролога.

4 (1043/18). Сборная рукопись, XVIII в. (середина), в 4-ку, 86 л., полуустав и скоропись, переплет картонный. Владельческие пометы середины XVIII—первой половины XIX в. чердынских мещан Ф. Д. Калашникова, С. Верещагина, И. И. Зырянова, чердынской Богоявленской церкви. Содержит: Житие и службу Иоанну-воину, Службу Варлааму и Иоасафу, молитвы богородице и др.

5 (2561/1). «Слово о муках, показанных пресвятей богородице архангелом Михаилом», XVIII в. (середина), в 8-ку, 8 л., скоропись.

6 (1043/23). Сборник, XVIII в. (вторая половина), в 8-ку, 8 л., полуустав. Владельческие и читательские пометы печерком XIX в. Содержит: выписки из Апостольских деяний, из Номоканона, из Лимониса о чернечестве, «Слово Евагрия мниха от осми мыслии» и др.

¹ В скобках приводится номер, под которым рукопись хранится в Чердынском музее им. А. С. Пушкина.

7 (1043/60). Руно орошенное, XVIII в. (третья четверть), в 4-ку, 109 л., скоропись, переплет картонный, покрытый тисненой кожей. Читательские и владельческие записи почерком XVIII—первой половины XIX в., в том числе записи о принадлежности книги в 1783 г. священнику Архангельской церкви Ф. Хлопину, его сыну А. Ф. Хлопину и полковнику И. П. Осокину.

8 (1043/28). Сборная рукопись, XVIII в. (конец), в 4-ку, 105 л., скоропись разных почерков, переплет картонный. Владельческие приписки XIX в. И. Т. Ламанова и др. Содержит: «Сказание о обретении честных мощей святых Иульянии девицы в Киево-Печерской обители» из Патерики, Жития Макария Желтоводского, Михаила Малеина, «Чюдо о великом князя Иване Васильевиче всея Россия» (о чудесах от мощей Варлаама Хутынского в XVI в.), Макарьево видение, «О последнем времени и о антихристе изложение», «слова» Нила Синаита и Афанасия Великого, выписки из Пролога, Иноческого потребника, «Указ, како изыскивать о самех белорусцех, иже приходят от полскаго и от литовскаго государства» патриарха Филарета, 1621 г.

9 (1043/34). Житие Андрея Юродивого, XVIII в. (конец), в 4-ку, 170 л., полуулав, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей, с одной латунной застежкой. Имеется одна заставка, выполненная киноварью и красками. На л. 167 об. приписка неразборчивой скорописью XIX в.

10 (1043/40). Синодик, XVIII в. (конец), в 4-ку, 14 л., полуулав и скоропись разных почерков. Начальных и конечных листов рукописи недостает.

11 (1043/52). Сборная рукопись, XVIII (конец)—XIX вв. (начало), в 4-ку, 236 л., полуулав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей, с двумя застежками. Читательские и владельческие приписки. Содержит: «Сказание с Вавилонском царстве» (нач.: «Царствуй Лев, греческий царь, во святом крещении Василий...»), «Притчу о славнии» (нач.: «Аще бо некий яко и суть человецы, поклоняющиеся идолом...»), жития Михаила, игумена «Кименьския обители, еже есть в Малеоньстей горе», Марии Египетской, Кирика и Улиты, Василия Нового, выписка из сочинений Григория Богослова, Кирилла Иерусалимского, аввы Дорофея и др.

12 (1043/48). Сборная рукопись XVIII (конец)—XIX (начало) вв., в 4-ку, 105 л., полуулав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей. Пять заставок и инициалы, выполненные красками и киноварью. Содержит: «Сказание о явлении Тихвинской иконы» (нач.: «В лето бытия мира 6891, во время благочестивыя державы великого князя Димитрия Ивановича...»), Помянник, тропари, молитву «Иисусу сладкому» и др.

13 (1043/26). Страсти Христовы, XVIII (конец)—XIX (начало) вв., в 4-ку, 64 л., полуулав разных почерков, переплет картонный. Читательские и владельческие приписки, в том числе приписка о переплетении книги в 1835 г. дьячком села Кольчугина Петром Пономаревым.

14 (1043/29). «Священная история Ветхаго и Нового заветов», 1802 г., в 4-ку, 127 л., скоропись, переплет картонный. Содержит 104 выдержки из Ветхого и Нового заветов, переведенные с латинского студентом Матвеем Соколовым и напечатанные в типографии Московского университета в 1770 г. Рукопись переписана жителем г. Соликамска И. К. Колмогоровым.

15 (1043/62). Сборник, XIX в. (начало), в 4-ку, 51 л., полуулав. Содержит выписки из Ветхого и Нового заветов.

16 (1043/62). Сборник, XIX в. (начало), в 4-ку, 51 л., полуустав, переплет картонный. Содержит: «Сказание о чудесах богородицы Марии, бываемых от ее образа в Москве, в церкви Троицы, что у врат мученицы Варвары» (нач.: «Поведа нам некий человек мирянин, града Москвы житель...», повествуется о чудесах, происшедших в Москве в 1640-х годах с приезжими из Поморья, с Мезени, Двины, Пинеги), Службу грузинской иконе Одигитрии.

17 (1043/55). Сборник, XIX в. (начало), в 8-ку, 127 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей. В рукописи 12 заставок. Содержит: выписки из сочинений Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Козмы Пресвитера, из Пролога, Египетского патерика, уставов, тропарей и др.

18 (1043/54). Сборник, XIX в. (начало), в 4-ку, 127 л., скоропись разных почерков, переплет картонный. Читательские и владельческие приписки П. В. Вахрушина, А. Ф. и Ф. А. Головиных и др. Изображение богородицы, выполненное карандашом. Содержит: Травник, выписки из «Описания 17 любопытных хитростей» (М., 1800) и «Экономического магазина».

19 (1043/30). Синодик, XIX в. (начало), в 4-ку, 137 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый черной кожей. Приписка: «Книга, глаголемая доска, села Шакшера Знаменской богородской церкви». Содержит перечень умерших лиц из купеческих родов г. Чердыни, крестьян Шакшера и др.

20 (1043/31). Синодик, XIX в. (начало), в 4-ку, 18 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет картонный, покрытый холстом. Приписка на л. 2: «Сия книга города Чердыни Успенской богородской церкви, заведенная тщанием и трудами сей церкви иереем Евфимием Подосеновым 1809-го года. Подписал иерей Евфимий Подосенов своеручно».

21 (1043/42). Житие Алексея человека божия, 1855 г., в 8-ку, 14 л., полуустав.

22 (1043/63). Сборник (лицевой), XIX в. (середина), в 4-ку, 185 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. 25 миниатюр, переклеенных из печатных Страстей Христовых и «Слово о покаянии».

23 (1043/47). Сборная рукопись, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 22 л., полуустав двух почерков. Владельческая запись Панфила Касимова Ярославцова. Содержит: Азбуку, молитвы и псалмы.

24 (1043/32). Сборник, XIX в. (конец), в 8-ку, 56 л., полуустав, переплет картонный. Одна заставка и инициалы. Содержит: Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах, Хождение богородицы по мукам, «Словеса от господа бога Леонтию папе, а также брату своему Савве», каноны за умерших и молитву Михаилу Архангелу.

25 (без номера). Летопись Николаевской церкви села Ныроба Чердынского уезда Пермской епархии, 1913 г., 138 л., скоропись, переплет картонный.

26 (без номера). Летопись Знаменской церкви села Шакшера Чердынского уезда Пермской епархии, 1916 г., 252 л., скоропись разных почерков, переплет картонный.

II. Церковно-служебные рукописи

1 (1043/49). Отрывок Минеи служебной за март—апрель, XVI в. (первая половина), в лист, 28 л., полуустав.

2 (1043/14). Обиходник крюковой, XVI в. (середина), в 8-ку, 544 л., мелкий полуустав и скоропись, от переплета сохранилась верхняя и часть нижней крышки. Начальных и конечных листов рукописи недостает.

3 (1043/51). Служебник, XVII в. (вторая половина), в 4-ку, 554 л. (лл. 1—4 и несколько последних листов на бумаге начала XIX в.), полуустав, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей, с одной застежкой. Содержит: службы великому князю Владимиру, князьям Борису и Глебу, Дмитрию-царевичу, Владимирской и Казанской иконам богородицы, Макарию Желтоводскому, Алексею, митрополиту московскому, и др.

4 (1043/61). Потребник, XVII в. (последняя четверть), в 4-ку, 126 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками двух латунных застежек. Начальных и конечных листов рукописи недостает. Многочисленные читательские пометы почерком XVII—XIX вв. На лл. 1—8 имеется скрепа почерком конца XVII—начала XVIII в.: «Преображенской церкви Девича монастыря прислана в казну, а приложил сию книгу по обещанию Соликамский житель Денис Филипов сын Турчанинов». На внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен лист, писанный беглым полууставом конца XVI в. Содержит отрывок из летописи, соответствующий сокращенному тексту Воскресенской летописи (1519—1530 гг.). Новых сведений не содержит. Ср.: ПСРА, т. VIII. СПб., 1859, стр. 266—273.

5 (1043/27). Отрывки из Обихода на линейных нотах, XVII в. (конец), в 4-ку, 49 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с остатками двух застежек. Начальных и конечных листов рукописи недостает. На лл. 25 об. и 27 об. приписка: «Писал Иван Одинцов»; на лл. 5 об.—8 об. скрепа: «Сия книга Соликамского Преображенского Девича монастыря».

6 (1043/12). Октоих крюковой, 1685 г., в 8-ку, 150 л., полуустав. На л. 72 приписка: «Труды москвитина Ивана Федорова, сына Яхонтова. Писано лета 7193».

7 (1043/9). Обиход праздничный киевского распева, на линейных нотах, 1695 г., в 4-ку, 128 л., скоропись, переплет картонный. Конечных листов недостает. Приписки о том, что книгу писал «Якушко Попов своею рукою в лето 7203 месеца июля».

8 (1043/16). Ирмологий и Обиход крюковой, XVII в. (конец), в 4-ку, 170 л., скоропись, от переплета сохранилась одна нижняя доска, покрытая кожей. Владельческая приписка польскими буквами чердынца Григория Артемьева, сына Верещагина.

9 (1043/7). Сборник на линейных нотах, XVII в. (конец), в 4-ку, 270 л., скоропись, от переплета сохранилась одна нижняя доска, покрытая кожей. Содержит: Октоих, Ирмологий и праздничный Обиходник.

10 (1043/8). Сборник на линейных нотах, XVII (конец)—XVIII (начало) вв., в 4-ку, 170 л., скоропись разных почерков. Содержит: Ирмологий, богородичный Осьмигласник, Обиходник.

11 (1043/57). Сборник на линейных нотах, XVII в. (конец), в 4-ку, 71 л., скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Скорописные приписки на внутренней стороне нижней крышки переплета типа «пробы пера». Содержит: Осьмогласник Иоанна Дамаскина, прокимены киевского распева, Величание на господские праздники, воскресные тропари, литургии Григория Богослова и Иоанна Златоуста киевского распева.

12 (1043/5). Ирмологий нотный, XVIII в. (начало), в 4-ку, 201 л., скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей. Владельческие записи и скрепы соликамских посадских жителей Ильи Васильева сына Ануфриева и Герасима Ануфриева, «чтеца Самуила» и др., помета о продаже книги в 1750 г. и др.

13 (1043/11). Обиход праздничный, XVIII в. (первая половина), в 4-ку, 105 лл., скоропись, переплет картонный.

14 (1043/10). Октоих и Ирмологий, 1740 г., в 4-ку, 151 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый черной кожей, с одной застежкой. Скрепа: «Сия книга Ирмосы чердынскова Богословского монастыря белаго дьякона Стефана Иванова, сына Чедакина. А купил сию книгу в Чердынском уезде у Прокопия Рудакова. А дал за сию книгу восемьдесят копеек. А куплена в 1785 году».

15 (1043/15). Ирмологий, крюковой, XVIII в. (первая половина), в 4-ку, 72 лл., мелкий полуустав, переплет дощатый, начальных листов, а также 19 листов в середине недостает. Читательские приписки и пометы.

16 (без номера). Ирмологий на линейных нотах, XVIII в. (первая половина), в 4-ку, 135 лл., скоропись, переплет дощатый, покрытый тисненой кожей. Владельческая скрепа Сереговской Георгиевской церкви Чердынского уезда.

17 (1043/53). Катехизис, XVIII в. (середина), в 4-ку, 469 лл., полуустав, переплет толстый, дощатый, покрытый коричневой кожей. В начале и конце книги чистые листы.

18 (1043/3). Обиход на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 4-ку, 151 лл., полуустав и скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей, с двумя медными застежками. Записи о том, что книга принадлежит чердынскому купцу Павлу Калашникову, что она была переплетена в 1767 г. посадским человеком Иваном Ламановым, а затем находилась в Богословской церкви г. Чердыни. Приписка почерком XIX в.: «Когда со[л]нце сияет, в то время некто на ево не смотрит».

19 (1043/56). Обиход праздничный на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 4-ку, 103 лл., полуустав и скоропись, переплет дощатый, покрытый черной кожей. Владельческие приписки Николаевской церкви села Редикора.

20 (1043/13). Обиход на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 8-ку, 176 лл., полуустав и скоропись. Начальных и конечных листов рукописи недостает.

21 (1043/46). Сборник на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 4-ку, 123 лл., полуустав, от переплета сохранилась нижняя доска, покрытая кожей, с остатками двух застежек. Начальных листов недостает. Содержит: Ирмологий, Октоих и стихеры евангельские. Владельческие приписки Благовещенской церкви «св. Егоря Победоносца».

22 (1043/20). Служба Николаю Мирликийскому, XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, 17 лл., скоропись, переплет картонный, покрытый холстом. Приписки на обороте передней обложки: «Сия книга села Шакшера знаменной богородицкой церк[в]и казенная из книг акафист святителю Николаю» — и на л. 17 об.: «Получен сей акафист писменной Николаю чудотворцу в Ныробе от Ивана Яковлева Федулова 1781 году июня дня, подписал Ныробской Николаевской церкви священник Григорий Дьяков». Содержит: акафист, канон, молитвы и т. д.

23 (1043/2). Ирмологий на линейных нотах, XVIII в. (конец), в 4-ку, 125 лл., скоропись, переплет картонный, покрытый тисненой кожей.

24 (1043/36). Псалтырь с уставом «хотящим пети псалтырь», XVIII в. (конец), в 4-ку, 140 лл. полуустав разных почерков. Конечных листов рукописи недостает. В рукописи 4 заставки и многочисленные инициалы.

25 (1043/43). Служба явлению образа великорядского Николая чудотворца, XVIII в. (конец), в 4-ку, 25 лл., полуустав, переплет картонный.

26 (1043/19). Акафист святителю Николаю, XIX в. (начало), в 4-ку, 21 л., полуустав, переплет картонный, покрытый кожей. Приписка Благовещенской Камгордской церкви.

27 (1043/1). Ирмологий кривоковой, XIX в. (начало), в 4-ку, 44 л., полуустав.

28 (1043/17). Службы Исаану Предтече, XIX в. (начало), в 8-ку, 23 л., полуустав, переплет картонный. Владельческая запись Ивана Валуева.

29 (1043/50). Служебник, XIX в. (первая половина), в 4-ку, полуустав разных почерков, переплет толстый, дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. Содержит службы Петру и Февронии, Владимирской богородице и Одигитрии Смоленской и др.

30 (1043/45). Служебник, XIX в. (первая половина), в 4-ку, 38 л., полуустав разных почерков, переплет картонный, покрытый кожей. Содержит: субботнюю Службу богородице в Трифоновом монастыре на Вятке, Службу архимандриту Вятскому Трифону. Владельческие приписки семьи Калашниковых и дарственная 1838 г. на книгу братьев Калашниковых Богоявленской церкви.

31 (1043/21). Акафист Геннадию Любимоградскому, XIX в. (середина), в 4-ку, 18 л., полуустав, переплет картонный. На обороте картонной обложки приписка: «Писал сию книгу странник Феофилакт Стефанов. Цена сей книги 3 рубли и 10 коп. ассигнациями, заплачена 1860-го года месяца июня 28-го дня».

32 (1043/38). Псалтырь, XIX в. (середина), в 4-ку, 169 л., полуустав, переплет толстый, дощатый, покрытый кожей, с одной кожаной застежкой. Владельческие записи крестьянина Чудинова деревни Одиноворки Вильгортского уезда.

33 (1043/22). Канонник, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 45 л., полуустав, переплет картонный.

34 (1043/23). Канон за умершего, XIX в. (конец), в 8-ку, 13 л., полуустав, в бумажной обложке. Конечных листов рукописи недостает.

35 (1043/37). Псалтырь, XX в. (начало), в 4-ку, 73 л., полуустав двух почерков. Начальных и конечных листов рукописи недостает. 5 заставок.

36 (1043/37). Молитвослов, XX в. (начало), в 8-ку, 16 л., полуустав, в бумажной обложке.

М. И. МАТАСОВ

Рукописные материалы Буйского краеведческого музея Костромской области

Буй — старинный русский город. Временем основания его считают 1536 г. Однако в городе не сохранилось древнего рукописного материала. Причина этого — пожары и разрушения от иноземцев, которым Буй подвергался не раз за свою многовековую жизнь. Все, что сейчас в городе имеется из рукописного материала, относится к недавнему прошлому. Буй давно расстался со своими старинными рукописными и книжными богатствами.¹

В местном краеведческом музее в настоящее время хранится всего восемь рукописей и несколько старопечатных книг. Из рукописей самая старинная восходит к XVIII в., а среди старопечатных книг наиболее древняя напрестольное Евангелие московской печати 1628 г. Книги поступили в музей из местных церквей (Благовещенского собора и др.) и от частных лиц. Два напрестольных старопечатных Евангелия интересны своими окладами, свидетельствующими о большом искусстве русских мастеров XVIII в. Музею принадлежит также несколько редких изданий XVIII в., в том числе «Деяния Петра Великого» (М., 1789), «История о Александре Великом, царе Макадонском» Квинта Курция (СПб., 1794) и др.

У частных лиц в городе, насколько нам известно, ценного рукописного материала не имеется.

Ниже сообщаются краткие сведения о восьми рукописях и трех старопечатных книгах Буйского музея.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ БУЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Рукописи

1. «Болезни», тетрадь размером 17 × 21 см, 35 лл. Описывается 37 болезней. Книга принадлежала бывшему фельдшеру села Контеева Буйского уезда. Датирована 3 февраля 1871 г. Поступила в музей от З. А. Юрковой.

2. Травник, XIX в., размером 9 × 10 см, в кожаном переплете, 112 лл. Содержит описания 228 лекарственных растений.

3. Страсти Христовы, XIX в., размером 10 × 17 см. Записи: «Сия книга, глаголемая Страсти христовы господа нашего Иисуса Христа, вод-

¹ В 1613 г. игумен Железно-Боровского монастыря Иоасаф сообщал царю Михаилу Федоровичу, что поляки захватили жалованные грамоты прежних царей и другие важные для истории бумаги (см.: А. Воскресенский. Преподобный Иаков Железноборовский. Кострома, 1837, стр. 44).

чины господина князя Василия Юрьевича Мещерского, а подписывал он, Квасников, своею рукою, марта 20 дня 1837 годы»; «Костромской губернии Буюевского уезда деревни...»; Сия... купца 3-й гильдии Григория Иванова Квасникова, 1858 г., марта 21 дня».

4. Сатирическое стихотворение «Завещание князя Ивана Михайловича Долгорукого» и стих «Прозба в небесную канцелярию», тетрадка XIX в., на 5 стр.

5. Челобитная помещицы Ф. Нелидовой на имя императрицы Елизаветы Петровны о передаче ею в дар деревень, людей и имущества, от ноября 1750 г. Написана на развернутом листе. Копия. Поступила в музей в 1950 г. от И. Е. Сабурова.

6. Дневник участника Цусимского боя, тетрадь размером 13 × 20 см, 35 лл. Содержит воспоминания о Цусимском бое матроса корабля «Адмирал Синявин» «Небогатовской» эскадры. Передан в 1940 г. бывшим матросом «Синявина» Смирновым Дмитрием Семеновичем, который проживал на своей родине, в деревне Большое Молочное Буйского района Костромской области. Д. С. Смирнов участвовал в бою на упомянутом броненосце. В последние годы своей жизни он переписывался с А. С. Новиковым-Прибоем и получал от него дружеские сердечные письма и моральную поддержку.

7. Из воспоминаний о Порт-Артуре, тетрадка, 5 стр., написанных карандашом. Рассказ Николая Павловича Весновского, старого моряка, уроженца г. Буя. Н. П. Весновский родился в 1878 г., служил в 13-м флотском экипаже команды «Варяг».

8. Стихотворение «Порт-Артур». Запись на 2 листах неизвестного лица, участника войны с Японией. Начало стиха: «Дело было у Артура, дело скверное друзья...».

II. Старопечатные книги

1. Евангелие напрестольное. Москва, 1628 г., в деревянном переплете, обшито зеленым бархатом с чеканными посеребренными изображениями Христа и четырех евангелистов. Запись: «Продал сию книгу Евангелие церкви Благовещение богородицы в Унорожском монастыре воскресенской поп Андрей Иванов, сын Попов, подписал своею рукою 7154 [1646 г.]».

2. Евангелие напрестольное, XVII в. (?), в металлическом посеребренном переплете, без первых листов. Надпись на листах: «Сия книга Евангелие напрестольное церкви Воскресения Христова, что на Корёге» (Буйский уезд). Поступила от Г. А. Груздевой.

3. Сборник лубочных изданий XVIII—XIX вв., размером 17 × 21 см, 43 стр. Листы вследствие поношенности наклеены на разные деловые и семейные бумаги и сброшированы в кожаном переплете. Содержание: «История о Иосифе Прекрасном», «Путешествие Иакова с сыновьями в землю Ханоанскую», «История о походе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского против Мамаю, царя татарского, его же божию помощью на Куликовом поле до конца победоша». На деловых бумагах даты: 1861—1874—1878 гг. Книга принадлежала пермским купцам, поступила в 1922 г.

«В», «Ѣ», «Б», («б», наоборот, с непропорционально малой нижней петелькой) и подобных нарушений пропорций, последнее явление особенно заметно отражается в написаниях «Ѧ», «Н», «N», отчасти Ѧ, «Ю» и др. Так, Ѧ на лицевой стороне листа — с косой соединительной чертой между частями буквы, лежащей значительно выше середины ее и выше язычка Є (последний в свою очередь расположен выше середины Є); на оборотной стороне листа — прямая соединительная черта, сливающаяся с язычком, но опять-таки выше середины буквы. При довольно значительных колебаниях в отдельных начертаниях «Н» (= и) и «N» (= и) обе буквы чаще имеют перемышку значительно выше середины вертикальных линий; перемышка «Н» большей частью вполне горизонтальна, но в отдельных случаях слегка скошена вниз, к правой вертикальной линии; напротив, перемышка «N», как правило, скошенная вниз вправо, в отдельных случаях почти горизонтальна, и, таким образом, отдельные варианты этих двух букв графически неотличимы (в значительно меньшей степени подобные переходные формы, как и поднятые перемышки этих двух букв, заметны на оборотной стороне листа).² То же явление — поднятие перемычек вверх, скошенность их (чаще вправо вниз) — заметно в начертаниях Ѧ и Ю, только диапазон колебаний, в частности отклонений от симметричной формы, тут значительно меньше, в особенности на оборотной стороне листа. Характерны для позднейшей эпохи в развитии восточнославянского устава также асимметричная форма «Ж» со значительно (но неодинаково) редуцированной верхней частью; непомерно утолщенный, неправильной формы хвостик з иногда далеко откинутый вправо, иногда (оборот листа) почти без изгиба свисающий вниз (в противоположность крайне тонким и укороченным хвостам «Р» и «У»); очень малая, расщепообразная, к тому же явно асимметричная чаша у Ү (хотя нет оснований выводить эту асимметрию из постороннего источника — второго югославянского влияния); симметричная глубокая чаша Ү на обороте листа носит явные следы искусственности в своих утолщениях.

Указанные отличия в начертании ряда букв дают некоторое основание предполагать наличие двух писцов — может быть, старика, придерживающегося в большей степени старых традиций, на обороте листа, и другого, более подчиняющегося новым графическим влияниям, на лицевой стороне. Такие заметные отличия в графике двух одновременно работающих писцов, а также неустойчивость в начертаниях букв у каждого из них в отдельности, намечающийся переход от старых к новым формам отдельных букв — все это позволяет с уверенностью отнести наш отрывок к переходному периоду — ко второй половине XIII в., в крайнем случае к началу XIV в.

Если сами по себе неравномерность и вытекающая отсюда некрасивость письма могут быть объяснены упадком школ книгописания в период общего сокращения и понижения уровня письменности, то, с другой стороны, ряд явлений указывает уже на известное возрождение, искание новых каллиграфических приемов и начертаний, соответствующих новым вкусам эпохи. Эти новые приемы, получившие полное выражение в искусственном литургическом уставе богослужебных восточнославянских рукописей второй половины XIV в., заключаются в более или менее последовательном и устойчивом чередовании широких и приземистых начертаний с узкими, вытянутыми вверх, в таком же чередовании гипертрофированных нажимов (главным образом по вертикальным, отчасти по горизонтальным линиям) с волосными (преимущественно косыми) линиями. Эта своеобразная симметризованная

² Отметим еще упрощенную форму «Н» (┌) в конце, а один раз и в середине строки

друг от друга), на которых размещены 11 строк текста. Писан текст желто-бурыми, сильно выцветшими чернилами; три начальные буквы (в трех словах заголовка новой молитвы) на строке 6 лицевой стороны и начальная буква текста на стр. 11 об., а также части инициала «В» между строками 7—10 лицевой стороны выполнены насыщенной и яркой темно-красной киноварью, сравнительно мало пострадавшей от времени.

Несмотря на тщательную линовку и старательную работу писца, сравнительно некрупное (высота строк текста колеблется в пределах между 0.3 и

Пергаменный отрывок конца XIII в., лицевая сторона (Гос. публичная библиотека УССР в Киеве, Отдел рукописей, коллекция отрывков пергаменных рукописей).

0.4 см) уставное письмо рукописи производит общее впечатление неровного и некрасивого, впечатление, типичное для переходных восточнославянских почерков XIII в. и отчасти начала XIV в. Помимо колебаний в высоте букв это зависит от неровного положения букв в строке, слегка склоняющихся то вправо, то влево, как бы танцующих; от произвольного чередования широких и приземистых начертаний («М», «Ш», «А», и др.) с узкими, вытянутыми в высоту («Е», «О», и др), причем заметны значительные колебания в пределах начертаний одной и той же буквы; от подобной же произвольности и неравномерности в чередовании нажимов (временами явно гипертрофированных) с волосными линиями; наконец, от асимметричности и непропорциональности частей в начертаниях отдельных букв.

Помимо искривленных мачт и горизонтальных линий, непропорционально развитых неровных нижних частей в отдельных написаниях букв

Н. В. ГЕППЕНЕР

Отрывок пергаменного молитвенника кирилловского письма конца XIII в.

(Из находок в старых переплетах)

Немало ценных пергаменных рукописей извлечено из переплетов старинных рукописей и книг: листы древних пергаменных рукописей очень часто употреблялись в XVI—XVIII вв. в качестве обложек книг, использовались как материал для переплета.

Менее известный, несколько необычный источник интересных находок — под корешком старых переплетов. Если в деревянных досках, служивших крышками для старших переплетов, можно было прорезать глубокие щели для закрепления толстых ремешков или жгутов корешка, то с переходом к тонкому картону переплетчик охотно стал употреблять для этой цели плоские и вместе с тем прочные полоски пергамена. Новый пергамен уже мало выделялся, да и был слишком дорог. А валявшиеся в пыли листки старых кодексов не были в то время редкостью. Вероятно еще тысячи таких полосок, скрытых в толще переплетов XVI—XVIII столетий, ждут своих исследователей.

В актовой книге Владимир-Волынского земского суда, охватывающей период от 11 июля до 2 ноября 1612 г.,¹ найдены четыре полоски пергамена, прикрепленные к картонным доскам переплета наклеенными сверху лоскутками бумаги — отрывками черновых актовых записей, украинской (с элементами старшей, так называемой «литовской») скорописи первой половины XVII в., близких по типу письма к самой актовой книге. После удаления, путем промывки в холодной воде, густых наслоений грязи и мучного клея, покрывавших полоски, оказалось, что они представляют разрезанную на четыре последовательных отрезка верхнюю часть, примерно половину или несколько более одного листка в 4-ку (11,5 × 14,5 см) из уставной кирилловской рукописи молитвенника (см. рисунок). Эти полоски пергамена хранятся сейчас в коллекции отрывков пергаменных рукописей Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки УССР в Киеве.

Насколько можно судить при теперешнем поврежденном состоянии отрывка, пергамен его (сейчас побуревший) «твердой» выделки (как в большинстве византийских и восточнославянских рукописей), довольно грубый, на лицевой стороне лощеный, на оборотной слегка шероховатый, вероятно, позднего местного восточнославянского производства.

Между двумя вертикальными линиями, отграничивающими поля, острым орудием глубоко вдавлены горизонтальные линейки (на расстоянии 0,9 см

---

¹ Ныне хранится в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве (Отдел древних актов, № 1193).

асимметрия, типичная для искусственных, уже отживающих поздних систем уставного письма, в нашей рукописи еще только намечается в виде неустойчивого чередования узких и широких форм, нажимов и волосных линий. Что подобные явления здесь не случайность, а действительное отражение намечающихся новых вкусов, показывают заглавные буквы нашей рукописи. Именно в последних, наряду с длительным сохранением отголосков архаичных начертаний (ср. довольно правильную форму инициала «В»), имеем, вследствие постепенно развивающейся склонности к их орнаментальному оформлению, чувствительный показатель новых каллиграфических вкусов. Действительно, «О» с его подчеркнутыми путем обведения одних только контуров утолщенными боковыми вертикальными частями, «М» также с утолщением строго вертикальных боковых частей и спускающейся под строку полукруглой средней частью, отчасти З с утолщенным хвостом — все эти формы, несколько отличающиеся от обычных строчных в той же рукописи, стоят еще ближе к обычным начертаниям позднейшего, литургического устава.

Подтверждением принятой нами датировки отрывка, а вместе с тем решающим доказательством его восточнославянского происхождения (ясного, впрочем, уже из самой системы графики) является орфография рукописи. Достаточно указать на исключительно употребляемые «еры» с «ером» (ЪІ), употребление «У» (без «О») после согласных, в то время как в начале слов находим старое написание «ОУ» (один раз Ѹ); употребление Іа (йотированного «А») в начале слов и после гласных, в то время как после согласных встречаем А — юс малый (но: княза, замовнаА); частый пропуск глухих «Ъ» и «Ь» или изредка замена их гласными «О» и «Е».

Также типична для переходного периода от старого византийского к новому, господствующему в XIV в. тератологическому орнаменту, орнаментация единственного инициала «В» в нашей рукописи: окрашенные кинovarью растительные элементы правой части инициала скорее напоминают мелкий растительный орнамент скромных инициалов византийского стиля, в то время как белые, переплетающиеся на красном поле ремни левой части, заканчивающиеся вверху подобием головы чудовища с выходящими из пасти листьями, — уже явно принадлежат к простейшим формам «чудовищного» орнамента. Самую упрощенность последнего, как и бедность красок (отсутствие типичных для позднейшей тератологии желтой, синей или зеленой краски) нужно, вероятно, отнести не только за счет скромной орнаментации данной рукописи, но также за счет ее сравнительно раннего происхождения — из переходного периода неполного господства нового орнамента.

Предложенная далее частичная транслитерация текста должна рассматриваться только как предварительный опыт; это относится как к расшифровке отдельных полустертых или сильно поврежденных букв и слов (отмечены квадратными скобками и вопросительными знаками), так, понятно, и к предложенному нами делению на слова слитного текста рукописи. Рассматривая данную транслитерацию только как дополнение к приложенным фотоснимкам, мы не вводим в нее современной пунктуации и употребления заглавных букв, сохраняя по возможности пунктуацию самой рукописи.

Лицевая сторона:

- 1 ви . і . мужк . ѿ смерти юго же моль
- 2 ба чудотворьца бѣ нашъ . съхрани
- 3 рабѣ свои . князѣ нашего . [н] ѿ . по
- 4 миловавъ спси ни всѣ люди свои .
- 5 яко тебѣ подобаетъ всѣа слава .

- 6 Оцю и сну . . . . . Мѡ замбовнѣ. за спокой . . .
 7 Владко хс ѣе нашъ всѣдржителю
 8 не блгуаиса своихъ рабъ не пр
 9 зри дша мо[и ?] . . . . . със по
   [м]
 10 кои дша рабъ своихъ кртъ
 11 мнѣ. на лонѣ Аврамѣ Исаковѣ и
 . . . . .

Оборотная сторона:

- 1 ны живѣли . . . . . [а? б? р?] ю бери.
 2 ѡгда хош[с ?]ши ѡко же [люб ?]иши
 3 раздркши [вѣ]си ны [ѡ] оу[р?]ъ гр[к?]хо
 4 вѣмъ . . . ѣ . т . . . . . [ч ?]того
 5 тѣла твоего [и . . . . . бр ?]ми кровс . и
   с л
 6 здычѣи на ра . створи ны при
 7 участники стѣх твоихъ оугоди
 8 вшихъ теб[к ?] [ѡ] вѣкѣ. ѡко ты вла
 9 дѣ[к?]иши . . . . . и] и мрѣтвѣми
 10 ѡко тебс подобаетъ всѣка слав .
 11 . . . . . а дсть [?] . . го . . . кверно вѣ м . .
 . . . . .

Насколько можно судить по предложенному выше несовершенному чтению нашего незначительного отрывка и по самому формату рукописи, перед нами молитвенник или требник, возникший, вероятно, в каком-то самостоятельном удельном княжестве («князя нашего»), быть может, как раз в первый, особенно остро ощущавшийся период татарского владычества (ср. выражение «душам рабъ своихъ кр[е]стьянъ», как бы противопоставляющее первых «неверным»; подтвердить это предположение может, конечно, только сравнение с другими родственными текстами). Подобное приурочение текста подтверждается, как показано выше, также палеографическими данными, позволяющими отнести рукопись скорее всего ко второй половине XIII столетия. Если мы сопоставим эти данные с внешними обстоятельствами находки отрывка в старом, вероятно, местного производства переплете Владимир-Волынской актовй книги, невольно возникает вопрос, не стоит ли наша рукопись в какой-либо связи с той оживленной книжной деятельностью, какую отмечает летопись на Волыни во времена княжения Владимира Васильковича. Что книжные богатства, собранные путем переписки и покупки³ самим князем или его окружением, могли частично сохраниться на месте в течение следующих столетий, — это в какой-то мере подтверждает пергаменный список «Слов» Ефрема Сирина (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), вероятно переписанный в конце XV в. (1492 г.), отчасти вместе с после-

³ Между прочим, та же Волынская летопись упоминает о покупке им молитвенника за 8 гривен кун.

словием, с оригинала, писанного в XIII в. по заказу «тивуна» князя Владимира Васильковича — Петра.⁴ Самое архаическое письмо этой копии — устав,⁵ в конце XV столетия, как правило, давно замененный новым югославянским полууставом, может быть, лишней раз подтверждает стойкость старых, еще домонгольских книгописных традиций на Волини. Наличие здесь старых книжных фондов и традиций также в последующем XVI столетии косвенно подтверждается, например, хотя бы завещанием В. Загоровского (1577 г.), предполагающим содержание дьяка при церкви специально для обучения детей (конечно, славянской грамоте), или такими крупными предприятиями, как обработка текста (не без участия старых источников) для Пересопницкого Евангелия, Острожской Библии и т. п. Старые местные традиции переплетаются здесь с новыми, реформационными влияниями; последние ведут, в частности, к возникновению в конце XVI столетия новых, гуманистического типа школ во Владимире, Турове и других городах. Наконец, усиление католической реакции или известный общий упадок местных культурных традиций мог привести к тому, что не только «схизматические» кирилловские, но и латинские рукописи попадают в XVII столетии в качестве ненужной макулатуры в руки переплетчика.

Конечно, в какой-то мере подтвердить высказанные здесь предположения может только детальный анализ языка и текста отрывков, а в первую очередь привлечение нового материала, сходных по типу письма пергаменных полосок, которые так и остались не извлеченными и не обследованными в однотипных переплетах более ранних книг Владимирского земского суда, например № 930 за 1596 г., № 931 за 1598—1599 гг., а также в книге Владимирского гродского суда № 922 за 1595 г., наконец, в поздней книге № 1072 за 1696 г.

Может быть, этот материал позволил бы отчасти раскрыть пути перехода и степень сохранения в украинской литературе XV—XVII вв. старых традиций Киевской Руси, роль которых в последующем развитии, несмотря на катастрофу татарского нашествия, несомненно значительно шире, чем это до сих пор допускалось.

---

⁴ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 33 — Правда, существует и другое мнение: будто данная рукопись — оригинал времен Владимира Васильковича (см.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография Л., 1928, стр. 47).

⁵ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, стр. 49

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. М. КОСТЮХИНА

**Хронологический список трудов
Александра Денисовича Седельникова***

1924

1. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. — *Slavia. Praha*, 1924, гоѣ. III, seš. 2—3, стр. 316—335.

1925

2. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — *Slavia. Praha*, 1925, гоѣ. III, seš. 4, стр. 606—618.

1926

3. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина. — *ИОРЯС*, т. XXX, 1926, стр. 205—225.

4. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский»). — *ИОРЯС*, т. XXXI, 1926, стр. 159—176.

1927

5. Литературно-фольклорные этюды: а) Псковские писцы XIV века и фольклор; б) К поэтике стиха про нищую братию; в) Стих «Похвала пустыне» по записям XVI века; г) Об источниках хутынского видения Тарасия-Прохора. — *Slavia. Praha*, 1927, гоѣ. VI, seš. 1, стр. 64—98.

6. Vasilij Kajika: L'histoire et la légende. — *Revue des études slaves*, VII. Paris, 1927, стр. 224—240.

---

* Александр Денисович Седельников родился в г. Свердловске (бывш. Екатеринбург) в семье служащего одного из местных заводов. В том же городе окончил гимназию, затем поступил в Московский университет, который закончил по Историко-филологическому отделению. А. Д. Седельников специализировался по древнерусской литературе у академика М. Н. Сперанского. В 1917 г. он стал сотрудником бывшей Синодальной библиотеки, где работал под руководством заведующего библиотекой Н. П. Попова. В 1920 г. Синодальное собрание из Кремля было передано в Государственный исторический музей, куда перешел работать и А. Д. Седельников в качестве старшего научного сотрудника Отдела рукописей. Крупный специалист в области древнерусской литературы, А. Д. Седельников оставил ряд научных трудов и описаний. В Отделе рукописей ГИМа хранятся и его неизданные сочинения: описания сборников Синодального собрания, список древнерусских повестей в собрании ГИМа, а также указатель записей на книгах и рукописях ГИМа. Он принимал участие и в составлении алфавитно-систематического каталога Отдела рукописей вместе с другими специалистами Отдела. А. Д. Седельников скончался в 1934 г.

1928

7. Книга «Рай» — особый вид Златоустника. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 95—99.

1929

8. Досифей Топорков и «Хронограф». — Известия АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 3, стр. 755—773.

9. Литературная история повести о Дракуле. — ИпоРЯС, т. II, 1929, кн. 2, стр. 621—659.

10. Несколько проблем по изучению древней русской литературы. (Методологические наблюдения). — Slavia. Praha, 1929, гоѣ. VIII, seš. 3, стр. 503—525; 1930, гоѣ. VIII, seš. 4, стр. 728—740.

11. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI века. — Доклады АН СССР. Л., 1929, № 1, стр. 16—19.

12. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. — В кн.: Художественный фольклор, тт. IV—V. М., 1929, стр. 36—52.

1930

13. Где была написана «Задонщина»? — Slavia. Praha, 1930, гоѣ. IX, seš. 3, стр. 524—536.

14. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века. — Известия АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 4, стр. 223—239.

1931

15. Плач-памфлет о крепостной доле. — Литература и марксизм. М., 1931, № 4, стр. 126—136.

1932

16. Из истории «Епистолии о неделе». — Slavia. Praha, 1932, гоѣ. XI, seš. 1, стр. 56—72; seš. 2, стр. 274—294.

17. Рассказ 1490 года об инквизиции. — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. 1. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 33—57.

1934

18. Две заметки по эпохе Ивана Грозного. — В кн.: Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 165—173.

19. Следы стригольнической книжности. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 121—136.¹

¹ При редактировании списка трудов А. Д. Седельникова использована рукопись Н. Ф. Дробленковой «Библиография советских русских работ по древнерусской литературе за 1917—1957 гг.».

BRASENOSE COLLEGE,
OXFORD.

25 марта 1962

Глубокоуважаемые коллеги !

Разрешите мне, как прилежному читателю Ваших неизменно интересных "Трудов Отдела древнерусской литературы", указать на маленькое упущение # в списке трудов А.Д.Седельникова, составленном Л.М.Костюхиной (том XVII, стр. 627-628). В списке пропущена статья "Le pèlerinage de l'archimandrite Gréfène", Revue des études slaves, IX (1929), стр. 39-47.

С уважением

Б. Удбергаут

хранить при XVII томе!

М. Д. КАГАН и Я. С. ЛУРЬЕ

«Московский период» в «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена

В первом томе «Истории русской литературы» известного датского слависта А. Стендер-Петерсена¹ «московский период» занимает значительное место. Первый том книги состоит из трех частей («Древнерусский период», «Московский период» и «Период классицизма»; «московскому периоду» (XV—XVII вв.) посвящена вторая, средняя, часть тома.

«Московский период» для автора лишь один из этапов истории русской литературы. Сильной стороной всего труда А. Стендер-Петерсена является продуманная последовательность изложения, ощущение общей идеи, проходящей через всю книгу. В центре внимания исследователя — история развития художественного мастерства русских писателей; именно с этой точки зрения подходит он и к писателям древней Руси. Во «Введении» к своей работе А. Стендер-Петерсен справедливо отвергает представление о существовании непроходимой (в частности, языковой) грани между древней и новой русской литературой (Введение, V—VI); он указывает, что главное отличие между литературой до и после XVII в. заключается в том, что до этого периода литература «смирно отказывалась от собственной функции», подчиняясь иным (деловым и религиозным) целям; с XVII в. литература как искусство становится «суверенной силой» (320). Значение «московского периода», по мнению А. Стендер-Петерсена, в том и заключается, что к концу этого периода происходит указанная трансформация.

Во «Введении» автор оговаривает, что он сознательно ограничивал вводимый в книгу материал, стремясь, так сказать, к «горизонтальной линии» изложения, лишь иногда перебиваемой «вертикальными» монографическими отступлениями (VII). Само по себе такое подчинение выбора материала определенной схеме не представляется нам недостатком.

Та или иная схема (и связанная с ней схематизация изложения) необходима в любой работе; вопрос заключается лишь в том, является ли эта схема научной и охватывает ли она весь основной материал вопроса, не противоречит ли она важнейшим фактам и не искажает ли их. Именно с этой точки зрения мы хотим разобрать концепцию А. Стендер-Петерсена о литературе «московского периода».

А. Стендер-Петерсен занимается исследованием художественной формы древнерусской литературы, но он отказывается от какой-либо «догматической связи» с формализмом как теоретическим направлением (V). Ему не чужд интерес к историческим предпосылкам развития литературы, в том

---

¹ Adolf Stender-Petersen. Geschichte der Russischen Literatur, Bd. I. München, 1957 (первое издание книги вышло на датском языке).

числе и к социальной борьбе как одному из важных исторических факторов. Однако взаимоотношение между движением истории и развитием литературы автор понимает своеобразно и весьма односторонне. Литература (в данном случае древнерусская литература) рассматривается им как некое единое целое; от времени до времени историческое развитие оказывает на литературу определенное воздействие, как бы подталкивает ее; литература изменяется, но после некоторого периода колебаний продолжает развиваться как новое единое целое, в единой стилистической системе.

Так, объединение Москвой русских княжеств в единое государство приводит к развитию пышного византийского стиля в русской литературе. Основателями этого стиля А. Стендер-Петерсен считает Киприана, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета; из стилистической системы этих авторов он выводит всю литературу XV—XVI вв. — летописание XVI в., энциклопедические предприятия макарьевской школы, «Домострой», «Стоглав», «Степенную книгу», творчество Ивана Грозного и т. д. Некоторые противоречия с господствующей стилистической системой А. Стендер-Петерсен усматривает, правда, в «Повести о Царьграде» Нестора-Искандера, «Казанской истории» и «Повести о приходе на Псков Стефана Батория», но памятники эти, по его мнению, не могли разрушить общую стилистическую систему «византизма». Существенные изменения в литературе происходят лишь под влиянием «смуты» начала XVII в., бывшей в свою очередь следствием политики Ивана IV.

События «Смутного времени» приводят к созданию новой социальной системы и возникновению новой духовной жизни, которую в отличие от старой Стендер-Петерсен называет «новой московской культурой». XVII век, по его мнению, является «самым деятельным во всей истории русской литературы» (320). Именно в это время происходит переход от одной литературной системы — византийской к другой системе — европейской. Черты новой системы Стендер-Петерсен видит в секуляризации и индивидуализации литературы, в переходе от средневековых форм к новым, в проникновении в русскую литературу западноевропейского понятия жанра. Точно установленные художественные жанры — драма, лирическое стихосложение, прозаический роман и новелла сменяют древнерусские жанры жития и летописи.

Итак, исторические события (в том числе социальная борьба) оказывают влияние на развитие литературы, но лишь как внешняя сила, от времени до времени порождающая своеобразные «катастрофы» в литературе. Но происходила ли социальная борьба внутри самой литературы, боролись ли внутри древнерусской литературы различные художественные направления, связанные с различными общественными группами? А. Стендер-Петерсен говорит о «великомосковской идеологии», как о «нетерпимой, антипротестантской, антигуманистической и антиеретической» (114); он упоминает о том, что работа макарьевской школы развивалась в то время, когда в Москве «как отголосок победоносного шествия реформационных идеалов в Западной Европе выступала критика против самой сущности московской культуры и против мирского могущества и хозяйственного значения церкви» (187). Но отразились ли эта критика и деятельность тех слоев, с которыми боролась официальная идеология, в литературе, Стендер-Петерсен не говорит; по всей видимости, существования литературы, противостоящей господствующей линии, он не признает. Говоря о сатирической литературе XVII в., автор указывает, правда, что «новомодная сатирическая или общественно-критическая тенденция пустила корни в определенных кругах читающей публики, прежде всего в среде горожан и городского служилого класса» (300), но выводит эту литературу он из западных пере-

водов; городские слои населения (и то лишь в XVII в.!) оказываются для нее только своеобразной питательной средой.

И тут обнаруживается существеннейший недостаток рецензируемой книги — удивительная ограниченность репертуара исследуемых памятников. Можно составить целый список выдающихся памятников литературы «московского периода», которые совсем не учтены в труде А. Стендер-Петерсена. Это «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Дракуле», «Повесть о Динаре», все летописные повести и вообще все летописание до середины XVI в., «Новая повесть», легендарно-исторические повести — «Повесть о начале Москвы», «Повесть о Тверском Отрочем монастыре» и др. А между тем эти произведения (во всяком случае многие из них) отличает одна характерная черта: они резко противостоят традиционно-житийной или официально-панегирической литературе и далеко не всегда связаны с господствующими социальными слоями московского общества. Говоря о происхождении литературы такого рода (как и посадской повести XVII в.), нельзя обращаться только к византийским или западноевропейским корням и совершенно необходимо вспоминать об устном народном творчестве как об одной из основ письменной литературы. Этого вопроса А. Стендер-Петерсен не ставит; о связи литературы с фольклором в «московский период» в его труде почти не упоминается. Во «Введении» А. Стендер-Петерсен даже специально оговаривает это обстоятельство (правда, только применительно к истории поэзии). Он объясняет это тем, что фольклор имеет свои собственные, отличные от письменной литературы законы развития и что история устной народной поэзии недостаточно исследована (VIII). Однако, как ни сложна история устной поэзии и фольклора вообще, игнорировать постоянное и систематическое влияние устного творчества на литературу нельзя: ведь именно в фольклоре впервые произошло освобождение искусства слова от его служебных функций, и превращение письменной литературы в искусство (зарождение беллетристики) просто невозможно понять без привлечения фольклорного материала. Если А. Стендер-Петерсен считает возможным учитывать при исследовании русской литературы византийское и западноевропейское влияние (хотя внутренних законов развития византийской и западных литератур он в своем труде не касается), то тем более ему следовало бы учитывать влияние устного народного творчества.

Сильное влияние народного творчества и народной языковой культуры испытывали не только литературные представители горожан и мелкослужилых элементов русского общества, но и те публицисты, которые были связаны с господствующей религиозно-феодалной идеологией. История публицистики XV—XVII вв. излагается А. Стендер-Петерсоном крайне неполно. В начале главы «Идеологическая литература» автор специально оговаривается, что публицистика «сама по себе (an und für sich) совсем не относится к истории русской литературы» (202), и делает поэтому исключение только для макарьевской школы — И. С. Пересветова, Ивана Грозного и Курбского. Но древнерусская литература не знала никакого различия между публицистикой и литературой «самой по себе» — вся письменность имела деловое назначение; если автор широко освещает творчество Епифания Премудрого, Пахомия, Макария и деятелей макарьевского кружка, то у него нет никаких оснований игнорировать публицистику Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева и Даниила. Творчество этих публицистов никак не укладывается в рамки «пышно-византийского стиля» — черты просторечия мы обнаруживаем не только в блестящих по своему остроумию и язвительности сочинениях Вассиана Патрикеева, но и у таких «ортодоксов», как Иосиф и Даниил. Крайне односторонняя и оценка Ивана IV как писа-

теля, данная автором. В творчестве Грозного он усматривает только выражение официально-московской «неуклюжести» в соединении с грубостью. Яркий «кусательный стиль» Грозного, его литературное новаторство, широкое использование им чисто разговорной интонации в литературных памятниках — все это осталось вне сферы внимания автора.

Стремление А. Стендер-Петерсена уложить русскую литературу XV—XVII вв. в прокрустово ложе схемы «византизм—европеизм» приводит его к ряду сомнительных утверждений. Как мы уже знаем, виднейшим представителем «византизма» в московской литературе автор считает Пахомия Логофета. В качестве одного из основных произведений Пахомия А. Стендер-Петерсен называет «Сказание о князьях владимирских» (181); это дает ему в дальнейшем основание говорить о влиянии Пахомия на «Историю о Казанском царстве» (196) и на творчество Ивана Грозного (211). Но мысль о принадлежности «Сказания о князьях владимирских» Пахомию есть даже не гипотеза, а догадка И. П. Жданова, ничем, в сущности, не мотивированная автором; И. П. Жданов указывал только, что «деятельность Пахомия продолжалась до 80-х и, может быть, даже до 90-х годов XV столетия» и что «хронологических затруднений для этой догадки о Пахомии нет».² Но А. Стендер-Петерсену известна работа о «Сказании о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой, вышедшая в свет в 1955 г.; работу эту он приводит в списке рекомендованной им литературы (450); а между тем в этой работе с несомненностью доказано, что в основе известного нам текста «Сказания о князьях владимирских» лежит «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Саввы, адресованное Василию III и написанное, следовательно, уже в XVI в.; «Сказание о князьях владимирских», таким образом, написано еще позже.³ Для того чтобы столь решительно вновь приписывать «Сказание» Пахомию Логофету, А. Стендер-Петерсену следовало бы опровергнуть мнение своего предшественника и привести какую-то новую аргументацию.

Другим основанием для того, чтобы говорить о глубоком влиянии Пахомия на литературу «московского периода», служит для А. Стендер-Петерсена Хронограф. В редакции XV в. Хронограф не дошел до нас, но известным нам редакциям XVI в., как справедливо указал А. А. Шахматов, предшествовала какая-то более ранняя редакция XV в. Поскольку в языке Хронографа встречаются сербизмы, А. А. Шахматов высказал предположение (опять-таки только предположение!), не был ли составителем его Пахомий.⁴ А. Стендер-Петерсену этого предположения оказалось достаточно для того, чтобы выводить от Пахомия всю историю русского летописания XVI в. (Воскресенская, Никоновская летописи, Лицевой свод), совершенно игнорируя летописные своды конца XV в. (прямо и непосредственно повлиявшие на летописи последующего столетия), а также хронографы и летописи XVII в. В его труде даже не упоминаются великокняжеские своды Ивана III, Симеоновская, Типографская, Софийская II и другие летописи конца XV—начала XVI в. А между тем отдельные повести, включенные в эти своды (например, повесть об Угре), представляют большой интерес как памятники литературы. Приводя известный рассказ о падении Пскова из Псковской I летописи, А. Стендер-Петерсен характеризует его просто как «антимосковский», направленный против Василия III (199). А между тем летописный свод, откуда взято приведен-

² И. Жданов. Русский былевой эпос, I—V. СПб., 1895, стр. 109—112.

³ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 14—72.

⁴ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899.

ное известие (свод 1547 г. — по определению А. Н. Насонова), не может рассматриваться как памятник феодально-сепаратистской идеологии: перед нами летопись, стоящая на почве безусловного признания великокняжеской власти, но враждебная к московским кормленщикам — наместникам;⁵ памятник, отражающий воззрения тех самых городских кругов, которым так мало посчастливилось на страницах труда А. Стендер-Петерсена.

Весьма односторонне охарактеризовав «Сказание о князьях владимирских», А. Стендер-Петерсен почти совсем не коснулся других легендарно-исторических памятников, дававших обоснование идеи «московского царства». Он указал только, что «представления о третьем Риме и Повести о Вавилонском царстве образуют флорид, на котором надо рассматривать труд Пахомия («Сказание о князьях владимирских»)» (181). Однако послания Филофея о третьем Риме были написаны (как доказал уже В. Малинин) не ранее XVI в.⁶ а в цикле «Повестей о Вавилоне» место о царских регалиях, действительно перекликающееся со «Сказанием о князьях владимирских», представляет собой явную интерполяцию XVII в.⁷ Изучение памятников идеологии Русского централизованного государства, действительно относящихся к концу XV в., показало бы автору, что идеи независимого и единого «московского царства» возникли, как это ни парадоксально, в тех самых кругах, с которыми, по его словам, боролась антигуманистическая и антиеретическая «великомосковская идеология».

Чрезвычайно односторонний подход к литературе XV—XVI вв. затруднил для автора и характеристику литературы XVII в., занимающей особенно важное место в его построении. В этом отношении заслуживает внимания один любопытный хронологический сдвиг, обнаруживающийся в рецензируемой книге. Только в одном из последних параграфов своего повествования о «московском периоде», рассказав об основных памятниках литературы XVII в. и говоря об «отечественных корнях» русского романа, А. Стендер-Петерсен вспоминает о «Житии Петра и Февронии» — памятнике, возникшем не ранее середины XVI в., отмечая «реалистические воззрения» его автора и связь этого памятника с народными сказаниями (309—310). А. Стендер-Петерсен считает автором этого произведения писателя-публициста первой половины XVI в. Ермолая-Еразма,⁸ но он ничего не говорит о других произведениях этого писателя и о его месте в литературе своего времени. Если бы автор рассказал об этом памятнике и о многих других памятниках, никак не подходящих к его представлению о «пышном византизме» русской литературы XV—XVI вв., в соответствующем месте книги, то более подготовленным и понятным стал бы для читателя и перелом в литературе XVII века.

⁵ Псковские летописи, вып. 1. Подготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 92—97. Ср.: А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, стр. 268—270; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 86—95.

⁶ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 374—383. Ср.: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова..., стр. 152—154.

⁷ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 128—129.

⁸ Следует отметить, что вопрос об авторстве Ермолая-Еразма является спорным в литературе; ряд авторов относит этот памятник к XV в. и еще теснее связывает с фольклором: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 131—167; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 104—108. Ср.: А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — ИЗ, 1959, т. 65, стр. 303—315.

Развитие литературы в XVII в. очень слабо связано в «Истории» Стендер-Петерсена с историческим процессом. Вся историческая обстановка XVII в. рассмотрена во «Введении» (§ 11 — «Die Zeit des Smuta»), после чего автор к ней уже не возвращается. Однако «Введения» этого явно недостаточно для характеристики всего XVII в., так как оно ограничивается описанием крестьянской войны и интервенции первого десятилетия, закончившихся избранием на престол Михаила Романова в 1613 г. (при этом ничего не сказано о роли народных ополчений, о Минине и Пожарском). Упомянув вскользь об Уложении 1649 г. и окончательном закреплении крестьян, Стендер-Петерсен переходит сразу к реформам Петра I.

Связь литературы с общим историческим развитием нарушена еще и тем, что А. Стендер-Петерсен располагает произведения XVII в. не в хронологическом порядке, а в соответствии со своей схемой. Сначала им рассматриваются произведения, не подвергшиеся еще западноевропейскому влиянию: произведения «Смутного времени» (всей первой четверти XVII в.), московское стихосложение, «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича, рекомого Скопина», «Азовская повесть», жития Никона и Аввакума. Дальнейшие изменения в литературе Стендер-Петерсен теснейшим образом связывает с идеями, проникающими в Москву с Запада. Так как западноевропейские произведения попадают на русскую почву, как правило, в польских переводах через польско-украинское влияние, то центральное место отводится Стендер-Петерсеном характеристике западнорусской культуры и западнорусской литературной жизни, а также западнорусскому силлабическому стихосложению и драматургии. Только после этого он обращается к драматургии московской, духовной и светской. Следующие параграфы посвящены переводной литературе XVII в. и только последние два — оригинальной русской прозе или, как называет ее Стендер-Петерсен, московскому роману, куда включаются такие произведения, как повести об Иулиании Лазаревской, о боярыне Морозовой, о Савве Грудцыне, Фроле Скобееве, Карпе Сутулове и фактически уже произведения XVIII в.: «История о российском матросе Василии Кариотском», «История об Александре, российском дворянине» и «История о российском купце Иоанне». Русская сатирическая литература попала у Стендер-Петерсена в раздел о переводной литературе и поставлена им после фацеций и польских жарг.

Обращает на себя внимание еще одна особенность изложения литературы XVII в., связанная с общим построением темы у А. Стендер-Петерсена. Стихосложение и драматургия в системе расположения материала, да, пожалуй, и по количеству посвященных им страниц, преобладают над прозой.

Общая картина литературы XVII в. представляется Стендер-Петерсену пестрой и хаотичной, «своеобразной смесью канцелярского языка с архаическим хроникальным и церковным языком», сочетанием «объективного изображения действительности с фантастической картиной мира авантюрных романов, циничного отношения к жизни с любовной чувствительностью, деликатности с неотесанными правами». Эти различные «элементы» лежат непосредственно и без взаимной связи друг возле друга, что, по мнению Стендер-Петерсена, очень характерно для культурного и социального хаоса, господствовавшего накануне петровской реформы (316).

Повести «Смутного времени» относятся в изложении Стендер-Петерсена к числу произведений, еще не подвергшихся непосредственно западному влиянию. Все они, за исключением только повести Катырева-Ростовского, подчиняются еще старым литературным нормам, близки к летописям, авторы их пишут украшенным риторическим стилем. Новым в этих произведе-

ниях является, по мнению Стендер-Петерсена, то, что официальные государственные или церковные тенденции проводятся в них индивидуально. К сожалению, это положение осталось неразвернутым Стендер-Петерсеном при конкретном анализе произведений. Исключая публицистику как таковую из истории русской литературы, он не отмечает агитационного публицистического характера произведений «Смутного времени», определенной политической тенденции каждого из них. В анализе Стендер-Петерсена не нашли своего отражения очень интересные особенности произведений «Смутного времени»: характеристики царей, стремление увидеть в одном человеке и плохие и хорошие черты, попытка объяснить причины смуты не только наказанием за грехи, но и трактовка этих грехов как грехов гражданских — знаменитое «всего мира безумное молчание» Авраамия Палицына, «бессловесное молчание» дьяка Ивана Тимофеева.

Произведения, обсуждающие события «Смутного времени», делятся Стендер-Петерсеном не по времени их написания, не на современные «Смуте» и написанные уже после ее окончания, а на произведения авторов духовных и светских. Стендер-Петерсен отмечает постепенный переход литературной работы из духовных рук в светские. Нам, однако, такое деление кажется мало обоснованным автором. Остается непонятным, каковы же принципиальные отличия, например, «Словес дней и царей» Хворостинина от «Сказания» Авраамия Палицына, так как специфических особенностей светских произведений Стендер-Петерсен не указывает. Такое деление выглядит еще менее убедительным из-за отнесения к духовным произведениям «Временника» дьяка Ивана Тимофеева — несомненно автора светского.⁹ В то же время не упомянуты автором явно церковные произведения, написанные в жанре «видений».

Произведения «Смутного времени» приведены Стендер-Петерсеном в его «Истории русской литературы» неполно. Не получила отражения официальная линия литературы, представленная для этого времени Грамотой Утвержденной и Новым летописцем,¹⁰ а также и неофициальная, а возможно, и враждебная первой линии, представленная такими произведениями, как «Новая повесть о преславном Российском царстве», написанная в стиле «подметного письма», и сатирическими стихами «Послание дворянина к дворянину». Все эти произведения не включены Стендер-Петерсеном в репертуар литературы XVII в.

Одностороннее и неполное освещение получил у Стендер-Петерсена и анализ творчества одного из значительнейших писателей второй половины XVII в. — протопопа Аввакума. Автор отмечает его активную враждебность по отношению к новому ученому духу и иностранному красноречию, считает его автобиографическое «Житие» последним значительным произведением русской агиографии. Однако анализ этого «Жития» приводит Стендер-Петерсена к противоречию с принятой им самим схемой развития русской литературы в XVII в. Ярого противника «европеизма», «знаменосца традиций» Аввакума он признает новатором в литературе, носителем нового стиля прозы. По мнению Стендер-Петерсена, творчество Аввакума с характерным для него противоречием между старыми идеями и новым способом их выражения говорит о том, что старой Руси приходит конец и на смену ей идет новая Русь. В связи с этим возникает вопрос: так ли

⁹ Временник Ивана Тимофеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 352.

¹⁰ Б. М. Боровский. История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 45—47 (автор называет Грамоту Утвержденную «Повестью о Романовых»); Л. В. Черепнин. Смута в историографии XVII в. — ИЗ, 1945, т. 14, стр. 80—128.

необходимо новые литературные явления этой новой Руси связывать с европейским влиянием?

Рассматривая литературную деятельность Аввакума, Стендер-Петерсен останавливается только на его «Житии», не касаясь более семидесяти остальных его произведений. Тем самым в стороне осталась вся полемика и агитационная деятельность Аввакума, чьи произведения проникали из Пустозерской тюрьмы в самые широкие слои народа.¹¹ В этом плане язык Аввакума, связанный с разговорной речью, «мирской», «народный», такой же, как «язык народных песен», «диалектологический» и «варварски вульгарный», как характеризует его Стендер-Петерсен, является не противоречащим идеям его произведений, далеко выходящим за пределы догматического спора, а вполне соответствующим общему характеру творчества Аввакума и агитационным задачам, стоявшим перед ним.

Мы упоминали уже о том, что А. Стендер-Петерсен отказывается от рассмотрения влияния фольклора на письменную литературу из-за неизученности вопроса. Однако для XVII в. тема эта оказалась настолько важной, что, несмотря на оговорку, вопрос о фольклоре был Стендер-Петерсеном все-таки поставлен. Если в XVI в. письменная литература, носившая церковный характер, относилась, по мнению автора, к фольклору враждебно, как к языческому и баснословному, т. е. еретическому, то в XVII в. границы между письменной литературой и устным народным творчеством ломаются и письменная литература все чаще прибегает к темам, родившимся в фольклоре. «Народные песни — общая собственность, не только собственно народа, но, и особенно, знатного московского боярства и аристократии» (229—230). Такова постановка вопроса. Конкретно же Стендер-Петерсен называет только два произведения XVII в., испытавшие на себе влияние фольклора. Это «Писание о преставлении князя Михаила Скопина» и «Повесть об Азовском сидении донских казаков».

Следует сразу же указать на неточность автора, не упомянувшего о существовании цикла повестей об Азовском осадном сидении, состоящего из пяти произведений, связанных друг с другом своей литературной историей. Выбрав из всех повестей для рассмотрения только одну («Поэтическую»), Стендер-Петерсен не объяснил, почему он в данном случае не обращается к «Исторической» и «Сказочной» повестям.¹²

Остается неясным, почему Стендер-Петерсен исключает из сферы влияния фольклора другие произведения XVII в., и в частности всю демократическую сатиру этого времени, тем более что влияние это рассмотрено в работе В. П. Адриановой-Перетц, указанной Стендер-Петерсеном в списке использованной литературы.¹³

Считая сюжет «Повести о шемякинском суде» заимствованным из иностранных источников, «Повесть о Ерше Ершовиче» — новеллой в стиле западноевропейского романа о лисице (*Roman de Renard*), а «Повесть о Карпе Сутулове» — повторяющей один из восточных мотивов из «Тысячи и одной ночи», Стендер-Петерсен не отмечает другую высказанную в советской научной литературе точку зрения, связывающую это направление в русской литературе с бытом и житейской практикой демократической

¹¹ В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 305.

¹² История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 257—270; Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 175—243.

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 258—259.

среды города и деревни и изучающую его в теснейшей зависимости от устного народного творчества.¹⁴

Постановка вопроса о роли фольклора в русской литературе XVII в. кажется нам в работе Стендер-Петерсена особенно неудачной. Не отрицая в целом влияния устного народного творчества на письменную литературу, Стендер-Петерсен тем не менее совершенно опустил целую группу произведений, в большой или меньшей степени это влияние отразивших. Так, в истории литературы не нашли себе места «Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Сухане», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Сказание о молодце и девице», «Повесть о купце, купившем мертвое тело» и др.

Возникновение в XVII в. русской беллетристики — одна из важнейших и интереснейших литературоведческих проблем, которую пытается осветить А. Стендер-Петерсен в своей «Истории». Он говорит, что традиционные течения литературы «московского периода» могут рассматриваться отчасти как ветви агиографической прозы, отчасти как стиль народных песен, влияющих на эпическую литературу (309).

В дальнейшем исследовании это положение раскрыто автором не полностью. Если биографии Аввакума, Иулиании Лазаревской, боярыни Морозовой еще являются по своему происхождению житиями и смыкаются в какой-то степени с агиографией, то где же надо искать корни чисто светской беллетристики с характерным для нее вымышленным героем, описанием быта, эротическими сюжетами? Стендер-Петерсен отвечает на этот вопрос только обращением к переводной литературе и ее влиянию на оригинальную русскую прозу. Характеристика Саввы Грудцына как оригинальной комбинации русского Фауста с одним из вариантов чудес Марии и сравнение Фрола Скобеева с плутовским романом ведет Стендер-Петерсена к сопоставлению произведений русской литературы прежде всего с произведениями западными. Но является ли такое объяснение происхождения русской прозы XVII в. верным? Не следует ли прежде всего искать причин возникновения русской беллетристики в условиях жизни русского общества и в предшествующей русской литературе? Такая постановка вопроса кажется нам тем более закономерной, что сам Стендер-Петерсен говорит о влиянии на литературные сюжеты конкретных жизненных ситуаций. Говоря о Фроле Скобееве, он замечает, что история эта рассказана с такой великолепной достоверностью и такой реальной жизненной точностью, что можно предположить — новелла основана на реальном случае из скандальной хроники романовской Москвы (315). Остается пожалеть, что это предположение не нашло у Стендер-Петерсена своего развития, что автор не задался целью установить, лежал ли в основе сюжета о Фроле Скобееве какой-либо действительный случай или новелла основывалась уже на каких-то легендах о нем. Так в свою очередь снова возникает вопрос о фольклорной основе русской беллетристики.

Возможно, что при таком подходе и «Повесть о Горе-Злочастье» не показалась бы автору одинокой и оставшейся без последствий попыткой создать новый стиль и он смог бы найти в ней черты, связывающие ее с другими произведениями.

Мы далеки от того, чтобы отрицать важность переводной литературы и ее влияние на литературу оригинальную. Самый факт этого влияния бесспорен, как бесспорно и усиление роли переводной литературы во вто-

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 137—187 («У истоков русской сатиры»), стр. 221, 226, 280.

рой половине XVII в. Нам только кажется, что не следует эту роль преувеличивать. В связи с этим возникает сомнение во всесторонности рассмотрения Стендер-Петерсеном вопроса о переводной литературе. В его изложении русская литература и русский читатель пассивно воспринимают все те новые идеи и новые жизненные отношения, с которыми они знакомятся в произведениях переводной прозы, широким потоком хлынувшей на Русь в XVII в. Если первоначально переводы стремятся приспособить к привычным понятиям и вкусам, снабжая их концовками, проникнутыми религиозной моралью, то впоследствии русские переводчики пробуют делать произведения более понятными русскому читателю, пытаются средствами русского языка передать непривычные ситуации и обстановку — детали рыцарского быта, турниры, эротические сцены, западноевропейскую куртуазность. И все это до неузнаваемости искажалось, подвергаясь московской переделке. Указывая на эту одну сторону дела, Стендер-Петерсен не касается другой, заключающейся в специфическом интересе русских читателей к тому, что именно переводилось на русский язык. На это обстоятельство обращал внимание еще в 1934 г. А. С. Орлов: «В проникновении западных повестей на Русь конца XVI—XVII вв. можно уследить известный выбор. Конечно, охотнее принимались повести, имевшие наибольшее сходство с повестями, уже существовавшими у нас, т. е. такие, которые содержали уже знакомый сюжет или знакомые подробности, отличались привычной формой и заключали в себе нечуждые идеи. Так, например, принимались анекдоты, притчи, жития, находившие себе параллели в патериках, прологах, минеях, принимались рыцарские романы, приемы и формулы которых не были чужды историческим повестям, книжным и словесным, принимались произведения о злых и добрых женах, типические характеристики которых уже с глубокой древности были у нас популярны».¹⁵

Таковы основные замечания, которые вызывает очерк «московского периода» русской литературы в книге А. Стендер-Петерсена. Можно отметить также ряд частных погрешностей в книге. Крайне неточно, например, утверждение, будто Куликовская битва 1380 г. «положила конец суверенному господству воинственных номадов над раздробленными русскими землями» (163) — власть Орды формально была ликвидирована не в конце XIV в., а сто лет спустя; неверно, что до XVI в. титул «царь» употреблялся только по отношению к византийским монархам (165), ибо этот титул на Руси постоянно применялся также к татарским ханам; нельзя утверждать, что Василий III «охотно одобрял» теорию Филофея о «Москве — третьем Риме» (165), а Иван IV, «конечно, читал» Пересветова (205), так как нам ничего не известно об их знакомстве с этими авторами; об иудее Схарии сообщает не летопись (167), а «Просветитель» Иосифа Волоцкого; осада Пскова, описанная в «Повести о приходе Стефана Батория», имела место не в 1577 (200), а в 1581 г., и т. д. Эти неточности и ошибки автора (как и другие, за которые ответственен не он сам, а ошибочная историографическая традиция),¹⁶ не имеют большого значения для его труда. Гораздо существеннее недостатки основного построения книги: игнорирование социальных и идейных противоречий внутри

¹⁵ А. С. Орлов. Переводные повести XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 88.

¹⁶ Так, автор утверждает, что Иван III получил в результате женитьбы на Софии Палеолог «не только византийский титул самодержца, но и герб» (165) и что Нил Сорский выступал против насильственных мер по отношению к еретикам (168). Эти положения часто встречаются в историографии, но они не подтверждаются источниками.

намечаемых им стилистических систем, стремление подчинить все изложение схеме смены «византинизма» «европеизмом», ограниченность репертуара разбираемых памятников.

В своей монографии «Человек в литературе древней Руси» Д. С. Лихачев справедливо отметил, что «когда-то литературоведы сводили все дело к смене влияний: византийские влияния сменились-де западными, русские писатели, подражавшие византийским, стали писать на образец западных. Казалось бы, надо было показать, в чем же отличался этот западный „образец“ от византийского, но вопрос этот исследован не был. Между тем, если бы он был изучен, стало бы ясно, что перелом в литературе не может быть сведен только к смене „влияний“ (хотя самый факт усиления в XVII в. западных влияний не может подлежать сомнению), что дело заключается в новом понимании задач литературы, в новых методах художественного обобщения, в другом понимании человека, сюжета, жанра и т. д.»¹⁷ Приходится с сожалением отметить, что этот упрек, адресованный «старым литературоведам», может быть отнесен и к сравнительно недавно вышедшей монографии А. Стендер-Петерсена.

---

¹⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 119.

А. М. ПАНЧЕНКО

Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в.¹

Взаимоотношения древних русской и чешской литератур не были ни регулярными, ни особенно интенсивными, и в этом смысле проблема чешско-русского литературного обмена, возможно, покажется менее важной, чем, например, вопросы связей древних литератур Руси, Польши и южнославянских стран.² Однако в определенные периоды литературы этих двух славянских народов, долгое время разобщенных и территориально, и культурно, вступали в непосредственное соприкосновение. Факты и явления, относящиеся к истории чешско-русских литературных взаимосвязей старшей поры, несомненно, заслуживают самого настойчивого и тщательного изучения.

А. В. Флоровский выделяет три периода в истории чешско-русского литературного общения.² Первый период — это X—XII вв., время проникновения в Киевскую Русь памятников, связанных прежде всего с именем «патрона земли Чешской» — князя-святого Вацлава. Второй период падает на XV—начало XVI столетия, когда произведения чешской литературы (или памятники общеевропейского характера и значения, но в чешской обработке) усваивались в украинской и особенно белорусской среде («Гоудал рыцарь», «Сказание о Сивилле» и др.). И, наконец, в XVII в. переводы с чешского появляются в Московской Руси, становясь таким образом в цепь переводных произведений собственно русской литературы.

В научной литературе накопилось значительное количество работ, в той или иной степени посвященных интересующей нас теме. Не рассматривая специально статьи по частным вопросам, остановимся на некоторых крупных исследованиях, в которых дается более или менее цельная картина чешско-русских литературных связей XVII столетия.

В первую очередь следует упомянуть труды профессора Варшавского университета И. И. Первольфа. И. И. Первольф, чех по происхождению, до переезда в 70-х годах прошлого столетия в Варшаву работал архивариусом Национального музея в Праге.³ Его научные интересы сосредоточились вокруг проблемы славянской взаимности, разработке которой посвящены его многочисленные статьи. Итогом изысканий И. И. Первольфа явилось трехтомное исследование, вышедшее в 1886—1893 гг. в Варшаве под заглавием «Славяне, их взаимные отношения и связи». В первом томе

---

¹ В предлагаемом обзоре рассматривается только одна сторона проблемы — усвоение чешской литературной продукции на Руси.

² Antonij Flórovskij. Vliv staré české literatury v oblasti ruské. — Co daly naše země Evropě a lidstvu, II. vyd. Praha, 1940, стр. 139—143.

³ О И. И. Первольфе см.: Miloš Weigart. Slovanská vzájemnost. Uvahy o jejich základech a osudech. Bratislava, 1926, стр. 221—225.

излагается история славянских народов, каждому из которых посвящен отдельный очерк. Во втором разбирается идея славянской взаимности, вернее ее проявления в славянских литературах древнего периода (до XVIII в.). Третий том, появившийся в 1893 г., через два года после смерти автора, разрабатывает проблему межславянских взаимосвязей (главным образом с точки зрения исторической). Третий том представляет собой ряд очерков, частью незаконченных. К последним относится и раздел «Чехи и православные славяне»,⁴ в котором приводятся сведения, характеризующие не литературные, но дипломатические, династические и тому подобные связи Чехии и Руси.

Литературный материал находится во втором томе. Заслуга Й. Й. Первольфа состоит в том, что он, используя массу печатных и рукописных источников, ввел в научный оборот огромное количество бывших дотоле неизвестными (или малодоступными) фактов. Но, к сожалению, Й. Й. Первольф только описывал, вовсе не обобщая. Поэтому получилась всего лишь сводка материалов, пользование которыми затрудняется еще из-за методической неумелости автора — частых повторений, непродуманного распределения отдельных фактов и пр. При всем этом нельзя не заметить определенной «славянофильской» предвзятости Й. Й. Первольфа, которая, конечно, не может быть отнесена к достоинствам книги: рассматривая идею славянской взаимности, он считал ее проявлением всякое упоминание о славянах. Прав был Милош Вайнгарт, упрекавший Й. Й. Первольфа в априоризме и тенденциозности.

Особенно много для изучения чешско-русских взаимосвязей сделано А. В. Флоровским. Этому исследователю принадлежит несколько книг и множество статей, повествующих об исторических, торговых и литературных отношениях Чехии и Руси. Широко и заслуженно известна его двухтомная монография «Чехи и восточные славяне»,⁵ вышедшая в Праге на русском языке. В своем двухтомном труде А. В. Флоровский критически обработал и обобщил огромный печатный материал, накопившийся в области исследования чешско-русских связей. Эта работа, кроме ее чисто научного значения, является превосходным и необходимым справочным пособием для каждого специалиста, занимающегося межславянскими взаимоотношениями.

Для нас интересна в первую очередь третья глава второй части книги «Чехи и восточные славяне» — «Чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV—XVII вв.»,⁶ а также недавняя статья А. В. Флоровского «Чешские струи в истории русского литературного общения»,⁷ которая охватывает все три периода чешско-русского литературного общения (X—XII вв., XV—начало XVI в., XVII в.). В этой статье учтена вся новейшая литература вопроса. Особенно важной следует признать ту особенность работ А. В. Флоровского, что здесь факты и явления литературные освещаются на широком историческом фоне. Если при чтении прежних статей по частным проблемам чешско-русских связей составить общее представление по данному вопросу было невозможно, то у А. В. Флоровского, напротив, получалась цельная и в общем — при всей отрывочности самих связей — цельная картина. Выяснилось, что начиная

⁴ Й. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. III. Варшава, 1893, стр. 243—260.

⁵ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935; т. II, Прага, 1947.

⁶ Там же, т. II, стр. 3—98.

⁷ А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, III. М., 1958, стр. 211—251.

с XV в. литературное общение между чехами, с одной стороны, и украинцами, белоруссами и русскими, с другой, постепенно возрождается, хотя и не достигает той интенсивности, какая наблюдалась в киевские времена. «Наименее активными, — пишет А. В. Флоровский, — и по времени наиболее поздними были чешско-русские связи, в которых принимала участие собственно севернорусская ветвь восточных славян, наиболее отдаленная и территориально, и культурно-политически от Чехии. Главную долю участия в развитии этих связей нужно отнести за счет южной и западной ветвей восточнославянских».⁸ Цитированное высказывание относится к чешско-русским отношениям, рассматриваемым с самой общей точки зрения. Что же касается связей литературных, то можно, как нам кажется, говорить о их постепенном усилении с XV в. Свидетельством этого является продвижение чешских памятников из областей украинской и белорусской на восток, в Московское государство (повесть о королевиче Брунцвике). Показателем не может служить только активность или объем связей, необходимо учитывать и территориальное распространение переводов с чешского.

Последняя по времени и первая специальная книга по чешско-русским литературным связям — работа Гелены Прохазковой «По следам давней дружбы. Главы из чешско-русских литературных связей до конца XVII столетия».⁹ По собственному заявлению автора, высказанному в предисловии, специальное внимание уделяется XVI и XVII вв., так что эта книга приобретает для нас особенный интерес. Оставляем в стороне те главы работы, которые освещают чешские отклики на русские события XVI—XVII вв., — они имеют скорее историческое значение и выходят за рамки нашей темы.

Из явлений, связанных с переходом на Русь в XVII в. чешских памятников, Г. Прохазкова затрагивает повесть о Брунцвике, «сомнительную» повесть о Василии Златовласом, вопрос о русских версиях «Римских деяний» (в приложении к книге приводятся таблицы с поглавным сравнением чешских, немецких, польских и русских текстов «Римских деяний») и, кроме того, статью «О Чешском королевстве кроника», читающуюся в западно-русском Хронографе (об этой части книги и о разборе «Василия Златовласого» см. ниже).

Как видим, круг памятников, рассматриваемых Г. Прохазковой, невелик. К тому же, «Брунцвику» и «Василию Златовласому» отведено в общей сложности всего лишь около восьми страниц. Исследование повести о Брунцвике — важнейшего факта чешско-русских литературных взаимоотношений в рассматриваемый период — не вносит ничего существенно нового по сравнению со старыми работами М. Петровского и И. Поливки. Наиболее интересная и самостоятельная часть исследования — раздел о «Римских деяниях» — касается скорее связей польско-русских, хотя может принести пользу и при выяснении литературной истории памятника в чешской среде.

Г. Прохазкова поставила своей целью создать популярную книжку. От работ такого рода было бы излишним и неправильным требовать во всех случаях каких-то новых сравнительно с предшествующими исследованиями наблюдений, тщательной разработки каждой проблемы и т. д. Но мы вправе ожидать от автора по возможности полной и четкой картины

⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. XIII.

⁹ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství. Kapitoly z českoruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959. См. также нашу рецензию: Книга о чешско-русских литературных связях старшей поры. — Русская литература, Л., 1960, № 1, стр. 238—240.

чешско-русских литературных связей и — отсюда — продуманного выбора и распределения материала. А именно в этом отношении (мы говорим исключительно о XVII в.) работа Г. Прохазковой вызывает у читателя чувство разочарования. Во-первых, без достаточных оснований обойдены произведения, дававшие русскому читателю беллетризованную сводку сведений по чешской истории: «История вкратце о Бохеме», 6-я глава Космографии 1670 г. и др. Это тем более странно, что разбор чешской части западнорусского Хронографа, которая построена на том же примерно материале, занимает в книге значительное место. Во-вторых, непонятно, почему исследуется повесть о Василии Златовласом, а непосредственно переведенный с чешского украинский Луцидарий не упомянут вообще. Предположение, что Г. Прохазкова сознательно ограничивалась только литературой Московской Руси, не подтверждается — ведь в книге рассматривается деятельность Франциска Скорины (кстати, автор совершенно забывает о своеобразии того западнорусского литературного окружения, в котором она протекала).

Кроме вышеуказанных крупных исследований, чешско-русским литературным связям XVII в. посвящено большое количество статей по отдельным частным вопросам. Эти статьи принадлежат перу как русских, так и зарубежных ученых (А. И. Соболевский, М. Петровский, А. В. Флоровский, И. Йиречек, И. Поливка, М. Мурко и др.).¹⁰ Мы остановимся на них при рассмотрении отдельных фактов, из которых складывается история чешско-русских отношений XVII в.

*

Круг памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII столетия, включает следующие произведения: 1) повести о королевице Брунцвике и Василии Златовласом (последняя возводится к чешскому оригиналу далеко не всеми исследователями); 2) переводные «хроники», описывающие события чешской истории, как например «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и 6-я глава Космографии 1670 г.; 3) украинский перевод Луцидария.¹¹

Прежде чем перейти к «Брунцвику», считаем необходимым остановиться на вопросе о происхождении повести о Василии Златовласом, поскольку мы не думаем, что в основе ее лежит чешский источник.

⁰ См. указатели и подстрочные примечания в названных выше работах А. В. Флоровского.

¹¹ В украинских списках XVII в. известна особая редакция Луцидария, которая, бесспорно, является переводом с чешского. Связь и зависимость украинского Луцидария обнаруживают содержащиеся в тексте многочисленные лексические, морфологические и синтаксические богемизмы, которые перечислил в своем издании памятника Е. Ф. Карский. Луцидарий был в Чехии одной из первых печатных книг (напечатан уже в XV в.), затем не раз переиздавался, существуя параллельно и в рукописной традиции. Попытки поставить украинский Луцидарий в прямую связь с каким-либо из известных чешских текстов до сих пор были тщетны. Не исключена возможность, что украинский переводчик провел самостоятельную правку и обработку оригинала. Не рассматриваем этот памятник специально, так как он продолжает более раннюю — XV и XVI столетий — традицию чешско-украинских связей и непосредственного отношения к нашей теме не имеет. Об украинском и чешском Луцидарии см.: Е. Ф. Карский, Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Варшава, 1906, Iв. Франко, Апокрифи і легенди з українських рукописів, IV Львів, 1906; Ceněk Zibrt, Staročeský Lucidáir. Text rukopisu Fürstenberského a prvotsku z roku 1498 Praha, 1903; А. В. Флоровский, 1) Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 42—44; 2) Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 240 (здесь же и литература вопроса).

Предположение о чешском оригинале «Василия Златовласого» было высказано И. Снегиревым еще в 1845 г.¹² Затем оно было поддержано издателем повести И. А. Шляпкиным. «Издаваемая ... повесть...», — писал он, — судя по некоторым полонизмам, пришла к нам через Польшу, но первоначальный оригинал ее надо искать в чешской литературе: сам герой, подобно Брунцвику, чешский королевич, заметно пристрастие к Чехии, видно знание сношений Чехии с Францией. Конечно, все это довольно колебательно, но, по нашему мнению, рано или поздно будет найден чешский оригинал». ¹³ Стронниками этой точки зрения были также Александр Н. Веселовский и А. Н. Пыпин.¹⁴

Из современных исследователей мнения о чешском происхождении «Василия Златовласого» придерживаются Н. К. Гудзий, А. Н. Робинсон, Г. Прохазкова и др., причем Н. К. Гудзий решительно отвергает польское посредство: «Судя главным образом по содержанию, повесть возникла скорее всего в Чехии, но нет оснований думать, что она пришла к нам через польский перевод...: явных полонизмов в русском ее тексте, вопреки утверждению Шляпкина, нет. Зато слово „режи“, скорее всего восходящее к чешскому říže, заставляет предполагать чешский оригинал». ¹⁵ А. Н. Робинсон пишет, что повесть о Василии Златовласом «была переведена с не дошедшего до нас польского варианта, восходящего к также не сохранившемуся чешскому оригиналу». ¹⁶ В самое последнее время в поддержку мнения о чешском источнике повести выступила Г. Прохазкова, выдвинувшая в качестве нового аргумента отысканный ею «богемизм» «подобный» (заметим сразу, что чешский глагол «*podobati se*» хотя и резко различается по значению с польским «*podobac się*», но зато в общем соответствует русскому «быть подобным», так что этот «богемизм» отпадает; к тому же Г. Прохазкова не ссылается на какую-либо определенную фразу в тексте повести). ¹⁷

Совершенно противоположная точка зрения сформулирована А. В. Флоровским,¹⁸ который не находит ни в содержании, ни в языке памятника

¹² И. Снегирев. О лубочных картинках русского народа. Сборник исторических и статистических сведений о России, I. М., 1845, стр. 215.

¹³ И. А. Шляпкин. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. СПб., 1882, стр. 1.

¹⁴ А. Н. Веселовский. Заметки по литературе и народной словесности, I. — СОРЯС, т. XXXII, 1883, № 7, стр. 80; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, изд. 2. СПб., 1902, стр. 509.

¹⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1953, стр. 426.

¹⁶ История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 326.

¹⁷ Helena Procházková. Po stopách divného přátelství, стр. 102—103.

¹⁸ А. Флоровский. Ein angeblicher Bohemismus in der Erzählung von Vasilij Zlatovlasjy. — Zeitschrift für slavische Philologie, X, 2. Leipzig, 1933, стр. 103—106; А. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 242—245. — А. Д. Григорьев также считал, что «Василий Златовласый» написан в России, но замечал при этом, что неизвестный автор его был знаком с чешским языком (кроме «немецких режий», он принимал за богемизм слово «стридница» — несомненно испорченное «страдница»). См.: А. Д. Григорьев. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испанском королевиче Франце. — Варшавские университетские известия, кн. 4. Харьков, 1916, стр. 1—32. Любопытные соображения о «родине» «Василия Златовласого» содержатся в недавней (1959 г.) статье А. Вайяна. Исследуя лексику повести, А. Вайян обнаружил в ней хорватизмы (поклисари, сенаторский, ачага) и латинизмы (Полимистра, Карлус). Основываясь на этих наблюдениях, А. Вайян полагает, что «Василий Златовласый» — рыцарская повесть, ославянизовавшаяся в Далмации (Хорватии), а затем — по-видимому, через сербское, болгарское или румынское посредство — попавшая в Россию, где она была радикально переработана. Для нас важно прежде всего то, что А. Вайян решительно отвергает версию о чешском происхождении «Василия Златовласого». См. André Vaillant. L'histoire de Basile aux cheveux d'or, prince tchèque. — Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1959, књ. XXV, св. 3—4, стр. 237—240.

никаких доказательств чешского его происхождения и считает, что «Василий Златовласый» написан, по всей видимости, в России.

И действительно, в сюжете и вообще содержании повести ничего специально чешского, кроме упоминания Праги и «Чешской земли», не содержится (три варианта имени отца героя — Мечислав, Мстислав и Станислав — специфически чешскими признаны быть не могут). «Знание сношений Чехии с Францией», о котором писал И. А. Шляпкин, на деле оказывается совершенным незнанием их. Так, французский король в повести заявляет, что «чешские короли всегда бывают в поддании францужеских королей и аз бы де и злодей был дщери своей и за подданного бы своего не дал». Мы не находим в повести никаких исторически достоверных сведений о Чехии, за исключением упоминания о том, что Чехия входила в состав империи Габсбургов («немецких режий»). Наоборот, королевич Василий Златовласый покидает и возвращается в континентальную Чехию на корабле (в «Брунцвике» отыскание корабля предваряется длительным путешествием).

Что касается языка повести, то бесспорных богемизмов здесь нет. Слово «режи», возводимое Н. К. Гудзием к чешскому «říše» (империя), с тем же успехом можно соотносить с польским «rzesza». Более того, выражение «немецкие режи», как показал А. В. Флоровский, является калькой с польского «rzesza niemiecka» и встречается довольно часто в русской письменности XVI—XVII столетий (ср. в одной из грамот 1653 г.: «за море в немецкие реши или в иные государства»)¹⁹ Также и другие лексические и морфологические особенности текста «Василия Златовласого» могут расцениваться и как богемизмы, и как полонизмы. Сюда относятся: постоянное употребление звательных форм: гостю, королю, госпоже, государыни; «час» в значении «время»: «почто ты такие часы медлила?» и др.

Не пытаюсь решать здесь вопроса о происхождении повести о Василии Златовласом — это тем затруднительнее, что ни в польской, ни в чешской литературе подобный памятник неизвестен, — укажем лишь на некоторые лексические особенности текста, которые можно считать полонизмами. К ним принадлежат «услужование» (польск. *usługowanie*), «держальцы» в предложении «...и чествова подданных своих держальцов в великой чести име» (польск. *dzierzawca* — правитель; у И. И. Срезневского указано в том же значении слово «държавьць — державьць», но из западнорусского источника²⁰), «кroleвич».

Как видим, мы не располагаем сколько-нибудь достаточным материалом, который позволил бы включать повесть о Василии Златовласом в перечень памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII в.

Как известно, единственным достоверным фактом прямого перехода чешского произведения в литературу Московского государства в XVII в. является повесть о королевиче Брунцвике. Еще А. Н. Пыпин, которому принадлежит первый научный разбор повести, предположил, что перевод был сделан непосредственно с чешского оригинала, поскольку следы последнего заметны в русском тексте.²¹ Эти чешские «остатки» привел в предисловии к своему изданию «Брунцвика» М. Петровский,²² затем их дополнил

¹⁹ А. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., стр. 105.

²⁰ Срезневский, Материалы, т. I, стр. 774.

²¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 227.

²² М. Петровский. История о славном короле Брунцвике. — ПДП, XXXI. СПб., 1888.

новыми наблюдениями Йиржи Поливка.²³ В настоящее время вопрос о чешском происхождении «Брунцвика» считается в научной литературе решенным, тем более что в польской письменности подобный памятник не зафиксирован.

Ни русская повесть, ни чешская хроника (для удобства изложения берем этот термин из заглавия «Брунцвика» в чешских рукописях и старопечатных изданиях) уже в течение долгого времени не были предметом специального исследования.²⁴ С момента выхода в свет публикации М. Петровского и статьи Й. Поливки, которые до сих пор остаются единственными серьезными работами по этому вопросу, прошло около семидесяти лет. Нынешние представления о «Брунцвике» основываются на выводах этих двух ученых, хотя даже количество известных сейчас русских списков повести — по сравнению с 12, использованными Й. Поливкой, — возросло в несколько раз. Только по данным библиографических справочников В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, а также А. А. Назаревского их насчитывается 32, а это число, разумеется, не может быть принято как окончательное.

Состояние изучения чешской хроники о Брунцвике тоже нельзя признать благополучным. Сохранилось три списка хроники (XV—XVI вв.), причем два из них в рукописях соседствуют со «Штильфридом». Йозеф Юнгманн упоминал еще о «новой рукописи в Музее (Национальном Музее в Праге, — А. П.)»,²⁵ однако сейчас она, по всей видимости, утеряна. Из этих списков два неоднократно издавались,²⁶ третий не напечатан до сих пор.²⁷ Кроме того, известны и предполагаются многочисленные старопечатные издания второй половины XVI—начала XIX в., общим числом 18,²⁸ из которых четыре не сохранились.

Все три списка чешского «Брунцвика» в совокупности к сравнению с русскими текстами не привлекались — не говорим уже об изданиях, которые вообще в поле зрения исследователей попадали чрезвычайно редко. Между тем изучение как рукописных, так и старопечатных текстов чешской хроники является необходимой предпосылкой для выводов об оригинале русского перевода. Особенности русской повести, как признавали все занимавшиеся «Брунцвиком» ученые, известными чешскими текстами не объясняются. Детальное сравнение чешской хроники и русской повести о Брунцвике провел еще в 1890 г. Франтишек Прусик;²⁹ он признал,

²³ Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. — Rozpravy České Akademie, roč. 1, třída III, čís. 5. Praha, 1892.

²⁴ Недавняя статья Алонза Шмауса, посвященная целиком «Штильфриду», прямого отношения к проблемам усвоения повести о Брунцвике на русской почве не имеет, хотя для изучения чешского оригинала последней несомненно весьма полезна (Alois Schmaus. Zur Entstehungsgeschichte des altčechischen «Stilfrid». — Wiener slavistisches Jahrbuch, 3. Band. Wien, 1953, стр. 28—36).

²⁵ Josef Jungmann. Historie literatury české, 2. vyd. Praha, 1849, III, № 96, стр. 66.

²⁶ См.: Jan L o r i š. Sborník hraběte Baworowského. Praha, 1903, стр. 25—51; Václav Han ka. Stará pověst o Stojmírovi a Bruncvíkovi, knížatech českých. Praha 1827; Karel Jaromír Erben. Výbor z literatury české, d. II. Praha, 1868, Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře, стр. 134—143 (752—761).

²⁷ Рукопись Государственного архива в Брно, сборник Бедка, № 47, лл. 13 об.—19 об. См.: Jan V i l i k o v s k ý. Zapomenutý rukopis Jiřikova vidění. — Listy filologické, 65. Praha, 1938, стр. 348—355; Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu, red. Bohuslav Havránek a Josef Hrabák. Praha, 1957, стр. 599.

²⁸ См.: Josef Jungmann. Historie literatury české, стр. 66; Zdeněk T o b o l k a. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. stol., D. II, č. IV, r. VI, sv. 95—109. Praha, 1948, №№ 4482—4498, стр. 199—201.

²⁹ František P r u s i k. Kronika o Bruncvíkovi. — Krok, IV, Praha, 1890.

что русский «Брунцвик» во многих случаях сохранил более древние чтения, чем известные чешские тексты, и исходя из этого «исправил» чешскую хронику. Однако два обстоятельства не позволяют с абсолютным доверием относиться к реконструкции Ф. Прусика: во-первых, он оперировал с текстом, изданным М. Петровским по списку XVIII в., сильно испорченному; к тому же издатель местами «подновил» текст; во-вторых, — и это наиболее существенно — исправления Ф. Прусика не могут быть признаны обоснованными методологически, поскольку он проявил излишнюю «привязанность» к русскому тексту. Так, фразу «bĕda mnĕ toho došĕkaŕšĭ», которой в издании М. Петровского соответствует русская фраза «Ах, беда мне великая бысть, до сего дня доживши», Ф. Прусик также счел нужным изменить: «Вероятно, в чешском оригинале тоже было bĕda mnĕ toho (dne) došĕkaŕšĭ! — здесь Неомения говорит о дне, когда Брунцвик хочет ее покинуть» (?). Подобных случаев в реконструкции Ф. Прусика очень много.

Г. Прохазкова в упомянутой выше книге «По следам давней дружбы» снова вернулась к вопросу о «распространениях» и «сокращениях» в русском переводе,³⁰ целиком основываясь, впрочем, на работе И. Поливки. Ввиду указанных причин мы не можем согласиться с ее (или И. Поливки) наблюдениями.

Высказывавшиеся в научной литературе надежды на известное только по заглавию оломоуцкое издание «Брунцвика» 1565 г. как на возможный источник русского перевода,³¹ по нашему мнению, довольно шатки: ведь это издание содержало и хронику о Штильфриде, в русской же литературе никаких следов знакомства со «Штильфридом» нет. Более того, поскольку можно говорить об определенной традиции старопечатных изданий (все они содержат обе хроники и к тому же восходят к рукописи, родственной рукописи Пражской университетской библиотеки XI.В.4, в которой также помещены и «Штильфрид», и «Брунцвик»), предположение о рукописи как оригинале перевода кажется более предпочтительным.

Все это, повторяем, диктует необходимость исследовать все чешские и русские тексты повести о Брунцвике, после чего станет возможным сравнительное изучение чешской и русской версий.

*

Проникновение в древнерусскую письменность хроник, излагающих события чешской истории, начинается еще в XVI в., когда в западнорусский Хронограф включается обширный раздел о Чехии («О Чесском кролестве кроника»). Эта глава Хронографа исследуется Г. Прохазковой в специальной статье,³² которая потом вошла и в ее книгу «По следам давней дружбы». Г. Прохазкова подошла к чешской части западнорусского Хронографа с чисто исторической точки зрения, попытавшись выяснить идеологические основы труда русского хрониста. Справедливо отмечая, что «О Чесском кролестве кроника» — произведение переводное («почти дословный перевод» соответствующей главы «Хроники всего света» Мартина Бельского), она, однако, перейдя к оценке взглядов, метода и манеры русского автора, совершенно забывает об источнике перевода. В резуль-

³⁰ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství, стр. 103 и сл.

³¹ Эти надежды как будто разделяет и А. В. Флоровский (А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 242).

³² Helena Procházková. České dějiny v ruském letopise — Casopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR, № 2. Praha, 1956, стр. 300—310.

тате получается, что русский переводчик был «феноменальным выдумщиком», что он «использовал образ чешской княжны Либуши в интересах ... более удобной ... эксплуатации народных масс»; что он, в том же рассказе о Либуше, видел «противоречия внутри господствующего класса». Далее читаем, что «хронист умышленно ... фантастически окрасил причину ... смерти» короля Вацлава III, что воцарение Пршемысла — символ победы Ивана Грозного над непокорным боярством. В конце концов Г. Прохазкова называет «Хронику о Чешском королевстве» «сладким ядом, впрыскиваемым в жилы читателя» (!).

Несомненно, что с таких позиций подходить к произведению переводному — пусть оно и было своим идейным наполнением близким русскому литератору — никак нельзя.

Другая ошибка Г. Прохазковой заключается, по нашему мнению, в том, что она не обратила достаточного внимания на специфически литературные принципы изложения и отбора материала, которыми руководствовался составитель Хронографа («Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев³³). Обращение составителя западно-русского Хронографа к европейской, и в частности чешской, истории обуславливалось в первую очередь усилением русско-европейских сношений, активизацией внешней политики Московского государства и т. п. Однако не следует забывать и о литературных достоинствах «Хроники о Чешском королевстве» (она была составлена Мартином Бельским на основе известной «Хроники» Вацлава Гайка), которая в древнейшей части представляет собой цепь законченных новелл с занимательным сюжетом. Таковы — хотя в тексте они друг от друга не отделяются — рассказы о праотце Чехе, Крое, Либуше и ее пророчествах, легендарном вокняжении Пршемысла, девичьей войне и т. п. Следует учитывать, что русский переводчик, по-видимому, знал о вассальном, зависимом отношении Чехии к Священной Римской империи и все-таки включил в западнорусский Хронограф большую главу о Чехии, хотя это, пожалуй, и нарушало соразмерность частей всего сочинения в целом.

С гораздо большими основаниями можно говорить о литературных интересах русских переводчиков применительно к другим сочинениям XVII в., которые содержат тот же примерно материал, что и чешская часть Хронографа западнорусской редакции. Из них в первую очередь нужно назвать «Историю вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», известную по двум спискам, и 6-ю главу 76-главной Космографии.

До последнего времени считалось, что оба эти произведения являются переработкой соответствующего раздела той же «Хроники всего света» Мартина Бельского (И. Й. Первольф,³⁴ Й. Поливка,³⁵ А. Ф. Флоровский³⁶) или во всяком случае компилятивным извлечением из каких-то польских источников (А. Брюкнер,³⁷ М. Мурко,³⁸ А. И. Соболевский³⁹).

³³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1947, стр. 335.

³⁴ И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 425—426, 456.

³⁵ Jiří Polívka. Česká kronika v ruské literatuře starší. — Časopis Českého Musea, R. LXV. Praha, 1891, стр. 303, 305.

³⁶ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 79—82.

³⁷ Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, 1906, стр. 82.

³⁸ М. Мурко. Eine «Geschichte» von Böhmen in russischer Sprache. — Archiv für slavische Philologie, XIV. Berlin, 1892, стр. 158.

³⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 94—95.

так как перечисление чешских государей в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии продолжено до 1611 г., а у Мартина Бельского оно кончается 1533 г. Это давало возможность делать далеко идущие выводы об интересе к Чехии, не затухающем на Руси и в XVII в., о начитанности и знании источников по чешской истории в русской среде и т. д. Однако оказалось,⁴⁰ что и «История о Богеме», и чешская часть 76-главной Космографии — всего лишь переводы (правда, друг от друга не зависимые) из «Истории Европейской Сарматии» Александра Гваньини, в которой изложение доводится как раз до 1611 г.

Глава о Чехии в книге Александра Гваньини представляет собой извлечение из «Хроники» М. Бельского, значительно сокращенное и, с другой стороны, дополненное перечнем чешских королей, заканчивающимся 1611 г. Поскольку «История о Богеме» и 6-я глава Космографии — достаточно точный перевод из книги А. Гваньини, а чешская часть западнорусского Хронографа почти буквально передает текст М. Бельского, то только сопоставление обеих книг помогает понять, чем — по сравнению с М. Бельским — привлекало изложение А. Гваньини и почему понадобились новые переводы (напомним, что составитель 76-главной Космографии, по-видимому, знал «О Чесском кролевстве кронику» либо какой-то другой русский перевод Мартина Бельского).

В «Истории о Богеме» и Космографии выпущены (сравнительно с «Хроникой всего света») эпизоды об основании Лехом польских городов, о заложении Йиглавы, княжении Вршовца, о войне с немцами и распре между Кршесомыслом и Вратиславом, о чуме в Чехии, о Яне Гусе и Иерониме Пражском, упоминание о гуситском движении, не названы многие чешские князья и короли. Подавляющее большинство этих статей не носит легендарно-беллетристического характера. Если в Хронографе западнорусской редакции (или в «Хронике» М. Бельского, что в данном случае безразлично) легендарные события чешской истории вполне уравниваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии акцент сделан именно на легендарных рассказах. Легенда о девичьей войне занимает ровно треть этих произведений. Рассказ, где повествуется о Либуше, равен восьмой части «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии. Если присовокупить сюда новеллы о вокняжении Пршемысла, о приходе Чеха, об Иване Карвацком, о Кроке и судах его, о крещении Боривоя, о Горимире, то окажется, что на самостоятельные рассказы приходится около четырех пятых общего объема разбираемых памятников.

Итак, мы видим, что удельный вес исторического материала в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии ничтожен и абсолютно, и по сравнению с чешской частью западнорусского Хронографа. Основу произведений составляют законченные беллетризованные легенды, говорить о художественной ценности которых нет особой нужды, так как они широко известны в превосходной обработке Алоиза Йираска. Учитывая вышеизложенное, «Историю о Богеме» и 6-ю главу Космографии можно назвать сборниками новелл, лишь в незначительной степени дополненных историческим материалом. Несомненно, именно легендарные рассказы привлекли переводчика «Истории о Богеме» и составителя 76-главной Космографии.

В изучении чешско-русских литературных взаимоотношений рядом с «Историей о Богеме» и Космографией следует поставить, по-видимому,

⁴⁰ См.: А. М. Панченко и В. П. Степанов. «История вкратце о Богеме, ежесть о земле Чешьской» и ее источник. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 304—313.

известную легенду об Иване «Карвацком». Эта легенда, рассказывающая о встрече князя Борживоя с пустынноиком Иваном, читается в составе переведенных с польского компиляций по чешской истории — в западнорусском Хронографе, так называемом «первом великорусском» переводе «Хроники всего света», в «Истории о Бохеме», 76-главной Космографии и др. Соответственно находим ее у М. Бельского, А. Гваньини и М. Стрыйковского — для последних основным источником был Вацлав Гайек.

Имеется, кроме того, три самостоятельных списка легенды, находящихся в русских рукописях XVII в.⁴¹ После опубликования одного из них А. Х. Востоковым русская легенда была провозглашена некоторыми исследователями старославянским памятником чешского извода, занесенным на Русь в одно примерно время с Житием святого Вацлава. Эту точку зрения защищали И. Коларж,⁴² И. В. Шимак,⁴³ И. Вашица⁴⁴ и другие ученые. И. Йиречек,⁴⁵ В. Флайшганс,⁴⁶ А. В. Флоровский,⁴⁷ Ф. М. Бартош⁴⁸ и др., напротив, полагают, что здесь мы имеем дело с переводом XVI или XVII столетия, который восходит к тем же источникам, что и рассказ о пустынноике Иване в составе русских переводных хроник.

И действительно, при сравнении легенды, представленной самостоятельными текстами, с соответствующими пассажами у М. Бельского и А. Гваньини (в «Истории о Бохеме», 76-главной Космографии, чешской части западнорусского Хронографа и пр.) сразу бросается в глаза чрезвычайная сходство всех этих версий. М. Бельский, перерабатывая В. Гайка, очистил рассказ от различных «чуждых» напластований, обнажив самое его ядро — местное, по-видимому, предание о встрече князя с отшельником. (Борживой на охоте преследует раненую лань. Она умирает на его глазах, причем вместо крови из нее «истекает» молоко. Появляется пустынноик, которого эта лань питала 42 года. Князь зовет его в замок. Отшельник отправляется туда и, причастившись, умирает. После его смерти отыскивается рукопись, из которой узнают, что пустынноик Иван был сыном короля хорватского. На его могиле происходят чудеса). Тот же в общем рассказ содержит и самостоятельная русская легенда.

Специфическими в ней являющиеся следующие детали: 1) «люди Боровоевы» молоко умирающей лани «пили довольно»; 2) эпизод о встрече с пустынноиком спланирован несколько иначе и выглядит более стройно: на свой вопрос князь получает от Ивана общий ответ; у А. Гваньини и М. Бельского на два вопроса Борживоя следует соответственно два ответа пустынноика; 3) князь зовет Ивана с собой — «да вкусит пищу»; та же просьба в остальных текстах не мотивирована; 4) Борживой посылает «попа и кони»;

⁴¹ См.: А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 778; M. M u r k o. Ein Beitrag zur Kenntniss böhmischen Heiliger bei den Russen. — Archiv für slavische Philologie, XIV. Berlin, 1892, стр. 159; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 95.

⁴² Fontes Rerum Bohemicarum, d. I. Praha, 1873, стр. XI, 111.

⁴³ J. V. Š i m á k. Prameny a pomůcky Hájkovy. — В кн.: Sborník prací ... K šedesátým narozeninám ... prof. dra Jaroslava Golla. Praha, 1906, стр. 195—213.

⁴⁴ Josef Vašička. 1) Legenda svatoivanská. — Řad, II, 5. Praha, 1935; 2) Raný kult českých světců v cizině. — Co daly naše země Evropě a lidstvu, II vyd. Praha, 1940, стр. 24; 3) České literární baroko. Píseňky k jeho studiu Praha, 1938, стр. 81 и сл.

⁴⁵ Josef Jirěček. Staroslovanské životy sv. Ludmily a sv. Ivana. — Casopis Českého Musea. Praha, 1862, стр. 318—322.

⁴⁶ Český časopis historický. R. XLI, seš. 2. Praha, 1935, стр. 395—399.

⁴⁷ А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 87—90; 2) Чешские строи в истории русского литературного развития, стр. 231.

⁴⁸ F. M. Bartoš. Barokní světec Ivan. — Kalich, 17, 1938, стр. 140—145.

у М. Бельского и А. Гваньини пустынный ранее отказывается от коня; 5) Иван перед смертью «приемл хартию и чернила, и написа им, поведая себя сына короля карвацкого»; в остальных случаях рукопись находят после его кончины.

В легенде отсутствуют также некоторые частности, которые читаются у М. Бельского или А. Гваньини: не говорится о том, что Ивана встретил Борживой с женою, нет имени Гестимулус. Указанные отличия и некий «языковой архаизм» и послужили основанием для зачисления легенды в разряд старославянских памятников.

Мы решительно присоединяемся к мнению скептиков — ведь само удивительное сходство содержания у М. Бельского и А. Гваньини с самостоятельными списками легенды служит лучшим доказательством их родства (напомним, что текст М. Бельского составлен в XVI столетии). С другой стороны, известные латинские и чешские версии очень сильно отличаются от русского рассказа. Если прибавить к тому же, что древность возникновения легенды о пустынноике Иване вообще весьма сомнительна (еще Йозеф Добровский скептически высказывался по этому вопросу), то станет ясным, что нет никаких решительно серьезных аргументов, которые позволяли бы считать русские тексты XVII в. поздними списками старославянского памятника чешского извода.

Следует подчеркнуть, что и утверждения о языковом архаизме легенды нельзя признать обоснованными. В тексте ее нет специфически древних фонетических, морфологических, лексических или синтаксических особенностей. «Карвацкий», возводимый И. Вашицей к «Корвейской» — названию саксонского монастыря, откуда Иван будто бы пришел в Чехию, есть не что иное, как буквальная передача польского слова (ср. «Историю о Бохеме»).

Таким образом, если считать русскую легенду переводом XVI или XVII в., то следовало бы, по нашему мнению, продолжать поиски ее непосредственного оригинала. Однако в данном случае можно допустить и такое предположение: небольшие изменения в тексте легенды об Иване Карвацком (если ее источником был М. Бельский или А. Гваньини) появились в результате переписки или же незначительной обработки, произведенной переводчиком. В пользу этого предположения говорят, например, отличия в рассказах об Иване Карвацком в «Истории о Бохеме» и 76-главной Космографии — относительно происхождения и взаимосвязи этих текстов не может быть ни малейших сомнений. В Космографии указывается, что «елень . . . приведе (Борживоя, — А. П.) под едину высокую каменную гору, с которой вода течаше, и оною водою нача псы парить аки варом, сиречь кипячею водою». В «Истории о Бохеме», которая является переводом из того же А. Гваньини, этой детали нет. Возможно, что здесь составитель Космографии использовал текст «Хроники о Чешском королевстве» М. Бельского либо в польском звучании, либо в каком-либо русском переводе.

Соотнося легенду об Иване Карвацком с западнорусским Хронографом, «Историей о Бохеме», 76-главной Космографией, убеждаемся, что в данном случае мы имеем дело с выделением, самостоятельным бытованием одной из новелл, представленных в названных памятниках. Аналогичное явление — отдельное существование рассказа о девичьей войне, который в научной литературе, как нам известно, не зафиксирован и исследование которого еще предстоит.

*

В предлагаемом обзоре изучения чешско-русских литературных отношений XVII столетия мы не стремились исчерпать всю литературу предмета.

В стороне остались работы по вопросам, прямо к нашей теме не относящимся, в которых тем не менее есть отдельные высказывания по проблемам чешско-русских связей.

Цель настоящей статьи — выделить и подчеркнуть главнейшие моменты в литературном усвоении и, кроме того, охарактеризовать состояние изучения этой важной темы, которая, к сожалению, не заняла еще должного места в исследованиях по древнерусской литературе. Дальнейшая работа, по нашему мнению, должна вестись в двух направлениях: нужно, во-первых, продолжать поиски нового материала и, во-вторых, заполнить пробелы в разработке вопросов, давно уже поставленных в научной литературе.

Е. И. БОБРОВА

Вопросы текстологии в современной итальянской науке

Giorgio Pasquali. *Storia della tradizione e critica del testo. Seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici. Firenze, Le Monnier, 1952, 525 стр.*

Одной из основных проблем современного советского литературоведения является проблема публикации литературных и исторических памятников прошлого, в частности памятников древнерусской литературы. В связи с этим возникает ряд вопросов, решение которых требует теоретического обоснования и твердо установленного метода. Кардинальный вопрос, без которого никакая публикация никакого литературного или исторического произведения невозможна, — это вопрос подготовки текста и выбор той его редакции, которая наиболее точно воспроизводит первоначальный текст памятника. Но подход к выбору такой редакции может быть разный. Именно различие во взглядах на методы подготовки к изданию древних текстов и вызвало в течение последних лет обсуждение этих методов в советской печати.¹ Поэтому мы считаем своевременным и полезным познакомить советских читателей с одной из наиболее солидных и серьезных современных книг по теории критики текста, вышедших за рубежом, принадлежащей перу крупного специалиста по классической филологии, профессора Джорджо Паскуали, многие годы занимавшегося преподаванием и воспитавшего целое поколение молодых исследователей древности.

Второе издание труда Паскуали, выпущенное в 1952 г. во Флоренции издательством Ле Монье, хотя и является стереотипной перепечаткой первого издания 1934 г., но снабжено новым предисловием автора и тремя прибавлениями, помещенными в конце книги. В этом новом предисловии (стр. IX—XXIV) Паскуали излагает историю написания своей книги, возникшей из рецензии, напечатанной Паскуали в № 5 журнала «Спомон» в 1929 г., на книгу Пауля Мааса «Критика текста»,² и высказывает параллельно несколько основных, принципиальных положений, на которых мы позволим себе остановиться.

Уже в рецензии 1929 г. Паскуали посвятил книге П. Мааса лишь 11 страниц, а затем перешел к обсуждению вопроса о том, насколько кри-

¹ Имеем в виду главным образом статью А. А. Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.» (ИА. М., 1956, № 6, стр. 133—143) и статьи Д. С. Лихачева: 1) «По поводу статьи В. А. Черныха о развитии методов передачи текста исторических источников» (ИА. М., 1956, № 1, стр. 188—193); 2) «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (ИА. М., 1957, № 6, стр. 154—166 критика А. А. Зимина); 3) «Об исторической и формальной классификациях списков древнеславянских памятников» (Славянская филология. Сборник статей. М., 1958, стр. 264—274).

² Paul Maas. *Textkritik* Leipzig u. Berlin, Teubner, 1927.

тика текста как у Мааса, так и в концепции других современных ученых отличается от классической критики текста Карла Лахманна, ярким примером которой являются первые страницы его комментария к Лукрецию. Желая опровергнуть метод Лахманна, Паскуали уже тогда старался на примерах доказать, что нельзя реконструировать текст литературного произведения, дошедший до нас от древности, путем сопоставления и оценки свидетельств традиции, если не знать превратностей, которые последовательно претерпевало это произведение до его выхода в свет в течение веков вплоть до сохранившихся свидетельств. В специальном вопросе о «вариантах автора» Паскуали уже тогда перешел границы классической древности и приводил примеры из авторов значительно более новых, для которых такие варианты точно документированы и доказаны. Поскольку рецензия Паскуали заинтересовала широкие круги филологов, считавших полезным распространить ее для пользования молодых ученых и студентов, автор приступил к переработке рецензии в книгу. В результате от первоначальной рецензии почти ничего не осталось, так как, в связи с вновь появившимися работами, Паскуали почти все переделал заново, включив в новую книгу органически, в надлежащем месте, свои статьи, которые в свое время были помещены в журналах.

При изложении Паскуали старался избегать нормативного тона, так как считает, что начинающие предпочитают не узкое руководство, а постановку и разрешение проблем путем обсуждения доводов за и против. Но пусть не предполагают, что в книге Паскуали можно найти общий рецепт для критического издания, каковой, по мнению Паскуали, вообще не существует, поскольку традиция не является механической. Автор старается собрать как можно больше примеров инструктивных письменных традиций, распределив их, по мере возможности, по типам. Такое распределение будет чисто эмпирическим, как эмпирична и условна классификация и в биологии, но таким путем экономится труд.

Главная цель книги Паскуали — убедить читателя, что для реконструкции первичного текста античного автора по имеющимся в распоряжении ученого рукописям необходимо с самого начала рассмотреть их и иметь о них суждение и эта способность суждения не может быть заменена никаким механическим правилом. Работа по подготовке критического издания — работа не механическая, а методическая. Необходимо уметь понимать и интерпретировать авторов, хорошо знать древние языки вообще, язык и стиль каждого автора в частности.

Паскуали приводит примеры из разных эпох, чтобы показать, что метод, применяемый в классической филологии, может быть также применен и для средних веков и для Возрождения, поскольку книга эта найдет отклик среди медиевистов, романистов, германистов и историков, быть может, даже больше, чем среди филологов-классиков. Автор предназначает свою книгу для последовательного чтения, но тот, кому она покажется слишком объемистой, может удовлетвориться двенадцатью параграфами основных положений, названных автором «заповедями». Эти основные положения мы считаем необходимым воспроизвести целиком.³

1) Средневековая традиция греческих и латинских текстов не всегда восходит к одному архетипу, средневековому или относящемуся к самому позднему периоду античной эпохи, единственному экземпляру, уже обезображенному ошибками и пропусками. В редких

³ Частично «заповеди» Паскуали процитированы в нашем же переводе в названной выше статье Д. С. Лихачева «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (стр. 165).

случаях бывает, что рукописи восходят прямым путем к оригиналу автора, чаще же они непосредственно или косвенно продолжают путь разных изданий античных текстов.⁴ Полагают в общем, что ученые-византийцы IX в. очень редко брали на себя труд переписать древнюю рукопись, майюскул, т. е. капитальное письмо, или, чаще, унциал, внести в нее разделение слов, каждое слово снабдить ударением, а те, которые начинаются с гласной, — придыханием. Такое предположение не имеет значения для латинской традиции, где отсутствуют ударения и придыхания. Даже в греческой традиции оно иногда опровергается фактами. И ничто не мешает вообще предположить, что копии, снятые со средневекового архетипа, сличались (большею частью лишь непоследовательно) с другими древними кодексами, которые не были ни уничтожены сразу, ни исчезли под волшебным воздействием этого единственного, написанного минускулом, архетипа.

2) Византийская эпоха на Востоке, а каролингская и Возрождение на Западе обладали значительно большим, чем это можно предположить, количеством все еще сохранявшихся рукописей классиков. Даже еще во время французского и фламандского чинквеченто и сеиченто⁵ губили, теряли и уничтожали ценнейшие кодексы. Тот, кто примет это во внимание, принужден будет предположить, что случаи, когда все рукописи восходят к одному сохранившемуся архетипу, менее часты, чем это можно думать, и потребует более верных, чем обычно, доказательств для элиминации списков (*eliminatio codicum descriptorum*). В первой половине 19-го века зависимость рукописи более новой от более древней, подобной же традиции, слишком часто скорее предполагалась, чем доказывалась. Совпадение в обычных ошибках и в «вульгаризации» не доказывает родства. В общем, не доказывает родства и совпадение разных свидетельских показаний при подлинном чтении, так как подлинное чтение может сохраниться самостоятельно в разных разветвлениях традиции. Подобным же образом глоттология пользуется теперь для классификации языков, происходящих от одного и того же корня, совпадениями только в новообразованиях.

Но согласимся установить различие между кодексами греческими и кодексами латинскими: греческое сочинение, распространенное на Востоке, попадало на Запад часто в одном-единственном экземпляре. Монастырские же, богатые кодексами, библиотеки здесь на Западе редко бывали потеряны, без того чтобы не осталось следа. Многие тексты во время латинского средневековья были распространены в сотнях экземпляров, так как служили учебным целям. Есть полное основание полагать, что традиция латинских авторов вообще была менее ограничена, чем традиция авторов греческих.

3) По тем же соображениям в традиции латинских авторов всегда априори правдоподобно, что поздние свидетельские показания целиком или частично зависят от источников, отличающихся от того, от которого идут свидетельские показания более древние. Более новый (*recentior*) экземпляр не есть поэтому более плохой (*deterior*). Авторитетность свидетельского показания не зависит от его древности.

4) То, что говорится здесь о более новых рукописях, в такой же степени имеет значение и для гуманистических сличений рукописей и

⁴ Как в этом случае, так и дальше Паскуали пользуется современным нам словом «издание» (*edizione*) для обозначения публикаций древности, т. е. выпуска рукописи в свет для общего пользования.

⁵ Т. е. XVI и XVII вв.

для печатных изданий, для которых ныне потерянные кодексы также лишь просматривались. Исключение состоит в том, что специально этот последний вид свидетельств требует особой методической осторожности и критического таланта, свойственных лишь очень немногим среди филологов.

5) Произвольные изменения и даже сознательные фальсификации еще недостаточны, чтобы скомпрометировать более новую рукопись, гуманистическую сверку, печатное издание, источники которого не все сохранились. Те, кто, как Лахманн, отказывается пользоваться кодексами с интерполяцией, рискует потерять и непосредственную традицию. Для такой задачи также необходимы особая осторожность и очень редкие природные качества.

6) Считать, что традиция древних авторов всегда механична, — предрассудок. Она механична лишь там, где переписчик мирится с тем, что он не понимает текста. Многие эпохи и многие области не соглашались оставить текст таким, каким они его получили, а делали его более ясным, приспособленным к своему вкусу, прикрашенным. Из этой истины должен извлечь пользу не только критический разбор (*recensio*), а и исправление текста (*l'emendatio*): более легкая в палеографическом отношении догадка почти никогда не бывает более вероятной, если она имеет дело с текстами, переданными не механически. Что касается критического разбора, то лишь в относительно редких случаях механической традиции возможно, если наши кодексы восходят к архетипу, применить критерии элиминации списков, сами по себе механические, сформулированные Лахманном, — там же, где изучение не ограничено, применимы только критерии внутреннего порядка.

7) Считать, что передача текстов происходит исключительно по «вертикали», — предрассудок; часто, и в текстах, много читаемых, и в текстах учебных в собственном смысле слова можно было бы сказать всегда, она идет «поперек» или «горизонтально», т. е. разночтения, будь они хорошие или плохие, также и ошибки, которые нам казались бы очевидными, при сличении часто проникают в рукописи. Только лакуны, по крайней мере как правило, передаются непосредственно.

8) Подобно тому как это уже установлено в лингвистике, что наиболее древние стадии сохраняются дольше в периферийных зонах, и потому совпадение двух удаленных одна от другой периферийных зон в какой-нибудь фонеме, форме, термине, конструкции является гарантией их древности, точно так же и совпадение вариантов текста в кодексах, написанных в зонах, удаленных от культурных центров и далеких друг от друга, укрепляет предположение о непосредственности этих вариантов текста. Часто как в древности, так и в средние века из текстов, которые много читались, создавалась «вульгата», которая, как это бывает с модой, продвигалась от центра к периферии, но не всегда до нее доходила. Этот «географический метод», к сожалению, редко может быть применен к греческой традиции, потому что мы еще не научились распознавать провинциальное письмо. На Западе этот метод парализован живой связью, существующей между монастырями разных провинций, но принадлежащих к одному ордену. Здесь «географический метод» заменяется «географическим критерием», который пытается выяснить сложное развитие таких связей между монастырями. Применение этого метода будет тем легче и тем безошибочнее, чем далее вперед будет идти история

церковной культуры (т. е. вообще культуры) позднего средневековья.

9) Разночтения, даже ошибочные, могут быть значительно более древними, чем содержащие их рукописи, даже если можно доказать, что эти последние все восходят к одному, пусть даже средневековому, архетипу. Средневековые архетипы могут содержать чередующиеся разночтения, как это бывает с папирусами, и в таком случае должны рассматриваться как сосуды с собранием таких разночтений. Разночтения могут, как мы видели, также проникнуть в отдельные копии с архетипа при сличении их с не зависящими от него рукописями. Все же более обычным является уже рассмотренный случай, когда родственные группы средневековых рукописей больше следуют изданиям античных текстов (или портят их).

10) Папирусы для греческой традиции, античные ссылки для латинской показывают, что уже в древности в отношении много читаемых авторов каждый экземпляр представлял своего рода отдельную публикацию, т. е. сочетание каждый раз по-другому расположенных предшествующих разночтений, подлинных и ошибочных. Уже в древности начался процесс порчи, уравнивания между различными традициями, процесс, который иногда приводит к созданию какой-нибудь «вульгаты». Эти обстоятельства объясняют, почему папирусы, которые в одном случае восстанавливают подлинное, затемненное в средневековых традициях прочтение, потом совпадают с его ветвями и ответвлениями в отдельных искажениях.

11) Но если для греческой традиции эти примеры архетипов, принадлежащих еще древности, не являются несомненными, то для латинской традиции, как кажется, такие архетипы отрицать нельзя. Они будут принадлежать годам, которые непосредственно следуют за периодом одновременно и наиболее бурным и наиболее жалким императорской эпохи, именно между падением Северов и основанием деспотии, 235—284.

12) Изучение древних свидетельств и немногих папирусных автографов, анализ исторических сочинений (или содержащих исторические данные), сохранившихся в разной форме в различных рукописях, аналогия средневековых текстов, для которых у нас имеется традиция, современная их авторам, особенно тексты Петрарки и Боккаччо, делают законной гипотезу, что разночтения, самые яркие по своей природе (очень интересную группу составляют разночтения собственных имен, подлинных или фиктивных), в античных сочинениях также могут быть возведены к самим авторам. Эта гипотеза в некоторых случаях может быть доказана неукоснительно.

Таковы двенадцать «заповедей», в которых Паскуали кратко изложил свои взгляды на критическое изучение текстов древних авторов. Нетрудно заметить, что в основном он стремится доказать порочность метода Лахманна, противопоставляя ему необходимость изучения всех сохранившихся разночтений и категорически отрицая возведение рукописи к одному единственному архетипу. Особенно важным, как он подчеркивает дальше в предисловии, Паскуали считает возможность существования разночтений, принадлежащих самому автору, т. е. наличие разных вариантов авторских рукописей, что в отношении древних авторов почему-то часто не считали нужным принимать во внимание. По-видимому, давно уже устаревший метод Лахманна все же находил себе приверженцев среди исследователей зарубежных стран в первой половине нашего века, поскольку в книге,

предназначенной для начинающих ученых, такой крупный специалист, как Паскуали, уделил опровержению этого метода очень много места и посвятил этому следующую за предисловием первую главу своего труда (стр. 3—12) под заглавием «Метод Лахманна» («Il metodo del Lachmann»).

*

Карл Лахманн (1794—1851), известный текстолог, специалист по древнеримской литературе, будучи профессором в Геттингенском университете, опубликовал в 1816 г. (под датой Геттинген, 1815) критическое издание Проперция, в 1842 г. — Нового завета на греческом и латинском языках, а в 1850 г. — Лукреция. В предисловиях к этим изданиям, а также и на своих лекциях Лахманн изложил те принципы, которыми он руководствовался, осуществляя критические издания текстов. Сущность доктрины Лахманна сводилась к тому, что традиция текста любого из древних авторов всегда восходит к одному, первому, основному тексту, который он называл архетипом. Лахманн не вел никакой полемики, но тем не менее своим методом опровергал существовавшую в его время практику издания древних авторов, при которой часто случалось, что текст исправлялся на основании новейших копий со старых кодексов, причем как эти кодексы, так и копии могли подвергнуться интерполяции, т. е. произвольным исправлениям и вставкам. В этом основная ошибка Лахманна, так как никогда нельзя быть уверенным, что неизвестный кодекс, даже самый новый, не является копией рукописи, текст которой был бы самым подлинным из всех известных текстов этого автора.

Метод Лахманна привел к двум ограничениям в исследовании текста. Во-первых, он с самого начала отказался, а потом проявил это на практике, от изучения всей рукописной традиции текста, который подготавливал к изданию (Проперция, например, он издавал только по двум кодексам — геттингенскому и вольфенбюттельскому). Во-вторых, он не обращал внимания на то, чему современные филологи придают особое значение, — на элиминацию списков (*l'eliminatio codicum descriptorum*), т. е. отбор и отстранение при исследовании текста тех сохранившихся копий, которые явно не могут быть использованы при издании данного текста.

Далее, Паскуали довольно подробно останавливается на рассмотрении предисловий Лахманна к предпринятым им изданиям, подчеркивая, что в предисловии к изданию Нового завета он даже предвосхищает некоторые выводы позднейших критиков, в частности утверждая, что победившие нововведения распространяются большей частью радиусом от центра к периферии, но не всегда ее достигают, так что, если какое-нибудь разночтение засвидетельствовано в двух периферийных в отношении центра пунктах, весьма вероятно, что оно является первичным, еще не переделанным текстом.

Таким образом, стоя принципиально на другой точке зрения в отношении метода критической работы над текстом рукописей, Паскуали все же признает за Лахманном заслугу серьезных текстологических исследований, иногда даже опережающих его эпоху.

*

Вторая глава книги Паскуали (стр. 15—21) под заглавием «Всегда ли существовал архетип?» («*Si fu sempre un archetipo?*») тоже направлена против Лахманна, метод которого, как уже указывалось ранее, основан на

уверенности, что традиция каждого автора всегда и во всех случаях восходит к одному единственному, уже испорченному ошибками и лакунами экземпляру, который он называл архетипом. Паскуали не отрицает, что такие случаи возможны, но не считает, что так случается всегда. Он пишет: «Что большею частью бывает именно так, никто не сомневается, как показывают очевидные ошибки в тексте, можно сказать, у каждого древнего автора, общие всей традиции; и если бы не было так, не возникла бы критика для их исправления, потому что, разбираясь, т. е. сопоставляя разночтения, можно добраться до оригинала». Но затем он подчеркивает: «Кто хорошенько поразмыслит, тому должно казаться невероятным, что каждый раз от каждого сочинения, все еще сохранившегося, в средние века (на Западе и в Византии) был спасен один экземпляр, а остальные погибли вместе с падением античной цивилизации».

Паскуали не дает никакого своего определения для архетипа, а только то, которое дается Лахманном, т. е. что это единственная копия с подлинника, к которой Лахманн возводит все остальные, более поздние копии. Паскуали только оспаривает такое возведение обязательно к архетипу, а не к оригиналу. Он говорит, что Маас (Paul Maas. Textkritik) идет слишком далеко, когда утверждает, что не существует хоть сколько-нибудь значительного классического текста, копии с которого восходили бы к оригиналу непосредственно, а не через архетип, тогда как Паскуали считает доказанным обратное, т. е. что многие тексты восходят прямым путем (gesta via) к оригиналу автора, а не через единственную, испорченную ошибками копию.

Паскуали называет незаконным утверждение Лахманна, когда тот регулярно признает существование архетипа, если в независимых друг от друга рукописях есть общие, порочащие их места. Законным это утверждение будет лишь в том случае, если ограничиться сопоставлением ошибок, не идущих навстречу друг другу. «Очевидно, — пишет Паскуали, — что даже если все рукописи имеют совпадающие ошибки, как это большею частью и бывает, предположение существования архетипа не принесет здесь никакой пользы. Античные издания, которые мы реконструируем соотносятся между собою не так, как соотносились механически копируемые средневековые кодексы. Издатели имели в своем распоряжении запас разночтений, из которых они выбирали. Они часто могли, независимо друг от друга, выбрать одно и то же ошибочное разночтение, могли по невежеству способствовать образованию «по совпадению вульгаты».

Паскуали специально останавливается на характере ошибок, которые обычно случаются при переписке. «Уже почти все признают, — пишет он, — что ряд слов может выпасть, будучи пропущенным в двух рукописях, что полная смысла фраза может быть добровольно опущена двумя переписчиками, без того чтобы каждый раз предполагать здесь происхождение общей лакуны. Но могут случиться также и другие ошибки, как говорится, независимо, случайно в разных кодексах. Признано, что особенности орфографии ничего не доказывают, но некоторые ошибки, как например замена одного слова другим, более известным, немногим отличаются от ошибок орфографических». Паскуали добавляет, что орфография зависит почти столько же от времени копии, сколько и от времени оригиналов, с которых снимаются копии: она не принадлежит к традиции, за исключением того случая, когда идет вразрез с навыками школ переписчиков, и поэтому устаревает.

На протяжении всей главы Паскуали подтверждает свои выводы ссылками на западноевропейские исследования последних десятилетий и примерами из истории издания древних текстов.

*

Третью главу (стр. 25—40), озаглавленную «Элиминация списков» («*Eliminatio codicum descriptorum*»), Паскуали начинает с рассмотрения вопроса в историческом разрезе, и опять с имени Лахманна, которому, при его подходе к изданию рукописей, почти не приходилось иметь дело с отбором и отстранением от исследования того или иного кодекса. Но уже следующее поколение исследователей чисто логическим путем пришло к выводу, что метод Лахманна неверен, так как вполне возможно, что более новые рукописи копировались с утерянных экземпляров более древних и более достойных доверия, чем сохранившиеся экземпляры.

Непосредственно идущее за Лахманном поколение принуждено было поставить перед собой ту же задачу, которая стоит и перед нами: чтобы дать издание действительно критическое, надлежит систематически обследовать библиотеки и определить ценность каждой классической рукописи. Но эта задача не решена еще и сейчас, а тогда она была просто неразрешима. Поколение, идущее за Лахманном, признало, что большею частью было необходимо, до того как рукопись элиминировать, доказать, что она скопирована с сохранившейся более древней, но считало, что в традициях, где наряду с небольшим количеством древних кодексов существует множество более новых, было большею частью так.

Паскуали решительно отвергает это мнение, как произвольно отделяющее историю текстов от истории судьбы авторов, т. е. от истории культуры. Невероятно, чтобы от текстов, которые читались в школах нашего западного средневековья, случайно сохранились именно все те экземпляры, которые послужили образцом для более новых кодексов. Естественно, что в каждой традиции какая-то часть, и, возможно, большая, утеряна просто по небрежности. Почти то же самое можно сказать и относительно находящихся в наших библиотеках греческих рукописей, которые во множестве медленно просачивались с Востока на Запад с начала XV в. и позднее.

Паскуали приводит, далее, примеры для подтверждения своего мнения, кратко излагая историю рукописей Эсхила и Софокла и методы их изучения, а также «Поэтики» Аристотеля и «Характеров» Феофраста. Он подчеркивает большую трудность подобных исследований, требующих особой тщательности и последовательности.

В середине XIX в. было как будто окончательно доказано, что сохранившиеся в большом числе рукописи XV и XVI в. «Поэтики» Аристотеля, а также и находящаяся во Флоренции, в Риккардианской библиотеке, рукопись, датируемая XIV в. (что для византийского Востока тоже является Возрождением), представляют собою прямые или косвенные копии великолепного древнего кодекса конца X или начала XI в., хранящегося в Париже. Такое положение вполне совпадало с историей культуры: «Поэтика» Аристотеля, на которую обращали мало внимания во время византийского средневековья, получает широкое распространение в эпоху Возрождения. Но в Париже имеется также арабский перевод «Поэтики» Аристотеля, сделанный в первой половине X в. с сирийского перевода, который сохранился лишь в отрывках. Этот арабский текст, несмотря на искажения и ошибки, дает независимую и во многих случаях лучшую традицию, чем парижский кодекс. После того как арабский перевод был в 1887 г. опубликован, а в 1911 г. с него был сделан построчный латинский перевод, выяснилось, что он часто совпадает, и притом не случайно, с рукописью Риккардианской библиотеки, которая до того времени считалась восходящей к парижскому кодексу. Таким образом, это последнее предположение окончательно отпало: в Риккардианской руко-

писи имеется целое предложение, которое выпало из парижской рукописи, но имеется в арабском тексте.

Паскуали считает, что подобные ошибки происходили главным образом потому, что выводы о зависимости одной рукописи от другой делались слишком поспешно, скорее априори, чем путем длительного и тщательного исследования всей рукописной традиции. Он приводит еще несколько примеров из истории древних текстов и обращает внимание на тот факт, что ученые-византийцы, люди, как правило, бедные, имели обыкновение пользоваться для переписки рукописей дешевым материалом, именно бумагой, бомбициной, писали плохими чернилами и мелким шрифтом, но старались точно передать текст, что является особенно ценным, а роскошные экземпляры писались для богатых особ ремесленниками каллиграфией, меньше всего заботившимися о содержании.

Рассматривая разные типы ошибок в тексте, с которыми приходится иметь дело при изучении рукописей, Паскуали отмечает, что для длинных прозаических текстов характерно то, что переписчики пропускают целую строку, что в разных случаях может иметь разное значение для смысла копируемого текста, в зависимости от того, будет ли это повторяющаяся математическая формула или предложение, меняющее смысл повествования. В каждом случае нужен особенно внимательный подход, так как случайное совпадение одной и той же строки в двух рукописях еще не дает права судить о их преемственности.

Что касается текстов поэтических, то тут всегда надо принимать во внимание то, что количество и расположение сколий на странице зависит от имеющегося там свободного места, что всегда может повлечь за собою иное расположение текста при снятии копии.

Паскуали настаивает на необходимости помнить, что греческие и латинские кодексы, составленные до эпохи Возрождения, большею частью написаны каллиграфами, выученными в специальных школах, и их письмо крайне бедно, почти совсем лишено индивидуальных особенностей.

Предположить, что более новая рукопись представляет собою копию рукописи более древней, можно лишь в следующем случае: если при сличении всей более новой рукописи с рукописью более древней не будут найдены признаки, доказывающие преемственность, но в то же время не будут обнаружены ни лучшие разночтения, ни особые расхождения, а также не будет и порчи текста, которая не может идти от более древней рукописи, а заставляет подозревать какую угодно, но отличающуюся, искаженную традицию.

Особенно тщательно нужно относиться к рукописям смешанного характера, сборникам, содержание которых в целом обязательно должно приниматься во внимание при изучении отдельных, входящих в данный конволют произведений.

Снова подтверждая свои положения примерами из истории изучения рукописей и публикаций последних десятилетий, Паскуали в конце главы еще раз пишет о том, что работа над элиминацией списков — не для тех, кто привык спешить и торопиться с выводами, что только длительное изучение всех излучин и обстоятельств существования рукописей в веках может привести и привело многих современных ученых к результатам, позволившим им исправить ошибки, допущенные прошлыми поколениями исследователей.

*

Четвертая глава (стр. 43—108), озаглавленная «Более новые, не более плохие. Гуманистические сличения и первые издания» («Recentiores, non

deteriores. Collazioni umanistiche ed editiones principes»), посвящена в основном доказательству условности термина «deteriores» и описанию различных случаев, показывающих, какие методы необходимо применять, чтобы издания рукописей были сделаны добросовестно.

Паскуали пишет: «Или можно доказать, что рукопись во всем без исключения исходит от другой сохранившейся рукописи, и тогда она будет элиминирована,⁶ или этого доказать нельзя, и тогда безусловный долг издателя выяснить, в каких отношениях родства состоит она с другими свидетельствами традиции этого сочинения. От этого долга можно отступить лишь в самых исключительных случаях, например когда дело идет о творениях отцов церкви, которые существуют в бесконечном количестве экземпляров и все же содержат очень небольшое число сколько-нибудь значительных разночтений. Здесь текст, вероятно, быстро установился, и достаточно для его реконструкции некоторого числа случайно выбранных кодексов. Здесь критерий правдоподобия большею частью заменяется другим, внутренним критерием, очевидным преимуществом традиции. Все же издатель, позволивший себе сделать такой упрощенный ход, должен сознавать, чем он рискует. Равным образом в общем можно пренебречь кодексами авторов классической древности, относящимися ко времени после XVII в., так как не может быть, во всяком случае в наиболее цивилизованных частях Европы, чтобы в XVIII в. и позднее были уничтожены или исчезли собрания рукописей, не возбудив никакого шума».

Что касается новейших рукописей, то, несмотря на возможную интерполяцию, они все же могут сохранить отсутствующую в других местах первоначальную традицию, тогда как рукописи, относящиеся ко времени до XV в., могут происходить от эпох и из местностей, где интерполяция была в ходу, и потому их преимущество перед кодексами более новыми часто лишь кажущееся. Хотя все это и известно теоретикам, но изменения в практике издателей основаны столько же на теоретических соображениях, как и на практическом опыте. Паскуали останавливается подробно на истории изучения одной, приписываемой Ксенофону, рукописи, подтверждающей высказанное им мнение.

То, что происходило с греческими кодексами, которые еще были доступны и переписывались в XV в., а потом исчезли, произошло, может быть даже в большей степени, с кодексами латинскими. Несмотря на то что итальянское Возрождение было скорее латинским, чем греческим, поскольку итальянские гуманисты и знали больше и интересовались больше латынью, чем греческим, все же вновь найденные латинские кодексы не хранились с достаточной заботой. Происходило это потому, что гуманисты видели в рукописи не документ, а только новый текст. Если этот текст точно был скопирован, рукопись теряла для гуманистов почти всякую цену. Нужен был многовековой опыт, чтобы убедить ученых, что в каждой скопированной или сверенной рукописи обнаруживаются пропуски и ошибки.

Если во времена первого Возрождения часто кодекс с новым произведением копировался только один раз и часто, т. е. почти всегда, он был труден для чтения, то все последующие копии снимались не с оригинала, а с этой первой копии, так что оригинал не употребляли, и он часто оказывался утерянным. Распространение книгопечатания принесло исключительно большой вред очень хорошо написанным кодексам: если рукопись

⁶ Если только копии не могут помочь заполнить лакуны оригинала, появившиеся после переписывания, или восстановить чтение его, которое позднее было изменено правщиками, и в этом роде.

была не слишком трудна для понимания, типограф без колебаний отправлял ее в типографию, откуда она могла и не вернуться.

Притом копии лишены большей частью всяких указаний, откуда они произошли, тогда как люди, слушающие рукописи, часто указывают, где они видели оригинал, а иногда и описывают его. Рукописи, лучше отождествимые, не являются лучше реконструируемыми: одна полная копия или, лучше, многие независимые копии создают вокруг оригинала более широкие и надежные свидетельства, чем сличения, в особенности древние сличения, относительно которых мы не знаем, насколько они удались или даже насколько они могут считаться полными. Наоборот, различные сличения одного и того же экземпляра, а это случается часто, больше запутывают, чем проясняют.

Далее, Паскуали приводит несколько примеров изучения гуманистами кодексов с произведениями латинских авторов — Горация, Корнелия Непота, Евтропия, Тертуллиана, Плиния Младшего, Цицерона, Петрония и др.

При этом степень точности у гуманистов, сличавших рукописи, была разная, независимо от того, были они одни из первых на этом поприще или нет, точно так же как и у переписчиков, — небрежность и тех и других вызвала возмущение у самих гуманистов. Тем не менее Паскуали считает, что сличение, даже при всем его несовершенстве у гуманистов, было все же необходимо и приводило иногда к интересным результатам. Приходится принимать во внимание определенные, распространенные в эпоху Возрождения навыки в обращении с рукописями, обусловленные исторической обстановкой того времени, и не осуждать гуманистов с точки зрения современной текстологии.

Опыт показывает, говорит Паскуали, что чем больше разночтений будет замечено, тем большее число их ускользает от сличающего. Паскуали обращает также внимание на то, что современные нам филологи, когда сличают рукопись с печатным текстом, имеют обыкновение читать сначала печатную фразу, а потом уже рукописную, так как печатную читать легче. Это является источником бесконечных ошибок, так как, имея все время перед глазами печатный текст, они бессознательно подменяют им текст рукописный. Затем он приводит примеры, когда исследователи, работавшие над сличением рукописей уже в XX в., несмотря на проявленное ими внимание и терпение, все же допускали пропуски и ошибки.

«Сознательность никогда не повредит, — говорит Паскуали, — будет полезно, если мы сделаем как можно более точным понятие о ценности каждого отдельного сличения утерянных рукописей, которым мы должны пользоваться. Невозможно дать общие правила, но можно иметь в виду некоторые факторы, которые увеличивают или уменьшают достоверность».

Во всяком случае надлежит принять во внимание, что достоверность сличения в одинаковой степени изменчива как при гуманизме, так и в наши времена и никак не идет в ногу с их славой: крупные ученые были посредственными сличителями и наоборот (Паскуали доказывает это на примерах).

Ученые, можно сказать, до вчерашнего дня каждый раз, когда текст был записан с других рукописей, публиковали из своих кодексов лишь разночтения, которые, по их мнению, его улучшали. Это было естественно и законно: до Лахманна кодекс имел ценность исключительно из-за его хороших разночтений, тогда как ошибки не могли интересовать критика. Начиная с Лахманна и позднее положение совершенно меняется: ошибки, лакуны, интерполяции должны сообщаться целиком, так как объясняют филологу, какое место уготовано этой рукописи в родословном древе

кодекса (*stemma codicum*), а это место в свою очередь определяет ценность отдельных разночтений, определяет по крайней мере, может ли какое-нибудь разночтение, кажущееся хорошим, быть традицией или оно должно быть лишь догадкой. Для Лахманна авторитет разночтений зависит от авторитета содержащего их кодекса; для гуманистов и, можно сказать, для всего XVIII в. разночтения имеют ценность сами по себе.

Паскуали называет компиляторскими как издания текстов, подготовленных гуманистами, так и издания классиков позднего времени, вплоть до Лахманна, так как печатался древний текст, почерпнутый из многих источников, без систематического указания, откуда идут те или другие разночтения. Это относится и к первым изданиям (*editio princeps*), которые часто осуществлялись по рукописям. Даже если такое издание шло по одной рукописи, издатель все же вносил в нее кое-какие поправки, казавшиеся ему незначительными. Современный издатель прекрасно знает и может всегда проверить, какие разночтения в предыдущем издании относились к традиции, какие — к догадкам; издатель далеких веков не знает этого и об этом не думает.

Всякий раз, когда первое издание (*editio princeps*) давало предположительную редакцию и она сохранилась в новом издании, пересмотренном по другому кодексу, возможно: 1) что предположение подтвердилось новой рукописью, т. е. вероятной традицией, или по крайней мере выдало себя за таковую; 2) что новая рукопись содержит те же самые искажения в том, что легло в основу первого издания; 3) что она дает другую редакцию, в равной степени искаженную, или что она показалась таковой издателю.

Если редакция первого издания, сохраненная в новом издании, была взята у традиции, остается сомнение: 1) подтверждается ли она новым кодексом 2) или, наоборот, он дает другую редакцию которая издателю показалась худшей.

Паскуали заканчивает эту главу примерами изучения латинских рукописей — Аммиана Марцеллина и Цицерона — учеными XVI в. и позднейшими исследователями.

*

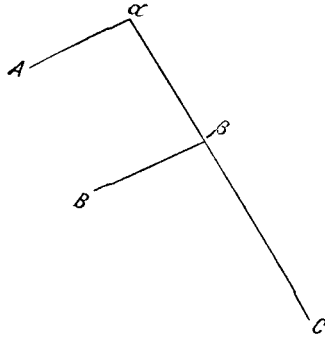
Глава пятая (стр. 112—183) — «Механическая традиция и средневековые разночтения» («*Tradizione meccanica e varianti medievali*») снова возвращает нас к методу Лахманна, о котором Паскуали говорит, что в том виде, как он изложен на первых страницах комментария Лахманна к изданию Лукреция, он требует чисто механической передачи текста, и только в таком случае метод Лахманна может применяться с успехом, ибо сам он является почти чисто механическим. Метод этот если и не стремится уничтожить или отодвинуть на второй план мнение редактора, то все же считается с ним не в первую очередь. Это происходит потому, что до Лахманна это мнение почти всегда было произвольным и он так же мало ему доверял, как интерполированным рукописям. Если экземпляры какого-нибудь произведения с уверенностью классифицированы на основании общих лакун и ошибок, то методом Лахманна можно установить, какие разночтения (*lezioni*) были в архетипе, но при этом не только нельзя их оценить, но даже нельзя разобраться в них в отношении групп тех рукописей, в которых они появились: ведь некоторые сочетания сокращений должны быть подлинными. Например, если от архетипа сохранились или с уверенностью восстанавливаются три непосредственные копии, общее для двух разночтение должно восходить к архетипу. Если из двух

непосредственных копий сохранилась одна, то вторая, утерянная, восстанавливается по двум вторичным копиям (см. рисунок).

Каждый раз, когда *A* совпадает или с *B* или с *C*, общее разночтение идет от архетипа. Но эти соображения применимы только к истории текста Лукреция и в несколько меньшей степени к другим латинским авторам, опубликованным Лахманном, так как Лукреция мало читали в средние века и рукописей его сохранилось немного.

Но тексты, которые в средние века на Западе и в Византии были распространены в десятках и сотнях экземпляров, которые читались, объяснялись, служили образцами в школах, казались настолько легкими, что каждый их мог понять или думал, что может понять, и поэтому мог

попытаться их улучшить. К таким текстам вышеизложенные соображения абсолютно неприменимы по очень многим причинам.

Далее, Паскуали показывает на примерах, как появляются бессознательные и сознательные ошибки при копировании поэтических и прозаических текстов древности («Моралия» Плутарха и «Правила св. Бенедикта»).

Может случиться, что в одной рукописи сохранилась редакция, подвергшаяся сознательным изменениям, но которую мы не можем отбросить, так как традиция другой рукописи искажена лакунами и механическими ошибками. В таком случае критика (*recensio*), пройдя предварительную стадию реконструкции родоначальника, утерянного «субархетипа»,⁷ не только не может оставить в стороне суждение (*iudicium*), но будет состоять именно в суждении. Конечно, при равных условиях нужно предпочесть редакцию, не подвергшуюся интерполяции. Но всякий раз, когда она будет непонятна или возбудит подозрения по другой причине, пусть даже только с точки зрения стиля, придется обращаться к интерполированным редакциям. Придется задать вопрос, являются ли они предположительными, или это в какой-то мере сознательные изменения, или же они представляют каким-то образом вторичную стадию, более позднюю, чем искажения кодексов, которые мы называем первичными (*genuini*). Здесь на первый план выступает уже не палеографическое сходство, а внутренний критерий.

Редакция более трудная служит обычно источником редакции более легкой, а не наоборот. Эта тенденция еще более бросается в глаза в интерполированной традиции: нововведение, даже если оно кажется невинным, изменение порядка слов способствуют тому, чтобы традиционный текст привести в согласование со схемой, которую копиист считает естественной. Более ясно эта тенденция проявляется в замене синонимов,

⁷ По определению Пауля Мааса.

в упрощении сложных синтаксических связей и т. п. Трудно все то, что является непривычным.

Понятия «легкий» и «трудный» не являются абсолютными, и то, что трудно, т. е. непривычно, для нас, может быть легким для людей другой эпохи. Суждение о легкости или трудности редакции будет тем вернее, чем лучше критик будет знать навыки языка и мысли эпохи, которая эту редакцию передала, могла ее создать. Лучшим критиком греческого текста византийской традиции будет тот, кто, будучи превосходным эллинистом, будет также превосходным византинистом. Лучшим издателем латинского автора, сохранившегося в средневековых или послесредневековых кодексах, будет тот, кто так же хорошо будет знать средние века и гуманизм, как он знает своего автора, его язык, его эпоху и язык его эпохи. Такой критик является идеалом, которого никто неспособен целиком в себе воплотить, но к которому каждый обязан стремиться.

Все эти суждения Паскуали высказывает в самом широком их значении, но они приводят его к выводу, что лучше находчивое предположение, в которое верится и чтобы верить в которое имеются побудительные причины, чем механическая система, способная сбить с пути того, кто ее применяет. Как и в предыдущих главах, Паскуали приводит примеры из области изучения текста греческих и латинских авторов, подробно останавливаясь на трудах специалистов-классиков в последние десятилетия. Приводя определения Шварца и Мааса, Паскуали еще раз подчеркивает, что архетип, когда его отождествляют с античным изданием, совсем другое, чем архетип средневековый. Было бы ошибкой, говорит Паскуали, делать вывод об отсутствии архетипа на основании количества и качества вариантов. Ни в одном тексте нет таких многочисленных и таких особенных вариантов, как у Ювенала и Лукана, а существование архетипа с математической точностью доказано и для того, и для другого. Безусловно, что всегда передача текста, «традиция», идет вначале, как это и естественно, по «вертикали». Но едва лишь образуются варианты и ученому, стремящемуся как-то понять свой текст, приходит мысль сопоставить его с другим кодексом, пусть даже не последовательно, пусть только те места, которые вызывают затруднения, как традиция становится не только «вертикальной», но и «горизонтальной», или «поперечной». Не только первичные варианты, но и ошибки при снятии копии, не признаваемые таковыми, переработки сознательные и, быть может даже чаще, полусознательные, неверные исправления воображаемых ошибок, улучшения текста — все это может при сличении передаваться «поперечно».

Чем в какой-нибудь век ниже культура и чем ненадежнее критика, тем легче некоторые ошибки завладевают постепенно всей традицией, вплоть до того, что заменяют в ней целиком первичную редакцию. Паскуали приводит примеры того, как при исследовании текстов «поперечная» традиция затрудняет изучение.

Среди примеров описывается кодекс Ватиканской библиотеки № 840 — рукопись XIV в. смешанного содержания, написанная на бумаге. В ней имеется письмо Григория Нисского в тетрадке из 14 страниц, приложенной к кодексу. Но в этой тетрадке сохранилось также письмо на греческом языке митрополита русского Иоанна к пале Клименту и список греческих монахов, посвященных в епископы русской церкви при митрополите Феогносте, с датой их возведения в сан. Этот список датируется между 1328—1347 гг. Так что эта тетрадка, писанная для России, написана, вероятно, в России, как, может быть, и весь кодекс.

Распространение традиции по «горизонтали», «поперечно» Паскуали сравнивает с расплывающимся масляным пятном, распространяющимся

во всех направлениях, имея центром место, куда капнуло масло. Но передача рукописей идет не с такой быстротой и не так ровно, как распространяется масло. Поэтому в дипломатической критике правильнее применить принцип лингвистики: если кодекс, написанный на острове Кипре, совпадает в одной характерной редакции с кодексом, написанным в России, допустимо, что эта редакция первична. Нельзя предположить, чтобы один и тот же текст был изменен одинаковым характерным образом независимо один от другого в двух различных странах. Такой «географический метод» Паскуали считает законным, но трудно применимым сейчас к греческим текстам средневековой традиции, что зависит главным образом от невозможности восстановить состав византийских библиотек.

Для латинской традиции положение лучше, так как на Западе библиотеки капитулов и монастырей, несмотря на значительные потери, в основном все же сохранили фонды своих рукописей. Средневековые каталоги сохранились на Западе тоже в значительно большем числе, чем на Востоке.

Кроме того, палеография греческих кодексов, за исключением особых случаев, определяет самое большое век кодекса, а палеография латинских кодексов, во всяком случае тех, которые написаны минускулом, а их огромное большинство, позволяет их и локализовать.

Если не «географический метод» в том значении, какое придает ему лингвистика, то по крайней мере «географический критерий» в общем значении этого слова, может быть применен почти всегда, так как он дает первое указание для группировки. Паскуали заканчивает главу рассмотрением метода Ульриха Кнохе, которого он считает последователем Лахманна.

*

Глава шестая, самая большая (стр. 187—393), озаглавленная «Античные варианты и античные издания» («Varianti antiche e antiche edizioni»), имеет исключительный интерес для специалистов-классиков. Здесь дается громадный конкретный материал по истории изучения текста греческих и латинских писателей с рассмотрением разночтений, определением и характеристикой кодексов на основе высказанных Паскуали в предыдущих главах теоретических положений. Приведены в систему и синтезированы главнейшие труды по классической филологии последних десятилетий с целью облегчить работу в этой области начинающим ученым.

Паскуали подчеркивает трудность определения и датировки разночтений в греческих и латинских кодексах, так как известно, что многое в древности могло быть записано на память, а комментированные преподавателем тексты искажались, когда ученики их переписывали.

Хотя традиция папирусов и не подвержена в общем таким изменениям, Паскуали напоминает, что только совпадение искажений имеет значение. Правильное, т. е. аутентичное, чтение может независимо сохраниться в разветвлениях традиции, не взаимосвязанных и далеких друг от друга, так как оно существовало уже в оригинале, тогда как невероятно, чтобы ряд искажений (исключая наиболее обычные) произошел естественным образом в не зависящих друг от друга экземплярах. Здесь помогает лингвистическая аналогия: то, что идет от оригинала, может сохраниться в независимых и далеких друг от друга зонах, но совпадение нововведений большей частью указывает на прямую связь.

Паскуали начинает свое рассмотрение с греческой традиции и с папирусов светских классиков, поэтов Еврипида, Аристофана, Гомера; затем он переходит к философам и историкам — Платону, Демосфену, Исократу,

Ксенофону, Геродоту, Фукидиду и Гиппократу. Римских авторов Паскуали начинает с традиции Плавта и Теренция, уделяя им много внимания, точно так же как и знаменитым поэтам Вергилию, Горацию и Овидию.

В этой главе теоретические высказывания Паскуали почти всегда непосредственно связаны с рукописной традицией определенного автора и, следовательно, не могут быть изложены без изложения истории данной традиции. Поэтому мы ограничиваемся в нашей статье тем, что приводим лишь некоторые основные положения Паскуали, имеющие общее значение.

Средневековые семейства рукописей, пишет Паскуали, восходят, даже количественно, к разным сборникам, так как в каждом семействе, даже в каждом кодексе, есть кое-что лишнее и кое-чего не хватает и помещено в разном порядке. Но, поскольку средневековые кодексы очень громоздки, их часто расплетали и иногда плохо составляли вновь — ведь сборник вторично может быть составлен в другом порядке, из уважения к авторитету другого кодекса. Поэтому самые верные свидетельства «основы» кодексов дают признаки, ей предпосланные, даже и в особенности если они с кодексом не согласуются.

В изучении (*recensio*) рукописи, говорит Паскуали в другом месте, даже если понимать под ним систематическое злоупотребление косвенной традицией, критик не может, даже в самом благоприятном случае, пойти дальше первого издания. Но несомненно, что наиболее глубокие нововведения делаются в текстах до критического издания.

В конце главы Паскуали останавливается на редко встречающемся в латинской традиции случае существования «архетипа с вариантами», который часто предполагался при изучении греческих поэтов. Различие это не случайно, так как писец в средние века на Западе не имел столько причин бояться переписывать кодексы, написанные майускулом, как писец греческий, который был стеснен при этом особенностями греческого языка (необходимостью ставить придыхания и пр.). Если не «архетип с вариантами», то во всяком случае «родоначальник с вариантами» существует, по мнению Паскуали, в традиции рукописи «Комментариев к галльской войне» Юлия Цезаря, которые очень много читались в Каролингскую эпоху.

*

Глава седьмая, и последняя (стр. 397—465), озаглавлена «Оригинальные издания и варианты автора» («*Edizioni originali e varianti di autore*»). Содержание ее Паскуали поясняет следующими объяснениями. Изучение «античных изданий» должно было убедить, что «античные» варианты народились таким же образом, как и варианты средневековые: если это не простые ошибки при переписывании, то они возникли большей частью благодаря тем же импульсам, которые действовали в средние века, но которые начали проявлять себя сразу после сочинения, сразу после «публикации» оригинала, если здесь уместно говорить о публикации: они состоят из полусознательных изменений, неправильных исправлений действительных или воображаемых ошибок, часто из украшений. Если это вид нововведений, свойственных древности, то это интерполяция в собственном смысле слова, в смысле добавления; интерполяции средневековые, византийские или каролингские, или эпохи Возрождения более скромны и менее бездарны.

Составливо удалив все эти нововведения, античные и средневековые, мы оказываемся иногда перед каким-то остатком вариантов, которые должны восходить к самому автору. Это бывает исключительно в греческих и ла-

тинских текстах последнего периода Республики или, более часто, в текстах Империи. Причины этих хронологических рамок не совсем ясны.

Эти «варианты автора» должны восходить или к разным изданиям сочинения, которые шли под наблюдением автора и им самим исправлялись (и поэтому все одинаково аутентичны), или к его колебаниям и неуверенности, отразившимся в оригинале или оригиналах. Различие между этими двумя возможностями меньше, чем может показаться с первого взгляда.

Паскуали приводит как пример Цицерона, который исправлял допущенные им в сочинениях ошибки уже после того, как его рукописи были пущены в оборот.

Автор мог, оставив у себя один экземпляр, продолжать над ним работать. Снятая с этого экземпляра со временем копия даст новый авторский вариант сочинения.

Паскуали указывает на письма Гиппократов: среди греческих текстов они дают самый древний пример авторских вариантов, которые ясно отразились в рукописной традиции и были обнаружены при исследовании.

Таким же примером служат в IV в. сочинения Авзония, латинская рукописная традиция которого отражает почти целиком оригинальные издания или «прототипы».

Что касается Марциала, то он сам неоднократно говорил о различных «изданиях» и разных «издателях» своих сочинений. Поэтому вполне можно предположить, что он дополнял и по-новому располагал свои эпиграммы в различных «изданиях».

Паскуали выделяет в особую группу вопрос о вариантах собственных имен, которые могут быть изменены в отдельных рукописях по разным причинам.

Изменению могут подвергнуться имена как действительные, так и вымышленные. Первые часто меняются намеренно, тогда как вторые преимущественно по недоразумению или по ошибке.

Доказывая необходимость изучать варианты автора, Паскуали рассматривает рукописные традиции Ювенала, Лукана и Пруденция, а затем Петрарки и Боккачио. Большое значение в изучении вариантов автора имеет внимательное отношение к маргиналиям и дополнениям, сделанным автором между строк первоначального текста, а также к кодексам, написанным под наблюдением автора, которые могут считаться автографом, так как вполне ему аутентичны.

Паскуали рекомендует издателю классических произведений, имеющих трудную и сложную традицию, практиковаться сначала на изданиях текстов позднего итальянского средневековья или предренессанса, а потом уже перейти к классикам. Таким образом, он приобретает опыт для работы над многочисленными вариантами изданий, в которых большая роль принадлежит вариантам авторов. Петрарка, любивший работать над стилем своих писем, уже давно отосланных адресату, вносил массу изменений, так что письма теряли свою непосредственность, лишены всяких случайных выражений и индивидуальности. Рассмотрением Петрарки и заканчивает Паскуали свою книгу.

*

Как уже было сказано в начале нашей статьи, при переиздании своей книги в 1952 г. Паскуали помимо некоторых дополнений присоединил в конце три приложения. Первое приложение — «По поводу недавней книги А. Дена» («A proposito di un libro recente di A. Dain» — рассматривает по

главам книгу Альфонса Дена «Рукописи», вышедшую в Париже в 1949 г.⁸ Отметив, что Ден является лучшим знатоком во Франции греческой рукописной традиции, Паскуали указывает, что многие высказывания автора ценны тем, что не встречаются ни в обычных курсах палеографии, ни в введениях к критике текста, ни в университетских курсах, хотя приведенная Деном элементарная библиография недостаточна даже для начинающих. Вся первая глава книги Дена богата точными наблюдениями над характером ошибок, которые допускают писцы при переписывании рукописей, и автор предупреждает исследователей о необходимости особенно тщательно их изучать. Паскуали считает, что ошибки чтения рукописей очень редки, чаще встречаются ошибки слуховые и психологические в узком смысле слова. Ден уделяет также много внимания наиболее известным ошибкам — пропуск коротких слов и перескакивание, когда два одинаковых слова идут одно за другим.

Вторая глава Дена кратко говорит о палеографии и о кодексологии, т. е. науке о рукописях, но Паскуали отмечает, что автор не выдерживает строго различия между этими двумя дисциплинами. Наиболее важное в этой главе, по мнению Паскуали, это стремление автора утвердить разницу в истории развития греческой и латинской рукописной традиции и подчеркнуть, что то, что характерно для первой, не может безоговорочно быть перенесено на вторую.

Третья глава книги Дена говорит о рукописях и о проблеме критики текста. Паскуали отмечает, что в наиболее важной части эта глава уже предвосхищена его книгой (он имеет в виду первое издание 1934 г.), так как поднимает тот же круг вопросов: об архетипах, прототипах и т. д. В частности, что касается архетипа, то под этим термином Ден понимает нечто совсем иное, чем Лахманн, т. е. это «наиболее древний свидетель традиции, где авторский текст записан в той форме, в которой он нам передан». Паскуали считает, что Ден присваивает себе термин «преархетип», тогда как это понятие придумано Паскуали и употребляется им в том смысле, в каком слово «архетип» употреблял Лахманн. То, что относится в книге Дена к архетипу, обычно помещалось под заглавием «древний период передачи текстов». Эта третья глава Дена представляет интерес также и в других своих частях. Ден считает возможным различать традицию александрийскую от традиции пергамена, но Паскуали не считает это доказанным на достаточном материале. Очень соблазнительно предположение Дена, что с эпохи византийского «Возрождения» Фотия крупные константинопольские библиотеки выполняли ту же нормативную функцию, как и александрийские библиотеки в древности, т. е. что один экземпляр сочинений греческих классиков, как только их переписывали новым минускулом, хранился в одной из крупных константинопольских библиотек и мог служить впоследствии для сличения с другими вновь найденными экземплярами. В конце третьей главы Ден дает очерк истории библиотек и рукописной традиции после 1204 г.

Четвертая глава книги Дена посвящена истории издательских методов. Паскуали отмечает остроту и точность характеристик, которые дает Ден, суть которых сводится к тому, что нет непогрешимых методов и что «все случаи являются специальными».

Паскуали считает, что в целом книга Дена обогащает науку многими новыми, меткими наблюдениями.

⁸ Alphonse Dain. Les manuscrits. Paris, «Les Belles Lettres», 1949 (Collection d'études anciennes). О книге Дена см. также в статье Д. С. Лихачева «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (стр. 154)

*

Второе приложение, помещенное Паскуали в конце книги, озаглавлено «Предположение и дипломатическая вероятность» («Congettura e probabilità diplomatica») и рассматривает различные случаи искажения текста по пути от автора к изданию. Паскуали приводит несколько примеров из современной нам итальянской прессы, когда типографией были допущены нелепейшие ошибки от недостаточно внимательного вчитывания в текст статьи автора (Паскуали приводит примеры из своих собственных статей), а также и по чисто психологическим причинам.

*

Третье приложение к книге Паскуали — это его перевод на итальянский язык небольшой статьи Пауля Мааса «Судьбы англочной литературы в Византии», затрагивающей также и вопросы филологии и критики текста.

*

Книга Паскуали, предназначенная для начинающих исследователей и студентов, не может не быть элементарной в некоторых своих частях. Но благодаря широкому охвату проблем, возникающих перед каждым, кто занимается рукописной традицией, а также благодаря привлечению многочисленных трудов последних десятилетий по изданию текстов исследование Паскуали представляет интерес как для специалистов по классической филологии, так и для филологов вообще. Здесь дается какой-то синтез в очень широкой области науки и систематически излагается история отдельных текстов. Недостатком книги Паскуали, по нашему мнению, является отсутствие точных определений некоторых понятий, которыми автор все время оперирует.

Он не говорит, что он подразумевает под понятием «архетип». Только сопоставляя отдельные места в его книге, можно вывести заключение, что «архетип» в его понимании это не подлинник, а копия с подлинника, иногда даже в том же смысле, в каком употребляет этот термин Лахманн.

Точно так же Паскуали не определяет прямо, что именно подразумевает он под реконструкцией текста. Но, прочитав его книгу, понимаешь, что он имеет в виду не создание искусственного, предположительного текста на основании изучения и сопоставления нескольких рукописей, а нахождение этим методом того списка, который, как можно предположить на основе подобных изысканий, является наиболее близким к авторскому подлинному экземпляру.

Поскольку книга Паскуали представляет собою одно из крупных исследований последних десятилетий, нам кажется, что советским филологам полезно будет ознакомиться с ним хотя бы в том кратком изложении, какое дается в нашей статье.

ЗАМЕТКИ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио¹

Р. Пиккио принадлежит обстоятельный и внимательный разбор моего доклада на IV международном съезде славистов «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (М., 1958).

Целый ряд сторон моего доклада оценивается Р. Пиккио положительно, им вносятся дополнительные соображения, поддерживающие мои выводы, однако весь интерес работы Р. Пиккио состоит, по моему мнению, в тонких критических замечаниях.

Исследования формы и идеологическая экзегеза

Р. Пиккио упрекает меня за отсутствие «равновесия между критерием технико-лингвистического исследования и критерием культурно-идеологическим» (стр. 189). Р. Пиккио пишет: «Лихачев колеблется между исследованием формы и идеологической экзегезой» (там же). Как будет ясно из дальнейшего, в своей работе я не противопоставляю анализ формы анализу идеологии памятника. Вот почему у меня нет и колебаний между тем и другим, а есть попытка сочетать одно с другим. Достигает ли эта попытка своей цели? Думаю, что некоторые стороны вопроса требуют, в результате критики Р. Пиккио, разъяснений и дополнений.

Особенно интересным представляется мне следующее рассуждение итальянского ученого:

«Лихачев считает, что тенденция к „абстрагированию“ речи подтверждается, например, в „Житии Бориса и Глеба“ употреблением вместо конкретных имен таких формул, как: „некий“, „некто“, „един“ (вельможа некий, мужъ некто, человек единъ), в других текстах — механическими аналогиями из священного писания, использованием готовых оборотов, формул, утвержденных церковным обиходом и рутинностью авторов. Цитируя в этой связи Б. Томашевского (стр. 29—30), автор принимает концепцию, согласно которой, „подновление словесных ассоциаций“ конкретизирует образы и художественный замысел, в то время как привычные словесные ассоциации уничижают конкретность. В свете этих высказываний мы должны были бы сделать вывод, что древнерусская стилистическая „абстракция“ есть кристаллизация формул, неспособных примениться к новому содержанию, литературный симптом умственной негибкости, проистекающей от религиозного догматизма. Как же реагирует на этот процесс окаменения, по мнению автора, новое стилистическое на-

---

¹ R. Picchio *Prerinascimento est europeo e Rinascita slava ortodossa. (A proposito di una tesi di D. S. Lichachev)* — *Ricerche Slavistiche* Roma, 1958, vol. 6, стр. 185—199.

правление „второго южнославянского влияния“? Прежде всего, — вводя в литературу „до экзальтации повышенную эмоциональность“ (стр. 31), а также усиливая „экспрессивность и эмфатичность“ выражения (стр. 31—32). Чтобы установить более непосредственный контакт с читателем, представители стиля „плетения словес“ прибегают к таким средствам, как повторение одного и того же понятия в многочисленных подобранных синонимах, привлекая внимание читателя игрой слов, насыщенных таинственными намеками, пытаясь скорее поразить воображение, чем убедить логической аргументацией. В общем речь идет о разрыве с утяжеленной литературной техникой прошлого, об отходе от готовых сочетаний и фраз в страстных поисках выразительных средств. Лихачев отмечает, что авторы 15 века уходят от старых тем («Авторы ... подыскивают слова и образы, не удовлетворяясь найденным...»), чувствуют недостаточность языка, жалуется на собственное бессилие полностью выразить идеи, оценивают значимость слова во всем богатстве его содержания («авторы житий постоянно говорят о своем бессилии выразить словом всю святость святого... пишут о своем невежестве, неумении, неучености, молятся о даровании им дара слова... сами слова оказываются дороже „тысящ злата и сребра“, дороже злата и „тимпазия“, дороже камни „самфира“ и слаще меду...» — стр. 35).

«Как же в таком случае примирить новый стиль с общей древнерусской тенденцией к „абстракции“? Если, основываясь на предыдущих указаниях автора, понимать „абстракцию“ в значении негибкости формул и вытекающей отсюда ограниченности в выборе стилистических средств, то не было бы сомнения в „антиабстрактной“ направленности у представителей стиля „плетение словес“. С этой точки зрения школа „южнославянского влияния“ представляется нам устремленной к поискам „конкретного“, т. е. к реальному соотношению между формой выражения и значением, между формой и содержанием».²

Остановлюсь на последнем замечании Р. Пиккио. Он считает, что «конкретное» (в противоположность абстрактному) есть реальное соотношение между «формой выражения и значением, между формой и содержанием», т. е. «конкретность» для Р. Пиккио равняется точности выражения. Именно такова «конкретность» и для Б. В. Томашевского, цитату из «Теории литературы» которого я привел в своей работе, не разъяснив различия между его и моим употреблением этого слова.

Между тем, когда я говорю о конкретности, я имею в виду «материальность», «вещность», «единичность явлений» внешнего мира, которые стремится подчеркнуть, выявить конкретизирующий художественный метод. Абстрагирующий художественный метод стремится выявить в действительности общее вместо единичного, «духовное» вместо материального, внутренний, религиозный смысл явлений. Абстрагирующие тенденции могут быть отмечены и в высоком стиле XI—XIII вв., и в новом, так называемом южнославянском стиле конца XIV—XV в., но характерно, что в обоих случаях перед нами «высокие» стили и эти высокие стили тесно связаны с сугубо церковными сюжетами. Абстрагирование может быть отмечено в житиях и проповедях, но его не будет в собственно летописном стиле — там, где нужна регистрация единичных явлений. Художественное задание определяет выбор средств.

Абстрагирование не едино. Оно может иметь существенные нюансы. Стиль русской церковной литературы времени второго южнославянского

² Переводы выдержек из статьи Р. Пиккио принадлежат Р. М. Гороховой.

влияния вносит в эту абстрагирующую тенденцию чрезвычайно сильную и характерную особенность: до экзальтации повышенную эмоциональность.

Для Р. Пиккио неясно из моего доклада, «в каком смысле общее мировоззрение авторов XV в. является „абстрактным“». Действительно, этому вопросу я не смог уделить достаточное внимание в докладе. Перед нами очень своеобразное явление: в конце XIV и в XV в. появляется повышенная эмоциональность, но она тоже в известной мере «абстрактна»: чувства «обобщены», они лишены индивидуальных черт, мало связаны с носителями чувств, не сочетаются друг с другом и не слагаются в сложную картину душевной жизни. Характер человека еще не открыт. В литературу вторгаются бурные эмоции, но нет эмоций индивидуальных, нет их индивидуальных, конкретных сочетаний. Стремление проникнуть во внутреннюю жизнь человека не соединяется еще со стремлением к выявлению индивидуальных свойств человека. Человек крайне обобщен, выступает в своих вечных свойствах. Прекрасная характеристика этой «готической эмоциональности» и обращение к внутренней жизни имеются в книге Маля (Em. Mâle. *L'art religieux de la fin du Moyen âge en France. Paris, 1925*). Явления, свойственные французскому искусству, близки искусству (и литературе в том числе) русскому, несмотря на различие исторической действительности.

Эмоциональный стиль XV в. еще не конкретизирующий. Он продолжает пользоваться трафаретными сочетаниями, устойчивыми формулами. Поиски слова, которые Р. Пиккио отождествляет со стремлением к конкретизации, на самом деле являются поисками точности выражения все еще абстрактного содержания, но чрезвычайно усложнившегося благодаря развитию эмоциональности. Авторы конца XIV—начала XV в. ищут по преимуществу цитаты из «священного писания», ищут устойчивые выражения, словосочетания, формулы, прибегают к калькам с греческого. Это поиски словесного материала, но материала уже готового. Вот почему в новом стиле конца XIV—XV в. так много повторений старого, идущего от XI—XIII вв. (Иларiona, Кирилла Туровского и пр.). Возвращение к «своей античности» ощущается даже в стилистических исканиях конца XIV—XV в., которые, как я уже сказал, нельзя смешивать с поисками конкретности.

«„Восточноевропейское предвозрождение“ или возрождение славянского православия»?

Признавая ценным наблюдение над единством самых разнообразных культурных явлений XIV—XV вв. в рамках всей восточноевропейской культуры, Р. Пиккио предлагает называть культурное движение, охватившее в это время Византию, Болгарию, Сербию, Россию, Кавказ и часть Малой Азии, не «восточноевропейским предвозрождением», а «возрождением» или «новым подъемом» славянского православия (русское резюме, стр. 199). Я лишен возможности привести по этому поводу всю аргументацию Р. Пиккио. Укажу только на два главных аргумента: реформа Евфимия охватила только славянские страны; существовало в качестве наднационального явления «православное сознание», которое усиливается в конце XIV—XV в.

Думаю, однако, что стилистические явления XIV—XV вв., о которых шла речь в моем докладе, явились отражением византийских лингвистических теорий, связь с которыми недостаточно еще изучена. Р. Пиккио не отрицает связи евфимиевской реформы с византийско-славянским исихазмом. Но связь явлений еще шире и если не в литературе, то в образном искусстве захватывает и другие, неславянские страны. Следова-

тельно, говорить о «славянском» возрождении православия или о возрождении «православного славянства» (*Rinascita slava ortodossa*) значит сужать явление.

Не следует, как мне представляется, подменять количественным определением качественное. Ведь если мы говорим о «возрождении православного славянства», то этим мы никак не определяем качества нового явления, его характера, подчеркивая лишь общий, «количественный» подъем, переживавший славянством в XIV в. (о подъеме славянства в XV в. говорить уже невозможно: в Болгарии и Сербии во всяком случае). Термин же «Предвозрождение», предлагаемый мною, указывает на своеобразие культурного движения XIV—XV вв., на его мировые, наднациональные связи, определяет его типологически. С другой стороны, если употреблять не термин «возрождение православного славянства», а термин «возрождение славянского православия», то такое определение культурного движения XIV—XV вв. будет еще более неправомерным. Разве православие в предшествующие века переживало период упадка? Неправильно, кроме того, сводить крупное культурное движение к одному только подъему церковной религиозности, тем более что в движении XIV—XV вв. большую роль играли противоцерковные еретические и близкие к еретичеству направления.³ Сам Р. Пиккио утверждает: «Возрождение славянского православия» в литературе представляет собой лингвистическое возрождение» (стр. 197), т. е. отмечает в культурном движении XIV—XV вв. светские элементы, элементы умственной жизни, не покрываемой понятием церковности.

Риккардо Пиккио принадлежит обширная и в целом весьма богатая материалом история древней русской литературы (R. Picchio. *Storia della letteratura russa antica*. Nuova Accademia editrice, 1959, 416 стр.). Одна из глав этой книги посвящена тому же возрождению православного славянства («*La rinascita slava ortodossa*»). В этой главе, помимо второго южнославянского влияния, рассматриваются «Задонщина», вся литература Москвы, Новгорода, Пскова, Твери, Смоленска, Муром, Рязани, даже «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Нельзя не видеть крайней искусственности такого построения.

Полемическая статья Р. Пиккио способствует достижению полной точности в изучении литературного движения XIV—XV вв., связанного с восточноевропейским предвозрождением. В этом ее существенная ценность.

³ См. об этом в работе: K. O n a s c h. Renaissance und Vorreformation in der Byzantinisch — slawischen Orthodoxie. — Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik, I. Berlin, 1957.

ХРОНИКА

**Научные заседания Сектора древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинского Дома)
Академии наук СССР в 1959 г.**

7 января. Доклад научного сотрудника ИРЛИ Ю. К. Бегунова «Время возникновения и идейное содержание „Слова о погибели Рускыя земли“». Напечатан (в переработанном виде) в т. XVI ТОДРА.

14 января. Доклад научного сотрудника Отдела редкой книги ГПБ В. И. Лукьяненко «Первые азбуки, напечатанные в Москве». Напечатан (в переработанном виде) в т. XVI ТОДРА.

28 января. Доклад научного сотрудника ИРЛИ Б. И. Дубенцова «Ответ на статью Д. Чижевского „Социальные вопросы в древнеславянских литературах“».

4 и 6 февраля. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «Впечатления от поездки по местам прежних болгарских столиц (Плиска, Преслав, Тырново)».

18 февраля. Доклад канд. истор. наук А. Л. Гольдберга «„Политика“ Юрия Крижанича и ее перевод на русский язык».

9 марта. Доклад канд. истор. наук И. У. Будовница (Москва) «О принципах составления „Словаря древнерусской письменности“».

11 марта. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «Отчет о научной командировке в Болгарию». Напечатан: ИОЛЯ, т. XVIII, 1959, вып. 5.

8 апреля. Доклад канд. истор. наук В. С. Люблинского «К пониманию происхождения гражданского шрифта». Напечатан в настоящем томе.

15 апреля. Доклад канд. филол. наук С. Н. Азбелева «К определению художественного метода древнерусской литературы». Напечатан: Русская литература, 1959, № 4.

22 апреля. Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «Проблема основных идеологических направлений конца XV—начала XVI в. в литературе». Печатается в «Zeitschrift für Slawistik».

28 апреля. Доклад акад. М. П. Алексеева «Азбуковники. К вопросу об их сложении и распространении».

29 апреля. Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой «О жанре повестей Петровского времени».

6 мая. Доклад аспиранта ИРЛИ А. М. Панченко «Проблематика изучения чешско-русских литературных взаимоотношений в XVII в.». Напечатан (в переработанном виде) в настоящем томе.

23 сентября. Отчет канд. филол. наук Л. А. Дмитриева и канд. истор. наук А. И. Копанева об археографической экспедиции в Карельскую АССР. Напечатан в настоящем томе.

Отчет научного сотрудника ИРЛИ Ю. К. Бегунова и аспиранта А. М. Панченко об археографической экспедиции в Коми АССР и Пермскую область. Напечатан в настоящем томе.

7 октября. Доклад канд. истор. наук Н. А. Казаковой «Васиан Патрикеев как писатель. (К вопросу о литературных традициях в публицистике XVI в.)».

21 октября. Доклад докт. филол. наук И. П. Еремина «Нестерово житие Феодосия Печерского». Напечатан в настоящем томе.

11 ноября. Доклад научного сотрудника ИРЛИ М. А. Салминой «„Повесть о зачале Москвы“ как литературный памятник». Напечатан (частично) в т. XVI ТОДРА.

23 ноября. Доклад канд. филол. наук С. Н. Азбелева «Отчет о научной командировке в Болгарию».

25 ноября. Доклад канд. истор. наук Р. П. Дмитриевой «Ранние редакции „Прения живота и смерти“. (По материалам изучения рукописей)».

9 декабря. Доклад докт. филол. наук П. Н. Беркова «Студенты-русские в немецких университетах в допетровское время». Печатается в Zeitschrift für slavische Philologie».

16 декабря. Доклад проф. В. В. Якубовского (Польша) «К истории старообрядческих поселений в Мазурском крае».

23 декабря. Доклад канд. филол. наук С. Н. Азбелева «Некоторые предварительные результаты текстологического изучения „Повести о падении Царьграда“». Напечатан (частично) в настоящем томе.

Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1959 г.

20 января. Обсуждение докторской диссертации научного сотрудника ИМЛИ О. А. Державиной на тему «Историческая повесть первой трети XVII в.».

27 февраля. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «„Девгениево деяние“ и византийская литература» на объединенном заседании группы и Сектора византиноведения Института истории АН СССР.

11 марта. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Работа Майкова над переводом „Слова о полку Игореве“».

1 апреля. Доклад докт. филол. наук Э. В. Померанцевой «Первые публикации русских сатирических сказок».

15 апреля. Доклад канд. филол. наук С. В. Калачевой «Рукописная традиция и так называемая 9-я сатира Кантемира».

22 апреля. Доклад канд. истор. наук В. И. Буганова «Новая повесть о стрелецком бунте 1682 г.».

12 мая. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Литературные музеи Праги».

10 июня. Доклад Ю. Б. Симченко «Политические вирши Т. Анкидинова — одного из самозванцев XVII в.».

15 октября. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона «Вопросы комментирования „Жития“ протопопа Аввакума» на заседании Отдела русской литературы ИМЛИ.

29 октября. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой «Жанровые и исторические сцены в миниатюрах лицевого свода второй половины XVI в.» на объединенном заседании группы и Института истории искусств АН СССР.

18 ноября. Обсуждение сообщения канд. филол. наук В. Ф. Дубровиной «Греческие параллели в издании Изборника Святослава 1076 г.» на объединенном заседании группы и Института русского языка (группы по изданию памятников) АН СССР.

24 ноября. Доклад научных сотрудников ГИМ Т. Н. Протасьевой и М. М. Лосевой-Постниковой «Евангелие Успенского собора как памятник миниатюры и прикладного искусства XV в.» на объединенном заседании группы и Института истории искусств АН СССР.

1 декабря. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой «Батальные сцены в миниатюрах лицевого летописного свода второй половины XVI в.» на объединенном заседании группы и Института истории искусств АН СССР.

3 декабря. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Литературная история повести о царице Персике» на заседании Отдела русской литературы ИМЛИ.

9 декабря. Доклад докт. филол. наук О. А. Державиной «Польские издания „Великого Зерцала“ и его русские списки».

16 декабря. Доклад докт. искусствоведения М. А. Ильина «Идейно-художественные основы каменного зодчества конца XVII в.».

--- --

Много и весьма плодотворно работал В. Ф. Ржига над изучением «Слова о полку Игореве». Работа эта началась с 1925 г. и продолжалась до самой его смерти. Им были написаны статьи о композиции «Слова», о проблеме его стихосложения, о гармонии языка «Слова», о «Слове» и древнерусском язычестве, об авторе «Слова», о восточных элементах в «Слове» и несколько статей, посвященных толкованию отдельных загадочных мест «Слова», и др. В 1934 г. под редакцией В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго в издательстве «Academia» был напечатан текст «Слова» в сопровождении перевода на современный русский язык и комментария, принадлежащих обоим редакторам. В этом же издании помещена статья В. Ф. Ржиги «„Слово о полку Игореве“ как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века», которая по своему содержанию, изяществу изложения и тонкости наблюдений над поэтической природой памятника является одной из лучших статей о нем за последние десятилетия. В ближайшее время выходит сборник, содержащий главным образом прозаические и художественные переводы «Слова» на современный русский язык, выполненные при активном участии В. Ф. Ржиги.

В связи со «Словом о полку Игореве» В. Ф. Ржига обратился к изучению «Задонщины». Ему принадлежит несколько работ, посвященных этому памятнику: исследования о нем, переводы его и летописной повести о Куликовской битве на современный русский язык, комментарии (1947, 1959).

Большого внимания заслуживают работы В. Ф. Ржиги по истории русской повести XVII в. Таковы его статьи: «Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском» (1928), «Из истории повести (о повести о Тверском Отроче монастыре)» (1928), «Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе» (1931). Все эти три повести изучаются автором в связи с русским устным поэтическим творчеством. Особому изучению последнего В. Ф. Ржигой посвящены статьи «О Чуриле Пленковиче» (1924), «Стих о нищей братии» (1926), «Микула Селянинович» (1929).

В. Ф. Ржига одним из первых заинтересовался крестьянским литературным творчеством в XVIII в. Сюда относятся его публикации: «Первые начатки крестьянской литературы в XVIII в.» (1931) и «Крестьянские повести XVIII в.» (1933).

К истории русской литературы XIX в. относятся статьи В. Ф. Ржиги «Пушкин и мемуары m-me de Staël о России» (1914) и «„Тень друга“ К. Н. Батюшкова» (1931).

И как педагог, и как исследователь В. Ф. Ржига оставил по себе добрую память. Студентам и аспирантам, учившимся под его руководством, он сумел привить интерес к своей дисциплине и навыки серьезной научной работы. Его собственные труды, особенно значительные в области древней русской литературы, отличаются прекрасным знанием материала, умением его разыскивать и уважительным отношением к фактам, не позволяющим делать выводов и заключений, не подкрепленных убедительными свидетельствами источников. Наука о древней русской литературе в лице В. Ф. Ржиги имела своего достойного представителя.

Хронологический список трудов Вячеслава Федоровича Ржиги

1. Письмо из Дрездена о постановке в берлинском Малом театре пьесы А. М. Горького «На дне», опубликованное в заметке: «На дне» («Nachtsyl») в Берлине (Волгарь, Нижний Новгород. 1903, 25 августа, № 231, стр. 3).

Н. К. ГУДЗИЙ

В. Ф. Ржига

(НЕКРОЛОГ)

18 июля 1960 г., на 77-м году, скончался доктор филологических наук профессор Вячеслав Федорович Ржига, один из виднейших исследователей древнерусской литературы. Родился В. Ф. Ржига 29 сентября 1883 г. в семье учителя средней школы, автора работ по грамматике русского языка. В 1902 г., по окончании гимназии в Нижнем Новгороде с золотой медалью, он поступил на Историко-филологический факультет Московского университета, который окончил по словесному отделению факультета в 1907 г. с дипломом первой степени и золотой медалью за сочинение «И. С. Пересветов — публицист XVI века». Будучи оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской литературы и русского языка, он работал под руководством М. И. Сперанского (в студенческие годы его учителем был М. И. Соколов, скончавшийся в 1906 г.). С 1909 по 1919 г. В. Ф. Ржига преподавал в средних школах Москвы. В 1911 г. участвовал в основании Общества истории литературы при Московском университете и в течение нескольких лет был секретарем общества. В 1911—1913 гг. выдержал экзамены на степень магистра и в 1914 г. вступил в число приват-доцентов Московского университета. Тогда же был приглашен преподавателем на Московские высшие женские курсы. В дальнейшем В. Ф. Ржига вел преподавательскую работу, кроме Московского университета, также в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (в обоих этих вузах он преподавал до конца жизни), в Ташкентском и Сталинабадском педагогическом институте; кроме лекций по истории русской литературы, читал также лекции по фольклору. В течение десяти лет, с 1921 по 1931 г., В. Ф. Ржига вел работу в качестве научного сотрудника первого разряда в Научно-исследовательском институте языка и литературы (РАНИОН) и состоял там секретарем секции русской литературы. В течение длительного времени он являлся научным сотрудником Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Публикации научных работ В. Ф. Ржиги начались с 1908 г., когда была напечатана его студенческая медальная работа о Пересветове с приложением сборника его сочинений. В течение долгого времени эта работа, появившаяся на страницах «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», являлась одной из основных о Пересветове. В 1911 г. в дополнение к этой работе была напечатана статья В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов и западная культурная среда». Русской публицистике XVI в. посвящены и две обширные публикации В. Ф. Ржиги с привлечением новых материалов — «Литературная деятельность Ермолая-Еразма» (1927) и «Опыты по истории русской публицистики» (1934).

Вячеслав Федорович Ржига.

1907

2. Четыре духовных стиха, записанных от калик Нижегородской и Костромской губ. — Этнографическое обозрение, кн. 72—73. М., 1907, стр. 63—70.

1908

3. И. С. Пересветов, публицист XVI в. (с приложением сборника его сочинений). — ЧОИДР, кн. I. М., 1908, стр. 1—84.

1910

4. Мтицы. (Забава-сложение). — Этнографическое обозрение, кн. 83. М., 1910, стр. 100—103.

1911

5. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. — ИОРЯС, т. XVI, 1911, кн. 3, стр. 169—181.

1912

6. Письмо в редакцию. — Русский филологический вестник, №№ 1—2. Варшава, 1912, стр. 363.

1913

7. Отчет В. Ф. Ржиги о его научных работах. — Отчет о деятельности ОРЯС за 1913 г. СПб., 1913, стр. 12—13.

1914

8. Отчет о научных занятиях приват-доцента В. Ф. Ржиги. — Отчет о деятельности ОРЯС за 1914 г. Пгр., 1914, стр. 99—100.

1915

9. Общество истории литературы в Москве, 1911—1914. — В кн.: Беседы. Сборники общества истории литературы в Москве, т. 1. М., 1915, стр. 1—93.

Обзор деятельности общества и протоколы заседаний.

10. Пушкин и мемуары m-me de Staël о России. — ИОРЯС, т. XIX, 1915, кн. 2, стр. 47—67.

1916

11. Кто был монах Эразм? — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 5—12.

Рецензии

12. В. С. Иконников. Максим Грек и его время, изд. 2. Киев, 1915, 604 стр. — В кн.: Голос минувшего. М., 1916, № 2, стр. 294—298.

1924

13. О Чуриле Пленковиче. — ИОРЯС, т. XXVIII, 1924, стр. 75—84.
14. Разиновщина и раскол. — В кн.: Нижегородский краеведческий сборник, т. 1 (с приложением карты новой Нижегородской губернии).

Нижний Новгород, 1924 (Труды Нижегородского педагогического института), стр. 115—135.

1925

15. Композиция «Слова о полку Игореве». — *Slavia*, гоґ. 4, сеґ. 1. Praha, 1925, стр. 44—62.
16. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — Доклады Российской Академии наук, серия «В», январь—март. Л., 1925, стр. 1—4.

1926

17. Гармонія мови «Слова о полку Ігоревім». — Україна. Київ, 1926, кн. 4, стр. 24—34.
18. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, вып. 33 (1923—1925). Л., 1926, стр. 103—200.
19. Стих о нищей братии. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 177—188.
20. Ярослав Осмомисл в «Слові о полку Ігоревім». — Науковий збірник за рік 1926. Записки Українського наукового товариства в Києві, тепер Історичної секції УАН, т. XXI, 1926, стр. 34—37.

1927

21. До тексту Слова о полку Игореве. — Науковий збірник за рік 1927. Записки Українського наукового товариства в Києві, тепер Історичної секції УАН, т. XXVI, 1927, стр. 12—13.
22. Проблема стихосложения «Слова о полку Игореве». — *Slavia*, гоґ. 6, сеґ. 2—3. Praha, 1927, стр. 352—379.

Рецензии

23. В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926. — Україна. Київ, 1927, кн. 3, стр. 180—183.
24. Володимир Перетц. Слово о полку Ігоревім. Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Києві, 1926. — Там же, стр. 177—180.

1928

25. Из истории повести. — Известия Тверского педагогического института, вып. IV. Тверь, 1928, стр. 97—117.
26. К вопросу о западном влиянии в русской литературе первой половины XVI века. — В кн.: Юбилейний збірник на пошану академіка М. С. Грушевського, ч. Історично-літературна. У Києві, 1928, стр. 722—728.
27. Новый вариант сказания о Лоте. — ИПОРЯС, т. I, 1928, кн. 2, стр. 499—506.
28. Обзор деятельности Института языковедения и истории литературы 1921—1927 гг. Секция Русской литературы и языка. — Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН, т. II. М., 1928, стр. 181—192.
29. Повесть и песни о кн. Михаиле Скопине-Шуйском. — СОРЯС, т. CI, 1928, кн. 3, стр. 87—90.
30. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. — ИПОРЯС, т. I, 1928, кн. 1, стр. 81—133.

1929

31. Боярин-западник XVI века (Ф. И. Карпов). — Ученые записки Института истории РАНИОН, т. IV. М., 1929, стр. 39—48.
32. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». — Известия АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 10, стр. 807—816.
33. Микула Селянинович. — ИпоРЯС, т. II, 1929, кн. 2, стр. 444—456.
34. Очерки по истории быта домонгольской Руси. — Труды Гос. исторического музея, вып. 5. М., 1929, 100 стр.

1930

35. Новая версия легенды о земном рае. — *Byzantinoslavica*, гоѣ. II. Praha, 1930, стр. 374—385.

1931

36. Первые начатки крестьянской литературы. — Земля советская. М.—Л., 1931, кн. 7, стр. 88—92.
37. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе. — *Slavia*, гоѣ. X, seѣ. 1. Praha, 1931, стр. 40—66; seѣ. 2, Praha, 1931, стр. 288—315.
38. «Тень друга» К. Н. Батюшкова. — В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, стр. 239—241.

1932

39. О тканях домонгольской Руси. — *Byzantinoslavica*, гоѣ. IV. Praha, 1932, стр. 399—417.

1933

40. De l'évolution des pièces mobiles dans les bylines. — *Revue des études slaves*, t. XIII, fasc. 3 et 4. Paris, 1933, стр. 213—239.
41. Крестьянские повести XVIII в. — В кн.: Литературное наследство. XVIII век. М., 1933, № 9—10, стр. 99—105.

1934

42. Кто перевел краткую повесть о взятии Константинополя турками? — *Slavia*, гоѣ. XIII, seѣ. 1. Praha, 1934, стр. 105—108.
43. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 103—112.
44. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 5—120.
45. «Слово о полку Игореве». Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. Редакция и вступительная статья В. Невского. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, 305 стр.

На стр. 157—178 статья «„Слово о полку Игореве“ как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века».

46. «Слово о полку Игореве» и древнерусское язычество. — *Slavia*, гоѣ. 12, seѣ. 3—4. Praha, 1933—1934, стр. 422—433.

47. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Древнерусский текст, писан и иллюстрирован Иваном Голиковым. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, 49 стр.

Подготовка текста к печати совместно с С. Шамбинаго.

1935

48. Краткий курс фольклора (для заочников Института повышения квалификации педагогов). Ташкент, 1935 (второе издание переработанное и дополненное: Ташкент, 1936).

1939

49. Введение в изучение фольклора. (Конспект курса лекций для аспирантов). Ташкент, 1939 (Аспирантура языка и литературы при Таджикском учительском институте им. А. М. Горького). На правах рукописи.

1946

50. Слово Софония рязанца о Куликовской битве. — Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, вып. I. М., 1946, стр. 37—38.

1947

51. Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. Гослитмузей, 1947, стр. 169—189.
52. Из очерков о «Слове о полку Игореве». — Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, вып. III. М., 1947, стр. 71—75.
53. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. исторического музея XVI в. — Ученые записки Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В. И. Ленина, т. XLIII, Кафедра русской литературы. М., 1947. 99 стр.

1948

54. Программа курса «Древняя русская литература (XI—XVII вв.)». (Для исторических факультетов государственных университетов). Изд. МГУ, М., 1948, 7 стр.
55. Программа по курсу «Русская литература XVIII в.». (Для исторических факультетов государственных университетов). Изд. МГУ, М., 1948, 8 стр.

1949

56. Программа курса «Древняя русская литература (XI—XVII вв.)». (Для факультетов языка и литературы педагогических институтов). Киев, 1949. 12 стр.

1950

57. Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве»: что такое «въ стазби?». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 188—191.

1952

58. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИЮЛЯ, т. XI, 1952, вып. 5, стр. 428—438.

1953

59. Член-корреспондент АН СССР Д. И. Абрамович. (К 80-летию со дня рождения). — ИЮЛЯ, т. XII, 1953, вып. 5, стр. 481.

1956

60. Страница из воспоминаний об А. П. Чехове. Творчество А. П. Чехова. Сборник статей. Пособие для учителя. М., 1956, стр. 377—380.

1957

61. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 429—436.

1958

62. Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки). — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 538—544.

1959

63. Летописная повесть о побоище на Дону. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржиги, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 227—242.

Перевод. Примечания в соавторстве с М. Н. Тихомировым.

64. О Софонии рязанце. — Там же, стр. 401—405.
65. Слово Софония рязанца (Задонщина). — Там же, стр. 211—226.

Перевод. Примечания в соавторстве с М. Н. Тихомировым.

66. Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. — Там же, стр. 377—400.

Неопубликованные материалы

67. Вопрос об авторе «Слова о полку Игореве» [доклад, прочитанный 10 октября 1951 г. в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР на совещании по обсуждению переводов «Слова о полку Игореве»].
68. Итоги изучения древней русской литературы за 30 лет (доклад на научной конференции факультетов русского языка и литературы МГПИ им. В. И. Ленина 12 ноября 1947 г.).
69. Как читать лекции по древней русской литературе? (доклад на заседании кафедры русской литературы МГПИ им. В. И. Ленина 12 июля 1945 г.).

70. К проблеме генезиса древней русской литературы.
  71. Новейшая литература по «Слову о полку Игореве» (доклад, прочитанный весной 1936 г. в Ташкентском педагогическом институте).
  72. Новое письмо Третьяка Васильева.
  73. О научных трудах проф. С. К. Шамбинаго (доклад в МГПИ им. В. П. Потемкина 13 октября 1945 г.).
  74. Отзыв о книге «История русской литературы (т. II, ч. 1. Изд. АН СССР. М.—Л., 1945)» (доклад на заседании кафедры русской литературы МГПИ им. В. И. Ленина в 1946 г.).
  75. Памяти проф. Н. П. Сидорова (доклад на заседании кафедры русской литературы МГПИ им. В. П. Потемкина 28 декабря 1948 г.).
  76. Повесть о Горе и Злочастии (доклад на заседании кафедры русской литературы МГПИ им. В. И. Ленина 7 октября 1940 г.).
  77. Повесть о зачатии Тверского Отроча монастыря.
  78. Пословицы и поговорки в письмах Пушкина.
  79. Пушкин и восточная поэзия.
  80. Русская литература в Московском университете во второй половине 50-х годов XVIII в. Первый профессор Московского университета Н. Н. Поповский (доклад на заседании кафедры истории русской литературы Филологического факультета МГУ 23 апреля 1954 г.).
  81. «Слово о полку Игореве». Коллектив авторов с участием проф. В. Ф. Ржиги (готовится к печати Гослитиздатом).
  82. Старинные русские пародии.
  83. Фольклор и литература (публичная лекция, прочитанная в Союзе Советских Писателей Узбекистана 11 апреля 1935 г.).
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные ... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР.
 Брикe — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минер Четин, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 Н5Л — Общество любителей древней письменности.
 ОЛДП — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ОЛЯ — Повесть временных лет.
 ПВЛ — Памятники древней письменности.
 ПДП — Памятники древней письменности и искусства.
 ПДПИ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 П1Л, П2Л, П3Л — Полное собрание русских летописей.
 ПСРА — Русская историческая библиотека.
 РИБ — Собрание государственных грамот и договоров.
 СГД

- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге ... М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ
В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

1. Рукописи должны представляться в 3 экземплярах, отпечатанных на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошная по всей статье.
  2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения в корректуру могут вноситься только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми данными в науке.
  3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.
  4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: инициалы и фамилию автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журналов), год издания, страницы.
  5. При повторном упоминании работы в тексте или сносках дается сокращенное ее название. Сокращение «ук. соч.» не допускается.
  6. В тексте статей необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. XIV.
  7. Представляемые тексты памятников должны быть тщательно выверены по оригиналу и оформлены согласно правилам, опубликованным в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы» (стр. 494—498).
  8. Фотографии представляются в 2 экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводятся: подпись к каждой иллюстрации, местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер (для рукописей и изданий дополнительно номера листов).
-

ПОПРАВКА К СТАТЬЕ В. П. ЗУБОВА «К ИСТОРИИ РУССКОГО ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА КОНЦА XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (РУССКАЯ ЛЮЛИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ)» (ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960)

На стр. 303 (страница эта не была прислана мне в корректуре для правки) искажена схема «логического квадрата». Эта схема должна в действительности иметь следующий вид:

Иными словами, вся верхняя часть схемы в печатном тексте срезана. Внизу в обоих случаях написано: «есть». Надписи по диагонали сделаны «вверх ногами».

В. П. Зубов.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

	Стр.
Д. С. Лихачев (Ленинград). Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения)	5
Д. С. Лихачев (Ленинград). Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы	17
Н. Н. Розов (Ленинград). Рукописная традиция «Слова о законе и благодати».	42
И. П. Еремин (Ленинград). К характеристике Нестора как писателя	54
С. И. Котков (Москва). Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»	65
Б. В. Сапунов (Ленинград). Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» .	75
А. В. Соловьев (Женева). Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»	85
Б. Н. Путилов (Ленинград). Куликовская битва в фольклоре	107
Я. С. Лурье (Ленинград). Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.	130
Н. А. Казакова (Ленинград). Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина	169
А. И. Клибанов и В. И. Корецкий (Москва). Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину	201
Г. И. Коляда (Ташкент). Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву	225
Д. Н. Альшиц (Ленинград). Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина	255
М. А. Салмина (Ленинград). «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник	272
Н. С. Сарафанова (Ленинград). «Прение верного инока с отступником». (Из истории старообрядческой литературы XVII в.)	281
Г. Н. Моисеева (Ленинград). «История о французском шляхтиче Александре»	290

Материалы и сообщения

Б. В. Сапунов (Ленинград). «Тисовая кровать Святослава». (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»)	323
Н. В. Шарлемань (Киев). Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»?	327
В. А. Колочнев (Владимир). Обличение княжеских междоусобий в поучениях Серрапиона Владимирского	329
С. Н. Азбелев (Ленинград). К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками	334

В. И. Тагунова (Муром). К вопросу о появлении культа Петра и Февронии Муромских в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции	338
Р. П. Дмитриева (Ленинград). К истории создания «Сказания о князьях владимирских»	342
Ю. К. Бегунов (Ленинград). К вопросу об изучении Жития Александра Невского	348
Н. А. Казакова (Ленинград). «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв.	358
А. И. Семенов (Новгород). Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания	369
М. В. Кукушкина (Ленинград). Новая повесть о событиях начала XVII в.	374
О. А. Белоброва (Загорск). Автограф Дионисия Зобниновского	388
И. Ф. Голубев (Калинин). Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в.	391
В. И. Тагунова (Муром). Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской»	414
А. В. Позднеев (Москва). Никоновская школа песенной поэзии	419
А. И. Мазуин (Чкаловск). Об одной переработке Жития боярыни Морозовой	429
М. Д. Каган (Ленинград). «Вирши об обороне Чигирина от турок»	435
В. Г. Брюсова (Кострома). Холмогорский летописец и художник XVII в. (Об одном из авторов Двинской летописи)	445
Л. В. Черепнин (Москва). Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции	454
А. В. Флоровский (Прага). Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г.	482
А. Э. Жаворонков (Новгород). Летописная книга о Тобольске	495
В. Г. Смолницкий и Т. А. Тургенева (Москва). Четыре произведения народной сатиры	500
А. Н. Робинсон (Москва). Незданная поэма М. А. Волошина о Епифании	512
В. С. Люблинский (Ленинград). К пониманию генезиса гражданского письма	520

По рукописным собраниям

(печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев (Ленинград). Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г.	531
Ю. К. Бегунов (Ленинград), А. С. Демин (Баку) и А. М. Панченко (Ленинград). Отчет об археографической экспедиции в верховья Печоры и Колвы в 1959 г.	545
А. М. Панченко (Ленинград). Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области	558
В. И. Малышев (Ленинград). Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания	561
И. Ф. Голубев (Калинин). Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института им. М. И. Калинина	605
Ю. К. Бегунов (Ленинград), А. С. Демин (Баку) и А. М. Панченко (Ленинград). Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина	608
М. И. Матасов (Буй). Рукописные материалы Буйского краеведческого музея Костромской области	616
Н. В. Геппенер (Киев). Отрывок пергаменного молитвенника кирилловского письма конца XIII в. (Из находок в старых переплетах)	618

Критика и библиография

Л. М. Костюхина (Москва). Хронологический список трудов Александра Денисовича Седельникова	627
М. Д. Каган и Я. С. Лурье (Ленинград). «Московский период» в «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена	629
А. М. Панченко (Ленинград). Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в.	640
Е. И. Боброва (Ленинград). Вопросы текстологии в современной итальянской науке	653

Заметки

Д. С. Лихачев (Ленинград). Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио	675
---	-----

Хроника

Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1959 г.	681
Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1959 г.	683
Н. К. Гудзий. В. Ф. Ржига. (Некролог)	685
Список сокращений	693
К сведению авторов, присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	695

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
45	22 снизу	другом	других
47	1 "	И. И. Срезневским	В. И. Срезневским
137	Рис. 4, подпись	л. 404	л. 484
155	14 снизу	U. Durant).	U. Durand), t. V.
155	15 "	historicum	historicorum
155	" "	Marten	Martène
273	16 снизу	предисловиями	предисловия
274	26 сверху	посла	после
276	25 "	„романтическая	„романическая
277	2 "	правую“).	прввую“).
279	14 снизу	„вякими	„всякими
285	15—16 "	порodelся	породился
287	22 сверху	отступни	отступника
287	11 снизу	Отступни	Отступник
287	6 "	ежа	еже
337	9 "	В. Г. Геймана и В. И. Малышева.	В. И. Малышева.
344	1 сверху	съезда	създа
354	9 "	молится	молитися
492	4 снизу	efiam	etiam
493	16 сверху	collumella	columella
494	10 "	arосо ата	arосората
494	2 снизу	singulati,	singulari,
494	3 "	Atteadi	Attendi
522	16—17 сверху	почерка в заголовках	почерка, в заголовках
527	19 "	времени и I). ¹⁰	времени и f). ¹⁰
633	26 снизу	не ранее	не позднее